

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2025. 20(2)
АМЕРИКАНСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Учредитель и издатель –
Cherkas Global University, США

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Редакционный совет:

А. А. Черкасов (г. Вашингтон, США)
гл. редактор – д-р ист. наук

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервилль, США)

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Адрес для писем:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Подписано в печать 01.06.2025 г.

Заказ № 84.

Тел.: +1 202 8437792 (США)

E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Сайт журнала: <https://bg.cherkasgu.press>

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай II, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2025. 20(2)
AMERICAN HISTORICAL JOURNAL

Publisher –
Cherkas Global University, USA

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index

Postal Address:
1717 N Street NW, Suite 1, Washington,
District of Columbia, USA 20036

Тел.: +1 202 8437792 (USA)
E-mail: bg.editor@cherkasgu.press
Website: <https://bg.cherkasgu.press>

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Editorial Board:

A. A. CHERKASOV (WASHINGTON, USA)
Editor in Chief – Dr. (History)

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

P. JOSEPHSON (WATERVILLE, USA)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

Approved for printing 06/01/2025

Order № 84.

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:
Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas II is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo “Views of the Russian Empire”

CONTENTS

ARTICLES

The Cossack Uprising of 1625 in Modern Historiography I.Yu. Cherkasova, L.A. Koroleva, V.S. Nikitina	516
The Art of Diplomacy in European Ceremonies of the XVII-XIX centuries O.Y. Zakharova, S.I. Degtyarev, N.A. Kotelnitsky	524
Russian Freemasonry from Peter I to Nicholas II: a Historical Sketch A.M. Mamadaliev	532
The Cult of Holy Places and the Pilgrimage To Them as a Sign of Religious Identity of Kazakh Nomads G.A. Alpyspaeva, R.O. Tuxaitova, S.A. Bagdatova, K.M. Ilyassova	540
The Strategy of the Russian Empire's Expansion: the Case of the Irtysh Military Line Y.M. Toraygyrov, B.S. Abenova, D.K. Abenov	548
Genesis of State and Legal Policy in Relation to the Resorts of the Caucasian Mineral Waters in the Russian Empire E.S. Navasardova, R.V. Nutrikhin, K.V. Svidlova, D.O. Burkin	567
Key Stages in the Formation and Development of Legal Education and the Legal Profession in the Russian Empire I.S. Denisov, M.Sh. Shamilov, R.M. Allalyev	577
The Palace Coup of 1725: Some Historical Aspects I.A. Gordeev, E.V. Kultishova, K.P. Peregudova, N.V. Grigorieva	587
The Role of Sultan Abulfeis in Kazakh-Kyrgyz Relations in the second half of the XVIII century: between the Russian and Qing Empires B.S. Sarsenbayev, Z.Y. Kabuldinov, D.A. Chernienko	597
The Custom of Horse Stealing among the Tatars-Mishars of Mordovia in the 18th – 19th centuries: Historical and Legal Aspects L.N. Shchankina, O.V. Egorova	608
Kazakhs and Kazakh Steppe in the mirror of Kalmyk Historiography of a Dusty Campaign E.M. Uzhkenov, G.A. Shotanova	620
The Community as a Subject of Customary Law among the Perm Peoples in the 18th–19th centuries O.A. Plotskaya, Ch.K. Botoeva, N.S. Grudinin, D.A. Shiriyov	632
Arungazy Abulgaziev: An Unrecognized Kazakh Khan by the Russian Empire G.B. Izbassarova, N.K-M. Khaji-Mukhan	641
Development of Cattle Breeding in Kazakhstan in the 18th – early 20th centuries A.T. Abdulina, Z.E. Kabuldinov, M.T. Moryakova	654
Protection of the Population of the Orenburg Borderlands of the Russian Empire Against Slave Raiding in 1801–1831. Part II A.Yu. Peretyatko	667
The Kabardian Society in the 19th – early 20th centuries: Challenges of Adapting to Urbanized Space O.A. Zhansitov, Yu.V. Bunkova	678

From Watchman to Salesman: Daily Employment and Labor Activity of Military Invalids in 1808–1908 (Using the Example of Western Siberia) A.S. Kovalev, N.R. Novosel'tsev, D.V. Rakhinsky, O.I. Savin	689
Sunzhensky Cordon and the Advanced Chechen Line in Military-Political Subordination and Cossack Colonization of the Eastern Caucasus A.A. Gazieva, M.M. Vagabov	701
The Policy of the Russian Empire on Managing the Cossacks and Highlanders in the 19th century E.A. Avdeev, A.M. Erokhin, S.M. Vorobev, S.N. Bredikhin	710
The Development of Representative Organizations for Supporting Entrepreneurship in the Yenisei Province in the 19th – early 20th centuries N.R. Novoseltsev, N.N. Ravochkin, E.P. Mamyisheva, A.S. Kovalev	721
Codification of the Customary Law of the Nomadic Peoples of Eastern Siberia in the 19th century V.V. Naumkina, T.V. Vorotilina, Ju.V. Nikolaeva, A.V. Plotnikova	730
To the Question of Illegal Actions of Some County Officials of the Steppe Regions on the Territory of Modern Kazakhstan (second half of the XIX – early XX centuries) Z.T. Sadvokassova, A.T. Akhmetzhanova, G.K. Mukanova, A.R. Beisembayeva	740
The Roles of the Kazakh Elder Sultans in the Governance Structure of the Russian Empire (XIX century) K.A. Yensenov, R.R. Ospanova, B.Sh. Shurshitbay, B.B. Aktailak	751
To the 200th Anniversary of the Decembrist Uprising: an Overview of Personal Materials G. Rajović, S.N. Bratanovskii, A.Y. Epifanov, I.N. Kuksin	762
Rare Publications from the American Masonic Order of Knights Templar (first half of the 19th century) A. Cherkas	775
“Own Foreigners” in the Imperial Project of Colonial Mediation in the Eastern Suburbs of Russia in the mid XIX – early XX centuries B.S. Tokmurzayev, M.K. Churkin, U.K. Zhangaliev, S.D. Mamraimov	780
The Crimean War and the Russian Arctic: the Fate of the Population of the Town of Kola after the English Bombing on August 11, 1854 P.V. Fedorov, E.Yu. Tereshchenko	791
Cases of the Insult of Majesty: Possibilities of the Quantitative Analysis in the Context of Modernization Theory (Material from the Tambov Province of the second half of the 19 th century) K.V. Samokhin	802
The Influence of Hegelianism on the Russian Intelligentsia and the Development of Socio-Political Thought of Russia in the 19th century T.V. Gryaznukhina, A.G. Gryaznukhin	812
Northern Kyrgyzstan as a National Borderland of the Russian Empire in the Context of Decolonization Discourse of the late 19th – early 20th centuries Sh.Zh. Batyrbayeva, G.Zh. Mukazhanova, E.N. Lotorev, N.V. Vilskaia	824
To the Issue of the Activities of the Sochi Horticultural and Agricultural Experimental Station in the second half of the 19th century K.V. Taran	837

Imperial Narrative in the Discourse of Tashkent in the second half of the XIX – early XX centuries S.M. Matkarimova, Sh.K. Yusupov, Yu.K. Yuuldashev, N.X. Botirova	844
State and Administrative Views of the Governors of the Russian Empire on Issues of Managing the Kazakh Nomadic Population (based on materials from the Turgai Region) A. Bimoldanova, R. Bekmagambetov, M. Bekmagambetova, V. Sherniyazova	854
Socio-Cultural Aspects of the Program of the Newspaper “Terskiye Vedomosti” P.A. Kuzminov, A.A. Zhurtova, F.B. Shakhaliyeva, L.R. Gaunova	866
“The Ili Problem” in the Context of the Turkestan Governorate-General's Policy S.I. Gabrielyan, D.J. Urakov, B.B. Khaynazarov, G.K. Otambaeva	880
To the Issue of the St. Petersburg Treaty of 1875 between Russia and Japan: on the 150th Anniversary of Its Signing O.E. Chuikov, M.G. Smirnov, V.E. Batyukova, K.A. Zarubina	893
Problems of Transport Communication and Tariff Regulation in the Economic Development of Siberia in the late 19th – early 20th centuries E.A. Akhtamov, T.V. Izluchenko, D.N. Gergilev, L.V. Belgorodskaya	902
The Volga-Caspian Transport Corridor in the Freight Transportation System of the Russian Empire in the second half of the 19 th – at the early 20 th centuries Yu.G. Eshchenko, S.V. Vinogradov, N.I. Kulakova	911
“An Exercise in Articulating Public Opinion”: the Image and Activities of the State Duma of Russia at the beginning of the XXth century in the Assessment of Foreign Historical Literature and Its Authors D.V. Shchukin, O.G. Nekrylova	922
Askhabad School of Horticulture, Horticulture and Sericulture in the context of the Educational Policy of the Russian Empire I.I. Aminov	931
Accounting Documentation for the Reconstruction of Information on Ship Construction Using the Example of the Votkinsk Plant on 1881–1890 N.W. Mitiukov, Yu.L. Kim, I.Yu. Cherkasova	941
Penza Kiselevskaya Poorhouse: History and Social Significance (the second half of the 19th – early 20th centuries) O.V. Kolpakova, N.A. Koblova	952
Alikhan Bukeikhan's Activities in the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society M.M. Kozybayeva, S.K.A. Zhussip, Kh.B. Maslov, I.M. Saidov	960
Professional and Social Activities of Kazakh Employees of the Orenburg Region in the second half of the XIX – early XX centuries A. Aitmukhambetov, S. Ismailov, T. Zhandauletov, S. Simonov	968
Modernization Projects of the Russian Empire on the Roof of the World (late 19th – early 20th centuries) A.G. Kholliyev, O.A. Makhmudov, S.I. Gabrielyan, S.N. Madyarova	980
A. Baitursynov Educational Activities in Aul Schools of Kustanay District in Turgay Region A. Absadyk, O. Issenov, Zh. Shaukenov, B. Kapalbek	991
To the Issue of the Causes of Russia's Defeat in the Russian-Japanese War and the Search for Those Responsible A.A. Androsov	1001

Central Newspapers of the Russian Empire as Heralds of Public Opinion
on the German-English Relations in 1912

S.N. Sinegubov, S.P. Shilov 1015

The Defense of the Osovets Fortress (1914–1915) in Modern Historiography:
A Historical Sketch

A.A. Baibarin, S.B. Zinkovskii, E.G. Khrushchev, V.Y. Malakhova 1027

Activities of the Imperial Moscow Archaeological Society for the Protection
of Monuments during the First World War (Based on Archival Materials)

Yu.G. Kokorina 1037

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 516-523
DOI: 10.13187/bg.2025.2.516

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

ARTICLES

The Cossack Uprising of 1625 in Modern Historiography

Irina Yu. Cherkasova ^{a, b, *}, Larisa A. Koroleva ^c, Valentina S. Nikitina ^d

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^d Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

This historiographical study is devoted to the Cossack uprising of 1625 under the leadership of Mark Zhmailo and is dedicated to its 400th anniversary. The material of the work was the works in which this uprising is mentioned, the main research methods were the method of historiographical analysis and the method of classification.

The authors divided the historiography of the uprising into categories: works devoted directly to the uprising; comprehensive works on history, including textbooks; works on the history of the Cossacks; and studies on religious topics, which describe the Zhmailo uprising.

There are relatively few studies directly related to the uprising, which is explained by the narrowness of the source base, as well as the subject of the study; the uprising was short-lived and did not entail any serious political results. Among the works directly examining the uprising of 1625, we note the articles by B.N. Florey, T.R. Kovalets, K.A. Kochegarov, and others. There is no fundamental research on this issue.

The most numerous is the category of works on the history of the Cossacks. In many of them, the Zhmailo uprising is described with varying degrees of detail, but invariably in the context of gaining independence, unwillingness to live as part of the Polish–Lithuanian Commonwealth and the desire to reunite with Russia. This category of works (from modern ones) includes the research of I.Y. Vasiliev, I.Y. Erokhin, S.V. Rybakov, E.P. Savelyev, A.V. Sopov, Yu.R. Fedorovsky, P.T. Firov, V.Y. Sharovatova, T.R. Kovalets, Yu.M. Nikolchenko, T.M. Nikolchenko, V.I. Sergiychuk, A.L. Stanislavsky et al.

Information about the uprising is also contained in textbooks, in particular, by such authors as A.S. Orlov, V.A. Georgiev, N.G. Georgieva, T.A. Sivokhina, A.N. Sakharov, V.I. Semenenko, L.A. Radchenko, and others, as well as in comprehensive monographs on the history of Russia or Ukraine (for example, such researchers as A.V. Voronyansky, L. Gaidai, A.N. Dolgikh, D.A. Levchik, A.I. Rigelman, A.V. Guschin, A.S. Levchenkov, E.A. Kosovan, etc.).

Keywords: uprising of 1625, Mark Zhmailo-Kul'chitskii, Polish-Lithuanian Commonwealth, Cossacks, Zaporizhian Sich, Kurukovsky Treaty.

1. Введение

В этом году исполняется 400 лет с момента восстания казаков Запорожской Сечи под руководством гетмана Павла Измаила¹ (Марко Жмайло-Кульчицкого). Предысторией этого восстания

* Corresponding author

E-mail addresses: Cherkasovairina42@gmail.com (I.Yu. Cherkasova)

стало решение Сейма Речи Посполитой о роспуске казачьего войска, из-за того, что значительная часть крестьянского населения ушла в казаки. Запорожские казаки отказались подчиниться, что и послужило причиной конфликта.

Работа посвящена современному историографическому обзору восстания Жмайло, в связи с его 400-летним юбилеем.

2. Материалы и методы

Материалом нашей работы послужили научные труды, в которых тем или иным образом освещается казачье восстание 1625 года. Были проанализированы труды таких авторов, как Б.Н. Флоря (Флоря, 2017; Флоря, 2013), Т.Р. Ковалец (Ковалец, 2013b), К.А. Кочегаров (Кочегаров, 2020), А.В. Воронянский (Воронянский, 2005), А.Н. Долгих (Долгих, 2019), Д.А. Левчик (Левчик, 2024), А.И. Ригельман (Ригельман, 1994) и др.

В качестве методов применялись:

- Метод классификации использовался для распределения по категориям исторических работ, исследующих восстание М. Жмайло; в основе классификации лежит предметный критерий (то есть разделение материалов осуществлялось исходя из предмета исследования);

- Историографический метод применялся для содержательного (контент) анализа научных трудов по восстанию 1625 года;

- Метод синтеза был применён для представления в лаконичной форме результатов и выводов исследования.

3. Обсуждение

Представляется целесообразным историографию по проблеме казачьего восстания 1625 года под руководством Марка Жмайло разделить на несколько категорий:

1. Исследования, касающиеся непосредственно восстания 1625 года и выполненные, в частности, Б.Н. Флорей (Флоря, 2017; Флоря, 2013), Т.Р. Ковальцом (Ковалец, 2013b), К.А. Кочегаровым (Кочегаров, 2020) и др.

2. Комплексные работы по истории России и/или Украины, в которых затрагивается тема восстания М. Жмайло. Это (помимо историков XIX – начала XX века, в частности, Н.М. Карамзина, Н.И. Костомарова, С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, М.С. Грушевского (Грушевский, 1991), А.Я. Ефименко (Ефименко, 1906) и др.) труды таких авторов, как А.В. Воронянский (Воронянский, 2005), Л. Гайдай (Гайдай, 2000), А.Н. Долгих (Долгих, 2019), Д.А. Левчик (Левчик, 2024), А.И. Ригельман (Ригельман, 1994), А.В. Гущин, А.С. Левченко, Е.А. Косован (Гущин и др., 2018), А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина (Орлов и др., 2001), В.И. Семененко, Л.А. Радченко (Семененко, Радченко, 1999), коллектив авторов во главе с академиком А.Н. Сахаровым (История России..., 2018) и др.

3. Труды по истории казачества, где среди прочего освещается и восстание 1625 года. Эта самая многочисленная категория исследования представлена трудами таких авторов, как Д.И. Яворницкий (Яворницкий, 1990), И. Идем (Idem, 1948), В. Серчук (Sierczyk, 1984), З. Войчик (Wójcik, 1960), С. Любер (Luber, 1983), И.Ю. Васильев (Васильев, 2019), И.Ю. Ерохин (Ерохин, 2013a; Ерохин, 2013b; Ерохин, 2014), С.В. Рыбаков (Рыбаков, 2013; Рыбаков, 2014), Е.П. Савельев (Савельев, 2005), А.В. Сопов (Сопов, 2006), Ю.Р. Федоровский (Федоровский, 2016), П.Т. Фиров (Фиров, 2005), В.Ю. Шароватова (Шароватова, 2023), О. Альферов (Alfiorov, 2010), Т.Р. Ковалец (Ковалец, 2013a), А.О. Гурбик (Гурбик, 1999), Ю.М. Никольченко, Т.М. Никольченко (Никольченко, Никольченко, 2013), В.И. Сергейчук (Сергийчук, 1991), А.Л. Станиславский (Станиславский, 1990) и др.

4. Работы по истории религии, в которых поднимаются конфессиональные противоречия, используемые в пропагандистских целях противоборствующими сторонами в ходе восстания под руководством Жмайло. Эта немногочисленная категория работ представлена статьями М.В. Дмитриева (Дмитриев, 2021), К.М. Медведева (Медведев, 2023) и др.

Приведённый список трудов по восстанию 1625 года не является полным, однако мы считаем его вполне достаточным, поскольку он всецело, на наш взгляд, решает поставленные в данной работе задачи.

4. Результаты

Сразу отметим, что энциклопедические данные о восстании и личности Жмайло мы не приводим в силу их крайней лаконичности. В частности, весьма кратко описывает личность Марка Измаила известная энциклопедия Брокгауза и Ефрона: «Гетман казачий, предводитель восстания

¹ Гетман запорожских казаков, один из соратников гетмана П. Сагайдачного, уроженный Павел Измаил, в украинской транскрипции получивший известность как Марко (или Марк) Жмайло, по месту рождения в ст. Кульчицы прозванный Кульчицким. В данной работе мы придерживаемся наиболее распространенного и укоренившегося в историографии имени данного деятеля – Марк Жмайло.

против поляков в 1625 г. Был смещен с гетманства самими казаками, после неудачных битв с польским войском» (Жмайло, 1894: 27).

Согласно приведённой нами выше классификации, вкратце проанализируем содержание указанных трудов.

1. Труды, непосредственно анализирующие восстание Жмайло.

Исследования данной категории немногочисленны в силу узости предмета исследования и отсутствия новых источников, в то время как найденные источники по казацкому восстанию 1625 года изучены достаточно полно ещё в XIX – середине XX века. Фундаментальных работ по данной проблематике мы не обнаружили.

Из работ указанной группы прежде всего отметим крупное исследование профессора Б.Н. Флори «Россия и казацкое восстание 1625 г.», опубликованное в журнале «Исторический вестник» (Флоря, 2017), в котором автор, на основе материалов Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и дореволюционных исследований, рассматривает процесс дипломатических сношений митрополита Иова Борецкого с российским правительством царя Михаила I Федоровича (прежде всего, в лице отца царя – патриарха Филарета, который де-факто управлял государством), а также предпосылки и условия восстания казаков во главе со Жмайло. Борис Николаевич отмечает боязнь митрополита прямо заявить о вхождении в состав России из-за угрозы обвинения в сепаратизме и расправы со стороны польского короля Сигизмунда III: «Говоря о восточных славянах – жителях Речи Посполитой, как “единоутробных” того же “российского племени”, что и царь, он просил, чтобы русский монарх помог православному духовенству и этим “юнейшим ти братьям” – “щедротами ти милостию и промыслом о свободе обою” (из письма Борецкого патриарху Филарету – Авт.), то есть и духовных лиц и восточнославянских жителей Польско-Литовского государства. Представление об этническом родстве всех восточных славян, как единого “российского племени”, “родом плоти и родом духа”, выражено в послании Борецкого очень определённо, но этого нельзя сказать о высказанных в нем пожеланиях» (Флоря, 2017: 10). Как видим, авторитетные историки всецело придерживаются мысли о том, что прежде всего понимание этнической и культурной общности двигало восточнославянских жителей на русско-польской границе (территория, которая в современной истории ассоциируется с современным государством Украиной) в лоно Российского государства вместе с территориями их проживания.

Другая крупная работа Флори, «Русский народ» в Речи Посполитой и представления о нем в сознании социальных низов украинского общества первой половины XVII века (по материалам “расспросных речей”)» (Флоря, 2013), опубликованная в журнале «Средние века», хотя и не анализирует восстание 1625 года (однако ему уделено весьма значительное внимание), непосредственно анализирует этнокультурные мотивы казаков поднимать восстания против поляков.

Стратегии восстания Жмайло посвящена работа Т.Р. Ковальца, анализирующая некоторые тактические и стратегические военные и политические моменты, которые мотивировали восставших казаков (Ковалец, 2013b).

К.А. Кочегаров в обширной статье, опубликованной в журнале «Славяноведение», исследует новые введенные в научный оборот источники о восстании Жмайло, а именно речь полковника Олифера Голуба и неизвестный список Куруковского договора (Кочегаров, 2020).

2. Комплексные работы по истории, в которых упоминается казацкое восстание 1625 года.

История казачества весьма активно изучалась ещё в дореволюционный период; помимо работ известных историков, таких как Н.М. Карамзин, Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, также следует назвать и фундаментальную работу М.С. Грушевского «История Украины-Руси», опубликованную в 1909 году (переиздана в 1991 году, в частности Грушевский, 1991), в которой проанализирована вся история украинского казачества, в том числе и восстание М. Жмайло. Также отметим и монографию А.Я. Ефименко «История украинского народа» (Ефименко, 1906).

Однако, согласно задачам данного исследования, мы сделаем упор прежде всего на современных исследованиях. Безусловно, в большинстве учебных пособий для студентов восстание 1625 года так или иначе фигурирует. В некоторых учебниках ему уделено больше внимания (см., например, Воронянский, 2005; История России..., 2018; Семененко, Радченко, 1999 и др.), в некоторых упоминания о нём изложены весьма лаконично (в частности, Орлов и др., 2001).

Среди прочих трудов по истории развития России отметим монографию А.Н. Долгих «Проблемы истории России в XVII веке» (Долгих, 2019), фундаментальный труд о российской экспансии Д.А. Левчика «Собирание нерусских земель вокруг Москвы» (Левчик, 2024). В указанных работах восстание Жмайло проанализировано весьма глубоко.

Среди работ по истории Украины выделим монографию Л. Гайдай «История Украины в личностях, терминах, названиях и понятиях» (Гайдай, 2000), а также исследование А.И. Ригельмана «Летописное повествование о Малой России и ее народе и казаках вообще» (Ригельман, 1994) и статью А.В. Гущина, А.С. Левченкова и Е.А. Косован «Украина. Очерк истории и культуры» (Гущин и др., 2018), в которых также освещается казацкое восстание 1625 года.

3. Труды по истории казачества, в которых освещено восстание Жмайло.

Данная категория исследований является наиболее многочисленной.

Из зарубежных работ, которые уделяют внимание и восстанию казаков 1625 года, отметим исследования польских авторов И. Идема «О социальном и этническом составе украинского казачества на рубеже XVI-XVII веков» (Idem, 1948), В. Серчука «На далекой Украине: История казачества до 1648 г.» (Sierczyk, 1984), З. Войчика «Дикие поля в огне. Казачье дело в бывшей Речи Посполитой» (Wójcik, 1960), а также германского автора С. Любера «Происхождение запорожских казаков XVII века по личным именам» (Luber, 1983) и др. Данные труды нельзя в полной мере назвать современными, однако в том числе и на них опирается современная историография по истории украинского казачества.

Среди работ российских авторов по истории казачества, содержащих информацию по восстанию М. Жмайло, отметим исследования таких учёных, как И.Ю. Васильев (Васильев, 2019), И.Ю. Ерохин (Ерохин, 2013а; Ерохин, 2013b; Ерохин, 2014), С.В. Рыбаков (Рыбаков, 2013; Рыбаков, 2014), Е.П. Савельев (Савельев, 2005), А.В. Сопов (Сопов, 2006), Ю.Р. Федоровский (Федоровский, 2016), П.Т. Фиров (Фиров, 2005), В.Ю. Шароватова (Шароватова, 2023) и др.

Среди работ украинских авторов обозначим работы О. Альферова (Alfiorov, 2010), Т.Р. Ковальца (Ковалец, 2013а), А.О. Гурбик (Гурбик, 1999), Ю.М. Никольченко и Т.М. Никольченко (Никольченко, Никольченко, 2013).

Особо следует отметить фундаментальное исследование украинского историка профессора В.И. Сергейчука «Именем войска Запорожского» (Сергийчук, 1991), в котором проводится глубокий анализ истории создания Запорожской Сечи, социального, этнического и конфессионального состава её жителей, борьбы за независимость и т.д.

Хотя и не является современной, но значительный интерес представляет монография «Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории» советского историка А.Л. Станиславского (Станиславский, 1990). В ней весьма глубоко исследована история войн, восстаний и бунтов на территориях современной России и Украины и к которой часто апеллируют многие современные авторы. В этой же связи следует упомянуть и 3-томную монографию дореволюционного историка Д.И. Яворницкого «История казачества», переизданную в 1990 году (Яворницкий, 1990), на которую также опираются многие современные исследователи казачества.

4. Работы по истории религии, затрагивающие восстание в Запорожской Сечи в 1625 году.

Сразу укажем, что пласт работ, исследующих конфессиональные предпочтения и особенности казачества, весьма обширен; другое дело, что восстание Жмайло в них никак не упоминается. Из работ, в которых данное восстание освещается в той или иной мере, отметим обширную статью М.В. Дмитриева «Царский соблазн... Почему православные жители Речи Посполитой захотели стать подданными московских государей?» (Дмитриев, 2021), в которой делается анализ пропагандистских возможностей православной веры запорожских казаков и каким образом эти возможности использовались церковным и казацким руководством Запорожской Сечи и других территорий, где жили православные подданные Речи Посполитой.

Другой похожей работой является статья К.М. Медведева о влиянии культа Иосафата Кунцевича в Речи Посполитой в XVII веке на настроения казацкого населения (Медведев, 2023).

5. Заключение

Историографический анализ работ, касающихся казацкого восстания 1625 года под предводительством Марка Жмайло, позволил сделать следующие выводы:

1. Историографию восстания представляется удобным разделить по категориям: работы, посвящённые непосредственно восстанию; комплексные работы по истории, включая учебники; труды по истории казачества; и исследования по истории религии, в которых описывается восстание Жмайло.

2. Исследований, касающихся непосредственно восстания, относительно немного, что объясняется узостью источниковой базы, а также предмета исследования; восстание было скоротечным и не повлекло за собой сколь-либо серьёзных политических результатов. Среди работ, прямо исследующих восстание 1625 года, отметим статьи Б.Н. Флори, Т.Р. Ковальца, К.А. Кочегарова и др. Фундаментальные исследования по данной проблематике отсутствуют.

3. Самой многочисленной является категория работ по истории казачества. Во многих из них восстание Жмайло описывается с разной степенью подробности, но неизменно – в контексте обретения независимости, нежелания жить в составе Речи Посполитой и стремления воссоединиться с Россией. К данной категории трудов (из современных) отнесём исследования И.Ю. Васильева, И.Ю. Ерохина, С.В. Рыбакова, Е.П. Савельева, А.В. Сопова, Ю.Р. Федоровского, П.Т. Фирова, В.Ю. Шароватой, Т.Р. Ковальца, Ю.М. Никольченко, Т.М. Никольченко, В.И. Сергейчука, А.Л. Станиславского и др.

4. Информация о восстании содержится и в учебных пособиях, в частности, таких авторов, как А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина, А.Н. Сахаров, В.И. Семененко, Л.А. Радченко и др., а также в комплексных монографиях по истории России или Украины (например, таких исследователей, как А.В. Воронянский, Л. Гайдай, А.Н. Долгих, Д.А. Левчик, А.И. Ригельман, А.В. Гушин, А.С. Левченков, Е.А. Косован и др.).

5. Религиозные вопросы восстания 1625 года были проанализированы М.В. Дмитриевым, К.М. Медведевым и др.

Литература

- Васильев, 2019** – Васильев И.Ю. Российское казачество: место в истории // *Национальные приоритеты России*. 2019. № 2 (33). С. 6-12.
- Воронянский, 2005** – Воронянский А.В. История Украины. Харьков, 2005.
- Гайдай, 2000** – Гайдай Л. История Украины в личностях, терминах, названиях и понятиях. Луцк: Вежа, 2000.
- Грушевський, 1991** – Грушевський М.С. Історія України-Русі. К.: Наукова думка, 1991.
- Гурбик, 1999** – Гурбик А.О. Виникнення Запорозької Січі (хронологічний та територіальний аспекти проблеми) // *УІЖ*. 1999. №6.
- Гущин и др., 2018** – Гущин А.В., Левченко А.С., Косован Е.А. Украина. Очерк истории и культуры // *Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований*. 2018. № 1. С. 166-218.
- Дмитриев, 2021** – Дмитриев М.В. Царский соблазн... Почему православные жители Речи Посполитой захотели стать подданными московских государей? / *Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время* / Сост. и отв. ред. О. Воскобойников, О. Тогоева. М., 2021. С. 210-236.
- Долгих, 2019** – Долгих А.Н. Проблемы истории России в XVII веке. Липецк, 2019.
- Ерохин, 2013a** – Ерохин И.Ю. Дуализм казачества – краеугольный камень исторической науки / *Мир гуманитарного и естественнонаучного знания. Материалы V Международной научно-практической конференции*. 2013. С. 108-120.
- Ерохин, 2013b** – Ерохин И.Ю. Проблема дуализма в вопросах казачества // *Приоритетные научные направления: от теории к практике*. 2013. № 5. С. 19-24.
- Ерохин, 2014** – Ерохин И.Ю. Аспекты состояния историографии: казаки и «казачий вопрос» // *Социально-политические науки*. 2014. № 3. С. 15-18.
- Ефименко, 1906** – Ефименко А.Я. История украинского народа. Вып. 2. СПб., 1906. С. 196-201.
- Жмайло, 1894** – Жмайло / *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.)*. Т. XII (23). СПб., 1894.
- История России..., 2018** – История России с древнейших времен до наших дней / Под ред А.Н. Сахарова. М.: АСТ, 2018.
- Ковалец, 2013a** – Ковалец Т.Р. «Этот род человеческий пестрый, из разных наций...»: этническое лицо запорожского войска в 20-30-х гг. XVII в. // *Русин*. 2013. № 2 (32). С. 62-71.
- Ковалец, 2013b** – Ковалец Т.Р. Казачья стратегия в восстании 1625 г. в Украине // *Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету*. 2013. № 37. С. 26-32.
- Кочегаров, 2020** – Кочегаров К.А. Новые источники о казачьем восстании 1625 года: речь полковника Олифера Голуба и неизвестный список Куруковского договора // *Славяноведение*. 2020. № 2. С. 28-49.
- Левчик, 2024** – Левчик Д.А. Собрание нерусских земель вокруг Москвы. М., 2024.
- Медведев, 2023** – Медведев К.М. Культ Иосафата Кунцевича в Речи Посполитой в XVII веке: между религиозной нетерпимостью и прозелитизмом // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2023. № 1 (33). С. 39-54.
- Никольченко, Никольченко, 2013** – Никольченко Ю.М., Никольченко Т.М. Барокковая традиция казачьего летописания в изображении битвы под Берестечком // *Вісник Маріупольського державного університету. Серія: Філософія, культурологія, соціологія*. 2013. № 5. С. 47-54.
- Орлов и др., 2001** – Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России с древнейших времен до наших дней. М.: Проспект, 2001.
- Рігельман, 1994** – Рігельман О.І. Літописна оповідь про Малу Росію... К.: Либідь, 1994.
- Рыбаков, 2013** – Рыбаков С.В. За милость неизреченную до лица земли челом бьем... // *История в подробностях*. 2013. № 10 (40). С. 16-23.
- Рыбаков, 2014** – Рыбаков С.В. «Мы защищаем веру нашу старожитную...» (к 360-летию воссоединения Украины с Россией) // *Обозреватель*. 2014. № 2 (289). С. 107-118.
- Савельев, 2005** – Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2005.
- Свистун, 1912** – Свистун Ф.И. Что это есть украинофильство. Львов: Типография Станиславского Института, 1912.
- Семененко, Радченко, 1999** – Семененко В.И., Радченко Л.А. История Украины с древнейших времен до наших дней. Харьков: Торсинг, 1999.
- Сергийчук, 1991** – Сергийчук В.І. Іменем війська Запорозького. К.: Україна, 1991.
- Сопов, 2006** – Сопов А.В. Современные научные концепции происхождения казачества / *Новые технологии*. 2006.
- Станиславский, 1990** – Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990.

- Федоровский, 2016** – Федоровский Ю.Р. Казачество в истории Украины // *Журнал исторических, политологических и международных исследований*. 2016. № 1 (57). С. 12-21.
- Фиров, 2005** – Фиров П.Т. Гетманы украинского казачества. Биографические справки. Севастополь: Изд-во СевНТУ. 2005.
- Флоря, 2013** – Флоря Б.Н. «Русский народ» в Речи Посполитой и представления о нем в сознании социальных низов украинского общества первой половины XVII века (по материалам «расспросных речей») // *Средние века*. 2013. Т. 74. № 1-2. С. 160-191.
- Флоря, 2017** – Флоря Б.Н. Россия и казацкое восстание 1625 г. // *Исторический вестник*. 2017. Т. 16 (163). С. 8-23.
- Шароватова, 2023** – Шароватова В.Ю. Социокультурная инверсия – казачество в российской империи // *Научный альманах*. 2023. № 1-3 (99). С. 121-123.
- Яворницький, 1990** – Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків: в 3 томах. К.: Наукова думка, 1990.
- Alfiorov, 2010** – Alfiorov O. Nashchadki het'mana Olyfera Goluba: XVII–XIX st. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. 2010. № 17. С. 57-67.
- Idem, 1948** – Idem I. O składowie społecznym i etnicznym Kozaczyzny Ukrainnej na przełomie XVI i XVII wieku // *Przegląd Historyczny*. 1948. T. 37. S. 249-260.
- Luber, 1983** – Luber S. Die Herkunft von Zaporoger Kosaken des 17. Jahrhunderts nach Personennamen. Berlin, 1983.
- Sierczyk, 1984** – Sierczyk W. Na dalekiej Ukrainie: Dzieje Kozaczyzny do 1648 r. Kraków, 1984.
- Wójcik, 1960** – Wójcik Z. Dzikie pola w ogniu. O Kozaczyźnie w dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1960.

References

- Alfiorov, 2010** – Alfiorov, O. Nashchadki het'mana Olyfera Goluba: XVII–XIX st. [Descendants of Hetman Olyfer Golub: XVII-XIX centuries]. *Spetsial'ni istorichni distsiplini: pitannya teorii ta metodiki*. 17: 57-67. [in Ukrainian]
- Dmitriev, 2021** – Dmitriev, M.V. (2021). Tsarskii soblazn... Pochemu pravoslavnye zhiteli Rechi Pospolitoi zakhotali stat' poddannymi moskovskikh gosudarei? [The Tsar's temptation... Why did the orthodox residents of the Polish-Lithuanian commonwealth want to become subjects of the Moscow sovereigns?]. *Anatomiya vlasti: gosudari i poddannye v Evrope v Srednie veka i Novoe vremya*. Sost. i otv. red. O. Voskoboinikov, O. Togoeva. M. Pp. 210-236. [in Russian]
- Dolgikh, 2019** – Dolgikh, A.N. (2019). Problemy istorii Rossii v XVII veke [Problems of the history of Russia in the 17th century]. Lipetsk. [in Russian]
- Efimenko, 1906** – Efimenko, A.Ya. (1906). Istoriya ukrainskogo naroda [History of the Ukrainian people]. Vyp. 2. CPb. Pp. 196-201. [in Russian]
- Erokhin, 2013a** – Erokhin, I.Yu. (2013). Dualizm kazachestva – kraeugol'nyi kamen' istoricheskoi nauki [The problem of dualism in Cossack matters]. *Mir gumanitarnogo i estestvennonauchnogo znaniya. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pp. 108-120. [in Russian]
- Erokhin, 2013b** – Erokhin, I.Yu. (2013). Problema dualizma v voprosakh kazachestva [The problem of dualism in Cossack matters]. *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike*. 5: 19-24. [in Russian]
- Erokhin, 2014** – Erokhin, I.Yu. (2014). Aspekty sostoyaniya istoriografii: kazaki i «kazachii vopros» [Aspects of the state of historiography: Cossacks and the “Cossack question”]. *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 3: 15-18. [in Russian]
- Fedorovskii, 2016** – Fedorovskii, Yu.R. (2016). Kazachestvo v istorii Ukrainy [Cossacks in the History of Ukraine]. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy*. 1(57): 12-21. [in Russian]
- Firov, 2005** – Firov, P.T. (2005). Getmany ukrainskogo kazachestva. Biograficheskie spravki [Hetmans of the Ukrainian Cossacks. Biographical information]. Sevastopol': Izd-vo SevNTU. [in Russian]
- Florya, 2013** – Florya, B.N. (2013). «Russkii narod» v Rechi Pospolitoi i predstavleniya o nem v soznanii sotsial'nykh nizov ukrainskogo obshchestva pervoi poloviny XVII veka (po materialam «rassprosnnykh rechei») [“The Russian people” in the Polish-Lithuanian Commonwealth and ideas about it in the consciousness of the lower classes of Ukrainian society in the first half of the 17th century (based on the materials of “interrogative speeches”)]. *Srednie veka*. 74(1-2): 160-191. [in Russian]
- Florya, 2017** – Florya, B.N. (2017). Rossiya i kazatskoe vosstanie 1625 g. [Russia and the Cossack uprising of 1625]. *Istoricheskii vestnik*. 16(163): 8-23. [in Russian]
- Gaidai, 2000** – Gaidai, L. (2000). Istoriya Ukrainy v lichnostyakh, terminakh, nazvaniyakh i ponyatiyakh [History of Ukraine in personalities, terms, names and concepts.]. Luts'k: Vezha. [in Russian]
- Grushevs'kii, 1991** – Grushevs'kii, M.S. (1991). Istoriya Ukraïni-Rusi [History of Ukraine-Rus]. K.: Naukova dumka, 1991. [in Ukrainian]
- Gurbik, 1999** – Gurbik, A.O. (1999). Viniknennya Zaporoz'koï Sichi (khronologichnii ta teritorial'nii aspekti problem) [The liability of the Zaporizhzhya Sich (chronological and territorial aspects of the problem)]. *UIZh*. 6. [in Ukrainian]

- [Gushchin i dr., 2018](#) – *Gushchin, A.V., Levchenkov, A.S., Kosovan, E.A.* (2018). Ukraina. Ocherk istorii i kul'tury [Essay on history and culture]. *Trudy Instituta postsovetskikh i mezhregional'nykh issledovaniy*. 1: 166-218. [in Russian]
- [Idem, 1948](#) – *Idem, I.* (1948). O skladzie spolecznym i etnicznym Kozaczyzny Ukrainnej na przelomie XVI i XVII wieku. *Przegląd Historyczny*. 37: 249-260.
- [Istoriya Rossii..., 2018](#) – *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of Russia from ancient times to the present day]. Pod red A.N. Sakharova. M.: AST, 2018. [in Russian]
- [Kochegarov, 2020](#) – *Kochegarov, K.A.* (2020). Novye istochniki o kazatskom vosstanii 1625 goda: rech' polkovnika Olifera Goluba i neizvestnyi spisok Kurukovskogo dogovora [New sources on the Cossack uprising of 1625: speech of Colonel Olifer Holub and an unknown list of the Kurukovsky treaty]. *Slavyanovedenie*. 2: 28-49. [in Russian]
- [Kovalets, 2013a](#) – *Kovalets, T.R.* (2013). «Etot rod chelovecheskii pestrui, iz raznykh natsii...»: etnicheskoe litso zaporozhskogo voiska v 20-30-kh gg. XVII v. [“This motley human race, from different nations...”: the ethnic face of the Zaporozhian army in the 20-30s of the 17th century]. *Rusin*. 2(32): 62-71. [in Russian]
- [Kovalets, 2013b](#) – *Kovalets, T.R.* (2013). Kazatskaya strategiya v vosstanii 1625 g. v Ukrainie [Cossack strategy in the 1625 uprising in Ukraine]. *Naukovi pratsi istorichnogo fakul'tetu Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu*. 37: 26-32. [in Russian]
- [Levchik, 2024](#) – *Levchik, D.A.* (2024). Sobiranie nerusskikh zemel' vokrug Moskvyy [Gathering non-Russian lands around Moscow]. M. [in Russian]
- [Luber, 1983](#) – *Luber, S.* (1983). Die Herkunft von Zaporoger Kosaken des 17. Jahrhunderts nach Personennamen. Berlin.
- [Medvedev, 2023](#) – *Medvedev, K.M.* (2023). Kul't Iosafata Kuntsevicha v Rechi Pospolitoi v XVII veke: mezhdru religioznoi neterpimost'yu i prozelitizmom [The cult of Josaphat Kuntsevich in the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 17th century: between religious intolerance and proselytism]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1(33): 39-54. [in Russian]
- [Nikol'chenko, Nikol'chenko, 2013](#) – *Nikol'chenko, Yu.M., Nikol'chenko, T.M.* (2013). Barokkovaya traditsiya kazatskogo letopisaniya v izobrazhenii bitvy pod Berestechkom [Baroque tradition of Cossack chronicles in the depiction of the battle of Berestechko]. *Visnik Mariupol's'kogo derzhavnogo universitetu. Seriya: Filosofiya, kul'turologiya, sotsiologiya*. 5: 47-54. [in Ukrainian]
- [Orlov i dr., 2001](#) – *Orlov, A.S., Georgiev, V.A., Georgieva, N.G., Sivokhina, T.A.* (2001). Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Russia from ancient times to the present day]. M.: Prospekt. [in Russian]
- [Rybakov, 2013](#) – *Rybakov, S.V.* (2013). Za milost' neizrechennuyu do litsa zemli chelom b'em... [For the mercy that is ineffable to the face of the earth we bow down...]. *Istoriya v podrobnostyakh*. 10(40): 16-23. [in Russian]
- [Rybakov, 2014](#) – *Rybakov, S.V.* (2014). «My zashchishchaem veru nashu starozhitnuyu...» (k 360-letiyu vossoedineniya Ukrainy s Rossiei) [“We defend our ancient faith...” (to the 360th anniversary of the reunification of Ukraine with Russia)]. *Obozrevatel'*. 2(289): 107-118. [in Russian]
- [Rigel'man, 1994](#) – *Rigel'man, O.I.* (1994). Litopisna opovid' pro Malu Rosiyu... [A chronicle about Little Russia...]. K.: Libid'. [in Ukrainian]
- [Savel'ev, 2005](#) – *Savel'ev, E.P.* (2005). Drevnyaya istoriya kazachestva [Ancient history of the Cossacks]. M.: Veche. [in Russian]
- [Semenenko, Radchenko, 1999](#) – *Semenenko, V.I., Radchenko, L.A.* (1999). Istoriya Ukrainy s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Ukraine from ancient times to the present day]. Khar'kov: Torsing. [in Russian]
- [Sergiichuk, 1991](#) – *Sergiichuk, V.I.* (1991). Imenem viis'ka Zaporoz'kogo [In the name of the Zaporozhye army]. K.: Ukraïna. [in Ukrainian]
- [Sharovatova, 2023](#) – *Sharovatova, V.Yu.* (2023). Sotsiokul'turnaya inversiya – kazachestvo v rossiiskoi imperii [Sociocultural inversion – the Cossacks in the Russian Empire]. *Nauchnyi al'manakh*. 1-3(99): 121-123. [in Russian]
- [Sierczyk, 1984](#) – *Sierczyk, W.* (1984). Na dalekiej Ukrainie: Dzieje Kozaczyzny do 1648 r. Kraków.
- [Sopov, 2006](#) – *Sopov, A.V.* (2006). Sovremennye nauchnye kontseptsii proiskhozhdeniya kazachestva [Modern scientific concepts of the origin of the Cossacks]. *Novye tekhnologii*. [in Russian]
- [Stanislavskii, 1990](#) – *Stanislavskii, A.L.* (1990). Grazhdanskaya voyna v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii [The Civil war in Russia in the 17th century: Cossacks at the turning point of history]. M. [in Russian]
- [Svistun, 1912](#) – *Svistun, F.I.* (1912). Chto eto est' ukrainofil'stvo [What is Ukrainophilia?]. L'vov: Tipografiya Stavropiginskogo Instituta. [in Ukrainian]
- [Vasil'ev, 2019](#) – *Vasil'ev, I.Yu.* (2019). Rossiiskoe kazachestvo: mesto v istorii [Russian Cossacks: place in history]. *Natsional'nye priority Rossii*. 2(33): 6-12. [in Russian]
- [Voronyanskii, 2005](#) – *Voronyanskii, A.V.* (2005). Istoriya Ukrainy [History of Ukraine]. Khar'kov. [in Russian]

Wójcik, 1960 – Wójcik, Z. (1960). *Dzikie pola w ogniu. O Kozaczyźnie w dawnej Rzeczypospolitej*. Warszawa.

Yavornits'kii, 1990 – Yavornits'kii, D.I. (1990). *Istoriya zaporoz'kikh kozakiv: v 3 tomakh* [History of the Zaporozian Cossacks: in 3 volumes]. K.: Naukova dumka. [in Ukrainian]

Zhmailo, 1894 – Zhmailo [Zhmailo]. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.)*. T. XII (23). SPb., 1894. [in Russian]

Казацкое восстание 1625 года в современной историографии

Ирина Юрьевна Черкасова ^{a, b, *}, Лариса Александровна Королева ^c,
Валентина Сергеевна Никитина ^d

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^d Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данное историографическое исследование посвящено казацкому восстанию 1625 года под руководством Марка Жмайло и приурочено к его 400-летию юбилею. Материалом работы послужили труды, в которых упоминается данное восстание, основными методами исследования стали метод историографического анализа и метод классификации.

Историографию восстания авторы разделили по категориям: работы, посвящённые непосредственно восстанию; комплексные работы по истории, включая учебники; труды по истории казачества; и исследования по религиозной тематике, в которых описывается восстание Жмайло.

Исследований, касающихся непосредственно восстания, относительно немного, что объясняется узостью источниковой базы, а также предмета исследования; восстание было скоротечным и не повлекло за собой сколь-либо серьёзных политических результатов. Среди работ, прямо исследующих восстание 1625 года, отметим статьи Б.Н. Флори, Т.Р. Ковальца, К.А. Кочегарова и др. Фундаментальные исследования по данной проблематике отсутствуют.

Самой многочисленной является категория работ по истории казачества. Во многих из них восстание Жмайло описывается с разной степенью подробности, но неизменно – в контексте обретения независимости, нежелания жить в составе Речи Посполитой и стремлении воссоединиться с Россией. К данной категории трудов (из современных) отнесём исследования И.Ю. Васильева, И.Ю. Ерохина, С.В. Рыбакова, Е.П. Савельева, А.В. Сопова, Ю.Р. Федоровского, П.Т. Фирова, В.Ю. Шароватовой, Т.Р. Ковальца, Ю.М. Никольченко, Т.М. Никольченко, В.И. Сергейчука, А.Л. Станиславского и др.

Информация о восстании содержится и в учебных пособиях, в частности, таких авторов, как А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина, А.Н. Сахаров, В.И. Семененко, Л.А. Радченко и др., а также в комплексных монографиях по истории России или Украины (например, таких исследователей, как А.В. Воронянский, Л. Гайдай, А.Н. Долгих, Д.А. Левчик, А.И. Ригельман, А.В. Гушин, А.С. Левченков, Е.А. Косован и др.).

Ключевые слова: восстание 1625 года, Марк Жмайло-Кульчицкий, Речь Посполитая, казачество, Запорожская Сечь, Куруковский договор.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Cherkasovairina42@gmail.com (И.Ю. Черкасова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 524-531
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.524

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Art of Diplomacy in European Ceremonies of the XVII-XIX centuries

Oksana Y. Zakharova ^a, Sergey I. Degtyarev ^{b, *}, Nazar A. Kotelnitsky ^c

^a National Academy of Culture and Arts Management, Kyiv, Ukraine

^b Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^c Academician Y. Bugay International Scientific and Technical University, Kyiv, Ukraine

Abstract

Ideology always played an important role in state foreign policy. As its inherent element and communication factor, cultural diplomacy is considerable in world politics as well. Famous intellectuals of the Modern Age history were often applied by state authorities as accredited representatives, personal secretaries or diplomatic advisors. It was artists who founded the Modern Age diplomacy. They impacted on skills of negotiations and performed important duties in international politics.

The article reflects role and relevance of diplomacy art in European ceremonies of the 17th-19th centuries. Attitude to diplomatic ceremonies was regarded as an actual attitude to current authorities of a certain state. Diplomatic relations between countries were accompanied by properly elaborated ceremonies where artists were usual participants. It produced a corresponding image of and respect to the country authorities. Involvement of proper persons to diplomatic activities indicates wisdom and reason of past authorities. Despite originality of Muscovy ceremonies, diplomatic protocol of the Russian Empire was approved in legal acts, which shows an important step in diplomacy development. Historical sources confirm that art was a relevant component of the world politics in the 17th-19th centuries.

To prepare this article, the authors used Russian Empire legal acts on rules of international missions and court ceremonies as well as unique sources (for example, document circulation between diplomatic officials of leading countries in the 17th-18th centuries: England, the Netherlands, the Polish-Lithuanian Commonwealth, the USA, France).

Keywords: diplomacy art, ceremonies, the 17th-19th centuries, Europe, Muscovy, Russian Empire.

1. Introduction

As an application realization of international relations and world politics, diplomacy was always similar to a certain rite. Various ceremonies (inauguration, reception, visit, military parade, etc.) play a specific role in public policy and cultural life of society.

Political symbolism developed within strict power adoptions, which requires special scientific clarification. Political symbols were revealed via artistic works, music, dancing, theater and cinema. On the one hand, these symbols were understandable for current authorities and common people. On the other hand, they distributed statehood values, produced a positive image of and respect to authorities within home and foreign policy. That established mutually beneficial relations among countries.

From this perspective, we treat art as a factor of public diplomacy, which is a tool to generate a positive state image. The article purpose is to study origin of modern political ceremonies as well as to define role and relevance of art in international relations.

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo2014@gmail.com (S.I. Degtyarev)

2. Materials and methods

The theoretical base of our research comprises works on diplomacy history by D. Vud, S. Bakhrushin, S. Skazkin, Sh. Serre ([Bakhrushin, 1941](#); [Vud, Serre, 1976](#); [Skazkin, 1941](#)). They created a foundation in regarding diplomatic ceremonies as a vivid phenomenon of international relations and an artistic development trend.

To prepare this article, the authors used legal acts on rules of international missions and court ceremonies as well as unique sources (for example, document circulation between diplomatic officials). First of all, we included the “Complete collection of laws of the Russian Empire” among such sources ([PSZRI](#)).

The research relied on generally scientific and specifically historical methods. The former comprises analysis and synthesis, induction and deduction, generalization, description. The latter includes historical criticism, typology and comparison, chronology, content analysis.

Analysis and synthesis investigated origin of political ceremonies, their role and relevance in diplomatic activities of states.

Induction and deduction provided empirical data as a research substantiation. Factual materials produced theoretical definitions while scientific conclusions were argued and illustrated via certain empirical confirmations. Generalization summarized research facts. Description provided the brightest examples of ceremonial culture in the state diplomatic history.

Besides, specifically historical methods were engaged. Criticism assessed representativeness of historical sources. Chronology explained features of ceremonial culture among states in the time development aspect. Comparison reflected a contrast between original diplomatic ceremonies of various states. Content analysis was applied to study primary historical sources of legal and official character. It unfolded main imperatives of diplomacy functions.

3. Discussion

Despite topicality and relevance of our research, the issue is weakly investigated in the historical sphere.

R. Wortman, an American Slavist, was among the first scientists who studied the topic of court and diplomatic ceremonies in Muscovy and the Russian Empire. His two-volume work “Scenarios of Power: Myth and Ceremony in the Russian Monarchy” is the best research so far ([Wortman, 1995](#); [Wortman, 2000](#)). The term “scenarios” described individual public representations of the imperial myth, which monarchies applied to create beneficial symbols and images. A complex system of court rites, ceremonies, feasts, receptions, etc. fixed a monarch’s idea as a heroic conqueror, enlightened leader whose activities were appreciated by society and God ([Shandra, 2006: 207](#); [Olbrich, 2017](#)).

Within the post-Soviet space, a vivid interest to public diplomacy dates back to beginning of the 2000s. Works by V. Vladyshevskaya, T. Hryhorieva, M. Hrushko, A. Zinchenko, H. Kalashnyk, O. Podvorna, O. Sahaidak, etc. generalize all important elements of diplomatic protocol, role of specific procedures in foreign affairs ([Vladyshevskaya, Grushko, 2023](#); [Grigorieva, 2014](#); [Zinchenko, 2002](#); [Kalashnik, 2007](#); [Podvorna, 2014](#); [Sagajdak, 2012](#); [Degtyarev, Zavhorodnia, 2018](#); [Degtyarev, Zavhorodnia, 2019](#)). V. Tsyvatyi represents diplomatic practice of international relations within the Modern Age history ([Civatyj, 2014](#); [Civatyj, 2016](#)). O. Zaharova shows main components of state ceremonies during the first period of the Russian Empire existence: inauguration, music, dancing, suits as factors of public diplomacy ([Zaharova, 2014](#); [Zaharova, 2019](#); [Zaharova, 2021a](#); [Zaharova, 2021b](#)).

Nevertheless, the above-mentioned authors do not resort to European ceremonies of the 17th-19th centuries. Therefore, our research will remove such a gap in the home historiography.

4. Results

The high-society ceremonies of monarchy courts with its artistic performance already existed in the Middle Ages. The court institute comprised supreme dignitaries close to the emperor. Their main task was support of king or queen’s image. However, they depended on power of their autocrat.

Apart from professional competence, officials were appreciated for their contribution to court culture. Its important part was ceremonies: receptions, knight tournaments, grand balls, hunting, etc. Court members were united in a certain type of corporation where each had own social status, strict conduct rules and beneficences ([Zaharova, 2014: 46](#)).

When absolute monarchies prevailed, traditions of court life changed. Everything was strictly canonized with splendor. Since the 16th century, etiquette became the existence form of European imperial courts. The king’s absolute power impacted on strong regulation of his subjects’ conduct. Etiquette principles had been improving for centuries. It provided a strict order and discipline among court members with features of classical perfection. Participation of dignitaries showed their significance and influence for the court itself.

Within court ceremonies, members of diplomatic corps played a specific role. Diplomatic corps is regarded as a unity of diplomatic representatives accredited in the state (ambassadors, envoys, charges d’affaires, nuncios and internuncios). In a broad sense, diplomatic corps comprises all members of foreign delegations and authorized representatives with the diplomatic status.

The diplomatic corps is not based on norms of international law. It has no rights of legal entity. Collective speeches of diplomatic corps may concern only ceremonial issues.

An important tool of representing and protecting state interests is embassy perceptions. Here, formal political communication and international cultural exchange occur. For ceremonies, participation of artists plays a relevant role to attract a grand aura among visitors. Let us observe certain historical examples of diplomacy among different European countries to show the art relevance for state ceremonies.

European embassy ceremonies of the 17th century. The 17th century is a period of new diplomatic ceremony. It depended on state political influence in foreign relations.

This period lays a foundation of the all-European diplomatic protocol as a unity of single norms and traditions depending on the country status. The attitude to ambassador was equated with the attitude to state ruler. Departure from these principles was regarded as disrespect for the ambassador and, consequently, for the represented state ruler himself. A great significance was traced to ambassador's entrance and first audience. It explains ambassadors' debate on etiquette details, desire to acquire the same honors previously paid to ambassadors of other countries. Disrespect for ambassador was treated as honor attack of the state ruler himself.

In the 17th century, the Pope of Rome granted audiences together with consistory cardinals. The ambassador listened to the Pope in the standing bare-headed position. Ambassadors from emperors, crowned heads and Venice were received in the Grand Royal Hall while envoys from other states were received in the Small Ducal Hall. There were some ambassadors that were received in the Pope's chamber. For such a case, several cardinals came.

With the Cyprus ruler title, the Duke of Savoy demanded for his ambassadors' reception in the Grand Hall. After refusal, he was offended and did not send his envoys for a certain time to the Pope at all. The Republic of Genoa offered a great sum of money for their reception in the Grand Hall. Under the Venice pressure, the Pope refused. The reason was the Venice perspective as a high-rank state in contrast to small influence of Genoa.

On 13 September 1672, a delegation of the Muscovy tsar visited Rome. The audience was granted in the Grand Hall with 15 cardinals. As each Catholic, the ambassador made three deep bows and kissed the Pope's shoe. During his ordinary audiences, the Pope sat on a red silk armchair. The bare-headed ambassador was allowed to sit on a stool.

In France, king's ambassadors and pope's nuncios were brought into the hall by princes of blood. When the English ambassador's visit took place in 1635, there were no princes of blood in the court (located outside Paris). The ambassador refused to go further unless he was brought by a prince of blood. Therefore, it was necessary to call a prince of blood from Paris.

To underline respect for the state, kings dared to violate the strict ceremony. During the first Restoration years, Charles II made a solemn reception for the Dutch embassy where he found shelter in the wandering period.

In 1660, the Republic of the United Provinces (Holland) sent to England an extraordinary embassy to welcome a crowned king. In Greenwich, the embassy was welcomed from the king by Lord Richard and his suite. They arrived to London on lord's wooden barges. At the quay, Lord Graven waited for them with twelve harnessed carriages. The ambassadors rested in apartments of the main ceremony master A. Williams. Going to the audience, they were honored like ambassadors of the crowned persons. The ambassadors of the United Provinces were first to be met by lords still outside London ([Skazkin, 1941: 176-177](#)).

The 17th century generated works as practical guidelines for ambassadors. Among them, we can enumerate diplomacy books by R. Such (1650) and A. Vikfor (1676). The latter was called "Ambassador and His Functions" as a diplomatic table-book.

A certain independence of royal authorities could focus on deciding foreign policy problems within the court. It was a social and political institute, so-called "state within state" with own territory, property, army and bureaucracy.

In the 17th century beginning, a stable institute of diplomatic mission unfolded. Here, a rigid hierarchy with staff selection rules was established. It is worth saying that French, Spanish and English kings as main players on the foreign policy arena demanded for their ambassadors more honors than a Milanese duke or a German prince.

Art of diplomatic negotiations (the 17th-18th centuries). One of the most famous state rulers in Europe was cardinal Richelieu. His diplomacy guidelines were based on search for French "natural borders" and "political balance" to weaken the Austrian House of Habsburg.

Richelieu understood relevance of propaganda rather than weapon in state policy. In France, he created the first newspaper and used it for own benefit. Later, the pamphlet appeared with the title "What Is the Surest Means of Annexing to France the Duchy of Lorraine and Bar". He noted that the emperor may not conquer the territory at the left Rhine bank because this river has been a French border for 500 years. Emperor's rights rely on usurpation ([Istorija diplomatii, 2006: 64](#)).

Among all diplomatic tools, the cardinal preferred negotiations: "I dare to say that you should negotiate constantly, openly and everywhere. The negotiator is warned against everything in the world. You should act here and there" ([Borisov, 1991](#)). In international life, the cardinal succeeded greatly. He constructed French unions in Europe, weakened the House of Habsburg, secured independence of certain Germanic princedoms, pursued his policy in Italy.

After Richelieu's death in 1642, the French foreign policy was coordinated by Jules Mazarin. He could impose "natural borders" on neighboring states referring to ancient Gauls and monarchy of Charlemagne to confirm French territorial rights in Germany and Italy. Mazarin was characterized by his monarchic adherence to national and state interests, recognition of aristocracy privileges (even though considerably cut), general principles of home and foreign policy.

However, he had another side of identity. His obsession with wealth was traced to personal and real assets, luxury items, art objects. In particular, Mazarin's inventory comprised 200 statues and marble works, 450 paintings, jewelry, 30,000 books. The most beautiful diamonds in Europe belonged to Mazarin. Some of his treasures came to king, other ones to Mazarin's family. The library was inherited by the Collège des Quatre-Nations founded by the cardinal ([Borisov, 1991](#)).

Mazarin was mentor of the young king Louis XIV. The latter was taught how to pursue negotiations. In "Memoirs", Louis XIV regards Mazarin as a great beloved person who conferred him favors. In the king, the cardinal cultivated secrecy, fame obsession and infallibility.

The king had a strong health. He could endure both diseases and court entertainments like dancing or hunting. At the age of 60, Louis XIV perfectly drove a harnessed carriage, rode and hunted. Anne of Austria, his mother and queen, was brought up at the Spanish court. She made her son respect the etiquette. The French court was the brightest in Europe as a role model, which demanded for huge expenses.

Preparing for wedding of the Duke of Burgundy in 1667, Saint-Simon together with his wife and brother spent 20,000 livres. To decorate garments, some ladies used two kilograms of gold while hairdressers worked for 200 livres per hour. On the wedding day, thousands of flames were lighted in the grand gallery of the Palace of Versailles. "They were reflected in mirrors and diamonds. The night was brighter than the day. It was a magic dream", – said a Venice representative at the French wedding. N. Kareev, a Russian historian, wrote that Louis XIV had promoted France as the most powerful and influential state whose government system was a role model for many countries ([Borisov, 1991](#)).

Receiving ambassadors, the king was reserved and laconic. Diplomat's requests were sent to the state secretary. Simultaneously, Louis XIV leveraged his aristocratic skills. He "showed" anger when the Lorraine ambassador talked on French occupation of his country. Also, he wrathfully exposed pro-Spanish and anti-French position of the Venice ambassador.

Absence of single European diplomatic norms could often cause serious conflicts. When the Swedish ambassador solemnly entered London in 1661, a gang hired by the Spanish envoy stopped the carriage of Godefroi d'Estrades, the French ambassador, and killed his horses. During this clash, there were dead and injured Frenchmen (five and thirty, respectively). Spaniards did not lose people at all. The ambassador of Louis XIV was offended in London. At 11 pm, this event came to Henri-Auguste de Loménie de Brienne, the French state secretary. The king got acquainted with the incident during supper. Furious and angry, Louis XIV ordered to banish the Spanish ambassador from Paris. As a Spanish subordinate, the Dutch ruler was not allowed to cross France. The Spanish-French trade was interrupted. A personal representative of the Spanish king arrived to Paris and apologized to Louis XIV and his diplomatic corps.

Most diplomatic posts were held by state officials. Clerical envoys protected royal interests in Poland, Savoy, Venice, Rome and Madrid. High requirements were applied to the ambassador: professional competence, host state experience, foreign language proficiency, intellect. Ambassador's mission usually lasted for three years (some months as an exception). Among attached employees, there were cooks, grooms, maids, musicians, lackeys and tailors. Luggage of French ambassadors was quite serious. One of diplomats brought to Constantinople 60 furniture crates, 300 kilograms of tableware, gold-embroidered cloth, velvet, sateen, broadcloth for the sultan ([Borisov, 1991](#)).

Philip IV ordered his diplomats conceding to French representatives in any case. It was a glorious victory of the House of Bourbon who struggled for prestige of their power. When Louis XIV finished his reign, the French diplomatic corps comprised 15 ambassadors, 15 envoys and 2 residents. Ambassadors were appointed for the "first-rank" European countries (England, Spain). In Vienna, the French king was represented by his envoy in protest against their honors paid to the Spanish ambassador. Special envoys were accredited at small courts (like Germanic ones).

Louis XIV succeeded in the French culture development. Architects and artists, writers and poets created the cult of ruler. The royal memory was embodied in the Palace of Versailles, the Grand Trianon, the Hôtel des Invalides, the Louvre Colonnade, the Porte Saint-Martin and the Porte Saint-Denis in Paris. There were architect Jules Hardouin-Mansart; artists and sculptors Charles Le Brun, François Girardon, Jacques Sébastien Leclerc, Georges de La Tour, Antoine Coysevox and Hyacinthe Rigaud; writers, poets and playwrights Jean-Baptiste Poquelin, Jean Racine, Nicolas Boileau-Despréaux, Jean de La Fontaine and Charles Perrault. Besides, the Academies of Science, Music and Architecture were constructed (with the French Academy in Rome). In the 18th century, France was still a leader of international relations.

The art of diplomacy also developed in young Western countries like the USA. The American diplomacy introduced new principles into international relations. In particular, they concerned social equality of all people and national sovereignty. On 29 November 1775, the USA established the Commission for Secret Communication for work with partners of British, Irish and other countries' colonies. This authority was similar to a foreign affairs ministry.

On 3 March 1776, the Commission sent Silas Deane, a Continental Congress member, as a secret agent to obtain the French support. In Paris, he met with Pierre-Augustin de Beaumarchais, a famous writer of works "The Barber of Seville" and "The Marriage of Figaro". With his assistance, Silas Deane coordinated departure of volunteers, soldiers and weapon. Therefore, the Victory ship came to America in 1777. The latter was funded by Marquis de La Fayette, a young French soldier.

Pierre-Augustin de Beaumarchais accomplished his secret mission eagerly. He wrote to the American Congress: "Your deputies and gentlemen may regard me as a true friend. They can find a safe shelter in my house and cash in my chests. Let they completely rely on my support in official or secret affairs" (Efimov, 1941: 304).

Acting on behalf of Roderique Hortales & Co., a fake trade enterprise founded by Beaumarchais, Deane bought outfits for 20,000 persons, 30,000 muskets, 100 tons of gunpowder and 200 cannons. Beaumarchais let Deane into many affairs and did not reveal his being an informal agent of the French government. This precaution proved to be reasonable. Silas Deane discussed many issues with George Bancroft, a secret Congress agent in France and simultaneously an intelligencer of the British government. Understanding real Deane's goals, the English Foreign Affairs Ministry started capturing ships that were chartered by Roderique Hortales & Co.

After the Declaration of Independence, the American Republic sent Benjamin Franklin as an ambassador to Paris. As a well-known philosopher, scientist and public figure, he made great discoveries of electricity and created the ship-building theory. Karl Marx appreciated his knowledge of political economy. Franklin was elected a member of the English Royal Society. Besides, the Copley Medal was awarded to him for scientific achievements.

England apprehended danger of Franklin's position as an American ambassador to France. Lord Rockingham treated Franklin's presence in Paris as a more serious attack for Great Britain than their previous New York seizure for colonies (Efimov, 1941: 306).

Lord and ambassador Stormont threatened to leave Paris if the leader of American rebels would be allowed to appear here. Charles Gravier, the French foreign affairs minister, told Franklin had been sent a Paris travel ban that he did not get. Now, Franklin's exile from Paris could be regarded as "a scandalous inhospitality". Therefore, Franklin was solemnly received in Paris.

For his first Paris visit in 1767, Franklin resorted to the French fashion of wearing a caftan and a powdered wig. In 1776, as the American Republic ambassador, he appeared among Parisians in a brown modest caftan with combed hair in a marten cap. The diplomat was so popular that his forgiven originality became a role model. Shops and cafés were decorated with his busts and portraits. His image was etched on rings, medallions, canes and snuffboxes.

The American diplomat became a Paris style influencer via art as a means of communicating to common people and diplomatic corps. Franklin actively cooperated with Beaumarchais who persuaded Louis XVI to ally with the USA.

Ambassadorial rite as a Muscovy diplomacy factor in the 17th century. The Muscovy ambassadorial rite (diplomatic etiquette) was created at the 17th century end. Although mainly borrowed from the Western ceremony tradition, Muscovy possessed a specific culture, which is fairly treated as Eurasian.

Let us observe reception of foreign ambassadors in Moscow. At the border, a special officer met ambassadors. The priority of cap taking off was taken into account before approaching another partner. The ambassador was escorted from the right side. They got many provisions. Sent to the tsar Alexei Mikhailovich, the ambassador P. Meyerberg was given 7 glasses of simple wine, 2 glasses of Rhine wine, 2 glasses of romance wine, 1 bucket of beer, 4 mugs of honey.

On their way to Moscow, ambassadors were met with honors. However, no military officers could visit them before the tsar audience. Sometimes, common people asked ambassadors for mediation to their local authorities. Very often, these requests were appreciated, which solved current problems of residents.

Within several versts to Moscow, ambassadors stopped to get a travel permission. On the granted day, harnessed carriages were sent to them. Under Moscow, a debate began on who would be the first to get off the carriage or dismount from horses. After tsar's greeting, the debate concerned taking a certain seat in the carriage. In 1678, such a debate between Polish-Lithuanian ambassadors and escort officers lasted for two hours when the procession had suddenly stopped. Finally, two Russians with a Pole sat in the first row and two Poles with a Russian in the second row (Bahrushin, 1941: 240-241). Later, the escort officers took care of ambassadors' residence and provision. They mediated between them and Muscovy authorities.

Ambassadors entered Moscow with pomposity and luxury. In 1630-1631, Dutch ambassadors were met by the equerry within a verst before Moscow. On behalf of the tsar, he granted them 2 sledges while the suite became 17 argamaks or Caspian horses. "Having got on the sledges, the ambassadors saw many riders in luxurious garments: princes, boyars and other nobles. They escorted the entering ambassadors", – noted Albert Burgh (Donesenie..., 1991: 311).

On the way to Moscow, the ambassadors listened to tsar's greetings from high-rank people. For this goal, a special tsar's interpreter was resorted to. The ambassadors were greeted by bare-headed persons.

The ambassadorial suite and tsar's officials moved to the city with many common people and soldiers around on streets. Ambassadors of crowned persons stayed at the Persian Podvorie and waited for tsar's audience. On the reception day, the ambassadors were brought to the Kremlin between rows of armed

soldiers and common people. Entering the Kremlin, the ambassadors saw court merchants with brocaded garments and fox-fur caps on.

The tsar sat on the throne with a crown on the head and a scepter in the right hand. Rightward, there was a patriarch with a golden miter and a cross. Leftward, there was a golden pyramid with a crown, which was a sign of the absent tsarevitch. Four stolniks stood near the tsar with crosswise-worn pole axes. Other important princes, boyars and nobles were present in the hall as well. The Polish suite was not allowed to leave the residence without a special permission. Outdoors, suite members were escorted with a soldier ([Donesenie..., 1991: 312](#)).

Solemn perceptions of foreign ambassadors took place in the Palace of Facets. About 150 stolniks catered for 500 guests at the dining tables. The ambassadors introduced themselves with hats on. In the second half of the 17th century, the ambassadors spoke with a bare head and without any swords. The ambassadors were introduced by an okolnichy. He asked about tsar's health and spoke with a welcome speech. Then, the tsar stood up and asked about health of the represented ruler. In such a case, no crown was taken off. In 1658, Hungarian ambassadors protested against this tradition. They were answered that the crown is not a hat; it is not taken off even during divine services.

After greetings, the ambassador handed over his credentials to a special clerk. Then, he could shake a tsar's right hand while the scepter was put in the left hand. Later, tsar washed his right hand under a silver washstand, which extremely offended foreign guests. Only Christians could kiss tsar's hands. For Muslim ambassadors, there was another tradition: the tsar put his hand on their head. After kissing, the ambassadors sat down on a bench opposite to the throne. Later, the ambassadors spoke with a brief speech when they reported the visit purpose and gave gifts. In 1692, Persian ambassadors presented live lion and lioness. They were brought on sledges separately. Without being shown in the palace, the animals stayed at the Red Porch ([Bahrushin, 1941: 244-245](#)).

In some days after the solemn audience, another one was appointed under more modest circumstances. For the second case, the ambassadors were reported about several boyars for negotiations. They took place in "a responding room". Later, a farewell audience occurred. In case of successful negotiations, the tsar entertained the ambassadors to mead. Sometimes, they put an empty mead vessel in the bosom. In England, there were special vessels for shameless ambassadors: copper, silver- and gold-plated.

Negotiations also took place in border cities during special ambassadorial congresses. Ambassadors negotiated in closely located marquees. Sometimes, the negotiating table began in the first marquee and ended in the second one. So, the table was shared between two marquees simultaneously. There was debate on what marquee occupied the larger table part ([Bahrushin, 1941: 245](#)).

The tradition of treaty strengthening via marriage with foreign courts get out of use in the 16th century. The last case occurred when Ivan III married his daughter Elena to Alexander, the Lithuanian prince. The goal was fixing peace. However, relations between the Orthodox and Catholic churches made such marriages practically impossible ([Bahrushin, 1941: 246](#)).

In the 17th century, Moscow is being interested in inner affairs of foreign countries as a defender of European monarchic institutes. After execution of Charles I, government of Alexei Mikhailovich stopped trade relations and did not recognize the Commonwealth of England. Foundation of imperial diplomacy was laid in the 17th century. For example, animosity of the conquered Orthodox population was used against Turks.

Besides, the 17th century launched struggle against anti-Russian press propaganda. During the Stepan Razin's rebellion, Sweden published Riga messages that offended tsar's dignity. In 1650, the treaty with the Polish-Lithuanian Commonwealth provided for elimination of books that condemned Muscovy policies. It was a reason for treaty dissolution ([Istorija diplomatii, 2006: 78](#)).

Through absence of diplomatic missions, Russian authorities were poorly notified of foreign policies. The information main source was newspapers translated by the Ambassadorial Prikaz. Such a source could not replace diplomatic messages.

Professional features of Russian diplomats comprised all shades of stiff slyness, which was applied to cheat foreigners. They could pass lie for truth, pass over details in silence, dodge duties, etc.

Simultaneously, Moscow diplomatic techniques were quite naïve. During one audience, the Moscow ambassador in Florence asked Ferdinando about Polish ambassador' mission in Spain. Another case concerned Honorius and Arcadius. Moscow diplomats told these emperors had sent a crown to Vladimir, the first Muscovy prince. After the reply on the emperors' having lived 600 before Vladimir, the diplomats alleged there had been other Honorius and Arcadius as "Vladimir's contemporaries". In contrast, foreign diplomats applied these techniques more skillfully.

At the 17th century beginning, the Ambassadorial Prikaz was small. In 1594-1601, it comprised a clerk and up to 17 assistants. In 1684, there were 53 assistants, 22 translators and 17 interpreters for different languages: Greek, Latin, Polish, German, Caesarean, Swedish, Dutch, Italian, French, Hungarian, Byelorussian, Armenian, Tatar, Turkish, Kalmyk, Nogai, Khiva, Persian, Mongolian ([Istorija diplomatii, 2006: 73, 79](#)).

Since 1667, the Ambassadorial Prikaz was headed by boyars rather than clerks, which underlined diplomacy significance in the country life. Established by Ivan IV, ambassadorial ceremonies with slight amendments existed orally in Muscovy till the 17th century end. The embassy showed majesty of rulers within relations to European and Eastern monarchies.

After proclamation of the Russian Empire by Peter I and creation of the Collegium of Foreign Affairs (the Ambassadorial Collegium till 1719), the diplomatic protocol was coordinated by one of four dispatch offices – according to the Regulation as of 11 April 1720. In the 18th century, there were masters of ceremonies. Their task was court etiquette enforcement. Audience rules were properly considered and adopted by the empress Elizaveta Petrovna in 1744. The title of this document was “Ceremony Order for Foreign Ambassadors within the All-Russian Imperial Court” (PSZRI, Vol. XII. №8908). In 1779, the Collegium of Foreign Affairs created a ceremonial department.

Codification of diplomatic protocol and ceremony guidelines in the Russian Empire legislation of the 19th century. State attempts of converting diplomatic principles into legal international norms were traced to the 19th century. This task was in agendas for the Congress of Vienna (1815) and the Congress of Aix-la-Chapelle (1818). As an important political tool, the adopted acts had been regulating international diplomatic norms for 150 years (Kvasov, 2011: 11).

In 1802, the Russian Empire founded the Foreign Affairs Ministry. The office was headed by a respective minister with full control of important political correspondence. Till 1887, the latter was performed in French.

In 1826, Nicholas I founded the Imperial Court Ministry. The heading minister was chancellor of tsar's orders with direct subordination to the emperor. In 1827, the ceremony norms as of 1744 were amended as “The Highest-Rank Etiquette of the Russian Imperial Court” (PSZRI, Vol. II. №802).

The Ceremony Affairs Department informed ambassadors about all public ceremonies. The Collegium of Foreign Affairs folded in 1832. The respective protocol service remained in the Ceremony Affairs Department. It was managed by the court master of ceremonies.

On 29 October 1858, there was another adopted resolution with the title “On Appending the Ceremony Affairs Department to the Imperial Court Ministry”. Consequently, the office comprised masters of ceremonies, chief and two secretaries. The office consisted of two units. The first unit coordinated relations to the diplomatic corps. The second unit organized ceremonies for court feasts and other solemn events according to minister's orders (PSZRI, Vol. XXXIII. № 33978).

Duties of ceremony office members were defined within a strict court etiquette. For granting an emperor's audience, foreign mission heads first addressed themselves to the foreign affairs minister. With emperor's consent, the latter informed foreign guests and the imperial court minister about date and time of audience. Then, the imperial court talked to masters of ceremonies (PSZRI, Vol. XXXIII. №33978).

The etiquette strictly regulated the court life. All assignments were predetermined (monarch's escort, missions, ceremonies, audiences, dances, feasts). Therefore, the 18th-19th centuries summarized and adopted norms of the Russian diplomatic protocol.

5. Conclusion

As the diplomatic protocol history shows, attitude to ceremonies was equated with attitude to authorities. Propaganda and ideology had been playing an important role in state foreign policies. With art as a communication factor, cultural diplomacy is a relevant element of world politics.

Treaties and other diplomatic documents were signed within a thoroughly arranged ceremony. Artists (poets, writers, musicians, actors, dancers, architects, sculptors, painters, etc.) promoted ruler's reputation and image of their country on the international arena.

Famous intellectuals were often applied by state authorities as accredited representatives, personal secretaries or diplomatic advisors. It underlines wisdom and reason of rulers. It was artists who founded the Modern Age diplomacy. They impacted on skills of negotiations and performed important duties in international politics.

Having compared ceremonies of various countries, we see both similar and different features of specific original character.

For example, Muscovy ambassadorial rites reveal a long process of Eurasian ceremonial culture formation, which absorbed Western and Eastern diplomatic techniques. The Russian Empire possessed the protocol peak in the 19th century when diplomatic guidelines were codified as certain legal acts.

In general, historical sources confirm the art significance in diplomacy and world politics of the 17th-19th centuries.

References

- Bahrushin, 1941 – Bahrushin, S. (1941). *Diplomatija v XVII veke* [Diplomacy in the 17th century]. *Istorija diplomatii*. T. 1. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoy literatury. Pp. 204-250. [in Russian]
- Borisov, 1991 – Borisov, Ju. (1991). *Diplomatija Ljudovika XIV* [Diplomacy of Louis XIV]. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 382 p. [in Russian]
- Civatyj, 2014 – Civatyj, V. (2014). *Instytucii ta dylemy jevropejs'koi' dyplomatychnoi' praktyky doby rann'ogo Novogo chasu (XVI–XVIII st.)* [Institutions and dilemmas of European diplomatic practice of the early modern period (XVI–XVII centuries)]. *Naukovyj visnyk Dyplomatychnoi' akademii' Ukrainy*. T. 21. Chastyna 1. Pp. 136-141. [in Ukrainian]

- Civatyj, 2016** – *Civatyj, V.* (2016). Evropejs'kyj polityko-dyplomatychnyj dialog v instytucional'nomu prostori mizhderzhavnyh vidnosyn doby rann'ogo Novogo chasu (XVI-XVIII st.) [European political and diplomatic dialogue in the institutional space of interstate relations of the early modern period (XVI-XVIII centuries)]. *Problemy vsesvitn'oi istorii*. 2: 72-81. [in Ukrainian]
- Degtyarev, Zavorodnia, 2018** – *Degtyarev, S.I., Zavorodnia, V.M.* (2018). The Bessarabian Question in 1917–1918: the Relations of Romania, Bessarabia and Ukraine. *Bylye Gody*. 48(2): 872-879. DOI: 10.13187/bg.2018.2.872
- Degtyarev, Zavorodnia, 2019** – *Degtyarev, S.I., Zavorodnia, V.M.* (2019). Ukrainsko-rumynskiye diplomaticheskiye i torgovo-ekonomicheskiye otnosheniya na fone Bessarabskoy problemy v 1918 g. [Ukrainian-Romanian diplomatic and economic relations in the context of the Bessarabian question in 1918]. *Rusin*. 55. DOI: 10.17223/18572685/55/11
- Donesenie..., 1991** – Donesenie niderlandskih poslov Al'berta Kunratsa Burha i Ioganna fon Feltdrilja o ih posol'stve v Rossiju v 1630 i 1631 godah. Inostrancy o drevnejšej Moskve. Moskva XV-XVII vekov [Report of the Dutch ambassadors Albert Kunraths Burch and Johann von Feltdriel about their embassy to Russia in 1630 and 1631. Foreigners about ancient Moscow]. M.: Stolica, 1991. 432 p. [in Russian]
- Efimov, 1941** – *Efimov, A.* (1941). Diplomatiya molodoy Amerikanskoj respubliki (1775-1794) [Diplomacy of the young American republic (1775-1794)]. *Istorija diplomatii*. M. 1: 303-316. [in Russian]
- Grigorieva, 2014** – *Grigorieva, T.* (2014). Istorija diplomatii: vid davnyi do kincja XVIII st. [History of diplomacy: from ancient times to the end of the 18th century]. K.: Vidavnychij dim «Kiyev-Mogiljanska akademija». 177 p. [in Ukrainian]
- Istorija diplomatii, 2006** – Istorija diplomatii [History of diplomacy]. T.1. M: ACT- ACT, 2006. 943 p. [in Russian]
- Kalashnik, 2007** – *Kalashnik, G.* (2007). Vstup do diplomatichnogo protokolu ta dilovogo etiketu [Introduction to diplomatic protocol and business etiquette]. K.: Znannja. 143 p. [in Ukrainian]
- Kvasov, 2011** – *Kvasov, O.* (2011). Protokol i jetiket: diplomaticheskij, delovoj, obshhegrazhdanskij [Protocol and etiquette: diplomatic, business, general civil]. M.: Vostok-Zapad. 183 p. [in Russian]
- Olbrich, 2017** – *Olbrich, F.* (2017). Richard Wortman: Visual Texts, Ceremonial Texts, Texts of Exploration: Collected Articles on the Representation of Russian Monarchy. *Apparatus. Film, Media and Digital Cultures of Central and Eastern Europe*. 4. DOI: <https://doi.org/10.17892/app.2017.0004.80>
- Podvorna, 2014** – *Podvorna, O.* (2014). Diplomatičnij protokol ta etiket. [Diplomatic protocol and etiquette]. Ostrog: Vidavnicтво nacional'nogo universitetu «Ostrožka akademija». 236 p. [in Ukrainian]
- PSZRI** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian empire]. [in Russian]
- Sagajdak, 2012** – *Sagajdak, O.* (2012). Diplomatičnij protokol ta etiket. [Diplomatic protocol and etiquette]. K.: Znannja. 262 p. [in Ukrainian]
- Shandra, 2006** – *Shandra, V.S.* (2006). Wortman R.S. Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoj monarkhii: V 2 t. [Wortman R.S. Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy: In 2 volumes]. *Ukrayins'kyi istoryčnyy zhurnal*. 2: 206-210. [in Ukrainian]
- Skazkin, 1941** – *Skazkin, S.* (1941). Obshhaja harakteristika diplomatii i diplomatičeskijh organov v XVI – XVII vekah [General characteristics of diplomacy and diplomatic bodies in the 16th – 17th centuries]. *Istorija diplomatii*. M. 1: 171-185. [in Russian]
- Vladyševska, Grushko, 2023** – *Vladyševska, V., Grushko, M.* (2023). Dyplomatychnyj protokol ta etyket [Diplomatic protocol and etiquette]. Odesa: Feniks. 88 p. [in Ukrainian]
- Vud, Serre, 1976** – *Vud, D., Serre, Zh.* (1976). Diplomatičeskij protokol i ceremonial [Diplomatic protocol and ceremonial]. M.: Progress. 400 p. [in Russian]
- Wortman, 1995** – *Wortman, R.* (1995). Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol.1. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Wortman, 2000** – *Wortman, R.* (2000). Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol.2. From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Princeton: Princeton University Press.
- Zaharova, 2014** – *Zaharova, O.* (2014). Gosudarstvennyj ceremonial kak programma vlasti [State ceremony as a program of power]. Moskva: Tsentrpoligraf. 381 p. [in Russian]
- Zaharova, 2019** – *Zaharova, O.* (2019). Jazyk ceremonial'nogo zhesta y kostjuma [The language of ceremonial gesture and costume]. *Literatura ta kul'tura Polissja*. Vypusk 97: 48-58. [in Russian]
- Zaharova, 2021a** – *Zaharova, O.* (2021). Tseremonija inavguracii' jak faktor publichnoi' dyplomatii [The inauguration ceremony as a factor of public diplomacy]. *Aktual'ni problemy gumanitarnykh nauk*. 1(36): 79-85. [in Ukrainian]
- Zaharova, 2021b** – *Zaharova, O.* (2021). Bal'nyj ceremonial (muzyka, horeografichne mystectvo) jak faktor publichnoi' dyplomatii [Ball ceremonial (music, choreographic art) as a factor of public diplomacy]. *Aktual'ni problemy gumanitarnykh nauk*. 2(40): 11-15. [in Ukrainian]
- Zinchenko, 2002** – *Zinchenko, A.* (2002). Istorija diplomatii: vid davnyi do novogo chasu [History of diplomacy: from ancient times to the new hour]. Vinnicja: Nova kniga. 433 p. [in Ukrainian]

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 532-539
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.532

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Russian Freemasonry from Peter I to Nicholas II: a Historical Sketch

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

This study is devoted to the activities of the Order of Freemasons in the Russian state during the reign of Peter I (1682–1725) to Nicholas II (1894–1917). The materials include works on Russian Freemasonry from the pre-revolutionary, Soviet and modern periods, and the research methodology includes such methods of historical research as historical-systemic, historical-genetic, content analysis, classification method, etc.

Summing up the research, the author notes that the novelty of the presented work is due to a more convenient and simplified classification of the periods of development of Freemasonry in Russia, which includes four stages: 1. The birth of Freemasonry in Russia (1698–1731): the so-called "legendary" period, which is not confirmed in the documents, however, the Europeanizing policy of Peter I allows most historians to assume a strong influence of the ideas of Freemasonry on the first Russian emperor; 2. The establishment of Freemasonry (1731–1762): a representative office of the order was opened in the Russian Empire, and ideas began to spread among the political elites, namely, the noble guard. There are no direct documents on the political influence of the Masonic lodge, but during this period five monarchs were enthroned or overthrown by the guard. In our opinion, the influence of the Freemasons was not so strong, especially during the reign of Anna Ioannovna and Elizabeth Petrovna, to determine the policy of the state; 3. The spread of Freemasonry in the Russian Empire (1762–1792): it became possible thanks to the liberal policy of Catherine the Great; Freemasons spread extremely widely (including Tsarevich Pavel Petrovich), as a result of which they began to influence politics and represent the opposition, effectively destroying the state system built by Catherine. This led to the prohibition of Freemasonry; 4. The prohibition of Freemasonry in Russia (1792–1917). Paul I, being a Freemason himself, realized the negative impact, if not of the ideas, then of the actions of Freemasonry, therefore Catherine II's ban remained in force. While maintaining the legal ban, but somewhat indulging the Freemasons, Alexander I in 1801–1822 treated them with leniency until their ideas began to mix with revolutionary Decembrism. In 1822, a decree was issued prohibiting the activities of any secret societies, which remained in force until 1917, and Freemasonry in Russia became illegal.

Keywords: Freemasons, Russian Freemasonry, Freemasons in the Russian Empire.

1. Введение

Проблема масонства в России является весьма дискуссионной: одни авторы стараются обвинить орден во многих бедах государства, пытаясь доказать вредоносную сущность для Российской империи, другие же говорят о пользе членства в нём российских деятелей – от чиновничества (включая и высший уровень) до деятелей культуры.

В данной работе, на основе широкого использования историографических материалов по деятельности масонского ордена в дореволюционной России, а также анализа доказательств

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

различных авторов, попробуем осветить те плюсы и минусы, включая и мнимые, которые принесли с собой масоны в Российское государство.

Отметим также один момент, касающийся категориально-понятийного аппарата. Россия стала империей в 1721 г., хотя масонство, по мнению некоторых историков и современников, было распространено и ранее, однако документальных тому подтверждений нет. Первый «задокументированный» масон появился в России в 1731 г., когда страна уже стала империей. Поэтому анализ истории масонства в имперский период подразумевает и «доимперское» царствование Петра I.

2. Материалы и методы

Материалами для нашего исследования послужили работы дореволюционных (см., в частности, [Масонство..., 1914](#); [Иванов, 2008](#)), советских (например, [Николаевский, 1990](#); [Пыляев, 1990](#); [Дружинин, 1986](#)) и современных (см., например, [Башилов, 2003](#); [Брачев, 2003](#); [Брачев, 2005](#); [Брачев, 2006](#); [Кондаков, 2017](#); [Крюкова, 2004](#); [Острецов, 2004](#); [Пахомова, 1998](#); [Соловьев, 2006](#); [Соколовская, 2000](#); [Соколовская, Лотарева, 2007](#) и др.) авторов.

В качестве методов были применены следующие методы исторического исследования:

- Историко-специальный системный метод, подразумевающий исследование проблемы масонства в дореволюционной России в неотрывной связи с внешне- и внутривнутриполитической ситуацией, а также дипломатической конъюнктурой;
- Историко-специальный генетический метод: применён для изучения причинно-следственной связи между деятельностью масонов в России и конкретными внутривнутриполитическими и внешнеполитическими результатами;
- Общенаучный метод контент-анализа или историографический метод использовался для анализа научной литературы по проблеме масонства в дореволюционной России;
- Общенаучный метод классификации: применялся для распределения этапов истории развития масонского движения в России по категориям на основе критериев массовости, легальности и влияния на политику.

3. Обсуждение

Работ по истории масонства весьма много, как зарубежных, так и российских. Кроме того, они весьма разнообразны по объёму, предмету исследования (объект исследования един – деятельность масонов в России), стилю изложения (научный, научно-популярный, публицистический) и т.д. Чтобы ограничить выборку, мы остановили своё внимание на работах российских учёных, являющихся либо фундаментальными, либо опубликованными в научных изданиях (в том числе – электронных); поэтому в историографический обзор не попали газетные статьи, а также материалы в интернет-изданиях, которые не относятся к научным. Небольшой объём и лаконичные задачи данного исследования не позволяют сделать анализ весьма многочисленных зарубежных трудов по масонству.

Исходя из соображений удобства, считаем возможным разделить историографию на три раздела: работы дореволюционных авторов, труды советского периода и современные исследования на тему масонства в Российской империи, сделав упор на последней категории – работах современных учёных.

Из работ, опубликованных в Российской империи, особо отметим двухтомный фундаментальный труд «Масонство в его прошлом и настоящем», выполненный коллективом авторов под редакцией С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова ([Масонство..., 1914](#)), а также монографию В.Ф. Иванова «Русская интеллигенция и масонство: от Петра Первого до наших дней» ([Иванов, 2008](#)), в которых проводится глубокий анализ истоков масонства, его возникновения и деятельности в Российском государстве, а также влияния на политику и борьбу общества и чиновничества с таковым.

Из работ советских учёных укажем монографию Б.И. Николаевского «Русские масоны и революция» ([Николаевский, 1990](#)), а также работы М.И. Пыляева ([Пыляев, 1990](#)), Н.М. Дружинина ([Дружинин, 1986](#)) и др. Отметим, что в советской истории было некорректно писать исследования на религиозные темы, поэтому основная часть работ датируется так называемым «перестроечным» периодом (1985–1991 гг.).

Вместе с тем современных российских работ по масонству так много, что считаем возможным разделить их на две категории: работы фундаментального характера и статьи в различных научных изданиях.

Среди фундаментальных исследований по истории российского масонства отметим исследования Б. Башилова ([Башилов, 2003](#)), В.С. Брачева ([Брачев, 2003](#); [Брачев, 2005](#); [Брачев, 2006](#)), Ю.Е. Кондакова ([Кондаков, 2017](#)), Ю.С. Крюковой ([Крюкова, 2004](#)), В.М. Острецова ([Острецов, 2004](#)), Л.М. Пахомовой ([Пахомова, 1998](#)), О.Ф. Соловьева ([Соловьев, 2006](#)), Т.О. Соколовской, Д.Д. Лотаревой ([Соколовская, 2000](#); [Соколовская, Лотарева, 2007](#)) и др.

Из статей в научных изданиях в данной работе были использованы труды таких авторов, как В.С. Белых ([Белых, 2011](#)), В.С. Брачев ([Брачев, 2007](#)), Л.Н. Вдовина ([Вдовина, 2024](#)), М.А. Войтович ([Войтович, 2019](#)), Г.В. Гусева, Е.Н. Григорьев ([Гусева, Григорьев, 2023](#)), А.В. Дмитриев ([Дмитриев, 2022](#)), Дмитриева А.А. ([Дмитриева, 2023](#)), В.А. Ермаков, А.А. Андросов ([Ермаков, Андросов, 2017](#)),

В.Ю. Захаров (Захаров, 2008), А.О. Иванов (Иванов, 2023), М.А. Карвелис (Карвелис, 2010), С.П. Карпачев (Карпачев, 2014), С.Е. Киясов (Киясов, 2011), Р. Ключник (Ключник, 2008), Э.А. Колесник (Колесник, 2019), Ю.Е. Кондаков (Кондаков, 2024), Ю.В. Назарова (Назарова, 2012a; Назарова, 2012b), Т.А. Николаева (Николаева, 2004), П.Д. Николаенко (Николаенко, 2012), Л.М. Пахомова (Пахомова, 1998), И. Розенталь (Розенталь, 2001), Р.Е. Селеверстов (Селеверстов, 2024), А.И. Серков (Серков, 2014), К.Ч. Со (Со, 2012), Т.Г. Фурман (Фурман, 2024), Д.Э. Харитонович (Харитонович, 2001), Л. Хасс (Хасс, 1990), Д.В. Цветков (Цветков, 2023) и др.

Разумеется, это далеко не полный перечень трудов, посвящённых истории дореволюционного масонства в России, однако считаем его вполне достаточным для решения задач и достижения цели, которые поставлены в данной работе – сделать краткий исторический очерк о русском масонстве.

4. Результаты

Прежде всего, несколько слов следует сказать о периодике масонства в Российском государстве, так как в разные периоды истории оно по-разному влияло на внутреннюю и внешнюю политику государства; также и со стороны государства в различные периоды к масонскому ордену было разное отношение, вплоть до диаметрально противоположного.

Периодику русского масонства выделяли ещё дореволюционные авторы (см., в частности, Масонство..., 1914); многие современные авторы (в частности, Соколовская, 2000; Захаров, 2008) её также используют в своих работах. Другие авторы выделяют и другие периоды (см., например, Николаева, 2004: 274).

Нам более удобна классификация, приведённая в работе В.Ю. Захарова, которая делит историю масонства в Российской империи на 10 этапов (Захаров, 2008), однако мы, посредством объединения нескольких этапов в один, решили несколько оптимизировать её (данный элемент и обуславливает научную новизну нашей работы), оставив лишь наиболее существенные из них:

1. Так называемый «легендарный» период (1698–1730 гг.). Дело в том, что приход масонского ордена в Россию первоначально не был зафиксирован в каких-либо источниках (либо таковые ещё не введены в научный оборот). Согласно английским масонским преданиям, Пётр I после своего «Великого посольства» в Европу был принят в орден и принёс его в Россию (Селеверстов, 2024: 85). Другие историки (в частности, Пыляев, 1990: 44-47; Войтович, 2019: 91 и др.) выдвигают предположения, что первым масоном в Российском государстве был француз на русской службе Франсуа Ле Форт, получивший известность как ближайший советник и помощник царя в 1690-х гг. – Франц Яковлевич Лефорт; по их мнению, именно Лефорт «заразил» Петра идеями масонства и поспособствовал принятию его и других его сподвижников в орден. С учётом того, что документированных данных, подтверждающих сказанное, нет, неясно и влияние ордена на государственную политику. Так или иначе, но деятельность Петра Великого и в России, и за рубежом признана большинством историков как одна из наиболее эффективных среди других русских правителей; несмотря на войну со Швецией, первый российский император европеизировал страну, что в полной мере соответствовало и масонским интересам.

2. Второй период (1731–1762 гг.) начинается с «официального» представительства масонского ордена в Российской империи; таким «послом» (Великим российским провинциальным мастером) стал Джон Филипп, назначенный Гроссмейстером великой Лондонской ложи (Захаров, 2008).

Указанный период – годы дворцовых переворотов в России, когда у власти сменилось пять монархов: Анна I Иоанновна (1730–1740), Иван VI Антонович (1740–1741), Елизавета I Петровна (1741–1761), Пётр III (1761–1762), Екатерина II (1762–1796). Какое бы то ни было влияние масонов на перевороты нигде не задокументировано, кроме предположений некоторых авторов (в частности, Брачев, 2003) и политических деятелей. Однако ни до, ни после в истории России не было такой череды смены монархов, причём все они были либо посажены на трон, либо свергнуты гвардией, куда в абсолютном большинстве и стало просачиваться масонство. В пользу теории о том, что его влияние в этот период не было значительным, говорит тот факт, что русские дворяне только начали массово вступать в орден, и дворянство ещё не было охвачено в полной мере идеями масонства.

3. Период правления Екатерины II историками русского масонства обычно делится на два и более периода: 1) с 1762 г. по конец 1770-х гг. и 2) с конца 1770-х гг. до конца 1780-х гг. (Николаева, 2004: 274); это годы, когда масонство достигло своего наибольшего распространения, причём со стремлением русского масонского дворянства постичь мистические знания (Захаров, 2008).

Как указывает А.О. Иванов, «...при Екатерине II масонство получило наибольшее развитие. Императрица сама была родом из Европы, где, к тому времени, движение приобрело масштабный характер», а также «...была создана новая “шведская” система управления, которая признавала право на трон и надеялась на власть Павла I» (Иванов, 2023: 52).

4. Следующий этап развития масонства в России – негласный (1792–1801 гг.) и фактический запрет (1822–1917 гг.) деятельности русской ложи, с периодом своеобразной (тоже негласной) оттепели (1801–1821 гг.).

Екатерина II, несмотря на своё масонское окружение, увидела в его идеях разрушительную для государства силу, поэтому указом от 1 августа 1792 г. де-факто запретила деятельность российской

ложи, отправив в отставку Н.И. Новикова – «главного масона» Российской империи. Как указывает В.Ю. Захаров, «...масонство превратилось в опасный очаг оппозиционных настроений, она (Екатерина – Авт.), видимо, стала воспринимать масонские ложи как готовую организационную оболочку для возможной разработки планов государственного переворота» (Захаров, 2008).

Даже несмотря на то, что Павел I (1796–1801) сам был масоном, придя к власти, он оставил запрет своей матери в силе.

Александр I (1801–1825) тайно благоволил масонам, благодаря чему влияние охватило умы передовой части российского общества, наложившись на идеи декабризма. Причём, был ли он сам масоном или нет, доподлинно неизвестно, и мнения историков на этот счёт расходятся. Однако факт наличия революционных идей, которым масонство, безусловно, способствовало, заставил императора выдать министру внутренних дел В.П. Кочубею рескрипт о запрещении любых тайных обществ, причём для масонских лож не делалось никаких исключений (Серков, 2014: 16–17).

Последующие императоры данный указ де-юре так и не отменили, поэтому масоны находились под юридическим (да и фактическим) запретом вплоть до 1917 г. Несмотря на то, что масонство фактически ушло в нелегальный режим, его влияние сохранилось: сильно развитый дух корпоративизма, красота идей и сепаратистский настрой порой объединяли ту часть дворянской аристократии, которая была недовольна действующей властью.

Современные историки особое внимание обращают на деятельность масонов в начале XX в. в результате неудачной Русско-японской войны, подрыва экономики и революций в период правления Николая II. В.С. Брачев в монографии «Между мистикой и политикой. Русские масоны начала XX века» (Брачев, 2005) приводит сведения о том, что масонская интеллигенция всячески подогревала революционные настроения (в основном, это были кадеты), вступая в разногласия даже с социалистами – социал-революционерами и социал-демократами. В этой части с Брачевым сложно не согласиться, так как в результате Февральской революции 1917 г. именно кадеты и октябристы пришли к власти, свергнув монархию и заставив Николая II отречься от престола.

5. Заключение

История масонства в Российском государстве изобилует неизвестными страницами: доподлинных источников по этой проблеме мало, а имеющиеся часто оставляют весьма двусмысленное впечатление.

Сделанная нами на основе проанализированных классификаций периодика российского масонства имперского периода включает в себя четыре этапа:

- Зарождение масонства в России (1698–1731 гг.): так называемый «легендарный» период, подтверждение которого в документах отсутствует, однако европеизирующая политика Петра I даёт большинству историков предполагать о сильном влиянии идей масонства на первого российского императора;

- Утверждение масонства (1731–1762 гг.): в Российской империи открывается представительство ордена, его идеи начинают распространяться среди политических элит, в частности – дворянской гвардии. Прямых документов о политическом влиянии масонской ложи не имеется, однако в этот период пять монархов были посажены на трон или свергнуты гвардией. По нашему мнению, влияние масонов не было столь сильным, особенно в правление Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, чтобы определять политику государства;

- Распространение масонства в Российской империи (1762–1792 гг.): стало возможным благодаря либеральной политике Екатерины Великой; масоны распространились чрезвычайно широко (включая и цесаревича Павла Петровича), в результате чего стали влиять на политику и представлять из себя оппозицию, фактически разрушая выстроенный Екатериной государственный строй. Это привело к запрету масонства;

- Запрет масонства в России (1792–1917 гг.). Павел I, сам будучи масоном, осознал негативное влияние, если не идей, то действий масонства, поэтому запрет Екатерины II оставил в силе. При сохранении юридического запрета, но некотором потворстве масонам, Александр I в 1801–1822 гг. относился к ним со снисхождением до тех пор, пока их идеи не начали смешиваться с революционным декабризмом. В 1822 г. был издан указ, запрещающий деятельность любых тайных обществ, который сохранил свою силу вплоть до 1917 г., и масонство в России перешло в нелегальное положение.

Литература

- Башилов, 2003 – Башилов Б. История русского масонства. М., 2003.
 Белых, 2011 – Белых В.С. Русское масонство: от Петра Великого до Екатерины II // *История государства и права*. 2011. № 10. С. 39–43.
 Брачев, 2003 – Брачев В.С. Масоны и власть в России. М., 2003.
 Брачев, 2005 – Брачев В.С. Между мистикой и политикой. Русские масоны начала XX века. СПб., 2005.
 Брачев, 2006 – Брачев В.С. Прошлое и настоящее русского масонства (1731–2006). СПб., 2006.

- Брачев, 2007** – Брачев В.С. На путях к дворцовому перевороту: проблема «масонского заговора» накануне революции 1917 года // *Общество. Среда. Развитие*. 2007. № 4 (5). С. 13-29.
- Вдовина, 2024** – Вдовина Л.Н. Духовные искания русского дворянства в XVIII в.: вольтерьянство и масонство // *Земля и Власть в судьбе России. Сборник научных статей участников Всероссийской научной конференции, посвященной 95-летию со дня рождения профессоров А.Г. Кузьмина и В.Г. Тюкавкина*. М., 2024. С. 189-197.
- Войтович, 2019** – Войтович М.А. Масонство в России // *Образование и наука в России и за рубежом*. 2019. № 11 (59). С. 90-103.
- Гусева, Григорьев, 2023** – Гусева Г.В., Григорьев Е.Н. Масонство и его роль в русской революции // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2023. № 2 (28). С. 175-185.
- Дмитриев, 2022** – Дмитриев А.В. Влияние русского масонства на государственную политику России во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. // *Содержательные и методические аспекты преподавания «трудных вопросов» истории (к 350-летию со дня рождения Петра I)*. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2022. С. 10-15.
- Дмитриева, 2023** – Дмитриева А.А. История масонства в России: от Петра I до наших дней // *Человек. Общество. Культура. Социализация. Материалы XIX Международной молодежной научно-практической конференции*. Уфа, 2023. С. 51-54.
- Дружинин, 1986** – Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.Н. Пестеля / *Революционное движение в России в XIX в. Избранные труды*. М., 1986.
- Ермаков, Андросов, 2017** – Ермаков В.А., Андросов А.А. Исторические этапы формирования «масонского заговора» в России второй половины XVIII – начала XX вв. // *Интерактивная наука*. 2017. № 3 (13). С. 22-34.
- Захаров, 2008** – Захаров В.Ю. Основные этапы развития масонства в России, его соотношение с конституционализмом // *Знание. Понимание. Умение. Электронный журнал*. 2008. № 6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Zakharov_masonry (дата обращения: 10.01.2025)
- Иванов, 2008** – Иванов В.Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра Первого до наших дней. Переизд. М., 2008.
- Иванов, 2023** – Иванов А.О. История масонства в России: от Петра I до наших дней // *Человек. Общество. Культура. Социализация. Материалы XIX Международной молодежной научно-практической конференции*. Уфа, 2023. С. 52-54.
- Карвелис, 2010** – Карвелис М.А. Философско-эстетические взгляды масонов в художественной культуре России XVIII века // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2010. № 2 (26). С. 30-40.
- Карпачев, 2014** – Карпачев С.П. Иностранцы в русском масонстве: вторая половина XVIII века // *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки*. 2014. № 3 (15). С. 18-24.
- Киясов, 2011** – Киясов С.Е. Последние масоны Российской империи // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2011. Т. 11. № 2-2. С. 40-45.
- Ключник, 2008** – Ключник Р. От Петра I до катастрофы 1917 г. // *Масонские заговоры: декабристов, Сперанского, против Павла, против А. Пушкина. Сер. 2. Лекции в народном университете*. М., 2008.
- Колесник, 2019** – Колесник Э.А. Русское франк-масонство и отражение проблемы в школьном курсе истории // *Педагогическое призвание. Сборник статей Международного научно-методического конкурса: в 2 частях*. МЦНП «Новая наука». 2019. С. 85-88.
- Кондаков, 2017** – Кондаков Ю.Е. «Рыцарские» системы масонства в России: 1772-1822. М., 2017.
- Кондаков, 2024** – Кондаков Ю.Е. Кровь в обряде масонской инициации // *История повседневности*. 2024. № 1 (29). С. 113-126.
- Крюкова, 2004** – Крюкова Ю.С. Общество и масонство в России в 30-90-е годы XVIII века. Дисс. канд. ист. наук. Ярославль, 2004.
- Масонство..., 1914** – Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С.П. Мельгунова и Н.П. Сидорова. Т. 1-2. СПб., 1914-1915.
- Назарова, 2012a** – Назарова Ю.В. Влияние масонства на идеи русского либерализма в начале XX века // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2012. № 4 (12). С. 15-24.
- Назарова, 2012b** – Назарова Ю.В. Этика русского масонства // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2012. № 2. С. 44-52.
- Николаева, 2004** – Николаева Т.А. Философские и социально-политические условия зарождения и развития масонства в России // *Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета*. 2004. Т. 7. № 2. С. 274-278.
- Николаевский, 1990** – Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990.
- Николаенко, 2012** – Николаенко П.Д. 1822 г.: управляющий МВД В.П. Кочубей и закрытие масонских лож в России // *Клио*. 2012. № 2 (62). С. 125-127.
- Острецов, 2004** – Острецов В.М. Масонство, культура и русская история: историко-критические очерки. М., 2004.

- Пахомова, 1998** – Пахомова Л.М. Российское масонство XVIII в. как феномен общественно-политической и философской жизни России. Дисс. канд. ист. наук. Пермь, 1998.
- Пыляев, 1990** – Пыляев М.И. Старая Москва. М., 1990.
- Розенталь, 2001** – Розенталь И. Жидомасонский заговор: из истории восприятия мифа // *Россия XXI*. 2001. № 2. С. 114-175.
- Селеверстов, 2024** – Селеверстов Р.Е. Русское масонство: истоки возникновения и нравственные поиски / *История, гуманитарные и социальные науки: взаимовлияние и взаимодействие (проблемы теории и практики). Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции*. Красноярск, 2024. С. 85-91.
- Серков, 2014** – Серков А.И. Запрет масонских лож в России // *Международный правовой курьер*. 2014. № 3 (3). С. 16-21.
- Со, 2012** – Со К.Ч. Образ русского масона XVIII века и три пьесы Екатерины II // *Челябинский гуманитарий*. 2012. № 4 (21). С. 43-49.
- Соколовская, 2000** – Соколовская Т.О. Капитул Феникса: высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). М., 2000.
- Соколовская, Лотарева, 2007** – Соколовская Т.О., Лотарева Д.Д. Тайные архивы русских масонов. М., 2007.
- Соловьев, 2006** – Соловьев О.Ф. Русские масоны. М., 2006.
- Фурман, 2024** – Фурман Т.Г. Влияние масонства Европы на российское масонство, политико-правовой аспект // *Евразийский юридический журнал*. 2024. № 2 (189). С. 147-149.
- Харитонович, 2001** – Харитонович Д.Э. Масонство. М., 2001.
- Хасс, 1990** – Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX в. // *Историки отвечают на вопросы*. Вып. 2. М., 1990.
- Цветков, 2023** – Цветков Д.В. Русские масоны XVIII века как проводники китайской философской мысли // *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2023. № 3 (19). С. 244-257.

References

- Bashilov, 2003** – Bashilov, B. (2003). Istoriya russkogo masonstva [History of Russian freemasonry.]. М. [in Russian]
- Belykh, 2011** – Belykh, V.S. (2011). Russkoe masonstvo: ot Petra Velikogo do Ekateriny II [Russian Freemasonry: from Peter the Great to Catherine II]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 10: 39-43. [in Russian]
- Brachev, 2003** – Brachev, V.S. (2003). Masony i vlast' v Rossii [Masons and power in Russia]. М. [in Russian]
- Brachev, 2005** – Brachev, V.S. (2005). Mezhdumistikoi i politikoi. Russkie masony nachala XX veka [Between mysticism and politics. Russian freemasons of the early XX century]. SPb. [in Russian]
- Brachev, 2006** – Brachev, V.S. (2006). Proshloe i nastoyashchee russkogo masonstva (1731-2006) [The past and present of Russian Freemasonry (1731-2006)]. SPb. [in Russian]
- Brachev, 2007** – Brachev, V.S. (2007). Na putyakh k dvortsovomu perevorotu: problema «masonskogo zagovora» nakanune revolyutsii 1917 goda [On the way to a palace coup: the problem of the "Masonic conspiracy" on the eve of the 1917 revolution]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitiye*. 4(5): 13-29. [in Russian]
- Dmitriev, 2022** – Dmitriev, A.V. (2022). Vliyanie russkogo masonstva na gosudarstvennuyu politiku Rossii vo vtoroi polovine XVIII – pervoi chetverti XIX vv. [The influence of Russian Freemasonry on the state policy of Russia in the second half of the 18th – first quarter of the 19th centuries]. *Soderzhatel'nye i metodicheskie aspekty prepodavaniya «trudnykh voprosov» istorii (k 350-letiyu so dnya rozhdeniya Petra I). Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ekaterinburg. Pp. 10-15. [in Russian]
- Dmitrieva, 2023** – Dmitrieva, A.A. (2023). Istoriya masonstva v Rossii: ot Petra I do nashikh dnei [The history of Freemasonry in Russia: from Peter I to the present day]. *Chelovek. Obshchestvo. Kul'tura. Sotsializatsiya. Materialy XIX Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ufa. Pp. 51-54. [in Russian]
- Druzhinin, 1986** – Druzhinin, N.M. (1986). K istorii ideinykh iskanii P.N. Pestelya [On the history of ideological quests of P.N. Pestel]. *Revolutsionnoe dvizhenie v Rossii v XIX v. Izbrannye trudy*. М. [in Russian]
- Ermakov, Androsov, 2017** – Ermakov, V.A., Androsov, A.A. (2017). Istoricheskie etapy formirovaniya «masonskogo zagovora» v Rossii vtoroi poloviny XVIII – nachala XX vv. [Historical stages of the formation of the “Masonic conspiracy” in Russia in the second half of the 18th – early 20th centuries]. *Interaktivnaya nauka*. 3(13): 22-34. [in Russian]
- Furman, 2024** – Furman, T.G. (2024). Vliyanie masonstva Evropy na rossiiskoe masonstvo, politiko-pravovoi aspekt [The influence of European Freemasonry on Russian Freemasonry, the political and legal aspect]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*. 2(189): 147-149. [in Russian]
- Guseva, Grigor'ev, 2023** – Guseva, G.V., Grigor'ev, E.N. (2023). Masonstvo i ego rol' v russkoi revolyutsii [Freemasonry and its role in the Russian revolution]. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal*. 2(28): 175-185. [in Russian]

- Ivanov, 2008** – *Ivanov, V.F.* (2008). Russkaya intelligentsiya i masonstvo: ot Petra Pervogo do nashikh dnei [Russian intelligentsia and freemasonry: from Peter the Great to the present day]. Pereizd. M. [in Russian]
- Ivanov, 2023** – *Ivanov, A.O.* (2023). Istoriya masonstva v Rossii: ot Petra I do nashikh dnei [History of Freemasonry in Russia: from Peter I to the present day]. *Chelovek. Obshchestvo. Kul'tura. Sotsializatsiya. Materialy XIX Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ufa. Pp. 52-54. [in Russian]
- Karpachev, 2014** – *Karpachev, S.P.* (2014). Inostrantsy v russkom masonstve: vtoraya polovina XVIII veka [Foreigners in Russian Freemasonry: the second half of the 18th century]. *Vestnik MGPU. Seriya: Istoricheskie nauki*. 3(15): 18-24. [in Russian]
- Karvelis, 2010** – *Karvelis, M.A.* (2010). Filosofsko-esteticheskie vzglyady masonov v khudozhestvennoi kul'ture Rossii XVIII veka [Philosophical and aesthetic views of masons in the artistic culture of Russia in the 18th century]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. 2(26): 30-40. [in Russian]
- Kharitonovich, 2001** – *Kharitonovich, D.E.* (2001). Masonstvo [Freemasonry]. M. [in Russian]
- Khass, 1990** – *Khass, L.* (1990). Russkie masony pervykh desyatiletii XX v. [Russian Freemasons of the first decades of the 20th century]. *Istoriki otvechayut na voprosy*. Vyp. 2. M. [in Russian]
- Kiyasov, 2011** – *Kiyasov, S.E.* (2011). Poslednie masony Rossiiskoi imperii [The last masons of the Russian Empire]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 11(2-2): 40-45. [in Russian]
- Klyuchnik, 2008** – *Klyuchnik, R.* (2008). Ot Petra I do katastrofy 1917 g. [From Peter I to the catastrophe of 1917]. *Masonskie zagovory: dekabristov, Speranskogo, protiv Pavla, protiv A. Pushkina*. Ser. 2. Lektsii v narodnom universitete. M. [in Russian]
- Kolesnik, 2019** – *Kolesnik, E.A.* (2019). Russkoe frank-masonstvo i otrazhenie problemy v shkol'nom kurse istorii [Russian freemasonry and the reflection of the problem in the school history course]. *Pedagogicheskoe prizvanie. Sbornik statei Mezhdunarodnogo nauchno-metodicheskogo konkursa: v 2 chastyakh. MTsNP «Novaya nauka»*. Pp. 85-88. [in Russian]
- Kondakov, 2017** – *Kondakov, Yu.E.* (2017). «Rytarskie» sistemy masonstva v Rossii: 1772-1822 [“Knightly” systems of freemasonry in Russia: 1772-1822]. M. [in Russian]
- Kondakov, 2024** – *Kondakov, Yu.E.* (2024). Krov' v obryade masonskoi initsiatsii [Blood in the Rite of Masonic Initiation]. *Istoriya povsednevnosti*. 1(29): 113-126. [in Russian]
- Kryukova, 2004** – *Kryukova, Yu.S.* (2004). Obshchestvo i masonstvo v Rossii v 30-90-e gody XVIII veka [Society and Freemasonry in Russia in the 1730s-1790s]. Diss. kand. ist. nauk. Yaroslavl'. [in Russian]
- Masonstvo..., 1914** – *Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem* [Freemasonry in its past and present]. Pod red. S.P. Mel'gunova i N.P. Sidorova. T. 1-2. SPb., 1914-1915. [in Russian]
- Nazarova, 2012a** – *Nazarova, Yu.V.* (2012). Vliyanie masonstva na idei russkogo liberalizma v nachale XX veka [The influence of freemasonry on the ideas of Russian liberalism at the beginning of the XX century]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 4(12): 15-24. [in Russian]
- Nazarova, 2012b** – *Nazarova, Yu.V.* (2012). Etika russkogo masonstva [Ethics of Russian freemasonry]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2: 44-52. [in Russian]
- Nikolaenko, 2012** – *Nikolaenko, P.D.* (2012). 1822 g.: upravlyayushchii MVD V.P. Kochubei i zakrytie masonskikh lozh v Rossii [1822: the head of the Ministry of Internal Affairs V.P. Kochubey and the closure of Masonic lodges in Russia]. *Klio*. 2(62): 125-127. [in Russian]
- Nikolaeva, 2004** – *Nikolaeva, T.A.* (2004). Filosofskie i sotsial'no-politicheskie usloviya zarozhdeniya i razvitiya masonstva v Rossii [Philosophical and socio-political conditions for the emergence and development of Freemasonry in Russia]. *Vestnik MGTU. Trudy Murmanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 7(2): 274-278. [in Russian]
- Nikolaevskii, 1990** – *Nikolaevskii, B.I.* (1990). Russkie masony i revolyutsiya [Russian masons and the revolution]. M. [in Russian]
- Ostretsov, 2004** – *Ostretsov, V.M.* (2004). Masonstvo, kul'tura i russkaya istoriya: istoriko-kriticheskie ocherki [Russian freemasonry of the 18th century as a phenomenon of socio-political and philosophical life in Russia]. M. [in Russian]
- Pakhomova, 1998** – *Pakhomova, L.M.* (1998). Rossiiskoe masonstvo XVIII v. kak fenomen obshchestvenno-politicheskoi i filosofskoi zhizni Rossii [Russian freemasonry of the 18th century as a phenomenon of socio-political and philosophical life in Russia]. Diss. kand. ist. nauk. Perm'. [in Russian]
- Pylyaev, 1990** – *Pylyaev, M.I.* (1990). Staraya Moskva [Old Moscow]. M. [in Russian]
- Rozental', 2001** – *Rozental', I.* (2001). Zhidomasonskii zagovor: iz istorii vospriyatiya mifa [Jewish-Masonic conspiracy: from the history of perception of the myth]. *Rossiia XXI*. 2: 114-175. [in Russian]
- Seleverstov, 2024** – *Seleverstov, R.E.* (2024). Russkoe masonstvo: istoki vzniknoveniya i nraivstvennye poiski [Russian Freemasonry: Origins and Moral Searches]. *Istoriya, gumanitarnye i sotsial'nye nauki: vzaimovliyanie i vzaimodeistvie (problemy teorii i praktiki)*. Sbornik statei po itogam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. Krasnoyarsk. Pp. 85-91. [in Russian]
- Serkov, 2014** – *Serkov, A.I.* (2014). Zapret masonskikh lozh v Rossii [Ban on Masonic Lodges in Russia]. *Mezhdunarodnyi pravovoi kur'er*. 3(3): 16-21. [in Russian]

So, 2012 – So, K.Ch. (2012). Obraz russkogo masona XVIII veka i tri p'esy Ekateriny II [The image of a Russian Freemason of the 18th century and three plays by Catherine II]. *Chelyabinskii gumanitarii*. 4(21): 43-49. [in Russian]

Sokolovskaya, 2000 – Sokolovskaya, T.O. (2000). Kapitul Feniksa: vysshee тайное масонское правление в России (1778-1822) [Phoenix Chapter: The Supreme Secret Masonic Government in Russia (1778-1822)]. M. [in Russian]

Sokolovskaya, Lotareva, 2007 – Sokolovskaya, T.O., Lotareva, D.D. (2007). Тайные архивы русских масонов [Secret archives of Russian Masons]. M. [in Russian]

Solov'ev, 2006 – Solov'ev, O.F. (2006). Russkie masony [Russian masons]. M. [in Russian]

Tsvetkov, 2023 – Tsvetkov, D.V. (2023). Russkie masony XVIII veka kak provodniki kitaiskoi filosofskoi mysli [Russian masons of the 18th century as conductors of Chinese philosophical thought]. *Trudy kafedry bogosloviya Sankt-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii*. 3(19): 244-257. [in Russian]

Vdovina, 2024 – Vdovina, L.N. (2024). Dukhovnye iskaniya russkogo dvoryanstva v XVIII v.: vol'ter'yanstvo i masonstvo [Spiritual quest of the Russian nobility in the 18th century: Voltaireanism and Freemasonry]. *Zemlya i Vlast' v sud'be Rossii. Sbornik nauchnykh statei uchastnikov Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu so dnya rozhdeniya professorov A.G. Kuz'mina i V.G. Tyukavkina*. M. Pp. 189-197. [in Russian]

Voitovich, 2019 – Voitovich, M.A. (2019). Masonstvo v Rossii [Freemasonry in Russia]. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*. 11(59): 90-103. [in Russian]

Zakharov, 2008 – Zakharov, V.Yu. (2008). Osnovnye etapy razvitiya masonstva v Rossii, ego sootnoshenie s konstitutsionalizmom [The main stages of the development of Freemasonry in Russia, its relationship with constitutionalism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie. Elektronnyi zhurnal*. 6. [Electronic resource]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Zakharov_masonry (date of access: 10.01.2025). [in Russian]

Российское масонство от Петра I до Николая II: исторический очерк

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено деятельности ордена масонов в Российском государстве в период правления от Петра I (1682–1725) до Николая II (1894–1917). Материалами стали работы по русскому масонству дореволюционного, советского и современного периодов, а методология исследования включает в себя такие методы исторического исследования, как историко-системный, историко-генетический, контент-анализ, метод классификации и др.

Подводя итоги исследования, автор отмечает, что новизна представленной работы обусловлена более удобной и упрощённой классификацией периодов развития масонства в России, которая включает в себя четыре этапа: 1. Зарождение масонства в России (1698–1731 гг.): так называемый «легендарный» период, подтверждение которого в документах отсутствует, однако европеизирующая политика Петра I даёт большинству историков предполагать о сильном влиянии идей масонства на первого российского императора; 2. Утверждение масонства (1731–1762 гг.): в Российской империи открывается представительство ордена, идеи начинают распространяться среди политических элит, а именно – дворянской гвардии. Прямых документов о политическом влиянии масонской ложи не имеется, однако в этот период пять монархов были посажены на престол или свергнуты гвардией. По нашему мнению, влияние масонов не было столь сильным, особенно в правление Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, чтобы определять политику государства; 3. Распространение масонства в Российской империи (1762–1792 гг.): стало возможным благодаря либеральной политике Екатерины Великой; масоны распространились чрезвычайно широко (включая и цесаревича Павла Петровича), в результате чего стали влиять на политику и представлять собой оппозицию, фактически разрушая выстроенный Екатериной государственный строй. Это привело к запрету масонства; 4. Запрет масонства в России (1792–1917 гг.). Павел I сам, будучи масоном, осознал негативное влияние если не идей, то действий масонства, поэтому запрет Екатерины II оставил в силе. При сохранении юридического запрета, но некотором потворстве масонам, Александр I в 1801–1822 гг. относился к ним со снисхождением до тех пор, пока их идеи не начали смешиваться с революционным декабризмом. В 1822 г. был издан указ, запрещающий деятельность любых тайных обществ, который сохранил свою силу вплоть до 1917 г., и масонство в России перешло в нелегальное положение.

Ключевые слова: масоны, российское масонство, масоны в Российской империи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 540-547
DOI: 10.13187/bg.2025.2.540

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Cult of Holy Places and the Pilgrimage To Them as a Sign of Religious Identity of Kazakh Nomads

Galya A. Alpyspaeva ^{a, *}, Raikhan O. Tuxaitova ^a, Saule A. Bagdatova ^b, Kulpash M. Ilyassova ^c

^a Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical Research University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Institute of State History of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan

^c L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article is devoted to the study of the historical phenomenon of the cult of holy places and the tradition of pilgrimage in the spiritual practice of the Kazakhs. Based on information from archival sources and the works of researchers of the culture of traditional Kazakh society of the 18th – early 20th centuries (Ch.Ch. Valikhanov, I.G. Andreev, A.I. Levshin, Ya.P. Gaverdovsky, N.N. Pantusov, I.A. Kastanye, Yu.A. Schmidt), the characteristic of the historical geography of sacred objects of the Kazakhs is given, the sources of the formation of the cult of holy places in the spiritual worldview of the people are analyzed, regional features (Southern, Western, Central Kazakhstan) of the traditions of veneration of holy places and small pilgrimage are shown. In the southern regions of Kazakhstan, where the level of Muslim religiosity among Kazakhs was higher, and the cult of Muslim preachers dominated; in other regions, in addition to Muslim saints, they revered ancestors, batyrs (heroes), biys (local rich governors), healers, and historical figures. The author summarizes the conclusion that the formation of the religious landscape among the Kazakhs was a consequence of the sacralization of space and the result of the spread and establishment of Islam. The veneration of pagan sacred objects in the cult practices of Kazakh nomads and the deep-rooted traditions of minor pilgrimage can be regarded as a marker of their religious identity and an indicator of the level of Muslim religiosity of the population.

Keywords: Kazakhs, pilgrimage, nomads, Islam, mazars, holy places, religious cults, sacralization.

1. Introduction

E. Durkheim defined religion as constantly repeating rituals and ceremonies to reinforce the feeling of group solidarity among believers. Observance of cult rituals and prescriptions is an important component of acquiring religiosity. The pilgrimage is one of the religious rituals present in almost all religions, but differing in content and form of expression. Dualism of religious consciousness, expressed in the syncretism of monotheism and paganism, was also inherent in Islam. The preservation of relics of the pagan past in Islam was most clearly manifested in the traditions of ritual visits to the holy places.

The pilgrimage to the holy places was an important component of the spiritual practices of believers of different faiths. In Islam, the tradition of pilgrimage was expressed in the worship of sacred places and the relics of saints. Muslim pilgrimage is divided into two categories: Hajj is a major pilgrimage and Umrah is a minor pilgrimage.

The object of our research is the cult of holy places and the minor pilgrimage of Muslim Kazakhs in the 18th-19th centuries, which became widespread in almost all regions of Kazakhstan. The religious daily life of the Kazakhs was connected with the veneration of the saints. The research of spiritual practices of Kazakhs

* Corresponding author

E-mail addresses: galypspaeva@mail.ru (G.A. Alpyspaeva), r.tuxaitova@kazatu.edu.kz (R.O. Tuxaitova), saule_tsa@mail.ru (S.A. Bagdatova), kulpash568@gmail.com (K.M. Ilyassova)

enriches and contributes to the formation of a holistic scientific picture of the history and culture of the people. It is the reason for the interest and attention of the authors to this problem.

2. Materials and methods

The sources used were documentary materials from the funds of Kazakhstani archives and the works of the researchers of traditional Kazakh society of the 18th – early 20th centuries. In the funds of the Archives of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK), the Central State Archives of the Republic of Kazakhstan (CSA RK) and regional archives, reviews and reports of authorized Councils for Religious Affairs (CRA) were identified and studied, which contain historical information and characteristics of holy places of pilgrimage for Kazakhs. In the works of Ch.Ch. Valikhanov, I.G. Andreev, A.I. Levshin, N.N. Pantusov, Ya.P. Gaverdovsky, I.A. Kastanye, Yu.A. Schmidt there are descriptions of the religious beliefs of the Kazakhs, information on the historical geography of holy places in the Kazakh steppe, descriptions and sketches of mazars, elements of the spiritual practice of the Kazakhs.

The methodological basis of the study is the principle of historicism and a systematic approach to the analysis of cultural phenomena and practices, which allowed the authors to adhere to an impartial and objective consideration of the phenomenon of the cult of holy places and the tradition of small pilgrimage to them by Kazakh nomads.

The study uses methods of comparative-contrastive and comparative-historical analysis of archival materials and the texts of works by researchers from the 18th to early 20th centuries. The discourse analysis method was used to study and comprehend previously accumulated narratives of modern authors about the origins of the formation of the cult of saints and the pilgrimage traditions among Muslim Kazakhs. In general, the scientific concept of the article is based on the works and theoretical provisions of pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet researchers of the spiritual culture of the Kazakhs.

3. Discussion

The study of the spiritual practices of believers is an important area of historical science and is one of the relevant topics that contributes to understanding the spiritual worldview of the ethnic groups. The discourse of the cult of the saints has repeatedly become the object of research by ethnographers, cultural scientists, philosophers, and historians (Goldtsier, 1938; Basilov, 1970; Babadzhanov, Muminov, 1999; Sultanova, Khazbulatov, 2015). The monograph by S.Yu. Zhitenev examines the problems of the development of religious pilgrimage as a social and cultural phenomenon with a centuries-old tradition in the world's largest religious systems (Zhitenev, 2012).

The practice of minor pilgrimage among Muslim Kazakhs – ziyarat, has always attracted the attention of researchers of the religious culture of the people and was considered in the context of studying the phenomenon of the cult of saints (Abashin, Bobrovnikov, 2003; Mustafina, 2010; Mustafina, 2020). It is worth noting the series of works by E. I. Larina, in which the cult of holy places among the Kazakhs is interpreted as a factor of hierotopy and identity (Larina, 2018; Larina, 2019). The author gives her vision of the pilgrimage tradition among Muslim Kazakhs and believes that Islam has been developed in two planes among Kazakhs. One was "officially recognized and institutionalized, for example, in muftiyats, madrassas, and state-controlled hajjs to Mecca. Another, everyday Islam, existed in a hidden form among the population, "domesticated", having left public life and lost the theological tradition, but was fully preserved and manifested through ritual practices" (Larina, 2016: 116). Such a practice was a minor pilgrimage to holy places.

As V.P. Litvinov gave his own interpretation, it was the connection between the canonical foundations of the Muslim religion and the relics of paganism that gave rise to "folk Islam." The pilgrimage to the "holy places" of Muslims in Kazakhstan and Central Asia was considered an obligatory sign of true faith in the Prophet, even though canonical Islam condemned it (Litvinov, 2018: 54).

According to the researchers, the great importance of the practice of the pilgrimage among Muslims of Central Asia and the southern regions of Kazakhstan is explained by the specific nature of the emergence of Islam in this region; firstly, the Sufi movement became widespread in the region, and secondly, there was a symbiosis of Islam with local pre-Muslim religious beliefs (Stasevich, 2022: 552).

I.A. Pankov examines the cult of saints in Islam using the example of studying the social space of a particular mazar (gravesite). Drawing on the paradigm of genetic structuralism and the tools of P. Bourdieu's theory of social space, the author reveals the changing nature of social practices and rituals of worship of a sacred object (Pankov, 2018).

In our research, we study the cult of holy places and the pilgrimage to them as one of the indicators of Muslim religiosity of Kazakh nomads, analyze the hierarchical structure of saints, characterize its regional specifics and try to explain the origin and social roots of the cult of saints among the Kazakhs.

4. Results

The tradition of minor pilgrimage among the Kazakhs has a long history and its roots go back to the Middle Ages, as evidenced by the monuments to the holy saints of Islam preserved in the Kazakh steppe, the earliest of which date back to the 10th – 12th centuries. While accepting the basic dogmas of Islam, the Kazakhs preserved in their religious consciousness the stable relics of pre-Islamic indigenous cults,

among which the cult of the saints dominated. Among the Kazakhs, it has been preserved in the form of veneration of the graves of real or mythical righteous people. At the graves of the saints, on sacred days for Muslims (Thursday afternoon and Friday), and on religious holidays, local residents held collective prayers and made sacrifices. Every faithful Muslim was obliged to make an annual donation of the tenth part of his bread, as well as offerings of money and natural products on holidays ([Dashkovskiy, Shershneva, 2020: 252](#)). Popular rumor attributed various supernatural properties to the graves of the saints. Rituals and ceremonies associated with folk medicine were held at holy places.

The cult of mazars – the veneration of tombs and graves, was especially developed among the Kazakh nomads. According to the scientists, the model of the Muslim religion of the Kazakh nomads has long been called the “Islam of tombs” ([Litvinov, 2016: 17](#)). Mazars among the Kazakhs are a specific social and cultural phenomenon, with which certain rituals and customs, traditions and legends were associated. Lieutenant Ya.P. Gaverdovsky noted this feature in the Muslim tradition of the Kazakhs in the Journal of the journey of the Russian embassy to Bukhara in 1803, in which he took part. The lieutenant wrote: “Graves and the memory of the dead are one characteristic feature of this people, left over from the times of idolatry, although it is against the rule of Mohammed, which they follow with vanity, not knowing it at all.” ([Erofeeva, 2007: 36-37](#)). The researcher of the Kazakh society of the 19th century A.I. Levshin also noted this feature of Islam among the Kazakhs, stating the fact of mixing the teachings of Islam with the remnants of idolatry ([Levshin, 1832](#)).

Characterizing the religious beliefs of the Kazakh nomads, the first Kazakh ethnographer, Ch.Ch. Valikhanov, wrote in the 19th century: “Islam has not yet become ingrained in our flesh and blood. ...Among the Kirghiz there are still many who do not even know the name of Mohammed, and our shamans in many places of the Steppe have not yet lost their significance. We are now in a period of dual faith in the Steppe” ([Valikhanov, 1985: 73](#)). Further the scientist states: “He (meaning the Kazakh – *authors*) worshiped the living spirit in the person of the shaman, and the dead spirit – *ongon*” ([Valikhanov, 1904: 11](#)).

Russian explorers and travelers of the 18th to early 20th centuries, who visited the Kazakh steppes and Turkestan, left descriptions of mazars and sacred monuments revered by the Kazakhs. The captain of the Russian army, engineer-topographer I.G. Andreev in his work “Description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaisaks” which was published at the end of the 18th century, wrote about the Kazakhs of the Middle Zhuz: “They have no temples or mosques anywhere, and they only visit the holy place of Tashkent, the city of Turkestan, because there is the tomb of one ancient Khazryat-Saltan, whom they venerate as a saint” ([Andreev, 1998: 55](#)). Complexes of Muslim saints on the territory of modern Kazakhstan and Siberia were mentioned in their works by the following explorers and travelers G.F. Miller (18th century), I.P. Falk (18th century), G. Spassky (19th century) ([Seleznev, Selezneva, 2015: 168](#)).

The description of the mazars in the territory of Semirechye, on the border of the Kazakh lands with the Chinese provinces, was compiled by N.N. Pantusov, who served for more than twenty years as an official in the tsarist colonial administration of the Turkestan region in the second half of the 19th century. Combining the work of an official with scientific activity, the author devoted a lot of time to studying the spiritual monuments of Semirechye ([Pantusov, 1909: 431-444](#)).

In the religious landscape of the Kazakh region, many objects of internal pilgrimage of Muslims have been preserved since ancient times. They can be conditionally divided into two groups: general regional and local, i.e. local. The holy places visited by Muslims from all over Kazakhstan and Central Asia had the status of regional holy places, and their significance in the religious life of Muslims was great. These included the mausoleum of Hodja Akhmed Yassavi in the city of Turkestan, the mausoleum of Arstan-bab near the medieval city of Otrar, the mausoleum and the well of Ukesh-ata, the sacred complex of Ishak-baba, the mausoleums of Aisha-bibi and Muhammad-al-Hanafiyya near the ancient city of Taraz.

Local holy places included those of local significance that formed the basis of the religious landscape of the Kazakh region due to their large number. In almost every region, near every large village, there were locally revered shrines. These were sacred natural objects, graves of local righteous men, famous warriors-batyr, burials of clan leaders, ruins of old mosques, also revered by believers as holy places.

The largest number of sacred objects of the pilgrimage of Muslim Kazakhs were in the southern and western regions of Kazakhstan. Such localization is explained by the higher level of Muslim religiosity of Kazakhs in these regions, which was due to the proximity to Central Asia and the Volga region. In the Syr-Darya region, there were dozens and even hundreds of pilgrimage sites, mazars-tombs of Karasopa, Sunak-ata, Koklayky-ata, Aktas, Korasan-ata, Akkorgan, Eabyz, Okshy-ata, Daut, Kozhan-kozha, Maral Ishan, Karmakchi and others ([CSA RK. F. P-2079. Op. 1. D. 3. L. 112-120](#)). Directly on the coast of the Syr-Darya River there was the tomb of Korkyt-Ata, one of the most famous Turkic figures of the 10th-11th centuries, who left behind a rich religious and philosophical heritage ([CSA RK. F. P-2079. Op. 1. D. 3. L. 42-43](#)).

Many holy places were located in the area of the medieval city of Aulie-Ata (ancient and modern name Taraz – *authors*). The city itself was a large region of Islam, revered as the second spiritual center after Turkestan. Until 1917, there were 42 mosques in the city, with madrassas operating under them, and the name of the city translated into Russian sounds like “Holy Father” ([AP RK. F. 708. Op. 26. D. 344. L. 5](#)). Large ishans and sheikhs who had their own murids inhabited the city and its environs. In the city district, in addition to the already mentioned holy monuments of Aisha-bibi and Muhammad-al-Hanafiyya, there were

the mazars of Karakhan and Tekturmas-aulie – monuments of the Middle Ages, revered and visited by believers from all over Kazakhstan. On religious holidays, prayers with sacrifices were performed here.

In the territory of Mangyshlak district in the 19th century there were several dozen holy places, objects of minor pilgrimage: Kapash, Aktyube, Dnim, Sary-Uzek, Minkisi (CSA RK. F. P-2079. Op. 1. D. 3. L. 59-60). More than two dozen holy burial sites have been recorded in Eastern Kazakhstan, among which Muslims especially revered the grave of Isahan Khazret, one of the spiritual leaders of the Kazakh steppe in the 19th century (SAPR. F. 646. Op. 1. D. 551. L. 83).

In Central Kazakhstan, there were dozens of mazars where historical figures from different eras were buried, but equally revered by nomads. The most famous mazars are Alasha Khan, Zhuban-ana, Ayakhamyr, dating back to the 11th – 12th centuries, the mausoleums of Jochi Khan, Bolgan-ana, dating back to the 12th – 13th centuries, mazars of a later time – the graves of Airanbai, Zhuzden, Labak, Ketebai (19th century). All of them were objects of pilgrimage for Kazakh nomads in the 19th and early 20th centuries, and information about these holy monuments is contained in the works of Russian authors. The Russian surveyor Yu.A. Schmidt, who visited the Kazakh steppes at the end of the 19th century, compiled a description and sketch of several mazars in the Akmola region. He describes the mazar of Alasha Khan as follows: "The grave is located inside a large and high mosque with narrow openings instead of a door. ... The building itself has the shape of a massive cube, 10 fathoms high, with a dome and small towers at the corners, the walls are made of red burnt brick and decorated with patterns of white glazed bricks; the dome is covered with blue glaze, there is an internal passage around the dome, which is accessed from the inside via a narrow and steep stone staircase inside the wall" (Schmidt, 1894: 12).

At a distance of seven miles from the mazar of Alasha Khan, there was the mazar of Dombulak, one of the khan's companions. "It (meaning the grave – *authors*) is built of large adobe stones in the form of a high vault six fathoms high with a narrow oval opening at the top instead of a door. The massive masonry, connected with cemented clay and made of less valuable material, but of greater strength and bulkiness, will in any case stand for more than one century and will outlive many historical monuments of the steppe" – this is how the scientist-geodesist Yu.A. Schmidt described the mazar (Schmidt, 1894: 13).

A full member of the Orenburg Scientific Archival Commission, historian and traveler I.A. Kastanye, who made numerous trips to the Kazakh steppes and saw with his own eyes the mazar of Alash Khan, wrote at the beginning of the 20th century: "Steppe tombstones are objects of genuine religious veneration on the part of the Kirghiz. Not only do they not touch the grave of any clan hostile to them, but also even, when riding past them, this superstitious nomad dismounts from his horse and begins to read a short prayer to the spirit of the saint, the patron of the grave. Moving away from him, he will not fail to leave something as a gift to the saint" (Seidimbek, 2001: 448).

The culture of different ethnic groups expresses its own specific features and characteristics of the status of saints. In the Kazakh cultural tradition, the circle of revered saints was wide and diverse, which makes it possible to systematize them (Mustafina, 2020: 158; Stasevich, 2022: 552). The category of saints – *Aulie*, first, included Muslim righteous people, whose names were borrowed from the Koranic tradition and are associated with the history of Islam, with the era of the spread and establishment of Islam among the Kazakh nomads. They also included holy Sufis – founders and leaders of religious schools and orders. According to the researchers, "saints were the ascetics of Islam, those who spread Islam, sometimes at the cost of their own lives, and at first their holiness was recognized in the Muslim environment, among mullahs, imams, ishans (Sufi teachers), among those who had already accepted Islam" (Larina, 2016: 116). Russian researchers recorded complexes related to the cult of Islamic saints in the 18th – 19th centuries practically throughout the entire territory of Kazakhstan. The most famous and especially revered by the Muslims of the steppe are the followers of Sufism – Akhmed Yassavi, Beket-Ata, Shakpak-Ata, and Shopan-Ata.

In the second place, the ancestors, the leaders of clans and tribes were revered. The cult of Muslim saints, going back to the ancient patriarchal cult of ancestors, eventually grew into the cult of the family patron. Thus, in the Syr-Darya region there was the Es-Abyz mazar, where the ancestor of the Abyz clan was buried. The Domalak-ana and Baidibek-ata mazars were revered as sacred burial places of the founders of the Alban, Suan and Dulat clans, and the Okshy-ata mazar was the burial place of the patron of the Kypshak clan (SAKOR. F. 808. Op. 1. D. 4. L. 21). Explaining the phenomenon of the spread among the Kazakhs of the sacred cult of national heroes, famous batyrs, outstanding fighters for the independence of their native land, Ch. Valikhanov noted: "Great and strong people were also all-powerful, omnipotent ongons" (Valikhanov, 1904: 13).

Professional cults and the veneration of saints – patrons of economic affairs and professional activities – played a special role in the spiritual worldview of the Kazakhs. Among such saints there were: Baba-Tukty-Shashty-Aziz – the patron saint of Kazakh batyrs, Dikan-baba – the patron saint of agriculture, Koshkar-ata and Shopan-ata – the patron saints of sheep breeding, Kambar-ata and Zhylykshy-ata – the patron saints of horse breeding, Oysyl-kara – the patron saint of camel breeding, Zengi-baba is the patron of cattle, Seksek-ata is the patron of goats. In the Kazakh tradition of worshiping patrons of professional occupations, a connection with the cult of ancestors is clearly traced. In the hierarchy of saints, a worthy place was occupied by healers-shamans recognized by the people, among whom the most famous was Korkyt-ata – the patron of Kazakh shamans. The people also considered famous cultural figures, akyns (poets), and zhyrau (singers) to be saints.

The researchers believe that among the Kazakhs, "the majority of saints consisted of sacred, but historically quite authentic people, each of whom had his own biography, more or less mythologized. The analysis of these biographies provides a lot of valuable information for clarifying the social reasons for the canonization of this or that character..." (Snesarev, 1983: 13). In this regard, the hierarchy of saints often includes the names of representatives of the local aristocracy, tribal rulers, and members of their families. Their burial sites became objects of the pilgrimage due to the fact that they were located next to the mazars of saints popular among the people. That is why the descendants of the steppe aristocracy buried their dead relatives near holy places. A typical example of the sacralization of the dead descendants of the local aristocracy is the worship of the mazar of Sultan Asan Chingisov, one of the representatives of the bright "sultan era" of the Middle Zhuz of the 19th century. The mazar, most likely built in the 1870s–1880s, is a type of cruciform building with a square base and with small rooms attached to the sides (Beisenov, 2020: 90).

A special place in the hierarchy of saints was given to saints who were patrons of localities. Researchers associate the formation of the cult of holy places and its widespread distribution with the sacralization of space in the culture of the Kazakh people, when the formation of ideas about the native land occurred not only through the economic and political development of territories, but also through the sacralization of populated space (Larina, 2018; Stasevich, 2022). In the interpretation of Ch.Ch. Valikhanov, the sacralization of natural objects by Kazakhs is nothing other than "the adoration of nature in general and in particular". Explaining the reasons for the deification of objects and phenomena of nature by the Kazakhs, the scientist wrote: "But the influence of nature in this life on a person, especially an infant, is too strong, too active, and he had to create rules that he was guided by in relation to the mysterious nature, what to do and what not to do. This is the origin of those customs and rituals which we now call shamanistic superstition and which were then true faith, undoubted, living faith" (Valikhanov, 1904: 11).

Scientists believe that "the formation of sacred space in people's minds determines their behavioral strategy and forms their religious worldview" (Dvoretskaya et al., 2024: 67). In the culture of the Kazakhs, the tradition of endowing natural phenomena and objects with supernatural properties, their revival and deification has existed since ancient times, and its close interweaving and connection with Muslim traditions became apparent already during the period of the establishment of Islam in the steppe in the 18th–19th centuries. E.B. Taylor noted in this regard that "beings that, for example, in the Muslim religion are called angels, saints, demons, should, with the same definitions in polytheistic systems, be called deities" (Tailor, 1989: 438).

The researchers consider sacred space as a product that is created and recreated by society in the process of economic and cultural functioning (Dvoretskaya et al., 2024: 66). According to the scientists, in the traditional culture of the Kazakhs, the sacralization of the surrounding space was one of the adaptation mechanisms that allowed the people to survive in difficult natural and climatic conditions (Mustafina, 2020: 159).

The classification of natural objects as sacred, personifying the forces of nature, was practiced everywhere. Thus, in the territory of Mangyshlak district in the 19th century, the holy place of Malikozha, located near Lake Inder, was especially revered; its healing mud was used to cure various diseases. The Kazakhs preached not so much the healing properties of the mud as the sanctity of the place itself, spiritualized it, and explained its beneficial properties by the patronage of spirits. The place of the pilgrimage was Lake Baibakty, located near the Dossor oil fields (CSA RK. F. P-2079. Op. 1. D. 3. L. 62). In the eastern regions, the places of the pilgrimage were the springs of healing waters in the Bayan-Aul district, in the Kyzyl-Tau Mountains and in the Bayan mountains (SAPR. F. 646. Op. 1. D. 551. L. 80).

The researchers associate the formation of the cult of holy places among the Kazakhs with the cult of deceased ancestors, the origins of which go back to the patriarchal-clan era (Kulumzhanov et al., 2018). The basis of ancestor worship was the belief in the afterlife of the souls of the dead, who could influence the fate of relatives remaining on earth, and the belief in their protective and defending power. To gain the favor of their ancestors, Kazakhs made sacrifices to them and read prayers. It should be noted that the cult of holy places is not the only socio-cultural institution of Kazakh society that has survived since pre-Islamic times. Such specific social institutions of the Kazakh nomadic society as polygamy, kalym, amengerstvo (amengerstvo is an old Kazakh tradition, according to which a widowed wife would marry one of her husband's brothers), which Russian researchers of the 19th century attributed to Islam, have their roots in the pre-Islamic era and were conditioned by the peculiarities of the nomadic mode of production (Alpyspaeva et al., 2020: 378).

The social root of the cult of ancestors is the patriarchal system with a nomadic mode of production, in which men played a decisive role in the organization of material production. It was precisely the vitality of patriarchal-clan institutions that determined the preservation of the cult of ancestors – *arvakhs* – among the Kazakhs. Ch. Valikhanov wrote: "Arvakhs, or ongons – the spirits of deceased ancestors.... In difficult moments of life, Kazakhs called upon the name of their ancestors, as Muslims call upon saints. They attributed any success to the patronage of the Arvakhs. In honor of the Arvakhs, they sacrifice various animals, and sometimes they deliberately go to worship their graves and, making a sacrifice, ask them for something" (Valikhanov, 1904: 13). The connection between the cult of saints and the tradition of venerating ancestors is possibly indicated by the presence in the names of saints of such words as "ata", "baba", that is, "grandfather", "ancestor".

Researchers characterize the minor pilgrimage of Kazakh Muslims as one of the main practices of the regional form of Islam, the so-called "folk Islam". The researchers define the "folk Islam" of the Kazakhs as a

"synthesis of paganism and the Muslim religion" (Litvinov, 2018: 54). It was the popular "canonization" of Muslim figures that led to the creation of a wide network of mazars in different regions. "Folk Islam" is often called ethnic, since it does not rely on written tradition, but is based on a rethinking of dogmatic teaching and the adaptation of traditional religious practices. Researchers believe that "folk Islam", as a synthesis of autochthonous pre-Islamic cults (shamanism, the cult of the Arvaks) and Muslim "dogma", was most characteristic of nomadic ethnic communities (Stasevich, 2022: 553).

The distinctive feature of "folk Islam" was that it was free from the official dogmas of religion, which gave wide scope for popular imagination, which was based on ancient folk traditions and pre-Islamic beliefs. Moreover, "Muslim popular religiosity defined holiness more broadly than official Islam, not only as righteousness, but also as the presence of any power, a feature that may even go against the idea of a worthy Muslim" (Khazov, Ivanova, 2016: 54).

The tradition of venerating holy places in Kazakhstan had a number of regional characteristics, due to the vast territory and the level of Muslim religiosity. In Southern Kazakhstan, historically connected with settled centers and subjected to deeper Islamization than other regions, Muslim shrines recognized by the official Islamic tradition are concentrated, such as the world-famous complex of Hodja Akhmed Yassavi in the city of Turkestan. A characteristic feature of this region was the veneration of holy places associated with the names of the ascetics of the Islamic faith. In the southern regions of Kazakhstan, geographically close to Central Asia, the ideology of Sufism was popular, the bearers of which were declared "saints" after death, and their burial places became objects of Muslim pilgrimage. In other regions, along with the worship of Muslim saints, the cult of holy ancestors, representatives of the tribal aristocracy and the political elite became widespread. According to the researchers, "the connection of the pilgrimage practices with regional cults ensured a great diversity of rites of veneration of the graves of saints, and the continuity in the worship of sacred objects demonstrates a connection with traditions" (Stasevich, 2022: 553).

The initiative to maintain and preserve holy places was taken by the believers themselves, as well as by "wandering mullahs" – Muslim clergymen who traveled to nomadic villages to perform religious rites. Funds for the maintenance of holy places were collected by the whole world. In the 19th – early 20th centuries, there was an institution of mazar caretakers in Kazakh society – *shyrakshy*. Often, the local mullah, as the main "keeper of the culture and life of the people professing the Muslim tradition performed this function" (Dashkovskiy, Shershneva, 2020: 253).

The tradition of small pilgrimage is something else, like traveling to places with high spiritual significance and meaning. For Kazakh-Muslims, holy places are unique physical places and objects that embody their deep religious values. The places like these became objects of the mass pilgrimage. Visiting of holy places by Muslim pilgrims took place not only during religious holidays and during Fridays, which are sacred for Muslims, but also after the end of economic cycles, due to upcoming important events in a person's life, etc. This was a way of constant communication of believers with the sacred world.

The pilgrimage to the graves and holy places was conditioned by practical goals – healing from diseases. The involvement of Kazakh women in the practice of small pilgrimage was high; therefore, women with children often visited the holy objects. The religious fanaticism of Muslim women manifested itself precisely in the practice of the pilgrimage to holy places, the visit of which got rid of ailments and diseases, gave the joy of motherhood, hope for a successful outcome of difficult life situations and the right choice of the life path, cleansed from sins and instilled faith in the best. I.G. Andreev cites the fact that a young Kazakh, a senior sergeant's son in the Uvakov Volost, lived with his wife for eight years, but had no children. After a half-year pilgrimage to Turkestan together with his wife, a son and a daughter were born to him (Andreev, 1998: 56).

In the Soviet period of the history, when there was an irreconcilable struggle between the state and religion, the objects of pilgrimage were closed to visitors, often deliberately destroyed by the authorities. Places of the holy springs were converted into resorts, pioneer camps, and veterinary clinics. The main spiritual monument of Muslims – the mausoleum of Hodji Akhmed Yassavi – was turned into a museum of the history of religion and atheism, and the Arslan-bab mazar became a district house of atheists (AP RK. F. 708. Op. 32. D. 431. L. 5).

5. Conclusion

The pilgrimage to holy places was an important component of the spiritual life of Kazakh nomads. Extensive geography, dozens and hundreds of holy places, the widely used practice of venerating tombs and burials of recognized saints were the result of the hierotopical creativity of the Kazakh people and testified to the fact that Islam in the 19th century penetrated deeply enough into the culture and had a profound impact on the collective consciousness of Kazakhs. The cult of saints among Kazakhs can be considered as a manifestation of "folk", "household" or "traditional" Islam – a peculiar local form of Islam. The vitality of the cult of saints and its fusion with the dogmas of Islam is explained by the dominance in the spiritual culture of the people of the patriarchal religious consciousness, which was formed in the era of antiquity and the middle ages. Despite the denial of the pilgrimage ritual by canonical Islam, the Kazakhs considered it a sign of the true faith of Muslims, and therefore strictly observed it. The cult of saints among the Kazakhs, in general, has not gone beyond the general Muslim traditions, although it is marked by local peculiarities.

The preservation and veneration of pagan sacred objects in the cult practices of the Kazakhs can be seen as a marker of the religious identity of the people.

The Kazakh tradition of observing Umrah contained a practical component. Kazakh Muslims did not always have the opportunity to perform the hajj to Mecca, it was far and expensive, and therefore, to satisfy their spiritual needs, they visited local holy places located in the regions not far from their residence. The minor pilgrimage to the mazars provided satisfaction to ordinary believers in terms of observing Muslim rituals and ceremonies. The pilgrimages to holy places were supported by the clergy not only to strengthen the feelings of group solidarity among believers, but also because it was a source of income for them, since funds were collected to maintain them, and the pilgrimage ritual itself was accompanied by sacrifices.

6. Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the project "Historical experience of state-confessional relations in Kazakhstan (1940-1990)" under the programme of grant financing of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Project IRN: AP23486006).

References

- Abashin, Bobrovnikov, 2003 – Abashin, S.N., Bobrovnikov, V.O. (2003). Soblazny kulta sviatykh (vmesto predisloviia) [The Temptations of the Cult of Saints (instead of a preface)]. Podvizhniki islama. Kult sviatykh i sufizm v Srednei Azii i na Kavkaze. Moscow. Pp. 3-17. [in Russian]
- Alpyspaeva et al., 2020 – Alpyspaeva, G.A., Zhuman, G., Jumaliyeva, L.T., Abdykarimova, Sh.T. (2020). Legal Status of a Kazakh Woman in the Family and Society in the XIXth – early XXth centuries from the Point of the Russian Contemporaries' View. *Bylye Gody*. 55(1): 370-381. DOI: 10.13187/bg.2020.1.370
- Andreev, 1998 – Andreev, I.G. (1998). Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle Horde of Kirghiz-Kaisaks]. Almaty: Gylm. 280 p. [in Russian]
- AP RK – Archive of the President of the Republic of Kazakhstan.
- Babadzhanov, Muminov, 1999 – Babadzhanov M., Muminov A.K. (1999). Kul't sviatykh v Tsentral'noi Azii. Vzaimovliianie «knizhnogo» i «narodnogo» v islama [The cult of saints in Central Asia. The mutual influence of "bookish" and "folk" in Islam]. *Mir islama*. 1-2: 51-70. [in Russian]
- Basilov, 1970 – Basilov, V.N. (1970). Kul't sviatykh v islama [The cult of saints in Islam]. Moscow: Mysl', 1970. 144 p. [in Russian]
- Beisenov, 2020 – Beisenov, A.Z. (2020). Krestobraznyi mazar sultana AsanaChingisova i kurgan s mengirom v doline Besoba, Tsentral'nyi Kazakhstan [Cross-shaped Mazar of sultan Asan Chingisov and the Barrow with menhir in the valley of Besoba, Central Kazakhstan]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy*. 30(2): 78-94. DOI: 10.14258/tpai(2020)2(30).-06 [in Russian]
- CSA RK – Central State Archives of the Republic of Kazakhstan.
- Dashkovskiy, Shershneva, 2020 – Dashkovskiy, P.K., Shershneva, E.A. (2020). Organization of the Spiritual Life of the Muslim population of the Yenisei Province in the Context of State-Confessional Policy of the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 55 (1): 250-257. DOI: 10.13187/bg.2020.1.250
- Dvoretskaya et al., 2024 – Dvoretskaya, A.P., Khait, N.L., Konovalova, O.V., Kushnarenko, E.Y. (2024). The Role of Spiritual Education in the Closed Sacred Space of the Yenisei Siberia (second half of the 18th – first half of the 19th centuries). *Bylye Gody*. 19(1): 66-77. DOI: 10.13187/bg.2024.1.66
- Erofeeva, 2007 – Erofeeva, I.V. (2007). Rukopisnoe nasledie poruchika Ya.P. Gaverdovskogo po istorii, geografii i etnografii Kazakhskoi stepi [The handwritten legacy of Lieutenant Ya.P. Gaverdovsky on the history, geography and ethnography of the Kazakh steppe]. *Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI – XX vekov. Pervye istoriko-etnograficheskie opisanii kazakhskikh zemel. Pervaya polovina XIX veka*. Almaty: Daik-press. 613 p. [in Russian]
- Goldtsier, 1938 – Goldtsier, I. (1938). Kul't sviatykh v islama: (Mukhammedanskies eskizy) [The cult of Saints in Islam: (Muhammadan sketches)]. Moscow: Gaiz. 180 p. [in Russian]
- Khazov, Ivanova, 2016 – Khazov, N., Ivanova, V. (2016). Ponimanie «svyatosti» v kontekste narodnogo islama na primere auliia Astrakhanskoi oblasti [The notion of sainthood in popular Islam: a case study of Astrakhan awliya]. *Zapad i Vostok: filosofii, religii, kul'tura*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. 104: 49-54. [in Russian]
- Larina, 2016 – Larina, E.I. (2016). Materialy k izucheniyu kul'ta sviatykh u kazakhov (na primere Zapadno-Kazakhstanskoi oblasti) [Materials for the Study of the Cult of Saints among the Kazakhs (Evidence from West Kazakhstan Region)]. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*. 5(27): 108-117. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-27-5-108-117 [in Russian]
- Larina, 2018 – Larina, E.I. (2018). Kul'tovyie mesta v istoricheskom soznanii kazakhov: faktor identifikatsii [Places of worship in the historical consciousness of Kazakhs: an identification factor]. *Sudba kochevykh obshchestv v industrialnom i postindustrialnom mire. Trudy istoricheskogo fakulteta MGU. Vyp. 122. Ser. II: Istoricheskie issledovaniia*. Sankt-Peterburg: Aleteia. Pp. 85-118. [in Russian]
- Larina, 2019 – Larina, E.I. (2019). Sakral'nye prostranstva kazakhov: istoricheskaya pamyat', ierotopiya, identichnost' [Sacred spaces of the Kazakhs: historical memory, hierotopia, identity]. *Istoriia. Elektronnyi nauchno-obrazovatelnyi zhurnal*. 1(75): 399-424. [in Russian]

- Levshin, 1832** – *Levshin, A.I.* (1832). Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei. [Description of the Kirghiz-Cossack or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Ch. 3: Etnograficheskie izvestiia. Sankt-Peterburg: Tip. Karla Kraiia. 304 p. [in Russian]
- Litvinov, 2016** – *Litvinov, V.P.* (2016). Mestnoe palomnichestvo musulman Turkestana i Kavkaza: opyt sravnitel'nogo analiza (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [Local pilgrimage of Muslims of Turkestan and the Caucasus: the experience of comparative analysis (the second half of the XIX – early XX centuries)]. *Islamovedenie*. 2: 16-24. [in Russian]
- Litvinov, 2018** – *Litvinov, V.P.* (2018). «Narodnyi islam» kak sintez yazychestva i musul'manskoi religii v Turkestane: palomnicheskii aspekt ["Folk Islam" as a Synthesis of Paganism and the Moslem Doctrine in Turkestan: Pilgrimage Aspect]. *Islamovedenie*. 1 (9): 54-64. DOI: 10.21779/2077-8155-2018-9-1-54-64 [in Russian]
- Mustafina, 2010** – *Mustafina, R.M.* (2010). Islam i relikty doislamskikh mirovozzrencheskikh traditsii u kazakhov [Islam and relics of pre-Islamic worldview traditions among the Kazakhs]. Astana. 260 p. [in Russian]
- Mustafina, 2020** – *Mustafina, R.M.* (2020). Nekotorye aspekty bytovaniia islama i reliktov doislamskikh mirovozzrencheskikh traditsii u kazakhov (po materialam polevykh etnograficheskikh issledovani) [Some aspects of Islam and relics of pre-Islamic worldview traditions among the Kazakhs (based on the field ethnographic data)]. *Tomsk State University Journal*. 450: 154-161. DOI: 10.17223/15617793/450/19 [in Russian]
- Pankov, 2018** – *Pankov, I.A.* (2018). Kul't svyatykh v islama: sotsial'noe prostranstvo mazara [The cult of Saints in Islam: the social space of Mazar]. *RSUH/RGGU Bulletin. History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies Series*. 9: 139-154. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-9-126-138 [in Russian]
- Pantusov, 1909** – *Pantusov, N.N.* (1909). Musul'manskie mazary v g. Uch-Turfane i ego okrestnostyakh (v kitaiskikh predelakh) [Muslim mazars in the city of Uch-Turfan and its surroundings (within Chinese borders)]. *Zapiski Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. T. XXXIV (Sbornik v chest semidesiatiletiia Grigoriia Nikolaevicha Potanina)*. Sankt-Peterburg. Pp. 431-444. [in Russian]
- SAKOR** – State Archives of the Kzyl-Orda Region.
- SAPR** – State Archives of Pavlodar Region.
- Seidimbek, 2001** – *Seidimbek, A.* (2001). Mir kazakhov. Etnokul'turologicheskoe pereosmyslenie [The Kazakh world. Ethnocultural reinterpretation]. Almaty: Rauan, 2001. 576 p. [in Russian]
- Seleznev, Selezneva, 2015** – *Seleznev, A.G., Selezneva, I.A.* (2015). Musul'manskie kul'tovye komplekсы Sibiri v kartograficheskikh materialakh Semena Ul'yanovicha Remezova [Islamic cult Complexes of Siberia in the Cartographic Materials of Semyon Ulyanovich Remezov]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskoe nauki*. 4 (8): 165-173. [in Russian]
- Shmidt, 1894** – *Shmidt, Iu.A.* (1894). Ocherki Kirgizskoi stepi k yugu ot Aralo-irtyshskogo vodorazdela v Akmolinskoi oblasti [An outline of the Kyrgyz steppe south of the Aral-Irtysh watershed in the Akmola region]. Omsk: tip. Okruzhnogo Shtaba. 165 p. [in Russian]
- Snesarev, 1983** – *Snesarev, G.P.* (1983). Horezmские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии [Khorezm legends as a source on the history of religious cults of Central Asia]. Moscow: Nauka. 212 p. [in Russian]
- Stasevich, 2022** – *Stasevich, I.V.* (2022). Rol' palomnichestva v formirovanii religioznoi identichnosti (na materialakh kazakhskoi kultury [The role of pilgrimage in the formation of a religious identity (on the basis of the Kazakh culture)]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2(67): 550-562. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2022.214 [in Russian]
- Sultanova, Khazbulatov, 2015** – *Sultanova, M.E., Khazbulatov, A.R.* (2015). Kul't pokloneniya rukotvornym svyatym mestam u tyurkov i kazakhov: kul'turologicheskii i etnograficheskii kontekst [The cult of worship of man-made holy places among Turks and Kazakhs: cultural and ethnographic context]. *Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies*. 5 (108): 371-374. [in Russian]
- Tailor, 1989** – *Tailor, E.B.* (1989). Pervobytnaya kul'tura [Primitive culture]. Per. s ang. D.A. Koropchevskogo, predisl. i prim. A.I. Pershitsa. Moscow: Politizdat. 573 p. [in Russian]
- Valikhanov, 1904** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1904). Sledy shamanstva u kirgizov [Traces of shamanism among the Kyrgyz]. *Zapiski Imperatorskago Russkago Geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii. T. XXIX. Sochineniia Chokana Chingisovicha Valikhanova*. Izdany pod red. N.I. Veselovskogo. Sankt-Peterburg: Tip. Gl. upr. Udelov. Pp. 8-36. [in Russian]
- Valikhanov, 1985** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1985). O musul'manstve v Step'i [About Islam in the Steppe]. *Sobranie sochinenii v piati tomakh. T. 4. Alma-Ata: Glavnaia redaktsiia Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii*. Pp. 71-76. [in Russian]
- Zhitenev, 2012** – *Zhitenev, S.Iu.* (2012). Religioznoe palomnichestvo v khristianstve, buddizme i musul'manstve: sotsiokul'turnye, kommunikatsionnye i tsivilizatsionnye aspekty [Religious pilgrimage in Christianity, Buddhism and Islam: socio-cultural, communication and civilizational aspects]. Moscow: Izdatel'stvo «Indrik». 259 p. [in Russian]
- Kulumzhanov et al., 2018** – *Kulumzhanov, N.Ye., Zholdubayeva, A.K., Kotosheva, K.K.* (2018). Kul't predkov v miroponimaniі kazakhov [The cult of ancestors in the worldview of Kazakhs]. *Bulletin of KazNU named after Al-Farabi. Ser. Philosophy. Cultural studies. Political Science*. 1(63): 159-167. [in Russian]

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 548-566
DOI: 10.13187/bg.2025.2.548

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Strategy of the Russian Empire's Expansion: the Case of the Irtysh Military Line

Yerzhan M. Toraygyrov^a, Bibigul S. Abenova^{a, *}, Daulet K. Abenov^b

^a Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article offers a comprehensive analysis of the Russian Empire's territorial expansion strategy in the 18th century, using the formation of the Irtysh military line as a case study. The construction of this defensive system took place within a complex geopolitical context that included conflict with the Dzungar khanate, the development of trade relations with Central Asian states, and the gradual integration of the Kazakh steppe into the Russian sphere of influence. The study focuses on the preconditions for the creation of the line, its key stages of development, and its strategic significance in consolidating imperial presence in the Irtysh region.

Particular attention is paid to Russia's military and administrative policies in the frontier zones, the practice of building fortifications, and the specific nature of interactions between Kazakh clans and Cossack communities, whose role in the colonial process was both complex and often contradictory. The article examines how the system of fortified lines contributed to the advancement of Russian borders, the entrenchment of imperial authority, and the transformation of the local landscape.

The relevance of this study lies in the need to understand the strategic and long-term consequences of Russian expansion into Northeastern Kazakhstan. Although the military history of the region has been the subject of extensive research, the history of the Irtysh Military Line remains insufficiently explored. Analyzing this phenomenon provides deeper insight into the features of Russian colonial policy in the 18th century and its enduring impact on regional development.

The study draws on a wide range of sources, including archival materials and the works of Russian and Kazakhstani scholars. This comprehensive approach allows for a nuanced understanding of the Irtysh Line's role within the broader context of imperial frontier policy.

Keywords: Siberian lines, Irtysh line, Cossacks, Irtysh region, Middle Zhuz, Kazakh-Russian relations, colonization.

1. Введение

Процесс территориального расширения Российской империи в XVIII веке был неразрывно связан с укреплением её позиций в Центральной Азии. Одним из ключевых направлений этой политики стало создание Иртышской военной линии – системы укреплений, сыгравшей важную роль в обеспечении контроля над Прииртышьем и встраивании региона в административно-хозяйственную систему империи. Формирование военной линии происходило в контексте сложной геополитической обстановки, включавшей противостояние России с Джунгарским ханством, развитие торговых отношений со среднеазиатскими странами и постепенное вовлечение казахских степей в сферу российского влияния. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления стратегических последствий расширения Российской империи в Северо-Восточном

* Corresponding author

E-mail addresses: toranet2013@gmail.com (Y.M. Toraygyrov), bibigul_aben@mail.ru (B.S. Abenova), aben_60@mail.ru (D.K. Abenov)

Казахстане. Несмотря на значительное количество работ, посвящённых военной истории региона, некоторые вопросы истории Иртышской военной линии остаются недостаточно изученными. Исследование данного процесса позволяет не только проследить особенности российской колониальной политики, но и определить в перспективе её долгосрочные последствия для развития региона. Цель работы – проанализировать процесс создания Иртышской военной линии, определить её ключевые этапы, роль в российской стратегии освоения приграничных территорий.

2. Материалы и методы

Исследование основано на опубликованных исторических источниках и архивных материалах, отражающих процесс создания и функционирования Иртышской военной линии в XVIII веке. В работе использованы сведения из трудов российских и казахстанских историков, а также документальные сборники, содержащие описания военных кампаний, административных реформ и экономической политики Российской империи в Прииртышье.

Основную источниковую базу составляют труды Г.Ф. Миллера ([Миллер, 1750](#); [Миллер, 1760](#)), содержащие сведения о колонизации Сибири и строительстве укрепленных линий. Важные данные представлены в исследованиях А. Максакова ([Максаков, 1890](#)), посвящённых стратегии продвижения России в Туркестан, и А.А. Преображенского ([Преображенский, 1972](#)), анализирующего военно-политическую ситуацию на Урале и в Западной Сибири в конце XVI – начале XVII века. Также в работе использованы материалы В.К. Андриевича ([Андриевич, 1889](#)) и С.В. Жуковского ([Жуковский, 1915](#)), содержащие сведения о российской политике в Центральной Азии, и документы, представленные в географическом описании Киргизского края ([Россия, 1903](#)).

Историко-картографический анализ осуществлён с привлечением «Атласа крепостей Российской империи» ([Атлас крепостей, 1837](#)), трудов Ф.Ф. Ласковского ([Ласковский, 1865](#); [Ласковский, 1866](#)) и «Военной энциклопедии» ([Военная энциклопедия, 1913](#)), отражающих планы и схемы укреплений.

Особую исследовательскую ценность представляют материалы, хранящиеся в фондах Исторического архива Омской области (ИАОО) (Омск, Российская Федерация), прежде всего фонды 1, 67 и 366. Каждый из них содержит важные источники, позволяющие всесторонне осветить политическую и социально-экономическую ситуацию в Прииртышье в XVIII – начале XIX века.

Документы фонда 1 отражают этапы освоения Иртышской линии сибирскими казаками, строительство укрепленных рубежей, а также описывают многочисленные вооружённые конфликты между казаками и казахами. Особое внимание уделяется мерам, предпринимавшимся российскими властями для защиты приграничных территорий, а также действиям казахских родоправителей, направленным на восстановление контроля над землями по левому берегу Иртыша.

Фонд 366 содержит комплекс документов, посвящённых экспедиции И. Д. Бухгольца. Эти материалы представляют собой важное свидетельство о первых этапах военной и административной экспансии в регионе и отличаются высокой степенью детализации.

Существенный интерес представляет и фонд 67. В нём собраны распоряжения сибирских властей, касающиеся запрета на возведение жилых и хозяйственных построек на территории Прииртышья, что свидетельствует о стремлении властей ограничить казахское присутствие в этом регионе. Кроме того, в документах зафиксированы меры по урегулированию торговых связей между казахским и русским населением, а также стремление казахской знати организовать торговлю на левом берегу Иртыша. Фонд содержит не только обширный статистический материал, но и отражает взгляды представителей военной администрации на способы закрепления в регионе.

Дополнительные сведения о политике Российской империи в Прииртышье можно найти в архивных фондах Оренбургской области (например, фонды Объединённого государственного архива Оренбургской области (ОГАОО) (Оренбург, Российская Федерация)). В частности, фонд 3 включает указы, распоряжения губернаторов и бригадиров Сибирских линий, в которых рассматриваются вопросы усиления военных гарнизонов, укрепления фортификационных объектов и расширения охраны приграничной зоны.

Особое значение имеет фонд 248 Российского государственного архива древних актов (РГАДА) (Москва, Российская Федерация), где содержатся документы, точно фиксирующие дату основания Усть-Каменогорской крепости. Эти материалы позволяют опровергнуть альтернативные версии, представленные в историографии.

Методологическая основа исследования базируется на историко-хронологическом подходе, позволяющем проследить процесс военной и административной интеграции Прииртышья в Российскую империю. Применён аналитический метод для систематизации данных и выявления ключевых закономерностей в политике Российской империи. Источниковедческий метод использован для критического анализа документальных свидетельств, их сопоставления и оценки достоверности. Структура изложения основана на хронологическом принципе, что позволяет реконструировать основные этапы создания Иртышской военной линии, определить её стратегическое значение и влияние на политическую ситуацию в регионе.

3. Обсуждение

Строительство Иртышской военной линии являлось частью широкой стратегии Российской империи по укреплению своего влияния в степных районах Центральной Азии. Вопросы российской экспансии и военного освоения региона активно обсуждаются в историографии, начиная с XVIII века. Первые сведения о продвижении России в Прииртышье зафиксированы в трудах Г.Ф. Миллера ([Миллер, 1750](#); [Миллер, 2005](#)), который подробно описал первые военные экспедиции, строительство укреплений и взаимодействие с местным населением.

Во второй половине XIX века Ю. Гагемейстер ([Гагемейстер, 1854](#)), Г. Потанин ([Потанин, 1884](#)), Ф. Усов ([Усов, 1879](#)) представили обзор российской политики в Сибири и сопредельных территориях, связав её с более ранними процессами колонизации Сибири и созданием укрепленных линий. Важный вклад в изучение колонизации Прииртышья внес Г. Катанаев ([Катанаев, 1904](#)), изучавший военные аспекты продвижения казачества в регион и последствия этого процесса для местного населения.

В советский период тема освоения Иртышского края рассматривалась преимущественно в рамках концепции прогрессивного влияния России на кочевые народы. В работах Н.Г. Аполловой ([Аполлова, 1976](#)) и Ж.К. Касымбаева ([Касымбаев, 1986](#)) анализируется социально-экономическая трансформация региона в результате российской политики, в том числе военная колонизация, переселенческое движение и развитие торговли.

В постсоветской историографии подходы к изучению Иртышской линии стали более многогранными. Исследователи рассматривают этот процесс не только в контексте российской политики, но и с точки зрения интересов казахского общества. В частности, анализ стратегического значения укреплений и их влияния на миграционные процессы представлен в работах С. Муратовой ([Муратова, 2013](#)), Г. Ксенжик ([Ксенжик, 2013](#)) и других.

Историко-картографические аспекты строительства укреплений подробно освещены в работе Ф.Ф. Ласковского ([Ласковский, 1865](#)). Исследование позволяет проследить этапы формирования линии, определить изменения в фортификационной политике России и уточнить роль отдельных крепостей в системе приграничного контроля.

В целом, исследователи проделали значительную работу по изучению Иртышской военной линии, однако ряд аспектов остаётся недостаточно изученным. Введение в научный оборот новых архивных данных и пересмотр традиционных оценок позволяют говорить о необходимости дальнейшего анализа влияния военных укреплений на казахское общество, хозяйственные изменения в регионе и динамику российско-казахских отношений в XVIII веке.

4. Результаты

В XVIII веке российская политика в отношении Казахского ханства приобрела системный и целенаправленный характер, что было обусловлено стратегическими интересами Российской империи в регионе. Особую роль в процессе территориальной экспансии сыграло создание Иртышской военной линии, которая обеспечивала контроль над ключевыми коммуникационными маршрутами и способствовала милитаризации приграничных зон.

Вплоть до XVIII века казачьи формирования, в частности Уральское (Яицкое) войско, оставались относительно независимыми, однако с началом реформ Петра I российское правительство активно интегрировало казачество в военную систему государства. Этот процесс сопровождался трансформацией казаков из полунезависимого сословия в служилое население, что усиливало военные возможности империи в юго-восточном направлении ([Абылхожин и др., 1998: 145-146](#)).

Концепция так называемой «Восточной политики» предполагала поэтапное включение казахских территорий в состав России посредством военного давления, дипломатических механизмов и экономического влияния. Важнейшим инструментом реализации этой стратегии стало строительство укрепленных линий, которые позволяли контролировать продвижение войск и обеспечивали базу для дальнейшего освоения территории. Однако доминирование России в военно-экономическом отношении не исключало необходимости использования дополнительных методов колонизации ([Максаков, 1890: 65](#)).

Военное присутствие дополнялось активным заселением окраин империи, что происходило в два этапа: первоначально – посредством военной колонизации, связанной с созданием системы укреплений, а затем – посредством крестьянской миграции. В этот период на южные и восточные окраины переселялись различные категории населения, включая крестьян, старообрядцев, осужденных и иные социальные группы, что способствовало демографическому изменению региона. Значительные людские потоки направлялись в районы южного Урала, Барабинской степи и верховьев Иртыша, что вело к постепенной интеграции данных территорий в административную и экономическую систему Российской империи.

Динамика колонизации зависела от природных и экономических факторов. В частности, Иртышский край и Алтай привлекали внимание благодаря природным ресурсам, что обусловило активное вмешательство центральных властей в процесс освоения этих территорий. Российское правительство рассматривало казахские земли не только как стратегический рубеж на границе с Центральной Азией, но и как перспективный регион для последующей хозяйственной эксплуатации.

Точная дата появления русских на территории Ишимо–Иртышского края остаётся неопределённой, однако можно утверждать, что первоначальное освоение региона происходило посредством нерегулярных проникновений промысловых людей, занимавшихся охотой на пушного зверя, а также отдельных групп, действовавших с целью грабежа местного населения. Эти разрозненные группы не имели чёткой организации и не представляли собой реальной силы для долговременной колонизации. Однако ситуация изменилась во второй половине XVI века, когда после установления власти Кучума на данных территориях русские военные отряды начали систематическое продвижение в регион.

В 1580-х годах вслед за Ермаком на Иртыш прибыли первые организованные русские военные формирования, целью которых было включение местных народов в состав России и установление военного контроля над регионом (Россия, 1903: 148). Несмотря на сопротивление Кучума и его сторонников, русские отряды продолжали закрепляться в регионе, постепенно расширяя своё присутствие.

В феврале 1586 года был издан наказ русского царя Фёдора Иоанновича, в котором Сибирь, будучи приграничным с казахскими землями государством, упоминалась как «искони вечной вотчины государей наших», впервые присоединённая ещё при царе Иване III. При этом в наказе указаны примерные границы распространения русского влияния, в том числе фигурирует и Иртыш, о чём свидетельствует следующий текст наказа: «на Сибирское царство и на Конду Большую, и Конду Меньшую, и на Туру реку, и на Иртыш–реку, и на Иргизское государство, и на Пегие колмаки, и на Обь великую реку, и на все городки на обские на девяносто и на четыре города с году на год имати на государя по пять тысяч сороков соболей, по десять тысяч лисиц чёрных, да по пятьсот тысяч белки¹ большие, сибирские и илецкие» (Преображенский, 1972: 49).

В этот период русское правительство осознало необходимость создания опорных пунктов, что привело к основанию Тюмени (1586), Тобольска (1587) и завоеванию Барабинской степи (Копылов и др., 1961: 3). В 1594 году был основан город Тара, ставший стратегическим форпостом продвижения русских сил на Иртыше (Миллер, 1750: 280). В результате ряда военных кампаний Кучум потерпел поражение и был вынужден отступить на юг, где впоследствии погиб (Россия, 1903: 149).

Строительство укрепленных пунктов способствовало установлению контроля над приграничными территориями и обеспечению безопасности торговых маршрутов, в частности, караванных путей бухарских купцов. В дальнейшем продвижение русских продолжилось на восток, а Тарский острог стал связующим звеном между Тобольском и Томском, играя важную роль в административном управлении Барабинской степью (Касымбаев, 1986: 14). В начале XVII века процесс колонизации продолжился: в 1604 году татарский князь Таян добровольно выразил желание перейти в русское подданство, что привело к основанию Томска на его землях (Миллер, 1750: 393). Это событие ускорило процесс включения новых территорий в состав России и способствовало дальнейшему укреплению её позиций в Сибири (Касымбаев, 1986: 15).

Во второй половине XVII века российское правительство приступило к активному освоению территории Верхнего Иртыша, что было обусловлено стратегическими и экономическими интересами империи. Важной задачей являлось развитие меновой торговли с казахскими племенами и создание перевалочных пунктов для расширения так называемой «азиатской торговли», привлекавшей внимание российских властей, купечества и предпринимателей.

Одним из факторов, способствовавших проникновению русских в казахский Средний жуз, стала добыча соли из Ямышевского озера. Первые упоминания о наличии соляных озёр в этом районе встречаются в документах конца XVI века, в частности, в наказе 1594 года о строительстве города Тары, где указывалось: «...взять на расход разным людям 70 пудов соли, к этому прибавку послать из нового города на Таре на озеро Ямыш и велети соли привезти на стругах» (Миллер, 1750: 280). На начальном этапе торговля солью оставалась свободной, а её добычей занимались преимущественно жители Тары и представители казахских родов. Однако к началу XVII века российская администрация активизировала контроль над добычей природных ресурсов, направляя вооружённые отряды казаков для организации промыслов и транспортировки соли в крупные города Западной Сибири.

Освоение Ямышевского озера встретило сопротивление со стороны джунгар, которые ещё в 1610 году установили контроль над степными территориями Среднего жуза и части Алтая и ограничили доступ русских торговых и военных отрядов в регион. В ответ на это с 1613 года российские власти начали организовывать регулярные экспедиции для добычи соли, направляя значительные военные формирования, состоявшие из казаков и служилых людей. В том же году крупный отряд под командованием атамана Барташа Станиславова достиг Ямышевского озера, обеспечив транспортировку соли в Тару.

В 1618 году российское правительство направило к верховьям Ишима экспедицию во главе с Л.В. Воронцовым, целью которой была не только добыча соли, но и борьба с группировками потомков Кучума, поддерживавшими контакты с Джунгарией. Интерес к ресурсам региона значительно возрос после экспедиции 1624 года, когда тобольский атаман Гроза Иванов, совместно с

¹ Илецкая белка – это ясак (налог) татар из Илецкого леса (Илет Карагая).

боярским сыном Дмитрием Черкасовым, привёз в Тобольск образцы алебаstra, ошибочно принятые за слюду. В связи с этим было принято решение провести детальное исследование месторождений и определить перспективные районы для строительства укреплений, однако из-за присутствия значительных джунгарских сил планы возведения форпостов были временно отложены.

Военное противостояние русских промысловых отрядов с джунгарами продолжалось на протяжении XVII века. В 1634 году крупное джунгарское войско численностью до 7 тысяч человек атаковало русские соляные экспедиции, вынудив их отступить. Поддержка джунгар со стороны потомков Кучума способствовала эскалации конфликта, однако эти обстоятельства не остановили процесс постепенной интеграции региона в орбиту российской политики. Несмотря на военные угрозы, российское правительство стремилось избегать масштабных вооружённых столкновений, отдавая предпочтение дипломатическим методам урегулирования конфликта, что соответствовало внутренней политической ситуации в России во второй половине XVII века. В этот период государство столкнулось с масштабными антифеодальными выступлениями, включая восстание 1670–1671 годов, а также с неудачными Крымскими походами 1678 и 1689 годов, что ограничивало его возможности по укреплению южных рубежей (Касымбаев, 1986: 17).

Ситуация в казахских степях также оказывала влияние на российскую политику в регионе. Динамика взаимоотношений зависела от соотношения сил между джунгарами, казахскими ханами и другими государственными образованиями Центральной Азии. В 1691 году российское правительство направило в Джунгарию дипломатическую миссию во главе с боярским сыном Матвеем Юдиным, задачей которой было достижение соглашения о свободном пользовании ресурсами Ямышевского озера и прекращении принудительного взыскания ясака джунгарами с народов, находившихся под протекторатом России.

Следующим важным фактором продвижения русских в глубь степей стал интерес к золоту. Торговцы, члены посольств и путешественники, возвращаясь из Сибири, приносили сведения об «азиатских странах» за Иртышом. Россия вела тяжёлую войну со Швецией, что усиливало потребность в природных ресурсах, особенно в золоте. В это время распространялись рассказы о «золотых россыпях» в городе «Еркети» (Яркенд).

Экономический подъём России способствовал расширению торговых связей, в том числе с Востоком. Пётр I стремился наладить экономические связи с Азией, включая Индию, учитывая при этом успешный опыт Португалии, Голландии, Англии, поэтому особое значение в этом плане придавал казахской «орде» (Тарле, 1994: 169).

В 1708 году губернатором Сибири назначен М.П. Гагарин, который был осведомлен о восточных странах, имел связи с печатным двором Москвы и руководил Сибирским приказом.

По мнению Г. Е. Катанаева, М.П. Гагарин был новатором в восточной политике: «Он прозревал в равнинах Степного края не только сухие степи, но и путь к благодатному югу со сказочным Китаем, Бухарой, Индией» (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 1). Отметим, что река Иртыш, по представлениям тех времён, протекала не только через Джунгарию с её золотоносными горными потоками, но и до самой Индии. В то же время в Сибири активно распространялась информация о Китае и Бухаре, которую привозили путешественники и торговцы из своих поездок в эти регионы, что способствовало возрастанию интереса к торговым связям с Востоком. М.П. Гагарин стремился завладеть Ямышевским озером и проникнуть к золоту Яркенда. Он писал Петру I, что «под городком Эркети на реке Дарье промышляют песочное золото». Однако на самом деле Яркенд находился не на Дарье, а на реке Яркенд (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 1). Позднее Г. Ф. Миллер, посвятивший отдельное исследование песочному золоту утверждал, что образцы яркендского золота были переданы в Кунсткамеру (Миллер, 1760: 9).

М.П. Гагарин продолжал настойчиво убеждать царя построить крепости вдоль Иртыша, но не учитывал, что эти земли контролировал джунгарский хунтайджи Цеван-Рабтан, усиливший свои позиции и не намеренный уступать влияние (Касымбаев, 1986: 19).

В 1712–1713 годах, когда М.П. Гагарин находился в Москве и Петербурге, занимаясь строительством Вышневолоцкой системы (водный путь), Пётр I получил донос от агента Салтыкова, в котором предлагалось строить крепости вверх по Иртышу и Сырдарье, продвигаясь к соседним государствам и к Индии. В письме указывалось, что в этих землях имеются «медь, железо, пряные зелья некоторые, виноград, лимоны, апельсины, шолка, бумага хлопчатника, китайки, пестряды...» (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 2). Хотя царь не оставил резолюции по этому вопросу, возможно, обсуждал его с М.П. Гагариным.

В 1713 году, после возвращения в Тобольск, князь М.П. Гагарин отправил двух разведчиков в Джунгарию. Первым стал тарский казак Иван Чередов, которому было поручено встретиться с хунтайджи Цеван-Рабтаном и оценить текущую ситуацию в Джунгарии, включая её военные действия против Китая и Казахского ханства. Второй разведчик, Федор Трушников, был направлен в Восточную Бухарию, чтобы собрать информацию о песочном золоте, добываемом в районе Яркенда, и выяснить возможность его захвата. Оба разведчика получили инструкции. Ивану Чередову было поручено установить, каким образом Джунгария ведёт военные действия и с каким успехом. Официальным поводом для его поездки стало письмо от губернатора Сибирского царства к хунтайджи, в котором указывалось на необходимость урегулирования пограничных вопросов и

выяснения причин конфликтов между Джунгарией и соседними территориями. Федор Трушников, в свою очередь, должен был провести разведку на территории Яркента, чтобы выяснить, насколько реальна возможность добычи местного золота.

В 1714 году, не ожидая возвращения разведчиков, М.П. Гагарин отправился в Москву с образцами золота, добытого у яркентских бухарцев, и прибыл в столицу весной того же года. Целью его поездки было убедить Петра I в необходимости экспедиции в Яркент, чтобы в дальнейшем можно было обеспечить финансирование войны со Швецией. М.П. Гагарин не считал нужным отправлять новые войска из Европейской России, поскольку полагал, что нужное количество солдат можно было набрать в Сибири без значительных финансовых затрат.

При встрече с Петром I М.П. Гагарин представил образцы золота, сообщив, что местные жители собирают его в больших количествах. Хивинский посол Ашур-бек, находившийся в это время у Петра I, также подтвердил информацию о золотосодержащих песках. После этого Пётр I поручил продолжить исследования и организовать экспедицию (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 2; Жуковский, 1915: 46-47).

Находясь в Кронштадте, Пётр I подписал указ о подготовке экспедиции под руководством подполковника Ивана Дмитриевича Бухгольца. Экспедиция должна была изучить территорию Ямыш-озера и провести дальнейшие изыскания в поисках золота. В указе И. Бухгольцу предписывалось собрать 1500 солдат, построить крепость на Ямыш-озере и подготовить базу для последующего продвижения к «Эркету». Были также указания на необходимость организации редутов на реках и изучения местных методов добычи золота. Важной частью задачи было привлечение специалистов, включая людей, разбирающихся в минералах, а также инженеров и офицеров. Этот указ стал основой для создания прииртышских крепостей, строительство которых продолжалось с 1714 по 1720 год (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 2).

В августе 1714 года И. Д. Бухголец выехал из Москвы и 13 ноября прибыл в Тобольск, где началась подготовка к снаряжению отряда. Личный состав набирался в Томске, Тюмени и окрестных селениях, особое внимание уделялось артиллерийскому вооружению. В состав отряда были включены пленные шведские офицеры и русские торговцы, заинтересованные в освоении новых маршрутов на Восток.

Одновременно к Цеван-Рабтану были направлены представители сибирского губернатора – Василий Чередов и Тимофей Этигер с разъяснением, что экспедиция не представляет угрозы (Касымбаев, 1986: 20).

К середине 1715 года подготовка Эркетской экспедиции завершилась. Основную часть отряда составили служилые люди и добровольцы, ускоренно обученные военному делу. Регулярные войска не привлекались из-за нехватки пехотных частей в Сибири, где они были необходимы для охраны границ. В это время вернувшийся из Джунгарии Чередов сообщил, что Цеван-Рабтан отказался признавать южные земли вне джунгарских владений и демонстрировал враждебность, несмотря на войну с Китаем и набеги казахов из Семиречья. Губернатор М.П. Гагарин задержал джунгарских послов в Тобольске и не передал их письмо царю, тем самым лишив И. Бухгольца возможности скорректировать планы.

В июле 1715 года экспедиция, включавшая по данным Г. Катанаева 2162 солдата, 700 драгун и 70 мастеров, покинула Тобольск на 32 дощаниках и 24 лодках при сопровождении 12 торговых судов. Источники расходятся в численности экспедиции: по данным В.К. Андриевича в поход выступило 2717 драгун и солдат, 70 мастеров и 52 орудия (38 пушек и 14 мортир) (Андриевич, 1889: 298).

По версии Ж.К. Касымбаева общая численность отряда составляла 2797 человек (Касымбаев, 1986: 21).

При отправке И. Бухгольца присутствовали джунгарские посланцы, интересовавшиеся целью столь крупного предприятия. Им заявили, что экспедиция направлена на поиски рудных богатств в Алтае и Колбинском хребте. Аналогичные заверения были даны и самому хунтайджи в письме князя М.П. Гагарина. 1 сентября 1715 года отряд достиг Ямыш-озера, где началось строительство крепости, впоследствии названной Ямышевской (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 3). Руководил строительством пленный шведский артиллерийский поручик Я. Каландар.

О действиях джунгар не поступало известий, однако их посланцы, следовавшие за экспедицией, застали И. Бухгольца под Ямышевом в разгар крепостных работ. Видя в этом намерение русских укрепиться в регионе, они потребовали объяснений. И. Бухголец уверил их, что сооружения носят временный характер и предназначены для защиты от возможных нападений кочевников «до наступающих зимних холодов, а рвы копаются и земляные валы насыпают в предупреждении возможности за зиму неприятельских нападений на их отряд кочующих в окрестностях кочевников» (очевидно, имелись ввиду казахи – авт.) (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 3).

Несмотря на тщательную организацию, экспедиция столкнулась с проблемами. Отряд состоял из плохо обученных и ненадёжных людей, что привело к дезертирству. Суровые морозы, недостаток медицинской помощи и некачественное жильё вызвали массовые заболевания. Уже в декабре И. Бухголец сообщил о трудностях царю Петру через князя М.П. Гагарина, который отправил ему донесение вместе с образцами добытого золота. Ответ из Копенгагена, датированный 4 февраля 1716 года, подтверждал важность экспедиции даже в условиях войны со Швецией.

Для предотвращения осложнений с джунгарами М.П. Гагарин направил к хунтайджи новое посольство с мирными заверениями. В письме подчёркивалась мирная цель похода И. Бухгольца, а также предлагалась возможная поддержка джунгар в их борьбе с внешними врагами (Китай и казахи). Вскоре была организована новая экспедиция, включавшая специалистов разных областей, что должно было продемонстрировать не только военные, но и торгово–промышленные интересы России в регионе.

В состав новой команды вошли русско–бухарские торговцы из Тобольска, Тары и Томска, служилые люди с запасами продовольствия и военного снабжения для Ямышевского гарнизона, офицеры–специалисты, пленные шведы для горных работ, священники и комиссар с жалованием.

Тем временем джунгарский хунтайджи, узнав о русских укреплениях, направил десяти тысячное войско под командованием своего двоюродного брата Цэрэн–Дондоба, наместника Северо–Восточной Джунгарии. В феврале 1716 года джунгары неожиданно атаковали Ямышевскую крепость, но русские, укрывшись за постройками, отбили нападение ружейным и артиллерийским огнём. После неудачного штурма Цэрэн–Дондоб организовал блокаду крепости, что поставило отряд И. Бухгольца в критическое положение (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 4).

Попытки переговоров оказались безрезультатными. В письме от 21 февраля 1716 года Цэрэн–Дондоб требовал капитуляции, угрожая взять крепость голодом и силой. Бухголец, следуя указам, отказался отступать, заявив, что крепость возведена на землях, не принадлежащих Джунгарии. Однако затянувшаяся осада привела к нехватке продовольствия, росту болезней и смертности среди солдат, вероятно, из-за вспышки сибирской язвы (Касымбаев, 1986: 22).

К Ямышеву двигались посланцы И. Чередова и Т. Этигера, а также русский караван, не знавшие о военных событиях. Джунгары отправили отряд, который захватил посланцев и караван. Цэрэн–Дондоб, узнав о торговой миссии посланцев, разрешил им продолжить путь с охраной. Однако за 50 вёрст до Ямышева произошло столкновение по неизвестным причинам между караваном и джунгарами, в результате которого часть служилых людей погибла, оставшиеся попали в плен, а товары и запасы были разграблены (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 4). Вторично пленен был Иоганн Густав Ренат, сержант шведской артиллерии, ранее взятый в плен русскими в Полтавском сражении. Он составил впоследствии известную в науку XVIII века карту Джунгарии и Восточного Туркестана (Макшеев, 1881: 30).

Осада крепости ухудшила положение русских: нехватка продовольствия, болезни, включая цингу и сибирскую язву, привели к высокой смертности. К апрелю из 3000 человек осталось не более 700–800. Возможности отправить сообщение в Тобольск не было, поэтому попытались воспользоваться ледоходом: двоих солдат спрятали в лодке на Иртыше, надеясь, что она доплывёт до русских поселений.

Понимая критичность ситуации, И. Бухголец начал переговоры с джунгарами о свободном отходе русских. Цэрэн–Дондоб, получивший приказ перебросить войска против китайцев и казахов, согласился. Он позволил русским отступить с оружием и частью припасов, после чего разрушил крепость и увёл войско в центр Джунгарии.

И. Бухголец с отрядом достиг устья Оми и, зная, что эта территория признаётся джунгарами, остановился. В мае он отправил донесение князю М.П. Гагарину с запросом о дальнейшем продвижении и разрешении на строительство крепости. М.П. Гагарин, учитывая стратегическую важность этого места, дал согласие и направил подкрепление. Строительство новой крепости под руководством инженера Я. Каландара началось ускоренными темпами (ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 4).

20 мая 1716 года была основана Омская крепость, первоначально представлявшая собой временное фортификационное сооружение. В 1717 году на южном берегу реки Оми, в 50 верстах от Иртыша, началось строительство более крупной четырёхугольной крепости (Рисунок 1).

Рис. 1. План Омской крепости (Ласковский, 1866: 12)

В 1721 году возник вопрос о возможном переносе укрепления, в связи с чем инженер–капитан де Гранж разработал три варианта планировки, включая проект пятиугольной крепости (Апполова, 1976: 137). Однако фактическая дислокация и конфигурация Омской крепости остались неизменными, претерпев лишь значительное усиление оборонительных сооружений (ИАОО. Ф. 86, Д. 1а. Л. 14).

Согласно плану 1767 года (автор проекта – инженер Я. Зеленый), крепость была перенесена на правый берег (Муратова, 2013: 109) (Рисунок 2).

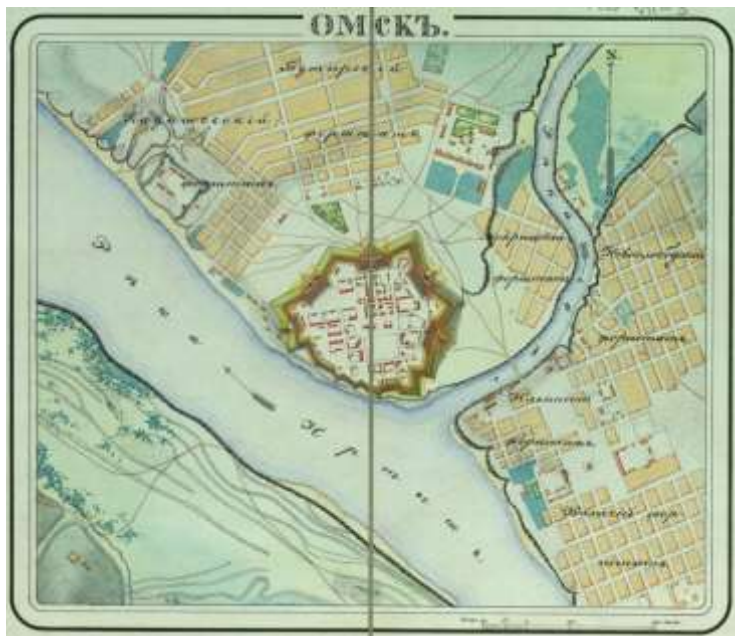

Рис. 2. План новой Омской крепости (Атлас крепостей..., 1837: 106)

В летний период 1716 года по распоряжению М.П. Гагарина к Ямышевскому озеру был направлен отряд под командованием полковника Сибирского драгунского полка Ф. Метигорова с задачей восстановить позиции, утраченные И. Бухгольцем. В результате укрепление было восстановлено и расширено, что способствовало дальнейшему продвижению русских войск по Иртышу (Рисунок 3).

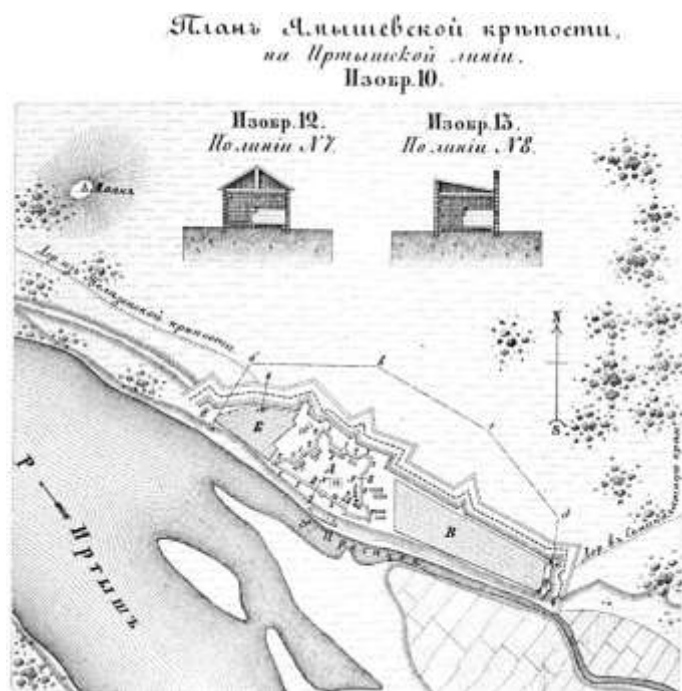

Рис. 3. План Ямышевской крепости (Ласковский, 1866: 12)

В 1733 году крепость подверглась ремонту, а для повышения её обороноспособности был сооружён бруствер, предназначенный для размещения регулярных войск. В пяти верстах от крепости был организован наблюдательный редут, обеспечивавший охрану соляного Ямышевского озера, к которому периодически устремлялись джунгарские отряды. В рапорте майора А. Зыбина от 18 июля 1734 года отмечалось проведение работ по обновлению палисадов и укреплений Омской слободы, где проживали служилые люди (Апполова, 1976: 139-140).

Вдохновлённые достигнутыми успехами, сибирские власти в 1717 году направили подполковника Прокофия Ступина с воинским отрядом и артиллерией для организации строительства крепостей вдоль Иртыша. В соответствии с предписанием М.П. Гагарина, П. Ступину было указано избегать конфликтов с джунгарами и при нападениях ограничиваться исключительно оборонительными действиями, разясняя отсутствие враждебных намерений у русской стороны. В дальнейшем под руководством Павла Северского и Василия Чередова были организованы новые экспедиции, в результате которых в 1717 году была построена Железинская крепость (Рисунок 4, 5).

Рис. 4. Основание Железинской крепости (Сибирский казак, 1932: 41)

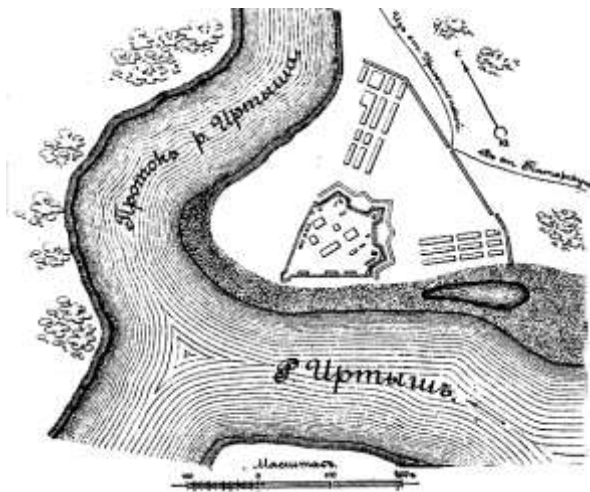

Рис. 5. План Железинской крепости (Военная энциклопедия, 1911: 362)

Упомянутые в литературе крепости Колбасунская и Долонская, основанные в это же время, требуют некоторых уточнений. В частности, Ж. Касымбаев пишет об основании В. Чередовым в 1717 году Колбасунской крепости (Касымбаев, 1986: 25), и эта же информация дублируется в некоторых других казахстанских изданиях (Акишев и др., 2008: 13).

Основываясь на материалах капитана Ивана Унковского, направленного в 1722 году в ставку джунгарского правителя Цеван-Рабтана и посетившего по дороге место, где «был построен острожок, в котором зимовал Борис Чередов с тремястами служилыми людьми» (История Казахстана, 2005: 320), видно, что острог (опорный пункт) был заложен в 4-х верстах от развалин древнего «языческого

капища», известного под разными названиями – Каменные мечети, Кабал-Гасун, Калабалгасын и Калбасунская башня (Чулков, 1785: 459; Артыкбаев и др., 2002).

Очевидно, что Калбасунская башня не являлась фортификационным строением Б. Чередова и отношения к будущей военной линии не имела (Рисунок 6).

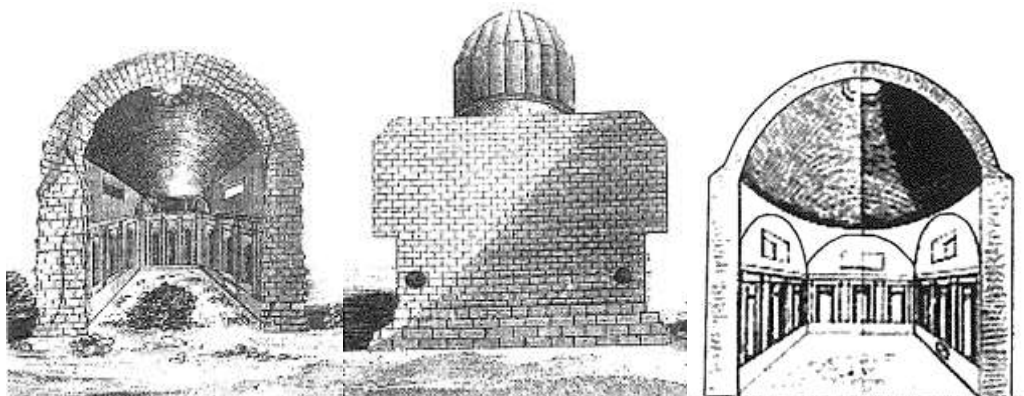

Рис. 6. Изображения Калбасунской башни по Г.Ф. Миллеру и Г. Спасскому (Смагулов, 2012: 17, 98)

Долонская крепость была основана в начале зимы 1718 года, когда капитан Иван Алексеев был направлен с припасами из Ямышевской крепости в Семипалатную, «но от рано наставшей зимы недалеко от устья речки Долонки, в Иртыш впадающей, взял его замороз». Приняв решение перезимовать, И. Алексеев основал небольшую крепость, названную Долонской. Укрепление просуществовало недолго и было срыто в 1722 году. О мотивах в источниках не указано, но Г. Миллер указывает на то, что она стала «яко излишняя» (Миллер, 2005: 494-495).

Ответ заключался в самом названии для передвижения кочевников. Чтобы не обострять отношений с джунгарами, оно было убрано.

В 1745 году в ходе усиления военной линии вдоль Иртыша были намечены места для форпостов, защит и маяков. По данным реестра, составленного Х. Киндерманом, в урочище Долон-Карагай планировалось поставить защиту, которая и была воздвигнута ориентировочно в 1746 году (Пространство..., 2013: 40-41).

По данным Ф. Ласковского позднее на этом месте появился форпост (точная дата не указана) (Ласковский, 1865: 141).

Это подтверждается и картой, указанной Ф. Ласковским в приложении «Карты, планы и чертежи к 3 части материалов для истории инженерного искусства в России» 1866 года (Рисунок 7).

Рис. 7. Фрагмент карты Иртышской линии с указанием форпоста Долонского (Ласковский, 1866: 12)

В дальнейшем, с потерей актуальности военной линии, форпост становится рядовой станицей (Рисунок 8). Как видим, данное укрепление никогда крепостью не было.

Рис. 8. Станица Долонская. Фрагмент карты 1871 года (Почтовая карта..., 1871)

Продолжая движение, Б. Чередов определил место для возведения нового укрепления на правом берегу Иртыша, где в 1718 году была заложена Семипалатинская крепость (Рисунок 9).

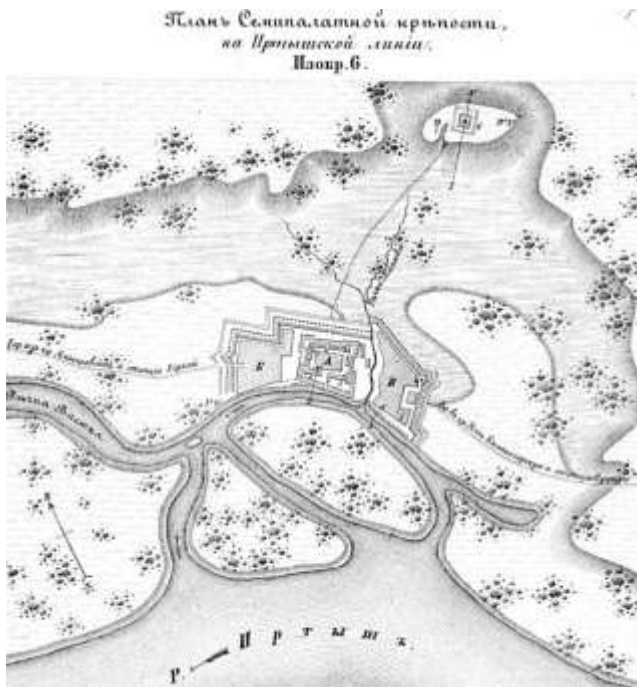

Рис. 9. План Семипалатинской крепости (Ласковский, 1866: 12).

В 1719 году по указу Петра I была организована экспедиция под командованием майора И.М. Лихарева для изучения озера Зайсан, проверки данных о золотоносных месторождениях и анализа причин неудачи предыдущей экспедиции И.Д. Бухгольца. Экспедиция должна была построить укрепление на побережье озера Зайсан и исследовать возможные гидрографические связи региона с Аральским морем.

После пополнения в Тобольске, отряд И.М. Лихарева направился по Иртышу к озеру, имея 34 судна, 440 рядовых и артиллерию. Отряд был укомплектован врачами, геодезистами и инженерными силами. Не найдя подходящего места для укреплений, экспедиция направилась к Чёрному Иртышу, где 8 августа 1719 года джунгарский военачальник Галдан-Цэрэн напал на отряд, но отступил после артобстрела.

В ходе переговоров Лихарев сообщил, что целью экспедиции были лишь исследования, и джунгарцы разрешили беспрепятственное возвращение. На обратном пути, в 1720 году, И.М. Лихарев заложил Усть-Каменогорскую крепость (Рисунок 10). Джунгарский правитель Цеван-Рабтан согласился на геологоразведочные работы при сохранении ясашной системы сбора податей и возвращении беглых калмыков. Из-за болезни И.М. Лихарев передал строительство крепости капитану Летранжу, который учёл угрозу разрушения от размыва и расположил крепость вдали от реки. Позже для обороны крепости был переведён драгунский полк (Касымбаев, 1986: 26-28).

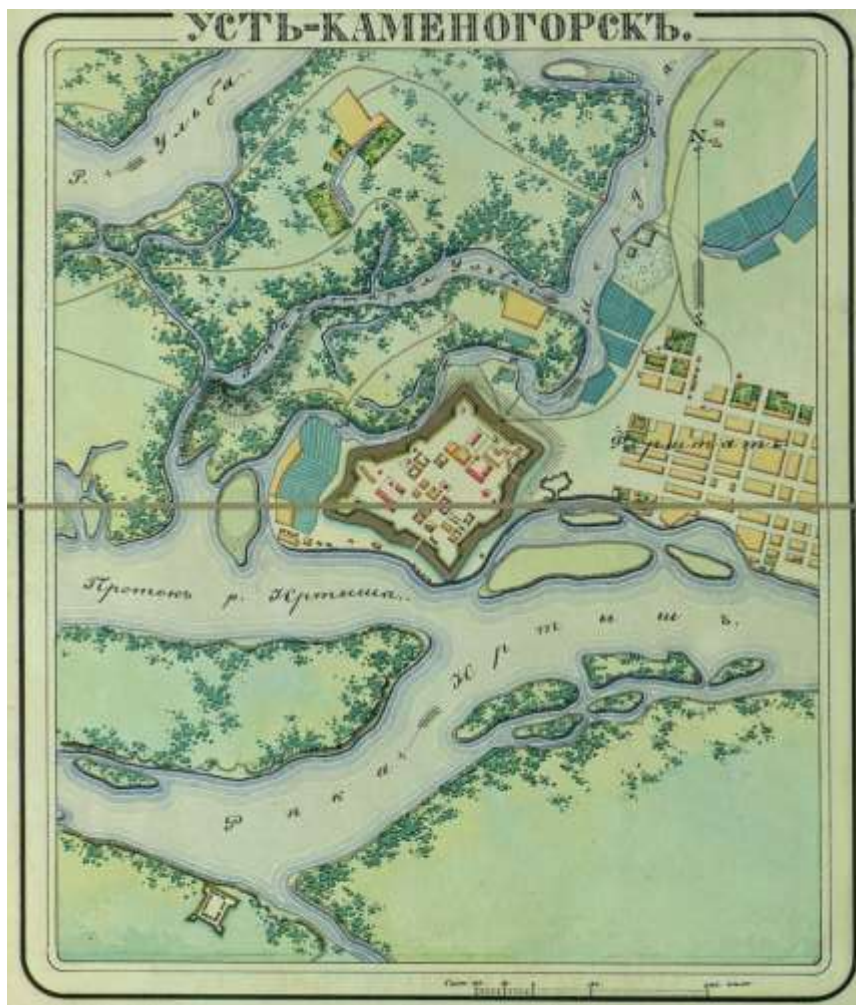

Рис. 10. Усть-Каменогорская крепость ([Атлас крепостей..., 1837: 110](#))

По поводу времени основания Усть-Каменогорской крепости существует и альтернативная версия. Так, в «Географическо-статистическом словаре Российской империи», составленном П. Семеновым, указана дата основания – 1719 год ([Географическо-статистический..., 1885: 371](#)). Эту же дату можно встретить у некоторых современных исследователей – С. Муратовой ([Муратова, 2007: 16](#)), Г. Ксенжик ([Ксенжик, 2013: 89](#)) и других. Однако, согласно архивным материалам, в частности, донесению в Сенат самого И.М. Лихарева, видно, что крепость была основана в августе 1720 года ([РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Д. 373. Л. 461об.](#))

Строительством крепостей закладывается основа Иртышской военной линии и таким образом завершается первый этап продвижения Российской империи в северо-восточные пределы Казахского ханства. Этот этап характеризовался стремлением России реализовать торговые возможности, включить азиатские территории в сферу влияния и попутно обеспечить безопасность перспективных путей посредством строительства военных укреплений.

Продвижение по Иртышу проходило в сложной военно-политической обстановке, сложившейся в Среднем жузе. С одной стороны продолжалось противостояние между Казахским ханством и Джунгарией, с другой стороны, казахи и джунгары вынуждены были как-то реагировать на продвижение русских в Прииртышье.

В начале 1720-х годов казахи во многих местах переходили на правый берег Иртыша в районе Железинской крепости, угоняли скот, захватывали пленных. В 1728–1741 годах осуществлена серия набегов на территорию Тарского уезда. Весной 1731 года у Омска происходит сражение казахов с воинским гарнизоном. В ноябре 1734 года казахи совершили набеги в Барабинскую степь, захватили пленных, скот у местных татар. Осенью 1740 года происходит военное столкновение казахов с казаками под Тарой и в этом же году казахи вторгаются на правобережье Оми, убив барабинского князя Якуту ([Захаренко и др., 2003: 58](#)).

В архивных материалах зафиксированы многочисленные военные столкновения между казаками и русскими отрядами 6 июля 1742 года, 14 июля 1742 года, 23 июля 1743 года, 17 августа 1743 года, 15 апреля 1744 года и т. д. ([ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 12. Л. 5-8об.](#)).

В то же время джунгары, разорив в 1723–1725 годах Старший жуз (Юг Казахстана), получили возможность провести несколько походов из Прииртышья против Среднего жуза. В 1732 году из района озера Зайсан вторглись джунгарские войска Уса–Церена. Казахское войско в 1733 году сумело нанести поражение джунгарам в долине между рекой Оленты и горами Ерейментау. Зимой 1739–1740 годов движущиеся с востока джунгары перешли Иртыш, по пути забрав всё сено из казачьих запасов на пространстве от Железинской до Омской крепостей.

В 1740 году последовало новое вторжение 20-тысячного войска джунгарского нойона Септеня. В 1741 году развёртываются сражения на территории Среднего жуза, в том числе на берегах Иртыша. Разрозненные силы казахов в некоторых сражениях потерпели неудачу (Захаренко и др., 2003: 57).

Все перечисленные обстоятельства побудили губернатора Сибири, после обсуждений с начальником Оренбургской комиссии в Шадринске, представить в Правительствующий Сенат предложение о необходимости создания формальной линии укреплений вдоль Иртыша путём возведения новых укреплённых пунктов между уже существующими крепостями.

Правительствующий Сенат, признав целесообразность этого проекта, указом от 29 июня 1743 года предписал провести предварительное исследование местности вдоль течения Иртыша, составить карту и детальное описание территории.

В 1745 году генерал-майор Х. Киндерман, руководствуясь проведённым обследованием, представил проект линии, согласно которому между существующими крепостями предполагалось разместить крупные форпосты с интервалом в 60 вёрст, а между ними – малые форпосты на расстоянии 20 вёрст. Кроме того, планировалось организовать ежедневные разъезды между форпостами для контроля территории. Не дожидаясь официального одобрения Сената, Х. Киндерман приступил к строительству этих опорных пунктов. В ответ на его донесение Сенат 13 ноября 1745 года постановил: «назначенные между Иртышскими крепостями строением форпосты и маяки до предбудущаго о том указу обождают, а между тем в которых местах, по рассмотрению его генерал-майора, для опасности от Зюнгорцев надлежит учинить какия укрепления, то оныя строить малыя, а не к прочности, но чтобы они к одному тогдашнему времени служить могли» (Ласковский, 1865: 141-142).

Из донесения генерал-майора Киндермана от 18 декабря 1745 года следует, что он лично обследовал местность, предназначенную для новой линии, от крепости Железинской до крепости Усть-Каменогорской, а также от последней до Колыванских заводов. В результате были приняты решения об исправлении существующих и возведении новых укреплённых пунктов, включавшие следующие меры:

- На одной из господствующих высот у крепости Семипалатинской была размещена батарея;
- Во всех крепостях было предписано строительство лазаретов, жилых домов, продовольственных складов и казарм;
- Между пятью крепостями, расположенными вверх по Иртышу, к уже существующим семи форпостам планировалось добавить 24 почтовые станции, расстояние между которыми должно было составлять 25–30 вёрст в зависимости от наличия лесных и сенокосных угодий;
- Аналогичные почтовые станции должны были быть возведены от Шульбинского завода на Иртыше до реки Алей и Змеевского рудника.

В 1746 году был представлен детальный план течения реки Иртыш на участке между Омской и Усть-Каменогорской крепостями. К этому документу было приложено общее заключение сибирского губернатора А.М. Сухарева и генерал-майора Х. Киндермана относительно обустройства Иртышской линии, в котором указывалось: «для лучшего очищения границы и пересечения через р. Иртыш киргиз–кайсацких набегов, за дальним разстоянием крепостей и форпостов между собою, в прибавок вместо линий, вновь редуты и маяки учредить».

На основании изложенных данных можно заключить, что строительство Иртышской линии, согласно утверждённому Сенатом плану, началось не ранее 1747 года. В конце рассматриваемого периода укреплённая линия включала: 5 крепостей, 15 редутов, 8 форпостов, 1 заставу, 1 защитный пункт, 2 наблюдательные избы и укреплённый Шульбинский завод (Рисунок 11) (Ласковский, 1865: 142-143).

На этом завершается второй этап, заключавшийся в значительном усилении Иртышской линии и постепенному превращению Иртыша в естественный рубеж и препятствие для передвижений кочевников.

С середины XVIII века геополитическая ситуация в рассматриваемом регионе начинает меняться. Китай начинает давление на Джунгарию, а казахские родоправители начинают активное возвращение на правобережье Иртыша.

В 1753–1757 годах султан Среднего жуза Абылай оказывает помощь джунгарским найонам Давци и Амурсане в борьбе с хунтайджи ламой Доржи, ослабляет основного врага казахов, изгоняет джунгарские войска, преследуя их за пределами Казахского ханства.

В 1754–1755 годах казахи, переправившись через Иртыш между Ямышевской и Семипалатинской крепостями, захватывали имущество, вступали в бои с царскими войсками, отказывались возвратиться на левобережье. В 1755 году казахи вышли к Иртышу во многих местах, совершали нападения, а у Коряковского форпоста произошла ружейная перестрелка. В 1757 году

казахское войско под командованием Абылая в погоне за джунгарами вторгается на Алтай, уводит массу пленных (Захаренко и др., 2003: 58). Отметим, что в советские годы личность Абылая и его политика по отношению к России интерпретировались преимущественно отрицательно (Kabul'dinov, Toraugurov, 2024: 554).

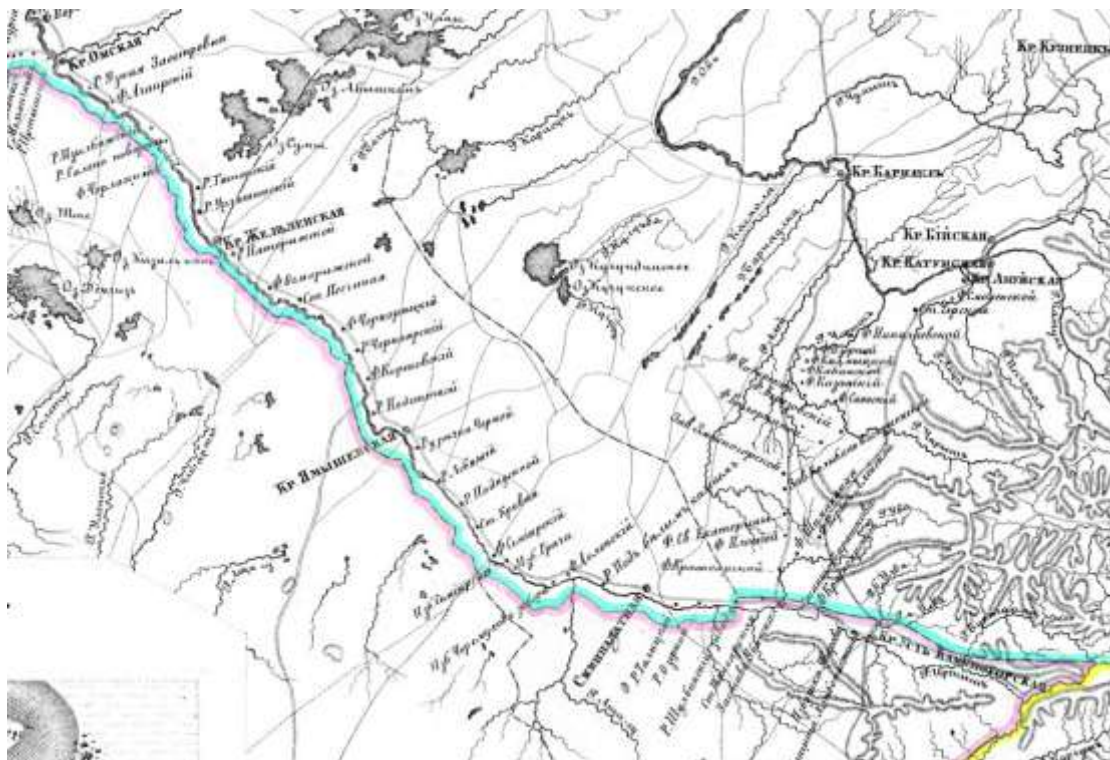

Рис. 11. Карта Иртышской линии (Ласковский, 1866: 12)

Падение Джунгарии привело к массовому притоку казахских общин к Прииртышью, пытавшихся вернуться на свои прежние родовые места. Однако это шло вразрез с интересами империи, стремившейся заселить территорию правобережья Иртыша казахами и крестьянами и создать некую буферную зону между казахами и Китаем, политика которого не всегда была понятна по отношению к Сибири.

В связи с имевшимися ранее случаями вооружённых столкновений 31 января 1755 года вышел указ Военной коллегии, подписанный императрицей Елизаветой Петровной и адресованный оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву, о недопущении казахов на правый берег Иртыша и о высылке их с правобережной стороны на степную сторону: «О приумножении на Иртышскую линию для пресечения вышеписанных киргис-кайсацких наглых неприятельских поступков, и наилучшей предосторожности команд, и о не допущении их, и другого степного народа, також скота и лошадей, на здешнюю, и о ссылке их з жилой на степную сторону, и в прочем, поступать ныне по вышеобъявленному учиненному брегадирами Крофтом и Павлуцким определению. И при том стоящим на фарпостах командам, накрепчайше подтвердить, и велеть в недопущении помянутых киргис-кайсаков до командиров, дабы от них никакого людям вреда учинитца не могло, иметь крайнее смотрение и крепкую и неослабную предосторожность, как воинския регулы и указы повелевают. И для того, по требованию оного бригадира Крофта, испытанных, по силе Правительствующаго сената указов, казаков четыреста человек, со всем нарядом и оружием, нарядить и к выступлению содержать в готовности и во всякой исправности, которым, егда он, бригадир, востребует в повеленное место велеть выступить в самой скорости. О чем и генерал-лейтенанту и Сибирскому губернатору Мятлеву, и брегадирам Крофту и Павлуцкому, и в Сибирскую губернскую канцелярию указы посланы» (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 37. Л. 24 об.-25).

Тем не менее, запреты не останавливали казахов, и обстановка иногда принимала острый характер, например, в одном из документов сообщается о действиях султана Султанмамета: «А Аблаи-солтанов... брат Солтан Маметь угрожал: ежели их табуны и впредь будут сгонять, то они из крепости людей никого не выпустят, и сена все огнем пожгут, и воды из Иртыша не дадут» (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 35. Л. 29 об.-30).

В середине 60-х годов XVIII века российские власти идут на беспрецедентный шаг в колониальной практике и создают запретную зону на левобережье Иртыша как меру для недопущения конфликтов между казахами и русско-казахским населением. При этом, с 1765 года на

данном участке Иртыша запрещено было находиться не только казахам, но и русским крестьянам и казакам (ИАОО. Ф. 67. Оп. 1, Д. 3. Л. 533-534).

Данная мера не смогла снизить напряжённость на новой границе, поэтому вопрос решался уже дипломатическими мерами.

К этому времени обстановка во второй половине XVIII века в Среднем Прииртышье сложилась следующим образом. На нет была сведена угроза джунгарских вторжений. Случаев нападений и угроз на крепости со стороны казахов Среднего жуза уже почти не было. Несанкционированные переходы стали реже, поскольку военных сил для выдворения казахов с правого берега Иртыша было предостаточно. Учитывая, что многие родоправители Среднего жуза, включая влиятельного Абылая, приняли российское подданство, командующий на Сибирских пограничных линиях генерал-майор С. Станиславский ходатайствовал о допуске казахов на внутреннюю сторону во время зимних кочёвок, на что Государственная коллегия иностранных дел от 16 июня 1771 года предписала С. Станиславскому: «Киргизам (казахам) из-за реки Иртыша с конскими табунами на российскую сторону переходить позволить» (Крафт, 1898: 45-46).

Армейские части, размещённые на Иртышской линии в XVIII веке, были выведены из региона в 1807 году в связи с военными кампаниями Наполеона в Европе. Их место заняли гарнизонные команды, включавшие линейные батальоны и инвалидные роты. В этот период укрепления утратили деревянные надолбы, а их фортификационные сооружения стали возводиться по принципу бастионной системы, разработанной французским военным инженером С. Вобаном (1633–1707). Вооружение гарнизонов состояло преимущественно из устаревших фальконетов и пищалей (Инсебаев, 2000: 139).

5. Заключение

Таким образом, стратегия расширения Российской империи на востоке проходила в сложных условиях и менялась в зависимости от политических условий в регионе. Изначально покорение Сибири открыло возможности для дальнейшего продвижения в азиатские страны, о которых имелось весьма смутное представление. Но торговые цели довольно быстро сменились колонизационными. Продвижение в Северо-Восточный Казахстан совпало с тяжелейшей казахско-джунгарской войной, когда казахи, не выдержав напора, вынуждены были покинуть территорию Прииртышья, а земли объявлялись землями Джунгарского ханства. Противостояние кочевников позволило империи использовать удобный момент для строительства военных укреплений по Иртышу и проведения экспедиций, выдавая их за торговые, дипломатические или геологические. Закреплению в Среднем жузе способствовало падение Джунгарии и принятие российского подданства некоторой частью казахов. Однако сам характер российской политики претерпел изменения: от агрессивной военной экспансии к созданию административных структур и постепенной интеграции Казахстана в общую систему империи. Иртышская военная линия стала частью этого процесса, определив вектор развития отношений России и казахских земель на долгие десятилетия вперёд.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Структуры управления казахами Западной Сибири: конец XVIII в. – XIX в.» (AP23489137).

Литература

- Абылхожин и др., 1998 – Абылхожин Ж.Б., Бурханов К.Н., Кадырбаев А.Ш., Султанов Т.И. Страна в сердце Евразии. Алматы, 1998. 279 с.
- Акишев и др., 2008 – Акишев А.А. Инсебаев Т.А., Азербайев А.Д., Дауенов Е.Н., Сметова А.Т. Очерки колонизации Павлодарского Прииртышья царской Россией. Павлодар: Издательство «Кереку», 2008. 200 с.
- Андреевич, 1889 – Андреевич В.К. История Сибири. Период с 1660 г. до воцарения императрицы Елизаветы Петровны. Ч. 2. СПб.: Типография В.В. Комарова, 1889. 500 с.
- Аполлова, 1976 – Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце 17–первой половине 19 века. М., 1976. 370 с.
- Артыкбаев, 2002 – Артыкбаев Ж.О., Ерманов А.Ж., Жанисов А.Т. Калабалгасын – уникальный памятник старины Павлодарского Прииртышья. Астана, 2002. 34 с.
- Атлас крепостей..., 1837 – Атлас крепостей Российской империи. Карты. СПб., 1837. 120 с.
- Военная энциклопедия, 1913 – Военная энциклопедия. Т. 10. / Под ред. В.Ф. Новицкого и др. СПб.: Товарищество И.Д. Сытина, 1913. 375 с.
- Гагемейстер, 1854 – Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1–3. 359 с.
- ОГАОО – Объединённый государственный архив Оренбургской области.
- Географическо-статистический..., 1885 – Географическо-статистический словарь Российской империи. Составил по поручению императорского русского географического общества

- действительный член общества П. Семенов, при содействии члена сотрудника В. Зверинского. Т. V. СПб., 1885. 1000 с.
- Жуковский, 1915** – Жуковский С.В. Сношения России с Хивой и Бухарой за последнее трехсотлетие // *Труды Общества Русских Ориенталистов*. Пг., 1915. № 2. 214 с.
- Захаренко и др., 2003** – Захаренко А.Л., Косаяков Б.К., Мерц В.К. История Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2003. 133 с.
- ИАОО** – Исторический архив Омской области.
- Инсебаев, 2000** – Инсебаев Т.А. Очерки истории Павлодарского Прииртышья. Ч. 1. Павлодар, 2000. 240 с.
- История Казахстана, 2005** – История Казахстана в русских источниках XVI–XX: Т. II. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. О народах Казахстана / Сост. И.В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 448 с.
- Касымбаев, 1986** – Касымбаев Ж.К. Под надежную защиту России. Алма-ата, 1986. 136 с.
- Катанаев, 1904** – Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904. 202 с.
- Копылов и др., 1961** – Копылов Д., Прибыльский Ю.П. Тобольску – 375 лет. Тобольск, 1961. 223 с.
- Крафт, 1898** – Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. 897с.
- Ксенжик, 2013** – Ксенжик Г.Н. Развитие Иртышской укрепленной линии // *Мысль*. 2013. № 2. С. 86-91.
- Ласковский, 1865** – Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 3. Опыт исследования инженерного искусства после Императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1865. 1016 с.
- Ласковский, 1866** – Ласковский Ф.Ф. Карты, планы и чертежи к 3 части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1866. 74 с.
- Максаков, 1890** – Максаков А. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения на него русских. СПб., 1890. 376 с.
- Макшеев, 1881** – Макшеев А. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881. 39 с.
- Миллер, 1750** – Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала и особливо от покорения его Российской державой по сии времена. Кн. 1. СПб., 1750. 510 с.
- Миллер, 1760** – Миллер Г.Ф. Известие о песочном золоте в Бухарии, (о чиненных для оного отправлениях, и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Устькаменогорская). СПб., 1760. 136 с.
- Миллер, 2005** – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 3. М.: Восточная литература, 2005. 598 с.
- Муратова, 2007** – Муратова С.Р. Сибирские укрепленные линии XVIII века. Уфа, 2007. 50 с.
- Муратова, 2013** – Муратова С.Р. Географическое описание Иртышской линии // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 373. С. 108-114.
- Потанин, 1884** – Потанин Г.Н. Завоевание и колонизация Сибири // *Живописная Россия*. СПб.: М., 1884. Т. 11. С. 31-48.
- Почтовая карта..., 1837** – Почтовая карта Азиатской России, Сибири, изданная почтовым департаментом. СПб.: Картографическое заведение А. Ильина, 1871.
- Преображенский, 1972** – Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVII века. М.: Наука, 1972. 392 с.
- Пространство..., 2013** – Пространство Северного Казахстана и Сибири в исторической ретроспективе XVIII в. (по документальным публикациям Г.Н. Потанина) / Сост. Н.М. Дмитриенко, Т.В. Родионова; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Издательство Томского университета, 2013. 314 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Россия, 1903** – Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 18. Киргизский край / Под ред. В.П. Семенова. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1903. 469 с.
- Сибирский казак, 1934** – Сибирский казак. Войсковой юбилейный сборник Сибирского казачьего войска. 1582–1932 г. Выпуск 1. Наше прошлое до Великой войны 1914 года / Под ред. Е.П. Березовского. Харбин, 1934. 390 с.
- Смагулов, 2012** – Смагулов Т.Н. Калбасунская башня. Алматы, 2012. 160 с.
- Тарле, 1994** – Тарле Е.В. Русский флот и внешняя политика Петра I. СПб.: Фирма «Браск», Морской исторический сборник, 1994. 192 с.
- Усов, 1879** – Усов Ф.Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. 284 с.
- Чулков, 1785** – Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой, сочиненное М. Чулковым: Т. 3. Кн. 1. М., 1785. 739 с.

Kabuldinov, Toraygyrov, 2024 – *Kabuldinov, Z.E., Toraygyrov, E.M.* (2024). The supply of flour and bread by Russia to the Kazakh steppe and the development of agriculture during the reign of Sultan Abulai of the Middle Zhuz // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 553-653.

References

- Abylkhozhin et al., 1998** – *Abylkhozhin, Zh.B., Burkhanov, K.N., Kadyrbaev, A.Sh., Sultanov, T.I.* (1998). Strana v serdtse Evrazii [The country in the heart of Eurasia]. Almaty, 279 p. [in Russian]
- Akishev i dr., 2008** – *Akishev, A.A., Insebaev, T.A., Azerbaev, A.D., Dauenov, E.N., Smetova, A.T.* (2008). Ocherki kolonizatsii Pavlodarskogo Priirtysh'ya carskoj Rossiej [Essays on the colonization of Pavlodar Priirtyshye by Tsarist Russia]. Pavlodar: Kereku, 200 p. [in Russian]
- Andrievich, 1889** – *Andrievich, V.K.* (1889). Istoriya Sibiri. Period s 1660 g. do vocareniya imperatricy Elizavety Petrovny. Ch. 2 [History of Siberia. The period from 1660 to the accession of Empress Elizabeth Petrovna. Part 2]. SPb.: Tipografiya V.V. Komarova, 500 p. [in Russian]
- Apollova, 1976** – *Apollova, N.G.* (1976). Khozyajstvennoe osvoenie Priirtysh'ya v konce 17–pervoj polovine 19 veka [Economic development of Priirtyshye in the late 17th – first half of the 19th centuries]. Moscow, 370 p. [in Russian]
- Artykbaev, 2002** – *Artykbaev, Zh.O., Ermanov, A.Zh., Zhanisov, A.T.* (2002). Kalabalgasyn – unikal'nyj pamyatnik stariny Pavlodarskogo Priirtysh'ya [Kalabalgasyn – a unique monument of antiquity in Pavlodar Priirtyshye]. Astana, 34 p. [in Russian]
- Atlas krepostej..., 1837** – Atlas krepostej Rossijskoj imperii. Karty [Atlas of fortresses of the Russian Empire. Maps]. SPb., 120 p. [in Russian]
- Chulkov, 1785** – *Chulkov, M.* (1785). Istoricheskoe opisanie Rossijskoj kommersii pri vsekh portakh i granitsakh ot drevnikh vremen do nastoyashchego i vsekh preimushchestvennykh uzakonenii po onoi gosudarya imperatora Petra Velikago i nyne blagopoluchno tsarstvuyushchei gosudaryni imperatritsy Ekateriny Velikiya, sochinennoe M. Chulkovym [Historical description of Russian commerce at all ports and borders from ancient times to the present and all the preferential laws on it of the sovereign emperor Peter the Great and the now successfully reigning sovereign empress Catherine the Great, composed by M. Chulkov]: T. 3. Kn. 1. M., 739 p. [in Russian]
- Gagemeister, 1854** – *Gagemeister, Yu.A.* (1854). Statisticheskoe obozrenie Sibiri [Statistical review of Siberia]. SPb., Ch. 1–3. 359 p. [in Russian]
- Geograficheskostatisticheskij slovar'..., 1885** – Geograficheskostatisticheskij slovar' Rossijskoj imperii [Geographical and statistical dictionary of the Russian Empire]. Compiled by P. Semenov with the assistance of V. Zverinsky. Vol. V. SPb., 1000 p. [in Russian]
- IAOO** – Istoricheskij arkhiv Omskoj oblasti [Historical archive of Omsk region].
- Insebaev, 2000** – *Insebaev, T.A.* (2000). Ocherki istorii Pavlodarskogo Priirtysh'ya. Ch. 1 [Essays on the history of Pavlodar Priirtyshye. Part 1]. Pavlodar, 240 p. [in Russian]
- Istoriya Kazakhstana..., 2005** – Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv.: T. II. Russkie letopisi i oficial'nye materialy XVI – pervoj treti XVIII v. O narodakh Kazakhstana [History of Kazakhstan in Russian sources XVI–XX centuries: Vol. II. Russian chronicles and official materials of the 16th – first third of the 18th century on the peoples of Kazakhstan] / Sost. I.V. Erofeeva. Almaty: Daik-Press, 448 p. [in Russian]
- Kabuldinov, Toraygyrov, 2024** – *Kabuldinov, Z.E., Toraygyrov, E.M.* (2024). The supply of flour and bread by Russia to the Kazakh steppe and the development of agriculture during the reign of Sultan Abulai of the Middle Zhuz. *Bylye Gody*. 19(2): 553-653.
- Kasymbaev, 1986** – *Kasymbaev, Zh.K.* (1986). Pod nadezhnuyu zashchitu Rossii [Under the reliable protection of Russia]. Alma-Ata, 136 p. [in Russian]
- Katanaev, 1904** – *Katanaev, G.E.* (1904). Kirgizskij vopros v Sibirskom kazachem vojske [The Kyrgyz question in the Siberian Cossack army]. Omsk, 202 p. [in Russian]
- Kopylov i dr., 1961** – *Kopylov, D., Pribyl'skij, Yu.P.* (1961). Tobol'sku – 375 let [375 years of Tobolsk]. Tobolsk, 223 p. [in Russian]
- Kraft, 1898** – *Kraft, I.I.* (1898). Sbornik uzakonenij o kirgizakh stepnykh oblastej [Collection of laws on the Kyrgyz of the steppe regions]. Orenburg, 897 p. [in Russian]
- Ksenzhik, 2013** – *Ksenzhik, G.N.* (2013). Razvitie Irtyshskoj ukrepljonnoj linii [Development of the Irtysh fortified line]. *Mysl'*. 2: 86-91. [in Russian]
- Laskovsky, 1865** – *Laskovsky, F.F.* (1865). Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. Ch. 3 [Materials for the history of engineering art in Russia. Part 3]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1016 p. [in Russian]
- Laskovsky, 1866** – *Laskovsky, F.F.* (1866). Karty, plany i chertezhi k 3 chasti materialov dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii [Maps, plans, and drawings for Part 3 of materials on the history of engineering art in Russia]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 74 p. [in Russian]
- Maksakov, 1890** – *Maksakov, A.* (1890). Istoricheskij obzor Turkestana i nastupatel'nogo dvizheniya na nego russkikh [Historical overview of Turkestan and the Russian offensive against it]. SPb., 376 p. [in Russian]

- Maksheev, 1881** – *Maksheev, A.* (1881). Karta Dzhungarii, sostavlenaya shvedom Renatom vo vremya ego plena u kalmykov s 1716 po 1733 god [Map of Dzungaria, compiled by the Swede Renat during his captivity among the Kalmyks from 1716 to 1733]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 39 p. [in Russian]
- Miller, 1750** – *Miller, G.F.* (1750). Opisaniye Sibirskogo tsarstva i vseh proisshedsikh v nem del ot nachala i osoblivo ot pokoreniya ego Rossiiskoi derzhavoi po sii vremena [Description of the Siberian kingdom and all the events that took place in it from the beginning and especially from its conquest by the Russian state to the present time]. Kn. 1. SPb., 510 p. [in Russian]
- Miller, 1760** – *Miller, G.F.* (1760). Izvestie o pesochnom zolote v Bukharii, (o chinennykh dlya onogo otpravleniyakh, i o stroenii kreposti pri reke Irtyshe, kotorym imena: Omskaya, Zhelezenskaya, Yamyshevskaya, Semipalatnaya i Ust'-kamenogorskaya) [News about sand gold in Bukhara (about the shipments made for it, and about the construction of fortresses on the Irtysh River, whose names are: Omsk, Zheleznenskaya, Yamyshevskaya, Semipalatnaya and Ust'-Kamenogorsk)]. SPb., 136 p. [in Russian]
- Miller, 2005** – *Miller, G.F.* (2005). Istoriya Sibiri [History of Siberia]. T. 3. M.: Vostochnaya literatura, 598 p. [in Russian]
- Muratova, 2007** – *Muratova, S.R.* (2007). Sibirskie ukreplennye linii XVIII veka [Siberian fortified lines of the 18th century]. Ufa, 50 p. [in Russian]
- Muratova, 2013** – *Muratova, S.R.* (2013). Geograficheskoe opisanie Irtyshskoi linii [Geographical description of the Irtysh line]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 373: 108-114. [in Russian]
- OGAEO** – Ob"edinennyi gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti [United State Archive of the Orenburg Region].
- Pochtovaya karta..., 1837** – Pochtovaya karta Aziatskoi Rossii, Sibiri, izdannaya pochtoym departamentom [Postal map of Asian Russia, Siberia, published by the postal department]. SPb.: Kartograficheskoe zavedenie A. Il'ina, 1871. [in Russian]
- Potanin, 1884** – *Potanin, G.N.* (1884). Zavoevaniye i kolonizatsiya Sibiri [Conquest and colonization of Siberia]. *Zhivopisnaya Rossiya*. SPb.: M. 11: 31-48. [in Russian]
- Preobrazhenskii, 1972** – *Preobrazhenskii, A.A.* (1972). Ural i Zapadnaya Sibir' v kontse XVI – nachale XVII veka [The Urals and Western Siberia at the end of the 16th – beginning of the 17th centuries]. M.: Nauka, 392 p. [in Russian]
- Prostranstvo..., 2013** – Prostranstvo Severnogo Kazakhstana i Sibiri v istoricheskoi retrospektive XVIII v. (po dokumental'nym publikatsiyam G.N. Potanina) [The space of Northern Kazakhstan and Siberia in historical retrospect of the 18th century (based on documentary publications by G.N. Potanin)]. Sost. N.M. Dmitrienko, T.V. Rodionova; nauch. red. E.I. Chernyak. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2013. 314 p. [in Russian]
- RGADA** – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Rossiya, 1903** – Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva [Russia. Complete geographical description of our fatherland]. T. 18. Kirgizskii krai. Pod red. V.P. Semenova. SPb.: Izdanie A.F. Devriena, 1903. 469 p. [in Russian]
- Sibirskii kazak, 1934** – Sibirskii kazak. Voiskovoi yubileinyi sbornik Sibirskogo kazach'ego voiska. 1582–1932 g. Vypusk 1. Nashe proshloe do Velikoi voiny 1914 goda [Siberian Cossack. Military jubilee collection of the Siberian Cossack army. 1582–1932]. Pod red. E.P. Berezovskogo. Kharbin, 1934. 390 p. [in Russian]
- Smagulov, 2012** – *Smagulov, T.N.* (2012). Kalbasunskaya bashnya [Kalbasunskaya tower]. Almaty, 160 p. [in Russian]
- Tarle, 1994** – *Tarle, E.V.* (1994). Russkii flot i vneshnyaya politika Petra I [The Russian fleet and the foreign policy of Peter I]. SPb.: Firma «Brask», Morskoi istoricheskii sbornik, 192 p. [in Russian]
- Usov, 1879** – *Usov, F.N.* (1879). Statisticheskoe opisanie Sibirskogo kazach'ego voiska [Statistical description of the Siberian Cossack army.]. SPb., 284 p. [in Russian]
- Voyennaya entsiklopediya, 1913** – *Voyennaya entsiklopediya* [Military Encyclopedia]. T. 10. Pod red. V.F. Novickogo i dr. SPb.: Tovarishchestvo I.D. Sytina, 375 p. [in Russian]
- Zakharenko i dr., 2003** – *Zakharenko, A.L., Kosayakov, B.K., Merts, V.K.* (2003). Istoriya Pavlodarskogo Priirtysh'ya [History of Pavlodar Priirtyshye]. Pavlodar, 133 p. [in Russian]
- Zhukovsky, 1915** – *Zhukovsky, S.V.* (1915). Snosheniya Rossii s Khivoj i Bukharoj za poslednee trekhsoletie [Russia's relations with Khiva and Bukhara over the last three centuries]. Trudy Obshchestva Russkikh Orientalistov. Petrograd. № 2. 214 p. [in Russian]

Стратегия расширения Российской империи на примере Иртышской военной линии

Ержан Муратович Торайгыров ^a, Бибигуль Сеиловна Абенова ^{a, *}, Даулет Кусайнович Абенов ^b

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Статья посвящена всестороннему анализу стратегии территориального расширения Российской империи в XVIII веке на примере формирования Иртышской военной линии. Создание этой оборонительной системы происходило в условиях сложной геополитической обстановки, включавшей противостояние с Джунгарским ханством, развитие торговых связей со странами Средней Азии и постепенное включение казахских степей в орбиту российского влияния. В центре внимания находятся предпосылки строительства линии, её ключевые этапы, а также стратегическое значение для укрепления имперского присутствия в регионе Прииртышья.

Особое внимание уделено военной и административной политике России в приграничных зонах, практике возведения фортификационных сооружений и специфике взаимодействия между казахскими родами и казачьими общинами, чья роль в колониальном процессе была сложной и противоречивой. Рассматривается, каким образом система укрепленных линий способствовала продвижению российских границ, закреплению имперской власти и трансформации местного пространства.

Актуальность исследования определяется необходимостью осмысления стратегических и долгосрочных последствий российского расширения на территорию Северо-Восточного Казахстана. Несмотря на наличие большого числа работ по военной истории региона, история Иртышской военной линии остаётся недостаточно изученной. Анализ данного феномена позволяет глубже понять особенности российской колониальной политики XVIII века и её влияние на развитие региона в последующие эпохи.

Работа основана на широком круте источников, включая архивные материалы, а также труды российских и казахстанских исследователей. Такой подход обеспечивает комплексное рассмотрение темы и позволяет по-новому оценить значение Иртышской линии в контексте пограничной политики.

Ключевые слова: сибирские линии, иртышская линия, казачество, Прииртышье, Средний жуз, казахско-русские отношения, колонизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: toranet2013@gmail.com (Е.М. Торайгыров),
bibigul_aben@mail.ru (Б.С. Абенова), aben_60@mail.ru (Д.К. Абенов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 567-576
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.567

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Genesis of State and Legal Policy in Relation to the Resorts of the Caucasian Mineral Waters in the Russian Empire

Eleonora S. Navasardova ^{a, *}, Roman V. Nutrikhin ^a, Kira V. Svidlova ^a, Dmitriy O. Burkin ^a

^a North Caucasus Federal University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the early legislative acts of the Russian Empire aimed at regulating the legal framework of the resorts of the Caucasian Mineral Waters, as well as state measures related to the development of these resorts. In general, the legal basis for the formation of domestic state and legal resort policy is considered to be the Decree of Peter I of June 24, 1717 "On the search for mineral waters in Russia". However, for a long time, these measures had little impact on the North Caucasus, which was not yet fully integrated into the sovereign geopolitical space of the Russian Empire. Today, the official date of the creation of the resorts of the Caucasian Mineral Waters is considered to be 1803, when Alexander I issued a rescript granting them state significance. However, the authors suggest counting the history of these resorts from 1780, when the Konstantinogorskaya fortress (the future city of Pyatigorsk) was founded here. There is convincing evidence that even then, local mineral water sources were actively used by the Russian military, and the government took significant steps to develop these resorts. The article also examines the further evolution of legal norms regarding the resorts of the Caucasian Mineral Waters and the related achievements in the administrative-legal field, which were later adopted not only by Soviet legislation, but also by modern Russian law. The importance of new scientific, historical, and legal research, based on past experience in the development of domestic resort legislation, is highlighted. This will not only provide a theoretical understanding of the historical legal regulation of relationships in the creation and functioning of national resorts but also open the way for the formulation of practical proposals for incorporating previous political and legal achievements at the present stage.

Keywords: Caucasian Mineral Waters, state legal resort policy, balneology, resort legislation.

1. Введение

Государственно-правовая курортная политика – это важная составляющая более широких по объёму сегментов правовой политики в области здравоохранения. Нельзя не отметить того очевидного факта, что практически все основные направления деятельности государства в данной сфере, которые и сегодня составляют основное содержание политики страны в указанных аспектах, были сформированы и получили своё развитие ещё в Российской империи. Как в советский, так и в новейший период времени, отечественная государственно-правовая курортная политика продолжала эволюционировать в соответствии с меняющимися требованиями времени, но мало чем была дополнена по существу. Знакомство с историей становления курортов Кавказских Минеральных Вод, даже в самом первом приближении, показывает, что все основные элементы их бальнеологического благоустройства – включая открытие, исследование и эксплуатацию минеральных источников, создание важнейших курортных объектов, новых лесопарковых комплексов, учреждений культуры и прочей сопутствующей урбанистической инфраструктуры – появились здесь ещё при Российской

* Corresponding author

E-mail addresses: navasardova@yandex.ru (E.S. Navasardova)

империи. В последующие годы страна активно использовала эти государственные достижения имперского периода в сфере курортной политики.

Сегодня будущее минераловодских курортов Северного Кавказа вызывает серьёзные опасения, поскольку их состояние, даже в сравнении с предшествующей советской эпохой, отмечено явными признаками стагнации. В условиях фактически полного отсутствия какой-либо реальной эволюции лечебной инфраструктуры на Кавказских Водах их современное положение усугубляется ещё и целым рядом новых проблем: ухудшением экологической обстановки, бесконтрольной застройкой, увеличением антропогенной нагрузки на окружающую среду и т.д. (Navasardova et al., 2024: 28-31). Тому во многом способствовали пробелы и недочёты ныне действующего законодательства, образовавшиеся в силу общего несовершенства государственно-правовой курортной политики России на современном этапе. В связи с этим представляется весьма своевременным обращение к историко-правовому опыту Российской империи в данной сфере, поскольку юридические наработки той эпохи, как показывает прошлое курортов КМВ, отличались значительной концептуальностью и оказывались куда более эффективными в части обеспечения поступательного курортного строительства.

Проблема формирования государственно-правовой курортной политики и адекватной, способствующей развитию курортного региона Кавказские Минеральные Воды, нормативной правовой базы, как представляется, более чем актуальна и своевременна. Она должна объективно отражать роль и место курортов в профилактике и лечении заболеваний, их значение для всего общества, способствовать развитию внутреннего туризма и т.д. Исследование дореволюционных законодательных и правоприменительных достижений Российской империи в отношении этих курортов может способствовать более осмысленному учёту предшествующего историко-правового опыта для того, чтобы воспринять из прошлого всё полезное и рациональное, а уже имевшиеся некогда ошибки и просчёты не повторять впредь.

2. Материалы и методы

Историко-правовой материал изложен в настоящей статье, главным образом, по хронологическому принципу. Хронологические рамки исследования (1780–1825 гг.) обусловлены тем фактом, что ранее в исторической науке возникновение курортов Кавказских Минеральных Вод было принято относить к правлению императора Александра I (1803 г.), тогда как мы попытались показать, что не менее значимые шаги по созданию здесь устойчивой курортной базы предпринимались ещё в правление его предшественников – Екатерины II и Павла I. Мы сделали выборку императорских указов и сопроводительных правоприменительных актов за данный предшествующий период, которых оказалось достаточно много. Они позволяют сделать вывод о том, что деятельность российского правительства на Кавказских Водах и до Александра I носила вполне определённые черты зарождавшейся государственно-правовой курортной политики в отношении этих мест. И Екатерина Великая, и её сын Павел I при формулировании своих норм по данному вопросу опирались на уже существовавшие наработки Петровской эпохи в области курортного строительства. Источниками этих сведений для нас послужили как общеимперские хронологические инкорпорации – в частности, первое «Полное собрание законов Российской империи» (1830), так и дореволюционные историко-архивные инкорпорации по территориальному признаку – такие, как разные тома «Актов, собранных Кавказской Археографической Комиссией». Нами также были использованы материалы Российского государственного исторического архива (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

В ходе исследования мы опирались на основные общепринятые методы научного познания: и общенаучные, и специально-правоведческие. Например, системный, сравнительно-исторический и сравнительно-правовой, формально-юридический, а также общие логические методы – в особенности, анализ и синтез. Из-за ограниченного объёма статьи мы не слишком подробно сравнивали дореволюционное курортное законодательство с его состоянием в России на современном этапе, однако полученные результаты дают значительный материал для применения сравнительно-исторического метода в рамках такой исследовательской стратегии в дальнейшем.

Исходя из комплексного и междотраслевого характера рассматриваемых общественных отношений, применение указанных методов дало возможность проследить историческую эволюцию курортного законодательства Российской империи, выделить отдельные элементы правового режима составлявших его институтов, оценить правоприменительную практику тех лет, обозначить наиболее заметные тенденции развития государственно-правовой курортной политики на её начальном этапе.

3. Обсуждение

В современной отечественной историко-правовой науке очень мало работ монографического уровня, посвящённых комплексному исследованию российской государственно-правовой курортной политики в её поступательном развитии. Можно назвать лишь несколько исследований, затрагивающих отдельные исторические аспекты становления курортного законодательства в нашей стране. В частности, имеется ряд научных статей, в которых освещаются частные историко-правовые проблемы режима курортов. Защищено несколько кандидатских диссертаций, одна из которых

подготовлена Е.В. Белозеровой (Белозерова, 2011) на нашей кафедре экологического, земельного и трудового права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Российская Федерация). Сюда же можно отнести ещё ряд диссертационных исследований, касающихся эволюции отечественного курортного законодательства в целом, где проблематика его дореволюционной истории была освещена крайне фрагментарно: О.В. Садовской (Садовская, 2003), Н.К. Горового (Горовой, 2010) и М.Е. Бабич (Бабич, 2020). При этом данную тему нельзя назвать исчерпанной. Огромный массив нормативного и правоприменительного материала, относящегося к становлению и эволюции бальнеологических курортов на Кавказских Водах в Российской империи, равно как и широкий спектр его возможных интерпретаций, а также подходов к изучению и усвоению этого историко-правового опыта на современном этапе, позволяет считать появление всё новых исследований по данной проблематике в достаточной степени актуальным и полезным.

4. Результаты

Принято считать, что свою историю российская государственно-правовая курортная политика ведёт с подписания Петром Великим Указа «О приискании в России минеральных вод» от 24 июня 1717 г. (ПСЗРИ, 1830с: 498-499). Вскоре вышел ещё один Высочайший указ от 20 марта 1719 г. «О целительных водах, отысканных на Олонце. Объявление о марциальных водах на Олонце. Правила докторские, как при оных водах поступать. Указ на докторские правила» (ПСЗРИ, 1830б: 686). К тому времени Пётр I уже успел лично ознакомиться с европейской практикой использования минеральных вод на курорте в Спа. Позднее, в начале XIX в., эти закреплённые ещё в петровском законодательстве правила лечебно-курортного распорядка стали применяться и на начальном этапе становления северокавказских минераловодских курортов. По словам А.В. Данилова, «те самые “Дохтурские правила”, впоследствии довольно долгое время использовались врачами, в том числе и на Кавказских Минеральных Водах» (Данилов, 2007: 172). Этот факт весьма примечателен, поскольку он показывает, что на начальном этапе развития кавминводских курортов Российская империя ещё не имела внятной государственно-правовой курортной политики в отношении этих лечебных местностей. Так как на данном этапе ещё не было выработано специальных узаконений относительно Кавказских Вод, то лечение на них регулировалось даже не общими нормами курортного законодательства (таковых вплоть до последней четверти XIX в. также не существовало), а нормами, касающимися первых официально открытых в России, совершенно иных, Олонецких Вод, за неимением чего-то лучшего. Это говорит о казуистическом характере формировавшегося тогда российского курортного законодательства.

Начало ему было положено при Петре I, и оно весьма активно развивалось на протяжении всего существования Российской империи. Данные Петровские нововведения были следствием масштабного заимствования позитивного иностранного опыта в части развития как врачебного, так и горного дела. В Западной Европе государственная курортная политика начала складываться значительно раньше. Там лечение минеральными водами было поставлено на широкую основу уже во времена Древнего Рима. С наступлением Средневековья Римская католическая церковь попыталась взять источники под своё покровительство, объявив их целебную силу чудодейственным воздействием своих святых-патронов. С XVI в. в регулирование данных отношений активно вступают и европейские государства. «Законодательная охрана минеральных источников против порчи и истощения, – писал историк С. Орлов, – впервые возникла во Франции, где Генрих IV учреждает над ними особую инспекцию; затем появляется ряд королевских ордонансов, устанавливающих строгий надзор» (Орлов, 1896: 345). Возникновение государственных законов о минеральных водах в Западной Европе отражало не только переход от правового обычая к новому способу регулирования этих отношений, давно уже ставших к тому времени традиционными, но и фиксировало генезис юридически формализованной правовой политики в данной сфере на государственном уровне. Европейские страны практически повсеместно начали вступать на данном этапе в конфликт с Католической церковью из-за её претензий на обладание природными ресурсами (прежде всего, землёй и неразрывно связанными с нею водоёмами, лесами и т.п.). Установлением государственного контроля над этими важнейшими материальными благами светская власть стремилась к укреплению своего суверенного господства в обществе. Законы XVI в. о государственном надзоре за минеральными водами во Франции были лишь звеном в длинной цепи синхронных юридических актов, подразумевавших распространение влияния светской власти на все природные ресурсы в государстве. Развитие европейских представлений об «общественной пользе» (а, по сути, возрождение античного взгляда на данный вопрос после забвения так называемых «темных веков») диктовало настоятельную необходимость повышения роли государства как гаранта соблюдения публичных интересов. Оно реализовало эту свою функцию, в том числе и через создание общеобязательных законов о природных ресурсах, куда включались и минеральные воды.

Политика Петра I по освоению минеральных вод в Российской империи двигалась в канве уже устоявшихся западноевропейских стандартов. Между тем, уже на этом наиболее раннем этапе изучения и освоения минеральных и водных ресурсов Северного Кавказа наметились некоторые черты собственной правовой политики по рациональному использованию и охране здешних

минераловодских источников, вызванная к жизни как географическими особенностями их пространственного положения, так и спецификой российского общественно-политического уклада той эпохи. Но, безусловно, первые шаги правительства в этой совершенно новой для России области общественных отношений были связаны с рецепцией иностранных норм о регулировании правового режима вновь открытых минеральных вод на территории страны. Только потом эти нормы, ранее заимствованные из-за границы, постепенно приспосабливались к местным социально-правовым условиям. Вот и тогда, в 1717 г., Пётр I поручил «приискание в России минеральных вод» иностранному доктору на русской службе Готлибу Шуберту (Шоберу). Царь отметил, что полезные для здоровья источники «ключевых вод» следует искать «особливо в таких местах, где есть железные руды» (Данилов, 2007: 172).

Это является, на наш взгляд, основной отличительной чертой данного нормативно-правового акта, поскольку в такой его характерной особенности со всей очевидностью проявилась первая сущностная черта зарождавшейся тогда в Российской империи государственно-правовой курортной политики в отношении минеральных вод, а именно – её осуществление на строгой научной основе. Дело в том, что до этого в России не имелось какой-либо серьёзной традиции использования минеральных вод в лечебных целях. Соответственно, не было даже и речи о том, чтобы узаконить уже сложившиеся общественные отношения, как это имело место, например, в странах Западной Европы, где рациональное использование источников минеральных вод начало регулироваться сначала нормами обычного права, которые со временем органично вплелись в канву создававшегося затем уже писаного законодательства по данному вопросу. Здесь, как и в целом ряде других нововведений, Пётр I осуществлял настоящую революцию, нацеленную на быстрое привнесение и насаждение западных курортно-бальнеологических практик, что называется, «на пустом месте». И делал он это в строгом соответствии с уровнем развития геолого-минералогической науки тех лет. Немцам, чей опыт заимствовал Пётр, уже в XVI в. стало известно о том, что минеральные воды, как правило, выходят на поверхность неподалёку от залежей металлосодержащих полезных ископаемых и соляных месторождений. Указание на это крайне важное обстоятельство в первом по времени российском нормативном акте об источниках минеральных вод свидетельствует о том, что государственная политика в данной сфере имела под собой вполне осязаемую научную основу, что и предопределило её дальнейшее успешное развитие.

Однако северокавказские геополитические реалии того времени пока ещё не позволяли использовать открытые здесь месторождения минеральных вод в интересах всего российского общества. Известные трудности, связанные с эксплуатацией источников Северного Кавказа, ещё не до конца включённого в формирующееся российское имперское пространство, сказались на том, что эти минераловодские месторождения рассматривались лишь как резервные и недостаточно перспективные для немедленной их разработки в существующих условиях. Более динамично осваивались тогда Олонецкие и Липецкие минеральные воды, хотя и более бедные по своим природным запасам, чем на Кавказе, но и гораздо более простые в использовании, так как их географическое расположение соотносилось с территориями, уже вполне освоенными российским правительством во всех прочих отношениях. Этого в XVIII в. даже отчасти нельзя было сказать о Северном Кавказе. Близ открытых здесь минеральных вод не имелось никаких русских поселений, кроме военных (именно поэтому первыми пользователями Кавказских Вод стали армейские чины). Добираться к этим источникам из Центральной России нужно было очень долго и с немалыми трудностями, а пребывание на Водах было небезопасным.

Принято считать, что основоположником курортного дела на Северном Кавказе стал Александр I. Даже официальная дата создания курортов Кавказских Минеральных Вод – 1803 г. – связывается с его Высочайшим рескриптом о придании им общественного значения (АКАК, 1868: 252). Это не вполне справедливо, так как начало довольно динамичного их освоения пришлось уже на правление его предшественников – Екатерины II и Павла I.

В ту пору именно российские военные, задолго до возникновения самой идеи создания общегосударственных курортов на Кавказских Водах, стали использовать находящиеся здесь минеральные источники в лечебных целях. Генерал от инфантерии Густав фон Штрэндман, участвовавший в битвах против горцев на стороне русской армии, сделал в 1780 г. характерную дневниковую запись: «10-го августа я поехал в Балтовы горы [старинное название Пятигорья], чтобы пользоваться теплым купаньем; со мной поехали <...> несколько офицеров. Гор этого названия пять, из них средняя так высока, что вершина ее выше облаков; они находятся в 40 верстах от Марьиной крепости. С вершины самой низкой горы, сажен 50 или 70 над горизонтом, течет горячая и прозрачная как кристалл вода, образуя на своем пути прелестнейшую каскаду. Почва, по которой она протекает, сделалась от времени меловидной; поэтому вода, особенно при солнечном свете, отражает множество цветов на протяжении всей горы и на 10 или 15 сажен в ширину. Мы провели две недели в этой прекрасной местности; от купанья в этих кислых и теплых водах очень скоро вылечивались больные скорбутом [заболевание десен, иначе цинга]. В 60 верстах оттуда, недалеко от Кавказских гор, бьет настоящий зельтерский источник; я пробовал эту воду и нашел, что она ничем не отличается от зельтерской» (Штрэндман, 1882: 285).

Последнее наименование, за неимением лучшего, относилось тогда ко всем без исключения минеральным водам, называемым так по аналогии с известным немецким источником Зельтерс, который находился в Гессен-Нассау. Это лишний раз свидетельствует о том, что развитие северокавказских минераловодских курортов шло по пути уже устоявшегося западноевропейского опыта в данной сфере. Однако со временем стало ясно, что даже европейский источник Зельтерс, равно как и другие знаменитые на весь мир минераловодские залежи Европы, не идут ни в какое сравнение по их уникальности и разнообразию с минеральными источниками, вновь открытыми на Северном Кавказе в те беспокойные годы.

Дневниковая запись Густава фон Штрэндмана – прямое документальное свидетельство активного использования источников Кавказских Минеральных Вод российскими военными уже в правление Екатерины Великой. Поэтому мы предлагаем считать датой основания этого всемирно известного комплекса курортов не 1803 г. (выбранный в своё время совершенно произвольно на основании рескрипта Александра I, очевидно, в данной области далеко не первого), а 1780 г. В этом году на Северном Кавказе была заложена Константиногорская крепость (будущий город Пятигорск). Служившие там солдаты отыскивали у источника высеченную в скале ванну и, пользуясь ею вместо бани, очень скоро заметили, что купание в тёплой минеральной воде лечит кожные и ревматические заболевания. Почти сразу слух о целебных свойствах местных вод разнёсся сначала по гарнизонам Кавказа, а затем и по всей стране. Не только простые солдаты, но и высшие чины русской армии из самых отдалённых мест потянулись на Воды за исцелением. При этом жили они в палатках, «балаганах» или прямо в экипажах, на которых добирались до источников Пятигорья. В 1798 г. в долине Нарзана со всем своим семейством и большой свитой провёл целое лето командующий русскими войсками на Кавказе генерал И.И. Морхов, построивший здесь дачу и установивший каменный крест на горе у минерального источника. Таким образом, люди, жаждавшие здоровья и укрепления сил, стали приезжать сюда значительно раньше, чем появились сами города-курорты.

Именно генерал Морхов предпринял первую и, к сожалению, не вполне удачную попытку «отодвинуть» ранее оговоренную с кабардинскими князьями южную границу Российской империи за реку Малку с целью включения в территориальное пространство страны знаменитого уже тогда Кисловодского источника. «Одним из первых вполне целесообразных распоряжений его, – пишет историк Кавказской войны В.А. Потто, – было перенесение нашей линии от гор Бештау вперед на Малку, чтобы прикрыть ею Кисловодские минеральные источники, в целебных свойствах которых нуждалось значительно уже разросшееся население Северного Кавказа. Это было первое, но вместе с тем и последнее его распоряжение. Не прошло и полгода со времени его назначения, как, подвергшись немилости императора Павла, он был отставлен от службы, а преемники его переменялись так часто, что никто из них не успевал даже осмотреться в новом своем положении» (Потто, 1912: 222).

Российская империя много сделала уже тогда и для развития научной базы своей формировавшейся курортной политики. Ещё в 1793 г. на Кавказ отправился натуралист П.С. Паллас. В течение года он изучал ранее открытые Горячеводские источники, осмотрел пятигорский Провал и впервые дал обстоятельное описание источника Нарзан, положив начало его полномасштабному изучению. Интересно то, что уже на данном этапе производилось планирование инженерных мероприятий, необходимых для эффективной эксплуатации здешних минеральных вод. Упомянутое обстоятельство показывает, что государственная политика по их освоению базировалась не только на прочной научной основе, но и на принципе рационализации антропогенной деятельности, связанной с использованием минераловодских ресурсов. «Для предохранения Кислого ключа от затопления водой реки Козоды (позже Ольховка) Паллас предложил проект её отвода в речку Елкошу (позже Березовая), выше выхода Нарзана на поверхность. В описании своего путешествия он, ссылаясь на рассказы местных жителей, упоминает о серном и железистых минеральных источниках. В Академии наук сообщение Палласа о поездке произвело большое впечатление и интерес к Кавказским Минеральным Водам значительно возрос» (Коваленко, 2008: 75).

В 1801 г. Медицинская коллегия командировала на Северный Кавказ группу специалистов – штаб-лекарей Гординского и Крушневича, а также аптекаря Швенсона. Последний, имея в своём распоряжении все необходимые препараты и оборудование, произвёл анализ химического состава источника Нарзан и других минеральных вод Пятигорья. В результате он создал сравнительную таблицу полезных элементов иностранных и кавказских минеральных источников. Два упомянутых штаб-лекаря на протяжении всего летнего сезона принимали больных, наблюдали за их лечением и отражали сведения о воздействии местных вод на их здоровье в особом журнале. Всё это свидетельствует о функционировании здесь уже полноценного, но ещё неразвитого курорта до принятой сегодня даты его основания в 1803 г.

В то же время следует отметить, что только в начале XIX в., в виду очевидных успехов русской армии и дипломатии на Северном Кавказе, государству представилась возможность вплотную заняться обустройством уже давно известных курортов на Кавказских Водах, в связи с чем начало динамично развиваться и соответствующее законодательство. 8 октября 1800 г. вышел Высочайший рескрипт императора Павла I на имя графа Мусина-Пушкина «О приискании залежей минеральных

богатств на Кавказе и поручении генерал-лейтенанту К. Ф. Кноррингу рассмотреть возможность защиты источников минеральной воды близ Константиногорска от вреда со стороны горцев» (АКАК, 1866: 514). Однако краткое правление Павла I не позволило реализовать его масштабные замыслы во многих сферах, в том числе и в области курортной политики, ввиду чего многие из начинаний отца пришлось продолжить его преемнику.

24 апреля 1803 г. министр внутренних дел представил императору Александру I доклад по данному вопросу. В этом министерском докладе значилось, что государь планировал назначить на Кавказские Воды штатных врачей. Поэтому министр, согласно мнению Медицинской коллегии, предлагал определить к данным источникам одного из опытных и авторитетных докторов (с жалованием от 800 до 1000 руб.), дав ему помощника (с жалованием по 400 руб. в год из общих медицинских сумм). Медицинская коллегия обязывалась снабдить их детальными инструкциями. При этом предполагалось, что в ходе реализации их практической врачебной деятельности на Водах один из них должен был заниматься написанием книги о медицинском использовании данных минераловодских ресурсов, включая все выявленные особенности местных курортов и применяемые здесь способы лечения. Впоследствии это послужило бы руководством для врачей и приезжающих сюда курортников. Медицинская коллегия планировала опубликовать эту работу значительным тиражом, что способствовало бы росту популярности новых курортов на Кавказских Водах по всей Российской империи (ПСЗРИ, 1830а: 552). Александр I поставил на этом докладе резолюцию: «Быть по сему», за чем последовал Высочайший рескрипт о благоустройстве нового минераловодского курорта на Северном Кавказе (АКАК, 1868: 252). Надо отметить, правительство в тот период занималось не только этой минераловодской лечебной местностью. Так, в 1805 г. Александр I своим указом придал официальный статус курорта Липецким минеральным водам, которые, однако, уже активно использовались и до этого, фактически начав обустраиваться ещё при Петре Великом.

В правление Александра I, когда главнокомандующим на Кавказе был князь П.Д. Цицианов, проявилась довольно любопытная черта зарождавшейся российской курортной политики, а именно её правовой характер и социальная направленность, проистекавшая из признания за минеральными водами общественного значения, наметившегося ещё в эпоху всё того же Петра I. «Сам колодезь, чтобы не ограничивать свободный доступ кабардинцам и другим народам к кислой воде, “столько же полезной” для них, “как и для всех”, Цицианов предложил оставить за пределами укрепления» (Малеванов, 1985: 8). Это благое намерение русского главнокомандующего было исполнено в точности, хотя источник Нарзан вполне мог для пущей безопасности остаться на территории крепости, чтобы им могло пользоваться только русское население. Но российская администрация с самого начала пошла другим, более гуманным путём, что свидетельствовало о сугубо правовой природе её намерений в отношении зарождавшегося здесь курорта.

С рескрипта Александра I начинается история Кавказских Вод как курорта, известного уже всей России. До 1803 г. уникальные природные богатства этих мест были доступны лишь горцам да чинам военным. Но после того, как Александр I обратил внимание на ценность минеральных вод и отдал своим чиновникам соответствующие распоряжения, они сделались объектом всеобщего внимания. После 1803 г. сюда потянулись страждущие всякого чина и общественного состояния со всех концов России. Бывали среди прибывающих на новые курорты и люди поистине выдающиеся – поэты, писатели и художники (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. А. Бестужев-Марлинский и др.), – со временем обеспечившие Кавказским Минеральным Водам их всемирную славу.

При Александре I законодательство о минераловодских курортах на Северном Кавказе продолжало развиваться. 10 апреля 1823 г. был подписан Высочайший указ, данный Правительствующему Сенату, об утверждении перечня штатных единиц медицинских чиновников Кавказских Минеральных Вод с назначением им жалования из Государственного Казначейства (АКАК, 1875: 626). Вместе с тем перечисленные нормативно-правовые акты Российской империи были направлены, в сущности, на решение первоочередных задач по устройству курортной инфраструктуры на Кавказских Водах. Они не отличались универсальностью содержания и не решали принципиальных вопросов общего устройства минераловодского курорта на Кавказе, не устанавливали режим правовой охраны источников минеральных вод, не намечали перспективных планов их рационального использования. Об этом свидетельствует и форма этих ранних правительственных узаконений, нашедших выражение в именных указах, докладах министра внутренних дел и мнениях Государственного Совета, то есть в актах частной, а подчас и казуистической направленности. Кавказские Воды нуждались в создании универсальных правовых форм выражения государственной воли по управлению курортным делом в данном регионе.

После того, как Александр I подписал рескрипт от 24 апреля 1803 г., на Кавказских Минеральных Водах началось создание и органов управления. Их эволюционная динамика заключалась в постепенном упорядочивании их структуры и ведомственного подчинения. Наиболее значимым для развития кавминводских курортов было, безусловно, управление врачебной частью. В 1803 г. первым главным врачом Кавказских Минеральных Вод был назначен Г.И. Сухарев. Однако деятельность его на протяжении ряда лет не имела никакого успеха ввиду того, что курорт, не успев открыться, очень долго фактически бездействовал из-за разыгравшейся на Северном Кавказе

эпидемии чумы. Основным направлением деятельности по освоению Кавказских Вод оставалось их всестороннее изучение. В начале XIX в. на Северном Кавказе работал известный московский филантроп и учёный-медик Ф.П. Гааз, сделавший описание геолого-физического состояния минеральных источников. Он не только изучил их химический состав, произвёл ценные топографические и метеорологические наблюдения, но и открыл два новых источника у подошвы горы Машук, а также ряд других ранее неизвестных железистых и соляно-щелочных источников.

Как уже было отмечено, развитие этих курортов несколько замедлилось из-за того, что почти сразу после исторического рескрипта Александра I на Северном Кавказе вспыхнула чума. Эпидемию удалось победить лишь в 1808 г., после чего в Петербурге сразу же был отдан приказ вновь приступить к разработке государственного проекта по дальнейшему благоустройству этих Вод. Данная работа была поручена генерал-майору Фелькерзаму и инженер-полковнику Гельмерсену, которые составили подробные планы архитектурных и технических улучшений, необходимых новым российским курортам. Непосредственным столичным куратором этого курортного проекта был министр полиции А.Д. Балашов. Ему местные военные чины направляли донесения о различных строительных и инженерных потребностях Кавказских Вод, а он, в свою очередь, отдавал на сей счёт надлежащие распоряжения. Достаточно взглянуть на сохранившиеся в архивах документы о его деятельности на Водах (РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. Д. 383. Лл. 26-27), чтобы понять, насколько досконально министр вникал во все дела по обустройству минеральных источников Северного Кавказа. Многие замечательные улучшения производились здесь по его указанию и под его руководством.

С.К. Вязмитинов, ставший министром полиции после Балашова, сделал для Кавказских Вод ничуть не меньше. В апреле 1812 г. он представил Государственному Совету новый проект развития этих минераловодских курортов (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Т. 1. Д. 18. Лл. 3-10), а также начал строить на Водах дом для офицеров – участников Отечественной войны против Наполеона (РГИА. Ф. 1297. Оп. 56. Кн. 107. Д. 544. Л. 153-153об.). В 1814 г. Вязмитинов вновь обратился в Государственный Совет с пространной запиской (РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Т. 1. Д. 6. Лл. 2-7об.), из которой видно, сколь скрупулёзно он вёл здешние курортные дела, как заботился о том, чтобы выделяемые на них деньги использовались строго по назначению. Его неустанное рвение о финансовом благополучии Кавказских Вод прослеживается и в более поздних документах (РГИА. Ф. 1297. Оп. 5. Д. 63. Ч. 1. Л. 78-78 об.). В 1819 г. Вязмитинов утвердил обязательные «Правила пользования ваннами на Кавказских Водах» и отрядил особого чиновника для наблюдения за их неукоснительным исполнением (РГИА. Ф. 1299. Оп. 11. Д. 227. Лл. 34-36об.).

Признание в 1803 г. Александром I Кавказских Вод курортом государственного значения породило новую волну законодательных новелл и административных мероприятий, связанных с формированием отечественного курортного комплекса. Этот новый этап бурного развития курортов характеризуется не только созданием курортной инфраструктуры (обустройство источников минеральных вод, пляжей, строительство нарзанных галерей, гостиниц и др.), но и формированием государственно-правовой курортной политики в организационно-правовой сфере (создание системы органов управления курортами), имущественной сфере (развитие системы вещных и обязательственных прав), социальной сфере – обеспечение льготного лечения так называемых недостаточных, т.е. малоимущих слоёв населения, финансовой сфере (регулирование государственных расходов на курорты). Устанавливались и меры юридической ответственности за нарушение курортного законодательства.

Отметим, что на данном этапе развитие Кавказских Минеральных Вод в административно-правовом отношении зависело от Министерства внутренних дел, а в медико-санитарном – от Медицинской коллегии. В дальнейшем существенную роль в формировании здешней курортной инфраструктуры и её надлежащем правовом сопровождении стала играть местная кавказская государственная администрация. Эволюция системы соответствующих полномочий местных органов в 1847 г. наконец привела к созданию Дирекции Кавказских Вод – специально уполномоченного административного института по управлению этими курортами. Важным фактором остаётся и то, что государственная власть продолжала уделять большое внимание научным основам бальнеологической деятельности на Кавказских Водах. Перед новым кавказским курортом ставились не только утилитарные цели, связанные с медицинским обслуживанием прибывавших сюда больных, но и серьёзные научные задачи. Кавказские Минеральные Воды должны были стать важнейшей опытно-исследовательской площадкой, на базе которой начала создаваться российская бальнеологическая наука. Неслучайно именно здесь, в городе Пятигорске, позднее был создан Институт курортологии, научно-практическая база которого начала формироваться ещё в Российской империи. Тогда же были введены и ограничения хозяйственной деятельности в округе санитарной охраны курортов Кавказских Вод, сформулированные в Положении 1885 г. (Краткий путеводитель..., 1894: 140-145), которое вобрало в себя значительную часть юридических наработок и достижений российского правительства в данной сфере за предшествующий, фактически столетний период.

После начала обустройства Кавказских Минеральных Вод статус курортов стал придаваться и другим территориям в Российской империи: Старой Руссе (1828 г.), Сергиевским Минеральным Водам (1833 г.), Горячему Ключу (1864 г.), Белокурихе (1887 г.). Причём, при определении правового

режима каждого из них использовались уже существовавшие нормы, выработанные в ходе обустройства курортов Кавказских Минеральных Вод. Основной чертой законодательства того периода, что, кстати, было заимствовано и советским, и постсоветским правом, явилось создание как общеимперского правового регулирования, так и издание специальных нормативных правовых актов в отношении каждого отдельного курорта.

5. Заключение

В разные периоды развития своих курортов Российская империя пыталась найти эффективную организационно-правовую модель управления ими. Менялась их подведомственность имперским министерствам, вводилось частное управление курортами. Одно время даже бытовала идея об организации акционерного общества, которое должно было управлять ими (попытки подобных экспериментов предпринимаются и сегодня). Однако время показало, что единственно верным, хоть и не приносившим в то время большого дохода, было сохранение трехуровневой системы государственного управления: министерство, соответствующие органы на местах и дирекции курортов (на Кавказских Минеральных Водах это была Дирекция Вод). По мере урбанизации территорий часть полномочий получали и местные органы. При этом государство никогда не переставало финансировать курортную деятельность. Отметим, например, что в настоящее время Администрация КМВ лишена каких-либо реальных экологически значимых полномочий. Компетенция этого органа до сих пор остаётся весьма неопределённой. В целях оптимизации нормирования его функций было бы полезно обратить внимание на то, каким образом определялись полномочия Дирекции Кавказских Вод в Российской империи. Она получала значительное казённое финансирование, благодаря чему могла достаточно эффективно заниматься курортным благоустройством, вела большую природоохранную деятельность, ведала распределением квот на бесплатное и льготное лечение на Водах и т.д. Учёт данного опыта мог бы сделать работу и нынешней Администрации КМВ более эффективной.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда – проект 24-28-20164 «Устойчивое развитие курортного региона Кавказские Минеральные Воды: правовое обеспечение в рамках риск-ориентированного подхода», <https://rscf.ru/project/24-28-20164/>.

Литература

- АКАК, 1866** – Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Т. I. Тифлис, 1866.
АКАК, 1868 – Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Т. II. Тифлис, 1868.
АКАК, 1875 – Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Т. VI. Ч. II. Тифлис, 1875.
Бабич, 2020 – Бабич М.Е. Эколого-правовой режим курортов федерального значения. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2020. 241 с.
Белозерова, 2011 – Белозерова Е.В. Государственно-правовая политика Российской империи в отношении курортов Кавказских Минеральных Вод. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Ставрополь, 2011. 252 с.
Горовой, 2010 – Горовой Н.К. Формирование и развитие курортного законодательства России. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Краснодар, 2010. 158 с.
Данилов, 2007 – Данилов А.В. Петр I – основатель курортного дела в России (к 290-летию со времени издания указа «О приискании в России минеральных вод») / *Ставропольский хронограф* на 2007 год. Ставрополь, 2007. С. 171–174.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
Коваленко, 2008 – Коваленко А.Н. В глубину веков (к 205-летию Кавказских Минеральных Вод) // *Ставропольский хронограф* на 2008 год. Ставрополь, 2008. С. 74–78.
Краткий путеводитель..., 1894 – Установленные министром государственных имуществ по соглашению с министром внутренних дел, на основании 9-го пункта Высочайшего повеления 19 февраля 1885 г., обязательные правила, которые должны быть соблюдаемы в пределах округов охраны Кавказских Минеральных Вод / *Краткий путеводитель по Кавказским Минеральным Водам*. Издание Горного Департамента. СПб., 1894. С. 140–145.
Малеванов, 1985 – Малеванов Н.А. Слово о начале Пятигорска / *Пятигорск в исторических документах. 1803–1917 гг.* Ставрополь, 1985. С. 8–23.
Орлов, 1896 – Орлов С. Минеральные воды / *Энциклопедический словарь*. Т. XIX. СПб., 1896. С. 345–349.
Потто, 1912 – Потто В.А. Два века Терского казачества (1577–1801). Т. II. Владикавказ, 1912. 248 с.
ПСЗРИ, 1830а – Высочайше утвержденный 24 апреля 1803 г. доклад министра внутренних дел «Об определении к Кавказским минеральным источникам двух врачей с жалованьем» / *Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.* Т. XXVII (1802–1803). СПб., 1830. С. 552.

[ПСЗРИ, 1830b](#) – Высочайший именной указ от 20 марта 1719 г. «О целительных водах, отысканных на Олонце. Объявление о марциальных водах на Олонце. Правила докторские, как при оных водах поступать. Указ на докторские правила» / *Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.* Т. V (1713–1719). СПб., 1830. С. 686.

[ПСЗРИ, 1830c](#) – Высочайший именной указ от 24 июня 1717 г., данный Правительствующему Сенату «О приискании в России минеральных вод» / *Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.* Т. V (1713–1719). СПб., 1830. С. 498-499.

[Садовская, 2003](#) – Садовская О.В. Правовые проблемы охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов курортного региона Кавказские Минеральные Воды. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2003. 230 с.

[Штрандман, 1882](#) – Штрандман Г.Э. Записки // *Русская старина*. 1882. № 8. С. 271-288.

[Navasardova et al., 2024](#) – Navasardova, E., Burkin, D., Nutrikhin, R., Svidlova, K. Legal regime of resorts of the Caucasian Mineral Waters in Russia: problems and risks of legislative regulation // *Relacoes Internacionais no Mundo Atual*. 2024. Vol. 3. № 45. Pp. 24-43.

References

[AKAK, 1866](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoj Arheograficheskoy Komissiej. T. I. Tiflis, 1866. [in Russian].

[AKAK, 1868](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoj Arheograficheskoy Komissiej. T. II. Tiflis, 1868. [in Russian]

[AKAK, 1875](#) – Akty, sobrannye Kavkazskoj Arheograficheskoy Komissiej. T. VI. Ch. II. Tiflis, 1875. [in Russian]

[Babich, 2020](#) – Babich, M.E. (2020). Ekologo-pravovoj rezhim kurortov federal'nogo znachenija. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk [Environmental and legal regime of resorts of federal significance. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences]. M., 241 p. [in Russian].

[Belozeroва, 2011](#) – Belozeroва, E.V. (2011). Gosudarstvenno-pravovaja politika Rossijskoj imperii v otnoshenii kurortov Kavkazskikh Mineral'nyh Vod. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk [State and legal policy of the Russian Empire in relation to the resorts of the Caucasian Mineral Waters. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences]. Stavropol', 252 p. [in Russian]

[Gorovoi, 2010](#) – Gorovoi, N.K. (2010). Formirovanie i razvitie kurortnogo zakonodatel'stva Rossii. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk [Formation and development of resort legislation in Russia. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences]. Krasnodar. 158 p. [in Russian]

[Danilov, 2007](#) – Danilov, A.V. (2007). Petr I – osnovatel' kurortnogo dela v Rossii (k 290-letiju so vremeni izdaniya ukaza «O priiskanii v Rossii mineral'nyh vod») [Peter I – the founder of the spa industry in Russia (on the 290th anniversary of the issuance of the decree “On the search for mineral waters in Russia”)]. Stavropol'skij hronograf na 2007 god. Stavropol'. Pp. 171-174. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

[Kovalenko, 2008](#) – Kovalenko, A.N. (2008). V glubinu vekov (k 205-letiju Kavkazskikh Mineral'nyh Vod) [Into the depths of centuries (for the 205th anniversary of the Caucasian Mineral Waters)]. Stavropol'skij hronograf na 2008 god. Stavropol'. Pp. 74-78. [in Russian]

[Kratkij putevoditel'..., 1894](#) – Kratkij putevoditel' po Kavkazskim Mineral'nym Vodam. Izdanie Gornogo Departamenta. SPb., 1894. [in Russian]

[Malevanov, 1985](#) – Malevanov, N.A. (1985). Slovo o nachale Pjatigorska [A Word about the beginning of Pyatigorsk]. Pjatigorsk v istoricheskikh dokumentah. 1803–1917 gg. Stavropol'. Pp. 8-23. [in Russian]

[Orlov, 1896](#) – Orlov, S. (1896). Mineral'nye vody [Mineral waters]. Entsiklopedicheskij slovar'. T. XIX. SPb., 1896. Pp. 345-349. [in Russian]

[Potto, 1912](#) – Potto, V.A. (1912). Dva veka Terskogo kazachestva (1577–1801) [Two centuries of the Terek Cossacks (1577–1801)]. T. II. Vladikavkaz, 248 p. [in Russian]

[PSZRI 1830a](#) – Vysochajshe utverzhdennoj 24 aprelja 1803 g. доклад министра внутренних дел «Об определении к Kavkazskim mineral'nym istochnikam dvuh vrachej s zhalovan'em» [The report of the Minister of Internal Affairs, approved by the Supreme Council on April 24, 1803 “On the assignment of two doctors with a salary to the Caucasian mineral springs”]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 g. T. XXVII (1802–1803). SPb., 1830. P. 552. [in Russian]

[PSZRI 1830b](#) – Vysochajshij imennoj ukaz ot 20 marta 1719 g. «O celitel'nyh vodah, otyskannyh na Olonce. Objavlenie o marcial'nyh vodah na Olonce. Pravila doktorskie, kak pri onyh vodah postupat'. Ukaz na doktorskie pravila» [The highest personal decree of March 20, 1719 “On the healing waters found on Olonets. Announcement of the marcial waters on Olonets. Doctor's rules on how to act with these waters. Decree on doctor's rules”]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 g. T. V (1713–1719). SPb., 1830. P. 686. [in Russian]

[PSZRI 1830c](#) – Vysochajshij imennoj ukaz ot 24 ijunya 1717 g., dannyj Pravitel'stvujushhemu Senatu «O priiskanii v Rossii mineral'nyh vod» [The Supreme Decree of June 24, 1717, given to the Governing Senate “On the search for mineral waters in Russia”]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 g. T. V (1713–1719). SPb., 1830. Pp. 498-499. [in Russian]

[Sadovskaja, 2003](#) – *Sadovskaja, O.V.* (2003). Pravovye problemy ohrany okruzhajushhej sredy i racional'nogo ispol'zovanija prirodnyh resursov kurortnogo regiona Kavkazskie Mineral'nye Vody. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskikh nauk [Legal issues of environmental protection and rational use of natural resources of the resort region of Caucasian Mineral Waters. Dissertation for the degree of candidate of legal sciences]. Saratov, 230 p. [in Russian]

[Shtrandman, 1882](#) – *Shtrandman, G.Je.* (1882). Zapiski [Notes]. *Russkaja starina*. 8: 271-288. [in Russian]

[Navasardova et al., 2024](#) – *Navasardova, E., Burkin, D., Nutrikin, R., Svidlova, K.* (2024). Legal regime of resorts of the Caucasian Mineral Waters in Russia: problems and risks of legislative regulation. *Relacoes Internacionais no Mundo Atual*. 3(45): 24-43.

Генезис государственно-правовой политики в отношении курортов Кавказских Минеральных Вод в Российской империи

Элеонора Сергеевна Навасардова ^{a, *}, Роман Владимирович Нутрихин ^a,
Кира Владимировна Свидлова ^a, Дмитрий Олегович Буркин ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются ранние законодательные акты Российской империи, направленные на регулирование правового режима курортов Кавказских Минеральных Вод, а также государственные меры, связанные с обустройством этих курортов. Юридической основой формирования отечественной государственно-правовой курортной политики принято считать Указ Петра I от 24 июня 1717 г. «О приискании в России минеральных вод». Однако долгое время данные меры мало касались Северного Кавказа, ещё не до конца включённого в суверенное геополитическое пространство Российской империи. Сегодня официальной датой создания курортов Кавказских Минеральных Вод считается 1803 г., когда вышел рескрипт Александра I о придании им государственного значения. Однако авторы предлагают отсчитывать историю этих курортов с 1780 г., когда здесь была основана Константиногорская крепость (будущий город Пятигорск). Имеются убедительные свидетельства того, что уже тогда местные источники минеральных вод активно использовались российскими военными, а правительство предпринимало серьёзные меры по обустройству данных курортов. В статье также рассматривается дальнейшая эволюция юридических норм в отношении курортов на Кавказских Водах и соответствующие достижения в административно-правовой сфере, которые впоследствии заимствовались не только советским, но и современным российским законодательством. Отмечается необходимость появления новых научных историко-правовых исследований, опирающихся на имевшийся в прошлом опыт развития отечественного курортного законодательства. Это позволит не только теоретически осмыслить прошлое правового регулирования отношений в области создания и функционирования отечественных курортов, но и открыть путь к формулированию практических предложений по рецепции прежних политико-правовых достижений на современном этапе.

Ключевые слова: Кавказские Минеральные Воды, государственная правовая курортная политика, бальнеология, курортное законодательство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: navasardova@yandex.ru (Э.С. Навасардова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 577-586
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.577

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Key Stages in the Formation and Development of Legal Education and the Legal Profession in the Russian Empire

Ivan S. Denisov ^{a, *}, Maksat Sh. Shamilov ^b, Ruslan M. Allalyev ^{c, d}

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyz Republic

^c Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

^d RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the study of the formation of Russian legal education in the pre-revolutionary period. This study identifies key milestones in the development of higher legal education and the legal profession in the Russian Empire. As a periodization, the author chose the period from the founding of the first universities of the Russian Empire to the revolution of 1917. The author has identified such key stages of the formation and formation of legal education in the Russian Empire as: the foundation of the first higher educational institutions, the systematization and structural organization of universities (university reform of Alexander I), the reign of Alexander II, the characteristic features of which are considered to be the implementation of a number of reforms, including educational reforms, as well as reforms of the organization of judicial power and the administration of justice, most famous as the Judicial Reform of 1864, as well as the counter-reform period of the reign of Alexander III., a characteristic feature of which is the policy of strengthening autocracy. In addition, in the course of this study, the author has studied and analyzed in detail the most significant normative legal acts aimed at regulating the field of education in the Russian Empire, namely the university charters issued under the emperors: Alexander I, Nicholas I, Alexander II and Alexander III. The author of this study pays special attention to the impact and significance of the Judicial Reform of 1864, which became a kind of starting point for the emergence of the legal profession in the Russian Empire, as well as the importance of counter-reforms in the field of education and the judicial system of Alexander III.

Keywords: legal education in the Russian Empire, university reform, University charter, judicial reform of 1864, sworn attorneys, jurors, advocacy in the Russian Empire.

1. Введение

Безусловно, в качестве отправной точки зарождения юридического образования в России стоит назвать создание самой системы высшего образования в Российской империи. В сопоставлении с развитыми западноевропейскими странами высшее образование в Российской империи появилось сравнительно поздно. В доимперский период, в период средневековья, в качестве образовательных центров и прообразов школ выступали православные монастыри. Наиболее значительные события, оказавшие ключевое влияние на развитие юридического образования в России, стали происходить начиная с эпохи Петра I. В данной статье представлен анализ фундаментальных ступеней, которые заложили основу строительства юридического образования и профессии юриста в Российской империи.

* Corresponding author

E-mail addresses: is.denisov@mail.ru (I.S. Denisov)

2. Материалы и методы

Настоящее исследование базируется на изучении и анализе таких документов, как: архивные материалы Российского государственного исторического архива (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), нормативно-правовые акты, регулирующие сферу университетского образования, материалы периодической печати (*Газета «Право», 1906*), источники личного происхождения – воспоминания А.Ф. Кони (*Кони, 1906*), а также материалы, содержащие статистические сведения (*Арсеньев, 1854; Милуков, 1994*).

Фундаментальную основу проведения данного исследования представляют следующие научные методы: хронологический метод, метод периодизации, статистический метод и метод контент-анализа.

Статистический метод помог наглядно проиллюстрировать планомерное развитие доступности образования в Российской империи.

С помощью хронологического метода и метода периодизации были выявлены базовые ступени формирования и становления юридического образования в Российской империи.

Применяя метод контент-анализа, в статье проанализирована деятельность адвокатов дореволюционного периода, а также ключевые этапы становления и развития института адвокатуры в Российской империи.

3. Обсуждение

Дореволюционные исследователи нередко заостряли внимание на сравнительно замедленном развитии системы образования в Российской империи, что в значительной мере оказало воздействие и на позднее становление юридической профессии (*Арсеньев, 1854: 2*). Крупнейший учёный и основоположник отечественного высшего образования М. В. Ломоносов называл необходимыми, но в то же время недостаточными критериями успешного развития университетского образования в Российской империи – автономность университетов при наличии особых научных и общественных прав (*Соловьёв, 1914: 5*).

Советские учёные особое внимание уделяли вопросу общественно-политической роли университетов Российской империи, которая сыграла немаловажное значение в росте революционного и демократического движения. Советские исследователи отмечали стремительный рост уровня образованности в обществе к окончанию XIX столетия, в том числе благодаря стремлению общества к образованию (*Ерман, 1963: 165-166*). Учёными советского периода среди недостатков системы университетского образования особенно подчёркивались: влияние недостатка в сфере укрепления официальной идеологии в университетах, недостаточное финансирование системы высшего образования, нехватка квалифицированных кадров, в особенности в сфере юридического образования, а также система оплаты труда профессорско-преподавательского состава (*Щетинина, 1976: 166-169*).

Современные исследователи соглашались с коллегами в вопросе значительного влияния развития университетского образования на формирование новой политической, а также культурно-исторической среды государства (*Новиков, Перфилова, 2011: 7*). Вопросы кадрового обеспечения юридических факультетов Российской империи получили более детальную оценку. В частности, учёными поднималась проблема бюрократических препятствий в сфере подтверждения учёной степени юриста, полученной в европейских университетах (*Новиков, Перфилова, 2011: 15*).

Также научный интерес современных учёных вызывает вклад отмены крепостного права в развитие образования в стране. Так как до реформ 1860-х - начала 1870-х гг. по закону личные права и свободы не были всеобщими. Права человека, в том числе право на получение образования, зависели от сословной принадлежности (*Миронов, 2003: 20*).

4. Результаты

Основополагающим событием, послужившим началом развития университетского образования, следует назвать основание Императорской академии наук императором Петром I. Нормативной основой создания данного образовательного учреждения фактически является «Именной указ от 28 января 1724 г., а также Именной, объявленный из Сената «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбуга с приложением проекта об учреждении Академии» (*Именной..., 1830*). Вместе с Академией наук был основан Академический университет, преемником которого впоследствии стал Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ). Как отмечают некоторые учёные: «Эти новые формы образования были важнейшими факторами модернизации Российской империи раннего Нового времени» (*Феофанов, 2022: 334*). Основной первопричиной принятия решения о необходимости создания Академии наук можно назвать возросшую потребность государства в квалифицированных специалистах в связи с масштабной модернизацией страны, заключавшейся в развитии таких сфер, как торговля, промышленность и военное дело.

Спустя несколько десятилетий, дочерью Петра I – императрицей Елизаветой Петровной был издан Именной указ «Об учреждении Московского Университета и двух гимназий с приложением

высочайше утвержденного проэкта по сему предмету» ([Именной указ..., 1755](#)) от 12 января 1755 г., что стало датой основания Императорского Московского университета, впоследствии переименованного в Московский государственный университет имени Михаила Васильевича Ломоносова. Организация Императорского Московского университета в период его основания состояла всего из трёх факультетов, среди которых был и юридический факультет.

Таким образом, можно говорить о признании бесспорной важности юридической профессии и о потребности государства в квалифицированных правоведах. Помимо юридического, были организованы медицинский и философский факультеты. Пункт 22 Именного указа от 12 января 1755 г. в качестве срока обучения на всех трёх факультетах устанавливал три года.

Согласно Именному указу Елизаветы Петровны, структуру юридического факультета Императорского Московского университета можно разделить на три кафедры, а именно: кафедра всеобщей юриспруденции, где в качестве одной из ключевых дисциплин выступало Римское право, кафедра государства и права, а также кафедра изучения международных отношений и политики. Профессорско-преподавательский состав юридического факультета должен был состоять из трёх профессоров (по одному профессору на каждую кафедру). Однако в течение первых пяти лет в роли единственного профессора права Императорского Московского университета выступал немецкий правовед, доктор права Венского университета – Филипп Генрих Дильтей ([Документы и материалы..., 1960: 27](#)). Современные учёные отмечают немалый вклад Ф. Г. Дильтея в становление юридического образования в Российской империи: «Его личность и научные труды — неотъемлемая часть начального периода истории этого величественного храма образования и науки» ([Томсинов, 2015: 21](#)).

Таким образом, первый период развития юридического образования можно охарактеризовать следующими ключевыми чертами и особенностями: формирование университетской модели образования будущих юристов на основе западноевропейского формата высшего университетского образования и, вместе с этим, становление отечественных традиций изучения права. Тем не менее, несмотря на то, что основание первых университетов Российской империи представляет собой чрезвычайно важную ступень в ходе развития юридического образования в стране, необходимо подчеркнуть, что в XVIII столетии уровень образования в данной сфере находился всё ещё на довольно низких позициях, в первую очередь по причинам весьма ограниченного доступа как к университетскому образованию, так и к среднему (школы, гимназии), а также сравнительно низкой распространённости юридической профессии по причине недостаточного количества правоотношений.

Новый виток становления университетского юридического образования в Российской империи связан с именем императора Александра I. Указанный этап характеризуется созданием новой системы высшего образования в 1804–1805 гг. Вышеупомянутая ступень напрямую связана с университетской реформой, однако стоит подчеркнуть, что важными звеньями реформ образования Александра I стали не только университеты, но и, в том числе, гимназии и училища.

В начале XIX в. перед императором стояли масштабные задачи по организации и осуществлению деятельности, направленной на проведение работ с целью организации и систематизации государственной власти, а также кодификации, действовавшего на тот период, законодательства. Значительным событием в решении этой задачи стало учреждение министерств взамен коллегий, функционировавших на тот момент в качестве органов исполнительной власти Российской империи. Нормативной основой министерской реформы выступал Манифест императора Александра I «Об учреждении Министерств» от 8 сентября 1802 г. ([РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 252. Л. 74](#)). В результате в Российской империи было учреждено восемь министерств, среди которых Министерство народного просвещения, а также Министерство юстиции. Стоит отметить, что Министерство народного просвещения, как орган, осуществлявший руководство над образовательными и научными учреждениями, было организовано впервые.

В ходе реформы образования были приняты такие ключевые документы, как: Указ «Об устройстве училищ» от 24 января 1803 г., Указ «Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых Губерний», а также «Предварительные правила народного просвещения» ([Высшие и центральные..., 1864](#)). Результатом данной деятельности стало формирование определённой структурированной системы образования в Российской империи. Было сформировано 6 учебных округов по принципу территориального разделения, а также установлена чёткая вертикальная система зависимости цепочки звеньев образования с целью успешной подготовки обучающихся к переходу от нижестоящей к следующей ступени образования. основополагающим принципом новой системы образования в Российской империи стало движение в сторону общедоступности образования путём нивелирования принципа сословности. Как справедливо отмечают исследователи: «Законодательство 1800–1810-х гг. допускало в гимназии и университеты не только дворян, но людей всех сословий при условии освобождения от подушного оклада (это могли быть отпущенные на волю помещичьи крестьяне, а также лица, получившие увольнение от сельского или городского общества)» ([Калинина, 2012: 192](#)). Значительным итогом политики Александра I в сфере образования стало весомое увеличение числа обучающихся. Согласно статистическим данным, в 1800 г. в Российской империи насчитывалось 315 училищ с общей массой

19.915 обучающихся (Арсеньев, 1854: 30). Однако уже к концу первой четверти XIX в. Министерству народного просвещения было подведомственно 418 школ, что говорит о росте числа учебных заведений более чем на 32 %. А количество обучающихся в одной школе достигло 115.643 человек (Милюков, 1994: 320-321). Приведённые показатели говорят о значительном росте доступности образования в стране.

Безусловно, модель организации системы образования в Российской империи начала XIX в. вовсе нельзя было назвать совершенной, однако для условий того времени это был существенный шаг навстречу организации качественного и доступного образования в стране, в том числе и высшего юридического.

Следующим шагом, направленным на систематизацию и структурную организацию университетского образования, стала сама университетская реформа Александра I. Её основополагающим нормативным документом принято считать Университетский устав от 5 ноября 1804 г. (Соловьёв, 1914: 24). Также была принята «Утвердительная грамота Императорского Московского университета» (Утвердительная грамота..., 1804) и его устав. Согласно данным документам, руководство университета подведомственно министру народного просвещения, а также члену главного правления училища. Кроме того, было сформировано собственное правление университета – его Совет / Общее собрание университета, в состав которого входили профессора и адъюнкты под председательством ректора.

В дополнение к этому, 5 ноября 1804 г. Александр I подписал Утвердительную Грамоту и Устав Казанского Императорского университета (Устав Императорского..., 1804), а также Утвердительную Грамоту и Устав Харьковского Императорского университета (Устав Императорского..., 1804), тем самым положив начало их основанию. Как отмечают исследователи, с введением университетских уставов, университеты, а именно Московский, Казанский и Харьковский, стали частью общей системы народного образования Российской империи (Новиков, Перфилова, 2011: 18).

Современные учёные, характеризуя качество университетского юридического образования в 20-е гг. XIX в., отмечают такой немаловажный аспект, как превалирование «практической» составляющей образовательного процесса. В данном контексте речь идёт о том, что полученные знания и навыки можно было успешнее реализовать путём осуществления практической деятельности, нежели путём ведения деятельности в сфере образования и науки (правоведения): «Учебные курсы и “рассуждения” профессоров по предметам юридических дисциплин не шли далее обоснования необходимости изучения права применительно “к практической его пользе”» (Юртаева, 2009: 120). Характеризуя период правления Александра I, стоит также отметить возросшую потребность государства в квалифицированных кадрах, получивших образование в сфере юриспруденции, по причине проведения масштабных работ по кодификации законодательства. Исследователи упомянутого вопроса отмечают вклад Михаила Михайловича Сперанского в разработку данного проекта: «Наиболее интенсивные усилия в направлении приведения в порядок отечественного законодательства были приложены в 1808–1812 гг., когда работами в этой сфере руководил М. М. Сперанский» (Ружицкая, 2012: 130). В результате масштабной работы под его руководством были изданы такие монументальные труды, как «Полное собрание отечественных законов», а также «Свод законов Российской империи».

Следующий этап развития юридического образования в Российской империи связан с правлением императора Николая I. В данный период был издан Университетский устав (1835 г.) (Университетский устав..., 1836), автором которого стал Сергей Семенович Уваров, занимавший на тот момент должность министра народного просвещения. Согласно данному документу, в состав юридического факультета должны были войти следующие кафедры: «Энциклопедия или общее обозрение системы законоведения, российские государственные законы, то есть законы основные, законы о состояниях и государственные учреждения»; «Римское законодательство и история ононого»; «Гражданские законы, общие, особенные и местные»; «Законы благоустройства и благочиния»; «Законы о государственных повинностях и финансах»; «Законы полицейские и уголовные», а также «Начала общенародного правоведения (Jus gentium)». Срок обучения на юридическом и философском факультетах был увеличен до четырёх лет, в то время как срок обучения на медицинском факультете составил пять лет. Таким образом, можно говорить о расширении образовательной программы и об углублении изучения права будущими юристами. Кроме этого, по инициативе Николая I было организовано первое специальное военно-юридическое учебное заведение – Аудиторская школа, главной задачей которой стала подготовка юристов для военно-сухопутного и морского ведомств.

Законодательство, принятое при Александре I, которое провозглашало принцип доступности образования без сословного ограничения не было совершенным и не могло быть реализованным на практике в полную силу. Поэтому фактически доступ к университетскому образованию был только у аристократии. Наиболее значительное влияние на становление юридической профессии оказал период правления императора Александра II, который характеризуется масштабными нововведениями и реформами различных сфер жизни государства.

Эпоха либеральных реформ берёт своё начало от отмены крепостного права в 1861 г., когда был принят Манифест императора Александра II от 19 февраля 1861 г. «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 730б. Л. 27-41). Через два года была проведена реформа образования, основополагающим документом которой выступает Общий устав императорских российских университетов от 18 июня 1863 г. (Общий устав..., 1863). Стоит отметить, что работа над реформой образования длилась на протяжении восьми лет, начиная с 1856 г. Над проектами данной реформы работали: попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, князь Григорий Александрович Щербатов; правовед Константин Дмитриевич Кавелин; главноуправляющий II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии Модест Андреевич Корф, а также назначенная Комиссия из университетских профессоров для пересмотра действующих положений функционирования университетов под руководством попечителя Дерптского учебного округа Егора Федоровича Брадке. Как отмечают исследователи, основными тезисами университетской реформы 1863 г. стали: «...возрождение университетского суда, совершенствование конкурсной системы преподавателей, ограничение прав попечителей учебных округов, расширение прав ректора, утверждение учёных степеней» (Киселев, 2022: 4).

Благодаря реформе образования университеты получили независимость от государства. Руководство высших учебных заведений назначалось Советом университета. Согласно данному документу, в состав университетов вошли следующие четыре факультета: юридический, медицинский, историко-филологический и физико-математический. Кроме того, произошло существенное увеличение числа кафедр юридического факультета, число которых достигло тринадцати.

В целом реформы императора Александра II затронули все ключевые сферы жизни общества. Однако одной из самых глобальных (после отмены крепостного права) можно по праву считать Судебную реформу 1864 г. Рассуждая о причинах принятия судебной реформы, необходимо отметить то, что в данный период времени страна проходила этап масштабной модернизации. Крестьянская реформа стала основанием для изменения правового статуса миллионов крестьян. Если ранее крестьянин выступал скорее в качестве объекта права, то после реформы 1861 г. крестьянин стал субъектом права, приобретя целый ряд гражданских прав и свобод. Тем самым в государстве произошёл существенный рост числа правоотношений. Кроме того, после упразднения института крепостничества перед государством стояли задачи, направленные, в том числе, и на развитие предпринимательской деятельности в Российской империи. Необходимо решение данного вопроса стала особенно актуальной в связи с перспективами развития рынка земельной собственности. Таким образом, стоит согласиться с мнением историка М. Д. Карпачева: «Новые социально-экономические процессы нуждались в соответствующем юридическом обеспечении» (Карпачев, 2014: 30). Поэтому в контексте данного исследования именно реформа системы судостроительства и судопроизводства вызывает особенный интерес.

В качестве одной из характеристик дореформенного периода можно отметить низкую квалификацию лиц, занимавших должности судей, а также их низкую заинтересованность в отправлении справедливого правосудия. Одной из первопричин такого положения можно назвать отсутствие должностных квалификационных требований к кандидатам на должность судьи, на которую мог претендовать любой купец или дворянин. Важным замечанием является то, что судьи Российской империи до реформы 1864 г. были вправе занимать эту должность даже при отсутствии юридического образования. В целом, судебная система дореформенного периода не пользовалась доверием населения Российской империи. Статус судьи олицетворял собой высокое положение в обществе, но не ассоциировался с осуществлением важной миссии по охране права и закона. Реализация судебной власти чаще осуществлялась даже не судьями, а судебными секретарями. Заработная плата судебных секретарей была довольно низкой, равно как и уровень их социальной ответственности, что провоцировало рост коррупции.

Судебная реформа Александра II внесла колоссальные изменения в формат отправления правосудия и, вместе с этим, внесла огромный вклад в развитие юридической профессии в Российской империи. Нормативной основой Судебной реформы 1864 г. принято считать четыре судебных устава, утверждённых 20 ноября 1864 г., а именно: «Устав уголовного судопроизводства», «Устав гражданского судопроизводства», «Учреждение судебных установлений», а также «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 770, 1864). Значение принятых нововведений для системы отечественного судостроительства сложно переоценить: была сформирована чёткая система судостроительства с разделением на мировые и общие суды; были введены в действие такие основополагающие судебные принципы, как принципы гласности, открытости и независимости судопроизводства; уголовные дела стали рассматриваться с обязательным не только присутствием, но и непосредственным участием присяжных заседателей. Говоря об институте присяжных заседателей, необходимо отметить, что в данной роли выступали не профессиональные юристы, а граждане Российской империи, получившие извещения о необходимости явки в суд для принятия участия в судебном разбирательстве в качестве его участника – присяжного заседателя.

Реформа отправления правосудия радикальным образом изменила само представление о профессии юриста. В связи с новыми порядками проведения судебных разбирательств произошёл существенный рост потребности государства в квалифицированных кадрах, способных обеспечивать успешное функционирование новой судебной системы, что стало основанием для возникновения ряда квалификационных требований: возрастной и образовательный ценз. И это касается как сотрудников судебных департаментов, так и наёмных представителей лиц, нуждающихся в представлении своих интересов и защите их прав и свобод. Судебная реформа 1864 г. стала основанием для зарождения института адвокатуры в Российской империи. Нормативный акт «Учреждение судебных установлений» содержал в себе ряд требований к кандидатам на должность присяжных поверенных. Присяжный поверенный – именно так именовалась профессия адвоката в дореволюционный период. В качестве основных требований к кандидатам выступали: возрастной ценз (не менее 25 лет), запрет на иностранное гражданство, отсутствие статуса банкрота либо деклассированного, оконченное университетское юридическое образование, отсутствие судимости или статуса подозреваемого, опыт работы либо в судебных ведомствах, либо в должности помощника присяжного поверенного не менее пяти лет (Denisov et al., 2023: 278).

Позднее были приняты Высочайше утверждённые Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам от 25 мая 1874 г. (РГИА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 133. Л. 2). Данный документ стал основанием для становления института частных поверенных.

Безусловно, такие масштабные изменения не могли не повлиять на распространение юридической профессии. Профессия адвоката приобрела особенный статус и престиж. Имена первых адвокатов Российской империи, ярких специалистов не только в сфере юриспруденции, но и мастеров ораторского искусства, известны и почитаемы до сих пор. Среди них можно назвать Анатолия Федоровича Кони, Федора Никифоровича Плевако, Владимира Даниловича Спасовича и многих других. Громкие судебные разбирательства второй половины XIX – начала XX в., такие как: процесс над Верой Засулич, дело Бартенева, а также дело «Клуба червонных валетов», вплоть до нашего времени являются хрестоматийными, выступая в качестве учебных пособий для будущих юристов XXI столетия. Впоследствии была также сформирована первая в Российской империи коллегия присяжных поверенных (Denisov et al., 2022: 1782).

Многие вышеупомянутые адвокаты оставили весомый вклад, в том числе и в развитие юридического образования. В качестве примера можно привести «Учебник уголовного права» В.Д. Спасовича (Спасович, 1863). Анатолий Федорович Кони в своих воспоминаниях давал высокую оценку труду Спасовича, подчёркивая значение данного учебника в том, что он был написан практикующим юристом (Кони, 1906: 771).

Политика императора Александра III во многом характеризуется проведением контрреформ по отношению к реформам его предшественника – императора Александра II. Первостепенной целью данного вектора развития можно назвать укрепление самодержавия путём подавления революционных настроений, в том числе предупреждение террористической деятельности по политическим мотивам. Контрреформенная политика Александра Александровича по отношению к политическому курсу его отца – Александра II коснулась, в том числе, как сферы образования, так и системы судоустройства и отправления правосудия в стране.

Университеты считались довольно уязвимыми по отношению к распространению революционных идей. В связи с этим, в рамках политики укрепления самодержавия было принято решение о необходимости укрепления контроля над деятельностью университетов. В результате, в период правления Александра III был принят очередной Университетский Устав от 18 августа 1884 г. (Именной Высочайший Указ, 1893: 980), автором которого стал действующий на тот момент министр народного просвещения Иван Давыдович Делянов. В качестве мер, направленных на усиление надзора над деятельностью университетов, было принято решение об изменении порядка назначения руководящего состава. Таким образом, кандидат на должность ректора должен был избираться министром народного просвещения. В результате, Министерство народного просвещения получало контроль над ведением как образовательной, так и внеаудиторной деятельности.

В связи со стремлением императора не допустить распространения революционных буржуазных идей было принято решение о ликвидации ряда дисциплин, предметом изучения которых являлись история и конституции буржуазных стран.

Контрреформы Александра III не обошли стороной и систему судопроизводства. Судебная контрреформа не была введена единовременно. Она заключалась в принятии ряда нормативно-правовых актов в период с 1885 по 1891 г., которые ввели ряд изменений в деятельность судебных органов Российской империи, а именно: был упразднен институт мировых судов, произошло ограничение применения принципов открытости и гласности судопроизводства, Сенат получил полномочия в качестве дисциплинарного органа в судебной системе, отвод суда присяжных от рассмотрения политических уголовных дел.

Ещё одной характерной чертой данного временного отрезка является рассвет юридической периодики в Российской империи. В изучаемый период в стране появился ряд профильных изданий. В качестве одного из примеров можно привести еженедельную газету «Право», выходившую в Санкт-

Петербурге с 1898 г. Основной тираж данной газеты отправлялся по подпискам в Санкт-Петербург, Москву и Киев (*Газета «Право», 1906*).

5. Заключение

Таким образом, подводя итог данной статье, можно сказать, что традиции университетского юридического образования в Российской империи складывались постепенно, проходя через несколько этапов. Первый этап прочно ассоциируется с зарождением самого университетского образования. В Российской империи первые университеты появились в периоды правления императора Петра I: Академический университет, ставший впоследствии Санкт-Петербургским государственным университетом (СПбГУ), и его дочери – императрицы Елизаветы Петровны: Императорский Московский университет (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова). Важно отметить, что юридический факультет был в числе первых организованных факультетов университетского образования в стране. Следующий этап связан с университетской реформой 1804 г. Правление императора Александра I прочно ассоциируется с систематизацией и структуризацией различных сфер жизни государства, в том числе и сферы высшего образования. Следующий этап связан с резким скачком роста востребованности профессии юриста, а соответственно и юридического образования. Речь идёт о периоде великих реформ императора Александра II, а именно Судебной реформе 1864 г. Произошло значительное преобразование юридической профессии, важнейшим достижением которого стоит назвать зарождение института адвокатуры в Российской империи. И четвёртый – заключительный, ключевой этап развития дореформенного университетского юридического образования связан с периодом контрреформ Александра III, где был усилен контроль над деятельностью университетов и введён ряд изменений в функционирование судебной системы Российской империи. Конец XIX – начало XX в. характеризуется существенным возрастанием потребности государства в квалифицированных юридических кадрах благодаря резкому увеличению числа правоотношений и последовавшей за этим реформе судебной системы.

Литература

- Арсеньев, 1854* – Арсеньев К.И. Историко-статистический очерк народного образования в России // *Ученые записки второго отделения императорской Академии наук*. Кн. I. 1854. С. 1–32.
- Высшие и центральные..., 1864* – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801-1917. Т. 3. СПб., 2002; Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-е. Т. 27 (1830). СПб., 1802-1803. №№ 20597, 20598; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 1802-1825. Т. 1. СПб., 1864. С. 13-21.
- Газета «Право», 1906* – Газета «Право». СПб., 1906. № 52; 1914. № 52.
- Документы и материалы..., 1960* – Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. В 3-х т. Т. 1: 1756-1764. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 415 с.
- Ерман, 1963* – Ерман Л.К. Состав интеллигенции в России в конце XIX и начале XX в. // *История СССР*. 1963. С. 161-177.
- Именной Высочайший Указ, 1893* – Именной Высочайший Указ // *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения*. 1884 год. Царствование императора Александра III. Т. IX. СПб., 1893. С. 980.
- Именной..., 1830* – Именной, объявленный из Сената, указ от 28 января 1724 г. «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбуга». С приложением проекта об учреждении Академии / *Полное собрание законов Российской империи*. Т. VII. СПб., 1830. № 4443. С. 220-224.
- Именной указ..., 1755* – Именной указ «Об учреждении Московского Университета и двух гимназий с приложением высочайше утвержденного проекта по сему предмету». 1755.
- Калинина, 2012* – Калинина Е.А. Школьная реформа Александра I и «Положение об училищах» 1804 года // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2012. № 11. С. 192-202.
- Карпачев, 2014* – Карпачев М.Д. Судебная реформа 1864 г. в России: шаг на пути к правовому государству // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2014. № 3. С. 29-40.
- Киселев, 2022* – Киселев И.В. Общий устав императорских российских университетов от 18 июня 1863 г. // *Univsum: общественные науки*. 2022. № 4 (83). С. 4–6.
- Кони, 1906* – Кони А.Ф. Очерки и воспоминания : (Публ. чтения, речи, ст. и заметки). СПб.: тип. А.С. Суворина, 1906. X, 892 с.
- Милюков, 1994* – Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т. 2. Ч. 2. М., 1994. 491 с.
- Миронов, 2003* – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) // В 2 т. 3-е изд., испр., доп. Т. 2. СПб., 2003. 582 с.

Новиков, Перфилова, 2011 – Новиков М.В., Перфилова Т.Б. Становление университетского образования в России // *Ярославский педагогический вестник*. 2011. Т. I (Гуманитарные науки). № 4. С. 7-19.

Общий устав..., 1863 – Общий устав императорских российских университетов от 18 июня 1863 / Полное собрание законов Российской империи. Т. XXXVIII. № 39752. С. 622-638.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ружицкая, 2012 – Ружицкая И.В. Кодификационные проекты императора Александра I как составная часть его политических реформ // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2012. № 11. С. 130-139.

Соловьёв, 1914 – Соловьёв И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников / *Университетский устав 5 ноября 1804 года. Выпуск первый: Университеты до эпохи шестидесятих годов*. СПб., 1914. С. 23-36.

Спасович, 1863 – Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Т. 1. Общая часть уголовного права материального (вып. 1) / сост. В. Спасовичем. СПб.: Тип. Иосафата Огризко, 1863. 178 с.

Томсинов, 2015 – Томсинов В.А. Первый профессор юридического факультета Московского университета Филипп-Генрих Дильтей (1723-1781) // *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. 2015. № 2. С. 3-21.

Университетский устав..., 1836 – Университетский устав 1835 г. / Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 10. Отделение 1. СПб., 1836. № 8337. С. 841-855.

Устав Императорского..., 1804 – Устав Императорского Казанского университета. Утвержден 5 нояб. 1804 г. Александром I. 1804. 68 с.

Устав Императорского..., 1804 – Устав Императорского Харьковского университета Утв. 5 ноября 1804 г. 1804. 66 с.

Утвердительная грамота..., 1804 – Утвердительная грамота Московского Императорского университета от 5 ноября 1804 г. // *Полное собрание законов Российской империи*. I. Т. XXVIII. №21502.

Феофанов, 2022 – Феофанов А. М. Образовательная дифференциация российского дворянства елизаветинской эпохи // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2022. Т. 67. Вып. 2. С. 333-357.

Щетинина, 1976 – Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М.: Наука, 1976. 231 с.

Юртаева, 2009 – Юртаева Е.А. Система юридического образования в Российской империи // *Журнал российского права*. 2009. № 3(147). С. 116-131.

Denisov et al., 2022 – Denisov I.S., Allalyev R.M., Smirnov M.G., Katsarskiy M.I. Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 2. // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1780-1787.

Denisov et al., 2023 – Denisov I.S., Allalyev R.M., Atabekov K.K., Kuksin I.N. Characteristics and Main Stages of the Formation of the Bar in the Russian Empire in the Period from 1864 to 1917 // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 276-283.

References

Arsen'ev, 1854 – Arsen'ev, K.I. (1854). Istoriko-statisticheskij ocherk narodnogo obrazovaniya v Rossii [Historical and statistical essay on public education in Russia]. *Uchenie zapiski vtorogo otdeleniya imperatorskoj Akademii nauk*. Kn. I. Pp. 1-32. [in Russian]

Denisov et al., 2022 – Denisov, I.S., Allalyev, R.M., Smirnov, M.G., Katsarskiy, M.I. (2022). Comparative Characteristics of the State of the Judicial System of the Russian Empire before and after the Judicial Reform of 1864. Part 2. *Bylye Gody*. 17(4): 1780-1787.

Denisov et al., 2023 – Denisov, I.S., Allalyev, R.M., Atabekov, K.K., Kuksin, I.N. (2023) Characteristics and Main Stages of the Formation of the Bar in the Russian Empire in the Period from 1864 to 1917. *Bylye Gody*. 18(1): 276-283.

Dokumenty i materialy..., 1960 – Dokumenty i materialy po istorii Moskovskogo universiteta vtoroj poloviny XVIII veka [Documents and materials on the history of Moscow University in the second half of the 18th century] [Tekst] : [V 3 t.]. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1960-1963. 3 t.; 23 sm. Т. 1: 1756-1764. Т. 1. 1960. 415 p. [in Russian].

Erman, 1963 – Erman, L.K. (1963). Sostav intelligencii v Rossii v konce XIX i nachale XX v. [The composition of the intelligentsia in Russia in the late 19th and early 20th centuries]. *Istoriya SSSR*. Pp. 161-177. [in Russian]

Feofanov, 2022 – Feofanov, A.M. (2022). Obrazovatel'naya differenciatsiya rossijskogo dvoryanstva elizavetinskoj epohi [Educational differentiation of the Russian nobility of the Elizabethan era]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 67(2): 333-357. [in Russian]

Imennoj Vysochajshij Ukaz, 1893 – Imennoj Vysochajshij Ukaz [Nominal Supreme Decree]. Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. 1884 god. Carstvovanie imperatora Aleksandra III. SPb., 1893. Т. IX. P. 980. [in Russian]

Imennoj..., 1830 – Imennoj, ob'yavlenyj iz Senata, ukaz ot 28 yanvarya 1724 g. «Ob uchrezhdenii Akademii i o naznachenii dlya soderzhaniya onoj dohodov tamozhennyh i licentnyh, sobiraemyh s gorodov Narvy, Derpta, Pernova i Arensburga». S prilozheniem proekta ob uchrezhdenii Akademii [A nominal decree announced from the Senate dated January 28, 1724 "On the establishment of the Academy and on the appointment for the maintenance of customs and repair revenues collected from the cities of Narva, Dorpat, Pernov and Arensburg"]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii I. T. VII. SPb., 1830. № 4443. Pp. 220-224. [in Russian]

Imennoj ukaz..., 1755 – Imennoj ukaz «Ob uchrezhdenii Moskovskogo Universiteta i dvuh gimnazij. s prilozheniem vysochajshe utverzhdenogo proekta po semu predmetu» [Nominal decree "On the establishment of the Moscow University and two gymnasiums with the application of a highly approved project on this subject"]. 1755. [in Russian]

Gazeta «Pravo», 1906 – *Gazeta «Pravo»*. SPb., 1906. № 52; 1914. № 52.

Kalinina, 2012 – *Kalinina, E.A.* (2012). Shkol'naya reforma Aleksandra I i «Polozhenie ob uchilishchah» 1804 goda [The school reform of Alexander I and the "Regulations on Schools" of 1804]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 11: 192-202. [in Russian]

Karpachev, 2014 – *Karpachev, M.D.* (2014). Sudebnaya reforma 1864 g. v Rossii: shag na puti k pravovomu gosudarstvu [Judicial reform of 1864 in Russia: a step towards a State governed by the rule of law]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process*. 3: 29-40. [in Russian]

Kiselev, 2022 – *Kiselev, I.V.* (2022). Obshchij ustav imperatorskih rossijskih universitetov ot 18 iyunya 1863 g. [General Statute of Imperial Russian Universities dated June 18, 1863]. *Universum: obshchestvennye nauki*. 4(83): 4-6. [in Russian]

Koni, 1906 – *Koni, A.F.* (1906). Ocherki i vospominaniya : (Publ. chteniya, rechi, st. i zametki) [Essays and memoirs : (Published readings, speeches, articles and notes)]. Sankt-Peterburg : tip. A.S. Suvorina. X, 892 p. [in Russian]

Milyukov, 1994 – *Milyukov, P.N.* (1994). Ocherki po istorii russkoj kul'tury: V 3 t. [Essays on the History of Russian Culture: In 3 volumes]. V. 2. P. 2. M. 491 p. [in Russian]

Mironov, 2003 – *Mironov, B.N.* (2003). Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). [Social history of Russia during the Empire (XVIII – early XX century)]. V 2 T. 3-e izd. , ispr., dop. SPb. V.2. 582 p. [in Russian]

Novikov, Perfilova, 2011 – *Novikov, M.V., Perfilova, T.B.* (2011). Stanovlenie universitetskogo obrazovaniya v Rossii [Formation of university education in Russia]. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. T. I (Gumanitarnye nauki). 4: 7-19. [in Russian]

Obshchij ustav..., 1863 – Obshchij ustav imperatorskih rossijskih universitetov ot 18 iyunya 1863 [General Statute of Imperial Russian Universities dated June 18, 1863]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii T. XXXVIII. № 39752. Pp. 622-638. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].

Ruzhickaya, 2012 – *Ruzhickaya, I.V.* (2012). Kodifikacionnye proekty imperatora Aleksandra I kak sostavnaya chast' ego politicheskikh reform [Codification projects of Emperor Alexander I as an integral part of his political reforms]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 11: 130-139. [in Russian]

Shchetinina, 1976 – *Shchetinina, G.I.* (1976). Universitety v Rossii i ustav 1884 goda [Universities in Russia and the Charter of 1884]. AN SSSR; In-t istorii SSSR. Moskva : Nauka, 1976. 231 p. [in Russian]

Solov'yov, 1914 – *Solov'yov, I.M.* (1914). Russkie universitety v ih ustavah i vospominaniyah sovremennikov [Russian universities in their charters and memoirs of contemporaries of the sixties]. Universitetskij ustav 5 noyabrya 1804 goda. Vypusk pervyj: Universitety do epohi shestidesyatyh godov. SPb. Pp. 23-36. [in Russian]

Spasovich, 1863 – *Spasovich, V.D.* (1863). Uchebnik ugolovnogo prava [Textbook of criminal law]. V. 1. Obshchaya chast' ugolovnogo prava material'nogo. (vyp. 1). Sost. V. Spasovichem. SPb.: Tip. Iosafata Ogrizko, 1863. [6], 178 p. [in Russian]

Tomsinov, 2015 – *Tomsinov, V.A.* (2015). Pervyj professor yuridicheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta Filipp-Genrih Dil'tej (1723-1781) [Philip Henry Dilthey (1723-1781), First Professor at the Faculty of Law of Moscow University]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo*. 2: 3-21. [in Russian]

Universitetskij ustav..., 1836 – Universitetskij ustav 1835 g. [University Charter of 1835]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2. T. 10. Otdelenie 1. SPb., 1836. № 8337. Pp. 841-855. [in Russian]

Ustav Imperatorskago..., 1804 – Ustav Imperatorskago Har'kovskago universiteta Utv. 5 noyabrya 1804 g [Charter of the Imperial Kharkov University Approved on November 5, 1804, 1804]. 1804. 66 p. [in Russian]

Ustav Imperatorskago..., 1804 – Ustav Imperatorskago Kazanskago universiteta. Utverzhden 5 noyab. 1804 g. Aleksandrom I. [Charter of the Imperial Kazan University. Approved on November 5th. 1804 by Alexander I]. 1804. 68 p. [in Russian]

Utverditel'naya gramota..., 1804 – Utverditel'naya gramota Moskovskogo Imperatorskogo universiteta ot 5 noyabrya 1804 [Letter of approval of the Moscow Imperial University dated November 5, 1804]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. I. T. XXVIII. №21502). [in Russian]

Vysshie i tsentral'nye..., 1864 – Vysshie i tsentral'nye gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii. 1801–1917. [Higher and central government institutions of Russia. 1801–1917]. V. 3. SPb., 2002; Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie 1-e. SPb., 1802-1803. V. 27 (1830). № 20597, 20598; Sbornik postanovlenij po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. 1802-1825. SPb., 1864. V. 1. Pp. 13-21. [in Russian]

Yurtaeva, 2009 – Yurtaeva, E.A. (2009). Sistema yuridicheskogo obrazovaniya v Rossijskoj imperii [The system of legal education in the Russian Empire]. *Zhurnal rossijskogo prava*. 3(147): 116-131. [in Russian]

Ключевые этапы становления и развития юридического образования и профессии юриста в Российской империи

Иван Сергеевич Денисов ^{a, *}, Максат Шамилович Шамилов ^b, Руслан Мурадович Аллалыев ^{c, d}

^a Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Киргизская Республика

^c Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И. М. Губкина, Москва, Российская Федерация

^d Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию пути становления отечественного юридического образования в дореволюционный период. В представленном исследовании были выявлены фундаментальные вехи развития высшего юридического образования и юридической профессии в Российской империи. В качестве периодизации авторами был выбран отрезок времени от основания первых университетов Российской империи до революции 1917 г. Авторы выявили следующие ключевые ступени формирования и становления юридического образования в Российской империи: основание первых высших учебных заведений; систематизация и структурная организация деятельности университетов (университетская реформа Александра I); период правления Александра II, характерными чертами которого принято считать проведение ряда реформ, в том числе реформы образования, а также реформы организации судебной власти и отправления правосудия, наиболее известной как Судебная реформа 1864 г.; а также контрреформенный период правления Александра III, отличительной чертой которого является политика укрепления самодержавия. Кроме того, в ходе данного исследования авторами были подробно изучены и проанализированы наиболее значимые нормативно-правовые акты, направленные на регулирование сферы образования в Российской империи, а именно университетские уставы, изданные при императорах: Александре I, Николае I, Александре II и Александре III. Особое внимание авторы представленного исследования уделяют вопросу влияния и значения Судебной реформы 1864 г., которая стала своего рода отправной точкой для зарождения юридической профессии в Российской империи, а также значению контрреформ в сфере образования и судостроительства Александра III.

Ключевые слова: юридическое образование в Российской империи, университетская реформа, Университетский устав, Судебная реформа 1864 г., присяжные поверенные, присяжные заседатели, адвокатская деятельность в Российской империи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: is.denisov@mail.ru (И.С. Денисов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 587-596
DOI: 10.13187/bg.2025.2.587

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Palace Coup of 1725: Some Historical Aspects

Igor A. Gordeev ^{a, *}, Elizaveta V. Kultishova ^b, Kseniia P. Peregodova ^b, Natalia V. Grigorieva ^c

^a Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^b RUDN University, Moscow, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Abstract

This study is dedicated to the 300th anniversary of the first palace coup in the Russian Empire in the 18th century, which marked the beginning of a period called the era of palace coups by historians. The materials of the work were the works of pre-revolutionary (S.M. Solovyov, V.O. Klyuchevsky, N.I. Kostomarov, K.N. Arsenyev, N.A. Belozerskaya, Ya.K. Grot, etc.) and modern historians (N.I. Pavlenko, I.V. Kurukin, M.M. Istomina, etc.). Historiographical, historical-genetic, historical-comparative, historical-systemic and other methods were used as methods.

The coup of 1725, to the credit of its participants, turned out to be quiet: the parties did not shed each other's blood, but peacefully agreed with each other, dividing the spheres of influence.

Two influential groups fought for power: hereditary aristocrats led by Prince D.M. Golitsyn and low-class Petrovsky nobles led by Field Marshal A.D. Menshikov. Having lured the guard and influential officials to their side, Menshikov and Ekaterina were able to seize power and force the leadership of the main administrative bodies of the empire to swear allegiance to themselves.

Despite its peaceful nature, the coup of 1725 had very far-reaching consequences, beginning the so-called era of palace coups, the end of which is usually dated to 1762 and the accession of Catherine II to the throne. However, it would be fair to call the upper chronological boundary the year 1801, when Paul I was assassinated and Alexander I came to power.

Keywords: Peter the Great, Catherine I, Marta Skavronskaya, palace coups, coup of 1725, A.D. Menshikov, Peter II Alekseevich.

1. Введение

Дворцовый переворот 1725 года многими историками воспринимается как «тихий переворот» (см., в частности: Kirchnev, 1946; Соловьев, 1991; Костомаров, 1905; Алешин, 2019; Мадышева, 2022; Николаева, 2016; Омельченко, 2022 и др.), однако он стал знаковым в своём роде: впервые в истории России к власти пришёл монарх «не из царских кровей»¹, причем власть которого признали не только в собственной стране, но и за рубежом. В ходе данного переворота никто из монархов не был насильственно отстранён от власти (как, например, в переворотах 1741-го или 1762-го года) и не был убит (как, к примеру, в результате переворота 1801-го года), однако именно он положил начало

* Corresponding author

E-mail addresses: gordeev_ia@mail.ru (I. A. Gordeev)

¹ Приход к власти Бориса I Годунова в 1598 году не следует считать своего рода исключением, так как Годунов принадлежал к привилегированному боярскому сословию, в то время как утвердившаяся на престоле в 1725 году императрица Екатерина I, урожденная Марта Самуиловна Скавронская, была простолюдинкой.

периоду так называемой «эпохи дворцовых переворотов»¹ в России (официально – с 1725-го по 1762-й годы), когда гвардия сажала на престол тех монархов, в ком видела свою максимальную выгоду.

Данное исследование, посвящённое 300-летию с годовщины этого дворцового переворота, исследует некоторые исторические и историографические аспекты данного события в истории Российской империи.

2. Материалы и методы

Материалами нашего исследования послужили труды историков XIX–XXI веков, таких как С.М. Соловьев (Соловьев, 1991; Соловьев, 1992), Н.И. Костомаров (Костомаров, 1905), К.Н. Арсеньев (Арсеньев, 1856), Н.А. Белозерская (Белозерская, 1902), Я.К. Грот (Грот, 1878), Н.И. Павленко (Павленко, 2009), И.В. Курукин (Курукин, 2004; Курукин, 2019), М.М. Истомина (Истомина, 2018), М.О. Мадышева (Мадышева, 2022), Д.О. Алешин (Алешин, 2019) и др., а также некоторые источники, опубликованные в сборниках документов (в частности, ПЖУ ВТС, 1889; ПСЗРИ, 2012).

Методологическую основу данной работы составляют:

- Историографический метод (или контент-анализ): предусматривает анализ научной литературы по вопросам, связанным с первым дворцовым переворотом;
- Историко-генетический: предусматривает причинно-следственную связь между событиями и персоналиями, приведшими к перевороту;
- Историко-сравнительный: применён для сравнения переворота 1725-го года с другими дворцовыми переворотами XVIII – начала XIX века;
- Историко-системный метод: применён для анализа описываемых событий в неотрывной связи от политической, экономической и социальной конъюнктуры российского общества в первой четверти XVIII века.

3. Обсуждение

Проблема первого дворцового переворота Российской империи² весьма подробно изучена ещё в XIX веке. Огромный вклад в его изучение внесли дореволюционные историки, в частности, С.М. Соловьев (Соловьев, 1991; Соловьев, 1992), Н.И. Костомаров (Костомаров, 1905), К.Н. Арсеньев (Арсеньев, 1856), Н.А. Белозерская (Белозерская, 1902) и др. Таким образом, архивные материалы по данному вопросу весьма хорошо изучены, а поиск новых источников на современном этапе представляется весьма проблематичным. Более того, современные труды, исследующие деятельность Екатерины I и её восшествие на престол, так или иначе основаны на классических трудах вышеуказанных авторов.

Сделаем краткий анализ классических дореволюционных трудов о личности Екатерины I, все из которых в том или ином виде исследуют и переворот 1725 года.

Личностный портрет и переворот 1725-го года весьма глубоко исследовал К.Н. Арсеньев в книге «Царствование Екатерины I» (Арсеньев, 1856), Н.А. Белозерская в обширной статье «Происхождение Екатерины I», опубликованной в журнале «Исторический вестник» (Белозерская, 1902), Я.К. Грот в статье «Происхождение Екатерины I», опубликованной в «Сборнике отделения русского языка и словесности» (Грот, 1878), П.К. Щербальский в исследовании «Новое предположение о происхождении Екатерины I» (Щербальский, 1860), Н.Г. Устрялов в 4-х томной монографии «История царствования Петра Великого» (Устрялов, 1863), в которой Екатерине и перевороту 1725 года посвящена 1-я часть 4-го тома, и др.

Фундаментальное исследование личности Екатерины I, а также события, приведшего её к власти, делает известный российский историк Н.И. Костомаров в работе «Екатерина Алексеевна, первая русская императрица» (Костомаров, 1905).

Значительное внимание указанному событию уделено в курсе истории России С.М. Соловьева (см., напр., Соловьев, 1991; Соловьев, 1992) и В.О. Ключевского (Ключевский, 1993); последний не занимался какой-либо публицистической деятельностью, уделяя все время преподаванию и изучению истории, поэтому до нас дошли лишь курсы его лекций, записанные и впоследствии изданные его студентами.

Не обходит вниманием первую российскую императрицу и энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (Белов, 1894).

Однако труды историков XIX и XX веков по перевороту 1725-го года весьма известны, поэтому нам хотелось бы в данной работе сделать упор на современные, в том числе и малоизвестные, исследования российских историков.

Из работ современных авторов прежде всего следует отметить фундаментальный труд известного историка Н.И. Павленко «Екатерина I», в котором делается глубокий и наиболее обширный анализ портрета первой императрицы от рождения до самой смерти; особое место уделено её приходу к власти и окружению (Павленко, 2009).

¹ Данный оборот ввел в историческую науку В.О. Ключевский.

² Россия провозглашена империей в 1721-м году.

Также отметим фундаментальные работы И.В. Курукина, касающиеся дворцовых переворотов послепетровской России 1725–1762 годов, в том числе и переворота 1725-го года (Курукин, 2004; Курукин, 2019)

Среди работ, исследующих непосредственно проблемы воцарения первой русской императрицы, отметим труды М.М. Истоминой (Истомина, 2018), М.О. Мадышевой (Мадышева, 2022), Д.О. Алешина (Алешин, 2019) и др.

Вопрос первого дворцового переворота анализируется в биографических исследованиях личности Екатерины I таких авторов, как А.С. Мелехов, В.В. Сухарева (Мелехов, Сухарева, 2023), О.Н. Мухин (Мухин, 2020), О.И. Хоруженко (Хоруженко, 2001), и др.; в комплексных трудах, касающихся дворцовых переворотов в целом под авторством С.Н. Драгана (Драган, 2016), Н.В. Коршуновой (Коршунова, 2017), А.Г. Мелентьевой (Мелентьева, 2020), В.К. Могутовой, А.А. Тимофеевой (Могутова, Тимофеева, 2022), Н.В. Николаевой (Николаева, 2016), Ю.Н. Тазьмина (Тазьмин, 2015), Д.В. Чацкого (Чацкий, 2015), Ф. Штеллнера (Штеллнер, 2021) и др.; в работах, анализирующих роль гвардии в переворотах (см., например, работы Д.И. Приходько (Приходько, 2024), Аветисян В.Р. (Аветисян, 2020) и др.); в исследованиях, изучающих законодательные проблемы в период дворцовых переворотов, а также проблемы легитимности и легитимизации при формировании элит (см., например, Белова, 2004; Омельченко, 1986; Омельченко, 2022; Слезин и др., 2005; Филимонов, 2022) и т. д.

Из зарубежных работ отметим статью В. Кирчнева, который исследует процесс прихода к власти, а также и смерть Екатерины I (Kirchnev, 1946).

Безусловно, приведённый историографический перечень не является полным, однако считаем его вполне достаточным, учитывая небольшой масштаб данного исследования.

4. Результаты

Многие историки (в частности, Филимонов, 2022: 188–189; Истомина, 2018: 33; Мадышева, 2022: 27; Николаева, 2016: 12–13 и др.) небезосновательно полагают, что условия для переворота создал сам Петр I Великий (Рисунок 1), когда дал возможность усилиться новой политической элите из непривилегированных сословий; среди персоналий «новой элиты», помимо самой Екатерины (Рисунок 2), прежде всего следует выделить Александра Даниловича Меншикова (Рисунок 3).

Рис. 1. Прижизненный портрет первого императора России Петра I Алексеевича Романова (1672–1725) (К. де Моор, 1717 г.)

Меншиков заметил будущую императрицу в самом начале Северной войны 1700–1721 годов, в «прибалтийской кампании», овдовевшую¹ латышскую крестьянку еврейского

¹ Муж Марты, шведский драгун Иоганн Крузе, вероятно, пропал без вести в сражении за Мариенбург, поэтому «вдовой» Скавронскую можно было называть весьма условно. Существует версия, что он весьма

происхождения Марту Самуиловну Скавронскую, носившую фамилию мужа – Крузе (по другой версии – Рабе; [Белозерская, 1902: 77](#)), когда она составляла компанию одному из его офицеров (а именно, Б.П. Шереметеву). Ближайшему сподвижнику русского царя приглянулась не только пышная внешность молодой прачки, но и ясность ума, услужливость и понятливость, умение с достоинством и одновременно с почтением держаться с «сильными мира сего», раскованность и ироничное тонкое чувство юмора. Познакомившись с Мартой ближе, он сделал её не только своей любовницей, но и служанкой; Петр I, в один из приездов к Меншикову в 1703-м году в Петербург, заметил её и на него она также произвела весьма сильное впечатление.

Разумеется, царю ничего не стоило «отбить» Скавронскую-Крузе у своего подчинённого и с этого момента Марта Самуиловна была с Петром до самой его смерти.

Не только неприхотливость, хороший ум и умение видеть человеческие слабости были присущи будущей императрице: она обладала исключительной силой воли, умением скрывать даже самые сильные свои эмоции и незаурядным актёрским мастерством – даже несмотря на то, что ещё с молодости Петр пристрастил её к алкоголю ([Kirchnev, 1946: 256-257](#)). Простолюдинку в ней выдавала только неумная алчность, которую она тщательно маскировала перед царём и его приближенными.

Рис. 2. Будущая первая императрица России Екатерина I Алексеевна (Марта Самуиловна Скавронская) (1684–1727) (К. де Моор, 1717 г.)

Перейдя в православие в 1707–1708 годах (точная дата неизвестна) и став Екатериной (так любил её называть царь) Алексеевной Михайловой, она стала ближайшей сподвижницей Петра I, сопровождая его и в быту, и в походах, одновременно рожая детей и стараясь быть примерной матерью. Петру в целом было безразлично происхождение Екатерины, равно как и издержки морганатического брака; он, вероятно, рассчитывал на силу российской армии и дипломатии в деле признания его наследников от неё (как в итоге и получилось) обладателями «царской крови», либо вовсе не озадачивался такого рода вопросами. Но, так или иначе, Екатерина стала доверенным лицом царя и была хорошо осведомлена о придворных делах, чем не могли похвастаться многие сенаторы.

В силу своего доверенного (до определённого момента) и высокого положения, Екатерина смогла завести себе не только влиятельных друзей (Меншиков, разумеется, был наиболее доверенным из них и, в свою очередь, всегда весьма щедро оплачивал лояльность царицы), но и достаточно хорошо понять своих истинных друзей и врагов, а также слабости последних ([Костомаров, 1905: 719-722](#)).

неожиданно объявился во время «парада пленных шведов» после Полтавской битвы, когда Марта уже была фактической женой Петра I, чем обрек себя на ссылку и смерть при загадочных обстоятельствах.

Рис. 3. Будущий генералиссимус и организатор первого дворцового переворота Александр Данилович Меншиков (1673–1729) (портрет неизвестного художника, датирован 1716–1720-ми годами)

Последними словами умирающего императора, по преданию (по [Соловьев, 1991](#)), стали слова «Отдайте всё...», однако, сделав паузу, он потерял сознание и не приходя в него через несколько дней умер, 28 января 1725 года.¹

Само правление Петра Великого, активная завоевательная политика, усиление государственности, экономики и вооружённых сил, ставших самыми сильными в мире, а также укрепление им нового дворянства в ущерб интересам старой аристократии, неизбежно привели к созданию двух фракций ([Николаева, 2016: 12-13](#)):

- потомственная знать, которая сплотилась вокруг князя Д.М. Голицына и включала в себя П.М. Апраксина, старшего брата прославленного адмирала Федора Матвеевича Апраксина и близкого сподвижника Петра, князей В.Л. Долгорукого и Н.И. Репнина (последний, к слову, был президент военной коллегии²) и др. ([Истомина, 2018: 34](#));

- новая знать, выдвинувшаяся при Петре I, прежде всего, благодаря своим личным качествам, многие из которых были простолюдинами; эта группа сплотилась вокруг «второго после царя» лица в государстве, А.Д. Меншикова³, и включала (также незнатного, но дворянского происхождения⁴) «патрона» тайной канцелярии графа П.А. Толстого, генерал-прокурора П.И. Ягужинского, канцлера графа Г.И. Головкина, императорского секретаря А.В. Макарова и др. ([Истомина, 2018: 34](#)).

Первоначально, ещё при живом императоре, политический вес обеих групп был примерно одинаков. Первые выступали за воцарение на престол внука умершего императора – Петра Алексеевича, за спиной которого можно было бы постепенно «выдавить» незнатных вельмож от государственной казны и влиятельных должностей. Вторые (и прежде всего сам Меншиков) ратовали за коронацию жены Петра – Екатерины Алексеевны, характер и нравы который были весьма знакомы и приходились по душе «нового дворянства»; в свою очередь, и сама Екатерина доверяла лишь второй фракции.

Понимая, что для склонения чаши весов в пользу своей фракции необходимо привлечь на свою сторону больше влиятельных людей и, прежде всего, гвардейцев, и Меншиков, и Екатерина проявили незаурядные организаторские способности, не свойственную им в обыденности щедрость и смекалку. П.И. Павленко указывает, что «...Екатерине пришлось раскошелиться на подкупы чиновников: руководителю Тайной канцелярии А.И. Ушакову было выделено 3000 рублей, командиру

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

² Современный аналог должности министра обороны.

³ Знатность его происхождения является предметом спора среди историков; некоторые авторы, в частности, вице-адмирал Н.П. Вильбоа, поэт А.С. Пушкин, считали, что версию о «разносчике пирогов» придумали недруги Александра Даниловича из потомственной аристократии. Авторитетный историк Н.И. Костомаров же считает Меншикова простолюдином; аналогичного мнения придерживаются известные историки XIX века С.М. Соловьев и В.О. Ключевский.

⁴ Отец Петра Толстого был окольным.

Преображенского полка – И.И. Бутурлину – 1500 рублей, гвардии майорам С.А. Салтыкову и И.И. Дмитриеву-Мамонову – по 1000 рублей» (Павленко, 2009: 54). Меншиков, в свою очередь, сумел расположить к себе гвардию и лично И.И. Бутурлина, также незнатного дворянина, которому гвардейцы доверяли больше, чем своему главному командиру А.И. Репнину. Меншиков выплатил зарплатный долг гвардейцам за полгода и, вероятно, подкупом убедил и Бутурлина, который в день смерти Петра, 28 января, вывел гвардейские полки, окружившие, к удивлению Репнина, императорский дворец и пробившие боеготовность барабанной дробью. Такое поведение гвардии сыграло свою роль – Репнин, первоначально высказывавшийся в поддержку Петра Алексеевича-младшего, в ходе прений перешёл на сторону Екатерины и поддержал её.

Днём, 28 января 1725 года, обе группы собрались во дворце решать, кому достанется престол. В целом настрой противоборствующих сторон был достаточно мирный, если не считать находящихся в боевых порядках вокруг дворца гвардейцев, де-факто лояльных фракции Екатерины.

Во время многочасовых прений групп чапа весов окончательно склонилась в пользу фракции «птенцов гнезда Петрова»: Меншиков, «уверенный в согласии и единомыслии с ним членов Синода, пригласил Сенат, Синод и генералитет во дворец» (Арсеньев, 1856: 2) и представил «законную супругу своего монарха, неразлучную спутницу его во всех походах, верную сподвижницу во всех его начинаниях» (Арсеньев, 1856: 2). Гвардейские офицеры, командиры Семёновского и Преображенского полков, хорошо знали будущую императрицу ещё по боевым походам Петра, поэтому приняли такое решение с ликованием. Сенату и Синоду, как и представителям фракции потомственных аристократов, не оставалось ничего другого, как присягнуть на верность новой императрице. Меншиков объявил о том, что почивший государь «удостоил короною и помазанием свою супругу», а главным государственным органам и подданным приказал «служить верно великой государыне императрице Екатерине Алексеевне» (Арсеньев, 1856: 2), «скромно» умолчав о фактическом отсутствии какого-либо политического завещания со стороны Петра I.

Таким образом, переворот произошёл тихо и без кровопролития, в чём надо отдать должное обеим сторонам конфликта: «старобоярская» фракция решила не проливать кровь «новодворянской» группы, чтобы не смущать народ и не ослаблять государство в междоусобной войне, а пришедшая к власти фракция, за счёт разорения государственной казны, оказалась весьма щедрой по отношению к своим оппонентам (особенно к тем, кто перешёл на её сторону, таким как Апраксин и Репнин), давая различные привилегии и прочие богатства в виде земли, ресурсов, крепостных крестьян, сфер влияния и пр.

Исходя из изложенного, следует отдать дань уважения Екатерине и Меншикову, которые оказались весьма неплохими лидерами и достаточно щедрыми правителями. Принято считать (см., например, Арсеньев, 1856; Белов, 1894; Соловьев, 1991; Ключевский, 1993; Костомаров, 1905; Павленко, 2009; и др.), что новая императрица не была способна к управлению страной и всеми государственными делами заправлял Меншиков. Однако есть все основания предполагать, что имелась договорённость элит с Екатериной, которая не мешала лояльным лицам разорять казну в обмен на собственное нахождение у власти; как бы то ни было, гвардия и её сподвижники оставались лояльными ей до самой её смерти, через два года и три месяца после описываемых событий, в мае 1727-го года. Заслуживает доверия и теория авторитетных историков (в частности, Соловьев, 1991; Ключевский, 1993; Павленко, 2009; и др.) о том, что бывшей крестьянке, добившейся максимально возможного карьерного роста в государстве (единственный в истории монархической России случай, когда простолюдинка стала императрицей; в абсолютистской Европе такое также было совершенно исключительным делом), государственные дела оказались неинтересны: отлаженный Петром механизм управленческой «машины» отлично функционировал, у «руля» оставались те же люди, которые создавали и управляли этой «машиной» при покойном императоре, а сама она имела всё, о чём только могла мечтать.

5. Заключение

1. Переворот 1725 года, к чести его участников, оказался тихим: стороны не стали проливать кровь друг друга, а мирно договорились друг с другом, поделив сферы влияния.

2. За власть боролись две влиятельные группы: потомственные аристократы во главе с князем Д.М. Голицыным и незнатные петровские дворяне во главе с фельдмаршалом А.Д. Меншиковым. Переманив на свою сторону гвардию и влиятельных чиновников, Меншиков и Екатерина смогли захватить власть и заставить присягнуть себе руководство основных управленческих органов империи.

3. Несмотря на мирный характер, переворот 1725-го года имел весьма далеко идущие последствия, начав так называемую эпоху дворцовых переворотов, окончание которой обычно датируют 1762-м годом и восшествием на престол Екатерины II. Однако справедливо было бы верхней хронологической границей назвать 1801-й год, когда был убит Павел I и к власти пришёл Александр I. Декабристское же восстание нельзя считать дворцовым переворотом, хоть и участвовала в нём гвардия: в отличие от переворотов XVIII века, восставшие декабристы были готовы свергнуть монархию и поменять форму правления.

Литература

- Аветисян, 2020** – Аветисян В.Р. «Экологическая политика» российских монархов (от Екатерины I до Павла I) // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2020. № 12-3. С. 5-8.
- Алешин, 2019** – Алешин Д.О. Завещание Екатерины I как основной фактор дворцового переворота 1730 г. / *Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. Сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции*. 2019. С. 6-10.
- Арсеньев, 1856** – Арсеньев К.Н. Царствование Екатерины I. СПб., 1856.
- Белов, 1894** – Белов Е. Екатерина I Алексеевна / *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1894. Т. XIа. С. 569-570.
- Белова, 2004** – Белова Т.А. Законодательная деятельность верховного тайного совета (1726-1730 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Ом. гос. пед. ун-т. Омск, 2004.
- Белозерская, 1902** – Белозерская Н.А. Происхождение Екатерины I // *Исторический вестник*. 1902. № 1. С. 76.
- Грот, 1878** – Грот Я.К. Происхождение Екатерины I // *Сборник ОРЯС*. Т. 18. СПб., 1878. С. 22.
- Драган, 2016** – Драган С.Н. «Эпоха дворцовых переворотов»: стереотип и реальность // *Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата*. 2016. № 1 (40). С. 46-51.
- Истомина, 2018** – Истомина М.М. Воцарение Екатерины I / *Теоретические и практические аспекты развития науки и образования. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции*. Научно-издательский центр «Мир науки». 2018. С. 33-36.
- Ключевский, 1993** – Ключевский В.О. Курс русской истории. Переизд. М., 1993.
- Коршунова, 2017** – Коршунова Н.В. Дворцовые перевороты как инструмент утверждения абсолютной монархии в России в XVIII – начале XIX века // *Социум и власть*. 2017. № 2 (64). С. 118-122.
- Костомаров, 1905** – Костомаров Н.И. Екатерина Алексеевна, первая русская императрица / *Собрание сочинений*. Кн. 5. СПб., 1905. С. 711-762.
- Курукин, 2019** – Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России 1725-1762 гг. СПб.: Наука, 2019, 754 с.
- Курукин, 2004** – Курукин И.В. «Эпоха дворцовых переворотов» 1725-1762 гг. в контексте политической истории России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Российский государственный гуманитарный университет. М., 2004.
- Мадышева, 2022** – Мадышева М.О. Первый дворцовый переворот: борьба за наследие Петра I // *Вестник молодых ученых. Сборник научных трудов*. Ответственный редактор М. И. Тулина. Горно-Алтайск, 2022. С. 27-29.
- Мелентьева, 2020** – Мелентьева А.Г. Проблема периодизации эпохи «дворцовых переворотов» / *Современные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XV Международной научно-практической конференции*. Пенза, 2020. С. 89-90.
- Мелехов, Сухарева, 2023** – Мелехов А.С., Сухарева В.В. Екатерина I – первая российская императрица // *Наука и Образование*. 2023. Т. 6. № 2.
- Могутова, Тимофеева, 2022** – Могутова В.К., Тимофеева А.А. Эпоха дворцовых переворотов в России // *Бизнес и общество*. 2022. № 4 (36).
- Мухин, 2020** – Мухин О.Н. Екатерина I – «царица-помощница»: к проблеме типологии женщин-правительниц нового времени в России // *Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность*. 2020. Т. 5. № 3. С. 9-14.
- Николаева, 2016** – Николаева Н.В. Петр I и его влияние на ход дворцовых переворотов // *Наука, образование и культура*. 2016. № 10 (13). С. 12-13.
- Омельченко, 1986** – Омельченко О.А. Становление законодательного регулирования престолонаследия в Российской империи // *Фемис: ежегодник истории права и правоведения*. М., ВЮЗИ, 1986, 91 с.
- Омельченко, 2022** – Омельченко Н.А. «Наследники» Петра Великого: власть и управление в послепетровской России // *Вестник университета*. 2022. № 6. С. 40-47.
- Павленко, 2009** – Павленко Н.И. Екатерина I. М.: Молодая гвардия, 2009.
- ПЖУ ВТС, 1889** – Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726-1730 гг. / *Сборник РИО под ред. Н.Ф. Дубровина*. СПб., 1889, Т. 63. 210 с.
- Приходько, 2024** – Приходько Д.И. Роль гвардии в период дворцовых переворотов: ее специфика, состав, сплоченность и влияние / *Трибуна молодых ученых. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции*. Пенза, 2024. С. 81-86.
- ПСЗРИ, 2012** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 7. М.: Юридический центр, 2012. 922 с.
- Слезин и др., 2005** – Слезин А.А., Самохин К.В., Захарцев С.Н. Рождение Российской империи. Тамбов, 2005.
- Соловьев, 1991** – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Переизд. Т. 18. М., 1991.
- Соловьев, 1992** – Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. М.: Мысль, 1992. Т. 10. 849 с.

Тазьмин, 2015 – Тазьмин Ю.Н. Легитимность как фактор дворцовых переворотов // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. № 5-1 (55). С. 186-188.

Устрялов, 1863 – Устрялов Н.Г. Истории царствования Петра Великого. В 4-х томах. Т. IV. Ч. 1. СПб., 1863.

Филимонов, 2022 – Филимонов Д.А. Трансформация высшей политической элиты России после Петра Великого в процессе «дворцовых переворотов» // *Вестник университета*. 2022. № 8. С. 188-195.

Хоруженко, 2001 – Хоруженко О.И. О происхождении Екатерины I. Европейские монархии в прошлом и настоящем. XVIII-XX вв. СПб., 2001. С. 142-146.

Чацкий, 2015 – Чацкий Д.В. Влияние эпохи дворцовых переворотов на дальнейшее развитие России // *Новая наука: от идеи к результату*. 2015. № 6-1. С. 195.

Штеллер, 2021 – Штеллер Ф. Дворцовые перевороты в России: сравнительная типологизация // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2021. Т. 20. № 8. С. 34-48.

Щебальский, 1860 – Щебальский П.К. Новое предположение о происхождении Екатерины I // *Чтения в Моск. общ. ист. и древн. Кн. II. М.*, 1860.

Kirchnev, 1946 – Kirchnev W. The Death of Catherine I of Russia // *American Historical Review*. 1946. № 51. Pp. 254-261.

References

Avetisyan, 2020 – Avetisyan, V.R. (2020). «Ekologicheskaya politika» rossiiskikh monarkhov (ot Ekateriny I do Pavla I) [“Environmental Policy” of Russian Monarchs (from Catherine I to Paul I)]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 12-3: 5-8. [in Russian]

Aleshin, 2019 – Aleshin, D.O. (2019). Zaveshchanie Ekateriny I kak osnovnoi faktor dvortsovogo perevorota 1730 g. [The Testament of Catherine I as the main factor in the palace coup of 1730]. *Aktual'nye problemy humanitarnykh i obshchestvennykh nauk. Sbornik statei V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pp. 6-10. [in Russian]

Arsen'ev, 1856 – Arsen'ev, K.N. (1856). Tsarstvovanie Ekateriny I [The Reign of Catherine I]. SPb. [in Russian]

Belov, 1894 – Belov, E. (1894). Ekaterina I Alekseevna [Ekaterina I Alekseevna]. *Entsiklopedicheski slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.)*. SPb. T. XIa. Pp. 569-570. [in Russian]

Belova, 2004 – Belova, T.A. (2004). Zakonodatel'naya deyatel'nost' verkhovnogo tainogo soveta (1726-1730 gg.) [Legislative activity of the Supreme Privy Council (1726-1730)]. *Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Om. gos. ped. un-t. Omsk*. [in Russian]

Belozerskaya, 1902 – Belozerskaya, N.A. (1902). Proiskhozhdenie Ekateriny I [Origin of Catherine I]. *Istoricheskii vestnik*. 1: 76. [in Russian]

Grot, 1878 – Grot, Ya.K. (1878). Proiskhozhdenie Ekateriny I [Origin of Catherine I]. *Sbornik ORYaS*. T. 18. SPb. P. 22. [in Russian]

Dragan, 2016 – Dragan, S.N. (2016). «Epokha dvortsovykh perevorotov»: stereotip i real'nost' [“The era of palace coups”: stereotype and reality]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata*. 1(40): 46-51. [in Russian]

Istomina, 2018 – Istomina, M.M. (2018). Votsarenie Ekateriny I [The accession of Catherine I]. *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty razvitiya nauki i obrazovaniya. Materialy Mezhdunarodnoi (zaочноi) nauchno-prakticheskoi konferentsii. Nauchno-izdatel'skii tsentr «Mir nauki»*. Pp. 33-36. [in Russian]

Klyuchevskii, 1993 – Klyuchevskii, V.O. (1993). Kurs russkoi istorii [Course of Russian history]. Pereizd. M. [in Russian]

Korshunova, 2017 – Korshunova, N.V. (2017). Dvortsovye perevoroty kak instrument utverzhdeniya absolyutnoi monarkhii v Rossii v XVIII – nachale XIX veka [Palace coups as an instrument for establishing absolute monarchy in Russia in the 18th – early 19th centuries]. *Sotsium i vlast'*. 2(64): 118-122. [in Russian]

Kostomarov, 1905 – Kostomarov, N.I. (1905). Ekaterina Alekseevna, pervaya russkaya imperatritsa [Ekaterina Alekseevna, the first Russian empress]. *Sobranie sochinenii*. Kn. 5. SPb. Pp. 711-762. [in Russian]

Kurukin, 2019 – Kurukin, I.V. (2019). Epokha «dvorskikh bur'»: ocherki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii 1725-1762 gg. [The era of “court storms”: essays on the political history of post-Petrine Russia 1725-1762]. SPb.: Nauka, 754 p. [in Russian]

Kurukin, 2004 – Kurukin, I.V. (2004). «Epokha dvortsovykh perevorotov» 1725-1762 gg. v kontekste politicheskoi istorii Rossii [“The era of palace coups” 1725-1762 in the context of the political history of Russia]. *Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora istoricheskikh nauk. Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet. M.* [in Russian]

Madysheva, 2022 – Madysheva, M.O. (2022). Pervyi dvortsovyi perevorot: bor'ba za nasledie Petra I [The first palace coup: the struggle for the legacy of Peter I]. *Vestnik molodykh uchenykh. Sbornik nauchnykh trudov*. Otvetstvennyi redaktor M. I. Tulina. Gorno-Altaysk. Pp. 27-29. [in Russian]

- Melent'eva, 2020 – Melent'eva, A.G. (2020). Problema periodizatsii epokhi «dvortsovykh perevorotov» [The problem of periodization of the era of “palace coups”]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii. Sbornik statei XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Penza. Pp. 89-90. [in Russian]
- Melekhov, Sukhareva, 2023 – Melekhov, A.S., Sukhareva, V.V. (2023). Ekaterina I – pervaya rossiiskaya imperatritsa [Catherine I – the first Russian empress]. *Nauka i Obrazovanie*. 6(2). [in Russian]
- Mogutova, Timofeeva, 2022 – Mogutova, V.K., Timofeeva, A.A. (2022). Epokha dvortsovykh perevorotov v Rossii [The era of palace coups in Russia]. *Biznes i obshchestvo*. 4(36). [in Russian]
- Mukhin, 2020 – Mukhin, O.N. (2020). Ekaterina I – «tsaritsa-pomoshchnitsa»: k probleme tipologii zhenshchin-pravitel'nits novogo vremeni v Rossii [Catherine I – “queen-assistant”: on the problem of the typology of female rulers of modern times in Russia]. *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriiya. Sovremennost'*. 5(3): 9-14. [in Russian]
- Nikolaeva, 2016 – Nikolaeva, N.V. (2016). Petr I i ego vliyanie na khod dvortsovykh perevorotov [Peter I and his influence on the course of palace coups]. *Nauka, obrazovanie i kul'tura*. 10(13): 12-13. [in Russian]
- Omel'chenko, 1986 – Omel'chenko, O.A. (1986). Stanovlenie zakonodatel'nogo regulirovaniya prestolonaslediya v Rossiiskoi imperii [Formation of legislative regulation of succession to the throne in the Russian Empire]. *Femis: ezhegodnik istorii prava i pravovedeniya*. M., VYuZI, 91 p. [in Russian]
- Omel'chenko, 2022 – Omel'chenko, N.A. (2022). «Nasledniki» Petra Velikogo: vlast' i upravlenie v poslepetrovskoi Rossii [“Heirs” of Peter the Great: power and governance in post-Petrine Russia]. *Vestnik universiteta*. 6: 40-47. [in Russian]
- Pavlenko, 2009 – Pavlenko, N.I. (2009). Ekaterina I [Catherine I]. M.: Molodaya gvardiya. [in Russian]
- PZhU VTS, 1889 – Protokoly, zhurnaly i ukazy Verkhovnogo tainogo soveta. 1726-1730 gg. [Protocols, journals and decrees of the Supreme Privy Council. 1726-1730]. *Sbornik RIO pod red. N.F. Dubrovina*. SPb. T. 63. 210 p. [in Russian]
- Prikhod'ko, 2024 – Prikhod'ko, D.I. (2024). Rol' gvardii v period dvortsovykh perevorotov: ee spetsifika, sostav, splochnost' i vliyanie [The role of the guard during palace coups: its specificity, composition, cohesion and influence]. *Tribuna molodykh uchenykh. Sbornik statei IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Penza. Pp. 81-86. [in Russian]
- PSZRI, 2012 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda [Complete collection of laws of the Russian Empire. First collection. From 1649 to December 12, 1825]. T. 7. M.: Yuridicheskii tsentr, 2012. 922 p. [in Russian]
- Slezin i dr., 2005 – Slezin, A.A., Samokhin, K.V., Zakhartsev, S.N. (2005). Rozhdenie Rossiiskoi imperii [Birth of the Russian Empire]. Tambov. [in Russian]
- Solov'ev, 1991 – Solov'ev, S.M. (1991). Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. Pereizd [History of Russia from ancient times. Republished]. T. 18. M. [in Russian]
- Solov'ev, 1992 – Solov'ev, S.M. (1992). Sochineniya [Works]. V 18 kn. M.: Mysl'. T. 10. 849 p. [in Russian]
- Taz'min, 2015 – Taz'min, Yu.N. (2015). Legitimnost' kak faktor dvortsovykh perevorotov [Legitimacy as a factor in palace coups]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 5-1 (55): 186-188. [in Russian]
- Ustryalov, 1863 – Ustryalov, N.G. (1863). Istorii tsarstvovaniya Petra Velikogo. V 4-kh tomakh [Stories of the reign of Peter the Great. In 4 volumes]. T. IV. Ch. 1. SPb. [in Russian]
- Filimonov, 2022 – Filimonov, D.A. (2022). Transformatsiya vysshei politicheskoi elity Rossii posle Petra Velikogo v protsesse «dvortsovykh perevorotov» [Transformation of the highest political elite of Russia after Peter the Great in the process of “palace coups”]. *Vestnik universiteta*. 8: 188-195. [in Russian]
- Khoruzhenko, 2001 – Khoruzhenko, O.I. (2001). O proiskhozhdenii Ekateriny I. Evropeiskie monarkhii v proshlom i nastoyashchem. XVIII-XX vv. [On the origin of Catherine I. European monarchies in the past and present. XVIII-XX centuries]. SPb. Pp. 142-146. [in Russian]
- Chatskii, 2015 – Chatskii, D.V. (2015). Vliyanie epokhi dvortsovykh perevorotov na dal'neishee razvitie Rossii [The influence of the era of palace coups on the further development of Russia]. *Novaya nauka: ot idei k rezul'tatu*. 6-1: 195. [in Russian]
- Shtellner, 2021 – Shtellner, F. (2021). Dvortsovye perevoroty v Rossii: sravnitel'naya tipologizatsiya [Palace coups in Russia: comparative typology]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriiya, filologiya*. 20(8): 34-48. [in Russian]
- Shchebal'skii, 1860 – Shchebal'skii, P.K. (1860). Novoe predpolozhenie o proiskhozhdenii Ekateriny I [New Assumption about the Origin of Catherine I]. *Chteniya v Mosk. obshch. ist. i drevn. Kn. II*. M. [in Russian]
- Kirchnev, 1946 – Kirchnev, W. (1946). The Death of Catherine I of Russia. *American Historical Review*. 51: 254-261.

Дворцовый переворот 1725 года: некоторые исторические аспекты

Игорь Анатольевич Гордеев ^{a, *}, Елизавета Вячеславовна Культишова ^b,
Ксения Павловна Перегудова ^b, Наталья Владимировна Григорьева ^c

^a Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено 300-летию первого дворцового переворота в Российской империи в XVIII веке, который положил начало периоду, названного историками эпохой дворцовых переворотов. Материалами работы послужили труды дореволюционных (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, Н.И. Костомаров, К.Н. Арсеньев, Н.А. Белозерская, Я.К. Грот и др.) и современных историков (Н.И. Павленко, И.В. Курукин, М.М. Истомина и др.). В качестве методов были применены историографический, историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный и другие методы.

Переворот 1725 года, к чести его участников, оказался тихим: стороны не стали проливать кровь друг друга, а мирно договорились друг с другом, поделив сферы влияния.

За власть боролись две влиятельные группы: потомственные аристократы во главе с князем Д.М. Голицыным и незнатные петровские дворяне во главе с фельдмаршалом А.Д. Меншиковым. Переманив на свою сторону гвардию и влиятельных чиновников, Меншиков и Екатерина смогли захватить власть и заставить присягнуть себе руководство основных управленческих органов империи.

Несмотря на мирный характер, переворот 1725-го года имел весьма далеко идущие последствия, начав так называемую эпоху дворцовых переворотов, которую окончание которой обычно датируют 1762-м годом и восшествием на престол Екатерины II. Однако справедливо было бы верхней хронологической границей назвать 1801-й год, когда был убит Павел I и к власти пришёл Александр I.

Ключевые слова: Петр I Великий, Екатерина I, Марта Скаврнская, дворцовые перевороты, переворот 1725 года, А.Д. Меншиков, Петр II Алексеевич.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gordeev_ia@mail.ru (И.А. Гордеев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 597-607
DOI: 10.13187/bg.2025.2.597

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Role of Sultan Abulfeis in Kazakh-Kyrgyz Relations in the second half of the XVIII century: between the Russian and Qing Empires

Bulat S. Sarsenbayev ^a, Ziyabek Y. Kabuldinov ^b, Denis A. Chernienko ^c, *

^a International Center for Interfaith and Interreligious Dialogue, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^c Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

Sultan Abulfeis headed the some clan subdivisions of the tribe of Naiman in Eastern Kazakhstan and was one of the most influential Kazakh rulers of the Middle Juz in the second half of the 18th century. However, his active military and diplomatic activity is not fully reflected in the scientific literature. Relations with the Kyrgyz, whose lands were territorially adjacent to Abulfeis' possessions, remain a poorly studied topic. In the historiography the issues of Kazakh-Kyrgyz interaction in the specified chronological framework are reflected fragmentarily, some facts of long confrontation are noted, connected, first of all, with the name of Sultan and Abylai Khan, Abulfeis is mentioned as one of his military allies. The purpose of the study is to show the participation and role of Abulfeis in Kazakh-Kyrgyz military and political contacts in the second half of the 18th century and to note their main causes and results. The source base of the study consists of published and unpublished documents revealing the policy of Sultan Abulfeis in relation to neighboring states and peoples. Information on this subject is provided by the correspondence of the military and civil authorities of the Russian Empire, reflecting the events in the Middle Zhuz, as well as documents on foreign policy activities of the Qing Empire, including the interaction directly with Sultan Abulfeis. In the study the principles of historicism and objectivism were implemented, methods of analysis, comparison and interpretation of historical data were used in the work with sources. The historical circumstances, participants, course and results of the Kazakh-Kyrgyz military clashes of 1750–1780 are shown in chronological sequence. The principled position of non-interference in the protracted conflict on the part of the Russian and Qing empires is noted. Military-diplomatic relations with the Kyrgyz were an important part of the 'eastern' direction of Abulfeis' policy. Its success largely depended on the coordination of plans and interaction between the Kazakh nobility of the Middle Juz. The main reasons for the conflicts were the struggle for nomads in the former Dzungar lands, material and political benefits from successful military campaigns (amanates, captives, cattle), and competition for control over trade caravans from Central Asia.

Keywords: Abulfeis, amanats, struggle for nomadic areas, military campaigns, East Kazakhstan, diplomacy, Kazakh-Kyrgyz relations, Russian Empire, Middle Zhuz, Qing Empire.

1. Введение

Султан Абулфеис (?–1783, в источниках также Абулфеиз, Абулфаиз, Абиляфаиз, Абульфейз, Абулпеис и др.) являлся одним из наиболее влиятельных казахских правителей второй половины XVIII в., но в исторической науке в сравнении с другими современными ему политическими фигурами остаётся малоизученным. Это имя неоднократно упоминается в документах и на страницах научных публикаций в контексте различных событий истории Среднего жуза. Абулфеис управлял каракереями и

* Corresponding author

E-mail addresses: denis_chernienko@mail.ru (D.A. Chernienko)

некоторыми другими родовыми группами племени найманов в Восточном Казахстане, на границах с Россией и Китаем. Его основные кочевья располагались преимущественно на левобережье Верхнего Прииртышья, между Усть-Каменогорской и Семипалатинской крепостями, позднее обосновался в восточных районах Семиречья, а его потомки расширили территории далее на восток, в сторону Китайского и Монгольского Алтая. Таким образом, земли Абулфеиса находились в близком территориальном соседстве с алатаускими и тянь-шаньскими (горными) кыргызами и закономерно, что султан был активно вовлечён в казахско-кыргызские отношения, которые можно рассматривать как часть его «восточной политики» (принимая во внимание и дипломатию с цинским Китаем).

2. Материалы и методы

2.1. Источниковую базу исследования составляют документы российского происхождения, раскрывающие отношения султана Абулфеиса с соседними государствами и народами. Их систематизация позволяет выделить следующие группы: письма казахских правителей, в том числе лично Абулфеиса, гражданским властям и военным начальникам различного уровня на Сибирских линиях Российской империи; донесения Коллегии иностранных дел императорствующим персонам; указы Коллегии иностранных дел региональным губернаторам о политике, проводимой в отношении Среднего жуза; рапорты командиров Сибирской пограничной линии в Коллегию иностранных дел; рапорты командующих отдельными крепостями и гарнизонами в адрес командиров Сибирских войск; донесения (сообщения, показания, «объявления», «сказки» и т. п.) должностных лиц о выполненных поручениях вышестоящему начальству. Указанные документы содержатся в Историческом архиве Омской области (ИАОО) (Омск, Российская Федерация), фонд № 1 «Дивизионная канцелярия командующего войсками Сибирских пограничных линий (Сибирского корпуса)»; Объединённом государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО) (Оренбург, Российская Федерация), фонд № 3 «Оренбургская губернская канцелярия». Кроме того, часть документов опубликована в разное время в сборниках «Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках», «История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков», «Казахская степь в архивных документах (третья четверть XVIII в.)», «Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.)», «Из истории казахско-российских отношений. XVIII век» (КРО, 1961; История Казахстана..., 2007; Султаны и батыры..., 2018; Из истории..., 2019; Казахская степь..., 2023).

Характер и содержание контактов Абулфеиса с Цинской империей раскрываются в китайских документах – указы (распоряжения) императора Военному совету, наместникам, чиновникам различного ранга; доклады Военного совета императору; грамоты императора Абулфеису; письма Абулфеиса китайским чиновникам; записи о проходивших дипломатических аудиенциях и официальных приёмах посланников Абулфеиса и других казахских правителей; доклады илийских наместников (генерал-губернаторов) и военачальников императору о событиях на китайско-казахской границе и в казахских степях; списки (перечни) пожалований и подарков от императорского двора казахским властителям; донесения (жалобы) казахских биев и старшин о действиях китайской стороны на границе. Данные документы опубликованы в сборниках «Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в.», «Восточная дипломатия на стыке цивилизаций (конец XIV – 70 годы XIX вв.)» (Цинская империя..., 1989; Восточная дипломатия..., 2015).

2.2. В основе методологии исследования лежат принципы историзма и объективизма: военно-политическая деятельность султана Абулфеиса рассматривается в контексте внешнеполитических связей Среднего жуза в XVIII в. В работе с источниками применялись методы анализа, сопоставления, интерпретации исторических сведений, которые позволяют не только установить содержание документа, но и определить его значение для изучаемой эпохи и место внутри более обширного эпистолярного комплекса.

3. Обсуждение

Тема казахско-кыргызского взаимодействия в указанные хронологические рамки отчасти нашла отражение в научных публикациях. В советской историографии о взаимных набегах в эпоху хана Абылая писали В.В. Бартольд (Бартольд, 1927: 48), Б. Солтоноев (Солтоноев, 1993: 173-174), раздел с характеристикой казахско-кыргызских отношений XVIII в. был включён в академическое издание (История Кыргызской ССР, 1968: 250-255). В 1960–1980-х гг. анализ известных на тот момент источников (в основном китайских) проводили Г.П. Супруненко (Материалы..., 2003: 10), В.С. Кузнецов (Кузнецов, 1983: 45-50), Д.Б. Сапаралиев (Сапаралиев, 1984: 152-162), Р.Б. Сулейменов, В.А. Моисеев (Сулейменов, Моисеев, 1988: 106-115). В постсоветский период в рамках развития национальных историографий вопросы истории взаимоотношений двух соседних народов получили значительно большее внимание. В исторической науке Кыргызстана материалы по истории XVIII в. представлены в публикациях Д.Б. Сапаралиева (Сапаралиев, 1995: 86-101; Сапаралиев, 2022: 93), Т.И. Асанова (Асанов, 2011), К.Ш. Бийлибаева (Бийлибаев, 2019: 33), О.Ж. Осмонова (Осмонов, 2020: 130). В новейшей казахстанской историографии к вопросам казахско-кыргызского сотрудничества и противостояния в период войн с джунгарами и Цинами обращался Т.Ш. Уметбаев (Уметбаев, 2008:

123), в ряде работ З.Е. Кабульдинова идёт речь о военном сотрудничестве Абулфеиса с султаном Султанмаметом (Кабульдинов, 2018: 130-134) и Абылаем (Sarsenbaev et al., 2024: 228). В российской историографии последствия падения Джунгарского ханства для взаимоотношений казахов и кыргызов показал А.Ш. Кадырбаев (Кадырбаев, 2023: 21). Но в указанной литературе упоминания о личности Абулфеиса встречаются фрагментарно, султан до сих пор не рассматривался как ключевой актор и проводник общекзахских задач по взаимодействию с соседними народами. С этой точки зрения цель настоящего исследования – показать участие и роль Абулфеиса в казахско-кыргызских военно-политических контактах во второй половине XVIII в., отметить их основные причины и результаты.

4. Результаты

Рассматривая особенности казахско-кыргызских отношений через призму военно-политических событий, необходимо принимать во внимание, что два народа на протяжении длительного времени были не только территориально близкими соседями, но и имели много общего в культурно-бытовой и хозяйственной сферах – схожий кочевой и полукочевой скотоводческий образ жизни, антропологическое сходство, родственный язык, общие черты в религии, традициях, обычаях, многие формы материальной и духовной культуры, а также вполне распространённые брачные отношения. Представители двух народов, например, вместе участвовали в айтысах, соперничая в поэтических словесных баталиях, состязались в народных спортивных играх, приезжали на тризны, чтобы выразить соболезнования друг другу. Неудивительно, что в казахской культуре издавна появилась пословица «кыргыз-казак бір туған» («казахи и кыргызы – братья»). Отмеченные факты позволяют утверждать о наличии прочных историко-культурных оснований казахско-кыргызских отношений и дипломатии, особенно проявившихся в период XVII–XVIII вв. на фоне общей джунгарской угрозы (Сарсенбаев, 2020а; 43; Сарсенбаев, 2020b: 48).

В случаях нападений чужеземных завоевателей (джунгаров, волжских калмыков, Китая) казахи и кыргызы могли объединяться и совместными усилиями отстаивать свои земли. Но после того, как опасность миновала, между ними вновь начинались соперничество и борьба за пастбища, взаимный угон скота и пленников, противоборства отдельных батыров, конкуренция за контроль над торговыми путями и так далее. Наиболее острые конфликты преимущественно возникали из-за соперничества за освободившиеся джунгарские кочевья, когда каждая из сторон претендовала на пастбищные угодья (Уметбаев, 2008: 123). Ситуация осложнялась тем, что в результате послевоенных земельных переделов кыргызские кочевья оказались в тесном соприкосновении с казахскими владениями (Сапаралиев, 1995: 89). Для разрешения спорных земельных вопросов с упреждающими или ответными военными походами к кыргызам отправлялись многотысячные вооружённые отряды казахских ханов и султанов.

Могущественный правитель Восточного Казахстана Абулфеис, сын (по другой версии, пасынок – сын Барак султана) покойного старшего хана Абулмамбета как участник будущих военных кампаний выходит на историческую арену вскоре после завершения третьей ойрато-маньчжурской войны 1755–1759 гг. Первые столкновения между казахами и кыргызами, лишь недавно совместно воевавшими с Цинами, относятся к лету 1759 г. Абулфеис вместе с другим султаном Среднего жуза, своим младшим братом Ханбабой, со значительными военными силами вторглись на территорию кыргызов с целью привести их в подданство и «ради верности» взять аманатов (Сулейменов, Моисеев, 1988: 106). Основной причиной этого военного конфликта считается участвовавший угон кыргызами казахских лошадей и «другие разные обиды» (Сапаралиев, 1984: 154; Сапаралиев, 1995: 90). Осенью 1759 г. Абулфеис получил от султана Абылая в подарок четырёх лошадей (Из истории..., 2019: 107). Возможно, это была благодарность за участие в военной кампании.

Новый поход планировался уже весной следующего 1760 г. 10 апреля прибывшие от Абылая султана поручик И. Ураков и переводчик Я. Гуляев сообщали в Оренбургскую губернскую канцелярию о намерении Абылая, а также его родственника, покровителя и верного союзника Абулмамбета хана, воевать с кыргызами в районе Туркестана для установления контроля над торговыми караванами из Средней Азии и в Казахскую степь. Поводом послужили жалобы кашгарских и яркендских правителей Айходжи и Кунходжи о нападении китайских отрядов и бегстве части жителей из этих городов, а также на то, что находящийся «в горах киргиской народ к тамошнему Туркестанту и к Бухарин и к протчим тамошним городам купеческую дорогу их пресекают». Для освобождения этой дороги и «приведения того киргиского народа в спокойство» и были призваны казахские войска (Из истории..., 2019: 106-107). К началу августа 1760 г. Абылай в Кокшетау начал сбор войска, к концу месяца оно подошло к подножию гор Каратау в местности Аса-Талас. Здесь Абылай сделал привал, и к основному войску присоединились отряды восточных казахов во главе с султанами Абулфеисом и Ханбабой. После этого началось наступление на кыргызские кочевья. После ряда стычек, прижатые с одной стороны отрядами Абылая и Абулфеиса, с другой стороны горами Алатау (вероятно, Таласскими), кыргызы были вынуждены просить мира (Артыкбаев, 2019: 251). Вероятно, об этом событии писал А.И. Левшин: «В 1760 году киргиз-казаки Средней орды сделали сильное нападение на диких киргизов, или буротов, и нанесли им большой урон» (Левшин, 1832: 230).

После этого в военных действиях установилась пауза в несколько лет. Сражения возобновились в конце 1764 г. – начале 1765 г. По казахским преданиям, это был ответный поход на кыргызов, которые ранее напали на казахские кочевья и увели в плен около 80 человек ([Қабышұлы, 1997: 190](#)). Но тогда объединённые силы казахов Среднего и Старшего жузов потерпели ощутимое поражение, о чём сообщал башкирский старшина Шукра 24 октября 1764 г. после поездки в ставку Абылая с целью выяснения взаимоотношений казахов Среднего жуза с Китаем: «...в нынешнем году киргискайсаки Большой и Средней орд разных родов кочевье свое имели близ китайской границы ... по речке Иле, и от троекратного киргисцами нападения ... разбитые были, отчего пришли в крайнее разорение. И во время их разбития у них, киргис-кайсаки, теми киргисцами увезено пленников многое число» ([КРО, 1961: 668](#)).

Впоследствии взаимные набеги продолжились. Так, командир Сибирских пограничных войск генерал-поручик И.И. Шпрингер докладывал в апреле 1765 г. в Коллегию иностранных дел о походе казахов против «беспокойных» кыргызов: «Прошедшей зимы Абулфеис салтан с подданными ему киргисцы был в походе и имел войну с по сю сторону бухарского владения города Туркестана, за недопуск ими в Среднюю киргискую орду и к нему, Абулфеису, в улусы для саток с товарами ташкенцов, за грабеж и обиду их, откуда и прибыл благополучно и с собою завоеванного всего богатства и с пленными получил на двадцать тысяч» ([КРО, 1961: 680-681](#); [Сапаралиев, 1995: 93-94](#)). По мнению Д.Б. Сапаралиева, вышеуказанные события могли происходить в октябре 1764 г. – январе 1765 г. ([Сапаралиев, 2022: 93](#)).

Известно, что в походе на «галданских киргисцов» приняли участие также султаны Абылай, Султанмамбет, его сыновья Урус, Иман, Сеит и, возможно, другие. Об этом Иман султан сообщил 22 октября 1765 г. командующему Железинской крепостью на Иртышской линии подполковнику Ф.Е. фон Платеру. Причиной указывалось то, что «якобы они (кыргызы – авт.) следующих ис Ташкени, Туркистана и ис прочих богатых мест купцов для торгу до них не допускают, но у себя задерживают, ограбляют и до смерти убивают» ([ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 137. Л. 254об.-255](#)). С войсками Абылая другие отряды должны были соединиться «недошед до города Ташкен». В целом результаты походов оказались для Абылая и Абулфеиса успешными, после чего наступила некоторая пауза.

Важно отметить, что за казахско-кыргызским противостоянием 1764–1765 гг. вблизи китайской границы внимательно наблюдало цинское правительство, которое считало и тех, и других своими вассалами. Из грамоты императора Цяньлуна Абылаю в июле 1765 г. по поводу его войны с бурутами (здесь и далее кыргызами – авт.) известно, что султан ранее жаловался на вторжения в свои кочевья, убийство множества людей и захват «бесчисленного количества» скота и просил богдыхана рассудить «это дело». Но император от своих источников был информирован и о том, что сам Абулфеис с отрядом в 2000 человек угнал у бурутов в плен людей и захватил скот. Китайские власти исходили из того, что грабительские набеги друг на друга с давних пор совершают обе стороны из-за того, что кочевья двух народов находятся по соседству. В итоге и казахи, и кыргызы получили от Цяньлуна совет: «По справедливости вы все должны стремиться жить мирно ... исправиться и оставить обычай грабить друг друга. Пусть каждый из вас спокойно проживает на своих кочевьях» ([Цинская империя..., 1989: 56-57](#)). Сложно определить, в какой мере такие наставления могущественного соседа оказались приняты сражающимися сторонами во внимание, но, по крайней мере, свидетельства о каких-либо военных кампаниях на протяжении последующих шести лет отсутствуют.

Ситуация изменилась после событий знаменитого «Пыльного похода» волжских калмыков весной-летом 1771 г., когда произошло слаживание различных казахских отрядов, препятствовавших прохождению беглецов через свои земли, и был приобретён значительный военный опыт, в том числе отрядами Абулфеиса ([Тепкеев, Кабульдинов, 2023: 764-765](#)). Так, в письме султана командующему в Семипалатинской крепости подполковнику И. Воронцову от 19 ноября 1771 г. имеются сведения о его намерении идти в поход против кыргызов, для чего он просит «по соседственной дружбе и приядству» прислать «пороху, свинцу и вотки, да еще на всякий болезни лекарства» ([ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170. Л. 346-346об.](#)).

Год спустя в рапорте командующего в Железинской крепости премьер-майора С. Красноперова командиру Сибирского корпуса генерал-поручику И.А. Деколонгу от 4 декабря 1772 г. сообщалось о приезде в конце ноября сына Султанмамбет султана Кугаша (Караша – авт.) в Песчаный станец. От Караша со ссылкой на находившегося при Султанмамбете служилого татарина муллу стало известно, что двое сыновей Абылая «в осеннее время» в количестве 800 человек, «да сверху при Абулфеис-салтане человек до тысячи» ушли в поход на «киргисцов». И сам Абылай имел намерение, дополнительно собрав войска, отправить их туда «по весне» (т.е. в 1763 г. – авт.) ([ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 176. Л. 393](#)). Как видно, в поход отправился объединённый отряд численностью примерно до двух тысяч человек, и большую часть предоставил Абулфеис. Вслед за ним планировалось отправить еще большие силы, но, были ли реализованы эти планы, по имеющимся источникам не известно.

Уже зная, вероятно, воинственный характер отрядов Абулфеиса, представители кыргызов нередко приезжали к нему с желанием заключения мира, при этом минуя согласования на этот счёт со старшим ханом Абылаем. Например, об этом свидетельствует письмо Урус султана командующему Сибирским корпусом генерал-поручику И.А. Деколонгу от 7 июля 1773 г. о прибытии кыргызского

посла к султану Абулфеису с просьбой «жить им в дружестве и согласии обще». Посол также просил отправить к ним одного из сыновей Абулфеиса, чтобы стать их ханом, чего практически не было в истории кыргызов, и «определить к ним, диким киргисцам, ему, Абулфеису, в ханы одного своего сына». Но ответ султана был очевиден: такое решение должно быть согласовано с Абылаем. В этой просьбе со стороны кыргызов, скорее всего, заключалась какая-то дипломатическая уловка – поскольку султан не мог допустить ситуацию, чтобы добровольно обойти старшего хана: «На что Абулфеисом тому послу сказано, что-де я того сам собою сделать один не могу, а съезжу-де об оном поговорить с Аблай-салтаном, и что-де он прикажет, тогда-де уж и вам знание дам» ([Казахская степь..., 2023: 316](#)). Весьма вероятно, Абулфеис был осведомлен, что у кыргызов не было традиции подчиняться потомкам Чингисхана, они управлялись манапами. Тем самым, видимо, предполагалось внести раскол между авторитетными казахскими властителями, противопоставив хана Абылая султану Абулфеису.

Трудно точно предположить, как данная ситуация в итоге сказалась на дальнейшем развитии казахско-кыргызских отношений. Но 26 декабря 1773 г. атыгайский батыр Кулсары сообщал командиру Сибирского корпуса генерал-поручику И.А. Деколону о приказе Абылай хана, полученном всеми подведомственными казахами, готовиться к новому походу против кыргызов, а для этого закупать порох, свинец, готовить хороших лошадей, луки со стрелами и копыя ([ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 184. Л. 38об.](#)). Поход в итоге состоялся, о чём сообщали осведомители из Степи. Уже 9 января 1774 г. командующий Семипалатинской крепостью полковник И.Т. Титов докладывал командиру Сибирского корпуса генерал-майору А.Д. Скалону (замещал отбывшего на Оренбургскую линию для борьбы с пугачёвцами И.А. Деколону) о том, что султаны Абылай, Абулфеис и другие старшины, «собрав войска киргискова до шестидесят тысяч пошли войной на живущих в камню киргисцов же, разстоянием от китайцов конной ездой десеть дней, а от наших границ ездой ж конною тридцать дней» ([ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 190. Л. 69](#)). И.Т. Титову эта информация стала известна через коменданта Шульбинского форпоста капитана Ушакова, который, в свою очередь, получил её от старшины Кирейской волости Среднего жуза Умир батыра. При этом указанная численность войска в 60 тысяч являлась очень большим показателем для того времени, поэтому даже сами высокие военные чины сомневались в её достоверности.

Военная кампания с участием, по всей видимости, всё же значительных сил завершилась заключением перемирия, о чём свидетельствует письмо басентиновского старшины, султана Уруса, старшего сына Султанамета, командиру Сибирского корпуса генерал-майору А.Д. Скалону от 26 марта 1774 г. Урус сообщал, что, по слухам, ходящим в степи, будто бы Абылай «с дикими киргисцами замирился» ([ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 190. Л. 363](#)). Дополнительно Урус указывал, что на китайских границах всё «обстоит благополучно, и никаких худых обстоятельств нет» ([ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 190. Л. 363об.](#)). Вероятно, он имел инструкции по этому поводу, поскольку усиление в Казахской степи именно Китая как главного и самого серьёзного конкурента вызывало большую обеспокоенность российских пограничных властей.

Важная роль Цинской империи для всех действующих сторон подтверждается тем, что, когда начался очередной поход на кыргызов, Абылай и Абулфеис обратились к ней за военной помощью, но получили категорический отказ. Император Цяньлун в указе Военному совету от 29 марта 1774 г. отклонил эту просьбу, желая сохранить нейтралитет. Цяньлун, опираясь на сведения своих информаторов, указывал на то, что казахи и кыргызы постоянно грабят друг друга, и илийские наместники не обязаны управлять их делами. Кроме того, если оказать помощь одним, то её будут просить и другие ([Восточная дипломатия..., 2015: 213](#)).

В следующем указе Цяньлуна сановникам Военного совета в апреле 1774 г. казахам и кыргызам вновь было отказано в военной помощи. И если Абылай и Абулфеис ещё раз пришлют людей с такой просьбой, предписывалось сделать им «строгое наставление» и объявить: «Вы взаимно грабите друг друга, а не только буруты /нападают на вас/, поэтому не прекращается взаимная месть, этому не видно конца... у нас нет никакого резона оказывать помощь одной из сторон» ([Восточная дипломатия..., 2015: 214](#)). Почти такие же инструкции были даны илийскому наместнику Илэту в отношении кыргызов и в инструкции от 9 июня 1774 г. ([Кузнецов, 1983: 47](#)). На заседании Военного совета 27 октября 1774 г., где обсуждался ход военных действий, илийский наместник Илэту доложил, что Абылай и Абулфеис «с большим количеством людей вступили в Халабаладань и сразились с бурутами. Захватили большое количество мужчин, женщин, скота, бурута Айтике. В погоне достигли Таласа, нанесли им новое поражение, убили более тысячи человек и вновь захватили более тысячи, среди которых немало старшин». Император принял решение, что если ограбленные кыргызы захотят отомстить и сами обратятся за помощью, то и им должно быть отказано, поскольку «подобные грабежи между ними являются обычным делом, невозможно за них решить...» ([Восточная дипломатия..., 2015: 215](#)).

В целом приведённые источники показывают, что Цинский Китай продолжал неукоснительно придерживаться открытой политики невмешательства в случаях столкновений казахов с кыргызами, поскольку они открыто не затрагивали интересы империи. Кроме того, Китай совершенно

устраивало, когда ни одна из сторон не могла добиться решающей победы и это обескровливало и ослабляло обе стороны (Кузнецов 1983: 46-47).

Военные действия действительно складывались сложно. Победы чередовались болезненными поражениями. Так, мулла при Султанмамете султане А. Апсолимов сообщал генерал-майору А.Д. Скалону в июне 1774 г., что казахи Кук-Яралинской волости старшины Барака батыра, собравшего войско в количестве шести тысяч человек, были полностью разбиты алатаускими кыргызами, и сам Барак погиб. Назад якобы вернулись только 40 человек. Кроме того, шесть старшин, по два от Усянской, Цашлинской, Тауклинской волостей, со своими небольшими отрядами ездили наблюдать за пограничными караулами кыргызов, и все попали в плен. Абылай требовал их возвращения и, поскольку его не последовало, повелел собирать войско со всех улусов (ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 190. Л. 618-619).

После большого похода 1774 г. в казахско-кыргызском военном противостоянии наступило временное затишье длительностью в пять лет. О дальнейших событиях важная информация содержится в донесении находившегося в Среднем жузе в качестве писаря при Абылай хане Ягуды Усманова в Оренбургскую губернаторскую канцелярию о взаимоотношениях Абылай хана с кыргызами от 27 января 1781 г. (уже после смерти хана). По свидетельству Усманова, ещё в 1778 г., после получения грамоты от императрицы Екатерины II об утверждении его в ханском достоинстве, Абылай начал готовиться к новой войне, чтобы успокоить «противящейся ему народ диких киргизов, кочующих в горах между Туркестанта и Ташкента» (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 385). Российские власти также отказали ему в направлении вспомогательных отрядов, поскольку открытое вмешательство в войну между двумя кочевыми народами на чьей бы то ни было стороне не отвечало геополитическим интересам России. Якобы именно поэтому он, «огорчась», так и не прибыл для личного получения царской милости о ханском величии.

После этого последовала ещё одна попытка заручиться военной поддержкой Китая, для чего к императору было направлено посольство во главе с сыном хана, султаном Садыком. Но возвращения послов и помощи от Китая организаторы похода не дождались. Абылай и его главные союзники в лице Абулфеиса, детей султана Султанмамета, биев и главных старшин, собрав свои объединённые войска, весной 1779 г. совершили очередной военный поход. Казахским правителям удалось собрать войско, по данным источников, до 12000 человек (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 385об.). Сначала в поход, проводимый с согласия хана Старшего жуза Булата, находившегося в Туркестане, Абылай отправил своего сына Чингиса и султана Абулфеиса со старшинами. После того как они дважды вернулись без особых успехов, «с немалым числом людей» выступил уже сам Абылай. Результаты военной кампании оказались весьма удачными – в плен в качестве аманатов «до точного всех покорения» были взяты знатные кыргызские семейства, которых распределили между разными ханами и султанами: Абылаем, Букеем, Тауке, Булатом и Абулфеисом (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 386).

Взятием большого числа аманатов, по свидетельству источника, значительная часть кыргызских биев была «приведена в послушание». Исключение составил Садыр бий «со всею властью», который продолжал сопротивляться попыткам принудить его отдать своих детей. Отряды Абылая не отступали от мест пребывания Садыра, и в случае, если он добровольно не согласится, планировалось предпринять ещё одно нападение, причём оказать содействие соглашались ранее покорённые кыргызы (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 386об.-387). Но результат этого противостояния остался неизвестным. Следует отметить, что сами казахи, кому довелось принимать личное участие в сражениях (Чингис султан, Дат батыр и другие), давали высокую оценку боевым качествам кыргызских воинов: «Сей народ... одного с ними магометанского закона и гораздо многочисленны, в воинском действии и во всех поступках против орды киргис-кайсака острее и проворнее» (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 386об.).

Далее в докладе Усманова поясняется, как Абылаю в союзе с сыновьями Султанмамета и Абулфеисом удалось «победить и к своему повиновению привести» многочисленных и «проворных» кыргызов. Во-первых, как отмечалось выше, в результате неожиданного наступления были захвачены в заложники дети влиятельных кыргызских биев. Во-вторых, пришлось прибегнуть к хитрости. Уже год в казахском войске состоял на службе бежавший из Петропавловской крепости «во всей амунии» русский солдат по имени Яков. В ряде случаев он направлялся в качестве переговорщика с целью «устрашения» и доказательства, что в стане Абылая якобы присутствует «немалочисленное и сильное российское войско с оружием». И, в-третьих, недалеко от мест сражений находился сторожевой китайский пограничный отряд в 500 человек. Абылай уверял противника, что этот отряд также прислан ему на подмогу (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 386об.-387).

Вместе с тем, единодушия среди казахских властителей не было – в походе на кыргызов 1779 г. Абылая и Абулфеиса не поддерживали ряд старшин и батыров. В частности, о неподчинении со стороны Кулебака батыра из Атыгаевской волости оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу сообщал командующий Сибирским корпусом Н.Г. Огарев в рапорте от 25 января 1780 г., отмечая, что Кулебака сам не выполнил распоряжения хана прибыть для выступления в поход и не советовал делать этого другим старшинам, в чём и заключаются его «заслуги и доброжелательство» к российской стороне (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 319). Н.Г. Огарев полагал, что за такую преданность Кулебака

«по справедливости заслуживает... особое против прочих уважение» и награждение его подарками на 100 рублей в год (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 320). Здесь следует особенно отметить, что Атыгайский улус был родовым улусом Абылая, к которому он был приставлен в начале своего восхождения на ханский трон. В это же время и каракисекские старшины также отказывались подчиняться хану. Но в целом, несмотря на неучастие ряда старшин и батыров и отказ в помощи от Китая, поход 1779 г. оказался для казахов удачным.

После завершения этой военной кампании сам Абылай остался «между Туркестаном и границею диких киргизов», откуда отряды преданных ему старшин и биев продолжали совершать небольшие упреждающие набеги на них. Новое сражение с участием султана Абулфеиса готовилось теперь летом 1780 г. О таких намерениях командиру Сибирских пограничных линий генерал-майору Н.Г. Огареву 16 июня того года сообщал коллежский регистратор Мендияр Бекчурин: «Абылай хан в прошедшем апреле месяце был в городе Туркестане, при нем состояло киргизцев по примеру с две тысячи человек, с коими тут же находился и Абулфаис султан... Аблай-хан, из города Туркестана выехав, расположился в шестидневной езде от города Ташкении по выпавшей из гор речке Таласе на бывшей зенгорской земле для покорения под свое владение диких киргизов, в горах кочующих» (История Казахстана..., 2007: 136).

Об этом же свидетельствует и письмо командующего Сибирским корпусом Н.Г. Огарева оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу от 11 июля 1780 г., где он ссылается на бывших недавно у него племянников Абылая – сыновей Султанмамета Уруса, Караша, Сеита и другие источники, которые показывают, что хан «на диких киргис войною оттоль ныне возвратился» (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 361). В этом же письме указано, что в качестве военной добычи Абылай получил «...диких киргисцов с девятью кибитками и со всем багажом и скотом в аманаты, с условием, чтоб им впредь быть ему повинным» (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 361об.). Ввиду того, что в летнее время казахи откочёвывали от пограничной линии далеко в Степь, и получить нужные сведения было «не от ково», Н.Г. Огарев просил оренбургского губернатора приказать пропустить в Степь несколько «верных и надежных людей» под видом купцов для торга, которые могли бы разведать необходимую информацию (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 362). Из донесения всё того же Ягуды Усманова в Троицкую дистанционную комендантскую канцелярию от 22 ноября 1780 г. известно, что сам Абылай незадолго (возможно, летом) до своей кончины осенью 1780 г. успел направить послов к кыргызам для того, чтобы «будущею весною» взять «от достойных киргизов аманатов» с целью их дальнейшего подчинения и успокоения, а затем планировал вернуться в свои улусы (ОГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 176. Л. 372). Но не имевшие устойчивой традиции подчинения Чингизидам кыргызы продолжали отчаянно сопротивляться.

5. Заключение

Отношения с кыргызами являлись важной частью военно-политической деятельности султана Абулфеиса во второй половине XVIII в. Имеющиеся источники показывают, что военные кампании с различной интенсивностью проходили на протяжении длительного времени: в 1759–1760, 1764–1765, 1772–1773(?), 1774, 1779–1780 гг. В большинстве случаев Абулфеис принимал личное участие в походах. Среди основных причин периодических нападений казахских правителей на земли кыргызов были, во-первых, намерение занять более выгодные кочевые угодья на прежних джунгарских владениях в Илийском крае. Во-вторых, желание остановить набеги кыргызов на торговые караваны из Средней Азии, которые приносили убытки султанам, ханам и батырам, получавшим свою выгоду от гарантий безопасности и сопровождения бухарских, ташкентских и иных купцов через Степь в казахские владения и далее в Россию и Китай. В-третьих, как правило, успешные походы сопровождалась прямой хозяйственной выгодой – захватом многочисленных пленников и скота (что практиковалось с обеих сторон), а также политической выгодой – получением аманатов, позволявшей осуществлять влияние на часть кыргызской элиты. Такие действия осуществлялись Абулфеисом совместно с другими казахскими властителями – прежде всего султаном и затем ханом Абылаем, султанами Султанмаметом, Ханбабой и другими. Координация планов и взаимодействие между казахской знатью показывает, что султан не только преследовал собственную, локальную выгоду, но и выступал как проводник общеказахских внешнеполитических задач. При этом обе соперничающие стороны неоднократно обращались за помощью к России и Китаю, но две соседние империи занимали схожую и незыблемую позицию невмешательства, что полностью соответствовало их стратегическим геополитическим интересам по ослаблению участников затяжных конфликтов и поступательному расширению и закреплению своего влияния в разных частях, соответственно, Среднего жуза и Восточного Туркестана.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Новые страницы из истории казахско-джунгарских отношений во второй половине XVII – 50-х гг. XVIII вв.» (р/н AP23488522).

Литература

- Артыкбаев, 2019** – Артыкбаев Ж. Абылай хан. Нур-Султан: Фолиант, 2019. 400 с.
- Асанов, 2011** – Асанов Т.И. Кыргызско-казахские взаимоотношения и пограничные вопросы XVIII–XIX вв. // *Эбилге*. [Электронный ресурс]. URL: <https://dsx-oder.blogspot.com/2011/07/xviii-xix.html> (дата обращения: 10.01.2025).
- Бартольд, 1927** – Бартольд В.В. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе: Киргизское Государственное Издательство, 1927. 57 с.
- Бийлибаев, 2019** – Бийлибаев К.Ш. Борьба кыргызов против джунгарских завоевателей (XVII–XVIII вв.) // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук*. 2019. № 3 (80). С. 27–36.
- Восточная дипломатия..., 2015** – Восточная дипломатия на стыке цивилизаций (конец XIV – 70 годы XIX вв.). Сборник документов и материалов. Астана: «Ғылым» баспасы, 2015. 400 с.
- ИАОО** – Исторический архив Омской области.
- Из истории..., 2019** – Из истории казахско-российских отношений. XVIII век. Сборник документов / Сост.: Сирик В.А. Алматы: Литера-М, 2019. 522 с.
- История Казахстана..., 2007** – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям. XVIII–XIX века / Сост. И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев. Т. VI. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.
- История Киргизской ССР, 1968** – История Киргизской ССР. В 2-х т. Т. 1. Фрунзе: «Кыргызстан», 1968. 708 с.
- Кабульдинов, 2018** – Кабульдинов З.Е. Султанмамет султан: государственный деятель, дипломат и батыр. Алматы, 2018. 304 с.
- Қабышұлы, 1997** – Қабышұлы И. Қазақ қауымы: қазақ ұлысының 2200 жылдық тарихы. Алматы: Жазушы, 1997. 224 б.
- Кадырбаев, 2023** – Кадырбаев А.Ш. Взаимоотношения Джунгарского ханства с соседними народами Центральной Азии в XV – первой половине XVIII вв. // *Кочевая цивилизация: исторические исследования*. 2023. № 3. С. 9–24.
- Казахская степь..., 2023** – Казахская степь в архивных документах (третья четверть XVIII в.). Сборник документов / Сост.: З. Е. Кабульдинов, В. А. Сирик, О. Б. Қуанбай. Алматы: ИП «Мадияр», 2023. 432 с.
- КРО, 1961** – Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов) / Сост.: Ф.Н. Киреев и др. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1961. 743 с.
- Кузнецов, 1983** – Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1983. 128 с.
- Левшин, 1832** – Левшин А. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казацких орд и степей. Ч. 2. СПб.: В типографии Карла Крайя, 1832. 348 с.
- Материалы..., 2003** – Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. Т. 2 / отв. ред. К. Джусаев. Бишкек, 2003. 260 с.
- ОГАОО** – Объединённый государственный архив Оренбургской области.
- Осмонов, 2020** – Осмонов О.Ж. Кыргызско-китайские и кыргызско-казахские отношения во второй половине XVIII века // *Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана*. 2020. № 1. С. 128–131.
- Сапаралиев, 1984** – Сапаралиев Д.Б. Из истории киргизско-казахских взаимоотношений (вторая половина XVIII в.) // *Советский Киргизстан: страницы истории и современность*. Фрунзе: Илим, 1984. С. 152–162.
- Сапаралиев, 1995** – Сапаралиев Д. Взаимоотношения кыргызского народа с русскими и соседними народами в XVIII веке. Бишкек: Илим, 1995. 152 с.
- Сапаралиев, 2022** – Сапаралиев Д.Б. Об отражении кыргызско-казахских взаимоотношений XVII–XVIII вв. в научных трудах Чокана Валиханова // *Вопросы востоковедения*. 2022. № 1. С. 86–96.
- Сарсенбаев, 2020а** – Сарсенбаев Б.С. Историко-культурные основания кыргызско-казахских отношений // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2020. Т. 20. № 6. С. 39–44.
- Сарсенбаев, 2020б** – Сарсенбаев Б.С. Кыргызско-казахские отношения и дипломатия сквозь призму исторических и политических знаний // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2020. Т. 20. № 6. С. 45–51.
- Солтоноев, 1993** – Солтоноев Б. Кыргыз тарыхы: Тарыхый очерктер. Бишкек: Учкун, 1993. 208 б.
- Сулейменов, Моисеев, 1988** – Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука, 1988. 144 с.
- Султаны и батыры..., 2018** – Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII в.). Сборник документов / Составитель Сирик В.А. Алматы: Литера-М, 2018. 560 с.
- Тепкеев, Кабульдинов, 2023** – Тепкеев В.Т., Кабульдинов З.Е. Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 756–768.

Уметбаев, 2008 – Уметбаев Т.Ш. Разделение территории Джунгарского ханства после его падения на сферы влияния между Китаем и Россией // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 317. С. 123-125.

Цинская империя..., 1989 – Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. / Сост. К.Ш. Хафизова. Ч. 2. Алма-Ата: Наука, 1989. 227 с.

Sarsenbaev et al., 2024 – Sarsenbaev B.S., Kabul'dinov Z.E., Beisembayeva A.R., Baydildeev Zh.R., Tylakhmetova A.S. The specifics of Ablai's relations with the Alatau kyrgyz based on russian archival documents // *Bulletin of the Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn*. 2024. Nr 1 (117). Pp. 223-231.

References

Artykbaev, 2019 – Artykbaev, Zh. (2019). Abylai khan [Abylai khan]. Nur-Sultan: Foliant, 400 p. [in Russian]

Asanov, 2011 – Asanov, T.I. (2011). Kyrgyzsko-kazakhskie vzaimootnosheniya i pogranichnye voprosy XVIII–XIX vv. [Kyrgyz-Kazakh relations and border issues of XVIII–XIX centuries]. *Ebilge*. [Electronic resource]. URL: <https://dsx-oder.blogspot.com/2011/07/xviii-xix.html> (date of access: 15.01.2025). [in Russian]

Bartold, 1927 – Bartold, V.V. (1927). Kirgizy (istoricheskii ocherk) [Kirghiz people (historical essay)]. Frunze: Kirgizskoe Gosudarstvennoe Izdatel'stvo, 57 p. [in Russian]

Biylibaev, 2019 – Biylibaev, K.Sh. (2019). Borba kyrgyzov protiv dzhungarskikh zavoievatelei (XVII–XVIII vv.) [Kyrgyz struggle against Dzungar conquerors (XVII–XVIII centuries)]. *Vestnik Tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya gumanitarnykh nauk*. 3(80): 27-36. [in Russian]

IAOO – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region].

Istoriya Kazakhstana..., 2007 – Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov. Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdakh po yuzhnym kazakhskim stepyam. XVIII–XIX veka [History of Kazakhstan in Russian sources of XVI–XX centuries. Travel diaries and service notes on trips to the southern Kazakh steppes. XVIII–XIX centuries]. I.V. Yerofeeva, B.T. Zhanaev (comp.). Almaty: Daik-Press, 2007. Vol. VI. 516 p. [in Russian]

Istoriya Kirgizskoi SSR, 1968 – Istoriya Kirgizskoi SSR [History of the Kyrgyz SSR]. In 2 vol. Vol. 1. Frunze: Kyrgyzstan, 1968. 708 p. [in Russian]

Iz istorii..., 2019 – Iz istorii kazakhsko-rossiiskikh otnoshenii. XVIII vek. Sbornik dokumentov [From the history of Kazakh-Russian relations. XVIII century. Collection of documents]. Sirik V.A. (comp.). Almaty: Litera-M, 2019. 522 p. [in Russian]

Kabul'dinov, 2018 – Kabul'dinov, Z.E. (2018). Sultanmamet sultan: gosudarstvennyi deyatel, diplomat i batyr [Sultanmamet Sultan: statesman, diplomat and batyr]. Almaty, 304 p. [in Russian]

Kabyshuly, 1997 – Kabyshuly, I. (1997). Qazaq kauymy: qazaq ulyssynyn 2200 zhyldyq tarikhy [Kazakh community: 2200-year history of the Kazakh greatness]. Almaty: Zhazushy, 224 p. [in Kazakh]

Kadyrbaev, 2023 – Kadyrbaev, A.Sh. (2023). Vzaimootnosheniya Dzhungarskogo khanstva s sosednimi narodami Tsentral'noi Azii v XV – pervoi polovine XVIII vv. [Relations of Dzungarian Khanate with neighboring peoples of Central Asia in the XV – the first half of the XVIII centuries]. *Kochevaya tsivilizatsiya: istoricheskie issledovaniya*. 3: 9-24. [in Russian]

Kazakhskaya step'..., 2023 – Kazakhskaya step' v arkhivnykh dokumentakh (tret'ya chetvert' XVIII v.). Sbornik dokumentov [Kazakh steppe in archival documents (third quarter of the XVIII century). Collection of documents]. Z.E. Kabul'dinov, V.A. Sirik, O.B. Kuanbai (comp.). Almaty: Madiyar, 2023. 432 p. [in Russian]

KRO, 1961 – Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vekakh (sbornik dokumentov i materialov) [Kazakh-Russian relations in the XVI–XVIII centuries (collection of documents and materials)]. Kireev F.N. et al. (comp.). Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii nauk KazSSR, 1961. 743 p. [in Russian]

Kuznetsov, 1983 – Kuznetsov, V.S. (1983). Tsinskaya imperiya na rubezhakh Tsentral'noi Azii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v.) [Qing Empire on the borders of Central Asia (second half of the XVIII – first half of the XIX century)]. Novosibirsk: Nauka, 128 p. [in Russian]

Levshin, 1832 – Levshin, A. (1832). Opisanie kirgiz-kaisakskikh, ili kirgiz-kazach'ikh ord i stepei [Description of Kirghiz-Kaisak, or Kirghiz-Cossack hordes and steppes]. Part 2. St. Petersburg: V tipografii Karla Kraiya, 348 p. [in Russian]

Materialy..., 2003 – Materialy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana [Materials on the history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan]. Vol. 2. Dzhusaev K. (ed.). Bishkek, 2003. 260 p. [in Russian]

OGAEO – Ob"edinennyy gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [United State Archive of the Orenburg Region].

Osmonov, 2020 – Osmonov, O.Zh. (2020). Kyrgyzsko-kitaiskie i kyrgyzsko-kazakhskie otnosheniya vo vtoroi polovine XVIII veka [Kyrgyz-Chinese and Kyrgyz-Kazakh relations in the second half of the XVIII century]. *Nauka, novye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana*. 1: 128-131. [in Russian]

- [Saparaliev, 1984](#) – *Saparaliev, D.B.* (1984). Iz istorii kirgizsko-kazakhskikh vzaimootnoshenii (vtoraya polovina XVIII v.) [From the history of Kyrgyz-Kazakh relations (second half of the XVIII century)]. *Sovetskii Kirgizstan: stranitsy istorii i sovremennost'*. Frunze: Ilim. Pp. 152-162. [in Russian]
- [Saparaliev, 1995](#) – *Saparaliev, D.* (1995). Vzaimootnosheniya kyrgyzskogo naroda s russkimi i sosednimi narodami v XVIII veke [Relations of the Kyrgyz people with the Russian and neighboring peoples in the XVIII century]. Bishkek: Ilim, 152 p. [in Russian]
- [Saparaliev, 2022](#) – *Saparaliev, D.B.* (2022). Ob otrazhenii kyrgyzsko-kazakhskikh vzaimootnoshenii XVII–XVIII vv. v nauchnykh trudakh Chokana Valikhanova [On the reflection of Kyrgyz-Kazakh relations of XVII–XVIII centuries in the scientific works of Chokan Valikhanov]. *Voprosy vostokovedeniya*. 1: 86-96. [in Russian]
- [Sarsenbaev et al., 2024](#) – *Sarsenbaev, B.S., Kabul'dinov, Z.E., Beisembayeva, A.R., Baydil'deev, Zh.R., Tylakhmetova, A.S.* (2024). The specifics of Ablai's relations with the Alatau kyrgyz based on russian archival documents. *Bulletin of the Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn*. 1(117): 223-231.
- [Sarsenbaev, 2020a](#) – *Sarsenbaev, B.S.* (2020). Istoriko-kul'turnye osnovaniya kyrgyzsko-kazakhskikh otnoshenii [Historical and cultural bases of Kyrgyz-Kazakh relations]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta*. 20(6): 39-44. [in Russian]
- [Sarsenbaev, 2020b](#) – *Sarsenbaev, B.S.* (2020). Kyrgyzsko-kazakhskie otnosheniya i diplomatiya skvoz' prizmu istoricheskikh i politicheskikh znaniy [Kyrgyz-Kazakh relations and diplomacy through the prism of historical and political knowledge]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta*. 20(6): 45-51. [in Russian]
- [Soltonoev, 1993](#) – *Soltonoev, B.* (1993). Kyrgyz tarykhy: Tarykhyi ocherkter [Kyrgyz history: Historical essays]. Bishkek: Uchkun, 208 p. [in Kyrgyz]
- [Suleimenov, Moiseev, 1988](#) – *Suleimenov, R.B., Moiseev, V.A.* (1988). Iz istorii Kazakhstana XVIII veka (o vneshnei i vnutrennei politike Ablaya) [From the history of Kazakhstan of the XVIII century (on foreign and domestic policy of Ablai)]. Alma-Ata: Nauka, 144 p. [in Russian]
- [Sultany i batyry..., 2018](#) – *Sultany i batyry Srednego zhuzha* (vtoraya polovina XVIII v.). Sbornik dokumentov [Sultans and Batyrs of the Middle Zhuz (second half of the 18th century). Collection of documents]. Sirik V.A. (comp.). Almaty: Litera-M, 2018. 560 p. [in Russian]
- [Tepkeev, Kabul'dinov, 2023](#) – *Tepkeev, V.T., Kabul'dinov, Z.E.* (2023). Kalmytsko-kazakhskie otnosheniya v period otchoevki kalmykov iz Rossii v Kitai v 1771 g. [Kalmyk-Kazakh Relations during the 1771 Russia-to-China Migration of Kalmyks]. *Oriental Studies*. 16(4): 756-768. [in Russian]
- [Tsinskaya imperiya..., 1989](#) – *Tsinskaya imperiya i kazakhskie khanstva*. Vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v. [Qing Empire and Kazakh Khanates. Second half of the XVIII – first half of the XIX centuries]. Khafizova K.Sh. (comp.). Part 2. Alma-Ata: Nauka, 227 p. [in Russian]
- [Umetbaev, 2008](#) – *Umetbaev, T.Sh.* (2008). Razdelenie territorii Dzhungarskogo khanstva posle ego padeniya na sfery vliyaniya mezhdru Kitaem i Rossiei [The division of the territory of the Dzungarian Khanate after its fall into spheres of influence between China and Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 317: 123-125. [in Russian]
- [Vostochnaya diplomatiya..., 2015](#) – *Vostochnaya diplomatiya na styke tsivilizatsii* (konets XIV – 70 gody XIX vv.). Sbornik dokumentov i materialov [Eastern diplomacy at the crossroads of civilizations (late XIV – 70 years of XIX centuries). Collection of documents and materials]. Astana: Gylym, 2015. 400 p. [in Russian]

Роль султана Абулфеиса в казахско-кыргызских отношениях во второй половине XVIII в.: между Российской и Цинской империями

Булат Сергазиевич Сарсенбаев ^a, Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^b,
Денис Аркадьевич Черниенко ^{c, *}

^a Международный центр межконфессионального и межрелигиозного диалога, Астана, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^c Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Султан Абулфеис, возглавлявший родоплеменные подразделения найманов в Восточном Казахстане, являлся одним из наиболее влиятельных казахских правителей Среднего жуза второй половины XVIII в. Но в научной литературе его активная военно-дипломатическая деятельность отражена недостаточно полно. Слабоизученной темой остаются взаимоотношения с

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: denis_chernienko@mail.ru (Д.А. Черниенко)

кыргызами, земли которых территориально соседствовали с владениями Абулфеиса. В историографии вопросы казахско-кыргызского взаимодействия в указанные хронологические рамки представлены фрагментарно, отмечаются некоторые факты длительного противостояния, связанные, прежде всего, с именем султана и хана Абылая, Абулфеис упоминается как один из его военных союзников. Цель исследования – показать участие и роль Абулфеиса в казахско-кыргызских военно-политических контактах второй половины XVIII в., отметить их основные причины и результаты. Источниковую базу исследования составляют опубликованные и неопубликованные документы, раскрывающие политику султана Абулфеиса в отношении с соседними государствами и народами. Информацию по этому поводу предоставляет переписка военных и гражданских властей Российской империи, отражающая события в Среднем жузе, а также документы о внешнеполитической деятельности Цинской империи, в том числе взаимодействия непосредственно с султаном Абулфеисом. В исследовании реализованы принципы историзма и объективизма, в работе с источниками применялись методы анализа, сопоставления, интерпретации исторических сведений. В хронологической последовательности показаны исторические обстоятельства, участники, ход, итоги казахско-кыргызских военных столкновений 1750–1780 гг. Отмечена принципиальная позиция невмешательства в затяжной конфликт со стороны Российской и Цинской империй. Военно-дипломатические отношения с кыргызами являлись важной частью «восточного» направления в политике Абулфеиса. Её успех во многом зависел от координации планов и взаимодействия между казахской знатью Среднего жуза. Основными причинами конфликтов были борьба за кочевья на прежних джунгарских землях, материальная и политическая выгода от успешных военных походов (аманаты, пленники, скот), конкуренция за контроль над торговыми караванами из Средней Азии.

Ключевые слова: Абулфеис, аманаты, борьба за кочевья, военные походы, Восточный Казахстан, дипломатия, казахско-кыргызские отношения, Российская империя, Средний жуз, Цинская империя.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 608-619
DOI: 10.13187/bg.2025.2.608

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Custom of Horse Stealing among the Tatars-Mishars of Mordovia in the 18th – 19th centuries: Historical and Legal Aspects

Lyubov N. Shchankina ^{a, *}, Oksana V. Egorova ^b

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow, Russian Federation

Abstract

It is devoted to the problem of horse theft among the Tatars-Mishars of Mordovia in the 18th-19th centuries. The author analyzed the legislation regarding this unlawful act; drew attention to the reasons for its appearance; measures to combat it by law enforcement agencies; the attitude of the authorities and the population; types of punishment, both legally justified and illegal – within the framework of lynching. The results of the analysis of available sources made it possible to come to the conclusion that the type of crime against property under consideration was characteristic not only for the provinces of the Volga region, but on various scales it became widespread throughout the country. In this regard, the fight against this type of crime during this period was given special importance. This was mainly due to the fact that the horse was the main tool of production for rural residents, and its loss represented significant material damage for the owner, in most cases threatened with ruin and starvation. In addition, horse movement was almost the only possible communication option between settlements. It was established that horse theft was one of the worst types of theft and was condemned by peasant society. In particular, the person himself, convicted of theft, lost the respect of the community, and this offense cast a shadow on the whole family. Despite the fact that serious measures were taken both at the highest legislative level by tightening sanctions and at the local level, nevertheless, a clear system for combating horse theft was not formed in the end.

Keywords: provinces of the Volga region, the Republic of Mordovia, Mishari Tatars, criminal fishing, horse theft, theft, customary law.

1. Введение

Конокрадство, или «коневая татьба», в истории Русского государства практически всегда расценивалось как серьёзное преступление, поскольку вследствие лишения лошадей крестьянское хозяйство с высокой вероятностью разрушалось. Помимо того, что лошадь являлась основным средством производства, конное перемещение выступало чуть ли не единственно возможным вариантом коммуникации между населёнными пунктами, и хищение животного значительно затрудняло расследование подобных преступлений. Сказанное объясняет, почему наказание в таких случаях, независимо от периода развития государства, всегда было достаточно жёстким, притом не только в рамках актуального законодательства, но и на основе обычного права, которое, в сравнении с действующими нормативными актами, как правило, карало не просто строго, но жестоко, безжалостно.

Многие народы России считали лошадь богатством семьи, кормилицей, поскольку её наличие являлось главным фактором жизнеобеспечения, которое формировалось при возможности обрабатывать землю и выращивать урожай. Её потеря грозила семье бедностью, а нередко и голодной смертью. Кроме того, это животное выполняло функции единственного и востребованного средства передвижения, коммуникации между селениями, перевозки грузов. Частые кражи естественным

* Corresponding author

E-mail addresses: schanckina@yandex.ru (L.N. Shchankina)

образом приводили к ухудшению породы, поскольку в основном для дальнейшей перепродажи похищали лучших её представителей. Лишившись коня, крестьяне нередко прибегали к отхожим промыслам или вынуждены были искать работу по найму.

2. Материалы и методы

Статья выполнена преимущественно на материалах законодательных актов Российской империи. В частности, информационный массив, относящийся к теме, сосредоточен в «Полном собрании законов Российской империи», а также в следующих источниках: «Материалы для истории крепостного права в России: извлечения из секретных отчетов МВД за 1836–1856 гг.»; «Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1878 г.»; «Сборник Пензенского губернского статистического комитета»; «Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии»; «Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии». В них размещены не только важные статистические данные, но и правовые акты, приведены правила организации деятельности правоохранительных органов, охарактеризовано общее состояние преступности в регионах, в том числе в сфере конного воровства. Важную часть источниковой базы составили архивные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Пензенской области (Пенза, Российская Федерация). В них содержатся данные о состоянии животноводства и количестве скота, в том числе лошадей. Из фонда Научного архива Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Российская Федерация) извлечены сведения, касающиеся занятий татар-мишарей. Кроме того, к исследованию были привлечены публикации в периодической печати, а именно в «Тамбовских губернских ведомостях».

Ценным источником послужили официально-документальные материалы начала XI в. – XIX в. (Русская правда, Псковская судная грамота, Соборное уложение 1649 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., 1885 г.), сведения из которых дали возможность показать, как менялась и ужесточалась система назначения наказаний за кражу лошадей с момента образования российского государства вплоть до конца XIX в.

Исследование основывается на принципах историзма, целостности и отбора документов. Базовым методом выступил текстологический анализ, доказавший эффективность для целей поиска и обработки информации в больших текстовых массивах. Дополнительно был применён историко-сравнительный метод, что позволило сопоставить данные о конокрадстве в изучаемых регионах государства. Также в работе были использованы методы исторической реконструкции, дескриптивный и взаимопроверки сведений из различных источников, в результате чего на основе упомянутых выше разнообразных ресурсов была предпринята попытка воссоздать целостное представление о предмете научных изысканий.

Территориальные рамки исследования охватывают уезды и губернии Поволжья, которые ранее входили в состав данного региона. Ныне же некоторые из них относятся к Республике Мордовия, а именно: Темниковский уезд Тамбовской губернии, Ардатовский уезд Симбирской губернии, Саранский уезд Пензенской губернии. Для сравнения привлекались отчётные сведения по Саратовской и Самарской губерниям, сформированные в аналогичные периоды.

3. Обсуждение

Характеризуя историографию вопроса, отметим, что она не отличается большой проработанностью. Одной из наиболее значимых и информативных для данного исследования считаем работу А. А. Левенстим «Конокрадство с юридической и бытовой стороны», автор которой достаточно полно рассмотрел конокрадство как преступление; показал причины распространённости этого явления; изучил законодательство в названной сфере; привёл статистику о количестве, времени и месте краж; проанализировал взаимоотношения конокрадов и деревенского сообщества и т. д.

Л. Весин изложил результаты своего исследования в статье «Конокрадство, его организация и способы борьбы с ним населения в контексте организованной преступности», где наряду с масштабом преступления, наносимым им ущербом, системно описал данный преступный промысел и варианты противодействия ему.

Кроме того, в русле заявленной проблематики интерес представляет работа С. Ф. Ташкина «Инородцы Поволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии», в которой систематизирован обширный круг материалов, касающихся жизни инородцев (татар, чувашей, мордвы и т. д.), их правового положения. Также в ней приведены сведения о конокрадстве у проживавших в Поволжье татар, в том числе об установленных у них видах наказания за воровство лошадей.

Различные аспекты, связанные с изучаемым феноменом, рассматриваются и в монографии Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении».

4. Результаты

Из всех преступлений, совершаемых в пределах Российской империи, конокрадство заслуживало особого внимания в связи с распространённостью этого зла и величиной вреда, который

оно причиняло населению. Поэтому в периодической печати, в заседаниях земств и всеподданнейших отчётах губернаторов постоянно обсуждался вопрос о необходимости борьбы с этим явлением и конкретных мерах его пресечения.

За кражу лошади в дореволюционной России наказывали особо. Так, в древнейшем юридическом памятнике, Краткой правде, за похищение коня был установлен штраф в 3 гривны (ст. 12) (Тихомиров, 1953: 78). Пространная правда в аналогичной ситуации усиливала уголовную репрессию и предусматривала высшую меру наказания – «поток и разграбление» (ст. 35) (Русская правда. Суд Ярослава). Псковская же судная грамота уравнивала «коневого татя» с «переветником» (т. е. государственным изменником) и вменяла таким преступникам смертную казнь (ст. 7) (Псковская судная грамота). Согласно тексту Соборного уложения 1649 г., за хищение коня вору следовало отсекал руку (ст. 29), а п. 52, 53 гл. XXI «О розбойных и татинных делах» этого документа вводили правило обязательной регистрации лошадей при покупке с описанием «...в шерсть, и в лета, и в приметы» (Соборное уложение 1649 г.).

Начиная с XIX в. восприятие конокрадства несколько меняется, а именно становится шире, поскольку в данный преступный промысел включаются также покупка или сбыт краденых лошадей. В соответствии с этим и уголовная ответственность стала иной, более строгой, в частности Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало за названные действия ссылку в Томскую или Тобольскую губернии. В отношении виновных могли быть применены телесные наказания в виде розог; также их могли направить в исправительные арестантские роты гражданского ведомства на срок 1–4 года (ст. 1155, 2166) (Уложение о наказаниях..., 1845: 480–481, 863).

Закон «Об изменении и дополнении узаконений, касающихся кражи лошадей и вообще скота» от 18 марта 1880 г. был дополнен новыми положениями. Так, в числе прочих появилось требование в тех местностях, где действовали судебные уставы 1864 г., дела о кражах лошадей и скота передавать мировым судьям, изъяв их из ведения станичных и волостных судов (ПСЗРИ, 1880. Т. 55: 75).

В январе 1848 г. на территории 12 губерний, отличавшихся масштабами распространения воровства лошадей, с введением особых правил «О мерах к отвращению конокрадства» начался трехлетний эксперимент. Приведём отрывок из отчёта Департамента полиции, характеризующий положение дел к началу 1848 г.: «Это зло вкоренилось почти повсеместно, а особенно в восточной полосе России. В одной Саратовской губернии по 6000 лошадей; так же весьма много крадут их в Оренбургской, Вятской, Симбирской, Тамбовской, Тульской и других... конокрадство обратилось в постоянный и устроенный промысел. Конокрады находятся в тесных отношениях между собой, действуя заодно на весьма значительном пространстве. Украденная лошадь через несколько часов, иногда прежде чем хозяин заметит пропажу, передана вором в другие руки за 20, 30... верст за 200 и более, где легко сбывается на ярмарках и базарах. Вред, причиненный крестьянам... неисчислимы, если принять в соображение, что несколько дней остановки в полевых работах... может лишить поселянина на целый год способов к прокормлению себя и семейства. Нередко случается, что у зажиточного крестьянина, у которого 3 или 4 лошади, их всех уводят в одну ночь, и крестьянин разорен окончательно» (Сведения..., 2010: 180–181).

В числе нововведений, например, от городской и земской полиции требовалось приступать к раскрытию дел «о покраже лошадей» немедленно; в помощь последней назначить дополнительных комиссаров, которые должны были сосредоточиться на этом направлении работы, для чего наделялись правом переходить из уезда в уезд, из губернии в губернию; в судах дела данной категории решать также «...без очереди и безо всякого замедления», уделяя внимание подробностям совершения кражи: одним лицом или преступной шайкой, днём или ночью, со взломом или без и т. д. Начальникам губерний вменялось в обязанность следить как за ходом расследований, так и за действиями следователей, которых в случае промедления наказывать.

Имелись инструкции и относительно конокрадов. Так, тех из них, кто выдавал товарищей, следовало освобождать от телесного наказания, не выдавать на поруки и содержать под стражей во время следствия и суда. Отбывших наказание определённое число лет в арестантских ротах надлежало отдавать не помещикам или обществам назад, а в солдаты; не способных к службе переселять в Сибирь. За каждого «изобличенного и переданного» в руки правительству вора и его сообщника полицейским, должностным лицам сельского управления и людям низших сословий, по распоряжению местного начальства, полагалась награда – 3 руб. серебром. Денежные средства взыскивались с остатков земских сборов, из казны; убытки потерпевших – с имущества виновного.

В 1854 г. действие временных мер было продлено (ПСЗРИ, 1849: 50–51). Однако, несмотря на это, количество преступлений не изменилось, поскольку премия в размере 3 руб. была ничтожно мала и многие крестьяне не соглашались на исполнение такого опасного поручения. Вскоре Законом от 28 февраля 1865 г. во всей центральной России должности комиссаров были упразднены.

В ст. 931, 1654 Уложения о наказаниях 1885 г., рассматривавших конокрадство, зафиксированы следующие меры для лиц, занимавшихся покупкой заведомо краденых лошадей: арест на срок до 3 мес. или денежное взыскание до 300 руб.; а для виновных и в скупе, и в сбыте заведомо краденного скота – лишение прав, ссылка в Сибирь, передача в исправительные арестантские отделения, заключение в тюрьму на срок до 1 года.

Поскольку отдельное наказание за скупку и сбыт лошадей отсутствовало, вора, за неимением доказательств участия непосредственно в хищении, можно было привлечь за укрывательство простой кражи либо за покупку заведомо краденых вещей. Понимая это, виновные старались свести обвинение к покупке заведомого краденного. Законотворцы же, учитывая данные обстоятельства, предлагали уравнивать наказание за укрывательство кражи лошади с наказанием за участие в краже (Уложение о наказаниях, 1892: 409-410, 863).

Раньше, в XVIII в., дела по гражданским искам и уголовным преступлениям находились в ведении уездных, провинциальных и губернских канцелярий. Иностранцам судиться по мелким делам в русских присутственных местах казалось сложным и обидным. Судьями представители национальностей также воспринимались как чуждые элементы. Вследствие незнания языка суда и законов они претерпевали «...великие трудности и неразумения истинных сих законов и порядка дела», нередко были вынуждены прибегать к содействию осведомленных в судебной и приказной казуистике людей (ходовых, поверенных), чьи услуги были достаточно дороги. Последние, бывало, специально затягивали рассмотрение дел, дабы «вытянуть» из крестьян больше денег.

Обременительным выступало требование излагать жалобы на гербовой бумаге, цена которой составляла 4 коп., челобитная же оплачивалась особой пошлиной в 3 руб. Поэтому мурзы Пензенского и Саранского уездов в своём наказе просили все случаи по «мелким делам» (а именно искам не выше 30 руб., долгам, спорам, дракам) передавать в руки старшин и мулл.

В качестве иллюстрации изложенного приведём отрывки из сохранившихся наказов: «Между-ж нами татарами, в касающихся малых делах, разбирать нашим муллам и старшинам»; об устройстве местного суда: «Просим, чтоб определить нам, служилым, старшину, и при нем достойного муллу для разбирательства касающихся между нами в малых делах, кроме важных смертоубивственных и прочих криминальных дел, судить письменно или словесно; а чего им разобрать будет не можно, то-б отсылать, куда надлежит, ибо через то получить можем не малый себе способ» (Ташкин, 1921: 172-174, 178).

Конокрадство особенно свирепствовало на окраинах уездов и губерний – так как местная власть была малоэффективна в борьбе с подобными преступлениями, их раскрываемость оставалась крайне низкой. С.Ф. Ташкин, изучавший быт иностранцев, писал: «В первой половине XVIII в. в Поволжье было множество татарских деревень, которые славились конокрадством». Если к пришлым ворам население относилось в целом негативно, то местных открыто ненавидело и презирало.

Народ считал воров врагами, и даже если человека уличали в подобном проступке впервые, о пощаде речь не шла. В основном похитителей направляли на каторжные работы. Лица, попавшиеся на мелких кражах (овощей и фруктов, мёда и пчельников и т. д.), подвергались телесным наказаниям в присутствии жителей сельского схода; при повторной поимке наказывались плетью, отдавались в рекруты, либо ссылались на поселение в Сибирь (Ташкин, 1921: 148-150).

Татары Саратовской и Самарской губерний, по свидетельству А. А. Левенстима, как правило, у себя не воровали, мало того, они давали клятву не обижать своё общество. Зато соседние деревни, населённые русскими, страдали от них очень сильно, поэтому отношения между поселениями были обострённые (Левенстим, 1889: 39). В «Тамбовских губернских ведомостях», например, читаем: «...этот хищник и вор из-за боязни настроить против себя односельчан, в своих окрестностях не шалит, а делает наезды в более отдаленное, заранее намеченное и хорошо изученное место» (Иванюшенков, 1882: 2).

Крестьяне, не находя защиты у местных властей, суда и полиции, нередко прибегали к самосуду, что заканчивалось убийством конокрады либо нанесением ему тяжких телесных повреждений. В частности, таким преступникам в прямую кишку могли засунуть заострённую палку или ружейный шомпол, после чего спустя время он неминуемо умирал; скрутить в кольцо, сломав позвоночник; связать руки за спиной, надев уздечку, утопить в реке и т. д. Иногда, как отмечал А.А. Левенстим, «...на скамье подсудимых перед присяжными оказывались целые деревни, от 20 до 30 мужиков и баб, даже доходило до 1440 душ и чаще всего подобные дела заканчивались поголовным оправданием подсудимых. Иной раз, дабы не всей деревней оказаться на каторге в Сибири, полностью вину за убийство конокрады брал на себя один житель села» (Левенстим, 1889: 29-31).

Рассмотрим судебное дело, возбужденное в декабре 1758 г. по отношению к жителю татарской деревни Тавлы Саранского уезда Пензенской губернии (ныне Лямбирский район Мордовии) Петеею Иштерикову в возрасте 60 лет. Оно разбиралось в саранской воеводской канцелярии. Обвиняемый признался в нескольких кражах лошадей (больше 6 животных) у крестьян с. Маресева Саранского уезда в разное время. Трёх лошадей он уже продал (за 2 руб., 1 руб. 20 коп. и за 80 коп.) татарам деревней Пишли и Щербаково. Впоследствии животные были найдены и возвращены под расписку прежним владельцам.

По отношению к Иштерикову канцелярия должна была применить п. 9 гл. 21 Соборного Уложения 1649 г., который гласил: «...Татя за первую татьбу бить кнутом и отрезать ему левое ухо, посадить в тюрьму на два года, а животы его отдать исцом, и из тюрьмы посылать его в кандалах работать на всякие изделия, где государь укажет. И как он два года в тюрьме отсидит, и его послать в окраинные города, где государь укажет, и велеть ему... быть, в какой чин он пригодится».

Во избежание наказания Иштериков изъявил желание креститься и подал в саранскую воеводскую канцелярию «доношение» следующего содержания: «По природе моей, я состою в магометанском законе. Ныне-же, по проповеди слова Божия, познал всесовершенно, что почитаемый и признаваемый прочими в оном законе состоящими людьми за пророка и посланника Божия глаголемый Магомет не есть и никогда не был от Бога посланный, но самый студный и лживый пророк и предтеча антихристов. Тако-ж и закон его (куран или алкоран называемый) есть самый лживый, богопротивный. И по такому моему несовершенному, чрез проповедь, узнанию одного лжепророка Магомета и его алкоран отрицаются и проклинаю. Христианский же закон самый истинный и богоугодный быти, узнав, утверждаю, что Иисус Христос есть Сын Божий и Бог истинный, во единосущном и нераздельном с Отцом и Святым Духом божеств славимый и поклоняемый... Ныне я истинной совестью возжелал принять ту христианскую спасительную веру и прибыти в ней до скончания моей жизни непоколебимо и непревратно». В итоге 24 декабря 1759 г. он был крещен, получил имя Василий и предупреждение, что «...ежели он впредь впадет в такие или другие вины, то с ним поступлено будет по государственным правам указам неотменно» (Сацердотов, 1895: 1, 4-5).

Что касается скупщиков краденого, жителей деревней Пишля и Шербаково, они в прошлом были татарами и во избежание наказания также приняли христианскую веру. Например, до крещения Михаила Алексева звали Резен Бикмаев, а «...крещен он... в городе Саранске за то, что он в саранскую канцелярию был приведен с краденой коровой». Другой скупщик, Алексей Герасимов, «...крещен в Алатурской провинции за то, что был приведен с краденными лошадьми. В результате розыскных мероприятий во дворе у Герасимова было найдено 30 передних и задних лошадиных ног. Когда... его спросили, зачем будучи крещеным, ест конину, он ответил, что кониной кормит свою новокрещеную жену и детей, а сам он не ест. Но, разумеется, в это показание никто не поверил» (Сацердотов, 1895: 3).

Татары, попадавшие на воровстве лошадей, во избежание уголовного наказания принимали христианство. Дело в том, что для обращения иноверцев в православие правительство практиковало такую меру, как освобождение новокрещенных на три года от рекрутской повинности, от выплаты податей и любых сборов на «государственные нужды». Все повинности этой категории распределялись на иноверцев, не принявших христианского закона. В частности, в Указе от 28 сентября 1743 г. читаем: «...которые инородцы содержатся в губерниях и провинциях, и городовых воеводских канцеляриях под караулом по маловажным делам, а именно: обличенные в первом и другом малом воровстве, в ссорах и драках и тому подобных винах (кроме виновных по первым двум важным пунктам, в неоднократных разбоях и смертных убийствах) и требуют святого крещения, такие вины отпущать и из-под караула чинить их (виновных) свободными» (Сацердотов, 1895: 2).

В материалах Екатерининской законодательной комиссии, извлечённых С. Ф. Ташкиным, выявлено следующее: «...Как и прежде... многие из татар, черемис, учиня из разных обывателей кражи пожитков и лошадей и прочие непорядочные поступки и озорничества... и забирая в долг многочисленное число денег, и сбывая покраденное ими – платежа или пыток и наказания, также и долговых денег...» неохотно воспринимали веру греческого закона. Тем не менее инородцы Симбирской губернии (куда входил ранее Ардатовский район Мордовии), «...дабы не потерпеть им какого-бы в силу законов истязания или штрафа», все же принимали христианство и в соответствии с упомянутым выше законом получали трёхлетнюю льготу в отношении уплаты податей и несения повинностей (Ташкин, 1921; 159-160).

Следует отметить, что добропорядочные татары на переход в православие смотрели как на наказание и полагали, что принимать его должны лишь те, кто виновен в совершении какого-либо преступления. Однако мусульмане, уличённые в преступных деяниях, охотно крестились, считая такой шаг единственным спасением и вместе с тем достаточно лёгкой мерой, поскольку она практически не вносила каких-либо серьёзных перемен в их существование. Так, в обыденной жизни они по-прежнему соблюдали все мусульманские праздники и посты, жили со своими некрещёными жёнами, назывались привычными татарскими именами. Новые же имена использовались только в случае столкновения с русскоязычным начальством. В православные храмы они не ходили, икон в домах не имели, продолжали есть конину, одним словом, как писал М. И. Сацердотов, «...принявши крещение, они оставались магометанами» (Сацердотов, 1895: 3). Притом, в отсутствие какого бы то ни было учёта (ни духовными, ни гражданскими чинами не велось списков новокрещенных татар), многие совершали преступления снова и снова, крестившись в связи с этим по несколько раз.

Как сообщалось в исторических источниках второй половины XIX в., татарское население Симбирской губернии было менее исполнительно в плане следования требованиям начальства, чем русское. Местные татары описаны как плутоватые, много и часто должавшие без стремления расплатиться. В соответствии с этим в их поселениях гораздо больше разного рода тяжёлых дел, чем в русских и мордовских. Кроме того, татары удивительно умело пользовались знанием русского закона для скрытия собственных преступлений.

Что касается крещёных татар названной губернии, они представляли «грустное явление» в среде русского крестьянства, ибо соединили в себе все дурные свойства магометанина-татара с

заимствованной от русских склонностью к пьянству. Среди преступлений, часто совершаемых ими, зафиксированы конокрадство, а также воровство леса и хлеба, увозимого в снопах с крестьянских полей. Хищение лошадей было особенно развито в с. Ломаты, Керасурке и Хлыстовке Ардамовского уезда. Также здесь широко промышляли карманники, хотя и не так масштабно, как в русском селе Тетюши (*Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии, 1868: 218, 241*).

Конокрадство, бесспорно, являлось одним из факторов, которые негативным образом влияли на уровень экономического развития крестьянского хозяйства страны, а именно способствовали его снижению. Ряд правительственных мер против подобных преступлений практически не дал устойчивых позитивных результатов: динамика хищений лошадей оставалась прежней и продолжала периодически то усиливаться, то затихать, как отмечалось в «Тамбовских губернских ведомостях» (*Иванюшенков, 1882: 1*).

Что касается ежегодного количества краж лошадей татарами, к сожалению, таких статистических данных не обнаружено. Есть лишь общие сведения за 1864–1866 гг. по 21 губернии России. Так, всего в этот период было украдено 13 856 лошадей, в частности в Пензенской губернии 426 (за 1 год – 142), в Тамбовской – 416 (за 1 год – 138,7). К примеру, в 1861 г. всего лошадей в Пензенской губернии насчитывалось 404 164 голов, из них в уездах 383 820 голов, в городах – 20 344 (*ГАПО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 126. Л. 33*). В 1895 г. количество лошадей в указанной губернии сократилось до 222 301 голов (*ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 6727. Л. 1-2*). Следует отметить, что уменьшение количества поголовья лошадей зависело от ряда причин, во-первых, недостаток кормовой базы (в среднем на одну лошадь приходилось 42,9 пуда сена в год, а для нормального пропитания необходимо было 241 пуд и более). Во-вторых, недостаток ветеринарных врачей и различные эпизоотии, влекущие массовую гибель скота (сибирская язва, ящур, чума и др.). Например, только в Инсарском уезде Пензенской губернии в 1842 г. в результате заболевания чумой погибло 137 голов (*ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2621. Л. 14*); в Краснослободском уезде указанной губернии в 1850 г. пало 290 голов (*ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2696. Л. 53*). В-третьих, плохой уход за скотом и истязание лошадей полевыми работами, в том числе извозом на дальние расстояния: к примеру, за одну поездку в Астрахань за 20 дней пути, крестьянин мог выручить с лошади по 35–40 руб. прибыли, а за прогон скота гуртовщики получали от 60 до 100 руб. в год (*НА ИИИГН. И–421. Л. 82-83*). И четвёртая причина – конокрадство.

В 1888–1893 гг. в окружных судах с участием присяжных заседателей рассматривались дела в отношении 4 073 подсудимых. Из них были осуждены 3 855 чел., оправданы 230. В мировых судебных учреждениях разбирались 25 118 дел о конокрадах. Из них были осуждены 19 031 чел., оправданы 6 087. За эти 6 лет были осуждены в Пензенской губернии 211 чел. (в среднем за 1 год по 35,1 чел.), Симбирской – 244 (40,6), Саратовской – 270 (45), Тамбовской – 298 (49,6), в Самарской губернии – 789 чел. (в среднем за 1 год по 131,5 чел.) (*Левенстим, 1889: 44-45, 48-49, 52*). Таким образом, можно сделать вывод о том, что суды проявляли по отношению к конокрадам должную строгость.

Приведённые цифровые данные не дают нам точных сведений о количестве похищенных лошадей, тем не менее, они представляются интересными. В частности, они говорят о том, что конокрадство было развито неравномерно: больше всего от него пострадала Самарская губерния, меньше – Пензенская. Мы солидарны с мнением дореволюционных исследователей о том, что местным властям следовало уделить особое внимание названным регионам, а именно тем населённым пунктам, которые «прославились» рассматриваемым видом преступления.

В определённой мере провоцирующим для развития конокрадства фактором следует считать легкомысленное отношение крестьян к пастьбе домашнего скота, который, оставшись без присмотра, становился лёгкой добычей преступников. Местные власти периодически доносили до населения мысль о необходимости бдительного надзора за лошадьми.

Со своей стороны, хозяева лошадей и другого скота для его защиты в связи с частыми кражами по возможности нанимали пастухов. Например, помещики Саратовской и Самарской областей, желая оградить себя от расхищения домашних животных, нанимали в табунщики известных конокрадов. Последние хорошо стерегли скот хозяина и умели разыскивать пропавших лошадей через своих товарищей. При этом помещичий табун нередко служил местом для укрыательства краденых животных, а пастух оправдывался тем, что: «...Лошадь случайно пристала к его табуны в прошлую ночь и откуда она взялась, он не знает» (*Левенстим, 1889: 68*). В татарских населённых пунктах пастухов (караульных или особых, лошадных, пастухов) нанимала община и все владельцы скота обязывались их кормить поочередно.

Кроме того, в пастьбе лошадей, особенно в ночное время, могли участвовать подростки под наблюдением взрослых. Согласно имеющимся данным, в Темниковском уезде Тамбовской губернии услуги пастухов были довольно дороги: плата за одну лошадь колебалась между 15 коп. и 1 руб. 20 коп., за корову – от 15 коп. до 1 руб., за овцу – от 2 до 25 коп. Молодые телята обычно отделялись и находились под наблюдением хозяев, телята постарше считались как полкоровы. Лошадей пасли только в ночное время, а днём, как правило, использовали для работы в поле.

Особым, лошадным, пастухам с каждого двора платили 1 руб. 31 коп. Конкретные условия прежде всего зависели от количества дворов. Большинство пастухов собирали с каждого двора на прокормление хлеб, пироги, яйца (3-4 раза в год в назначенные праздники и при первом выгоне

скота на пастьбу), меньшее их количество кормились так ежедневно (завтракали, получали хлеб, ужинали). Например, в деревне Татарской Велязьме Тамбовской губернии (ныне Атюрьевский район Мордовии) в 80-е гг. XIX в. числилось всего 28 дворов; на расходы пастуха выделялись около 40–50 руб. и продовольствие в натуральной форме. Ежегодно каждый двор в среднем расходовал не менее 2 руб. Если в общине числилось более 200 дворов, скот разделяли на несколько разных стад. За потерю скота с пастуха взыскивали штраф – половину стоимости животного ([Сборник статистических..., 1883: 127-130](#)).

Рассматривая динамику активности «коневых татей», можно заметить определённую периодичность, связанную со сменой времён года. Явный рост конокрадства совпадает с периодами межсезонья, когда, с одной стороны, внимание было полностью сосредоточено на выполнении всего объёма сельскохозяйственных работ, а с другой – раскрытие и расследование хищений затруднялось в связи с погодными особенностями (в частности с коротким днём, яркими красками природы и пр.), поскольку следы преступлений терялись. Относительное затишье в смысле краж зафиксировано зимой, поскольку домашний скот содержался в конюшнях на подножном корму, т. е. достаточно хорошо контролировался. Хотя крестьянские постройки нередко были плохи и воры могли с лёгкостью в них проникнуть. Однако дважды в год: весной, когда животные, наконец, выводились в поля, и осенью, когда лошади были в хорошем состоянии после длительного нахождения на природном корме, – число преступлений резко увеличивалось.

Несмотря на серьёзный вред, наносимый преступниками, часто народ оказывал им поддержку из боязни мести. Например, сотрудничество с полицией или просто своевременное сообщение о пропаже лошади несло с собой достаточно высокий риск поджога. В восприятии крестьянства контингент конокрадов выглядел весьма сплоченно и организовано. Кроме того, старики утверждали, что с ворами надо жить в ладу, поэтому некоторые деревни от них просто откупались. Так, крестьяне деревни Кашперовки Пензенской губернии платили конокрадам 12 руб. в год. При этом «коневые тати» нередко вымогали у населения деньги под предлогом охраны животных и угрожая их похитить, если плата не будет внесена, а также сообщением ложных сведений о том, где находится пропавшая лошадь ([Левенстим, 1889: 69](#)). Нередки случаи, когда краденые животные после уплаты денег возвращались. Следует отметить, что подобные действия подпадали под статью о мошенничестве.

Факторы, вызывавшие рост рассматриваемых преступлений, а также способы похищения и средства сбыта краденых коней не были одинаковы по всей России. В связи с этим в рамках борьбы с хищениями органами правопорядка поручалось изучать не только общие, но и условия на местах. Так, в циркуляре Министра внутренних дел от 20 июля 1880 г. чинам полиции вменялось в обязанность «...ознакомление с местными условиями, при которых действуют конокрады и с приемами, которые употребляются ими для сокрытия следов преступления» ([Левенстим, 1889: 47](#)).

Рассмотрим основные причины, побуждавшие людей совершать данное преступление. Во-первых, лёгкость осуществления кражи, особенно в летнее время, ввиду отсутствия надлежащей охраны животных, оставленных на полях во время ночной пастьбы. Как известно, крестьяне, проживавшие в Поволжье, страдали от малоземелья и общих пастбищ не имели, поэтому до рассвета лошади находились на лугах и убранных полях. В отсутствие средств для привлечения должной охраны население нередко использовало помощь детей и подростков, которые не отличались внимательностью в отношении своих обязанностей. Во-вторых, простота угона похищенных лошадей, которые, собственно, и служили ворами средством передвижения. В отличие от ситуации с кражей другого имущества (например хлеба, одежды и т. д.), здесь не требовалась повозка, чтобы перевезти награбленное в намеченное преступниками место.

Наконец, в-третьих, следует помнить, что борьба с конокрадами не могла вестись в полной мере, особенно в сельской местности, поскольку там не было, с одной стороны, должной охраны имущества крестьян, а с другой – достаточного количества чинов полиции, которые приступали бы к раскрытию преступления непосредственно после случившегося. Кроме того, меры к поимке похитителей принимались не вовремя (так как крестьяне сообщали о пропаже не сразу) и неумело, вследствие чего преступники имели возможность скрыться.

Последнее обстоятельство привело к изменениям в структуре уездной полиции, а именно к введению института полицейских урядников «...для усиления уездной полиции и в помощь Становым Приставам для исполнения полицейской обязанностей, а также надзора за действиями сотских и десятских». Данное новшество действовало на основании соответствующего временного положения от 9 июня 1878 г. в 46 губерниях России и способствовало привлечению 5 000 чел.

Урядникам полагались жалованье в размере 200 руб. в год и 50 руб. на обмундирование, съёмная квартира и собственная лошадь ([ПСЗРИ, 1880. Т. 53: 398-399](#)). Среди их многочисленных обязанностей, на основании Инструкции министра внутренних дел, утверждённой 19 июля 1878 г., в том числе значилось содействие раскрытию и расследованию преступлений. А в п. 29 названной инструкции было сказано: «На полицейских урядников возлагается преследование конокрадства, для чего они обращают особенное внимание на лиц, слывающих в околотке за конокрадов, и следят за

местами, в коих, по народной молве, производится сбыт и укрывательство краденых лошадей и скота» ([Инструкция полицейским урядникам, 1880: 170-172, 180](#)).

Следует отметить, что не везде местная полиция в отношении конокрадов бездействовала или работала неумело. В ряде случаев велся учёт всех известных воров, промышлявших либо проживавших во вверенных участках. Последние, не желая быть пойманными, переносили свою деятельность в соседние уезды и губернии. Тем не менее, усилия сельской полиции в своевременном преследовании похитителей лошадей сильно затруднялись в отсутствие связи. Весьма действенной мерой для пресечения этого зла представлялась бесплатная телеграфная сеть, соединявшая крупные провинциальные города России, как писал К. Иванюшенков ([Иванюшенков, 1882: 2-3](#)).

Анализ дореволюционных источников показал, что крестьяне часто ограничивались самостоятельными поисками похищенного имущества. И дело не в том, что полицейским не доверяли. На практике быстро и вовремя сообщить им о краже не представлялось возможным, поскольку нередко хозяин, в надежде, что лошадь заблудилась и через некоторое время вернётся, устанавливал пропажу лишь через несколько дней. В отсутствие лошади, для того чтобы добраться до полиции из отдалённых районов, нужно было тратить деньги на наём подводы, а вера в благополучный исход поисков пропавшего животного была слабой.

В дополнение к уже перечисленным факторам следует также указать на выгодность данного вида преступления для конокрадов. Как известно, лошадь – самое ценное, необходимое имущество в крестьянском хозяйстве, поэтому покупатели на этот товар находились всегда. Да и сами крестьяне охотно приобретали краденое по более низкой цене, понимая, что таким образом лошадь обходится им дешевле.

Л. Весин к основным причинам широкой распространённости конокрадства относил: а) недостаток крестьянского самоуправления, б) обстановку в крестьянских обществах, потворствовавшую развитию краж такого рода, в) отсутствие достаточного количества пастбищ, на которых мог быть осуществлён выпас лошадей с организацией правильных караулов, г) дефицит полиции на местах, д) трудности преследования преступников, е) слабость наказания ([Весин, 1885: 354](#)). Буинский землевладелец, профессор Санкт-Петербургского университета С. Ф. Глинка полагал, что «...причина конокрадства и другой собственности лежит во всем складе жизни нашего простолюдина... эти преступления не могут быть искоренены непосредственными мероприятиями, а следует делать упор на превентивные меры: установку электрических звонков на скрытой проволоке в денниках и расширение телефонного сообщения, которое позволило бы оперативно распространять информацию о краже лошади» ([Труды местных комитетов..., 1903: 321-322](#)).

Если воровство не было обнаружено и расследовано сразу же после обнаружения преступления, то задачу установить виновных, а равно вернуть животных, следовало признать невозможной, поскольку технология реализации хищений являлась хорошо отработанной. Одни люди выясняли место, где содержались лошади, находившиеся в подходящих физических кондициях, другие осуществляли непосредственно их кражу и как можно быстрее передавали в третьи руки, а именно тем соучастникам, чья роль заключалась в переправе похищенного к месту его продажи. В итоге, как уже говорилось выше, прежде чем хозяин только заметит пропажу, она уже могла оказаться за 20, 30 и больше вёрст от родных мест.

В Саратовской губернии украденных лошадей организовано перегоняли по избранному тракту к Волге или Суре. Для этого имелись определённые договорённости с представителями практически каждого из поселений, расположенных на этом пути. Таким образом обеспечивалось алиби первого участника преступления, который спустя всего час или два уже находился у себя дома. Подобная сплочённость и продуманность действий конокрадами существенно затрудняли расследование случаев воровства и наказание преступников ([Весин, 1885: 356](#)).

Несмотря на то что кража лошадей могла закончиться жестокими побоями, убийством или ссылкой, тем не менее в рассматриваемый период масштабы хищений не уменьшались. По нашему мнению, переселением конокрадов в Сибирь данное преступление в принципе нельзя было искоренить; упомянутая мера лишь способствовала его распространению на другие территории, где организовывались новые шайки.

Однако, если в качестве средства уменьшения краж ссылка в Сибирь была совершенно бесполезной, то для местного населения эта мера выступала вредоносной. Большое количество криминальных элементов (поскольку, отбывая назначенные сроки, они, как правило, продолжали преступную деятельность) негативным образом влияло на жизнедеятельность мирных жителей, переселившихся сюда из Центральной России. В связи с этим Н. М. Ядринцев писал: «...Такой контингент весьма вредно влиял на гражданственность, он не обновлял страны, не оживлял производительности, но деморализовал общество, портил его соки и составлял помеху и опасность для свободного гражданина» ([Ядринцев, 1892: 222-223](#)). Считаем, что более верным решением было бы направлять преступников в те местности, где они не имели возможности заниматься привычным ремеслом.

В восприятии современников проблема имела несколько вариантов решения. Например, симбирский землевладелец И. П. Рютчик предлагал применять к конокрадам не арест, а высокий

штраф с обязательными исправительными работами; в случае же их несостоятельности – убытки потерпевшим компенсировать за счёт казны ([Труды местных комитетов..., 1903: 135](#)). Управляющий же Тамбовской казённой Палатой Н.Н. Кутлер для пресечения конокрадства в Тамбовской губернии рекомендовал принять следующие меры: а) вознаграждать потерпевших за счёт тюремных заработков конокрада, б) увеличить наказание за укрывательство больше, чем за само конокрадство, в) ввести книжки о происхождении лошадей ([Труды местных комитетов..., 1903а: 9](#)).

5. Заключение

Таким образом, изложенный материал свидетельствует о том, что в XVIII – XIX вв. самым частым преступлением против собственности, и особенно в сельской местности, выступало хищение лошадей. Подобные кражи осуществлялись как отдельными преступниками, так и преступными шайками по чётко разработанному криминальному сценарию, предполагавшим распределение ролей. Среди последних имелись главари, угонщики, скупщики и т. д. Стоит подчеркнуть, что в большинстве случаев главари ускользали из рук правосудия, вместо них наказывались рядовые конокрады.

Анализ дореволюционных источников показал, что, несмотря на достаточно жёсткие санкции за хищение лошади, конокрадство было распространено повсеместно: как в европейской части России, так и на других территориях страны. Наказывались подобные деяния в соответствии с нормами российского законодательства. Из содержания упомянутых ранее правовых документов следует, что конокрадство было известно уже в Киевской Руси, другими словами, имеет давнюю историю.

В указанный период противодействию конокрадству в России придавалось большое значение. В рамках борьбы с ним, в частности, образовывались специальные комиссии для рассмотрения проблемы; в системе уездной полиции был введён институт полицейских урядников; устанавливалась премия за поимку конокрада и розыск похищенной лошади; ужесточались наказания за данный вид преступления.

Изучение исторических материалов позволило отнести к числу основных причин развития конокрадства следующие: относительная простота совершения преступления в сочетании с высокой прибыльностью последующей реализации ворованных животных; полное отсутствие полиции в сельской местности; проблемы в работе местных органов власти и правопорядка по данному направлению (отсутствие системности; нехватка квалифицированных и профессиональных сотрудников); недостаток опыта ведения сыскного дела и материальной базы для расследования случаев воровства; пробелы в законе и слабость уголовного наказания, что выражалось в мягких приговорах конокрадам, а нередко в их освобождении (из-за недостатка улик, принятия христианства); нехватка пастбищ, на которых мог быть осуществлён выпас лошадей с организацией правильных караулов.

Сельские жители нередко пытались решать проблему самостоятельно, для чего осуществляли выкуп похищенных лошадей у конокрадов, платили им определённую сумму; нанимали в качестве охраны особых, лошадных, пастухов-профессионалов, а также, собственно, конокрадов; путём жестокого самосуда. Обращение крестьян к самосуду объяснялось рядом факторов: несовершенством региональной системы, и законодательной, и административной, и полицейской; медлительностью работы государственных судебных учреждений и бюрократизмом, которые в совокупности разрушали веру народа в справедливость официальных решений; неотвратимостью наказания за преступление; скоростью ответственности за противоправное деяние; адекватностью возмездия в противовес мерам, назначенным судом, которые не воспринимались обществом как равноценные содеянному, и т. д. Кроме того, негативное значение имел тот факт, что многие преступники из числа пойманных, будучи оправданными, продолжали заниматься преступным ремеслом.

Таким образом, конокрадство выступало прибыльным преступным промыслом. Раскрывать подобные преступления с каждым годом становилось все труднее: совершенствовались и тактика их осуществления, и способы ухода от ответственности. Несмотря на то что серьёзные меры принимались как на высшем законодательном уровне путём ужесточения санкций, так и на местном, тем не менее ясной и эффективной системы борьбы с конокрадством в итоге сформировано не было.

Литература

[Весин, 1885](#) – *Весин Л.* Конокрадство, его организация и способы борьбы с ним населения // *Труды императорского Вольного экономического общества*. 1885 г. Т. 1. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1885. С. 350–368.

[ГАПО](#) – Государственный архив Пензенской губернии.

[Иванюшенков, 1882](#) – *Иванюшенков В.* Конокрадство // *Тамбовские губернские ведомости*. 1882. № 107. 28 октября. С. 1–3.

[Инструкция полицейским урядникам, 1880](#) – Инструкция полицейским урядникам // *Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1878 г.* СПб.: Типография Гогенфельден и Компания, 1880. С. 170–183.

[Левенстим, 1899](#) – *Левенстим А.А.* Конокрадство с юридической и бытовой стороны // *Вестник права. Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете*. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1899. № 2. С. 28–82.

- НА НИИГН** – Научный архив Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
- ПСЗРИ, 1849** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1849. Т. 23. № 21844–22685. 665 с.
- ПСЗРИ, 1880** – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1880. Т. 53. № 58610. 464 с. Т. 55. № 60680. 966 с.
- Псковская судная грамота** – Псковская судная грамота [Электронный ресурс]. URL: https://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.htm (дата обращения: 24.01.2024).
- Русская Правда. Суд Ярослава** – Русская Правда. Суд Ярослава [Электронный ресурс]. URL: http://his95.narod.ru/rus_pr2.htm (дата обращения: 24.01.2024).
- Сацердотов, 1895** – Сацердотов М.И. Из судебных дел прошедшего столетия // *Сборник Пензенского губернского статистического комитета*. Вып. 3. Пенза: Типография губернского правления, 1895. С. 1–5.
- Сборник исторических..., 1868** – Сборник исторических и статистических материалов о Симбирской губернии. Приложение к Памятной книжке на 1868 год. Симбирск: Типография Симбирского Губернского Правления, 1868. 324 с.
- Сборник статистических..., 1883** – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. 4. Темниковский уезд. Тамбов: Издание Тамбовского губернского земства, 1883. 373 с.
- Сведения..., 2010** – Сведения, извлеченные из отчета Департамента полиции исполнительной МВД за 1847 год / *Материалы для истории крепостного права в России: извлечения из секретных отчетов МВД за 1836–1856 гг.* М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2010. 240 с.
- Соборное уложение 1649 года** – Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/> (дата обращения: 24.01.2024).
- Ташкин, 1921** – Ташкин С.Ф. Иностранцы Поволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской законодательной комиссии. Вып. 1. Иностранцы Поволжско-Приуральского края. Оренбург: Типография М. Н. Махова, 1921. 271 с.
- Тихомиров, 1953** – Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М.: Издательство Московского университета, 1953. С. 75–86.
- Труды местных комитетов..., 1903** – Труды местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 38: Симбирская губерния. СПб.: Типография «Народная польза», 1903. 540 с.
- Труды местных комитетов..., 1903а** – Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: 1–58. Тамбовская губерния / 58 т. Т. 26. СПб.: Типография «Народная польза», 1903. 471 с.
- Уложение о наказаниях..., 1845** – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб.: Типография 2 отделения собств. е. и. в. канцелярии, 1845. 898 с.
- Уложение о наказаниях..., 1892** – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1892. 796 с.
- Ядринцев, 1892** – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб.: И. М. Сибиряков, 1892. 750 с.

References

- GAPO** – Gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi gubernii [State Archive of the Penza Province].
- Instruktsiya politseiskim uradyadnikam, 1880** – Instruktsiya politseiskim uradyadnikam [Instruction to police officers]. Sbornik tsirkulyarov i instruktsii MVD za 1878 g. SPb.: Tipografiya Gogenfel'den i Kompaniya, 1880. Pp. 170–183 [in Russian]
- Ivanyushenkov, 1882** – Ivanyushenkov, V. (1882). Konokradstvo [Horse stealing]. *Tambovskie gubernskie vedomosti*. 1882. № 107. 28 oktyabrya. Pp. 1–3. [in Russian]
- Levenstim, 1899** – Levenstim, A.A. (1899). Konokradstvo s yuridicheskoi i bytovoi storony [Horse theft from the legal and household side]. *Vestnik prava. Zhurnal Yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete*. SPB: Tipografiya Pravitel'stvuyushchago Senata. 2: 28–82. [in Russian]
- НА НИИГН** – Nauchnyi arkhiv Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya [Scientific Archive of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia].
- PSZ RI, 1849** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2-e. SPb., 1849. T. 23. № 21844–22685. 665 p. [in Russian]
- PSZ RI, 1880** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobr. 2-e. SPb., 1880. T. 53. № 58610. 464 p. T. 55. № 60680. 966 p. [in Russian]

Pskovskaya sudnaya gramota – Pskovskaya sudnaya gramota [Pskov judicial certificate]. [Electronic resource]. URL: https://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.htm (data obrashcheniya: 24.01.2024) [in Russian]

Russkaya Pravda Sud Yaroslava – Russkaya Pravda Sud Yaroslava [Russian Truth Court Yaroslav] [Elektronnyi resurs]. URL: http://his95.narod.ru/rus_pr2.htm (date of access: 24.01.2024). [in Russian]

Satserdotov, 1895 – *Satserdotov, M.I.* (1895). Iz sudebnykh del proshedshago stoletiya [From court cases of the past century]. *Sbornik Penzenskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta*. Vyp. 3. Penza: Tipografiya gubernskogo pravleniya. Pp. 1-5. [in Russian]

Sbornik istoricheskikh..., 1868 – *Sbornik istoricheskikh i statisticheskikh materialov o Simbirskoi gubernii*. Prilozhenie k Pamyatnoi knizhke na 1686 god [Collection of historical and statistical materials about the Simbirsk province. Appendix to the Memorial Book for 1686]. Simbirsk: Tipografiya Simbirskogo Gubernskogo Pravleniya, 1868. 324 p. [in Russian]

Sbornik statisticheskikh..., 1883 – *Sbornik statisticheskikh svedenii po Tambovskoi gubernii*. T. 4. Temnikovskii uезд [Collection of statistical information on the Tambov province. Vol. 4. Temnikovsky County]. Tambov: Izdanie Tambovskogo gubernskogo zemstva, 1883. 373 p. [in Russian]

Sobornoe ulozhenie 1649 goda – *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [Cathedral Code of 1649]. [Electronic resource]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2001/> (date of access: 24.01.2024). [in Russian]

Svedeniya..., 2010 – *Svedeniya, izvlechenyye iz otcheta Departamenta politsii ispolnitel'noi MVD za 1847 god* [Information extracted from the report of the Police Department of the Executive Ministry of Internal Affairs for 1847]. *Materialy dlya istorii krepostnogo prava v Rossii: izvlecheniya iz sekretnykh otchetov MVD za 1836–1856 gg.* M.: Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii, 2010. 240 p. [in Russian]

Tashkin, 1921 – *Tashkin, S.F.* (1921). Inorodtsy Povolzhsko-Priural'skogo kraya i Sibiri po materialam Ekaterininskoi zakonodatel'noi komissii. Vyp. 1. Inorodtsy Povolzhsko-Priural'skogo kraya [Foreigners of the Volga-Ural Territory and Siberia based on the materials of the Catherine Legislative Commission. No. 1. Foreigners of the Volga-Ural region]. Orenburg: Tipografiya M. N. Makhova, 271 p. [in Russian]

Tikhomirov, 1953 – *Tikhomirov, M.N.* (1953). Posobie dlya izucheniya Russkoi Pravdy [Manual for the study of Russian Truth]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Pp. 75-86. [in Russian]

Trudy mestnykh komitetov..., 1903 – *Trudy mestnykh komitetov Osobogo soveshchaniya o nuzhdakh sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti*. T. 38: Simbirskaya guberniya [Proceedings of local committees of the Special Meeting on the needs of the agricultural industry. T. 38: Simbirsk province]. SPb.: Tipografiya «Narodnaya pol'za», 1903. 540 p. [in Russian]

Trudy mestnykh komitetov..., 1903a – *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaistvennoi promyshlennosti: 1–58. Tambovskaya guberniya / 58 t. T. 26* [Proceedings of local committees on the needs of the agricultural industry: 1-58. Tambov province/58 t. T. 26]. SPb.: Tipografiya «Narodnaya pol'za», 1903. 471 p. [in Russian]

Ulozhenie o nakazaniyakh, 1845 – *Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 g.* [Penal and Penal Code 1845]. SPb.: Tipografiya 2 otdeleniya sobstv. e. i. v. kantselyarii, 1845. 898 p. [in Russian]

Ulozhenie o nakazaniyakh, 1892 – *Ulozhenie o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1885 goda* [Penal and Penal Code of 1885]. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1892. 796 p. [in Russian]

Vesin, 1885 – *Vesin, L.* (1885). Konokradstvo, ego organizatsiya i sposoby bor'by s nim naseleniya [Horse theft, its organization and ways to combat it of the population]. *Trudy imperatorskogo Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva*. 1885 g. T. 1. SPb.: Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za». Pp. 350-368. [in Russian]

Yadrintsev, 1892 – *Yadrintsev, N.M.* (1892). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii [Siberia as a colony geographically, ethnographically and historically]. SPb.: I. M. Sibiryakov, 750 p. [in Russian]

Обычай конокрадства у татар-мишарей Мордовии в XVIII–XIX вв.: историко-правовые аспекты

Любовь Николаевна Щанкина ^{a, *}, Оксана Вениаминовна Егорова ^b

^a Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: schanckina@yandex.ru (Л.Н. Щанкина)

Аннотация. Представленная статья посвящена проблеме конокрадства у татар-мишарей Мордовии в XVIII–XIX вв. Авторы проанализировали законодательство относительно данного противоправного деяния, обратили внимание на причины его появления, меры борьбы с ним органов правопорядка, отношение власти и населения, виды наказания как обоснованные юридически, так и незаконные – в рамках самосуда. Результаты проведённого анализа имеющихся источников позволили прийти к выводу о том, что рассматриваемый вид преступления против собственности был характерен не только для губерний Поволжья, но в различных масштабах получил распространение по всей стране. В связи с этим борьбе с подобным типом преступности в указанный период придавалось особое значение. Главным образом, это обуславливалось тем обстоятельством, что лошадь являлась основным орудием производства для сельских жителей, а её потеря представляла для владельца значительный материальный ущерб, в большинстве случаев грозила разорением и голодным существованием. Кроме того, конное перемещение выступало чуть ли не единственно возможным вариантом коммуникации между населёнными пунктами. Установлено, что воровство лошадей было одним из худших видов хищений и осуждалось крестьянским обществом. В частности, сам человек, уличённый в краже, терял уважение общины, а этот его проступок бросал тень на всю семью. Несмотря на то что серьёзные меры принимались как на высшем законодательном уровне путём ужесточения санкций, так и на местном, тем не менее ясной системы борьбы с конокрадством в итоге сформировано не было.

Ключевые слова: губернии Поволжья, Республика Мордовия, татары-мишари, преступный промысел, конокрадство, воровство, обычное право.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 620-631
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.620

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Kazakhs and Kazakh Steppe in the mirror of Kalmyk Historiography of a Dusty Campaign

Ernar M. Uzhkenov^a, Galiya A. Shotanova^{b,*}

^a Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

The dusty campaign of 1771 in Kalmyk historiography is illuminated as the mass migration of the Volga Kalmyks in Dzungaria. This event is one of the most dramatic episodes in the history of the Kalmyk people, who left an indelible mark in their collective memory and cultural identity. This event was accompanied by numerous Kazakh-Kalmyk clashes, which should be interpreted not as a manifestation of ethnic enmity, but as a result of an objective clash of interests of two nomadic peoples.

Modern Kalmyk historians strive for a deeper and more objective analysis of the events of 1771. They use new sources, conduct comparative research and take into account the achievements of world historical science. Kalmyk historiography, analyzing these events, focuses on the need for a deeper study of the interaction of nomadic peoples with sedentary cultures, as well as the identification of gaps in existing research. In general, Kalmyk historiography practically does not explore the history of Kazakhs as one of the parties to the participants in such a central historical event as a «Dusty campaign» and focuses on the internal causes of the beginning of tragic migration. Kazakhs and the territory of the Kazakh steppe are often considered as a certain historical background, the influence of which is quite conditional. Such a perception of the «Kazakh factor» does not allow the objective reconstruction of the history of those events that leads to a simplification of joint history.

This article can serve as the basis for solving a historical problem: setting the problem of studying the relationship of the event and territory, that is, a dusty campaign and the Kazakh steppe.

The results can be used to develop new approaches to the analysis of historical processes, which contributes to a more objective understanding of the role of the Kalmyk people in the context of Russian statehood and its integration into modern society.

Keywords: Dusty campaign, Kalmyks, Kazakhs, Kalmyk historiography, migration, nomadic, politics of the Russian Empire.

1. Введение

Масштабные миграции кочевых народов всегда привлекали внимание исследователей и современников, поскольку их результаты напрямую влияли на судьбу и историю целых народов, государств и цивилизаций. Причины подобных массовых перекочевок, перекраивающих этническую и культурную мозаику Евразии, до сих пор остаются предметом ожесточенных диспутов, где главными факторами остаются географические, экологические или климатические причины, носившие естественный характер, а также политические события или процессы, последовательность которых далеко не всегда очевидна. В этом свете особый интерес представляет собой последнее великое кочевье 1771 г., когда калмыки предприняли попытку вернуться в пределы бывших коренных территорий. Это событие, разделившее калмыцкий этнос, значительно повлияло на судьбу не только

* Corresponding author

E-mail addresses: galia8.09@mail.ru (G.A. Shotanova), e81g@mail.ru (E.M. Uzhkenov)

собственно калмыков, но и также на историю всех соседних народов, отголоски чего нашли свое отражение и уже в бурные события XX в.

Великое кочевье 1771 г. для калмыцкого этноса стало краугольным событием, которое послужило катализатором многих процессов. Например, таких, как: резкое уменьшение количества населения, сказавшееся впоследствии на территории, занимаемой калмыками; окончательная потеря политической самостоятельности и усиление потока переселенцев, что стало причиной сужения ареала этнической территории; а также усилившейся ассимиляции калмыцкой культуры со стороны Российской империи. Все эти события поистине позволяют определить 1771 г. как рубежный в этнической истории Калмыцкого ханства.

Масштабная миграция кочевников, которая состоялась уже в период Нового времени – времени господства огнестрельного оружия и общемирового кризиса кочевого строя, конечно же, должна была иметь неординарные причины и быстро была обозначена в мировой исторической литературе как результат комплекса свершившихся событий и факторов. Столь важная дата вполне ожадемо привлекла внимание многих исследователей, а большое количество источников позволило вполне объективно реконструировать последовательность тех событий.

2. Материалы и методы

В рамках настоящего исследования для глубокого изучения и анализа ключевых процессов 1771 г., связанных с историей взаимоотношения Калмыцкого и Казахского ханств, применяется комплексный подход, основанный на изучении разнообразных источников и фундаментальных трудов современников. Основу исследования составляют материалы, выявленные в Астраханском (Астрахань, Российская Федерация) и Оренбургском (Оренбург, Российская Федерация) государственных архивах, а также сборники документов, отражающие историческую динамику указанного периода, в том числе Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Особое внимание уделяется социокультурному контексту калмыцкого общества, что позволило сконцентрировать внимание авторов на проведении разбора внутренней политики, межгрупповых отношений и роли кочевого уклада жизни в формировании исторических процессов.

Методологическая база исследования строится на историко-аналитическом подходе, который предполагает рассмотрение событий 1771 г. через призму критического анализа исторических источников и научной литературы. Включение сравнительного анализа различных точек зрения, представленных как калмыцкими, так и российскими исследователями, способствует выявлению различий и сходств в интерпретации ключевых событий. Это позволяет глубже понять, как культурные и политические контексты влияют на восприятие и оценку исторических явлений.

Комплексный подход, объединяющий политический, исторический и социокультурный анализ, обеспечивает всестороннее рассмотрение событий 1771 г., включая причины и последствия откоёвки калмыков, а также их восприятие в Калмыцком ханстве и Российской империи. На последующем этапе исследования планируется интерпретация собранных данных, что позволит сформулировать выводы о влиянии указанных событий на дальнейшую судьбу калмыцкого народа и их роль в контексте российской истории.

3. Обсуждение

Калмыцкая историография о Пыльном походе отличается своими особенностями, когда во главе изучения ставятся практически последовательно несколько аспектов. В первую очередь сам Пыльный поход описывается как масштабное трагичное событие и национальная катастрофа, унесшее жизни тысячи людей, произошедшее вследствие усиления политического и социально-экономического давления со стороны Российской империи, а также как результат проводимой Москвой переселенческой политики, что привело к нарушению традиционного образа жизни и ухудшению условий существования калмыцкого хозяйства.

Прежде остановимся на оценке дореволюционных исследователей о событиях 1771 г. и накануне. В этом контексте одними из наиболее значимых представляются труды таких классиков, как Н. Рычков, А. Левшин, М.Г. Новолетов, Н. Нефедьев, которые изучали причины, события и последствия похода 1771 г. В своих записях Н. Рычков описывает трудности, с которыми столкнулись русские войска во время Пыльного похода, а также их взаимодействие с местным населением. Он пишет, что поход был не только военной операцией, но и важным моментом в культурном обмене между русскими и кочевыми народами. Н. Рычков акцентирует внимание на сложностях, связанных с географическими и климатическими условиями, что делает его наблюдения ценными для понимания контекста события 1771 г. (Рычков, 1772). Хотя работа А. Левшина была написана значительно позже, она предоставляет весь спектр важного контекста для улучшенного понимания кочевых народов, включая калмыков. Классик А. Левшин описывает социальную структуру и образ жизни казахов и казаков, что помогает осознать, как Пыльный поход вписывается в более широкий исторический и географический контекст. Его труд служит основой для дальнейшего изучения миграций и взаимодействий между народами (Левшин, 1832). М.Г. Новолетов в труде «Калмыки: исторический очерк» (1884) рассматривает Пыльный поход как важный этап в истории взаимодействия России с

калмыками (Новолетов, 1884). Он акцентирует внимание на последствиях похода для обеих сторон, подчеркивая, что миграция калмыков была вызвана социальными, экономическими и политическими факторами. В его труде отмечается, что Пыльный поход изменил не только географию расселения калмыков, но и оказал значительное влияние на культуру калмыцкого народа и его образ жизни. Как правило, большинство трудов дооктябрьской эпохи, несмотря на свою историческую ценность, в большей степени упрощают те сложные геополитические процессы, связанные с постепенным расширением Российской империи. В свою же очередь, в труде Н.Я. Бичурина освещается Пыльный поход как «часть военных действий калмыков в XVIII веке» (Бичурин, 1991). Он описывает сложные отношения между калмыками и казаками, которые варьировались от военных конфликтов до торговых связей и культурного обмена. Н. Бичурин подчеркивает, что, несмотря на конфликты, между народами существовали моменты сотрудничества, что делает его труд важным для понимания динамики отношений в регионе. В этом контексте, Н. Нефедьев пишет, что возможные планы о переходе калмыков за р. Урал имели место еще до самого события: «Астраханский губернатор Брылкин доводил до сведения Коллегии Иностранных дел, что сам наместник Ханства, кочуя в Рын Песках намерен со всею Ордою перейти р. Урал, разбить Киргизцев и отворить себе путь в Бухарию, Персию или Зюнгарию, и что все владельцы собираются к нему по ночам для совещаний. Коллегия, рассмотрев сия сведения, по принятым ею соображениям, побег Калмыков признала невозможным; но между тем устроение в 1748 году Нижнеуральской линии служило против подобных замыслов достаточной мерою» (Нефедьев, 1834: 66). В целом надо сказать, что всё же основной причиной Пыльного похода было явное вмешательство царской администрации в калмыцкие дела, которое состоялось задолго до самого события: «Пик внимания царского правительства к калмыкам в XVII в. приходится на 1661 г., когда был создан и в течение года функционировал отдельный Калмыцкий приказ» (Колесник, 2003).

Событие, известное как Пыльный поход 1771 г., представляет собой один из ключевых эпизодов в истории калмыцкого народа, связанный с массовой миграцией этноса из Поволжья в Джунгарию. Этот процесс, безусловно, сопровождался столкновениями с казахскими правителями и местными родами. Калмыцкие ученые справедливо отмечают, что эти столкновения не были проявлением этнической вражды, а скорее следствием объективных обстоятельств.

Сами казахско-калмыцкие столкновения в ходе Пыльного похода можно рассматривать как результат столкновения интересов двух кочевых народов, каждый из которых стремился защитить свои земли и ресурсы. С одной стороны, калмыки, двигаясь на восток, были вынуждены пересекать казахские степи, что неизбежно приводило к конфликтам. С другой стороны, казахи, защищая свои территории, были вынуждены оборонять свои земли, кочевья и скот от действий калмыков, чьи стада нарушали сложившуюся за века систему землепользования, причем переход калмыцких кочевий широким фронтом обрекал местных скотоводов на гибель или спонтанные внутренние миграции вследствие вытаптывания новой травы.

В трудах ряда исследователей, как В.Т. Тепкеева, М.М. Батмаева, Е.В. Дорджиевой, С.С. Белоусова и др., данное событие рассматривается с различных точек зрения, что даёт возможность сформировать комплексное представление о причинах и последствиях.

В своих работах известный историк В.Т. Тепкеев акцентирует внимание на внутренних причинах Пыльного похода. Он подчеркивает, что миграция калмыков была вызвана не только внешними факторами, как давление со стороны Российской империи, но и внутренними конфликтами в самом калмыцком обществе. Ученый отмечает, что «решение о переселении было принято под влиянием ухудшения экономического положения калмыков, а также их стремления сохранить традиционный уклад жизни, который подвергался угрозе из-за политики русификации» (Тепкеев, 2023). Калмыцкий исследователь М.М. Батмаев пишет, что «политика царского правительства, направленная на ограничение автономии Калмыцкого ханства, стала ключевым фактором, подтолкнувшим калмыков к миграции» (Батмаев, 2022). А также это сопровождалось «недовольством знати и христианизацией калмыков» (Батмаев, 2022: 409). Автор проводит анализ ряда событий Пыльного похода, включая столкновения с «казахскими феодалами» (Батмаев, 2022: 420), с целью остановить движение соседей через казахские земли.

Исследователь М. Батмаев обращает внимание на экономические трудности, включая «нехватку пастбищ и природные катастрофы, которые побуждали калмыков искать более благоприятные условия для жизни» (Батмаев, 2022). При этом оценивается и влияние внешнеэкономических факторов, таких как торговля и налоги (ПСЗРИ, 1770: 485; Ходарковский, 2022: 47). Вместе с тем, политические обстоятельства, в том числе конфликты с соседними народами и внутренние распри, рассматриваются М. Батмаевым как важные причины, «вынуждающие калмыков покидать свои земли» (Батмаев, 2022). Его реконструкция последовательности событий и причин Пыльного похода и тезис, что политическая нестабильность в регионе могла привести к миграции калмыцкого народа в поисках безопасности, представляется наиболее объективной.

М. Батмаев в своей книге посвятил раздел «Роковая развилка», всестороннему анализу миграции калмыцкого народа, включая потери во время военных столкновений и влияний суровых климатических условий в процессе перекочевки (Батмаев, 2022: 406). Здесь также дается оценка

демографических изменений и экономических потерь, связанных с утратой скота и земель: «Калмыцкая знать... чрезмерно уповала на особенности кочевого образа жизни, на мобильность своих улусов, которая, по их мнению, давала возможность при неблагоприятном стечении обстоятельств или при чрезмерном нажиме правительства уйти из-под его влияния, сменить территорию обитания» (Батмаев, 2022: 406-407). Описание этой же картины «великого кочевья» передается и в трудах В.В. Бартольда, который освещал потери калмыков в контексте их столкновений с другими народами и государствами (Бартольд, 1914).

Особое мнение приводит в своем труде С.С. Белоусов, где он рассматривает данное событие в контексте межэтнических отношений в регионе. Он подчеркивает, что «конфликты между калмыками и казаками были обусловлены не только территориальными спорами, но и различиями в хозяйственном укладе и культурных традициях» (Белоусов, 2009). Автор считает, что эти столкновения также имели долгосрочные последствия для взаимоотношений двух народов. Между тем исследователь Е.В. Дорджиева считает, что реформа управления Петра I, подрывающая устои власти местной калмыцкой знати, а также социальное неравенство и экономические трудности стали основными факторами для решения об откочевке, что, в свою очередь, привело к массовым миграциям калмыков в поисках лучших условий жизни (Дорджиева, 2002). Это неудивительно, поскольку в целом «с середины XVIII века царская власть всё больше вмешивалась в дела ханства» (Российская историческая энциклопедия, 2022: 19).

Реконструировать масштабы Пыльного похода также дают возможность труды таких зарубежных исследователей, как М. Ходарковский (Ходарковский, 2022), А. Каппелер (Каппелер, 2002: 47-50), которые связывают причину перекочевки калмыков с колониальной политикой империи. Авторы пишут, что переход калмыков стал результатом систематического давления со стороны царского правительства, которое стремилось интегрировать кочевые народы в имперскую структуру. Ученые также обратили внимание на роль казахской Степи как «буфера» между Российской империей и Джунгарией, что делает участие казахов в событиях 1771 г. особенно значимым.

Важно отметить, что в целом калмыцкие исследователи подходят к анализу Пыльного похода с позиции сохранения национальной идентичности и именно данное обстоятельство служило катализатором будущих событий. Например, К.Н. Максимов пишет: «Политическая нестабильность в регионе, вызванная как внутренними конфликтами, так и внешними угрозами, создала предпосылки для активизации миграционных процессов среди калмыцкого народа» (Максимов, 2002: 78).

Главным лейтмотивом трудов являлось обоснование причин откочевки калмыков, среди которых, как правило, перечислялись внутренние междоусобицы, борьба за власть, резкое ухудшение положения рядовых кочевников, усиление политики переселения российских крестьян на земли калмыков. Кроме того, строительство новых крепостей, а, следовательно, сокращение традиционных угодий также сужало естественную площадь жизнедеятельности калмыков. Все эти причины указаны как главные побудительные мотивы в современной калмыцкой историографии, что объективно соответствует исторической реальности. Следует отметить, что слабыми сторонами калмыцкой историографии является недостаточное знание политической ситуации в Младшем жузе, географии степных просторов Казахстана на пути Пыльного похода, а также функционирования казахского кочевого хозяйства. Однако основной ахиллесовой пятой историографии Пыльного похода остается нежелание и отчасти невозможность объективной оценки деятельности российского правительства как главного катализатора событий 1771 г.

В целом калмыцкие ученые также подчеркивают, что столкновения с казаками были неизбежны из-за конкуренции за ресурсы и территорию. Однако они отмечают, что эти конфликты не должны заслонять собой общую картину борьбы калмыков за выживание в условиях внешнего давления.

4. Результаты

Планы калмыков на будущее переселение никогда не покидали их и на новой родине. Так, М. Ходарковский совершенно правильно указывал, что уже в начале XVIII в. в калмыцкой верхушке были планы выйти из-под усилившейся руки Москвы. Здесь интересно, что тогдашняя элита планировала миграцию либо на юг, в Бухару, где феодальные междоусобицы не позволили бы организации централизованного сопротивления новой угрозе. Это направление давно было известно калмыцким правителям, а богатства Мавераннахра представляли собой заманчивую цель, причем не только для элиты, но и рядовых воинов. Это обстоятельство действительно важно для упоминания, поскольку именно отсутствие добычи на западных фронтах Российской империи стало главной причиной снижения активности калмыцких воинов в качестве иррегулярных сил.

Вторым направлением, куда могли направиться новые хозяева Поволжья, было западное, на Кубань. Ногайцы, разделенные в предыдущие века на несколько групп, уже слабо напоминали прежних наследников Золотой Орды. Резко упавшая численность, разделение на несколько групп и устаревшая тактика стали причиной их поражения от калмыцких владык. Сама территория же, Кубань, была настолько привлекательной для новых групп кочевников, что побуждало калмыков нападать на нее даже без поддержки центральных российских властей. Восточное же направление

долгое время было оставлено без внимания, поскольку калмыцкие элиты хорошо представляли себе, что в эпоху расцвета Джунгарского ханства, калмыки бы неизбежно занимали бы в нем подчиненное положение, что никак не устраивало самостоятельных и гордых тайшей и зайсангов.

В том, что эти планы на масштабную миграцию пришлось отложить на полвека, следует учесть личность самого крупного и великого правителя Калмыцкого ханства - Аюка хана. Образец величия и авторитета, Аюка хан благодаря своей дружбе с российским императором Петром I сумел добиться, по сути, равного союза, где император был для калмыков прежде всего военным лидером, который, однако, не имел права вмешиваться во внутренние дела калмыков. Но при этом строго оставались верны установленным геополитическим правилам: «Калмыцкие тайши во главе с Аюкой ханом оставались верны договорённости, заключенным с царским правительством» (Тепкеев, 2023: 348). Столь широкая автономия позволила Аюке хану стать гегемоном на всем протяжении степных просторов от Кубани и Северного Кавказа до берегов рек Эмба на востоке. Здесь следует учесть, что речь идет не о подчинении этих территорий, а о степени влияния его личного авторитета. Есть упоминания, что и Абулхаир, будущий грозный хан Младшего жуза, долгое время находился при дворе Аюки. Можно предположить, что там Абулхаир хан не только познакомился с дипломатией, но и увидел для себя идеал истинного степного владыки с максимально централизованным кочевым населением, также, как и учился Абылай при дворе джунгарского хунтайджи немного позже, по крайней мере этот фактор следует учитывать при изучении дипломатических перипетий того периода.

Постоянное участие калмыцких воинов в войнах русских царей, обилие добычи для рядовых общинников, а также умелое и крепкое правление Аюки дали много плюсов для калмыков и, казалось бы, их владычеству в Нижнем Поволжье ничто не могло угрожать. Тем временем общий ход мировой истории уже должен был оттеснить кочевой строй на обочину дальнейшего прогресса. Прежде всего это выразилось в полноценном присутствии огнестрельного оружия с его улучшенными характеристиками, что кардинально поменяло картину боя. Если ранее калмыцким воинам противостояли, как правило, кочевники со знакомой тактикой и привычным вооружением, то в ходе участия в европейских походах русских царей калмыкам все чаще приходилось сталкиваться с регулярными войсками, обученным по передовой европейской тактике, что увеличивало потери, а строгая дисциплина так или иначе уменьшала долю добычи.

Вторым следствием дальнейшего поступательного развития Российской империи стало увеличение численности населения и возрастание потребностей в количестве земли, причем максимально пригодной для земледельческой практики. Непонимание этого процесса калмыцкой элитой зачастую сублимировалось в страхи перед потерей своей идентичности. Недаром одним из аргументов в пользу миграции на восток стал страх перед насильственным крещением. В целом необходимо отметить, что калмыки в гораздо большей степени были подвержены давлению и ассимиляции со стороны русской культуры. Массовое обнищание приводило к переселению калмыков в русские общины, что выводило их из собственно племенной структуры калмыков. Также среди факторов, сказавшихся на усилении страхов перед насильственной ассимиляцией, стала религиозная политика империи, когда только принятие православия гарантировало бывшим кочевникам полноценные права подданных империи. Наличие автономного образования вблизи калмыцких границ в виде полусамостоятельного уральского казачества также могло стимулировать отдельных калмыков к переходу в ранг казаков (ПСЗРИ, 1765: 14; ГААО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 30. Л. 17; ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2270. Л. 4), а поскольку одним из условий вступления в их ряды было принятие православия, становится понятным резкое уменьшение численности подвластных главному Ламе калмыцких кочевников.

Массовое освоение Нижнего Поволжья переселенцами не только отрезало калмыков от их лучших пастбищ по Волге, но и лишало их возможности для миграций. Привычные пастбища на севере медленно, но уверенно поглощались немецкими колонистами, а на востоке создание Царицынской оборонительной линии лишало привычных переходов через Волгу на ее левый берег и соответственно отрезало от пастбищ Волго-Уральского междуречья. Колонисты не только приносили новые методы ведения хозяйства, но и новую культуру, методы землепашества, торговли и т. д. Все это, конечно же, так или иначе становилось доступным для рядовых кочевников, которые вследствие безысходности пополняли численность новых поселений. Так, хан Дондук Даши жаловался на крайнюю нищету калмыков и указывал, что уже более их трети находилось за гранью бедности. Традиционные методы, позволявшие пережить трудные времена для кочевников, уже не срабатывали, а присущая кочевникам максимальная открытость для новых веяний позволяла наиболее бедным и отчаявшимся калмыкам сравнительно легко интегрироваться в российское общество. Этот массовый отход должен был озаботить не только религиозную верхушку или ханский совет, но и всех тайшей, которые понимали, что лишаются своих подданных и, как следствие, своего дохода. Надо также отметить, что традиционные подарки от российского правительства калмыцкой элите со временем стали восприниматься как часть обязательств российской короны и служили важным средством пополнения доходов элиты. Их нерегулярность, по-видимому, никак не влияла на восприятие этих подарков калмыками как своего рода дани. Сокращение же количества подарков так или иначе сказывалось на положении и авторитете каждого из тайшей или зайсангов, что еще

сильнее втягивало и ставило в зависимость от российских властей. Долгое и упорное противостояние калмыцкого хана с наместником Астраханской губернии по сути стало поводом для возобновления дискуссий о дальнейшей миграции калмыков на новые земли.

В этом плане в калмыцкой и российской историографии довольно часто подразумевается, что опробованные имперские практики на калмыцких территориях потом были успешно реализованы на собственно вовлечении казахов в российское пространство. При всей схожести калмыцкого и казахского кочевого хозяйства, различий все-таки было намного больше. В первую очередь благодаря соседству на юге богатых местных государств Средней Азии, торговля с которыми позволяла российскому правительству не только сравнительно быстро получать какие-либо эксклюзивные товары, но и реализовывать свою невостребованную на европейских рынках промышленную продукцию, что стало дополнительным катализатором для дальнейшего роста российской экономики. Так как в XVIII в. российское влияние на Казахскую степь было довольно ограничено, и империя не могла физически контролировать всю степную территорию, поэтому императрице Екатерине II приходилось идти на «компромисс»: «Если Абулхаир хан или другие киргиз-кайсацкие ханы Орды пожелают поселиться близ того города, то им назначить дополнительные места где они постоянно могли бы прибывать, притом могли бы смотреть, чтобы со стороны другого народа в сторону Яика перехода не было, а только для приезда или житья ханам» (ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 94об.). Казахская элита продолжала получать большие барыши от торговли, причем их процент мог доходить до 10 % от всей стоимости товаров. Такая баснословная прибыль не только гарантировала достаточно лояльное отношение части казахских элит к торговле, но и позволяла в значительно меньшей мере зависеть от российских подарков и жалований, в то время как калмыцкая элита постепенно теряла свой основной источник доходов. Торговля гарантировала и лояльность пограничных российских властей на поведение отдельных родоправителей и султанов, в чьих руках были возможности в силах самостоятельно парализовать степную торговлю, что приносило большие потери купцам и правительству. Таким примером может служить и деятельность Каратай султана, «чьи устремления занять ханский престол так и не смогли быть реализованы» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 2270. Л. 3), что впоследствии привело к активизации нападений на торговые караваны. Противостояние между пограничной администрацией и султаном закончилось тем, что он получил титул ага (старшего) султана одной из частей Младшего жуза. Что же касается борьбы калмыков с колониальными властями, казахские родоправители отдавали себе отчет, что их миграция была вызвана усилением русского влияния. Эти знания носили не только теоретический характер, но и передавались в силу тесных родственных контактов: «...Султан Каратай знал по рассказам своей матери Ырысты о борьбе калмыков Поволжья и Урала с царской колонизацией. Следует отметить, что “Пыльный поход” 1771 года, вполне рассматривался казахами как одна из традиционных форм сопротивления кочевников произволу. К тому же общее положение Младшего жуза в конце XVIII – начале XIX века, отстранение от власти сыновей Нуралы явно было выгодно царскому правительству для привлечения выполняющих его волю султанов» (Политические портреты..., 2022: 237).

Вторым отличием было постоянное участие калмыков практически во всех военных конфликтах Российской империи, в то время как казахи постоянно восставали против действий российского правительства, а если и принимали участие в военных акциях белого царя, то «только если это отвечало их интересам, как например участие Абулхаир хана в событиях в Башкирии» (Shotanova et al., 2022: 598) или привлечение Абылай хана в деле разгрома калмыков во время Пыльного похода. Исключительное положение калмыков среди других народов Поволжья не смогло подвигнуть воинственных кочевников на прямое противостояние с русскими властями, хотя отдельные калмыки конечно принимали участие в вооруженных выступлениях.

В-третьих, изначально большие по площади территории, что уже само по себе создавало проблемы с логистикой для любых военных действий, дополнялись наличием малодоступных земель и соседством с богатым и родственным населением. Здесь примером такого соседства может служить Хива, чья территория была не только малодоступна для русских войск, но и служила своего рода резервным ресурсом, где казахи Младшего жуза могли собраться с силами после поражений ряда восстаний. Устюрт, Мангыстау и пустынные берега Аральского моря часто служили местом сосредоточения антироссийских сил. Калмыки же изначально находились в регионе, где со временем со всех сторон были территории подвластные российской короне. Более того, постоянное участие калмыцких контингентов в военных действиях на стороне Москвы обрекло калмыков на изоляцию со стороны всех соседей. Отсюда и столь сильная зависимость калмыцких ханов от доброй воли Москвы, что лишало их всякой поддержки со стороны потенциальных союзников.

Еще одним малозаметным отличием являются пропорции поголовья скота, которые, однако, сыграли важную роль при подведении итогов Пыльного похода. Знаменитая порода калмыцкой коровы оказала как положительную роль в повседневной жизни калмыков, так и отрицательную в военных событиях 1771 г. Дело в том, что известная морская поговорка гласит: «Скорость всей эскадры ограничена скоростью самого последнего корабля». Именно наличие тяжелого и отнюдь не самого выносливого на длинных дистанциях крупного рогатого скота должно было ограничивать скорость перекочевки калмыков в их поистине не имеющем аналогов рывке на восток. Крупный рогатый скот просто не был

приспособлен к непрерывному движению кочевников. Скорость движения коровы в день в 2 раза уступает скорости МРС в виде овец, 13 км в час против 25–30 км в час. Все ее положительные качества (надой, количество мяса, морозостойкость и т. д.), конечно же, перевешивали ее неприспособленность к длинным маршрутам и ее разведение было оправданным в мирное время, однако в период столь масштабной миграции ее наличие в стаде скорее выглядело недостатком.

Все эти отличия, конечно, не выглядят решающими, а общий способ ведения хозяйства так или иначе приводил к заимствованиям, что роднило обе культуры, казахскую и калмыцкую. Знания опытных кочевников помогали им как в военное время, так и в мирное, также как знание слабых и сильных мест у противника. Еще одним малоизученным аспектом истории Пыльного похода является слабое знание географии противника. Представляется мало возможным, чтобы при столь масштабной кочевке калмыки не представляли себе все положительные и отрицательные стороны планируемого маршрута. Судить о географических знаниях калмыков о восточных землях вследствие недостаточности источников довольно трудно. Можно сделать лишь предположения, которые органично и логично объяснят ход действий калмыков на этом трагичном отрезке истории. Сами калмыки пришли в Нижнее Поволжье в основном через территорию Южной Сибири, но географию реки Эмбы и Уила знали достаточно хорошо. Судя по анализу географических карт, имели они представление и о Центральном Казахстане, по крайней мере достаточно долго на этих землях можно проследить присутствие калмыков. Так, судя по карте «Новая карта Тартарии», которую составил английский картограф Джон Спид (Лондон, 1627) на территории Западного Казахстана вплоть до Мугоджар фиксируется присутствие сразу двух групп калмыков, начиная с восточного берега реки Урал вплоть до Мугоджар. Помимо этих двух групп, вблизи от Ташкента зафиксирована и группа кочевников под названием Каракитаи, под которыми вполне возможно скрывалась еще одна группа калмыков. Понятное дело, что эти данные не отражали достоверную реальность 1627 г., но сам факт фиксации калмыков на казахских землях несомненен.

При планировании маршрута калмыцкие предводители должны были учесть очень много факторов. Так, само расстояние от реки Эмбы до озера Балхаш по прямой 1272 км. Учитывая среднюю скорость движущегося скота, причем непрерывно и по прямой, то есть около 25–30 км в день, на преодоление этого расстояния калмыкам необходимо было не менее 42–50 дней. Если учесть, что выход с весенних пастбищ должен был осуществляться ранней весной, то весь этот срок приходился на самый благоприятный для кочевания период, поздней весной и летом, когда скоту было проще находить корм на пропитание. В этом плане необходимо отметить высокую степень продуманности организации этой миграции и глубокое знание основ ведения кочевого хозяйства калмыцкой элиты.

При описании Пыльного похода, в особенности его первоначальной стадии, следует учитывать специфику географических и климатических условий Западного Казахстана. Снега, как правило, в этом регионе сходят приблизительно к Наврузу, то есть в середине-конце марта. Таким образом, у калмыков при планировании маршрута с начала января – времени их прихода на Эмбу, по середину марта – времени начала их миграции, был достаточный срок. Суровая зима в этих местностях, разбросанность казахских кочевий по этому региону не дали возможности казахам дать достойный отпор давним противникам, что породило очередной вымысел о слабости военной организации казахов Младшего жуза в частности и казахов вообще. Этот миф довольно легко нивелируется стремительными действиями казахов весной и окончательный разгром калмыков летом на берегах Балхаша. Между тем, накануне своей миграции, самими калмыками неоднократно совершались набеги с целью захвата скота на казахские аулы, а в результате перехода калмыки первыми начали боевые действия, обрушившись на редкие казахские аулы зимой 1771 г. Также самими калмыцкими исследователями приводятся сведения о плененных казахах, сопровождавших начало великого переселения.

В целом сам характер боевых действий казахов против калмыцкой миграции либо не получает должного освещения, либо игнорируется. Так, в работе М. Батмаева военные действия казахов против калмыков практически вовсе не упоминаются, больше делается упор на связях казахских правителей и русской администрации. Кроме того, отдельно М. Батмаев останавливается на переговорах между собственно калмыцким наместником и казахскими ханами. Нуралы хан, по мнению исследователя, был не способен организовать сопротивление калмыкам силами Младшего жуза и ожидал помощи от царского правительства (Батмаев, 2022: 421–422). Кроме того, в отличие от других исследователей М. Батмаев указывает на разрозненность в среде самой калмыцкой знати по поводу возвращения основной массы калмыков назад, под власть русского царя. Надо отметить, что согласно М. Батмаеву, Нуралы хан выразил свою готовность выступить посредником или поручителем в переговорах с русской администрацией, но ничего не сообщает по ответу Убаши на это предложение. Все это, по его мнению, сказывалось на общей боеспособности калмыков. Необходимо отметить, что исследователь также отмечает, что после возврата русских войск на свои пограничные линии, казахи, по сути, остались с врагом один на один. Ослабление военных сил казахов, оставшихся без поддержки военных сил колониальных властей, казалось было выгодным для калмыков, но, однако, М. Батмаев ссылается на последующие изменения маршрута миграции без объяснения причин и просто указывает на поворот калмыков на юг, через бесплодные пустыни. По-видимому, частые военные столкновения и опасность пересечения земель Среднего жуза, где железной рукой правил Абылай хан, заставила калмыков

предпринять этот опасный маневр. В этот период Абылай объединил большую часть казахов в единое государство, несмотря на чисто формальную зависимость от Российской и Цинской империй, правил достаточно самостоятельно. Неудивительно, что М. Батмаев также указывает, что Абылай вполне мог не допустить полного уничтожения калмыков, несмотря на численный перевес своих войск и крайнюю ослабленность сил Убаши. Нуралы также обвиняет Абылай хана в своем письме, где в качестве причины указывает на получение Абылаем щедрых подарков (Батмаев, 2022: 424). Однако сам ход и тема переговоров между Убаши и Абылаем остаются нераскрытыми.

Ход событий Пыльного похода и их последовательность, изложенная в работах М.М. Батмаева, почти полностью повторяется и в работе М. Ходорковского, правда с несколькими исключениями. Так, не только скорость продвижения калмыков, углубившихся в Казахскую Степь, послужила отзывом русских отрядов назад в крепости, но и восстание уральских казаков (Ходорковский, 2022: 309). Кроме того, в отличие от версии событий, изложенных М. Батмаевым, в работе М. Ходорковского это не Нуралы хан ожидал похода русских отрядов, а «...казахи присоединились позже» (Ходорковский, 2022: 309). Весь проход по территории Младшего жуза автором совершенно не освещен, а боевые действия против калмыков, казахи, согласно хронологии автора, начали лишь на берегах Балхаша, возле реки Мойынты. Таким образом, автор оставил вне своего внимания и попытки переговоров Убаши с Нуралы ханом, и первые столкновения с казаками, что не только сильно упрощает сам ход Пыльного похода, но и не согласуется с дальнейшими событиями, а изменение маршрута миграции происходит без объяснения причин. Также в отличие от М. Батмаева М. Ходорковский вообще не упоминает имена ханов, а все боестолкновения с казаками ограничивает упоминанием сражения на реке Мойынты, после чего калмыки оказываются на берегах реки Или. Таким образом, Пыльный поход представлял собой, по мнению автора, ряд случайностей, где казахи на всем его протяжении выступали в роли только исторического фона. Интересно, что, описывая потери калмыков, он ссылается на то, что людские потери были ужасающими, а также что казахам досталось огромное количество скота. Все эти потери, изложенные в отрыве от хода боевых действий, также не способствуют пониманию всей исторической трагедии того времени.

Весьма удивительно, что несмотря на весь профессионализм некоторых калмыцких ученых, они либо вкратце упоминают переговорный процесс между калмыцким ханом и казахскими ханами, либо вообще его игнорируют. Между тем первые переговоры Убаши с Нуралы ханом, по сути, были выгодны калмыкам, так как отражали интересы части калмыцкой элиты (Батмаев, 2022: 422). Кроме того, учитывая, что на Эмбе также продолжала оставаться небольшая группа калмыков, в ходе затянувшихся переговоров она могла бы присоединиться к основной группе, тем самым усилив ее. А также следует учитывать, что неудавшиеся переговоры, прерванные к тому же самим Убаши, в дальнейшем сыграли свою роль, так как казахи Младшего жуза уже не прибегали к ним. Излишняя самоуверенность Убаши, по сути, предопределила весь дальнейший ход событий.

Второй этап переговоров Убаши уже с казахским ханом Абылаем мог существенно облегчить положение калмыков, осознавших к тому времени все тяготы похода. Сама суть переговоров во многом отражала стремление Абылай хана сохранить калмыков как боеспособную силу. Впоследствии калмыки довольно часто фигурировали в качестве личной гвардии Абылай хана и его потомков. Надо отметить, что часть калмыков неизменно поддерживала казахов позднее, в период восстаний казахов против Российской империи (Кадырбаев, 2023: 1458-1459).

Здесь необходимо обозначить, что события Пыльного похода на завершающем этапе очень часто преподносятся довольно однобоко, где предательский удар Убаши на исходе срока перемирия почему-то трактуется как хитроумный план (Ходорковский, 2022: 310). Однако, учитывая плачевные итоги для калмыцкого народа этого предательства, следует отметить, что последствия такого нарушения договоренностей не были продуманы калмыцкой знатью. Случившаяся далее катастрофа стала прямым результатом этих событий и заставила часть калмыков изменить дальнейший маршрут миграции через сравнительно пустынные районы, а также привела к полному отказу от дальнейших переговоров, что обрекло значительную часть калмыков на уничтожение и захват в плен.

Отдельное место в калмыцкой историографии занимает совместная статья авторов В.Т. Тепкеева и З.Е. Кабульдинова «Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г.», которая сегодня представляется одной из наиболее объективных работ, посвященной реконструкции событий Пыльного похода (Тепкеев, Кабульдинов, 2023: 756-768). Эта научная работа отличается большим привлеченным массивом архивных документов и в целом достаточно полноценно отражает сложившиеся исторические реалии того времени. Отдельной ее сильной стороной является указание практически детального маршрута движения калмыков вглубь Казахской Степи, а также упоминание роли Чингизидов при организации военных ополчений казахов для отражения калмыцкого нашествия. Данный труд представляет из себя результат совместной работы казахстанской и калмыцкой историографии, в котором отразились все достижения исторической науки на сегодняшний день.

Особое место при описании последнего крупного боестолкновения калмыков и казахов во время Пыльного похода, где Абылай указан как хан всех трех жузов, окружившего превосходящими силами ослабленные кочевья калмыков. Постоянное упоминание авторами вышеназванных трудов

хана Младшего жуза Нуралы в качестве полноценного правителя части казахов не может не вызывать вопросов у вдумчивого читателя. Абылай к тому времени был признан Екатериной II только правителем Средней Орды. По мнению современных историков Казахстана, Абылай признавался ханом преимущественно среди родов Среднего жуза, большинством родов Старшего жуза и некоторыми родами Младшего. Поскольку Абылай хан остался в народной памяти как национальный герой, поэтому его титул всеказахского хана, по сути, имеет несколько сакральный характер. По поводу численности общего казахского войска, то она не могла быть особо большой. В напряженный момент битвы при Балхаше в 1729–1730 гг. Абулхаир хан, будучи главнокомандующим, имел под рукой общее ополчение казахов, составлявшее около 30 тысяч. Сам Абылай решился на поход против калмыков, имея под рукой не более 20 тысяч человек, а в период походов против ослабленного Джунгарского ханства его войска не превышали 15–20 тысяч воинов. Таким образом, войска собранные Абылай ханом вряд ли можно оценить в 15 тысяч, принимая во внимание, что Нуралы уже распустил своих воинов. Кроме того, учитывая, что часть казахов Старшего жуза и после битвы продолжала преследовать отступающих калмыков, то данная оценка является более реалистичной. Калмыки же, ослабленные предыдущими битвами и тяжелыми природными условиями, навряд ли имели под рукой не менее 10–15 тысяч боеспособных воинов.

Слабое знание некоторых калмыцких ученых о воинской организации казахов, по сути, не дает пространства для объективной оценки событий Пыльного похода. Крайняя разбросанность кочевых аулов на бесконечном пространстве Казахской Степи, а также тот факт, что калмыки пришли в движение практически одновременно с началом кочевки казахов - именно поэтому последние не смогли так быстро собрать ополчение и предотвратить упомянутое движение. Кроме того, Нуралы хан, будучи правителем более зависимым от российского правительства, по сравнению с тем же Абылаем, ожидал решений петербургского двора. Неудачные действия царских войск, которые явно не могли поспеть за имеющими значительную фору кочевниками, также могли спутать планы казахов по борьбе с калмыками, которые к тому же шли достаточно плотной группой и имели возможность сравнительно быстро перебрасывать резервы на помощь той или иной группе. Другой мало упоминаемой причиной было время начала калмыцкой миграции, когда именно ранней весной казахи начинали свою кочевку на новые пастбища, а скот был ослаблен после долгой весны. Главной же причиной были разные планы казахских ханов на результат калмыцкой миграции. Недаром Нуралы хан обвинял Абылая в хитроумной медлительности. Абылай был вовсе не заинтересован в усилении Цинской Китая, но выражал интерес в ослаблении военного потенциала на границах с Российской империей. По аналогии с остатками джунгар, Абылай вполне мог рассчитывать использовать калмыков в их бедственном положении в своих интересах. Этому может быть косвенно свидетельствовать и факт переговоров калмыков с Абылаем, и его согласие на перемирие сроком на три дня. Если бы его целью было именно остановить и разгромить врага, то с его силами это было вполне возможно сделать, чему в принципе могут служить подтверждением дальнейшие события.

Следует учесть, что войны между кочевниками довольно редко велись с целью тотального истребления и значительная доля калмыков попала в плен, и, хотя часть из них была продана в рабство, другая же часть калмыков стала составляющей собственно казахского этноса. Мирные отношения между кочевыми соседями были вовсе не редкостью и довольно часто в фольклоре встречаются эпизоды, когда противники находили между собой компромиссные решения.

5. Заключение

Пыльный поход, оставшийся в народной памяти казахского народа как Шанды жорык, стал последней вехой в противостоянии казахов и калмыков, которое длилось несколько веков. После Пыльного похода калмыки оказались оттеснены от привычных кочевий в Волго-Уральском регионе, тем самым контакты между казахами и калмыками стали более редкими, что уменьшило количество столкновений. Сам Пыльный поход стал завершением так называемого «героического» периода в истории казахского народа. Эпоха батыров, время максимальной милитаризации казахского общества, постепенно трансформируется, в том числе благодаря возросшей посреднической деятельности вследствие развития торговли между Российской империей и среднеазиатскими государствами, что приводит к усилению родовой знати. Возросшая зависимость родовой знати от торговли с Российской империей объективно подготавливала почву под окончательное включение Казахской Степи в единое имперское пространство. Таким образом, Пыльный поход стал не только рубежным событием для калмыцкого народа, но и оказал значительное влияние на казахское общество. Реконструкция исторических событий, приведших к столь значительным изменениям казахского общества, таким образом невозможна без изучения соседних историографий, где особое место занимает историография калмыцкой исторической науки.

В целом калмыцкая историография этого рубежного события достаточно объективно демонстрирует анализ исторических реалий. Отличительной чертой исследований является акцент на причинах, обусловивших массовую миграцию калмыков, подкрепленный широким привлечением архивных источников.

Казахско-калмыцкие отношения, сложившиеся за века совместного проживания, неоднократно сменялись периодом дружбы и временных конфликтов. Эти противоречия не мешали возникновению и укреплению дружеских и порой родственных связей. История обоих народов полна примеров взаимных брачных и иных союзов. Стоит отметить, что с падением Джунгарского ханства конфронтационный потенциал между казахами и калмыками неуклонно снижался, хотя отдельные конфликты все-таки имели место.

Пыльный поход, при всем своем трагичном исходе, положил начало более мирному сосуществованию и перевел отношения между соседями на принципиально новый уровень, а именно установление достаточно прочного мира. Калмыцкая историография, сосредоточившись на внутренних причинах Пыльного похода, тем не менее постоянно работает над расширением географии своих исследований с применением междисциплинарных методов, что способствует объективности восприятия исторических реалий того времени.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Специфика казахско-русских взаимоотношений на Казахстанском Урале: взаимосвязь идеологии и практики в историческом аспекте» (регистрационный номер: AP 23487682).

Литература

- Бартольд, 1914** – Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. СПб.: Тип. «Сельского вестника», 1914. 174 с.
- Батмаев, 2022** – Батмаев М.М. Калмыки в XVII–XVIII вв. События, люди, быт: монография / М. М. Батмаев. 2-е изд., испр. и дополн. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 440 с.
- Белоусов, 2009** – Белоусов С.С. Калмыцкие улусы в последней трети XVIII в. / История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. С. 432-464.
- Бичурин, 1991** – Бичурин Н.Я. (Иакинф). Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.
- ГААО** – Государственный архив Астраханской области.
- Дорджиева, 2002** – Дорджиева Е.В. Исход калмыков в Китай 1771 г. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. 212 с.
- Кадырбаев, 2023** – Кадырбаев А.Ш. Калмыки Поволжья и казахи: к истории их взаимоотношений в XVIII – начале XIX в. // *Oriental Studies*. 2023. 16(6). С. 1453-1462. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-70-6-1453-1462>
- Каппелер, 2002** – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2002. С. 47-50.
- Колесник, 2003** – Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.
- Левшин, 1832** – Левшин А.И. Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей. Т. 2. СПб.: Тип. К. Крайя, 1832. 333 с.
- Максимов, 2002** – Максимов К.Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII – XX вв.). М.: Наука, 2002. 524 с.
- Новолетов, 1884** – Новолетов М.Г. Калмыки: исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демкина, 1884. 79 с.
- ОГАОО** – Объединенный государственный архив Оренбургской области.
- ПСЗРИ, 1830** – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XVII. 1765–1766 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830. 1135 с.
- ПСЗРИ, 1830** – Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XIX. 1770–1774 гг. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии 1830. 1083 с.
- Политические портреты..., 2022** – Политические портреты лидеров Младшего жуза в XVIII – I половины XIX веков в отечественной и зарубежной историографии. Коллективная монография. Алматы: ИП «Мадияр», 2022. 296 с.
- Российская историческая энциклопедия, 2020** – Российская историческая энциклопедия. Т. 8. М.: Торговый дом «Абрис», 2020. 616 с.
- Рычков, 1772** – Рычков Н. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргис-Кайсацкой степи, 1771 году. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1772. 104 с.
- Тепкеев, 2023** – Тепкеев В.Т. Аюка-хан и его время. Монография; отв. ред. А. Н. Команджаев. 2-ое изд. Элиста: КалмНЦ РАН, 2023. 366 с.
- Тепкеев, Кабульдинов, 2023** – Тепкеев В.Т., Кабульдинов З.Е. Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г. // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 756-768. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768

Ходарковский, 2022 – Ходарковский М. И встретились два мира: Россия и калмыцкие кочевники (1600–1771). Элиста: КалмНИЦ РАН, 2022. 374 с.

Shotanova et al., 2022 – Shotanova G.A., Uzhkenov E.M., Dzhumagalieva K.V. (2022). The steppe elite of the Kazakhs of the Younger Zhuz during the period of vassalage: new approaches and problems of rethinking // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 603-590. DOI: 10.13187/bg.2022.2

References

Bartol'd, 1914 – Bartol'd, V.V. (1914). K istorii oroshenija Turkestana [On the history of irrigation of Turkestan]. SPb.: Tip. «Sel'skogo vestnika», 174 p. [in Russian]

Batmaev, 2022 – Batmaev, M.M. (2022). Kalmyki v XVII – XVIII vv. Sobytiya, ljudi,byt: monografija [Kalmyks in the XVII – XVIII centuries. Events, people, life: a monograph]. 2-e izd., ispr. i dopoln. Elista: KalmNC RAN, 440 p. [in Russian]

Belousov, 2009 – Belousov, S.S. (2009). Kalmyckie ulusy v poslednej treti XVIII v. [Kalmyk uluses in the last third of the XVIII century]. Istorija Kalmykii s drevnejshih vremen do nashih dnei: v 3 t. T. 1. Elista: GU «Izdatel'skij dom «Gerel». Pp. 432-464. [in Russian]

Bichurin, 1991 – Bichurin, N.Ja. (Iakin). (1991). Istoricheskoe obozrenie ojratov, ili kalmykov, s XV stoletija do nastojashhego vremeni [Historical review of the Oirats, or Kalmyks, from the 15th century to the present]. Jeli sta: Kalm. kn. izd-vo, 127 p. [in Russian]

Dordzhieva, 2002 – Dorzhieva, E.V. (2002). Ishod kalmykov v Kitaj 1771 g. [The exodus of the Kalmyks to China in 1771]. Rostov-na-Donu: SKNC VSh, 212 p. [in Russian]

GAO – Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti [State Archive of the Astrakhan region].

Hodarkovskij, 2022 – Hodarkovskij, M. (2022). I vstretilis' dva mira: Rossija i kalmyckie kochevniki (1600–1771) [And two worlds met: Russia and the Kalmyk nomads (1600–1771)]. Elista: KalmNC RAN, 374 p. [in Russian]

Kadyrbaev, 2023 – Kadyrbaev, A.Sh. (2023). Kalmyki Povolzh'ja i kazahi: k istorii ih vzaimootnoshenij v XVIII – nachale XIX v. [Kalmyks of the Volga region and Kazakhs: on the history of their relationship in the XVIII – early XIX centuries]. *Oriental Studies*. 16(6): 1453-1462. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-70-6-1453-1462> [in Russian]

Kappeler, 2002 – Kappeler, A. (2002). Rossija – mnogonacional'naja imperija. Vozniknovenie. Istorija. Raspad [Russia is a multinational empire. Appearance. History. Disintegration]. Moskva. Pp. 47-50. [in Russian]

Kolesnik, 2003 – Kolesnik, V.I. (2003). Poslednee velikoe kochev'e: Perehod kalmykov iz Cen tral'noj Azii v Vostochnuju Evropu i obratno v XVII i XVIII vekah [The Last Great Nomad: The Kalmyks' Transition from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17th and 18th centuries]. Moskva: Vost. lit., 285 p. [in Russian]

Levshin, 1832 – Levshin, A.I. (1832). Opisanie kir giz-kazackih, ili kirgiz-kajsackih ord i stepej [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. T. 2. SPb.: Tip. K. Kraijja, 333 p. [in Russian]

Maksimov, 2002 – Maksimov, K.N. (2002). Kalmykija v nacional'noj politike, sisteme vlasti i upravljenja Rossii (XVII-XX vv.) [Kalmykia in national politics, the system of power and management of Russia (XVII-XX centuries)]. Moskva: Nauka, 524 p. [in Russian]

Novoletov, 1884 – Novoletov, M.G. (1884). Kalmyki: istoricheskij ocherk [Kalmyks: a historical essay]. SPb.: Tip. V. Demkina, 79 p. [in Russian]

OGAO – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [United State Archive of the Orenburg Region].

PSZRI, 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First meeting]. T. XVII. 1765–1766 gg. SPb.: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii 1830. 1135 p. [in Russian]

PSZRI, 1830 – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First meeting]. T. XIX. 1770–1774 gg. SPb.: Tip. II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii 1830. 1083 p. [in Russian]

Politicheskie portrety..., 2022 – Politicheskie portrety liderov Mladshego zhuza v XVIII – I poloviny XIX vekov v otechestvennoj i zarubezhnoj istoriografii [Political portraits of the leaders of the Younger Zhuz in the XVIII – I half of the XIX centuries in Russian and foreign historiography]. Kollektivnaja monografija. Almaty: IP «Madijar», 2022. 296 p. [in Russian]

Rossijskaja istoricheskaja jenciklopedija, 2020 – Rossijskaja istoricheskaja jenciklopedija [Russian Historical Encyclopedia]. T. 8. Moskva: Torgovyj dom «Abriss», 2020. 616 p. [in Russian]

Rychkov, 1771 – Rychkov, N. (1772). Dnevnye zapiski puteshestvija kapitana Nikolaja Rychkova v Kirgis-Kajsackoj stepi, 1771 godu [Day notes of the voyage of Captain Nikolai Rychkov in the Kirghis-Kaisatsky steppe, 1771.]. SPb.: Pri Imp. Akad. nauk, 104 p. [in Russian]

Shotanova et al., 2022 – Shotanova, G.A., Uzhkenov, E.M., Dzhumagalieva, K.V. (2022). The steppe elite of the Kazakhs of the Younger Zhuz during the period of vassalage: new approaches and problems of rethinking. *Bylye Gody*. 17(2): 603-590. DOI: 10.13187/bg.2022.2

[Тепкеев, 2023](#) – *Тепкеев, V.T.* (2023). Ajuka-han i ego vremja [Ayuka Khan and his time. Monograph]. Monografija; otv. red. A. N. Komandzhaev. 2-oe izd. Elista: KalmNC RAN, 366 p. [in Russian]

[Тепкеев, Kabul'dinov, 2023](#) – *Тепкеев, V.T., Kabul'dinov, Z.E.* (2023). Kalmycko-kazahskie otnoshenija v period otkochevki kalmykov iz Rossii v Kitaj v 1771 g. [Kalmyk-Kazakh relations during the migration of Kalmyks from Russia to China in 1771]. *Oriental Studies*. 16(4): 756-768. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768 [in Russian]

Казахи и Казахская Степь в зеркале калмыцкой историографии Пыльного похода

Ернар Муратович Ужкенов ^a, Галия Айтжановна Шотанова ^{b, *}

^a Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Пыльный поход 1771 г. в калмыцкой историографии освещается как массовая миграция волжских калмыков в Джунгарию. Это событие является одним из наиболее драматичных эпизодов в истории калмыцкого народа, оставившим неизгладимый след в его коллективной памяти и культурной идентичности. Данное событие сопровождалось многочисленными казахско-калмыцкими столкновениями, которые следует интерпретировать не как проявление этнической вражды, а как результат объективного столкновения интересов двух кочевых народов.

Современные калмыцкие историки стремятся к более глубокому и объективному анализу событий 1771 г. Они используют новые источники, проводят сравнительные исследования и учитывают достижения мировой исторической науки. Калмыцкая историография, анализируя эти события, акцентирует внимание на необходимости более глубокого изучения взаимодействия кочевых народов с оседлыми культурами, а также на выявлении пробелов в существующих исследованиях. В целом же калмыцкая историография практически не исследует историю казахов как одной из сторон-участников такого центрального исторического события как Пыльный поход. Она в большей степени акцентирует свое внимание на внутренних причинах начала трагической миграции. Казахи и территория Казахской Степи зачастую рассматриваются как некий исторический фон, влияние которого достаточно условно. Такое восприятие связи «казахского фактора» и последней крупной миграции кочевников не позволяет объективной реконструкции истории тех событий, что приводит к упрощению совместной истории.

Данная статья может служить основой для решения исторической задачи: постановки проблемы изучения взаимосвязи События и Территории, то есть Пыльного похода и Казахской Степи.

Полученные результаты могут быть использованы для разработки новых подходов к анализу исторических процессов, что способствует более объективному пониманию роли калмыцкого народа в контексте российской государственности и его интеграции в современное общество.

Ключевые слова: Пыльный поход, калмыки, казахи, калмыцкая историография, миграция, кочевье, политика Российской империи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: galia8.09@mail.ru (Г.А. Шотанова), e81g@mail.ru (Е.М. Ужкенов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 632-640
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.632

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Community as a Subject of Customary Law among the Perm Peoples in the 18th–19th centuries

Olga A. Plotskaya ^{a, *}, Chynara K. Botoeva ^b, Nikita S. Grudinin ^c, Denis A. Shiryov ^d

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^b State Governance Academy under President of the Kyrgyz Republic named after Zhusup Abdrakhmanov, Bishkek, Kyrgyz Republic

^c Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

^d Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract

The community among the Perm peoples in the 18th-19th centuries was a historical and social organism in which social relations were regulated, to a large extent, by the norms of customary law. It not only preserved and passed on customary legal norms from generation to generation, but also served as a guarantor of their implementation, generating the emergence of new patterns of behavior created in everyday practice, enshrined in customary legal norms, and also contributed to their implementation. It influenced the formation of the legal culture and legal consciousness of its members.

The study devoted to the community as a subject of customary law among the Perm peoples in the 18th-19th centuries, possessing legal personality, seems to be a relevant phenomenon today.

In the chronological period under consideration, the community among the Perm peoples, as a traditional institution and subject of customary law, possessed legal personality, including legal capacity, legal capacity, and tort capacity. Being a single ethno-socio-cultural organism, within which all elements are interconnected and based on ritual-cult, customary-legal, ideological-mythological systems, the community retained local administrative functions throughout the period under study. However, in addition to territorially limited local administrative powers, the community after the reforms of the 60s of the XIX century gradually began to transform from a collective in which elements of democracy were applied, into the lowest level of the state apparatus, acquiring the features of a nominal subject of public relations.

Keywords: community, subject of law, Zyryans, Votyaks, customary law, legal personality, legal capacity, legal capacity, tort capacity.

1. Введение

Община у пермских народов в XVIII-XIX вв. представляла собой историко-социальный организм, в котором общественные отношения регулировались, в большей мере, нормами обычного права. Она не только сохраняла и передавала из поколения в поколение обычно-правовые нормы, но и являлась гарантом их реализации, генерируя появление новых «эталонов, образцов» поведения, создаваемых в повседневной практике, закрепленных в обычно-правовых нормах, а также способствуя их исполнению. Она влияла на формирование правовой культуры и правового сознания своих членов. Обычное право представляло собой систему общепризнанных правовых ценностей, идеалов, воззрений народа, которая регулировала и жизнедеятельность общины,

* Corresponding author

E-mail addresses: olga.plockaya@mail.ru (O.A. Plotskaya), cbotoeva@mail.ru (C.K. Botoeva), nekit-07@mail.ru (N.S. Grudinin), shirev-da@pfur.ru (D.A. Shiryov)

т. е. самоуправляемого крестьянского мира, сохранявшего определенную степень юридической автономии от государства.

Вопрос о понимании и значении субъекта в обычном праве сложен для изучения и в науке не имеет единого подхода. Так, сторонники исторической школы в качестве основания наличия субъективных прав называли – свободу. Г.Ф. Пухта отмечал, что субъектом права человек является «в силу свободы» (Пухта, 1872: 8). При этом свобода человека, по мнению Г.Ф. Пухты, представляет собой фундамент права, а человеку принадлежит возможность на самоопределение (Пухта, 1872: 8-9).

Противоположной позиции придерживаются представители марксистской школы, по мнению которых «буржуазные свободы» представляют собой, так называемый, отмирающий элемент (Маркс, Энгельс, 1955: 439). Такая позиция отрицает идею наличия у субъекта как прав, так и свобод.

В настоящем исследовании необходимо использовать общераспространённое понятие «субъект права», обозначающее адресатов права, которые обладают правосубъектностью.

Исследование, посвященное общине, ее организации, структуре, функциям у восточных финно-угорских народов в XVIII–XIX вв., сегодня представляется актуальным явлением.

2. Материалы и методы

Изучение статуса общины как субъекта обычного права у представителей финно-угорских народов (коми (зыряне, пермяки), удмурты (вотяки)) в рассматриваемый период базируется на анализе архивных историко-правовых документов и источников, имеющих постоянное место хранения в двух российских архивах – Российском государственном архиве древних актов (Москва, Российская Федерация) (далее по тексту – РГАДА) и Национальном архиве Республики Коми (Сыктывкар, Российская Федерация) (далее по тексту – НА РК).

Значимыми историческими источниками для данного исследования являются царские грамоты, мирские приговоры, решения мирских советов, рапорты, челобитные, записи об отдаче природных объектов в оброчное владение и др., относящиеся не только к XVIII-XIX вв., но и к более ранним периодам, позволяющие проследить генезис и особенности изменения статуса общины. Эти исторические документы систематизированы в хрестоматийных изданиях и сборниках (Документы..., 1958; Коми край..., 2012; Хрестоматия..., 1973; Материалы по истории...; История Коми края..., 1991).

Исследуя материалы, привлеченные к научным разработкам, осуществляемым в экономико-хозяйственной, этнографо-исторической сферах дореволюционными исследователями-путешественниками, естествоиспытателями, а также учеными Г.Е. Верещагиным, Н. Добротворским, И.М. Катаевым, И.И. Лепехиным, П. Палласом и др. авторы постарались проследить особенности в функционировании общины у пермских народов как самоуправляющейся структуры и тенденции, способствующие изменению ее статуса. Существенную помощь в раскрытии места и роли общины как коллективного субъекта обычного права, наделенного значительными полномочиями, оказали публикации, размещенные в дореволюционной периодической печати.

Используемая методологическая основа в настоящей работе включает в себя комплекс взаимосвязанных и систематизированных фундаментальных принципов, а также научно обоснованных подходов и методов. Доминирующие позиции в исследовании предоставлены системному и междисциплинарному подходам, которые позволяют общину и ее правовой статус рассматривать как сложнейший механизм, самоуправляемый организм, состоящий из множества структурных элементов, для раскрытия сущности которых необходимо использовать такие методы, как историко-правовой, системно-структурный и метод анализа.

В настоящем исследовании применены общепризнанные принципы историзма и объективности для проводимого изыскания, содействующие раскрытию роли общины в процессе жизнеобеспечения пермских народов.

С целью полномасштабного воссоздания исторической объективности и реальности, отдельное внимание уделено использованию в данном исследовании историко-генетического метода, обеспечивающего возможность выявления в исторической последовательности изменений, происходивших с зырянской и вотской общиной в XVIII-XIX вв. Применение историко-правового метода позволило учитывать происходившие в Российском государстве исторические события в данный период, а также рассматривать общину в контексте возникавших исторических реалий и фактов.

3. Обсуждение

К вопросу о роли крестьянской общины в жизнеобеспечении у коми и удмуртов в XVIII–XIX вв. периодически обращались дореволюционные исследователи, которые посещали территории, населенные этими народами. Среди них выделим изыскания Г.Е. Верещагина, Н. Добротворского, И.М. Катаева, П.С. Палласа и др. (Верещагин, 1889; Добротворский, 1883; Катаев, 1901; Паллас, 1788).

Ученые в советский и современный период большое значение уделяли и продолжают уделять изучению вопросов аграрной истории у рассматриваемых народов. Среди них отметим имена Ю.В. Александрова, В.Л. Бушуевой, А.К. Гагиевой, М.В. Гришкиной, А.Е. Коньшина, Г.А. Никитиной, А. С. Савельева, А. В. Черных и др. (Александров, 2014; Гагиева, 2014; Никитина, 1993; Никитина,

2011; Черных, 2007). Перечисленные исследователи внесли значительный вклад в изучение функций, органов, входящих в структуру общины, особенностей налаживания хозяйственно-экономических отношений в ней в определенный хронологический период. Однако значительное число уже изданных этнографических, историко-социологических исследований, основанных на анализе различных исторических источников и материалов, не дают полного представления об общине, как о субъекте права. В их трудах община не рассматривалась на протяжении XVIII-XIX вв. как коллективный субъект обычного права, широко распространенного у пермских народов. Авторы также не раскрывали правовой статус общины через призму ее детализации правосубъектности, включавшей такие элементы, как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность.

Вопросам развития и функционирования общины и широко распространённого в ней обычного права у российских народов, населявших различные губернии в дореволюционной России, сегодня занимаются специалисты различных научных сфер. Среди ученых, проявляющих интерес к этой теме, обозначим следующих: Н. А. Жирова (Zhironov, 2024), В.В. Наумкину, С.А. Попова, М.А. Соснину (Sosnina et al., 2024a; Sosnina et al., 2024b; Sosnina et al., 2024c) и др.

Однако комплексного исследования данной проблемы не составляло специализированного отдельного предмета самостоятельного научного исследования.

Поэтому целью настоящей работы является рассмотрение общины как субъекта обычного права у пермских народов в XVIII-XIX вв., обладающего особой правосубъектностью, включающей правоспособность, дееспособность, а также деликтоспособность.

Настоящий труд представляет собой продолжение уже ряда опубликованных научных исследований, касающихся регулятивной роли обычного права у пермских народов (Plotskaya et al., 2021; Plotskaya et al., 2022; Plotskaya et al., 2023; Plotskaya et al., 2024).

4. Результаты

В общине у пермских народов в XVIII-XIX вв. широкое распространение получило обычное право, с помощью которого не только регулировали возникавшие социальные отношения, разрешали общественные конфликтные ситуации, как правило, медиационным путем, но и создавали идейно-моральное единство этнически локального общества, направленное на выживание в суровых природно-климатических условиях и, соответственно, дальнейшее функционирование и развитие этого этно-локального общества. Обычное право, применявшееся в общине у коми и удмуртов, обладало также и воспитательной функцией, позволявшей создавать общественное единство, общее мировоззрение ее членов. Поэтому, рассматривая общину как субъект обычного права у пермских народов в дореволюционный период, нельзя забывать о том «отпечатке», который накладывало обычное право.

Обычно-правовой статус определённого лица выражает его полномочия и функции, которые способствуют реализации задач, стоящих перед ним, как субъектом права в сфере общественных обычно-правовых отношений. Кроме этого, обычно-правовой статус характеризует роль и место данного субъекта права и его взаимодействие с другими субъектами права. Правовой статус общины, как специфической формы реализации местного самоуправления, где широкое распространение получили нормы обычного права и принципы традиционного поведения ее членов, в рассматриваемый период часто определяют как совокупность ее прав, полномочий, обязанностей. Однако в целях детализированного и полного исследования обозначенной научной проблемы, необходимо рассматривать общину в качестве субъекта обычного права с позиции ее правосубъектности, как закреплённой в праве способности выступать самостоятельным субъектом права, имеющим перечень государственно санкционированных прав (обязанностей) для осуществления местного управления в рамках наделённых компетенций. Правосубъектность общины у пермских народов включала три составляющих ее элемента: 1) правоспособность, отражающая правовой статус общины с позиции наличия у нее прав и обязанностей, возможность осуществлять действия, направленные на организацию местного управления, создание и функционирование мирских коллегиальных органов управления, осуществление этно-правосудия и др.; 2) дееспособность, раскрывающая возможность субъекта права своими действиями, основанными прежде всего на применении локальных правовых обычаев, получать, а также исполнять не только права, но и обязанности; 3) деликтоспособность, позволяющая субъекту права нести ответственность за собственные решения, действия (бездействие).

Рассмотрим правоспособность, т.е. способность иметь определенные права и нести соответствующие ее статусу обязанности.

Права у субъекта появляются тогда, когда он участвует в практике социальной жизни, «когда он плотно встраивается в общественный порядок особого типа и активно жизнедействует в нем» (Колотова, 2006: 109). Община у пермских народов представляла целостный организм, встроенный в общественный мир зырян и вотяков. Она являлась коллективным и в тоже время неперсонифицированным субъектом права, как и семья, промысловая артель, общинный (мирской) сход и т. д.

Кроме коллективных субъектов обычного права у пермских народов можно выделить и индивидуальных, то есть персонифицированных субъектов обычного права, к которым относились различные общинные должностные лица. Среди них можно назвать сельских старост, пожарных старост, жрецов (в разных источниках их называли по-разному - «туно» (Катаев, 1901: 35), «Тон» (Паллас, 1788: 51), смотрителей, сотских, десятских, сборщиков податей, отдельного индивида и др. У всех коллективных и индивидуальных субъектов обычного права существовала своя правоспособность, т. е. определенный набор прав, отличающий их друг от друга и соответствующий перечень обязанностей, которые они выполняли.

Любой коллективный субъект обычного права имел огромное значение, так как представлял собой носителя прав и обязанностей. Особенно значимая роль в организации жизнедеятельности пермских народов была у общины. Общинная организация общественных отношений позволяла выживать в суровых северных климатических условиях, которые были актуальны особенно для коми-зырян (в частности, для коми-ижемцев, занимавшихся традиционным оленеводческим промыслом в районах Крайнего арктического Севера и приарктических местностях). Бытовавшие и применявшиеся в мирской организации зырянской общины или вотской «общине – бускель» (Александров, 1998: 14) обычно-правовые принципы жизнедеятельности общества, такие как взаимопомощь, взаимовыручка, справедливость, сплачивали общинников и способствовали выживанию. Община обязана была следить за реализацией этих принципов на практике, а также за соблюдением прав каждого ее члена.

Определенная специфика ведения общинной хозяйственной деятельности, в том числе у коми-ижемцев, а также факт наличия значительного количества крестьян, относившихся к категории государственных, а не крепостных, способствовала выделению общины в качестве самостоятельного коллективного обычно-правового субъекта, обладавшего широким перечнем прав.

Значимый состав управленческих полномочий община у пермских народов приобрела также благодаря тому, что крепостное право не было распространено на большей части территории расселения пермских народов (исключением являлись «южные коми-пермяки» (Климов, Чагин, 2005: 69), а также приписные к уральским заводам вотские и коми-пермяцкие крестьяне (Коньшин, Савельев, 2005: 7).

Община представляла собой коллективный и сложный по структуре субъект. Она являлась нераздельным и целостным организмом, в котором присутствовали не только кровно-семейные, но и родовые связи, закреплявшиеся нормами обычного права. Коллективным субъектом являлась не только община, но и род, семья, которые также способствовали формированию и созданию социальных традиционных регуляторов. Члены общины исполняли требования этих регуляторов. В исследуемый период в ней сохранялись элементы «объединения родственников в форме патронимии,... родственные семьи... селились вплотную друг к другу...» (Александров, 1998: 54). Важнейшая цель, стоявшая у общины, также как и у рода - сохранение своего единства и целостности (Наумкина, 2010: 112).

Община регламентировала различные сферы жизнедеятельности своих членов, включая: пользование общинными землями, их перераспределение; расклад государственных податей; охрана общественного порядка; осуществление этно-правосудия и т.д. Кроме этого, она обязана контролировать реализацию и правильное применение обычно-правовых норм на общинном уровне. Если обратиться к историческим источникам более раннего периода, к примеру, документам, датированным концом XVII в., то в них четко прослеживается обязанность общины, как коллегиального органа, судить и даже наказывать общинников: «А с вотяками... что они выбирали в толмачи татар без мирского их ведома и совету самовольством... дать суд...» (Документы, 1958: 119). Община избирала своих членов в качестве представителей в государственные органы: «... посыльщиком... ехать с Вятки к Москве для наших мирских дел... подавать челобитные...» (Документы, 1958: 398). Такая компетентностная нагрузка сохранялась у общины и в XVIII-XIX вв. Общинные решения подлежали коллегиальному обсуждению и выносились на сходе (мирском совете) (Коми край..., 2012: 61), членами которого были домохозяева, обладавшие полным наделом «земли на свои души» (Майер, 1981: 43). В этом частично реализовывался еще один элемент правосубъектности общины – дееспособность, раскрывающая возможность субъекта права своими действиями получать, а также исполнять не только права, но и обязанности. На сельских сходах, с соблюдением норм обычного права и традиций, сочетавшихся с элементами демократии, избирали из местных общинников даже судей.

В исторической доктрине общепринято мнение о том, что община у пермских народов являлась соседской, т. е. территориальной. Общинный сход наделен был также распорядительно-судебной властью. В его состав входили домохозяева (Верещагин, 1998: 76), знавшие русский язык и «счетоводство, чтобы при продаже хлеба и других сельских продуктов он не мог ошибиться» (Верещагин, 1998: 76), и имевшие «надел земли на свои души...» (Верещагин, 1895: 95). Такие домохозяева должны были принимать участие в деятельности схода, имели право голосовать и подписывать «...приговоры...» (Верещагин, 1998: 76). На сходе могли избирать общинников, которых наделяли также и общественными функциями. Так, к примеру, в 1772 г. на сходе избрали представителя в «депутаты в Яренскую воеводскую канцелярию» (Коми край..., 2012: 62).

Даже в немногочисленных источниках второй половины XVII в. встречается информация о сходах, на которых общинниками принимались достаточно серьезные решения коллегиально: «... написали мы меж собою... со всего мирского большего совету...» (Документы, 1958: 96).

Обычно-правовые нормы широко были распространены в общинных советах. На них опирались, вынося решения для разрешения хозяйственно-экономических (Хрестоматия..., 1973: 63), бытовых вопросов обычной жизни крестьян, а также брачно-семейных споров, «раздоры между членами семьи, ... разводит мужа с женою, если они живут не ладно...» (Добротворский, 1883: 259-360). Последнее слово при вынесении решения на сходе оставалось за стариками (Добротворский, 1883: 260).

На обычно-правовые нормы ссылались при осуществлении этно-правосудия в отношении совершенных на территории общины, либо членами общины, мелких краж, ссор, драк, супружеской измены, оскорбления, брани, клеветы, осквернения и поругания тотемных животных, растений, духов и т. д. При рассмотрении наиболее тяжких дел, общинный сход мог даже назначить наказание, «вплоть до высылки членов общины в Сибирь» (Александров, 1998: 16), а также в редких случаях мог вынести и «смертный приговор» (Александров, 1998: 16). По мнению А. И. Михайлова, общинный сход «решал все дела и судил различные поступки» (Михайлов, 1927: 13).

Решения общинного схода были обязательны к исполнению для всех членов общины, а «... нарушитель... становится предметом общего презрения и получает прозвище...» (Бехтерев, 1880: 144).

Нередко споры завершались примирением сторон, учитывая интересы всех участников спора. Причем архивные документы, свидетельствующие о рассмотрении спорных ситуаций содержат следующие фразы: «...согласия полюбовно разложили...» (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. II. Д. 6172. Л. 5); «...сыскав в сердце правду, не ходя в суд, помирились...» (Коми край..., 2012: 54); «... поделились между собой полюбовно...» (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Ч. II. Д. 6172. Л. 110б.). В делах, по спорным вопросам между родителями и детьми, сход часто выносил решения в «пользу родителей» (Никитина, 2011: 9).

Общинный сход, руководствуясь принципом круговой поруки, контролировал недобросовестных хозяев, чьи действия могли в дальнейшем привести к банкротству возглавляемое им хозяйство, т. е. «... решением схода он мог быть заменен другим» (Никитина, 2011: 9).

Уже в пореформенный период XIX в. сход приобретает роль низшего «звена местного самоуправления» (Александров, 1998: 16), являясь посредником между общиной и государством в лице его органов.

Общинный сход являлся не только структурой местного самоуправления, но и органом общинной демократии, где сохранялся и функционировал принцип общего согласия, а решения принимались «...миром...» (Верещагин, 1895: 127).

Однако отметим образовавшиеся тенденции в течение XIX в., которые, по мнению Н. П. Павлова, ограничивали права сходов, так как «порядок их проведения подвергался бюрократической регламентации» (Павлов, 1985: 70). В таком положении подвергалась изменениям общинная демократия. К концу XIX в. даже не все главы хозяйств на Вятке приглашались к рассмотрению сельских общественных дел (Павлов, 1985: 70) на сходе, а полномочия старосты общины постепенно возрастали (НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 35. Л. 1; НА РК. Ф. 99. Оп. 1. Д. 60. Л. 30б.), так как они представляли собой «должностных лиц местного общинного уровня» и избирались вместе с «верхушкой схода» членами общины во время заседания сходов (НА РК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 8. Л. 4). Такое решение схода оформлялось приговором, где четко прописывались конкретные лица, назначаемые на различные должности: «... о выборах на 1893 г. полицейских сотских, десятских, пожарных старост... единогласно Постановили: на должность... назначить...» (НА РК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 54. Л. 132).

Женщины, подростки, совершеннолетние члены общины, но не домохозяева, по-прежнему, не обладали правом участия в заседании схода, где рассматривались вопросы управления общиной. Кроме того, общинный сход являлся законным, если в нем принимал участие староста (Павлов, 1985: 71). В конце XIX в. на общинный сход оказывали давление зажиточные представители общины. Манипулируя общинным сходом, они добивались принятия выгодных им решений.

Часто спорные судебные дела рассматривались просто формально. Это касалось такой категории дел, в которых не затрагивались права и интересы большинства крестьян. Среди таких дел можно назвать дела об опеке и попечительстве, о «призрении неимущих и т.п.» (Павлов, 1985: 72). При их рассмотрении крестьяне могли и не посещать заседание схода.

Таким образом, к концу XIX в., присущие ранее общине и общинному сходу, элементы демократизма стали постепенно вытесняться из системы общинного самоуправления.

Касаясь последнего элемента правосубъектности общины, - деликтоспособности, позволяющей субъекту права нести ответственность за собственные решения, действия (бездействие), важно отметить, что она в ограниченном виде присутствовала у общины пермских народов. И хотя в рассматриваемый период у коми и удмуртов нельзя четко выделить наличие коллективной ответственности рода, однако община обеспечивала защиту прав и интересов своих членов, предоставляя им субъективные права. Именно община создавала возможность для развития

персонифицированной ответственности индивида, так как виновное лицо чаще всего и несло индивидуальную ответственность.

Кроме того, интересы члена общины, как индивида, подчинялись общественным, общинным интересам. Даже в бытовых, семейных, традиционных отношениях «родовое начало... крепко держится... почему вотския семьи обыкновенно очень многочисленны...» (Островский, 1873: 26).

Община несла ответственность за принимаемые решения в сфере гражданско-правовых отношений, о чем свидетельствуют исторические источники XVIII–XIX вв. Так, в гражданском обороте бытовали сделки, заключающиеся в общинных интересах, в интересах отдельных семей и даже индивидов (История Коми края, 1991: 67, 89–90), являвшихся ее членами.

Община как субъект права обладала общинными землями, несла ответственность за распределение земель, за управление общинным имуществом, являлась отдельным и самостоятельным субъектом, от имени которого крестьяне-общинники подавали в органы государственной власти прошения в письменной форме. Община как коллективный субъект обеспечивала реализацию естественных прав индивида как члена общины. Поэтому она также являлась своеобразным традиционным гарантом реализации действовавших внутри общины норм обычного права.

Производящий тип хозяйства, которой существовал в рассматриваемый период у коми и удмуртов, способствовал обособлению общины в качестве отдельной единицы.

5. Заключение

Таким образом, в XVIII–XIX вв. община у пермских народов как традиционный институт и субъект обычного права обладала правосубъектностью, включающей правоспособность, дееспособность, а также деликтоспособность. Являясь единым этно-социокультурным организмом, внутри которого все элементы взаимосвязаны и основаны на обрядово-культовой, обычно-правовой, идеолого-мифологической системах, община на протяжении исследуемого периода сохраняла локально-административные функции. Однако, кроме территориально ограниченных управленческих полномочий местного уровня, община после реформ 60-х гг. XIX в. постепенно начала превращаться из коллектива, в котором применялись черты демократии, в низшую ступень государственного аппарата, приобретая черты номинального субъекта общественных отношений.

Литература

- Александров, 1998 – Александров Ю.В. Обычное право удмуртов (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1998. 26 с.
- Бехтерев, 1880 – Бехтерев В.М. Вотяки, их история и современное состояние. Бытовые и этнографические очерки // *Вестник Европы*. СПб., 1880. Т. 5. Кн. 9. Сентябрь. С. 141–172.
- Верещагин, 1895 – Верещагин Г.Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда. Вятка, 1895. 208 с.
- Верещагин, 1998 – Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Этнографические очерки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. Кн. I. 311 с.
- Добротворский, 1883 – Добротворский Н. Пермские. Бытовой этнографический очерк // *Вестник Европы*. 1883. Т. 2. Кн. 3.
- Документы..., 1958 – Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков / сост. П.Н. Лупшов. Ижевск, 1958. 422 с.
- История Коми края, 1991 – История Коми края в документах и материалах. Хрестоматия. Ч. I: Дореволюционный период / под ред. О.Е. Бондаренко, В.И. Чупрова. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991.
- Катаев, 1901 – Катаев И.М. Вотяки. М.: С. Курнин и К., 1901. 46 с.
- Климов, Чагин, 2005 – Климов В.В., Чагин Г.Н. Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 2005. 256 с.
- Колотова, 2006 – Колотова Н.В. Право и права человека в условиях глобализации // *Государство и право*. 2006. № 2. С. 105–120.
- Коми край..., 2012 – Коми край в XVIII веке: сб. документов / под общ. ред. А.К. Гагиевой. Сыктывкар, 2012. 115 с.
- Коньшин, Савельев, 2005 – Коньшин А.Е., Савельев А.С. Пути и судьбы коми-пермяцкого народа / *Коми-пермяки и финно-угорский мир: материалы Межрегиональной научно-практической конференции (30 июня – 1 июля 2005 г.)*. Кудымкар, 2005. Ч. II. 378 с.
- Майер, 1981 – Майер В.Е. Важный источник по истории соседской общины Удмуртии // *Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XIX вв.* Ижевск, 1981. С. 36–60.
- Маркс, Энгельс, 1955 – Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии / Сочинения. М., 1955. Т. 4.
- Материалы по истории... – Материалы по истории БАССР. Т. 3 / Уфаген: генеалогия и архивы. [Электронный ресурс]. URL: <http://ufagen.ru/node/30014> (дата обращения: 31.10.2024).

- Михайлов, 1927 – Михайлов А.И. Вотячка. М., 1927. 40 с.
 НА РК – Национальный архив Республики Коми.
 Наумкина, 2010 – Наумкина В.В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX – начала XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 347 с.
 Никитина, 2011 – Никитина Г.А. Нормативные ценности удмуртского крестьянства в контексте мирской юрисдикции // *История государства и права*. 2011. № 8. С. 7-10.
 Островский, 1873 – Островский Д.Н. Вотяки Казанской губернии // *Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете*. 1873. Т. IV. № 1. С. 1-48.
 Павлов, 1985 – Павлов Н.П. Об исторической динамике общественного самоуправления на селе // *Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв.: сб. статей* / отв. ред. В.Е. Майер. Устинов, 1985. С. 69-79.
 Паллас, 1788 – Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: Императорская Академия Наук, 1788. Ч. 3. Половина 2. 481 с.
 Пухта, 1872 – Пухта Г.Ф. Энциклопедия права. Ярославль: тип. Г. Фальк, 1872. 99 с.
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов.
 Хрестоматия..., 1973 – Хрестоматия по истории Удмуртии / Под общ. ред. В.Е. Майера; сост. Г.К. Аникина и др. Ижевск, 1973. 269 с.
 Черных, 2007 – Черных А.В. Народы Пермского края. История и этнография. Пермь: Пушка, 2007. 296 с.
 Zhiron, 2024 – Zhiron N.A. Socio-Economic Development of the Black Soil Village in the XIX – early XX centuries: from the Prosperous Granary of Pre-Reform Russia to the Demo-Ecological Crisis of Rural Settlements // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1605-1614.
 Plotskaya et al., 2021 – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.
 Plotskaya et al., 2022 – Plotskaya O.A., Kurilyuk Y.E., Ospanova D.A. Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1575-1584.
 Plotskaya et al., 2023 – Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V. The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the FinnoUgric and Samoyed Peoples of the North of Russia // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 37-45.
 Plotskaya et al., 2024 – Plotskaya O.A., Urankhaeva G.T., Grudin N.S., Zhiron R. M. Customary Legal Methods of Acquiring Rights to Land from Zyryans in the 19th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1286-1293.
 Sosnina et al., 2024 – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A. The Customary Legal Status of Adopted Sons-In-Law in a Peasant Family in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1759-1765.
 Sosnina et al., 2024 – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Besedkina N.I., Avanesova A.A. Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1318-1326.
 Sosnina et al., 2024 – Sosnina M.A., Vorotilina T.V., Nikolaeva J.V., Lavrishcheva O.A. Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(1): 159-168.

References

- Aleksandrov, 1998 – Aleksandrov, Yu.V. (1998). Obychnoe pravo udmurtov (XIX – nachalo XX vv.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Customary law of the Udmurts (XIX – early XX centuries): abstract of the dissertation. ... Candidate of Historical Sciences]. Izhevsk. [in Russian]
 Bekhterev, 1880 – Bekhterev, V.M. (1880). Votyaki, ikh istoriya i sovremennoe sostoyanie. Bytovye i etnograficheskie ocherki [Votyaki, their history and current state. Everyday and ethnographic essays]. *Vestnik Evropy*. SPb. T. 5. Kn. 9. Sentyabr'. Pp. 141-172. [in Russian]
 Chernykh, 2007 – Chernykh, A.V. (2007). Narody Permskogo kraja. Istoriya i etnografiya [The peoples of the Perm Region. History and ethnography]. Perm'. [in Russian]
 Dobrotvorskii, 1883 – Dobrotvorskii, N. (1883). Permyaki. Bytovoi etnograficheskii ocherk [Permyaki. A household ethnographic essay]. *Vestnik Evropy*. T. 2. Kn. 3. [in Russian]
 Dokumenty..., 1958 – Dokumenty po istorii Udmurtii XV–XVII vekov [Documents on the history of Udmurtia XV–XVII centuries]. Sost. P.N. Luppov. Izhevsk, 1958. [in Russian]
 Istoriya Komi kraja..., 1991 – Istoriya Komi kraja v dokumentakh i materialakh. Khrestomatiya. Ch. I: Dorevolutsionnyi period [History of the Komi Region in documents and materials. Anthology. Part I: The Pre-revolutionary period]. Pod red. O.E. Bondarenko, V.I. Chuprova. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1991. [in Russian]
 Kataev, 1901 – Kataev, I.M. (1901). Votyaki [Votyaki]. M.: S. Kurnin i K. [in Russian]

- Khrestomatiya..., 1973** – Khrestomatiya po istorii Udmurtii [A textbook on the history of Udmurtia]. Pod obshch. red. V.E. Maiera; sost. G.K. Anikina i dr. Izhevsk, 1973. [in Russian]
- Klimov, Chagin, 2005** – Klimov, V.V., Chagin, G.N. (2005). Kruglyi god prazdnikov, obryadov i obychaev komi-permyakov [All year round holidays, rituals and customs of Komi-Permians]. Kudymkar: Komi-Permyatskoe knizhnoe izdatel'stvo. [in Russian]
- Kolotova, 2006** – Kolotova, N.V. (2006). Pravo i prava cheloveka v usloviyakh globalizatsii [Law and human rights in the context of globalization]. *Gosudarstvo i pravo*. 2: 105-120. [in Russian]
- Komi krai..., 2012** – Komi krai v XVIII veke: sb. dokumentov [Komi Krai in the XVIII century: collection of documents]. Pod obshch. red. A.K. Gagievoy. Syktyvkar, 2012. [in Russian]
- Kon'shin, Savel'ev, 2005** – Kon'shin, A.E., Savel'ev, A.S. (2005). Puti i sud'by komi-permyatskogo naroda [Ways and destinies of the Komi-Permyak people]. *Komi-permyaki i finno-ugorskii mir: materialy Mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (30 iyunya – 1 iyulya 2005 g.)*. Kudymkar. Ch. II. [in Russian]
- Maier, 1981** – Maier, V.E. (1981). Vazhnyi istochnik po istorii sosedskoi obshchiny Udmurtii [The important source on the history of the Udmurt neighborhood community]. *Voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya Udmurtii v XVII – pervoi polovine XIX vv.* Izhevsk. Pp. 36-60. [in Russian]
- Marks, Engel's, 1955** – Marks, K., Engel's, F. (1955). Manifest Kommunisticheskoi partii [Manifesto of the Communist Party]. Sochineniya. M. T. 4. [in Russian]
- Materialy po istorii...** – Materialy po istorii BASSR. T. 3. [Materials on the history of the BASSR. Vol. 3]. [Electronic resource]. URL: <http://ufagen.ru/node/30014> (date of access: 31.10.2024). [in Russian]
- Mikhailov, 1927** – Mikhailov, A.I. (1927). Votyachka [Votyachka]. M. [in Russian]
- NA RK** – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Komi [National Archives of the Komi Republic].
- Naumkina, 2010** – Naumkina, V.V. (2010). Obychnoe pravo kochevykh narodov Vostochnoi Sibiri v pravovoi sisteme Rossiiskogo gosudarstva XIX – nachala XX vv. [Customary law of the nomadic peoples of Eastern Siberia in the legal system of the Russian state of the 19th – early 20th centuries]: dis. ... d-ra yurid. nauk. M. [in Russian]
- Nikitina, 2011** – Nikitina, G.A. (2011). Normativnye tsennosti udmurtskogo krest'yanstva v kontekste mirskoi yurisdiktsii [Normative values of the Udmurt peasantry in the context of secular jurisdiction]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 8: 7-10. [in Russian]
- Ostrovskii, 1873** – Ostrovskii, D.N. (1873). Votyaki Kazanskoi gubernii [otyaki, Kazan province]. *Trudy obshchestva estestvoispytatelei pri Imperatorskom Kazanskom universitete*. T. IV. № 1. Pp. 1-48. [in Russian]
- Pallas, 1788** – Pallas, P.S. (1788). Puteshestvie po raznym provintsiiyam Rossiiskogo gosudarstva [A journey through different provinces of the Russian state]. SPb.: Imperatorskaya Akademiya Nauk. Ch. 3. Polovina 2. [in Russian]
- Pavlov, 1985** – Pavlov, N.P. (1985). Ob istoricheskoi dinamike obshchestvennogo samoupravleniya na sele [On the historical dynamics of public self-government in rural areas]. *Semeinyi i obshchestvennyi byt udmurtov v XVIII–XX vv.: sb. statei*. Otv. red. V.E. Maier. Ustinov. Pp. 69-79. [in Russian]
- Plotskaya et al., 2021** – Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva D.G. (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.
- Plotskaya et al., 2022** – Plotskaya, O.A., Kurilyuk, Y.E., Ospanova, D.A. (2022). Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1575-1584.
- Plotskaya et al., 2023** – Plotskaya, O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya, R.S., Fedorov, R.V. (2023). The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII-XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the FinnoUgric and Samoyed Peoples of the North of Russia. *Bylye Gody*. 18(1): 37-45.
- Plotskaya et al., 2024** – Plotskaya, O.A., Urankhaeva, G.T., Grudin, N.S., Zhiron, R. M. (2024). Customary Legal Methods of Acquiring Rights to Land from Zyryans in the 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1286-1293.
- Pukhta, 1872** – Pukhta, G.F. (1872). Entsiklopediya prava [Encyclopedia of Law]. Yaroslavl'. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- Sosnina et al., 2024** – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A. (2024). The Customary Legal Status of Adopted Sons-In-Law in a Peasant Family in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(4): 1759-1765.
- Sosnina et al., 2024** – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Besedkina, N.I., Avanesova, A.A. (2024). Customary Regulation of Obligations from Contracts among the Peasants of the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1318-1326.
- Sosnina et al., 2024** – Sosnina, M.A., Vorotilina, T.V., Nikolaeva, J.V., Lavrishcheva, O.A. (2024). Legal Regulation of Peasant Family Divisions in the Russian North in the second half of the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(1): 159-168.

Vereshchagin, 1895 – Vereshchagin, G.E. (1895). Obshchinnoe zemlevladienie u votyakov Sarapul'skogo uyezda [Communal land ownership among the Votyaks of Sarapul'sky uyezd]. Vyatka. [in Russian]

Vereshchagin, 1998 – Vereshchagin, G.E. (1998). Sbornik sochinenii: v 6 t. T. 3. Etnograficheskie ocherki [Collected works: in 6 volumes Vol. 3. Ethnographic essays]. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. Kn. I. [in Russian]

Zhirov, 2024 – Zhirov, N.A. (2024). Socio-Economic Development of the Black Soil Village in the XIX – early XX centuries: from the Prosperous Granary of Pre-Reform Russia to the Demo-Ecological Crisis of Rural Settlements. *Bylye Gody*. 19(4): 1605-1614.

Община как субъект обычного права у пермских народов в XVIII–XIX вв.

Ольга Андреевна Плоцкая ^{a, *}, Чынара Кычийевна Ботоева ^b, Никита Сергеевич Грудинин ^c,
Денис Андреевич Ширёв ^d

^a Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^b Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики имени Ж. Адрахманова, Бишкек, Кыргызская Республика

^c Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация

^d Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Община у пермских народов в XVIII–XIX вв. представляла собой историко-социальный организм, в котором общественные отношения регулировались, в большей мере, нормами обычного права. Она не только сохраняла и передавала из поколения в поколение общеправовые нормы, но и являлась гарантом их реализации, генерируя появление новых образцов поведения, создаваемых в повседневной практике, закрепленных в общеправовых нормах, а также способствовала их исполнению. Она влияла на формирование правовой культуры и правового сознания своих членов.

Исследование, посвященное общине как субъекту обычного права у пермских народов в XVIII–XIX вв., обладающему правосубъектностью, сегодня представляется актуальным явлением.

В рассматриваемый хронологический период община у пермских народов как традиционный институт и субъект обычного права обладала правосубъектностью, включающей правоспособность, дееспособность, а также деликтоспособность. Являясь единым этно-социокультурным организмом, внутри которого все элементы взаимосвязаны и основаны на обрядово-культовой, общеправовой, идеолого-мифологической системах, община на протяжении исследуемого периода сохраняла локально-административные функции. Однако, кроме территориально ограниченных управленческих полномочий местного уровня, община после реформ 60-х гг. XIX в. постепенно начала превращаться из коллектива, в котором применялись элементы демократии, в низшую ступень государственного аппарата, приобретая черты номинального субъекта общественных отношений.

Ключевые слова: община, субъект права, зыряне, вотяки, обычное право, правосубъектность, правоспособность, дееспособность, деликтоспособность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: olga.plockaya@mail.ru (О.А. Плоцкая), cbotoeva@mail.ru (Ч.К. Ботоева), nekit-07@mail.ru (Н.С. Грудинин), shirev-da@pfur.ru (Д.А. Ширёв)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 641-653
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.641

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Arungazy Abulgaziev: An Unrecognized Kazakh Khan by the Russian Empire

Gulbanu B. Izbassarova ^{a, *}, Nazgul K-M. Khaji-Mukhan ^a

^a K. Zhubanov Aktobe Regional University, Aktobe, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article is dedicated to Arungazy Abulgaziev (1785/1787–1833), a Kazakh khan unrecognized by the Russian Empire. Based on archival sources, the study examines the life and activities of this Kazakh Chinggizid, as well as his final years spent in Kaluga. The study examines the period of rule of the Chinggizids from the Kaip dynasty (ancestors of Sultan Aryngazy) in the Khiva Khanate, with a particular focus on their relations with the Russian Empire. It explores their efforts to secure the same privileges as the Khan Abulkhair's descendants, as well as the causes of the conflict between Aryngazy Abulgaziev and the Khan of Khiva. The publication also investigates the interactions between Orenburg Military Governor P.K. Essen and Sultan Aryngazy, along with Khan Shergazy Ayshuakov. It highlights Essen's attempts to appoint Aryngazy as the khan of the Junior Horde and examines the role of A. Abulgaziev during the diplomatic mission of Y. Gaverdovsky to Bukhara.

The research analyzes the underlying causes of the crisis of supreme authority in the Steppe, the reasons for the shift in allegiance of the Kazakhs from Khan Shergazy Ayshuakov to Aryngazy Abulgaziev, and the latter's policies aimed at consolidating his power in the Junior Horde. Additionally, the study provides insights into the genealogy of the Kazakh Chinggizids.

The article also delves into the activities of the Asiatic Committee of the Ministry of Foreign Affairs, which played a decisive role in determining the fate of the Chinggizid Aryngazy Abulgaziev and, more broadly, the question of supreme authority in the Kazakh Steppe. This work identifies the reasons behind the detention of the Kazakh ruler in the capital and his subsequent exile, while also presenting details about his family and their lives following Aryngazy's death. The article also provides a detailed investigation into the activities of the Asian Committee of the Ministry of Foreign Affairs, which deliberated on the fate of the Chinggizid Aryngazy Abulgaziev and, most importantly, the existence of supreme power in the Kazakh Steppe.

Keywords: Arungazy Abulgaziev, Shergazy Ayshuakov, Russian empire, Khiva, Kazakh Steppe, Asian Committee, Chinggizid, the Khan's authority.

1. Введение

В начале XIX в. в Казахской степи разыгралась борьба за верховную власть. Начавшееся в конце XVIII в. противостояние между чингизидами дома Абулхаира и Каипа привело в начале следующего столетия к кризису ханской власти. После отставки престарелого хана Айшуака Абулхайрова (1797–1805 гг.) ханом был назначен его старший сын Жанторе (1805–1809 гг.). Это вызвало недовольство у старшего из внуков хана Абулхаира – Каратая Нуралиева. Если он ранее как-то смирился с провозглашением дяди правителем Младшего жуза, то после назначения ханом его двоюродного брата Жанторе, он возглавил группу чингизидов, выступивших против нового хана, что закончилось его убийством. После смерти Жанторе Айшуакова ханом был назначен его брат – Шергазы Айшуаков (1812–1824 гг.). Это вызвало вспышку гнева, что в дальнейшем вылилось не только в борьбу за власть между казахскими чингизидами, но и в открытое сопротивление против оренбургских правителей.

* Corresponding author

E-mail addresses: iz_gulbanu@mail.ru (G.B. Izbassarova)

Борьбу за верховную власть вначале вели три чингизиды: Шергазы Айшуаков (легитимный правитель Степи, назначенный российской администрацией), Каратай Нуралиев (в 1806–1816 гг. был ханом части казахов Младшего жуза, но не признан российской администрацией), Арынгазы Абулгазиев (избран ханом казахами Сырдарьи, в котором российское правительство видело «непокорного и бунтующего самозванца»).

2. Материалы и методы

Данная статья написана на основе материалов по истории Казахской степи XIX в., отложившихся в центральных архивах Российской Федерации: Архиве внешней политики Российской империи (Москва), Российском государственном военно-историческом архиве (Москва), Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), а также Объединенном государственном архиве Оренбургской области (Оренбург).

Использованные документы можно разделить на официальные, включающие в себя «Журналы» заседаний Азиатского комитета МИД, материалы личного происхождения, жалобы, прошения. К официальной группе источников относятся также представления, записки членов российского посольства в Бухару 1820 г., которые в период экспедиции и после возвращения в столицу по запросу МИД и оренбургского военного губернатора представляли сведения о султанах Арынгазы Абулгазиеве. В частности, 27 ноября 1820 г. глава российской миссии А. Негри из Куандарьи сообщает о причинах разделения казахов Младшего жуза на две группы: приверженцев Арынгазы и Маненбая, приводит информацию о подвластных родах двух чингизидов, предоставляет сведения о столкновениях казахов с хивинцами, характеризует Арынгазы как человека, соединяющего «деятельность, с правилами чести». Данная группа источников важна тем, что авторы являются прямыми участниками или свидетелями описываемых исторических событий.

Вызывает интерес также следующий источник: «Замечания А. Левшина на инструкцию, данную полковнику Бергу от МИД». Указанный документ возник 8 апреля 1823 г. после решения МИД отправить Ф.Ф. Берга в Казахскую степь. А. Левшин, анализируя положение в Степи, дает характеристику видным представителям казахских чингизидов: хану Ширгазы, султанам Каратаю Нуралиеву, Арынгазы Абулгазиеву, Темиру Ералиеву и др. Предлагая меры для успокоения Степи, он обращается к опыту управления оренбургским краем И.И. Неплюева, А. Апухтина и др. «Замечания» А. Левшина важны тем, что, проанализировав данные, приведенные в источнике, можно получить сведения об эволюции механизмов управления Степью, возникает возможность проследить, как меняется мнение представителей российской администрации в отношении определенных личностей, а также причины, способствовавшие этому.

Как самостоятельный вид источников выступают письма казахских ханов, которые сохранились в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА). В частности, письма Арынгазы Абулгазиева из Калуги, письма казахского хана Шергазы Айшуакова. Эта группа источников наполняет историю мыслями, переживаниями конкретных личностей, в нашем случае – казахских чингизидов, позволяет понять точку зрения авторов, представить взгляд на причину происходящих исторических событий от первого лица.

Основными методами работы явились системно-исторический и историко-сравнительный, которые помогли нам выявить, во-первых, основные этапы политики российской администрации по вопросу ликвидации ханской власти. Во-вторых, изучение «Журнала» заседаний Азиатского комитета и анализ основных доводов, высказанных М. Сперанским на его заседании о ликвидации ханской власти в Младшем жузе казахов, позволяет нам установить сходства и различия между политикой империи на территории Среднего и Младшего казахского жузов, познать взаимосвязь политики казахских ханов по отношению как к Российской империи, так и к Хивинскому ханству.

Принципы историзма и объективности помогли рассмотреть положение дел в Казахской степи в начале XIX в. в конкретных связях и отношениях казахской элиты с российской администрацией с одной стороны, а с другой – с центрально-азиатскими ханствами, изучить причины возникновения конфликта между чингизидами, а также выявить причинно-следственную связь между историческими событиями, определить взаимозависимость и решающее воздействие на функционирование института ханской власти роли личности, в частности, султана Арынгазы Абулгазиева.

3. Обсуждение

Тема, рассматриваемая в данной статье, была объектом немногих исследований. Чиновник Министерства иностранных дел А.И. Левшин, лично встречавшийся с казахскими чингизидами, описывая историческую ситуацию в Степи после смерти хана Жанторе Айшуакова, пишет, что более двух лет в Младшем жузе после этого случая не было верховного правителя. Описывая борьбу чингизидов из дома Абулхайра и его противника Каипа, автор обратил внимание на тот факт, что противоборство перешло к детям, внукам и правнукам знаменитых чингизидов. Он отметил, что султаны Барак, Батыр, Каип, Абулгазы, хотя и были избраны в ханы своими приверженцами, но не были утверждены российским правительством. Автор обратил внимание на султана Арынгазы как на

одного из достойнейших среди всех своих предков, который продолжил борьбу за власть с домом Абулхаира (Левшин, 1996: 284).

Арынгазы Абулгазиев в 1820 г. сопровождал российское посольство в Бухару. Участник данного посольства Е. Мейендорф в своем труде «Путешествие из Оренбурга в Бухару» дает географическое, этнографическое, экономическое описание всего маршрута экспедиции. Встреча с казахским чингизидом, его поступки, отношение к нему подданных дали возможность обратить на него внимание российских чиновников. Е. Мейендорф описал посещение аула Арынгазы султана, который состоял примерно из 50 юрт, а также увиденный на обратном пути 7 апреля 1821 г. в степи результат сражений казахов с хивинцами, когда последние, напав на бухарские караваны, идущие из Оренбурга, Троицка и Орска, получили большую добычу. Здесь же приведен краткий рассказ о сражении султана Арынгазы с хивинцами (Мейендорф, 1975).

Следующий участник экспедиции Э. Эверсман, также описав весь путь экспедиции, приводит рассказ о вынесении решения казахи за кражу лошади султаном Арынгазы в своем ауле 17 октября 1820 г. (Эверсман, 2023: 14-16). Но данные сведения фрагментарны, так как описание политической ситуации в Степи не входило в задачи экспедиции.

Л. Мейер, изучив казахское общество, в том числе социальную структуру, обратил внимание на верховную власть в Степи. Описывая период правления хана Шергазы Айшуакова, он проанализировал деятельность хана, отношение к нему его подданных, уделил внимание взаимоотношениям хана с султанами Арынгазы Абулгазиевым, Каратаем Нуралиевым, указал на особое отношение оренбургского военного губернатора П.К. Эссена к султану Арынгазы (Мейер, 1865).

А.И. Добросмыслов в своей работе «Тургайская область. Исторический очерк» описывает политический кризис произошедший в Казахской степи в начале XIX в., борьбу за власть между чингизидами, критикует политику оренбургского начальника П.К. Эссена (Добросмыслов, 2010).

Исследователи истории Казахской степи XIX в., изучая политику П.К. Эссена, обязательно останавливаются на проблеме взаимоотношений оренбургского военного губернатора с казахскими чингизидами. Московский ученый Д.В. Васильев в своей монографии проанализировал политическую ситуацию в Младшем жузе в начале XIX в. Основное внимание во второй главе монографии уделено изучению борьбы за власть между казахскими чингизидами. Эпоха правления оренбургского военного губернатора П.К. Эссена, который сделал ставку на султана Арынгазы и привел в замешательство Младший жуз казахов, рассматривается как «дестабилизация» в регионе (Васильев, 2014). Д.В. Васильев акцентировал внимание на различиях в трактовке деятельности казахского хана Шергазы и султана Арынгазы российской администрацией. Автор пишет: «...объяснение в различии трактовок одних и тех же событий, а также в политической тактике в этом регионе следует усматривать в том, что центральное правительство все еще до конца не было готово подчинить Казахскую степь своему прямому контролю и вынуждено было полагаться на опыт и мнение местного руководства, которое могло не совпадать с правительственной точкой зрения» (Васильев, 2014: 201-202).

Г.Б. Избасарова, А.Т. Маден, С.О. Смагулова в своей статье «Кризис ханской власти в Младшем жузе казахов (II половина XVIII – I четверть XIX вв.)» изучили политическую ситуацию в Казахской степи в указанный период и, выявив основные причины кризиса, связали его с политикой Российской империи на окраине, в частности – с деятельностью П.К. Эссена и председателя Оренбургской Пограничной комиссии Г.П. Веселицкого. Авторы исследования кратко остановились на соперничестве за власть между ханом Шергазы Айшуаковым и султаном Арынгазы Абулгазиевым. В частности, они описали конфликт между чингизидами в период отправки специальной торгово-дипломатической миссии в Бухару под руководством Я. Гавердовского (Izbassarova et al., 2023: 82).

Отметим тот факт, что в современной историографии существуют ряд неточностей, связанных с этим периодом. Например, в работах Н.Г. Аполловой (Аполлова, 1960), Р. Почекаева (Почекаев, 2017: 161) неверно определено имя бухарского правителя, который первым из иностранных глав государств признал Арынгазы. Авторы утверждают, что это был бухарский эмир Насрулла, тогда как в этот период правителем в данном государстве был его отец, эмир Хайдар (1800–1826 гг.). В источнике «Мунша'ат, нишан ва йарлигха» есть два письма бухарского эмира Хайдара правителю восточной части Младшего жуза Арынгазы-хану. Данные письма эмира были переведены со среднеазиатского тюрки Т.К. Бейсембиевым (История Казахстана..., 2013: 34-36).

Таким образом, исследуемая нами проблема не была всесторонне освещена в истории Казахстана.

4. Результаты

Назначение российской властью ханом Младшего жуза казахов внука Абулхаира – Шергазы Айшуакова – вызвало недовольство в Степи. Обострились отношения хана с представителем дома Абулхаира – Каратаем Нуралиевым, который в 1806 г. на съезде был избран ханом казахами рода Байулы Младшего жуза. В 1815 г. казахи Сырдарьи избрали Арынгазы Абулгазиева ханом. Летом 1816 г. Арынгазы и Каратай решили напасть на аулы Шергазы Айшуакова, которые расположились в верхней части линии, между крепостями Ильинской и Верхнеозерной. Получив сведения о планах Арынгазы, хан Шергазы откочевал со своим аулом ближе к Оренбургу и расположился при самом

пикете в устье речки Бердянки, попросив защиты от нападения указанного султана. Оренбургский военный губернатор распорядился отправить 300 казаков из Оренбургского казачьего полка с двумя орудиями. Каратай присоединился к Арынгазы, но вскоре упомянутые султаны перессорились между собой за первенство в Степи ([Материалы..., 1940: 299](#)). Арынгазы удалился в Степь, а Каратай к р. Илек.

В августе 1817 г. хан Шергазы Айшуаков, султаны Арынгазы Абулгазиев и Каратай Нуралиев сообщали в Оренбургскую пограничную комиссию о прекращении междоусобной борьбы ([Материалы..., 1940: 320](#)). Чингизиды писали, что «все караваны, следующие из Бухары и идущие в Бухару, будут находиться под прикрытием султана Арынгазы, а в Хиву проследуют под прикрытием султана Каратая» ([Материалы..., 1940: 321](#)). Но этому перемирию не суждено было долго существовать.

В конце июля – начале августа 1819 г. элита Степи обратилась П.К. Эссену с предложением о предоставлении императору Александру I прошения для утверждения султана Арынгазы в качестве хана Младшего жуза. К этому прошению присоединились также старшины рода Жетиру, которые когда-то находились под покровительством хана Шергазы Айшуакова ([Материалы..., 1940: 322](#)).

Как сообщают источники, причиной отказа казахов от хана Шергазы Айшуакова стало то, что усилились барымта, воровство, ограбление караванов, что в итоге привело к закрытию торговых рынков. Назначение Ш. Айшуаковым своими помощниками султана Мендибая, Котибаса-Жынды и Имана из рода жылкышы табын, вызов из России воинской команды А.Д. Донского с пушками и нападение на аулы рода ожырай, а также на аулы старшины и караван вожатого из рода шекты Санамаса Сердалиулы привели к отчаянию и возмущению казахов. В надежде на наступление мира и тишины казахи избрали ханом внука Каипа Батырулы – Арынгазы Абулгазиева ([Материалы..., 1940: 314](#)).

«Лучшие» люди Степи писали, что Арынгазы «производит суд по всей Меньшей и частию Средней киргиз-кайсацким Ордам о междоусобных барантах и разных распрях народных, прекращает оныя и по основанию закона нашего отправляет самосущее правосудие, подвергая преступников строгому осуждению, чем устанавливает в Орде совершенное спокойствие и тишину; равно распространяет при Оренбурге торговлю, открывая караванам путь безопасный» ([Материалы..., 1940: 322](#)). Среди поддержавших Арынгазы были султан Жанторе Иралиев, депутат от казахов, надворный советник, зять хана Нуралы – Нурмухамет ходжа Абзелилев, старшина, заседатель в Ханском совете, присутствующий в Оренбургской пограничной комиссии из рода табын Тлявлий Байтереков, Абулгази Пиралиев, заседатель Ханского Совета, старшина рода шекти – тлеу мулла Каражигит Бектавов, заседатель от рода Байулы в Ханском Совете, тархан, старшина Укей Тюляпов и др. ([Материалы..., 1940: 323-326](#)). В списке подписавших это прошение были и Чингизиды из дома Абулхаира.

Арынгазы Абулгазиев – чингизид, потомок основателя Казахского ханства Жанибека (1470–1474 гг.), внук Каипа хивинского, принадлежал к линии Жадик. «Осанка величественная, поступ гордый, лицо красивое; борода небольшая, черная, густая; глаза черные, быстрые, приемы и действия надменные» ([РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 706. Л. 2](#)), но в то же время «страсти его сильны: он вспыльчив, злопамятен, в гневе безмолвен, на лице багровитость, глаза наполняются кровью, руки трясутся; в радости неумерен, имел состояние скрыть всего чувствуемого» ([РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 706. Л. 506](#)), – так характеризуют его современники. Он получил азиатское образование. Примеры храбрости и мужества отца его, уверенность в том, что только военные подвиги дают право на наследие и возможность возвыситься в Орде, побудили его считать главным в своем воспитании умение управлять конем, луком и саблей ([РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 706. Л. 506](#)).

Власть его прадеда Батыра Каипулы распространялась на рода шекти, шомекей, карасакал племенного объединения Алимуды, кочевавших на северо-востоке Аральского моря и в низовьях Сырдарьи ([Izbassarova et al., 2023: 79](#)). Его предки в русских источниках описываются как влиятельные султаны Степи. Так, например, барон Игельстром по Высочайшему рескрипту от 27 ноября 1785 г. собрал сведения о происхождении казахских султанов, среди которых был и дед Арынгазы – Каип Батырулы, который правил Хивой в 1745 – 1756 гг. ([Материалы..., 1940: 496](#)) (встречается и другая датировка периода его правления – с 1746 по 1757 г.). Так, в своем письме 1786 г. императрице Екатерине II барон Игельстром следующим образом описывал качества Каипа: «...он от природы острого разума, проворен, проницателен и грамоты своей умеет, которой научился в Хиве, где с молодых лет обращался, прилепясь к бывшему тамо первым по хане правителю Куразбеку». В период нашествия персидского шаха Надира в Хиву, Куразбек и Каип оказались в числе покоренных. Казахский чингизид «почтен был в Хиве ханским достоинством, в котором находился он лет с 12, и в сие время имел он всегда при себе помесечно из детей тамошних узбеков или дворян доброконной гвардии по 500 человек» ([АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/3. Меньшая Орда. 1786 год. Д. 3. Л. 2](#)). Каип имел владение в Бухаре и был с китайским ханом в дружественных отношениях ([РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 22; Материалы..., 1940: 314](#)). По сведениям оренбургского правителя, излишняя строгость, наглое убийство Куразбека, увеличение поборов стали причиной бегства Каипа к своему отцу Батыру. Он попытался получить от российской администрации те же льготы и уважение, как и дети хана Абулхаира, но получив отказ из Коллегии иностранных дел, начал задерживать идущие в Хиву, в Бухару и обратно караваны с товарами, брать от них неумеренные пошлины, а некоторых грабил ([АВПРИ. Ф. 122. Оп. 122/3. Меньшая Орда. 1786 год. Д. 3. Л. 206](#)).

Хотя он был избран ханом казахами рода байулы в сентябре 1786 г. (РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 355. Л. 199), но российская императрица не утвердила его верховным правителем. Отец же Арынгазы – Абулгазы хан – управлял сырдарьинскими казахами и каракалпаками (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 22). Ограбление подданными Абулгазы хана караванов Бухарской миссии в сентябре 1803 г. в дальнейшем стало препятствием его сыну Арынгазы на пути получения верховной власти в Степи у российской администрации. Руководитель миссии Я. Гавердовский в своем письме хану Арынгазы сообщал, что он отправил 29 марта через переводчика Бекчурина письма всем казахским биям о поездке российской экспедиции в Бухару, рассказывал о встрече с посланцами хана, о выдаче им кормовых денег и об уверенности беспрепятственного прохождения через его владения (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 24а. Л. 34об.). Но нападение на дипломатическую миссию вызвало у него не понимание происходящего. Он с горечью писал хану: «...что ежели есть еще в вас сколько-нибудь справедливость, то для уменьшения государева гнева возвратите по крайней мере увезенного подполковника и других двух человек, ибо государева люди пропадать не должны, а равно государев подарки» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 24а. Л. 47). Все эти данные были зафиксированы в канцелярии Оренбургского военного губернатора.

Родился Арынгазы около 1785 г., а по другим данным – в 1787 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70б. Л. 2). После смерти отца своего Абулгазы Каипулы, в 1815 г. был избран ханом казахами рода шекты, каракесек, торткара, сеиткул, куламан-сексен, култаш (Материалы..., 1940: 297, 495). Возвышение хана произошло в его ставке г. Жаркент на левом берегу Сырдарьи. В мае 1816 г. в донесении оренбургскому военному губернатору кн. Г.С. Волконскому султан Арынгазы представляет себя как «победоносного, влиятельного и храброго Арунгазы хана» (Материалы..., 1940: 297).

Избрание казахами Сырдарьи Арынгазы в качестве хана поддержал бухарский эмир Хайдар (1800 – 1826 гг.). Он наделил его титулом «хана» и отправил ярлык, где призывал всех поклоняться ему. В своем письме к Арынгазы бухарский хан писал: «...вам, отмеченному величием, мы, проявив милость и доброту, отправили ярлык на ханское звание в мире и вселенной. Оказавшись на месте Ширгазы-хана, вашего достойного старшего брата, и став подобно двум половинкам одним целым, вникайте в дела эля и людей. Мы не отдадим руки милосердия от вашей головы и будем проявлять доброту в пределах нашей возможности. Ни о чем не беспокойтесь!» (История Казахстана..., 2013: 35).

Арынгазы сообщал оренбургскому военному губернатору Г. Волконскому, что он получил именную золотую печать от бухарского правителя, подтверждающую его ханское достоинство. Возникают вопросы. Почему казахи избрали нового хана, когда у них уже был назначенный империей хан Шергазы Айшуаков? Насколько было обоснованно избрание новым ханом Арынгазы Абулгазиева?

Если рассматривать историю Казахского ханства раннего периода, то мы должны обратить внимание на тот факт, что в истории Казахского ханства были периоды одновременного правления нескольких ханов в разных частях государства (Младший жуз, Средний жуз, Старший жуз), и присутствие различных титулов правителей Степи определял их статус. Т.И. Султанов указывает, что в мусульманских источниках XV – XVII вв. верховные правители казахов именовались «улу-хан», «хан-и бузург», «хан-калан» (Султанов, 2001: 77, 148, 163). Но также были и ханы локального масштаба – «кичи-хан», «хан-и хурд» (Султанов, 2001: 77, 145).

«В основе механизма передачи и наследования ханской власти у казахов лежали два взаимосвязанных принципа: иерархическая система генеалогического родства или старшинства – первородства и принцип меритократии, которые тесно переплетались и взаимодействовали в социально-политической практике кочевых народов. Согласно многоступенчатой генеалогической традиции кочевников, ханом можно было провозгласить только выходца из сословия султанов, причем наиболее легитимными среди всех законных претендентов на звание хана у казахов считались представители правящей ветви казахской династии джучидов – прямые потомки сына хана Джанибека (1466 – 1474 гг.), Жадик-султана, разные поколения которых непрерывно занимали в течение XVI – начале XVIII в. ханский престол» (Ерофеева, 2001: 121). Как указывает И.В. Ерофеева, традиция избрания ханов регулировалась и регламентировалась в социальной практике посредством принципа меритократии, т.е. путем прихода индивида к власти на основе общественного признания имеющихся у него заслуг и личных достоинств (Ерофеева, 2001: 122). Поэтому избрание авторитетного, сильного султана Арынгазы Абулгазиева ханом частью племен Младшего жуза основывалось на степном праве и на народных традициях.

Учитывая данный факт, можем утверждать, что казахи Младшего жуза в этот период избирают себе сильного, энергичного хана, т.к. установленный веками степной закон позволял это сделать, но при этом они были вынуждены просить оренбургского военного губернатора ходатайствовать перед императором на выдачу грамоты (патента) на управление Младшим жузом Арынгазы Абулгазиеву, так как после вхождения в состав Российской империи казахские ханы проходили процедуры и получали подтверждение на верховную власть в столице.

Хивинский хан и Арынгазы Абулгазиев

Хива в изучаемый период представляла собой ханство, где в начале XIX в. начались преобразования во всех направлениях общественного развития. Сеид Мухаммед Рахим-хан (1806–1825 гг.) создает Высший Совет из 32 сановников, выполняющих функции министров. В Хиве

открывается Монетный двор. Впервые в стране создается таможенная служба. В ханстве для ограждения торговых караванов от разбойных нападений на транзитных путях, очищения караванных путей от набегов кочевых племен и родов, хивинская армия проводит ряд успешных операций. На протяжении транзитных караванных путей через Каракумы возводятся сторожевые посты-крепости (Ниязматов, 2010: 52). Как писал российский дипломат Н. Муравьев, дважды побывавший в Хиве, Мухаммед Рахим «создал почти совершенно новое государство, которое теперь должно вступить в состав сильнейших “азиатских царств”» (Муравьев, 1822: 44). В состав Хивы вошли каракалпакские земли, расположенные в низовьях Амударьи, а также часть земель, на которой проживали жанадарьинские казахи, подданные Российской империи. В начале XIX в. казахские султаны, непризнанные Российской империей, искали поддержку у хивинских правителей, так как «Хива оставалась последним оплотом, где сохранились старые традиции властной системы» (Izbassarova, 2020: 2393).

Предки Арынгазы были правителями Хивы, но потеряли свое влияние, и он не мог претендовать на верховную власть в этой стране. Именно столкновения с хивинским ханом и ограбление казахами его караванов подданными Арынгазы в дальнейшем стали причиной задержания его в столице.

В 1810 и 1812 г. хивинцы подвергли разгрому алимулинцев (Материалы..., 1940: 171). Продолжаются нападения хивинцев на аулы рода Алимулы и при Арынгазы. В 1816 г. хивинцы, при подстрекательстве каракалпаков, напав на аулы казахов, находившихся под управлением Арынгазы, принудили их удалиться к берегам Сырдарьи во внутреннюю часть Степи. К этому моменту Арынгазы удается добиться спокойствия в Степи. Его действия были замечены оренбургскими начальниками. В 1817 г. по поручению оренбургского военного губернатора Арынгазы принудил дядю Ширгазы Каипова возратить ограбленный караван на 50-ти верблюдах. Это усилило вражду между чингизидами. Ширгазы отправляется в Хиву и просит отмщения.

В 1817 г. хивинский хан вручает грамоту об утверждении за Ширгазы Каиповым (Izbassarova et al., 2023: 81, 82) титула хана «западных казахов» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 29), но через год он был отравлен в Хиве.

Затем правитель Хивы признал сына Жангазы (Маненбая) ханом Младшего жуза, обязав его выплачивать налог в размере 1/3 доходов, полученных от казахов, а также от пошлин с проходящих караванов. В ноябре 1819 г. новый хан прибыл на берега Сырдарьи. Число его сторонников не превышало тысячи кибиток и в основном состояло из бедных казахов, которые занимались рыболовством на Сырдарье или земледелием вдоль этой реки, а также по Кувану и Яны. К ним также присоединилась группа, недовольная действиями Арынгазы (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 30).

Укрепив свою власть в Младшем жузе казахов, Арынгазы отправляет письмо хивинскому правителю.

Усилившись, Арынгазы вернулся зимовать близ Сырдарьи и послал к хивинскому хану письмо, где он заявил, что никогда не признает ханом в Младшем жузе того, кто не будет утвержден Россией или Бухарой. В декабре 1819 г. Арынгазы арестовал трех хивинцев, отправленных их ханом для сбора дани, которую казахи обычно платили своим правителям. Хивинский хан не оставил это без последствий и в 1820 г., собрав отряд своих подданных, вновь напал на Арынгазы, разгромил его, разграбил его владения и вынудил отступить в Мугоджарские горы (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 30об.).

25 февраля 1820 г. 10-тысячная хивинская армия в сопровождении султана Жакаша Ширгазиева (сын Ширгазы Каипова, умершего в 1818 г.) совершила нападение на казахов, подведомственных Арынгазы, близ р. Сырдарьи, в урочище Киши Барсук. Хивинский хан пленил мать Арынгазы, тридцать два ближайших родственника султана, захватил скот, женские головные уборы, украшенные дорогими камнями, и другие вещи на общую сумму 955.165 руб. Хивинский хан говорил Арынгазы, что «нет ... средства избавить родных, кроме как вступить к нему в подданство...» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70б. Л. 37об.).

В ответ на это осенью 1820 г. казахи Арынгазы султана нападают на хивинский караван, отправленный из Оренбурга в Хиву. Хан Шергазы Айшуаков сообщал, что Арынгазы напал на кочевья казахов, препровождающих российские караваны в Бухару и Хиву, и «предал мечу тысячу пятьсот аулов», убиты бии Джаназар Иркизаров, Малдыбай Ниязов, Кинбай, Дарибай и ходжа Миникур. В плен попала семья Жакаша Ширгазиева, а сам Жакаш (зять хана Шергазы Айшуакова) был убит 24 ноября 1820 г. по приказу Арынгазы (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 14об.-15).

Авторитет Арынгазы в Степи утвердился в 1816–1821 гг. Ему удалось остановить барымту не только среди казахских родов шекты, шумекей, каракесек, торткара, алтын, жаппас Младшего жуза, но и между казахами родов аргын, кыпчак Среднего жуза. Была остановлена многолетняя барымта между болекшуреновцами и жаппасцами. В 20-х числах мая 1816 г. представители родов Младшего и Среднего жузов, имеющие друг к другу претензии, собрались на р. Аре и, обсудив проблемы, решили жить в миру и спокойствии (Материалы..., 1940: 298). Арынгазы был человеком сильной воли, но весьма высокомерным. «Всякое увещание, наставление для пользы ему кажется глупым, смешным и тоже для тщеславия самолюбия премудрым. Препятствия предприятий сему презрительны, но препоручения маловажного с ним и на другого возложенного, никогда не исполнит, чтобы

исполнить одному. Он не построит хижин в Орде, когда будут убеждать о пользах ее, но построит караван сарай, город, когда подстрекнут его гордость невозможностью. Он раб властолюбивый, и ласкатель оного есть его повелитель» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70б. Л. 50б.).

Арынгазы, утвердив суд по шариату, за три года вынес смертный приговор более чем 30 казахам (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 290б.; *Материалы...*, 1940: 372). «Он пышен в образе казни, чтобы в мыслях черни равняться с ханами хивинским, бухарским, чтобы возвыситься над Ширгазы. Здесь по примеру азиатских государей разсылает плоды и фрукты во время стола, как знаки расположения своего; в Орде же котлы его с гостеприемною пищею открыты каждому. Он щедр... Просящего не отпустить без удовлетворения, из народа собирает зякет и десятину, чтобы раздавать народу же. Он наружный блюститель веры, чтобы отличаться в Орде от прочих невежествующих султанов, и неповедывающих (оную) одним именем. Он правосуден, чтобы привлечь как бы народ, но суд его не по закону предков всем известному, а по закону мухаммеданскому, никому неведомому, - чтобы сделать уставы его орудием страстей своих... Для достижения целей своих не унижаться пред равным, не попросить низшего, но старается узнать страсти, овладеть главнейшею, и ею управлять как орудием... Обращение его со свитою повелительное, гордое. Самолюбие его столько осторожно, что никогда не позволит оскорбить себя» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70б. Л. 4–40б.). «Он ни перед кем не встанет, никуда не выйдет пешком, потому что сидел и не выходил Ширгазы. Он носит чалму, потому что не имеет собольей шапки, носит четки, ибо не имеет сабли, знаков ханского достоинства. Он мучается, что не представлен ни министру, ни государю» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70б. Л. 5).

Султан Арынгазы и оренбургский военный губернатор П.К. Эссен

Арынгазы был хорошо знаком П.К. Эсену. Чингизид был назначен председателем Ханского Совета оренбургским военным губернатором без согласования с ханом Шергазы Айшуаковым. Вмешательство в дела Ханского совета стало началом ссоры между оренбургским правителем и ханом Шергазы Айшуаковым, что в дальнейшем переросло в большой конфликт.

В своих донесениях в столицу хан Шергазы Айшуаков перечислил незаконные действия как оренбургского военного губернатора, так и Арынгазы султана, и его отца Абулгазы Каипулы. Хан напоминал столичной администрации, что отец Арынгазы, султан Абулгазы Каипулы кочевал среди казахов поколения Алимуды в долине р. Сырдарьи и совершал со своими подопечными набеги и грабил купеческие караваны, шедшие из Бухары в Россию (*Материалы...*, 1940: 334). За таковую деятельность он был лишен жалования, получаемого от российской администрации.

Ошибка оренбургского военного губернатора заключалась в том, что он нарушил процедуру назначения председателя Ханского Совета и порядок избрания членов указанного Совета. По указу императора Ханский диван избирался казахами, в председатели избирался один из султанов и в заседатели – старшины 3-х родов Младшего жуза, по 2 человека от каждого рода (Алимуды, Байулы, Жетиру), всего 6 человек. Но в 1817 г. прибывший на службу в Оренбург генерал от инфантерии и кавалер П.К. Эссен назначает председателем Оренбургской пограничной комиссии генерал-майора Г.П. Веселицкого, человека военного, не знающего быт и обычаи казахов, особенности его управления (*Материалы...*, 1940: 333, 335). Прибыв в Оренбург, новые начальники вносят изменения среди членов Ханского Совета. Были смещены с должностей председатель Ханского Совета султан Медетгали Турдалиев, а также шестеро старшин заседателей. На их место были назначены без рекомендации хана новые султаны (*Материалы...*, 1940: 334). Арынгазы Абулгазиев был назначен председателем Ханского Совета.

Оренбургский военный губернатор поставил цель – лишить Шергазы Айшуакова верховной власти и назначить вместо него султана Арынгазы Абулгазиева. П.К. Эссен 3 ноября 1818 г. в своем секретном отношении к управляющему МИД описывал хана Шергазы Айшуакова, как «по незначительности своей в Орде, весьма ограниченным способностям и слабости, не имеет никакого на оную влияние, пребывает всегда при самых границах наших и даже страшится отойти от оных, а сверх того многократно замечен в расположениях, предосудительных его званию и противных пользам службы» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 20б.–3). В этом же документе он просил назначения ханом Младшего жуза Арынгазы Абулгазиева, а до данной процедуры просил наградить его золотою медалью на голубой ленте с бриллиантовым украшением (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 44а. Л. 20б.–3).

14 августа 1819 г. оренбургский военный губернатор П.К. Эссен направил императору Александру I рапорт, в котором обосновал необходимость утвердить султана Арынгазы ханом Младшего жуза. На эту должность его избрали сами казахи, а за его кандидатуру подписались 388 человек, представивших соответствующее прошение (*Материалы...*, 1940: 327). П.К. Эссен предлагал отправить хана Шергазы в продолжительные путешествия, так как он не раз просился в Мекку. Не успел военный губернатор отправить свой рапорт, как вслед за ним была отправлена жалоба на него и на председателя Оренбургской пограничной комиссии от хана Шергазы. К этому времени усиливался конфликт между чингизадами Шергазы Айшуаковым и Арынгазы Абулгазиевым, с одной стороны, и между казахским ханом и оренбургским военным губернатором – с другой.

Сопровождение российского посольства в Бухару и его последствия

10 октября 1820 г. из Оренбурга выехал в Бухарское ханство российское посольство во главе с действительным статским советником А.Ф. Негри с целью налаживания торговых отношений, рекогносцировки местности, с выбором удобных мест для строительства крепостей, освобождения проданных в рабство российских подданных и т.д. Взял на себя ответственность сопровождать данную миссию в Бухару султан Арынгазы Абулгазиев. Будучи лично знаком с данным султаном, А. Негри, высоко оценивая его храбрость и усердие, писал: «Сей султан с правилами чести соединяет деятельность, праводушие и мужество» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 28).

По мнению участника экспедиции капитана Гвардейского Генерального штаба Е.К. Мейендорфа, Арынгазы Абулгазиев под прикрытием конвоя русского посольства в Бухару «думал найти удобный случай для нападения на неприятелей своих при Сыр-Дарье» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 31). Замыслы султана удались, его подопечные казахи, напав на аулы Маненбая (Жангазы), захватили несколько тысяч овец, некоторое количество лошадей. Маненбая удалось бежать к своему покровителю, а Жакаш был убит «как жертва, которой требовал один киргизец, по праву мщения за кровь кровью» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 31). Распространение слухов о том, что прибывшее российское войско намерено напасть на хивинцев, способствовало увеличению числа сторонников Арынгазы. Также высоко оценивал труд Арынгазы при сопровождении российского посольства лейб-гвардии Измайловского полка капитан Циолковский. Он указывал, что успешному совершению похода содействовал Арынгазы, который «расположил аулы свои близ самой дороги нашей, снабжал вверенный мне отряд продовольствием по умеренным ценам, иногда наделял солдат и казаков мясом безденежно и вообще доставлял нам пособие и услуги разного рода» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 33а).

Обострение отношений с Хивой, нападение подвластных Арынгазы на хивинские караваны, конфликты с легитимным ханом Младшего жуза Шергазы Айшуаковым стали причиной вызова султана Арынгазы в Санкт-Петербург. Свиту его составили султаны Мурат Ядигереев (родственник султана Арынгазы), Ильджан Абулгазиев (старший брат султана Мендияра, кочевал в джагалбайлинском роде), Измаил Данияров (зять муллы Каражигита), ходжа Шукуралы Махмутов (кочевал в одном ауле вместе с султаном Арынгазы, поддерживал его), бии Каражигит Биктавов (мулла, кочевал в роде шекти), Юсуф Сырымов (тархан, сын батыра Сырыма Датова, караван баши), Санамас Сердалин (караван баши, скончался в возрасте 73 лет в столице 29 января 1822 г.), Бармак Булпанов (кочевал вместе с султаном Ильджаном в джагалбайлинском роде), Кушвак Масюльманбеев (сват Арынгазы султана), старшина рода шекти отделения кабак Санасап Сатыев (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 36; РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70б. Л. 60б.-100б.).

Арынгазы выехал из Орды 6 июля 1821 г., а 16 июля этого же года Азиатский Комитет заседал в Царском селе, где рассматривались вопросы, связанные с положением дел в Казахской степи. Председатель Оренбургской пограничной комиссии В. Тимковский представил три записки, которые были рассмотрены здесь же. Тайный советник М. Сперанский после обсуждения вопросов обратил внимание на необходимость пересмотра системы управления Младшим жузом (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 560б.).

Комитетом было решено: «1. Заняться прочным образованием Пограничного управления, и для сего собрать нужные сведения по МИД; 2. Между тем принять временные меры к прекращению беспорядков, ныне возникших. При определении сих мер, Комитет находил, что ближайшею причиною беспорядков было то, что оренбургское главное начальство отступило от правил данных ему Комитетом в 1820 году» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 57). На заседании П.К. Эссену указали на ошибки управления краем. Во-первых, оренбургский начальник, зная вражду между Арынгазы и хивинским ханом, назначив первого сопровождать российское посольство в Бухару, укрепил его власть в глазах казахов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 57-570б.). Во-вторых, П.К. Эссен был ответственен за то, что он видел непримиримым врагом империи Хивинское ханство, которое якобы готовилось к завоеванию Младшего жуза, угрожало границам империи и равнодушно относился к поведению султана Арынгазы Абулгазиева, считая его правильным. В-третьих, оренбургскому начальнику ранее было поручено благосклонно относиться к Арынгазы, но стараться всячески укреплять власть хана Шергазы Айшуакова, чтобы уменьшить влияние султана Арынгазы. Но П.К. Эссен, показывая явное пренебрежение к хану Шергазы Айшуакову, способствовал усилению влияния султана А. Абулгазиева.

На данном заседании для успокоения хивинского хана, раздраженного нападением казахов султана Арынгазы на его подданных, было решено освободить задержанных султаном и находящихся в Оренбурге двух хивинцев, наградив их, отправить к своему хану с письмом от генерала от инфантерии Ермолова, который сумел установить дружеские отношения с ханом. Предлагалось указать в письме, что император крайне недоволен действиями султана Арынгазы и не оставит «поступков его без должного взыскания».

26 июля 1821 г. султан Арынгазы Абулгазиев прибыл со свитой в Москву (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70а. Л. 39). В то же время главному управляющему архивом Коллегии иностранных дел А.Ф. Малиновскому было предложено задержать султана в Москве, объясняя это тем, что известие о

выезде его из Оренбурга получено в Санкт-Петербурге поздно, в связи с этим не успели подобрать квартиру для проживания. Во время встреч с султаном А.Ф. Малиновскому предлагалось узнать его характер, выяснить отношения чингизида к хивинскому хану и бухарскому эмиру, спросить о положении дел в Степи и о причинах, вызвавших кризис в Орде.

Если говорить об Арынгазы Абулгазиеве, он свою поездку рассматривал как возможность представиться императору и получить утверждение на ханскую власть. Также он надеялся получить российское войско для похода в Хиву, чтобы отомстить за разорение казахских аулов, за пленение его семьи, а также разрешение построить мечеть и дом на месте его зимовки (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 706. Л. 6). Находившийся в составе свиты Юсуф Сырымов, имеющий серебряную медаль на Анненской ленте за оказанные империи услуги, хотел просить у императора разрешение построить караван сарай и мечети в трех удобных для этого местах: 1) близ Каракуля от Оренбурга 8 дней езды, 2) в Биштамаке от Илека 5 дней езды, 3) и около Сарайчика (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 706. Л. 906.).

Прибыв в столицу, казахская депутация посещала мануфактуры, промышленные заведения. Российские чиновники наблюдали за Арынгазы и отмечали, что султан А. Абулгазиев во всех ситуациях держался гордо, непоколебимо. Так, например, при посещении одной из фабрик, где показывали гальванические опыты, султан Арынгазы даже не содрогнулся, тогда как все окружающие, испытав силу тока, пришли в замешательство.

После прибытия султана Арынгазы в Санкт-Петербург на заседаниях Азиатского комитета обсуждалась его дальнейшая судьба. На заседании 31 октября 1821 г. было принято решение оставить султана в столице, а также через главноуправляющего Грузии сообщить хивинскому хану, что султан Арынгазы «был вызван в Россию для суждений и наказания» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 926. Л. 20206.).

Для прекращения беспорядков в Младшем жузе казахов Комитет на своих заседаниях решил: принятые решения относительно султана Арынгазы оставить в силе до тех пор, пока ситуация в Младшем жузе не стабилизируется, и в Орде не будут восстановлены порядок и повиновение; полковнику Бергу из свиты Его Величества по квартирмейстерской части, отправленному в Оренбург по Высочайшему повелению, поручить изучить на месте текущее состояние дел в Младшем жузе, а также определить наиболее надежные способы для прочного установления порядка и беспрепятственного прохождения купеческих караванов (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 926. Л. 204.).

12 марта 1822 г. на очередном заседании Азиатского комитета был представлен и рассмотрен рапорт П.К. Эссена, после чего решено: 1. не оглашать в Орде до определенного времени, что Арынгазы султан задержан здесь в наказание, чтобы не вызвать в Степи возмущений; 2. оставить его на жительство в Санкт-Петербурге, так как отсюда было легче следить за его связями, поведением, перепиской, а также жительство султана в столице не рассматривалось бы казахами наказанием. Через управляющего МИД объявить Арынгазы, что император, «имея неусыпное попечение о благосостоянии Малой Орды, видел с неудовольствием разные неурядицы, произошедшие в оной от родившейся вражды между ханом хивинским и им султаном Арунгазы» и желая примирить их, поручил оренбургскому военному губернатору пригласить уполномоченные лица от бухарского и хивинского ханов на оренбургскую линию, где вместе с ними и почетнейшими ордынцами рассмотреть взаимные притязания и разрешить миролюбиво все претензии. До этого момента император повелел султану Арынгазы оставаться здесь. 3. Желаящим возвратиться в Степь членам свиты данного султана, предлагалось сделать достойное вознаграждение и вернуть в Орду (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 706. Л. 21.).

Арынгазы в Калуге

Вызванный в 1821 г. в Санкт-Петербург, он был задержан в столице до 1823 г. и далее сослан в Калугу. Арынгазы султан со свитой 31 мая 1823 г. благополучно добрался до места назначения. Рядом с Арынгазы находились султан Ильджан, Юсуф бий (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 926. Л. 46). Письмоводителем и переводчиком султана был Рахметулла Муртазин (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 926. Л. 9206.).

Титулярному советнику, приставу при султани П.Н. Фролову 14 мая была вручена инструкция Азиатского департамента МИД, где предписывалось «обратить особое внимание на пресечение киргизцев как отсылкою, так и в получении писем, но при сем оном не воспрещая им самим оные относить или посылать с кем-либо в почтовую экспедицию», но в последнем случае у пристава возникали трудности с контролем писем и посылок отправляемых самими казахами через почту (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 926. Л. 8906.). Калужский губернатор А.П. Оболенский приказал губернскому почтмейстеру (*начальнику почтовой конторы – Г.И.*), чтобы письма, поступающие в почтовую контору на имя султана Арынгазы и других лиц, находящихся при нем, а также письма, отправляемые ими через контору, не выдавались адресатам и не отправлялись по назначению, а передавались приставу для дальнейшего направления в Азиатский департамент (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 926. Л. 101.). Согласно инструкции, выданной приставу, также запрещалась встреча членов свиты с посторонними людьми.

Калужскому губернатору А.П. Оболенскому в марте 1828 г. предлагалось принять меры для наблюдения за связями и встречами султана Арынгазы. Столицу волновал вопрос: «имеет ли он

переписку и связь с казахами Младшего жуза», а особенно необходимо было смотреть за татарами, прибывающими к чингизиду (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 926. Л. 111).

Здесь, лишенный каких бы то ни было связей с Ордой, он прожил под присмотром пристава до 1833 г. Но благородное происхождение, величавость оставались присущими ему до последних лет.

Оренбургский начальник после нескольких неудачных попыток вернуть султана на родину в 1826 г. выдвинул предложение назначить Арынгазы султаном-правителем Средней части Малой Орды. Но опять не получил поддержки, так как в центре боялись, что Арынгазы может создать союз с новым правителем Хивы, а с другой стороны считали, что, оставшись непреклонным в своей вражде, он будет грабить их караваны, а хивинцы будут нападать на бухарских купцов. Это все в конечном счете привело бы к расстройству торговли Российской империи с центрально-азиатскими государствами. Исходя из этих соображений, в столице отказали П.К. Эсену (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 92а. Л. 117).

В Калуге Арынгазы пытался встречаться со знакомыми или даже с посторонними для получения информации о положении дел в Степи, о своей семье. С уважением относился к членам своей свиты, всегда был сдержан.

Арынгазы Абулгазиев не раз писал письма с просьбой вернуть его на родину, а если это невозможно, то хотя бы перевезти его в Москву. Так, например, в одном из писем в ноябре 1831 г. он сообщал: «...Повели разрешить мне возвращение в свои аулы, где бы я, дышущий живейшим чувством преданности к твоему престолу, мог на многочисленных опытах оказать оную тебе... в доказательство же прежнего моего усердия и преданности к твоей империи ссылаюсь на пограничных к моей орде российских начальников и на самого г. военного генерал-губернатора и кавалера Ессена. Но ежели сего не будет тебе благоугодно, то в облегчение печального настоящего моего положения, дозволь мне иметь жительство в столичном городе Москве, где я, в горестях моих, по крайней мере могу найти утешение моей веры чрез живущих там служителей ея, а по дороговизне содержания и квартир сделать прибавку к получаемому ныне на содержание меня жалованье» (СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 100).

В 1833 г. в Санкт-Петербурге была принята жена Арынгазы Медина Хасанова. Она от имени мужа просила разрешения переехать в Москву (Материалы, 1940: 495). 24 августа из МИД московскому военному губернатору кн. Голицыну сообщали, что император дал разрешение султану переехать на жительство в Москву (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70 в. Л. 1), но Арынгазы не успел получить данную новость. В 1-м часу ночи с 23 на 24 августа 1833 г. он скончался в Калуге и был похоронен прибывшим из Москвы муллой по мусульманским обрядам (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70в. Л. 17). Как сообщала Медина Хасанова руководителю МИД К.К. Родофиникину, «...он пал жертвою съедавшей его много лет тоски по родине и обратившейся после в неизлечимую уже болезнь» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70в. Л. 25-26).

После смерти султана К.К. Родофиникин просил оренбургского правителя представить сведения о законных наследниках Арынгазы. У султана было пять жен. Первая супруга была дочерью туркменского хана Пирали Нуралиева – Якши (Жаксы), вторая – Ултува была дочерью кожа, третья – Тупика была дочерью простого казаха из рода шекти, а четвертой – бывшая жена Шергазы (умершего в Хиве) (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70б. Л. 2). В Москве в мае 1829 г. султан женился на дочери зажиточного московского купца Хасана Мангушева – Медине, которая родила ему дочку Фатиму в 1832 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70в. Л. 99). В 1838 г. Медина Хасанова снова вышла замуж, а летом 1842 г. она скончалась (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 70в. Л. 175).

Если говорить о жизни семейства султана Арынгазы в Степи, то архивные документы сообщают нам, например, о различных просьбах Якши ханым. Так, например, в своем письме от 6 октября 1827 г. ханша сообщает председателю Оренбургской пограничной комиссии о притеснениях казахов Средней части и о просьбе к султану-правителю Медету Турдалиеву оказать помощь в поимке воров, которые нанесли ущерб угоном скота на сумму 6940 руб. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3458. Л. 1-20б.). 5 августа 1828 г. ханша просит оказать защиту и покровительство от притеснений родов тама и табын в зимний период кочевания по р. Илеку до Каратугая (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3458. Л. 26). Таким образом, нахождение султана Арынгазы за пределами степи создало немало трудностей для его семейства. В конечном итоге семья Арынгазы разорилась. Правительство после смерти султана назначило пенсию семье в размере 1000 руб. ежегодно. Она была распределена поровну между женами Арынгазы, но пользовалась ими только Медина до своего второго брака. Другие жены ни разу не приходили за пенсией. Ултува умерла, Тупика вышла замуж за брата Арынгазы султана Арду.

После смерти Арынгазы Абулгазиева султанша Якши в 1835 г. обратилась к генерал-губернатору В. Перовскому с просьбой о перевозке тела мужа на родину. Но получила отказ. В. Перовский ответил, что тело султана уже погребено, и по русским законам запрещено перевозить тело «единожды земле преданного».

Можно ли Арынгазы рассматривать как аманата, находившегося в России? Скорее всего нет, чем да. Аманат – это «заложник» государства или племени, который выступал залогом исполнения определенных обязательств перед империей. Представители общества сами отдавали самых близких и дорогих людей в аманаты (Избасарова, 2017: 104). Так, например, в эпоху хана Абулхаира, четыре

его сына были в аманатах. В нашем случае Арынгазы выступает в качестве пленника, а не аманата. Его положение в Калуге, невозможность встретиться не только с родными, но и соплеменниками, показывают насколько «опасной» была эта личность для империи.

5. Заключение

Казахский чингизид Арынгазы Абулгазиев, предки которого были правителями Хивы в начале XIX в., стал во главе казахских родов на юге Младшего жуза, но действия его отца Абулгазы и его подданных в сентябре 1803 г., столкновения Арынгазы с хивинским ханом и ханом Шергазы Айшуаковым разрушили его репутацию перед МИД Российской империи.

Он был инициатором в деле примирения казахских родов, прекращения барымты. Это была сильная личность, которая прекратила распри между родами Младшего жуза, но инициатива Арынгазы Абулгазиева по проведению съезда казахских племен Младшего и Среднего жузов в 1816 г. не увенчалась успехом. Он, сосредоточив власть в своих руках, добившись тишины на большей территории Степи, дал возможность подведомственным ему казахам беспрепятственно сопровождать бухарские караваны через казахскую степь и тем самым доставлять товар в Оренбургский меновый двор.

По нашему мнению, личные качества и поступки Арынгазы как лидера части казахских племен оказывали заметное влияние на состояние общественных нравов. Его достоинства, межличностные отношения, влияние на представителей не только чингизидов из клана Батыра, но и на потомков его противника хана Абулхаира, насторожили столицу.

Услуги, оказанные Арынгазы султаном российским чиновникам во время дипломатической миссии в Бухару, получили одобрение в столице, но тот случай, когда Арынгазы воспользовался пребыванием российского военного отряда для отмщения своим врагам и напал на аулы Маненбая Ширгазиева, вызвал сомнение в «усердии» султана в правительственных кругах.

Арынгазы был непримиримым врагом хивинского хана, и столкновения чингизида с правителем Хивы приводили не только к разорению казахских аулов, но и ставили под угрозу торговлю России с центрально-азиатскими ханствами. В столице, чтобы не осложнять отношения с Хивой, было принято решение задержать султана в Санкт-Петербурге, а затем отправить его в Калугу.

В дальнейшем печальная судьба Арынгазы стала причиной недоверия и отчуждения его потомков и братьев от российской администрации. Несмотря на то, что в 1833 г. сыновья Арынгазы и племянник были записаны в Неплюевское училище, они не явились в Оренбург. После смерти султана его сыновья и братья откочевали от российской границы в глубь степи.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования «Эволюция политических институтов и структур в истории Казахстана (XIX–XXI вв.)» (ИРН № BR21882308).

Литература

- АВПРИ** – Архив внешней политики Российской империи.
- Васильев, 2014** – Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: РОССПЭН, 2014. 471 с.
- Добросмыслов, 2010** – Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Актобе: ТОО «ИПЦ Кокжиек», 2010. 597 с.
- Ерофеева, 2001** – Ерофеева И.В. Казахское ханство: институт, функции и полномочия / История Казахстана: народы и культуры / Масанов Н.Э. и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 608 с.
- Избасарова, 2017** – Избасарова Г.Б. Аманат в традиционном казахском обществе и в российской политике XVIII в. // *Российская история*. 2017. № 1. С. 103–112.
- История Казахстана, 2013** – История Казахстана в документах и материалах. Вып. 3. Караганда: ПК «Экожан», 2013. С. 34–36.
- Левшин, 1996** – Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- Материалы..., 1940** – Материалы по истории Казахской ССР (1785–1828). / Под ред. М.П. Вяткина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. Т. 4. 543 с.
- Мейендорф, 1975** – Мейендорф Е. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1975. 180 с.
- Мейер, 1865** – Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 10. СПб.: Печ. В тип. Э. Веймара И Ф. Персона, 1865. 288 с.
- Муравьев, 1822** – Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822. Ч. 2. 185 с.
- Ниязматов, 2010** – Ниязматов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. 496 с.

ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.

Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

СПб ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского института истории Российской Академии наук.

Султанов, 2001 – Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 276 с.

Эверсман, 2023 – Эверсман Э. Путешествие из Оренбурга в Бухару / пер. с немецкого И.В. Храмова. Оренбург: Оренбургское книжное издательство им. Г.П. Донковцева, 2023. 288 с.

Izbassarova, 2020 – Izbassarova G. Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov) // *Bylye Gody*. 2020. 58 (4): 2385-2395.

Izbassarova et al., 2023 – Izbassarova G., Maden A., Smagulova S. The Crisis of Khan Power in the Junior Horde of the Kazakhs (second half of the XVIIIth – first quarter of the XIXth centuries) // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 76-87.

References

Arhiv SPb II RAN – Arhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossijskoj Akademii nauk [Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences].

AVPRI – Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire].

Dobrosmyslov, 2010 – Dobrosmyslov, A.I. (2010). Turgaja oblast'. Istoricheskij ocherk [Turgay region. Historical essay]. Aktobe: TOO «IPC Kokzhiek». 597 p. [in Russian]

Erofeeva, 2001 – Erofeeva, I.V. (2001). Kazahskoe hanstvo: institut, funkcii i polnomochija [Kazakh Khanate: institution, functions and powers]. Istorija Kazahstana: narody i kul'tury. Masanov N.Je. i dr. Almaty: Dajk-Press. 608 p. [in Russian]

Eversman, 2023 – Eversman, E. (2023). Puteshestvie iz Orenburga v Buharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. Per. s nemeckogo I.V. Hramova. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo im. G.P. Donkovceva. 288 p. [in Russian]

Istorija Kazahstana..., 2013 – Istorija Kazahstana v dokumentah i materialah [History of Kazakhstan in documents and materials]. Vyp. 3. Karaganda: PK «Ekozhan». 2013. Pp. 34-36. [in Russian]

Izbassarova et al., 2023 – Izbassarova, G., Maden, A., Smagulova, S. (2023). The Crisis of Khan Power in the Junior Horde of the Kazakhs (second half of the XVIIIth – first quarter of the XIXth centuries). *Bylye Gody*. 18(1): 76-87.

Izbassarova, 2017 – Izbassarova, G.B. (2017). Amanat v tradicionnom kazahskom obshchestve i v rossijskoj politike XVIII v. [Amanat in traditional Kazakh society and Russian politics of the 18th century]. *Rossijskaya istoriya*. 1: 103-112. [in Russian]

Izbassarova, 2020 – Izbassarova G. (2020). Legitimization of Power in the Kazakh Steppe in the XIX century. Search for the Cartridge: Khiva Khanate or Russian Empire? (by the Example of the Fate of Sultan Kaipgali Ishimov). *Bylye Gody*. 58 (4): 2385-2395.

Levshin, 1996 – Levshin, A.I. (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih, ord i stepej [Description of the Kyrgyz-Cossack, or Kyrgyz-Kaisak, hordes and steppes]. Almaty: Sanat. 656 p. [in Russian]

Materialy..., 1940 – Materialy po istorii Kazahskoj SSR (1785–1828) [Materials on the history of the Kazakh SSR (1785–1828)]. Pod red. M.P. Vjatkina. M.-L.: Izd-vo AN SSSR. 1940. T. 4. 543 p. [in Russian]

Mejendorf, 1975 – Mejendorf, E. (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Buharu [Travel from Orenburg to Bukhara]. M., Glavnaja redakcija vostochnoj literatury izdatel'stva "Nauka". 180 p. [in Russian]

Mejer, 1865 – Mejer, L. (1865). Kirgizskaja step' Orenburgskogo vedomstva [Kyrgyz steppe of the Orenburg department]. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. T. 10. SPb.: Pech. V tip. Je. Vejmara I F. Persona. 288 p. [in Russian]

Murav'ev, 1822 – Murav'ev, N. (1822). Puteshestvie v Turkmeniju i Hivu v 1819 i 1820 godah gvardejskogo General'nogo shtaba kapitana Nikolaja Murav'eva, poslannogo v sii strany dlja peregovorov [Travel to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820 by the Guards General Staff of Captain Nikolai Muravyov, sent to these countries for negotiations]. M. Ch. 2. 185 p. [in Russian]

Nijazmatov, 2010 – Nijazmatov, M. (2010). Poisk konsensusa. Rossijsko-hivinskie geopoliticheskie otnoshenija v XVI – nachale XX v. [Search for consensus. Russian-Khiva geopolitical relations in the 16th – early 20th centuries]. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie. 496 p. [in Russian]

ОГАОО – Ob"edinennij gosudarstvennyj arkhiv Orenburgskoj oblasti [United State Archives of the Orenburg Region].

Почекаев, 2017 – Почекаев, Р.Ю. (2017). Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. [Governors and khans. Personal factor of the

legal policy of the Russian Empire in Central Asia: XVIII – early XX centuries]. M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. 384 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv [Russian State Historical Archive].

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoričeskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].

Sultanov, 2001 – *Sultanov, T.I.* (2001). Podnjatye na beloј koshme. Potomki Chingiz hana [Raised on a white felt. Descendants of Chingis Khan]. Almaty: Dajk-Press. 276 p. [in Russian]

Vasil'ev, 2014 – *Vasil'ev, D.V.* (2014). Rossiја i Kazahskaja step': administrativnaja politika i status okrainy. XVIII – pervaja polovina XIX veka [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts. XVIII – first half of the XIX centuries]. M.: ROSSPJEN. 471 p. [in Russian]

Арынгазы Абулгазиев: непризнанный Российской империей казахский хан

Гульбану Б. Избасарова ^{a, *}, Назгуль Х-М. Хаджи-Мукан ^a

Аннотация. Статья посвящена непризанному Российской империей казахскому хану Арынгазы Абулгазиеву (1785/1787–1833 гг.). В данном труде на основе архивных источников изучается жизнь и деятельность казахского чингизида, а также последние годы его жизни в Калуге. В исследовании анализируется эпоха правления чингизидов из дома Каипа (предков султана Арынгазы) в Хивинском ханстве, уделяется внимание взаимоотношениям чингизидов этого поколения с Российской империей, их попытке получить такие же льготы, как и потомки хана Абулхаира, выявлены причины конфликта Арынгазы Абулгазиева с хивинским ханом. В данной публикации изучаются взаимоотношения оренбургского военного губернатора П.К. Эссена с султаном Арынгазы и ханом Шергазы Айшуаковым, попытки П.К. Эссена назначить Арынгазы ханом Младшего жуза, деятельность А. Абулгазиева во время следования дипломатической миссии Я. Гавердовского в Бухару.

В исследовании анализируются причины возникновения кризиса верховной власти в Степи, причины перехода казахов из-под власти хана Шергазы Айшуакова к Арынгазы Абулгазиеву, политика последнего по укреплению своей власти в Младшем жузе. В статье приведены сведения по генеалогии казахских чингизидов.

Также в статье подробно исследуется деятельность Азиатского комитета МИД, на заседаниях которого решалась судьба чингизида Арынгазы Абулгазиева, а главное – существование верховной власти в Казахской степи. В данном труде выявлены причины задержания казахского правителя в столице и отправки его в ссылку, представлены сведения о членах его семьи и их жизни после смерти Арынгазы.

Ключевые слова: Арынгазы Абулгазиев, Шергазы Айшуаков, Российская империя, Хива, Казахская степь, Азиатский комитет, чингизиды, ханская власть.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iz_gulbanu@mail.ru (Г.Б. Избасарова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 654-666
DOI: 10.13187/bg.2025.2.654

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Development of Cattle Breeding in Kazakhstan in the 18th – early 20th centuries

Aksunkar T. Abdulina ^{a, *}, Ziyabek E. Kabuldinov ^a, Malika T. Moryakova ^a

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

One of the founders of Kazakh ethnography, Kh.A. Argynbayev (1924–1998), made a significant contribution to the examination of the problem of traditional animal husbandry as the main type of economy and life support system of the Kazakhs. The most systematically the results of his scientific research, he set out in his fundamental work “Ethnographic essay on the animal husbandry of the Kazakhs”. The authors of the article also used archival documents and the works of pre-revolutionary authors as sources. Kh.A. Argynbayev came to the well-founded conclusion that the Kazakhs had animal husbandry, which had fully developed by the 18th century, conditionally divided into three types: nomadic, semi-nomadic, and sedentary. Semi-nomadic animal husbandry prevailed over most of Kazakhstan, while nomadic animal husbandry was dominant in Western and Central Kazakhstan. The smallest distribution was in sedentary cattle breeding, mainly among the Kazakhs of the southern and southeastern regions of Kazakhstan. In the steppe zone, the meridional method of nomadicities was mainly practiced, and in mountainous areas, that is, in the east and southeast of the Kazakhstani nomadic area-vertical distillation of livestock.

The work of Kh.A. Argynbayev reflected the issue of the traditional system of land ownership and land use. Autumn, spring and summer pastures were in the common ownership of a certain tribe, and winter pastures were mainly in the use of influential bais and biis, transforming into private ownership.

The main types of animals were four main species, called by the Kazakhs “tort tulik mal”, these are horses, sheep, camels and cattle, in the herd mainly sheep predominated. Among wealthy cattle breeders, the number of cattle in the herd reached 20,000 or more. Depending on the seasons of the year, the pastures received their names: kystau (wintering), kokteu (spring pasture), zhailau (summer pasture), kuzdeu (autumn pasture). Based on the study of sources and collected field materials on the problem of watering cattle, Kh.A. Argynbayev identified the existence of 2 types of wells depending on the depth: shallow (sayaz kudyk) and bottomless (shynyrau kudyk). At the end of the 19th century, a stable trend of mass transition from nomadic and semi-nomadic cattle breeding to agriculture emerged in the central, northern and northeastern regions.

Keywords: jute, nomadic livestock, folk veterinary medicine, pastures, livestock, cattle breeding, herd composition.

1. Введение

Казахи как номады евразийской степи практиковали животноводство, преимущественно в классической кочевой форме, которое являлось основой их жизнедеятельности, давая источники к существованию, а скот был мерилом достатка и богатства. Ведущий казахский этнограф Халел Аргынбаевич Аргынбаев (1924–1998) писал по этому поводу: «Даже при встрече казахи начинали разговор со слов “Мал-жан, қора-қопсың аман ба?” (Благополучен ли ваш скот и хозяйство?). Домашним животным народ посвятил большое количество стихов, песен, пословиц и

* Corresponding author

E-mail addresses: abd_aksunkar@mail.ru (A.T. Abdulina)

поговорок...Место, которое занимает домашний скот в жизни казахов, точно указывается в народной пословице “*Мал адамның бауыр еті*” (Скот – самое дорогое для человека)» (Аргынбаев, 1969: 3).

Продукты скотоводства употребляли в пищу, скот обменивали или продавали оседло-земледельческим народам, чтобы получить взамен необходимые продукты зерноводческого хозяйства, ткани, некоторые ремесленные изделия и пр. Ремесло кочевников также было связано с обработкой продуктов животноводства – из шерсти овец валяли войлок для юрт, кость использовали косторезчики для инкрустации предметов мебели; из кожи домашних животных скотоводы изготавливали ведра для воды (*кауға*) и сосуды для кумыса (*саба*) (Казахи, 1995: 85) и пр. Кочевой быт был полностью приспособлен к кочевничеству: скот, в особенности лошади, был главным видом транспорта, вместо домов на колесах в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) появились легко разбираемые и устанавливаемые юрты, посуда стала деревянной, чтобы не билась при перекочевках и т.п.

Фокус данного исследования обращен на анализ традиционного кочевого животноводства казахов через научное наследие Х.А. Аргынбаева, труды которого по этой теме носят фундаментальный характер и требуют всестороннего изучения.

2. Материалы и методы

Основными материалами для написания статьи послужили основополагающие работы Х.А. Аргынбаева, в особенности монография на казахском языке «Қазақтың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк» («Этнографический очерк казахского животноводства») (Аргынбаев, 1969), переведённая в 2024 г. на русский язык в рамках подготовки к выпуску 1-го тома избранных трудов учёного согласно грантовому проекту «Историческая этнография казахов в научном наследии профессора Х. Аргынбаева: издание трудов в 3-х томах».

С целью соблюдения научной этики авторы данной статьи стремились использовать также в качестве материалов архивные документы, как хранящиеся в фондах архивов, так и опубликованные. Документы из ЦГА РК – Центрального государственного архива РК (Алматы, Республика Казахстан) и ИАОО – Исторического архива Омской области (Омск, Российская Федерация) дают представление о видах домашних животных, о количестве скота у отдельных баев, продуктах скотоводства, поставляемых на рынок, о влиянии на животноводство природных факторов в виде снежных буранов и джутов и т.д. Наиболее информативны по количественным данным о динамике поголовья скота, его видах и пр. опубликованные статистические отчеты и обзоры по различным областям Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, к примеру: «Обзор Семипалатинской области за 1901 г.» (Семипалатинск, 1902 г.), «Обзор Сырдарьинской области за 1911 г.» (Ташкент, 1913).

В данном исследовании с методологической позиции употребляется термин «животноводство», а не «скотоводство», поскольку с точки зрения современного знания скотоводство трактуется, прежде всего, как отрасль животноводства, специализирующаяся на разведении крупного рогатого скота. Методология исследования, примененная авторами, базировалась на общенаучных методах логического анализа и синтеза, структурно-функционального подхода, при котором животноводство как социальный институт расчленялось на структурные элементы – типы животноводства, виды скота, маршруты кочевания и пр., выполнявшие определенные социальные функции. Общенаучный принцип детерминизма побуждает историков на основе анализа материалов, в первую очередь архивных документов, установить причинно-следственные связи по истории развития животноводства у казахов в XVIII – нач. XX вв. Сходства и различия в уровне развития животноводства по регионам, типам выявлялись с использованием сравнительно-исторического и типологического методов, относящихся к группе специальных исторических методов. Неизменно историки обращаются к проблемно-хронологическому методу, а в данном исследовании – применительно к динамике развития скотоводческих приемов казахов. Источниковедческий метод применялся при анализе данных в архивных документах.

3. Обсуждение

Проблема животноводства у казахов, полностью сложившегося к XVIII в., была одной из центральных в исследованиях дореволюционных русских ученых и чиновников военно-административного аппарата Российской империи, среди которых можно назвать следующих – С.Б. Броневский (Броневский, 1830), А.И. Левшин (Левшин, 1996), Е. Смирнов (Смирнов, 1887), В. Бенкевич (Бенкевич, 1903), В.В. Радлов (Радлов, 2007), А.И. Добросмыслов (Добросмыслов, 1893) и др., хотя в их трудах нашел отражение широкий спектр вопросов казахской этнографии. Наряду с изысканиями русских ученых в этот период стали выходить и различные работы о животноводстве представителей казахской интеллигенции – Ч.Ч. Валиханова (Валиханов, 1904), М. Чорманова (Чорманов, 1883), А. Букейханова (Букейханов, 2006), которые знали этнографические особенности своего этноса с детства и владели терминологией. В статье мы также опирались на научные изыскания немецкого ученого из Баварии Франса фон Шварца, изучавшего в конце XIX в. образ жизни и обычаи туркестанских народов для обоснования своей теории о Туркестане как исторической прародине европейцев и германцев (Шварц, 2006).

Наиболее системно и обстоятельно животноводство как основной вид хозяйства казахов было изучено в советский период, в частности в трудах одного из основоположников казахской этнографической школы второй половины XX в., доктора исторических наук Халела Аргынбаевича Аргынбаева. В 1969 г. Х.А. Аргынбаев выпустил этнографический очерк о казахском животноводстве (Аргынбаев, 1969), который явился результатом его полевых исследований и теоретических обобщений. Признанным специалистом по казахскому коневодству является доктор исторических наук А.У. Токтабай, монография которого «Қазақ жылқысының тарихы» («История казахской лошади») переведена и на русский, и на английский языки (Токтабай, 2011), а другая монография по коневодству выпущена на русском языке (Токтабай, 2022). Проблема развития животноводства у казахов рассматривалась вкупе с другими важными элементами кочевого общества в монографии крупного этнографа и историка С.Е. Толыбекова (Толыбеков, 1971).

Комплексное освещение животноводство получило в коллективной монографии «Казахи» (Казахи, 2021) под авторством российских и казахстанских этнологов – И.В. Октябрьской, Г.У. Орынбаевой, А.У. Токтабая, в которой были вскрыты исторические корни кочевничества и формирования основных типов кочевого хозяйства во временном разрезе.

Краткий историографический обзор, который не смог охватить весь массив трудов по животноводству казахов, показал, что проблема развития животноводства как элемента жизнеобеспечивающего механизма кочевого общества казахов требует дальнейших исследований в силу глубины проблемы и появления новых исторических источников.

4. Результаты

Природно-климатические условия и типы животноводства

Х.А. Аргынбаев, будучи советским ученым и разделяя марксистский принцип примата материалистического принципа в общественном развитии, в своей вышеуказанной монографии по животноводству проанализировал, в первую очередь, экологические детерминанты этого основного вида хозяйственной деятельности казахов. Опираясь на источники и предыдущие научные изыскания, он выделил четыре основных вида климата на обширной территории Казахстана: 1) умеренный климат лесного региона; 2) степной климат; 3) пустынно-степной климат; 4) высокогорный климат в юго-восточной части страны (Аргынбаев, 1969: 7-8). Один из его учеников, исследователь Н.Э. Масанов вполне определенно высказался по этой проблеме: «Многообразие естественно-природных условий, проявляющееся в особенностях орографии, климата, гидрографического режима, почвы, растительного покрова, ландшафтной зональности и т. п., в значительной степени определило многообразие типов и форм материального производства, хозяйственно-культурных типов..., а следовательно, и способов производства» (Масанов, 2011: 16).

В зависимости от природно-климатических условий регионов, социально-политических условий того или иного исторического периода и экономического состояния хозяйств животноводство условно делилось на три типа:

– *Кочевое животноводство* с круглогодичными перекочевками на большие расстояния – в степных и полупустынных массивах территории Западного и Центрального Казахстана (меридиональный способ кочевания и вертикальный перегон скота в гористой местности); характеризовалось проживанием круглогодично в переносном разборном жилище – юрте, отсутствием стационарных оседлых жилищ, практики заготовки сена и занятия земледелием;

– *Полукочевое животноводство* с кочеванием на горные и другие летние пастбища, которое сочеталось с преимущественно богарным или орошаемым земледелием – в районах гор и предгорий Восточного Казахстана, Семиречья, в долинах рек Шу, Талас, Сырдарья Южного Казахстана; характеризовалось наличием стационарных сезонных поселений – зимников (*қыстау*) (Ажигали, 2021: 339), в районе которых полукочевники в небольших размерах занимались земледелием и заготовкой сена, а часть скота в зимнее время содержалась в крытых хозяйственных строениях;

– *Оседлое животноводство* сочеталось с земледелием, распространено было преимущественно в Южном и Юго-Восточном Казахстане, а также бытовало у небольших локальных групп населения, проживавших по берегам крупных рек и озер; характеризовалось наличием постоянных стационарных поселений и жилищ, заготовкой значительного количества сена, стойловым содержанием животных в сочетании с выпасом вблизи аулов.

В конце XIX в. на большей части территории Казахстана преобладало полукочевое животноводство, в связи с процессом оседания и изъятия у казахов земель для переселенцев появилось широтное кочевание, т. е. перекочевка на незначительные расстояния – 10–15 км (Әлімбай, Т. 5: 287; Казахи, 1995: 29). По данным Х.А. Аргынбаева, «переход казахского народа на полuosедлый образ жизни, его миграция между зимними и летними пастбищами – давний исторический процесс. Основной задачей людей было – сохранение поголовья скота в зимний период. Для этого они занимались и заготовкой кормов для животных в местах зимовок» (Аргынбаев, 1969: 41). По данным С.Е. Толыбекова, в начале XX в. кочевниками были 25 % всех казахов (Казахи, 2021: 227), а в Чимкентском уезде кочевали лишь 16,6 % казахов, оседлые земледельческие хозяйства при этом составляли 83,4 % (Хозяйство казахов..., 1980: 76).

Казахи-кочевники торговали скотом на рынках и ярмарках, о чем красноречиво указано в дореволюционных источниках по Южному Казахстану: «Большой доходной статьей особенно в многоскотных хозяйствах является продажа скота. Главные скотские базары в Аулиеата, Мерке, Сузаке и Туркестан. Кроме обычных базарных дней в Аулиеата бывает в мае скотская ярмарка, куда пригоняется много разного скота, главным образом овец и лошадей. Продажа и покупка скота чаще всего производится весной и осенью» ([Материалы по киргизскому..., 1915: 53](#)). Подобные базары и ярмарки были повсеместно во всех областях Казахского края.

Виды пастбищ и протяженность кочевых путей

Четко выраженные времена года определили и дифференциацию пастбищ для скота по сезонам: *жайлау* (летние пастбища), *кузеу* (осенние пастбища), *кыстау* (зимние пастбища), *көктеу* (весенние пастбища), из которых осенние и весенние пастбища в основном совпадали. Ежегодно в марте-апреле казахи начинали выходить на весенние кочевья, в мае кочевники покидали весенние пастбища, а в сентябре-октябре постепенно отправлялись в обратный путь с летних пастбищ на осенние и уже в декабре оказывались на зимних кочевьях. Русский дореволюционный автор К. Ельницкий оставил интересное описание перекочевки казахов: «При перекочевке сначала бегут лошади, потом бегут овцы и рогатый скот...затем движутся арбы, запряженные верблюдами. Мужчины скачут на своих быстрых конях по сторонам табора и пригоняют к месту каждую лошадь или каждую овцу, которая вздумает свернуть в сторону. Женщины и дети помещаются на арбах или верхом на лошадях. Шум, крик, скрип немазанных колес, блеяние овец, ржание лошадей – все это сливается в один нестройный гул, слышный за несколько верст от табора...» ([Ельницкий, 1887: 1017](#)).

Одной из главных причин постоянной смены пастбищ является их стравливание, т. е. истощение в связи с выеданием и вытаптыванием скотом растительного покрова, эта экологически значимая мера предохраняет почву от эрозии. На весенних открытых, более возвышенных пастбищах отощавший за зиму скот набирал вес и давал приплод.

Перед переходом от пастбища к пастбищу несколько соседних аулов объединялись в большую общину. Заранее обговаривались правила и время перехода к определенному пастбищу в зависимости от местной климатической специфики, рельефа земли, особенностей подсобного хозяйства и других видов работ. Например, по песчаным и полупустынным районам они совершали переходы не в жаркие летние месяцы, а к концу осени, чтобы воспользоваться травяным покровом, разраставшимся во время осенних дождей и необходимым для пропитания скота.

На протяжении длительного времени скотоводы сумели хорошо приспособиться не только к окружающей среде, но и выработали наиболее оптимальные маршруты кочевания. По поводу длины кочевых путей Х.А. Аргынбаев отметил: «Расстояния между зимними и летними пастбищами для скота в разных частях Казахстана отличались. Это зависело от природных условий каждого региона, особенностей развития в ведении хозяйства, то есть от увеличения или снижения масштабов земледелия, объемов покоса травы для зимнего корма... Баи и их родственники, используя большое количество транспортных животных, кочевали на дальние пастбища, а простые люди, у которых было мало и вовсе не было таких животных, могли остаться на зимовке» ([Аргынбаев, 1969: 40](#)). В северной половине Казахстана или на склонах Сары-Арки у полукочевников расстояние между летними и зимними пастбищами составляло от 10–20 км до 40–80 км, а вот у кочевников Западного Казахстана дальность между пастбищами составляла 200–600 км, достигая иногда и 1000 км. Между тем у родов в Жетысу протяженность кочевых путей достигала 100–200 км. В период усиления казачьей и массовой крестьянской колонизации маршруты кочевания стали сокращаться на значительные расстояния.

В день кочевой караван проходил в среднем до 20 км с короткими остановками на 2–3 дня. Лошади и верблюды шли на некотором отдалении от основного кочевья, а овцы и коровы, как правило, находились вблизи каравана.

В трудах Х.А. Аргынбаева нашел отражение весьма важный вопрос о традиционной системе землевладения и землепользования: «До конца XIX в. все казахские роды имели собственные пастбища, по которым они кочевали в зависимости от времени года. Баи и влиятельные в роду бии присваивали себе наиболее плодородные участки земли, забирая большую часть пастбищ» ([Аргынбаев, 1969: 37](#)). Осенние, весенние и летние пастбища с определенными путями кочевания, местами стоянок, колодцами и водопоями находились в общем владении определенного племени и входивших в него родов (кочевой общины) ([Аргынбаев, 1959: 42](#)). Однако в конце XIX в. в связи с переселенческой политикой Российской империи, традиционная система землепользования стала разрушаться: зимние пастбища (зимовки) в основном трансформировались в постоянные стоянки и находились в пользовании влиятельных баев и биев, трансформируясь в частное владение. Степные законы строго запрещали пасти скот возле чужих пастбищ. Летом при перекочевках на север, а зимой на юг, тот аул, который первым прибывал на пастбище, занимал его. Аул, заявивший свои права на пользование пастбищем, связывал концы травы возле водопоя или колодца. Об этом пишет исследователь жизни и быта казахов междуречья Урала и Волги Н. Троицкий в своей работе «Очерки Зауральской степи и Внутренней, или Букеевской Орды»: «Каждый род имеет свои постоянные кочевья, и на обыкновенных привалах одного рода другой уже не останавливается, а только перекрещивает их в различных направлениях во время своих переходов» ([Троицкий, 1859: 33](#)).

Водообеспечение

При выборе мест для поселения казахи учитывали и наличие водных источников: «Поение животных во время перекочевок производится казахами, смотря по местности из рек, озер, болот, оврагов, котловин, в которые собирается весенняя вода, или же из вырытых колодцев» ([Сибирский торгово-промышленный..., 1899: 236](#)).

Х.А. Аргынбаев в своих трудах уделял немалое внимание сложной проблеме водопоя скота во время выпаса на пастбищах и при перегонах. На основе изучения источников и собранных полевых материалов, он выделил существование во второй половине XIX – начале XX вв. 2-х видов колодцев в зависимости от глубины: неглубокий (*саяз құдық*) и бездонный (*шыңырау құдық*). Глубина неглубоких колодцев, стены которых по возможности обкладывали камнями, не превышала 2–3 метров, а вода зачерпывалась бадьей (*қолқауға*), изготовленной из целиком снятой шкуры крупного рогатого скота с шестом длиной 3–4 метра. Глубокие же колодцы (30–40 м в глубину) встречались на безвоженных землях Мангистау, Кызылкумов и Бетпақдалы, для их рытья привлекались специальные мастера с 2–3 помощниками, а стены укреплялись саксаулом ([Аргынбаев, 1969: 48](#)). Для поения скота в полупустынных и пустынных зонах рыли и более глубокие колодцы, глубина которых доходила до 100 м. Как правило, подобные колодцы встречались через каждые 20–30 км. В северных регионах встречались и глубокие колодцы: в таком случае воду доставляли подъёмным механизмом – журавлем, который был заимствован у крестьян-переселенцев.

Виды разводимого скота

Х.А. Аргынбаев как знаток казахской этнографии при исследовании развития животноводства у казахов изучал четыре главных вида скота, называемых «төрт түлік мал», - это лошади, овцы, верблюды и крупный рогатый скот. Он обстоятельно описал местные породы домашних животных, привел терминологию по обозначению казахами скота разного пола, возраста, масти, для животных, отличающихся какими-либо особыми приметами.

Овцеводство

Необходимо отметить, что наиболее важную и распространенную отрасль скотоводства у казахов составляло овцеводство ([Ельницкий, 1887: 1017](#)). Качества казахских овец В. Бенкевич описывал следующим образом: «Киргизский баран грубошерстный... курдючный... очень выносливый и способный к откармливанию, зачастую дает вкусное мясо и много сала, ради которого уже давно сделался предметом торговли. До 1894 г. в Россию вывозилось только сало, мясо чуть ли не бросалось или продавалось по 30–40 коп. за тушу» ([Бенкевич, 1903: 15](#)). Наиболее древней и самой распространенной породой овец была – казахская грубошерстная, курдючная (*қазақтың құйрықты қойы*) ([Казахи, 1995: 26](#)), которую разводили главным образом для мяса. Широко использовались овцы для получения шерсти, для чего овец стригли два раза в год – весной и осенью. В составе Российской империи в связи проникновением рыночных отношений львиная доля грубой и малообработанной шерсти продавалась на ярмарках. По словам М.И. Лисовского, изучавшего овцеводство в Зайсанском уезде, «для своего обихода киргизами (казахами – Авт.) уезда употребляется шерсти около $\frac{1}{6}$ части ее» ([Лисовский, 1889: 5](#)).

В зависимости от региональных природно-климатических условий, особенностей местной флоры исторически сложились такие локальные разновидности названной породы овец: в Западном Казахстане – адаевская, иргизская и др., в Центральном – баганалинская, каркаралинская, в Восточном Казахстане – зайсанская, Джетысу – джетысуйская, в Южном Казахстане – чуйская, терысакканская и др. Внутри этих разновидностей также существовали подвиды, которые различались по размеру тела, хвостового жира и весу. В регионах, граничащих со Средней Азией, распространена порода каракульских овец, а на севере, в приграничных областях с Россией, стали разводить с конца XIX в. породу сибирских тонкорунных овец ([Аргынбаев, 1969: 15](#)).

Козы

Козы также разводились кочевниками и использовались для управления отарами овец в качестве вожakov. В чисто кочевых хозяйствах коз было мало, но в конце XIX в. в результате процесса оседания их поголовье увеличилось, обеспечивая владельцев молоком, мясом, пухом и пр. Козья шерсть шла на сучение веревок, шнурков для прикрепления на юртах кошем. Мясо коз также использовали в пищу, им же нередко угощали гостей. Об этом писал А. Букейханов: «Прекрасный для гостей и убыточный для хозяина обычай принимать гостей и угощать их мясом молодого барана делается с каждым годом более и более тягостным для населения и подвергается значительной эволюции по существу: вместо ягнят с вкусным мясом, любимым блюдом киргиз, заступают козлята как предмет угощения гостей, которым, как ни обидно, приходится мириться и есть презируемое ими козье мясо... В этом состоит причина разведения коз и богатыми» ([Букейханов, 2006: 140](#)). Уникальным был способ сохранения мяса в летнее время: его обливали кумысом и держали в тени юрт. В таком виде оно сохранялось от трех и более дней, т. е. мясо коз в летнее время сохраняется гораздо дольше, чем баранина.

Козы стоили примерно в 2 раза дешевле, чем овцы. К концу XIX в. цены на коз в Казахстане стали расти ввиду того, что козлятину активно стала закупать Франция ([Букейханов, 2006: 15–16](#)). Значительная доля козьего пуха казахами продавалась русским и татарским купцам.

Богатая часть казахского общества держала коз для того, чтобы рассчитаться с работниками-пастухами. В зимнее время казахи забивали коз для получения сала, из которого отливали свечи. Из козьих рогов скотоводы изготавливали табакерки – *шақша*, пороховницы – *шонтай*, а также рукоятки для ножей и нагаек. Желудки забитых коз шли на изготовление емкостей для сливочного масла, а кишки – струн домбры. Из выделенных шкур изготавливали замшевые штаны.

Коневодство

Особое отношение у казахов было к коням, верным боевым спутникам воинов-батыров и незаменимым домашним животным в кочевом быту. Казахский героический эпос сохранил имена многих знаменитых скакунов известных батыров – Ер Таргын имел Тарлана, боевым товарищем Кобланды батыра был Тайбурыл, Кабанбай батыр воевал на Кубасе и т.д.

Казахские лошади не отличались особой красотой, были приземисты, покрыты шерстью, широкогруды, но имели быстрый бег, физическую силу, выносливость, что было важно во время зимних буранов. Казахская лошадь была хорошо приспособлена к круглогодичному пастбищному содержанию, могла в течение 10–15 часов с небольшими перерывами и без корма преодолеть до 150 верст расстояния. Поэтому неслучайно она очень ценилась среди российского казачества и крестьян-переселенцев. В 90-х гг. XIX в. ежегодно Тургайская область поставляла на рынок 40 тысяч лошадей, 100 тысяч шкур, 30 тысяч пудов конского волоса (ИАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 971. Л. 3–4об.).

В различных регионах Казахстана существовали свои местные породы. Всего выделено 7 пород: адайская, западно-казахстанская, центрально-казахстанская, найманская, южно-алтайская, жетысуйская, аулиеатинская. Х.А. Аргынбаев был не согласен с утверждением, что «казахи ничего не делали для улучшения пород скота». Эта точка зрения не верна. Даже не углубляясь в историю, можно отметить, что еще в начале XVIII в., пусть и не с позиции науки, но были сделаны некоторые важные шаги по улучшению породы казахской лошади» (Аргынбаев, 1969: 16, 20). С древности в Средней Азии разводили лошадей породы *қарабайыр* путем скрещивания чистопородных арабских и туркменских скакунов со степными кобылами. Эта порода лошадей, предназначенных как для верховой езды, так и упряжи, была широко распространена в Южном Казахстане. Во второй половине XIX в. из России в Казахский край были завезены рысаки – *желгіш*, активно используемые для выезда карет.

В 80-х гг. XIX в. Государственное коннозаводское управление открыло 3 завода по улучшению пород в Тургае, а также по одной конюшне в Аулие-Ате и Верном. Целью подобных заводов являлось скрещивание исконно казахских пород лошадей с другими породами для обеспечения русской армии превосходными лошадьми (Токтабай, 2011: 10).

Кроме того, в зависимости от свойств лошади подразделялись на виды: *қазанат* – выносливые и сильные, *жорға* – иноходцы, *жабы* – обычные казахские лошади, предназначенные только для домашнего использования (Казахи, 1995: 27) и др. Этнограф Х.А. Аргынбаев особенно выделяет иноходцев, описав подробно их виды: «...*жол жорға* [небыстрый иноходец], *су жорға* [иноходец, словно текущая вода], *шайқалған жорға* [быстрый иноходец], *тайпалған жорға* [неутомимый иноходец], *тұсау жорға* [иноходец со смешанным шагом], *шалыс жорға* [иноходец с небрежным шагом] и другие» (Аргынбаев, 1969: 21).

Казахи как прекрасные скотоводы классифицировали лошадей не только по двигательным свойствам, но и масти, возрасту и другим признакам. По возрасту выделяли такие группы: *құлын* – жеребенок до 6 месяцев; *жабағы* – 6–7-месячный жеребенок, *тай* – жеребенок старше года, *құнан* – от 2 до 2,5 лет и т.д.

В целом лошади у казахов делились на три большие группы: для верховой езды (включая военные походы, для забегов в национальных видах спорта), упряжи и мясомолочного производства, так как конина у казахов считалась лучшим мясом и самого почетного гостя всегда угощали продуктами из конины (к примеру, излюбленными видами колбас из конины – *қазы*, *карта* и др.). Кроме того, после забоя скота обработке и использованию в быту подвергались шкуры и конский волос.

Издrevле сложился табунный способ содержания лошадей – табунами (40–50 лошадей), состоящими из нескольких косяков (около 10 лошадей), на пастбищах (без подкорма) под присмотром пастуха-табунщика (*жылқышы*) с помощниками. Зачастую один табунщик смотрел за табунном в 100 лошадей (Шумков, 1892: 15). В зимнее время табуны лошадей паслись в открытой степи – *тебеневали*. Они добывали траву из-под снега своими копытами. После лошадей пасся крупный рогатый скот и верблюды, а в конце запускали овец. Лошадей казахи клеймили. На ушах делали надрезы. Со второго года начинали обучать верховой езде.

Верблюдоводство

По мнению иностранных путешественников и ученых, «самым важным и самым ценным животным киргиз-кайсаков является верблюд» (Шварц, 2006: 189), отмечая таким образом чрезвычайную необходимость верблюда как транспортного домашнего животного в кочевом хозяйстве казахов. По наблюдениям В. Радлова: «Киргизы держат очень мало, по сравнению с другими животными, верблюдов. У южных киргизов можно встретить чаще, чем у северных. У богатого киргиза редко бывает более 50 верблюдов, у бедных их не более трех-четырех» (Радлов, 2007: 300).

Среди всех животных казахский народ считал верблюда самым священным, а потому и называл его «*Түйе түлік төресі*» (Верблюд – аристократ среди животных), «*Малдың ұлығы*» (Величайший среди животных). Верблюды были представлены двумя видами: *нар* – одногорбый верблюд-дромедар и *айыр* – двугорбый верблюд-бактриан, имеющий густую шерсть, и потому распространенный по всей территории Казахстана. Двугорбые верблюды давали до 20 фунтов шерсти. Местное население запрягало их в арбы и сани и использовало для перевозки различных тяжестей до 40 пудов (ЦГА РК. Ф. 393. Оп. 1. Д. 18. Л. 6-60б.). Верблюд мог в течение нескольких дней обойтись без воды и корма, пить соленую воду и питаться колючими кустарниками. Цена этого животного была высокой: за одного верблюда давали от 6 до 10 коней.

Нары же были более приспособлены к теплему климату и разводились на юге. Известный российский исследователь Л. Мейер пишет, что казахи занимались селекцией этого вида скота: «Распространенное в Европе мнение, будто бы от одногорбого и двугорбого верблюда не бывает приплода – чистый вымысел. Киргизы, напротив того, весьма охотно скрещивают эти породы с целью получить приплод более крепкий» (Мейер, 1865: 137). По данным Х.А. Аргынбаева, на полуострове Мангистау, по рекам Жем и Сырдарья, часто встречаются гибриды наров и айыров. Их распространение зависит от климатических и природных особенностей Казахстана. Аргынбаев писал: «В результате скрещивания гибрида *біртуған* с чистокровным одногорбым или двугорбым верблюдом рождается *қоспақ* (смешанный). У такого верблюда-гибрида не один и не два горба, а общее основание горба с двумя разделенными верхушками» (Аргынбаев, 1969: 23).

Как и лошади и овцы, верблюды имели полифункциональное значение для кочевников: их использовали для получения мяса, молока, из которого изготовляли напиток – *шұбат*, шерсти, шкур, а также верблюды служили средством транспорта и тягловой рабочей силой при пахоте, а на юге – для обслуживания ирригационных сооружений. Верблюдов казахи со временем стали использовать и для земледельческих работ. Крестьяне-переселенцы также приобретали верблюдов в небольшом количестве. Издавна высоко было значение этого животного в караванной торговле со Средней Азией. Казахи, кочевавшие вблизи пограничной линии, поставляли русским купцам верблюдов и сами служили в качестве колонновожатых.

Крупный рогатый скот

Долгое время под влиянием некоторых дореволюционных русских нарративных источников бытовало мнение, что казахи не разводили коров и быков. Однако в своих трудах Х.А. Аргынбаев убедительно опроверг это ошибочное мнение (Аргынбаев, 1969: 17). На основании его исследований можем сказать, что крупный рогатый скот был менее представлен у кочевников, преимущественно в бедных и средних хозяйствах в таких регионах, где подходили климат и фауна – Северный, Восточный, Юго-Восточный Казахстан, Семиречье (Казахи, 1995: 27).

Понятно, что крупный рогатый скот использовался казахами в качестве тягловой силы на сельскохозяйственных работах, а также для изготовления молочных продуктов. Вместе с тем говяжье мясо мало употреблялось в пищу. Об этом хорошо написал старший султан Баянаульского внешнего округа М. Чорманов: «Бедняки предпочитают держать коров, от которых получают молоко, сыр, масло, корова, притом, не требует за собою особого надзора...» (Чорманов, 1883: 40-41).

Количество таких хозяйств особенно увеличилось на рубеже XIX–XX вв., когда началось массовое изъятие земель у казахов в пользу крестьян-переселенцев. поголовье коров и быков значительно выросло также под влиянием экономических запросов капиталистического рынка и культурного обмена с русскими поселенцами. После образования в степи крестьянских поселков казахи стали скрещивать местных коров (казахской и красной калмыцкой пород) с производителями шведской, североукраинской и симментальской пород (Бенкевич, 1903: 27), что значительно улучшило качество скота.

В оседлых и полuosедлых хозяйствах крупный рогатый скот использовали в качестве тягловой силы. В отношении Семипалатинской области В. Бенкевич писал в 1903 г.: «В домашнем быту и обиходе киргизы часто ездят верхом на быках, и то очень молодых, во время перекочевов выючат или запрягают не только быков, но и коров» (Бенкевич, 1903: 13).

Богатая часть казахского общества раздавала беднякам коров на содержание согласно обычаю *сауын*. Бедняки пользовались молоком коров, но взамен обязывались не только их содержать, но и вырастить приплод. Так, известный бай Перовского уезда Биляш подобным образом раздавал до 700 коров, в Темирском уезде бай Шошабай – 1000. Казахи начали производить продажу на рынке масла. Крупный рогатый скот зимой пасли на лугах с высокой травой и камышовых зарослях, не занесенных снегом (Казахи, 1995: 28).

Соотношение видов домашнего скота в различных регионах и исторических периодах было неодинаковым. В зависимости от климатических условий, рельефа, растительности и наличия водных ресурсов каждой местности один вид домашних животных преобладал в большей мере, чем другие. Так, на землях Сары-Арки с давних времен было много богатых коневладельцев, имевших до 10–20 тысяч лошадей, Жетысу называли краем овец, а район Волги, Урала и Мангистау местом разведения в большом количестве верблюдов (Аргынбаев и др., 1980: 93). По количеству на первом месте у казахов был мелкий рогатый скот, затем – лошади, крупный рогатый скот и верблюды. Овцы

превалировали в составе стада практически во всех регионах Казахстана, в особенности в Семиречье, Западном, Южном Казахстане. В начале XX в. среднестатистический удельный вес овец составлял примерно 60 %, лошадей – 13 %, крупного рогатого скота – 12, верблюдов – 4 % ([Обзор Семипалатинской..., 1913: 35](#); [Обзор Сырдарьинской области, 1913: 65](#)).

Основные скотоводческие работы

Кочевники осуществляли разнообразные виды работ, прилагая все силы для сохранения и приумножения скота: на зимовках ежедневно лопатами расчищали огромную территорию для тебеневки овец, заготавливали кизяк, строили, ремонтировали, числили загоны, которые были крытыми и утепленными в Северном и Центральном Казахстане, открытыми и переносными в пустынной местности и на юге. Назовем некоторые трудоемкие операции скотоводов – выпас, получение приплода, случка, купка, стрижка и пр., что является доказательством того, что работа животноводов не менее трудная и кропотливая, чем у земледельцев. В конце XIX – начале XX в. казахи повсеместно стали заготавливать сено, сеять люцерну для скота на зиму, что спасало скот во время зимних джудов.

Количество скота у казахов и крупные скотоводы

Что касается количества скота у казахов, то это зависело от социального положения. Так, количество овец могло доходить от нескольких десятков до нескольких тысяч (у состоятельных в основном – 25000 баранов), но были и обездоленные кочевники (*қоңсы*), которые, не имея своего скота, занимались выпасом скота баев или получали от него скот в качестве родовой взаимопомощи.

Крупнейшим скотоводом Казахстана XVIII в. был Султанмамет-султан, старшина кыпчакского улуса в Павлодарском Прииртышье. Богатство его исчислялось, в первую очередь, лошадьми, что видно из рапорта коменданта Ямышевской крепости, секунд-майора Ф. Шахова командиру Сибирского корпуса, генерал-поручику Н.Г. Огареву от 8 января 1788 г. о перепуске конских табунов казахов зимой 1787–1788 гг. с приложением подробной ведомости. Тогда на внутренней стороне Иртышской линии «в районе станицы Черное находилось старшины Басантеинской волости Урус-султана его и его сына Татене 7000 лошадей при 50 табунщиках. У Султанбета и его сына Караша было 20 000 голов лошадей при 100 табунщиках» ([ИАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 249. Л. 40-40об.](#)).

В 20-х гг. XIX в. по данным С. Броневского много богатых скотоводов было среди казахов Среднего жуза: «В Средней орде есть весьма богатые киргизцы: на примере в Карпытской (Карпыкской. – *авт.*) волости бий Сапак имеет до 10 тысяч лошадей, множество верблюдов и скота; когда кочует с одного места на другое, то овъючивает более 150 верблюдов своим имением, и около 100 работников пасут его стада» ([Броневский, 1830: 67](#)).

Яркими примерами богатых и успешных скотовладельцев XIX в. были Тюйте Нурекезов, Муса Чорманов и многие другие широко известные в Степи имена. Крупным владельцем скота начала XX в. был великий поэт Абай Кунанбаев, о чем в рапорте от 23 сентября 1903 г. писал военный губернатор Семипалатинской области, генерал-майор Галкин: «Киргиз Чингизской волости Ибраим Кунанбаев... обладает сравнительно большим состоянием около 1000 лошадей и 2000 баранов» ([ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 938. Л. 62-62об.](#)).

Джуды

Бичем казахского животноводства были джуды, от которых гибло немалое количество домашних животных ([ЦГА РК. Ф. 744. Оп. 1. Д. 33. Л. 54-54об.](#)). По этому поводу Х.А. Аргынбаев отмечал: «В народной практике отмечено, что сильный джуд возникал каждые 10–12 лет, и связывали его с годом “зайца”... В памяти народа сохранились джуды и в другие годы. Например, зимой 1911–1912 гг. произошел джуд года “свиньи”, в 1919–1920 гг. – джуд года “овцы”, в 1918 г. в Баянаульском регионе – джуд года “лошади” и т.д. ... во второй половине XIX в., точнее в 1867–1868 гг., произошел джуд, названный “жаппай қоян жұты” (массовый джуд года “кролика”), а в 1879–1880 гг. в Акмолинской, Тургайской и Сырдарьинской областях от джуда “ұлы қоян” (великий заяц) или “үлкен қоян” (большой заяц) погибло 48 % скота. Позже, в 1891–1892 гг., джуд “кіші қоян” (маленький заяц) уничтожил 36 % всего поголовья Тургайского области» ([Аргынбаев, 1969: 57](#)). Чаще всего джуд наступал от гололедицы, когда животные не могли пробить толстый слой ледяной коры, и в результате погибали десятки и сотни тысяч голов. Например, в 1856 г. был сильный джуд в Младшем жузе, когда от гололедицы и буранов погибло: верблюдов – 33 497, лошадей – 179 405, рогатого скота – 63 005, баранов и коз – 710 563 ([Прошлое Казахстана..., 1936: 82](#)). От страшного джуда 1880 г. только в Акмолинской области погибло 820 тысяч голов разного скота, а в Тургайской – более 1,5 млн. В Перовском, Туркестанском, Чимкентском и Аулие-Атинском уездах Сырдарьинской области казахи лишились примерно 56 % всего поголовья скота. Большой ущерб хозяйству казахов наносился также снежными буранами. Так, к примеру, документы сообщают, что с 25 по 27 декабря 1906 г. во время сильной снежной бури у казахов Алаботинской волости пропало около 400 лошадей ([ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1150. Л. 104об.](#)).

Некоторые обедневшие казахские хозяйства после сильных джудов были вынуждены переходить к земледелию, оказываясь в разряде бедняков-жатаков. Об этом красноречиво писал Х.А. Аргынбаев: «Неустойчивость экстенсивного скотоводческого хозяйства при периодически поверяющихся страшных джудах являлась немаловажным фактором в развитии земледелия среди

казахов, так как после каждого джута увеличивалось количество хозяйств, лишившихся скота, у которых не оставалось другого выхода, кроме вынужденного перехода к оседлости и хлебопашеству» (Аргынбаев, 1959: 71).

Казахи пытались противостоять джуту: «В случае гололедицы киргизы поступают так: на заледенелые места выгоняют табун лошадей для облома заледеневшего снега или же берут бревно, к концам которого привязывают аркан и, надевший на лошадь, привязывают к бревну, которое возиться по заледенелому снегу...» (Чорманов, 1883: 43). Х.А. Аргынбаев свидетельствует о тяжелом труде табунщиков во время буранов: «Но самым опасным периодом для табунных лошадей был непрерывный снежный буран...Поддавшись напору пронизывающего ветра, табун срывается с места и так стремительно бежит, что его нельзя остановить. Лошади перестают воспринимать все, что их окружает, и от страха не прекращают фыркать и ржать. Такие бури заваливают снегом, который прикрывает опасные и топкие места, поэтому сбившиеся в кучу лошади начинают массово попадать в глубокие ямы, овраги, заснеженные топи, где и погибают. Обычно такая же участь ждала и табунщиков. Они всеми силами старались не допустить обезумевших животных до опасных ущелий и глубоких заснеженных оврагов» (Аргынбаев, 1969: 58).

В поисках спасения от джута казахи искали помощи у русских, но «обращение казахов к русским селениям во время бескормицы хотя спасает отчасти табуны и стада, но тоже сильно разоряет казахов. Бывали случаи во время бескормицы, когда за копну пудов 5–6 сена казахи вынуждены были отдавать коня и вола, стоимых 20–25 руб.» (Герн, 2006: 32–33).

Позднее для предупреждения джутов местной колониальной администрацией открывались сенные склады, «...наподобие крестьянских хлебозапасных магазинов, и принимались разные поощрительные меры к приучению кочевников заготавливать для своего скота, а на зиму достаточное количество сена» (Сибирская жизнь, 1903: 2).

5. Заключение

Таким образом, Х.А. Аргынбаев в своих трудах раскрыл особенности экстенсивного кочевого животноводства казахского народа, функционировавшего на протяжении веков в суровых климатических условиях и приспособленное к ним и удовлетворявшее его витальные потребности по жизнеобеспечению. Он также проследил устойчивую тенденцию, наметившуюся в конце XIX в., по массовому переходу от кочевого и полукочевого животноводства к земледелию в центральных, северных и северо-восточных районах. Так, по данным конца XIX – начала XX в. удельная доля сеющих казахских хозяйств составила 63 %, а наиболее высокая их удельная доля представлена в Семиреченской области (77,2 %), а наименее – в Семипалатинской (46,2 %).

Массовый переход от животноводства к земледелию в степных уездах происходил по различным причинам. Во-первых, произошло заметное сужение пастбищ в результате усиления крестьянского переселения и роста городов и городского населения в Казахстане. В обзоре Сырдарьинской области за 1911 г. отмечается, что по сравнению с 1910 г. в 1911 г. поголовье скота уменьшилось на 6 % и т.д. Во-вторых, переходом к оседлости и земледелию казахи пытались отстоять хоть какую-то часть своих родовых участков. В-третьих, царское правительство в свою очередь принимало активные меры по стимулированию к переходу казахов от подвижного животноводства на оседлый образ жизни, возымевшие свое определенное действие. По мнению царизма, эти мероприятия должны были высвободить большие участки земель для переселенцев и обеспечить лучшую управляемость казахскими скотоводческими общинами. В-четвертых, стимулом для развития земледелия в степной зоне Казахстана послужили контакты со славянскими переселенцами – казаками и крестьянами, а в Семиречье – с уйгурами и дунганами, связанные с обменом продукцией, наймом обедневших жатаков в русские поселения и пр.

Труды Х.А. Аргынбаева по животноводству носят энциклопедический характер, их следует рассматривать как этнографический источник, поскольку в них можно найти подробное описание технологических процессов по способам клеймения животных, устройству различного типа загонов, окоту, приучению приплода, стрижке баранов, коз, способам привязки животных при дойке, объезде и выезде лошадей, верблюдов, а также искусству животноводов по определению качеств скакунов и в особом уходе за ними, особенностям народной ветеринарии казахов и народных поверий, связанных с болезнями скота.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта ИРН АР23487059 «Историческая этнография казахов в научном наследии профессора Х. Аргынбаева: издание трудов в 3-х томах».

Литература

Ажигали, 2021 – Ажигали С.Е. Система поселения / Казахи. Серия: Народы и культуры / Ответ. ред. С.Е. Ажигали, О.Б. Наумова, И.В. Октябрьская. М.: Наука, 2021. С. 309–348.

- [Аргынбаев, 1959](#) – *Аргынбаев Х.А.* Историко-культурные связи русского и казахского народов и их влияние на материальную культуру казахов во второй половине XIX и начале XX веков (По материалам Восточного Казахстана): Дисс. ... к.и.н. Алма-Ата, 1959. 216 с.
- [Аргынбаев и др., 1980](#) – *Аргынбаев Х.А., Кауанова Х.А., Ходжаева Р.Д.* Основные виды домашнего скота и их распространение // *Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв.* Алма-Ата: Наука, 1980. С. 93–115.
- [Аргынбаев, 1969](#) – *Аргынбаев Х.А.* Қазақтың мал шаруашылығы жайында этнографиялық очерк. Алматы: Ғылым, 1969. 172 б.
- [Әлімбай, 2017](#) – *Әлімбай Н.* Жайылым // Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия / Ғылыми редактор және жоба жетекшісі Н. Әлімбай. Т. 5. Алматы: ТОО «Алем Даму Интеграция», 2017. 816 с. С. 285–295.
- [Бенкевич, 1903](#) – *Бенкевич В.* Киргизское степное скотоводство и меры к его улучшению // *Записки Семипалатинского подотдела ЗСОИРГО.* 1903. Вып.1. С. 1–24.
- [Броневский, 1830](#) – *Броневский С.М.* Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды (продолжение) // *Отечественные записки.* № 123. СПб., 1830. С. 70–96.
- [Букейханов, 2006](#) – *Букейханов А.Н.* Казахи: историко-этнографические труды. Павлодар: ЭКО, 2006. 304 с.
- [Валиханов, 1904](#) – *Валиханов Ч.Ч.* О кочевках киргиз / *Сочинения Ч.Ч. Валиханова* / Под ред. Н.И. Веселовского. СПб.: тип. Гл. Управл. Уделов, 1904. С. 321–326.
- [Герн, 2006](#) – *Герн фон В.К.* Характер и нравы казахов. Павлодар: ЭКО, 2006. 138 с.
- [Добросмыслов, 1893](#) – *Добросмыслов А.И.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург: Тип. И.Н. Жаринова, 1893. 360 с.
- [Ельницкий, 1887](#) – *Ельницкий К.* Киргизы // *Родник (илл. журн. для детей).* 1887. № 11. С. 1013–1027.
- [ИАОО](#) – Исторический архив Омской области.
- [Казахи, 1995](#) – *Казахи.* Историко-этнологическое исследование. Алматы: Казахстан, 1995. 352 с.
- [Левшин, 1996](#) – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
- [Лисовский, 1889](#) – *Лисовский М.И.* Что может улучшить и развить овцеводство Зайсанского уезда? // *Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям.* 1889. № 25–27.
- [Масанов, 2011](#) – *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы: Print-S, 2011. 740 с.
- [Материалы по киргизскому, 1915](#) – *Материалы по киргизскому землепользованию.* [Т. 13.] Района реки Чу и низовьев реки Таласа Черняевского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарьинской области. Ташкент: Типо-Литография В.М. Ильина, 1915. 110 с.
- [Мейер, 1865](#) – *Мейер Л.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб.: Тип. Веймара и Персова, 1865. 284 с.
- [Смирнов, 1887](#) – *Смирнов Е.* Сыр-Дарьинская область. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. [4], 356, III с.
- [Обзор Семипалатинской..., 1913](#) – *Обзор Семипалатинской области за 1911 г.* Семипалатинск: Тип. обл. правления, 1913. 110, [2] с.
- [Обзор Сырдарьинской..., 1913](#) – *Обзор Сырдарьинской области за 1911 г.* Ташкент: Тип. при канцелярии Туркест. генерал-губернатора, 1913. [2], 182, XXVIII, 116 с.
- [Октябрьская, Орынбаева, Токтабай, 2021](#) – *Октябрьская И.В., Орынбаева Г.У., Токтабай А.У.* Скотоводство // *Казахи. Серия: Народы и культуры* / Ответ. ред. С.Е. Ажигали, О.Б. Наумова, И.В. Октябрьская. М.: Наука, 2021. С. 223–245.
- [Прошлое Казахстана..., 1935](#) – *Прошлое Казахстана в источниках и материалах.* Сб. 1 / Под ред. С.Д. Асфендиарова и П.А. Кунте. Алма-Ата; Москва: Каз. краев. изд., 1935. 297 с.
- [Прошлое Казахстана..., 1936](#) – *Прошлое Казахстана в источниках и материалах.* Сб. 2 / Под ред. С.Д. Асфендиарова. Алма-Ата; Москва: Каз. краев. изд., 1936. 293 с.
- [Радлов, 2007](#) – *Радлов В.В.* Тюркские степные кочевники. Астана: Алтын кітап, 2007. 389 с.
- [Сибирский торгово-промышленный..., 1899](#) – *Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1899 год. Год шестой.* Томск: Изд. Ф.П. Романова, 1899. 1182 с.
- [Сибирская жизнь, 1903](#) – *Сибирская жизнь (газета).* Омск, 1903.
- [Троицкий, 1859](#) – *Троицкий Н.* Очерки зауральской степи и Внутренней, или Букеевской Орды. М.: Тип. В. Грачева и комп., 1859. 91 с.
- [Токтабай, 2011](#) – *Токтабай А.* Қазақ жылқысының тарихы. Алматы: Алматыкітап, 2011. 496 б.
- [Токтабай, 2022](#) – *Токтабай А.* Конный мир казахов. Алматы: Алматыкітап, 2022. 496 с.
- [Хозяйство казахов..., 1980](#) – *Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX вв.* Алма-Ата: Наука, 1980. 256 с.
- [Чорманов, 1883](#) – *Чорманов М.* О скотоводстве у киргизов Западной Сибири // *Сельское хозяйство и лесоводство.* СПб., 1883. № 1. С. 41–50.

- [Шумков, 1892](#) – Шумков И.В. Очерки киргизского коневодства Тургайской области // *СХиЛ*. 1892. № 5. С. 1-23.
- [Толыбеков, 1971](#) – Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVI – начале XX веков. Алма-Ата: Наука, 1971. 634 с.
- [Шварц, 2006](#) – Шварц фон Ф. Туркестан – ветка индогерманских народов / Немецкие исследователи в Казахстане. Часть 1. Алматы: Санат, 2006. С. 175-240.
- [ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

- [Alimbay, 2017](#) – Alimbay, N. (2017). Zhajylym [Pastures]. Qazaqtyn etnografiyalıq kategoriyalar, ugymdar men ataularynyn dastyrlı zhyjesi. Enciklopediya. Gylymi redaktor zhane zhaba zhetekshisi N. Alimbay. T. 5. Almaty: TOO «Alem Damu Integraciya». 816 p. Pp. 285-295. [in Kazakh]
- [Argynbayev i dr., 1980](#) – Argynbayev, Kh.A., Kauanova, H.A., Hodzhaeva, R.D. (1980). Osnovnye vidy domashnego skota i ih rasprostraneniye. Hozyajstvo kazahov na rubezhe XIX–XX vv. [The main types of livestock and their distribution. The economy of the Kazakhs at the turn of the XIX–XX centuries]. Alma-Ata: Nauka. Pp. 93-115. [in Russian]
- [Argynbayev, 1959](#) – Argynbayev, Kh.A. (1959). Istoriko-kul'turnye svyazi russkogo i kazahskogo narodov i ih vliyanie na material'nuyu kul'turu kazahov vo vtoroj polovine XIX i nachale XIX vekov (Po materialam Vostochnogo Kazakhstana) [Historical and cultural ties between the Russian and Kazakh peoples and their influence on the material culture of the Kazakhs in the second half of the 19th and early 20th centuries (Based on materials from Eastern Kazakhstan)]: Diss. ... k.i.n. Alma-Ata. 216 p. [in Russian]
- [Argynbayev, 1969](#) – Argynbayev, Kh.A. (1969). Qazaqtyn mal sharuashylygy zhajynda etnografiyalıq ocherk [Ethnographic essay on animal husbandry of the Kazakhs]. Almaty: Fylym. 172 p. [in Kazakh]
- [Azhigali, 2021](#) – Azhigali, S.E. (2021). Sistema poseleniya [Settlement system]. Kazahi. Seriya: Narody i kul'tury. Otvet. red. S.E. Azhigali, O.B. Naumova, I.V. Oktyabr'skaya. M.: Nauka. Pp. 309-348. [in Russian]
- [Benkevich, 1903](#) – Benkevich, V. (1903). Kirgizskoe stepnoe skotovodstvo i mery k ego uluchsheniyu [Kyrgyz steppe cattle breeding and measures to improve it]. Zapiski Semipalatinskogo podotdela ZSOIRGO. Vyp.1. Pp. 1-24. [in Russian]
- [Bronevskij, 1830](#) – Bronevskij, S.M. (1830). Zapiski o kirgiz-kajsakah Srednej Ordy (prodolzhenie) [Notes on the Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde (continued)]. Otechestvennye zapiski. № 123. SPb. Pp. 70-96. [in Russian]
- [Bukejhanov, 2006](#) – Bukejhanov, A.N. (2006). Kazahi: istoriko-etnograficheskie Trudy [Kazakhs: historical and ethnographic works]. Pavlodar: EKO. 304 p. [in Russian]
- [CGA RK](#) – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- [Chormanov, 1883](#) – Chormanov, M. (1883). O skotovodstve u kirgizov Zapadnoj Sibiri [About cattle breeding among the Kirghiz of Western Siberia]. Sel'skoe hozyajstvo i lesovodstvo. SPb. № 1. Pp. 41-50. [in Russian]
- [Dobrosmyslov, 1893](#) – Dobrosmyslov, A.I. (1893). Skotovodstvo v Turgajskoj oblasti [Cattle breeding in Turgai region]. Orenburg: Tip. I.N. Zharinova. 360 p. [in Russian]
- [El'nickij, 1887](#) – El'nickij, K. (1887). Kirgizy [Kirghiz]. Rodnik (ill. zhurn. dlya detej). № 11. Pp. 1013-1027. [in Russian]
- [Gern, 2006](#) – Gern fon V.K. (2006). Harakter i nruvy kazahov [Character and customs of the Kazakhs]. Pavlodar: EKO, 2006. 138 p. [in Russian]
- [IAOO](#) – Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti [Historical archive of the Omsk region].
- [Kazakhi, 1995](#) – Kazakhi. Istoriko-etnologicheskoe issledovanie [Kazakhs: historical and ethnographic research]. Almaty: Kazakhstan, 1995. 352 p. [in Russian]
- [Khozyaistvo kazakhov..., 1980](#) – Khozyaistvo kazakhov na rubezhe XIX–XX vv. [Economy of the Kazakhs at the turn of the 19th–20th centuries]. Alma-Ata: Nauka, 1980. 256 p. [in Russian]
- [Levshin, 1996](#) – Levshin, A.I. (1996). Opisanie kirgiz-kazach'ih, ili kirgiz-kajsackih, ord i stepej [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak hordes and steppes]. Almaty: Sanat. 656 p. [in Russian]
- [Lisovskij, 1889](#) – Lisovskij, M.I. (1889). CHto mozhet uluchshit' i razvit' ovcevodstvo Zajsanskogo uezda? [What can improve and develop sheep breeding in Zaisan district?]. Osoboe pribavlenie k Akmolinskim oblastnym vedomostyam. № 25-27. [in Russian]
- [Masanov, 2011](#) – Masanov, N.E. (2011). Kochevaya civilizaciya kazahov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obschestva [The nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of the life of a nomadic society]. Almaty: Print-S. 740 p. [in Russian]
- [Materialy po kirgizskomu..., 1915](#) – Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniyu. [T. 13.] Rajona reki Chu i nizov'ev reki Talasa CHernyaevskogo i Aulieatinskogo uezdov Syr-Dar'inskoj oblasti [Materials on Kyrgyz land use. [Vol. 13.] The region of the Chu River and the lower reaches of the Talas River, Chernyaevsky and Aulieatinsky districts of the Syr-Darya region]. Tashkent: Tipo-Litografiya V.M. Il'ina, 1915. 110 p. [in Russian]

- Mejer, 1865** – *Mejer, L.* (1865). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva [Materials for the geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Kirghiz steppe of the Orenburg department]. SPb.: Tip. Vejmar i Persova. 284 p. [in Russian]
- Obzor Semipalatinskoj..., 1913** – Obzor Semipalatinskoj oblasti za 1911 g. [Review of the Semipalatinsk region for 1911]. Semipalatinsk: Tip. obl. pravleniya, 1913. 110, [2] p. [in Russian]
- Obzor Syrdar'inskoj..., 1913** – Obzor Syrdar'inskoj oblasti za 1911 g. [Review of the Syr Darya region for 1911]. Tashkent: Tip. pri kancelarii Turkest. general-gubernatora, 1913. [2], 182, XXVIII, 116 p. [in Russian]
- Oktyabr'skaya i dr., 2021** – *Oktyabr'skaya, I.V., Orynbaeva, G.U., Toktabay, A.U.* (2021). Skotovodstvo [Cattle breeding]. Kazahi. Seriya: Narody i kul'tury. Otvet. red. S.E. Azhigali, O.B. Naumova, I.V. Oktyabr'skaya. M.: Nauka. Pp. 223-245. [in Russian]
- Proshloe Kazahstana..., 1935** – Proshloe Kazahstana v istochnikah i materialah [The past of Kazakhstan in sources and materials]. Sb. 1. Pod red. S.D. Asfendiyarova i P.A. Kunte. Alma-Ata; Moskva: Kaz. kraev. izd., 1935. 297 p. [in Russian]
- Proshloe Kazahstana..., 1936** – Proshloe Kazahstana v istochnikah i materialah [The past of Kazakhstan in sources and materials]. Sb. 2. Pod red. S.D. Asfendiyarova. Alma-Ata; Moskva: Kaz. kraev. izd., 1936. 293 p. [in Russian]
- Radlov, 2007** – *Radlov, V.V.* (2007). Tyurkskie stepnye kochevniki [Turkic steppe nomads]. Astana: Altyn kitap. 389 p. [in Russian]
- Shumkov, 1892** – *Shumkov I.V.* (1892). Ocherki kirgizskogo konevodstva Turgajskoj oblasti [Essays on Kyrgyz horse breeding in Turgai region]. SKHiL. № 5. Pp. 1–23. [in Russian]
- Shvarc, 2006** – *Shvarc fon F.* (2006). Turkestan – vetka indogermanskikh narodov. Nemeckie issledovateli v Kazahstane. CHast' 1 [Turkestan is a branch of the Indo-Germanic peoples]. Almaty: Sanat. Pp. 175-240. [in Russian]
- Sibirskaya zhizn', 1903** – *Sibirskaya zhizn' (gazeta)* [Siberian Life (newspaper)]. Omsk, 1903. [in Russian]
- Sibirskij trgovno-promyshlennyj..., 1899** – Sibirskij trgovno-promyshlennyj i spravochnyj kalendar' na 1899 god [Siberian trade, industrial and reference calendar for 1899]. God shestoj. Tomsk: Izd. F.P. Romanova, 1899. 1182 p. [in Russian]
- Smirnov, 1887** – *Smirnov, E.* (1887). Syr-Dar'inskaya oblast' [Syr Darya region]. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha. [4], 356, III p. [in Russian]
- Toktabay, 2011** – *Toktabay, A.* (2011). Qazaq zhylqysynyn tarihy [History of the Kazakh horse]. Almaty: Almatykitap. 496 p. [in Kazakh]
- Toktabay, 2022** – *Toktabay, A.* (2022). Konnyi mir kazahov [The equestrian world of the Kazakhs]. Almaty: Almatykitap. 496 p. [in Russian]
- Tolybekov, 1971** – *Tolybekov, S.E.* (1971). Kochevoe obshchestvo kazahov v XVI – nachale XX vekov [Kazakh nomadic society in the 17th – early 20th centuries. Political-economic analysis]. Alma-Ata: Nauka. 634 p. [in Russian]
- Troitskij, 1859** – *Troickij, N.* (1859). Ocherki zaural'skoj stepi i Vnutrennej, ili Bukeevskoj Ordy [Essays on the Trans-Ural Steppe and the Inner or Bukeyev Horde]. M.: Tip. V. Gracheva i komp. 91 p. [in Russian]
- Valikhanov, 1904** – *Valikhanov, Ch.Ch.* (1904). O kochevках Kirgiz [About the nomadic movements of the Kirghiz]. Valikhanov Ch.Ch. Sochineniya Ch.Ch. Valikhanova. Pod red. N.I. Veselovskogo. SPb.: tip. Gl. Upravl. Udelov. Pp. 321-326. [in Russian]

Традиционное казахское кочевое животноводство в трудах Х.А. Аргынбаева

Аксункар Турсуновна Абдулина ^{a, *}, Зиябек Ермуханович Кабульдинов ^a,
Малика Темирхановна Морякова ^a

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В рассмотрение проблемы традиционного животноводства как основного вида хозяйства и системы жизнеобеспечения казахов внес существенный вклад один из основоположников казахской этнографии Х.А. Аргынбаев (1924–1998). Наиболее системно результаты своих научных изысканий он изложил в фундаментальном труде «Этнографический очерк по животноводству казахов». В качестве источников авторы статьи также использовали архивные документы и труды дореволюционных авторов.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: abd_aksunkar@mail.ru (А.Т. Абдулина)

Х.А. Аргынбаев пришел к обоснованному выводу, что у казахов животноводство, полностью сложившиеся к XVIII в., условно делилось на три типа: кочевое, полукочевое и оседлое. На большей части территории Казахстана преобладало полукочевое животноводство, а кочевое доминировало в Западном и Центральном Казахстане. Наименьшее распространение было у оседлого скотоводства, преимущественно среди казахов южных и юго-восточных регионов Казахстана. В степной зоне в основном практиковался меридиональный способ кочеваний, а в горных местностях, то есть на востоке и юго-востоке казахстанского кочевого ареала – вертикальный перегон скота.

В трудах Х.А. Аргынбаева нашел отражение вопрос о традиционной системе землевладения и землепользования. Осенние, весенние и летние пастбища находились в общем владении определенного племени, а зимние пастбища в основном находились в пользовании влиятельных баев и биев, трансформируясь в частное владение.

Основными видами животных были четыре главных вида, называемых у казахов «*төрт түлік мал*», – это лошади, овцы, верблюды и крупный рогатый скот, в составе же стада преимущественно преобладали овцы. У зажиточных скотоводов количество скота в стаде достигало 20 000 и более.

В зависимости от сезонов года пастбища получили свои названия: *қыстау* (зимовка), *көктеу* (весеннее пастбище), *жайлау* (летовка), *күздеу* (осеннее пастбище). На основе изучения источников и собранных полевых материалов по проблеме водопоя скота, Х.А. Аргынбаев выделил существование 2-х видов колодцев в зависимости от глубины: неглубокий (*саяз құдық*) и бездонный (*шыңырау құдық*).

Еще один из аспектов, прослеженных Х.А. Аргынбаевым, заключается в том, что в конце XIX в. наметилась устойчивая тенденция массового перехода от кочевого и полукочевого скотоводства к земледелию в центральных, северных и северо-восточных районах.

Ключевые слова: джут, кочевое животноводство, народная ветеринария, пастбища, поголовье, скотоводство, состав стада.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 667-677
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.667

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Protection of the Population of the Orenburg Borderlands of the Russian Empire Against Slave Raiding in 1801–1831. Part II

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article is dedicated to analyzing how effective was the defense system of the Orenburg Borderlands of the Russian Empire in 1801–1831 at protecting local populace from steppe nomad's slave raids, and how efficiently were local officials organizing rescue of the Russian subjects already taken into slavery. The research is based on materials of the Joint State Archive of Orenburg Region (OGAOR), previously mostly unpublished. Firstly, the author analyzes the overall dynamics for the number of slaves captured at the time, the number of killed during slave raids, and the number of liberated from slavery. Secondly, thorough examination of well-documented individual cases helps understand real practices of the local officials and officers.

The second part of the article shows that the officials of Orenburg borderland were quite formal in their attitude towards liberating specific people from captivity. Usually, after initial failures, they kept taking actions only at relatives' requests. Exception were slaves who had high status prior to their capture (the officers) or influential patrons. In their cases the array of actions taken to liberate them was significantly wider. However most had to either save themselves or were saved by nomads granted reward from Russian authorities. And it is the creation of a reward system for people rescuing slaves from Central Asia that provokes the least criticism out of all the courses of action of Orenburg government.

Keywords: slavery, slave ownership, Central Asia, Orenburg line, G.S. Volkonskii, P.K. Essen, Zh. Tlenshiev.

1. Введение

Защиту жителей оренбургского пограничья от захвата в рабство в первой трети XIX в. нельзя сводить лишь к предотвращению набегов степных кочевников. Уже захваченный пленник мог быть освобожден, причем иногда – достаточно оперативно, до продажи в рабство. Собственно, большая часть очерка С.Н. Севастьянова «Иван Васильевич Подуров» посвящена как раз сюжету о том, как героя очерка пытаются спасти из рабства. Согласно С.Н. Севастьянову, малолеток Кожевников был освобожден благодаря действиям русских властей и лояльных России киргизских правителей уже 26 августа 1823 г., т. е. менее, чем через два месяца после пленения 1 июля 1823 г., С.А. Медведев был освобожден 31 августа, а сам И.В. Подуров – 1 ноября (Севастьянов, 1999: 199, 203).

Напротив, рассказы В.И. Даля о выбежавших из Хивы русских рабах в принципе не затрагивают сюжета о том, могли ли имперские и региональные российские власти сделать что-то для спасения этих рабов. Ф.Ф. Грушин, Т.И. Рязанов и вышедшая с ними группа рабов осуществили побег самостоятельно, еще и якобы украв лошадей из ханских конюшен (Даль, 1838b: 81-86; Даль, 1839: 74-92). Родившийся в Хиве, А. Никитин сбежал с помощью киргизца Табунбая Инкина, героизму которого отдавалось должное в соответствующем рассказе: «В заключение обязан я сказать, кто спас меня от живой смерти, вывез,

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatto@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

несмотря на страшный и ненарушаемый обычай хивинцев предавать смерти всякого, кто бы вздумал увести оттоль кяфыра, неверного, в Россию — это Табунбай Инкин, киргиз, чиклинского рода, назаровского отделения, который взял меня в работники» (Даль, 1838а: 188–211).

Наконец, в некоторых записках русских путешественников по Центральной Азии упоминается об их деятельности по освобождению рабов, проводившейся по поручению российских властей. Так, П.И. Демизону в 1833–1834 гг. удалось вывезти из Бухары 4 человек (Записки..., 1983: 50). Однако данный сюжет обычно оказывается в записках путешественников периферийным, в отличие от описания страданий русских рабов.

Поэтому вполне логично, что и Е.К. Созина, реконструируя дискурс «степных пленников», сюжетам о их освобождении уделяет не так много внимания. Но там, где она касается этих сюжетов, пленники могут как бежать из рабства без помощи русских властей, так и быть освобожденными именно ими. В частности, Е.К. Созина анализирует рассказы В.И. Даля о русских рабах, самостоятельно бежавших из Хивы, включая рассказ о Ф.Ф. Грушине, который мы упоминали выше (Созина, 2016: 11). Останавливается она на сюжете повести И.И. Железнова «Василий Струняшев», в которой русский раб бежит с помощью другого русский раба, причем этот второй раб сам решает остаться в степи, так как успел жениться и завести детей среди степняков (Созина, 2016: 13). А вот в разобранном Е.К. Созиной рассказе В. Зефинова «Киргизский пленник, или Взгляд на линию за 22 года» главного героя освобождают «по требованию губернатора, поскольку его хозяин принадлежал к орде, находившейся в зависимости от русского правительства» (Созина, 2016: 11–12).

Таким образом, из литературы известен как ряд случаев, когда русских рабов из Центральной Азии освобождали местные власти, так и ряд случаев, когда подобные рабы сами или с помощью кочевников-степняков бежали от хозяев. И во второй части нашей статьи мы попытаемся понять, как власти оренбургского пограничья в первой трети XIX в. защищали русских подданных, уже попавших в руки кочевников, и часто ли удавалось вызволить их из плена.

2. Материалы и методы

Как мы упоминали в первой части нашей статьи (Peretyatko, 2025), в начале 1830-х гг. оренбургскими властями была предпринята попытка систематизировать статистику по захватам рабов и сопровождавшим эти захваты убийствам российских подданных на Оренбургской линии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 37–38). Одновременно была систематизирована и статистика по освобождению пленников на Оренбургской линии в тот же хронологический период (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 37–38). Следовательно, мы располагаем источниками, чтобы восстановить общую динамику обратного освобождения рабов в оренбургском пограничье первой трети XIX в.

При этом основное внимание во второй части нашей статьи мы снова уделим отдельным эпизодам, но на сей раз не захвата, а попыток освобождения рабов, поскольку и подобные эпизоды иногда оказываются тщательно задокументированными в Объединенном государственном архиве Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация). Для нас особенно интересно, что в некоторых случаях задокументированы оказались неудачные случаи освобождения рабов, а в одном случае сохранилась даже критика действий Оренбургской пограничной комиссии отцом пленницы.

Конечной целью второй части нашей статьи мы опять видим создание «непрерывного чередования микро- и макроистории, “крупных планов” и “общих” или “сверхобщих” планов, позволяющее вновь и вновь возвращаться к общей картине исторического процесса и уточнять ее за счет выявления бесспорных исключений и краткосрочных причин» (Гинзбург, 2004: 305). В данном случае это особенно важно, поскольку в разных инцидентах практики русских чиновников по освобождению пленников различались диаметрально.

3. Обсуждение

Как мы упоминали в первой части нашей статьи, целый ряд работ посвящен Оренбургской линии (Стромов, 2024: 272–291; Мауль, 2017: 351–361), рабовладению в Центральной Азии XIX в. (Исмаилова, 1973: 20–30; Ermachkov et al., 2021: 1171–1180) и отдельным оренбургским губернаторам (Почекаев, 2017). Существуют и работы, специально посвященные освобождению русских рабов из Центральной Азии, преимущественно из Хивы. Так, А.В. Кочнев в статье «Российские подданные в Хивинском плену в конце XVIII – начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия» системно анализирует политику России по освобождению русских рабов из Хивы в целом, т. е. он рассматривает не попытки спасти отдельного раба, но попытки уничтожить самую возможность для хивинцев держать русских рабов (Кочнев, 2017). Ближе всего по тематике к нашей статье изыскание И.А. Ермачкова «Русская официальная переписка о возврате русских пленных из Хивинского ханства в 1839 г.», в котором анализируется конкретный случай возврата в Россию рабов из Хивы (Ermachkov, 2021: 26–34). Некоторые из приводимых И.А. Ермачковым текстов показывают, как хотели интерпретировать оренбургские чиновники свои успехи в деле спасения рабов: «Само собою разумеется, что эти бедняки обязаны были нашему благодушному Правительству за свою свободу. <...>. Нельзя было не пожалеть, что не было здесь художника, который передал бы потомству этих рыдающих перед Евангелием выходцев с того света» (Ermachkov, 2021: 31). Однако скрывалось ли за

такой риторикой реальное желание спасти отдельных рабов, или и в этом деле офицеры и чиновники оренбургского пограничья могли показывать ту же формальность, которую, как мы видели в первой части нашей статьи, они зачастую демонстрировали в деле защиты границы?

4. Результаты

В 1814 г. 7 киргизцев смогли «прорваться» на российскую территорию и похитить 2 людей, казака Андрея Голощапова и совсем юную, 15-ти лет, казачью дочь Аграфену Петрову (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 4). В этот раз действия российских войск по преследованию похитителей увенчались удачей, но только относительной: в архивных документах зафиксировано без каких-либо подробностей, что воинская команда, отправленная в степь, смогла вернуть А. Голощапова, но не А. Петрову (мы еще раз убеждаемся, что быстрая реакция военных давала шанс спасти захваченных – но только шанс) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 4). Согласно заявлению отца захваченной девушки, Антона Петрова, далее ему, а не кому-то из военных или чиновников, удалось «по разведыванию своему чрез благонадежных ордынцев» узнать поименно похитителей дочери, после чего, в январе 1815 г., он обратился с прошением, вероятно, об их задержании в Оренбургскую пограничную комиссию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 1-10б.). Пограничная комиссия утверждала, будто бы на похитителей указало также некое «доказательство киргизца Мазыбая», но, в любом случае, именно вследствие прошения А. Петрова местные чиновники начали действовать более активно, и в итоге коменданты пограничных крепостей, не сумев захватить самих участников похищения, по крайней мере задержали 4 их родственников (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 4-40б.). Однако задержанные утверждали, что ни в чем не виноваты, за них вступился местный султан М.-Г. Турдалин, обещая арестовать настоящих виновников, если они будут вблизи его кочевий, и Оренбургская пограничная комиссия разрешила отпустить задержанных (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 40б.-5).

После этого действия властей по спасению захваченной девушки ограничились указаниями комендантам пограничных крепостей и М.-Г. Турдалину искать, где находится А. Петрова, и организовать экспедицию по ее спасению, но с замечательной оговоркой «если <она окажется> не в дальнем расстоянии от линии» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 5). Впрочем, пограничная комиссия разрешила еще в случае недостаточности подобных мер пообещать 400 руб. за доставление освобожденной пленницы – но никаких объяснений, через какое время следовало объявить о подобной награде, не давалось (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 5-50б.).

Отцу девушки всего этого казалось недостаточно. В марте 1815 г. оренбургскому военному губернатору Г.С. Волконскому поступило достаточно эмоциональное прошение А. Петрова, в котором последний жаловался, что комендантами пограничных крепостей не принимается никаких реальных мер по спасению его дочери (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 1-2). Более того, А. Петров утверждал, будто бы М.-Г. Турдалин прекрасно знает, где находится его дочь, и он может представить свидетеля, готового подтвердить это (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 2-20б.). Получив прошение, Г.С. Волконский сперва обратился к пограничной комиссии, требуя «озаботиться вырубкой из плена сказанной девочки Аграфены» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 3-30б.). Однако, когда в ответ из комиссии сообщили о уже принятых мерах, они вполне удовлетворили губернатора (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 4-50б.).

В марте 1816 г. Г.С. Волконский получил от А. Петрова еще более эмоциональное прошение (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 8-9). В нем отец рабыни уже совершенно однозначно обвинял задержанных киргизцев во лжи («можно ли тому народу верить, чтобы они сделали признательность»), Оренбургскую пограничную комиссию – в халатности («сие не иное что, как непечность Комиссии»), а продолжающееся пленение своей дочери связывал с мягкостью принимаемых мер («а чем строже поступление с ними (киргизцами – Авт.) было, то бы конечно тогда ж и дочь моя была вывезена») (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 80б.). А. Петров утверждал, что его дочь теперь перемещают между разными киргизскими аулами: в первый раз ее отправили в другой аул, когда родственники ее похитителей оказались задержаны российскими властями, однако в апреле 1815 г. удалось выяснить и новое местопребывание пленницы – но Оренбургская пограничная комиссия не приняла немедленных мер по ее спасению, а девушку тем временем переместили в третий аул, «в орде Каратая» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 80б.-9). Чтобы спасти А. Петрову, ее отец призывал захватить нескольких киргизцев (вероятно, в качестве заложников) и направить к «командующему ордами Каратаю» русского чиновника с приказом отпустить девушку (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 9).

Г.С. Волконский, однако, ограничился тем, что послал пограничной комиссии указание «употребить убедительнейшие меры по вырубке из плена означенной девицы» и написал «Султану Каратаю» письмо, передать которое он просил все ту же комиссию (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 10-100б.). В итоге история кончилась трагически: «Султан Каратай», К. Нуралиев, ответил, что, согласно проведенному «благонадежными Старшинами» расследованию, «та девка» была похищена не подведомственными ему киргизцами и, в любом случае, в настоящее время продана в Хиву (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 13-140б.). Шансов вернуться из Хивы у русских пленников в 1810-е гг. фактически не было, и в этом контексте резолюция Г.С. Волконского «пограничной Комиссии,

препроводив в списке сие донесение, предложить о принятии деятельнейших мер и с ее стороны к выручке захваченной пленницы» выглядит почти издевательски (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1256. Л. 140б.). В деле нет никаких сведений о возвращении А. Петровой из Хивы, и, вероятно, она там и осталась.

Несколько позднее, уже при оренбургской военном губернаторе П.К. Эссене, в 1817 г. из Троицка бесследно исчез подканцелярист Федор Соколов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 1). Год спустя, в 1818 г., он прислал письмо из Бухары, причем местные власти сделали из этого письма вывод, что Ф. Соколов находится в рабстве у бухарского купца Бабажана Хаджисаферова, который как раз был в это время по торговым делам в Троицке (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 1-2). Казалось бы, обстоятельства способствовали спасению раба из Бухары, и Б. Хаджисаферова даже задержали, но буквально через неделю отпустили «по уважению влияния, которое могло бы иметь сие обстоятельство для торговли» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 20б.). Сам Б. Хаджисаферов (он именовал себя Б. Хаджи Сафарбаевым) на русском языке отправил П.К. Эсену письмо, в котором доказывал, будто бы «нимало не виновен» – но к этому письму прилагались взятые по просьбе Б. Хаджисаферова в Бухаре показания Ф. Соколова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 13-130б., 19-190б.). В них подканцелярист прямо писал, что, хотя его и похитили киргизцы, затем они привезли его в Бухару и продали неназванным людям (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 16-160б.). Таким образом, фактически Б. Хаджисаферов сознался: если он и не захватывал российского подданного, то, по крайней мере, был связан с людьми, которые держали этого подданного в рабстве. Однако П.К. Эссен, вместо того, чтобы предпринять какие-либо меры по отношению к бухарскому купцу, ограничился тем, что написал ему письмо, в котором сообщал дословно следующее: «Сожалее о упавшем на Вас, как Вы объясняете, подозрении в увозе канцеляриста Соколова в Бухарию, даю Вам знать, что всякое по сему предмету подозрение уничтожится само собой, когда Вы в следующем Караване вывезете Соколова на Линию; что я на Вас и Возлагаю, будучи уверен, что Вы не оставите сие с точностью исполнить» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 20).

В 1819 г. с бухарскими караванами не пришли ни Ф. Соколов, ни Б. Хаджисаферов. Оренбургские власти никаких мер в связи с этим снова не предпринимали, пока к П.К. Эсену не обратился с прошением отец Ф. Соколова, Клементий Соколов. Он утверждал, что получил от сына новое письмо, тот по-прежнему пребывает в Бухаре у Б. Хаджисаферова, и в связи с этим отец пленника просил задержать пришедшего с торговым караваном сына Б. Хаджисаферова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 24-240б.). Вот только П.К. Эссен вместо этого задержания стал требовать предпоставить ему полученное из Бухары письмо, и это вызвало целый виток бюрократической переписки, но спасению раба нимало не способствовало (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 29).

Ситуацию внезапно изменило вмешательство совершенно неожиданной силы. Переписка по интересующему нас делу к началу 1820 г. окончательно свелась к выяснению, куда делось присланное в 1819 г. из Бухары письмо Ф. Соколова, словно судьба этого письма интересовала П.К. Эссена больше, чем судьба его автора (в итоге оказалось, что письмо взяла с собой мать раба во время поездки к родственникам в Уфу и потеряла) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 34, 40). Однако в марте 1820 г. откуда-то узнавшие о пленении Ф. Соколова члены Симбирского женского общества христианского милосердия направили П.К. Эсену очень витиевато составленное послание. В нем указывалось, что Симбирское женское общество решило действовать, «узнав о бедственной судьбе сего несчастливца и принимая живейшее участие в страданиях ближнего» – и собрало 450 руб. на его выкуп (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 35-350б.). И теперь члены этого общества желали вручить деньги П.К. Эсену, «зная, сколь внятн сердцу Вашего Высокопревосходительства стон угнетенных, сколь живейше принимаете Вы участие в облегчении жребия злополучных» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 350б.).

Здесь следует отметить, что Симбирское женское общество христианского милосердия было достаточно аристократической организацией: оно было создано в 1817 г., причем основательницей выступила жена местного губернатора, Е.О. Магницкая, а высочайшей покровительницей – императрица Елизавета Алексеевна (Маханцова, 2012: 45-47). Послание Симбирского женского общества П.К. Эсену было подписано некой Верой Ивашевой (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 36). П.К. Эссен в ответном письме называл ее «Милостивой Государыней моей Верой Александровной» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 38). Соответственно, это почти наверняка была В.А. Ивашева – дочь симбирского губернатора А.В. Толстого и жена генерала и помещика Симбирской губернии П.Н. Ивашева. В популярной статье о ее муже, написанной архивистом Государственного архива Ульяновской области (ГАУО) А. Шабалкиным, приводится такая ее любопытная характеристика, данная одним из крепостных и сохранившаяся в фондах ГАУО: «Достойнейшая рода Толстых, которая по вступлении своем в имение, как благотворный Луч Солнечный, осветила и согрела всех своею добродетелью!» (Шабалкин, 2019).

П.К. Эссен оказался в совершенно нетипичной для оренбургского пограничья ситуации: влиятельная аристократка из другой губернии не просто лично просила его выволить конкретного раба из Бухары, но и прислала крупную сумму денег на его выкуп. Это подстегнуло оренбургского губернатора действовать куда активнее: он отписал в Оренбургскую пограничную комиссию распоряжение найти способ выкупить Ф. Соколова, а Симбирскому женскому обществу христианского милосердия сообщил, что работает над его освобождением (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 37-38).

Вслед за этим П.К. Эссен распорядился организовать подписку по всей губернии, чтобы собрать дополнительные средства на выкуп Ф. Соколова (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 44-44об.). В подобной ситуации и пограничная комиссия немедленно изыскала лояльного России киргизца, Юсупа Сырынова, который был готов уже летом 1820 г. ехать в Бухару выкупить раба (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 43). В июле 1820 г. на деньги Симбирского женского общества христианского милосердия нашелся еще один претендент: К. Соколов неожиданно прислал новое прошение, в котором утверждал, что получил от сына еще одно письмо, готов выкупить его сам и просит передать ему эти деньги (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 45-49). Однако в итоге вся эта несколько суетливая и контрастирующая с прежней пассивностью деятельность оренбургских чиновников не кончилась ничем – было решено, что Ф. Соколова попытается высвободить из Бухары направляющаяся туда российская дипломатическая миссия (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 50).

Действительно, эта миссия выкупила 10 человек (Мейендорф, 1975: 146). Однако их имена неизвестны, и, возможно, Ф. Соколова в их числе не было. Дело в том, что в архивном деле сохранилось как раз последнее письмо пленника, написанное им отцу в 1820 г. Судя по всему, оренбургские чиновники его внимательно не читали (что вполне объяснимо – письмо сумбурно и малопонятно), а в нем молодой человек писал следующее: «Прошу я у вас денег и выкупите меня, десять верблюдов железа в *Кокандт* пошлите, <...> и еще хотя восемь верблюдов, много ли надоте, или денег тысячу рублей, и ныне возьмите непременно, а, ежели ныне не возьмете, он меня он продаст далеко, нельзя ли взять, непременно возьмите (курсив наш – Авт.)» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 47об.). Таким образом, судя по этому письму, к 1820 г. Ф. Соколов был уже не в Бухаре, а в Коканде – но спасти его оренбургские власти все еще собирались из Бухары.

Истории А. Петровой и Ф. Соколова достаточно схожи. В обоих случаях у российских властей было несколько лет для активных действий по спасению рабов, однако оренбургские чиновники после некоей первоначальной активности фактически прекращали действовать по собственной инициативе. Возобновлять действия их вынуждали прошения родителей пленников – А. Петрова и К. Соколова соответственно. Особого внимания заслуживает тот факт, что в обоих случаях задерживались лица, возможно, причастные к захвату русского подданного/подданной в рабство – в первом случае родственники похитителей, а во втором случае вообще вероятный хозяин Ф. Соколова. Но в итоге задержанные лица отпускались без каких-либо предварительных условий, под одни обещания в будущем помочь в освобождении рабов, оставшиеся в результате невыполненными. В целом складывается впечатление, что персональное освобождение конкретных пленников оренбургские власти в большинстве случаев считали делом малозначимым, и, хотя и предпринимали какие-то действия для этого по просьбам родственников, но довольно формально и не слишком оперативно.

В то же время обратим внимание на то, что в 1823 г. похищенных И.В. Подурова и С.А. Медведева искали более чем активно, задействовав ресурсы нескольких пограничных крепостей, и нашли менее чем через две недели после похищения. Еще важнее в контексте нашего исследования то, что затем их даже не выкупили, а обменяли на тех захваченных киргизцев, которых потребовали освободить похитители (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 153). Более того, П.К. Эссен, до этого категорически не желавший вступать в переписку с Ж. Тленшиулы, когда последний не сразу освободил И.В. Подурова, все же написал ему личное послание, хотя и оставшееся в итоге неотправленным (киргизский правитель освободил пленника до этого) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 205-206об., 234). Таким образом, в случае, когда речь пошла о спасении офицеров, а не простых казаков, солдат, крестьян или мещан, российские власти фактически удовлетворили все требования похитителей – что и позволило освободить захваченных. При этом столь же активных действий по спасению захваченных вместе с офицерами менее влиятельных лиц не предпринималось, и, например, С. Михайлов, денщик С.А. Медведева, был в итоге продан похитителями в неизвестном направлении (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 398).

В этом контексте показательно и то, насколько активизировал свою деятельность по освобождению Ф. Соколова П.К. Эссен, когда к нему обратилось аристократическое Симбирское женское общество христианского милосердия, а не только простолюдин-отец пленника. Наиболее красноречив факт организации подписки для сбора средств на выкуп Ф. Соколова – аналогичных случаев организации властями подписки для выкупа других рабов нам выявить вообще не удалось. На наш взгляд, эта подписка была организована П.К. Эссеном не ради спасения самого Ф. Соколова, о судьбе которого оренбургскому губернатору к этому времени было известно уже несколько лет, и он не торопился принимать активных мер по его спасению. Как нам представляется, П.К. Эссен желал продемонстрировать свое благородство и благородство оренбургского общества перед симбирскими дамами и девицами. Собственно, и в формулировке подписки в пользу Ф. Соколова ее проведение напрямую связывалось с вниманием Симбирского женского общества к этому рабу: «Симбирское женское общество Христианского милосердия, принимая участие в страданиях ближнего и узнав о плачевном жребии Соколова, прислало ко мне 450 рублей, прося присоединить сии деньги к потребной на искупление Соколова сумме. Не сомневаясь, чтобы сей благой подвиг Симбирского Женского общества Христианского милосердия не нашел ревнительных подражателей между нами,

живущими в Губернии, где совершилось несчастье Соколова, я имею честь предложить в пользу его подписку» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1909. Л. 44-44об.).

Обратим внимание также на упоминавшийся нами в начале этой части статьи рассказ В. Зефирова «Киргизский пленник, или Взгляд на линию за 22 года». В нем описано похищение священника Орской крепости И.Г. Рязанова в 1822 г. (Зефиров, 2012). Хотя художественный рассказ нельзя считать абсолютно достоверным историческим источником, описанные в нем события идеально вписываются в ту схему действий оренбургских пограничных властей, с которой мы столкнулись при анализе случаев А. Петровой и Ф. Соколова. Когда паства начинает искать любимого священника, даже высокопоставленные военные, включая коменданта Орской крепости Д.И. Исаева, не обращаются к вышестоящим властям, а начинают самостоятельный поиск пропавшего, причем, как и отец А. Петровой, через лояльного России киргизца (любопытно для практик оренбургского пограничья, что, хотя этот киргизец взялся искать пропавшего раба только за существенное вознаграждение, в рассказе он описывается положительно и даже героизируется) (Зефиров, 2012). Только получив таким образом точную информацию о местонахождении русского раба и его хозяине, Д.И. Исаев и другие влиятельные прихожане подают прошение о его спасении не в Оренбургскую пограничную комиссию, а непосредственно к П.К. Эссену, подкрепив свое прошение ходатайствами неких «многих важных особ Оренбурга» (Зефиров, 2012). Как видим, даже в этом рассказе власти участвуют в спасении не простого русского раба, но раба, имеющего влиятельных покровителей, причем эти покровители сами, потратив свои деньги, устанавливают местоположение спасаемого.

Следовательно, можно констатировать, что уже захваченные рабы из российских подданных с точки зрения оренбургских властей делились на две группы. В первую попадали лица, персональное освобождение которых почему-то было важно (И.В. Подуров, С.А. Медведев, Ф. Соколов после обращения к П.К. Эссену Симбирского женского общества христианского милосердия). Ради их спасения власти не просто более активно осуществляли стандартные действия по поиску и спасению рабов: оказывалось возможным идти и на нестандартные меры, выполнять необычные требования похитителей, организовывать сборы средств на выкуп, посылать переговорщика для персонального выкупа пленника в Бухару и т. п. Однако обычные рабы (например, А. Петрова и Ф. Соколов до обращения к П.К. Эссену Симбирского женского общества христианского милосердия) могли рассчитывать на персональное спасение только во время краткого периода первоначальной активности властей по их поиску после похищения – и на то, что их родственники или друзья затем будут просить власти продолжать подобные действия (причем в этом случае, если среди просителей не было влиятельных лиц, активность властей становилась довольно формальной и шансов на персональное спасение у пленника было немного).

Составим теперь график числа освобожденных в оренбургском пограничье русских подданных на основании той же статистической таблицы, по данным которой мы строили графики в первой части нашей статьи. Он будет выглядеть следующим образом:

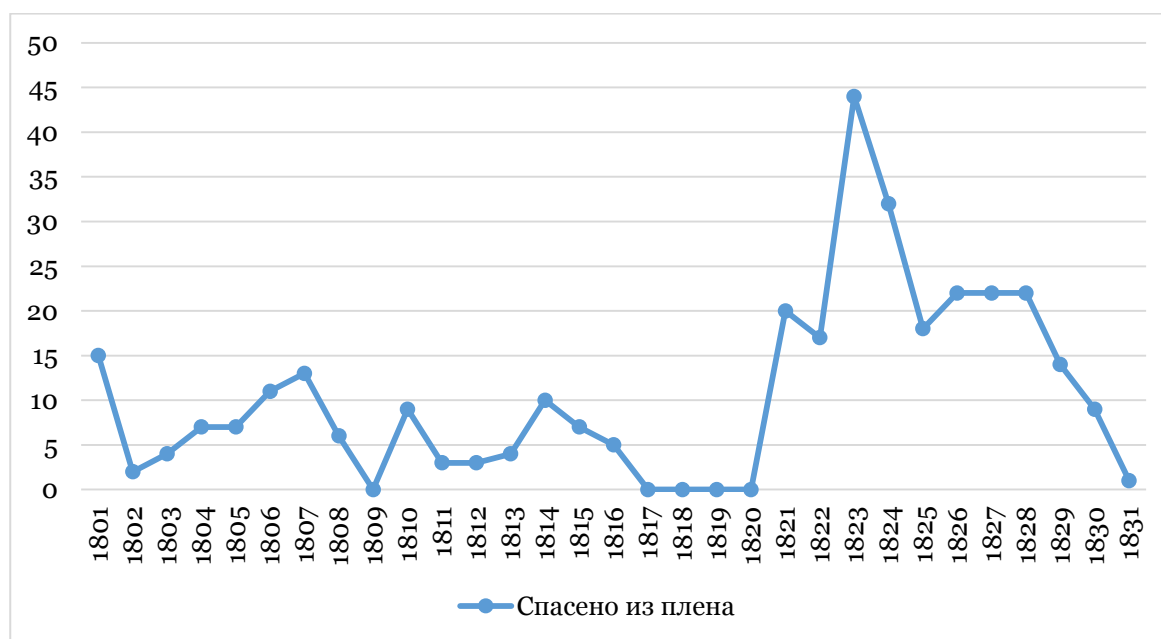

Рис. 3. Примерное число людей, освобожденных на Оренбургской линии в 1801–1831 гг. Источник: ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 37об.-38.

Мы совершенно четко видим нелинейную динамику числа освобождений из плена. Пик этих освобождений приходится на 1821–1828 гг., когда ежегодно спасалось более 15 человек, притом что за пределами этого периода столько спасенных за год было только в 1801 г. Заслуживает внимания и то, что пиковым оказывается все тот же 1823 г., когда было больше всего захваченных и убитых. Число освобожденных из плена в этом году достигло 44 человек (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 370б.).

В тоже время следует отметить, что в данном графике в качестве освобождений из плена зафиксированы не все выходы российских подданных из рабства в Центральной Азии. Например, в 1815 г. некий Темир Ауков вывел из Бухары 12 человек, позиционировавшихся в документах в качестве «беглых татар», за что был возведен в старшины и получил серебряную печать (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 50б.). В 1816 г. 16 «беглых магометан» вернул из Бухары бухарский купец Набыржан Фаизжанов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1874. Л. 180б.). Между тем в статистической таблице, на основе которой мы составляли график, указано будто бы в 1815 г. было освобождено только 7 человек, а в 1816 г. – 5 человек (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 370б.). Возможно, «беглые татары/магометане» не фиксировались оренбургскими властями в качестве освобожденных пленников, хотя в их числе тоже могли быть рабы. Однако в 1813 г. султан Темир Уралиев и старшина Беркутбай Ермухамметев вывезли из все той же Бухары 5 человек именно русских, за что последний был награжден 450 руб. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 5-50б.). В таблице же указано, что в этот год было спасено всего 4 человека (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3755. Л. 370б.). Таким образом, реальная численность спасенных из рабства в вышеприведенном графике несколько занижена.

Тем не менее, из составленного графика видно, что в 1801–1831 гг. на Оренбургской линии люди выходили из рабства почти ежегодно, кроме, возможно, 1809 г. и 1817–1820 гг. Как следует из приведенных выше примеров, при Г.С. Волконском регулярно удавалось выводить русских подданных не только из-под власти киргизских султанов, но и из Бухары. Как же это происходило, с учетом того, что персонально обычных рабов оренбургские власти в степи быстро переставали искать?

Прежде всего следует отметить, что существенная часть рабов бежала самостоятельно, без участия российских властей. К сожалению, детали их побегов в документах чаще всего подробно не фиксировались. Но, например, в 1813 г. на один из пограничных пикетов вышел башкирец Араслангузь Куепкулов, заявивший, что неопределенно-давно был захвачен во время набега киргизцев на российскую территорию, а теперь, «избрав удобный случай и оставив семейство, учинил побег с намерением пробраться к родственникам» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 992. Л. 1-30б.). В 1814 г. на пограничный редут выбрался Семен Сажаев, уголовный преступник, то ли похищенный киргизцами, то ли сбежавший во время пересылки в Сибирь на поселение (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 1-20б.). В очень подробном и поэтому важном для нас, но сомнительном по достоверности показании он рассказывал, будто бы был тяжело болен, когда люди, с которыми он шел на поселение, сбежали, захватив с собой и его, а затем передали киргизцам (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 2). После целого ряда продаж, «по научению киргизки к побегу в Россию» (к сожалению, о том, что это была за киргизка, С. Сажаев не писал), раб украл у своего хозяина лошадь, отправился к границе, был схвачен другими киргизцами, смог сбежать и от них, снова украл лошадь, пять дней скакал на ней, пока не загнал, а потом еще пять дней шел пешком (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1218. Л. 20б.). В числе рабов, сумевших сбежать самостоятельно, были и подданные других государств, чаще всего Персии (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1017. Л. 1-2), и даже женщины, но подробных показаний ни одной из них, к сожалению, нам обнаружить не удалось (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 938д. Л. 1-3; ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1194. Л. 1-60б.).

Любопытный случай произошел в 1815 г., когда Т. Ауков, недавно вывезший из Бухары 12 человек и возведенный в старшины, обратился к Г.С. Волконскому, жалуюсь, что «слуга мой, персианин, сделал от меня утечку и теперь находится в Орской крепости» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 10б.). Т. Ауков требовал вернуть ему этого слугу, т. е. фактически раба (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 10б.-2). Судя по последовавшему предписанию Г.С. Волконского Оренбургской пограничной комиссии, выдавать раба российские власти не собирались, но и наказывать лояльного России старшину за рабовладение – тоже (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 1322. Л. 3-30б.).

Обратим внимание также на то, что в целом ряде приведенных выше примеров беглые рабы выходили на российские пограничные крепости, редуты и пикеты. Таким образом, система защиты оренбургского пограничья, не слишком эффективная против набегов киргизцев, в то же время оказывалась полезна как своеобразное место спасения беглых рабов. Выход к русским военным обозначал обретение свободы.

Другим способом освобождения рабов, который мы фактически уже неоднократно упоминали, была выручка их из рабства лояльными России киргизцами. Как мы указывали в первой части статьи, подобной деятельностью занимался даже ставший позднее лидером восстания против Российской империи Ж. Тленшиулы, выручивший из плена казака Илецкой станицы Артемья Рыбаксова. Нам удалось обнаружить архивное дело об этом случае. В нем Ж. Тленшиулы именуется «Чуланом Тюленченом», но в деле есть грамота, за исключением имени, идентичная той, которую Ж. Тленшиулы позднее пытался предъявить П.К. Эссену в доказательство своей лояльности России (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939ж. Л. 40б.; ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 3769. Л. 226). Более того, неточность в транскрипции

имен кочевников в российских документах первой половины XIX в. встречается регулярно, поэтому мы можем уверенно утверждать, что Чулан Тюленчен и Ж. Тленшиулы – одно лицо.

История А. Рыбаксова интересна еще и в том отношении, что в ее рамках Ж. Тленшиулы проявил ту же смелость и готовность к силовому решению проблем, которая позднее была характерна для его борьбы с Российской империей. В 1812 г., согласно показаниям А. Рыбаксова (или, в других документах, А. Рыбенкова), на российские территории проник отряд в 30 киргизцев, который и захватил автора показаний, в одиночку шедшего пешком в сумерках из станицы на приграничный форпост (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939ж. Л. 10б.). Похитители благополучно выбрались обратно в степь и повезли раба в свои аулы, однако наткнулись на отряд под личным командованием Ж. Тленшиулы, тот немедленно с боем отбил русского пленника и отвез его в свой аул, а оттуда – на один из российских форпостов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939ж. Л. 2). Г.С. Волконский в рамках линии поведения, описанной в первой части нашей статьи, распорядился сделать выговор илецкому атаману Донскову за то, что он слабо следил за своими подчиненными (как мы видели, А. Рыбаксов в сумерках в одиночку шел пешком в зоне потенциального киргизского набега), а Ж. Тленшиулы выдать похвальный лист (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 939ж. Л. 3-3об.).

В других случаях лояльные России киргизцы предпочитали не отбирать рабов силовыми методами для их возврата, но выкупать их. Так, в 1805 г., еще до требований Г.С. Волконского ужесточить дисциплину в пограничье, целый ряд казаков был отпущен из Сорочинской крепости и Редутского форпоста на рыбные ловли в Каспийское море (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 155. Л. 1-10б.). Трое казаков пропали, но в течение двух недель их вернул киргизец Тактобай Байсыков (интересно, что первый из пленников был возвращен им буквально через два дня после похищения, даже до того, как в случившемся разобрались и доложили Г.С. Волконскому) (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 155. Л. 1-20б.). Т. Байсыкову по его просьбе тоже был дан похвальный лист (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 155. Л. 2-3). Из дальнейшей переписки следует, что 2 пленника были выкуплены Т. Байсыковым «за двести осмнадцать кумачей на пятьсот четыре рубля», а оставшийся – «за сто сорок восемь кумачей на двести семьдесят два рубля» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 155. Л. 50б.).

Даже из немногочисленных приведенных нами примеров видно, что оренбургские власти старались награждать киргизцев за освобождение российских подданных, причем делать это с учетом желаний конкретных освободителей. В частности, Т. Ауков был возведен в старшины, Б. Ермухамметеву заплатили 450 руб., Ж. Тленшиулы и Т. Байсыкову дали похвальные листы. В целом можно сказать, что в оренбургском пограничье к первой трети XIX в. была создана система, побуждавшая хотя бы некоторых киргизцев помогать российским властям в освобождении рабов.

Однако эта система, во-первых, не предполагала почти никаких действий со стороны собственно российских чиновников. Фактически в ее рамках почти вся активность по спасению рабов перекладывалась на самих киргизцев, которые находили русских рабов и доставляли их до российской границы, а затем оренбургские власти награждали их за это. В результате судьба захваченных российских подданных оказывалась в полной зависимости от доброй воли влиятельных кочевников. Тут уместно снова вспомнить судьбу А. Петровой. Напомним, что она, по мнению ее отца, находилась во владениях султана К. Нуралиева, причем отец просил послать к этому султану русского чиновника для ее освобождения – но оренбургские власти ограничились запросом к К. Нуралиеву, а последний ответил, будто бы девушка захвачена неподвластными ему людьми и продана в Хиву. Какого-либо контроля за тем, правдивы ли сообщенные К. Нуралиевым сведения, организовано не было. Соответственно, и Ж. Тленшиулы легко мог в 1810 гг., будучи лояльным России, спасти русских рабов – а в 1820 гг., вступив в конфликт с оренбургскими властями, русских рабов захватывать. Сколько-либо надежного обеспечения помощи киргизских правителей в освобождении русских рабов с подвластных им территорий в рассматриваемый нами хронологический период организовано не было.

Во-вторых, анализируемая нами система, побуждавшая некоторых киргизцев помогать российским властям в освобождении рабов, обычно не предполагала спасения конкретных лиц. Выше мы видели, что в чрезвычайной ситуации захвата в 1823 г. 2 русских офицеров задача их поиска была возложена не только на военных, но и на лояльных России киргизцев, после чего И.В. Подурова и С.А. Медведева достаточно быстро нашел Н. Аргымбаев. Видели мы и то, что А. Петров утверждал: ему удалось узнать о том, где держат в рабстве его дочь именно «чрез благонадежных ордынцев». Однако в тех разобранных нами случаях, которые были связаны не с поиском относительно недавно захваченных пленников, а с освобождением собственно киргизцами, без участия российских властей, рабов, уже проводших значительное время в рабстве, обычно освобождались не конкретные персоналии, на освобождение которых существовал запрос от кого-либо, а любые захваченные подданные Российской империи, которых по каким-то причинам оказывалось возможно спасти.

5. Заключение

И нам остается констатировать, что система освобождения рабов в оренбургском приграничье в первой трети XIX в. существовала, однако она была по ряду аспектов столь же неэффективна, как и система защиты местного населения от захвата в рабство. Более того, проблемы этих систем в

значительной степени совпадали. Как мы помним, в 1807 г. Г.С. Волконский отмечал, что охраняющие границу военные регулярно проявляют «слабость и нерадение о службе». А в 1816 г. А. Петров, чья дочь, вероятно, сгинула в рабстве в Хиве, жаловался на «непечность <Оренбургской пограничной> Комиссии». Подобно тому, как коменданты крепостей и станичные атаманы нередко оказывались не готовы к угрозе набегов, не следили за безопасностью мирных жителей, неоперативно и неудачно реагировали на вторжения киргизцев, так и отвечающие за спасение рабов чиновники во многих случаях не демонстрировали особой активности в деле спасения конкретных лиц, быстро сворачивали свою деятельность и возобновляли ее только вследствие внешнего давления.

Тем не менее, именно в деле освобождения рабов оренбургские власти в первой трети XIX в. добились определенных успехов, однако не благодаря собственным активным действиям, а за счет создания такой ситуации в степи, которая благоприятствовала активным действиям других сил, направленным на освобождение рабов. Наибольшую активность в этом направлении проявляли сами рабы, регулярно бежавшие в российские укрепления на границе, где их немедленно освобождали, и лояльные России киргизцы, которым за спасение российских подданных выдавались существенные награды. Существование подобной ситуации в оренбургском приграничье, по крайней мере, давало находящимся на сопредельных территориях Центральной Азии рабам, включая женщин и подданных иностранных государств, шанс на свободу.

Завершая статью, мы бы хотели подчеркнуть, что неэффективность защиты жителей оренбургского пограничья от захватов в рабство из-за пассивности значительной части местных офицеров и чиновников проставляется нам обусловленной самой спецификой глухой окраины империи, служить на территории которой не было ни престижно, ни перспективно. Схожую специфику низкой боеспособности крепостей Оренбургской линии в XVIII в., во время Пугачевского бунта, ярко описал В.Я. Мауль: «В ночь с 25 на 26 сентября казаки Нижнеозерной крепости пришли сдаваться. Бунтовщики подошли к ней и легко взломали ворота»; «Гарнизон крепости (Татищевой – авт.) был значительно более всех остальных укрепленных пунктов и к моменту нападения пугачевцев состоял не менее как из тысячи человек и 13 орудий. Во время штурма гарнизон не оказал почти никакого сопротивления» (Мауль, 2017: 360). Разумеется, в оренбургском пограничье были смелые казаки и солдаты, компетентные офицеры, равнодушные чиновники, однако общий интеллектуальный уровень и усердие к службе представителей местных государственных структур в первой трети XIX в. не следует переоценивать.

Также необходимо учитывать проблемы местной администрации в деле защиты жителей от захватов в рабство при изучении истории рабовладения в Центральной Азии. В первой трети XIX в. русские пленники оказывались в киргизских аулах, в Бухаре и Хиве не только из-за набегов кочевников, но и потому, что власти на территориях, потенциально входящих в зону этих набегов, нередко относились к своим обязанностям довольно халатно, защищали границу скорее формально – и даже могли отпустить вероятного хозяина русского раба, чтобы не мешать торговле, или послать женщину с ребенком искать пропавшего сына туда, где буквально день назад кочевники захватывали рабов.

Литература

- Гинзбург, 2004 – Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю / Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. М., 2004. 345 с.
- Даль, 1838a – Даль В.И. Рассказ невольника, хивинского уроженца Андрея Никитина. 1830 // Альманах «Утренняя заря». СПб., 1838. С. 188-211.
- Даль, 1838b – Даль В.И. Рассказ хивинского пленника Федора Федорова Грушина // Литературное прибавление к Русскому инвалиду. 1838. № 5. С. 81-86.
- Даль, 1839 – Даль В.И. Рассказ вышедшего из хивинского плена астраханского мещанина Тихона Иванова Рязанова // Альманах «Утренняя заря». СПб., 1839. С. 74-92.
- Записки..., 1983 – Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., 1983. 149 с.
- Зефилов, 2012 – Киргизский пленник, или Взгляд на линию за 22 года // Бельские просторы. 2012. № 11 (168).
- Исмаилова, 1973 – Исмаилова С.К. Документы о рабстве в Бухарском ханстве в XIX – начале XX в. // Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук. № 2 (72). 1973. С. 20-30.
- Кочнев, 2017 – Кочнев А.В. Российские подданные в Хивинском плену в конце XVIII - начале XIX в.: пути решения проблемы и последствия // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 423. С. 100-104.
- Мауль, 2017 – Мауль В.Я. Крепости Оренбургской пограничной линии: строительство и судьба (по материалам Пугачевского бунта) / Сибирские строители: события и судьбы: сб. статей Всерос. науч. конф. Сургут, 2017. С. 351-361.
- Маханцова, 2012 – Маханцова Е.В. Становление и развитие общества христианского милосердия в Симбирской губернии в XIX – начале XX веков // Симбирский научный вестник. 2012. № 4 (10). С. 45-47.

- Мейендорф, 1975 – Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975. 180 с.
- ОГАОО – Объединенный государственный архив Оренбургской области.
- Почекаев, 2017 – Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017. 384 с.
- Севастьянов, 1999 – Севастьянов С.Н. Иван Васильевич Подуров. Историко-биографический очерк // *Гостинный двор: Литературно-художественный и общественно-политический альманах*. Оренбург, 1999. С. 190-205.
- Созина, 2016 – Созина Е.К. Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 1 (50). С. 6-15.
- Стромов, 2024 – Стромов П.А. Форпосты Оренбургской пограничной линии // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2024. № 2(50). С. 272-291.
- Шабалкин, 2019 – Шабалкин А. Как прошла «общепольная жизнь» генерала Ивашева // *УлПравда* [Электронный ресурс]. URL: <https://ulpravda.ru/rubrics/nash-krai/kak-proshla-obschepoleznaia-zhizn-general-ivashева> (дата обращения: 26.11.2024).
- Ermachkov, 2021 – Ermachkov I.A. Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839 // *Slavery: Theory and Practice*. 2021. 6(1): 26-34.
- Ermachkov et al., 2021 – Ermachkov I.A., Vidishcheva E.V., Mineeva E.K., Balanyuk L.L. The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century) // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1171-1180.
- Peretyatko, 2023 – Peretyatko A.Yu. A Documentary Narration about the Steppe Slavery or a Colonial Narrative: Essay “Ivan Vasil'evich Podurov” by S.N. Sevast'yanov // *Slavery: Theory and Practice*. 2023. 8(1): 36-52.
- Peretyatko, 2025 – Peretyatko A.Yu. Protection of the Population of the Orenburg Borderlands of the Russian Empire Against Slave Raiding in 1801–1831. Part I // *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 33-44.

References

- Dal, 1838a – Dal, V.I. (1838). Rasskaz nevol'nika, khivinskogo urozhentsa Andrey a Nikitina. 1830 [The story of a slave, a khivan denizen Andrei Nikitin. 1830]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya»*. Saint-Petersburg. Pp. 188-211. [in Russian]
- Dal, 1838b – Dal, V.I. (1838). Rasskaz khivinskogo plennika Fedora Fedorova Grushina [The story of khivan captive Fedor Fedorov Grushin]. *Literaturnoe pribavlenie k Russkomu invalidu*. 5: 81-86. [in Russian]
- Dal, 1839 – Dal, V.I. (1839). Rasskaz vyshedshego iz khivinskogo plena astrakhanskogo meshchanina Tikhona Ivanova Ryazanova [The story of an Astrakhan burgher Tikhon Ivanov Ryazanov who left khivan captivity]. *Al'manakh «Utrennyaya zarya»*. Saint-Petersburg. Pp. 74-92. [in Russian]
- Ermachkov et al., 2021 – Ermachkov, I.A., Vidishcheva, E.V., Mineeva, E.K., Balanyuk, L.L. (2021). The Features of the Capture of Russian People by Asian Nomadic Tribes (the first half of the XIX century). *Bylye Gody*. 16(3): 1171-1180.
- Ermachkov, 2021 – Ermachkov, I.A. (2021). Russian Official Correspondence on the Return of Russian Prisoners from the Khiva Khanate in 1839. *Slavery: Theory and Practice*. 6(1): 26-34.
- Ginzburg, 2004 – Ginzburg, K. (2004). Mikroistoriya: dve-tri veshchi, kotorye ya o nei znayu [Microhistory: Two or Three Things That I Know about It]. *Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya*, Moscow, 345 p. [in Russian]
- Ismailova, 1973 – Ismailova, S.K. (1973). Dokumenty o rabstve v Bukharskom khanstve v XIX – nachale XX v. [Documents about slavery in the Khanate of Bukhara in the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoi SSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk*. 2(72): 20-30. [in Russian]
- Kochnev, 2017 – Kochnev, A.V. (2017). Rossiiskie poddannye v Khivinskom plenu v kontse XVIII – nachale XIX v.: puti resheniya problemy i posledstviya [Russian subjects in Khivan captivity in the late 18th – early 19th centuries: ways of resolving the problem and the consequences]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 423: 100-104. [in Russian]
- Makhantsova, 2012 – Makhantsova, E.V. (2012). Stanovlenie i razvitie obshchestva khristianskogo miloserdia v Simbirskoi gubernii v XIX – nachale XX vekov [The making and development of the Society of Christian Mercy in Simbirsk Governorate in the 19th – early 20th centuries]. *Simbirskii nauchnyi vestnik*. 4(10): 45-47. [in Russian]
- Maul', 2017 – Maul', V.Ya. (2017). Kreposti Orenburgskoi pogranichnoi linii: stroitel'stvo i sud'ba (po materialam Pugachevskogo bunta) [Fortresses of the Orenburg borderline: construction and fate (based on materials on the Pugachev rebellion)]. *Sibirskie stroiteli: sobytiya i sud'by: sbornik statei Vseros. nauch. konf. Surgut*. Pp. 351-361. [in Russian]
- Meyendorff, 1975 – Meyendorff, E.K. (1975). Puteshestvie iz Orenburga v Bukharu [Journey from Orenburg to Bukhara]. Moscow, 180 p. [in Russian]
- ОГАОО – Об"единенный gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [Joint State Archive of Orenburg Region].

Peretyatko, 2023 – Peretyatko, A.Yu. (2023). A Documentary Narration about the Steppe Slavery or a Colonial Narrative: Essay “Ivan Vasil'evich Podurov” by S.N. Sevast'yanov. *Slavery: Theory and Practice*. 8(1): 36-52.

Peretyatko, 2025 – Peretyatko, A.Yu. (2025). Protection of the Population of the Orenburg Borderlands of the Russian Empire Against Slave Raiding in 1801–1831. Part I. *Bylye Gody*. 20(1): 33-44.

Pochekayev, 2017 – Pochekayev, R.Yu (2017). Gubernatory i khany. Lichnostnyi faktor pravovoi politiki Rossiiskoi imperii v Tsentral'noi Azii: XVIII – nachalo XX v. [Governors and khans. Personal factors in Russian law-making in Central Asia: 18th to early 20th centuries]. M., 384 p. [in Russian]

Sevast'yanov, 1999 – Sevast'yanov, S.N. (1999). Ivan Vasil'evich Podurov. Istoriko-biograficheskii ocherk [Ivan Vasil'evich Podurov. A historical and biographical sketch]. *Gostinyi dvor: Literary-artistic and socio-political almanac*. Orenburg, Pp. 190-205. [in Russian]

Shabalkin, 2019 – Shabalkin, A. (2019). Kak proshla «obshchepoleznaya zhizn'» generala Ivasheva [How passed the “socially useful life” of General Ivashev]. *ULPravda*. [Electronic resource]. URL: <https://ulpravda.ru/rubrics/nash-krai/kak-proshla-obshchepoleznaia-zhizn-general-ivasheva> [in Russian]

Sozina, 2011 – Sozina, E.K. (2011). Stepnye plenniki. Literaturnaya universal'niya i ee faktual'naya kontekstnost' v otechestvennoi slovesnosti pervoi treti XIX v. [Steppe captives. Literary universality and its factual contextuality in Russian literature of the first third of the 19th century]. *Kormanovskie chteniya*. Izhevsk. Pp. 35-46. [in Russian]

Stromov, 2024 – Stromov, P.A. (2024). Forposty Orenburgskoi pograničnoi linii [Outposts of the Orenburg borderline]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2(50): 272-291. [in Russian]

Zapiski..., 1983 – Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P.I. Demezona i I.V. Vitkevicha) [Notes about the Khanate of Bukhara (The reports of P.I. Demezons and I.V. Vitkevich)]. Moscow, 1983. 149 p. [in Russian]

Zefirov, 2012 – Zefirov, V. (2012). Kirgizskij plennik, ili Vzgl'yad na liniyu za 22 goda [Kyrgyz captive, or a look at the border over 22 years]. *Belskie prostory*. 11. [in Russian]

Защита жителей оренбургского пограничья Российской империи от захвата в рабство в 1801–1831 гг. Часть II

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу того, насколько система защиты оренбургского пограничья Российской империи в 1801–1831 гг. обеспечивала безопасность местных жителей от набегов степных кочевников, и насколько эффективно местные чиновники организовывали спасение уже захваченных в рабство российских подданных. Исследование основано на материалах Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО), прежде преимущественно не публиковавшихся. Автор, во-первых, анализирует общую динамику числа захваченных в рабство в это время, числа погибших в ходе набегов, направленных на захват рабов, и числа освобожденных из рабства. Во-вторых, подробно разбираются хорошо задокументированные частные случаи, позволяющие понять реальные практики местных чиновников и офицеров.

Во второй части статьи показано, что к спасению из плена конкретных людей чиновники оренбургского пограничья обычно относились достаточно формально, после первых неудач предпринимая активные действия только по просьбам родственников. Исключение составляли рабы, имевшие до захвата высокий статус (офицеры) или имевшие влиятельных покровителей. В их случаях набор принимаемых для спасения мер был значительно шире. Однако большинство рабов либо спасалось самостоятельно, либо их спасали из рабства кочевники, получавшие за это вознаграждение от российских властей. Именно создание системы вознаграждений для людей, спасавших рабов из Центральной Азии, представляется направлением действий оренбургских властей, вызывающим наименьшую критику.

Ключевые слова: рабство, рабовладение, Центральная Азия, оренбургская линия, Г.С. Волконский, П.К. Эссен, Ж. Тленшиулы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatto@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 678-688
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.678

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Kabardian Society in the 19th – early 20th centuries: Challenges of Adapting to Urbanized Space

Osman A. Zhansitov ^a, Yulia V. Bunkova ^{a, *}

^a Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), Russian Federation

^b Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

Abstract

The article explores the processes of urbanization in Kabarda within the context of Russian military colonization and the incorporation of the region into the imperial administrative, legal, and cultural space. Particular attention is paid to the challenges faced by the indigenous population in adapting to the urbanizing environment of the Russian fortress/settlement of Nalchik.

The study examines competing scenarios for the integration of the Kabardians through their involvement in urban culture – ranging from the formation of ethnic Highlander quarters within the Russian urban environment to the establishment of a fully-fledged “Kabardian” town in the vicinity of the Nalchik fortress. It is emphasized that under wartime conditions and the strategic imperative of colonizing a new imperial frontier, the Russian authorities prioritized the development of Nalchik as a distinctly Russian ethnic location. As a result, the Kabardians’ interaction with Nalchik—which had become the administrative center of Kabarda – was limited and regulated by military command, and therefore remained minimal. Representatives of the loyal Highland elite visited the settlement only briefly for official duties, and annual People's Assemblies were held there.

After the transformation of the Nalchik fortress into a settlement in 1862, the Russian authorities supported its development as an economic, cultural, and educational center for the indigenous population. Nevertheless, this did not lead to the formation of a permanent Kabardian community in Nalchik. The article identifies the key factors that hindered this process. It is noted that ethnocultural differences between the Russian population and the Highlanders, along with the collective memory of a traumatic past, made harmonious coexistence within the settlement problematic at this stage. The Kabardians’ rural settlement patterns and agrarian economic practices acted as additional barriers to their adaptation in an unfamiliar urban environment.

Keywords: Nalchik fortress, Russian settlement, Kabardians, urbanization, ethno-cultural transformations, urban environment.

1. Введение

Эволюционировавший из крепости, заложенной в колонизируемом пространстве Северного Кавказа, русский город постепенно становился объектом притяжения и фактором этнокультурной трансформации коренного населения региона. С одной стороны, этот процесс являлся следствием усилий российских властей, которые, развивая города как административные центры горских народов, способствовали их интеграции в цивилизационное поле империи. С другой стороны, сами

* Corresponding author

E-mail addresses: y.bunkova@inbox.ru (Yu.V. Bunkova)

горцы со временем стали связывать с урбанизированной средой перспективы модернизации общественной, экономической и культурной сфер жизни.

Для выстраивания полноценной картины процесса урбанизации в Северо-Кавказском регионе, помимо указанных выше аспектов, будет уместным затронуть проблему, связанную со сложностью освоения и адаптации горцев в пространстве города. В этой связи, во-первых, следует рассмотреть ограничительные меры, предпринимаемые российской администрацией в условиях ситуации «фронтара». Не так давно «замыренное» или же всё ещё находящееся в процессе «замырения» горское население, пребывая в пространстве города, могло представлять угрозу безопасности его обитателям. Соответственно, это пребывание строго регламентировалось и дозировалось. Во-вторых, стоит обратить внимание на непохожесть культур, менталитета, бытового уклада, языка, религии горцев и русских колонистов, что в первое время делало их тесное соседство проблематичным. Неслучайно некоторые северокавказские города складывались из чётко очерченных этнических кварталов. И, наконец, в-третьих, посмотреть на проблему глазами самих горцев, которые не могли в одночасье поменять сложившийся за сотни лет хозяйственный уклад и привычный образ жизни «на лоне природы» на урбанизированную и к тому же инокультурную среду. Исследование затронутой проблематики также актуально в контексте формирования гармоничной, толерантной модели сосуществования в пространстве полиэтнического северокавказского города.

2. Материалы и методы

При подготовке настоящей статьи были задействованы три группы источников. Это, прежде всего, документальные материалы из фондов региональных архивов: Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (Нальчик, Российская Федерация) (Ф. и-2 - Управление Кабардинского округа, Ф. и-35 - Нальчикское слободское правление, Ф. 23 - Кабардинский временный суд); Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (Нальчик, Российская Федерация) (Комиссия по собиранию и изучению материалов истории коммунистической партии...); Управление Центрального государственного архива Республики Северная Осетия - Алания (Владикавказ, Российская Федерация) (Ф. 11 - Терское областное правление). Служебная переписка между различными ведомствами кавказской администрации, затрагивающая вопросы регламентации порядка пребывания «туземного» населения в урбанизированном пространстве региона, представлена также в изданных тематических собраниях документов ([Административно-территориальные..., 2000](#); [Из документальной истории..., 2000](#); [Пятигорск, 1985](#); [Территория..., 1992](#)).

Большой информативностью относительно затронутой проблематики отличается периодическая печать. Авторы популярных местных изданий того времени - газет «Терское эхо», «Казбек», «Терские ведомости» и др. - в своих корреспонденциях описали быт и нравы горожан, примечательные события в жизни Нальчикской слободы, а также составили этнографические зарисовки, отразившие специфику контактов горцев с городской средой.

Не менее ценным источником выступают свидетельства современников рассматриваемой эпохи, зафиксированные в очерках, письмах и краеведческих исследованиях ([Далгат, 1991](#); [Коста, 2009](#); [Охрименко, 1989](#); [Прозрителев, 2011](#)) и позволяющие прочувствовать повседневность и атмосферу урбанизированной среды. Заслуживающим внимания представляется и тот факт, что эти свидетельства дают возможность увидеть осваивающее город коренное население глазами русского обывателя. Его взгляд на «экзотическую» кавказскую действительность, с некоторым оттенком ориентализма, как нельзя лучше подчёркивает специфику этнокультурного взаимодействия в пространстве северокавказского города.

Проблемы адаптации кабардинцев в этнокультурном пространстве русского города целесообразно исследовать с привлечением инструментария «Новой локальной истории». Одним из важных элементов этого концепта выступает изучение процессов изменения форм, структур и функций конкретного локального пространства ([Маловичко, Булыгина, 2003: 6-22](#)). Такие процессы, в частности, характеризуют эволюцию Нальчикской крепости. Её воздействие на окружающий этнокультурный субстрат будет уместным рассматривать сквозь призму ситуационного подхода, особенностью которого является категория «ситуации» и такая её характеристика как личностная составляющая (детерминированность сознанием) ([Плотников, 2017: 81-92](#)). «Ситуацией» для горца становится складывающаяся в его «девственном» сельском ландшафте урбанизированная среда. Новая реальность «пропускается» им через собственное сознание и формирует опыт выстраивания различных моделей взаимодействия с последней.

3. Обсуждение

Вопросы взаимодействия традиционного мира северокавказских народов с урбанизированным пространством русского города получили отражение в отечественной историографии. З.В. Канукова и Э.Ш. Гутиева, исследовавшие жизнь городов Терской области пореформенного периода, сфокусировали внимание на трансформации традиционной материальной и духовной культуры коренного населения в процессе освоения урбанизированной среды. Утрата отдельных черт этой

культуры в то же время компенсировалась её встраиванием в общероссийский (европейский) контекст. Это способствовало активации инновационного потенциала традиционной культуры, её сохранению и популяризации посредством предлагаемых городской средой механизмов: национальные театры и учебные заведения, книгоиздательство на родном языке и т. д. (Канукова, Гутиева, 2013).

Исследованию города как ключевого фактора процессов модернизации северокавказского социума посвящена работа Ю.Ю. Клычникова и С.С. Лазаряна, которые рассматривают освоение Российской империей Северного Кавказа как глобальный модернизационный проект, призванный обеспечить полноценную интеграцию региона с формированием здесь общероссийских социально-политических, экономических и культурных институтов. По мнению авторов, наиболее эффективным средством этой интеграции являлась урбанизация как базовый элемент становления модерности (Клычников, Лазарян, 2014: 21-33).

В монографии Б.В. Туаевой отражены модернизационные преобразования общественной и культурной жизни населения региона в контексте изучения формирующихся в урбанизированном пространстве городских сословий и цеховых объединений (Туаева, 2013).

Этнокультурные трансформации непосредственно в кабардинском социуме, связанные с влиянием города, рассмотрены Д.Н. Прасоловым, выявившим каналы взаимодействия с городской средой и механизмы восприятия социокультурных инноваций коренным населением Нальчикского округа (Прасолов, 2014: 34-46), и Р.Н. Дзаговым, проанализировавшим роль слободы Нальчик в налаживании межэтнических коммуникаций на фоне развития торгово-хозяйственных отношений (Дзагов, 2014: 81-92).

4. Результаты

Формирование урбанистической среды и проекты интеграции кабардинцев

Одной из важных функциональных характеристик города является его статус административного, экономического и культурного центра. В этой связи можно сказать, что процесс урбанизации для кабардинцев начался ещё задолго до появления на их этнической территории города, поскольку функции такого центра выполняла русская крепость.

Проекты интеграции кабардинцев путём приобщения их к городу предлагались военным командованием ещё до окончательного покорения Кабарды. Генерал П. Цицианов в 1804 г. высказал идею об открытии в близлежащих к ней городах (Екатеринограде и Георгиевске) школ для отпрысков местной аристократии, а также строительстве мечетей и налаживании беспопытной торговли с горцами (Из документальной истории..., 2000: 116).

В 1808 г. генерал И. Дельпоццо пошёл ещё дальше и предложил организовать кабардинцев вокруг административного центра, непосредственно в самой Кабарде, приставом которой он был назначен. Таким центром могла стать крепость на реке Чегем. Здесь планировалось поместить канцелярию самого И. Дельпоццо, учредить Главный Кабардинский суд в составе председателя – российского военного начальника и назначенных им представителей горских высших сословий. Особое внимание отводилось форштадту при крепости, который могли бы населять по своему желанию кабардинцы и где бы устраивалась еженедельная ярмарка (Русские авторы..., 2001: 31).

Вполне прагматичный замысел И. Дельпоццо, однако, наталкивался на определённые препятствия, а именно: нежелание кабардинцев обустраиваться под непосредственным контролем российской администрации, опасаясь посягательства со стороны последней на трансформацию их социокультурной сферы. В одном из донесений вышестоящему начальству генерал сетовал, что кабардинские князья, «коим Россия старалась дать все средства, что бы они могли пользоваться и сносить лучшую жизнь», не ценят прилагаемых усилий, и приводил в пример князя А. Хамурзина, который имел чин в царской армии, «служил в войне против турок, пожалован бриллиантовой медалью и был послан жить в Екатеринослав», но в итоге «оставил все русское и принял свои кабардинские обычаи», поскольку «русский образ жизни имеет перед их глазами противное» (Русские авторы..., 2001: 17).

В 1816 г. командующим русской армией на Кавказе был назначен генерал А.П. Ермолов. Он предпринял энергичные усилия по «замирению» региона, закладывая крепости в глубине горских территорий (Дадаев, 2017: 125). В 1818 г. было возведено Нальчикское укрепление с форштадтом, которое одновременно стало административным центром Кавказской линии и Кабарды, что знаменовало окончательную утрату остатков её суверенитета. Пытаясь прочно привязать кабардинцев к этому центру, Ермолов открыл здесь работу Временного Кабардинского суда. Его составляли двенадцать членов (четыре от княжеского сословия, трое от дворян, двое от «простого народа», один эфенди, секретарь и русский чиновник). Суд занимался разбором дел горцев, за исключением уголовных, которые были подведомственны военным властям (Административно-территориальные..., 2000: 15). Непосредственное управление Кабардой находилось в руках начальника Центра Кавказской линии. В 1826 г. Ермолов постановил проводить народные собрания кабардинцев (Хасэ) непосредственно под стенами Нальчикской крепости (УЦГА АС КБР. Ф. 23. Оп. 1. Д. 48. Т. 1. Л. 24).

Важным шагом на пути интеграции кабардинцев в российское культурное пространство стало открытие в крепости Нальчик светской аманатской школы для детей местных князей и дворян. Их обучение и, соответственно, нахождение в Нальчике, преследовало ещё одну цель, а именно обеспечивало лояльность влиятельных родителей.

Можно сказать, что в первое время освоение Нальчика представителями кабардинского социума носило «принудительный» характер. Сама крепость постепенно начинает приобретать урбанистические черты. Здесь строятся административные и жилые здания, возводится церковь.

Однако канцелярия Ермолова и последующие военные начальники, в отличие от Дельпоццо, допускавшего для горцев возможность поселяться в пространстве крепости, не предполагали стационарного и сколько-нибудь масштабного освоения Нальчика коренным населением. Нальчик воспринимался ими скорее как центр контроля и управления новыми российскими подданными, и, к тому же, его фортификационная инфраструктура служила защитой гарнизона и административных служащих (Тхамокова, 2000: 75). Кабардинцы – члены Временного суда, проживали здесь лишь во время его заседаний, имея при этом постоянное место жительство в своих аулах. В схожем положении «гостей» Нальчика оказывались и учащиеся аманатской школы, которые по замыслу властей после окончания обучения должны были поменять «свои первоначальные представления и, постепенно отказываясь от своей неприязни к русским», возвратиться «к домашним очагам более образованными, более развитыми и приобщенными к европейским нравам» (Пеннер и др., 1993: 15).

Не получил в этой связи поддержку властей и подготовленный в 1829 г. проект полковника русской армии, выходца из кабардинской аристократии Ф.А. Бековича-Черакского, предусматривающий строительство на базе Нальчикского укрепления города, населяемого его соплеменниками (Айларова, 2000: 104). При этом город должен был поразить их своей роскошью и благами цивилизации, а государственная поддержка (субсидии и временное освобождение от податей) – помочь обустроиться и освоить «городские» профессии. Проект также предполагал строительство здесь мечети и учреждение духовного суда, разбирающего дела на основе шариатского права. Эти меры, по мнению Бековича-Черакского, способствовали бы скорейшему преображению кабардинцев с их «буйным нравом» в благонадежных подданных русского самодержца.

Российская власть выбирает модель развития Нальчика как русской административной, военной и этнической локации на территории Кабарды. То есть здесь, в пространстве Нальчикского укрепления, помимо сосредоточения собственно военного гарнизона и органов управления, должен был начаться процесс гражданского «мирного» освоения (колонизации) новой имперской окраины. Данная модель на Северном Кавказе была апробирована ещё в правление Екатерины Великой, о чём писал Г. Прозрителев. Он, в частности, отмечал, что, несмотря на военные успехи в покорении региона, прочно закрепиться на занятых территориях можно было только путём «водворения» здесь мирного населения, хозяйственное обустройство которого обеспечивало бы продовольствие войск» (Прозрителев, 2011: 399).

Первыми «мирными» поселенцами Нальчика стали действовавшие и вышедшие на пенсию офицеры и солдаты крепостного гарнизона. В 1837 г. правительство основало при крепости военное поселение, для хозяйственных нужд которого были отторгнуты земли близлежащих кабардинских аулов. Новые поселенцы снабжались сельхоз инвентарем, строительными материалами и после обустройства получили возможность переселить на Кавказ свои семьи.

Впоследствии процесс освоения Нальчика ускорился и сопровождался переселением из центральных губерний России подданных различной этнической и конфессиональной принадлежности. К началу 1860-х гг. здесь уже сложились этнические кварталы колонистов, самым многочисленным из которых был русский: Еврейская колония, Александровское поселение (составленное из переселённых в 1858 г. из-под Саратова немцев), «Мужичий хутор» Астраханка и др.

Условий же для образования стационарного кабардинского анклава в Нальчике, как было отмечено выше, не сложилось. Более того, порядок нахождения квартировавших здесь в качестве членов Временного суда князей и дворян был строго регламентирован. К примеру, после указа командующего Центром Кавказской линии В.С. Голицына (декабрь 1845 г.) им запрещалось под любым предлогом оставлять у себя на ночь «посторонних кабардинцев» (Бейтуганов, 2007: 496). В качестве исключения дозволялось держать на своих квартирах прислугу, но без оружия. То есть, по сути, административное давление делало невозможным функционирование в пространстве Нальчика одного из ключевых общественных институтов кабардинцев – гостеприимства, нормы которого с особым рвением исполнялись именно в аристократической среде.

Конечно, подобные распоряжения ограничивали возможности освоения Нальчика коренным населением. Особенно проблематичным это представлялось для жителей дальних аулов, являвшихся сюда по служебным или иным бюрократическим вопросам, которые, не рассчитывая на ночлег и отдых, вынуждены были отправляться в долгий обратный путь.

Приобретавшая остроту на фоне интенсифицировавшихся контактов кабардинцев с Нальчиком, эта очевидная логистическая проблема была отчасти сглажена благодаря основанному (1825 г.) в его предместьях Вольному аулу. Это поселение составили бежавшие от своих владельцев кабардинские крестьяне, которые нашли защиту под стенами Нальчикского укрепления. Со временем

аул разросся, военное начальство построило здесь мечеть и передало в собственность его жителям изъятый у непокорных князей и дворян скот. Расположившийся в «шаговой доступности» от Нальчика Вольный аул стал для кабардинцев своего рода перевалочным пунктом при взаимодействии с административным центром (Жанситов, 2016: 40). В рапорте полковника Петрусевича командующему войсками на Кавказской линии (28 августа 1846 г.) отчётливо подчёркивается коммуникативная функция этого аула, который «весьма нужен для всех кабардинцев, приезжающих в Нальчик или по делам службы, или по своим надобностям, которым он служил всегдашним пристанищем для квартирования» (Территория..., 1992: 63).

Таким образом, наличие Вольного аула по соседству с Нальчиком снимало для его обывателей – русских колонистов – проблему необходимости тесного и перманентного соприкосновения с ментально и культурно непохожим и, в недалеком прошлом, враждебным коренным населением. Неслучайно генерал Голицын запрещал служащим в Нальчике кабардинцам оставлять у себя на ночевку гостей-соплеменников, а также не позволял их прислуге иметь при себе оружие.

Исходя из подобных соображений, российская военная администрация регламентировала контакты кабардинцев не только с Нальчиком, но и с граничащим с их этнической территорией урбанизированным пространством. Это касалось в первую очередь курортных городков Кисловодска, Железноводска и Пятигорска, которые благодаря своим минеральным источникам пользовались популярностью не только у местного населения, но и стали привлекать жителей из центральных губерний России. Последние, будучи непривычными к кавказским реалиям, с большой настороженностью посещали эти места, соседствующие с «воинственными горами».

Данное обстоятельство вынудило местную администрацию запретить кабардинцам и другим горцам посещать целебные воды в период сезонного наплыва русских курортников. Однако, видя потребность коренного населения в минеральных источниках, городские власти в июле 1827 г. предложили военному начальству обустроить для «туземцев» в этих целях отдельные площадки (Пятигорск, 1985: 89, 90), то есть организовать в пространстве города этнически сегрегированные зоны.

Заботясь о комфорте и безопасности жителей и гостей курортных городков, российская администрация выпустила ещё ряд распоряжений ограничительного характера. В августе 1858 г. управление Кисловодской кордонной линии предписало кабардинцам, направляющимся на целебные источники, получать разрешительные документы у военного начальства, а также сдавать оружие на кордонных постах (УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 2. Л. 9). Последняя мера оказалась наиболее чувствительной для горцев и противоречащей их традиционной военной культуре, в постулатах которой потеря оружия, а тем более добровольная сдача, серьёзно роняла достоинство его владельца. К тому же наличие оружия в то беспокойное время имело и чисто практический смысл.

Слобода Нальчик как административный, хозяйственный и культурный центр

В 1862 г. Нальчикское укрепление вместе с окружающими его поселениями колонистов преобразуется в слободу. С упразднением в 1871 г. статуса крепости Нальчик из военного ведомства был переведён в гражданское управление. В этих условиях для кабардинцев открываются возможности более активного взаимодействия с Нальчиком, который являлся административным центром образованного в 1860 г. Кабардинского округа (с 1882 г. – Нальчикский округ, объединивший Кабарду и Пять горских (балкарских) обществ) Терской области. Этот процесс, с одной стороны, инициировался российской властью, заинтересованной в ускоренной адаптации коренного населения к имперским гражданским порядкам, с другой – поддерживался кабардинцами, увидевшими в освоении урбанизированного пространства перспективы модернизации социума.

В это время Нальчик, несмотря на статус слободы, имел, особенно на фоне окружающего сельского ландшафта, выраженные урбанистические черты. Здесь уже сформировалась уличная планировка, сооружались двухэтажные кирпичные здания, открывались гостиницы, магазины, трактиры, типография и т. д.

Параллельно в пространстве Нальчикской слободы развивалась и «кабардинская инфраструктура». Расширил свою компетенцию организованный на базе Временного суда Горский словесный суд. Публицистика тех лет отмечает популярность этого учреждения у «туземцев». Описывая Нальчик, М. Ковалевский заключал, что «для юридического быта окружающего местного населения эта слобода имеет особое значение, как местопребывания горского словесного суда. Немалый процент шатающихся по улицам и площади горцев является сюда по тяжёлым делам и проживает здесь по неделям» (Пеннер и др., 1993: 30).

Учащающиеся контакты кабардинцев с Нальчиком также были связаны с развитием системы образования (Гаунова, 2023: 110). В 1858 г., по инициативе кабардинских общественных деятелей, здесь была открыта Горская школа (Кумыков, 2002: 350), преобразованная в 1909 г. в Реальное училище, для которого позднее было построено отдельное капитальное здание, приспособленное также для проведения ежегодных Народных съездов. Это учебное заведение по перечню предметов, качеству предоставляемых услуг и количеству слушателей заметно превосходило прежнюю Аманатскую школу. С 1886 г. в Нальчике устраивались длившиеся в течение трёх месяцев курсы для подготовки сельских учителей (Пеннер и др., 1993: 23).

Ещё одной «кабардинской локацией» в Нальчике стала поликлиника со стационарным отделением, где вели приём командированные из центральных губерний России терапевты. Местное население оценило действенность современной медицины и регулярно посещало слободу, чтобы поправить здоровье ([Терские ведомости, 1886: 3](#)).

Важно отметить, что население Кабарды напрямую участвовало в обустройстве упомянутых выше учреждений, средства на организацию и развитие которых направлялись из «Кабардинской общественной суммы» – своего рода народной кассы.

Заметно возрастает притягательность Нальчикской слободы как торгового и культурного центра. Здесь устраиваются большие еженедельные базары, проходят гастролы театральные трупп, проводят концерты эстрадные коллективы и т. д. Часто кабардинцы совмещали деловые поездки в слободу с посещением всевозможных лавок и магазинов. Известный кавказовед, общественный и политический деятель Б.К. Далгат, будучи проездом в Нальчике, зафиксировал курьёзный случай: прибывшая сюда по судебным тяжбам большая группа кабардинцев, «пользуясь случаем», скупила в местных лавках все галоши, после чего товарищу Далгата не удалось приобрести ни одной пары ([Далгат, 1991: 147](#)).

Проблема стационарного освоения урбанизированного пространства

Взросшее взаимодействие с Нальчиком, однако, существенно не сказалось на темпах роста стационарного освоения кабардинцами пространства слободы. К концу XIX в. они составляли всего 1, 2 % от общей численности населения Нальчика, которое к этому времени достигло 5000 человек ([Прасолов, 2014: 40](#)).

Рассмотрим причины, препятствовавшие закреплению коренного населения в урбанизированной среде, в условиях, когда последняя уже исчерпала свой военный, фортификационный функционал и стала более открытой для горцев.

Во-первых, Нальчик в дореволюционный период, в отличие от некоторых городов Терской области, к примеру, Грозного, не развивался как промышленный центр. Соответственно, он не мог стать для кабардинцев направлением трудовой миграции. Проникновение в горскую деревню «капиталистических отношений», рост обезземеливания крестьян вынуждали последних заниматься отходничеством, то есть покидать родные места в поисках заработка. Нальчик с его небольшими кустарными предприятиями не мог предложить или заинтересовать их ограниченным списком вакансий. К тому же ряд востребованных здесь ремёсел (каменщики, токари, слесари, печники) был не знаком горцам. В этой ситуации высвобождавшиеся из традиционной системы хозяйствования кабардинцы, владевшие ремеслом шорника, оружейника, конюха и т. д. находили применение своим навыкам за пределами Кабарды и даже Терской области. Реализация же себя в относительно развитой для Нальчикской слободы сфере услуг противоречила господствовавшим в социуме традиционным представлениям о допустимых границах приложения труда. Дореволюционный осетинский учёный и общественный деятель Коста в своей работе «Переходное состояние горцев Северного Кавказа» (1896 г.) писал, что «никому еще не приходилось видеть кабардинца в роли трактирного служителя, полового, мальчика в галантерейной лавке и в подобных с этими ситуациях» ([Коста, 2009: 454](#)).

Во-вторых, в процессе социально-экономического развития Нальчикского округа российские власти не проявляли инициатив по реализации программ целевого освоения коренным населением урбанизированного пространства региона, подобно, допустим, той, что предлагал Бекович-Черкасский. Урбанизация кабардинцев в этой ситуации имела опосредованный характер, то есть проходила не через укоренение в городской среде, но посредством периодического взаимодействия с ней в административных, образовательных и хозяйственных сферах. В логике такой модели, способствующей, с одной стороны, интеграции кабардинцев в имперское правовое, социально-экономическое и культурное поле, а с другой – не предусматривающей необходимости их стационарного закрепления в Нальчикской слободе, следует рассматривать не увенчавшиеся успехом попытки духовенства Нальчикского округа организовать в его административном центре строительство мечети. Последняя, помимо практической пользы как место отправления религиозных обрядов, важна была для кабардинцев как этнокультурный маркер в урбанизированном пространстве. Соответственно, отсутствие мечети создавало определённые препятствия для освоения кабардинцами Нальчика в качестве постоянного места жительства.

В-третьих, поскольку процесс культурно-бытовой гомогенизации русского и горского населения Нальчикского округа находился на начальной стадии, их совместное существование в данном случае в урбанизированном пространстве представлялось проблематичным. Не случайно в этой связи в рапорте Канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе (20 марта 1884 г.) указывается на обеспокоенность жителей Нальчика по поводу того, что слобода, расположенная в центре Кабарды, находится на большом отдалении от ближайших русских населённых пунктов и окружена исключительно «туземцами», которые ещё до конца не приспособились к мирной гражданской жизни и которых предстоит ещё «более сблизить с русским бытом» ([УЦГА АС КБР. Ф. И-35. Оп. 1. Д. 1. Л. 206](#)).

Родившийся в 1869 г. в Нальчике, собиратель фольклора Е. Баранов в одном из своих очерков описывал трудности в выстраивании гармоничных отношений русских слобожан с кабардинцами, обусловленные памятью о событиях травматичного прошлого (Кавказская война), а также религиозными и культурными различиями (Тютюнина, 2014: 152).

Религиозный фактор, препятствовавший тесному сближению этих этносов в урбанизированном пространстве, наглядно отражён на примере семьи Охрименко, проживавшей в начале двадцатого столетия в Нальчике. Глава семьи, подрабатывавший на частных стройках в кабардинских селениях, подвергался нападкам жены за то, что «снюхался с бусурманами». При этом сам он, заходя во двор своих клиентов, должен был вымыть руки, протереть сапоги, чтобы, «не дай бог, не занести в дом грязи от свиньи» – запретного для мусульман животного (Охрименко, 1989: 6).

Д.Н. Прасолов, комментируя заметку (1893 г.) К. Хетагурова о шокирующих публику «бешенных скачках», устраиваемых молодыми кабардинцами на улицах Нальчика, отмечает, что «подобные способы репрезентации своей идентичности противоречили как слободским, так и традиционным горским правилам приличия, очевидно, создавая у слободчан отталкивающие образы кабардинцев». Это, в свою очередь, препятствовало межэтническим интеграционным процессам в пространстве окружного центра (Прасолов, 2016: 57).

Наблюдения К. Хетагурова перекликаются со свидетельствами его современника К. Чхеидзе о том, что «местом разложения кабардинской молодежи являются города минераловодской группы (Пятигорск, Кисловодск, Георгиевск – О.А. Жанситов, Ю.В. Бунькова) и курорты» (Чхеидзе, 2008: 85), и обращают внимание ещё на один аспект взаимодействия коренного населения с городской средой. Город с его инфраструктурой развлечений, не доступной в сельской местности, притягивает отдельные группы горцев как место проведения досуга, которое, в силу его удалённости от традиционной социокультурной среды, позволяет отступать от разделяемых ею поведенческих практик. Периодически в поле общественного внимания оказываются нелицеприятные инциденты, связанные с пребыванием кабардинцев в Нальчике. Один из наиболее резонансных произошёл в июле 1913 г. во время проведения в слободском клубе маскарадного вечера. Часть его участников, среди которых были замечены и несколько жителей из кабардинских селений, в компании «слободских девок предосудительного поведения» устроили «кутеж», продолжавшийся до рассвета (УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 27. Л. 9).

В этой ситуации консервативная и подавляюще доминирующая часть кабардинского социума начинает ощущать признаки деструктивного воздействия урбанизированной среды на нравственный климат и «традиционные ценности», что служит сдерживающим фактором её стационарного освоения. Не случайно в октябре 1909 г. представители кабардинской интеллигенции направили наместнику на Кавказе И. Воронцову-Дашкову ходатайство об открытии при Нальчикском реальном училище пансиона (общежития). Своё прошение они мотивировали тем, что родители учеников опасаются устраивать их на частных квартирах, поскольку «бытовая сторона жизни слободчан... не совсем благоприятна в воспитательном отношении, ибо в Нальчике живет, главным образом простой народ, а интеллигентных русских семейств очень мало...» (УЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 13. Д. 795. Л. 48).

5. Заключение

Процессы урбанизации в кабардинском обществе начались в условиях российской военной колонизации Северо-Кавказского региона. Это обстоятельство в то же время выступало и сдерживающим фактором. Контакты коренного населения с урбанизирующимся пространством Нальчикского укрепления, развивавшегося как русская этническая локация в новой имперской окраине и ставшего административным центром Кабарды, были незначительны и регламентировались военным командованием. Также действовал особый режим пропуска кабардинцев в расположенные на периферии их этнической территории русские города.

После отмены ограничений военного времени и возведения крепости Нальчик в статус слободы взаимодействие с ней вступило в более активную фазу, что, однако, не привело к образованию здесь сколько-нибудь заметной стационарной кабардинской общины. Причины этого заключались, во-первых, в проблематичности сосуществования в границах слободы, разделённых этнокультурными барьерами и конфликтом идентичностей сообществ, во-вторых, в неготовности аграрного кабардинского социума к «мгновенному», гармоничному встраиванию в урбанистическую модель бытия.

В Нальчике к началу XX в. укоренилось незначительное число кабардинцев. Это были, по большей части, представители привилегированных сословий, кооптирующиеся российской властью в административные и военные структуры, владевшие русским языком, образованные и, соответственно, не испытывавшие особых трудностей интеграции в инокультурном пространстве слободы.

Литература

Административно-территориальные..., 2000 – Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность: сборник документов. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2000. 730 с.

- Айларова, 2009 – Айларова С.А. Об одном урбанистическом проекте Ф.А. Бековича-Черкасского // *Известия СОИГСИ*. 2009. Вып. 3 (42). С. 99-106.
- Бейтуганов, 2007 – Бейтуганов С.Л. Кабарда: история и фамилии. Нальчик: Эльбрус, 2007. 785 с.
- Гаунова, 2023 – Гаунова Л.Р. Слобода Нальчик как образовательный центр Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. / *Северокавказский город как пространство социально-экономического развития и межкультурного диалога (к 300-летию г. Нальчика): материалы Международной научно-практической конференции (Нальчик, 28–30 сентября 2023 г.): в 2 частях* / отв. ред. В.М. Грусман. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2023. Ч. 1. 270 с.
- Дадаев, 2017 – Дадаев Ю.У. Роль Российской империи в возникновении и развитии городов Северного Кавказа / *Роль северокавказских городов в социально-экономическом и историко-культурном развитии Кавказа. Сборник материалов Всероссийского историко-этнографического форума, посвященного 200-летию основания г. Грозного*. Грозный: Изд-во АН ЧР, 2017. 313 с.
- Далгат, 1991 – Далгат Б.К. Слобода Нальчик (Отрывок из дневника туриста) // *Живая старина (Журнал по проблемам краеведения КБАССР)*. 1991. № 1. С. 146-150.
- Дзагов, 2014 – Дзагов Р.Н. Традиции хозяйственно-экономического взаимодействия полиэтничного населения Нальчика / *Город в этнокультурном пространстве народов Северного Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. 234 с.
- Жанситов, 2016 – Жанситов О.А. Эволюция Нальчикского укрепления: опыт освоения колонизированного пространства // *Вестник ИГИ КБНЦ РАН*. 2016. № 4 (31). С. 38-44.
- Из документальной истории..., 2000 – Из документальной истории кабардино-русских отношений (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Сост. Х.М. Думанов. Нальчик: Эльбрус, 2000. 480 с.
- Канукова, Гутиева, 2013 – Канукова З.В., Гутиева Э.Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации // *Известия СОИГСИ*. 2013. № 10 (49). С. 71-82.
- Клычников, Лазарян, 2014 – Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Города как пространство социокультурной адаптации автохтонного населения Северного Кавказа в процессе осуществления российского модернизационного проекта / *Город в этнокультурном пространстве народов Северного Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. 234 с.
- Коста, 2009 – Коста. Произведения. Владикавказ: Ир, 2009. 622 с.
- Кумыков, 2002 – Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. Нальчик: Эльбрус, 2002. 446 с.
- Маловичко, Булыгина, 2003 – Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // *Новая локальная история*. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. 262 с.
- Охрименко, 1989 – Охрименко А.М. Юность моего поколения. Нальчик: Эльбрус, 1989. 92 с.
- Пеннер, 1993 – Пеннер В.Я., Пеннер Н.Я. Нальчик глазами современников. Нальчик: Эль-Фа, 1993. 142 с.
- Плотников, 2017 – Плотников А.С. Ситуационный подход и методология социально-гуманитарного познания // *Ценности и смыслы*. 2017. № 1 (47). С. 100-111.
- Прасолов, 2014 – Прасолов Д.Н. Город как фактор этнокультурных трансформаций в традиционном кабардинском обществе / *Город в этнокультурном пространстве народов Северного Кавказа. Материалы X Конгресса этнографов и антропологов России*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2014. 234 с.
- Прасолов, 2016 – Прасолов Д.Н. Нальчик и кабардинское общество в XIX – начале XX в. // *Уральский исторический вестник*. 2016. № 3 (52). С. 52–61.
- Прозрителев, 2011 – Прозрителев Г.Н. Первые русские поселения на Северном Кавказе // *Опальные: Русские писатели открывают Кавказ*. Антология в 3 т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. Т. 3. 1104 с.
- Пятигорск, 1985 – Пятигорск в исторических документах. 1803-1917. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1985. 352 с.
- Русские авторы, 2001 – Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Сост. Х. М. Думанов. Нальчик: Эль-Фа, 2001. Т. 1. 323 с.
- Терские ведомости, 1886 – *Терские ведомости* (газета). 1886. № 2. С. 3.
- Территория..., 1992 – Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков. Нальчик: Издательство Нарт, 1992. 271 с.
- Туаева, 2013 – Туаева Б.В. Город и городские сословия Северного Кавказа в условиях российских преобразования второй половины XIX – начала XX вв. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований Владикавказского научного центра РАН и Правительства РСО-А, 2013. 426 с.
- Тхамокова, 2000 – Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 237 с.

Тютюнина, 2014 – Тютюнина Е.С. Кавказ: Живой отголосок прошлого. Жизнь и творчество писателя Евгения Баранова. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014. 441 с.

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

УЦГА РСО-А – Управление Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания.

Чхеидзе, 2008 – Чхеидзе К.А. Генерал Заур-бек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде / сост., предисл. и коммент. О. А. Жанситов. Нальчик: Издательство КБИГИ, 2008. 119 с.

References

Administrativno-territorial'nye..., 2000 – Administrativno-territorial'nye preobrazovaniia v Kabardino-Balkarii. Istoriia i sovremennost': sbornik dokumentov [Administrative-territorial transformations in Kabardino-Balkaria. History and modernity: collection of documents]. Nalchik: El-Fa Publishing Center, 2000. 730 p. [in Russian]

Ailarova, 2009 – Ailarova, S.A. (2009). Ob odnom urbanisticheskom proekte F.A. Bekovicha-Cherkasskogo [On one urban project of F.A. Bekovich-Cherkassky]. *Izvestiia SOIGSI*. 3(42): 99-106. [in Russian]

Beituganov, 2007 – Beituganov, S.L. (2007), Kabarda: istoriia i familii [Kabarda: history and family names]. Nalchik: Elbrus, 785 p. [in Russian]

Chkheidze, 2008 – Chkheidze, K.A. (2008). General Zaur-bek Dautokov-Serebriakov. Grazhdanskaia voina v Kabarde [General Zaur-Bek Dautokov-Serebriakov. Civil War in Kabarda]. Sost., predisl. i komment. O. A. Zhansitov. Nal'chik: Izdatel'stvo KBIGI, 119 p. [in Russian]

Dadaev, 2017 – Dadaev, Yu.U. (2017). Rol' Rossiiskoi imperii v vzniknovenii i razvitii gorodov Severnogo Kavkaza [The Role of the Russian Empire in the emergence and development of cities in the North Caucasus]. *Rol' severokavkazskikh gorodov v sotsial'no-ekonomicheskom i istoriko-kul'turnom razvitii Kavkaza. Sbornik materialov Vserossiiskogo istoriko-etnograficheskogo foruma, posvyashchennogo 200-letiiu osnovaniya g. Groznogo*. Grozny: Izd-vo AN ChR, 313 p. [in Russian]

Dalgat, 1991 – Dalgat, B.K. (1991). Sloboda Nal'chik (Otryvok iz dnevnika turista) [Nalchik Settlement (Excerpt from a Tourist's Diary)]. *Zhivaia starina. Zhurnal po problemam kraevedeniia KBA SSR*. 1: 146-150. [in Russian]

Dzagov, 2014 – Dzagov, R.N. (2014). Traditsii khoziaistvenno-ekonomicheskogo vzaimodeistviia polietnichnogo naseleniia Nal'chika [Traditions of Economic Interaction Among the Multiethnic Population of Nalchik]. *Gorod v etnokul'turnom prostranstve narodov Severnogo Kavkaza*. M.: Institut etnologii i antropologii RAN, 234 p. [in Russian]

Gaunova, 2023 – Gaunova, L.R. (2023). Sloboda Nal'chik kak obrazovatel'nyi tsentr Kabardy i Balkarii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Nalchik settlement as an educational center of Kabarda and Balkaria in the second half of the 19th – early 20th Centuries]. *Severokavkazskii gorod kak prostranstvo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia i mezhkul'turnogo dialoga (k 300-letiiu g. Nal'chika): materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Nal'chik, 28–30 sentiabria 2023 g.): v 2 chastyakh*. Otv. red. V.M. Grusman. Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2023. Ch. 1. 270 p. [in Russian]

Iz dokumental'noi..., 2000 – Iz dokumental'noi istorii kabardino-russkikh otnoshenii (vtoraia polovina XVIII – pervaiia polovina XIX vv.). Sost. Kh.M. Dumanov. Nal'chik: El'brus, 2000. 480 p. [in Russian]

Kanukova, Gutieva, 2013 – Kanukova, Z.V., Gutieva, E.Sh. (2013). Gorodskoe prostranstvo Severnogo Kavkaza: traditsionnaia kul'tura v usloviakh urbanizatsii [Urban Space of the North Caucasus: Traditional Culture in the Context of Urbanization]. *Izvestiia SOIGSI*. 10(49): 71-82. [in Russian]

Klychnikov, Lazarian, 2014 – Klychnikov, Yu.Yu., Lazarian, S.S. (2014). Goroda kak prostranstvo sotsiokul'turnoi adaptatsii avtokhtonnoho naseleniia Severnogo Kavkaza v protsesse osushchestvleniia rossiiskogo modernizatsionnogo proekta [Cities as a Space of Sociocultural Adaptation of the Indigenous Population of the North Caucasus during the Russian Modernization Project]. *Gorod v etnokul'turnom prostranstve narodov Severnogo Kavkaza*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 234 p. [in Russian]

Kosta, 2009 – Kosta (2009). Proizvedeniia [Works]. Vladikavkaz: Ir, 622 p. [in Russian]

Kumykov, 2002 – Kumykov, T.Kh. (2002). Obshchestvennaia mysl' i prosveshchenie adygov i balkaro-karachaevtsev v XIX – nachale XX v. [Social thought and enlightenment of the Adyghe and Balkar-Karachai Peoples in the 19th – early 20th centuries]. Nalchik: Elbrus, 446 p. [in Russian]

Malovichko, Bulygina, 2003 – Malovichko, S.I., Bulygina, T.A. (2003). Sovremennaiia istoricheskaia nauka i izuchenie lokal'noi istorii [Modern Historical Science and the Study of Local History]. *Novaia lokal'naia istoriia*. Stavropol: SGU Publishing, 262 p. [in Russian]

- Okhrimenko, 1989 — Okhrimenko, A.M. (1989). Iunost' moego pokoleniia [The youth of my generation]. Nalchik: Elbrus, 92 p. [in Russian]
- Penner, 1993 — Penner, V.Ia., Penner, N.Ia. (1993). Nal'chik glazami sovremennikov [Nalchik Through the Eyes of Contemporaries]. Nalchik: El-Fa, 142 p. [in Russian]
- Piatigorsk..., 1985 — Piatigorsk v istoricheskikh dokumentakh. 1803–1917 [Pyatigorsk in Historical Documents. 1803–1917]. Stavropol': Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 352 p. [in Russian]
- Plotnikov, 2017 — Plotnikov, A.S. (2017). Situatsionnyi podkhod i metodologiiia sotsial'no-gumanitarnogo poznaniia [Situational Approach and Methodology of Socio-Humanitarian Knowledge]. *Tsenosti i smysly*. 1(47): 100–111. [in Russian]
- Prasolov, 2014 — Prasolov, D.N. (2014). Gorod kak faktor etnokul'turnykh transformatsii v traditsionnom kabardinskom obshchestve [The City as a Factor of Ethnocultural Transformations in Traditional Kabardian Society]. *Gorod v etnokul'turnom prostranstve narodov Severnogo Kavkaza. Materialy X Kongressa etnografov i antropologov Rossii*. M.: Institut etnologii i antropologii RAN, 234 p. [in Russian]
- Prasolov, 2016 — Prasolov, D.N. (2016). Nal'chik i kabardinskoe obshchestvo v XIX – nachale XX v. [Nalchik and Kabardian society in the 19th – early 20th centuries]. *Uralskii istoricheskii vestnik*. 3(52): 52–61. [in Russian]
- Prozritelev, 2011 — Prozritelev, G.N. (2011). Pervye russkie poseleniia na Severnom Kavkaze [The First Russian Settlements in the North Caucasus]. Opal'nye: Russkie pisateli otkryvaiut Kavkaz. Antologiiia v 3 t. Stavropol': SGU Press. T. 3. 1104 p. [in Russian]
- Russkie avtory..., 2001 — Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza [Russian Authors of the 19th century on the peoples of Central and Northwestern Caucasus]. Sost. Kh. M. Dumanov. Nal'chik: El'-Fa, 2001. T. 1. 323 p. [in Russian]
- Territoriia..., 1992 — Territoriia i rasselenie kabardintsev i balkartsev v XVIII – nachale XX vekov [Territory and settlement of the Kabardians and Balkars in the 18th – early 20th centuries]. Nalchik: Nart, 1992. 271 p. [in Russian]
- Terskie vedomosti — *Terskie vedomosti* (gazeta). 1886. 2: 3. [in Russian]
- Tiutiunina, 2014 — Tiutiunina, E.S. (2014). Kavkaz: Zhivoi otgolosok proshlogo. Zhizn' i tvorchestvo pisatel'ia Evgeniia Baranova [The Caucasus: A Living echo of the past. Life and work of the writer Evgeny Baranov]. Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (OOO «Poligrafservis i T»). 441 p. [in Russian]
- Tkhamokova, 2000 — Tkhamokova, I.Kh. (2000). Russkoe i ukrainskoe naselenie Kabardino-Balkarii [Russian and Ukrainian population of Kabardino-Balkaria]. Nalchik: El-Fa, 237 p. [in Russian]
- Tuaeva, 2013 — Tuaeva, B.V. (2013). Gorod i gorodskie sosloviia Severnogo Kavkaza v usloviakh rossiiskikh preobrazovaniy vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [City and urban estates of the North Caucasus under Russian reforms of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Vladikavkaz: Severo-Osetinskii institut gumanitarnykh issledovaniy Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra RAN i Pravitel'stva RSO-A, 426 p. [in Russian]
- UTsDNI AS KBR — Upravlenie Tsentra Dokumentatsii Noveishei Istorii Arkhivnoi Sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Center for Documentation of Contemporary History of the Kabardino-Balkarian Republic Archival Service]. [in Russian]
- UTsGA AS KBR — Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Arkhivnoi Sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Central State Archive Administration of the Kabardino-Balkarian Republic Archival Service]. [in Russian]
- UTsGA RSO-A — Upravlenie Tsentral'nogo Gosudarstvennogo Arkhiva Respubliki Severo-Osetiia – Alaniia [Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania]. [in Russian]
- Zhansitov, 2016 — Zhansitov, O.A. (2016). Evoliutsiia Nal'chikskogo ukrepleniia: opyt osvoeniia kolonizirovannogo prostranstva [Evolution of Nalchik fortress: an experience of developing a colonized space]. *Vestnik IGI KBNTS RAN*. 4(31): 38–44. [in Russian]

Кабардинский социум в XIX – начале XX в.: проблемы освоения урбанизированного пространства

Осман Асланович Жанситов ^a, Юлия Владимировна Бунькова ^{a, *}

^a Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук, Нальчик, Российская Федерация

^b Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: y.bunkova@inbox.ru (Ю.В. Бунькова)

Аннотация. В представленной работе исследуются процессы урбанизации в Кабарде в контексте российской военной колонизации и включения региона в имперское административно-правовое и культурное поле. Внимание акцентируется на трудностях освоения коренным населением урбанизирующегося пространства русской крепости/слободы – Нальчика.

Рассматриваются конкурирующие сценарии интеграции кабардинцев посредством приобщения к городской культуре: от формирования этнических горских кварталов в русской урбанизированной среде до основания полноценного «кабардинского» города в окрестностях Нальчикской крепости. Подчёркивается, что в условиях военного времени и необходимости колонизации новой имперской окраины российские власти делают ставку на развитие Нальчикского укрепления как русской этнической локации. В этой ситуации контакты кабардинцев с Нальчиком, ставшим административным центром Кабарды, ограничивались и регламентировались военным командованием и поэтому были незначительными. Здесь с кратковременными служебными визитами находились представители лояльной горской элиты и проводились ежегодные Народные собрания. После преобразования в 1862 г. Нальчикского укрепления в слободу российские власти способствуют её развитию как хозяйственного, культурного и образовательного центра коренного населения. Тем не менее, это не привело к формированию в Нальчике стационарной кабардинской общины. Раскрываются факторы, препятствовавшие этому процессу. Отмечается, что этнокультурные различия русского населения и горцев, а также память о событиях травматичного прошлого на данном этапе делали проблематичным их гармоничное сосуществование в пространстве слободы. Показано, что сельская поселенческая культура и аграрный хозяйственный уклад кабардинцев выступали сдерживающим фактором их адаптации в непривычной урбанистической среде.

Ключевые слова: крепость Нальчик, русская слобода, кабардинцы, урбанизация, этнокультурные трансформации, городская среда.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 689-700
DOI: 10.13187/bg.2025.2.689

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From Watchman to Salesman: Daily Employment and Labor Activity of Military Invalids in 1808–1908 (Using the Example of Western Siberia)

Alexander S. Kovalev ^{a, *}, Nikolai R. Novosel'tsev ^{a, b}, Dmitry V. Rakhinsky ^{a, c, d}, Oleg I. Savin ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Russian Federation

^c Professor V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Russian Federation

^d Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

Abstract

Currently, the realization of the historical experience of social support for military disabled people in Russia is particularly important. The quality of their adaptation to peaceful life depends on the resources and opportunities that society and the state are willing to provide for war invalids. During the imperial period of Russia's history, there was a practice of public charity by creating disabled teams, whose members received pensions, clothing allowances, and housing, but had to continue their service. However, their service activities were connected with the performance of non-military, but civil duties. Members of the disabled teams were involved in various types of work, which determined their daily work. This article, based on archival materials from the State Archive of the Tomsk Region, examines the specifics of the involvement of military invalids in Western Siberia in various spheres of public life in which they worked and received remuneration. An important question raised in the article concerns the nature of employment for military invalids – to what degree it was an integral part of their everyday life and to what extent it aligned with the objectives of professional rehabilitation for this category of the population. Based on the findings of the research, it can be concluded that during the period of the 19th and early 20th centuries, two distinct models of employment for military invalids can be identified. The first model was characterized by the transformation of official activity into socio-professional activity carried out in the urban space. The employment of persons with disabilities was provided and financed based on the needs of the local community. The second model, developed in the early years following the Russian-Japanese War, was closer to the principles of social policy, focusing on the employment of war invalids based on their contributions to society and the state. The rehabilitation aspect was already central to this model. The comparison of the performance of these models allows to judge their effectiveness.

Keywords: military invalids, disabled team, employment, Western Siberia, public charity, everyday life, Russian-Japanese war, labor.

1. Введение

В процессе реабилитации человека, вернувшегося инвалидом после прохождения воинской службы, особое место занимают вопросы его возвращения к трудовой деятельности. Именно труд позволяет человеку удовлетворять потребности и обеспечивать качество своей жизни. Поэтому ни пенсионное обеспечение, ни какое-либо другое довольствие не могут дать лицу с инвалидностью тех возможностей в самообеспечении, которые дает вовлеченность в трудовые процессы. Трудовую

* Corresponding author

E-mail addresses: alexkovaleff@yandex.ru (A.S. Kovalev), NNovoseltsev@sfu-kras.ru (N.R. Novosel'tsev), siridar@mail.ru (D.V. Rakhinsky), OlegGTS@yandex.ru (O.I. Savin)

реабилитацию можно считать инвариантом социальной помощи инвалидам в любую историческую эпоху, поэтому в современных условиях будет актуальным и востребованным опыт прошлых поколений.

Целью настоящей статьи, завершающей цикл публикаций авторов, посвященный истории общественной помощи инвалидам в XIX в. на примере Сибирского региона, является воссоздание исторического процесса вовлечения военных инвалидов Западной Сибири в повседневные трудовые процессы в XIX – начале XX в., а главной задачей – проанализировать организацию и результаты трудовой деятельности инвалидов войны в течение длительного периода с 1808 по 1908 г.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили документы фондов, хранящихся в Государственном архиве Томской области (Томск, Российская Федерация) в фондах Томского губернского правительства (Ф. 1. Переписка с Томским губернатором об определении инвалидов на места соляных сидельцев), Томского губернского управления (Ф. 3. Материалы о назначении сторожами этапных зданий нижних чинов инвалидных команд, расследовании утраты следственных дел арестантов конвоирами Томской инвалидной команды, потребности устройства инвалидов на винокуренных заводах и «содержании инвалидов за присмотром вина»), Томского городского магистрата (Ф. 50. Предписания, ведомости, переписка с Министерством внутренних дел о назначении инвалидов караульными и ночными сторожами), Управления акцизными сборами по Томской губернии и Семипалатинской области (Ф. 209. Сведения о назначении на должности продавцов казенных винных лавок участников сражения в Порт-Артуре и инвалидов Русско-японской войны).

Методологическую основу исследования составили принципы истории повседневности, которая утверждает, что «история по существу – это повседневная жизнь человека в ее историческом развитии» (Григорьева, 2010: 216). История повседневности фокусируется на «детальном историческом описании» (Людтке, 1999: 77) и рассматривает жизнь отдельных людей и социальных групп с точки зрения определенных функций, которые ее наполняют, включая вовлеченность в трудовую деятельность. А. Шюц называл труд одним из шести «конституирующих элементов повседневности» (Schutz, 1990), ибо последняя изначально была и остается трудовой и имеющей вневременной характер. Ф. Бродель также отнес трудовую деятельность к ключевым структурам повседневности (Бродель, 1977). И поскольку история повседневности концентрируется на обыденности и рутинной жизни человека, то и повседневность можно определить, как обычное ежедневное существование человека с его каждодневными проблемами труда (Орлов, 2010: 11).

Помимо этого, исследование опирается на методические разработки исторического анализа повседневности и качества жизни одного из авторов статьи А.С. Ковалева, который предлагает изучать трудовую активность инвалидов как часть их экономической повседневности. Через изучение их способности к какой-либо деятельности и возможности трудовой реабилитации в конкретную историческую эпоху проанализировать основные занятия, которые были ключевым источником средств к их существованию, специфику условий труда и характер занятости, мотивацию труда, наличие трудовых конфликтов и способы их решения (Ковалев, 2013: 25-27; Ковалев, 2024: 258).

3. Обсуждение

Подробный историографический обзор исследований, отражающих вопросы повседневности военных инвалидов и деятельности инвалидных команд уже был представлен в исследованиях авторов, опубликованных ранее в журнале «Былые годы» (Kovalev et al., 2023; Kovalev et al., 2024). Поэтому при описании степени изученности темы на этот раз позволим себе остановиться на исследованиях, которые тем или иным образом затрагивали вопросы, связанные с повседневной занятостью и трудовой деятельностью инвалидов войны.

Известные представители историографии общественного призрения нижним чинам Ю.В. и П.П. Щербинины отмечают, что еще с конца XVIII в. российские власти «предпринимали попытки смягчить тяжелое положение военнослужащих инвалидов... но разрешение проблемы они видели в использовании частичного труда самих призываемых инвалидов» (Щербинина, Щербинин, 2011: 187). Им вторит И.Г. Дуров, характеризуя ситуацию, которая сложилась с призыванием военных инвалидов к концу XVIII в., говоря о том, что уже тогда богадельням рекомендовалось привлекать увечных воинов к посильному физическому труду, в том числе «в целях отвращения призываемых от праздной жизни и пьянства... Однако все эти попытки успеха не имели и полностью провалились из-за массового нежелания [призываемых] даже посильно трудиться на общее благо» (Дуров, 2011: 29). А.А. Бесолова, характеризуя процесс развития общественного призрения инвалидов и их семей военными благотворительными комитетами в XIX – начале XX в., пишет, что они пытались «вернуть инвалидов к прежней жизни через трудоустройство и подбор посильной работы», пытаясь «предоставлять им возможность для заработка» (Бесолова, 2016: 13).

В отдельных публикациях содержится информация о помощи нетрудоспособным гражданам, вернувшимся инвалидами с Русско-японской войны. Так, О.В. Гусева пытается выяснить роль Дамских комитетов, оказывавших помощь инвалидам этой войны из числа нижних воинских чинов «в трудоустройстве и последующей социализации», однако, как показывают результаты ее

исследования, дальше сбора средств на благотворительность на местах дело не пошло, и никакой реальной трудовой помощи предоставлено не было (Гусева, 2021: 29). Т.А. Катцина исследовала призрение сибирских инвалидов Русско-японской войны, отмечая, что единственным видом помощи были «пенсии и единовременные пособия из инвалидного капитала Александровского комитета о раненых» (Катцина, 2015).

Во всех перечисленных работах только упоминается, что вовлеченность в трудовые процессы могла быть одним из направлений общественного призрения военных инвалидов в XIX – начале XX в., но вопрос о том, насколько эта возможность была реализована, не анализируется. Только в публикации А.Т. Ташпековой, целенаправленно занимающейся изучением деятельности внутренних гарнизонных батальонов, сформированных в том числе из членов инвалидных команд, подробно говорится о повседневной службе последних, к которой относились оказание помощи при поимке преступников, усмирении бунтов, сборе податей, караульная служба «в пороховых погребах; провиантских магазинах; больнице... казначействе; тюремном замке» и т.д. (Ташпекова, 2021: 43). Впрочем, и в этом случае речь в большей степени идет о службе, а не о «гражданской» повседневной службе и занятости военных инвалидов, в связи с чем выявление общего и особенного в этих процессах, разграничение «службы» и «трудовой» деятельности также можно рассматривать в качестве одной из задач проводимого исследования.

4. Результаты

Еще в начале XIX в. в Санкт-Петербург из Сибири стали поступать жалобы о том, что губернские города испытывали недостаток в сторожах. 24 июля 1808 г. министр внутренних дел А.Б. Куракин писал Томскому губернатору: «...Усматриваются затруднения в наделении городов ночными стражами или караульными... Одни испрашивали для сих должности, другие требовали разрешения на употребление к тому инвалидов или инвалидных команд. Я имел по сему предмету сношения с военным министром, который меня ныне уведомил, что он представил о сем обстоятельно государю императору» (ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2780. Л. 1). В том же году император Александр I распорядился, чтобы нижние чины военного ведомства из числа неспособных к фрунтовой службе могли занимать место ночного сторожа или быть караульными в губернских городах. Однако в этом случае их должны были содержать уже городские органы власти, а не военный департамент. При этом и сторожам, и караульным из инвалидных команд сверх инвалидного содержания городские власти должны были производить за службу особую плату. Наконец, направление членов инвалидной команды из военного ведомства следовало производить только по согласованию с министром внутренних дел и с военным министерством (ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2780. Л. 1).

Надо сказать, что в первом десятилетии XIX в. вопрос о сторожах и караульных в губернских городах был весьма дискуссионным среди представителей городских властей и общественности. Сторонники одной точки зрения полагали, что достаточно набирать в ночные сторожа и караульные из числа вольнонаемных горожан. Другие небезосновательно возражали, что они при несении службы «мало справностны, не отвечают назначению» и требовали «снабдить полицию губернских городов своими людьми» (ГАТО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2780. Л. 106.). Сторонники третьей позиции как раз были уверены в том, что место ночного сторожа или караульных должны занимать члены инвалидных команд, однако городские магистраты не собирались принимать инвалидов на свой счет, да еще и платить им из местной казны.

О том, как инвалиды работали сторожами, караульными и охранниками, можно судить по следующему эпизоду. В феврале 1838 г. трое рядовых из инвалидной команды были отправлены из суда вместе с арестантами и их уголовными делами в Боготольское волостное правление. В результате до Боготола добрались только сами инвалиды – и арестованные, и дела на них непонятным образом в дороге исчезли (ГАТО. Ф. 3. Оп. 10. Д. 1066. Л. 3).

Исправляющий должность комиссионера соляной операции Томской губернии в рапорте в 1858 г. сообщал, что при осмотре инвалидной команды в д. Спирино, он получил от нижних чинов жалобу, что они стеснены в условиях службы, поскольку из-за недостатка рядовых им «приходится быть на часах через сутки и даже каждый день, через это они не имеют времени починить обувь и вымыть белье» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 566. Л. 1). Инвалиды несли службу на четырех постах, в день должны были выходить 13 человек, сюда же следует прибавить одного посылаемого с почтой и «на разъезды для выгона солевозцев», итого выходило 14 человек в день. Всего же в инвалидной команде было 27 рядовых, т.е. для двухдневного расчета не хватало одного человека. Кроме того, поскольку речь идет об инвалидах, каждый день 1-2 человека находились в болезненном состоянии, а потому службу нести не могли, и она падала на плечи здоровых, которые так могли служить несколько дней и ночей. Кроме того, инвалид-«почтарь», о котором шла речь выше, «из-за состояния здоровья, а также при постоянно ужасной дороге задерживает[ся] почти целую неделю» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 566. Л. 2), так что он исполнял свои обязанности без перерывов и выходных дней. Помимо этого, в летнее время инвалиды командировались для несения караульной службы и сопровождения грузов «на всякую барку, а так как барок бывает при большой поставке соли до шести и более» (ГАТО. Ф. 3.

Оп. 19. Д. 566. Л. 1-2), то оставалось всего 20 человек, которые несли все обязанности, рассчитанные на 27 нижних чинов инвалидной команды.

Томская казенная палата, узнав о положении дел, ходатайствовала об увеличении нижних чинов в инвалидных командах. Однако для этого не оказалось ни людей, ни средств, и Томский губернатор предложил комиссионеру соляной операции «войти в соображение, не представится ли возможность для облегчения нижним чинам уменьшить некоторые посты и такие командировки их, в выполнение которых не предстоит необходимости» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 566. Л. 6-60б.). Поскольку инвалидная команда, находившаяся в деревне для занятия охранительных постов и других служб по соляной операции, состояла в подчинении военному ведомству, комиссионеру надлежало передать вопрос на рассмотрение военного начальства, которое имело на этот счет свои соображения. В результате было принято постановление о том, что уменьшить количество постов при соляных магазинах и денежной кладовой не предоставляется возможным, т.к. они находятся на большом друг от друга расстоянии, и «комплект солдат Спиринской инвалидной команды ныне находящейся... достаточен» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 566. Л. 7-70б., 11-110б., 13). Таким образом, обращение оставили без последствий, пострадали только инвалиды, в жизни которых ничего не изменилось.

В 1825 г. генерал-губернатор Западной Сибири писал Томскому гражданскому губернатору, что в регионе членов инвалидной команды, используемых для содержания караулов на винокуренных заводах, было в четыре раза меньше, необходимой потребности и далее добавлял: «...а так как по малочисленности в городах инвалидных команд встречается в них надобность, то поручаю Вашему Превосходительству при проезде Вашем до границы Енисейской губернии [выяснить], сколько по числу постов потребно караульных на каждом из заводов Томской губернии, нет ли излишков инвалидов и до какого именно количества» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 30. Л. 1.).

В первой половине XIX в. солдаты инвалидной команды в Томской губернии несли службу в качестве сторожей и караульных на семи винокуренных заводах. Выплата жалования, а также обеспечение инвалидов провиантом и амуницией были возложены еще в 1811 г. на сами заводы, при этом все издержки должны были войти в цену выкуриваемого вина. В 1822–1823 гг. обязанности «приготовления для инвалидных команд на заводах находящихся мундирных и амуничных вещей натурой» были возложены на Томскую казенную палату, однако та, в свою очередь, считала своим долгом «единственно испрошение сумм на содержание инвалидов, удовлетворение всеми суммами на жалование и провиант и отпуск денег на изготовление амуниции по требовавшим с военной стороны», но само изготовление амуниции и снабжение инвалидов зависело от местного (в данном случае – Иркутского) военного комиссариатского комиссонерства, которое занималось снабжением армии продовольствием, амуницией, оружием и топливом. В то же время командир гарнизонного батальона имел право самостоятельного обеспечения своих инвалидных подразделений, если признавал такое заготовление выгодным, и потребовать с комиссонерства возмещение соответствующей суммы (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 62. Л. 1-9).

Кроме того, командир гарнизонного батальона имел право составлять ведомости о принимаемых к заготовлению «потребных к довольствию членов инвалидной команды, служивших при винокуренных заводах, вещей». Например, в 1826 г. командир Красноярского гарнизонного батальона уведомлял Томскую казенную палату, что солдаты инвалидной команды при Боготольском и Красноярченском винокуренных заводах нуждаются в следующем обеспечении: каждому по две рубашки, кафтаны суконные и льняные, шинели с подкладкой суконные, подгалстучники, панталоны, сапоги из яловой кожи, португезы из черной глянцевой кожи, ранцы плечевые с ремнями к ним, ремни из глянцевой кожи к шинелям и фляжкам для воды, «материалы для закупорки тюков», циновки, веревки, мочалки и т.п. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 62. Л. 10-110б.).

Через год из Штаба отдельного сибирского корпуса Томскому губернатору сообщили, что из вытребованных Командиром красноярского гарнизонного батальона вещей верхнее обмундирование из Иркутского комиссариатского комиссонерства было заготовлено и доставлено полностью, а вот «нижнемундирным инвалиды не удовлетворены» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 62. Л. 12-120б.).

Также существовала особая группа служащих инвалидной команды – «инвалиды, за присмотром вина командированные», т.е. выполнявшие функции тех же самых сторожей и караульных, но на винокуренных заводах, а также при винных магазинах и кладовых. Они занимались препровождением вина в откупные места, направлением на лесосеки и сенокосы для присмотра за рабочими, чтобы не воровали и не употребляли казенного вина, поимкой бежавших рабочих. Кроме того, инвалиды, служившие при винокуренных заводах, могли быть направлены в качестве «охранников» при транспортировке винной продукции с заводов к местам продажи. В этом случае содержание инвалидов осуществлялось за счет винного откупа (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 30. Л. 11-110б.).

Однако и здесь возникали проблемы. Например, унтер-офицер Патюков из инвалидной команды при Боготольском винокуренном заводе, в июне 1824 г. прислал в Томскую казенную палату рапорт о том, что инвалиды «командированные в числе казенного присмотра для препровождения вина» прибыли к устью р. Чулыма и остановились там из-за того, что судна для перегрузки доставленного ими вина и дальнейшего следования до г. Барнаула были не подготовлены, в результате чего инвалиды были вынуждены остаться на пристани с. Игреково. Между тем все члены

инвалидной команды состояли на период на продовольственном содержании – «кормовых деньгах откупщика», рассчитанных только на конкретное количество дней, которые караульщики должны были затратить на перевоз. Однако «по долгому пути следования», т.е. с задержкой в пути, этих средств оказалось «весьма недостаточно». Унтер-офицер Патюков просил приказать Томской питейной конторе снабдить его инвалидную команду «присылкою кормовых денег» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40. Л. 1).

Томская казенная палата, получив донесение Патюкова, предписала комиссионеру содержателей сборов сообщить, «с каким назначением выдаются инвалидам за казенный просмотр при провозе вина деньги: на один ли только провоз без платы им на содержание или с платою сверх получаемого ими по службе провианта и жалования и какое именно количество денег по мере расстояния», а также заводские конторы должны были уведомить, «удовлетворяются ли инвалиды, командированные для присмотра, жалованьем и провиантом за время откомандировки... и выдается ли им то или другое» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40. Л. 2-3).

В ответ были получены следующие донесения. Из комиссионерства сообщили, что инвалидам, служащим при транспортировке вина, выдавалось «по одному снисхождению и человеколюбию на содержание в месяц одному от трех до пяти рублей, а также и подводы для препровождения за счет откупа», никаких других выдач не делалось, «ибо в условиях на ныне текущий откуп и в заключенном контракте не пояснено о таковой выдаче» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40. Л. 4об.-5). Заводские конторы уведомили, что инвалидам, командированным для присмотра за перевозимым вином из заводских средств ни жалования, ни провианта не выдавалось и «по силе условий их контракта... продовольствие в пути должно упасть на счет содержателей, но... ни в условиях, ни в контрактах не определено, сколько именно следует выдавать на продовольствие денег» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40. Л. 5об.-6).

Выслушав доводы обеих сторон, Томская казенная палата решила, дабы прекратить жалобы и от инвалидов, и от откупщиков, «...удовлетворять людей, командированных к присмотру за вином из инвалидов деньгами в той же мере, в какой определена им выдача жалования и провианта из казны... за все то время, которое они при присмотре за вином находиться будут до возвращения в завод» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40. Л. 10).

Остался вопрос, кто должен обеспечивать это содержание. Томский гражданский губернатор предложил, что сопровождающих вино инвалидов должны в любом случае содержать за свой счет откупщики. Также он высказался в пользу того, «не будет ли одной доброй воли содержателей сборов на прибавку каждому военнослужителю для улучшения пиши во время командировки за препровождением винного транспорта по пятнадцати копеек в день» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40. Л. 11-14). Генерал-губернатор Западной Сибири согласился с этим предложением и распорядился привести его в исполнение. В результате в период несения службы по охране груза винокуренных заводов члены инвалидной команды стали получать в обязательном порядке от 30–50 коп. до 1–3 руб. в день. Отдельные откупщики также согласились «по доброй воле» добавить еще 15–20 коп. в день (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 40. Л. 15-19).

В 1825 г. командир отдельного Сибирского корпуса капитан Бутович писал Томскому губернатору: «Для скорейшего окончания постройки военно-сиротского отделения в городе Красноярске полагал я усилить число рук от нижних чинов красноярского батальона, но за многими расходами оных нередко встречается недостаток и даже в отправлении гарнизонной службы. Вследствие чего я покорнейше прошу ... сообразить, не окажется ли возможность убавить инвалидов с винокуренных заводов Боготольского и Красноярского, преимущественно же людей дельных... и буде найдутся таковые, то не оставить их... для отправления в красноярскую инвалидную команду» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 30. Л. 5). Председатель Томской казенной палаты Иванов сообщил Томскому гражданскому губернатору, что потребовал от заводских контор сведения об излишнем числе инвалидов-караульных, но оказалось, что «их недостаточно даже и на две смены, следственно, и числа их уменьшить невозможно» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 30. Л. 11-11об.). Поэтому когда об этом же попросил своего западносибирского коллегу генерал-губернатор Восточной Сибири, тот принял решение отправить достраивать военно-сиротское отделение не инвалидов-караульных с винокуренных заводов, а рабочих с Томских винокуренных заводов, только после завершения процесса винокурения (ГАТО. Ф. 3. Оп. 19. Д. 30. Л. 8-8об.).

В связи с тем, что инвалиды продолжали оставаться военнослужащими, крайне важным является вопрос о том, как соотносилась их служебная деятельность с трудовой занятостью, и можно ли считать выполнение обязанностей по «окарауливанию» полноценным вовлечением в трудовые процессы, или же это было всего лишь исполнение инвалидами служебного долга.

Служба – это один из видов общественно полезного труда, и в то же время вид профессиональной деятельности, который заключается в обслуживании населения, поскольку она всегда социально ориентирована. Она может быть частной, предусматривая, в том числе как одну из «услуг» охранную деятельность, и публичной, т.е. направленной на достижение общественного блага и удовлетворение потребностей всего общества. В этом случае служебная деятельность направлена на реализацию полномочий органов власти и местного самоуправления. Но в ситуации с несением

караульной службы военные инвалиды имели дело не просто с отбыванием обязанности, это было постоянное официальное занятие, за которое член инвалидной команды получал денежное вознаграждение, причем, как следует из вышеизложенного, источником жалования выступала не армия, финансируемая государством, а представители местного сообщества. Поэтому подобный труд следует оценивать не как повинность, обязательную для военного, а профессиональную деятельность в гражданской сфере, т.е. инвалид «действовал на чье-то благо», оказывая услуги по окарауливанию, что служило для него источником заработка.

Такой же службой была практика, когда в Томской губернии с 1826 по 1833 г. служащие инвалидных команд привлекались «для отапливания и сохранения полуэтапных зданий», предназначенных для временного содержания ссыльных, передвигавшихся пешком до места ссылки в Сибири в рамках государственной пенитенциарной системы. Так, из Каинской инвалидной команды для этой цели в 1825–1833 гг. были командированы 10 человек, из Колыванской с 1827 по 1833 г. – 2 человека, из Томской – тоже 2 человека (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 130. Л. 3, 7). Только в 1833 г. было решено заменить инвалидов крестьянами, но и в этом случае сохранялся статус именно гражданской службы: «везде сторожа наемные или нарядом от общества посылаются» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 130. Л. 1-10б.).

Приведем еще один пример занятости непосредственно в сфере гражданских отношений. В первой половине XIX в. в соляные магазины для продажи соли назначались так называемые «соляные сидельцы». Обычно такой сиделец избирался сроком на год из честных и грамотных жителей селения. Однако в своем отношении Сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю министр финансов Д.А. Гурьев сообщал, что в сибирских городах встречаются затруднения в отыскании и определении сидельцев для мелочной продажи соли в губернских и уездных городах. Изначально эта обязанность находилась в ведении соляных приставов – чиновников, следивших за соблюдением порядка в торговле солью, – однако они с ней не справлялись. Тогда министр финансов предложил, чтобы места соляных сидельцев занимали лица «из военного ведомства, не способные к фрунтовой службе с жалованием по 80 руб. в год» (ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 591. Л. 1–20б.).

В декабре 1816 г. Томский губернатор получил повеление от императора, чтобы в соляные сидельцы определяли лиц из местных инвалидов, состоящих в уездных городах. Казенной палате было предписано, чтобы по этому вопросу все заинтересованные стороны обращались к батальонным командирам внутренних гарнизонных батальонов в губернии. Однако, конечно, далеко не каждый инвалид мог исполнять обязанности соляного сидельца. Так, Бийский соляной пристав в декабре 1819 г. обнаружил, что сиделец Игнатий Петров одержим падающей болезнью, а потому «оставляет свою обязанность к дальнейшему занятию сей должности», после чего его отослали обратно в инвалидную команду (ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 591. Л. 18–180б.).

Такое положение с трудоустройством военных инвалидов сохранялось вплоть до начала XX в. – даже когда инвалидные команды были расформированы, и их служащие перестали именоваться инвалидами, они продолжали выполнять возложенные на них функции. Ситуация изменилась после Русско-японской войны 1904–1905 гг. – конфликта, который впервые заставил пересмотреть отношение общества и государства к нижним чинам, лишившимся здоровья и трудоспособности в ходе военных действий.

Генерал М.В. Грулев, во время Русско-японской войны бывший командиром 11-го пехотного Псковского полка, в своих мемуарах писал: «...в нашем законодательстве отсутствует самая идея об обязанности для государства обеспечения инвалидных нижних чинов, потерявших трудоспособность на службе, выдача даже пресловутого 3-х рублевого пособия, установленного с незапамятных времен и убогих пенсий от Александровского комитета, обставлена такими формальностями, что многие увечные нижние чины оказываются... лишенными всякой поддержки со стороны государства и предоставленными собственной участи»; «...нижние чины, потерявшие трудоспособность на войне по расстроенному здоровью, вовсе не имеют права на признание... и обречены поэтому на совершенно беспомощное существование; между тем, всем участникам минувшей войны хорошо известно, что такие инвалиды заслуживают иногда больше внимания... Ненормальность этого положения после пережитой войны дает себя чувствовать каждый день... Громко и всюду вопиет нужда пострадавших на войне нижних чинов: чуть ли не на каждом шагу в столицах и провинции, в городах и деревнях встречаемся с жертвами войны – искалеченными инвалидами, ищущими какую-нибудь помощь себе и семье... Пройдя все мытарства, подвергнувшись медицинским освидетельствованиям... убогую пенсию солдат начнет получать не раньше, чем через год или полтора года после назначения» (Грулев, 1911: 194-195).

В январе 1905 г. в Российской империи появился Порт-Артурский комитет, деятельность которого предполагала оказание всесторонней помощи пострадавшим в Русско-японской войне солдатам. Комитет в основном занимался сбором пожертвований, за счет чего оказывал материальную помощь. Однако, наряду с выплатой денежных средств, в практике благотворительной организации появилось стремление к трудоустройству пострадавших на войне с Японией лиц. В ходе деятельности по приисканию рабочих мест инвалидам предлагались места контролеров, разъездных надсмотрщиков, работа на казенных складах и в складских конторах лицам офицерского звания,

объездчиками, сторожами, фельдшерами, дворниками, приказчиками, рабочими, продавцами казенных винных лавок (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 143–144). Как видно, вариантов трудоустройства было немало, но сибирские инвалиды хотели быть только «продавцами по казенной продаже напитков» в магазинах с окладом 420 руб. в год (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 68).

Согласно помощнице председательницы Порт-Артурского комитета графине Карловой, из Томской губернии был подан список кандидатов в продавцы напитков из запасных нижних чинов, участвовавших в Русско-японской войне, из 46 человек. Из них 12 человек были назначены, 12 были записаны кандидатами, 22-м отказали (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. I-IVоб.).

Существовало два типа прошений. В первом сведения о просителе места продавца по казенной продаже напитков включали три блока. В первый блок входили: фамилия, имя и отчество просителя, воинское звание и сословная принадлежность, возраст, вероисповедание, семейное положение, место жительства, степень образования или грамотности, состоял ли под судом и/или следствием, род прежних и настоящих занятий. Во втором блоке сообщалось, не был ли ранее проситель виноторговцем, состоял ли прежде на службе по винной торговле, какую должность желает занимать и в какой местности, сколько залога деньгами или бумагами может предоставить при определении на должность продавца или сборщика, каким еще недвижимым имуществом, кроме залога, владеет. В третий блок входили сведения о том, известен ли просителю кто-либо из лиц акцизного надзора, кто рекомендовал просителя и отзывы рекомендующих лиц, заключение лица акцизного надзора, собиравшего сведения (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 49об.–50).

Другой тип прошения со сведениями о кандидате включал информацию о том, какие раны и увечья получил на войне инвалид или чем заболел; какое пособие получает от казны или из другого места; где служит или чем занимается, чем занимался до поступления на военную службу, и может ли заниматься тем же ремеслом теперь (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 132).

Прошения инвалидов представляют собой интересный исторический источник, поскольку сообщают не только о стремлении заняться посильным трудом, но и личные сведения о просителе, информацию об образовании и семейном статусе, обстоятельствах ранения и инвалидности, заключение акцизного надзирателя о возможности занять должность продавца в магазине.

Так, Ефим Грищенко, 27-летний унтер-офицер из крестьян, имел образование уровня сельского училища, был более 5 лет женат. До призыва на войну занимался хлебопашеством, был ранен с раздроблением левой руки, прежде сидельцем в питейном заведении не состоял, по заключению помощника акцизного надзирателя в продавцы напитков пригоден, внес залог в размере 50 руб. (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 54об.–55).

Некий Дионисий Коккош, инвалид 33 лет, получил «оглушение на левое ухо взрывом снаряда и ограничение подвижности ребер», пенсию и пособие не получал, был хлебопашцем, но говорил, что заниматься тем же ремеслом из-за глухоты почему-то не может, заниматься ничем не хочет и «живет помощью посторонних лиц» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 127об., 132). Не желая заниматься никаким трудом, он хотел получить место продавца в Томске, но там вакансий не оказалось. Когда ему предложили в другом городе, он отказался по причине, что не может внести залог.

Ефрейтор Иван Казбанов был мобилизован в 1904 г., при обороне Порт-Артура во время охраны укреплений он был ранен в правое плечо двумя ружейными пулями и в нижнюю челюсть ближе к левому уху с повреждением языка (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 151). Надзиратель акцизных сборов V округа Томской губернии писал Управляющему акцизными сборами, что Иван Казбанов не предоставил ни вид на жительство, ни паспорт. Ему трижды давали возможность это сделать, но он так и не предоставил документы, и поэтому надзиратель просил принять на должность продавца крестьянку, которая выполняла временно обязанности продавца (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 202).

У инвалида Ивана Хомякова при обороне Порт-Артура была ампутирована правая рука и левая стопа ноги, и он нуждался в искусственной конечности, и как он представлял себе возможность исполнять обязанности продавца, сказать трудно (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 89–90).

Однако вполне возможно, что инвалиду сознательно не давали должность. Томский губернатор К.С. Нолькен писал управляющему акцизными сборами Томской губернии весной 1907 г., что товарищ министра внутренних дел Крыжановский уведомил его о претензиях Комитета по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией, находившегося под покровительством императрицы Александры Федоровны: «...Местные власти, несмотря на постоянное обращение к ним с просьбой, оказывают весьма слабое содействие Комитету по определению на должности чинов, пострадавших на войне с Японией, и в большинстве случаев возвращают прошения со стереотипной фразой: “за неимением вакансий место предоставлено быть не может”» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 175–176).

На местах дело обстояло так. Управляющий акцизными сборами Томской губернии был категорически против этой затеи и писал: «Я лично сомневаюсь в правильности такого рода домогательств порт-артурских героев. И считал бы более справедливым городские места отдавать долго служащим и зарекомендовавшим себя продавцам, имеющих детей в школьном возрасте, каковых в управлении очень много» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 127об.). Шел 1907 г.,

а надзиратель акцизных сборов одного из округов Томской губернии писал: «...За неимением вакантных должностей продавцов еще никого мною не было назначено» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 152).

Однако на акцизного надзирателя жаловались и сами просители. Например, инвалид Порт-Артура Маркиан Деревянкин, который был ранен и не мог продолжать трудиться по профессии, приискал себе новое место и был зачислен кандидатом в продавцы, но прошел год, а он продавцом так и не стал. Инвалид в июле 1907 г. писал: «Я несколько раз просил господина надзирателя, чтобы дали место, но акцизный надзиратель отвечает... что не имеется вакансий. Но, как я вижу, во всех винных лавках служат частные [лица], не солдаты, [которые] ничем не пострадали, в полном здоровье, а также и женщины» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 170). В августе 1907 г. инвалид Деревянкин все-таки был принят продавцом в с. Новоильинское Барнаульского уезда «с жалованием по 300 руб. в год и надбавкой 30 руб. на 10 % вступительного удержания в пенсионную кассу» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 187).

Однако акцизные надзиратели не собирались сдаваться. Один из них, служивший в Барнауле, извещал управляющего акцизными сборами Томской губернии подробно сообщая, как ему было дано предписание предоставить должности продавцов в казенных винных лавках трем инвалидам-портартурцам – Тимофею Куракину, некоему Бергилю и Ивану Першутчеву. Но в процессе сбора информации о потенциальных продавцах надзиратель выяснил, что один из них, Куракин, «проживает в Санкт-Петербурге неизвестно где» и никаким продавцом в винном магазине быть не собирался. Деревня, в которой должен был проживать инвалид Бергиль, вообще никогда не существовала, и только Иван Першутчев, бывший фельдшер, захотел быть назначен продавцом казенной винной лавки, но в Тульской губернии, а от должности продавца в Томской губернии отказался (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 174–174об.).

Самому Комитету, конечно, было очень трудно следить за открывающимися в провинции вакансиями, которые могли бы быть предоставлены нижним чинам из числа инвалидов, как и сноситься с многочисленными частными, общественными и правительственными местными учреждениями. Для достижения поставленной Комитетом цели особенно ценным могло стать только деятельное участие губернских начальств, хорошо знакомых с местными условиями и всегда имеющими возможность быть осведомленными о вакантных должностях в губернии.

Товарищ министра в своем письме чиновников Томской губернии просил обратить особое внимание на ходатайства Комитета о предоставлении мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией, начать взаимодействие со всеми подведомственными губернатору учреждениями и лицами и «озаботиться о постановке правильной организации в губернии дела устройства судьбы воинских чинов» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 175–176). Также губернатор К.С. Нолькен решил выйти за рамки представления мест инвалидам Русско-японской войны только в винных магазинах и предложил «признать возможным... замещать все вакансии – преимущественно низшие должности, как то: курьеров, сторожей, рассыльных, лесных объездчиков, жандармов, почтальонов и т.п. нижними воинскими чинами, пострадавшими на войне с Японией» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 175–176). Для координации этого процесса губернатор просил сообщать ему лично о каждой открывшейся вакансии, и в этом случае от него «будет зависеть распоряжение о предоставлении места более достойному и имеющему лучшие рекомендации кандидату» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 175–176).

Акцизный надзиратель из Мариинского округа Томской губернии негласно собирал сведения о трех кандидатах на должность продавца в винный магазин и предоставил их управляющему акцизными сборами. Претендовавший на должность продавца инвалид Михаил Каржаев в свое время был уволен за мошенничество со службы на железной дороге, затем вместе с своим братом был уличен в конокрадстве и укрывательстве краденых вещей, за что был судим и сидел в тюрьме. Инвалид Федор Макаров, по отзывам его родственников и других крестьян, был известен как «человек, любящий гулять, пьянствовать и нечист на руку». Соседи Макарова заявили, что он, состоя на службе в качестве работника, у одного человека похитил самовар и пропил его, у другого стащил из лавки дневную выручку и прогулял ее, третий просто отзывался о нем как о самом плохом человеке. Третий кандидат, Егор Першин, к занятию должности продавца казенной винной лавки оказался не пригоден, т.к. у него «правая нога до половины бедра отнята, и он может двигаться с места на место с большим трудом с помощью костылей, кроме того Першин малограмотный и даже не умеет подписать фамилии» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 257–257об., 259–259об.).

Интересно, что Першин, не дожидаясь решения, от должности продавца отказался и попросил его назначить «путевым сторожем на железную дорогу или на другое вполне подходящее место где его могут заменять родные, живущие при нем» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 261–261об.). Надо сказать, это был довольно оригинальный подход – найти такое место, на котором в случае надобности инвалида мог бы заменить здоровый родственник!

Всех трех претендентов надзиратель просил исключить из числа кандидатов. Однако при прочтении его замечаний складывается такое ощущение, что он сознательно собирал об инвалидах только негативную информацию.

41-летний Алвиан Гичев, проживавший с отцом 77 лет и матерью 72 лет, женой 36 лет, двумя детьми 10 и 13 лет, после отставки из морского ведомства решил занять должность продавца. У него не было даже залога, однако его готовы были взять, но акцизный надзиратель и тут выяснил, что «Гичев крупный пьяница, и что [односельчане] советуют не рисковать и [не] брать его...» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 281–282об.).

И вновь, как в случае с Паршиным, сам Гичев просил, если его не возьмут в винную лавку продавцом, дать ему рекомендательное письмо на имя старшего производителя работ kolei Сибирской железной дороги инженера Эрнеста Андреевича Бобенского на ст. Тайшет, чтобы его приняли туда на работу «на постройку» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 285), хотя трудно представить, что бы мог делать неграмотный инвалид на строительстве железной дороги.

Надзиратель акцизного округа в Мариинске, видимо, был принципиальным противником того, чтобы приглашать на места продавцов в винные магазины инвалидов. В другой раз он писал управляющему акцизными сборами Томской губернии по поводу уже принятого инвалида Тимофеева: «Имею честь донести вашему превосходительству, что продавец казенной винной лавки в с. Николаевском запасный старший унтер-офицер из порт-артурцев Андрей Васильевич Тимофеев мною... от должности продавца уволен... За кражу денег и вещей со взломом замка сарая приговорен пограничным окружным в дом к заключению на один год в исправительное арестантское отделение. Тимофеев был назначен продавцом в лавку... согласно предписания Вашего Превосходительства... как рекомендованный комитетом по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 317). Вместо Тимофеева надзиратель просил назначить кого-либо из других кандидатов – «не солдат, а из других», что во многом демонстрирует его ярко выраженную не то чтобы не толерантную, а даже агрессивную позицию по отношению к инвалидам Русско-японской войны.

Выяснилось, что в 1903 г. Тимофеев действительно находился под следствием и даже был осужден на 8 месяцев, после чего воевал и был ранен, а в материалах о нем за 1907 г. никаких прочих сведений, кроме как о прежней судимости уже не содержится. Что еще интересно: после отстранения Тимофеева лавка была «сдана запасному продавцу в полной исправности». То есть фактически инвалид был уволен из магазина только за то, что он когда-то, еще до войны с Японией был осужден за кражу (и, вероятно, скрыл этот факт), что, по мнению акцизного надзирателя, говорило против инвалида, что он не подходил по «нравственным» основаниям. Однако, как следует из Циркуляра Крыжановского, Тимофеев самим фактом своего ранения в Русско-японскую войну был принят под покровительство благотворительного комитета, стал «героем», а, значит, за свой проступок должен быть прощен. Тем не менее, решение об увольнении осталось в силе.

Вероятно, именно поэтому Управляющий акцизными сборами Томской губернии писал надзирателям, что во всех случаях несвоевременной явки кандидатов в продавцы, в случаях добровольного отказа, при выявленных нарушениях требуется «весьма значительное время» и предлагал установить месячный срок, в течение которого могут быть рассмотрены все обстоятельства дела, и только после этого лишать инвалида места продавца и даже в этом случае при появлении вакансии сначала замещать ее инвалидом, а потом уже запасным продавцом (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 409об.-410об.).

Акцизный надзиратель Мариинского округа не унимался и в письмах к управляющему акцизными сборами Томской губернии придумывал все новые и новые причины отказа инвалидам-портартурцам, при этом возлагая причины, по которым кандидаты не смогли занять место продавца, на самих претендентов: то они не захотели работать, то «за неимением каких-либо средств на переезд и первое житье», то «по причине жительства в городе без квартирных денег», то из-за дороговизны жизни, то «по боязни командировок в разные села и лавки с большим оборотом на неопределенное время» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 419об.).

Управляющие акцизными сборами регулярно отправляли сведения о кандидатах, которые не подошли, в местный губернский благотворительный комитет, оттуда эти материалы шли в вышестоящие инстанции и, вероятно, дошли до самого правительства. В 1908 г. из Министерства внутренних дел товарищ министра сенатор Крыжановский специальным циркуляром сообщал губернаторам, что губернские комитеты не должны собирать никаких, особенно порочащих, сведений о кандидатах в продавцы винных магазинов из числа инвалидов, пострадавших на войне с Японией, т.к. Комитетом во главе с императрицей Александрой Федоровной **уже** (выделено мной – прим. авт.) приняты под покровительство... и признаны пострадавшими на войне и хорошо аттестованными», а потому таковые инвалиды не должны предоставлять о себе никаких «сведений» как о том, что они пострадали на войне, так и о нравственных качествах. Губернским комитетам надлежало «лишь заботиться о приискании лицам указанной категории просимых мест без наведения о них дальнейших справок, за исключением, разумеется, тех случаев, когда на месте будут обнаружены какие-либо данные, лишаящие кандидата права на помощь» (ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 1131а. Л. 267–267об.). Относительно инвалидов – участников Русско-японской войны, которые ходатайствовали о предоставлении мест на железных дорогах, губернские комитеты в виду существующих особых на железных дорогах требований для принятия на службу, должны были взаимодействовать с

начальниками железных дорог по поводу медицинского освидетельствования пригодности кандидатов к железнодорожной службе во врачебной комиссии тех дорог, где проситель желал получить место.

Впрочем, оценить, как в дальнейшем реализовывались указанные предписания, не представляется возможным – материалов о приискании рабочих мест инвалидам Русско-японской войны, в том числе в винных магазинах, в архиве обнаружить пока не удалось. Однако представляется, что подобная практика либо окончательно сошла на нет, поскольку встретила на местах отчаянное сопротивление, либо наряду с пенсиями и пособиями превратилась в один из типичных видов помощи нетрудоспособным солдатам, о чем уже не требовалось вести детальную переписку. Кроме того, в скором времени страна была вовлечена в новый мировой военный конфликт, численность инвалидов выросла еще сильнее, и это потребовало изменений в зарождавшейся социальной политике.

5. Заключение

Отвечая на вопрос, насколько развита была среди инвалидов персональная трудовая деятельность, и какую пользу и выгоду приносила им трудовая деятельность в XIX – начале XX в., следует, в первую очередь, разделить практики вовлечения военных инвалидов в трудовые процессы в XIX в. и после Русско-японской войны.

При Александре I стала действовать практика, которую условно можно описать как «инвалиды для труда», при которой служба в инвалидной команде предполагала выполнение определенных действий в гражданском городском пространстве, и тем самым превращалась в часть профессиональной повседневности. Занятость инвалидов в качестве сторожей, караульных и лиц, сопровождавших заключенных, вино или документы, решала проблему признания нетрудоспособных нижних чинов.

В начале XX в. эту формулу трудоустройства сменяет «труд для инвалидов», когда инвалиды рассматриваются в большей степени не как трудовой ресурс, а именно как субъекты трудовой реабилитации. В ходе приискания им работы должны были учитываться самые разные факторы: возраст, образованность, характер инвалидности, сохранность способности к труду и т.п. – это свидетельствует об определенной модернизации модели общественного признания и ее начавшейся трансформации в сторону государственной социальной политики. Однако можно сделать парадоксальный вывод о том, что этот вариант не был в полной мере реализован, и способ совмещения военной службы членов инвалидной команды и деятельности в условиях городской жизни оказался более эффективным с точки зрения полезности для поддержания жизненных сил лиц с инвалидностью.

Что же касается уникальности этого опыта, то можно согласиться с И.Б. Орловым, что порой «ситуации, которые часто повторяются в столь похожей форме... уже не воспринимаются уникальностью, которой они отчасти обладают» (Орлов, 2010: 12). Повседневная занятость и трудовая деятельность военных инвалидов в имперский период слились воедино и обеспечили им полноценное социальное функционирование. В то же время нельзя не признать, что в условиях отсутствия полноценной государственной социальной политики подобный подход был направлен еще и на то, чтобы снять инвалидов с попечения государства, о чем свидетельствует стремление возложить финансирование их трудовой активности за счет общества.

Литература

- Бесолова, 2016 – Бесолова А.А. Социальная поддержка инвалидов и их семей военными благотворительными комитетами в городах Владикавказе, Моздоке, станице Прохладной во второй половине XIX в. – 1919 г. // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова*. 2016. № 3. С. 12-16.
- Бродель, 1977 – Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность / Философия и методология истории. М., 1977. С. 115-142.
- ГАТО – Государственный архив Томской области.
- Григорьева, 2010 – Григорьева А.Г. Советская повседневность и уровень жизни населения СССР в 1953–1964 гг.: к постановке проблемы // *Теория и практика общественного развития*. 2010. №3. С. 216-218.
- Грулев, 1911 – Грулев М.В. Злобы дня в жизни армии. Брест-Литовск, 1911. 331 с.
- Гусева, 2021 – Гусева О.В. Благотворительная деятельность Российского общества Красного Креста Томской губернии по оказанию помощи раненым и больным воинам в период Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // *Гуманитарные проблемы военного дела*. 2021. № 1(26). С. 28-32.
- Дуров, 2011 – Дуров И.Г. Ветераны армии и флота Петра Великого на инвалидном содержании при Петре II, Екатерине II и Павле I // *Меншиковские чтения*. 2011. № 2. С. 9-38.
- Катцина, 2015 – Катцина Т.А. Организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2015. № 2(32). С. 68-79.

Ковалев, 2011 – Ковалев А.С. К вопросу о методологии исторического анализа качества жизни в учреждениях социального обслуживания // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 3-3. С. 75-83.

Ковалев, 2013 – Ковалев А.С. Инвалидный дом как институт социальной помощи пожилым людям и инвалидам в 20-30-х гг. XX в. (на материалах Сибири). Красноярск, 2013. 476 с.

Ковалев, 2024 – Ковалев А.С. Методика комплексного анализа истории повседневной жизни населения // *Социально-экономический и гуманитарный журнал*. 2024. № 1. С. 255-270.

Людтке, 1999 – Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // *Социальная история. Ежегодник, 1998/1999*. М.: РОССПЭН, 1999. С. 77-100.

Орлов, 2010 – Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: ВШЭ, 2010. 316 с.

Ташпекова, 2021 – Ташпекова А.Т. История Саратовского внутреннего гарнизонного батальона в период 1811–1864 годов / Войска национальной гвардии Российской Федерации: прошлое и настоящее. Саратов, 2021. С. 41-47.

Щербинина, Щербинин, 2011 – Щербинина Ю.В., Щербинин П.П. Социально-экономические последствия интеграции военных инвалидов в гражданское общество в XIX в. // *Социально-экономические явления и процессы*. 2011. № 9(31). С. 186-189.

Kovalev et al., 2023 – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Rakhinsky D.V., Ravochkin N.N. Quartering of the Disabled Team in Krasnoyarsk in the 1820s: Microhistorical Analysis // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 149-158.

Kovalev et al., 2024 – Kovalev A.S., Novosel'tsev N.R., Rakhinsky D.V., Savina E.V. Everyday Life of Invalid Companies and Military Invalids in the 19th Century (Based on Materials From the Tomsk Province) // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 640-651.

Schutz, 1990 – Schutz A. Collected Papers I: The Problem of Social Reality / Ed. by M.A. Natanson and H.L. van Breda. Dordrecht, The Netherlands: Martinus Nijhoff Publishers, 1990. 420 p.

References

Besolova, 2016 – Besolova, A.A. (2016) Social'naya podderzhka invalidov i ih semej voennymi blagotvoritel'nymi komitetami v gorodah Vladikavkaze, Mozdoke, stanice Prohladnoj vo vtoroj polovine XIX v. – 1919 g. [Social support for the disabled and their families by military charitable committees in the cities of Vladikavkaz, Mozdok, village of Cool in the second half of the XIX century – 1919]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Hetagurova*. 3: 12-16. [in Russian]

Braudel, 1977 – Braudel, F. (1977). Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost' [History and social sciences. Historical duration]. *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and methodology of history]. Moscow. Pp. 115-142. [in Russian]

Durov, 2011 – Durov, I.G. (2011). Veterany armii i flota Petra Velikogo na invalidnom soderzhanii pri Petre II, Ekaterine II i Pavle I [Veterans of the army and navy of Peter the Great on disability support under Peter II, Catherine II and Paul I]. *Menshikovskie chteniya*. 2: 9-38. [in Russian]

GATO – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of Tomsk Region].

Grigorieva, 2010 – Grigorieva, A.G. (2010) Sovetskaya povsednevnost' i uroven' zhizni naseleniya SSSR v 1953–1964 gg.: k postanovke problemy [Soviet everyday life and the standard of living of the population of the USSR in 1953-1964: towards the formulation of the problem]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 3: 216-218. [in Russian]

Grulev, 1911 – Grulev, M.V. (1911). Zloby dnya v zhizni armii [The evils of the day in the life of the army]. Brest-Litovsk. 331 p. [in Russian]

Guseva, 2021 – Guseva, O.V. (2021). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta Tomskoj gubernii po okazaniyu pomoshchi ranenym i bol'nym voynam v period Russko-yaponskoj vojny (1904-1905 gg.) [Charitable activity of the Russian Red Cross Society of the Tomsk province to assist wounded and sick soldiers during the Russo-Japanese War (1904-1905)]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 1(26): 28-32. [in Russian]

Kattsina, 2015 – Kattsina, T.A. (2015). Organizatsiya i mery social'noj podderzhki naseleniya Sibiri v gody Russko-yaponskoj vojny [Organization and measures of social support for the population of Siberia during the Russian-Japanese War]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2(32): 68-79. [in Russian]

Kovalev, 2011 – Kovalev, A.S. (2011). K voprosu o metodologii istoricheskogo analiza kachestva zhizni v uchrezhdeniyah social'nogo obsluzhivaniya [On the methodology of historical analysis of the quality of life in social service institutions]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'tura i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 3-3: 75-83. [in Russian]

Kovalev, 2013 – Kovalev, A.S. (2013). Invalidnyj dom kak institut social'noj pomoshchi pozhilym lyudyam i invalidam v 20-30-h gg. XX v. (na materialah Sibiri) [The invalid house as an institution of social assistance to the elderly and disabled in the 20-30s of the XX century (based on materials from Siberia)]. *Krasnoyarsk*. 476 p. [in Russian]

Kovalev, 2024 – Kovalev, A.S. (2024). Metodika kompleksnogo analiza istorii povsednevnoj zhizni naselenija [Methodology of complex analysis of the history of everyday life of the population]. *Social'no-jekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal*. 1: 255-270. [in Russian]

Ludtke, 1999 – Ludtke, A. (1999). Chto takoe istoriya povsednevnosti? Ee dostizheniya i perspektivy v Germanii [What is the history of everyday life? Her achievements and prospects in Germany]. *Social'naya istoriya. Ezhegodnik* [Social History. Yearbook]. Moscow: ROSSPAN. Pp. 77-100. [in Russian]

Orlov, 2010 – Orlov, I.B. (2010). Sovetskaja povsednevnost': istoricheskij i sociologicheskij aspekty stanovlenija [Soviet everyday life: historical and sociological aspects of formation]. Moscow. 316 p. [in Russian]

Shcherbinina, Shcherbinin, 2011 – Shcherbinina, Yu.V., Shcherbinin, P.P. (2011). Social'no-jekonomicheskie posledstviya integracii voennyh invalidov v grazhdanskoe obshchestvo v XIX v. [Socio-economic consequences of the integration of military disabled people into civil society in the XIX century]. *Social'no-jekonomicheskie javleniya i processy*. 9(31): 186-189. [in Russian]

Tashpekova, 2021 – Tashpekova, A.T. (2021). Istoriya Saratovskogo vnutrennego garnizonnogo batal'ona v period 1811–1864 godov [The history of the Saratov internal garrison battalion in the period 1811–1864]. *Vojska nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii: proshloe i nastoyashchee* [Troops of the National Guard of the Russian Federation: past and present]. Saratov. Pp. 41-47. [in Russian]

От сторожа до продавца: повседневная занятость и трудовая деятельность военных инвалидов в 1808–1908 гг. (на примере Западной Сибири)

Александр Сергеевич Ковалев ^{a, *}, Николай Рзавич Новосельцев ^{a, b},
Дмитрий Владимирович Рахинский ^{a, c, d}, Олег Игоревич Савин ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, Российская Федерация

^c Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, Российская Федерация

^d Красноярский государственный аграрный университет, Российская Федерация

Аннотация. В настоящее время особое значение приобретает актуализация исторического опыта социальной помощи военным инвалидам в России. От того, какие ресурсы и возможности готово предоставить общество и государство инвалидам войны, зависит качество их адаптации к мирной жизни. В имперский период истории России существовала практика общественного призрения путем создания инвалидных команд, члены которых получали пенсии, вещевое довольствие, жилье, однако должны были продолжать нести службу. В то же время их служебная деятельность была связана с исполнением неармейских, а гражданских повинностей. Члены инвалидных команд привлекались к различным видам работ, которые определяли их трудовую повседневность. В настоящей статье на основе архивных материалов Государственного архива Томской области рассматриваются особенности вовлеченности военных инвалидов Западной Сибири в разные сферы общественной жизни, в которых они трудились и получали вознаграждение. Важным вопросом, поставленным в статье, является характер трудовой деятельности военных инвалидов – насколько она была частью их повседневности и в какой степени соответствовала задачам профессиональной реабилитации этой категории населения. По результатам проведенного анализа сделан вывод о том, что в период XIX – начала XX в. можно выделить две модели трудовой занятости военных инвалидов. Для первой модели была характерна трансформация служебной деятельности в социально-профессиональную, осуществлявшуюся в городском пространстве. Занятость инвалидов обеспечивалась и финансировалась, исходя из потребностей местного сообщества. Вторая модель, сложившаяся в первые годы после Русско-японской войны, была более приближенной к принципам социальной политики, предполагающей поиск трудовых мест для инвалидов войны, исходя из их заслуг перед обществом и государством. В центре этой модели находился уже реабилитационный фактор. Сравнение результативности действия этих моделей позволяет судить об эффективности каждой из них.

Ключевые слова: военные инвалиды, инвалидная команда, занятость, Западная Сибирь, общественное призрение, повседневность, Русско-японская война, труд.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alexkovaleff@yandex.ru (А.С. Ковалев)

NNovoseltsev@sfu-kras.ru (Н.Р. Новосельцев), siridar@mail.ru (Д.В. Рахинский),

OlegGTS@yandex.ru (О.И. Савин)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 701-709
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.701

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Sunzhensky Cordon and the Advanced Chechen Line in Military-Political Subordination and Cossack Colonization of the Eastern Caucasus

Abidat A. Gazieva ^{a, *}, Makhach M. Vagabov ^b

^a Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

The article examines the organization of two central sections of the Left Wing of the Caucasian Cordon Line – the Sunzhensky Cordon and the Advanced Chechen Line, in the military-political development of the region and the processes of Cossack colonization of the region. These cordon areas were of great strategic importance, since the Grozny fortress was for a long period the center of the Left flank. During the construction of fortifications on both cordon lines, forests were cut down and roads were laid to allow maneuvering during hostilities. Both cordon sections performed the function of military-political subordination of the North-Eastern Caucasus, Cossack and civilian colonization of territories located along the Lines. In the internal structure of the Left flank of the Caucasian cordon line, the Sunzhenskaya line and the Chechen cordon occupied central importance in spatial orientation. The main function of both sections was to establish military control over the lands of Greater and Lesser Chechnya, cover the Kumyk plane, and serve as a filter between the foothill and flat regions of the North-Eastern Caucasus. The processes of resettlement of the autochthonous population of the territories of the North-Eastern Caucasus and settlement along the cordon sections of the Cossack villages, and then, in a later period, through the methods of civil colonization, the incorporation of the region into the Russian Empire took place. The article shows the transformation of the region's governance system (political, military) using the example of the historical transformation of the role and significance of the fortifications of the Sunzhensky cordon and the Chechen Front line in the context of the Caucasian policy of the Russian Empire, in the implementation of state strategies in the context of regional practices of military-political reality.

Keywords: fortress, Caucasian politics, Sunzha, Chechnya, Dagestan, Cossacks, Caucasian war, Caucasian cordon line.

1. Введение

С момента появления первых кордонных участков на Восточном Кавказе, в первой четверти XVIII в. в регионе начинает формироваться военный фронт (Газиева, 2020: 21). Следует отметить, что для Кавказской пограничной зоны свойственно становление разного рода форм фронтирных отношений: экономический фронт, культурный, военный, цивилизационный. Целью данного исследования является систематизация и разработка ряда вопросов военно-политических инициатив и стратегий возведения фортификационных сооружений Сунженского кордона и Чеченской передовой линии. Задача исследования: соотнести государственные стратегии относительно военно-политического подчинения территории Северо-Восточного Кавказа (участки Сунженского кордона и Чеченской линии) с региональными возможностями претворения в жизнь государственных практик.

Фронт подразумевает зону контактных отношений (взаимодействия) между представителями различных цивилизаций и культур при складывании особого типа социально-

* Corresponding author

E-mail addresses: gazieva.abidat@mail.ru (A.A. Gazieva), 9162803@mail.ru (M.M. Vagabov)

экономического, архитектурно-исторического и социокультурного пространства, возникающего в результате культурной адаптации вследствие разного рода коммуникационных процессов.

В результате разного рода коммуникаций на контактной зоне (военное противостояние, торговые связи, матримониальные связи) происходит складывание различных типов фронтальных отношений. Аккультурационные практики (взаимовлияние, заимствование), которые были актуальны на кавказском пограничье, проходили в форме свободного заимствования (бытовая аккультурация) и государственной аккультурации (в соответствии со стратегиями государственного планирования).

Ранний период фронта на Кавказе имел следующие типы развития: культурный, хозяйственный, торговый. Разные типы культур, существуя в рамках кавказского пограничья, взаимодействовали между собой.

Пространственная среда, свойственная первым контактам на кавказском пограничье, постепенно приобретала различные формы, проявления. Параллельно торговому, экономическому типу взаимоотношений формируется тип конфронтационных отношений, складывается военный фронт – зона противостояния, которая изменила пространственно-архитектурный вид Восточного Кавказа.

Российская империя, вслед за Кизлярским участком Терской кордонной линии, разработала план строительства укреплений и крепостей по Сунже. План строительства Сунженской линии принадлежал П.Д. Цицианову и включал в себя в завершённом виде 11 укреплений с перспективой казачьей колонизации вовлечённых в строительство территорий (Гагиева, 2021: 283). Со временем казачьи станицы определили направление линейного строительства в регионе (King, 2008: 40).

Методы военно-политического подчинения использовались государством параллельно экономическим методам подчинения, так как социально-экономический фронт, оформившийся в регионе, способствовал государственной цели вовлечения местного населения Восточного Кавказа в экономическую жизнь Российской империи, развитию экономических связей региона с империей, нарушение которых негативно сказывалось на экономическом благосостоянии местного населения.

Экономический фронт (рынки, базары, возможность торговли на рынках империи, доступ к новым товарам, возможность реализовывать продукцию собственного производства), сложившийся в регионе, втягивал население в экономическое пространство Российской империи.

При А.П. Ермолове начинается системная застройка территорий между реками Терек, Сунжа и Кумыкской плоскостью, осваиваются предгорья. Военные методы способствовали подчинению территорий, но не в долгосрочной перспективе, что вызывало необходимость у государства проводить военные экспедиции регулярно. Сами военные линии возводились с целью контроля плоскостных территорий, планомерного движения к горам, которые планировалось покорить либо склонить к повиновению методами экономической изоляции, что активно использовалось российской администрацией в регионе. Данное положение подтверждается цитатой П.Х. Граббе из речи к солдатам: «Откуда человек выходит – туда достигнет русский штык. Много есть между ними (горцами – прим. Авт.) таких, которые желают наконец покоя, под защитой нашего оружия. Женщинам же и детям, ребята, непременно и везде пощада! Не будьте страшны для безоружных» (Материалы для статистики, 1869: 149).

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования стали материалы Научного архива ИИАЭ ДФИЦ РАН (Махачкала, Российская Федерация). Особый интерес представляет фонд 1, опись 1 – История Дагестана. В делах 72, 73, 97, 110 – представлены переписки командования региона с центром, рапорты военного руководства Кавказской линии, планы военной колонизации Северо-Восточного Кавказа.

Планы и инициативы военно-политического подчинения региона представлены в сборнике документов «Левое Крыло Кавказской линии (Терская область). Прикаспийский край (Дагестанская область) и Лезгинская кордонная» (Фонд редкой книги Дагестанского федерального исследовательского центра РАН). Богатый материал содержится в «Актах, собранных Кавказской Археографической комиссией» (АКАК). Данные источники содержат разнохарактерный материал по истории возведения фортификационных сооружений Сунженской линии и Передового Чеченского кордона, а также вопросов реорганизации фортификационных сооружений в результате смены тактики, планов военно-политического подчинения и освещения процесса переселения в ходе застройки пространства.

Интерес представляет журнал «Военный сборник» (статьи «Ведень», «Шамиль и Чечня»), который являлся официальным органом военного министерства Российской империи, где показаны государственные стратегии и инициативы относительно казачьей колонизации левого фланга Кавказской кордонной линии. Статьи журнала содержат подробные стратегические планы подчинения Большой и Малой Чечни, возведения кордонных участков, прокладывания дорог для нужд военной коммуникации.

Основным методом исследования является историко-системный, применение которого позволяет рассматривать вопрос процессов колонизационно-переселенческой политики как

составную часть вопроса военно-политического подчинения Восточного Кавказа. Многогранность проявлений фронтирности позволяет исследовать, на базе концепции пограничности, различные аспекты истории региона.

Теория фронта подразумевает различного уровня коммуникации, столкновение разных культур в рамках историко-географического пространства. Одним из первых типов взаимодействия было становление военного столкновения и экономических коммуникаций. Для всех фронтальных зон (американского фронта, сибирского, кавказского, нижневолжского и др.) характерно военное столкновение и военно-политическое освоение посредством возведения кордонных участков, которые, выполняя свои функции военного подчинения региона, впоследствии трансформируются в центры торговли. Данная тенденция обусловлена тем, что по военным линиям в результате казачьей, а затем и гражданской колонизации появились станицы, которые стали выполнять не только свою прямую функцию – охраны территории, но и становились площадками коммуникации (экономических связей, матримониальных связей, аккультурации). Применение концепции военного фронта как одного из типов становления фронтальной зоны кавказского пограничья позволяет нам проследить трансформацию военно-политических стратегий Российской империи.

3. Обсуждение

Вопрос возведения Сунженского кордона и Передовой Чеченской линии слабо освещён в историографии. Работа исследователя Л.Т. Агиевой посвящена вопросу возведения Сунженского кордона как ключевого звена осуществления кавказской политики на Северо-Восточном Кавказе (Агиева, 2014). В статье «К вопросу о Сунженской линии» также рассматривается вопрос принудительного переселения поселений чеченцев и ингушей, расположенных по Сунженской линии, как одно из ключевых политических решений установления контроля по Левому крылу Кавказской кордонной линии. Данные политические установки были вызваны стратегическим положением поселений коренных народов, а также в связи «с обострившимся земельным кризисом в Терской области» (Агиева, 2014).

Общие вопросы государственных стратегий возведения фортификаций Левого крыла Кавказской кордонной линии раскрываются в работе исследователя А.А. Газиевой «К вопросу о предпосылках и первом этапе создания укреплений Левого крыла Кавказской кордонной Линии» (Газиева, 2020: 20-23). Вопросам возведения кордона по Сунже посвящена работа «Историческое и военно-политическое значение Сунженского участка фортификационных сооружений Левого фланга Кавказской кордонной Линии» (Газиева, 2021: 283-287). Автор подробно останавливается на вопросе истории формирования фортификаций обоих участков Левого фланга Кавказской кордонной линии, а также вопросах трансформации военно-политических методов подчинения региона и реорганизации кордонных участков линии в 50-е гг. XIX в.

Историография работ по истории Кавказской кордонной линии представляется таким образом, что подробно разработаны и исследованы фортификационные сооружения Правого фланга и Центра линии, а Левый фланг исследован в крайне незначительной степени. Некоторые аспекты истории возведения отдельных крепостей присутствуют в обобщающих работах по истории региона, но специальных работ, посвящённых данной теме, мало.

4. Результаты

Сунженская линия в своём стратегическом плане была рассчитана на прикрытие Военно-Грузинской дороги и Кизлярского участка Терской кордонной линии.

Зона охвата и влияния напрямую зависела от стратегической, экономической значимости обозначенных границ кордона. Вдоль кордона планировалось обустроить казачьи станицы, так как военно-казачья колонизация Левого фланга Кавказской кордонной Линии была стратегическим направлением кавказской политики России в регионе. В соответствии с планом военно-политического подчинения региона возведение Сунженского кордона приближало строительство Чеченской передовой линии, «которую следовало бы устроить уже потом» (Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 85), после строительства Сунженской. Казачья колонизация по Линии должна была проходить параллельно процессу строительства кордонов, так как казачество являлось проводником кавказской политики в регионе. А.П. Ермолов в 1818 г. видел необходимость «от самого Моздока и до Кизляра поселить казачьи полки Моздокский, Гребенский и Семейной» (Волконский, 1880: 149). Процесс казачьей колонизации по реке Сунже, в соответствии с планами российской администрации, должен был способствовать не столько процессу покорения территорий, сколько их последующему удержанию в подчинении. А.П. Ермолов утверждал: «Смирить чеченцев надобно необходимо; надобно занять р. Сунжу и по течению ее устроить крепости... Теперешние селения по Линии останутся за цепью крепостей в безопасности» (АКАК, 1875: 498-499). Для закрепления результатов военно-политического подчинения горцев в регионе, требовалось постоянное присутствие войск, что решалось посредством возведения крепостей на данной территории. По мнению представителей российской администрации, «каждый выстрел отделяет покорение горцев» (Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 88), несмотря на то, что кордоны

имели прямое военное значение в своей основе. Станицы казаков выполняли функции надзора и охраны, но также служили зонами обмена, торговли, социально-бытовой коммуникации; параллельно военному фронтиру развивался экономический и цивилизационный.

Прибывший на Кавказ А.П. Ермолов, изучив особенности региона, соотнес государственные планы по укреплению в регионе с практической их реализацией, пытался убедить императора в необходимости планомерной застройки территории по реке Сунже. Основные меры, посредством которых планировалось подчинение и освоение региона, заключались, по мнению российского военного руководства на Кавказе, в следующем: «в силе оружия, в водворении русского народонаселения, в образовании внутреннего Правления, в выборе способных и достойных начальников, в развитии торговли и промышленности» ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 87](#)).

Разработанный и утверждённый императором проект А.П. Ермолова «О способах укрепления левого фланга Кавказской линии с краткой характеристикой населения» состоял из плана строительства Сунженской линии и последующего переселения казачьих станиц на территорию чеченских земель. Строительство крепостей требовало освоения лесных массивов, вырубки просек, прокладывания дорог. В 1822 г. были расчищены дороги от Ханг-Калы до Гойты, Урус-Мартан, Рошна и Гихи, к Маюртупу, Гременчуку и Шали ([Газиева, 2021: 284](#)).

Дороги прокладывали для мобильности войск по линии, а в начальный период – и для того, чтобы скорейшим образом доставлять все необходимое для строительства в намеченные точки будущих крепостей и укреплений, чтобы построить плоскость. Тактический план А.П. Ермолова сводился к военно-казачьей колонизации земель по Сунже, территорий Большой и Малой Чечни, выселению автохтонного населения в горы и склонению, путём экономической блокады, к военно-политическому подчинению. Для реализации данного тактического плана были совершены в 20-е гг. XIX в. походы против непокорных селений на Сунжу и Терек. По окончании экспедиции на Сунжу А.П. Ермолов писал: «Экспедиция на Сунжу против чеченцев, она окончена самым успешнейшим образом. Теперь не много опасностных мест в земле Чеченской, куда не было бы для меня дороги не только проходимой, но даже и удобной. Я не отступаю от принятой мною системы сдвигать злодеев всеми способами – главнейший есть голод и потому добавлюсь я иметь пути к долинам, где могут они обрабатывать землю, пасти стада свои» ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 11-12](#)). Ускоренными темпами завершилось строительство крепости Грозной, прокладывание дорог к Шали, Герменчуку, Гихам, Гойтам и другим крупным населённым пунктам Чечни. После строительства крепости Грозной некоторые селения, лежащие в отдалении от Сунжи, приняли уже присягу, и, как говорится в документах, «в первый раз чеченцы дали нам ее о подданстве» ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73. Л. 3](#)). С тех территорий, которые дали присягу империи, для строительства крепостей по Сунже собирали лес для скорейшего возведения фортификации и участков кордона.

Возведённые ранее Терская кордонная линия и Сунженская линия оформили пространство Северного Кавказа и практически завершили формирование Левого крыла Кавказской линии, окончательное оформление которого произошло после строительства Передовой Чеченской линии. Для дальнейшего военного подчинения данного региона, 3 мая 1820 г., закладывается Усть-Мартанский редут как составная часть Чеченской передовой Линии. Укрепление Амир-Аджи Юрт на правом берегу Терека, на сообщение с крепостью Внезапной, сооружено в 1825 г., обезоружено в 1838 г. и оставлено в виде тет-де-пона до построения укрепленного поста на 50 человек. Укрепление Ташкичу на реке Аксай построено в 1825 г. Куринским Егерским полком под командованием полковника Д.А.Гофмана «для защиты кумыков и для обеспечения сообщений Кавказской линии с Внезапной» ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 10](#)). Возведённое в 20-е гг. XIX в. у аула Герзель-Аул, Герзель-Аульское укрепление должно было преграждать путь горцам на Кизляр, а также защищать от набегов крупный аул Аксай. После того как укрепление у Герзель-Аул было разорено в 1824 г., по плану местной администрации в 1825 г. его перенесли на территорию пространства сообщения реки Терек и крепости Внезапной на Таш-Кичу. В 20-е гг. XIX в. строительство крепостей по Сунженской и Чеченской линиям только набирало обороты, и было отчасти реализовано строительство крепостей и укреплений, имеющих первоочередное значение. Расширение линии, увеличение её протяжённости будет происходить в следующий период, когда будут претворены в жизнь и планы казачьей колонизации, намеченные в 20-е гг. XIX в.

В 30-е гг. XIX в. продолжается строительство Сунженской линии и коммуникаций по ней, которым уделялось особое внимание. Так, «при впадении реки Гудермес в реку Сунжу; через первую из них построен мост, удобный для перехода пехоты» ([Левое Крыло, бг: 27](#)). Для данного периода свойственно влияние военно-политической ситуации в регионе на преобразование природно-географического ландшафта Большой и Малой Чечни.

На Сунженской линии появляются новые крепости. В записке, составленной из донесений генерал-адъютанта П. Граббе насчёт положения дел Левого фланга Кавказской Линии со времени разрушения Ахульго в конце августа 1839 г. до конца военных действий на данном фланге 24 ноября

1840 г. содержится материал о том, что он «предполагал устроить укрепление в Аргунском ущелье при Чахь-Гирее» ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 28-29](#)).

Стратегически важным для военной коммуникации оставался участок переправы между крепостями Внезапной и Грозной по реке Сунжа, в связи с чем было построено укрепление Умахан-Юрт, а после очередного разорения аула Аксай было принято решение о строительстве Герзель-Аульского укрепления на 200 человек. Укрепление Герзель-Аульское на реке Аксай в Чечне было вновь сооружено в 1840 г. начальником 20-й пехотной дивизии, генерал-лейтенантом Галафеевым. Укрепление составляло начало передовой Чеченской Линии, «долженствующей отделить всю Чеченскую плоскость и соединить Темир-Хан-Шуру с укреплением Назрань, только для защиты кумыков Нового Аксая, желающих переселиться на прежнее место» ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 11](#)).

На расстоянии более 19 км располагались по Сунже крепости и укрепления, которые имели дозорные башни, «там был человек днем и ночью» ([Волконский, 1880: 21](#)). Пространство от Умахан-Юрта до Сулака было занято Куринским укреплением, крепостью Хасав-Юрт. Куринское укрепление контролировало переправу через реку Мичик, Качкалыкский хребет, Кумыкскую плоскость. Сунженская линия, при завершении строительства всех фортификационных сооружений на ней, должна была не допускать проникновения чеченцев на Кумыкскую плоскость.

В 40-50-е гг. XIX в. Сунженская линия и укрепления по ней разрастались. На пространстве между Терской кордонной линией и Сунженским кордоном появляется ряд укреплений. Укрепления появились на территории юго-восточной Чечни. На левобережье реки Сулак, в Салатавии, было построено в 1857 г. укрепление Буртунай. Для контроля над Аухом и Салатавией юго-западнее крепости Хасав-Юрт было возведено укрепление Кишень-Аух. Укрепления, расположенные в ущелье реки Аргун – Аргунское, Шатоевское, Башинь-Кан и Евдокимовское (у чантийского аула Итум-Кале), – служили гарантом российского утверждения в нагорных обществах Аргунского округа. Аргунский пост, «узел выючных троп, ведущих в ущелье реки Ассы, Аргуна и Арагвы» ([Материалы для описания..., 1910: 14](#)), содержал в военно-политическом подчинении западную часть Чечни. Правый берег реки Аргун контролировался укреплением Бердыкель ([Левое Крыло..., бг: 2](#)).

Пространство от Грозной до Ведено было застроено укреплениями – предмостовым Устар-Гордоевским, Эрсенай, Воздвиженской слободой, которые контролировали аулы Шали, Герменчук, Малюртун, Шатой, Урус-Мартан.

Для подчинения и освоения земель правительственные войска начали прокладывать дороги по кордонным участкам. По занятии Таузена (Тевзана) «русские войска приступили к устройству колесного сообщения по пройденному пути и к рубке просек в 600 сажень ширины» ([Ведень, 1859: 548](#)). Гельдыгенская просека «проложена шириною в 75 саж» ([Ведень, 1859: 548](#)). Широкие просеки давали возможность манёвра русской армии и провоза артиллерии для успешного ведения боевых действий.

В 40-50-е гг. XIX в. на Сунженском участке Кавказской Линии шёл процесс казачьей колонизации, расширения линии путём «создания сети поселений на землях ингушей» ([Кодзоев, 2008: 88](#)). Сеть казачьих станиц была образована в течении Сунжи, куда были переселены 1105 семей донских казаков, 1063 семьи терских казаков и 670 семей кубанских казаков ([Barret, 1999: 42](#)). В 1852 г. по нижнему течению Сунжи было создано ещё 8 станиц ([Barret, 1999: 42](#)).

В официальных документах говорилось: «Для утверждения здесь русского владычества создать поселения казачьих станиц на Сунже и возвести укрепления при главных выходах из гор» ([АКАК, 1870: 899-901](#)). Данная тактика была обусловлена выгодами российской военной администрации в регионе и уменьшением потребности в содержании войск на линии.

Постоянный переход военной инициативы и развитие нового витка боевых действий отсрочили процесс казачьей колонизации территорий Сунженского кордона и Передовой Чеченской линии. Начался период экономического давления на территории немирных горцев. Так, в секретном рапорте командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории, начальнику Левого фланга генерал-майору Ольшескому от 9 января 1842 г. №15, отмечается: «Хлеб у чеченцев по неимению сбыта вдвое дешевле, нежели в Кумыкском владении и в Надтеречных деревнях» ([Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 110. Л. 3](#)). Стоимость хлеба, товаров сельского хозяйства, которыми торговали чеченцы, уменьшалась за счёт отсутствия сбыта. Таким образом, власти на Линии рассчитывали показать немирными горцам все выгоды взаимодействия с ними. Начинается период экономической изоляции.

К концу 40-х гг. XIX в. Сунженская и Чеченская линии продолжали совершенствоваться в военно-оборонительном значении. Укрепление Волыньское, построенное в 1844 г., положило начало появлению казачьих станиц вниз по Сунже, освоив пространство от Грозной до Назрани. С 1845 г. начинается формирование Сунженского полка, с чем связывают начало колонизации территорий по Сунже ([Barret, 1999: 42](#)).

В 1848 г. для продолжения Передовой Чеченской линии было построено укрепление Урус-Мартан, которое, по мнению местной военной администрации, было опорным пунктом на случай военных действий в предгорьях и в горах Малой Чечни. Укрепление Урус-Мартан «оживлялось

только в те минуты, когда являлась туда оказия, привозила с собою свежих людей, свежую провизию, свежие новости» (Волконский, 1880: 46) и соединяло собою дистанцию между укреплением Ачхоевским и крепостью Воздвиженской (штаб-квартира воронцовцев), которая располагалась в семи верстах от Аргунского ущелья (Волконский, 1880: 199).

Кроме того, строительство крепости Урус-Мартан было определено стратегически, и потому, что село Мартан и ряд окрестных сёл неоднократно подвергались разорению, и решение о строительстве крепости в восточной части села было военной необходимостью закрепления на данной территории и постоянном присутствии войск на ней.

В дальнейший период дистанция от укрепления Воздвиженского была отбита у горцев, поставлена в зависимость от кавказской администрации, и образовалась кордонная дистанция от Воздвиженского укрепления до Куринского, что было необходимостью для свободного доступа в общества Чечни.

По Линии продолжалась вырубка просек для свободного перемещения между фортификационными сооружениями на участках кордона в направлении Ауховского общества как одного из наиболее воинственных. Также было дано распоряжение администрации: «От аула Шали к крепости Воздвиженской в 1852 г. расчистить просеку» (Левое Крыло..., бг: 23). Расчистка шла при разделении войск на 2 колонны: «Одна из них (4 батальона, 4 легких орудия и 1 сотня казаков), занялась позицией на Чингроевской высоте, начала расчистку просеки по направлению к Шали; другая работала от разрушенного аула Ставонкула к Чингрою» (Левое Крыло..., бг: 23).

6 апреля 1857 г. началась «вырубка леса, закрывающего Устархановское поле» (Левое Крыло..., бг: 34), «расчистка Гехинской просеки» (Левое Крыло..., бг: 38) и «расчистка просеки к Кишень-Ауху» (Левое Крыло..., бг: 36). Так как просека к Кишень-Ауху имела важное значение, «весь лес, прикрывавший Ауховские поля, вырублен, дороги на бывшие аулы Сати-Юрт и Марцык-Юрт раскрыты и все засеки вокруг леса сожжены» (Левое Крыло, бг: 36). Несмотря на то что леса систематически вырубали, с 20-х гг. XIX в. острой оставалась проблема вырубки просек и прокладывания дорог и в 50-е гг. Так, в одном из источников говорится, что «в то время главнейшею преградою сообщений российской армии от укрепления Куринского с местностью за рекой Мичиком были громадный лес по южной покатости Качкалыковского хребта» (Волконский, 1880: 10).

О непроходимости данного пространства говорил Н.А. Волконский, упоминая: «Мы когда-то летом в Чечне ничего особенно важного не предпринимали, а старались все главное покончить тогда, когда деревья были обнажены от листьев, когда лес сквозил и выдавал нам каждую скрытую в нем неприятельскую папаху» (Волконский, 1880: 2).

Необходимость мобильности по линии и скорого доступа между укреплениями требовала сокращения расстояния между фортификационными объектами. Данную необходимость осознавали местные власти, заключив её в следующее определение: «Проснулись с наступлением Нового года, встали с постели и отправились в путь, поближе от дома, готовые вернуться туда при первой надобности» (Волконский, 1880: 3). Длительные, истощающие армию походы были неуместны в условиях войн с горцами, в связи с чем пространства между крепостями и кордонами по всей Кавказской Линии сокращались.

Несмотря на смену тактического вектора проведения покорения гор, тактика карательных операций против немирных горцев сохранялась. Под командованием полковника Кононовича группа отрядов «была направлена для уничтожения аула Ретлю, окончательного разрушения башен Чомлаха и истребления хлебов этих аулов» (Левое Крыло..., бг: 69). Процесс переселения чеченцев с гор на пространство по линии продолжался. Между Сунжей, Аргуном и до крепости Воздвиженской в 1856 г. было поселено 11 аулов, к 1 января 1859 г. – 16 аулов (Шамиль и Чечня, 1859: 155).

Руководство кавказской администрации, осознавая необходимость укрепления и освоения в землях чеченцев с учётом недочётов политики предыдущего периода покорения, в 50-е гг. XIX в. сконцентрировало все военные силы и ресурсы данного участка для закрепления у предгорий Андийского хребта и возведения там нового кордона, сокращения протяжённости Линии как единственной возможности покорения Большой и Малой Чечни.

В 50-е гг. XIX в. укреплений и крепостей по Левому флангу Кавказской линии стало много, с учётом того, что многие из них не выполняли к обозначенному времени своих функций, но требовали содержания.

С момента основания и до 1857 г. крепость Грозная была центром Левого фланга Кавказской кордонной линии. В 1857 г. А.И. Барятинский, обращаясь к И.О. Сухозанету, писал: «Большая Кабарда присоединена к Левому крылу Кавказской Линии. С таковым присоединением штаб командующего войсками означенного крыла и 20-й пехотной дивизии удобнее расположить в крепости Владикавказ, которая занимает положение более центральное к Левому крылу, чем крепость Грозная, находится ближе к Тифлису, средоточию всех управлений на Кавказе, и в центре горских народов бывшего Владикавказского округа» (Шамиль и Чечня, 1859: 89-90).

К концу 50-х гг. XIX в., как и в 1840-е гг., всё ещё применялась тактика карательных походов. Несмотря на военно-политическое подчинение большей части территории, активное использование института аманатства, становление и развитие экономической интеграции, практика карательных

походов сохранялась. Отличительной особенностью было лишь то, что походы были не затяжными, это не были экспедиции, как, к примеру, в 20-е гг. XIX в. Кордонные Линии, а особенно плотная их застройка, минимизировали время на поход, давали возможность скорейшего возвращения в укрепление в случае непогоды или неудачи. В данном стратегическом отношении русская армия на Кавказе стала менее уязвимой.

В 50-е гг. XIX в. можно отметить серию небольших карательных походов. Из журнала военных действий Мало-Чеченского отряда с 20-го по 31-е октября 1857 г. представленный рапорт командующим войсками Левого Крыла Кавказской Линии, генерал-лейтенантом Евдокимовым военному министру, генерал-адъютанту Сухожанету от 30 октября 1857 г., № 1899 гласит, что «21 числа сожжены аулы Сулейма, Габриели, Неби, Ансарь, Обрукъ, Шавдонъ-Хай и Гойчу. 22 числа были сожжены аулы Адиль-Гирей, Агашпатой, Птехой, Чижнагой, Дзумсой, Темир-Булат, Мурдаль, Чингрой, Яндытъ-Бейбулат, Бойсу, Чады, Шали. Все имущество этих аулов найдено в лесу и солдаты, казаки и милиционеры возвратились в лагерь обремененные добычей» ([Шамиль и Чечня, 1859: 97-98](#)).

Остро стоял вопрос налаживания транспортных коммуникаций по линии, которые возобновились в 1858 г., когда была устроена дорога по Аргуну, дорога от лагеря до Варандинского поля и моста, соединяющая по ущелью вышперечисленные дороги. С 20 декабря 1858 г. началось наступление русских войск на селение Ведено ([Ведень, 1859: 546](#)). При проведении этой операции «прорубались просеки к крепости Воздвиженской» ([Ведень, 1859: 548](#)). Несмотря на десятилетия, в которые продолжалось природно-географическое освоение территорий Большой и Малой Чечни, вопрос коммуникации, транспортного сообщения оставался актуальным, как и по всей Линии в целом, что можно обусловить фактором идущей войны и природно-географическими особенностями региона.

Многочисленные элементы военного фронта на Кавказе функционировали до 1860 г., когда были упразднены ввиду отсутствия в них военно-стратегической необходимости.

5. Заключение

С момента возведения первых фортификационных сооружений, Сунженский кордон и Чеченская передовая линия стали играть стратегическую роль в военно-политическом подчинении Чечни. Степень застройки системы фортификации уплотнялась с каждым периодом боевых действий. Сложившись как составная часть военного фронта кавказского пограничья, её роль трансформировалась, способствуя становлению иных форм фронтальных коммуникаций.

Расширение кордонных участков, увеличение протяжённости линий, улучшение материально-технической базы укреплений зависело от личности главнокомандующего, этапа и степени успеха боевых действий в регионе. По истории Сунженского кордона и Чеченской передовой линии можно проследить трансформацию военно-политических взглядов российской администрации относительно позиции и тактики подчинения и освоения региона. Стоит отметить, что в вопросах военно-политического покорения региона с начала века произошла трансформация. Тактика небольших, частых карательных операций при А.П. Ермолове сменилась тактикой длительных экспедиций, со складыванием планомерного освоения края – где параллельно с военным началом складывались новые ступени интеграции. Несмотря на то что происходит складывание новых типов коммуникации, стоит отметить, что периодами мы наблюдали возвращение к старым тактикам, особенно после Даргинской операции М.С. Воронцова, проанализировав которую, он вернулся к карательным операциям, систематической прорубке просек, прокладыванию дорог. Наиболее часто данные тактики, свойственные в целом для ермоловского периода, применялись при строительстве фортификаций Сунженского кордона и Передовой Чеченской линии, что было обусловлено природно-географическими особенностями территории, пониманием того, что мобильность войск по кордонам – это основополагающий фактор успешного военно-политического подчинения региона. Планомерная колонизация Сунженской и Чеченской линий, сначала казачья, затем гражданская, способствовала складыванию особенностей военного фронта, свойственного для всей Кавказской кордонной линии, а также формированию новых пограничных типов коммуникации и развитию уже имеющихся, как, к примеру, торговый и цивилизационный фронт.

Литература

[Агиева, 2014](#) – Агиева Л.Т. К вопросу о Сунженской линии / *Сборник докладов международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию II съезда ингушского народа*. Магас, 2014. С. 32-58.

[АКАК, 1870](#) – Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис, 1870. Т. 4. 1044 с.

[АКАК, 1875](#) – Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 2. 950 с.

[Ведень, 1859](#) – Ведень // *Военный сборник*. № 4. 1859. С. 546.

[Волконский, 1880](#) – Волконский Н.А. Погром Чечни в 1852 году. Тифлис, 1880. 154 с.

Гагиева, 2020 – Гагиева А.А. К вопросу о предпосылках и первом этапе создания укреплений Левого крыла Кавказской кордонной Линии // *Вестник Дагестанского научного центра*. 2020. № 79. С. 20-23.

Гагиева, 2021 – Гагиева А.А. Историческое и военно-политическое значение Сунженского участка фортификационных сооружений Левого фланга Кавказской кордонной Линии / *Военно-исторические аспекты жизни юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музеефикации. Материалы III международной научно-практической конференции*. Волгоград, 2021. С. 283-287.

Кодзоев, 2008 – Кодзоев Н.Д. Ученые записки №1. Населенные пункты Ингушетии: история и современность. Магас, 2008. С. 87-92.

Левое крыло... – Левое крыло Кавказской кордонной Линии (Терская область). Прикаспийский край (Дагестанская область) и Лезгинская кордонная Линия. Сборник документов Б.в.д. // *Из Фонда редкой книги ИИАЭ ДФИЦ РАН*. 752 с.

Материалы для описания..., 1910 – Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Магометанском театре с планами. Т. VI. Ч. I. Тифлис, 1910. 497 с.

Материалы для статистики..., 1869 – Материалы для статистики Кизлярского полка Терского казачьего войска. 1858–1868 гг. // *Военный сборник*. Т. CXXXVI. Санкт-Петербург. 1869. 556 с.

Материалы по истории..., 1940 – Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века). «Материалы по истории Дагестана и Чечни (первая половина XIX века)». Т. 3. Часть 1. Махачкала, 1940. 472 с.

Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН – Научный архив ИИАЭ ДФИЦ РАН.

Шамиль и Чечня, 1859 – Шамиль и Чечня // *Военный сборник*. 1859. № 9. С. 155.

Barrett, 1999 – Barrett T.M. At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860. Boulder: Westview, 1999. 243 p.

King, 2008 – King Ch. The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 2008. 314 p.

References

Agiyeva, 2014 – Agiyeva, L.T. (2014). K voprosu o Sunzhenskoy linii (chast' I) [To the issue of the Sunzhenskaya line (part I)]. K voprosu o Sunzhenskoj linii. *Sbornik dokladov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 25-letiyu II s'ezda ingushskogo naroda*. Magas. Pp. 32-58. [in Russian]

AKAK, 1870 – Akty, sobrannyye Kavkazskoy Arkheograficheskoy komissiyey [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission] Tiflis, 1870. T. 4. 1044 p. [in Russian]

AKAK, 1875 – Akty, sobrannyye Kavkazskoy Arkheograficheskoy komissiyey [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Tiflis, 1875. T. 6. Ch. 2. 950 p. [in Russian]

Barrett, 1999 – Barrett, T.M. (1999). At the Edge of Empire: The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860. Boulder: Westview, 243 p.

Gazieva, 2020 – Gazieva, A.A. (2020). K voprosu o predposylkakh i pervom etape sozdaniya ukrepleniya Levogokryla Kavkazskoy kordonnoy Linii [On the issue of preference sand the first stage of creating a fortification of the Leftwing of the Caucasian Cordon Line]. *Vestnik Dagestansko gonauchnogo tsentra*. 79: 20-23. [in Russian]

Gazieva, 2021 – Gazieva, A.A. (2021). Istoricheskoye i voyenno-politicheskoye znachenie Sunzhenskogo uchastka fortifikatsionnykh sooruzheniy Levogo flanga Kavkazskoy kordonnoy Linii [Historical and military-politicals ignificance of the Sunzha section of the fortification structures of the Left flank of the Caucasian Cordon Line]. *Voyenno-istoricheskoye aspekty zhizniyuga Rossii XVII-XXI vv.: voprosy izucheniya i muzeyefikatsii. Materialy III mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Volgograd. Pp. 283-287. [in Russian]

King, 2008 – King, Ch. (2008). The Ghost of Freedom: A History of the Caucasus. Oxford: Oxford University Press, 314 p.

Kodzoyev, 2008 – Kodzoyev, N.D. (2008). Uchenye zapiski №1. Naseleennye punkty Ingushetii: istoriya i sovremennost' [Scientific notes №1. Populated areas of Ingushetia: history and modernity]. Magas. Pp. 87-92. [in Russian]

Levoe krylo... – Levoe krylo Kavkazskoj kordonnoj Linii (Terskaya oblast'). Prikaspijskij kraj. (Dagestanskaya oblast') i Lezginskaya kordonnaya Liniya [The left wing of the Caucasian cordon Line (Tersk region). Caspian region. (Dagestan region) and Lezgin cordon Line]. *Sbornik dokumentov B.v.d. Iz fonda redkoi knigi IIAE DFITs RAN*. 752 p. [in Russian]

Materialy dlya opisaniya..., 1910 – Materialy dlya opisaniya russko-turetskoy voyny 1877-1878 gg. Na Kavkazsko-Magometanskom teatre s planami [Materials for describing the Russian-Turkish warof 1877-1878. At the Caucasian-Mahometan Theater with plans]. T. VI. Ch. I. Tiflis, 1910. 497 p. [in Russian]

Materialy dlya statistiki..., 1869 – Materialy dlya statistiki Kizlyarskogo polka Terskogo kazach'yego voyska. 1858–1868 gg. [Materials for statistics of the Kizlyar regimen to the Terek Cossack army. 1858–1868]. *Voyennyi sbornik*. T.CXXXVI. SPb. 1869. 556 p. [in Russian]

[Materialy po istorii..., 1940](#) – Materialy po istorii Dagestana i Chechni (pervaya polovina XIX veka). [Materials on the history of Dagestan and Chechnya (first half of the 19th century)]. T. 3. Ch. 1. Makhachkala, 1940. 472 p. [in Russian]

[Nauchnyi arkhiv IIAE DFITs RAN](#) – Nauchnyi arkhiv IIAE DFITs RAN [Scientific archive of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences].

[Shamil' i Chechnya, 1859](#) – Shamil' i Chechnya [Shamil and Chechnya]. *Voennyi sbornik*. 1859. 9: 155. [in Russian]

[Veden', 1859](#) – Veden'. *Voyennyi sbornik* [Veden. Military collection]. 1859. 548 p. [in Russian]

[Volkonskiy, 1879](#) – *Volkonskiy, N.A.* (1879). *Pogrom Chechni v 1852 godu* [Pogrom of Chechnya in 1852]. Tiflis, 154 p. [in Russian]

Сунженский кордон и Передовая чеченская линия в военно-политическом подчинении и казачьей колонизации Восточного Кавказа

Абидат Абдулаевна Гагиева^{a, *}, Махач Мустафаевич Вагабов^b

^a Институт истории, археологии, этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Махачкала, Российская Федерация

^b Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается организация двух центральных участков Левого крыла Кавказской кордонной Линии – Сунженского кордона и Передовой Чеченской Линии, их роль в военно-политическом освоении и процессах казачьей колонизации региона. Данные кордонные участки имели важное стратегическое значение. Так, крепость Грозная была длительным периодом центром Левого фланга. В ходе работ по возведению фортификационных сооружений обеих кордонных линий проводилась вырубка лесов, прокладывание дорог для возможности маневрировать в ходе боевых действий. Оба кордонных участка выполняли функцию военно-политического подчинения Северо-Восточного Кавказа, казачьей и гражданской колонизации территорий, расположенных по Линиям. Во внутреннем устройстве Левого фланга Кавказской кордонной линии, Сунженская линия и Чеченский кордон занимали центральное значение в пространственной ориентации. Основная функция обоих участков заключалась в установлении военного контроля над землями Большой и Малой Чечни, прикрытии Кумыкской плоскости, выполнении функции фильтра между предгорными и плоскостными районами Северо-Восточного Кавказа. Процессами переселения автохтонного населения территорий Северо-Восточного Кавказа и заселения вдоль по кордонным участкам казачьих станиц, а затем, в более поздний период, и методами гражданской колонизации происходила инкорпорация региона в Российскую империю. В статье показана трансформация системы управления регионом (политического, военного) на примере становления и функционирования фортификационных сооружений по Левому флангу Кавказского кордона – как центров реализации государственных стратегий в контексте региональных практик военно-политической действительности.

Ключевые слова: крепость, кавказская политика, Сунжа, Чечня, Дагестан, казаки, Кавказская война, Кавказская кордонная линия.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gagieva.abidat@mail.ru (А.А. Гагиева), 9162803@mail.ru (М.М. Вагабов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 710-720
DOI: 10.13187/bg.2025.2.710

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Policy of the Russian Empire on Managing the Cossacks and Highlanders in the 19th century

Evgenii A. Avdeev ^{a, *}, Aleksey M. Erokhin ^a, Sergej M. Vorobev ^a, Sergej N. Bredikhin ^a

^a North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the main stages and features of the imperial policy on managing the Cossacks and highlanders in the 19th century. The policy was aimed at the formation of Cossack regiments and their integration in the system of a unified military administration. The Cossacks were involved in rear and border service, the construction of new fortresses and the foundation of villages. During the Caucasian War, the number of Cossacks increased due to the assignment of other categories of the population to them, including highlanders. During this period, the military form of governance of the Cossack and highland population was formed. The newly established Caucasian Viceroyalty played a significant role in the transformation of the Caucasus. Upon completion of military operations, a new form of governance of the local population was implemented – military-people's governance. Along with the military leadership, mountain elites were involved in making administrative and judicial decisions. The established mountain courts relied on the laws of the Russian Empire, adats and sharia. In the last third of the 19th century in the Kuban and Terek regions, a transition to civil and then military governance took place. At the same time, elements of military-national governance were preserved in the North Caucasus. In the Dagestan Kuban and Terek regions, mountain courts continued their activities. The number of Cossacks decreased, and some villages got the civilian status. Universal military service of the Cossacks was replaced by conscription. Despite the inconsistency and situational nature of many management decisions, the imperial policy for governing the Cossacks and mountaineers as a whole made it possible to solve the problems of pacification and integration of the Caucasus into Russia.

Keywords: North Caucasus, Russian Empire, Cossacks, mountaineers, Caucasian War, military service, military-national governance, mountain courts, adats, sharia.

1. Введение

Значимой в истории Северного Кавказа XIX в. является проблематика государственного управления казачьими и горскими общинами. Характерной особенностью казаков и горцев была общая военизированная основа жизни, быта и культуры, что влияло на специфику организации управления казачьими и горскими общинами. Российские власти стремились создавать казачьи станицы как военные поселения. Горская община исторически формировалась как военный отряд, с детства горцев воспитывали и готовили как воинов. Во многих кавказских языках понятия «народ» и «община» были синонимами ополчения. Ядро горского общества составляли полноправные воины-общинники. Родовые общности горцев, лояльно относящиеся к имперской власти, не подвергались изменениям, т. к. позволяли организовывать управление горцами. Однако в целом военизированная организация горцев была проблемой для имперской власти. Казачество отличалось этнической и конфессиональной мозаичностью. Казаки принимали в свою среду беглых крепостных крестьян, свободных переселенцев, горцев, бежавших от преследований со стороны соплеменников.

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

Большинство казаков исповедовали православие, наряду с этим были и калмыки-буддисты, ногайцы и кумыки-мусульмане.

Специфика этих общностей предполагала формирование имперскими властями как общих, так и особых управленческих подходов и практик, которые менялись в зависимости от ситуации связанной с военной динамикой, процессами освоения и колонизацией региона. И те, и другие отличались воинственностью и свободолобием, высокой степенью самоорганизации и самоуправления. Основой их жизнедеятельности были военные столкновения друг с другом, организация набегов и грабежей. Отношения между казаками и горцами характеризовались борьбой за земли, скот и пастбища, особенно в ходе переселения горцев из гор на равнинные земли. Наиболее характерным это было в пограничных казачьих станицах и близлежащих горских поселениях. Обе стороны практиковали одни и те же методы борьбы, совершали грабительские набеги, угоняли скот и сжигали поселения. Некоторые вольные казаки (старообрядцы-некрасовцы) совершали вооружённые набеги и захватывали невольников, сбывая горцам похищенное и похищенных (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 258. Л. 28). Фронтальное взаимодействие казаков и горцев приводило к взаимопроникновению особенностей жизненного уклада, быта, форм хозяйственной деятельности (Барретт, 2000: 175). Это также содействовало изучению и использованию в межкультурном взаимодействии казаками горских языков, горцы в свою очередь стремились понимать русскую речь. Этому способствовали развитие торговых отношений и социокультурное взаимодействие, основанные на взаимоуважении, принятии иных образа жизни, традиций и культуры. Терские казаки до середины XIX в. в основном закупали вооружение (шашки, кинжалы и мушкеты), произведённое горскими оружейниками. Среди казаков имелось большое количество потомственных кунаков из числа черкесов, чеченцев и кумыков (ЦГАРД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 624. Л. 49, 52, 54-55).

Существовали серьёзные различия в организации взаимодействия имперской администрации с казаками и горцами. Так казаки под эгидой Российской империи, наряду с регулярной армией, защищали пограничные рубежи, привлекались к несению строевой службы, строительству оборонительных линий и крепостей. Вооружённые горцы объединяясь выступали против осуществляющейся имперской экспансии, защищали свои земли, общественное устройство, образ жизни и традиции. Наряду с вооружённым противостоянием происходила постепенная интеграция горцев, живших на присоединённых к России территориях, включение части их в состав казачьих общин. Процессы формирования казачества на Северном Кавказе были неоднородными. Создавались казачьи подразделения в составе российских войск. Это были так называемые служилые казаки. Наряду с ними были самоорганизующиеся вольные казачьи общины. Горцы также делились на мирных, тех, кто принимал новую российскую власть и продолжал жить в пределах Кавказской пограничной линии, и немирных, уходивших в горы и продолжавших воевать. Таким образом, несмотря на существенные различия в вероисповедании, культуре и традициях, активное вооружённое противостояние между казаками и горцами, прослеживаются и общие характерные черты, такие как стремление к свободе, отстаивание исторически присущих им форм самоуправления, военизированный образ жизни, а также стремление защитить свою землю, ценности и веру.

2. Материалы и методы

Комплексный подход к изучению политики Российской империи по управлению казаками и горцами в XIX в., выявление специфики и определение характерных черт и особенностей предполагает использование широкого круга историографических источников. В исследовании применялись статистические и архивные материалы, включающие фонды федерального и ряда региональных архивов: Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственный архив Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация), Центральный государственный архив Республики Дагестан (Махачкала, Российская Федерация), Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (Нальчик, Российская Федерация), Архив Кабардино-балкарского института гуманитарных исследований (АКБИГИ), Рукописный фонд института истории, археологии и этнографии дагестанского федерального исследовательского центра РАН (РФИИАиЭ ДФИЦ РАН). Использованы государственные нормативные акты и данные статистики: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ); Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК); Сборник сведений о Терской области. Также задействован корпус дореволюционных документальных и историко-публицистических материалов: «Ставропольское казачье юнкерское училище, 1870/71–1897/98: памятка о двадцатисемилетней его жизни и деятельности», «Всепогоднейшая записка по управлению Кавказским краем»; материалы журнала Русская мысль.

Анализ архивных документов, законодательных актов и иных историографических материалов позволил провести историческую реконструкцию формирования и эволюции системы государственного управления на Северном Кавказе, включающую в себя организацию военно-административного и военно-народного управления, а также судебной системы, регламентацию военной службы казаков, организацию хозяйственной жизни и управления казачьими и горскими общинами. Опора на системный

подход, историографический и историко-генетический методы позволила раскрыть процесс становления и развития институтов управления казаками и горцами на Северном Кавказе в XIX в., выявить основные этапы эволюции системы государственной власти, описать причины изменений в управленческих подходах и практиках управления казаками и горцами.

3. Обсуждение

Становление казачьих поселений на Кавказе и колонизация края, взаимодействие казаков, горцев и российских властей широко обсуждались в имперской историографии. Значимым было изучение жизни, быта, традиций черноморских и гребенских казачьих сообществ, специфики казачьего самоуправления, их взаимодействие с горцами в историко-этнографических исследованиях, проводимых И.Д. Попко (Попко, 1858; Попко, 1880). Детальные исследования военных аспектов организации управления на Северном Кавказе, многогранного взаимодействия имперских властей и горцев проводились В.А. Потто и другими военными историками (Утверждение русского..., 1901–1908). Обобщающие труды, рассматривающие историю создания кордонных линий и казачьих поселений на Тереке и Кубани в первой половине XIX в., были составлены и опубликованы И.Л. Дебу (Дебу, 1829). Ценные статистические материалы, освещающие этногенез терских казаков, включение в ряды казачества переселенцев с Дона и других областей, а также кавказских и других народов, были собраны Е.Д. Максимовым и С.И. Писаревым (Максимов, 1890; Писарев, 1881). Важное место в имперской историографии занимает многолетний труд Ф.А. Щербины, в котором подробно рассматривается освоение казаками Северного Кавказа, организация устройства казачьей жизни, специфика формирования традиций и духовной культуры, их взаимодействие с горским населением и имперскими властями (Щербина, 1910–1913).

В постимперский период также проводились исследования культуры, быта, особенностей семейных и общинных отношений в среде казачества (Заседателева, 1974). Современными российскими исследователями изучались различные аспекты организации и функционирования системы управления горцами, вошедшими в XIX в. в состав Российской империи (Гранкин, 2021; Avdeev et al., 2024a; Zozulya et al., 2020). Рядом современных историков-кавказоведов рассматривались различные аспекты жизни, быта, характера общественных отношений, организации системы управления казаками и горцами на Северном Кавказе (Дзамихов, 2000; Тхамокова, 2022; Лазарян, 2021; Клычникова, 2006).

4. Результаты

Имперская политика по созданию казачьих поселений на Северном Кавказе в XIX в. была связана с борьбой между Россией и Османской империей за контроль над регионом и последующей Кавказской войной. Строительство казачьих станиц, обеспечение казаков оружием и возложением на них обязанностей по охране рубежей снижало военные расходы и обеспечивало безопасность границ. Активное привлечение казаков начинается с последней трети XVIII в. в период создания Кавказской линии, которая представляла собой цепь крепостей, растянувшуюся от Азова до Моздока. Так, после завершения строительства крепости Моздок в 1769 г. с земель Войска Донского были переселены 250 казачьих семей в станицы Наурская, Галгаевская, Ищерская, Мекенская, Калиновская и Луковская. При крепостях Кавказской линии в 1777–1780 гг. были поселены казаки Волгского и Хоперских полков. Ряд крепостей Кавказской линии в конце XVIII – начале XIX в. получают статус уездных городов (История городов и сел..., 2008). В этот период имперская политика на Кавказе была направлена на формирование казачьих полков и постепенное включение их в состав регулярных войск. Элементы казачьего самоуправления сохранялись только на низовом (куренном и станичном) уровне. Для защиты крепостей и форпостов Кавказской линии формируется Кавказское линейное казачье войско, включающее в себя Терский, Гребенской, Кизлярский, Моздокский и Горский полки. Возглавляли полки наказные атаманы, назначаемые военным министром. Под руководством наказных атаманов осуществлялось как военное, так и гражданское управление казаками. Значимость казачьих войск в составе линейной армии подчёркивалась тем, что начиная с 1827 г. наследники российского престола назначались атаманами всех казачьих войск Российской империи. Этим маркировалась символическая связь всех казаков с императорским двором и военной службой империи.

Одним из направлений имперской политики в отношении казачества, актуальным на начальных этапах Кавказской войны в связи с гибелью казаков в ходе военных столкновений и многочисленными задачами по охране дорог и кордонных линий, стало увеличение численности казаков за счёт приписывания к ним мирных горцев и государственных крестьян. В 1820–30-х гг. был принят ряд государственных решений, которые облегчали привлечение в казаки и увеличение числа казачьих поселений. В 1823 г. согласно государственному указу выделяются земли для создания 14 новых казачьих станиц (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 37. № 29682). Вместе с казаками станицы населялись бывшими солдатами, крестьянами-переселенцами и горцами, преимущественно из кабардинцев, абазин и осетин. Все жители этих станиц включались в реестры линейных казаков. Горский казачий полк, сформированный в 1824 г., комплектовался кабардинцами, осетинами, а также казаками, проживающими в станице Луковской. Включение однодворцев и других государственных крестьян в состав линейных казачьих полков

осуществлялось на основе указа 1827 г. (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 2. № 1418). Далее Император Николай I в 1828 г. издаёт ещё один подобный указ (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. № 2301). В 1832 г. 31 казённое селение Кавказской области для усиления Кавказской линии переводится в казачьи станицы, а их жители приписываются к линейным казакам (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 7. № 5796).

Другим направлением имперской политики в отношении казачества был их перевод в военно-служивое сословие, придание ему легитимного статуса. Так в 1845 г. утверждается Положение о Кавказском линейном казачьем войске, которому по-прежнему дозволяется принимать в своё сословие однодворцев, казённых крестьян, отставных крестьян и ряд других категорий населения. На казаков, помимо несения военной службы, охраны Кавказской линии и Военно-грузинской дороги, возлагался ряд повинностей (почтовая, подводная, дорожная, квартирная, паромная и др.) (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 20. Отд. 1. № 18739). В дальнейшем система государственного управления казачьим войском продолжала совершенствоваться. Военная служба казаков государству становилась обязательной. Наряду с военными обязанностями, казаков привлекали к несению полицейской службы. Казачьих офицеров стали уравнивать с армейскими, в том числе и при выплате жалования и получении потомственного дворянства в случае успешного продвижения по службе до чина полковника и выше (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 31. Отд. 1. № 31236). В 1850-х гг. принимается ряд решений, направленных на увеличение числа казачьих частей в составе российских войск, дислоцированных на Кавказе, за счёт разрешения причислять к линейным казакам раскольников и женатых солдат, живущих в казачьих станицах (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 34. Отд. 1. № 34449; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 28. Отд. 1. № 27160; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 33. Отд. 1. № 33280). Продолжалось увеличение числа казаков и за счёт основания новых станиц. Например, в 1859 г. по указу военного министра начали создаваться семь новых казачьих станиц на передовых линиях Кавказского линейного казачьего войска, в которые предполагалось переселить казаков и крестьян с Дона, Терека и центральных губерний (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 33. Отд. 2. № 33641).

По завершении Кавказской войны (1859 г.) продолжилось дальнейшее развитие территориальных структур казачьих ареалов. Так, в 1860 г. были образованы Кубанская и Терская область, включившие в себя правое и левое крылья Кавказской линии. Командующий войсками правого крыла Кавказской линии стал именоваться начальником Кубанской области, левого – Терской области. Территория севернее Главного Кавказского хребта стала называться Северным Кавказом (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 35. Отд. 1. № 35421; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 35. Отд. 1. № 35822). Сформированная административная граница между Кубанской и Терской областью стала линейной, разделившая казаков на терских и кубанских (до этого именовавшихся черноморскими). Можно считать, что с этого момента начинается современная история терского и кубанского казачества (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 35. Отд. 2. № 36327).

Прекращение военных действий, особенно на территории Чечни и Дагестана, постепенное умиротворение горцев, снизило значимость казачьих формирований в качестве охранных и военизированных подразделений в составе регулярной армии. После окончания Кавказской войны в имперской политике формируется тенденция к расказачиванию: некоторые станицы стали исключаться из разряда казачьих. Руководство ряда станиц также стремилось выйти из состава казачьего войска, особенно те, в которых большинство населения составляли горцы. Так, станичники Бабуковской станицы несколько раз подавали прошение об отчислении из казачьего войска. В 1860 г. эта станица, согласно указу, была упразднена, а её жителям-горцам предписывалось переселиться в Большую Кабарду (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 35. Отд. 2. № 36204). В 1869 г. станица Железноводская Терского казачьего войска, а также 12 станиц Кубанского казачьего войска были переведены в гражданское состояние и включены в состав Ставропольской губернии. Офицеры и казаки, желающие остаться в казачьем сословии, должны были переселиться во вновь устроенные станицы Закубанского края (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 44. Отд. 2. № 7849). В мирных условиях стал изменяться и порядок воинской службы казаков. На основе положения 1870 г. прекращался всеобщий характер строевой службы, вместо него призыв на действительную службу при отсутствии добровольцев проводился путём жеребьёвки. Увеличивалось число нарядов на полевую и кордонную службу. Казакам предписывалось иметь собственного коня, амуницию и вооружение, что было для большинства казаков обременительным. В этой связи в Уставе о воинской повинности 1875 г. предусматривался порядок возмещения потраченных казаками средств на военную службу, включая расходы на коня, оружие и амуницию (Очерки традиционной..., 2002: 412).

В послевоенное время совмещение военной и хозяйственной деятельности для казаков было крайне сложным. Исполнение воинских повинностей становилось все более и более тягостным. Даже после ухода с военной службы казаки должны были поддерживать в исправном состоянии военную форму, оружие, снаряжение и строевого коня, а также быть готовыми к участию в ежегодных военных сборах в течение месяца. Наряду с подготовкой к военной службе, они должны были выполнять обязанности по внутренней службе, привлекались также к работам вне обязанностей согласно положениям и воинским уставам. Невыполнение требований атаманов приводило к проведению следствия и привлечению к суду (ГАКЧР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 55. Л. 43, 48). В этот период казакам стало разрешаться вместо внутренней службы вносить в станичную казну денежные средства в размере от

50 до 100 рублей или натуральные возмещения. Это давало освобождение от выполнения обязанностей военной службы на один-два года. Вместо них служили беднейшие слои казаков. В исполнение обязанностей по внутренней службе добавлялись и полицейские, казаки привлекались для подавления массовых демонстраций и протестов (Футорянский, 1998: 111).

В дальнейшем проблема комплектования строевых частей казачьих войск продолжала обостряться. Желание служить в связи с тяготами и затратами военной службы существенно снижалось. Было трудно совмещать строевую службу с эффективным ведением хозяйства, что приводило к росту численности беднейших слоёв среди казаков. Однако требования к казакам по подготовке к строевой службе не снижались. От казаков, согласно положению «О военной службе казаков Кубанского и Терского казачьих войск» 1882 г., поступавших на военную службу, требовалось быть на лошади в хорошем состоянии, иметь обмундирование, ружья, патроны, шашки и кинжалы исправными, «в надлежащей чистоте и образцовом виде» (Омельченко, 1991: 113). Увеличивались и требования к подготовке офицеров Кубанского и Терского казачьих войск. По инициативе Наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича 15 декабря 1870 г. открывается Ставропольское урядничье училище (в 1871 г. переименовано в Ставропольское казачье юнкерское училище), готовящее будущих казачьих офицеров кавказских казачьих войск Кубанского и Терского. В училище изначально принимались только дети потомственных и личных дворян, однако с 1874 г., после введения всеобщей воинской повинности, к приёму стали допускаться молодые люди всех сословий. В 1898 г. училище было закрыто, а обучение будущих казачьих офицеров осуществлялось в Донском и Владикавказском кадетских корпусах, а также в Майкопской артиллерийской школе (Баратов, 1898).

Не менее сложной была организация взаимодействия имперской власти с горскими элитами и горскими общинами на Северном Кавказе. После строительства и укрепления Кавказской линии одной из центральных задач стало умиротворение горцев на предгорных и горных территориях, прилегающих к ней. Горцам в подконтрольных селениях запрещалось формировать народное ополчение, а князьям собирать вооружённые отряды. Среди мирных горцев пресекалось аталычество и куначество с горцами, не попадавшими под управление имперской власти. Власть горских князей значительно ограничивалась. Они не имели права объявлять войну и осуществлять вооружённые набеги, а также собирать дань со своих вассалов. Эти меры ослабляли институт княжеской власти и сокращали источники доходов горской знати (Северный Кавказ..., 2007: 79-80). Имперская администрация на Северном Кавказе активно использовала вражду между горскими родами и отдельными княжествами. Наиболее жёсткие столкновения были между пророссийскими и проосманскими горскими объединениями. Это также ослабляло значимость князей, сплочённость горских общин и способствовало укреплению влияния Российской империи в регионе.

Наряду со стремлением к ослаблению власти горской знати Российская империя проводила политику поддержки князей и узденей, которые присягнули ей на верность и подчинялись российской военной администрации. Со второй половины XVIII в. управление в регионе осуществляли русские офицеры – коменданты крепостей Кавказской линии. Начинают формироваться первые органы управления горскими территориями – приставства. Приставы были наделены всей полнотой власти, как военной, так исполнительной и судебной. Наряду с армейскими офицерами, применялась практика назначения на должности приставов из числа наиболее лояльной горской элиты. В начале XIX в. после расширения горских территорий, подконтрольных российской власти, система приставств совершенствуется и укрепляется. Приставам вменялся надзор за управлением и поддержанием порядка на территориях, сбор налогов и податей, разрешение судебных тяжб среди как христианского, так и мусульманского населения. В первой половине XIX в. система приставств, помимо Кабарды, устанавливается на территории Осетии, Чечни и Карачая.

В конце 1830-х – начале 40-х гг. среди представителей имперской власти на Кавказе формируются предложения по совершенствованию управления горскими народами. Так, в одной из записок, поданных Николаю I, подчёркивалась необходимость усиления единства власти на Северном Кавказе, сочетающей в себе неразделенность военного и гражданского управления на уровне местных начальников (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 28. Л. 4). Основой для совершенствования системы управления горцами в 40-х – 50-х гг. XIX в. стал нереализованный «Проект положения об управлении мирными горскими племенами», составленный генерал-адъютантом П.Х. Граббе. В нем предполагалось формирование нового административно-территориального деления Северного Кавказа, системы управления, опирающейся на учёт традиций, обычаев, уровень развития гражданского устройства и степень покорности имперской власти, а также характер взаимоотношений между проживающими в регионе народами (АКБ ИГИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5. Л. 2). Несмотря на то, что проект Граббе не был принят, его отдельные положения, принципы и правила были претворены в жизнь. В конце 1840-х гг. на территории Северного Кавказа сформировалась военная система управления горскими народами во главе с главноуправляющим. Ему подчинялся командующий Кавказской линии. При его штабе была особая канцелярия для управления мирными горцами. Средний и нижний уровни управления осуществляли приставы, а также их помощники и старшины (Блиева, 2005: 144).

Несмотря на принимаемые меры по созданию системы управления горскими народами, организация управления в первой половине XIX в. была сложной и запутанной. Было сформировано

девять приставств и два специальных управления. Способствовали этому ведение боевых действий в ходе Кавказской войны, реактивный характер принимаемых управленческих мер. На Северном Кавказе были территории, находящиеся под непосредственным имперским управлением (Кавказская губерния, с 1822 г. переименованная в Кавказскую область, а в 1847 г. в Ставропольскую губернию), на которых были сформированы типичные для центральных регионов империи органы власти, осуществлявшие свои действия в соответствии с российскими законами того периода. При этом на Северо-Восточном и Центральном Кавказе сохранялись горские государственные объединения, вошедшие в состав Российской империи (например, Тарковское шамхальство), здесь мусульманское население проживало по адатам и шариату, т.е. вместо прямого осуществлялось косвенное управление. Так, в «Проекте об управлении Дагестанской областью», предложенным в 1842 г. генералом Е.А. Головиным, отмечалось, что на территории Дагестанской области при решении гражданских дел руководствуются местными обычаями (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 257. Л. 12). Непосредственное управление, судебные решения и сбор податей осуществляла местная знать, которая контролировалась назначаемыми русскими офицерами. До окончания Кавказской войны не существовало единого управления территориями Северного Кавказа, не было единой администрации, налогообложения и судопроизводства. Большие территории, на которых проживали горцы и казаки, управлялись непосредственно офицерами, подчинявшимися Штабу Наместника (Кавказское наместничество было воссоздано в 1844 г. и просуществовало до 1881 г.).

Завершение Кавказской войны послужило началом нового этапа формирования системы управления на присоединённых землях Северного Кавказа. Так, Наместником Кавказа князем А.И. Барятинским в отчёте за 1857–1859 гг. отмечалось, что при устройстве управления «покорными горцами» следует предоставить «суду шариата только вопросы духовные», а в остальных случаях применять «словесное судопроизводство, основанное на обычаях и адате» (АКАК, 1904: 1287). Основой нового этапа стало создание системы военно-народного управления, призванной сменить военную администрацию. Она предполагала сосредоточение власти в руках офицеров, подчинявшихся главнокомандующему Кавказской армии, осуществлявших контроль и надзор над горскими общинами, которым предоставлялась определённая автономия во внутренних делах и организации жизни. Рекомендовалось при осуществлении управления среди горцев делать упор на адаты (Воронцов-Дашков, 1907: 123). Основы новой системы военно-народного управления были изложены в «Положении о Кавказской армии» 1858 г., которое включало в себя раздел, регламентировавший управление горскими народами, которые не включались в систему гражданского управления. Данным положением определялась организация управления горскими общинами, проживающими на замиренных территориях Чечни, Дагестана и Кабарды. Отмечалось, что оказываемое князем Барятинским предпочтение адату, «основывалось на глубоком понимании общественного устройства горских народов» и способствовало уменьшению роли шариата и, посредством этого, подрывало базу движения мюридизма (Эсадзе, 1907: 169). Учитывалась историческая разобщённость горцев и значимость родовых институтов в жизни горских общин. При этом принимались меры по централизации управления (АКАК, 1904: 222).

Важным шагом по осуществлению реорганизации управления на Северном Кавказе было разделение левого крыла Кавказской линии на округа: Кабардинский, Военно-Осетинский (с 1860 г. Владикавказский), а также Чеченский, Кумыкский, Аргунский и Ичкеринский (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 35. Отд. 2. № 36130). В каждом округе формировалась схожая структура управления. Назначался начальник округа и под его председательством создавался народный суд, по примеру созданного ранее чеченского суда, разбирающий различные споры между горцами. Суд включал в себя главного кадия и представителей горских обществ данного округа (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 32. Отд. 1. № 32541). Далее система военно-народного управления конкретизируется инструкцией для окружных начальников левого крыла Кавказской линии, утверждённой А.И. Барятинским в 1860 г. В ней определялась специфика управления в горских аулах, согласно которой для наведения полицейского порядка выбирались старшины из наиболее уважаемых и почётных людей, кандидатуры которых предоставлялись начальнику округа для утверждения. К нему в помощь определялись десятские (на каждые 50 дворов по одному десятскому). Ежегодное вознаграждение за службу определялось начальником округа и утверждалось командующим войсками (АКАК, 1904: 1197). Согласно программе А.И. Барятинского, военным властям необходимо было руководить как народным судом, так и народной полицией и создавать дальнейшие условия для их постепенного включения в общероссийскую систему гражданских, судебных и управленческих отношений (Иваненко, 1904: 117). В § 28 Положения 1860 г. об управлении Дагестанской областью предписывается в процессе судопроизводства применять, наряду с российскими уголовными и гражданскими законами, нормы обычного права (адат и шариат) (АКАК, 1904: 1203). Адат и шариат были основой для решений тяжб между горцами, касающихся земельных и семейных споров. Во главе горского народного суда стоял русский офицер, ему подчинялись кадий и три старшины из наиболее уважаемых членов местных общин. Они разбирали судебные тяжбы горцев в зависимости от их характера по адату или шариату. Более предпочтительными были решения, основанные на адатах, хорошо понимаемых членами горских общин (Малахова, 2001: 214-215).

Основой народного управления горцами-мусульманами стал джамаат (мусульманская община), которая выступала посредником в процессе взаимодействия между горскими общинами и российскими военными администрациями. Под руководством начальников округов были сформированы органы народного управления. Коллективные решения принимались на сельских сходах, на них же избирались старшины и утверждался состав горских судов, включавших кадия и знатоков адатов. Горская община единоверцев-мусульман осуществляла сбор и уплату налогов. На неё возлагались задачи по обеспечению общественного порядка, поддержанию в надлежащем состоянии дорог, предоставлению, при необходимости, подвод и лошадей для нужд армии. На горцев-мусульман не распространялись требования по призыву на военную службу. Набор в местные военизированные формирования и привлечение горцев к армейской службе осуществлялись на добровольных началах. Эти меры по формированию системы военно-народного управления начинают постепенно реализовываться в последние годы Кавказской войны. В целях повышения эффективности и помощи военным администрациям во внедрении военно-народного управления в апреле 1858 г. в составе Управления генерал-квартирмейстера Кавказской армии формируется Отделение по управлению горскими народами, не вошедшими в состав гражданского управления (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 33. Отд. 1. № 32938). После войны происходит ряд дальнейших преобразований, направленных на систематизацию и совершенствование верхнего уровня системы военно-народного управления. Отделение по управлению горскими народами реорганизуется в Кавказское горское управление. Оно подчиняется непосредственно Наместнику Кавказа. В круг его обязанностей входит координация нижних уровней военно-народного управления, контроль за деятельностью военных начальников на местах (Россия и Кавказ, 2001: 99).

Можно сказать, что, несмотря на принимаемые меры, не была создана единая система военно-народного управления на Северном Кавказе. Более или менее полно и последовательно эта система была внедрена и реализована только в Дагестанской области. В 1867 г. военно-народное управление создается на территории Темир-Хан-Шурина округа, образованного на территориях Тарковского шамхальства и Мехтулинского ханства. При этом имперская администрация сохраняла за представителями властвующих родов их родовые земли, что обеспечивало им сохранение своего авторитета и влияния среди соплеменников (РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 72. Л. 3). В Терской и Кубанской областях также были сформированы низовые элементы военно-народного управления на уровне сельских общин, подчиняющихся начальникам округов. Основой управления горцами данных областей становятся сельские общины (аульные общества). Основные вопросы, касающиеся местного управления и организации жизни членов общины, рассматриваются на сельских сходах. Споры и тяжбы разбираются сельскими судами. Их полномочия регламентируются, а деятельность контролируется военными администрациями (О сельских (аульных) обществах..., 1871).

На сельском сходе избирался старшина, осуществлявший общее руководство жизнью горской общины. Он же председательствовал в сельском суде и составлял доклады для начальника округа, обеспечивал правопорядок. Подробно регламентировался процесс судопроизводства для горцев в народных судах, работавших по адату и шариату. Наиболее сложные тяжбы, такие как похищения и грабежи, а также религиозные дела, рассматривались окружными судами (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 37. Отд. 1. № 38326). Давая оценку военно-народному управлению, известный военный деятель и публицист конца XIX – начала XX в. Ф.К. Гершельман отмечал такие его достоинства, как простота и доступность местному населению, ориентация на понятные и исторически сложившиеся у горцев формы организации жизни и быта, относительная самостоятельность местных властей в принятии административных и судебных решений на основе обычая. Им подчёркивалась значимость учёта особенностей традиций, уклада жизни горских народов при организации управления (Гершельман, 1908: 64).

В дальнейшем, в 1871 г., в Кубанской и Терской областях было введено гражданское управление на основе общего губернского учреждения (Сборник сведений..., 1878: 99; ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 44. Отд. 2. № 47847). Это происходило в том числе и в связи с мерами по выселению горского населения Кубанской области с гор и предгорий, приведших к развитию движения мухаджирства и переселению части горцев в Османскую империю. Освобождённые земли заселялись казаками и переселенцами (Avdeev et al., 2024b). Однако в 1888 г. произошёл переход к военному управлению Северным Кавказом. Кавказский край был полностью подчинён Военному министерству. Из гражданского в военное управление были переведены Кубанская и Терская области, а также Черноморский округ, где устанавливался военный режим (ПСЗРИ-3. Собр. 3. Т. 8. № 5076). Общее управление на этих территориях осуществлялось командующим войсками Кавказского военного округа. В самих же Кубанской и Терской областях властью наделялись атаманы казачьих войск. В рамках военного управления они имели права начальников дивизий, а гражданского – генерал-губернаторов.

Таким образом, военная администрация на Северном Кавказе осуществляла как военную, так исполнительную и судебную власть. В Дагестанской области органы областного управления также были подчинены военным, территория была разделена на военные отделы. Была осуществлена попытка передачи институтов военно-народного управления в ведение Министерства внутренних дел, которое отказалось от его принятия. Военно-народное управление оценивалось высшими имперскими чиновниками как затратное и малоэффективное. Например, содержание его институтов

в 1885 г. обошлось казне в полмиллиона рублей (РФИАиЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 317. Л. 4). Несмотря на попытки полного упразднения военно-народного управления, его элементы сохранялись вплоть до 1917 г. На территории не только Дагестанской, но Кубанской и Терской областей продолжали свою деятельность и горские суды, опиравшиеся как на российское законодательство, так и на адаты и нормы шариата.

5. Заключение

Имперское управление казаками и горцами на Северном Кавказе в XIX в. формировалось в условиях Кавказской войны, конфликтов и нестабильности послевоенного периода, что предполагало значительную реактивность и непоследовательность принимаемых управленческих решений. Важными факторами в управлении являлись опора на исторически сложившиеся в казачьих и горских общинах формы самоуправления, уважение традиций и религиозных норм, стремление к централизации управленческих структур под единым военным руководством. Местным администрациям предоставлялись широкие полномочия, которые позволяли быстро реагировать на происходящие изменения, привлечение к управлению наиболее уважаемых членов общин укрепляло авторитет имперской власти на местах. Характерными чертами формирующегося управления казаками и горцами были ликвидация выборности органов местного самоуправления, переход к назначению как наказных атаманов, так и приставов, осуществлявших как военное, так и гражданское управления, а также судопроизводство. Элементы выборности существовали только на уровне станиц, куреней и аулов. На должности приставов назначались, наряду с войсковыми офицерами, и представители горской знати. Происходил постепенный процесс формирования системы государственного управления, ключевым элементом которой стали военные администрации.

На Северном Кавказе была апробирована и внедрена новая форма управления местным населением – военно-народное управление, которое опиралось как на стремление к созданию централизованного управления территориями на основе военначалия, так и на непосредственное участие горских элит в принятии управленческих и судебных решений. Важным фактором осуществления управления казаками и горцами была их лояльность имперской власти и подчинение принимаемым управленческим решениям. Сильными сторонами военно-народного управления были понятность и доступность местному населению органов управления, их относительная самостоятельность в принятии административных и судебных решений, учёт особенностей, религиозных традиций и уклада жизни горских общин. У большей части горских народов на момент включения их в состав Российской империи не было государственности и сформированных на её основе систем управления. Военно-народное управление стало промежуточной формой перехода к единой имперской системе управления на Северном Кавказе. Реализация мер по осуществлению военно-народного управления способствовала замирению горцев, стабилизации военной обстановки и развитию гражданской жизни и правовых отношений на Кавказе в составе Российской империи. В качестве недостатков управления казаками и горцами в данный период можно обозначить их недовольство ликвидацией местного самоуправления и мерами по централизации власти на Кавказе. Бремя военной службы и связанных с ней повинностей стало чрезмерно обременительным для казаков. Многие назначаемые в органы управления горскими поселениями офицеры пренебрежительно относились к местным традициям и обычаям, что вызывало недовольство местного населения. Эти и другие факторы привели к тому, что произошёл переход к военному управлению на Северном Кавказе, однако элементы исторически сложившегося и существовавшего местного самоуправления среди горцев и казаков продолжали сохраняться.

Литература

- АКАК, 1904 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. XII. Тифлис, 1904. 1558 с.
- АКБИГИ – Архив КБ ИГИ Кабардино-балкарский институт гуманитарных исследований.
- Баратов, 1898 – Баратов Н.Н. Ставропольское казачье юнкерское училище, 1870/71–1897/98: памятка о двадцатисемилетней его жизни и деятельности. Тифлис, 1898. 124 с.
- Барретт, 2000 – Барретт Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России / Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 163-195.
- Блиева, 2005 – Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Владикавказ, 2005. 398 с.
- Воронцов-Дашков, 1907 – Воронцов-Дашков И.И. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем. СПб., 1907. 164 с.
- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края
- ГАКЧР – Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики
- Гершельман, 1908 – Гершельман Ф. Причины неурядиц на Кавказе. СПб., 1908. 72 с.
- Гранкин, 2021 – Гранкин Ю.Ю. Система имперского управления Кавказом как путь к цивилизационному компромиссу // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 30-35.

- Дебу, 1829 – Дебу И.Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. СПб., 1829. 504 с.
- Дзамихов, 2000 – Дзамихов К.Ф. Адыги и Россия (формы исторического взаимодействия). М., 2000. 288 с.
- Заседателева, 1974 – Заседателева Л.Б. Терские казаки. М., 1974. 421 с.
- Иваненко, 1904 – Иваненко В.Н. Разлад между уголовным законом и народным обычаем на Кавказе и его влияние на преступность // *Русская мысль*. 1904. № 6. С. 89-136.
- История городов и сел..., 2008 – История городов и сел Ставрополя: Краткие очерки / В.А. Шаповалов, Д.В. Кочура, А.А. Кудрявцев [и др.]. Ставрополь, 2008. 756 с.
- Клычникова, 2006 – Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777–1864 гг.). Пятигорск, 2006. 157 с.
- Лазарян, 2021 – Лазарян С.С. Военно-политическая и административно-правовая деятельность князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845-1854 гг. Пятигорск, 2012. 323 с.
- Максимов, 1890 – Максимов Е.Д. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. Владикавказ, 1890. 167 с.
- Малахова, 2001 – Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце 18-19 вв. Ростов н/Д, 2001. 400 с.
- О сельских (аульных) обществах..., 1871 – О сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинности Государственных и общественных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1871. С. 1-22.
- Омельченко, 1991 – Омельченко И.А. Терское казачество. Владикавказ, 1991. 299 с.
- Очерки традиционной..., 2002 – Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. М.-Краснодар, 2002. 590 с.
- Писарев, 1881 – Писарев С.И. Трехсотлетие Терского казачьего войска. 1577-1877. Владикавказ, 1881. 52 с.
- Попко, 1858 – Попко И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту. СПб., 1858. 292 с.
- Попко, 1880 – Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. Вып. 1. Гребенское войско. СПб., 1880. 517 с.
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- Россия и Кавказ..., 2001 – Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. 416 с.
- РФИИАиЭ ДФИЦ РАН – Рукописный фонд института истории, археологии и этнографии дагестанского федерального исследовательского центра РАН.
- Сборник сведений..., 1878 – Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. 382 с.
- Северный Кавказ..., 2007 – Северный Кавказ в составе Российской империи. М., 2007. 460 с.
- Тхамокова, 2022 – Тхамокова И.Х. Особенности общественного строя адыгов (шапсугов, натухайцев и абадзехов) в первой половине XIX века // *Научный диалог*. 2022. Т. 11, № 1. С. 471-487.
- Утверждение русского..., 1901–1908 – Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I-IV. Тифлис, 1901–1908.
- Футорянский, 1998 – Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1998. 299 с.
- ЦГАРД – Центральный государственный архив Республики Дагестан
- Щербина, 1910–1913 – Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Екатеринодар, 1910-1913.
- Эсадзе, 1907 – Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис, 1907. 616 с.
- Avdeev et al., 2024a – Avdeev E.A., Erohin A.M., Vorob'ev S.M., Bredihin S.N. Imperial policy of including the peoples of the North Caucasus into the Russian cultural and linguistic space in the second half of the 19th century // *Bylye Gody*. 19(4): 1663-1673.
- Avdeev et al., 2024b – Avdeev E.A., Vorobiev S.M., Bredikhin S.N. Imperial policy of resettlement in the North Caucasus and muhajirism of the highlanders in the second half of the 19th century: main stages and consequences for the region // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 738-749.
- Zozulya et al., 2020 – Zozulya I.V., Kondrashova A.A., Trofimov M.S. The highest reports of the heads of regions and governors of the North Caucasus as a historical source for the study of the Russian pre-revolutionary judicial system // *Bylye Gody*. 2020. 58(4): 2651-2660.

References

- АКАК, 1904 – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Vol. XII. Tiflis, 1904. 1558 p. [in Russian]
- АКБИГКБИГ – Arhiv KB IGI Kabardino-balkarskij institut humanitarnyh issledovanij [Archive of KB IGI Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research].
- Avdeev et al., 2024a – Avdeev, E.A., Erohin, A.M., Vorob'ev, S.M., Bredihin, S.N. (2024). Imperial policy of including the peoples of the North Caucasus into the Russian cultural and linguistic space in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 19(4): 1663-1673.

- [Avdeev et al., 2024b](#) – Avdeev, E.A., Vorobiev, S.M., Bredikhin, S.N. (2024). Imperial policy of resettlement in the North Caucasus and muhajirism of the highlanders in the second half of the 19th century: main stages and consequences for the region. *Bylye Gody*. 19(2): 738-749.
- [Baratov, 1898](#) – Baratov, N.N. (1898). Stavropol'skoe kazach'e yunkerskoe uchilishche, 1870/71–1897/98: pamyatka o dvadcatysemiletnej ego zhizni i deyatelnosti [Stavropol Cossack Junker School, 1870/71–1897/98: a reminder of his twenty-seven-year life and activities]. Tiflis. 124 p. [in Russian]
- [Barrett, 2000](#) – Barrett T.M. (2000). Linii neopredelennosti: severokavkazskij «frontir» Rossii [Lines of uncertainty: Russia's North Caucasus "frontier"]. *Amerikanskaya rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskij period*. Samara. Pp. 163-195. [in Russian]
- [Blieva, 2005](#) – Blieva, Z.M. (2005). Rossijskij byurokraticheskij apparat i narody Central'nogo Kavkaza v konce XVIII – 80-e gody XIX veka [The Russian bureaucratic apparatus and the peoples of the Central Caucasus at the end of the 18th – 80s of the 19th century]. Vladikavkaz. 398 p. [in Russian]
- [Debu, 1829](#) – Debu, I.L. (1829). O Kavkazskoj linii i prisoedinenom k nej Chernomorskomoj vojske [About the Caucasian Line and the Black Sea Army attached to it]. St. Petersburg. 504 p. [in Russian]
- [Dzamiyov, 2000](#) – Dzamiyov, K.F. (2000). Adygi i Rossiya (formy istoricheskogo vzaimodejstviya) [Adygs and Russia (forms of historical interaction)]. M. 288 p. [in Russian]
- [Esadze, 1907](#) – Esadze, S. (1907). Istoricheskaya zapiska ob upravlenii Kavkazom [Historical note on the management of the Caucasus]. Vol. 1. Tiflis. 616 p. [in Russian]
- [Futoryanskij, 1998](#) – Futoryanskij, L.I. (1998). Kazachestvo Rossii na rubezhe vekov [Cossacks of Russia at the turn of the century]. Orenburg. 299 p. [in Russian]
- [GAKCR](#) – Gosudarstvennyj arhiv Karachaevo-Cherkesskoj Respubliki [State Archive of the Karachay-Cherkess Republic].
- [GAKK](#) – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State Archive of the Krasnodar Krai].
- [Gershel'man, 1908](#) – Gershel'man, F. (1908). Prichiny neuryadac na Kavkaze [Causes of troubles in the Caucasus]. SPb. 72 p. [in Russian]
- [Grankin, 2021](#) – Grankin, Yu.Yu. (2021). Sistema imperskogo upravleniya Kavkazom kak put' k civilizacionnomu kompromissu [The system of imperial governance of the Caucasus as a path to a civilizational compromise]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 1: 30-35. [in Russian]
- [Istoriya gorodov i sel..., 2008](#) – Istoriya gorodov i sel Stavropol'ya: Kratkie ocherki [History of cities and villages of Stavropol: Brief essays]. Stavropol. 2008. 756 p. [in Russian]
- [Ivanenko, 1904](#) – Ivanenko, V.N. (1904). Razlad mezhdu ugolovnym zakonom i narodnym obyчаем na Kavkaze i ego vliyanie na prestupnost' [The discord between criminal law and folk custom in the Caucasus and its impact on crime]. *Russkaya mysl'*. 6: 89-136. [in Russian]
- [Klychnikova, 2006](#) – Klychnikova, M.V., Klychnikov, Yu.Yu. (2006). Vhozhenie Severnogo Kavkaza v kul'turnoe pole Rossii (1777–1864 gg.) [The entry of the North Caucasus into the cultural field of Russia (1777–1864)]. Pyatigorsk. 157 p. [in Russian]
- [Lazaryan, 2021](#) – Lazaryan, S.S. (2012). Voennopoliticheskaya i administrativno-pravovaya deyatelnost' knyazya M.S. Vorontsova v Kavkazskom krae. 1845-1854 gg. [Military-political and administrative-legal activities of Prince M.S. Vorontsov in the Caucasus region. 1845-1854]. Pyatigorsk. 323 p. [in Russian]
- [Maksimov, 1890](#) – Maksimov, E.D. (1890). Terskoe kazach'e vojsko. Istoriko-statisticheskij ocherk [Terek Cossack army. Historical and statistical essay]. Vladikavkaz. 167 p. [in Russian]
- [Malahova, 2001](#) – Malahova, G.N. (2001). Stanovlenie i razvitie rossijskogo gosudarstvennogo upravleniya na Severnom Kavkaze v konce 18-19 vv. [Formation and development of Russian public administration in the North Caucasus at the end of the 18th-19th centuries]. Rostov-on-Don. 400 p. [in Russian]
- [O sel'skih \(aul'nyh\) obshchestv..., 1871](#) – O sel'skih (aul'nyh) obshchestvakh, ih obshchestvennom upravlenii i povinnosti Gosudarstvennykh i obshchestvennykh v gorskom naselenii Terskoj oblasti [On rural (aul) societies, their public administration and service State and public in the mountain population of the Terek region Vladikavkaz]. 1871. Pp. 1-22. [in Russian]
- [Ocherki traditsionnoi..., 2002](#) – Ocherki traditsionnoj kul'tury kazachestva Rossii [Essays on the traditional culture of the Cossacks of Russia]. 2002. Vol. 1. Moscow-Krasnodar. 590 p.
- [Omel'chenko, 1991](#) – Omel'chenko, I.A. (1991). Terskoe kazachestvo [Terek Cossacks]. Vladikavkaz. 299 p. [in Russian]
- [Pisarev, 1881](#) – Pisarev, S.I. (1881). Trekhstoletie Terskogo kazach'ego vojska. 1577-1877 [Tercentenary of the Terek Cossack Army. 1577-1877]. Vladikavkaz. 52 p. [in Russian]
- [Popko, 1858](#) – Popko, I.D. (1858). Chernomorskie kazaki v ih grazhdanskom i voennom bytu [Black Sea Cossacks in their civil and military life]. SPb. 292 p. [in Russian]
- [Popko, 1880](#) – Popko, I.D. (1880). Terskie kazaki so starodavnykh vremen. Istoricheskij ocherk. Vyp. 1. Grebenskoe vojsko [Terek Cossacks from ancient times. Historical sketch. Vol. 1. Grebensky army]. SPb. 517 p. [in Russian]
- [PSZRI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].

- [RFIAiE DFIC RAN](#) – Rukopisnyj fond instituta istorii, arheologii i etnografii dagestanskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra RAN [Manuscript collection of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center RAS]. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].
- [Rossiya i Kavkaz..., 2001](#) – Rossiya i Kavkaz skvoz' dva stoletiya [Russia and the Caucasus through two centuries]. SPb. 2001. 416 p. [in Russian]
- [Sbornik svedenii..., 1878](#) – *Sbornik svedenij o Terskoj oblasti* (1878). [Collection of information about the Terek region]. Vladikavkaz, 1878. Vol. 1. 382 c. [in Russian]
- [Severnyj Kavkaz..., 2007](#) – Severnyj Kavkaz v sostave Rossijskoj imperii [Northern Caucasus as part of the Russian Empire]. M. 2007. 460 p. [in Russian]
- [Shcherbina, 1910–1913](#) – *Shcherbina, F.A.* (1910-1913). *Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska*. V 2-h t. [History of the Kuban Cossack Army. In 2 volumes]. Ekaterinodar. [in Russian]
- [Thamokova, 2022](#) – *Thamokova, I.H.* (2022). Features of the social system of the Circassians (Shapsugs, Natukhais and Abadzekhs) in the first half of the 19th century [Osobennosti obshchestvennogo stroja adygov (shapsugov, natuhajcev i abadzekhov) v pervoj polovine XIX veka]. *Nauchnyi dialog*. 11(1): 471-487. [in Russian]
- [TsGARD](#) – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan [Central State Archive of the Republic of Dagestan].
- [Utverzhdenie russkogo..., 1901–1908](#) – Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze (1901-1908). [Establishment of Russian rule in the Caucasus]. Vol. I-IV. Tiflis. [in Russian]
- [Voroncov-Dashkov, 1907](#) – *Voroncov-Dashkov, I.I.* (1907) Vsepoddannejšaya zapiska po upravleniyu Kavkazskim kraem [The most humble note on the management of the Caucasus region]. St. Petersburg. 164 p. [in Russian]
- [Zasedateleva, 1974](#) – *Zasedateleva, L.B.* (1974). *Terskie kazaki* [Terek Cossacks]. Moscow. 421 p. [in Russian]
- [Zozulya et al., 2020](#) – *Zozulya, I.V., Kondrashova, A.A., Trofimov, M.S.* (2020). The highest reports of the heads of regions and governors of the North Caucasus as a historical source for the study of the Russian pre-revolutionary judicial system. *Bylye Gody*. 58(4): 2651-2660.

Политика Российской империи по управлению казаками и горцами в XIX в.

Евгений Александрович Авдеев ^{a, *}, Алексей Михайлович Ерохин ^a,
Сергей Михайлович Воробьев ^a, Сергей Николаевич Бредихин ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются основные этапы и особенности имперского управления казаками и горцами в XIX в. Политика была направлена на формирование казачьих полков и включение их в систему единого военного управления. Казаки привлекались к несению тыловой и пограничной службы, строительству новых крепостей и основанию станиц. В период Кавказской войны происходило увеличение численности казаков за счёт приписывания к ним других категорий населения, в том числе и горцев. В это время складывается военная форма управления казачьим и горским населением. Большую роль в преобразовании Кавказа сыграла администрация вновь учреждённого Кавказского наместничества. По завершению военных действий реализуется новая форма управления местным населением – военно-народное управление. Наряду с военным управлением к принятию управленческих и судебных решений на местах привлекались горские элиты. Созданные горские суды опирались на законы Российской империи, адаты и шариат. В последней трети XIX в. в Кубанской и Терской областях осуществляется переход к гражданскому, а затем военному управлению. При этом сохранялись элементы военно-народного управления. В Дагестанской, Кубанской и Терской областях продолжали свою деятельность и горские суды. Происходит уменьшение численности казаков, перевод части станиц в гражданское состояние. Для них устанавливается всеобщая призывная служба. При непоследовательности и ситуативности принятия многих управленческих решений имперское управление казаками и горцами в целом позволяло решать задачи замирения и интеграции Северного Кавказа в состав России.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Российская империя, казаки, горцы, Кавказская война, воинская служба, военно-народное управление, горские суды, адаты, шариат.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 721-729
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.721

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Development of Representative Organizations for Supporting Entrepreneurship in the Yenisei Province in the 19th – early 20th centuries

Nickolay R. Novoseltsev ^{a, b, c, *}, Nikita N. Ravochkin ^{d, e}, Elena P. Mamyisheva ^b, Alexander S. Kovalev ^b

^a Siberian State University named after acad. M. F. Reshetnev, Russian Federation

^b Siberian Federal University, Russian Federation

^c Kemerovo State University, Russian Federation

^d Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev, Russian Federation

^e Kuzbass State Agriculture University named after V.N. Poletskov, Russian Federation

Abstract

This scientific article analyzes the development of representative organizations for supporting entrepreneurship in the Yenisei province in the 19th – early 20th centuries. One of the most controversial research topics at present is the problem of the genesis of capitalism in Russia, which, in particular, is considered by researchers through the prism of the development of the merchant class, where representative organizations for supporting entrepreneurship play a special role. Various aspects of the existence and functioning of these organizations have remained poorly studied to this day, since such a social stratum as the merchant class received little attention until the 1990s, and, accordingly, various aspects of its development were not well studied. Most of the works were generalized, and most often they analyzed the socio-economic development of all of Siberia and Russia as a whole. The scientific article provides a small historiographic analysis, from which it is clear that the amount of scientific literature on this issue is extremely small. The main scientific work on this issue is the monograph of Professor E.V. Komleva. The main sources on the topic are unpublished archive materials. They provide information on the functioning of representative organizations for supporting entrepreneurship. In the discussion, the authors analyze representative organizations for supporting entrepreneurship in the Yenisei province in the pre-revolutionary period. They also pay special attention to the merchant class as the main class in the mainstream of this problem. The author, based on the results of scientific research, came to the conclusion that such representative organizations as the Yenisei and Krasnoyarsk city councils, the Yenisei public charity order of the Yenisei provincial administration, the Krasnoyarsk merchant society, branches of the State Bank, credit and loan and savings partnerships, had the greatest influence. It is also worth paying attention to the merchant class as the engine of the economy in pre-revolutionary Russia, numerous partnerships that undoubtedly had a positive impact on improving the operating conditions of agricultural and industrial enterprises, developing land, making wider use of machinery, etc. entrepreneurs belonging to different classes and living in remote parts of the Yenisei province.

Keywords: merchants, guilds, entrepreneurship, Yenisei province, representative organizations.

1. Введение

После административных преобразований 1820-х гг. Енисейская губерния становится крупным и значительным местом развития экономических отношений в Сибири, поэтому стоит уделить особое внимание развитию как общих, так и специфических сторон енисейского купечества. Поддержку

* Corresponding author

E-mail addresses: snoopy87@mail.ru (N.R. Novoseltsev)

деятельности этого сословия, а точнее организаций, её осуществлявших, можно отнести к специфическим чертам.

2. Материалы и методы

Первыми источниками сведений о Енисейской губернии, в частности о таких городах, как Туруханск, Енисейск, Красноярск, выступают заметки путешественников по Сибири и России в целом – П.С. Палласа (Паллас, 1773) и И.Г. Гмелина (Гмелина, 1751).

Вместе с тем И.А. Лопатин (Лопатин, 2003: 198-202), уроженец Красноярска, сделал значительный вклад в изучение Приенисейской губернии, указав на необходимость развития промышленного освоения природных богатств во время Туруханской экспедиции в 1886 г.

В «Краткой летописи» енисейского купца и золотопромышленника А.И. Кытманова (Кытманов, 2016) представлена история Енисейского уезда и Туруханского края. Также в своём труде Александр Игнатьевич утверждал, что Енисейск находился на первом месте по социально-экономическому развитию среди других приенисейских городов. Кроме того, В. Д. Скарятин (Скарятин, 1862) в своих «Заметках золотопромышленника» подробно представил картину жизни и взаимоотношений своих современников в годы «золотой лихорадки».

В работе были проанализированы документы из четырёх фондов Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация): фонды 155, 173, 522, 606. Из материалов становится известно, какие организации помогали предпринимателям вести свою деятельность. Одним из важнейших органов была Красноярская городская дума. Она выдавала разрешения на предпринимательскую деятельность. Также активное кредитование также шло через неё. Помимо этого, дела содержат информацию про приказ общественного призрения, Красноярское купеческое общество и Красноярскую городскую управу. Описи достаточно содержательны. Некоторые дела ни разу не использовались, что говорит о том, что многие неопубликованные документы нуждаются в анализе и изучении в рамках данной проблематики.

Е.В. Комлева, основываясь на изучении формирования предпринимательства и уровня экономико-социального развития дореволюционной России в конце XVIII – первой половине XIX в., утверждает, что современные методологические подходы не могут быть признаны исчерпывающими и бесспорными (Комлева, 2006: 17). Таким образом, исследование организаций поддержки предпринимательства стоит провести с помощью методологических основ данного автора. В соответствии с этим тезисом решение исследовательских задач основано на принципе историзма. Проблема функционирования представительских организаций поддержки предпринимательства рассматривается как следствие социально-исторических условий сословного общества.

Работа базируется на комплексном анализе архивных и опубликованных данных. В число первых входят материалы фондов государственных архивов Красноярского края, а также краеведческого музея города Красноярска.

3. Обсуждение

В конце XVIII в. и на протяжении всего XIX в. такие исследователи, как С. И. Плещеев (Плещеев, 1787), М.Н. Баккаревич (Баккаревич, 1810), Х.А. Чеботарев (Чеботарев, 1776), Е.Ф. Зябловский (Зябловский, 1810), И.С. Пестов (Пестов, 1833), Н.В. Латкин (Латкин, 1892), А.П. Степанов (Степанов, 1835), М. Кохригин (Кохригин, 1828: 116), И. Скороговоров (Скороговоров, 1865), С. Чудновский (Чудновский, 1885), М.Ф. Кривошапкин (Кривошапкин, 1865), Ю.А. Гagemейстер (Гagemейстер, 1854), В.К. Андриевич (Андриевич, 1889), а также многие советские исследователи такие, как В.А. Ватин (Ватин, 1922), В.А. Смирнов (Смирнов, 1928), В. И. Кузьмин (Кузьмин, 1923), Ю.Р. Клокман (Клокман, 1967) посвятили свои труды городам и в целом Енисейской губернии. В их исследованиях была произведена статистическая и аналитическая оценка экономических отношений, а также более детально представлена информация о торгово-экономической и финансовой жизни губернии.

Несмотря на все статистические и аналитические данные о купечестве Енисейской губернии, в указанных работах не встречается подробного изучения состояния местного купечества и представительских организаций поддержки его деятельности.

Существует лишь несколько работ, авторами которых являются И.О. Туман-Никифорова (Туман-Никифорова, 2004: 28), А.И. Погребняк (Погребняк, 2002), Е. В. Комлева (Комлева, 2006) и Г.Ф. Быконя (Быконя и др., 2012), посвящённых непосредственно купечеству, а именно его структуре, численности и социальному составу, коммерческой и хозяйственной деятельности, образу жизни. В трудах также кратко отражена информация об организациях, осуществляющих свою деятельность с целью помощи предпринимателям Енисейской губернии, а также обществах и кооперативах, которые выступали за защиту и поддержку предпринимательской деятельности.

Большой вклад в изучение проблемы внёс Г.Ф. Быконя, отразив в своём труде именно состав купечества и его деятельность (Быконя и др., 2012: 59).

Особое внимание стоит уделить работе Е. В. Комлевой, так как она была одной из первых исследователей именно в области енисейского купечества. Евгения Владиславовна отразила в своём исследовании динамику численности купечества, преемственность капиталов, социальные источники

пополнения купеческого сословия, региональные происхождения купцов, их этнический состав. Также автор структурировала предпринимательскую деятельность относительно отраслевой и финансовой составляющих, подробно изобразила материальную культуру, состав купеческих семей, уровень образования и культуры, участие купцов в политической жизни и особенности попечительской и благотворительной деятельности (Комлева, 2006: 46).

Несмотря на то, что енисейское купеческое сословие было достаточно подробно изучено, существует лишь небольшая доля информации об организациях поддержки предпринимательства. Однако исследование их является важным аспектом при изучении генезиса капитализма в Енисейской губернии, так как подобные организации способны обеспечивать гарантии свобод, поддержки и защиты предпринимательской деятельности.

4. Результаты

Гильдейские купцы развивали коммерческую деятельность в основном посредством использования заёмных средств, так как лишь ограниченное их число владело собственными свободными капиталами.

Основными областями приложения купеческого капитала в пореформенное пятидесятилетие были торговля и ростовщичество, что отражает специфику экономического развития Сибири как региона, ввозившего промышленные товары и поставляющего сырье.

Коммерческую и хозяйственную деятельность купцов Енисейской губернии (Комлева, 2006: 104) можно условно разделить на:

- 1) Торговлю;
- 2) Кредитно-финансовую деятельность;
- 3) Добывающую и обрабатывающую промышленность, которая включает в себя и золотопромышленность;
- 4) Другие сферы.

В настоящей статье рассматриваются торговля и кредитно-финансовая деятельность, так как эти формы наиболее часто встречаются при изучении организаций поддержки предпринимательства.

Торговля была главной сферой приложения капитала, так как различными её видами в разные годы занималось подавляющее большинство местных гильдейцев. В зависимости от места и характера торговли в историографии выделяют следующие основные формы: периодическую (ярмарочную и базарную), непериодическую (развозно-разностную) и стационарную (посредством магазинов и лавок). Редко определяют ещё одну форму – транзитную (определённая территория служила своего рода перевалочным пунктом при перевозке товара из одного региона в другой) (Комлева, 2006: 105).

Кредитно-финансовая деятельность является наименее известной, но можно сказать уверенно, что предприниматели испытывали необходимость в кредитных средствах при создании и развитии коммерческой деятельности, где требовались значительные денежные суммы, которые предоставлялись посредством займов.

Кредиторами чаще всего выступали сами купцы, но во второй четверти XIX в. стало распространяться кредитование в следующих общественных учреждениях:

- 1) Енисейская и Красноярская городские думы;
- 2) Енисейский приказ общественного призрения Енисейского губернского управления;
- 3) Красноярское купеческое общество;
- 4) Отделения Государственного Банка;
- 5) Кредитные и ссудно-сберегательные товарищества (с 1905 по 1918 г. насчитывается 105 товариществ, осуществляющих свою деятельность на территории Енисейской губернии);
- 6) С 1906 г. профессиональный союз торгово-промышленных предприятий;
- 7) С 1916 г. смешанная комиссия торгово-промышленного товарищества потребительских кооперативов.

Красноярская городская дума была учреждена в 1786 г. на основании «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г. как узкосословная шестигласная дума. Она являлась распорядительно-исполнительным сословным органом городского самоуправления, подчинялась губернскому правлению. До 1870 г. дума была исполнительным органом общей городской думы и называлась Красноярской шестигласной думой, в которую избирались представители городского населения, разделённого реформой 1785 г. на 6 разрядов: 1 – настоящих городских обывателей-домовладельцев, 2 – купцов, 3 – цеховых мещан, занимавшихся различными ремёслами, 4 – инородных и иноземных гостей (купцов), 5 – именитых граждан, к которым относились учёные, художники, банкиры, кораблехозяева, 6 – посадские старожилы. Во главе шестигласной думы стоял городской голова, выбираемый на собрании общей городской думы. Исполнительный орган общей городской думы – шестигласная дума – подчинялся Томскому губернатору до 1822 г., а с 1823 г. – Енисейскому губернатору и Енисейской губернской палате. Круг деятельности думы ограничивался узкими рамками чисто хозяйственных вопросов: устройство базаров, рынков, благоустройство города и т.п. Основную роль в думе играли торговцы мехом,

хлебом, золотопромышленники, руководившие городским хозяйством через приговоры в своих интересах. В действительности управление городом выборным органом общей городской думы существовало только на бумаге. Фактически Красноярская городская дума являлась вспомогательным органом в системе правительственного аппарата, как и все органы самоуправления, предусмотренные положением 1870 г., через которые центральные органы власти управляли в интересах господствующего класса. Круг деятельности думы несколько расширяется. В её ведение входило развитие местной промышленности, торговли, народного образования, а также продажа земельных участков, находившихся в черте города. С усилением реакции в 90-х гг. XIX в. деятельность думы была резко ограничена городским положением 1892 г., она была окончательно подчинена губернатору. В 1917–1918 гг. дума возглавлялась большевиками. Ликвидирована она в 1919 г. в результате разгрома А. Колчака и восстановления Советской власти в Енисейской губернии.

В середине XIX в. из городской казны получили ссуды на сумму до 5300 руб. более 20 купцов из Енисейска, Канска и Минусинска, так как процентные выплаты в государственных учреждениях были ниже, чем в частных (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 540. Л. 18; Д. 940. Л. 56; Д. 1120. Л. 65).

Практически все купцы занимали денежные крупные суммы посредством векселей, но иногда в качестве гаранта и документарного подтверждения займа выступали доверенности. Векселя, скрепляемые печатью и подписями поручителей, регистрировались в городской думе. Указанные финансовые инструменты предполагали возврат денежных средств с процентами в определённый срок, также они выдавались под залог, и в случае неплатёжеспособности должника его имущество переходило в собственность истца в счёт уплаты долга по векселю. Так, например, в январе 1846 г. была выдана ссуда третьегильдейцу И. Я. Песегову на сумму 1000 руб. сроком на 8 месяцев (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 167. Л. 158).

При осуществлении кредитования постепенно формировался институт поручителей, который состоял из определённого круга купцов и мещан, либо поручителем выступал родственник заёмщика, как, например, в 1779 г. купец Г.М. Терской стал поручителем своему сыну В. Г. Терскому, который осуществил заем под вексель у гильдейца А. Широкова на сумму 242 руб. (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 47. Л. 6).

Также долговое обязательство невозможно было основать без поручителя в случае займа в общественных учреждениях. В практике займов были случаи, когда даже сами поручители не выступали гарантами возврата кредитных средств. Так, в мае 1846 г. третьегильдеец С.Я. Кузнецов не смог вернуть задолженность по векселю в размере 1142 руб. 85 3/4 коп., взятую из гостиннодворского капитала Красноярской городской думы. Его поручителями выступали купец второй гильдии Н. Иноземцев и третьегильдеец В. Комаров. Они не смогли вернуть денежные средства и после смерти должника дума взыскала менее половины от займа с опекунов его имущества Е. Высокова (купца) и Нашивошникова (мещанина) (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 742. Л. 5).

Также Красноярская городская дума выдавала разрешения на предпринимательскую деятельность и способствовала её открытию. Так, в 1840 г. городская дума одобрила прошение мещанина И. С. Трапезникова об открытии им питейного заведения в г. Красноярске (ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 487. Л. 3).

Енисейский приказ общественного призрения Енисейского губернского управления как учреждение был создан по реформе 1775 г., а в Енисейской губернии – с её выделением в 1822 г. – возглавлялся губернатором. Подчинялся Министерству внутренних дел. Главной его задачей было управление и развитие сиротских домов, больниц, аптек, богаделен, работных и смиренных домов. Однако можно с уверенностью утверждать, что было несколько случаев, когда купцы могли занять денежные средства в данном учреждении. Например, в 1829 г. в Приказе общественного призрения купец третьей гильдии И.П. Сытин занимал 2150 руб., поручителями, письменно уверявшими платёжеспособность Сытина, выступали купцы М. Кабаков (мещанин), Ф. Старцев (купеческий сын), купцы С. Кузнецов и И. Суханов (ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 47. Л. 3).

С 1854 г. начало функционировать Красноярское городское купеческое общество Красноярской городской управы Енисейской губернии, которое было единственным купеческим обществом во всей Енисейской губернии. Основателями данного общества выступали купцы первой гильдии (П.Я. Прейн, Н.Г. Гадалов, А.П. Кузнецов) и значительное число купцов второй гильдии (И.И. Ларионов, П.И. Ларионов, И.Я. Ростовых, М.Н. Окулов, К.И. Назаров, М.Ф. Водовозов, А.А. Светлаков, А.А. Плотников, А.В. Иванов, М.А. Крутовский, А.Д. Омаров, Е.Г. Гарин, Ф.И. Хилков, Г.Т. Гадалов, Е.Т. Гадалов, И.Б. Шитулин, А.К. Субботин, М.К. Сажинь, М.Н. Воронов, И.Я. Ростовых, А.И. Иванов, Е.А. Щепеткин, Я.В. Волков, З.М. Неустроев, А.П. Комаров, В.Т. Гадалов, А.Ф. Дудкинский, М.Ф. Филипов, А.М. Егоров, В.В. Федоров, Э.В. Мильштейн, И.П. Гуляев, М.Л. Лапшин, И.Н. Зорин, О.Н. Нейман) (ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 6. Л. 4).

Общество занималось различными видами деятельности, в основном направленными на финансовую поддержку предпринимателей г. Красноярска, а также благотворительностью. Например, из купеческого капитала общества были выделены средства на постройку и содержание двух женских гимназий и начального училища, созданы памятная книга для записи событий и списки почётных граждан г. Красноярска (ГАКК. Ф. 155. Оп. 1. Д. 6. Л. 19).

М.М. Сперанский, который одно время занимал должность генерал-губернатора Сибири, написал про более чем 40 купцов, проживающих в Сибири. Многим он оказывал существенную помощь. М.М. Сперанский видел в купечестве потенциальную силу для развития региональной экономики (Комлева, 2023b: 377).

М.К. Сидоров, дореволюционный купец, доказывает, что государство также помогало купцам. В пореформенный период был жёсткий протекционизм в области экономического освоения северных территорий страны (Комлева, 2022: 51).

Купеческое общество повлияло на становление первого отделения Государственного Банка в г. Красноярске. Согласно архивным данным, 25 апреля 1879 г. управляющему Енисейским отделением Государственного Банка поступило предложение от членов купеческого общества об открытии при Енисейском отделении Государственного Банка в г. Красноярске для учёта операций с коммерческими векселями «...для безостановочного движения и развития торговой промышленности...». Длительное время купцы настаивали на открытии отделения, и только в 1883 г. оно начало своё существование (ГАКК. Ф. 155. Оп. 1. Д. 25. Л. 13).

Неоспорим факт, что общество поспособствовало развитию предпринимательской деятельности как купцов, так и мещан в г. Красноярске. Общество принимало и рассматривало заявления мещан на выдачу ссуд из купеческого капитала на осуществление торговой и промышленной деятельности. Купцы для обеспечения непрерывной финансовой деятельности и её контроля создали проект правил 1883 г. (ГАКК. Ф. 155. Оп. 1. Д. 16. Л. 5), согласно которому:

1. Заявление о желании получить ссуду должно было поступить на имя купеческого старосты (на тот момент в его лице выступал красноярский городской глава Павел Яковлевич Прейн).

2. Ссуду могли получить только купцы и мещане г. Красноярска и только под залог недвижимого имущества на определённый ограниченный срок.

3. Инструментом ссудного капитала выступали векселя.

Банковское кредитование получило своё распространение достаточно поздно, в середине XIX в. Одним из первых общественных банков выступал Канский городской банк, основанный в 1862 г., и его капитал составлял 10 тыс. руб. Деятельность банка заключалась в приёме вкладов, учёте векселей и выдаче ссуд под залог недвижимого имущества (Прокушев, 1986: 29-31).

Также деятельность банков включала создание купеческих товариществ, функционирование которых значительно повлияло на развитие предпринимательства в сфере сельского хозяйства и ремесленного производства в Енисейской губернии.

Кредитные товарищества создавались с целью улучшения производственно-хозяйственных оборотов, а также для приобретения различного хозяйственного инвентаря посредством выдачи ссуд и принятия на себя посредничества по хозяйственным оборотам членов товарищества (товарищей). Каждое кредитное товарищество имело:

- Наименование;
- Место нахождения его правления;
- Населённый пункт или местность (город, волость, село, деревня и т.д.);
- Основной капитал и условия, на которых существует товарищество;
- Определённый размер кредита одного товарища и размер его ответственности по обязательствам.

Помимо вышеуказанного, все товарищества имели статус юридического лица.

Согласно общим положениям устава кредитных товариществ, утверждённого Министерством финансов от 14 сентября 1905 г., предельный размер кредитов не мог превышать 300 руб., а также товарищество имело право выдавать ссуды под залог хлеба и других продуктов сельского хозяйства, ремесла или промысла.

Управляющие конторами и отделениями Государственного Банка должны были:

- Предоставить кредит товариществу на основании устава Банка;
- Осуществлять надзор и ревизии товариществ, пользующихся средствами банка на кредитных условиях, а затем составлять годовой отчёт о деятельности организации;
- Оказывать помощь при ведении финансовой деятельности по просьбе кредитных товариществ (ГАКК. Ф. 606. Оп. 1. Д. 28. Л. 76).

Так, например, одним из первых подобных организаций вступает Сыдинское кредитное товарищество, которое осуществляло свою деятельность с апреля 1905 г. по декабрь 1915 г. в деревнях Сыды и Усть-Сыды Абаканской волости Минусинского уезда. Размер первоначального капитала составлял 1000 руб., возвращение которого растягивалось на 10 лет. Такая организация занималась выдачей краткосрочных ссуд по векселям, номинальная стоимость которых не превышала 100 руб. При открытии товарищество насчитывало 21 крестьянина, среди которых были И.И. Калягин, И.П. Лалетин, Х.Н. Филиппов и другие. Согласно отчётам инспекторов Центрального банка, становится ясно, что подобные организации были крайне необходимы для производственной деятельности в отдалённых частях Енисейской губернии, но они нуждались в понимании правильного ведения отчётов по финансовой деятельности. Можно заметить, что выдача ссуд такими организациями могла зависеть от сезонных условий, например, общая сумма выданных ссуд

крестьянам в период с июня по август 1912 г. составляла 1525 руб., с сентября по ноябрь 3192 руб., с декабря по февраль 5219 руб., а с марта по май 2495 руб. Данные колебания зависели от покупок различных инструментов для ведения сельскохозяйственной и ремесленной деятельности, корма для животных в зимний период и т. д. (ГАКК. Ф. 606. Оп. 1. Д. 83. Л. 27).

Всего насчитывалось 105 товариществ, функционировавших в период с 1905 по 1916 г. в каждой волости Енисейской губернии, что поспособствовало развитию сельского хозяйства и ремесленной деятельности в отдалённых частях губернии. Их деятельность корректировалась и определялась с помощью различных документов (ГАКК. Ф. 606. Оп. 1. Д. 28. Л. 26, 68, 131):

1. Положение от 7 июня 1904 г. отдела инспекции по делам мелкого кредита Государственного Банка.

2. Образцовый устав кредитного товарищества, выпущенный министерством финансов 14 сентября 1905 г.

3. Издание СПб. отделения комитета о сельских ссудно-сберегательных кредитных и промышленных товариществах, опубликованный в 1906 г.

Кроме того, по данным исследователей А.С. Ковалева, Е.Е. Кушнаренко, А.А. Терсковой, М.П. Яценко (Ковалев и др., 2018: 151), существовали съезды промышленников в дореволюционной России. В Енисейской губернии они были очень важны, так как там поднимались вопросы, связанные с развитием инфраструктуры, различных форм соцзащиты, а также енисейские золотопромышленники лоббировали свои корпоративные интересы и интересы всех золотопромышленников через органы госвласти.

Несмотря на многие проблемы, которые сопровождали купечество, примерно половину своих доходов они отдавали на благотворительность. Самым известным из енисейских купцов был Игнатий Кытманов. Он вошёл в историю губернии как филантроп, активно занимавшийся просвещением (Поздеева, 2023: 224).

5. Заключение

Таким образом, неоспорим тот факт, что на развитие предпринимательской деятельности разных сословий оказало большое влияние становление, развитие и функционирование таких представительских организаций, как Енисейская и Красноярская городские думы, Енисейский приказ общественного призрения Енисейского губернского управления, Красноярское купеческое общество, отделения Государственного Банка, кредитные и ссудно-сберегательные товарищества. Особо хочется отметить купеческое общество, оказавшее влияние на становление первого банковского отделения в г. Красноярске, что значительно улучшило деятельность купцов, оперировавших коммерческими векселями. Также стоит уделить внимание многочисленным товариществам, которые, несомненно, оказали положительное влияние на улучшение условий деятельности сельскохозяйственных и промышленных предприятий, развитие земельных угодий, более широкое использование машинной техники и т. д., предпринимателей, относящихся к разным сословиям и проживающих в отдалённых частях Енисейской губернии.

Литература

- Андреевич, 1889 – Андреевич В.К. Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889. Ч. 1. 425 с.
- Баккаревич, 1810 – Баккаревич М.Н. Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. СПб., 1810.
- Быконя и др., 2012 – Быконя Г.Ф., Комлева Е.В., Погребняк А.И. Енисейское купечество в лицах: (XVIII – начало XX в.). Красноярск, 2012. 316 с.
- Ватин, 1922 – Ватин В. А. Город Минусинск. Исторический очерк. Минусинск, 1922. 394 с.
- Гагемейстер, 1854 – Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 1. (С. 587). 368 с.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- Гмелин, 1751 – Гмелин И.Г. Путешествие по Сибири. СПб., 1751. Ч. 2. 498 с.
- Забловский, 1810 – Забловский Е.Ф. Землеописание Российской Империи для всех состояний. СПб., 1810.
- Клокман, 1967 – Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города (вторая половина XVIII в.). М., 1967. 336 с.
- Ковалев и др., 2018 – Ковалев А.С., Кушнаренко Е.Е., Терскова А.А., Яценко М.П. Съезд промышленников как основная форма представительских организации буржуазии в Енисейской губернии в дореволюционный период // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 4. С. 147-152.
- Комлева, 2006 – Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX века). М., 2006. 384 с.
- Комлева, 2021 – Комлева Е.В. «Вправе требовать себе всех благ человеческой культуры»: доклад гласного Енисейской городской думы М.П. Миндаровского о необходимости строительства железной дороги до Енисейска (1916 год) // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5. № 2/06. С 88-102.

- Комлева, 2022** – Комлева Е.В. Предпринимательская и общественная деятельность красноярского купца М.К. Сидорова в отражении материалов РГИА // *Вестник ТГУ. История*. 2022. № 75. С. 45-52.
- Комлева, 2023a** – Комлева Е.В. «Ездил в Томск за покупкой...». Автобиографические записки енисейского купца П.Е. Фунтосова. Конец 1860-х - 1870 г.г. // *Исторический архив*. 2023. №6. С. 152-165.
- Комлева, 2023b** – Комлева Е.В. Сибирское купечество на страницах путевого дневника и писем М.М. Сперанского (1819 – 1821 гг.) // *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 3 (97). С. 367-378.
- Кохригин, 1828** – Кохригин М. Некоторые статистические сведения о Енисейской губернии // *Северный архив*. 1828. № 1. С. 116.
- Кривошапкин, 1865** – Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865. Т. 1. 378 с.
- Кузьмин, 1923** – Кузьмин В.И. Основание и прошлое Красноярска / *Справочник по городу Красноярску на 1923 г.* Красноярск, 1923. С. 3-60.
- Кытманов, 2016** – Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. Машинописный вариант. Енисейский краеведческий музей. Красноярск, 2016. 850 с.
- Латкин, 1892** – Латкин Н.В. Енисейская губерния, её прошлое и настоящее. СПб., 1892. 467 с.
- Лопатин, 2003** – Лопатин И.А. Красноярск: этапы исторического пути. Красноярск, 2003.
- Паллас, 1773** – Паллас П.С. Путешествия по разным провинциям Российской Империи. СПб., 1773. Ч. 1. 786 с.
- Пестов, 1833** – Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. М., 1833. 325 с.
- Плещеев, 1787** – Плещеев С.И. Обзорение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии. СПб., 1787. 184 с.
- Погребняк, 2002** – Погребняк А.И. Купцы-предприниматели Енисейской губернии. Красноярск, 2002. 432 с.
- Поздеева, Комлева, 2023** – Поздеева Н.В., Комлева Е.В. Енисейский купец Игнатий Кытманов: выбор между личным и общественным // *Исторический курьер*. 2023. №6 (32). С. 217-225.
- Прокушев, 1986** – Прокушев В. Канск. Красноярск, 1986. 206 с.
- Скарятин, 1862** – Скарятин В.Д. Заметки золотопромышленника. СПб., 1862. Ч. 1. 167 с.
- Скороговоров, 1865** – Скороговоров И. Описание Енисейской губернии // *Записки сибирского отдела РГО*. Кн. VIII. Иркутск, 1865. С. 1-72.
- Смирнов, 1928** – Смирнов В.А. Триста лет города Красноярска. 1682-1928. Красноярск, 1928. 48 с.
- Степанов, 1835** – Степанов А.И. Описание Енисейской губернии. СПб., 1835. Ч. 1. 156 с.
- Туман-Никифорова, 2004** – Туман-Никифорова И. О. Гильдейское купечество Енисейской губернии (60-е гг. XIX в – начало XX в.): монография / Красноярский государственный торгово-экономический институт. Красноярск, 2004. 182 с.
- Туманова, 2019** – Туманова А.С. Общественные организации в России. Правовое положение. 1860 – 1930-е гг. М., 2019.
- Чеботарев, 1776** – Чеботарев Х.А. Географическое методическое описание Российской Империи. М., 1776.
- Чудновский, 1885** – Чудновский С. Енисейская губерния к трехсотлетию юбилею Сибири: (Статистико-публицистические этюды). Томск, 1885. 195 с.

References

- Andriyevich, 1889** – Andriyevich, V.K. (1889). Sibir' v XIX stoletii [Siberia in the 19th century]. SPb. Ch. 1. 425 p. [in Russian]
- Bakkarevich, 1810** – Bakkarevich, M.N. (1810). Statisticheskoye obozreniye Sibiri, sostavlennoye na osnovanii svedeniy, pocherpnutykh iz aktov pravitel'stva i drugikh dostovernnykh istochnikov [Statistical review of Siberia, compiled on the basis of information taken from government acts and other reliable sources] SPb. [in Russian]
- Bykonya i dr., 2012** – Bykonya, G.F., Komleva, Ye.V., Pogrebnyak, A.I. (2012). Yeniseyskoye kupechestvo v litsakh: (XVIII-nachalo XX v.) [Yenisei merchants in persons: (XVIII-early 20th century)]. Krasnoyarsk, 316 p. [in Russian]
- Gagemeyster, 1854** – Gagemeyster, Yu. (1854). A. Statisticheskoye obozreniye Sibiri [Statistical Review of Siberia]. SPb. Ch. 1. (P. 587). 368 p. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya [State Archives of Krasnoyarsk Krai].
- Gmelin, 1751** – Gmelin, I.G. (1751). Puteshestviye po Sibiri [Journey across Siberia]. SPb. Ch. 2. 498 p. [in Russian]
- Klokman, 1967** – Klokman, Yu.R. (1967). Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya russkogo goroda (vtoraya polovina XVIII v.) [Socio-economic history of the Russian city (second half of the 18th century)]. М., 336 p. [in Russian]
- Kokhrigin, 1828** – Kokhrigin, M. (1828). Nekotoryye statisticheskiye svedeniya o Yeniseyskoy gubernii [Some statistical information about the Yenisei province]. *Severnyy arkhiv*. 1: 116. [in Russian]

- [Komleva, 2006](#) – *Komleva, Ye.V.* (2006). Yeniseyskoye kupechestvo (poslednyaya chetvert' XVIII – pervaya polovina XIX veka) [Yenisei merchants (last quarter of the 18th – first half of the 19th centuries)]. M. 384 p. [in Russian]
- [Komleva, 2021](#) – *Komleva, Ye.V.* (2021). «Vprave trebovat' sebe vsekh blag chelovecheskoy kul'tury: doklad glasnogo Yeniseyskoy gorodskoy dumy M.P. Mindarovskogo o neobkhodimosti stroitel'stva zh/d do Yeniseyska (1915 g.)» [“Having the Right to Demand All the Benefits of Human Culture: Report of the Member of the Yenisei City Duma M.P. Mindarovsky on the Need to Build a Railway to Yeniseisk (1915)”]. *Severnnyye arkhivy i ekspeditsii*. T. 5. 2: 88-102. [in Russian]
- [Komleva, 2022](#) – *Komleva, Ye.V.* (2022). Predprinimatel'skaya i obshchestvennaya deyatel'nost' krasnoyarskogo kuptsa M.K. Sidorova v otrazhenii materialov RGIA [Entrepreneurial and social activities of the Krasnoyarsk merchant M. K. Sidorov as reflected in the materials of the Russian State Historical Archive]. *Vestnik TGU. Istorika*. 75: 45-52. [in Russian]
- [Komleva, 2023](#) – *Komleva, Ye.V.* (2023). «Yezdil v Tomsk za pokupkoy... «Avtobiograficheskiye zapiski yeniseyskogo kuptsa P.Ye. Funtosova v kontse 1860-kh–1870-ye gg.» [“I Went to Tomsk to Buy... “Autobiographical Notes of the Yenisei Merchant P.E. Funtosov in the Late 1860s–1870s.”]. *Istoricheskiy arkhiv*. 6: 152-165. [in Russian]
- [Komleva, 2023](#) – *Komleva, Ye.V.* (2023). Sibirskoye kupechestvo na stranitsakh putevogo dnevnika i pisem M.M. Speranskogo (1819–1821 gg.) [Siberian merchants on the pages of the travel diary and letters of M. M. Speransky (1819-1821)]. *SibSkript*. T. 25. 3(97): 367-378. [in Russian]
- [Kovalev i dr., 2018](#) – *Kovalev, A.S., Kushnarenko, Ye.Ye., Terskova, A.A., Yatsenko, M.P.* (2018). S"yezd promyshlennikov kak osnovnaya forma predstavitel'skikh organizatsii burzhuzii v Yeniseyskoy gubernii v dorevolutsionnyy period [The Congress of industrialists as the main form of representative organization of the bourgeoisie in the Yenisei Province in the pre-revolutionary period]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*. 4: 147-152. [in Russian]
- [Krivoshapkin, 1865](#) – *Krivoshapkin, M.F.* Yeniseyskiy okrug i yego zhizn' [Yenisei district and its life]. SPb., 1865. T. 1. 378 s. [in Russian]
- [Kuz'min, 1923](#) – *Kuz'min, V.I.* (1923). Osnovaniye i proshloye Krasnoyarska [Foundation and past of Krasnoyarsk]. Spravochnik po gorodu Krasnoyarsku na 1923 g. Krasnoyarsk. Pp. 3-60. [in Russian]
- [Kytmanov, 2016](#) – *Kytmanov, A.I.* (2016). Kratkaya letopis' Yeniseyskogo uyezda i Turukhanskogo kraia Yeniseyskoy gubernii [Brief chronicle of the Yenisei district and Turukhansk region of the Yenisei province]. Mashinopisnyy variant. Yeniseyskiy krayevedcheskiy muzey. 850 p. [in Russian]
- [Latkin, 1892](#) – *Latkin, N.V.* (1892). Yeniseyskaya guberniya, yeye proshloye i nastoyashcheye [Yenisei Province, Its Past and Present]. SPb. 467 p. [in Russian]
- [Lopatin, 2003](#) – *Lopatin, I.A.* (2003). Krasnoyarsk: etapy istoricheskogo puti [Krasnoyarsk: Stages of the Historical Path]. Krasnoyarsk. [in Russian]
- [Pallas, 1773](#) – *Pallas, P.S.* (1773). Puteshestviya po raznym provintsiyam Rossiyskoy Imperii [Travels through Various Provinces of the Russian Empire]. SPb. Ch. 1. 786 p. [in Russian]
- [Pestov, 1833](#) – *Pestov, I.S.* (1833). Zapiski ob Yeniseyskoy gubernii Vostochnoy Sibiri 1831 g [Notes on the Yenisei Province of Eastern Siberia 1831]. M. 325 p. [in Russian]
- [Pleshcheyev, 1787](#) – *Pleshcheyev, S.I.* (1787). Obozreniye Rossiyskoy imperii v nyneshnem yeye novoustroyennom sostoyanii [Review of the Russian Empire in its current newly arranged state]. SPb., 184 p. [in Russian]
- [Pogrebnyak, 2002](#) – *Pogrebnyak, A.I.* (2002). Kuptsy-predprinimateli Yeniseyskoy gubernii [Merchants-entrepreneurs of the Yenisei province]. Krasnoyarsk, 432 p. [in Russian]
- [Pozdeyeva, Komleva, 2023](#) – *Pozdeyeva, N.V., Komleva, Ye.V.* (2023). Yeniseyskiy kupets Ignatiy Kytmanov: vybor mezhdru lichnym i obshchestvennym [Yenisei merchant Ignatius Kytmanov: the choice between the personal and the public]. *Istoricheskiy kur'yer*. 6(32): 217-225. [in Russian]
- [Prokushev, 1986](#) – *Prokushev, V.* (1986). Kansk [Kansk]. Krasnoyarsk. 206 p. [in Russian]
- [Skaryatin, 1862](#) – *Skaryatin, V.D.* (1862). Zametki zolotopromyshlennika [Notes of a gold miner]. SPb. Ch. 1. 167 p. [in Russian]
- [Skorogovorov, 1865](#) – *Skorogovorov, I.* (1865). Opisaniye Yeniseyskoy gubernii [Description of the Yenisei province]. *Zapiski sibirskogo otdela RGO*. Kn. VIII. Irkutsk. Pp. 1-72. [in Russian]
- [Smirnov, 1928](#) – *Smirnov, V.A.* (1928). Trista let goroda Krasnoyarska. 1682-1928 [Three hundred years of the city of Krasnoyarsk. 1682-1928]. Krasnoyarsk, 48 p. [in Russian]
- [Stepanov, 1835](#) – *Stepanov, A.I.* (1835). Opisaniye Yeniseyskoy gubernii [Description of the Yenisei province]. SPb. Ch. 1. 156 p. [in Russian]
- [Tuman-Nikiforova, 2004](#) – *Tuman-Nikiforova, I.O.* (2004). Gil'deiskoe kupechestvo Eniseiskoi gubernii (60-e gg. KhIKh v – nachalo XX v.): monografiya [Guild merchants of Yenisei province (1860s – early 20th century): monograph]. Krasnoyarskii gosudarstvennyi torгово-ekonomicheskii institut. Krasnoyarsk, 182 p. [in Russian]
- [Vatin, 1922](#) – *Vatin, V.A.* (1922). Gorod Minusinsk. Istoricheskiy ocherk [The city of Minusinsk. Historical essay]. Minusinsk, 394 p. [in Russian]

Zablovskiy, 1810 – *Zablovskiy, Ye.F.* (1810). *Zemleopisaniye Rossiyskoy Imperii dlya vseh sostoyaniy* [Land description of the Russian Empire for all states]. SPb. [in Russian]

Развитие представительных организаций поддержки предпринимательства в Енисейской губернии в XIX – начале XX в.

Николай Рзавич Новосельцев ^{a, b, c, *}, Никита Николаевич Равочкин ^{d, e}, Елена Петровна Мамышева ^b, Александр Сергеевич Ковалев ^b

^a Сибирский государственный университет имени акад. М. Ф. Решетнева, Российская Федерация

^b Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^c Кемеровский государственный университет, Российская Федерация

^d Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Российская Федерация

^e Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого, Российская Федерация

Аннотация. В данной научной статье анализируется развитие представительских организаций поддержки предпринимательства в Енисейской губернии в XIX – начале XX в. Одной из самых дискуссионных тем исследований в настоящее время является проблема генезиса капитализма в России, который, в частности, рассматривается исследователями через призму развития купечества, где особую роль играют представительские организации поддержки предпринимательства. Различные стороны существования и функционирования данных организаций по сей день являются малоизученными, так как такому социальному слою, как купечество, до 1990-х гг. уделялось мало внимания, и, соответственно, различные стороны его развития были недостаточно хорошо изучены. Большинство работ носило обобщенный характер, а также чаще всего производился анализ социально-экономического развития всей Сибири и России в целом. В научной статье приводится небольшой историографический анализ, из которого ясно, что количество научной литературы по данному вопросу крайне мало. Основным научным трудом по этой проблеме является монография профессора Е.В. Комлевой. Основными источниками по теме выступают неопубликованные материалы из архива. Они дают информацию о функционировании представительских организаций поддержки предпринимательства. В дискуссии авторы анализируют представительские организации поддержки предпринимательства в Енисейской губернии в дореволюционный период. Также они уделяют особое место купечеству как основному сословию в русле данной проблемы. Авторы по итогам научного исследования пришли к выводам, что такие представительские организации, как Енисейская и Красноярская городские думы, Енисейский приказ общественного призрения Енисейского губернского управления, Красноярское купеческое общество, отделения Государственного Банка, кредитные и ссудно-сберегательные товарищества, оказали самое большое влияние. Кроме этого, стоит уделить внимание купечеству как двигателю экономики в дореволюционной России, многочисленным товариществам, которые, несомненно, оказали положительное влияние на улучшение условий деятельности сельскохозяйственных и промышленных предприятий, развитие земельных угодий, более широкое использование машинной техники и т. д., предпринимателей, относящихся к разным сословиям и проживающих в отдалённых частях Енисейской губернии.

Ключевые слова: купцы, гильдии, предпринимательство, Енисейская губерния, представительные организации.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: snoopy87@mail.ru (Н.Р. Новосельцев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 730-739
DOI: 10.13187/bg.2025.2.730

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Codification of the Customary Law of the Nomadic Peoples of Eastern Siberia in the 19th century

Valentina V. Naumkina ^{a,*}, Tatyana V. Vorotilina ^b, Julia V. Nikolaeva ^c, Alexandra V. Plotnikova ^d

^a Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation

^b Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^c Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Abstract

Customary law in Siberia was in force until the first quarter of the 20th century. The reforms of the 19th century covered not only the territorial structure and management issues, but also the regulatory system. The study examines the process of codification of the customary law of the nomadic peoples of Eastern Siberia from the point of view of form and content.

Various sources, including normative legal acts, were used in the preparation of codified acts. Reformers viewed customary law from the perspective of written law. Therefore, the codified act included: concepts, general rules and features, etc. The draft was prepared in the likeness of a legal act, taking into account the existing rules of presentation of the rule of law. The process of codification of the customary law of the Siberian indigenous peoples was influenced by the political and legal processes that took place in the Russian Empire. The article analyzes the sources of the Code of Customs of nomadic peoples and the tasks set by the reformers.

The main stages of codification are highlighted. The article examines the projects prepared at each stage from the perspective of the content and evolution of the approach to the idea of codification. The reasons for the refusal to approve the Code of Steppe Laws of the nomadic peoples of Eastern Siberia are highlighted. During the research, official data, archival materials and prepared projects were used.

Keywords: customary law, custom, codification of customary law, foreigners, Eastern Siberia, Code of steppe laws, reform of M.M. Speransky.

1. Введение

Обычное право народов России привлекает внимание современных исследователей не только как культурно-правовой феномен и историческое наследие. Обычное право является отражением ценностных ориентиров, уровня правосознания и социально-культурного наследия. Отдельные элементы обычного права в виде традиционных ценностей сохраняются и сегодня, оставаясь основой семейного воспитания и культуры народа (Plotskaya et al., 2022a; Plotskaya et al., 2022b; Plotskaya et al., 2023).

У кочевых народов Восточной Сибири обычное право действовало вплоть до советского периода. На протяжении XIX в. в Российской империи проходили процессы кодификации права, которые охватили и обычное право кочевых народов.

* Corresponding author

E-mail addresses: naumkinav@mail.ru (V.V. Naumkina), vorotilina@mail.ru (T.V. Vorotilina), UNikolaeva@fa.ru (J.V. Nikolaeva), aleksanklyu@yandex.ru (A.V. Plotnikova)

Идея кодификации обычного права сибирских народов появилась в ходе проведения реформы 1822 г. Реформа 1822 г. отхватывала различные сферы, начиная от административно-территориального деления до статуса проживающих народов. Главным идеологом реформы был М.М. Сперанский, который возглавил проведение преобразований. В 1822 г. был принят Устав об управлении инородцев (ПСЗРИ. Т.38. 1822-1823. СПб., 1830. № 29126), в котором была заложена не только идея кодификации, но и этапы ее проведения. Кодификация предполагала не только сбор обычаев, но и их содержательную переработку. Таким образом, к проведению кодификации обычного права применялся тот же подход, который М.М. Сперанский использовал при составлении Свода законов Российской империи. По мнению М.М. Сперанского, кодификация обычного права должна была стать продолжением сибирской реформы.

Для проведения преобразований на территории был образован Сибирский комитет, в ведение которого были переданы вопросы кодификации обычного права. Процесс кодификации был растянут на десятилетия и так и не привел к ожидаемому результату, Свод степных законов не был принят. При этом положительный эффект имел место. Процесс кодификации позволил изучить обычаи, культуру, бытовой уклад жизни коренных народов, что было использовано при проведении государственной политики на территории Сибири. Собранные материалы, несмотря на различные оценки современников, приставляют большой интерес для научного изучения.

2. Материалы и методы

Работу по кодификации обычного права кочевых народов Восточной Сибири возглавил специально созданный в Санкт-Петербурге Сибирский комитет во главе с императором. Поэтому исследование базируется на архивных и опубликованных материалах Сибирского комитета.

Были привлечены материалы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственного архива Красноярского края (Красноярск, Российская Федерация), Национального архива Республики Хакасия (Абакан, Российская Федерация). Кроме того, использованы опубликованные проекты Свода степных законов кочевых народов Восточной Сибири 1836 и 1841 г. (Свод степных..., 1836; Свод степных..., 1841). Особую ценность представляют официальные данные, собранные Сибирским комитетом: «Статистическое обозрение кочевых племен Восточной Сибири, на коих простирается действие Свода степных законов» (Статистическое обозрение..., 1836); «Предварительные соображения, на какой язык или наречие кочевых инородцев Восточной Сибири может быть переведен Свод степных законов» (Предварительные соображения..., 1841); «Обозрение исторических сведений о своде степных законов» (Обозрение исторических сведений, 1841); «Обозрение письменных показаний о судебных обычаях кочевых племен Восточной Сибири и Монголо-Китайских племен» (Обозрение письменных..., 1841) и другие материалы.

Был использован эмпирический материал из работ исследователей XIX в.: О. Буссе (Буссе, 1880), монаха Иакинфа (Записки о Монголии..., 1828), В.А. Рязановского (Рязановский, 1924), И.Я. Фойницкого (Фойницкий, 1878).

Методологическую основу работы составила совокупность различных подходов и методов проведения исследования. При проведении исследования использовались элементы институционального подхода, что позволило выявить взаимосвязь различных факторов на проведение кодификации обычного права. Было установлено, что кодификация представляла собой элемент сибирской реформы, направленной на дальнейшее экономическое освоение Сибири. Сдерживающим фактором принятия Свода степных законов стала законотворческая деятельность на уровне Российской империи и стремление учесть все правовые акты государства. Историко-эволюционный подход был использован для рассмотрения темы в качестве элемента политико-правового развития государства, а также, чтобы выделить изменение подходов к содержанию кодифицированного акта.

При проведении исследования были использованы методы диалектического подхода. Посредством исторического метода выявлена эволюция государственного подхода на кодификацию обычного права. Сравнительно-правовой метод был использован для сопоставления проектов 1828, 1836 и 1841 г. Метод анализа позволил выявить заимствованные из российского законодательства положения и влияние зарубежного права Монголии и Китая. Сочетание различных методологических подходов и методов позволило комплексно подойти к изучению процесса кодификации с позиции формы и содержания проектов.

3. Обсуждение

Отдельные вопросы кодификации и собранные материалы стали интересовать исследователей во второй половине XIX в. Среди публикаций можно выделить издание Д.Я. Самоквасова «Сборник обычного права сибирских инородцев» (Самоквасов, 1876). Самоквасов опубликовал материалы по обычному праву и краткий анализ в предисловии. И.Я. Фойницкий провел анализ обычаев в области уголовного права (Фойницкий, 1878).

Исследователи Русского географического общества публиковали как эмпирический и вспомогательный материал, так и результаты научного анализа вопросов обычного права. В 1880 г. О. Буссе опубликовал «Список слов бытового значения некоторых кочевых народов Восточной Сибири» (Буссе, 1880), в издание вошли национальные термины и их объяснение. Данное издание представляет интерес с позиции трактовки национальных обычаев.

Первым исследователем, который стал изучать процесс кодификации и собранные материалы в комплексе был А. Нольде. Он внес существенный вклад в изучение содержания кодификации обычного права и опубликовал работу «К истории составления проекта “Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири”» (Нольде, 1911), данная работа остается основной по кодификации обычного права кочевых народов Восточной Сибири. А. Нольде провел подробный анализ материалов Сибирского комитета.

Современные авторы рассматривают как вопросы кодификации обычного права кочевых народов Восточной Сибири, так и кодификацию обычаев, которая была характерна для XIX в. Среди работ можно выделить исследования А.М. Шангина (Шангин, 2009), А.Я. Козинцева (Козинцев, 2019), М.А. Зенько (Зенько, 1997), О.А. Диулиной (Диулина, 2017а; Диулина, 2017b), О.А. Плоцкой (Плоцкая и др., 2024; Плоцкая, 2014; Плоцкая, 2015b).

4. Результаты

В первой четверти XIX в. Российская империя стала участником нескольких военных конфликтов (Кавказ, Балканский полуостров, Финляндия, Швеция, Центральная Европа), кроме того, Отечественная война 1812 г. нанесла значительный урон экономике государства. В качестве ресурса было обращено внимание на Сибирь, которая имела значительные запасы для экспорта и восстановления экономики страны. Использование потенциала Сибири требовало проведения масштабной реформы, начиная от административно-территориального деления и управления до правового статуса народов, проживающих на этой территории. На территории Сибири проживали коренные народы (инородцы) и переселенцы. Эти две группы населения проживали раздельно. На переселенцев распространялось законодательство Российской империи. Коренные народы использовали существующие обычаи, традиционную систему управления и уклад жизни (Наумкина, 2021).

Проведение реформы было поручено М.М. Сперанскому, который начал преобразования с ревизии органов управления и личного знакомства с регионом и его особенностями. Нормативно-правовое регулирование в данном регионе отличалось отсутствием системности и противоречивостью (Обычное право России..., 2019). Было выделено несколько направлений реформы, одним из которых стала кодификация обычного права коренных народов.

В 1822 г. был принят устав «Об управлении инородцев» (ПСЗРИ. Т.38. 1822-1823. СПб., 1830. № 29126). Устав представлял собой кодифицированный акт, включал вопросы правового статуса инородцев, систему управления и судопроизводства, налогообложение и т. д. В устав были включены положения из ранее принятых нормативно-правовых актов для удобства использования.

В уставе были выделены три группы коренного населения в зависимости от особенностей ведения хозяйства: оседлые, кочевые и бродячие. Кочевой образ жизни был основой скотоводства и охватывал большую часть коренного населения Сибири. Устав признавал обычаи в качестве источника права у кочевых народов и предписывал, что «кочующие управляются по степным законам и обычаям, каждому племени свойственным» (ПСЗРИ. Т.38. 1822-1823. СПб., 1830. № 29126: 35). При этом сфера применения была ограничена (например, ряд составов преступлений попадал под юрисдикцию земской полиции и подлежал рассмотрению согласно правовых актов Российской империи). Обычное право оставалось основным регулятором хозяйственной деятельности, семейно-брачных отношений, охраны общественного порядка. Кроме того, традиционная система управления у кочевых народов была сохранена и унифицирована (по подобию земской системы управления).

Несмотря на лояльный подход к обычному праву, в Уставе были закреплены мероприятия по кодификации обычаев: 1) сбор информации; 2) анализ обычаев «чтобы выбрать наиболее подходящие обычаи»; 3) утверждение генерал-губернатором; 4) публикация на русском языке и «на языке тех, до коих оные относятся» (ПСЗРИ. Т.38. 1822-1823. СПб., 1830. № 29126: 68-69). По сути, речь шла о приведении обычаев в «соответствие» с действующим законодательством. Под видом кодификации обычаев должен был появиться нормативно-правовой акт, соответствующий законодательству.

Идея адаптации обычаев была утопической для российской действительности того времени. Обеспечить использование кодифицированного сборника на практике или проконтролировать его использование государство не могло (незнание русского языка инородцами, миграция населения и отсутствие населенных пунктов, значительные расстояния между стойбищами и т. д.). На территории Сибири существовало раздельное проживание коренных народов и переселенцев. Для переселенцев определялись места с учетом возможности добывать полезные ископаемые или вести сельское хозяйство. «Изоляция» коренных народов была элементом фискальной политики государства. Сбор налогов предусматривался как в денежном выражении, так и в натуральном виде (как правило, в виде меха). Пушнину принимали по крайне низкой цене. Незнание русского языка и запрет посещать места проживания переселенцев ограничивал возможность инородцев не только торговать товарами,

но и «общаться» с представителями власти. Кочевники предпочитали решать внутренние дела самостоятельно, обращаться с жалобами в государственные органы было не принято. Во-первых, покидать место кочевья запрещалось - «без ведома родового управления отлучаться из мест кочевья на расстояние большее двух дней пути» ([Устав..., 1822: 182](#)). Во-вторых, инородцы рассматривали жалобы как препятствие для реализации функций управления. В Енисейской губернии лиц, которые жаловались окружному начальству на решения традиционных органов, наказывали ([НАРХ. Ф. ИИ-2. Оп. 1. Д. 124. Л. 9](#)). Сами инородцы воспринимали такие действия как правонарушение ([О законах некоторых..., 1823](#)). Инородцы относились очень осторожно к официальной власти, поэтому распространение информации или жалобы рассматривались как действия, которые могли нанести ущерб самостоятельности и свободе родового уклада и управления.

Идея кодификации этнических обычаев не была новой. Обычаи, действующие на национальных окраинах, стали изучать еще с XVIII в. ([Алимбай, 2021; Диулина, 2017а](#)). Санкционирование обычаев и работа по их дальнейшей кодификации использовалась на иных территориях империи ([Обычное право России, 2019; Диулина, 2017b; Козинцев, 2019; Зенько, 1997](#)).

Идея кодификации имела положительные стороны. Во-первых, позволяла изучить быт и особенности территории, что было необходимым для ее дальнейшего экономического освоения. Во-вторых, выявить нехарактерные для центральной части страны правонарушения, нравы, особенности управления ([Наумкина, 2021: 30](#)).

Работа по кодификации с перерывами проводилась до конца XIX в., но так и не была завершена в силу различных политических причин. Для проведения реформы был образован Сибирский комитет во главе с императором, который занимался не только кодификацией обычаев, но и иными преобразованиями в Сибири. В каждой губернии была образована специальная комиссия для проведения работы по кодификации.

В результате данной работы для народов Восточной Сибири было подготовлено 3 проекта в 1828, 1836 и 1841 г. Проекты были подготовлены на русском языке. С переводом проектов возникли сложности. Сибирский комитет пришел к выводу, что перевод может исказить смысл ([Предварительные соображения..., 1841](#)), поскольку в проекте были использованы слова и обороты, аналогов которых нет во многих языках сибирских народов. Во-вторых, некоторые народы (например, якуты) не имели своего алфавита и использовали русские буквы. Использование русского алфавита не позволяло отразить специфику произношения, что также искажало смысл текста ([Предварительные соображения..., 1841](#)).

К сбору информации были привлечены «почетные инородцы», в качестве которых выступили уважаемые представители рода с хорошей репутацией. Почетные инородцы могли предоставить письменные или устные сведения. Предоставленные сведения было сложно проверить на объективность, почетные инородцы стремились сохранить свой статус и властные полномочия ([Митыпова, 2019](#)), поэтому предоставляли сведения очень осторожно.

Кроме сведений инородцев, для составления свода в качестве источников были использованы официальные документы Китая и Монголии (Китайское уложение 1725 г., Уложение китайской палаты внешних сношений, Монгольское уложение 1798 г., Уложение монгольского и калмыцкого народов 1640 г.) ([О значении источников..., 1841](#)). На территории Сибири был высокий уровень миграции из-за кочевого образа жизни и «движения племен» на этой территории, поэтому нормы из китайского и монгольского законодательства не просто использовались инородцами, но воспринимались как собственные обычаи ([Записки о Монголии..., 1828](#)). Был сделан официальный перевод зарубежных источников, и сделаны из них «выписки» для использования при составлении свода ([Обозрение письменных..., 1841](#)). Так, например, только из Уложения Китайской палаты была сделана выписка объемом 162 статьи ([Нольде, 1911](#)).

В отличие от сибирских народов, нормы Монголии и Китая содержали более жесткие санкции. На территории Енисейской губернии самым распространённым наказанием были штраф и телесное наказание розгами ([Фойницкий, 1878](#)). Законодательство Монголии и Китая предусматривало членовредительство и различные виды «показательной» смертной казни. Виды правонарушений, использование доказательной базы во многом совпадали.

К концу 1824 г. для народов Восточной Сибири было подготовлено два проекта – для Иркутской и Красноярской губернии. Сибирский комитет несколько раз возвращал материалы на доработку и в итоге принял решения объединить иркутский и красноярский проект и сделать единый проект для народов Восточной Сибири (для Иркутской и Красноярской губернии), поскольку посчитал, что обычаи народов данных губерний очень похожи ([Обозрение исторических..., 1841](#)).

По объему и охвату общественных отношений иркутский и красноярский проект сильно различались. Иркутский проект включал 844 параграфа ([РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 36 «г». Л. 66](#)), а сведения Енисейской губернии всего 74 параграфа ([РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 36 «в». Л. 48](#)). В Иркутской губернии уже был опыт составления кодифицированных актов, например, Степное Уложение 1808 г., Селенгинское уложение 1775 г. Кроме того, в губерниях привлекалось разное количество инородцев для сбора информации. В Красноярской губернии приняли участие всего 4 инородца (по одному от каждой Степной думы), а в Иркутской - 154 информатора ([Нольде, 1911](#)).

К 1828 г. был подготовлен единый (первый) проект Свода, который получил негативную оценку Сибирского комитета, поскольку по мнению комитета был далек от первоначальных сведений (О значении источников..., 1841). Поэтому был выработан новый подход составления проекта. В проекте появились общие нормы для всех кочевых народов и частные правила («изъятия») для определенных племен (или народов).

В 1831 г. проект Свода передали в Енисейскую и Иркутскую губернию для сверки данных и согласования. Первоначальные данные собирались в переводе и корректировались с позиции русского языка, перевод некоторых терминов необходимо было уточнить.

В 30-е гг. XIX в. завершалась работа по составлению Свода общих законов Российской империи, поэтому работа по кодификации обычаев кочевых народов Сибири была приостановлена. Сибирский комитет посчитал необходимым дожидаться принятия Свода общих законов Российской империи и сопоставить собранные обычаи с законодательством (Нольде, 1911).

В 1836 г. проект был готов. Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири (Свод степных..., 1836) по форме был составлен в виде нормативного правового акта с примечаниями и пояснениями. Свод 1836 г. был подготовлен для всех кочевых народов Енисейской и Иркутской губерний (Статистическое обозрение..., 1836). Сибирский комитет постарался ликвидировать имеющиеся пробелы нормами из иных источников. В примечаниях были указаны первоисточники для подтверждения достоверности (Свод степных..., 1836: 106). По содержанию проект стал симбиозом правовых норм и обычаев.

Для принятия окончательного решения была создана комиссия, в которую вошел представитель Сибирского Комитета, а также представители министерства юстиции, финансов и внутренних дел. Комиссия решила, что требуется проверка данных, а также документ необходимо по структуре привести в соответствие «плана свода общих законов Российской империи» (Введение к Своду..., 1837). Проект был опубликован и направлен в Сибирь для сбора предложений. Губернаторы организовали работу по сбору замечаний и предложений. От инородцев было получено 348 замечаний (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 88. Л. 6.), из которых было учтено только 17 (Нольде, 1911: 511).

По содержанию предложения сводились к следующему: 1) пересмотреть меры ответственности за кражу и мошенничество, и с учётом суммы ущерба выделить три вида санкций; 2) увеличить объем полномочий Степных дум в сфере землепользования; 3) пересмотреть полномочия словесной расправы (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 88).

В 1841 г. был подготовлен третий проект Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. К существенным отличиям можно отнести только уменьшение штрафов. Других кардинальных отличий в проекте 1841 г. не было, хотя количество статей увеличилось с 540 до 802 (Свод степных..., 1841). Изменения преимущественно носили технический характер. Были замены ссылки на законодательство положениями из нормативно - правовых актов. Всего в проекте 1841 г. было заимствовано более 270 статей. В проект 1836 г. несколько раз вносились дополнительные положения («изъятий» для конкретных народов), это привело к дублированию номеров статей, которое было исключено.

К содержательным изменениям можно отнести уменьшение размеров штрафов. Например, в проекте 1836 г. за неповиновение родовым органам в виде неявки в назначенное время и место в «первый раз задерживается под стражей до 3 суток, во второй раз сверх задержания наказывается штрафом по 5 копеек за версту» (Свод степных..., 1836: 352), а позднее штраф был снижен до 2 копеек за версту (Свод степных..., 1841: 522).

Свод 1841 г. должен был стать единственным кодифицированным актом для кочевых народов Восточной Сибири. Это было удобным для использования, но вызывало критику современников. В проекте были использованы российские термины, которые не имеют аналогов в национальных языках и не использовались на практике. Поэтому в положениях Свода приобрели «иное значение нежели было обычаях» (Рязановский, 1924: 118). Население использовало обычаи в своем традиционном понимании.

Статьи Свода содержали общее правило, частное и изъятие. Общее правило имело стандартную для российского законодательства формулировку и по преимуществу было заимствовано из нормативного правового акта (российского или зарубежного). Частные правила устанавливались для конкретных народов, в них уточнялось или изменялось общее правило. Изъятие также носило адресный характер и предоставляло право выбора общего правила или частного. Например, за помощь в поимке вора или украденного имущества в Своде предусматривалось вознаграждение в размере десятой части имущества (Свод степных..., 1841: 219). Изъятие предусматривало особые правила для Бурят Селенгинских: размер вознаграждения в зависимости от вида имущества (за крупный скот – 1 баран за каждую голову, за барана – 3 копейки серебром за голову и т. д.).

Изъятия предусматривались примерно в 5 % статей (около 40). В отличие от проекта 1828 г., в Своде 1841 г. содержалось большое количество процессуальных норм по доказыванию правонарушения, проведения следственных мероприятий и т. д.

Свод 1841 г., с одной стороны, был направлен на «унификацию» обычаев, с другой - сохранялся дифференцированный подход.

При рассмотрении Свода 1841 г. Государственный совет посчитал принятие его несвоевременным. В 1848 г. работа была завершена (Буссе, 1880), проект так и не был утверждён. Отмена крепостного права и последующие реформы привели к необходимости вернуться к вопросу кодификации обычаев. Судебная реформа 1864 г. сохраняла статус обычая как источника права. Впоследствии часть первоначальных документов была продана Варшавскому университету. Заключение для определения научной ценности купленных документов давал Д.Я. Самоквасов, который высоко оценил материалы и в 1876 г. опубликовал в Варшаве «Сборник обычного права сибирских инородцев» (Самоквасов, 1876) на русском языке, чтобы сведения стали доступными для изучения.

В 70-е гг. начался новый этап кодификации обычаев. Русским географическим обществом были разработаны программы для сбора обычаев, в виде анкеты, предполагающей ответы на вопросы по всем отраслям права. Программы для сбора информации по обычаям инородцев и крестьян не имели существенных различий, поскольку были составлены исходя из официального законодательства. Недостатком этих программ было отсутствие учета изолированного проживания и уровня включения инородцев в общероссийские процессы. Например, программы содержали вопросы на сопоставление обычаев и официального законодательства: «не известны ли случаи, что те или иные действия не наказуемы по закону, запрещаются или даже наказываются по обычаю?» (Ответы на программу..., 1891: 98). Коренные народы Сибири не обладали даже знанием не только законодательства, но русского языка.

В 70-е гг. к сбору сведений был привлечен большой круг государственных служащих. Началось научное изучение материалов и практики. В ходе обсуждения материалов появилась идея о необходимости принятия Уложения (ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 88. Л. 51). Уложение должно было содержать единые правила для всех народов без частных правил и изъятий.

Работа, проводимая в 70-е гг., так и не была завершена, по причине отсутствия последовательности работы и стремления учесть все нормативно-правовые акты государства (Шангин, 2009). Работа несколько раз откладывалась в ожидании разработки очередного официального акта.

5. Заключение

Идея кодификации обычного права так и не была реализована из-за отсутствия последовательной политики и желания реформаторов учесть все законодательство Российской империи. Реформаторы пытались «подогнать» обычаи инородцев под правовые нормы. За время работы Сибирского комитета был проведен анализ большого количества сведений, что в дальнейшем учитывалось при проведении преобразований на территории Сибири.

Кочевой образ жизни коренных народов, особенности ведения хозяйства и уровень социально-культурного развития не позволяли отказаться от обычного права. Вплоть до советского периода обычаи не только использовались, но и оставались основным регулятором. Только распространение русского языка и переход к оседлому образу жизни в первые десятилетия советского периода привели к господству писанного права.

Материалы кодификации и работы Сибирского комитета имеют большое научное значение для изучения не только обычного права, но и быта коренных народов Сибири.

Литература

Буссе, 1880 – Буссе О. Список слов бытового значения некоторых кочевых народов Восточной Сибири // *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии*. Т.6. СПб., 1880. 51 с.

Введение к Своду..., 1837 – Введение к Своду степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. СПб., 1837. 13 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Диулина, 2017a – Диулина О.А. Проблемы интеграции права народов Российской империи в социально-юридических исследованиях XIX-XX вв. // *Вестник Омского университета. Серия: Право*. 2017. № 4(53). С. 20-25.

Диулина, 2017b – Диулина О.А. Некоторые предпосылки юридической политики российской империи по сохранению местного обычного права присоединенных в XVII-XIX вв. народов // *Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы XIV Международной научно-практической конференции*. В 4-х томах, Тольятти, 20–21 апреля 2017 года. Т. 2. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2017. С. 11-14.

Записки о Монголии..., 1828 – Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфомъ. Т. II. СПб., 1828. 340 с.

Зенько, 1997 – Зенько М.А. К проблеме изучения обычного права у аборигенов Западной Сибири // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 1997. № 1. С. 87-92.

Кодинцев, 2019 – Кодинцев А.Я. Историография обычного права уральских народов Западной Сибири // *Научные труды. Российская академия юридических наук / Российская академия юридических наук*. Том. Выпуск 19. М.: ООО «Издательство «Юрист», 2019. С. 54-59.

- Митыпова, 2019** – Митыпова Н.М. Правовое положение представителей родовой аристократии в обычном праве бурят XVII-XIX вв. // *Монголоведение (Монгол судлал)*. 2019. № 18. С. 519-530.
- НАРХ** – Национальный архив Республики Хакасия.
- Наумкина, 2021** – Наумкина В.В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юнити-Дана», 2021. 223 с.
- Нольде, 1911** – Нольде А. К истории составления проекта «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» // *С.Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели*. Сб. Статей, посвященных С.Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 502-521.
- О законах некоторых..., 1823** – О законах некоторых Восточных Сибирских инородцев // *Сибирский вестник*. 1823. Ч.1. С.1-12.
- О значении источников..., 1841** – О значении источников; примечания и объяснения. СПб., 1841. 90 с.
- Обозрение исторических..., 1841** – Обзорение исторических сведений о своде степных законов. СПб., 1841. 83 с.
- Обозрение письменных..., 1841** – Обзорение письменных показаний о судебных обычаях кочевых племен Восточной Сибири и Монголо-Китайских племен. СПб., 1841. 7 с.
- Обычное право России..., 2019** – Обычное право России: теоретико-правовой и историко-правовой аспекты / Р. Л. Хачатуров, Р. О. Авакян, Т. М. Айтберов [и др.]. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2019. 472 с.
- Ответы на программу..., 1891** – Ответы на программу императорского Русского географического общества, для собирания народных юридических обычаев. Составлены действительным членом Иркутского губернского статистического комитета М.В. Загоскиным. Издание комитета. Иркутск: губернская типография, 1891. 154 с.
- Плоцкая, 2014** – Плоцкая О.А. Обычное этническое право у финно-угорских народов пермской подгруппы в исторических и правовых источниках // *История государства и права*. 2014. № 15. С. 53-58.
- Плоцкая, 2015b** – Плоцкая О.А. Обычно-правовое этноправосудие у коми (зырян) и удмуртов в правовых и исторических источниках как элемент традиционного правового быта // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2015. Т. 9. № 1. С. 174-182.
- Плоцкая, 2015a** – Плоцкая О.А. Обычное этническое право пермских народов в эпоху глобализации. Сыктывкар, 2015. 244 с.
- Предварительные соображения..., 1841** – Предварительные соображения, на какой язык или наречие кочевых инородцев Восточной Сибири может быть переведен Свод степных законов. СПб., 1841. 7 с.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Рязановский, 1924** – Рязановский В.А. Обычное право монгольских племен (монголов, бурят, калмыков). Ч.1. Харбин, 1924. 114с.
- Самоквасов, 1876** – Самоквасов Д.Я. Сборник обычного права сибирских инородцев. Варшава, 1876. 282 с.
- Свод степных..., 1836** – Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. СПб., 1836. 176 с.
- Свод степных..., 1841** – Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири. СПб., 1841.
- Статистическое обозрение..., 1836** – Статистическое обозрение кочевых племен Восточной Сибири, на коих простирается действие Свода степных законов. СПб., 1836. 27 с.
- Фойницкий, 1878** – Фойницкий И.Я. Народные обычаи по уголовному праву (доклад, представленный комиссии о народных юридических обычаях заседание 10 октября 1877 года) // *Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии*. 1878. Т. 8. Отд. 3. С.3-10.
- Шангин, 2009** – Шангин А.М. Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири как начальная попытка кодификации обычного права сибирских народов // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2009. № 4. С. 158-168.
- Alimbaj, 2021** – Alimbaj N.A. Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries) // *Bylye gody*. № 16(1). Pp. 85-96.
- Plotskaya et al., 2021** – Plotskaya O.A., Sokolskaya L.V., Kaliakperova E.N., Alekseeva D.G. Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries // *Bylye Gody*. 2021. 16(4): 1594-1601.
- Plotskaya et al., 2022b** – Plotskaya O.A., Ruchkina G.F., Alekseeva D.G., Naumkina V.V. The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 49-56.

Plotskaya et al., 2022a – Plotskaya O.A., Kurilyuk Y.E., Ospanova D.A. Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1575-1584.

Plotskaya et al., 2023 – Plotskaya O.A., Osmonalieva N.J., Lotorev E.N., Shiryova I.V. Usually-Legal Status of a Peasant Widow among the Zyryans and Votyaks in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1612-1620.

Plotskaya et al., 2024 – Plotskaya O.A., Elinskii V.I., Atabekov K.K., Mironchukovskaya V.V. Customary Legal Ethno-Justice among the Perm Peoples in the 16th-18th centuries // *Bylye Gody*. 19(2): 497-503.

References

Alimbaj, 2021 – Alimbaj, N.A. (2021). Contribution of Russian Researchers in the Collection and Study of Materials on the Customary Law of the Kazakhs (late 18th – early 20th centuries). *Bylye Gody*. 16(1): 85-96.

Busse, 1880 – Busse, O. (1880). Spisok slov bytovogo znacheniya nekotorykh kochevykh narodov Vostochnoj Sibiri [List of words of everyday meaning of some nomadic peoples of Eastern Siberia]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii*. T.6. SPb., P. 197. [in Russian]

Diulina, 2017a – Diulina, O.A. (2017). Problemy integracii prava narodov Rossijskoj imperii v social'no-yuridicheskikh issledovaniyakh XIX-XX vv. [Problems of integration of the law of the peoples of the Russian Empire in socio-legal studies of the XIX-XX centuries]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo*. 4(53): 20-25 [in Russian]

Diulina, 2017b – Diulina, O.A. (2017). Nekotorye predposylki yuridicheskoy politiki rossijskoj imperii po sohraneniyu mestnogo obychnogo prava prisoedinennykh v XVII-XIX vv. narodov [Some prerequisites of the legal policy of the Russian Empire to preserve the local customary law of the peoples annexed in the XVII-XIX centuries]. *Tatishchevskie chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki: Materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. V 4-h tomah, Tol'yatti, 20–21 aprelya 2017 goda. T. 2. Tol'yatti: Volzhskij universitet imeni V.N. Tatishcheva (institut). Pp. 11-14. [in Russian]*

Fojnickij, 1878 – Fojnickij, I.Ya. (1878). Narodnye obychai po ugovnomu pravu (doklad, predstavlenyj komissii o narodnykh yuridicheskikh obychaiyah zasedanie 10 oktyabrya 1877 goda) [Folk customs in criminal law (report submitted to the Commission on folk legal customs meeting on October 10, 1877)]. *Zapiski Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii*. T. 8. Otd. 3. Pp. 3-10. [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [The State Archive of the Krasnoyarsk Krai].

Kodincev, 2019 – Kodincev, A.Ya. (2019). Istoriografiya obychnogo prava ural'skikh narodov Zapadnoj Sibiri [Historiography of the customary law of the Uralic peoples of Western Siberia]. *Nauchnye trudy. Rossijskaya akademiya yuridicheskikh nauk. Rossiiskaya akademiya yuridicheskikh nauk*, Tom. Vypusk 19. M.: OOO «Izdatel'stvo «Yurist». Pp. 54-59. [in Russian]

Mitypova, 2019 – Mitypova, N.M. (2019). Pravovoe polozhenie predstavitelej rodovoj aristokratii v obychnom prave buryat XVII-XIX vv. [The legal status of representatives of the ancestral aristocracy in the customary law of the Buryats of the XVII-XIX centuries]. *Mongolovedenie (Mongol sudlal)*. 18: 519-530 [in Russian]

NARKh – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Khakasiya [National Archive of the Republic of Khakassia].

Naumkina, 2021 – Naumkina, V.V. (2021). Obychnoe pravo kochevykh narodov Vostochnoj Sibiri [The customary law of the nomadic peoples of Eastern Siberia]. M.: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo «Yuniti-Dana», 223 p. [in Russian]

Nol'de, 1911 – Nol'de, A. (1911). K istorii sostavleniya proekta «Svoda stepnykh zakonov kochevykh inorodcev Vostochnoj Sibiri» [On the history of drafting the «Code of Steppe Laws of nomadic foreigners of Eastern Siberia»]. S.F. Platonovu ucheniki, druž'ya i pochatiteli. Sb. Statej, posvyashchennykh S.F. Platonovu. SPb., Pp. 502-521. [in Russian]

O zakonah nekotorykh..., 1823 – O zakonah nekotorykh Vostochnykh Sibirskikh inorodcev [About the laws of some Eastern Siberian foreigners]. *Sibirskij vestnik*. 1823. Ch. 1. Pp. 1-12. [in Russian]

O znachenii istochnikov, 1841 – O znachenii istochnikov; primechaniya i ob'yasneniya (1841) [About the meaning of the sources; notes and explanations]. SPb., 90 p. [in Russian]

Obozrenie istoricheskikh..., 1841 – Obozrenie istoricheskikh svedenij o svode Stepnykh Zakonov [Review of historical information about the code of steppe laws]. SPb., 1841. 83 p [in Russian]

Obozrenie pis'mennykh..., 1841 – Obozrenie pis'mennykh pokazanij o sudebnykh obychaiyah kochevykh plemen Vostochnoj Sibiri i Mongolo-Kitajskikh plemen [Review of written testimony on judicial customs of nomadic tribes of Eastern Siberia and Mongol-Chinese tribes]. SPb., 1841. 7 p. [in Russian]

Obychnoe pravo Rossii, 2019 – Obychnoe pravo Rossii: teoretiko-pravovoj i istoriko-pravovoj aspekty [Customary Law of Russia: theoretical and legal and historical aspects]. R.L. Hachaturov, R.O. Avakyan, T.M. Ajtberov [i dr.]. Moskva: Izdatel'stvo «Yurлитinform», 2019. 472 p. [in Russian]

- [Otvety na programmu..., 1891](#) – Otvety na programmu imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, dlya sobiraniya narodnyh yuridicheskikh obychaev [Answers to the program of the Imperial Russian Geographical Society, for collecting folk legal customs]. Sostavleny dejstvitel'nyim chlenom Irkutskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta M.V. Zagoskinym. Izdanie komiteta. Irkutsk: gubernskaya tipografiya, 1891. P. 98. [in Russian]
- [Plotskaya et al., 2021](#) – *Plotskaya, O.A., Sokolskaya, L.V., Kaliakperova, E.N., Alekseeva, D.G.* (2021). Regulatory Potential of the Positive and Customary Law of the Zyryans and Samoyeds in the Field of Environmental Management in the XVII – XVIII centuries. *Bylye Gody*. 16(4): 1594-1601.
- [Plotskaya et al., 2022b](#) – *Plotskaya, O.A., Ruchkina, G.F., Alekseeva, D.G., Naumkina, V.V.* (2022). The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 49-56.
- [Plotskaya et al., 2022a](#) – *Plotskaya, O.A., Kurilyuk, Y.E., Ospanova, D.A.* (2022). Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1575-1584.
- [Plotskaya et al., 2023](#) – *Plotskaya, O.A., Osmonalieva, N.J., Lotorev, E.N., Shiryova, I.V.* (2023). Usually-Legal Status of a Peasant Widow among the Zyryans and Votyaks in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 18(4): 1612-1620.
- [Plotskaya et al., 2024](#) – *Plotskaya, O.A., Elinskii, V.I., Atabekov, K.K., Mironchukovskaya, V.V.* (2024). Customary Legal Ethno-Justice among the Perm Peoples in the 16th-18th centuries. *Bylye Gody*. 19(2): 497-503.
- [Plotskaya, 2014](#) – *Plotskaya, O.A.* (2014). Obychnoe etnicheskoe pravo u finno-ugorskich narodov permskoi podgruppy v istoricheskikh i pravovykh istochnikakh [Customary ethnic law among the Finno-Ugric peoples of the Perm subgroup in historical and legal sources]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 15: 53-58. [in Russian]
- [Plotskaya, 2015a](#) – *Plotskaya, O.A.* (2015). Obychnoe etnicheskoe pravo permskikh narodov v epokhu globalizatsii [The customary ethnic law of the Permian peoples in the era of globalization]. *Syktyvkar*. 244 p. [in Russian]
- [Plotskaya, 2015b](#) – *Plotskaya, O.A.* (2015). Obychno-pravovoe etnopravosudie u komi (zyryan) i udmurtov v pravovykh i istoricheskikh istochnikakh kak element traditsionnogo pravovogo byta [It is usually the legal ethno-justice of the Komi (Zyryans) and Udmurts in legal and historical sources as an element of traditional legal life]. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 9(1): 174-182. [in Russian]
- [Predvaritel'nye soobrazheniya..., 1841](#) – Predvaritel'nye soobrazheniya, na kakoj yazyk ili narechie kochevyh inorodcev Vostochnoj Sibiri mozhet byt' pereveden Svod Stepnyh Zakonov [Preliminary considerations, into which language or dialect of the nomadic foreigners of Eastern Siberia the Code of Steppe Laws can be translated]. SPb., 1841. 7 p. [in Russian]
- [PSZRI](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The complete collection of laws of the Russian Empire].
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].
- [Ryazanovskij, 1924](#) – *Ryazanovskij, V.A.* (1924). Obychnoe pravo mongol'skich plemen (mongolov, buryat, kalmykov) [Customary law of the Mongolian tribes (Mongols, Buryats, Kalmyks)]. Ch. 1. Harbin, 114 p. [in Russian]
- [Samokvasov, 1876](#) – *Samokvasov, D.Ya.* (1876). Sbornik obychnogo prava sibirskih inorodcev [Collection of the customary law of Siberian foreigners]. Varshava, 282 p. [in Russian]
- [Shangin, 2009](#) – *Shangin, A.M.* (2009). Svod stepnyh zakonov kochevyh inorodcev Vostochnoj Sibiri kak nachal'naya popytka kodifikacii obychnogo prava sibirskih narodov [The code of steppe laws of the nomadic inorodtsy of eastern siberia as an initial attempt to codify the customary law of siberian peoples]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*. 4: 158-168. [in Russian]
- [Statisticheskoe obozrenie..., 1836](#) – Statisticheskoe obozrenie kochevyh plemen Vostochnoj Sibiri, na koih prostiraetsya dejstvie Svoda stepnyh zakonov [Statistical review of the nomadic tribes of Eastern Siberia, which are subject to the Code of Steppe Laws]. SPb., 1836. 27 p. [in Russian]
- [Svod stepnyh..., 1836](#) – Svod stepnyh zakonov kochevyh inorodcev Vostochnoj Sibiri [The code of steppe laws of nomadic foreigners of Eastern Siberia]. SPb. 1836. 176 p. [in Russian]
- [Svod stepnyh..., 1841](#) – Svod stepnyh zakonov kochevyh inorodcev Vostochnoj Sibiri [The code of steppe laws of nomadic foreigners of Eastern Siberia]. SPb, 1841. [in Russian]
- [Vvedenie k Svodu..., 1837](#) – Vvedenie k Svodu stepnyh zakonov kochevyh inorodcev Vostochnoj Sibiri [Introduction to the Code of Steppe Laws of Nomadic foreigners of Eastern Siberia]. SPb., 1837. 13 p [in Russian]
- [Zapiski o Mongolii..., 1828](#) – Zapiski o Mongolii, sochinennye monahom Yakinom [Notes on Mongolia, composed by the monk Iakin]. T. II. SPb, 1828. 340 p. [in Russian]
- [Zen'ko, 1997](#) – *Zen'ko M. A.* (1997). K probleme izucheniya obychnogo prava u aborigenov Zapadnoj Sibiri [To the problem of studying customary law among the aborigines of Western Siberia]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*. 1: 87-92 [in Russian]

Кодификация обычного права кочевых народов Восточной Сибири в XIX в.

Валентина Владимировна Наумкина ^{a, *}, Татьяна Викторовна Воротилина ^b,
Юлия Валентиновна Николаева ^c, Александра Владимировна Плотникова ^d

^a Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Российская Федерация

^b Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Юго-Западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

Аннотация. Обычное право на территории Сибири действовало вплоть до первой четверти XX в. Реформы XIX в. охватили не только территориальное устройство и вопросы управления, но и регулятивную систему. В исследовании рассматривается процесс кодификации обычного права кочевых народов Восточной Сибири с позиции формы и содержания.

При подготовке кодифицированных актов были использованы различные источники, включая нормативно-правовые акты. Реформаторы рассматривали обычное право с позиции писанного права. Поэтому в кодифицированный акт были включены: понятия, общие правила и особенности и т. д. Проект готовился по подобию правового акта с учетом существующих правил изложения нормы права. На процессе кодификации обычного права сибирских коренных народов отразились политико-правовые процессы, проходившие в Российской империи. В статье приводится анализ источников Свода обычаев кочевых народов и задачи, поставленные реформаторами.

Выделяются основные этапы кодификации. В статье рассматриваются подготовленные на каждом этапе проекты с позиции содержания и эволюции подхода к идее кодификации. Выделены причины отказа от утверждения Свода степных законов кочевых народов Восточной Сибири. При проведении исследования были использованы официальные данные, архивные материалы и подготовленные проекты.

Ключевые слова: обычное право, обычай, кодификация обычного права, инородцы, Восточная Сибирь, Свод степных законов, реформа М.М. Сперанского.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: naumkinav@mail.ru (В.В. Наумкина), vorotilina@mail.ru (Т.В. Воротилина), unikolaeva@fa.ru (Ю.В. Николаева), aleksanklyu@yandex.ru (А.В. Плотникова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 740-750
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.740

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Question of Illegal Actions of Some County Officials of the Steppe Regions on the Territory of Modern Kazakhstan (second half of the XIX – early XX centuries)

Zakish T. Sadvokassova ^{a, *}, Azhar T. Akhmetzhanova ^b, Gyulnar K. Mukanova ^a, Akmaral R. Beisembayeva ^a

^a Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan

^b International Engineering Technological University, Republic of Kazakhstan

Abstract

After the liquidation of the khan's power in Kazakhstan by the reforms of 1822 and 1824, the national aristocracy, represented by the Chinggisids, was removed from governance. The nomadic territory was divided into administrative units, headed mostly by individuals who had little understanding of the people they were supposed to govern. In the second half of the 19th century and the early 20th century, the colonial administration of the steppe regions of Kazakhstan consisted of Russian officials. Based on documentary materials, the article reveals the unscrupulous behavior of the officials in the district administrations of the Akmola region within the Governor-Generalship of the Steppes.

Abuses committed by district officials were often directly related to their pursuit of personal enrichment. They particularly profited during the elections of volost managers, when opposing parties sought to garner as many votes as possible. District chiefs, often at the expense of the laws of the Russian Empire, frequently overlooked many violations, sometimes facilitated them, and even took direct part in them. Bribery among other officials was also common. Suppressing the illegal acts of officials in this remote region far from the center was challenging. Higher authorities not only failed to stop these acts but sometimes even tried to justify them. Feeling impunity, colonial officials increasingly violated the laws. To be fair, the policies and unethical activities of the officials were also reflected in the periodicals of the Russian Empire, provoking public condemnation.

The discontent of the indigenous population and their complaints against local administration representatives did not always receive an adequate response from high-ranking tsarist officials.

Keywords: Kazakhs, district, chiefs, officials, clerks, governor, oppression, bribery, violations, discontent.

1. Введение

Первые законы Российской империи по ограничению власти казахской аристократии относятся к 1822 и 1824 г., когда были приняты Уставы о сибирских и оренбургских казахах. По ним ханскую власть ликвидировали и казахским народом стали управлять российские чины, занявшие все уровни административного аппарата, за исключением ее низшей ступени – руководство волостями и аулами.

Уездное управление в степных областях Казахстана было введено в ходе административно-территориальной реформы 1868 г. и сохранялось до большевистских преобразований в первой четверти XX в. Специфика деятельности уездных правлений определялась: самобытностью менталитета, культуры, способа хозяйствования, традиций коренного населения, размерами территории, реализацией колониальной политики уездными начальниками в качестве звена

* Corresponding author

E-mail addresses: tungatar_r@mail.ru (Z.T. Sadvokassova), azhar59@mail.ru (A.T. Akhmetzhanova), gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova), read_and_read@mail.ru (A.R. Beisembayeva)

управления, непосредственно соприкасавшегося с местным населением, необходимостью купировать постоянно возникающее недовольство казахов проводимой политикой.

Нововведения царской власти в управлении одной из национальных окраин были предприняты в интересах унификации административно-территориального деления земель, оказавшихся в пределах империи. Заключительным этапом стали новые законоположения конца XIX столетия, действовавшие до событий 1917 г.: «Положение по управлению Туркестанским краем» от 12 июня 1886 г. и, немного позднее, «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областями» от 25 марта 1891 г. По ним руководили краями генерал-губернаторы, области возглавляли военные губернаторы, уездную администрацию – начальники из числа представителей русской национальности. Работа уездных управлений на территории Казахстана малоизучена, лишь фрагментарно рассмотрена в небольшом количестве научных трудов. Отсутствуют фундаментальные научные работы, освещающие деятельность чиновников степных областей Казахстана. Незаконные действия чиновников уездного уровня не получили должного освещения в исторических трудах. В подготовленном материале сделана попытка восполнить этот пробел.

Цель статьи заключается в показе неправомερных действий чиновников уездных управлений степных областей Казахстана во второй половине XIX – начале XX в.

2. Материалы и методы

Материалами для статьи послужили публикации и документальные сведения. Первичная информация о деятельности чиновников была извлечена из опубликованных научных трудов. Источниками для данного исследования послужили материалы Центрального Государственного архива Республики Казахстан, Российского Государственного исторического архива, газетные фонды Российской Национальной (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Государственной и Публичной исторической библиотек (Москва, Российская Федерация), редкий фонд Национальной библиотеки Республики Казахстан (Алматы, Казахстан). В целях обеспечения достоверности полученных данных будет проведен критический и компаративный анализ выявленных на основе метода сравнения источников. Информативно-целевое исследование и контент-анализ текстов позволят осуществить систематизацию исторических данных.

При написании статьи использованы научные методы. Любая историческая работа невозможна без описательного метода. Для четкого представления объекта и предмета исследования следует воссоздать его время, особенности, людей, события, происходившие в изучаемый период. Царские чиновники являлись проводниками колониальной политики. В нашей работе мы делаем акцент на недобросовестной части чиновничьего аппарата, своими действиями наносившей вред целям и задачам Российской империи в национальном регионе.

Методологическая база исследования на общенаучном уровне представлена положениями системного подхода. Общенаучные методы познания, применяемые в рамках системного подхода использованы в ходе проведения данного исследования: исторический и логический методы, сравнение, обобщение, анализ и синтез, дедукция и индукция. Эти методы соответствующим образом «спроецированы» на предмет исследования и применены с учетом специфики изучаемой проблемы. Использование системного подхода было необходимо для обеспечения целостности и взаимосвязанности полученных результатов.

В соответствии с системным подходом, исторические процессы, в качестве объектов познания, рассматриваются как целостные совокупности. В предлагаемой статье характеристика деятельности уездных администраций, их роли и места в колониальной политике самодержавия рассматривается шире, то есть в рамках всей имперской системы управления. В то же время сама эта деятельность также должна изучаться в качестве целостной совокупности, открытой подсистемы, взаимодействующей с подсистемами высшего и низшего уровней управления. Целостность, системность деятельности уездной администрации в целом, и отдельных представителей в частности, обусловлена ее составом и структурой – наличием взаимосвязанных и относительно самостоятельных частей.

В статье получил применение междисциплинарный подход, так как при анализе рассматриваемых событий, содержания различных источников необходимо было привлечение знаний из области философии, политологии, экономики, права, педагогики и т. д.

3. Обсуждение

Отдельные сведения о создании административных единиц, в лице чиновников их возглавляющих, встречаются в публикациях, косвенно затрагивающих данную проблему. К примеру, в трудах известного казахского деятеля Алихана Букейхана, очевидца и участника событий конца XIX в., критикуется политика самодержавия в отношении казахского народа. Разоблачая притеснения коренного населения в религиозной жизни, он замечает, как некоторые чиновники уездного уровня превышали свои полномочия: «...Кокчетавский уездный начальник Троицкий – большой знаток киргиз, как он сам думает, заявил уездному суду, бывшему в сентябре месяце в городе Кокчетаве, что все киргизы язычники. Это взбудоражило киргиз всего уезда. Они через доверенного Шаймердена Кошигулова просили Сухотина указать зарвавшемуся уездному начальнику

законные пределы его власти» (Бокейхан, 2009: 481). Его работы затрагивали множество проблем: земельные, в деле просвещения, административное устройство, повседневная жизнь казахов.

Историки темой своего исследования выбирают изучение верховной власти в национальном регионе. Л.М. Лысенко в докторской диссертации, раскрывающей место и роль генерал-губернаторов, частично затрагивает вопрос, связанный с должностными нарушениями. Она пишет: «Обычной практикой в губерниях (областях) было преследование коренного населения (вплоть до арестов властью военного губернатора) за жалобы на неправомерные действия должностных лиц. Зачастую губернаторы закрывали глаза на должностные преступления (а их было немало, и со стороны местной администрации) и своей властью прекращали следствие» (Лысенко, 2001: 69). Исследователь, используя многочисленные документальные материалы, подтверждает и наше заключение о недостойном поведении русских чиновников.

С 1731 г. шла постепенная колонизация территории Казахстана, закреплявшаяся законами, правилами царского правительства. Так, историк Д.А. Аманжолова отмечает, что уездные управления в Казахстане были образованы с принятием Российской империей административно-территориальных реформ 1867–1868 гг., которые завершили «интеграцию Казахской степи в состав Российской империи...» (Аманжолова, 2022: 58). Следует обратить внимание, что в законодательном порядке оно так и было. Однако глубокое изучение ситуации, сложившейся после введения новых правил, показывает, что казахи с трудом расставались со своими традициями, образом жизни и противились новым порядкам. И недовольство это росло, разразившееся национально-освободительным восстанием 1916 г.

Изучение российских законов позволяет создать определенную картину перемен в казахской степи. Г.Е. Отепова в своей работе, опираясь на источники, отмечает, что имперское законодательство «было направлено на создание российской системы управления, которая должна была стать непосредственным проводником колониального порядка» (Отепова, 2015: 18). Изучение обширного пласта документальных материалов приводит к заключению, что чиновники колониального аппарата своей деятельностью укрепляли позиции самодержавия в Казахстане.

Коллектив авторов научного издания «Центральная Азия в составе Российской империи» делают правильный вывод о том, что практически все ключевые назначения в уездах Степного генерал-губернаторства проводились из числа российских чиновников. Вместе с тем авторы книги, опираясь на мнение высокопоставленного чиновника, Главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина о составе уездных начальников, показывающего их «главной рабочей силой местного управления, хороши, и администрация края в общем успешно справляется со своими прямыми задачами» (Абашин и др., 2008: 128), считают его правильным. У нас имеются некоторые разногласия с такой трактовкой. В ходе нашего исследования мы сталкивались с совершенно противоположной стороной деятельности чиновников, которые нарушали возложенные на них обязанности. Безусловно, что царский чиновник опирался на сведения, которые устраивали правительство.

В плане освещения административной политики России в национальном регионе вызывает интерес монография Д.В. Васильева «Бремя империи». Автор отмечает, что цель книги, состоящая в сосредоточении внимания «на наименее рассмотренной в научной литературе проблеме генезиса регионального законодательства, становления в центральноазиатских владениях России новой структуры управления» (Васильев, 2018: 5) им достигнута в процессе работы. И понятно, что в книге не получила отражения деятельность царских чиновников. Однако ученый скрупулезно анализирует подготовку и введение законодательных актов Российской империи по управлению национальным регионом.

По работам Г.Н. Ксенжик можно составить определенное представление о процессах развития уездов, городов, населенных пунктов, волостей и аулов на территории степных областей Казахстана. В освещаемых ею картографических материалах представлены территория и административно-территориальное устройство степных областей Казахстана во второй половине XIX – начале XX в., географическое расположение населенных пунктов, отражены отдельные аспекты развития городов. В описании карты «Административная, крупномасштабная карта Азиатской России» отмечено: «На карте показаны административные границы между областями, уездами, волостями, границы городов, населенных пунктов, родорасселение казахов...» (Ксенжик, 2015: 6). Отражены разногласия между казаками Кустанайского и Петропавловского уездов; Акмолинского, Павлодарского и Каркаралинского уездов. Происходило перераспределение населенных пунктов «между четырьмя уездами Уральской области: Уральским, Лбищенским, Гурьевским и Темирским», были случаи упразднения уездного города Калмыкова или переименования уездов, «Сары-Суйский уезд в 1878 г. был переименован в Актюбинский» (Ксенжик, 2020: 117). В начале XX в. споры по поводу проведения внутренних границ в Степных областях даже усилились. Как полагает историк: «Широкое использование картографических материалов, являющихся памятниками исторической эпохи, в сочетании с другими источниками в исторической науке, позволит исследователям истории Казахстана избежать возможных ошибок при интерпретации исторических малоисследованных фактов» (Ксенжик, 2015: 5).

Напрямую с темой нашего исследования связаны научные публикации А.Ж. Кайралапиной, раскрывающие административное устройство казахской степи во второй половине XIX в. Особый

акцент в статье делается на уездные управления, на положение его чиновников, стремление их к повышению по служебной лестнице и получению нового чина (Кайралапина, 2009: 57-59). Автор делает акцент на личные цели должностных лиц в период пребывания в казахской степи. Просвещение казахских детей касалось сферы деятельности глав уездных управлений. Их роль отмечает исследователь в своей статье «Роль уездных начальников в организации школьного образования казахов» (Кайралапина, 2017: 88-91).

Для нашего исследования особый интерес представляют взгляды ученых дальнего зарубежья. В 2017 г. была издана монография Иэна Кэмпбелла, ученого специализирующегося на истории пограничных территорий Российской империи. В своей работе «Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917» помимо ряда заключений, он указывает, что контроль царского правительства над Казахской степью, несмотря на периодические мятежи, со временем становился все сильнее. И хотя Российская империя изначально не имела не только четко определенных намерений, но и знаний о степи, тем не менее «постепенно складывались определенные ментальные модели об управлении ею и ее освоении» (Campbell, 2017: 30). То есть автор указывает, что накануне реформ 60-х гг. XIX в. сложилась неоднозначная ситуация, вследствие недостаточного представления путей дальнейшего административного устройства. Для создания полной и ясной картины в данном вопросе потребовалось еще несколько лет.

Таким образом, историографический обзор и анализ трудов позволяет сделать вывод, что поднятая проблема не была объектом изучения ученых. Незаконные действия уездной администрации имели место почти на всей территории Казахстана, когда была внедрена российская система управления. Многие исследователи изучали административное устройство, место и роль русских чиновников в колонизации, ссылаясь на высказывания представителей царской верхушки, чиновников и др., которые избегали оценивать работу служащих с позиции объективности.

4. Результаты

Уездные управления занимали ступень ниже областных и имели возможность чаще контактировать с коренными жителями. Именно уездам отводилась важная роль. В их подчинении находилось несколько волостей. Начальники уездов пользовались правами и исполняли обязанности, присвоенные по общему закону уездному исправнику и уездному полицейскому управлению. Каждый глава уезда обладал полным правом надзора за населением в пределах вверенной административной единицы, проведения ревизии по своему усмотрению или по поручению вышестоящего начальства. Принятые в 1891 г. законодательные акты, сохранили пятизвенную структуру управления, установленную в 60-е гг. XIX в.: край – область – уезд – волость – аул. Тем самым была обеспечена преемственность как уездного управления на территории степных областей Казахстана, так и персоналий должностных лиц Степного края: генерал-губернатор, губернатор, уездный начальник, волостной управитель, аульный старшина.

В каждом уезде по закону, на общем основании, выделялся уездный врач, фельдшер и повивальная бабка. Уездный врач должен был оказывать медицинскую помощь бесплатно, снабжая больных лекарствами за счет особых сумм, выделяемых для этого в распоряжение областного правления. В каждом уезде предусматривалась должность уездного ветеринарного врача, их работу контролировал областной врачебный инспектор. Практически все ключевые позиции в уездах Степного генерал-губернаторства занимали в основном российские чиновники. На них возлагались функции, связанные с проведением колониальной политики.

Но нередко встречались факты, когда уездное начальство недостаточно добросовестно выполняло наложенные на него обязанности. Возможно, причины крылись в том, что на казахской земле руководство уездами на лиц из представителей коренного населения не предусматривалось. Хотя они лучше знали нужды и желания народа, так как родились и жили в этой среде. Однако следует отметить, что одному из казахов удалось на короткое время возглавить уезд. Известный казахский деятель Тлеумухамед Сейдалин «...стал единственным казахом, получившим должность уездного начальника. Так, с 17 октября 1892 г. до 11 января 1893 г. он работал начальником Актюбинского уезда Тургайской области» (Султангалиева, 2002: 122) и оставил о себе добрую память. Он «положил начало обширному изучению Актюбинского уезда» (Султангалиева, 2002: 123). Отчеты, составленные им, поражали не только глубиной мысли и умением быстро вникнуть в суть вопроса и дела уезда, но и стали образцом для последующих начальников уезда.

Уездному начальнику давалось право «надзора за всеми установлениями общественного управления инородцев» (Ахметжанова, 2013: 160). Особенно эта статья реформы должна была неукоснительно соблюдаться во время выборов волостных управителей. Уездным начальникам вменялось в обязанность следить за процедурой избрания «должностных лиц туземной администрации и суда на новые трехлетия» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 602. Л. 1).

Принимались во внимание значимость и важность мероприятия, обязательное участие в них казахов. Казахские управители с одной стороны лучше знали свой народ, в плане тонкостей его повседневной жизни, обычаев, языка, нежели царские чиновники. С другой стороны, они должны были удовлетворять требованиям колониальной администрации, заключающимся в служебном

рвении и преданности российскому правительству. Вместе с тем учитывалось еще одно важное обстоятельство, связанное с «правильной постановкой дела о выборах, которое окажет должное влияние на ослабление до известной степени партийной вражды» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 602. Л. 1). Часто противостояние переходило в открытый конфликт за место волостного. По свидетельству некоторых лиц, знакомых с местными управителями, казахам льстило занять эту должность, отчего устраивались серьезные баталии за ее получение.

Особенно подробно о месте и роли руководителя уездного управления указывалось в письме от 23 мая 1892 г. Акмолинскому губернатору, где главный вопрос касался производства «туземных выборов». Для уездных начальников были разработаны правила для обязательного руководства. В них отмечался период проведения выборов, то есть время года и традиции, связанные с кочеванием казахского народа.

Считалось целесообразным проводить мероприятие во время летних кочевков. Следовало избирать пятидесятников из числа уважаемых родов, не опороченных по суду, что являлось лучшей гарантией правильности проводимой компании. Ввиду неясности правил Временного Положения 1868 г. к указанному году было уже принято новое Степное Положение, в котором «порядок избрания пятидесятников определенно более точно» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 602. Л. 2). Уездным начальникам вменялось в обязанность «по сделанному заранее извещению чрез аульных должностных лиц для избрания выборных, собрать аульные съезды, согласно 65 и 66 ст. Степного Положения 25 Марта минувшего года. На этих съездах должно быть не менее половины всех кибитковладельцев. По проверке кибиток аула по полному списку с дополнением такового вновь выдвинувшихся из состава семейств кибитками (по-киргизски отау) и по установлению числа пятидесятников которое должно быть избрано, приступают к выборам» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 602. Л. 3).

Уездный начальник должен при этом разъяснять какое важное значение имеют выборы пятидесятников, как доверенных людей целого общества из числа лучших и честных казахов. О результатах выборов составлялся общественный приговор с подписями и тамгами всех участвовавших и заверенный уездным начальником.

По завершению выборов пятидесятников во всех аулах волости, они созывались в ее центр для производства раскладки кибиточной подати и повинностей по благосостоянию аулов. Далее составлялась сравнительная ведомость о прибыли и убыли кибиток, выяснялись причины того или другого. Составив приговор о раскладках, уездный начальник приступал к процедуре избрания волостного управителя.

До баллотировки предлагалось пятидесятникам указывать кандидатов на должность. Заявленные лица вносились списком, который объявлялся всем присутствующим и затем приступали к баллотировке. Когда выявлялись результаты выборов, то присутствующие должны были быть поставлены в известность, кто получил больше всего избирательных шаров.

Однако указанные правила, которые, казалось бы, сложно обойти, нередко нарушались уездным руководством. Если о расходах кандидатов на должность волостного управителя в предвыборной борьбе указывались суммы максимально до 5 тыс. рублей (Субханбердина, 1994: 597), то уездные начальники, которые по долгу службы должны были пресекать подобное, в выборной кампании 1882 г. собирали в свои карманы до 18 тыс. рублей (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82 (1882). Д. 36. Л. 9).

Для ясного представления об этих поборах приведем стоимость скота в 1916 г. в сравнении с 1881 г. Такой подход объясняется тем, что по его количеству определялось благосостояние казахов, занимавшихся в основном скотоводством. Так, в Тургайской области «незначительный капитал в скоте, например, 200–250 баранов, с пропорциональным количеством других родов скота, делает жизнь киргиза почти совершенно обеспеченною» (Гейнс, 1878: 16). Превышение этого количества у казаха включало его в число больших, важных, уважаемых людей рода.

Попытаемся произвести расклад расходов одних и доходов других. В издании переселенческого управления по описанию Тургайской и Уральской областей 1916 г. сведения по ценам на скот указывались следующие: лошадь 35–120 рублей, корова от 35 до 90 рублей, овцы 3–10 рублей (Описание, 1916: 46). Ранее в 1881 г. на Кояндинско-Ботовской ярмарке в Каркаралинском уезде Семипалатинской области цены были ниже: лошадь 30–50 рублей, корова 30–35 руб., овца от 3 р. 50 коп. до 3 руб. 70 коп. (Сибирская газета, 1881: 26 июля). И если произвести расчеты, то затраты будущего волостного в переводе на скот составляли в среднем 50 лошадей или немного больше коров, а если посчитать овец – более 500 голов. А уездному начальнику, «заработавшему» 18 тыс. рублей в 1882 г. от кандидатов в управители нескольких волостей, приходилось почти в три раза больше. Он в перерасчете на баранов становился собственником почти 1000 голов баранов. С такой отарой овец он мог войти в число богачей казахской степи.

Неслучайно после очередных выборов областную администрацию забрасывали многочисленными жалобами на нечестное их проведение. К примеру, вместо уездного начальника производством выборов занимался старший помощник, не реагировавший на заявления и недовольство общества. Подкуп скотом и деньгами за должность волостного довольно часто имел место. Так, в 1892 г. старший помощник производил выборы. Волостные выборные и общество предварительно согласились между собой избрать на должность волостного управителя прежнего

управителя Кожобека Алиева. «Но в это же время киргизец Акбер Кантарбаев, подарив выборных деньгами расстроил их соглашение, и они избрали его Кантарбаева, в тоже время из среды общественников Серкебай Кожобеков являясь к старшему помощнику, заявил, что эти выборные 50-кибиточных взяли с Кантарбаева деньги» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 602, Л. 446). Жалобщики утверждали, что избирание произошло благодаря денежным средствам и просили устранить этих выборщиков и избрать других честных людей и через них произвести выборы. «Но Старший помощник, не обращая внимание на заявленное Кожобековым, посадил его под Баканы (подпорки под верх юрты)» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 602. Л. 446). Попытки добиться соблюдения правил при выборе волостного привели к наказанию. Справедливое возмущение казахов вызвало негативную реакцию областной колониальной администрации. Подобные факты порождали и усиливали недовольство среди кочевников.

К ним прибавлялись новые нарушения, так как они старательно «не замечались» вышестоящим руководством. В одной из жалоб на нечестные выборы главной фигурой опять стал старший помощник, производивший «выборы не в порядке: большинства общества не было на лице, и он людей одного 50-кибиточника помещал к другим для того, чтобы составилось полное число для выборщиков и таким образом произвел выборы» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 602. Л. 448). Она также была проигнорирована, оставаясь лишь на бумаге, адресованной руководству области. И, как цепная реакция, выбранные такими методами волостные, служили не народу, а своему покровителю из уездной администрации, задабривая его подарками и различными преподношениями.

Поэтому взяточничество все чаще процветало в степных областях Казахстана. И винили в этом «алчных казахов», не пытаясь найти причину появившегося зла. А корни идут со времен принятия российских законов. И неслучайно главными фигурантами появления и развития его были уездные начальники. Имели место случаи, когда о взяточничестве уездных начальников доносили областному руководству служащие управлений. Так, письмоводитель Петропавловского уездного управления доводил до сведения вице-губернатора о взятках «уездного начальника Оссовского» (Казак газети, 1913). Этот сигнал остался без последствий.

Многие прошения казахов игнорировались, ведь выбранные лица находились под покровительством начальников уездных управлений и областных правлений. Если одни губернаторы не торопились с ответом, то встречались другие, отмечавшие негативную реакцию казахов на оставление без рассмотрения уездными начальниками их прошений. Акмолинский губернатор 15 сентября 1893 г. писал, что недовольные решением народного суда должны обращаться с жалобой к уездному начальнику, который и обязан решить дело. Им было замечено, что они, «получив жалобу на решение народного суда по вверенному делу, вместо того, чтобы принять таковую на точном основании закона своему разбирательству и решению представляют дело по тому предмету на мое рассмотрение» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1844. Л. 62). Губернатор видит в таком поведении чиновника излишнюю проволочку, что в свою очередь приводит к напрасным хлопотам, так как поступающие жалобы должны были решаться на уездном уровне, без привлечения руководства областной администрации.

В 1912 г. факты поборов были зафиксированы в Каркаралинском уезде Семипалатинской области, где имелся «ряд случаев взяточничества и вымогательства с киргиз Каркаралинского Уезда Уездным Начальником Макаревичем и Приставом Василием Поповым» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 430. Л. 2-206.). Исходя из показаний целого ряда опрошенных свидетелей, взятки брались сотнями рублей. Так, «Макаревич взял взятки с киргиз Темичинской волости Коспобая Орункаева, и его сына Нукуша Орункаева 300 руб., 2, с киргиза Балхашской волости Шугайбека Ахметова 1600 руб., 3, с киргиз Сарыбулакской волости Абдрахмана Аманбаева 500 руб., 4, с киргиза Моинтинской волости Раимкула Сарбасова 300 руб. и через Пристава Попова Макаревич взял 1/ с киргиза Акчатавской волости Акчолока Аекина 500 руб. и 2, и с киргиза той же волости Култояков 600 руб.» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 430. Л. 2-206.). Взятки брались не только деньгами, но и коврами, кошмами, шубами, лошадьми и т.д. Эти сведения были представлены Семипалатинскому Губернатору, который не спешил дать «распоряжения по ним» (ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 430. Л. 2-206.).

Некоторые областные начальники старались не только не видеть незаконные действия русских чиновников, но и оправдывать их.

В газете «Московские ведомости» (1882 г.) была напечатана статья «Просвещение киргизов». Суть публикации заключалась в неблагоприятных, порой противоправных действиях уездных начальников Акмолинской области, «цивилизовавших» казахов. Они выразились в том, что чиновники убеждали общественность о продвинувшейся образованности кочевников, подписавшихся на посещение театра и сбор денег на памятник Либиху – немецкому учёному, одному из основателей агрохимии. Казахи понятия не имели об Юстусе фон Либихе и считали его «за какого-то знаменитого русского генерала» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82 (1882). Д. 36. Л. 8). Цивилизация казахов доказывалась использованием швейных машинок, на самом деле покупавшихся уездными начальниками. Проводившиеся выставки, куда насильно сгоняли людей, обходились огромными суммами, собираемыми с коренного населения. Уездное руководство для просвещения казахов открывало интернаты для мальчиков и девочек. Эти заведения не стали настоящими учебными учреждениями.

«В них обучали, да и то плохо, ремеслам вовсе не приложимым в быту Киргизов, отучая в то же время от домашнего производства таких вещей в которых Киргизы превосходят и Русских» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82 (1882). Д. 36. Л. 8). Казахи не хотели отдавать своих детей в интернаты. Но так как их строго обязывали, и в случае неисполнения грозили отнимать детей силой, они искали различные выходы из ситуации. Выполнив приказ, стали покупать детей у самых неимущих своих сородичей. Даже самые бедные входили в долги, занимая деньги под большие проценты для покупки детей. «Таким образом, новейшим цивилизаторам пришлось развить между Киргизами, вместо цивилизации торговлю детьми, явление о котором ныне не слышно уже и у дикарей» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82 (1882). Д. 36. Л. 9). «Цивилизация» произвела эффект: ее проводники получали награды, приобретали благосклонность начальства.

Степной генерал-губернатор в письме от 4 декабря 1882 г. министру внутренних дел либо смягчает, либо отрицает все обвинения, указанные в публикации после проведенного расследования. Прежде всего, отмечается, что статья имеет «тенденциозно-обличительный характер, извращает факты или придает им несоответственную окраску» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82 (1882). Д. 36. Л. 5). К примеру, относительно сборов на памятник ученому с казахского населения указывает, что подписка не производилась. Некоторые факты по вопросу просвещения казахских детей подтвердились, особенно их продажа – покупка. Такие случаи в будущем, с передачей интернатов в ведение Министерства народного просвещения, как утверждает начальник края, не будут происходить.

Не отставали от своих начальников служащие уездной администрации, под разными предлогами выбивая деньги от казахов. О незаконных действиях письмоводителей уездных управлений сообщают разные источники. Привлекает внимание анонимная записка, где подробным образом описываются методы поборов. Такого рода обращения, казалось бы, не должны рассматриваться и тем более не предполагать объяснений. Но так как она получила серьезный резонанс, на нее дал ответ уездный начальник, военный губернатор и генерал-губернатор.

Автор анонимки дает положительную оценку работе письмоводителя на начальном этапе его работы в управлении: «Ранее у письмоводителя Акмолинского уездного управления Константина Павлова Плотникова усердия к службе и честности было настолько, что хоть отбавляй, а ныне надо бы того и другого прибавить» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 637. Л. 7). Прежнего добросовестного, честного служащего словно подменили. Он стал брать взятки с волостных управителей во время их приезда в Акмолу для сдачи податей. И, чтобы не бросалось в глаза его лихоимство, «он позволяет себе разыгрывать по несколько лотерей в зиму» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 637. Л. 7) по два рубля за штуку. Проводилась лотерея еженедельно, что было необычным явлением. Прежде она разыгрывалась один раз за всю зиму. Не подписавшиеся на «счастливый» билет подвергались всяким злоключениям, поддерживавшие чувствовали снисхождение со стороны начальства. Одной из проделок служащего управления был розыгрыш швейной машины. Приняли в нем участие волостные управители, заверив своими автографами или тамгами подписной лист.

Автор записки заканчивает свое сообщение словами: «...Донести осмеливаюсь Вашему Превосходительству неложно, а по совести. Хоть анонимным доносам дознаний не производится, но негласные расспросы возможны, тогда и пишущий сие объявится» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 637. Л. 70б.).

Изучение обстоятельств дела приводит к выводу о том, что письмоводитель находился под защитой уездного начальника. Во-первых, его резкие изменения произошли через несколько лет после занятия должности, то есть под влиянием, скорее всего, вышестоящего начальства. Во-вторых, последнее же дает отрицательный ответ по каждому пункту обвинения автора записки, из которого следует, что письмоводитель не осуществлял незаконные действия.

27 ноября 1893 г. уже Степной генерал-губернатор в письме военному губернатору Акмолинской области просит дать сведения о противозаконных действиях письмоводителя (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 637. Л. 1). Начальник области в свою очередь требует дать разъяснения главу Акмолинского уездного управления (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 637. Л. 5). 14 февраля 1894 г. поступает ответ, где на все претензии дается отрицательный ответ: взятки не производил, лотерея не разыгрывалась, у казахов ничего не брал, а покупал. Подтвердился лишь розыгрыш швейной машинки: «Из наведенных же справок оказалось, что дело имело место в 1893 г. – год тому назад. Разыгрывал Плотников швейную машину, в виде недостатка денег для поездки на излечение имеющегося у него ревматизма (это доказывает между прочим, что взятки им не берется)» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 637. Л. 5). Отсюда вытекает, что должностным лицам позволяется в силу различных обстоятельств (в данном случае болезни) устраивать лотерею. Но ни в каких официальных документах подобное не зафиксировано. Значит, письмоводитель нарушал закон, а его начальник считал такой поступок, не заслуживающим серьезного внимания. Более того, не видел в этих действиях подчиненного ничего противоправного.

Помимо указанных свидетельств вымогательства, появлялись все новые, тяжелым бременем ложившиеся на плечи казахского народа. В одной из публикаций еженедельного журнала «Вестник казачьих войск» под названием «Бесправная степь» довольно подробно и объективно писалось о бесчинствах русских чиновников как местных, так и приезжих, выполнявшие задания вышестоящего

начальства. Со времени появления чиновников в степи, им разрешалось брать напрокат чужой тарантас или приобретать его в собственность, так как верховая езда, привычная для казахов, их не очень устраивала. Этим правом пользовались чины уездной администрации и другие чиновники: судьи, врачи, податной инспектор. Отражалось это на бюджете чиновников, «но особенной беды не составляло, так как долголетней службою тарантас окупал свою цену» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3828. Л. 9).

В связи с увеличением численности переселенцев в северных уездах, появились экипажи для разъездов разных чиновников, которые подняли вопрос о закупке на киргизские общественные суммы экипажей для разъезда в них по степи. Летом 1903 г. из Акмолинского областного правления был разослан циркуляр, где всем управителям – волостным старшинам, предписывалось собрать с казахов по приговорам обществ деньги для заготовления сбруй и экипажей на разъезды чиновников по степи.

«Между тем, на тот же предмет еще в 1899 г., в сентябре, на урочище Улытау, где в то же время был чрезвычайный съезд пяти южных Багалинских волостей, уездный начальник Р. собрал по 40 р. с волости, всего 200 р.

Кроме того, управитель Терсакканской волости заявил летом крестьянскому начальнику 2 участка Атбасарского уезда, г. Адаменко, что в 1901 г. с него, а равно с других Аргынских (северных) волостей, было взыскано на экипажи по 40 руб. и переданы тому же Р. В нашем уезде киргизских волостей 12 и с них, стало быть собрано 480 руб. Но где ныне находятся эти 480 руб., очевидно, неизвестно Акмолинскому областному правлению. Бесправие, царящее в степи, безмерно увеличивает всякие претензии не только у свыкшихся с местным порядком вещей, но и у людей приезжих, последние требуют от киргиз чуть не птичьего молока» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3828. Л. 9).

Если указанного продукта по известным причинам добиваться не удавалось, то кобылье молоко потребовали на время работы около Улытавского пикета, где должны были продолжительное время работать приезжие чиновники. Встал вопрос о необходимости «озаботиться о своевременной доставке как кумыса, так и баранов». Как отмечает автор публикации: «Киргизский кумыс – напиток здоровый, его видимо любит и производитель работ». Так как аулы находились на значительном расстоянии от Улытавского пикета, «проявляя заботу», «во избежание значительных трудностей аккуратного доставления кумыса», поставщикам из целесообразности предложено было «привезти сюда не менее пяти дойных кобылиц» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3828. Л. 9).

Понятно, что прихоти как местного начальства, так и командированных чиновников выполнялись кочевниками, вызывая справедливое возмущение. Причем недовольство казахов «с легкой руки некоторых деятелей, спасающих отечество от мнимых врагов и под шумок делающих собственные «патриотические» дела, киргизы объявлены беспокойным и непокорным народом» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3828. Л. 9).

В публикации отмечается, что такое поведение русских чиновников идет от бесправия кочевого населения. На самом деле оно проявляет покорность, а его должностные лица – исполнительность, о чем «красноречиво свидетельствует безнедоимочность кочевого населения при необыкновенной неравномерности распределения податей между богатыми и бедным. Получив вышеприведенное предписание г. производителя работ, волостной управитель приказал своим аульным (сельский староста) добыть дойных кобылиц» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3828. Л. 9об.).

Аульные стали добросовестно выполнять задание, «поймав лошадь в табуне у фельдшера А. Байбытова». Погонщикам удалось отобрать свою скотину, получив нагаечные удары за свое добро. Как пишется в статье: «Это называется сопротивление властям, за что по 17 ст. “Степного положения” полагается административная ссылка. Чем дальше в лес, тем больше дров! О случившемся было доложено г. производителю работ; им составлен, как говорят, протокол для представления начальству. На другой день, 2 июня 1903 г., в аул непокорного Байбатынова прибыли кандидат управителя, кандидат аульного и стражник г. производителя работ и без согласия хозяина взяли его дойную кобылу, которую и повели к г. производителю работ; при этом нагаечные удары были возвращены стражником табунщикам» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3828. Л. 9об.).

Из-за «непокорности» казахов отдельные чиновники, заботившиеся о благе национальных регионов Российской империи, периодически требовали усиления власти уездных начальников. Завершая статью, автор указывает на некоторые факты, имевшие место в конце XIX в., не прижившиеся в повседневной жизни русских чиновников в казахской степи. «В 1897 г. ездили по нашему уезду статистические экспедиции министерства земледелия и государственных имуществ, платили прогоны, чего раньше киргизы не видали, баранов покупали от хозяев. Этот достойный подражания пример в наших местах более не практикуется» (ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 3828. Л. 9об.) – с сожалением констатирует автор.

Утверждать, что уездные чиновники поголовно занимались только вымогательством, взяточничеством, поборами и т.п. будет не совсем правильно. Многие из них верой и правдой служили царскому правительству. Вместе с тем приведенные факты пересекаются с характеристикой русских чиновников в статье «Назначения на окраины». В ней пишется о необходимости привлекать на окраины русских людей. Но «ведь русский русскому рознь и не всякий из них, только потому, что он русский, представляет достаточно гарантий в том, что он будет полезен правительству; мало ли у

нас дома всяких негодяев, от которых открещивалось каждое учреждение» (*Восточное обозрение*, 1889: 12 февраля). Назначения на различные должности в регионы проводились необдуманно. Вследствие такой практики на окраины попадают люди, которым, по их нравственным качествам, «нет места у себя на родине; туда же их сбывают не только, определяя на службу, но еще и повышая место и содержание. Нечего и говорить, какие плачевные результаты приносит деятельность подобных лиц» (*Восточное обозрение*, 1889: 12 февраля). Действительность оказалась более драматичной: с одной стороны, от деятельности подобных лиц не было пользы правительству, с другой – тяжелые последствия руководства таких «горе-начальников», отщепенцев испытывали на себе казахи.

5. Заключение

Из вышеизложенного вытекает, что уездные начальники, которые назначались на руководство казахским народом с целью проведения политики самодержавия, не всегда ее выполняли. Довольно часто, особенно во время выборов волостных управителей, нарушали законы своего же правительства из-за стремления к личному обогащению. Прогрессивные казахи видели этот порочный круг и предлагали, чтобы «начальство прямо своим распоряжением назначало должностных лиц туземной администрации, что они были бы рады и за себя, и за киргизов». Главам уездных управлений подражали другие чиновники, так как находились под их «крылом» и защитой, что наводит на мысль о взаимовыгодных отношениях между начальником и подчиненными. Выявление незаконных действий должностных лиц не приводило к объективному расследованию и не наказывалось. При сложившихся обстоятельствах страдал казахский народ и попытки им добиться справедливости от начальства, которому подчинялись уездные начальники, чаще всего оставались безуспешными.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта АР23487519 «Уездные управления степных областей Казахстана в реализации колониальной политики самодержавия (вторая половина XIX – начало XX века)» Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

- Абашин и др., 2008 – Абашин С., Арапов Д., Бекмаханова Н. и др. Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. 464 с.
- Аманжолова, 2022 – Аманжолова Д.А. Казахская степь и ее политическая элита в условиях революционного транзита в Евразии начала XX века // *Новая и новейшая история*. Институт всеобщей истории РАН. 2022. № 1. С. 57-69.
- Ахметжанова, 2013 – Ахметжанова А.Т. Реформы Российской империи 60-90-х годов XIX века в Казахстане. Алматы, 2013. 222 с.
- Бокейхан, 2009 – Бокейхан А.Н. Полное собрание сочинений в 7 томах. Астана. II том. Астана, 2009. 566 с.
- Васильев, 2018 – Васильев Д.В. Бремя империи. М., 2018. 638 с.
- Восточное обозрение, 1889 – Назначение на окраины // *Восточное обозрение*. 1889. № 7 (12 февраля).
- Гейнс, 1878 – Гейнс А.К. Мотивированная временная инструкция уездным начальникам Тургайской области. Оренбург, 1878. 144 с.
- Казак газети, 1913 – Поборы Петропавловского уездного начальника // *Казак газети*. 1913. № 9 (30 марта).
- Кайралапина, 2009 – Кайралапина А.Ж. Уездное управление в административной системе Казахстана: функции начальников (вторая половина 19 века) // *Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия История*. 2009. № 1. С. 56-59.
- Кайралапина, 2017 – Кайралапина А.Ж. Роль уездных начальников в организации школьного образования казахов // *Проблемы востоковедения*. 2017. № 3 (77). С. 88-91.
- Ксенжик, 2015 – Ксенжик Г.Н. Историческая география степных областей Казахстана в XIX – начале XX вв. Алматы, 2015. 404 с.
- Ксенжик, 2020 – Ксенжик Г.Н. Картографические материалы по истории Казахстана XVIII – начала XX вв. в контексте формирования государственных границ. Алматы, 2020. 376 с.
- Лысенко, 2001 – Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России. Дисс. на соискание уч. степ. д.и.н. М., 2001. 515 с.
- Описание..., 1916 – Описание Тургайской и Уральской областей. Пг., 1916. 51 с.
- Отепова, 2015 – Отепова Г.Е. История Казахстана в законодательных источниках Российской империи. Павлодар, 2015. 258 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Сибирская газета, 1881 – Кояндинско-Ботовская ярмарка // *Сибирская газета*. 1881. № 22 (26 июля).

- [Субханбердина, 1994](#) – *Субханбердина У.* Киргизская степная газета. Человек, общество, природа. 1888–1902. Алматы, 1994. 816 с.
- [Султангалиева, 2002](#) – *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа, 2002. 262 с.
- [ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- [Campbell, 2017](#) – *Campbell, I.W.* Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca and London, 2017. 288 p.

References

- [Abashin i dr., 2008](#) – *Abashin, S., Arapov, D., Bekmakhanova, N. et al.* (2008). Tsentralnaya Aziya v sostave Rossiiskoi imperii [Central Asia as Part of the Russian Empire]. Moscow, 464 p. [in Russian]
- [Akhmetzhanova, 2013](#) – *Akhmetzhanova, A.T.* (2013). Reformy Rossiiskoi imperii 60-90-kh godov XIX veka v Kazakhstane [Reforms of the Russian Empire in Kazakhstan during the 1860s–1890s]. Almaty, 222 p. [in Russian]
- [Amanzholova, 2022](#) – *Amanzholova, D.A.* (2022). Kazakhskaya step i ee politicheskaya elita v usloviyakh revolyutsionnogo tranzita v Evrazii nachala XX veka [Kazakh steppe and its political elite during the revolutionary transition in Eurasia at the beginning of the 20th century]. *Novaya i noveishaya istoriya, Institut vseobshchei istorii RAN.* 1: 57-69. [in Russian]
- [Bokeykhan, 2009](#) – *Bokeykhan, A.N.* (2009). Polnoe sobranie sochinenii v 7 tomakh [Complete collected works in 7 volumes]. Volume II. Astana, 566 p. [in Russian]
- [Campbell, 2017](#) – *Campbell, I.W.* (2017). Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca and London, 288 p.
- [Gaines, 1878](#) – *Gaines, A.K.* (1878). Motivirovannaya vremennaya instruktsiya uyezdnym nachalnikom Turgaiskoi oblasti [Motivated temporary instructions for District Chiefs of the Turgay Region]. Orenburg, 144 p. [in Russian]
- [Kayralapina, 2009](#) – *Kayralapina, A.Zh.* (2009). Uyezdnoe upravlenie v administrativnoi sisteme Kazakhstana: funktsii nachalnikov (vtoraya polovina XIX veka) [Uezd administration in the administrative system of Kazakhstan: functions of officials (second half of the 19th century)]. *Vestnik KazNU im. al-Farabi, Seriya Istoriya.* 1: 56-59. [in Russian]
- [Kayralapina, 2017](#) – *Kayralapina, A.Zh.* (2017). Rol uyezdnnykh nachalnikov v organizatsii shkolnogo obrazovaniya kazakhov [The role of district officials in organizing Kazakh school education]. *Problemy vostokovedeniya.* 3(77): 88-91. [in Russian]
- [Kazak gazet, 1913](#) – Pobory Petropavlovskogo uyezdnogo nachalnika.. [Extortions of the Petropavlovsk District Chief]. *Kazak gazet* [Kazakh Newspaper]. *Kazak gazet.* 1913. Nr 9 (March 30). [in Kazakh]
- [Ksenzhik, 2015](#) – *Ksenzhik, G.N.* (2015). Istoricheskaya geografiya stepnykh oblastei Kazakhstana v XIX – nachale XX vv. [Historical Geography of the steppe regions of Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries]. Almaty, 404 p. [in Russian]
- [Ksenzhik, 2020](#) – *Ksenzhik, G.N.* (2020). Kartograficheskie materialy po istorii Kazakhstana XVIII – nachala XX vv. v kontekste formirovaniya gosudarstvennykh granits [Cartographic materials on the history of Kazakhstan in the 18th – early 20th centuries in the context of state border formation]. Almaty, 376 p. [in Russian]
- [Lysenko, 2001](#) – *Lysenko, L.M.* (2001). Gubernatory i general-gubernatory v sisteme vlasti dorevolyutsionnoi Rossii [Governors and General-Governors in the Power System of Pre-Revolutionary Russia]. Diss. na soiskanie uch. step. d.i.n., 515 p. [in Russian]
- [Naznachenie na okrainy, 1889](#) – *Naznachenie na okrainy* [Assignment to the Outskirts]. *Vostochnoe obozrenie.* 1889. Nr 7 (February 12). [in Russian]
- [Opisanie..., 1916](#) – *Opisanie Turgaiskoi i Uralskoi oblastei* (1916). [Description of the Turgay and Ural Regions]. Petrograd, 51 p. [in Russian]
- [Otepova, 2015](#) – *Otepova, G.E.* (2015). Istoriya Kazakhstana v zakonodatelnykh istochnikakh Rossiiskoi imperii [The History of Kazakhstan in Legislative Sources of the Russian Empire]. Pavlodar, 258 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive].
- [Sibirskaya gazeta, 1881](#) – *Koyandinsko-Botovskaya yarmarka* [Koyandy-Botov Fair]. *Sibirskaya gazeta.* 1881. Nr 22 (July 26). [in Russian]
- [Subkhanberdina, 1994](#) – *Subkhanberdina, U.* (1994). Kirgizskaya stepnaya gazeta. Chelovek, obshchestvo, priroda. 1888-1902 [Kyrgyz Steppe Newspaper: Man, Society, Nature. 1888-1902]. Almaty, 816 p. [in Russian]
- [Sultangaliyeva, 2002](#) – *Sultangaliyeva, G.S.* (2002). Zapadnyi Kazakhstan v sisteme etnokulturnykh kontaktov (XVIII – nachalo XX vv.) [Western Kazakhstan in the System of Ethnocultural Contacts (18th – early 20th centuries)]. Ufa, 262 p. [in Russian]
- [TsGA RK](#) – Tsentralnyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Vasiliev, 2018 – Vasiliev, D.V. (2018). *Bremya imperii* [The burden of Empire]. Moscow, 638 p. [in Russian]

К вопросу о незаконных действиях некоторых уездных чиновников степных областей на территории современного Казахстана (вторая половина XIX – начало XX в.)

Закиш Тулехановна Садвокасова ^{a, *}, Ажар Токсановна Ахметжанова ^b,
Гюльнар Кайроллиевна Муканова ^b, Акмарал Рашидкызы Бейсембаева ^a

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Международный инженерно-технологический университет, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. После ликвидации ханской власти в Казахстане по реформам 1822 и 1824 гг. национальная аристократия, в лице чингизидов, была устранена от правления. Территория кочевников была поделена на административные единицы, возглавляемые лицами, в большинстве своем, не имевшими понятия о народе, которым они должны были управлять. Во второй половине XIX – начале XX в. колониальная администрация степных областей Казахстана состояла из русских начальников. На основе документальных материалов в статье показано недобросовестное поведение должностных лиц уездных управлений Акмолинской области Степного генерал-губернаторства.

Довольно часто злоупотребления, чинимые уездными чиновниками, напрямую были связаны со стремлением к обогащению. Особенно они наживались в период проведения выборов волостных управителей, когда противоборствующие стороны старались перетянуть на себя как можно больше голосов. Начальники уездов, нередко в ущерб законам Российской империи, старались не замечать многие нарушения, порой сами им способствовали и даже принимали непосредственное участие. Нередки были факты взяточничества и у других должностных лиц. Пресекать незаконные действия чиновников, в далеком от центра регионе, было сложно. Вышестоящее начальство не только не останавливало эти деяния, но иногда старалось их оправдывать. Чувствуя безнаказанность, служащие колониального аппарата еще больше нарушали законы. Справедливости ради, следует отметить, что проводимая политика и неблагоприятная деятельность чиновников находила отражение и в периодической печати Российской империи, что вызывало осуждение со стороны общественности.

Недовольство коренного населения, обращения с жалобами на представителей местной администрации не всегда встречали должную реакцию со стороны высокопоставленных царских чиновников.

Ключевые слова: казахи, уезд, начальники, чиновники, письмоводители, губернатор, притеснение, взяточничество, нарушение, недовольство.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tungatar_r@mail.ru (З.Т. Садвокасова), azhar59@mail.ru (А.Т. Ахметжанова), gulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова), read_and_read@mail.ru (А.П. Бейсембаева)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 751-761
DOI: 10.13187/bg.2025.2.751

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Roles of the Kazakh Elder Sultans in the Governance Structure of the Russian Empire (XIX century)

Kanat A. Yensenov ^{a, *}, Rysgul R. Ospanova ^b, Beibitgul Sh. Shurshitbay ^c, Bakytzhan B. Aktailak ^d

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Abai Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan

^c East-Kazakhstan state University named after S. Amanzholov, Republic of Kazakhstan

^d Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The politico-administrative reform of 1822 within the Russian Empire initiated the process of dismantling the Kazakh Khanate, consequently leading to the establishment of new administrative structures in its former territories. Within the Kazakh Steppe, a transformation of power institutions occurred: the authority of the Khans was supplanted by a system of governance represented by Senior Sultans, volost (district) rulers, and aul (village) elders. Within the broader administrative framework of the Russian Empire, which included the Governing Senate and the institution of Governors-General, the administration of the annexed Kazakh lands was incorporated into the existing structure. Specifically, the territory of the Middle Zhuz was integrated into the West Siberian Governor-Generalship, headquartered in Omsk. The Governor-General supervised the activities of the newly established district prikaz. In chronological order, the following external districts were established: Kokchetav and Karkaraly (1824), Bayanaul (1833), and Kokpekty (1844). The leadership of these districts, formed after the abolition of Khanate rule, was entrusted to Senior Sultans elected from the local aristocracy. The administrative-territorial structure of each district comprised subordinate volosts and auls, managed respectively by volost rulers and aul elders.

The reform of administrative governance in the Kazakh Steppe resulted in the institutionalization of the elected positions of Elder Sultans, volost rulers, and elders, integrating them into the administrative structure of the Russian Empire. Archival collections in Russia and Kazakhstan contain information regarding the functional responsibilities of Senior Sultans during this chronological period (1822–1868). This study of the activities of Senior Sultans focuses on the examples of the Kushmurun, Karkaraly, Bayanaul, and Kokpekty districts of the Middle Zhuz, the analysis of whose administrative organization constitutes a pertinent scholarly objective.

Keywords: Russian Empire, Kazakh Khanate, Khan's authority, Kazakhs, Russians, Administrative management, Reform, Elder Sultans, Volost Rulers, Starshins.

1. Введение

Традиционная социальная структура казахского общества характеризовалась стратификацией на две основные группы, определяемые происхождением: «аксүйек» (букв. «белая кость», аристократия) и «карасүйек» (букв. «черная кость», простолюдины). Представители «аксүйек», к которым относились потомки ханов, султанов, ходжей и тарханов, исторически формировали правящую элиту. Из их числа традиционно избирались родовые и племенные лидеры («родоправители»). Данная группа обладала значительным экономическим влиянием и

* Corresponding author

E-mail addresses: kanat-02-79@mail.ru (K.A. Yensenov), ablai_angel@mail.ru (R.R. Ospanova), ms.beybitgul@mail.ru (B.Sh. Shurshitbay), a.bakytzhan1992@gmail.com (B.B. Aktailak)

пользовалась особыми правами и привилегиями в рамках обычного права. Однако с течением времени наблюдалась трансформация этой иерархической системы. Происходило постепенное усиление социально-политических позиций представителей «карасүйек». Они получили возможность приобретать авторитетные титулы, такие как «би» (судья, знаток обычного права) и «батыр» (военный герой, предводитель), устанавливать родственные связи с представителями султанских династий посредством браков и занимать руководящие посты на уровне локальных общин (аулов). Это свидетельствует о процессах социальной мобильности и постепенном размывании строгих сословных границ в казахском обществе.

Административное и судебное управление в каждом округе осуществлялось специализированным учреждением – приказом, де-юре совмещавшим функции земской полиции и окружного суда. Структура приказа включала представителей как правительственной власти, так и местного населения. Правительственный элемент был представлен тремя русскими заседателями, один из которых являлся неперменным членом с обязательством постоянного присутствия. Народный элемент формировали председательствующий старший султан и трое казахских заседателей. Законодательная концепция, лежащая в основе данной структуры, предусматривала юридическое превалирование представителей местного населения над назначенными правительством чиновниками при решении дел в приказе (Гейнс, 1897: 68, 108).

Территория проживания сибирских киргизов (казахов) была административно определена как внешние округа Омской области. Соответственно, фундаментальные принципы организации их системы управления изложены во второй части «Общего учреждения об управлении Сибири». Специальный «Устав о сибирских киргизах» содержит: 1) детальное описание административных обязанностей и функций управления; 2) особые правовые нормы, касающиеся киргизов (казахов), устанавливающие их отличия от других категорий «иностранцев» Российской империи; 3) порядок имплементации и введения данного устава в действие. Административно-территориальная структура была организована следующим образом: первичной единицей являлся аул, насчитывающий, как правило, от 50 до 70 кибинок. Несколько аулов (от 10 до 12) объединялись в волость. В целях административной целесообразности волости консолидировались в округа, каждый из которых включал от 15 до 20 волостей. Управление на низовом уровне осуществлялось таким образом: аулами руководили старшины, волостями – султаны. Для управления округом на выборной основе назначался старший султан. Процедура избрания предусматривала, что старший султан избирается исключительно собранием султанов. Заседатели (представители казахского населения) в окружном приказе (административном органе) избирались биями и старшинами. Легитимность избрания как старшего султана, так и заседателей подтверждалась утверждением областным начальником. Срок полномочий для старшего султана устанавливался в три года, для заседателей – в два года.

Старший султан, избираемый своими сородичами и утверждаемый российским правительством, функционировал как земский чиновник, ответственный за местное управление. Его ключевые задачи заключались в обеспечении правопорядка и содействии повышению уровня благосостояния населения на вверенной ему территории (Научный-исторический архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 41-45).

Административная политика Российской империи в Казахской степи предусматривала демонтаж традиционных институтов власти, ключевым элементом которого стала ликвидация ханской власти. На смену прежней системе пришло новое административно-территориальное деление в виде внешних округов, находившихся под юрисдикцией генерал-губернаторов. Параллельно была инкорпорирована система должностей местного самоуправления, таких как старшие султаны, бии, волостные управители и старшины, легитимация которых обеспечивалась через выборные механизмы.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает документальные материалы, классифицируемые на три основные группы. Первая группа состоит из опубликованных источников, к которым относятся использованный в работе сборник документов «Материалы по истории политического строя Казахстана».

Вторая группа источников, использованных в данном исследовании, включает архивные документы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), Государственного исторического архива Омской области (Омск, Российская Федерация), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Третья группа источников состоит из материалов личного происхождения. Так, первые свидетельства современников о последствиях введения Устава 1822 г. содержатся в путевых заметках иностранных путешественников. В частности, барон П.К. Услар, посетивший Казахскую степь в XIX в., в своем труде «Четыре месяца в Киргизской степи» зафиксировал одно из ключевых нововведений – разделение казахских земель на округа, управляемые приказами (известными среди

местного населения как «диван» или «дуан»). Во главе каждого такого приказа, по его наблюдениям, стоял выборный старший султан, избираемый волостями округа на трехлетний срок. В состав приказных структур также входили как казахские, так и русские заседатели, а поддержание порядка возлагалось на преданные воинские отряды (Барон Услар, 1848). Наблюдения современника позволяют взглянуть на имплементацию Устава глазами очевидца и оценить первичное восприятие введенных административных форм.

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма и объективности. Принцип историзма предполагает изучение института старших султанов в его генезисе и развитии, в конкретно-исторических условиях XIX в., с учётом всей совокупности социально-экономических, политических и культурных факторов. Принцип объективности требует непредвзятого анализа источников, отказа от модернизации и идеологизации исследуемых процессов.

В рамках данной работы были применены: историко-системный метод, историко-сравнительный метод, историко-типологический метод, источниковедческий анализ, а также просопографический метод (коллективная биография) (Смоленский, 2010: 237).

Применение данной методологии позволяет установить двойственный статус старших султанов: они являлись, с одной стороны, представителями имперской администрации, исполнявшими ее предписания, а с другой – выходцами из традиционной казахской элиты, имевшими определенный авторитет среди населения. Методы позволяют проследить баланс между этими двумя ролями и выявить случаи конфликта интересов.

Степень эффективности имперской политики: анализ деятельности старших султанов с помощью системного и сравнительного методов позволяет оценить, насколько успешно имперская власть использовала этот институт для осуществления своих целей – контроля над территорией, сбора налогов, поддержания правопорядка, проведения судебной реформы и т.д.

Исследование роли старших султанов позволяет увидеть, как имперское управление воздействовало на традиционные институты власти (институт ханской власти, институт биев), способствовало ли оно их разрушению или трансформации, и какую роль в этом играли сами старшие султаны.

Просопографический анализ позволяет проследить, как из среды старших султанов и их окружения формировалась новая, более образованная и интегрированная в имперскую систему элита, которая впоследствии сыграла значительную роль в национальном движении начала XX в.

Механизмы взаимодействия имперской власти и казахского населения: исследование деятельности старших султанов позволяет понять, как осуществлялась коммуникация между имперской администрацией и населением степи, какие каналы использовались, и насколько эффективным было это взаимодействие.

Таким образом, комплексное применение описанных методов позволяет выйти за рамки формального описания административной структуры и осуществить глубокий анализ социокультурных, политических и административных процессов, связанных с функционированием института старших султанов в составе Российской империи в XIX в., раскрывая их многогранную и порой противоречивую роль.

3. Обсуждение

Изучение роли казахских старших султанов в административной структуре Российской империи в XIX в. занимает важное место в отечественной и зарубежной историографии. Исследователи по-разному оценивают степень интеграции этого института в имперскую систему управления, его функции и влияние на трансформацию казахского общества. Анализ имеющихся научных работ позволяет выявить основные подходы к осмыслению данной проблематики.

Среди классических работ, посвящённых анализу общественных институтов и их роли в казахском обществе в конце XVIII – первой половине XIX в., особо выделяется монографическое исследование академика С.З. Зиманова «Общественный строй казахов в первой половине XIX века». В своей работе ученый осуществляет комплексное изучение социальных, политических и экономических отношений в условиях кочевой цивилизации. Несмотря на то, что работа не фокусируется исключительно на институте старших султанов, она создает необходимый контекст для понимания традиционной структуры казахского общества, специфики политической власти и земельных отношений, что является фундаментальным для осмысления трансформаций, произошедших под воздействием имперской политики и, в частности, института старших султанов (Зиманов, 1958).

Один из фундаментальных вкладов в изучение нормативно-правовой базы управления казахскими территориями Российской империей внес казахстанский историк, профессор Ж. Касымбаев. В своём исследовании «Старший султан Кунанбай Ускенбаев и его окружение» он подробно анализирует положения «Устава о сибирских киргизах» 1822 г., который, как отмечает автор, стал ключевым документом, определяющим статус и полномочия института старшего султана. Ж. Касымбаев подчеркивает, что старший султан фактически возглавлял окружной приказ и наделялся правом формирования его состава. Согласно Уставу, этот коллегиальный орган управления

включал, помимо старшего султана, четырех заседателей: двух представителей русской администрации из Области сибирских киргизов и двух выборных лиц из числа почётных представителей казахского населения (Касымбаев, 2004).

Значимость «Устава о сибирских киргизах» 1822 г. как этапа эволюции имперской политики по конкретным вопросам социально-правового регулирования анализируется в работе профессора Е. Бекмаханова «Казахстан в 20-40-х годах XIX века». Исследователь уделяет внимание параграфу 276 Устава, касающемуся института рабства. Е. Бекмаханов отмечает, что данный параграф легализовал положение лиц, находившихся в рабстве у казахов до 22 июля 1822 г., сохраняя за владельцами права собственности на них, включая возможность продажи и наследования. Однако, что более важно, Устав категорически запрещал дальнейшее порабощение казахов представителями собственного этноса с момента его принятия. Таким образом, Е. Бекмаханов расценивает этот нормативный акт как прогрессивный шаг, положивший начало процессу постепенной ликвидации рабства на территории Казахстана. Тем не менее, он подчеркивает, что имплементация Устава не привела к немедленному прекращению работорговли, и представители казахской феодальной знати продолжали продавать пленников на невольничьих рынках Хивы и Бухары (Бекмаханов, 1994). Этот аспект анализа Е. Бекмаханова демонстрирует как прогрессивные намерения империи, так и сложности их реализации на практике, связанные с сохранением традиционных социально-экономических укладов.

Правовое оформление статуса казахских территорий в контексте их вхождения в состав Российской империи рассматривается японским историком Нода Джин в его исследовании «The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries». Автор указывает, что этот процесс был законодательно закреплён принятием «Устава о сибирских киргизах» в 1822 г. и «Утвержденным мнением Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» в 1824 г. При этом Нода Джин обращает внимание на сохранение в административной практике титула старшего султана вместо ханского титула, что свидетельствует об определённой преемственности при радикальной смене системы управления (Noda, 2016).

Значимые изменения в политической структуре казахского общества под воздействием имперской политики подробно анализирует американская исследовательница Вирджиния Мартин в работе «Kazakh Chinggisids, land and political power in the nineteenth century: a case study of Syrymbet». Мартин констатирует, что упразднение института ханской власти привело к образованию существенного структурного вакуума в кочевой политической системе, лишив её одного из ключевых элементов – службы хану. В ответ на это имперская администрация создала новые административные должности – старшего и волостного султанов. При этом, как отмечает исследователь, имперское правительство закрепило электоральные предпочтения для представителей рода Чингизидов при замещении этих должностей. Таким образом, по мнению В. Мартин, в период демонтажа традиционных степных институтов Российская империя сформировала новую бюрократическую систему, которая, по крайней мере формально, позволила Чингизидам сохранить притязания на привилегированное общественное положение и легитимировать свои права на земельные ресурсы в качестве имперских служащих. Большинство Чингизидов Средней Орды пыталось адаптироваться к условиям российского правления, используя предложенные возможности. Однако исследователь подчёркивает, что предоставленные им Уставом 1822 г. властные полномочия не привели к установлению монополии Чингизидов на власть в трансформирующейся социальной структуре казахского общества (Martin, 2010). Анализ В. Мартин выявляет двойственный характер имперской политики, направленной как на упразднение традиционных институтов, так и на инкорпорацию прежней элиты в новую административную систему.

Таким образом, анализ представленных исследований демонстрирует многообразие подходов к изучению роли казахских старших султанов в структуре управления Российской империи в XIX в. Учёные исследуют правовую основу их деятельности, их место в имперской административной иерархии, влияние на трансформацию казахского общества и сохранение традиционных элитных позиций. Несмотря на значительные достижения в изучении отдельных аспектов, дальнейшее исследование, основанное на комплексном использовании разнообразных источников и методов, представляется актуальным для более полного раскрытия заявленной проблематики.

4. Результаты

В казахстанском сборнике документальных источников «Материалы по истории политического строя Казахстана», освещающем реформу 1822 г., содержатся сведения о правовом статусе и порядке избрания старших султанов. Данный источник фиксирует следующие нормативные положения: срок полномочий старшего султана устанавливался в три года, тогда как заседатели избирались на два года. При этом допускалась возможность переизбрания на указанные должности на последующие сроки. В период исполнения обязанностей старшему султану предписывалось повсеместное признание и почитание, соответствующее чину майора Российской службы. По завершении срока

полномочий за бывшим старшим султаном сохранялся почётный статус, и он причислялся к числу наиболее уважаемых султанов ([Материалы по истории..., 1960: 95](#)).

22 июня 1822 г. императорской властью были утверждены следующие законодательные акты: «Учреждение для управления Сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», Устав о этапах, Положения о земельной повинности, а также десять иных законодательных актов, охватывающих различные аспекты административного и правового регулирования.

Согласно административно-правовым установлениям, действовавшим в Сибири, азиатская часть Российской империи была разделена на две административно-территориальные единицы высшего уровня: Западно-Сибирское генерал-губернаторство с административным центром в Тобольске и Восточно-Сибирское генерал-губернаторство с административным центром в Иркутске. В состав первого вошли Тобольская и Томская губернии, а также Омская область. Территории Среднего жуза, прилегавшие к северной границе Российской империи, были административно подчинены Омской области. В Среднем жузе была упразднена традиционная система государственного управления, возглавляемая ханом. На основании «Устава о сибирских киргизах (казахах)» была внедрена новая модель административного управления ([Ремнев, 1995: 79](#)).

В результате реформы 1822 г., законодательно закреплённой в «Уставе о сибирских киргизах», в Среднем жузе была упразднена традиционная ханская власть. Данное преобразование повлекло за собой введение института старших султанов, осуществлявших административное управление в регионе в период с 1822 по 1868 г. Старший султан представлял собой должностное лицо, ответственное за управление территориальным округом в пределах Казахской степи. После ликвидации Казахского ханства временные администраторы назначались из числа представителей казахской знати. Указанный Устав регламентировал новую систему административно-территориального деления, предусматривавшую следующие единицы: аул, включавший от 50 до 70 кибиток; волость, объединявшая от 10 до 12 аулов; и округ, формировавшийся из 15-20 волостей. Управление аулом осуществлялось старшиной, избираемым на трехлетний срок; волостью руководил волостной управитель; а во главе округа стоял старший султан, избираемый волостными управителями ([РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 322. Л. 1-5](#)).

Территория казахов Среднего жуза располагалась в непосредственной близости от внешних границ Омской области. Нормативно-правовое регулирование их управления определялось положениями второй части Общего учреждения об управлении Сибири. Особый устав, регламентирующий жизнедеятельность казахов, включал в себя: во-первых, детальное описание обязанностей их административных структур; во-вторых, специфические постановления, учитывающие их отличия от прочих инородческих групп; и, в-третьих, порядок введения данного устава в юридическую силу. Административно-территориальные единицы – волости – возглавлялись султанами. Избрание старшего султана осуществлялось коллегией султанов, в то время как заседатели от киргизского (казахского) населения в региональном административном органе (приказе) избирались биями и старшинами. Утверждение кандидатур как старшего султана, так и заседателей находилось в компетенции областного начальника. Срок полномочий старшего султана составлял три года, в то время как заседатели избирались на двухлетний период ([СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 41-45](#)).

В соответствии с параграфом 114 нормативного акта, принятого в 1822 г., на аульных старшин возлагалась обязанность по поддержанию спокойствия и правопорядка на территории подведомственного им аула. Таким образом, данное положение свидетельствует о том, что аульные старшины осуществляли надзорные функции в отношении подчиненного населения. В рамках административной системы старшие султаны, волостные султаны и аульные старшины выступали в качестве представителей полицейской и административной власти. Следовательно, административное управление аула выполняло функции полицейско-надзорного органа ([ЦГА РК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 191. Л. 3-4](#)).

Кушмурунский округ являлся одним из ранних административно-территориальных образований на территории Казахстана, отличавшихся наличием институтов управления. Данное образование возглавлялось Чингизом Валихановым (1811–1895 гг.), внуком Абылай хана. Последний приходился отцом выдающемуся казахскому учёному Чокану Валиханову. Несмотря на родственную связь с Абылай ханом, признаваемым лидером всех трех казахских жузов, его сыну Вали хану не удалось сохранить влияние своего предшественника. Более того, в последнее десятилетие его правления власть не распространялась в полной мере даже на территорию Среднего жуза. В 1815 г. имперское правительство, стремясь к усилению контроля над регионом, назначило в Среднем жузе второго хана – Букея, который скончался в 1817 г. Одним из примечательных событий в личной жизни Вали хана стал его поздний брак с Айганым, молодой женщиной, являвшейся дочерью казаха по имени Саргалдак.

Возвращаясь к биографии султана Чингиса Валиханова, следует отметить, что он являлся старшим сыном хана Вали от его второй супруги Айганым. В 1827 г. благодаря усилиям ханши Айганым Чингис, демонстрировавший успехи в обучении, был определён в Омское казачье войсковое

училище. По завершении учёбы в 1834 г. Чингис Валиханов был избран старшим султаном новообразованного в том же году Аман-Карагайского округа и удостоен звания майора. В этом же году он вступил в брак с Зейнеп Шормановой, сестрой влиятельного Баянаульского старшего султана Мусы Шорманова. В ноябре 1835 г. в этом браке родился Чокан Валиханов. Помимо Чокана, у Чингиса Валиханова было еще шесть сыновей: Жакып, Мақы, Махмет, Мухамеди, Козыке, Нурмухаммед, и пять дочерей: Бадьгул, Ракия, Нуриля, Алия, Шарбану.

В 1844 г. административный центр приказа был перенесён в укрепление Кушмурун, что повлекло за собой переименование округа в Кушмурунский с 1845 г. В 1853 г. Кушмурунский приказ был упразднён, а пять его волостей были включены в состав Кокчетавского округа. Старший султан Чингис Валиханов, к тому времени уже получивший чин подполковника, был переведен в Омск на должность советника областного правления по делам сибирских казахов. Согласно данным «Казахской советской энциклопедии», в 1857 г. он был избран старшим султаном Кокчетавского округа. Чингис Валиханов занимал эту должность до 1868 г., когда в результате упразднения окружной системы управления в Казахстане и введения новой административной структуры он вышел в отставку в звании полковника и впоследствии не принимал участия в административной деятельности (Абуев, 2016: 140–141).

Баянаульский округ являлся одной из административно-территориальных единиц, образованных в Казахской степи после упразднения ханской власти в 1822 г. Данная реформа была проведена в соответствии с положением, утверждённым Российской империей. Руководящие должности в этих округах занимали старшие султаны. Первым старшим султаном Баянаульского округа стал Шон Едигеулы (1754–1836 гг.), происходивший из рода Каржас племени Аргын Средней Орды. Его назначение на эту должность демонстрировало возможность занятия высоких административных постов представителями казахской степной аристократии, не принадлежавшими к прежней ханской династии (Исабаев, 2007: 533).

Следующим старшим султаном Баянаульского округа являлся Шорман Кушикулы (1799–1837 гг.). Начиная с 1822 г., совместно с Шоном Едигеулы, он на протяжении ряда лет осуществлял переписку с администрацией Западной Сибири. По поручению Шона Едигеулы Шорман Кушикулы совершил поездки в такие города, как Тобольск, Омск, Павлодар, Петропавловск, а также на Иркутскую ярмарку. Архивные источники свидетельствуют о посещении Шорманом Кушикулы Омска в 1830 г. и Тобольска в 1832 г., где состоялась его встреча с губернатором. После учреждения Баянаульского округа Шорман Кушикулы был назначен на позицию заместителя старшего султана. Впоследствии, после смерти Шона Едигеулы, Шорман Кушикулы был избран на должность старшего султана. Тем не менее, Шорман Кушикулы занимал пост старшего султана непродолжительное время, скончавшись спустя год после своего избрания.

В Баянаульском внешнем округе, после ранее упомянутых старших султанов, должность старшего султана занимал Муса Шорманов (1819–1884 гг.). Помимо Мусы, являвшегося старшим сыном Шормана Кучукова, он имел сыновей Ису, Мустафу, Аужана и дочь Зейнеп. Шорман Кучуков характеризовался как достаточно образованный, влиятельный и авторитетный фигура своего времени. Получив двухлетнее образование у офицера Александра Лукина, что позволило ему овладеть русской речью и письменностью, с 1833 г. он занимал должность окружного заседателя. В 1844 г. в Баянауле им была инициирована постройка мечети и основано медресе. В период с 1847 по 1849 г. Муса Шорманов организовал переселение казачьего населения из Сибири и последующее их расселение на вверенной ему территории. С 1854 г. он вступил в должность старшего султана Баянаульского внешнего округа. В 1855 г. Муса Шорманов совершил два визита в Москву и Санкт-Петербург в связи с кончиной императора Николая I. В 1856 г. он присутствовал на церемонии коронации императора Александра II, проявлял активное участие в общественной жизни региона и поддерживал тесные взаимоотношения со своим племянником, выдающимся казахским учёным Чоканом Валихановым.

Вследствие административной реформы 1868 г., после упразднения Баянаульского внешнего округа и упразднения должности старшего султана, Мусе Шорманову в 1869 г. был присвоен воинский чин полковника, и он был отправлен в отставку с назначением ежегодного пенсионного обеспечения в размере 350 рублей. После выхода в отставку Муса Шорманов посвятил себя этнографическим исследованиям, поддерживал контакты с членами Русского географического общества, такими как Г.Н. Потанин, Н.И. Ядринцев и Н.Ф. Костылецкий, которым предоставлял собранные им материалы.

В 1882 г., во исполнение поручения Степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского, Муса Шорманов принимал участие в делимитации границы между уездами Павлодар и Семей. Проявляя заботу об образовании казахской молодежи, он неоднократно направлял письменные обращения в адрес руководства Западной Сибири относительно вопроса учреждения кочевой степной гимназии. Муса Шорманов скончался в декабре 1884 г. во время своей поездки в город Омск, тело его было доставлено в урочище Аккелин близ Баянаула и предано земле (Акышев, 2003: 8–18).

Вслед за учреждением Каркаралинского округа его первым старшим султаном стал Турсун Чингисов, происходивший из сословия торе. В 1830 г. старший султан Каркаралинского округа Турсун Чингисов, будучи членом депутации при Высочайшем Дворе Его Императорского Величества,

обратился в Азиатский департамент с прошением о предоставлении льгот казахам в отношении взимания ясака. Данное обращение послужило основанием для его рассмотрения в установленном порядке, первоначально в Омском областном совете Главного управления Западной Сибири, который принял решение об освобождении всех султанов от обязанности уплаты ясака и о предоставлении им права самостоятельного осуществления данного сбора (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 349. Л. 2).

Старший султан Турсын Чингисов осуществлял руководство на протяжении двадцати лет. В 1844 г. он был отстранён от занимаемой должности. Впоследствии управление перешло к Кусбек-торе, происходившему из рода Букей-хана по линии его младшей жены. По истечении шести лет руководства он был освобождён от должности. Затем значимую роль в истории региона сыграл старший султан Каркаралинского округа Кунанбай Ускенбаев (1804–1885 гг.). Кунанбай Ускенбаев начал свою служебную деятельность в 1834 г. с должности старшины волости Кишик-Тобыкты. Впоследствии, в 1849 г. Кунанбай Ускенбаев был избран на должность старшего султана Каркаралинского округа. Вскоре после вступления в должность, в 1851 г. он инициировал строительство мечети в Каркаралинске. Деятельность Кунанбая Ускенбаева была отмечена значительными заслугами перед населением. Однако, вследствие доноса со стороны близких родственников, в 1855 г. он был отстранён от занимаемой должности (Сапаралы, 1995: 79).

К числу наиболее значимых заслуг Кунанбая следует отнести его пристальное внимание к вопросам образования и просвещения, о чём свидетельствует инициированное им открытие многочисленных школ и медресе для обучения казахских детей. Он также уделял внимание воспитанию собственных детей, прививая им просвещенные и прогрессивные идеи. Данные инициативы получили заметную поддержку в регионах Каркаралы, Аягоза, Чингистау и Семей. Согласно архивным данным, зафиксированным в документе «Дело о разрешении управлению Кучук-Тобыкгинской волости Кунанбаю Ускенбаеву строить школы» 1845 г., по его инициативе были открыты крупные медресе в Каркаралы, Семей и Бескарагае (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 5051. Л. 3-4).

10 августа 1845 г. в семье Кунанбая Ускенбаева и его второй супруги Улжан произошло рождение Ибрагима Кунанбаева, впоследствии известного под именем Абай. По достижении совершеннолетия Абай Кунанбаев принимал активное участие в общественно-политической жизни региона, занимая, в частности, должность волостного управителя. Данная persona представляет собой значимую историческую фигуру, получившую широкое признание в качестве выдающегося поэта казахского народа. Необходимо отметить, что обширный массив сведений о его жизни и деятельности зафиксирован в архивных документах (Сыдыков, 2019: 113).

Европейский путешественник Адольф Янушкевич, осуществивший экспедицию в Казахскую степь в 1846 г., в своём опубликованном труде «Письма и дневники» зафиксировал личную встречу с Кунанбаем Ускенбаевым, выразив ему глубокое уважение. В частности, исследователь констатировал: «Соплеменники воспринимали Кунанбая как безальтернативного защитника от потенциальных угроз, оказывая ему исключительное почтение, в чем я неоднократно убеждался в ходе своего путешествия. Его день начинался с непрерывной коммуникации, которая продолжалась до момента отхода ко сну. Казахи регулярно обращались к нему за советом. Приняв характерную позу, опираясь руками на бока, он после краткого изложения своей мысли цитировал фрагменты шариата, произнося их с интонацией, напоминавшей пророческую. Феноменальная память позволяет ему воспроизводить наизусть все правительственные указы и распоряжения так, словно он зачитывает их из книги» (Янушкевич, 1966: 267).

В 1851 г. Кунанбай Ускенбаев обратился к Западно-Сибирскому генерал-губернатору с официальным письмом, в котором ходатайствовал о предоставлении разрешения на размещение в урочище Карагайлы малоимущих батраков с целью их интеграции в аграрную сферу. Основной интенцией данного обращения являлось содействие переходу казахского населения к оседлому образу жизни и земледелию, а также активизация сельскохозяйственного освоения плодородных земель, расположенных вдоль реки Иртыш (ГИАО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3640. Л. 189).

В период 1854–1864 гг. Кунанбай Ускенбаев столкнулся со значительными трудностями как личного, так и семейного характера. Согласно распоряжению Фридриха, Кунанбай Ускенбаев был доставлен в Омск и подвергнут шестимесячному домашнему аресту. Данное заключение вызвало глубокую обеспокоенность у известного казахского просветителя и учёного Чокана Валиханова и его отца Чингиса Валиханова. Ими были предприняты усилия по освобождению Кунанбая посредством предоставления поручительства. Для реализации данной цели требовалось ходатайство авторитетных биев. С этой целью Чингис Валиханов предпринял специальную поездку в Каркаралинск, где созвал собрание биев. Бии выразили глубокое сожаление в связи с необоснованным отстранением Кунанбая и заявили о необходимости восстановления его в прежней должности. Чингисом Валихановым от имени биев было составлено прошение на казахском языке, содержащее ходатайство о скорейшем освобождении Кунанбая. Впоследствии указанное прошение было заверено подписями влиятельных биев Каркаралинского региона (Сапаралы, 2020: 52-54).

Формирование Кокпектинского округа было обусловлено императорским указом от 29 апреля 1844 г., адресованным Правительствующему Сенату Российской империи. Данный законодательный акт предписывал учреждение Кокпектинского внешнего окружного приказа и предусматривал

административное отделение четырех волостей от Аягозского округа с целью их последующей инкорпорации в состав новообразованного Кокпектинского округа. Таким образом, в результате проведенного административно-территориального размежевания, из прежней Аягозской окружной единицы были выделены следующие четыре волости: Мурын-Назар, Мурын-Куттымбет, Мурын-Кыдыр и Мурын-Кенже, которые были включены в состав Кокпектинского внешнего округа, увеличив общее число его волостей до двенадцати (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2121. Л. 103-104).

Штатное расписание Кокпектинского внешнего округа было официально утверждено в апреле 1844 г. Согласно утверждённой структуре, штат включал в себя 60 человек. При анализе организационной структуры округа были установлены следующие должности: старший султан, два заседателя от российской администрации, два заседателя от казахской стороны, секретарь, врач, повар, три переводчика, канцелярский служащий, двенадцать волостных управителей, а также другие служащие. Формальное объявление о создании Кокпектинского округа в соответствии с вышеупомянутым указом состоялось 30 мая 1844 г. в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве в городе Омске (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2188. Л. 4).

В дальнейшем Пограничным управлением сибирских киргизов (казахов) был разработан перечень для изготовления индивидуальных печатей, предназначенных для старшего султана, заседателей, биев, волостных управителей и старшин Кокпектинского округа, учреждённого в 1844 г. В ходе анализа указанного документа было установлено, что на изготовление персональной серебряной печати для каждого должностного лица предусматривалось ассигнование суммы в размере 240 рублей (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 4002. Л. 108). Пограничным управлением Западно-Сибирского генерал-губернаторства 26 сентября 1844 г. был издан приказ об утверждении штабс-капитана, старшего султана Кисыка Тезекова на новый трехлетний срок (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 4227. Л. 1).

20 июня 1850 г. Пограничным управлением Западно-Сибирского генерал-губернаторства был составлен официальный рапорт, посвящённый административно-территориальным единицам Кокпектинского округа, включая сведения об их руководителях и текущем состоянии. Документ содержал формулярные списки кандидатов на должность старшего султана, а именно Кисыка Тезекова и Рустема Жангобекова, а также информацию об их ближайшем окружении. Согласно архивным источникам, в период с 1851 по 1853 г. Кисык Тезеков, представитель рода Кенже-Мурун, был в третий раз утверждён в должности старшего султана Кокпектинского округа. Помимо этого, были избраны два заседателя от русской и два заседателя от казахской стороны. В числе последних упоминались два заседателя, выполнявшие функции заместителей старшего султана: Шерубай Кулов и Кайкы Бекчурин. В представленном рапорте также фигурировал перечень волостных управителей, включавший имена руководителей пятнадцати волостей (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 4465. Л. 5-6).

Согласно документу, датированному 17 октября 1852 г., отделением Пограничного управления Западно-Сибирскому генерал-губернатору были направлены сведения, содержащие номенклатуру пятнадцати волостей, административно входящих в состав Кокпектинского округа, а также информацию о лицах, занимавших руководящие должности в указанных волостях (Yensenov, 2024: 1179-1188).

В Омском историческом архиве обнаружен документ, относящийся к первому старшему султану Кокпектинского округа - Кисыку Тезекову. Указанный источник представляет собой письмо от 11 августа 1856 г., направленное штабс-капитаном Кисыком Тезековым, военным губернатором Семипалатинской области, на имя Западно-Сибирского генерал-губернатора в Совет Главного управления Западной Сибири. В данном письме содержится прошение о пожаловании Кисыку Тезекову и его потомству наследственного дворянского титула, мотивированное фактом его трехкратного пребывания в должности старшего султана на протяжении девятилетнего периода (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4675. Л. 23). Следовательно, Кисык Тезеков, трижды (в период с 1844 по 1853 г.) занимавший пост старшего султана Кокпектинского округа, представлял собой авторитетную фигуру, известную в народной среде под прозвищем «Қарадан шыққан Хан Қисық» (Хан Кисык из простолудинов). В течение своей службы, в 1833 г. ему был присвоен чин поручика, а в 1843 г. – штабс-капитана. В дальнейшем он также был удостоен дворянского звания (Габдильхакулы, 2023: 4). Данное обстоятельство представляло собой событие, связанное с демаркацией границ на казахских землях в XIX в.

5. Заключение

Вследствие упразднения института ханской власти в Казахской степи на территориях, интегрированных в состав Российской империи, была осуществлена имплементация административно-территориальных структур по российскому образцу. Данная реформа включала введение новой системы территориального деления и формирование соответствующих органов управления, аналогичных имперским. Была установлена иерархическая система управления новообразованными округами: низшее звено составляли старшины, управлявшие аулами; среднее звено – волостные султаны, возглавлявшие волости; высшее звено на окружном уровне – старшие султаны.

Ключевой целью данных преобразований являлось ограничение политического влияния потомков Чингисхана, чья власть исторически легитимировала предшествующую административную систему. При этом султаны, не занимавшие посты волостных управителей, сохраняли свои сословные привилегии, однако их вмешательство в административные дела окружных подразделений было строго регламентировано и запрещено.

Старшим султанам, как главам округов, делегировались значительные полномочия. Под их председательством функционировали окружные приказы, в заседаниях которых участвовали два назначаемых областным начальством российских заседателя и два представителя от местного населения, избираемых из числа «почетных казахов». Административно округа подразделялись на волости и аулы.

Период функционирования института старших султанов, охватывающий 1822-1868 гг., представляет собой важный этап в истории Казахстана. Он характеризуется как эволюционное развитие политической власти в степном регионе, в рамках которого происходила трансформация традиционных институтов и интеграция новых должностных лиц (старших султанов, волостных управителей, старшин) в административную систему Российской империи.

Изучение института старших султанов имеет важное значение для понимания механизмов функционирования Российской империи на ее национальных окраинах, особенностей взаимодействия имперской власти с местными элитами и последствий этих процессов для исторического развития народов Центральной Азии.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования «Эволюция политических институтов и структур в истории Казахстана (XIX–XXI вв.)» (ИРН № BR21882308).

Литература

- Абуев, 2016** – Абуев К.К. Чокан Валиханов и его современники: Монография. Кокшетау: КГУ им Ш. Уалиханова, 2016.
- Акышев, 2003** – Акышев З. Мұса Шорманов / Мұса Шорманов. Павлодар: «ЭКО», 2003.
- Бекмаханов, 1994** – Бекмаханов Е. Қазақстан ХІХ ғасырлардың 20-40-жылдарында (Оқу құралы). Алматы, Санат, 1994.
- Барон Услар, 1848** – Барон Услар П.К. Четыре месяца в Киргизской степи // *Отчетные записки. Учено-литературный журнал*. Ответ ред. А.Краевским. Том 9. СПб.: Издательство И. Глазунова и Комп., 1848.
- Гейнс, 1897** – Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. I. СПб.: Типография им. М.М. Стасюлевича, 1897.
- ГИАОО** – Государственный Исторический Архив Омский области.
- Зиманов, 1958** – Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата: АН. Каз ССР, 1958.
- Исабаев, 2007** – Исабаев Қ. Шоң Едігеұлы / Қазақстан. Ұлттық энциклопедия 9-й том. Бас ред. Б.Аяған. Алматы: Қазақ энциклопедиясының Бас редакциясы. 2007. 533 с.
- Касымбаев, 2004** – Касымбаев Ж. Старший султан Кунанбай Ускенбаев и его окружение. 2-е издание. Алматы: Издательство «Кітап», 2004. С. 33-40.
- Материалы по истории..., 1960** – Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. I. Сборник документов. Составитель М.Г. Масевич. Алма-Ата: Издательство Академии наук КазССР, 1960.
- Ордағали Ғабділхақұлы, 2023** – Ордағали Ғабділхақұлы. Алғы сөз // *Тана мырза*. Семей: «Дом печати», 2023. 4 б.
- Ремнев, 1995** – Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Смоленский, 2008** – Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е издание. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
- Сапаралы, 1995** – Сапаралы Б. Құнанбай қажы. Алматы: Ер даулет, 1995.
- Сапаралы, 2020** – Сапаралы Б. Құнанбай қажы / Құрастырған. А. Мырзақасым / Астана: Фолиант, 2020.
- Сыдыков, 2019** – Сыдыков Е. Құнанбай. Жизнь замечательных людей. Серия биографий. М.: Молодая гвардия, 2019.
- СПБ ИИ РАН** – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Янушкевич, 1966** – Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям / Пер. с польск. и предисл. Алма-Ата: Казахстан, 1966. 267 с.

[Noda, 2016](#) – *Noda Jin*. The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Boston: Brill, 2016. Series: Islamic area studies. Vol. 3.

[Yensenov, 2024](#) – *Yensenov K.A., Karassayev G.M., Aktailak B.B., Shurshitbay B.B.* The Development of Kazakh Elders and Biys Roles in Russian Empire Administration Structure (XIX century) // *Bylye Gody*. 2024. 19 (3): 1179-1188.

[Martin, 2010](#) – *Martin M.* Kazakh Chinggisids, land and political power in the nineteenth century: a case study of Syrymbet // *Central Asian Survey*. 2010. Vol. 29. No. 1. Pp. 79-102.

References

[Abuev, 2016](#) – *Abuev, K.K.* (2016). Chokan Valikhanov i ego sovremenniki: Monografiya [Chokan Ualikhanov and his contemporaries: Monograph]. Kokshetau: KGU im Sh. Ualikhanova. [in Russian]

[Akyshev, 2003](#) – *Akyshev, Z.* (2003). Mýsa Shormanov [Musa Shormanov]. Mýsa Shormanov. Pavlodar: «EKO». [in Kazakh]

[Baron Uslar, 1848](#) – *Baron Uslar, P.K.* (1848). Chetyre mesyatsa v Kirgizskoi stepi [Four months in the Kyrgyz steppe Otchetnye zapiski]. Ucheno-literaturnyi zhurnal. Otvet red. A.Kraevskim. Tom 9. SPb.: Izdatel'stvo I. Glazunova i Komp. [in Russian]

[Bekmakhanov, 1994](#) – *Bekmakhanov, E.* (1994). Kazakstan XIX ғасырлардың 20-40-жылдарында (Оқиқыралы) [Kazakhstan in the 20-40s of XIX century – (Textbook)]. Almaty, Sanat. [in Kazakh]

[Geins, 1897](#) – *Geins, A.K.* (1897). Sobranie literaturnykh trudov [Collection of literary works]. T. I. SPb.: Tipografiya im. M.M. Stasyulevicha. [in Russian]

[GIAOO](#) – Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv Omskii oblasti [The State Historical Archive of the Omsk region].

[Isabaev, 2007](#) – *Isabaev, K.* (2007). Shon Edigeuly [Shon Edigeuly]. Kazakstan. Yltyk entsiklopediya 9-i tom. Bas red. B.Ayaran. Almaty: Kazak entsiklopediyasyny Bas redaktsiyasy. 533 p. [in Kazakh]

[Kasymbaev, 2004](#) – *Kasymbaev, Zh.* (2004). Starshyi sultan Kunanbai Uskenbaev i ego okruzhenie [Senior Sultan Kunanbai Uskenbaev and his entourage]. 2-e izdanie. Almaty: Izdatel'stvo «Kitap». Pp. 33-40. [in Kazakh]

[Martin, 2010](#) – *Martin, M.* (2010). Kazakh Chinggisids, land and political power in the nineteenth century: a case study of Syrymbet. *Central Asian Survey*. 29(1): 79-102.

[Materialy po istorii..., 1960](#) – *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana* [Proceedings on the history of the political structure of Kazakhstan]. T. I. Sbornik dokumentov. Sostavitel' M.G. Masevich. Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii nauk KazSSR, 1960. [in Russian]

[Noda, 2016](#) – *Noda, Jin.* (2016). The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Boston: Brill. Series: Islamic area studies. Vol. 3.

[Ordarali Fabdilkhaqyly, 2023](#) – *Ordarali Fabdilkhaqyly* (2023). Alry söz [Foreword]. Tana myrza. Semei: «Dom pechati», 4 b. [in Kazakh]

[Remnev, 1995](#) – *Remnev, A.V.* (1995). Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoi polovine XIX veka [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of XIX century]. Omsk. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

[Saparaly, 1995](#) – *Saparaly, B.* (1995). Kynanbai kazhy [Kunanbay haji]. Almaty: Er daulet. [in Kazakh]

[Saparaly, 2020](#) – *Saparaly, B.* (2020). Kynanbai kazhy [Kunanbay haji]. Qyrastyran. A. Myrzakasym. Astana: Foliant. [in Kazakh]

[Smolenskii, 2008](#) – *Smolenskii, N.I.* (2008). Teoriya i metodologiya istorii: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii [History of theory and methodology: tutorial for higher education study]. 2-e izdanie. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». [in Russian]

[SPB II RAN](#) – Nauchno-istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii Rossiiskoi akademii nauk [Scientific and historical archive of the St. Petersburg Institute of history].

[Sydykov, 2019](#) – *Sydykov, E.* (2019). Kunanbai. Zhizn' zamechatel'nykh lyudei. Seriya biografii [Kunanbai. Lives of remarkable people. Biographies series]. M.: Molodaya gvardiya. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

[Yanushkevich, 1966](#) – *Yanushkevich, A.* (1966). Dnevnik i pis'ma iz puteshestviya po kazakhskim stepyam [Diaries and letters from travel on the Kazakh steppes]. Per. s pol'sk. i predisl. Alma-Ata: Kazakhstan. 267 p. [in Russian]

[Yensenov, 2024](#) – *Yensenov, K.A., Karassayev, G.M., Aktailak, B.B., Shurshitbay, B.B.* (2024). The Development of Kazakh Elders and Biys Roles in Russian Empire Administration Structure (XIX century). *Bylye Gody*. 19 (3): 1179-1188.

[Zimanov, 1958](#) – *Zimanov, S.Z.* (1958). Obschestvennyi stroi kazakhov pervoi poloviny XIX veka [Public structure of Kazakhs in the first half of XIX century]. Alma-Ata: AN. Kaz SSR. [in Russian]

Роль казахских старших султанов в структуре управления Российской империи (XIX в.)

Канат Алексеевич Енсенов ^{a, *}, Рысгул Рамазановна Оспанова ^b,
Бейбитгуль Шуршитбайкызы Шуршутбай ^c, Бакытжан Болатбекулы Актайлак ^d

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^b Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

^c Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

^d Архив Президента Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Политико-административная реформа 1822 г. в Российской империи инициировала процесс ликвидации Казахского ханства, что повлекло за собой формирование новых административных структур на его бывших территориях. В условиях Казахской степи произошла трансформация властных институтов: на смену ханской власти была введена система управления, представленная старшими султанами, волостными управителями и аульными старшинами. В рамках общей административной системы Российской империи, включавшей Правительствующий Сенат и институт генерал-губернаторов, управление присоединенными казахскими землями было инкорпорировано в существующую структуру. В частности, территория Среднего жуза вошла в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства с центром в Омске. Генерал-губернатор осуществлял надзор за деятельностью вновь созданных окружных приказов. В хронологическом порядке были учреждены следующие внешние округа: Кокчетавский и Каркаралинский (1824 г.), Баянаульский (1833 г.) и Кокпектинский (1844 г.). Руководство данными округами, образованными после упразднения ханской власти, возлагалось на старших султанов, избираемых из числа местной аристократии. Административно-территориальная структура каждого округа включала подчиненные волости и аулы, управление которыми осуществлялось соответственно волостными управителями и аульными старшинами.

Реформа административного управления в Казахской степи привела к институализации выборных должностей старших султанов, волостных управителей и старшин, интегрированных в административную структуру Российской империи. Сведения о функциональных обязанностях старших султанов в данный хронологический период (1822–1868 гг.) содержатся в архивных собраниях России и Казахстана. Исследование деятельности старших султанов сфокусировано на примере Кушмурунского, Каркаралинского, Баянаульского и Кокпектинского округов Среднего жуза, анализ административного устройства которых является актуальной научной задачей.

Ключевые слова: Российская империя, Казахское ханство, ханская власть, казахи, русские, административное управление, реформа, старшие султаны, волостные управители, старшины.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kanat-02-79@mail.ru (К.А. Енсенов),
ablai_angel@mail.ru (П.Р. Оспанова), ms.beybitgul@mail.ru (Б. Шуршутбай),
a.bakytzhan1992@gmail.com (Б.Б. Актайлак)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 762-774
DOI: 10.13187/bg.2025.2.762

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the 200th Anniversary of the Decembrist Uprising: an Overview of Personal Materials

Goran Rajović ^{a, b, *}, Sergei N. Bratanovskii ^c, Alexander Y. Epifanov ^d, Ivan N. Kuksin ^e

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^d Synergy University, Moscow, Russian Federation

^e Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

This historiographical study is devoted to the study of personal materials related to the Decembrist uprising and is dedicated to the 200th anniversary of this event. The historiographical method, the method of classification and synthesis are used as research methods.

Personal materials were used as sources, namely: memoirs, diary entries, epistolary legacy and individual notes from such figures of Decembrism as S.P. Trubetskoy, I.D. Yakushkin, N.I. Turgenev, G.S. Batenkov, M.N. Muravyov, F.P. Tolstoy, N.A. Bestuzhev, A.N. Muravyov, A.M. Muravyov, S.P. Shipov, A.F. Baggovut, A.S. Gangeblov, P.H. Grubb, D.I. Zavalishin, V.P. Zubkov, S.E. Raich, A.E. Rosen, Yu. Sabinsky, F.N. Glinka, A.P. Belyaev, I.I. Gorbachevsky, M.S. Lunin, M.A. Fonvizin, F.F. Vigel, P.N. Svistunov, and others.

The philosophical and ideological legacy of the leaders of the Decembrist movement, P.I. Pestel, K.F. Ryleev, N.M. Muravyov, S.I. Muravyov-Apostol, was not considered in this work because of its very wide popularity.

To this day, the source base of materials of personal origin remains not fully disclosed, as historians find new documents in state and personal archives, including abroad.

Keywords: Decembrists, the Decembrist uprising, Decembrism in Russia, memoirs of the Decembrist uprising, historical materials of personal origin.

1. Введение

В этом году исполняется 200 лет со дня восстания декабристов; оно оставило глубокий след в российской истории и привело к реакционной политике самодержавия, которое на тридцать с лишним лет законсервировало страну и не дало экономике России столь необходимый рывок в начинающейся научно-технической и промышленной революции, которым всецело воспользовались страны Западной Европы, продвинувшись значительно дальше в деле научно-технического и экономического развития. Крымская война всецело показала ошибочность излишне консервативной политики Николая I и его правительства. В данном исследовании делается попытка историографического обзора материалов личного происхождения, в которых, так или иначе, фигурирует восстание 1825-го года.

Прежде всего необходимо определить понятие материалов личного происхождения.

Под источниками (материалами) личного происхождения понимается комплекс (группа видов) исторических источников, в которых отражены личные взгляды, восприятие, осознание автором определённых исторических событий; эти источники учитывают личный опыт автора, его

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović)

социальные и коммуникационные связи, положение в обществе и мн. др. Отличительная черта данной группы источников – это субъективное восприятие описываемых исторических событий или персоналий.

К материалам личного происхождения относятся:

- Воспоминания (мемуары) участников определённых исторических событий (в нашем случае – восстания декабристов);
- Дневниковые записи (которые, в отличие от мемуаров, носят отрывочный, сугубо личный характер и, как правило, в отличие от воспоминаний, не предназначены для широкой публики);
- Отдельные записки, эссе и пр.

Некоторые авторы (см., в частности, [Сальникова, Галиуллина, 2023](#)) считают источниками личного происхождения материалы опубликованных статей современников исторических событий или персоналий, в которых даётся личная оценка автора, авторство некрологов, материалы исповедей и т. п.

В нашей работе будем считать материалами личного происхождения воспоминания (мемуары), дневниковые записи, а также отдельные записки с достоверно установленным авторством.

Также необходимо отметить разный подход к декабризму в различные периоды российской истории и, соответственно, разную интенсивность и качество поиска (и публикации) источников личного происхождения декабристов и их современников.

Так, в дореволюционной историографии декабристы считались революционерами и, соответственно, преступниками, поэтому поиск материалов по проблеме декабризма не был активным; более того, найденные материалы всячески старались не предавать огласке (либо публиковались только те мемуары, которые следовало считать «политкорректными»).

В советской исторической науке наблюдается обратная ситуация: декабристы стали героями и их движение, направленное против монархии, всячески восхвалялось. Такой подход к делу привёл к скрупулёзному изучению движения декабризма и поиску (и, соответственно, публикации) новых источников, многие из которых как раз относятся к группе материалов личного происхождения.

Современные авторы продолжили дело советских историков и в настоящее время проблема анализа источников личного происхождения, посвящённых восстанию декабристов, является весьма актуальной.

Данная работа посвящена 200-летию восстания декабристов, которое случилось 14 декабря 1825 года¹ и стало неудачной попыткой свержения самодержавия и ликвидации крепостного права. Указанное восстание следует считать первой в истории России попыткой государственного переворота со многими признаками революции (а именно – смену формы правления и коренные системные преобразования в обществе), которую пытались претворить в жизнь привилегированное сословие. Упомянутыми признаками декабризм кардинально отличается от дворцовых переворотов XVIII и начала XIX века (в которых заговорщики не ставили целью смену формы правления), а также от крестьянских войн, восстаний и бунтов XVII-XVIII веков (которые, в большинстве своём, фактически были направлены против привилегированных сословий и в которых (в целом) преобладали экономические и социальные, а не политические требования восставших низов общества).

2. Материалы и методы

В качестве материалов данной рукописи использованы мемуары, дневниковые записи и записки современников декабристского восстания (в частности, С.П. Трубецкого, В.Ф. Раевского, Ф.П. Толстого, И.Д. Якушкина, Н.А. Бестужева, Ф.Ф. Вигеля и др.), а также современная историография по проблеме исследования (в частности, П.Я. Ренненкампа, А.В. Поджио, П.Е. Анненковой, Н.И. Лорера, С.П. Шипова и др.).

Источники личного происхождения считаем целесообразным разделить на две группы:

1. Мемуары, дневники и записи известных современников декабризма (например, С.П. Трубецкого, В.Ф. Раевского, И.Д. Якушкина, Ф.П. Толстого, Н.А. Бестужева, С.П. Шипова и др.)
2. Мемуары, дневники и записи малоизвестных современников декабризма, которые были обнаружены советскими и современными историками (например, П.Я. Ренненкампа, А.В. Поджио, П.Е. Анненковой, Н.И. Лорера, Ф.Ф. Вигеля и др.).

Историографию по проблеме исследования считаем возможным разделить также на две группы: а) советского и б) современного периодов. Дореволюционная и зарубежная историография весьма малочисленна для выделения в отдельные группы, но также указана в нашей работе.

Методологическую основу данной работы составляют:

- Историографический метод (применялся для анализа источников личного происхождения, касающихся восстания декабристов);
- Метод классификации (применён для распределения по группам источников и историографии по проблеме декабризма в России на основе определённых критериев);

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

– Метод синтеза (применён для определения результатов и формирования выводов нашего исследования).

Данная работа в своей основе содержит основные принципы исторического исследования, такие как объективность, всестороннее исследование материалов и пр.

3. Обсуждение

Историографию данного исследования, как было указано выше, целесообразно разделить на две группы:

– Исторические труды советских авторов, касающиеся восстания декабристов и отдельных персоналий указанного периода;

– Современные исторические научные труды, в которых содержатся соответствующие воспоминания современников декабристского восстания и явления так называемого декабризма в целом.

1. К работам советского периода относятся следующие труды, на которые мы опирались в нашем исследовании.

Прежде всего отметим работы М.К. Азадовского, который по результатам работы в архивах ввёл в научный оборот массу источников личного происхождения по проблеме декабризма (Азадовский, 1954), в том числе и опубликовал мемуары В.Ф. Раевского (Азадовский, 1956), И.Д. Якушкина (Азадовский, 1953) и др.

Мемуары декабристов Северного (Мемуары декабристов, 1981) и Южного (Мемуары декабристов, 1982) обществ выпущены коллективом историков МГУ под редакцией В.А. Федорова.

Значительный интерес представляет многотомный сборник «Декабристы-литераторы», выпущенный коллективом авторов под редакцией А.М. Еголина, в котором также содержатся неизвестные ранее мемуары, дневниковые записи, записки декабристов (Декабристы-литераторы, 1956).

Глубокий анализ художественного наследия Николая Бестужева, изобразившего известных декабристов, проводит И.С. Зильберштейн (Зильберштейн, 1956).

Также советские авторы по дневниковым записям устанавливали личности и малоизвестных декабристов, в частности А.В. Поджио (Бродская, 1991).

Нельзя не отметить и фундаментальные справочные биографические труды, в которых делается биографический анализ всех известных исторической науке декабристов (см., в частности, Декабристы..., 1988а, Декабристы..., 1988б).

2. Современных трудов по декабристам и их мемуарному наследию весьма много, поэтому мы обозначим лишь те работы, на которые мы опирались в нашем исследовании.

В дело изучения декабристской мемуаристики особый вклад внёс П.В. Ильин. На основе архивных материалов он устанавливает личности декабристов и их дневниковые записи и записки (Ильин, 2019), находит новые мемуарные источники, в частности, руки самого С.П. Трубецкого (Ильин, 2021; Ильин, 2022), М.И. Пущина (Ильин, 2023а), П.Я. Ренненкампа (Ильин, 2024а) и других декабристов (Ильин, 2023б; Ильин, 2024б). Нельзя не упомянуть публикацию и анализ П.В. Ильиным следственных материалов по делам декабристов (Ильин, 2023с).

Общий анализ декабристской мемуаристики делает Е.С. Белякова (Белякова, 2022), В.М. Бокова (Бокова, 2008; Рассказы о декабристах..., 2004), Н.П. Матханова (Матханова, 2013), Е.Н. Туманик (Туманик, 2015) и др. (в частности, Еланцева, 2019; Миронов, 2017а; Миронов, 2017б; Миронов, 2019; Михайленко, 2024; Урванцева, 2019; Урванцева, 2020).

Воспоминания отдельных декабристов и их родственников проанализированы и опубликованы С.В. Бурмистровой (мемуары П.Е. Анненковой; Бурмистрова, 2016), О.А. Горбацевич (записки А.Е. Розена; Горбацевич, 2024), В.А. Захаровой (записки В.С. Толстого; Захарова, 2000), Е.Ю. Лебедевой (неизвестные записки декабристов, находящиеся в архиве г. Тульчин; Лебедева, 2020), Т.В. Медведевой (записки Д.Н. Свербеева; Медведева, 2012), А.А. Петрова (записки Ф.П. Толстого; Петров, 2022), Д.Г. Полонского (мемуары Н.И. Лорера; Полонский, 2017), В.А. Федорова (сочинения и письма П.Н. Свистунова; Федоров, 2002), Э.Н. Худяевой (мемуары П.Е. Анненковой; Худяева, 2016) и др. (в частности, Mémoires pour servir, 1975).

Из зарубежных трудов отметим фундаментальную работу О.В. Завадского, который весьма глубоко анализирует дневниковые материалы польских декабристов (Zawadzki, 1960).

4. Результаты

Сразу отметим, что количество источников по проблеме декабризма достаточно велико. Объём работы не позволяет в сколь-либо глубокой форме проанализировать все имеющиеся источники, и такую цель в нашей работе мы не ставим.

Главная задача данной статьи, посвящённой 200-летию восстания, обозначить основные современные тенденции в изучении материалов личного происхождения по проблеме декабризма в Российской империи, а также дать краткую характеристику наиболее известным источникам мемуарного и дневникового типа.

Как было указано выше, предпочитаем для удобства разделить материалы личного происхождения на две категории: а) мемуары известных декабристов, таких как Трубецкой, Якушкин, Батеньков и др., которые определяли философию и программу движения, и б) труды рядовых, малоизвестных участников движения, которые были идентифицированы как декабристы значительно позднее самого восстания.

Сразу укажем, что философское и идеологическое наследие лидеров декабристского движения, а именно П.И. Пестеля, К.Ф. Рыльева, С.И. Муравьева-Апостола, а также главного идеолога движения Н.М. Муравьева, мы в данной работе не рассматриваем по причине весьма широкой известности такого ещё в первой половине XIX века.

1. Прежде всего, отметим труды С.П. Трубецкого, гвардейского полковника, одного из главных идеологов и будущего «диктатора» декабризма, который в день восстания малодушно не явился на Сенатскую площадь, чем и спас свою жизнь. В частности, речь идёт о его непосредственных мемуарах, опубликованных коллективом историков под редакцией В.П. Павловой (Трубецкой, 1983; Трубецкой, 1987), отдельных записках (Трубецкой, 2007) и эпистолярном наследии (Трубецкой, 2011).

Другим идеологом декабризма является И.Д. Якушкин. В 1951-м году коллектив авторов под руководством С.Я. Штрайха в 740-страничном издании публикует его записки, статьи и письма (Якушкин, 1951), а в современный период выходят неизданные ранее мемуары, статьи и документы в 400-страничной работе, выполненной под руководством В.И. и И.В. Порохов (Якушкин, 1993).

Начиная с дореволюционного периода и заканчивая современным, выходят труды активного участника декабризма и крупнейшего публициста Н.И. Тургенева, в частности «Россия и русские» (Тургенев, 1907b; Тургенев, 2001), «Записки изгнанника» (Тургенев, 1907a), а также дневниковые записи самого Николая Ивановича и его братьев (см., в частности, Tourgueneff, 1847; Тургенев, 1911; Тургенев, 1913; Тургенев, 1915; Тургенев, 1921; Тургенев, 2017).

Воспоминания декабристов из рода Бестужевых публикует М.К. Азадовский (Воспоминания Бестужевых, 1951). Также в советские времена опубликованы дневники С.Ф. Уварова с воспоминаниями о декабристах (Mémoires pour server, 1975).

Значительный интерес представляют мемуары и дневники одного из «столпов» декабризма Г.С. Батенькова (Батеньков, 2015), которые опубликованы в 740-страничном труде, редакторами которого выступили А.А. Брегман и В.Д. Юшковский, сочинения и письма И.И. Пущина (Пущин, 1999; Пущин, 2001), неизданные ранее записки М.Н. Муравьева (Записки графа М.Н. Муравьева, 2008), Ф.П. Толстого (Записки графа..., 2001), сочинения, записки и письма Н.А. Бестужева (Бестужев, 2003), А.Н. Муравьева (Муравьев, 1986), А.М. Муравьева (Муравьев, 1999), С.П. Шипова (Шипов, 1878; Шипов, 2021) и др. (в том числе не только декабристов, в частности Муравьев-Карский, 2014–2020; Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому, 2008; Дневник Павла Пущина, 1987; Толстой, 2011; Путята, 1852).

2. К малоизвестным и относительно недавно идентифицированным как декабристы персоналиям относится ряд дореволюционных, советских и современных трудов.

а) Из дореволюционных публикаций - это, в частности, записки А.Ф. Багговута (Багговут, 1883), А.С. Гангблова (Гангблов, 1886), П.Х. Граббе (Граббе, 1873), Д.И. Завалишина (Завалишин, 1904; Завалишин, 1906), В.П. Зубкова (Зубков, 1906), С.Е. Раича (Раич, 1913), А.Е. Розена (Розен, 2008), Ю. Сабиньского (Сабиньский, 2014), мемуары Ф.Н. Глинки о М.А. Милорадовиче (Глинка, 1841-1846) и К.Ф. Рылееве (Глинка, 1871) и др. (в частности, Общественные движения..., 1905). Отличительная особенность опубликованных дореволюционных материалов личного происхождения – сдержанность в отношении монархической формы правления и своего рода «политкорректность».

б) К публикациям воспоминаний декабристов, изданных в советский период, отнесём мемуары мичмана А.П. Беляева (Беляев, 1990; а также, уточнённые и дополненные – Беляев, 2009), И.И. Горбачевского (Горбачевский, 1963), М.С. Лунина (Лунин, 1987), М.А. Фонвизина (Фонвизин, 1979; Фонвизин, 1982) и др.

в) На современном этапе, опубликованы мемуары рядовых декабристов, таких как Ф.Ф. Вигель (Вигель, 2020), П.Н. Свистунов (Свистунов, 2002) и др. (Воспоминания..., 2009; Липранди, 2004).

В целом отметим, что до сих пор источниковая база материалов личного происхождения остаётся не до конца раскрытой, так как историки находят новые документы в государственных и личных архивах, в том числе и за рубежом.

5. Заключение

1. Начиная с периода самого восстания, вплоть до сегодняшнего дня источниковая база личного происхождения по движению декабристов не является исчерпывающей, так как с каждым годом историки находят новые материалы.

2. Материалы личного происхождения лидеров декабризма, таких как П.И. Пестель, К.Ф. Рылеев, Н.М. Муравьев, С.И. Муравьева-Апостола и др., являются весьма хорошо изученными.

3. Вместе с тем личные материалы таких известных участников декабристского движения, как С.П. Трубецкой, И.Д. Якушкин, Н.И. Тургенев, Г.С. Батеньков, М.Н. Муравьев, Ф.П. Толстой, Н.А. Бестужев, А.Н. Муравьев, А.М. Муравьев, С.П. Шипов, до сих пор не до конца изучены, некоторые материалы лишь опубликованы и требуют глубокого осмысления и изучения.

4. Мемуары, дневники, записки и письма рядовых участников восстания, таких как А.Ф. Багговут, А.С. Гангблов, П.Х. Грабб, Д.И. Завалишин, В.П. Зубков, С.Е. Раич, А.Е. Розен, Ю. Сабиньский, Ф.Н. Глинка, А.П. Беляев, И.И. Горбачевский, М.С. Луни, М.А. Фонвизин, Ф.Ф. Вигель, П.Н. Свистунов и др., также не исследованы до конца.

5. Отдельно следует упомянуть и материалы личного происхождения персоналий, которые стали современниками декабризма, но не принадлежали к движению, в частности П.С. Пущин, Н.Н. Муравьев-Карский и др.

6. В целом отметим, что количество имеющихся источников по восстанию декабристов весьма велико: они требуют более детальной классификации и углублённого изучения.

Литература

[Азадовский, 1953](#) – Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним // *Новый мир*. 1953. № 3.

[Азадовский, 1954](#) – Азадовский М.К. Затерянные и утраченные произведения декабристов // *Литературное наследство*. 1954. Т. 59. С. 601-777.

[Азадовский, 1956](#) – Азадовский М.К. Воспоминания В.Ф. Раевского // *Литературное наследство*. 1956. Т. 60. № 1. С. 47-128.

[Багговут, 1883](#) – Багговут А.Ф. Записки // *Русская старина*. 1883. Т. 40, № 10. С. 111-136.

[Батеньков, 2015](#) – Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Т. 2. Сочинения. Письма 1856-1863 гг. / Ред. А.А. Брегман, В.Д. Юшковский. Сер.: Полярная звезда. Иркутск: Мемориал. музей декабристов, 2015.

[Беляев, 1990](#) – Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном / Под ред. В.А. Ковалева. Красноярск: Кн. изд-во, 1990.

[Беляев, 2009](#) – Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном / Под ред. Ю.Е. Кондаковым. СПб.: БАН, 2009.

[Белякова, 2022](#) – Белякова Е.С. Мемуары декабристов как исторический источник / *Катановские чтения – 2022. Сборник научных трудов студентов*. Абакан, 2022. С. 83.

[Бестужев, 2003](#) – Бестужев Н.А. Сочинения и письма / Под ред. С.Ф. Ковала. Сер.: Полярная звезда. Иркутск: Мемориал. музей декабристов, 2003.

[Бокова, 2008](#) – Бокова В.М. Опальный сборник / Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. М.: ГПИИ, 2008. Т. 1. С. 3-12.

[Бродская, 1991](#) – Бродская И.И. Декабрист Александр Викторович Поджо. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Киев, 1991.

[Бурмистрова, 2016](#) – Бурмистрова С.В. Рецепция апостольского текста в «воспоминаниях» П.Е. Анненковой // *Сибирский филологический журнал*. 2016. № 1. С. 23-35.

[Вигель, 2020](#) – Вигель Ф.Ф. Записки в 2 т. Т. 1. Сер. 22. Антология мысли. (1-е изд.) М., 2020.

[Воспоминания Бестужевых, 1951](#) – Воспоминания Бестужевых / Под ред. М.К. Азадовского. Сер.: Литературные памятники. М.: АН СССР, 1951.

[Воспоминания..., 2009](#) – Воспоминания из Сибири: мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь XIX столетия / публ. Б. С. Шостакович. Иркутск: Артиздат, 2009.

[Гангблов, 1886](#) – Гангблов А.С. Воспоминания // *Русский архив*. 1886. Кн. 2. № 6. С. 181-268.

[Глинка, 1841-1846](#) – Глинка Ф.Н. Мои воспоминания о графе М.А. Милорадовиче // *Москвитянин*. 1841. Ч. 2. № 4. С. 372-384; 1844. Ч. 1. № 1. С. 141-150; 1846. Ч. 2. № 2. С. 33-46.

[Глинка, 1871](#) – Глинка Ф.Н. Кондратий Федорович Рылеев // *Русская старина*. 1871. Т. 3. № 2. С. 244-246.

[Горбачев, 2024](#) – Горбачев О.А. О «глубинной композиционной структуре» мемуарной прозы (на материале «записок декабриста» А.Е. Розена) // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2024. № 2. С. 38-41.

[Горбачевский, 1963](#) – Горбачевский И.И. Записки, письма / Под ред. И.В. Пороха, С.Л. Сокольского, Б.Е. Сыроечковского. Сер.: Литературные памятники. М.: АН СССР, 1963.

[Граббе, 1873](#) – Граббе П.Х. Из памятных записок // *Русский архив*. 1873. Кн. 1. № 1. С. 416-482; № 2. С. 766-804.

[Декабристы..., 1988a](#) – Декабристы в воспоминаниях современников / Под ред. В.А. Федоровым. М.: МГУ, 1988. 508 с.

[Декабристы..., 1988b](#) – Декабристы. Биографический справочник / Под редакцией М.В. Нечкиной. М.: Наука, 1988.

[Декабристы-литераторы, 1956](#) – Декабристы-литераторы / Гл. ред. А.М. Еголин. М.: АН СССР, 1956.

[Дневник Павла Пущина, 1987](#) – Дневник Павла Пущина, 1812-1814 / Под ред. В.Г. Бортневского. Л.: ЛГУ, 1987.

[Еланцева, 2019](#) – Еланцева О.П. «Обычная» жизнь декабристов в ссылке в Западной Сибири (по материалам воспоминаний, записок и очерков) // *Филологический класс*. 2019. № 3 (57). С. 120-126.

- [Завалишин, 1904](#) – *Завалишин Д.И.* Записки декабриста. Т. 1. Мюнхен: Изд. Ю. Мархлевского, 1904.
- [Завалишин, 1906](#) – *Завалишин Д.И.* Записки декабриста. Первое русское издание. СПб.: Сирис, 1906.
- [Записки графа М.Н. Муравьева, 2008](#) – «Готов собою жертвовать...». Записки графа М.Н. Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа / Сост., вступ. ст. и коммент. К.В. Петрова. М.: Пашков дом, 2008.
- [Записки графа..., 2001](#) – Записки графа Ф.П. Толстого / Под ред. Е.Р. Гороховой, А.Е. Чекуновой. М.: РГГУ, 2001.
- [Захарова, 2000](#) – *Захарова В.А.* Кавказские записки декабриста В.С. Толстого // *Сборник Русского исторического общества*. 2000. № 2 (150). С. 109-149.
- [Зильберштейн, 1956](#) – *Зильберштейн И.С.* Николай Бестужев и его живописное наследие: история создания портретной галереи декабристов // *Литературное наследство*. 1956. Т. 60. № 2. С. 7-429.
- [Зубков, 1906](#) – *Зубков В.П.* Записки о заключении в Петропавловской крепости по делу 14 декабря 1825 г. // *Пушкин и его современники*. СПб., 1906. Т. 1. Вып. 4. С. 117-186.
- [Ильин, 2019](#) – *Ильин П.В.* Декабристы известные и неизвестные: проблема целостного восприятия истории тайных обществ декабристского ряда (персональный аспект) // *Историческая память России и декабристы, 1825-2015*. СПб.; Иркутск: Иркутский ист.-мемориал. музей декабристов, 2019. С. 152-175.
- [Ильин, 2021](#) – *Ильин П.В.* К вопросу о восприятии Александра I в декабристской среде: император в отражении новонайденных мемуаров и писем С.П. Трубецкого // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2021. Т. 20. № 1. С. 82-93.
- [Ильин, 2022](#) – *Ильин П.В.* Рукопись записок декабриста С.П. Трубецкого из коллекции И.А. Шляпкина: установление авторства, датировка, соотношение с другими редакциями // *Два века русской классики*. 2022. Т. 4. № 3. С. 164-177.
- [Ильин, 2023a](#) – *Ильин П.В.* М.И. Пущин и его автобиографические записки // *Два века русской классики*. 2023. Т. 5. № 3. С. 218-235.
- [Ильин, 2023b](#) – *Ильин П.В.* Публикация мемуарного наследия участников декабристского движения: периодизация, некоторые итоги и перспективы // *Исторический курьер*. 2023. № 2 (28). С. 257-273.
- [Ильин, 2023c](#) – *Ильин П.В.* Устав Союза Благоденствия в отражении следственных показаний и воспоминаний С.П. Трубецкого // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2023. Т. 22. № 8. С. 58-69.
- [Ильин, 2024a](#) – *Ильин П.В.* П.Я. Ренненкамф: незамеченный декабрист-заговорщик // *Научный диалог*. 2024. Т. 13. № 5. С. 409-436.
- [Ильин, 2024b](#) – *Ильин П.В.* Фигуры умолчания и скрытые смыслы в мемуарных текстах (на примере записок «уцелевшего декабриста» А.Ф. Багговута) // *Уральский исторический вестник*. 2024. № 3 (84). С. 162-170.
- [Лебедева, 2020](#) – *Лебедева Е.Ю.* Тульчин времени декабристов: незамеченные источники // *Исторический курьер*. 2020. № 6 (14). С. 9-29.
- [Липранди, 2004](#) – Записка И.П. Липранди «Несколько слов о книге “Восшествие на престол императора Николая I”» / Предисл. и примеч. Л.Г. Сахаровой // *Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.* М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2004. Вып. 13. С. 239-284.
- [Лунин, 1987](#) – *Лунин М.С.* Письма из Сибири / Под ред. Н.Я. Эйдельмана, И.А. Желваковой. Сер.: Литературные памятники. М.: Наука, 1987.
- [Матханова, 2013](#) – *Матханова Н.П.* Декабристская мемуаристика: проблемы научной публикации // *Декабристи в Україні: дослідження і матеріали*. Киев, 2013. Т. 7. С. 156-165.
- [Медведева, 2012](#) – *Медведева Т.В.* Мемуарное и эпистолярное наследие Дмитрия Николаевича Свербеева (1799-1874). НИР: грант № 12-01-00367. Российский гуманитарный научный фонд. 2012.
- [Мемуары декабристов, 1981](#) – Мемуары декабристов. Северное общество / Под ред. В.А. Федорова. М.: МГУ, 1981. 400 с.
- [Мемуары декабристов, 1982](#) – Мемуары декабристов. Южное общество / Под ред. В.А. Федорова. М.: МГУ, 1982. 352 с.
- [Миронов, 2017a](#) – *Миронов В.В.* Мемуары декабриста И.Д. Якушкина как исторический источник по истории политической ссылки в Западную Сибирь первой половины XIX века / *Россия и мир: история и современность. Тезисы V Всероссийской (с международным участием) конференции студентов и молодых ученых*. 2017. С. 98-100.
- [Миронов, 2017b](#) – *Миронов В.В.* Мемуары И.Д. Якушкина как источник по изучению основных направлений деятельности декабристов в сибирской ссылке / *XIX Всероссийская студенческая*

- научно-практическая конференция Нижневартковского государственного университета. Сборник статей. 2017. С. 158-160.
- [Миронов, 2019](#) – *Миронов В.В.* Организационные аспекты политической ссылки в западную Сибирь XIX в. по мемуарам И.Д. Якушкина / *Актуальные проблемы гуманитарных наук. Материалы Региональной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей.* 2019. С. 48-50.
- [Михайленко, 2024](#) – *Михайленко К.А.* Образ Сибири в мемуарах декабристов // *Вестник Томского государственного университета.* 2024. № 504. С. 41-52.
- [Муравьев, 1986](#) – *Муравьев А.Н.* Сочинения и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1986.
- [Муравьев, 1999](#) – *Муравьев А.М.* Записки и письма / Под ред. Г.Г. Лисицыной, Э.Н. Филипповой. Сер.: Полярная звезда. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1999.
- [Муравьев-Карский, 2014–2020](#) – *Муравьев-Карский Н.Н.* Собственные записки / Под ред. А.М. Вальковича, Д.Д. Зелова, Г.В. Ляпишева. Т. 1-6. М.: Кучково поле, 2014-2020.
- [Общественные движения..., 1905](#) – *Общественные движения в России в первую половину XIX в.* Т. 1: Декабристы М.А. Фонвизин, Е.П. Оболенский и В.И. Штейнгель / Под ред. В.Я. Богучарского, В.И. Семевского, П.Е. Щеголева. СПб.: изд. Пирожкова, 1905.
- [Петров, 2022](#) – *Петров А.А.* Записки Ф.П. Толстого как исторический источник / *Новое поколение: достижения и результаты молодых ученых в реализации научных исследований. Сборник научных трудов по результатам I международной научно-практической конференции.* СПб., 2022. С. 10-12.
- [Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому, 2008](#) – Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. Т. 2. СПб.: Нестор-История, 2008.
- [Полонский, 2017](#) – *Полонский Д.Г.* Мемуары декабриста Н.И. Лорера в архиве РАН: рукопись и ее издательская судьба / *Восстание декабристов в современной общественно-политической мысли: мифы и реальность. Сборник научных статей и документов.* М., 2017. С. 101-112.
- [Путята, 1852](#) – *Путята Н.В. и др.* Воспоминания о генерал-майоре Н.Н. Муравьеве // *Современник.* 1852. Т. 33, № 5. С. 1-14.
- [Пуцин, 1999](#) – *Пуцин И.И.* Сочинения и письма / Под ред. М.П. Мироненко, С.В. Мироненко. Т. 1. М.: Наука, 1999.
- [Пуцин, 2001](#) – *Пуцин И.И.* Сочинения и письма / Под ред. М.П. Мироненко, С.В. Мироненко. Т. 2. М.: Наука, 2001.
- [Раич, 1913](#) – *Раич С.Е.* Автобиография // *Русский библиофил.* 1913. Кн. 8. С. 1-29.
- [Рассказы о декабристах..., 2004](#) – *Рассказы о декабристах, записанные неизвестным лицом* / Предисл. и примеч. В.М. Боковой // *Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.* М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2004. Вып. 13. С. 165-172.
- [Розен, 2008](#) – *Розен А.Е.* Записки декабриста / Под ред. Г.А. Невелева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
- [Сабиньский, 2014](#) – *Сабиньский Ю.* Сибирский дневник. Т. 1. Иркутск: Иркутский музей декабристов; Артиздат, 2014.
- [Сальникова, Галиуллина, 2023](#) – *Сальникова А.А., Галиуллина Д.М.* Источники личного происхождения. Учебно-методическое пособие. Казань: КФУ ИМО, 2023.
- [Свистунов, 2002](#) – *Свистунов П.Н.* Сочинения и письма / Под ред. В.А. Федорова. Т. 1. Сер.: Полярная звезда. Иркутск: Мемориал. музей декабристов, 2002.
- [Толстой, 2011](#) – *Толстой И.Н.* Письмо С.П. Трубецкому от 13 ноября 1821 г. / *Трубецкой С.П.* Записки. Письма И. Н. Толстому 1818-1823 гг. СПб., 2011. С. 352-354.
- [Трубецкой, 1983](#) – *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности / Под ред. В.П. Павловой. Т.1. Сер.: Полярная звезда. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1983.
- [Трубецкой, 1987](#) – *Трубецкой С.П.* Материалы о жизни и революционной деятельности / Под ред. В.П. Павловой. Т.2. Сер.: Полярная звезда. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во. Иркутск, 1987.
- [Трубецкой, 2007](#) – *Трубецкой С.П.* Записки / Николай I. Личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. Т. 1. С. 207-256.
- [Трубецкой, 2011](#) – *Трубецкой С.П.* Записки. Письма И.Н. Толстому 1818-1823 гг. СПб., 2011.
- [Туманик, 2015](#) – *Туманик Е.Н.* Польские источники личного происхождения к биографии декабриста А.Н. Муравьева // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований.* 2015. № 3 (9). С. 146-155.
- [Тургенев, 1907а](#) – *Тургенев Н.И.* Записки изгнанника. СПб.: Общественная польза, 1907.
- [Тургенев, 1907б](#) – *Тургенев Н.И.* Россия и русские. Первое русское издание. Ч. 1. Воспоминания изгнанника. М., 1907.
- [Тургенев, 1911](#) – *Архив братьев Тургеневых.* Вып. 1. Дневники и письма Н.И. Тургенева за 1806–1811 гг. СПб.: Имп. АН, 1911.

- Тургенев, 1913** – Архив братьев Тургеневых. Вып. 3. Дневники и письма Н.И. Тургенева за 1811–1816 гг. СПб.: Имп. АН, 1913.
- Тургенев, 1915** – *Тургенев Н.И. Россия и русские* / Под ред. А.А. Кизеветтера. Т. 1. М.: изд. К.Ф. Некрасова, 1915.
- Тургенев, 1921** – Архив братьев Тургеневых. Вып. 5. Дневники и письма Н.И. Тургенева за 1816–1824 гг. Пг.: РАН, 1921.
- Тургенев, 2001** – *Тургенев Н.И. Россия и русские* / Под ред. С.В. Житомирской, А.Р. Курилкина. М.: ОГИ, 2001.
- Тургенев, 2017** – Архив братьев Тургеневых. Вып. 7. Дневники и письма Н.И. Тургенева. Путешествие в Западную Европу 1824-1825 гг. СПб.: Нестор-История, 2017.
- Урванцева, 2019** – *Урванцева П.Д. Великий князь Константин Павлович в мемуарах декабристов / XLVII итоговая студенческая научная конференция УдГУ. Материалы всероссийской конференции*. Ответственный редактор А.М. Макаров. Ижевск, 2019. С. 265-267.
- Урванцева, 2020** – *Урванцева П.Д. Отражение династического кризиса 1825 г. в мемуарах декабристов / Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура. материалы VII Всероссийской с международным участием научной конференции молодых ученых*. Ижевск, 2020. С. 196-202.
- Федоров, 2002** – *Федоров В.А. Декабрист П.Н. Свистунов* / Свистунов П.Н. Сочинения и письма. Иркутск, 2002. Т. 1. С. 3-64.
- Фонвизин, 1979** – *Фонвизин М.А. Сочинения и письма* / Под ред. С.В. Житомирской, С.В. Мироненко. Т. 1. Сер.: Полярная звезда. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1979.
- Фонвизин, 1982** – *Фонвизин М.А. Сочинения и письма* / Под ред. С.В. Житомирской, С.В. Мироненко. Т. 2. Сер.: Полярная звезда. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1982.
- Худяева, 2016** – *Худяева Э.Н. Отражение социального статуса жены декабриста в мемуарах П.Е. Анненковой / Новые подходы в науке и образовании / Материалы международной (заочной) научно-практической конференции*. Астана: Научно-издательский центр «Мир науки», 2016. С. 49-52.
- Шипов, 1878** – *Шипов С.П. Воспоминания // Русский архив*. 1878. Кн. 2. № 5. С. 144-202.
- Шипов, 2021** – *Шипов С.П. Политические и экономические сочинения. Воспоминания // Сер. Литературные изгнанники*. СПб., 2021.
- Якушкин, 1951** – Записки, статьи и письма декабриста И.Д. Якушкина / Под ред. С.Я. Штрайха. Сер.: Литературные памятники. М.: АН СССР, 1951. 740 с.
- Якушкин, 1993** – *Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы* / Под ред. В.И. Пороха, И.В. Пороха. Сер.: Полярная звезда. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1993. 400 с.
- Mémoires pour server, 1975** – *Mémoires pour server à l'histoire de l'opposition en Russie (из дневника С.Ф. Уварова)* / Пер. С.В. Житомирской; ввод. ст. и примеч. Н.Я. Эйдельмана // *Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина*. 1975. Вып. 36. С. 114-160.
- Tourgueneff, 1847** – *Tourgueneff N. La Russie et les Russes*. Т. 1. Mémoires d'un proscrit. Bruxelles, Meline, Cans et C., 1847.
- Zawadzki, 1960** – *Zawadzki Op.W. Pamiętniki dekabrystów*. Т. 3. Sprawy dekabrystowskie w pamiętnikarstwie polskim. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1960.

References

- Azadovskii, 1953** – *Azadovskii, M.K. (1953). Zapiski I.D. Yakushkina i kommentarii k nim [Notes of I.D. Yakushkin and commentary to them]. Novyi mir*. 3. [in Russian]
- Azadovskii, 1954** – *Azadovskii, M.K. (1954). Zatoryannye i utrachennye proizvedeniya dekabristov [Lost and missing works of the Decembrists]. Literaturnoe nasledstvo*. 59: 601-777. [in Russian]
- Azadovskii, 1956** – *Azadovskii, M.K. (1956). Vospominaniya V.F. Raevskogo [Memories of V.F. Raevsky]. Literaturnoe nasledstvo*. 60(1): 47-128. [in Russian]
- Baggovut, 1883** – *Baggovut, A.F. (1883). Zapiski [Notes]. Russkaya starina*. 40(10): 111-136. [in Russian]
- Baten'kov, 2015** – *Baten'kov, G.S. (2015). Sochineniya i pis'ma [Works and letters]. Т. 2. Sochineniya. Pis'ma 1856-1863 gg. Red. A.A. Bregman, V.D. Yushkovskii. Ser.: Polyarnaya zvezda. Irkutsk: Memorial. muzei dekabristov*. [in Russian]
- Belyaev, 1990** – *Belyaev, A.P. (1990). Vospominaniya dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom [Memories of a Decembrist about what he experienced and felt]. Pod red. V.A. Kovaleva. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo*. [in Russian]
- Belyaev, 2009** – *Belyaev, A.P. (2009). Vospominaniya dekabrista o perezhitom i perechuvstvovannom [Memories of a Decembrist about what he experienced and felt]. Pod red. Yu.E. Kondakovym. SPb.: BAN*. [in Russian]
- Belyakova, 2022** – *Belyakova, E.S. (2022). Memuary dekabristov kak istoricheskii istochnik [Memoirs of the Decembrists as a Historical Source]. Katanovskie chteniya – 2022. Sbornik nauchnykh trudov studentov*. Abakan. P. 83. [in Russian]

- Bestuzhev, 2003** – *Bestuzhev, N.A.* (2003). *Sochineniya i pis'ma* [Works and letters]. Pod red. S.F. Kovala. Ser.: Polyarnaya zvezda. Irkutsk: Memorial. muzei dekabristov. [in Russian]
- Bokova, 2008** – *Bokova, V.M.* (2008). *Opal'nyi sbornik* [Disgraced collection]. Vospominaniya i rasskazy deyatelei tainykh obshchestv 1820-kh gg. M.: GPIB. T. 1. Pp. 3-12. [in Russian]
- Brodskaya, 1991** – *Brodskaya, I.I.* (1991). Dekabrist Aleksandr Viktorovich Podzhio [Decembrist Alexander Viktorovich Podzhio]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Kiev. [in Russian]
- Burmistrova, 2016** – *Burmistrova, S.V.* (2016). Retseptsiya apostol'skogo teksta v «vospominaniyakh» P.E. Annenkovoi [Reception of the Apostolic Text in the “Memoirs” of P.E. Annenkova]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. 1: 23-35. [in Russian]
- Dekabristy, 1988b** – Dekabristy. Biograficheskii spravochnik [The Decembrists. Biographical handbook]. Pod redaktsiei M.V. Nechkinoi. M.: Nauka, 1988. [in Russian]
- Dekabristy..., 1988a** – Dekabristy v vospominaniyakh sovremennikov [The Decembrists in the memories of contemporaries]. Pod red. V.A. Fedorovym. M.: MGU, 1988. 508 p. [in Russian]
- Dekabristy-literaty, 1956** – Dekabristy-literaty [The Decembrist writers]. Gl. red. A.M. Egolin. M.: AN SSSR, 1956. [in Russian]
- Dnevnik Pavla Pushchina, 1987** – Dnevnik Pavla Pushchina, 1812-1814 [Pavel Pushchin's Diary, 1812-1814]. Pod red. V.G. Bortnevskogo. L.: LGU, 1987. [in Russian]
- Elantseva, 2019** – *Elantseva, O.P.* (2019). «Obychnaya» zhizn' dekabristov v ssylke v Zapadnoi Sibiri (po materialam vospominanii, zapisok i ocherkov) [“Ordinary” life of the Decembrists in exile in Western Siberia (based on memoirs, notes and essays)]. *Filologicheskii klass*. 3(57): 120-126. [in Russian]
- Fedorov, 2002** – *Fedorov, V.A.* (2002). Dekabrist P.N. Svistunov [Decembrist P.N. Svistunov]. Svistunov P.N. *Sochineniya i pis'ma*. Irkutsk. T. 1. Pp. 3-64. [in Russian]
- Fonvizin, 1979** – *Fonvizin, M.A.* (1979). *Sochineniya i pis'ma* [Works and letters]. Pod red. S.V. Zhitomirskoi, S.V. Mironenko. T. 1. Ser.: Polyarnaya zvezda. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo. [in Russian]
- Fonvizin, 1982** – *Fonvizin, M.A.* (1982). *Sochineniya i pis'ma* [Works and letters]. Pod red. S.V. Zhitomirskoi, S.V. Mironenko. T. 2. Ser.: Polyarnaya zvezda. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo. [in Russian]
- Gangeblov, 1886** – *Gangeblov, A.S.* (1886). Vospominaniya [Memories]. *Russkii arkhiv*. Kn. 2. № 6. Pp. 181-268. [in Russian]
- Glinka, 1841–1846** – *Glinka, F.N.* (1841–1846). *Moi vospominaniya o grafe M.A. Miloradoviche* [My memories of Count M.A. Miloradovich]. *Moskvityanin*. 1841. Ch. 2. № 4. Pp. 372-384; 1844. Ch. 1. № 1. Pp. 141-150; 1846. Ch. 2. № 2. Pp. 33-46. [in Russian]
- Glinka, 1871** – *Glinka, F.N.* (1871). Kondratii Fedorovich Ryleev [Kondraty Fedorovich Ryleev]. *Russkaya starina*. 1871. 3(2): 244-246. [in Russian]
- Gorbachevskii, 1963** – *Gorbachevskii, I.I.* (1963). Zapiski, pis'ma [Notes, letters]. Pod red. I.V. Porokha, S.L. Sokol'skogo, B.E. Syroechkovskogo. Ser.: Literaturnye pamyatniki. M.: AN SSSR. [in Russian]
- Gorbatsevich, 2024** – *Gorbatsevich, O.A.* (2024). O «glubinnoi kompozitsionnoi strukture» memuarnoi prozy (na materiale «zapisok dekabrista» A.E. Rozena) [On the “deep compositional structure” of memoir prose (based on the “Decembrist notes” of A. E. Rosen)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2: 38-41. [in Russian]
- Grabbe, 1873** – *Grabbe, P.Kh.* (1873). Iz pamyatnykh zapisok [From memoirs]. *Russkii arkhiv*. Kn. 1. 1: 416-482; 2: 766-804. [in Russian]
- Il'in, 2019** – *Il'in, P.V.* (2019). Dekabristy izvestnye i neizvestnye: problema tselostnogo vospriyatiya istorii tainykh obshchestv dekabristskogo ryada (personal'nyi aspekt) [Decembrists known and unknown: the problem of a holistic perception of the history of secret societies of the Decembrist series (personal aspect)]. *Istoricheskaya pamyat' Rossii i dekabristy, 1825-2015*. SPb.; Irkutsk: Irkutskii ist.-memorial. muzei dekabristov. Pp. 152-175. [in Russian]
- Il'in, 2021** – *Il'in, P.V.* (2021). K voprosu o vospriyatii Aleksandra I v dekabristskoi srede: imperator v otrazhenii novonaidennykh memuarov i pisem S.P. Trubetskogo [On the perception of Alexander I in the Decembrist environment: the emperor as reflected in newly discovered memoirs and letters of S.P. Trubetskoy]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 20(1): 82-93. [in Russian]
- Il'in, 2022** – *Il'in, P.V.* (2022). Rukopis' zapisok dekabrista S.P. Trubetskogo iz kollektsii I.A. Shlyapkina: ustanovlenie avtorstva, datirovka, sootnoshenie s drugimi redaktsiyami [Manuscript of notes by the Decembrist S.P. Trubetskoy from the collection of I.A. Shlyapkin: establishing authorship, dating, and relationship with other editions]. *Dva veka russkoi klassiki*. 4(3): 164-177. [in Russian]
- Il'in, 2023a** – *Il'in, P.V.* (2023). M.I. Pushchin i ego avtobiograficheskie zapiski [Pushchin and his autobiographical notes]. *Dva veka russkoi klassiki*. 5(3): 218-235. [in Russian]
- Il'in, 2023b** – *Il'in, P.V.* (2023). Publikatsiya memuarного naslediya uchastnikov dekabristskogo dvizheniya: periodizatsiya, nekotorye itogi i perspektivy [Publication of the memoir heritage of participants

in the Decembrist movement: periodization, some results and prospects]. *Istoricheskii kur'er*. 2(28): 257-273. [in Russian]

[Il'in, 2023c](#) – *Il'in, P.V.* (2023). Ustav Soyuzu Blagodenstviya v otrazhenii sledstvennykh pokazanii i vospominanii S.P. Trubetskogo [Charter of the Union of Welfare in the reflection of investigative testimonies and memoirs of S.P. Trubetskoy]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 22(8): 58-69. [in Russian]

[Il'in, 2024a](#) – *Il'in, P.V.* (2024). P.Ya. Rennenkampf: nezamechennyi dekabrist-zagovorshchik [Rennenkampf: the unnoticed Decembrist conspirator]. *Nauchnyi dialog*. 13(5): 409-436. [in Russian]

[Il'in, 2024b](#) – *Il'in, P.V.* (2024). Figury umolchaniya i skrytye smysly v memuariyakh tekstakh (na primere zapisok «utselevshogo dekabrista» A.F. Baggovuta) [Figures of silence and hidden meanings in memoir texts (based on the notes of the “surviving Decembrist” A.F. Baggovut)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 3(84): 162-170. [in Russian]

[Khudyaeva, 2016](#) – *Khudyaeva, E.N.* (2016). Otrazhenie sotsial'nogo statusa zheny dekabrista v memuarakh P.E. Annenkovoi [Reflection of the social status of the Decembrist's wife in the memoirs of P.E. Annenkova]. *Novye podkhody v nauke i obrazovanii. Materialy mezhdunarodnoi (zaочноi) nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Astana: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Mir nauki». Pp. 49-52. [in Russian]

[Lebedeva, 2020](#) – *Lebedeva, E.Yu.* (2020). Tul'chin vremeni dekabristov: nezamechennye istochniki [Tulchin of the Decembrist era: unnoticed sources]. *Istoricheskii kur'er*. 6(14): 9-29. [in Russian]

[Liprandi, 2004](#) – *Liprandi I.P.* Liprandi «Neskol'ko slov o knige “Vosshestvie na prestol imperatora Nikolaya I”» [Liprandi “A Few Words about the Book “The Accession to the Throne of Emperor Nicholas I”]. Predisl. i primech. L.G. Sakharovoi. Rossiiskii arkhiv. Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII-XX vv. M.: Studiya TRITE; Ros. Arkhiv, 2004. Vyp. 13. Pp. 239-284. [in Russian]

[Lunin, 1987](#) – *Lunin, M.S.* (1987). Pis'ma iz Sibiri [Letters from Siberia]. Pod red. N.Ya. Eidel'mana, I.A. Zhelvakovoi. Ser.: Literaturnye pamyatniki. M.: Nauka. [in Russian]

[Matkhanova, 2013](#) – *Matkhanova, N.P.* (2013). Dekabristskaya memuaristika: problemy nauchnoi publikatsii [Decembrist memoirs: problems of scientific publication]. Dekabristi v Ukraini: doslidzhennya i materialy. Kiev. 7: 156-165. [in Russian]

[Medvedeva, 2012](#) – *Medvedeva, T.V.* (2012). Memuarne i epistol'noye nasledie Dmitriya Nikolaevicha Sverbeeva (1799-1874) [M memoir and epistolary heritage of Dmitry Nikolaevich Sverbeev (1799-1874)]. NIR: grant № 12-01-00367. Rossiiskii gumanitarnyi nauchnyi fond. [in Russian]

[Mémoires pour server, 1975](#) – Mémoires pour server à l'histoire de l'opposition en Russie (iz dnevnika S.F. Uvarova). Per. S.V. Zhitomirskoi; vvod. st. i primech. N.Ya. Eidel'mana. *Zapiski Otdela rukopisei Gosudarstvennoi biblioteki im. V.I. Lenina*. 1975. 36: 114-160. [in Russian]

[Memuary dekabristov, 1981](#) – Memuary dekabristov. Severnoye obshchestvo [Memoirs of the Decembrists. Northern society]. Pod red. V.A. Fedorova. M.: MGU, 1981. 400 p. [in Russian]

[Memuary dekabristov, 1982](#) – Memuary dekabristov. Yuzhnoye obshchestvo [Memoirs of the Decembrists. Southern society]. Pod red. V.A. Fedorova. M.: MGU, 1982. 352 p. [in Russian]

[Mikhailenko, 2024](#) – *Mikhailenko, K.A.* (2024). Obraz Sibiri v memuarakh dekabristov [The image of Siberia in the memoirs of the Decembrists]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 504: 41-52. [in Russian]

[Mironov, 2017a](#) – *Mironov, V.V.* (2017). Memuary dekabrista I.D. Yakushkina kak istoricheskii istochnik po istorii politicheskoi ssylki v Zapadnuyu Sibir' pervoi poloviny XIX veka [Memoirs of the Decembrist I.D. Yakushkin as a historical source on the history of political exile to Western Siberia in the first half of the 19th century]. *Rossiya i mir: istoriya i sovremennost'. Tezisy V Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) konferentsii studentov i molodykh uchenykh*. Pp. 98-100. [in Russian]

[Mironov, 2017b](#) – *Mironov, V.V.* (2017). Memuary I.D. Yakushkina kak istochnik po izucheniyu osnovnykh napravlenii deyatel'nosti dekabristov v sibirskoi ssylke [Memoirs of I.D. Yakushkin as a source for studying the main activities of the Decembrists in Siberian exile]. *XIX Vserossiiskaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. Sbornik statei*. Pp. 158-160. [in Russian]

[Mironov, 2019](#) – *Mironov, V.V.* (2019). Organizatsionnye aspekty politicheskoi ssylki v zapadnuyu Sibir' XIX v. po memuarom I.D. Yakushkina [Organizational aspects of political exile to Western Siberia in the 19th century based on the memoirs of I.D. Yakushkin]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk. Materialy Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov i prepodavatelei*. Pp. 48-50. [in Russian]

[Murav'ev, 1986](#) – *Murav'ev, A.N.* (1986). Sochineniya i pis'ma [Works and letters]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoye izd-vo. [in Russian]

[Murav'ev, 1999](#) – *Murav'ev, A.M.* (1999). Zapiski i pis'ma [Notes and letters]. Pod red. G.G. Lisitsynoi, E.N. Filippovoi. Ser.: Polyarnaya zvezda. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo. [in Russian]

[Murav'ev-Karskii, 2014–2020](#) – *Murav'ev-Karskii, N.N.* (2014–2020). Sobstvennye zapiski [Own notes]. Pod red. A.M. Val'kovicha, D.D. Zelova, G.V. Lyapisheva. T. 1-6. M.: Kuchkovo pole. [in Russian]

[Obshchestvennye dvizheniya..., 1905](#) – Obshchestvennye dvizheniya v Rossii v pervuyu polovinu XIX v. [Public movements in Russia in the first half of the 19th century]. T. 1: Dekabristy M.A. Fonvizin,

- E.P. Obolenskii i V.I. Shteingel'. Pod red. V.Ya. Bogucharskogo, V.I. Semevskogo, P.E. Shchegoleva. SPb.: izd. Pirozhkova, 1905. [in Russian]
- [Petrov, 2022](#) – *Petrov, A.A.* (2022). Zapiski F.P. Tolstogo kak istoricheskii istochnik [Notes of F.P. Tolstoy as a historical source]. *Novoe pokolenie: dostizheniya i rezul'taty molodykh uchenykh v realizatsii nauchnykh issledovaniy. Sbornik nauchnykh trudov po rezul'tatam I mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. SPb. Pp. 10-12. [in Russian]
- [Pis'ma k N.N. Murav'evu-Karskomu, 2008](#) – Iz epistolyarnogo nasledstva dekabristov. Pis'ma k N.N. Murav'evu-Karskomu [From the epistolary legacy of the Decembrists. Letters to N.N. Muravyov-Karsky]. T. 2. SPb.: Nestor-Istoriya, 2008. [in Russian]
- [Polonskii, 2017](#) – *Polonskii, D.G.* (2017). Memuary dekabrista N.I. Lorera v arkhive RAN: rukopis' i ee izdatel'skaya sud'ba [Memoirs of the Decembrist N.I. Lorera in the RAS archive: the manuscript and its publishing fate]. *Vosstanie dekabristov v sovremennoi obshchestvenno-politicheskoi mysli: mify i real'nost'*. Sbornik nauchnykh statei i dokumentov. M. Pp. 101-112. [in Russian]
- [Pushchin, 1999](#) – *Pushchin, I.I.* (1999). Sochineniya i pis'ma [Works and letters]. Pod red. M.P. Mironenko, S.V. Mironenko. T. 1. M.: Nauka. [in Russian]
- [Pushchin, 2001](#) – *Pushchin, I.I.* (2001). Sochineniya i pis'ma [Works and letters]. Pod red. M.P. Mironenko, S.V. Mironenko. T. 2. M.: Nauka. [in Russian]
- [Putyata, 1852](#) – *Putyata, N.V. i dr.* (1852). Vospominaniya o general-maiore N.N. Murav'evе [Memories of Major General N.N. Muravyov]. *Sovremennik*. 33(5): 1-14. [in Russian]
- [Raich, 1913](#) – *Raich, S.E.* (1913). Avtobiografiya [Autobiograph]. *Russkii bibliofil*. 1913. Kn. 8. Pp. 1-29. [in Russian]
- [Rasskazy o dekabristakh..., 2004](#) – Rasskazy o dekabristakh, zapisannye neizvestnym litsom [Stories about the Decembrists, written by an unknown person]. Predisl. i primech. V.M. Bokovoi. Rossiiskii arkhiv. Istoriya Otechestva v svдетель'stvakh i dokumentakh XVIII-XX vv. M.: Studiya TRITE; Ros. Arkhiv, 2004. Vyp. 13. Pp. 165-172. [in Russian]
- [Rozen, 2008](#) – *Rozen, A.E.* (2008). Zapiski dekabrista [Notes of a Decembrist]. Pod red. G.A. Neveleva. SPb.: Dmitrii Bulanin. [in Russian]
- [Sabin'skii, 2014](#) – *Sabin'skii, Yu.* (2014). Sibirskii dnevnik [Siberian diary]. T. 1. Irkutsk: Irkutskii muzei dekabristov; Artizdat. [in Russian]
- [Sal'nikova, Galiullina, 2023](#) – *Sal'nikova, A.A., Galiullina, D.M.* (2023). Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya. Uchebno-metodicheskoe posobie [Personal sources. Educational and methodological manual]. Kazan': KFU IMO. [in Russian]
- [Shipov, 1878](#) – *Shipov, S.P.* (1878). Vospominaniya [Memories]. *Russkii arkhiv*. Kn. 2. № 5. Pp. 144-202. [in Russian]
- [Shipov, 2021](#) – *Shipov, S.P.* (2021). Politicheskie i ekonomicheskie sochineniya. Vospominaniya [Political and economic works. Memories]. Ser. Literaturnye izgnanniki. SPb. [in Russian]
- [Svistunov, 2002](#) – *Svistunov, P.N.* (2002). Sochineniya i pis'ma [Works and letters]. Pod red. V.A. Fedorova. T. 1. Ser.: Polyarnaya zvezda. Irkutsk: Memorial. muzei dekabristov. [in Russian]
- [Tolstoi, 2011](#) – *Tolstoi, I.N.* (2011). Pis'mo S.P. Trubetskoiu ot 13 noyabrya 1821 g. [Letter from S.P. To Trubetskoy from November 13, 1821]. Trubetskoi S.P. Zapiski. Pis'ma I. N. Tolstomu 1818-1823 gg. SPb. Pp. 352-354. [in Russian]
- [Tourgueneff, 1847](#) – *Tourgueneff, N.* (1847). La Russie et les Russes. T. 1. Mémoires d'un proscrit. Bruxelles, Meline, Cans et C.
- [Trubetskoi, 1983](#) – *Trubetskoi, S.P.* (1983). Materialy o zhizni i revolyutsionnoi deyatel'nosti [Materials on the life and revolutionary activity]. Pod red. V.P. Pavlovoi. T.1. Ser.: Polyarnaya zvezda. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo. [in Russian]
- [Trubetskoi, 1987](#) – *Trubetskoi, S.P.* (1987). Materialy o zhizni i revolyutsionnoi deyatel'nosti [Materials on the life and revolutionary activity]. Pod red. V.P. Pavlovoi. T.2. Ser.: Polyarnaya zvezda. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo. Irkutsk. [in Russian]
- [Trubetskoi, 2007](#) – *Trubetskoi, S.P.* (2007). Zapiski [Notes]. Nikolai I. Lichnost' i epokha. Novye materialy. SPb. T. 1. Pp. 207-256. [in Russian]
- [Trubetskoi, 2011](#) – *Trubetskoi, S.P.* (2011). Zapiski. Pis'ma I.N. Tolstomu 1818-1823 gg. [Notes. Letters to I.N. Tolstoy 1818-1823]. SPb. [in Russian]
- [Tumanik, 2015](#) – *Tumanik, E.N.* (2015). Pol'skie istochniki lichnogo proiskhozhdeniya k biografii dekabrista A.N. Murav'eva [Polish sources of personal origin to the biography of the Decembrist A.N. Muravyov]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*. 3(9): 146-155. [in Russian]
- [Turgenev, 1907a](#) – *Turgenev, N.I.* (1907). Zapiski izgnannika [Notes of an exile]. SPb.: Obshchestvennaya pol'za. [in Russian]
- [Turgenev, 1907b](#) – *Turgenev, N.I.* (1907). Rossiya i russkie. Pervoe russkoe izdanie [Russia and the Russians. First Russian edition]. Ch. 1. Vospominaniya izgnannika. M. [in Russian]
- [Turgenev, 1911](#) – Arkhiv brat'ev Turgenevykh. Vyp. 1. Dnevnik i pis'ma N.I. Turgeneva za 1806–1811 gg. [Archive of the Turgenev Brothers. Is. 1. Diaries and Letters of N.I. Turgenev for 1806–1811]. SPb.: Imp. AN, 1911. [in Russian]

- [Turgenev, 1913](#) – Arkhiv brat'ev Turgenevykh. Vyp. 3. Dnevnik i pis'ma N.I. Turgeneva za 1811–1816 gg. [Archive of the Turgenev Brothers. Issue 3. Diaries and letters of N.I. Turgenev for 1811–1816]. SPb.: Imp. AN, 1913. [in Russian]
- [Turgenev, 1915](#) – *Turgenev, N.I.* (1915). Rossiya i russkie [Russia and the Russians]. Pod red. A.A. Kizevetera. T. 1. M.: izd. K.F. Nekrasova. [in Russian]
- [Turgenev, 1921](#) – Arkhiv brat'ev Turgenevykh. Vyp. 5. Dnevnik i pis'ma N.I. Turgeneva za 1816–1824 gg. [Archive of the Turgenev Brothers. Issue 5. Diaries and letters of N.I. Turgenev for 1816–1824]. Pg.: RAN, 1921. [in Russian]
- [Turgenev, 2001](#) – *Turgenev, N.I.* (2001). Rossiya i russkie [Russia and the Russians]. Pod red. S.V. Zhitomirskoi, A.R. Kurilkina. M.: OGI. [in Russian]
- [Turgenev, 2017](#) – Arkhiv brat'ev Turgenevykh. Vyp. 7. Dnevnik i pis'ma N.I. Turgeneva. Puteshestvie v Zapadnuyu Evropu 1824-1825 gg. [Archive of the Turgenev brothers. Issue 7. Diaries and letters of N.I. Turgenev. Journey to Western Europe 1824-1825]. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. [in Russian]
- [Urvantseva, 2019](#) – *Urvantseva, P.D.* (2019). Velikii knyaz' Konstantin Pavlovich v memuarakh dekabristov [Grand Duke Konstantin Pavlovich in the memoirs of the Decembrists]. *XLVII itogovaya studencheskaya nauchnaya konferentsiya UdGU. Materialy vserossiiskoi konferentsii. Otvetstvennyi redaktor A.M. Makarov.* Izhevsk. Pp. 265-267. [in Russian]
- [Urvantseva, 2020](#) – *Urvantseva, P.D.* (2020). Otrazhenie dinasticheskogo krizisa 1825 g. v memuarakh dekabristov [Reflection of the dynastic crisis of 1825 in the memoirs of the Decembrists]. *Evropa v Srednie veka i Novoe vremya: Obshchestvo. Vlast'. Kul'tura. materialy VII Vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh.* Izhevsk. Pp. 196-202. [in Russian]
- [Vigel', 2020](#) – *Vigel', F.F.* (2020). Zapiski v 2 t. [Notes in 2 volumes]. T. 1. Ser. 22. Antologiya mysli. (1-e izd.) M. [in Russian]
- [Vospominaniya Bestuzhevykh, 1951](#) – Vospominaniya Bestuzhevykh [Memoirs of the Bestuzhevs]. Pod red. M.K. Azadovskogo. Ser.: Literaturnye pamyatniki. M.: AN SSSR, 1951. [in Russian]
- [Vospominaniya..., 2009](#) – Vospominaniya iz Sibiri: memuary, ocherki, dnevnikovye zapisi pol'skikh politicheskikh ssyl'nykh v Vostochnuyu Sibir' XIX stoletiya [Memoirs from Siberia: memoirs, essays, diary entries of Polish political exiles to Eastern Siberia in the 19th century]. Publ. B. S. Shostakovich. Irkutsk: Artizdat, 2009. [in Russian]
- [Yakushkin, 1951](#) – Zapiski, stat'i i pis'ma dekabrista I.D. Yakushkina [Notes, articles and letters of the Decembrist I.D. Yakushkina]. Pod red. S.Ya. Shtraikha. Ser.: Literaturnye pamyatniki. M.: AN SSSR, 1951. 740 p. [in Russian]
- [Yakushkin, 1993](#) – *Yakushkin, I.D.* (1993). Memuary, stat'i, dokumenty [Memoirs, articles, documents]. Pod red. V.I. Porokha, I.V. Porokha. Ser.: Polyarnaya zvezda. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo, 400 p. [in Russian]
- [Zakharova, 2000](#) – *Zakharova, V.A.* (2000). Kavkazskie zapiski dekabrista V.S. Tolstogo [Caucasian notes of the Decembrist V.S. Tolstoy]. *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva.* 2(150): 109-149. [in Russian]
- [Zapiski grafa M.N. Murav'eva, 2008](#) – «Gotov soboyu zhertvovat'...». Zapiski grafa M.N. Murav'eva ob upravlenii Severo-Zapadnym kraem i ob usmirenii v nem myatezh [“Ready to sacrifice myself...” Notes of Count M.N. Muravyov on the governance of the North-West Territory and the suppression of the rebellion there]. Sost., vstup. st. i komment. K.V. Petrova. M.: Pashkov dom, 2008. [in Russian]
- [Zapiski grafa..., 2001](#) – Zapiski grafa F.P. Tolstogo [Notes of Count F.P. Tolstoy]. Pod red. E.R. Gorokhovoi, A.E. Chekunovoi. M.: RGGU, 2001. [in Russian]
- [Zavalishin, 1904](#) – *Zavalishin, D.I.* (1904). Zapiski dekabrista [Notes of a Decembrist]. T. 1. Myunkhen: Izd. Yu. Markhlevskogo. [in Russian]
- [Zavalishin, 1906](#) – *Zavalishin, D.I.* (1906). Zapiski dekabrista. Pervoe russkoe izdanie [Notes of a Decembrist. First Russian edition]. SPb.: Sirius. [in Russian]
- [Zawadzki, 1960](#) – *Zawadzki, Op.W.* (1960). Pamiętniki dekabrystów. T. 3. Sprawy dekabrystowskie w pamiętnikarstwie polskim. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- [Zil'bershtein, 1956](#) – *Zil'bershtein, I.S.* (1956). Nikolai Bestuzhev i ego zhivopisnoe nasledie: istoriya sozdaniya portretnoi galerei dekabristov [Nikolai Bestuzhev and his pictorial legacy: the history of the creation of the Decembrists' portrait gallery]. *Literaturnoe nasledstvo.* 60(2): 7-429. [in Russian]
- [Zubkov, 1906](#) – *Zubkov, V.P.* (1906). Zapiski o zaklyuchenii v Petropavlovskoi kreposti po delu 14 dekabrya 1825 g. [Notes on the imprisonment in the Peter and Paul Fortress in the case of December 14, 1825]. *Pushkin i ego sovremenniki.* SPb. 1(4): 117-186. [in Russian]

К 200-летию восстания декабристов: обзор материалов личного происхождения

Горан Райович ^{a, b, *}, Сергей Николаевич Братановский ^c, Александр Егорович Елифанов ^d,
Иван Николаевич Куксин ^e

^a Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^d Университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^e Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данное историографическое исследование посвящено изучению материалов личного происхождения, касающихся восстания декабристов и приурочено к 200-летию юбилею данного события. В качестве методов исследования применены историографический метод, метод классификации и синтеза.

В качестве источников использовались материалы личного происхождения, а именно: мемуары, дневниковые записи, эпистолярное наследие и отдельные записки таких деятелей декабризма, как С.П. Трубецкой, И.Д. Якушкин, Н.И. Тургенев, Г.С. Батеньков, М.Н. Муравьев, Ф.П. Толстой, Н.А. Бестужев, А.Н. Муравьев, А.М. Муравьев, С.П. Шипов, А.Ф. Багговут, А.С. Гангеблов, П.Х. Грабб, Д.И. Завалишин, В.П. Зубков, С.Е. Раич, А.Е. Розен, Ю. Сабиньский, Ф.Н. Глинка, А.П. Беляев, И.И. Горбачевский, М.С. Лунин, М.А. Фонвизин, Ф.Ф. Вигель, П.Н. Свистунов и др.

Философское и идеологическое наследие лидеров декабристского движения П.И. Пестеля, К.Ф. Рылеева, Н.М. Муравьева, С.И. Муравьева-Апостола в данной работе не рассматривалось по причине его весьма широкой известности.

До сегодняшнего дня источниковая база материалов личного происхождения остаётся не до конца раскрытой, так как историки находят новые документы в государственных и личных архивах, в том числе и за рубежом.

Ключевые слова: декабристы, восстание декабристов, декабризм в России, мемуары о восстании декабристов, исторические материалы личного происхождения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 775-779
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.775

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Rare Publications from the American Masonic Order of Knights Templar (first half of the 19th century)

Alexander Cherkas ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

The focus of this study is centered around rare publications from the American Masonic order of Knights Templar produced in the first half of the 19th century. The library at Cherkas Global University currently holds three such publications: *Proceedings of the General Grand Encampment of the United States, 1835*, *Proceedings of the General Grand Encampment of the United States, 1844*, and *Proceedings of the Grand Encampment of Knights Templars of the State of Ohio, 1845*.

Methodologically, the study leaned on key historical principles such as historicism and systematicity. Extensive use was made of the source studies method to conduct internal and external criticism of the historical sources.

The key findings from this study are:

- 1) The P.A. Cherkasov Fundamental Electronic Library currently holds three rare publications from the Masonic order of Knights Templar, which are brochures produced in the first half of the 19th century. These were published in 1833, 1844, and 1845, respectively.
- 2) All three of the brochures report meeting proceedings, with two of them dealing with the General Grand Encampment of Knights Templar of the United States and the third one with the Grand Encampment of an individual US state (Ohio).
- 3) The publications are not very large (18 to 32 pages) and all consist of a section covering the actual proceedings and one devoted to the Constitution of the General Grand Encampment, with internal document forms also present.
- 4) These publications are believed to be of significant interest to Freemasonry researchers around the world and in the US, in particular, and could be a valuable source for genealogical research.

Keywords: P.A. Cherkasov Fundamental Electronic Library, Cherkas Global University, rare publications, *Proceedings of the Grand Encampment of Knights Templars*, USA, 1st half of the 19th century.

1. Introduction

The scattered Masonic Knights Templar organizations created in the United States in the late 18th century united into one in 1816, when the General Grand Encampment of Knights Templar of the United States of America was formed from seven Templar Encampments and one Council ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1859: 3](#)). At that time, the organization had barely 300 members. However, a little over 100 years later, in 1927, it now had more than 450,000 members ([Proceedings of the Grand Encampment..., 1928: 172](#)). The present work is focused on print publications from the Masonic order of Knights Templar produced in the first half of the 19th century, i.e. the period of the making of that organization.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.cherkasov@cherkasgu.net (A. Cherkas)

2. Materials and methods

The primary materials for this study were three rare publications (brochures) from the P.A. Cherkasov Fundamental Electronic Library at Cherkas Global University produced by the American Masonic order of Knights Templar in the first half of the 19th century: *Proceedings of the General Grand Encampment of the United States, 1835* ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1835](#)) (Figure 1), *Proceedings of the General Grand Encampment of the United States, 1844* ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1844](#)) (Figure 2), and *Proceedings of the Grand Encampment of Knights Templars of the State of Ohio, 1845* ([Proceedings of the Grand Encampment..., 1845](#)) (Figure 3).

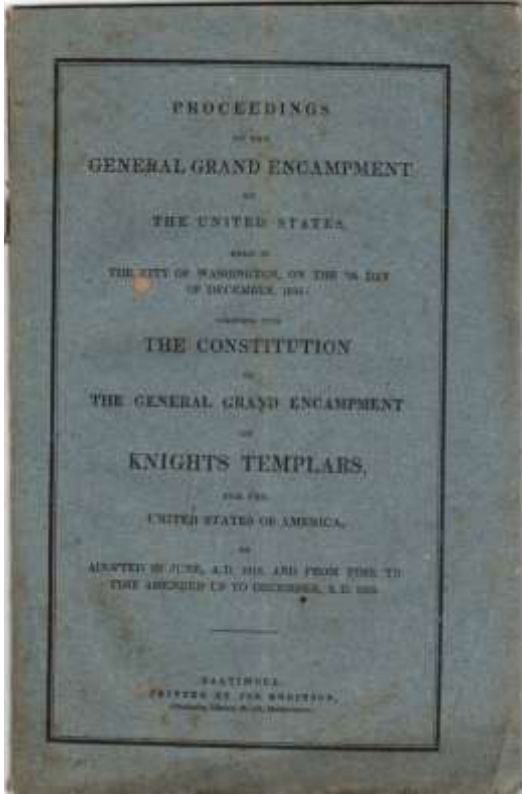

Fig. 1. Cover of *Proceedings of the General Grand Encampment of the United States, 1835* ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1835](#))

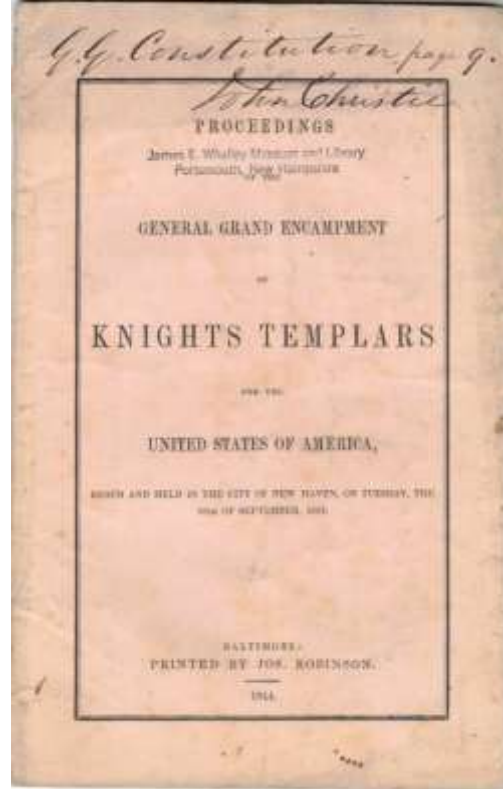

Fig. 2. Cover of *Proceedings of the General Grand Encampment of the United States, 1844* ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1844](#))

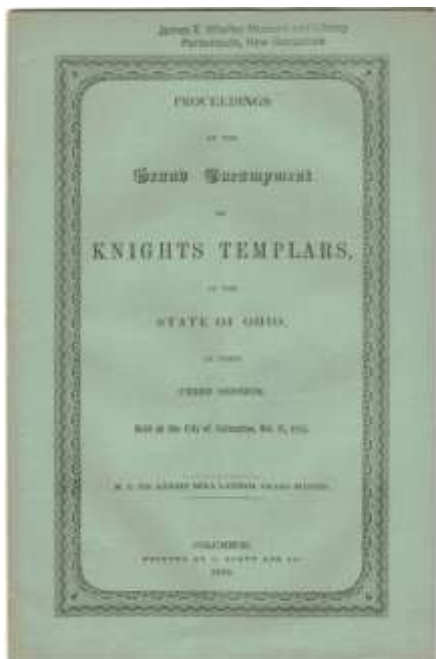

Fig. 3. Cover of *Proceedings of the Grand Encampment of Knights Templars of the State of Ohio, 1845* ([Proceedings of the Grand Encampment..., 1845](#))

Methodologically, the study leaned on key historical principles such as historicism and systematicity. Extensive use was made of the source studies method to conduct internal and external criticism of the historical sources.

3. Discussion

Due to the dearth of historiography on the subject and given the fact that we are looking here at books which are in the holdings of the P.A. Cherkasov Fundamental Electronic Library at Cherkas Global University, of interest here might be the works in which the objects of study are items from the university's museum, archive, and library.

Among the latest works, of particular note are those by A. Cherkas covering biographies of prominent members of the Masonic order of Knights Templar. Specifically, relevant items from the museum of Cherkas Global University were used to put together biographical accounts of the lives of the following Freemasons: Frederick S. Rogers (1847–1908) ([Cherkas, 2024](#)), Albert A. Marden (1824–1919) ([Cherkas, 2024a](#)), George S. Blackie (1834–1881) ([Cherkas, 2024b](#)), and Albert E. Worthington (1849–1915) ([Cherkas, 2024c](#)).

In 2025, an attempt was made to explore the history of an individual commandery within the Masonic order of Knights Templar – Bethany Commandery No. 28 ([Cherkas, 2025](#)). At the same time, certain collections in the Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University were the object of study in the work by A. Cherkasova ([Cherkasova, 2025](#)).

4. Results

All three of said brochures in the library of Cherkas Global University report meeting proceedings, with two of them dealing with the General Grand Encampment of Knights Templar of the United States and the third one with the Grand Encampment of an individual US state (Ohio). The publications are not very large (18 to 32 pages). The second and third brochures are each stamped 'James E. Whalley Museum and Library. Portsmouth, New Hampshire'. The James E. Whalley Museum and Library continues to function to this day and currently has a holding of nearly 4,000 books on Freemasonry.

Each of the three publications is discussed in detail below.

Proceedings of the General Grand Encampment of the United States, 1835

Proceedings of the General Grand Encampment of the United States, 1835 is definitely one of the more valuable publications produced by the Masonic order of Knights Templar ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1835](#)). As a side note, the General Grand Encampment normally held its Conclaves once every 3 years. The first Conclave took place in 1816, followed by those held in 1819, 1826, 1829, 1832, and 1835. Thus, the year 1835 is when the governing body for the Masonic order of Knights Templar held its sixth meeting. After each meeting a report would be put together outlining any issues. The first meeting produced a report of just two pages. Eventually, the proceedings of the meetings held from 1816 to 1856 were covered in a collection of documents published in 1859 ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1859: 3-4](#)). The second meeting was covered in four pages ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1859: 4-8](#)), the third in eight ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1859: 8-16](#)), the fourth in eight too ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1859: 17-24](#)), and, lastly, the fifth in nine ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1859: 25-33](#)) – i.e., roughly just 30 pages in all to cover the proceedings of the first five meetings of the governing body for the Knights Templar, held between 1816 and 1832. In 1835, following the conclusion of the sixth meeting, the Baltimore-based publisher Jos. Robinson released one of the first, if not the first, printed works from the Masonic order of Knights Templar – *Proceedings of the General Grand Encampment of the United States, 1835*. The brochure has a total of 31 pages and consists of two parts, the first section covering the actual proceedings (16 pages) and the second devoted to the Constitution of the General Grand Encampment of Knights Templars (15 pages). As a side note, the actual Constitution was launched in 1816, but additions and amendments were made to it at virtually every meeting.

Proceedings of the General Grand Encampment of the United States, 1844

This publication, which covers the proceedings of the ninth meeting of the governing body for the Masonic order of Knights Templar, was printed in Baltimore too. The brochure has 32 pages, with the actual proceedings covered in seven pages ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1844: 3-9](#)) and followed by the section devoted to the Constitution ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1844: 9-17](#)). This is followed by documents on particular issues and an internal form template – the form for a return of a subordinate Encampment to the G.G. Encampment ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1844: 30-32](#)). This copy is stamped 'James E. Whalley Museum and Library. Portsmouth, New Hampshire', with the following handwritten text appearing at the top of its cover: 'G.G. Constitution, page 9. John Christie' ([Figure 4](#)). According to *Fifteenth Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Illinois, 1871*, John Christie, of New Hampshire, was a Knight Templar who officially corresponded with the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Illinois ([Fifteenth Annual Conclave, 1871: 9](#)).

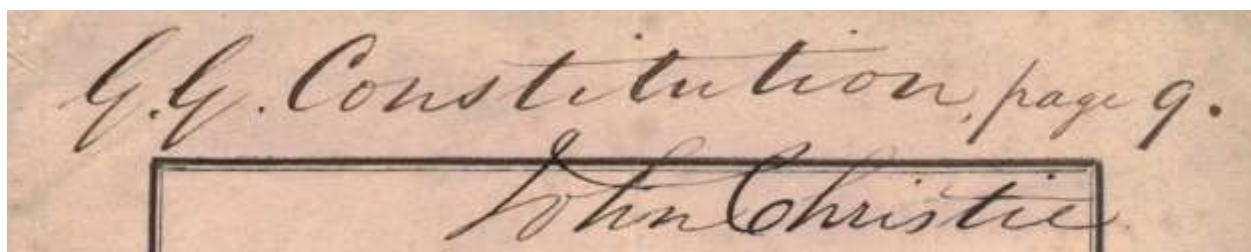

Fig. 4. Handwritten text on the cover of *Proceedings of the General Grand Encampment of the United States, 1844* ([Proceedings of the General Grand Encampment..., 1844](#))

Proceedings of the Grand Encampment of Knights Templars of the State of Ohio, 1845

This brochure is one of the earliest proceedings-covering publications from the Grand Encampment of Knights Templars of an individual US state. The meeting covered by it was held in the city of Columbus, Ohio, on October 21, 1845. This was the third session of the Grand Encampment of Knights Templars of the State of Ohio. The brochure has 18 pages, with the proceedings section occupying eight pages ([Proceedings of the Grand Encampment..., 1845: 3-11](#)) and followed by the section devoted to the Constitution of the General Grand Encampment ([Proceedings of the Grand Encampment..., 1845: 12-18](#)).

The proceedings section contains an appendix which offers a variety of data on the local Encampments forming part of the Grand Encampment of Knights Templars of the State of Ohio, including financial, enrollment, and personal information. Of particular interest are the enrollment figures for the Grand Encampment of Knights Templars of the State of Ohio. Specifically, as at 1845 the five Encampments in the state of Ohio had the following enrollments: Mount Vernon Encampment No. 1 – 16 members, Lancaster Encampment No. 2 – 27, Cincinnati Encampment No. 3 – 19, Massillon Encampment No. 4 – 18, and Clinton Encampment No. 5 – 22. That is, a combined enrollment of 102 members ([Proceedings of the Grand Encampment..., 1845: 9](#)) ([Figure 5](#)).

Names of Encampments.	No.	No. of Admissions.	No. of Withdrawals.	No. Red Cross Knights created.	No. of Knights Templars created.	No. Died.	No. Suspended.	No. Expelled.	No. Members.
MOUNT VERNON, .	1.	0	0	7	7	0	0	0	16
LANCASTER, ...	2.	0	0	1	1	0	0	0	27
CINCINNATI, ...	3.	0	0	2	2	0	0	0	19
MASSILLON, ...	4.	0	0	1	1	0	0	0	18
CLINTON, ...	5.	0	0	0	1	0	0	0	22
				11	12				102
Contributing members, ...									102

Fig. 5. Enrollment figures for the Grand Encampment of Knights Templars of the State of Ohio as at 1845

5. Conclusion

The key findings from this study are:

1) The P.A. Cherkasov Fundamental Electronic Library holds three rare publications from the Masonic order of Knights Templar, which are brochures produced in the first half of the 19th century. These were published in 1833, 1844, and 1845, respectively.

2) The first two publications deal with the governing body for the Masonic order of Knights Templar, i.e. the General Grand Encampment of the United States, and the third one with the Grand Encampment of an individual US state (Ohio).

3) The publications are not very large (18 to 32 pages) and all consist of a section covering the actual proceedings and one devoted to the Constitution of the General Grand Encampment, with internal document forms also present.

4) These publications are believed to be of significant interest to Freemasonry researchers around the world and in the US, in particular, and could be a valuable source for genealogical research.

References

[Cherkas, 2024](#) – Cherkas, A. (2024). Sir Frederick S. Rogers (1847–1908) in the Museum Collection of Cherkas Global University. *Bylye Gody*. 19(4): 1674-1682.

[Cherkas, 2024a](#) – Cherkas, A. (2024). A Few Fresh Strokes to the Biographical Portrait of Sir Albert A. Marden (1824–1919): Commemorating the 200th Anniversary of His Birth. *History and Historians in the Context of the Time*. 33(1): 3-9.

[Cherkas, 2024b](#) – Cherkas, A. (2024). Sir George Stodart Blackie (1834–1881) in the Museum Collection of Cherkas Global University: Commemorating the 190th Anniversary of His Birth. *European Researcher. Series A*. 15(2): 32-37.

[Cherkas, 2024c](#) – Cherkas, A. (2024). Sir Albert E. Worthington (1849–1915) in the Museum Collection of Cherkas Global University: Commemorating the 175th Anniversary of His Birth. *European Journal of Contemporary Education*. 13(4): 742-746.

[Cherkas, 2025](#) – Cherkas, A. (2025). A History of Bethany Commandery No. 28, K.T. (1868–1918). *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 264-288.

[Cherkasova, 2025](#) – Cherkasova, A. (2025). The Museum of the History of the American Knights Templar at Cherkas Global University: Its Collections Dating to Between the Second Half of the 19th and the Early 20th Centuries. *Bylye Gody*. 2025. 20(1): 188-195.

[Fifteenth Annual Conclave, 1871](#) – Fifteenth Annual Conclave of the Grand Commandery of Knights Templar of the State of Illinois. Chicago, 1871.

[Proceedings of the General Grand Encampment..., 1835](#) – Proceedings of the General Grand Encampment of the United States, held city of Washington, on the 7th day of December, 1835. Baltimore: Printed by Jos. Robinson, 1835.

[Proceedings of the General Grand Encampment..., 1844](#) – Proceedings of the General Grand Encampment of Knights Templars for the United States of America, begun and held in the city of New Haven, on Tuesday, the 10th of September, 1844. Baltimore: Printed by Jos. Robinson, 1844.

[Proceedings of the General Grand Encampment..., 1859](#) – Proceedings of the General Grand Encampment of the United States. 1816 to 1856. New Orleans, 1859.

[Proceedings of the Grand Encampment..., 1845](#) – Proceedings of the Grand Encampment of Knights Templars of the State of Ohio, at their third session, held at the city of Columbus, Oct. 21, 1845. Columbus: Printed by C. Scott and C^o, 1845.

[Proceedings of the Grand Encampment..., 1928](#) – Proceedings of the Grand Encampment of Knights Templars of the United States of America, 37th Triennial Conclave. Detroit, 1928.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 780-790
DOI: 10.13187/bg.2025.2.780

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Own Foreigners” in the Imperial Project of Colonial Mediation in the Eastern Suburbs of Russia in the mid XIX – early XX centuries

Bakyt S. Tokmurzayev ^{a, *}, Michael K. Churkin ^{b, c}, Ulan K. Zhangaliev ^d, Serikbay D. Mamraimov ^e

^a Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation

^c Tobolsk Complex Research Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russian Federation

^d Alikhan Bokeikhan University, Semey, Republic of Kazakhstan

^e Zhanibekov University, Shymkent, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article reveals the content of the domestic discourse of romantic nationalism, in which the concept of ‘their own foreigners’, constructed by imperial experts, was proposed as a tool to include representatives of the indigenous population of Asian Russia in solving the problems of imperial incorporation of the eastern peripheries. The choice of the temporal boundaries of the study was conditioned by the actualisation of the national consciousness of Russians and the wide discussion of the Slavic question in the domestic intellectual community. In this regard, the product of the discourse of romantic nationalism of the mid-19th – early 20th centuries was the educated society's ideas about the need for cultural integration of the indigenous population of the Asian periphery, which implied the development of an imperial project of colonial mediation, a significant element of which was the involvement of some foreigners in cooperation in the sphere of empire-building. In the course of the research it was established that the circle of potential colonial mediators was not limited to the descendants of titled nobility involved in the practices of administrative management, military activity and educational projects of Russia in the east of the country. The active activity of the Russian Orthodox Church in Asian Russia implied the inclusion of the most educated segment of the indigenous population in the work aimed at Christianisation and religious enlightenment of indigenous peoples.

It is suggested that the model of colonial mediation implemented by the indigenes in various areas of the imperial organisation of the colonised space was not ideal and had many vulnerabilities. The practices of Russian education and upbringing, broadcast by the actors of the empire in relation to the aliens involved in mediation, had twofold consequences and did not always confirm the fact of acculturation of the advanced alien intelligentsia. As bearers of dual identities, prominent representatives of indigenous ethnic groups independently defined the boundaries beyond which collaboration with the imperial authorities became impossible, which called into question the productivity of their work as intermediaries between the Russian administration and their tribesmen.

Keywords: “own foreigners”, discourse, eastern peripheries, Russian Empire, romantic nationalism, colonial mediation, imperial experts.

1. Введение

Политика населения на восточных окраинах Российской империи являлась важным составляющим элементом внутренней колонизации, реализуясь во второй половине XVIII – начале

* Corresponding author

E-mail addresses: b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev), proffchurkin@yandex.ru (M.K. Churkin)

XX в. в специфической общественно-политической и социокультурной атмосфере распространения прогрессистских установок идеологии Просвещения, признание которых легитимировало принадлежность России к Европе и подтверждало амбиции политических элит и имперские ожидания во внутренней и внешней политике. По утверждению Р. Джераси, отказ Екатерины II от принудительной, репрессивной ассимиляции нерусских народов в периферийных регионах империи был связан не только с опасением беспорядков, но и опирался на просветительские рецепции религиозной и этнической терпимости (Джераси, 2013: 40). При этом, провозглашая терпимое отношение к представителям иных религий и этнических сообществ, Российская империя брала на себя ответственность за организацию опеки и управления в среде инородных элементов с целью превращения их в своих подданных.

Необходимо учитывать, что в XIX столетии модели инкорпорации коренного населения в российский социум являлись производным европейского и национального дискурсов, в которых конструировались и маркировались представления о «цивилизованном и нецивилизованном», «европейском – передовом и азиатском (восточном) – отсталом».

Во-первых, инициированная европейскими интеллектуалами 1830-х-1840-х гг. полемика о цивилизованных и нецивилизованных народах, отлилась в определение «стандарта цивилизации», в качестве которого выступал западноевропейский мир, его политические и общественные институты. Славянство в своей исторической ретроспективе позиционировалось в категориях «осталось» и «регресс», что вызвало в российском образованном обществе реакцию мобилизационного свойства и воплотилось в учреждение императорского Русского географического общества (1845 г.). В публикациях, посвящённых празднованию 50-летнего юбилея деятельности ИРГО, повсеместно подчёркивалось, что «...создание Общества весьма счастливо совпало с эпохой 1840-х гг., когда в молодых поколениях начало уже пробуждаться русское народное чувство», а «...русские его члены гораздо более интересовались изучением русского народного быта, чем антропологической географией и исследованием обитающих в пределах империи племен инородческих» (История полувековой..., 1896: 38).

Программные установки ИРГО, артикулированные одним из основателей общества Н.И. Надеждиным, фиксировали идею о необходимости изучения русского народа и исторических условий его этнического самоопределения, что преследовало и сугубо практическую цель: наполнение конкретным содержанием понятия «народность», наряду с другими устоявшимися элементами «уваровской триады» – православием и самодержавием (Надеждин, 1847: 61-115). Акцентуация внимания научного сообщества на исследовании этнографических характеристик русского народа и экспедиционная деятельность Отдела этнографии и статистики ИРГО легализовала дискурс русских как титульного этноса, возникший ещё в первой четверти XIX в. Общественно-политический атмосферный фон 1830–1840-х гг., который характеризовался резким приростом национального чувства, открывал перед российскими интеллектуалами не только возможности для широкого толкования категории «народ» (этнические русские, представляющие все сословия Российской империи, крестьянство как наиболее массовый слой социума), но и обоснования понятия «народ» как исконно русских подданных, противостоящих другим этническим группам, компактно или дисперсно рассредоточенным в границах имперского пространства. Слово «инородец», встречавшееся в справочных изданиях и повседневной риторике конца XVIII в., приобрело отчётливые юридические очертания в начале 1820-х гг., будучи введённым в законодательный и властный дискурсы Российской империи с принятием «Устава об управлении инородцев», разработанного в 1822 г. М.М. Сперанским (ПСЗРИ, 1830: 394-416).

Во-вторых, в рамках формировавшегося в XIX столетии отечественного дискурса романтического национализма, представления российских интеллектуалов о категории «народность» были существенно скорректированы, что, на наш взгляд, определяется спецификой российской колонизации. Долгосрочный колониальный опыт европейских политий, согласно рассуждениям В. Тольц, в рецепции западных экспертов XIX в. (учёных, политиков, чиновников), опирался на «веру в важность создания памяти о совместном прошлом, трактовавшемся как общая судьба» (Тольц, 2013: 60). Заметим, что это была судьба европейских исторических народов, противопоставляемых народам неисторическим, отделённым от европейцев гигантской пространственной и культурной дистанцией. Невозможность преодоления этой дистанции инициировала рождение расовой теории и расовой парадигмы в определении стратегий и практик коммуникации европейского колониализма со своими субалтернами. В российских обстоятельствах колониального опыта продвижение к восточным окраинам сопровождалось приращением территорий и иноэтничного коренного населения, коммуникации с которым носили регулярный характер. В отсутствии пространственных преград очевидными оставались культурные различия, преодоление которых, с точки зрения отечественных имперских экспертов, минимизировало в будущем финансовые и административные усилия, направленные на освоение и имперскую инкорпорацию периферийных регионов. Важно отметить, что стирание культурных различий представлялось экспертам возможным только в ситуации доминирования титульной нации – русских, маркируемой в дискурсе первой половины XIX в. в полном соответствии с традицией консервативного славянофильства по этническому (восточные

славяне) признаку. Ориенталист и имперский чиновник В.В. Григорьев в своей лекции, посвящённой отношению России к Востоку, определял как основные черты русской национальности, помимо любви к родине, единовластию и православной вере, «способность целого славянского племени обобщаться, принимать в себя человеческое...», что обеспечивает России право «сохранить, устроить и просветить племена Азии» (Григорьев, 1840: 6-7). Стоит сказать и о том, что дискурс романтического национализма в качестве вариантов стирания культурных различий и включения инородцев, т.е. «других», этнически чуждых, в систему координат «народность», с целью «научить грубых детей лесов и степей признавать благотворную власть закона, ценить гражданственность выше приманок своевольной свободы» (Григорьев, 1840: 7), допускал диаметрально противоположные сценарии. Насильственный способ культуртрегерства лаконично озвучил в письме к Н.И. Ильминскому епископ Вениамин, глава Забайкальской миссии: «...даём (инородцам – Б.Т.) русское имя с русским прозванием, отрезаем косу и, если есть средства, одеваем в русскую одежду,...учим его по-русски молитвам» (Харлампович, 1905: 13). «Мягкий» путь формулировался российскими либералами: «Не насилие, не кровопролитие, не инквизицию употребим мы для достижения цели..., а средства кроткие, мирные; вооружимся на святое дело не мечом и факелом, а снисхождением и терпением; будем распространять истины религии путём убеждения;...знания, науку будем сообщать приёмами, сообразными с умственными силами, духовным развитием,...потребностями народов» (Григорьев, 1840: 9). При всём несходстве посылов обозначенные практики свидетельствуют о сформировавшемся к середине XIX столетия понимании азиатской периферии как «собственного востока» России, населённого инородцами, в отношении которых должны быть реализованы программы имперской гражданской лояльности, коллективного подданничества и «обрусения» (Могильнер, 2008: 7). В результате указанных мер «собственный восток» обретёт и «собственного инородца», этнически чуждого русскому, но постепенно теряющего свою этнокультурную идентичность. В данном контексте моральным оправданием цивилизаторской миссии имперские эксперты первой половины XIX в. считали исторически и географически обусловленную способность русских к продуктивному взаимодействию с азиатскими народами, равно как и культурное родство с Европой, влияние которой должно быть адаптировано к национальной ситуации: «Мы передадим Азии только то, что Европа произвела хорошего, переработав прежде европейскую цивилизацию в самих себе; будем воспитывать Азию как своё родное дитя, вскормив собственной грудью как мать» (Григорьев, 1840: 9).

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования, направленного на раскрытие содержания дискурса инородцев восточных окраин империи как акторов колониального посредничества, составили два типа материалов, привлекаемых для достижения поставленной цели. Первая группа представлена текстами имперских экспертов – учёных-востоковедов, публицистов, путешественников, общественных деятелей, государственных чиновников, в которых запечатлена рефлексия российских интеллектуалов по поводу жизненного пути и профессиональной биографии инородческой титулованной знати в контексте политики населения Российской империи середины XIX – начала XX в. В воспоминаниях Н.И. Веселовского, Н.И. Ильминского, Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина конструировался сложный и противоречивый образ «своих инородцев», с одной стороны выполнявших важные функции коммуникативного посредника между имперской властью и массой коренного населения, с другой – сохранявших устойчивые характеристики этнокультурной идентичности, что в значительной степени снижало эффективность выполнения выдающимися инородцами имперских задач на востоке России. Во вторую группу вошли материалы, так или иначе отразившие включённость части инородцев в религиозно-просветительскую деятельность РПЦ на восточных окраинах: переписка учёного-востоковеда, педагога и просветителя Н.И. Ильминского с крещёными – служителями церкви, миссионерами, учителями в разных восточных регионах; записки и дневники миссионеров – выходцев из инородческой среды; автобиографические свидетельства инородцев – служащих Алтайской духовной миссии.

Все аккомодированные в исследовании тексты образуют дискурс, в рамках которого российские интеллектуалы и образованные инородцы выступают в качестве носителей знания, которое определило динамичные представления акторов дискурса о реализации различными группами коренного населения – «своими инородцами» - функций колониального посредничества как части имперского проекта освоения Азиатской России в середине XIX – начале XX в.

Обращение к подходам новой культурно-интеллектуальной истории даёт возможность в качестве исследовательского инструмента использовать в статье метод критического дискурс-анализа, который представляет собой форму социальной практики, позволяющий конституировать социальный мир, включая социальные идентичности и социальные отношения (Филлипс, Йоргенсен, 2008: 109). В этой связи основной акцент в процессе оперирования методом критического дискурса был сделан на том, что дискурсивные практики создают ситуацию неравного распределения власти между различными сообществами (в нашем случае, «человеком власти и культуры» и

«колониальными субалтернами»), что отливается в идеологические эффекты, к числу которых может быть отнесён и феномен колониального посредничества.

3. Обсуждение

Проблема колониального посредничества как фактора имперской ситуации в России стала предметом исследовательского интереса историков на рубеже XX–XXI вв. Усилиями Б. Кона, К. Бейли, Я. Кэмпбелла (Cohn, 1996; Bayly, 1996; Campbell, 2017), в целом широко растиражированный в отдельных исторических публикациях сюжет об участии местных национальных акторов в империостроительстве на восточных окраинах (Бобровников, 2012; Конев, 2013; Панченко, Стафеев, 2018) вышел за рамки описания частных случаев вовлечения «туземных элит» в сферы управления, военной и образовательной деятельности и стал рассматриваться в контексте производства знаний, в котором активно участвовали представители коренного населения, кооперировавшие с имперскими структурами. П. Сартори и П. Шаблей, развивая данную тему, высказали предположение о том, что круг корпус колониальных посредников не ограничивался представителями титулованной знати. И это определяет сложность в идентификации колониального посредничества как разновидности знания (Сартори, Шаблей, 2019: 38–39). В данном отношении появляется исследовательская перспектива выявления новых акторов колониального посредничества в границах азиатской периферии России за рамками элитарных групп и сугубо административно-управленческой сферы деятельности империи в колонизируемых окраинных регионах.

4. Результаты

Феномен колониального посредничества в системе координат внутренней колонизации как имперского «освоения» территорий и населения восточных окраин России актуализировался в 1860–1870-х гг., когда вектор российской колонизации постепенно смещался от обжитых и устроенных пространств Западной Сибири в направлении Степного края и Туркестана, где переселенцы и администрация столкнулись с численно преобладавшими коренными народами, ставшими объектом модернизационных решений и практик империи. Стремление Российской империи модернизировать включаемые в государственный оборот территории с инородческим населением было трудноосуществимо без привлечения местных сил и «туземных голосов», выполнявших функции толмачей, имперских чиновников, военных, учителей, сохраняя при этом «степень интеллектуальной автономии и деятельности» (Campbell, 2017: 8–9). Н.М. Ядринцев, приводя перечень образованных инородцев, включённых в систему имперского управления и просветительской работы на окраинах (Д. Банзаров, И. Николаев, В. Катанов, Ч. Валиханов и др.), отмечал, что все они были даровитыми учёными даже в европейской среде, и тем не менее их симпатии оставались на стороне «их несчастного племени» (Ядринцев, 2000: 240).

В сообществе российских востоковедов, репрезентировавших в своих трудах идею о «взрослении» инородцев как условии их обрусения, присутствовала убеждённость, что цивилизованный человек должен рассказать инородцам о них самих, истории народов, культуре, общественных отношениях, что станет стимулом к принятию русской культуры и основ цивилизации. Н.М. Ядринцев писал: «Дайте ему прежде всего описание его жизни, его кочевья, описание его племени, его нравов и его истории, пусть он увидит описанным самого себя и то, что к нему ближе, пусть он узнает, что его племя совершило, и что ему следует совершить» (Ядринцев, 2000: 242). Н.И. Веселовский в предисловии к собранию сочинений Ч.Ч. Валиханова, изданному в 1904 г., писал: «Русские ориенталисты единогласно признавали в его лице феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов» (Веселовский, 1904: 1). В этом литературном пассаже, на наш взгляд, неявно обозначены представления российской образованной публики и части научного сообщества об элитарном сегменте инородческого населения, которое, пройдя через имперские образовательные институты, преодолело границу «детства», позиционируемую в дискурсе романтического национализма как обязательное условие приобщения к цивилизации. Востоковед и педагог Н.И. Ильминский, предвзято свой труд по поводу практических замечаний о переводах русских книг на инородческие языки, подчёркивал, что «с инородцами надобно дело начать с начала, и смотреть на них как на детей, которые собрались учиться» (Ильминский, 1875: 6). Авторы сборника статей по инородческому делу, опубликованного уже в начале XX в., нравоучительно замечали: «Главное дело просветителей инородцев – поднять последних из полудикого состояния... Слово “просвещение” включает в себя два понятия: дать умственный и нравственный свет и “обрусить”» (Современные вопросы..., 1907: 1–2).

Нельзя не обратить внимание, что делегирование местным элитам, чаще всего второму и третьему поколению знатных аристократических фамилий, функций колониальных посредников, не отличалось широким охватом. Потомки ханов, султанов, биев азиатских владений Российской империи во второй половине XIX в. с детства были тесными узами связаны с разноязычной, в том числе русской культурной средой, имея потенциал в будущем реализовать свои способности на разных поприщах государственной, военной службы и в общественной деятельности. Однако в основной своей массе выходцы из инородческой среды часто не имели возможности получить

качественное образование и обеспечить себе высокое положение в управленческой иерархии или других сферах жизни империи на окраинах. Н.М. Ядринцев с горечью констатировал: «Как жаль, что способности подобных людей (талантливых инородцев – М.Ч.) не имели выхода; из алтайцев и телеутов мы не знаем ни одного, достигшего даже уездного училища, нет ни одного образованного телеута, хотя многие из них совершенно обруселые» (Ядринцев, 2000: 39).

В определении посреднического статуса представителей инородческих элит акторы дискурса романтического национализма маркировали данную категорию не только как «наших», «своих», «русских инородцев» – подданных империи, но и ставили перед этой группой далеко идущие цели. Российские общественные, государственные и военные деятели в своём непосредственном общении с отдельными, наиболее способными инородцами конструировали такой вариант коммуникации, который позволял на практике убедиться в верности их теоретических предположений, основанных на мотиве «взросления», достигаемого средствами образования и воспитания. Современники Н.И. Ильминского, описывая его взаимоотношения с представителями коренного населения, среди которых внедрялась система обучения с использованием родных языков, особое внимание обращали на энтузиазм и безапелляционную веру педагога в своё дело. Корреспондент журнала «Православный благовестник» в 1894 г. так описывает контакты Н.И. Ильминского с «туземным» деятелем инородческого образования И.А. Алтынсариним: «После первого же знакомства, благодаря своей несравненной способности привлекать к себе сердца людей, Н. И-ч совершенно расположил к себе и подчинил своему духовному влиянию этого юного и симпатичного киргиза, и постепенно воспитал и образовал из него замечательного деятеля на поприще просвещения киргизов в русском направлении» (Эпизод..., 1894: 26).

В представлениях российских интеллектуалов «взросление» и «обрусение» лучших выходцев из инородческой среды как потенциальных посредников между массой индигенного населения и колониальной администрацией рассматривались как пролонгированный и обусловленный многими факторами процесс. Учёный и путешественник М.И. Венюков полагал, что успехи развития науки, прежде всего этнографических исследований в Сибири и Центральной Азии, географии и статистики, станут тем зданием, «...из сени которого выйдут новые туземные деятели науки, от которых можно ожидать, что они наконец припают среднеазиатские русские владения к самой России, ...дадут нашему политическому положению в Средней Азии более прочности, чем десятки дорогостоящих укреплений...» (Венюков, 1877: 162).

Создавая образ «своих» инородцев как будущих колониальных посредников, либеральная интеллигенция выстраивала соответствующую логику инкорпорации своих подопечных в цивилизованное общество. В воспоминаниях востоковедов и областников их персонажи – способные инородцы, первоначально экзотизировались. Н.М. Ядринцев в биографическом эссе о Ч.Ч. Валиханове сообщал: «Чокан был привезён в Омск осенью 1847 г..., ни слова не знал по-русски..., но им интересовались многие: киргизский мальчик, и при том такой способный, уже рисует, прежде чем поступить в заведение» (Ядринцев 1904: VI; XII). В воспоминаниях Н.И. Ильминского образ будущего казахского просветителя и педагога Ибрая Алтынсарина в стартовый период его личного и профессионального становления как бы вырастает из профанной, сугубо бытовой обстановки дома Ильминского, в которой действует экзотический персонаж: «С утра до обеда дамы занимались рукоделием, а Алтынсарин читал им книги художественного содержания. Когда он ошибался в ударении или встречал неизвестное ему слово, слушательницы его поправляли и объясняли; чтение перемешивалось постоянно с разговором. Мало по малу, Алтынсарин так свыкся и сдружился с нами, что принял наше предложение оставаться обедать, хотя он был в высшей степени застенчив и совестлив» (Ильминский, 1891: 21-22).

Оказавшись в русской социальной среде, молодые аристократы продолжали находиться в своеобразной зоне опеки, а круг их наставников расширялся. В биографических сведениях Ч.Ч. Валиханова, И.А. Алтынсарина, Г.Б. Валиханова содержится местами подробная, местами точечная информация о «проводниках» потомков титулованной знати, в число которых входили учёные, публицисты, общественные деятели: Н. И. Веселовский, В.В. Григорьев, Н.И. Ильминский, Н.М. Ядринцев, С.Я. Капустин, Г.Н. Потанин. В некотором смысле венчали «галерею наставников» региональные чиновники высших рангов, что косвенно свидетельствовало о подготовке колониальных посредников как важном сюжете имперской политики и способе коммуникации с инородцами. Так, Ч. Валиханов оказался в Омске в 1847 г., куда был доставлен переводчиком с киргизского языка В.И. Дабшинским, состоявшим при пограничном начальнике Сибирского ведомства (Ядринцев, 1904: VI); И.А. Алтынсарин начинал свою карьеру младшим толмачом при областном управлении Оренбургских киргизов, которое возглавлял российский учёный-ориенталист, тайный советник В.В. Григорьев, лично опекавший своего служащего-инородца (Ильминский 1891: 20); поступление в Сибирский кадетский корпус Г. Валиханова - внука последнего хана Большой и Средней киргиз-кайсацких (казахских) орд султана Губайдуллы, было инициировано Западно-Сибирским генерал-губернатором Г.Х. Гасфортом (Быков, 1891). Покровительство и внимание со стороны высшей бюрократии преследовало вполне конкретную цель: использовать авторитет и влияние обрусевших, образованных и воспитанных по европейским и российским стандартам

инородцев в военной, управленческой и образовательной сферах с учётом ситуации, складывавшейся в кочевых сообществах. Часто, как в случае с Ч. Ч. Валихановым, убеждённые в лояльности инородцев империи, местные власти поручали выходцам из аристократической среды ответственные разведывательные миссии (путешествие в Кашгар). Г. Валиханов, выполняя личные поручения Г.Х. Гасфорта, был направлен к Чёрному Иртышу для убеждения племён Семыз-Наймановского и других родов вступить в подданство России (Удербаета, 2020: 18).

Вместе с тем, сервильность русской власти, которую демонстрировали титулованные инородцы, имела и свои естественные пределы. В ситуациях дискриминационных действий империи по отношению к их соплеменникам, или при отсутствии адекватного своему уровню общества, отработанный механизм колониального посредничества начинал давать сбои. Ч. Валиханов и Г. Валиханов, несмотря на давний внутриклановый конфликт, проявили единодушную реакцию на «резню» в Пишпекке, устроенную генералом М. Черняевым при взятии города, оставив место службы и отправившись соответственно в г. Верный и аул Тезек (Потанин, 1904: XXIX–XXX). И. Алтынсарин, служивший в гражданском образовательном ведомстве (переводчик, учитель, инспектор русско-инородческих школ), согласно воспоминаниям Н.И. Ильминского, крайне болезненно реагировал на дефицит коммуникативной среды, необходимый для поддержания навыков русскоязычной речи. Раздоры и сплетни друг о друге, распространённые в Оренбургском укреплении, травмировали его, заставляя сомневаться в пользе своего служения. Справедливости ради скажем, что в случае с Алтынсариним положительный эффект имела его принадлежность к образовательному сообществу и влияние не только в инородческой, но и русской административной среде. Собрав кружок молодых киргизов, выходцев из кочевой среды, он сумел разъяснить им смысл Высочайше утверждённого временного положения об управлении киргизами 1868 г., а те, в свою очередь, разъехались по аулам, доказывая соотечественникам благотворность правительственного решения, что позволило сохранить порядок и спокойствие на местах (Ильминский, 1891: 37–38).

Немаловажным фактором купирования включённости «туземной» аристократии в дело колониального посредничества на восточных окраинах являлась актуализация их этнокультурной идентичности, которая в травматических ситуациях как бы «пересиливала» уже сформированную идентичность титулованных инородцев как российских общественно-политических, административных и военных деятелей. Как отмечал Н.И. Ильминский, Ибрай Алтынсарин крайне болезненно реагировал на нелицеприятные отзывы о своём народе: «...киргиз дикарь, колотырник, живет грабежом...; жестоко хандрил и по вечерам уходил на берег Тургая и смотрел в безпредельную степь, пустынную и голую, предаваясь грустным мыслям и мечтам...» (Ильминский, 1891: 33–34). Г.Н. Потанин в биографическом очерке о последнем периоде жизни Ч. Валиханова вспоминал сказанное его героем: «...я не могу жениться на русской девушке, потому что хочу служить своему киргизскому народу, а для этого должен остаться мусульманином...» (Потанин, 1904: XXXIII). Там же у Потанина находим: «Он говорил, что прежде всего, любит свой киргизский народ, потом Сибирь, потом Россию, потом всё человечество...» (Потанин, 1904: XXXI–XXXII). Оценка личности и приоритетов титулованных инородцев на русской службе рельефно артикулирована Н.М. Ядринцевым в рецепции областника последних дней жизни Ч.Ч. Валиханова: «В минуту разочарования, он идёт как Алеко Пушкина, в шалаш кочевников, где нравы проще и чище, ...после обольщений столиц и света...даровитый киргиз перед смертью возвращается к своему очагу и его окружает та же торжественная тишина степи» (Ядринцев, 1904: XXXVIII–XXXIX).

Активная экспансионистская политика России на восточных окраинах, военное утверждение и создание укрепленных линий приблизило коренные народы к имперским границам, что с середины XIX столетия вылилось в разнообразие стратегий выстраивания взаимоотношений и управления инородческим населением. Процесс продвижения русской оседлости в направлении Алтая и последовательного смещения вектора колонизации к Степному краю и Туркестану сопровождался преобладанием индигенного (языческого и мусульманского) населения над русскими (православными) переселенцами, что приводило к усложнению идеологии колониального посредничества и расширению круга местных инородческих акторов, включённых в реализацию имперского проекта седентаризации кочевников и их культурной интеграции в российский социум.

Власти Российской империи, действуя в тесном содружестве с Русской православной церковью, рассматривали религиозное просвещение инородцев как один из способов культуртрегерства и социальной инкорпорации инородцев, продвигая миссионерство в ближайшей к Европейской России Западной Сибири, и ограничивая, как в Степном крае, или вовсе исключая, как в Туркестане. Н.И. Ильминский, чья просветительско-миссионерская идеология стала решающим фактором национально-культурной мобилизации инородцев, полагал необходимым вовлечение передовых и одарённых людей из среды коренного населения в распространение христианского просвещения среди широких масс аборигенов восточных окраин империи (Ильминский, 1891: 28). Однако оптимизм и радужные надежды педагога разделяли далеко не все. Сибирские областники, в частности Н.М. Ядринцев, считали, что вовлечение выходцев из инородческого населения в миссионерскую деятельность чаще всего происходило по двум причинам: труд миссионера был крайне непривлекателен для российских священнослужителей в силу тяжёлых условий работы и

малой оплаты; кроме того, для способных инородцев, окончивших русско-туземные школы, служба в миссии была зачастую единственным вариантом трудоустройства и профессиональной реализации (Ядринцев, 2000: 239).

Вместе с тем, большинство имперских экспертов – представители чиновной бюрократии, учёные, публицисты – признавали такой сценарий колониального посредничества довольно продуктивным, поскольку хорошее знание инородцами-миссионерами местных условий, адаптированность к природной и социальной среде, в которой разворачивалась миссионерская работа, позволяли РПЦ через своих посредников выстраивать коммуникацию с различными группами коренного населения, в том числе дислоцированными отдалённо от административных центров. Не менее существенным являлся и фактор профессиональной подготовки инородцев к исполнению посреднических функций как религиозных просветителей. Так, из 93 миссионеров Алтайской духовной миссии, оставивших свидетельства о своей деятельности в период с 1888 по 1917 г., 49 человек были выходцами из инородцев. При этом подавляющее большинство (40 человек) окончило Бийское катехизаторское училище, стабильно работая на должностях учителей, переводчиков священников, псаломщиков, рядовых миссионеров (Миссионерские записки..., 2016: 176-187). Несмотря на то, что грамотность среди инородцев, принявших христианство и служивших в миссиях, стала распространяться только во второй половине XIX в., к началу XX столетия, как уверенно считают современные исследователи, кряшены, занявшие заметное место среди народных учителей и священнослужителей, значились среди наиболее образованных нерусских народов страны (Письма кряшен, 2014: 6). Более того, как и многие религиозные неопиты, инородцы-миссионеры отличались большей требовательностью к себе и настойчивостью в деле распространения христианства и бытового просвещения среди своих соплеменников. Миссионер-инородец Алтайской духовной миссии Михаил Чевалков в автобиографические воспоминания включил множество сюжетов, связанных с просветительскими акциями в среде коренных народов Алтая, в которых поражает не только настойчивость в продвижении православия, характерная для сообщества, но и диапазон профессионального интереса миссионера в его культуртрегерской практике. М. Чевалков подробно свидетельствовал о своём участии в судебных делах алтайцев и посредничестве между обычно-правовыми традициями инородцев и гражданско-правовыми установлениями; тесных контактах с коренными жителями и объяснении им преимуществ земледельческого русского хозяйства над промысловыми занятиями и т.д. (Памятное завещание, 1894: 1-94).

Подобно выходцам из титулованной знати, путь к выполнению функций колониальных посредников незнатных инородцев был связан с наставничеством и опекой, предоставляемой российскими общественными и церковными деятелями. М. Чевалков ещё в детском возрасте попал под влияние главы Алтайской духовной миссии архимандрита Макария (Глухарёва), а в период зрелости – путешественника и учёного-востоковеда В.В. Радлова, посодействовавшего развитию литературных способностей молодого телеута. Значимым фактом биографии Чевалкова стало переселение его семьи в г. Улала (с 1932 г. – Горно-Алтайск), являвшегося центром миссионерского подвижничества в Западной Сибири. Именно в коммуникативном пространстве русской православной среды происходило формирование мировоззрения М. Чевалкова, прежде всего – религиозного, который в автобиографии фиксировал результаты контактов с приверженцами православия: «...я стал скорбеть в душе и осуждать сам себя. Когда мои родители камлали, и если в это время заходил кто-нибудь из русских, мне становилось стыдно перед ними. Я скорбел в душе, что вера наша нехороша. Тогда мне было 9 лет» (Памятное завещание, 1894: 3).

Было бы неверно полагать, что модель колониального посредничества, реализуемая инородцами-миссионерами, была идеальной и не имела уязвимых мест. Н.М. Ядринцев писал о невысоком качестве начальной подготовки инородцев в миссионерских школах, обусловленном дефицитом квалифицированных преподавателей, а также малым количеством самих школ в пределах Азиатской России (Ядринцев, 2000: 238). По мнению Ядринцева, миссионерство и миссионерские проповеди часто формировали в коренном населении антирусские настроения: «...представители культуры и духовного просвещения не были на высоте своего призвания; напротив, в глухих инородческих районах сами проповедники миссионеры опускались и не были примером благочестия и нравственности» (Ядринцев, 2000: 226). Н.И. Ильминский, ведший активную переписку с кряшенами, регулярно получал письма от своих вчерашних подопечных, в которых обсуждались не вопросы веры и практической работы на почве религиозного просветительства, а домашнего хозяйства, материального благополучия и финансовой поддержки учителей и священников-инородцев (Письма кряшен..., 2014: 11-12). По справедливому замечанию американского историка Пола Верта, в продолжение XIX столетия, коренное население было поставлено в условие активного освоения культурных ресурсов, получаемых от имперских властей, что далеко не всегда сопровождалось аккультурацией, но становилось для инородцев важным инструментом поддержания и актуализации собственной этнокультурной идентичности (Верт, 2012: 57). В письмах, воспоминаниях, дневниках миссионеров-инородцев рельефно очерчен мотив этнической принадлежности авторов текстов. М. Чевалков начинает и заканчивает своё автобиографическое повествование с генеалогии рода, апеллируя к своим детям: «Вот, – дети, я написал о моих предках, чтоб вы не забыли!» (Памятное

завещание, 1894: 1). Составители сборника писем княжен Н.И. Ильминскому указывают на характерную особенность многих эпистолярных текстов: «Встречаются здесь и такие вещи: начнёт человек писать по-русски, но вдруг на полупhrase перескакивает на родной язык, и мысли выражает яснее и определённое» (Письма княжен..., 2014: 10-11).

5. Заключение

Подводя итог, отметим, что в дискурс романтического национализма, становление которого стало результатом роста национального самосознания и этнокультурной идентичности русского народа в 1830–1840-х гг., органично вплетаются сюжеты, так или иначе связанные с определением и реализацией политики населения Российской империи на восточных окраинах в середине XIX – начале XX в. Усилиями отечественных интеллектуалов: учёных, общественных деятелей, педагогов, путешественников и публицистов, формировались и распространялись представления о «своих инородцах», которых необходимо было цивилизовать и вовлечь в строительство империи. Имперские эксперты, включённые в дело конструирования «своих инородцев», в качестве «строительного» материала видели, прежде всего, прямых потомков аристократических слоёв общества коренных обитателей азиатской периферии России, всячески поддерживая и сопровождая их аккультурацию, с последующим привлечением к выполнению функций инородцев на российской государственной службе.

Низовой сегмент инородческого населения вовлекался в миссионерскую деятельность при посредничестве ведущих учёных-востоковедов и деятелей РПЦ. Получив специальное образование и специфическое церковное воспитание, способные инородцы реализовывали функции колониальных посредников, участвуя в религиозно-просветительских акциях, работая учителями миссионерских школ и т. д.

Анализ содержания дискурса позволяет говорить об условности и частой непредсказуемости результатов вовлечения инородческих представителей в колониальное посредничество, что было обусловлено конфликтом идентичностей. Осваивая культурные ресурсы империи, образованные инородцы сохраняли собственную этнокультурную идентичность, травматично воспринимая любые формы насилия в отношении своих соплеменников, что в значительной степени снижало их инструментальный потенциал как участников строительства империи на восточных окраинах страны.

Литература

- Бобровников, 2012 – Бобровников В.О. Что вышло из проектов создания в России инородцев? (ответ Джону Слоуму из мусульманских окраин империи) / «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 259-291.
- Быков, 1891 – Быков П.В. Г. Валиханов. Биографический очерк // *Нива*. 1891. № 11. С. 258-259.
- Венюков, 1877 – Венюков М.И. Россия и Восток. СПб.: Тип. Безобразова и Комп., 1877. 296 с.
- Верт, 2012 – Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
- Веселовский, 1904 – Веселовской Н.И. Заметка / Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. С. I-III.
- Григорьев, 1840 – Григорьев В.В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесённая исправляющим должность профессора В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.
- Джераси, 2013 – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религии в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 548 с.
- Ильминский, 1875 – Ильминский Н.И. О переводе православных христианских книг на инородческие языки: Практические замечания Н. Ильминского. Казань: Университетская типография, 1875. 47 с.
- Ильминский, 1891 – Ильминский Н.И. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова, 1891. 396 с.
- История полувековой..., 1896 – История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. Ч.1. СПб.: Тип. Безобразова и Комп., 1896. 468 с.
- Конев, 2013 – Конев А.Ю. О первоначальном проекте Устава об управлении инородцев: история создания и основные положения // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2013. № 2. С. 47–52.
- Миссионерские записки..., 2016 – Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сборник архивных документов. Барнаул, 2016. 204 с.
- Могильнер, 2008 – Могильнер М. История физической антропологии в России (конец XIX – начало XX в.). М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
- Надеждин, 1847 – Надеждин Н.И. Об этнографическом изучении народности русской / *Записки Русского географического общества*. Кн.2. СПб., 1847. С. 61-115.
- Памятное завещание, 1894 – Памятное завещание. Автобиография миссионера Алтайской духовной миссии священника М.В. Чевалкова. М.: Тип. А.И. Снегирёвой, 1894. 94 с.
- Панченко, Стафеев, 2018 – Панченко А.Б., Стафеев О.Н. Инородческий вопрос в дискурсах Российской империи: между потребностями государства и представителями общества // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 164-174.

- [Письма кряшен..., 2014](#) – Письма кряшен Н.И. Ильминскому. М.: Б.и., 2014. 459 с.
- [ПСЗРИ, 1830](#) – Полное собрание законов Российской империи. 1649-1825 гг. Собрание I. Т. IV. СПб.: Типография II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1830. 892 с.
- [Потанин, 1904](#) – *Потанин Г.Н.* Биографические сведения о Ч. Валиханове / *Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова*. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. С. IV-XXXIV.
- [Сартори, Шаблей, 2019](#) – *Сартори П., Шаблей П.* Эксперименты империи. Адат, шариат и производство знаний в казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 280 с.
- [Современные вопросы..., 1907](#) – Современные вопросы и нужды в деле просвещения инородцев: сборник статей по инородческому делу. СПб.: Тип. Н. Скороходова, 1907. 14 с.
- [Тольц, 2013](#) – *Тольц В.* «Собственный восток России»: Политика идентичности и востокведение в позднейимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
- [Удербаета, 2020](#) – *Удербаета С.К.* Казахские чиновники Туркестанского края. Алматы, 2020. 200 с.
- [Филлипс, Йоргенсен, 2008](#) – *Филлипс Н., Йоргенсен М.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
- [Харлампович, 1905](#) – *Харлампович К.В.* О христианском просвещении инородцев: переписка архиепископа Вениамина Иркутского с Н.И. Ильминским // *Православный собеседник*. 1905. Вып. 7/8. С. 1-38.
- [Эпизод..., 1894](#) – Эпизод из просветительской деятельности Н.И. Ильминского // *Православный благовестник*. 1894. № 1. С. 26-31.
- [Ядринцев, 1904](#) – *Ядринцев Н.М.* Биографические сведения о Ч. Валиханове // *Сочинения Чокана Чингизовича Валиханова*. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1904. С. XXXV-XXXIX.
- [Ядринцев, 2000](#) – *Ядринцев Н.М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. 336 с.
- [Bayly, 1996](#) – *Bayly C.A.* Empire and informftion: Intelligence Gathering and Social Communicathion in India, 1780-1870. New York, 1996.
- [Campbell, 2017](#) – *Campbell I.* Knowledge and the Ends of Empire: Kazak intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca; London, 2017.
- [Cohn, 1996](#) – *Cohn B.* Colonialism and its forms of Knowledge: The British in India. Princeton, 1996.

References

- [Bayly, 1996](#) – *Bayly, C.A.* (1996). Empire and informftion: Intelligence Gathering and Social Communicathion in India, 1780-1870. New York, 268 p.
- [Bobrovnikov, 2012](#) – *Bobrovnikov, V.O.* (2012). Chto vyshlo iz proektov sozdaniya v Rossii inorodcev? (otvet Dzhonu Slokumu iz musul'manskih okrain imperii) [What came out of the projects of creating foreigners in Russia? (response to John Slocum from the Muslim fringes of the empire)]. «Ponyatiya o Rossii»: K istoricheskoy semantike imperskogo perioda. P. II. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 259-291. [in Russian]
- [Bykov, 1891](#) – *Bykov, P.V.* (1891). G. Valihanov. Biograficheskij ocherk [G. Valikhanov. Biographical sketch]. *Niva*. 11: 258-259. [in Russian]
- [Campbell, 2017](#) – *Campbell, I.* (2017). Knowledge and the Ends of Empire: Kazak intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917. Ithaca; London, 343 p.
- [Cohn, 1996](#) – *Cohn, B.* (1996). Colonialism and its forms of Knowledge: The British in India. Princeton, 412 p.
- [Dzherasi, 2013](#) – *Dzherasi, R.* (2013). Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, naciya i religiya v Rossii [Window to the East: Empire, Orientalism, nation and religion in Russia]. Moscow, 548 p. [in Russian]
- [Epizod..., 1894](#) – Epizod iz prosvetitel'skoj deyatel'nosti N.I. Il'minskogo [An episode from the educational activities of N.I. Ilminsky]. *Pravoslavnyj blagovestnik*. 1894. 1: 26-31. [in Russian]
- [Fillips, Iorgensen, 2008](#) – *Fillips, N., Iorgensen, M.* (2008). Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method]. Khar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr», 352 p. [in Russian]
- [Grigor'ev, 1840](#) – *Grigor'ev, V.V.* (1840). Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznesennaya ispravlyayushchim dolzhnost' professora V. Grigor'evym [On Russia's attitude toward the East: A Speech delivered by professor V. Grigoriev, the acting professor]. Odessa, 18 p. [in Russian]
- [Harlampovich, 1905](#) – *Harlampovich, K.V.* (1905). O hristianskom prosveshchenii inorodcev: perepiska arhiepisropa Veniamina Irkutskogo s N.I. Il'minskim [On the Christian Enlightenment of Foreigners: Correspondence between Archbishop Veniamin of Irkutsk and N.I. Ilminsky]. *Pravoslavnyj sobesednik*. 7/8: 1-38. [in Russian]
- [Il'minskij, 1875](#) – *Il'minskij, N.I.* (1875). O perevode pravoslavnyh hristianskih knig na inorodcheskie yazyki: Prakticheskie zamechaniya N. Il'minskogo [On the translation of Orthodox Christian books into foreign languages: Practical remarks by N. Ilminsky]. Kazan': Universitetskaya tipografiya, 47 p. [in Russian]
- [Il'minskij, 1891](#) – *Il'minskij, N.I.* (1891). Vospominaniya ob I.A. Altynsarine [Memories of I.A. Altynsarin]. Kazan': Tipo-litografiya V.M. Klyuchnikova, 396 p. [in Russian]

- [Istoriya poluvekovoj..., 1896](#) – Istoriya poluvekovoj deyatel'nosti Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [History of half a century of activity of the Imperial Russian Geographical Society]. P. 1. St. Petersburg: Tip. Bezobrazova i Komp., 1896. 468 p. [in Russian]
- [Konev, 2013](#) – [Konev, A.Y.](#) (2013). O pervonachal'nom proekte ustava ob upravlenii inorodcev: istoriya sozdaniya i osnovnye polozheniya [On the initial draft of the statute on the administration of aliens: history of creation and main provisions]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2: 47-52. [in Russian]
- [Missionerskie zapiski..., 2016](#) – Missionerskie zapiski i dnevniki sotrudnikov Altaiskoi dukhovnoi missii: Sbornik arkhivnykh dokumentov [Missionary notes and diaries of the staff of the Altai Spiritual Mission]. Barnaul, 2016. 204 p. [in Russian]
- [Mogil'ner, 2008](#) – [Mogil'ner, M.](#) (2008). Istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii (konets XIX – nachalo XX v.) [History of physical anthropology in Russia (late 19th – early 20th centuries)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 512 p. [in Russian]
- [Nadezhdin, 1847](#) – [Nadezhdin, N.I.](#) (1847). Ob etnograficheskom izuchenii narodnosti russkoj [On the ethnographic study of the Russian nationality]. *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Kn. 2. Pp. 61-115. [in Russian]
- [Pamyatnoe zaveshechanie, 1894](#) – Pamyatnoe zaveshechanie. Avtobiografiya missionera Altajskoj duhovnoj missii svyashchennika M.V. Chevalkova [Memorable testament. Autobiography of the missionary of the Altai Spiritual Mission, Priest M.V. Chevalkov]. Moscow: Tip. A.I. Snegiryovoj, 1894. 94 p. [in Russian]
- [Panchenko, Stafeev, 2018](#) – [Panchenko, A.B., Stafeev, O.N.](#) (2018). Inorodcheskij vopros v diskursah Rossijskoj imperii: mezhdru potrebnostyami gosudarstva i predstavatelyami obshchestva [The inorodic question in the discourses of the Russian Empire: between the needs of the state and the representatives of society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 436: 164-174. [in Russian]
- [Pis'ma kryashen..., 2014](#) – [Pis'ma kryashen N.I. Il'minskomu](#) [Letters of the Kryashen to N.I. Il'minsky]. Moscow: B.i., 2014. 459 p. [in Russian]
- [PSZRI, 1830](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI), s1649 goda [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI), since 1649], P. I. Vol. IV. St. Petersburg: TipografiyaII otdeleniya Sobstvennoj EIV kancelyarii, 1830. 892 p. [in Russian]
- [Potanin, 1904](#) – [Potanin, G.N.](#) (1904). Biograficheskie svedeniya o Ch. Valihanove [Biographical information about Chokan Valikhanov]. Sochineniya Chokana Chingizovicha Valihanova. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. Pp. IV-XXXIV. [in Russian]
- [Sartori, Shablej, 2019](#) – [Sartori, P., Shablej, P.](#) (2019). Eksperimenty imperii. Adat, shariat i proizvodstvo znaniy v kazakhskoj stepi [Experiments of Empire. Adat, sharia and knowledge production in the Kazakh Steppe]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p. [in Russian]
- [Sovremennye voprosy..., 1907](#) – Sovremennye voprosy i nuzhdy v dele prosveshcheniya inorodcev: sbornik statej po inorodcheskomu delu [Current Issues and Needs in Alien Education: A Collection of Articles on Alien Affairs]. St. Petersburg: Tip. N. Skorohodova, 1907. 14 p. [in Russian]
- [Tol'ts, 2013](#) – [Tol'ts, V.](#) (2013). «Sobstvennyi vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period [“Russia's Own East”: Identity Politics and Orientalism in the Late Imperial Period]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 336 p. [in Russian]
- [Uderbaeva, 2020](#) – [Uderbaeva, S.K.](#) (2020). Kazahskie chinovniki Turkestanskogo kraya [Kazakh officials of the Turkestan region]. Almaty, 200 p. [in Russian]
- [Venjukov, 1877](#) – [Venjukov, M.I.](#) (1877). Rossiya i Vostok [Russia and the East]. St. Petersburg: Tip. Bezobrazova i Komp., 296 p. [in Russian]
- [Vert, 2012](#) – [Vert, P.](#) (2012). Pravoslavie, inoslavie, inoverie. Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossijskoj imperii [Orthodoxy, non-Orthodoxy, non-belief. Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 280 p. [in Russian]
- [Veslovskij, 1904](#) – [Veslovskij, N.I.](#) (1904). Zametka [Note]. Sochineniya Chokana Chingizovicha Valihanova. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. Pp. I-III. [in Russian]
- [Yadrincev, 1904](#) – [Yadrincev, N.M.](#) (1904). Biograficheskie svedeniya o Ch. Valihanove [Biographical information about Ch. Valikhanov]. Sochineniya Chokana Chingizovicha Valihanova. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. Pp. XXXV-XXXIX. [in Russian]
- [Yadrincev, 2000](#) – [Yadrincev, N.M.](#) (2000). Sibirskie inorodcy, ih byt i sovremennoe polozhenie [Siberian foreigners, their life and current situation]. Tyumen': Izd-vo Yu. Mandriki, 336 p. [in Russian]

«Свои инородцы» в имперском проекте колониального посредничества на восточных окраинах России в середине XIX – начале XX в.

Бакыт Салманович Токмурзаев ^{a, *}, Михаил Константинович Чуркин ^{b, c},

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев),
proffchurkin@yandex.ru (М.К. Чуркин)

Улан Курметкалиевич Жангалиев ^d, Серикбай Даулатұлы Мамраймов ^e

^a Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

^b Омский государственный педагогический университет, Омск, Российская Федерация

^c Тобольская комплексная научная станция УрО РАН, Россия

^d Университет им. Алихана Бокейханова, Семей, Республика Казахстан

^e Южно-Казахстанский педагогический университет им. Узбекали Жанибекова, Шымкент, Республика Казахстан

Аннотация. В статье выявляется содержание отечественного дискурса романтического национализма, в котором конструируемое имперскими экспертами понятие «свои инородцы» предлагалось как инструмент включения представителей коренного населения Азиатской России в решение задач имперской инкорпорации восточных окраин. Выбор временных границ исследования был обусловлен актуализацией национального самосознания россиян и широким обсуждением славянского вопроса в отечественном интеллектуальном сообществе. Идеи славянского единства и создания «большой русской нации» актуализировались в ситуации внутренней колонизации, результатом которой стало приращение массива территорий на восточных окраинах империи, в пределах которых инородческое население являлось преобладающим. В этой связи продуктом дискурса романтического национализма середины XIX – начала XX в. являлись представления образованного общества о необходимости культурной интеграции коренного населения азиатской периферии, что предполагало разработку имперского проекта колониального посредничества, значимым элементом которого выступало привлечение части инородцев к сотрудничеству в сфере империостроительства. В процессе исследования установлено, что круг потенциальных колониальных посредников не ограничивался потомками титулованной знати, вовлекаемой в практики административного управления, военной деятельности и образовательных проектов России на востоке страны. Активная деятельность Русской православной церкви в Азиатской России предполагала включение наиболее образованного сегмента коренного населения в работу, направленную на христианизацию и религиозное просвещение индигенных народов.

Также высказано предположение, что модель колониального посредничества, реализуемая инородцами в различных областях имперской организации колонизируемого пространства, не была идеальной и имела множество уязвимых мест. Практики русского образования и воспитания, транслируемые акторами империи по отношению к инородцам, привлекаемым к выполнению посреднических функций, имели двоякие последствия и не всегда подтверждали факт аккультурации передовой инородческой интеллигенции. Являясь носителями дуальной идентичности, выдающиеся представители коренных этнических групп самостоятельно определяли границы, за которыми коллаборация с имперской властью становилась невозможной, что ставило под вопрос продуктивность их деятельности как посредников между российской администрацией и соплеменниками.

Ключевые слова: «свои инородцы», дискурс, восточные окраины, Российская империя, романтический национализм, колониальное посредничество, имперские эксперты.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 791-801
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.791

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Crimean War and the Russian Arctic: the Fate of the Population of the Town of Kola after the English Bombing on August 11, 1854

Pavel V. Fedorov ^{a, *}, Elena Yu. Tereshchenko ^b

^a Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russian Federation

^b Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation

Abstract

As a result of the enemy's military actions in 1854–1855, Russia faced risks of losing its small permanent population in the Arctic, on the coast of the Barents Sea. On August 11, 1854, as a result of the English bombing, the only town in the area, Kola, which was the mainstay center of the Russian Arctic, was almost completely burned down. The Russian government decided to relocate residents to other settlements and deprived Kola of the status of a county seat. However, a significant part of the townspeople refused to relocate. The restoration of the city began on the ashes of houses. Based on the processing of documents of the church population registration for the Kola parish, demographic data for the city of Kola for 1851–1865 were introduced into scientific circulation for the first time in the article. Their analysis led to the conclusion that within 10 years after the British bombing, Kola was able to restore the balance of births and deaths, but the number of marriages was reduced. The core of the city consisted mainly of merchants, burghers, and the clergy, as the classes most attached to the place. They have made the most significant contribution to the restoration of the city. The peasants, on the contrary, have become the most mobile group and the most inclined to leave the city. The successful experience of population regeneration led not only to the return of Kola to the status of a county seat in 1883, but also to the implementation of a large-scale project of "government colonization" of the Murmansk coast. After restoring the Kola, the locals fixed the ruined "Arctic façade" of the Russian Empire. And this happened at a time when the country faced serious obstacles to its development and could not allocate large funds to the North.

Keywords: Crimean War, Russian North, Great Britain, Kola, Arctic, demography, family history, town.

1. Введение

На исторический образ Крымской войны 1853–1856 гг. заметно повлияло её название. Значение противостояния нередко сужают до крымского театра военных действий, чем искажается «подлинный стратегический масштаб» этого события (Шевченко, 2024: 19). В последнее время в историографии предприняты значительные усилия, чтобы изменить понимание Крымской войны и показать её беспрецедентный размах: от Балтийского моря до Тихого океана и от Черного моря и Кавказа до Арктики (Давыдов, 2016: 17-20; Кауппала, 2024: 72-83; Постников, 2022: 3-40; Мачехин, 2012: 145-151). Отсюда дискуссии смещаются к поискам новых критериев для оценки итогов войны (Вакулова, 2023: 218-220; Каптарь, 2017: 6-10; Ружицкая, 2024: 23-33). Сегодня Крымскую кампанию рассматривают и «предвестником Первой мировой войны» (Нисковских, 2010: 36-37), и «конфликтом цивилизаций» (Вакулова, 2016: 38-45), и источником подготовки России к новому этапу модернизации (Климкина, 2015: 96-97; Кудрявцев, 2009: 7-10). Процесс переосмысления продолжается.

* Corresponding author

E-mail addresses: sever-nordica@yandex.ru (P.V. Fedorov), tereshchenko.eu@mauniver.ru (E.Y. Tereshchenko)

Из-за преобладания «южных» коннотаций в понятии «Крымская война» до сих пор не получил должного осмысления тот факт, что в результате военных действий неприятеля в 1854–1855 гг. возникли риски утраты Россией своего немногочисленного постоянного населения в Арктике, на побережье Баренцева моря. 11 августа 1854 г. в результате бомбардировки, предпринятой английским военным пароходом «Миранда», был практически полностью сожжён единственный в этом ареале город Кола, являвшийся опорным центром Русской Арктики. Восстановление этого населённого пункта являлось важной задачей не только с имиджевой точки зрения, но и как сбережение того человеческого капитала, который накапливался Россией в Арктике в течение многих столетий.

При изучении судьбы населения города Колы после английской бомбардировки 11 августа 1854 г. исследователь неизбежно сталкивается с проблемами официальной статистики: её нехватки, если не полного отсутствия, за период до начала 1870-х гг. и неточности (или неполноты) информации за последующий период. Как уже отмечалось в научной литературе, текущие демографические данные, собранные и обработанные Архангельским губернским статистическим комитетом по г. Коле, при соотнесении их с данными, полученными в результате обработки источников церковного учёта населения, не выдерживают критики (Малашенков, Федоров, 2011: 11-13).

Одной из задач статьи стало получение и введение в научный оборот отсутствующих в историографии демографических данных по городу Коле накануне, во время и после Крымской войны.

2. Материалы и методы

В работе был привлечён комплекс первичных источников церковного учёта населения, включающий духовные (исповедные) росписи и метрические книги по приходу г. Колы, которые неплохо сохранились в архивах Мурманска и Архангельска. В Государственном архиве Мурманской области (ГАМО) (Мурманск, Российская Федерация) был изучен фонд И-16 (Кольский Благовещенский собор), а в Государственном архиве Архангельской области (ГААО) (Архангельск, Российская Федерация) – фонд 29 (Архангельская духовная консистория). Интересные материалы по г. Коле по периоду Крымской войны отложились и в фонде 1 ГААО (Канцелярия архангельского губернатора).

В исследовании использовались как общенаучные и общеисторические научные методы, так и специальные научные методы, в частности, статистический метод, хорошо известный в историографии Западной Европы как «восстановление истории семей» («reconstitution des familles»), предполагающий подготовку на основе непрерывного информационного потока приходской документации баз данных, позволяющих отслеживать именную, сословную, половую и др. составы населения, движение его элементарных и структурных частей. Фактически речь идет о демографо-генеалогической реконструкции всего наличного населения определенного ареала (города, деревни и т. д.) по источникам первичного учёта с учётом исторической динамики (Henry, 1956: 1-232).

Сравнительно небольшие масштабы Колы и неплохая сохранность документальной базы позволяют пересчитать всё население этого города буквально поимённо и ввести в научный оборот новые демографические данные, что крайне важно в свете изучения «северного вектора» Крымской войны.

3. Обсуждение

В отечественной историографии северный театр военных действий долгое время рассматривался как не имеющий значения для истории Крымской войны в целом. Слишком далеко находился Русский Север от Крыма, слишком оторванным казался он на фоне южных баталий. На общее отношение части советских историков к северным эпизодам Крымской войны повлияло высказывание К. Маркса и Ф. Энгельса в статье «Англо-французская война против России». Они утверждали, что раз неприятель не взял Архангельск, его беспорядочные атаки «на русские и лопарские деревни» были и позорными, и довольно бессмысленными (Маркс, Энгельс, 1958: 522). В русле идей основоположников марксизма размышлял и советский историк Е. В. Тарле, написавший в своем знаменитом труде «Крымская война», что город Кола, подвергшийся бомбардировке со стороны неприятеля 11 августа 1854 г., не имел «никакого значения, ни стратегического, ни экономического» (Тарле, 1950: 104-106).

Правда, в то же самое время в отечественной историографии готовились новые тенденции, рассматривающие оборону Колы в истории Крымской войны как «одну из славных страниц патриотической борьбы народов нашей Родины против иноземных завоевателей» (Миславский, 1958: 110-118; Ушаков, 1972: 248, 256-257, 263, 266).

Вниманием исследователей начинает пользоваться организация сопротивления противнику на Русском Севере силами немногочисленных войск и гражданского населения (Карбасникова, 1973: 40-46; Давыдов, 2004: 17-20; Мельникова, 2010: 165-182). Р.А. Давыдовым и Г.П. Поповым была подготовлена подробная хроника событий Крымской войны в период обороны Русского Севера (Давыдов, Попов, 2005: 1-173). Е.А. Орехова в своей работе, посвящённой составу Кольской инвалидной команды накануне и во время Крымской войны, отмечает, что в начале сентября 1854 г. это войсковое подразделение было выведено в Кемь и обратно уже не вернулось (Орехова, 2021: 184).

При том, что в литературе присутствует оценка об упадке, «захирении» Колы после пожара 1854 г. (Ушаков, 1997: 330-333), историография не располагает работами о влиянии Крымской войны на постоянное гражданское население Русской Арктики.

В 2010–2011 гг. были опубликованы результаты большого проекта, посвящённого демографо-генеалогической реконструкции на материале города Колы, включающие демографические данные и генеалогические схемы семейно-родственных коллективов за период до 1841 г. и с 1863 до 1920 г. (Малашенков, Федоров, 2010a: 1-280; Малашенков, Федоров, 2010b: 1-253; Малашенков, Федоров, 2011: 1-230; Fedorov, Malashenkov, 2015: 1011-1018). Пробел, выпадающий на период Крымской войны, объясняется отсутствием у авторов доступа к тем документам за этот период, которые хранятся в Государственном архиве Архангельской области. Теперь, когда этот доступ получен, оказалось возможным изучить судьбу населения Колы после английской бомбардировки 11 августа 1854 г.

4. Результаты

Великобритания в своей стратегии противостояния России считала Колу местом определённой политической значимости, «столицей российской Лапландии» (Давыдов, Попов, 2005: 97), в то время как российское руководство воспринимало Колу как провинциальный город, утративший свою былую стратегическую ценность, обветшалую крепость, оборону которой можно было обеспечить небольшой группой солдат. Различия в геостратегических концепциях и неравенство в ресурсах двух держав порождали эту асимметрию. Колониально-океаническая доктрина британцев, опиравшаяся на мощь их флота, значительно превосходила по пространственному охвату балтийско-черноморскую континентально-прибрежную доктрину России (Федоров, 2021: 198-199). В результате Россия подверглась прямым ударам по Северу, что привело к временному блокированию её выхода в Ледовитый океан.

Военное напряжение в Крыму не позволило центру обеспечить Северу необходимой безопасности. Местная военно-административная система не могла заменить центральные органы и обеспечить надёжную оборону окраин. Архангельское губернское правление сосредоточило все усилия на укреплении лишь одного центра – Архангельска. Когда городничий Колы Г.Е. Шишелов предложил архангельскому военному губернатору Р.П. Бойлю укреплять оборону города, предоставив для этого конкретный план, его предложение не было принято всерьёз. Бойль считал, что неприятель может угрожать Коле только нападением гребных судов, но отвага местных жителей, крутые берега и заросли кустарника якобы способны защитить город (ГААО. Ф. 2. Оп. 1. Т. 5. Д. 5578. Лл. 4-5, 25-26). В Колу по указанию Бойля для защиты от возможного нападения противника были доставлены 100 ружей, 150 кремней для них (в том числе часть в нерабочем состоянии), 4 пуда пороха и 11 пудов свинца, необходимого для производства патронов (Давыдов, Попов, 2005: 97). Как покажет время, меры по обороне города провалились. Умерший в декабре 1854 г. архангельский военный губернатор Бойль не понёс ответственности за это, а, как часто случается в истории, оказался увековеченным в энциклопедии Брокгауза и Ефрона как успешный администратор, который «приложил все усилия для защиты от врага» (Энциклопедический словарь, 1891: 231).

В 1854 г. Англия и Франция направили на Русский Север военную эскадру в составе 7 кораблей. Враг не осмелился приблизиться к надёжно укреплённому Архангельску. Тем не менее, англо-французский флот сумел установить блокаду Северной Двины, обеспечивая контроль над морским движением в Белом море на протяжении навигационных сезонов 1854 и 1855 гг.

В Коле ситуация приняла более трагический оборот. В августе 1854 г. к ней подошёл английский трехмачтовый пароход «Миранда», вооружённый пушками. Командир судна Э. Лайонс через посредника предъявил городничему Колы ультиматум с требованием немедленной капитуляции.

После того, как ультиматум властями Колы был отклонен, британцы приступили к многочасовой бомбардировке города. Охваченная пламенем Кола стойко сопротивлялась, несмотря на отсутствие артиллерии и недостаток стрелкового вооружения. Приписанная к Кольскому острогу инвалидная команда солдат сражалась плечом к плечу с местными жителями, представителями разных слоёв общества и даже ссыльными. Однако военный корабль без труда расстрелял деревянный город. Огонь охватил 92 из 118 жилых домов, сгорел Кольский острог и выдающийся памятник деревянного зодчества – 19-главый Воскресенский собор. Сведений о гибели или тяжёлых ранениях участников обороны города в источниках не встречается. Один солдат был легко контужен, второй – ушиблен осколком станка (Ушаков, 1997: 252).

Трагедия оставила жителей без крыши над головой, поставив перед ними сложный выбор: жить в разрушенном городе или покинуть его. Власти склоняли горожан к переезду, выделив для этого специальные средства. Как поступили жители Колы?

Чтобы исследовать этот вопрос, целесообразно сравнить две духовные росписи: одна создана до пожара, а другая – после него. Духовные росписи, по всей видимости, являются единственным источником, который может дать представление, если не о всех жителях города, то о значительной его части.

Первая духовная роспись, охватывающая период с 1 октября 1853 по 1 октября 1854 г., насчитывала 951 жителя Колы (ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 51. Л. 296-324). Период, в течение которого составлялась роспись, указывает на то, что она была заполнена до случившегося пожара, но затем священником неоднократно корректировалась с учётом динамики численности населения города. Действительно, в этой росписи встречается множество приписок о временном отсутствии («отлучке») жителей Колы, всего таких помет (за исключением нечитаемых) 257. Кроме того, 9 чел. были обозначены как умершие. Все приписки на фоне аккуратно начертанного списка жителей выполнены хаотично, словно корректировали старый вариант перед составлением нового. По всей видимости, сведения о выбытии были внесены позже, так как они соответствовали традиции, по которой священник обязан был отмечать в духовной росписи посещение исповеди и святого причастия каждым лицом, внесённым в список, за отчётный период.

Духовная роспись 1856 г. отражает уже изменённый к этому времени состав населения Колы по сравнению с 1853 г. (ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 51. Л. 197-229). В ней насчитывалось 508 жителей, 126 из которых были отмечены как находящиеся «в отлучке», а 6 чел. – как умершие. Следовательно, значительное число жителей, указанных в росписи 1853 г., в росписи 1856 г. отсутствуют, поскольку они были списаны как навсегда покинувшие Колу (хотя это могло не соответствовать действительности). В росписи 1856 г. рядом с именами некоторых людей указано «в отлучке». Священник считал, что эти люди покинули Колу лишь временно.

93 % лиц, обозначенных в росписи 1853/1854 г. как находящиеся в «отлучке», либо не фигурируют в росписи 1856 г. совсем, либо сопровождаются аналогичной припиской «в отлучке». Лишь 7 % тех, кто был отмечен как отлучившийся в 1853/1854 г., присутствовали в Коле по данным списка 1856 г. Вероятно, это те, кто покинул Колу в 1854 г., но вскоре вернулся.

Подтверждением точности и значительной полноты духовных росписей 1853/1854 и 1856 гг. служит «Именной список лиц, желающих выехать из города Колы» от 11 марта 1855 г., обнаруженный в Государственном архиве Архангельской области (ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 102. Л. 112-113). В этом списке, составленном для определения получателей пособия на выезд из Колы, числилась 31 семья, или 91 чел. В документе перечислялись населённые пункты Архангельской губернии, куда планировалось переселение: Кемь (18 семей), Ковда (4 семьи), Кандалакша (4 семьи), Кереть (1 семья), Порья Губа (1 семья), Поной (1 семья), Варзуга (1 семья) и Архангельск (1 семья). Из 91 чел., указанных в этом списке, 81 чел. (89 %) были внесены в духовные росписи Колы, в т. ч. 70 чел. как выбывшие, 2 чел. – как умершие, а 9 чел. – как проживающие в Коле.

Согласно духовным записям и метрическим книгам Кольского собора за последующие годы, не все жители Колы покинули город навсегда. Значительная часть из них впоследствии вернулась (о чём свидетельствуют, в частности, записи о смерти и погребении на Кольском городском кладбище, заносимые в метрические книги), что важно учитывать при анализе влияния пожара 11 августа 1854 г. на структуру населения Колы.

Согласно духовной росписи 1853–1854 гг., накануне пожара в Коле проживало 950 чел., хотя фактическая численность могла превышать эту цифру. Преобладающее большинство жителей города составляли мещане (41,1 %) и крестьяне (27, 7 %). Немалую долю населения также составляли чиновники (12,4 % вместе с семьями) и военнослужащие (12,4 % вместе с семьями). Кольская инвалидная команда, которая сыграла значительную роль в защите Колы 11 августа 1854 г., насчитывала 70 чел. В её составе были 1 командир, 5 унтер-офицеров, 1 барабанщик, 61 рядовой, а также 1 писарь и 1 цирюльник. Купечество и духовенство составляли лишь 2,1 % и 1,6 % населения соответственно, число ссыльных не превышало 29 чел. (3,0 %).

После английской бомбардировки часть колян покинула Колу, остальные же переселились в уцелевшие постройки, а также в быстро возведённые избы, землянки и вежи, где неблагоприятные условия проживания, характеризующиеся постоянной сыростью, приводили к болезням (ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 635. Л. 1-2). В духовной росписи 1856 г. было зарегистрировано 376 чел., продолжавших жить в разрушенной, практически полностью сожжённой Коле. Это означало, что город лишился более половины (60,9 %) своего населения. Согласно духовным записям, сокращение численности главным образом обусловлено механической, а не естественной убылью.

Вследствие пожара из Колы была эвакуирована значительная часть военных, чиновников и ссыльных – это 41,4 % всего покинувшего город населения. Среди добровольно уезжавших преобладали крестьяне. К 1856 г. из Колы выехало 80,9 % всех крестьян. Этот факт свидетельствует, с одной стороны, о материальной уязвимости крестьянства, а с другой – о его мобильности, которая, вероятно, являлась частью борьбы за выживание.

Мещане, из которых состояло историческое ядро города, продемонстрировали большую приверженность Коле: лишь 30,9 % из них покинули город. Документальные свидетельства позволяют проследить стратегии поведения представителей этого сословия. Уже в январе 1855 г., сразу после пожара, среди мещан появились приверженцы переселения за пределы Колы. 19 семей получили государственную помощь для переезда (ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 102. Л. 3-4, 112-113). Однако 14 из них так и не смогли адаптироваться в новых условиях и были вынуждены вернуться в родной город. 19 марта 1858 г. ещё одна группа горожан, утверждая, что не в силах «переехать в другие

места... по любви к родному краю», добилась права на беспопытную вырубку леса для возведения жилых построек (ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 635. Л. 1-2, 3-4, 12-15, 22).

Наиболее адаптированной частью населения Колы были купечество и духовенство. Купеческие роды Базарных, Лоушкиных, Шабунных видели в восстановлении города залог сохранения своего положения. К 1856 г. лишь 20 % представителей этого сословия покинули Колу, чаще всего это были семьи, которые либо разорялись, либо уже не надеялись на успех (например, купцы Голодные, Ивановы). Среди жителей Колы священники проявили наибольшую преданность городу. В период с 1854 по 1856 г. ни один священнослужитель не покинул город.

Решение о выезде или оставлении Колы часто принималось целыми семейно-родственными группами. Например, почти весь мещанский род Рекуновых (96,2 %, или 25 чел.) покинул город, в то время как род мещан Яргиных в подавляющем большинстве (83,8 %, или 57 чел.) остался в Коле. Этот факт свидетельствует о том, что семейно-родственный коллектив сохранял свою патриархальную структуру и все ещё выступал социальным регулятором.

После вынужденного переселения треть жителей Колы решила вернуться.

Городничий Г.Е. Шишелов в своем письме архангельскому гражданскому губернатору от 10 января 1856 г. указывал, что уже в конце декабря 1855 г. в Колу из числа получивших финансовую помощь на переезд и покинувших город вернулись: крестьянин Илья Данилов с семьёй и племянником, вдова Анна Данилова с детьми и незамужняя Марья Артемьева (ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 102. Л. 188-189).

Среди вернувшихся были в основном крестьяне (55,4 %) и мещане (39,5 %). Однако почти каждый третий житель Колы (около 400 чел.) покинул город навсегда. Если не учитывать военнотружущих, чиновников и ссыльных, то из оставшихся 689 жителей (купцы, мещане, крестьяне, духовенство) после пожара в городе остались 345 чел. (50,1 %), то есть каждый второй. Впоследствии еще 168 чел. (24,4 %) вернулись в Колу. Если принять во внимание полное разрушение города, этот показатель не кажется критическим: сохранение половины неслужилого населения в руинах своих домов и последующее увеличение их числа на четверть за счёт возвращения беженцев говорит о высокой адаптации колян к местным условиям.

На процессы регенерации населения Колы после английской бомбардировки 11 августа 1854 г. позволяют с иной точки зрения посмотреть метрические книги Кольского прихода, в которых отмечались сведения о крещениях, венчаниях и отпеваниях. Правда, этот источник учитывал жителей не только города, но и других населенных пунктов, входивших в Кольский приход, а также сезонных рыбопромышленников, для которых Кола являлась опорной базой по пути с Белого моря на Мурманский берег и обратно. Для того чтобы в статистику попали только жители города, информация из метрических книг извлекалась лишь на тех лиц, кто указывался в духовных росписях как житель Колы.

Учитывая, что ежегодные духовные росписи могли не сразу отразить появление нового жителя и информация о нём могла быть занесена спустя некоторое время, было сделано исключение для тех лиц, чьё проживание в Коле прочно доказывается источниками церковного учёта населения более позднего времени. Кроме того, в статистику включались и те лица, кто в духовной росписи отсутствовал, но в самой метрической книге был указан с отметкой как проживающий в Коле.

Анализ метрических книг Кольского прихода за 1851–1865 гг. позволил выявить динамику рождений, браков и смертей среди жителей Колы накануне, во время и после окончания Крымской войны (Таблица 1).

Выявленные данные свидетельствуют, что английская бомбардировка 11 августа 1854 г. разбалансировала демографические процессы в Коле. Причём ситуацию усугубила эпидемия «горячки» в 1857–1858 гг., унёсшая жизни 58 чел., в т.ч. кольского городничего, титулярного советника Григория Евдокимовича Шишелова (6 ноября 1857 г.) и кольского купца Василия Алексеевича Лоушкина (15 декабря 1857 г.). Оба деятеля были похоронены на Кольском городском кладбище. Надгробие на могиле купца Лоушкина сохранилось до сих пор (ГААО. Ф. 29. Оп. 17. Д. 9. 90106-910; ГААО. Ф. 29. Оп. 17. Д. 10. Л. 67306-691; Федоров, Синицкий, 2001: 15; Малащенко, 2017: 346).

Регенерация населения, начавшаяся сразу же, практически на пепелищах домов, к началу 1860-х гг. позволила вновь сбалансировать ситуацию по количеству рождённых и умерших. Дольше всего в городе сказывался брачный кризис, приведший к заметному сокращению количества заключённых браков. Данная тенденция сохранится в городе и в последующие десятилетия, вплоть до революции (Малащенко, Федоров, 2010: 41).

Восстановление населения города Колы после английской бомбардировки 11 августа 1854 г. подтверждается данными не только в среднесрочной, но и в долгосрочной перспективе, в чём могут помочь результаты проекта, посвящённого демографо-генеалогической реконструкции г. Колы XIX – начала XX в. (Малащенко, Федоров, 2010а: 1-280; Малащенко, Федоров, 2010b: 1-253; Малащенко, Федоров, 2011: 1-230).

Таблица 1. Количество рождений, браков и смертей среди жителей г. Колы в 1851-1865 гг. (по данным метрических книг Кольского прихода) (ГААО. Ф. 29. Оп. 17. Д. 3-14; ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 91-а).

Годы	Рождения	Браки	Смерти
1851	38	14	26
1852	39	14	35
1853	46	13	27
1854	40	5	37
1855	15	2	11
1856	21	2	35
1857	24	2	46
1858	18	8	69
1859	30	4	9
1860	24	9	10
1861	28	2	11
1862	23	1	32
1863	25	12	35
1864	44	8	24
1865	28	8	17
Всего	443	104	424

За период с 1842 по 1915 г. средний размер семейно-родственных коллективов в Коле увеличился с 3 до 7 чел. Параллельно наблюдалось сокращение общего числа таких коллективов: если в 1842 г. их было 250, то к 1915 г. осталось лишь 92 (Таблица 2). Этот процесс, безусловно, указывает на естественный отбор наиболее устойчивых и приспособленных к условиям существования структур.

Таблица 2. Средний размер семейно-родственных групп, проживавших в г. Коле в 1842–1915 гг. (Малашенков, Федоров, 2010а: 35)

Годы	1842	1861	1881	1901	1915
Количество жителей, чел.	870	682	704	625	676
Количество семейно-родственных групп	250	124	123	109	92
Средний размер семейно-родственных групп, чел.	3,5	5,5	5,5	5,7	7,4

Каждая семейно-родственная группа проходила испытание временем. Чем дольше такая группа проживала в Коле, тем больше становилось её членов. Семейная структура строилась на основе неподвижного ядра и подвижной периферии. В ядро входили крупные, уже укоренившиеся в Коле семейно-родственные группы, насчитывающие более 6 чел. Если в середине XIX в. ядро составляло чуть более 30 % от общего количества семей, то к началу XX в. этот показатель превысил 50 %. Маленькие семьи, окружавшие это ядро, создавали подвижную периферию. Часть из них, вырастая и укореняясь, сдвигалась к ядру; другая часть – так и не сумев вырасти, оставались в маргинальном статусе.

Таблица 3. Количество семейно-родственных групп по продолжительности проживания в г. Коле на 1861–1915 гг. (Малашенков, Федоров, 2010а: 39)

Лет	Абс., ед.				%			
	1861 г.	1881 г.	1901 г.	1915 г.	1861 г.	1881 г.	1901 г.	1915 г.
до 10	22	24	31	23	18	20	28	25
10-50	75	43	25	21	60	35	23	23
50-100	17	42	34	34	14	34	31	37
более 100	10	14	19	14	8	11	18	15
Всего	124	123	109	92	100	100	100	100

В течение пяти десятилетий доля семейно-родственных групп, которые прожили в Коле более 50 лет, увеличилась с 22 до 52 % (Таблица 3).

Рост поколенной структуры был более медленным: с 1861 по 1915 г. доля многопоколенных семейно-родственных групп (более двух поколений) выросла с 45 % до 58 % (Таблица 4). Эту стабильность ядра обеспечивали обменные процессы: старые, угасающие семейно-родственные группы замещались новыми, более жизнеспособными, которые проникали в ядро из периферии.

Таблица 4. Количество семейно-родственных групп в г. Коле по количеству поколений на 1861–1915 гг. (Малашенков, Федоров, 2010а: 39)

Количество поколений	Абс., ед.				%			
	1861	1881	1901	1915	1861	1881	1901	1915
1	18	21	13	2	15	17	12	2
2	50	30	36	37	40	24	33	40
3-5	45	60	49	44	36	49	45	48
более 5	11	12	11	9	9	10	10	10
Всего	124	123	109	92	100	100	100	100

Периферия защищала ядро от застоев и деградации. Изучение динамики прибывших и выбывших семейно-родственных групп в Коле свидетельствует о том, что до начала XX в. въезд превышал выезд (частично компенсируя ущерб от деградации), но в дальнейшем миграционные потоки усилились: на каждый прибывший семейно-родственный коллектив приходился один выбывший.

Семейные и сословные структуры имели тесную взаимосвязь, что подтверждают расчеты среднего размера семейно-родственных групп по сословиям. Очевидно, что мещанские семейные коллективы формировали ядро города, в то время как остальные сословия располагались на границе между центром и периферией (Таблица 5).

Таблица 5. Средний размер семейно-родственных групп в г. Коле по сословиям в 1842–1915 гг., чел. (Малашенков, Федоров, 2010а: 37)

Сословная/социальная группа	1842	1861	1881	1901	1915
Купцы с членами семей	4,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Мещане с членами семей	7,3	8,3	10,2	8,3	8,7
Крестьяне с членами семей	4,3	4,4	4,7	4,0	5,6
Колонисты с членами семей	0,0	0,0	4,5	2,8	5,7
Военнослужащие с членами семей	1,2	1,0	3,0	0,0	0,0
Духовенство с членами семей	2,2	3,8	2,2	3,6	2,5
Чиновники с членами семей	2,3	1,8	2,5	4,1	5,6
Смешанные*	4,8	11,3	6,0	13,6	15,3

*Из-за неустойчивого материального положения значительная часть живших в Коле купцов входила в смешанные семьи.

5. Заключение

Крымская война 1853–1856 гг. стала серьёзным испытанием для Российской империи в Арктике. Английская бомбардировка города Колы 11 августа 1854 г. привела к риску потери немногочисленного постоянного населения России на побережье Баренцева моря. Значительная часть застройки была уничтожена. В условиях тяжёлых последствий войны власти предложили жителям Колы выезд, фактически – «закрытие» города. В 1858 г. Кола была лишена статуса уездного центра. Но город спасли мужественные усилия его жителей, оставшихся в Коле вопреки разрухе и начавшейся эпидемии. Восстановив Колу, местные жители незаметно для себя подняли накренившийся «арктический фасад» Российской империи. Происходило это в тот момент, когда страна столкнулась с серьёзными препятствиями для своего развития и не могла выделить крупных средств на Север.

Несмотря на бытующую в литературе оценку об упадке, «захирении» Колы после пожара 1854 г., город продолжал существовать и развиваться. Успешный опыт регенерации его населения привёл не только к возвращению Коле статуса уездного центра в 1883 г., но и к реализации масштабного проекта «правительственной колонизации» Мурманского берега во второй половине XIX – начале XX в.

Значительная часть местных жителей осталась на берегу Ледовитого океана навсегда. Девять человек – последних свидетелей обороны 1854 г. – дожили в Коле до советского времени, в т. ч. Ф.К. Елсукова (Яргина), А.М. Суслова (Яргина), О.К. Мелентьева (Мастинина), А.Р. Базарная (Измайлова), П.К. Сверлова (Мастинина), М.И. Измайлова (Молвистова), П.Г. Сверлова (Немчинова), И.И. Синякова (Мастинина) и М.П. Кузьмин.

Литература

Вакулова, 2016 – Вакулова Т.В. Крымская война: конфликт цивилизаций // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2016. Т. 21. № 6. С. 38-45.

Вакулова, 2023 – Вакулова Т.В. Итоги Крымской войны: спор продолжается / *Потемкинские чтения: сборник материалов VII Всероссийской научной конференции с международным участием*. Севастополь. 2023. Т. 1. С. 218-220.

ГААО – Государственный архив Архангельской области.

ГАМО – Государственный архив Мурманской области.

Давыдов, 2004 – Давыдов Р.А. Кола глазами неприятеля: к 150-летию сожжения Колы английским пароходом «Миранда» // *Наука и бизнес на Мурмане*. 2004. № 4. С. 17-20.

Давыдов, 2016 – Давыдов Р.А. Крымская война... в Арктике. Оборона города Колы в 1854 году // *Военно-исторический журнал*. 2016. № 5. С. 59-66.

Давыдов, Попов, 2005 – Давыдов Р.А., Попов Г. П. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: хроника событий. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. 173 с.

Каптарь, 2017 – Каптарь Д.Л. Крымская война: новые подходы к оценке итогов // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017. Т. 7. № 3. С. 6-10.

Карбасникова, 1973 – Карбасникова Н.А. Оборона г. Колы в 1854 году // *Историко-краеведческий сборник*. Вологда: Б.и., 1973. С. 40-46.

Кауппала, 2024 – Кауппала П. Крымская война в Финляндии и ее влияние на российско-финляндские отношения // *Петербургский исторический журнал*. 2024. № 2. С. 72-83.

Климкина, 2015 – Климкина Э.В. Крымская война и ее оценка в славянофильских кругах / *Внешинополитические интересы России: сборник материалов II-й Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.)*. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2015. С. 96-99.

Кудрявцев, 2009 – Кудрявцев В.В. Крымская война в оценках русских западников // *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2009. № 5. С. 7-10.

Малашенков, 2017 – Малашенков А.А. Кольский некрополь: кладбище Колы на Каменном острове. СПб.: Арт-Экспресс, 2017. 745 с.

Малашенков, Федоров, 2010a – Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2010. Ч. 1. 280 с.

Малашенков, Федоров, 2010b – Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2010. Ч. 2. 253 с.

Малашенков, Федоров, 2011 – Малашенков А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая четверть XX в.): историко-генеалогический атлас. Мурманск: МГПУ, 2011. Доп. ч. Указатели. 230 с.

Маркс, Энгельс, 1958 – Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание 2-е. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 11. 788 с.

Мачехин, 2012 – Мачехин И. Крымская война на Дальнем Востоке // *Родина*. 2012. № 10. С. 145-151.

Мельникова, 2010 – Мельникова Л.В. Оборона Соловецкого монастыря в годы Крымской войны: военный и религиозный аспекты // *Российская история*. 2010. № 5. С. 165-182.

Миславский, 1958 – Миславский И.С. Оборона северного русского Поморья от англо-французских захватчиков в период Крымской войны // *Вопросы истории*. 1958. № 6. С. 110-119.

Нисковских, 2010 – Нисковских Е.Ю. Крымская война – предвестник Первой мировой войны // *Альманах современной науки и образования*. 2010. № 10. С. 36-37.

Орехова, 2021 – Орехова Е.А. Состав Кольской инвалидной команды накануне и в период Крымской войны (по материалам духовных росписей Кольского Воскресенского собора 1850-1854 годов) / *Россия в войнах: слава российского оружия в памяти поколений: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БГУ, 2021. С. 178-185.

Постников, 2022 – Постников А.В. «Крымская война» на Кавказе? // *Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии: материалы международной*

научно-практической конференции, посвященной 70-летию высшего языкового образования в Забайкальском крае. Чита: Забайкальский государственный университет, 2022. Ч. 1. С. 33-40.

Ружицкая, 2024 – Ружицкая И.В. «Катастрофа» или нет: новейшая историография Крымской войны // *Петербургский исторический журнал*. 2024. № 2. С. 23-33.

Тарле, 1950 – Тарле Е.В. Крымская война. В 2 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 2. 653 с.

Ушаков, 1972 – Ушаков И. Ф. Кольская земля: Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск: Кн. изд-во, 1972. 672 с.

Ушаков, 1997 – Ушаков И.Ф. Избранные произведения: историко-краеведческие исследования. В 3 т. Мурманск: Кн. изд-во, 1997. Т. 1. 646 с.

Федоров, Синицкий, 2001 – Федоров П.В., Синицкий А.Н. Кольский некрополь: опыт исторической реконструкции (XIX – начало XX века). Мурманск: МГПИ, 2001. 78 с.

Федоров, 2021 – Федоров П.В. Россия, окруженная водой: обзор истории Кольского полуострова. 1216-1991. СПб.: МБИ, 2021. 726 с.

Шевченко, 2024 – Шевченко М.М. Крымская (Восточная) война России: политика, стратегия и общественное мнение // *Петербургский исторический журнал*. 2024. № 2. С. 10-22.

Энциклопедический словарь, 1891 – Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Типо-литография И.А. Ефрона, 1891. Т. 4 (7). 488 с.

Fedorov, Malashenkov, 2015 – Fedorov P.V., Malashenkov A.A. Between the Prohibition and Indulgence: Casual Religious Culture of the Orthodox Population Russian north in the Second Half of the XIX – early XX century // *Bylye Gody*, 2015. Vol. 38, Is. 4. Pp. 1011-1018.

Henry, 1956 – Henry L. Anciennes familles génévoises. Etudes démographiques (XVI–XX siècle). Paris: Presses universitaires de France, 1956. 232 p.

References

Davydov, 2004 – Davydov, R.A. (2004). Kola glazami nepriyatela: k 150-letiyu sozhzheniya Koly anglijskim parohodom «Miranda» [Kola through the eyes of the enemy: on the 150th anniversary of the burning of Kola by the English steamship “Miranda”]. *Nauka i biznes na Murmane*. 4: 17-20. [in Russian]

Davydov, 2016 – Davydov, R.A. (2016). Krymskaya vojna... v Arktike. Oborona goroda Koly v 1854 godu [The Crimean War... in the Arctic. The defense of the town of Kola in 1854]. *Voenno-istoricheskij zhurnal*. 5: 59-66. [in Russian]

Davydov, Popov, 2005 – Davydov, R.A., Popov, G.P. (2005). Oborona Russkogo Severa v gody Krymskoj vojny: hronika sobytij [The defense of the Russian North during the Crimean War: a chronicle of events]. Ekaterinburg: UrO RAN. 173 p. [in Russian]

Enciklopedicheskij slovar'..., 1891 – Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona [The encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. Sankt-Peterburg: Tipo-litografiya I.A. Efrona, 1891. Т. 4 (7). 488 p. [in Russian]

Fedorov, 2021 – Fedorov, P.V. (2021). Rossiya, okruzhennaya vodoj: obzor istorii Kol'skogo poluoostrova. 1216-1991 [Russia surrounded by water: an overview of the history of the Kola Peninsula. 1216-1991]. Sankt-Peterburg: MBI. 726 p. [in Russian]

Fedorov, Malashenkov, 2015 – Fedorov, P.V., Malashenkov, A.A. (2015). Between the Prohibition and Indulgence: Casual Religious Culture of the Orthodox Population Russian north in the Second Half of the XIX – early XX century. *Bylye Gody*. 38(4): 1011-1018.

Fedorov, Sinickij, 2001 – Fedorov, P.V., Sinickij, A.N. (2001). Kol'skij nekropol': opyt istoricheskoy rekonstrukcii (XIX – nachalo XX veka) [Kola Necropolis: the experience of historical reconstruction (XIX – early XX centuries)]. Murmansk: MGPI. 78 p. [in Russian]

GAAO – Gosudarstvennyj arhiv Arhangel'skoj oblasti [The State Archive of the Arkhangelsk Region].

GAMO – Gosudarstvennyj arhiv Murmanskoy oblasti [The State Archive of the Murmansk Region].

Henry, 1956 – Henry, L. (1956). Anciennes familles génévoises. Etudes démographiques (XVI–XX siècle). Paris: Presses universitaires de France. 232 p. [in French]

Kaptar', 2017 – Kaptar', D.L. (2017). Krymskaya vojna: novye podhody k ocenke itogov [The Crimean War: new approaches to assessing the outcome]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 7(3): 6-10. [in Russian]

Karbasnikova, 1973 – Karbasnikova, N.A. (1973). Oborona g. Koly v 1854 godu [The defense of Kola in 1854]. *Istoriko-kraevedcheskij sbornik*. Vologda: B.i., Pp. 40-46. [in Russian]

Kauppala, 2024 – Kauppala, P. (2024). Krymskaya vojna v Finlyandii i ee vliyanie na rossijsko-finlyandskie otnosheniya [The Crimean War in Finland and its impact on Russian-Finnish relations]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2: 72-83. [in Russian]

Klimkina, 2015 – Klimkina, E.V. (2015). Krymskaya vojna i ee ocenka v slavyano-fil'skih krugah [The Crimean War and its assessment in Slavophile circles]. *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: sbornik materialov II-j Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne (1941-1945 gg.)*. Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya. Pp. 96-99. [in Russian]

- [Kudryavtsev, 2009](#) – Kudryavtsev, V.V. (2009). Krymskaya vojna v ocenках russkikh zapadnikov [The Crimean war in the assessments of Russian Westerners]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*. 5: 7-10. [in Russian]
- [Machekhin, 2012](#) – Machekhin, I. (2012) Krymskaya vojna na Dal'nem Vostoke [The Crimean War in the Far East]. *Rodina*. 10: 145-151. [in Russian]
- [Malashenkov, 2017](#) – Malashenkov, A.A. (2017). Kol'skij nekropol': kladbishche Koly na Kamennom ostrove [Kola Necropolis: Kola Cemetery on Kamenny Island]. Sankt-Peterburg: Art-Ekspress. 745 p. [in Russian]
- [Malashenkov, Fedorov, 2010a](#) – Malashenkov, A.A., Fedorov, P. V. (2010). Kolyane (XIX – pervaya chetvert' XX v.): istoriko-genealogicheskij atlas [Kolyane (XIX – the first quarter of the XX centuries): historical and genealogical atlas]. Murmansk: MGPU. Ch. 1. 280 p. [in Russian]
- [Malashenkov, Fedorov, 2010b](#) – Malashenkov, A.A., Fedorov, P.V. (2010). Kolyane (XIX - pervaya chetvert' XX v.): istoriko-genealogicheskij atlas [Kolyane (XIX - the first quarter of the XX century): historical and genealogical atlas]. Murmansk: MGPU. Ch. 2. 253 p. [in Russian]
- [Malashenkov, Fedorov, 2011](#) – Malashenkov, A.A., Fedorov, P.V. (2011). Kolyane (XIX – pervaya chetvert' XX v.): istoriko-genealogicheskij atlas [Kolyane (XIX – the first quarter of the XX centuries): historical and genealogical atlas]. Murmansk: MGPU. Dop. ch. Ukazateli. 230 p. [in Russian]
- [Marks, Engel's, 1958](#) – Marks, K., Engel's, F. (1958). Sochineniya [The essays]. Izdanie 2-e. M.: Gospolitizdat. T. 11. 788 p. [in Russian]
- [Mel'nikova, 2010](#) – Mel'nikova, L.V. (2010). Oborona Soloveckogo monastyrya v gody Krymskoj vojny: voennyj i religioznyj aspekty [The defense of the Solovetsky Monastery during the Crimean War: military and religious aspects]. *Rossijskaya istoriya*. 5: 165-182. [in Russian]
- [Mislavskij, 1958](#) – Mislavskij, I.S. (1958). Oborona severnogo russkogo Po-mor'ya ot anglo-francuzskih zahvatchikov v period Krymskoj vojny [Defense of northern Russian Pomorye from the Anglo-French invaders during the Crimean War]. *Voprosy istorii*. 6: 110-119. [in Russian]
- [Niskovskih, 2010](#) – Niskovskih, E.Yu. (2010). Krymskaya vojna – predvestnik Pervoj Mirovoj vojny [The Crimean War is a harbinger of the First World War]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*. 10: 36-37. [in Russian]
- [Orekhova, 2021](#) – Orekhova, E.A. (2021). Sostav Kol'skoj invalidnoj komandy naka-nune i v period Krymskoj vojny (po materialam duhovnyh rospisej Kol'skogo Voskresenskogo sobora 1850-1854 godov) [The composition of the Kola disabled team on the eve and during the Crimean War (based on the materials of the spiritual murals of the Kola Resurrection Cathedral of 1850-1854)]. *Rossiya v voynah: slava rossijskogo oruzhiya v pamyati pokolenij: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Sterlitamak: Sterlitamaskij filial BGU. Pp. 178-185. [in Russian]
- [Postnikov, 2022](#) – Postnikov, A.V. (2022). «Krymskaya vojna» na Kavkaze? [The “Crimean War” in the Caucasus?]. Pri-granichnoe sotrudnichestvo: istoricheskie sobytiya i sovremennye realii: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 70-letiyu vysshego yazykovogo obrazovaniya v Zabajkal'skom krae. Chita: Zabajkal'-skij gosudarstvennyj universitet. Ch. 1. Pp. 33-40. [in Russian]
- [Ruzhickaya, 2024](#) – Ruzhickaya, I.V. (2024). «Katastrofa» ili net: novejschaya isto-riografiya Krymskoj vojny [“Catastrophe” or not: the latest historiography of the Crimean War]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2: 23-33. [in Russian]
- [Shevchenko, 2024](#) – Shevchenko, M.M. (2024). Krymskaya (Vostochnaya) vojna Rossii: politika, strategiya i obshchestvennoe mnenie [Russia's Crimean (Eastern) War: Politics, Strategy and Public Opinion]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*. 2: 10-22. [in Russian]
- [Tarle, 1950](#) – Tarle, E.V. (1950). Krymskaya vojna [The Crimean war]. V 2 t. M.-L.: Izd-vo AN SSSR. T. 2. 653 p. [in Russian]
- [Ushakov, 1972](#) – Ushakov, I.F. (1972). Kol'skaya zemlya: Ocherki istorii Murman-skoj oblasti v dooktyabr'skij period [Kola Land: Essays on the history of the Murmansk region before 1917]. Murmansk: Kn. izd-vo. 672 p. [in Russian]
- [Ushakov, 1997](#) – Ushakov, I.F. (1997). Izbrannye proizvedeniya: istoriko-kraevedcheskie issledovaniya [Selected works: historical and local history studies]. V 3 t. Murmansk: Kn. izd-vo. T. 1. 646 p. [in Russian]
- [Vakulova, 2016](#) – Vakulova, T.V. (2016). Krymskaya vojna: konflikt tsivilizatsij [The Crimean War: a conflict of civilizations]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 21(6): 38-45. [in Russian]
- [Vakulova, 2023](#) – Vakulova, T.V. (2023). Itogi Krymskoj vojny: spor prodolzhaetsya [Results of the Crimean War: the dispute continues]. *Potemkinskie chteniya: sbornik materialov VII Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem*. Sevastopol'. T. 1. Pp. 218-220. [in Russian]

Крымская война и Русская Арктика: судьба населения города Колы после английской бомбардировки 11 августа 1854 г.

Павел Викторович Федоров ^{a, *}, Елена Юрьевна Терещенко ^b

^a Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева, Москва, Российская Федерация

^b Мурманский арктический университет, Мурманск, Российская Федерация

Аннотация. В результате военных действий неприятеля в 1854–1855 гг. возник риск потери немногочисленного постоянного населения России в Арктике, на побережье Баренцева моря. 11 августа 1854 г. в результате английской бомбардировки был практически полностью сожжён единственный в этом ареале город Кола, являвшийся опорным центром Русской Арктики. Российское правительство решило переселить жителей в другие населённые пункты и лишило Колу статуса уездного центра. Однако значительная часть горожан отказалась переселяться. На пепелищах домов началось восстановление города. На основе обработки документов церковного учёта населения по Кольскому приходу в статье впервые были введены в научный оборот демографические данные по городу Коле за 1851–1865 гг. Их анализ привёл к выводу, что в течение 10 лет после английской бомбардировки Кола смогла восстановить баланс по рождениям и смертям, однако сократилось количество заключаемых браков. Ядро города составляли главным образом купцы, мещане и духовенство, как самые привязанные к месту сословия. Они внесли наиболее весомый вклад в восстановление города. Крестьяне, наоборот, стали самой подвижной и склонной к выезду за пределы города группой. Успешный опыт регенерации населения привёл не только к возвращению Коле статуса уездного центра в 1883 г., но и к реализации масштабного проекта «правительственной колонизации» Мурманского берега. Восстановив Колу, местные жители подняли накренившийся «арктический фасад» Российской империи. Произошло это в тот момент, когда страна столкнулась с серьёзными препятствиями для своего развития и не могла выделить крупных средств на Север.

Ключевые слова: Крымская война, Русский Север, Великобритания, Кола, Арктика, демография, история семьи, город.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sever-nordica@yandex.ru (П.В. Федоров),
tereshenko.eu@mauniver.ru (Е.Ю. Терещенко)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 802-811
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.802

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Cases of the Insult of Majesty: Possibilities of the Quantitative Analysis in the Context of Modernization Theory (Material from the Tambov Province of the second half of the 19th century)

Konstantin V. Samokhin ^{a, *}

^a Tambov State Technical University, Russian Federation

Abstract

The paper is devoted to the assessment of the quantitative potential in processing of information from cases of the insult of Majesty, which are deposited in the fund 4 of the State Archives of the Tambov Region. All episodes from these cases are dated back to the second half of the 19th century. The solution of the posed problem will help both a deeper study of the essence and modifications of monarchical ideas of the Russian state's population, and the formation of a complete picture of the modernization processes occurred during the late Empire. The geographical principle and the object of the offense are taken as a basis for conducting a quantitative analysis of the discovered cases of the insult of Majesty. The quantitative processing of the recorded episodes geographically was carried out into two guidelines: a comparative correlation of the number of cases that took place both in rural areas and urban settlements, and a comparative analysis of the number of considered episodes in each district. During studying information about the object of an offense, it is necessary to recognize the presence of a certain transparency, since qualitative and quantitative analysis will be more effective in this case. The conducted research allowed the author to come to the following conclusions. The higher frequency of committing such offenses by city dwellers depends on such factors as their better awareness of political changes in the country, accessibility of education for them and, accordingly, the formation of a critical attitude towards the monarchical form of government, as well as more effective work of law enforcement agencies in the cities. Most of the above factors became the reason for the devaluation of the principle of monarchism among the population of those districts that had the necessary railway infrastructure. And, finally, the monarchical sentiments of Tambov residents in the second half of the 19th century were one of the main elements in the structure of their mentality, but the first signs of a decrease in the degree of commitment to the monarchical form of government had already taken place, which allows us to speak, with a certain level of extrapolation, about the initial stage of spiritual modernization of the Russian socium.

Keywords: insult of Majesty, quantitative analysis, geographical principle, object of an offense, judicial and investigative documentation, theory of modernization, Tambov Province, period of the late Empire, methodology of source studies.

1. Введение

Теория модернизации на данный момент оценивается некоторыми историками как «убеленная сединами» (Dvornichenko, Kotov, 2018: 1753). Однако этот тезис не позволяет сделать вывод о том, что все модернизационные процессы, имевшие место в истории Российского государства, изучены досконально. Модернизация представляет собой комплексный процесс, который сказался на каждой из сфер жизнедеятельности российского социума, и естественно, что этот процесс имел разнообразные проявления – многие из них до сих пор остаются за пределами внимания

* Corresponding author

E-mail addresses: kon-sam@yandex.ru (K.V. Samokhin)

исследователей. Данный тезис, на наш взгляд, верен, в том числе и для духовного развития русского народа, а изучение каких-либо аспектов ментального характера, особенно в динамике, подчас связано с различными сложностями, в первую очередь источниковедческого и методологического плана.

Дела об оскорблении Величества являются тем историческим источником, который поможет составить общую картину монархических представлений российского социума, а также оценить потенциал для её трансформации. Названный исторический источник в последнее время привлекает все большее внимание исследователей. Естественно, что высокой степенью дискуссионности обладает проблема выработки соответствующей методологии обработки данных, которые содержатся в таких делах.

Основная цель данной работы формулируется как оценка возможностей количественного анализа дел об оскорблении его Величества с учётом региональных особенностей Тамбовской губернии второй половины XIX в. При этом предполагается решение следующих задач: проведение сравнительной квантитативной характеристики эпизодов, имевших место в сельской местности и городах; осуществление компаративного анализа поуездной статистики соответствующих правонарушений; определение потенциала осуществления исследований в отношении объекта правонарушения в количественном плане. Безусловно, этот перечень не является исчерпывающим, но методологическую основу изучения данного исторического источника он создаёт, а это в целом поможет исследователям более глубоко проникнуть в суть модернизационных процессов, имевших место в период поздней Российской империи.

2. Материалы и методы

Представленная работа в качестве источниковой основы опирается на судебно-следственную документацию, сосредоточенную в фонде 4 «Правитель Тамбовского наместничества. Канцелярия Тамбовского губернатора» Государственного архива Тамбовской области (Тамбов, Российская Федерация). Всего обнаружено 86 соответствующих дел, которые были возбуждены в 1856–1886 гг. (ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Дд. 1472, 1624, 1769, 1928, 1985–1987, 2041–2042, 2158–2163, 2233–2234, 2333, 2382–2383, 2470, 2502–2506, 2614, 2722–2723, 2776, 2797, 2884, 2908, 2967–2969, 3099–3140, 3163, 3273, 3412, 3657–3658, 3752). 7 из них не содержат никакой конкретной информации, потому в дальнейшем анализе не были использованы (ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Дд. 1472, 2160, 2470, 2615–2616, 2908, 3120). Одно из этих 7-ми датируется 1856 г. (ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1472), потому нижняя временная граница нашего исследования смещается к 1862 г. Что касается верхнего временного рубежа, то он определяется выходом в свет в 1885 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, в результате соответствующая документация отложилась в рамках другого фонда (272 «Отдельный корпус жандармов Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Тамбовское губернское жандармское управление»). Таким образом, данная работа предполагает квантитативную обработку 79-ти дел, а с учётом того, что 2 (ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Дд. 3110, 3116) из них содержат информацию о 4-х и 2-х правонарушениях, то общее количество исследуемых эпизодов будет равняться 83-м.

В данном случае всегда будет закономерным вопрос о том, насколько это количество будет репрезентативным для определённых выводов. На наш взгляд, оно является вполне достаточным для того, чтобы выявить особенности дел об оскорблении Величества как исторического источника, но единичность эпизодов в корреляции с общей численностью населения Тамбовской губернии, конечно, не даёт оснований для заключения об установлении какой-либо тенденции в развитии общества (при известном уровне экстраполяции) Российской империи второй половины XIX в., в лучшем случае здесь возможно говорить лишь только о ее зарождении или зачаточном состоянии.

Основной методологической концепцией представленного исследования является теория модернизации, которая в сложившейся историографической традиции, как правило, трактуется двояко. В широком значении она подразумевает многовекторность дальнейшего формирования стран традиционного типа (в том числе и России во второй половине XX – начале XXI в.) (Eisenstadt, 2000; Huntington, 2016; Multiple Modernities..., 2016; Schmidt, 2010; Sztompka, 2015), в рамках которой Запад как концепт (Федотова, 2016: 62-73) предстаёт для них как одна из возможных траекторий при выборе стратегии будущего развития. Аргументом в пользу подобного понимания модернизации выступает тезис о том, что сама западная цивилизация в современный период уже исчерпала возможный потенциал индустриального этапа, а потому находится на новом витке своего пути, который характеризуется как постиндустриальное (информационное) общество.

Для российской истории 30–40-х гг. XIX в. – середины XX в., по нашему мнению, вполне применимо классическое понимание модернизации как перехода от аграрного социума к индустриальному (Миронов, 2018): в духовном плане это выразилось в виде транзита от консервативных установок к инновационному стилю мышления, от коллективизма и патриархальности к индивидуализму, от патернализма к эгалитаризму в рамках семейных отношений, от религиозного сознания к рационализации мировоззрения и т.д. Одной из главных ментальных установок российского социума, характеризующих его как традиционное общество, является монархизм. Последний должен трансформироваться в процессе модернизации в осознание

необходимости развития принципа широкого представительства при формировании органов государственной власти, что фактически означает смену консервативной идеологии либерализмом. Монархизм тесно связан с такими ментальными установками, как патернализм и патриархальность, потому вектор его изменений представляет собой важный процесс для перехода российского социума от традиционного общества к современному в духовном плане.

3. Обсуждение

Современные российские учёные, обращающиеся к делам об оскорблении Величества и определяющие их как самостоятельный объект исследования, опираются на материалы как региональных, так и столичных архивов. Следует заметить, что в имеющихся по данной тематике публикациях заостряется внимание на различных аспектах обозначенной выше документации и используется широкий спектр методологических подходов к обработке и анализу соответствующих архивных материалов. При этом историки осуществляют классификацию наличествующих в их распоряжении случаев, выделяя для этого разные основания.

В частности, Е.А. Колотильщикова в качестве критерия для группировки обработанных ею соответствующих архивных материалов, выделила обоснованность мотивировки (Колотильщикова, 2005); Б.И. Колоницкий – причину или мотив оскорбления Величества, социальное происхождение подследственных, место совершения правонарушения, изменение количества дел в разные годы Первой Мировой войны, наличие в них специального оговора, объект правонарушения (Колоницкий, 2023: 46-71); В.Б. Безгин – выявление причин, которые повлекли за собой оскорбительные высказывания, а также обстоятельств, которые их сопровождали (Безгин, 2016: 25); Д.А. Сафонов – механизм привлечения к юридической ответственности (Сафонов, 2016: 172), а также характеристики субъектов и свидетелей правонарушения, дифференциацию самих оскорблений (Сафонов, 2017); Н.М. Корнева и А.А. Солнышкин – социальный состав, смягчающие/отягчающие обстоятельства, определённые хронологические рамки, принимаемые нормативно-правовые акты как основу для рассмотрения дел, средства и объекты оскорбления (Корнева, Солнышкин, 2022); А.А. Высоцкий и И.А. Негревский – непосредственное отношение к Первой русской революции (Высоцкий, Негревский, 2023); Т.Л. Соколова – место оскорбления особы императора (Соколова, 2023: 38-39); А.С. Слепцов – территориальный принцип (Слепцов, 2024a), а также объект оскорблений (Слепцов, 2024b: 129-130); О.А. Музыченко, также как и В.Б. Безгин, – сопровождающие правонарушение обстоятельства (Музыченко, 2024: 15-17).

Отсутствует чётко выделенное основание для группировки соответствующих эпизодов в работах И.Н. Кузнецова и Н.В. Патраш, но в них авторы преимущественно опираются на содержательный анализ дел для выявления трансформаций принципа монархизма в массовом сознании населения Российской империи второй половины XIX – начала XX в. (Кузнецов, 2013: 218; Патраш, 2016: 99-100). При этом Б.И. Колоницкий предложил настолько удачную и обоснованную классификацию дел об оскорблении Величества, основанную на причинно-содержательном принципе, что многие исследователи предпочитают пользоваться ею для обработки информации, обнаруженной ими в региональных архивах (Коновалова, 2014: 43-44; Соколова, 2023: 39; Слепцов, 2024b: 129-130).

Как видно из приведённого историографического обзора исследователи преимущественно предпочитают проводить качественный анализ дел об оскорблении Величества, основанный чаще всего на содержании самих высказываний. Безусловно, именно суть «крамольных» речей может показать степень приверженности принципу монархизма различных слоёв населения. Однако и обработка определённых показателей в количественном плане для анализа информации из имеющихся эпизодов позволит выявить и объяснить особенности этой судебно-следственной документации как исторического источника, что поможет более глубокому осмыслению динамики монархических настроений российского социума в целом. Мы согласны с тезисом Б.И. Колоницкого о том, что статистическая обработка дел в масштабах всей Российской империи крайне затруднительна (Колоницкий, 2023: 69-71), однако на материалах одной губернии реализация такого принципа вполне возможна. При этом серьёзным аргументом будет следующая ремарка Д.А. Сафонова: «Подобные дела всегда признавались важным массовым источником, но при этом практически никто из авторов никогда не приводил точной статистики. Избирательное цитирование документов позволяло подтвердить практически любой тезис, и прежде всего о нарастающем антимонархизме крестьян» (Сафонов, 2017: 194).

4. Результаты

Во второй половине XIX в. Тамбовская губерния состояла из 12-ти уездов. Абсолютно во всех этих административно-территориальных единицах были зафиксированы соответствующие эпизоды. Статистика их распределения приведена в Таблице 1.

Таблица 1. Распределение официально зафиксированных оскорблений Величества в сельской местности и городах по уездам Тамбовской губернии в 1862–1886 гг.

Уезд	Сельская местность		Города		Всего	% от общего числа
	Количество эпизодов	% от общего числа	Количество эпизодов	% от общего числа		
Борисоглебский	3	5	1	4,5	4	5
Елатомский	2	4	0	0	2	2
Кирсановский	7	13	2	8	9	11
Козловский	5	9	6	25	12	15
Лебединский	2	4	0	0	3	4
Липецкий	8	15	3	13	11	14
Моршанский	5	9	2	8	7	9
Спасский	3	5	3	13	6	7
Тамбовский	10	19	2	8	12	15
Темниковский	1	2	2	8	3	4
Усманский	3	6	2	8	5	6
Шацкий	5	9	1	4,5	6	8
Всего по губернии	54	100	24	100	80	100

Перед тем как начать анализировать информацию, имеющуюся в [Таблице 1](#), необходимо дать следующие пояснения: 1) в 2-х делах из имеющихся в нашем распоряжении отсутствует какая-либо географическая привязка к месту совершения правонарушения, а в 1-м указывается село Рязанской губернии, потому эти случаи в статистику не попали; 2) в 2-х делах указывается только соответствующий уезд (Козловский и Лебединский), но нет никаких сведений о конкретном селе, деревне или городском пункте, в котором имело место произнесение высказывания, потому в общем количестве эти эпизоды учтены, но они не включены в соответствующие цифровые данные по сельской местности и городам.

Как мы видим, соотношение случаев, зафиксированных в сельских и городских территориях, – около 2/3 к 1/3. Практически двухкратное превышение рассматриваемых эпизодов у деревенских жителей обуславливается аграрной спецификой Тамбовской губернии. Логично предположить, что количество совершённых правонарушений должно зависеть от численности городского и сельского населения в соответствующих административно-территориальных единицах. Приемлемым источником, который содержит необходимую для нас информацию, будет Первая Всероссийская перепись населения, проведённая в 1897 г. Выборка необходимой информации приведена в [Таблице 2](#).

Таблица 2. Распределение городского и сельского населения по уездам Тамбовской губернии, согласно Первой Всероссийской переписи населения 1897 г.

Уезд	Сельская местность		Города		Всего	% от общего числа
	Количество населения	% от общего числа	Количество населения	% от общего числа		
Борисоглебский	287209	12	21480	9	308689	11
Елатомский	138008	6	4407	2	142415	5
Кирсановский	254317	10	10336	5	264653	10
Козловский	299104	12	39523	18	338627	13
Лебединский	133526	5	12538	6	146064	5
Липецкий	146416	6	20098	9	166514	6
Моршанский	248778	10	26990	12	275768	10
Спасский	118181	5	5895	3	124076	5
Тамбовский	378483	15	47291	21	425774	16
Темниковский	129336	5	12357	5	141693	5
Усманский	201579	8	9950	4	211529	8
Шацкий	155819	6	13832	6	169651	6
Всего по губернии	2490756	100	224697	100	2715453	100

Составлено по: [Население империи..., 1897: 15](#).

Из имеющихся в [Таблице 2](#) количественных данных видно, что соотношение горожан (8 %) и сельчан (92 %) по переписи 1897 г. в целом по губернии разительно отличается от выявленной выше пропорции. Думается, что на статистику соответствующих совершенных правонарушений влияют такие факторы, как лучшая информированность городских жителей о событиях в стране, их более высокий уровень образования и, соответственно, способности критически осмысливать окружающую социальную действительность, а также большая эффективность работы правоохранительных органов, которые территориально преимущественно располагались в городах.

Если говорить о поуездной статистике количества оскорблений Величества и общей численности жителей, то она частично коррелируется. Обращает на себя внимание серьёзное расхождение процентных данных по гг. Козлов (соответственно 25 % и 18 %) и Спасск (13 % и 3 %) и Липецкому уезду (причём преимущественно за счёт совершенных соответствующих правонарушений в сельской местности: 14 % и 6 %). Самое большое количество оскорблений Величества зафиксировано в Козловском, Тамбовском, Липецком и Кирсановском уездах. В данном случае можно предположить, что определённую роль сыграло наличие железнодорожного сообщения в указанных административно-территориальных единицах: Юго-Восточная железная дорога, проходящая через Козлов, Липецк и Грязи, и Рязанско-Уральская железная дорога, соединяющая Козлов, Тамбов и Кирсанов с другими регионами, в том числе и с Москвой (см. Рисунок). Думается, что этот фактор в определённой мере повлиял на распространение различных новостей и слухов, а также на появление в выше указанных уездах соответственно настроенных людей. Что касается г. Спасска, то количество зафиксированных эпизодов в нём, если брать абсолютные цифры, невелико, а с учётом единичности случаев в городах каждый из них существенно влияет на соответствующий процент.

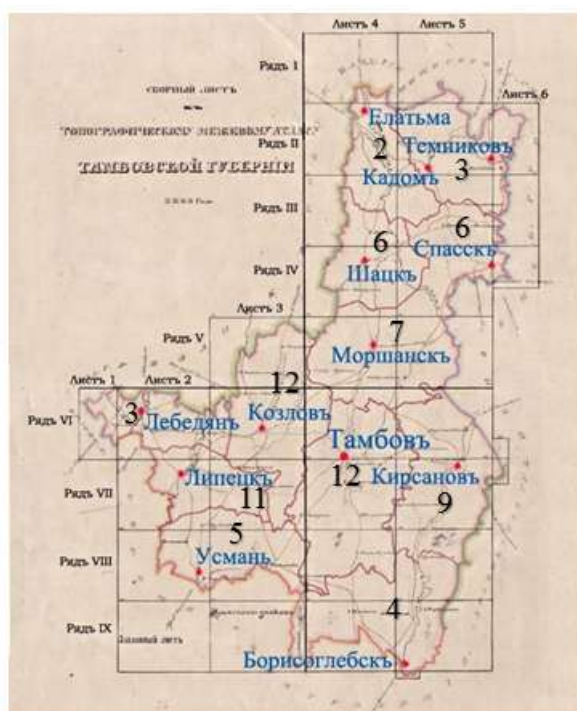

Рис. 1. Административно-территориальное деление Тамбовской губернии во второй половине XIX в. с указанием количества зафиксированных оскорблений Величества в каждом из её уездов ([Карты Менде](#))

Количественный анализ при обработке дел об оскорблении Величества возможно проводить и в отношении объекта правонарушения. В данном случае будут иметься в виду два императора – Александр II и Александр III, их жёны, отдельные представители дома Романовых или монархическое правление в целом. Однако при попытке получить определённые статистические выкладки мы столкнулись с проблемой необходимости осуществления содержательного анализа оскорблений, что выходит за рамки целей нашей статьи. Потому ограничимся лишь формальным подсчётом, который также может дать основания для определённых выводов.

Наибольшее число эпизодов содержит оскорбление Александра II – 64 из 83. Мы намеренно в данном случае не употребляем слова «личность», «персона», «особа» и т.д., потому как многие из этих дел не содержат конкретики, которая бы позволила отнести ту или иную крамольную речь или недопустимое действие непосредственно к Александру II. Будь на его месте другой государь, суть оскорбления от этого бы не поменялась. Однако повторимся, эти ремарки несут в себе уже смысл качественного анализа. В 17-ти эпизодах в качестве объекта правонарушения выступает Александр III.

Такая статистика вполне понятна: большая часть дел была возбуждена в правление царя-Освободителя, но были ещё и эпизоды, которые имели место после 1885 г. Здесь же следует учитывать и тот факт, что существенная доля случаев (47 из 83) была зафиксирована в 1881 г.: не сложно догадаться, что поводом для совершения оскорбления Величества во многих из них послужило убийство Александра II народолюбцами, а это сильно влияет на значения имеющихся данных.

Следует заметить, что в 8-ми эпизодах оба императора фигурируют совместно, что наводит на мысль о недовольстве в целом монархической формой правления, хотя напрямую материалы дела такой информации не содержат. Но приведённые цифры могут иметь и обратную интерпретацию. Несмотря на то, что сами оскорбления имеют негативную коннотацию, тем не менее обращение в данных случаях именно к императору свидетельствует о достаточно высокой степени патернализма в системе ментальных ценностей русского народа, и, в частности, крестьянства, поскольку решение большинства проблем ожидалось именно от царя-«батюшки» (Безгин, 2004: 29-30).

2 эпизода содержат ругательства в отношении цариц: одно в период правления Александра II, другое – его преемника. Мы намеренно их не персонализируем, поскольку в обоих случаях государыни не выступали как конкретные женщины, со своеобразными личностными качествами. Это говорит о том, что императрицы занимали существенно меньшее место в мировоззрении русского человека, а часто в большинстве своём многие жители Российской империи даже и не знали их имени, не говоря уже о том, чтобы каким-либо адекватным образом расценивать деятельность или черты характера супруги правителя.

В 5-ти делах упоминаются вполне конкретные представители дома Романовых: великие князья Михаил, Константин и Николай Николаевичи, а также Николай Павлович и император Петр I. Отнесение последнего к этой группе вполне закономерно, поскольку обстоятельства совершения правонарушения сильно схожи. Здесь большую роль играли определённые поводы, которые и спровоцировали фигурантов на оскорбление. В частности, в качестве таковых выступали служба в войсках, которыми командовал великий князь Михаил Николаевич, приезд Николая Николаевича в Борисоглебск или портрет Николая Павловича, висевший на месте правонарушения, и т. д.

Достаточно интересными будут эпизоды, в которых крамольные речи были направлены против монархического правления в целом. Таких насчитывается 6. Все они, как правило, содержат обобщения, несмотря на то что мотивы произнесения оскорблений являлись достаточно конкретными, причём в четырёх делах причиной для совершения правонарушения было убийство Александра II. Однако с учётом небольшого количества таких эпизодов следует сделать вывод о том, что в целом монархические настроения были достаточно сильны и имели ещё пока глубокую основу в русской ментальности.

В 2-х эпизодах оскорблению подверглась вся императорская фамилия, однако ни одно из таких дел никакой конкретики не содержит. Ещё в одном ругань была вызвана убийством Александра II, но к кому или чему она относилась, установить не удалось.

Промежуточным итогом в данном случае может служить следующее положение: количественный анализ в отношении объекта правонарушения также может свидетельствовать об определённых тенденциях, намечающихся в образе мыслей и мировоззрении русского народа, однако здесь больший эффект даст его сочетание с содержательным разбором каждого эпизода на предмет выявления мотивов или причин для произнесения крамольных речей, наличия оговора, соотнесения с личностью подвергшегося оскорблению, а также использования обобщений различного рода в высказываниях фигурантов дела.

5. Заключение

Таким образом, необходимо сделать вывод о том, что количественный анализ информации из дел об оскорблении Величества обладает высоким исследовательским потенциалом. Архивная база Тамбовской губернии второй половины XIX в. достаточно репрезентативна для того, чтобы выявить определённые особенности указанной судебно-следственной документации как исторического источника. Квантитативную обработку информации, содержащейся в указанных делах, возможно осуществлять по разным основаниям. Одно из них – географический принцип. В частности, сведения о месте совершения соответствующего правонарушения присутствуют в подавляющем большинстве зафиксированных случаев. Это позволяет прийти к обоснованным выводам. Статистическая информация в географическом плане может быть использована в двух направлениях: сравнительный анализ эпизодов, имевших место в сельской местности и городах, а также в уездах Тамбовской губернии. Реализация количественного анализа в данных направлениях, осуществлённая в корреляции с численностью населения в соответствующих пунктах и территориях исследуемого региона, позволила прийти к следующим положениям: сформированность мнения о политических событиях в стране и критическое отношение к социальной действительности в большей степени характерны в рассматриваемый период для горожан, а также для населения тех уездов, по которым осуществлялось регулярное железнодорожное сообщение.

Если брать за основу квантитативной обработки информации из дел об оскорблении Величества объект правонарушения, то следует признать, что именно правитель России играл наибольшую роль в

мировоззрении русского народа, нежели остальные представители императорской фамилии. При этом, несмотря на отрицательную суть высказываний, необходимо расценивать само упоминание царя (в большинстве случаев) как надежду на решение всех имеющихся проблем, что при корреляции со статистикой рассматриваемых случаев соответствующих правонарушений с общей численностью населения свидетельствует о достаточно высоком уровне монархических настроений в Тамбовской губернии второй половины XIX в. Однако начальную стадию девальвации принципа монархизма в ментальности тамбовчан в указанный период стоит зафиксировать.

В целом, о сложившемся процессе духовной модернизации в поздней Российской империи, опираясь только на информацию из дел об оскорблении Величества, говорить не следует. Тем не менее, степень приверженности жителей Тамбовской губернии монархической форме правления позволяет при известном уровне экстраполяции определить зачаточное состояние данного процесса. Для того чтобы прийти к более точным выводам в указанном отношении, следует иметь комплексное представление о различных аспектах перехода российского социума от аграрной стадии к индустриальной в духовном плане, и данное исследование может расцениваться как один из возможных штрихов при выявлении общих тенденций Российского государства на пути модернизации.

Литература

Безгин, 2004 – Безгин В.Б. «Царь-Батюшка» и «Народ-Богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX – начала XX вв.) / *Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета: сборник научных трудов*. СПб.: Нестор, 2004. Вып. 2. С. 29-34.

Безгин, 2016 – Безгин В.Б. За что и как крестьяне бранили царя (по материалам следственных дел конца XIX – начала XX в.) // *Исторические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2016. № 12 (74). Ч. 2. С. 24-27.

Высоцкий, Негревский, 2023 – Высоцкий А.А., Негревский И.А. Дела об оскорблении членов императорской семьи в период Первой русской революции (на примере Новгородской губернии) / *Ноябрьские чтения-2022: Сборник статей по итогам XIII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых*. Санкт-Петербург, 18-20 ноября 2022 г. / Д.А. Харина (отв. ред.); К.И. Крутько и др. СПб.: Издательство Скифия-принт, 2023. С. 101-106.

ГАТО – Государственный архив Тамбовской области.

Карты Менде – Карты Менде. Тамбовская губерния, 2 версты в дюйме. Фрагменты листов / Россия 4D. [Электронный ресурс]. URL: <https://russia4d.ru/content/karty-mende-tambovskaaya-guberniya-2-versty-v-dyuime-fragmenty-listov> (дата обращения: 08.01.2025).

Колоницкий, 2023 – Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 664 с.

Колотильщикова, 2005 – Колотильщикова Е.А. Дела об оскорблении Его императорского величества и лиц царствующего дома как источник изучения крестьянского сознания в конце XIX – начале XX в. (на материалах Тверской губернии) / *Историческая память и социальная стратификация. Социокультурный аспект: Материалы XVII Международной научной конференции*, Санкт-Петербург, 16-17 мая 2005 г.: В 2 ч. / Под ред. д-ра ист. наук, проф. С.Н. Полторака. СПб.: Нестор, 2005. Ч. I. С. 142-147.

Коновалова, 2014 – Коновалова Н.А. Об изучении проблемы оскорбления крестьянами особы государя императора в начале XX в. // *Вестник Омского университета*. 2014. № 1. С. 42-47.

Корнева, Солнышкин, 2022 – Корнева М.Н., Солнышкин А.А. «Оскорбление Его Величества дерзкими словами» как государственное преступление (на материалах Санкт-Петербургских архивов) // *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 10. С. 388-409.

Кузнецов, 2013 – Кузнецов И.Н. Образ царя в сознании крестьянства Вологодской губернии во второй половине XIX – нач. XX в. По следственным делам об оскорблении имени и титула императора и членов императорской семьи // *Вестник архивиста*. 2013. № 3. С. 215-226.

Миронов, 2018 – Миронов Б.Н. Модернизация имперская и советская // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54-82.

Музыченко, 2024 – Музыченко О.А. Оскорбление высшей власти крестьянами и мещанами Стародубья в конце XIX века // *Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина*. 2024. № 3 (84). С. 13-19.

Население империи..., 1897 – Население империи по переписи 28-го января 1897 года. По уездам. СПб.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1897. 32 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://static.statmuseum.ru/results/1897/naselenie-imperii-po-perepisi-po-uezdam.pdf> (дата обращения: 30.12.2024).

Патраш, 2016 – Патраш Н.В. Трансформация образа царя в сознании населения Псковской губернии в начале XX в. по материалам судебно-следственных дел // *Вестник Тверского государственного университета. Серия «История»*. 2016. № 3. С. 92-102.

Сафонов, 2016 – Сафонов Д.А. Деятельность правоохранительных органов России конца XIX – начала XX века по правоприменению статей об «оскорблении величества» // *Вестник Оренбургского*

государственного педагогического университета. *Электронный научный журнал*. 2016. № 4 (20). С. 171-184. URL: <http://vestospu.ru/archive/2016/articles/SafonovD4-20-1.html> (дата обращения: 04.01.2025).

Сафонов, 2017 – Сафонов Д.А. «Оскорбление Величества» как индикатор общественного сознания провинциального общества конца XIX – начала XX в. // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2017. № 2 (22). С. 193-208. [Электронный ресурс]. URL: http://vestospu.ru/archive/2017/articles/19_2_2017.html (дата обращения: 04.01.2025).

Слепцов, 2024a – Слепцов А.С. География оскорблений членов императорской семьи в Области войска Донского в начале XX в. // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион*. 2024. № 1 (221). С. 74-83.

Слепцов, 2024b – Слепцов А.С. Образ монаршей власти: кого и почему оскорбляли в области Войска Донского в начале XX века? // *Клио*. 2024. № 5 (209). С. 126-132.

Соколова, 2023 – Соколова Т.Л. Оскорбление императора, совершенное в состоянии алкогольного опьянения: особенности преступления и наказания во второй половине XIX века (на материалах Вологодской губернии) // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. № 12-2. С. 36-40.

Федотова, 2016 – Федотова В.Г. Модернизация и культура. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 336 с.

Dvornichenko, Kotov, 2018 – Dvornichenko A.Yu., Kotov A.E. The Centenary of the Great Upheavals in the Mirror of the Latest Russian Historiography // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4. Pp. 1752-1765.

Eisenstadt, 2000 – Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129, № 1. Pp. 1-29.

Huntington, 2016 – Huntington S.P. The clash of civilizations? // *Culture and Politics: a Reader* / Ed. by L. Crovers and Ch. Lockhart. New York: St. Martin's Press, 2016. Pp. 99-118.

Multiple Modernities..., 2016 – Multiple Modernities and Postsecular Societies / Ed. by M. Rosati and K. Stoekl. London, New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. 200 p.

Schmidt, 2010 – Schmidt V.H. Modernity and diversity: Reflections on the controversy between modernization theory and multiple modernists // *Social Science Information*. 2010. Vol. 49, № 4. Pp. 511-538.

Sztompka, 2015 – Sztompka P. Modernization as social becoming: 10 theses on modernization // *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited* / Ed. by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore: World Scientific Publishing Co., 2015. Pp. 25-31.

References

Bezgin, 2004 – Bezgin, V.B. (2004). "Tsar'-Batyushka" i "Narod-Bogonosets" (krest'yanskii monarkhizm kontsa XIX – nachala XX vv.) ["Father-Tsar" and "God-Bearing People" (peasant monarchism of the late 19th – early 20th centuries)]. *Trudy kafedry istorii i filosofii Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: sbornik nauchnykh trudov*. SPb.: Nestor. Is. 2: 29-34. [in Russian]

Bezgin, 2016 – Bezgin, V.B. (2016). Za chto i kak krest'yane branili tsarya (po materialam sledstvennykh del kontsa XIX – nachala XX v.) [What for and how peasants scolded the tsar (by the materials of investigatory cases of the end of the XIX – the beginning of the XX century)]. *Istoricheskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 12 (74). Pt. 2: 24-27. [in Russian]

Dvornichenko, Kotov, 2018 – Dvornichenko, A.Yu., Kotov, A.E. (2018). The Centenary of the Great Upheavals in the Mirror of the Latest Russian Historiography. *Bylye Gody*. 50(4): 1752-1765.

Eisenstadt, 2000 – Eisenstadt, S.N. (2000). Multiple Modernities. *Daedalus*. 129 (1): 1-29.

Fedotova, 2016 – Fedotova, V.G. (2016). Modernizatsiya i kul'tura [Modernization and culture]. M.: Progress-Traditsiya. [in Russian]

Huntington, 2016 – Huntington, S.P. (2016). The clash of civilizations? *Culture and Politics: a Reader*, edited by L. Crovers and Ch. Lockhart. New York: St. Martin's Press. Pp. 99-118.

Kolonitskii, 2023 – Kolonitskii, B.I. (2023). "Tragicheskaya erotika": Obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi mirovoi voyny ["Tragic eroticism": Images of the Imperial family during the First World War]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. [in Russian]

Kolotil'shchikova, 2005 – Kolotil'shchikova, E.A. (2005). Dela ob oskorblenii Ego imperatorskogo velichestva i lits tsarstvuyushchego doma kak istochnik izucheniya krest'yanskogo soznaniya v kontse XIX – nachale XX v. (na materialakh Tverskoi gubernii) [Cases of insulting of His Imperial Majesty and persons of the reigning house as a source of studying peasant consciousness in the late XIX – early XX centuries (based on the materials of the Tver province)]. *Istoricheskaya pamyat' i sotsial'naya stratifikatsiya. Sotsiokul'turnyi aspekt: Materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 16-17 maya 2005 g.* Edited by S.N. Poltorak, St Petersburg: Nestor. Pt. I: 142-147. [in Russian]

Konovalova, 2014 – Konovalova, N.A. (2014). Ob izuchenii problemy oskorbleniya krest'yanami osoby gosudarya imperatora v nachale XX v. [On the problem of peasants' insults of the person of the sovereign emperor at the beginning of the XX century]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 1: 42-47. [in Russian]

Korneva, Solnyshkin, 2022 – Korneva, M.N., Solnyshkin, A.A. (2022). "Oskorblenie Ego Velichestva derzkimi slovami" kak gosudarstvennoe prestuplenie (na materialakh Sankt-Peterburgskikh arkhivov)

["Insulting His Majesty with Insolent Words" as State Crime (St. Petersburg Archives)]. *Nauchnyi dialog*. 11(10): 388-409. [in Russian]

Kuznetsov, 2013 – Kuznetsov, I.N. (2013). Obraz tsarya v soznanii krest'yanstva Vologodskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nach. XX v. Po sledstvennym delam ob oskorblenii imeni i titula imperatora i chlenov imperatorskoi sem'i [The tsar's image into consciousness of peasantry of the Vologda province from the second half of 19th to the beginning 20th centuries. By investigation cases about the insult Emperor's name and title and members of the Imperial family]. *Vestnik arkhivista*. 3: 215-226. [in Russian]

Mironov, 2018 – Mironov, B.N. (2018). Modernizatsiya imperskaya i sovetskaya [Imperial and Soviet Modernization]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 63 (1): 54-82. [in Russian]

Multiple Modernities..., 2016 – Multiple Modernities and Postsecular Societies. Edited by M. Rosati, and K. Stoekl. New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. 200 p.

Muzychenko, 2024 – Muzychenko, O.A. (2024). Oskorblenie vysshei vlasti krest'yanami i meshchanami Starodub'ya v kontse XIX veka [Insult of the highest authorities by peasants and townspeople of Starodubye at the end of the 19th century]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 3 (84): 13-19. [in Russian]

Patrash, 2016 – Patrash, N.V. (2016). Transformatsiya obraza tsarya v soznanii naseleniya Pskovskoi gubernii v nachale XX v. po materialam sudebno-sledstvennykh del [Transformation of the tsar's image in the perception of Pskov province inhabitants in the early twentieth century according to the materials of legal cases]. *Vestnik TvGU. Seriya "Istoriya"*. 3: 92-102. [in Russian]

Safonov, 2016 – Safonov, D.A. (2016). Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov Rossii kontsa XIX – nachala XX veka po pravoprimereniyu statei ob "oskorblenii velichestva" [Activities of law enforcement authorities of Russia in late XIX – early XX century on the enforcement of "lese Majeste" articles]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 4 (20): 171-184. [Electronic resource]. URL: http://vestospu.ru/archive/2017/articles/19_2_2017.html (date of access: 04.01.2025). [in Russian]

Safonov, 2016 – Safonov, D.A. (2017). "Oskorblenie Velichestva" kak indikator obshchestvennogo soznaniya provintsial'nogo obshchestva kontsa XIX – nachala XX v. ["Lese majeste" as an indicator of social consciousness of the provincial society of late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal*. 2(22): 193-208. [Electronic resource]. URL: http://vestospu.ru/archive/2017/articles/19_2_2017.html (date of access: 04.01.2025). [in Russian]

Schmidt, 2010 – Schmidt, V.H. (2010). Modernity and diversity: Reflections on the controversy between modernization theory and multiple modernists. *Social Science Information*. 49 (4): 511-538.

Sleptsov, 2024a – Sleptsov, A.S. (2024). Geografiya oskorblenii chlenov imperatorskoi sem'i v Oblasti voiska Donskogo v nachale XX v. [Geography of insults of the imperial family members in the Don Army region at the beginning of the 20th century]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region*. 1(221): 74-83. [in Russian]

Sleptsov, 2024b – Sleptsov, A.S. (2024). Obraz monarshei vlasti: kogo i pochemu oskorblyali v oblasti Voiska Donskogo v nachale XX veka [Image of monarchical power: who and why was insulting in the Oblast Vojska Donskogo in the early 20th century?]. *Klio*. 5(209): 126-132. [In Russian]

Sokolova, 2023 – Sokolova, T.L. (2023). Oskorblenie imperatora, sovershennoe v sostoyanii alkogol'nogo op'yaneniya: osobennosti prestupleniya i nakazaniya vo vtoroi polovine XIX veka (na materialakh Vologodskoi gubernii) [Unintentional insult of the emperor: features of crime and punishment in the second half of the XIX century (based on the materials from the Vologda province)]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 12 (2): 36-40. [in Russian]

Sztompka, 2015 – Sztompka, P. (2015). Modernization as social becoming: 10 theses on modernization. *Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited*. Edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pp. 25-31.

Vysotskii, Negrevskii, 2023 – Vysotskii, A.A., Negrevskii, I.A. (2023). Dela ob oskorblenii chlenov imperatorskoi sem'i v period Pervoi russkoi revolyutsii (na primere Novgorodskoi gubernii) [Cases of insulting members of the imperial family during the First Russian Revolution (on the example of the Novgorod province)]. In *Noyabr'skie chteniya-2022: Sbornik statei po itogam XIII Vserossiiskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. Sankt-Peterburg, 18–20 noyabrya 2022 g. [November readings-2022: A collection of articles on the results of the XIII All-Russian Conference of students, postgraduates and young scientists. St. Petersburg, November 18–20, 2022]. Edited by D.A. Kharina et al., SPb.: Izdatel'stvo Skifiya-print. Pp. 101-106. [in Russian]

Дела об оскорблении Величества: возможности количественного анализа в контексте теории модернизации (на материалах Тамбовской губернии второй половины XIX в.)Константин Владимирович Самохин^{a, *}^a Тамбовский государственный технический университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена оценке количественного потенциала при обработке информации из дел об оскорблении Величества, отложившихся в фонде 4 Государственного архива Тамбовской области. Все эпизоды из данных дел относятся ко второй половине XIX в. Решение поставленной проблемы поможет как более глубокому изучению сути и модификаций монархических представлений населения Российского государства, так и складыванию полной картины модернизационных процессов, происходящих в период поздней империи. В качестве основы для проведения количественного анализа обнаруженных дел об оскорблении Величества взяты географический принцип и объект правонарушения. Квантитативная обработка зафиксированных эпизодов в географическом плане осуществлена по двум ориентирам: сравнительная корреляция числа случаев, имевших место в сельской местности и городских пунктах, и компаративный анализ количества рассматриваемых эпизодов по уездам. При изучении информации об объекте правонарушения необходимо признать наличие определённой транспарентности, поскольку более эффективным в данном случае будет качественно-количественный анализ. Проведённое исследование позволило автору прийти к следующим выводам. Более высокая частота совершения соответствующих правонарушений горожанами обусловлена такими факторами, как их лучшая информированность о политических изменениях в стране, доступность для них образования и, соответственно, складывание критического отношения к монархической форме правления, а также более эффективная работа правоохранительных органов в городах. Большая часть указанных факторов стала причиной девальвации принципа монархизма у населения тех уездов, которые обладали необходимой железнодорожной инфраструктурой. И, наконец, монархические настроения тамбовчан во второй половине XIX в. являлись одним из основных элементов в структуре их ментальности, однако первые признаки снижения степени приверженности монархической форме правления уже имели место, что позволяет говорить при определенном уровне экстраполяции и о начальной стадии духовной модернизации российского социума.

Ключевые слова: оскорбление Величества, количественный анализ, географический принцип, объект правонарушения, судебно-следственная документация, теория модернизации, Тамбовская губерния, период поздней империи, методология источниковедения.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kon-sam@yandex.ru (К.В. Самохин)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 812-823
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.812

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Influence of Hegelianism on the Russian Intelligentsia and the Development of Socio-Political Thought of Russia in the 19th century

Tatyana V. Gryaznukhina ^a, Alexander G. Gryaznukhin ^{a, *}

^a Siberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article examines the impact of Hegel's philosophy on the worldview of the Russian intelligentsia, which shaped the development of socio-political thought in 19th century in Russia. Primary sources include Hegel's works, as well as memoirs, letters, and articles by Russian intellectuals who either embraced or criticized the ideas of the German thinker. Hegel's systematic approach to analyzing reality, interpreting all social phenomena in their interconnectedness and development, was seen by the Russian intelligentsia as highly relevant. However, blind imitation of Hegelian ideas was not accepted in Russian intellectual discourse; instead, there was a selective adoption of elements that aligned with the intelligentsia's aspirations. The dialectical method failed to become a unifying force for Russia's thinking society. The excessive abstractness of Hegel's philosophy, recognized as a flaw by most intellectuals, led to ambiguous interpretations, fostering misunderstanding and division within their ranks. Slavophiles and Westernizers, relying on Hegelian frameworks, proposed differing, sometimes contradictory, models of socio-political development.

By the 1860s, disillusionment with philosophy in general—and Hegel's teachings in particular – arose due to shifts in Russia's socio-political climate. The intelligentsia's unrealistic expectation that theoretical philosophy should serve as a tool for solving practical national issues led to a decline in its perceived relevance. Nevertheless, Hegel's philosophy was not forgotten; the Russian intelligentsia continued to engage with it, debating and comparing their views against it throughout the 19th century.

Keywords: Hegel, philosophy, dialectics, Russia, intelligentsia, Westernizers, Slavophiles.

1. Введение

Философские воззрения, в основе которых лежит осмысление общественных проблем, являются отражением интеллектуального развития социума и общественных отношений конкретного исторического периода. Социально обусловленные вопросы, рассматриваемые философией, самым непосредственным образом связаны с развитием общественной мысли. Примером практического применения философского учения служит система Г. В. Ф. Гегеля, в основе которой лежал диалектический метод познания мира. Опираясь на учение Гегеля, К. Маркс разработал политико-экономическую систему, претворение которой в жизнь изменило ход мировой истории.

Отсутствие собственной философской системы в России побудило русскую интеллигенцию XIX в. обратить внимание на достижения западноевропейской философской мысли. В. Зеньковский отмечал, что «целые поколения попадали в плен Западу, в страстное и горячее следование его созданиям и исканиям; Россия вообще отвечала живым эхом на то, что совершалось на Западе» (Зеньковский, 2004: 15). Влияние западной философии на развитие русской общественно-философской мысли было значительным, и Гегелю в этом принадлежала лидирующая роль. От его философской системы ждали не только теоретических ответов, но и практических советов по решению жизненных вопросов, что сделало философию востребованной в русской интеллигентской

* Corresponding author

E-mail addresses: tag-kras@mail.ru (T.V. Gryaznukhina), agagag@mail.ru (A.G. Gryaznukhin)

среде 1830-1840-х гг. Огарев писал: «Как религия была таинством, к которому в обычное время приступали со страхом и верою, так в наше время философия, и именно философия Гегеля» (Чижевский, 2007: 84). Объединившаяся в кружки молодёжь с увлечением изучала идеалистическую систему Гегеля, диалектический метод, основные черты которого философ обосновал в «Феноменологии духа». Стремясь проследить путь сознания от низших чувственных форм к высшим, к абсолютному знанию, Гегель рассматривал все явления как результат предшествующего развития. Суть движения он видел в наличии противоречий в вещах и явлениях, которые рассматривал в качестве источника развития: «Все вещи противоречивы в самих себе. Противоречие есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью» (Гегель, 1937: 519-520). Исходя из своего тезиса, что всё действительное разумно, Гегель обосновывал разумность исторического процесса: «Разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершается разумно» (Гегель, 1935: 10). Но конкретная реальность у Гегеля принимала форму абстрактного духа. Целью самой системы, в основе которой лежал диалектический метод, являлось достижение Абсолютного Духа, или высшей реальности, а изучение закономерностей развития духа (мышления) помогало понять закономерности мирового развития (Стретерн, 2004: 31). Считая, что историю и самого человека надо рассматривать в процессе его деятельности, в историческом развитии, Гегель саму историю представлял как развитие народных духов, а общественную жизнь – как проявление объективного духа, который проявляется через связи и отношения членов общества, представленного множеством семей.

Новизна подхода, объединение всех явлений общественной и природной жизни в одну систему делали учение немецкого мыслителя привлекательным для русской интеллигенции в течение всего XIX в. Анализ философской системы Гегеля в историческом контексте позволяет выявить степень её влияния на развитие общественно-политической мысли русской интеллигенции, повлиявшей, в свою очередь, на весь дальнейший ход развития страны.

2. Материалы и методы

Исторический контекст рассмотрения философского учения Гегеля предопределил использование в качестве основного первоисточника его труда «Философия истории», позволяющего выявить представление немецкого мыслителя о ходе развития всемирного исторического процесса (Гегель, 1935). Противоречия, из которых состоят все явления общественной жизни, рассматривались Гегелем в качестве источника развития в труде «Наука логики» (Гегель, 1937). В письме Гегеля к его русскому ученику Борису Искюлю содержится информация о восприятии им России как державы, имеющей большие перспективы для своего развития (Гегель, 1971).

В качестве первоисточников в статье также рассматриваются труды, созданные представителями российской интеллигенции XIX в. Большую ценность для исследования проблемы представляют воспоминания А. Герцена, который прошёл через серьёзное увлечение учением Гегеля (Герцен, 1964). Письма В. Белинского позволяют увидеть эволюцию отношения критика к идеям немецкого мыслителя (Белинский, 1956а; 1956б). Мемуары П. Анненкова повествуют об интеллектуальной жизни русской интеллигенции первой половины XIX в., выразившейся в её гегельянстве (Анненков, 1989). Воспоминания Е. Белова содержат сведения об увлечениях преподавателей 50-х годов философией Гегеля (Белов, 1982). Н. Чернышевский в своих статьях и рецензиях характеризовал Гегеля как мыслителя и анализировал его взгляды на развитие исторического процесса (Чернышевский, 1947, 1950). В. Короленко, Н. Шелгунов в своих воспоминаниях повествовали о влиянии учения Гегеля на Н. Чернышевского (Короленко, 1982; Шелгунов, 1982). Заслуживает внимания труд русского народника П. Лаврова «Философия и социология», в котором он, соглашаясь с гегелевским принципом историзма, критикует его догматизм, лежащий в основе учения (Лавров, 1965). П. Ткачев в своей рецензии на книгу Дж. Г. Льюиса касается взглядов русской интеллигенции на философию как науку (Ткачев, 1975).

Методологическим каркасом работы являются общенаучные принципы исследования. Взаимосвязь философских идей Гегеля и общественно-политических концепций русской интеллигенции удалось проследить с помощью системного подхода на базе диалектического метода. Принцип историзма лёг в основу анализа изменявшихся условий взаимодействия носителей общественной мысли России как внутри сообществ, так и на внешнем контуре. Из специально-исторических методов базовым явился историко-генетический, давший возможность проследить зарождение русского гегельянства и его эволюцию в процессе общественно-политических трансформаций России XIX в. Особенности и значение исторических индивидуумов в ракурсе развития идей Гегеля на русской почве позволил выявить идеографический метод.

3. Обсуждение

Существенным дополнением к источниковедческой литературе являются труды историков и философов, посвящённые исследованию вопросов влияния гегельянства русской интеллигенции на эволюцию общественно-политического осмысления действительности России. Н. Бердяев в своём

труде «Русская идея» касался вопросов эволюции общественной ментальности России 1840-х гг., анализировал изменение взглядов Белинского, его увлечение Гегелем (Бердяев, 2008). Фундаментальный характер носит труд русского богослова и философа В. Зеньковского (Зеньковский, 2004). Богатый фактический материал по исследуемой проблеме содержит работа Д. Чижевского «Гегель в России» (Чижевский, 2007). В коллективной монографии «Гегель и философия в России» освещается влияние учения Гегеля на отдельных представителей философской мысли России (ГИФВР, 1974). Альманах «Россия/Russia» посвящён вопросам влияния западной интеллектуальной мысли на русскую интеллигенцию в разные исторические периоды (P/R, 1999). Основные идеи гегелевского наследия анализируются в монографии М. Кисселя (Киссель, 1982). В монографии А. Гулыги, посвящённой анализу жизни и деятельности философа, акцентируется внимание на влиянии различных жизненных ситуаций на изменение мировоззренческих позиций мыслителя (Гулыга, 1970). Критический анализ гегелевской философии произведён М. Овсянниковым (Овсянников, 1971). Исследованию роли индивида в исторических процессах в контексте гегелевской философии духа посвящена монография К. Чепурина (Чепурин, 2011). Академиком П. Стретенном дан краткий обзор жизни и идей философа, обоснование несостоятельности учения Гегеля по многим вопросам бытия (Стретенн, 2004).

В статье Т. Коломеецовой рассматриваются особенности консервативной рецепции Гегеля в России, отразившиеся в деятельности и воззрениях Н. Станкевича, М. Бакунина, В. Белинского (Коломеецева, 2018). А. Юдин анализирует отношение П. Лаврова к учению Гегеля (Юдин, 2014). Влиянию диалектического метода на взгляды В. Соловьёва посвящена статья В. Сидорина (Сидорин, 2014). В контексте гегелевской философии как субстанции русского духа рассматривает поэзию А. Пушкина в своей статье П. Нешитов (Нешитов, 2014). Влиянию наследия Гегеля на становление мировоззрения Б. Чичерина и К. Кавелина посвящена статья М. Иванова (Иванов, 2015). Интерпретации учения Гегеля в трудах И. Ильина посвящены статьи С. Малинина, Б. Губмана (Малинин, 2014; Малинин, Губман, 2021). Вопросам поиска российской интеллигенцией путей развития страны и идейным дискуссиям среди их представителей посвящён ряд работ авторов данной статьи (Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015; Gryaznukhin et al., 2021; Gryaznukhin et al., 2021a).

4. Результаты

Русская общественная мысль после победы в Отечественной войне 1812 г. начинает развиваться наиболее интенсивно, чему способствовало более близкое знакомство с культурой и политико-философскими концепциями Запада. В среде российской интеллигенции росло национальное самосознание, формировалось ощущение политической мощи России. На волне патриотического подъёма в 1820-х гг. начинают образовываться кружки, члены которых мечтали о переустройстве страны. Ответы на волновавшие интеллигенцию вопросы она пыталась найти в немецкой идеалистической философии. А. Пушкин в 1835 г. писал о том, что немецкая философия была очень популярна в Москве, и поэт считал это явление благотворным (Коломеецева, 2018: 64). Через ознакомление с Кантом, увлечение Шеллингом, передовая русская интеллигенция пришла к изучению диалектики Гегеля. С гегелевской философией были знакомы декабристы, не всецело её поддерживая. А. Тургенев слушал лекции Гегеля, имел дружеские отношения с Н. Станкевичем, который изучал философию немецкого мыслителя. М. Фонвизин в своих письмах из сибирской ссылки к И. Якушкину высказывал критические замечания по поводу учения Гегеля. Первым органом, предоставившим свои страницы для обсуждения трудов Гегеля, стал журнал «Московский наблюдатель». Издатель «Телескопа» Н. Надеждин, преподававший курс логики в Московском университете, с философией Гегеля тоже, безусловно, был знаком (Коган, 1974: 53, 54, 56). В 1830–1840-е гг. создание кружков стало массовым, поскольку это отвечало потребностям интеллигенции, так как официально принятая доктрина Уварова по своей сути не соответствовала её устремлениям. С помощью философии Гегеля интеллигенция хотела найти ключ к решению политических и социальных проблем. Правительство не поощряло увлечение общества философией, расценивая упоминание Гегеля как повод к неблагонадёжности. Но, несмотря на это, философские общества и кружки в России образовывались повсеместно. В 1838 г. при университетской библиотеке в Казани образовался кружок, на заседаниях которого изучали труды Гегеля. «Целые ночи просиживали мы иногда над одной страницей, стараясь проникнуть в смысл замысловатой речи этого немецкого мыслителя... Так трудились мы, читали, рассуждали, спорили» (Чижевский, 2007: 71) – вспоминал один из участников кружка. С 1833 г. собирался философский кружок в Харькове, с 1836 г. – в Твери, им руководили братья Бакунины, которые находились под сильным влиянием своего старшего брата Михаила. Значительным было влияние учения Гегеля в Киевском университете, лицеях Одессы и Нежина. Гегельянами были профессора Московского университета П. Редкин, Д. Крюков, Т. Грановский, В. Печерин. Их взгляды разделяли С. Соловьёв, Ф. Буслаяев, К. Кавелин (Чижевский, 2007: 256).

Исключительная роль в распространении гегельянства в России принадлежала кружку Н. Станкевича, который стал одним из первых последователей Гегеля. «Друзья Станкевича были на первом плане; Бакунин и Белинский стояли в их главе, каждый с томом Гегелевской философии в

руках и с юношеской нетерпимостью...» (Герцен, 1964: 262). Под влиянием Станкевича находились Т. Грановский, поэт Кольцов, Боткин, Катков, Самарин. Становится гегельянцем И. Тургенев, который серьёзно изучал труды мыслителя. В 1842 г. он успешно сдал магистерский экзамен по философии, но под влиянием Белинского предпочтение отдал литературе. Гегельянство И. Тургенева отразилось в таких литературных произведениях, как «Рудин», «Отцы и дети», «Дым», «Гамлет Шигровского уезда» (Чижевский, 2007: 179). Образовавшийся в Москве кружок Станкевича занимался в основном теоретическими вопросами. Кружковцы штудировали труды великого учителя, который, как они считали, «разрешал все тайны мироздания, происхождение и историю всех явлений жизни... Человек не знакомый с Гегелем, считался кружком почти что не существующим человеком» (Анненков, 1989: 132). Не всем по силам было понять учение Гегеля, но «ценою убийственной головоломной работы» молодёжь стремилась попасть в кружок. Трудность восприятия не отталкивала её от учения, о колоссальной популярности которого среди интеллигенции 1840-х гг. свидетельствовал А. Герцен, вспоминая, что из Берлина доставлялась литература с малейшим упоминанием о Гегеле (Герцен, 1964: 268). Окружение Герцена больше внимания уделяло политическим и социальным вопросам. Его кружок собирался у кого-либо на квартире, чаще всего у самого Герцена. Критерием современности человека члены кружка считали его знакомого с учением Гегеля, к которому кружковцы приходили через увлечение Шеллингом. И если значение государства и истории оценивалось ими в контексте гегелевского понимания, то в оценке роли личности в историческом процессе имелись расхождения.

М. Бакунин, входивший в кружок Станкевича, гегельянство воспринимал как учение об историческом бытии, о диалектике абсолютного духа. И именно в этом аспекте гегельянство повлияло на развитие русской мысли, отразившись в проповеди Бакуниным всеобщего разрушения, защите анархизма на базе философского материализма. Идеи Бакунина впоследствии нашли своё отражение в философии Ленина и его последователей (Зеньковский, 2004: 285). Идеи, которым суждено было изменить ход исторического процесса, пройдя сложный путь трансформации и изменений, первоначально нашедшие своё выражение в трудах немецкого идеалиста, впоследствии сыграли значимую роль в исторической судьбе России. Являясь страстным пропагандистом учения Гегеля среди русских писателей и журналистов, Бакунин серьёзно работал над трудами философа, а после смерти Станкевича стал духовным вождем русского гегельянства, безапелляционно навязывая своё понимание учения Гегеля собеседникам и возводя его в ранг религии (Чижевский, 2007: 113). Бакунина привлекало строгое единство системы Гегеля, подчинение личного «я» Абсолютному Духу. Идея подчинения единичного всеобщему выразилась у Бакунина в мистическом служении некой абстракции. Положение Гегеля о неизбежности отрицания, которое соответствует духу самого Бакунина, самым непосредственным образом отразилось в его революционной деятельности (Зеньковский, 2004: 298). В целом Бакунин трактовал Гегеля весьма односторонне, выбирая из учения те положения, которые соответствовали его устремлениям.

В 1836 г. под влияние Бакунина попадает В. Белинский, который изучал Гегеля в его изложении. В 1838 г. Белинский принял издание «Московского наблюдателя», сотрудником которого становится Бакунин, таким образом, идеи Гегеля получили ещё один источник своего распространения. Журнал рассматривал русскую литературу через призму гегелевской философии. Считая, что путь к общественному благу лежит через просвещение и нравственное совершенство, Белинский относился к философии как к источнику всякого знания. Критик воспринимал учение Гегеля как важнейшее теоретическое учение, стремился применить его к действительности. Друзья указывали ему, что прямое приложение идеи к русскому миру невозможно, что это приведёт его к заблуждениям, но «Неистовый Виссарион» всегда во всем шёл до конца, сохраняя верность идее. Односторонняя трактовка этого положения привела к осложнению его отношений с Герценом, и только после признания Белинским своего заблуждения отношения наладились. По мнению П. Анненкова, подобные недоразумения были возможны «по присущему ей (системе) двоясмыслию» (Анненков, 1989: 131).

Пытаясь определить место России в системе цивилизаций, Белинский анализировал деятельность Петра I, обосновывая её историческую необходимость в свете категорий Гегеля. Его взгляды на развитие исторического процесса разделяли и члены кружка. Применял он терминологию Гегеля и при анализе литературных произведений (Чижевский, 2007: 154, 159). Белинский разделял мнение Гегеля о том, что сущность всех явлений, в том числе и общественных, заключается в идее или духе, что всё, что вокруг нас, и мы сами есть выражение вечного духа или идеи. Он понимал, что всякое явление имеет причину и следствие, что действительность, независимая от человека, определяет его положение и создаёт условия для его деятельности; был согласен с Гегелем, что всякая разумная идея в своём развитии должна воплотиться в действительности, стать фактом. Так происходило и с идеей разумного государства. Соглашаясь с формулой Гегеля, Белинский восторженно высказывался о государстве, которое воспринималось им как завершающий момент общественной жизни, поэтому он вынуждал себя принять самодержавие (Белинский, 1956b: 282). Считая, что неприятие действительности вызовет с её стороны жестокую месть, он общался с чуждыми ему людьми, общество которых его тяготило, утверждал, что жить надо

не так, как хочется, «а как начальство велит», ибо «начальство – общество гражданское» (Белинский, 1956b: 285). Следуя его логике, начальство есть действительность, следовательно, его необходимо принять в любом его виде. Однако жизнь в мировоззрение Белинского внесла свои коррективы. К 1841 г. он освобождается от влияния Гегеля. Кризис гегельянства у Белинского был связан с толкованием тезиса «всё действительное разумно». Согласившись с этим тезисом Гегеля, критик должен был принять действительность, примириться с ней. Это примирение у Белинского шло через борьбу с самим собой и было для него мучительным. Белинский постепенно переоценивает действительность и приходит к выводу, что не всё существующее разумно. Теперь он признаёт российскую действительность ужасной и не может простить себе примирения с царизмом. Такой действительности надо объявить войну и переделать её в соответствии с идеалами. В 1841 г. он писал В. Боткину, что теперь думает по-другому, чем год назад: «...я теперешний болезненно ненавижу себя прошедшего» (Белинский, 1956b: 23). Претензии Гегеля на абсолютный характер своих истин кажутся Белинскому теперь беспочвенными, и он больше не придерживался отвлечённых схем Гегеля, не мирился с действительностью, признавая, однако, что история – это закономерный процесс, а характер действительности объективен. Белинский преодолел влияние Гегеля, его идеализм и консервативные взгляды на социально-политическую систему разумности. Белинский сумел сочетать философские идеи с идеями революционными, не соглашаясь при этом с Гегелем в оценке человеческой личности; он относился к человеку как вершине развития природы, его волновала проблема личности и общества. Идеи персонализма подводят Белинского к идеям утопического социализма во имя личности. Он склонялся к либерализму с признанием необходимости социальных реформ, отвергая метафизику Гегеля (Зеньковский, 2004: 311-312). Взгляды и убеждения Белинского для российской действительности имели весомое значение, так как круг его читателей был весьма широк. Герцен свидетельствовал, что в дни публикации очередной статьи Белинского среди столичной молодёжи наблюдался настоящий ажиотаж (Герцен, 1964: 274).

А. Герцен, идеи которого носили более радикальный характер, начал изучать Гегеля после возвращения в 1842 г. из ссылки в Москву. Европу он рассматривал как воплощение социальных идеалов, поэтому ознакомление русской интеллигенции с философскими идеями Запада отвечало его устремлениям. Ценность учения Гегеля он видел в диалектике, которая должна помочь обосновать необходимость революции и торжество социалистических идей. Для него важно было движение русской мысли к материализму, атеизму, социализму. Герцен считал, что «философия Гегеля – алгебра революции, она необыкновенно освобождает человека» (Герцен, 1964: 268). В своих рассуждениях Герцен опирался на диалектику Гегеля, который признавал, что действительность есть результат деятельности субъекта. Французская революция, современником которой Гегель был, по мнению мыслителя, есть результат сознания, практическое воплощение теоретических рассуждений Эпохи Просвещения. Следовательно, революцию необходимо воспринимать как закономерное явление, так же как и террор, последовавший за ней, и критикуемый Гегелем (Овсянников, 1971: 63). Разрабатывая диалектику, рассматривая революцию как скачок в развитии, Гегель опирался на общественные явления. Русская демократически настроенная интеллигенция гегелевский закон перехода количественных изменений в качественные рассматривала в контексте закономерности скачка, которая доказывала неизбежность революции. И если Белинский признавал закономерность исторического процесса, то Герцен признавал её импровизированный характер и считал, что из множества возникает действительность; соответственно, в истории нет закономерности, это неупорядоченный процесс (Чижевский, 2007: 236). Идея «случайности» противопоставляется Герценом идее «разумности» Гегеля; им предлагается категория «возможностей», которая предполагает разработку различных вариантов развития (Зеньковский: 344). Из системы Гегеля, как и Бакунин, Герцен брал только то, что ему было нужно. Идея случайности в развитии природы и бытия противопоставляется им гегелевскому рационализму (Зеньковский: 332). Как и у Белинского, у Герцена преодоление гегельянства было связано с проблемами личности. Если первоначально под влиянием Гегеля он видел роль личности в служении Абсолютному Духу через познание, то впоследствии он высказывается за полную свободу личности, против её подчинения кому-либо или чему-либо. Собственные мысли Герцена развиваются не в рамках гегельянства, а в противопоставлении ему. Если случайное у Гегеля занимает незначительное место, то у Герцена ему отводится роковая сила. Ценным для Герцена у Гегеля было то, что философ пытался всё объяснить с помощью разума, что освобождало ум от мистики. По Гегелю, разум господствует в мире, а это значит, что и история как процесс имеет разумную основу. Но события реальной жизни разрушили веру в разумность истории. Герцен верил, что Россия может прийти к социализму через соединение быта русской общины и западной мысли. Споря со славянофилами, он утверждал, что западная мысль может быть усвоена в России. Опираясь на Гегеля, полагал, что истина не есть только результат, а представляет собой некий процесс. И поэтому Россия не должна пройти через все фазы европейского развития, она может воспользоваться результатами европейской мысли (Герцен, 1964: 267).

К 1842 г. кружок Станкевича распался, произошло окончательное разделение на два лагеря: западников и славянофилов, которые по-разному толковали учение Гегеля. Для западников был

характерен социально-политический радикализм. Герцен утверждал, что если бы Станкевич остался жив, то он непременно бы примкнул к западникам. Взгляды Герцена и Огарева поддерживали молодые учёные Московского университета во главе с Т. Грановским. Герцена и Огарева больше занимали вопросы переустройства жизни на новых социальных началах. Их интересовали не абстрактные философские построения, а осмысление действительности. Гегелевское тождество бытия и мышления воспринималось ими как диалектическая взаимосвязь процесса и объекта познания. Для славянофилов тождество бытия и мышления было абсолютным (Абрамов, 1974: 118). В 1830 г. И. Киреевский слушал лекции Гегеля в Берлине по истории философии, встречался и беседовал с философом. В то время многие русские студенты изучали немецкую философию непосредственно в Германии. Киреевский рекомендовал отчиму выписать «Энциклопедию» Гегеля: «Здесь вы найдете столько любопытного, сколько не представляет вся новейшая немецкая литература вместе взятая. Ее трудно понять, но игра стоит свеч» (Зеньковский, 2004: 247). Но гораздо большее влияние на него оказали труды отцов православной церкви. Православная культура, по мнению Киреевского, должна заменить собой культуру Запада. Воплощая в жизнь идею универсального синтеза, вернувшись в Москву, он приступил к изданию журнала «Европеец», задача которого заключалась в сближении русской и европейской культур. К 1845 г. Киреевский, который хотел построить учение о познании, не отрывающееся от реальности, делает вывод, что философия Гегеля принадлежит прошлому, она уже не вызывает новых мыслей, что это последняя ступень, на которую поднялась немецкая философия, являющейся предшественницей русской философии (Чижевский, 2007: 39).

А. Хомяков видел главный недостаток немецкой философии в её идеализме, в оторванности теории от практики. В своих статьях он критиковал идеализм Гегеля, противопоставляя ему онтологизм в учении о познании, которое носит религиозный характер (Зеньковский, 2004: 225). Ю. Самарин и К. Аксаков сразу попали под влияние Гегеля, испытывая одновременно и значительное влияние Хомякова. У Самарина было сильно развито национальное самосознание, в силу которого он непрестанно защищал идею русского своеобразия. Тщательно изучая труды Гегеля, он пытался, используя его схемы, обосновать историческую роль православия. В 1844 г. Самарин защитил диссертацию, материал которой был продуман и систематизирован на основе схем, сложившихся под влиянием Гегеля. Рассуждения Гегеля о восточном деспотизме он использовал в ходе анализа истории Древней Руси. Считая, что личная свобода в Древней Руси была развита, самодержавие он рассматривал как отрицание этой свободы (Чижевский, 2007: 208). Преодолев влияние Гегеля на основе его же схем, Самарин постепенно встаёт на путь самостоятельных философских исканий. К. Аксаков познакомился с философией Гегеля в студенческие годы и начал её продвигать в славянофильской среде. В западниках ему претило отрицание русского прошлого. Закон отрицания Гегеля он перелагал на русскую историю, считая, что Пётр I совершал отрицание русской субстанции (Чижевский, 2007: 200). Позже Самарин и Аксаков вообще отошли от философии.

В 1850-1860-е гг. гегелевская философия утратила былое влияние. В пореформенной России укрепился радикализм, центральной идеей которого становится социализм. Новое поколение вступило в оппозицию к своим предшественникам, выступая против идеализма и голосуя за реализм. Назрела настоятельная необходимость решить, наконец, социальные вопросы, прежде всего крестьянский и национальный. Философия, оторванная от жизни, по мнению просвещённой молодёжи, была не способна дать ответы на волнующие её вопросы. Ответы она искала в истории и точных науках. Е. Белов, служивший вместе с Н. Чернышевским в Саратовской гимназии, вспоминал, что, так как в университетах современная история не преподавалась, это «заставляло с особым жаром бросаться на всякую книжку и интересоваться новейшей историей». Вокруг толкования исторических событий возникали жаркие споры. Далее он пишет, что «в другом государстве о таких спорах не было бы нужды и упоминать; но у нас из этих споров, чисто теоретических возникали часто практические результаты» (Белов, 1982: 145). Особенность менталитета русской интеллигенции проявлялась в стремлении непременно воплотить в жизнь теорию или идею, овладевшую сознанием. Философия не могла предоставить гарантий для воплощения своих теорий в жизни. По мнению П. Ткачева, это означало, что «философия потеряла свой кредит в глазах каждого здравомыслящего человека: никто уже не верит в ее шарлатанские обещания... Серьёзно заниматься философией может теперь или человек полупомешанный, или дурно развитый, или крайне невежественный» (Ткачев, 1975: 109).

Идейным вождём нового направления в развитии общественной мысли становится Н. Чернышевский, современник которого Н. Шелгунов, характеризуя его, писал, что тот знал и помнил всё, «начиная Гегелем и Фейербахом и кончая лубочными французскими романами» (Шелгунов, 1982: 178). Он утверждал, что «Чернышевский готовил себя к учёной карьере... он был человеком критического ума с социально-политической подкладкой и революционером мысли» (Шелгунов, 1982: 177). Знакомство Н. Чернышевского с трудами Гегеля, который его сначала разочаровал, началось во время его учёбы в Петербургском университете в 1846–1850 гг. Чернышевский утверждал, что человек, не имеющий понятия о гегелевской философии, не может считаться просвещённым. Считая себя социалистом, он думал о революционном переустройстве общества, необходимости классовой борьбы, его волновали вопросы возможности революции в России, теоретическое обоснование которой он искал в трудах Гегеля. Гегелевскую идею развития он

рассматривал на фоне революционных событий в Европе 1848-1849 гг. Определяя своё отношение к Гегелю, Чернышевский утверждал, что мыслитель принадлежит уже истории, что хорошо видны недостатки гегелевской системы, его принципы иногда не соответствуют сделанным им же выводам. Но при этом принципы Гегеля «действительно, были очень близки к истине, и некоторые стороны истины были выставлены на вид этим мыслителем с истинно поразительной силой» (Чернышевский, 1947: 206-207). Чернышевский писал: «Гегель – умеренный либерал, чрезвычайно консервативный в своих выводах, но принимающий для борьбы против крайней реакции революционные принципы в надежде, не допустив до развития революционный дух...» (Чернышевский, 1950: 223). Консерватизм Гегеля он усматривал в его отказе от революционной борьбы при решении социальных вопросов. Опираясь на диалектику Гегеля, Чернышевский приходит к выводу, что общественная собственность на землю является первой степенью развития, частная собственность выступает как средняя степень развития, которая неизбежно заменяется высшей степенью – общественной собственностью на землю и другие средства производства, повторяющей некоторые формы первобытных отношений (Евграфов, 1974: 150). Используя гегелевский закон отрицания отрицания, Чернышевский высказывался за крестьянскую революцию, считая, что революция отрицает отжившее, а крестьянская община позволит построить в России социализм без прохождения стадии капитализма. Его взгляды и убеждения имели огромное влияние на умонастроения в стране. Роль гегелевского учения в формировании мировоззрения Чернышевского также не подвергается сомнению. Таким образом, философия Гегеля опосредованным образом, благодаря авторитету Чернышевского, оказала весомое влияние на развитие российской общественной мысли. По свидетельству В. Короленко, лично знавшего Чернышевского, критик верил в силу разума, считая, что «вся история – есть не что иное, как смена разных силлогизмов, смена, происходящая по схеме Гегеля» (Короленко, 1982: 402). Короленко приводил его высказывание: «Докажите мне, что это не так, что положение, антитеза и синтез Гегеля не имеют места в истории, – и я уступаю вам по всем пунктам нашей полемики» (Короленко, 1982: 403). Сибирская ссылка не изменила философских взглядов Чернышевского, он остался им верен до конца.

Несмотря на то, что в 1860-е гг. выходят на повестку дня социальные вопросы, требующие деятельного участия в их разрешении, верность учению до конца сохранили некоторые гегельянцы, среди них были Н. Страхов, Б. Чичерин. Приехавший в Петербург теоретик народничества П. Лавров был удивлён тем, что в столице Гегель был ещё не забыт; он считал учение философа устаревшим, не отвечавшим духу эпохи. В контексте учения Гегеля П. Лавров, воспринимая историю как поступательный процесс и результат человеческого разума, признавал гегелевский принцип историзма, который он понимал как учение о развитии. Главную заслугу мыслителя он видел в развитии диалектического принципа, при этом Лавров отмечал, что стремление Гегеля к максимальному синтезу, при котором в свою систему он включал различный эмпирический материал, приводило к двусмысленности, и поэтому каждый находил в учении своё: «Реалист верил, что восходит к феноменологии духа... Мистик погружался в безусловное... Любитель отвлечённостей не мог не верить, что всё сущее есть только логический процесс мысли» (Лавров, 1965: 298-299). С этим утверждением Лаврова был вполне согласен Н. Бердяев, считавший, что «на его (Гегеля) философию одинаково опирается консерватизм и революционный марксизм» (Бердяев, 2008: 108). Критикуя Гегеля, Лавров ставил под сомнение универсальность оторванной от жизни системы, сомневался в возможности с её помощью познать сущность вещей. Гегелевский универсализм, по его мнению, носил характер догматизма, так как в основе гегельянства лежала вера (Лавров, 1965: 89). Законы диалектики Гегеля, как законы универсальные, были использованы в «Капитале» К. Марксом (Юдин, 2014: 152). Учение Маркса в России со временем превратилось в догмат. Таким образом, гегельянство русской интеллигенции можно рассматривать в качестве теоретического источника марксизма. Рассматривая философию Гегеля как явление историческое, отвечающее потребностям конкретной эпохи, Лавров считал, что к концу века она утратила своё значение и влияние на умы людей. Убеждённый в том, что необходимо перейти от теоретического мышления к делу, к учению Гегеля он подходил избирательно, используя только те идеи, которые были близки его мировоззрению.

Далеко не всё в учении Гегеля было однозначно воспринято К. Кавелиным и Б. Чичериным. Разделяя идеи философа о закономерности развития всемирно-исторического процесса, оба мыслителя считали Россию достойным его участником, тогда как немецкий философ отводил ей в нём второстепенную роль (Иванов, 2015: 109). Во время войны 1812 г. сочувствие Гегеля было полностью на стороне Наполеона, которого он считал выдающейся личностью, и поражение которого тяжело переживал. С русскими солдатами он никогда не сталкивался лично, ограбили его австрийские солдаты, но разные небылицы он рассказывал именно о русских (Гулыга, 1970: 107). И поэтому не симпатией со стороны Гегеля к России, а скорее констатацией факта можно объяснить написанное им в письме к своему ученику Борису Исклюю: «Отечество ваше занимает такое выдающееся место во всемирной истории, имея без сомнения, ещё более великое предназначение» (Гегель, 1971: 407). И если другие государства достигли уже пика своего развития, то «Россия же, уже теперь, может быть, сильнейшая держава среди прочих, в лоне своём заключает небывалые возможности развития своей интенсивной природы» (Гегель, 1971: 407). Используя гегелевские

схемы развития и применяя их к русской истории, Кавелин, не отказывая России в своеобразии, считал, что именно прошлое народа определяет пути его развития.

Всю свою жизнь считал себя гегельянцем Н. Страхов. В духе Гегеля он осмысливал и русскую действительность, считая, что историю движет «внутренний дух народа». Страхов писал статьи о Гегеле и его значении для русской культуры, которые печатал в журнале, издаваемом братьями Достоевскими. И если Ф. Достоевский в какой-то степени откликался на воззрения Страхова относительно учения Гегеля, взгляды которого отчасти нашли своё отражение в монологах Ивана Карамазова, то Л. Толстого, несмотря на все свои старания, Страхов заинтересовать философией Гегеля не смог. Для писателя это была плохая философия. Он считал, что Гегель – «слабый мыслитель» и его произведения – это «пустой набор фраз» (Чижевский, 2007: 360), Гегелю он предпочитал Канта и Шопенгауэра. Оппонентом Страхова на страницах печати стал М. Катков, в прошлом сам гегельянец. Теперь Катков утверждал, что России философия вообще не нужна, что вся европейская наука находится под влиянием системы Гегеля, так как в системе своих исследований она использует его методы. Причину упадка философии в России он видел в отходе от системы Гегеля. Катков считал, что, так как новой системы создано не было, то необходимо либо отказаться от философии вообще, либо принять систему немецкого философа (Чижевский, 2007: 305, 321).

Несмотря на критическое отношение к учению Гегеля со стороны значительной части русской интеллигенции второй половины XIX в., оно ею не было забыто и продолжало оказывать влияние на образ мыслей отдельных её представителей. В своей революционной деятельности на учение Гегеля опирался Г. Плеханов. Главное достижение философа он видел в обосновании им закона о единстве и борьбе противоположностей как источника движения и развития. Плеханов рассматривал с точки зрения диалектики борьбу партий и классов. Но отмечал при этом, что есть противоположности, которые не сливаются в единое, например, пролетариат и буржуазия. Соответственно, в этом случае гегелевская диалектика не работала. Опираясь на закон перехода количества в качество, Плеханов был убеждён в возможности скачков в развитии природы и общества. В общественной жизни таким скачком являлась революция. Считая, что учение Гегеля дало толчок для развития всех гуманитарных наук, он утверждал, что оно носит при этом консервативный характер, который Плеханов усматривал в том, что философ претендовал на абсолютную истину. Гегель был против радикальных перемен в обществе, он высказывался за ценности семьи, профессиональных объединений и парламентское правление. Преподавателей и студентов, настроенных радикально, Гегель называл «свободолюбивым сбродом» (Гулыга, 1970: 131). Нелицеприятную оценку философии Гегеля давал Шопенгауэр, его коллега по Берлинскому университету: «В целом гегелевская философия состоит на три четверти из чистой бессмыслицы, а на одну четверть из продажных идей. Нет лучшего средства для мистификации людей, как выложить перед ними нечто такое, что невозможно понять» (Гулыга, 1970: 131, 149).

Несмотря на в целом критическое отношение к учению Гегеля русской интеллигенции 1890-х гг., стремление осмыслить традиции прошлого заставило её снова обратить своё внимание на наследие философа. В 1892 г. В. Соловьев написал статью для словаря Брокгауза-Ефрона, в которой дал мыслителю высокую оценку. Однако идею Гегеля о диалектическом развитии он переосмыслил в соответствии со своими целями и задачами. Критикуя его за панлогизм, применяя при этом гегелевский диалектический метод, русский философ пытался создать свою систему (Сидорин, 2014: 77). П. Струве, напротив, характеризовал гегельянство как «абсолютно ни к чему ненужное и совершенно несостоятельное» (Пустарнаков, 1974: 210). С. Трубецкой считал гегельянство стержнем, вокруг которого должна объединиться современная русская философия. И. Ильин в 1910-х гг. заговорил о возрождении гегельянства в России. В процессе изучения трудов философа складывается его собственное мировоззрение, основанное на отвержении гегелевского пантеизма и панлогизма (Малинин, Губман, 2021: 108). Обращались к наследию Гегеля в своих трудах В. Розанов и П. Лосский. Русская интеллигенция, относясь к философии Гегеля в разные исторические периоды развития страны по-разному, в течение всего XIX в. продолжала обращаться к его учению, которое сыграло значительную роль в развитии общественной мысли России, оказав тем самым влияние на перспективы её развития.

5. Заключение

Влияние философии Гегеля на формирование миропонимания российской интеллигенции XIX в. обуславливалось созданным им диалектическим методом, который привлекал её своей системностью и новизной подхода. Впервые все явления и предметы рассматривались в своём развитии как части единого целого. Исторические, политические, экономические, биологические, эстетические, психологические, физические, религиозные, юридически-правовые процессы, происходившие в действительности, были рассмотрены комплексно и представлены в своём развитии, то есть сама действительность была представлена в качестве некой системы. Такой подход при объяснении действительности делал возможным диалектический метод, отрицающий ограничения в развитии частей, составляющих целое.

Изучение философии Гегеля способствовало умственному развитию российского общества. Однако влияние учения немецкого философа на представителей интеллигенции было различным. На степень воздействия его идей влияло уже сложившееся мировоззрение, личностные качества характера представителей интеллигенции. Как правило, при рассмотрении гегелевской системы из неё выбирались аспекты, наиболее полно отвечавшие собственным устремлениям исследователей. Каждый находил в ней то, что искал. Этим объясняется широкая популярность учения в 1830–1840-е гг., когда для русской интеллигенции, стремившейся изменить мир через просвещение философией Гегеля, она стала способом постижения истины, явилась ответом на запросы времени. Иногда увлечённость гегелевской философией доходила до фанатичной преданности системе, как это произошло с М. Бакуниним, необузданный темперамент которого сделал его самым последовательным проводником идей Гегеля среди русской интеллигенции. Мучительны были поиски истины, которую он хотел познать через учение Гегеля у В. Белинского. Критик прошёл тяжёлый путь душевных сомнений и терзаний, от полного приятия учения и восторга перед ним до критического к нему отношения и полного отрицания отдельных его положений. Совсем не принял учение Л. Толстой, однако в своих произведениях использовал диалектический метод для анализа конфликтных ситуаций. Многие представители интеллигенции, такие как К. Кавелин и Ю. Самарин, со временем отошли не только от Гегеля, но и от философии вообще. Но в любом случае со стороны русской интеллигенции не было слепого следования учению. В нём она искала подтверждение своим догадкам и мыслям. Самобытность и своеобразие русской общественной мысли проявлялись в оригинальной трактовке учения. Практически все русские мыслители, изучавшие философию Гегеля, признавали за ней излишнюю отвлечённость, которую они расценивали как недостаток, порождавший возможность двусмысленных толкований.

Расцвет философской мысли сменился её кризисом. Эпоха 1850–1860-х гг. требовала перехода от осмысления действительности к действию. Философия же, являясь теоретической наукой, не предлагала практических решений, которых от неё требовали последователи учения Гегеля. Чрезмерные ожидания и требования привели к разочарованию. Однако к учению Гегеля обращались, у него искали подтверждения своим мыслям и воззрениям фактически все представители русской гуманитарной элиты последующих десятилетий XIX в.

Сыграв значительную роль в развитии общественно-политической мысли России XIX в., учение Гегеля не способствовало консолидации интеллектуальных сил страны. Отношение русской интеллигенции к его философии основывалось на признании заслуг немецкого мыслителя как основателя системного восприятия действительности. Но само толкование учения разделило современников и поставило их в непримиримые отношения по решению социальных и политических вопросов. Увлечение Гегелем способствовало углублению разрыва между славянофилами и западниками, во взглядах которых и внутри самих течений не наблюдалось единства. Подмена Гегелем реальности абстрактной идеей Абсолютного Духа приводила к тому, что за ней не признавалось никакой ценности, как, впрочем, и за индивидом, её создававшим. Практически все русские мыслители, для которых личностное начало всегда было в приоритете, расходились в оценке человеческой личности с Гегелем, для которого она представляла интерес не сама по себе, а лишь как часть исторического процесса. Эта гибельная идея и догматическое толкование учения Гегеля Марксом, заимствованное впоследствии русскими революционерами, имела для России трагические последствия.

Литература

- Абрамов, 1974 – Абрамов А.И. Н. П. Огарев и гегелевская философия / *Гегель и философия в России. 30-е годы XIX в. – 20-е годы XX в.* М., 1974. С. 107-122.
- Анненков, 1989 – Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989. 688 с.
- Белинский, 1956a – Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. XII. Письма 1841-1848. М., 1956. 596 с.
- Белинский, 1956b – Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. XIII. М., 1956. 826 с.
- Белов, 1982 – Белов Е.А. Воспоминания / Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 137-151.
- Бердяев, 2008 – Бердяев Н.А. Русская идея. СПб., 2008. 318 с.
- Гегель, 1929–1959 – Гегель Ф. Сочинения в 14 т. М.; Л., 1929–1959.
- Гегель, 1935 – Гегель Ф. Сочинения в 14 т. Т. VIII. Философия истории. М.; Л., 1935. 470 с.
- Гегель, 1937 – Гегель Ф. Сочинения в 14 т. Т. V. М., 1937. 814 с.
- Гегель, 1971 – Гегель Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. 2. М., 1971. 630 с.
- Герцен, 1964 – Герцен А.И. Избранные произведения. М., 1964. 464 с.
- ГИФВР, 1974 – Гегель и философия в России. 30-е годы XIX в. – 20-е годы XX в. М., 1974. 264 с.
- Гулыга, 1970 – Гулыга А.В. Гегель. М., 1970. 272 с.
- Евграфов, 1974 – Евграфов В. Е. Чернышевский и Гегель / *Гегель и философия в России. 30-е годы XIX в. – 20-е годы XX в.* М., 1974. С.123-163.
- Зеньковский, 2004 – Зеньковский В.В. История русской философии. Ростов н/Д, 2004. 544 с.

- Иванов, 2015 – Иванов М.Ю. Философия русской истории К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина и наследие Г. В. Ф. Гегеля // *Вестник ТвГУ. Серия «Философия»*. 2015. № 3. С. 109-114.
- Киссель, 1982 – Киссель М.А. Гегель и современный мир. Л., 1982. 152 с.
- Коган, 1974 – Коган Л.А. Из предыстории гегельянства в России // *Гегель и философия в России. 30-е годы XIX в. – 20-е годы XX в.* М., 1974. С. 52-68.
- Коломейцева, 2018 – Коломейцева Т.С. Рецепция Гегелевской философии в России в 1830-х годах // *Наука. Искусство. Культура*. 2018. 4 (20). С. 60-72.
- Короленко, 1982 – Короленко В.Г. Воспоминания о Чернышевском // *Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников*. М., 1982. С. 398-413.
- Лавров, 1965 – Лавров П.Л. Философия и социология. Избранные сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1965. 752 с.
- Малинин, 2014 – Малинин С.А. Гегелевское учение о взаимосвязи абсолютного и конкретного в интерпретации И. А. Ильина // *Вестник ТвГУ. Серия «Философия»*. 2014. Вып. 1. С. 193-199.
- Малинин, Губман, 2021 – Малинин С.А., Губман Б.Л. И. А. Ильин и Г. В. Ф. Гегель: народный дух и устои государства // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2021. № 4. С. 107-116.
- Нешитов, 2014 – Нешитов П.Ю. Формула русской философии: Гегель плюс Пушкин // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Т. 15. 2014. Вып. 1. С. 188-198.
- Овсянников, 1971 – Овсянников М. Ф. Гегель. М., 1971. 223 с.
- Пустарнаков, 1974 – Пустарнаков В.Ф. Г. В. Плеханов и диалектика Гегеля // *Гегель и философия в России. 30-е годы XIX в. – 20-е годы XX в.* М., 1974. С. 208-226.
- Р/Р, 1999 – Россия / Russia. Вып. 2 (10): Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М., 1999. 152 с.
- Сидорин, 2014 – Сидорин В.В. В. С. Соловьев и Г. В. Ф. Гегель: диалектические аспекты «Философских начал цельного знания» // *Соловьевские исследования*. 2014. 2 (42). С. 67-79.
- Стретерн, 2004 – Стретерн П. Гегель за 90 минут. М., 2004. 77 с.
- Ткачев, 1975 – Ткачев П.Н. Сочинения в 2 томах. Т. 1. М., 1975. 665 с.
- Чепурин, 2011 – Чепурин К.В. Философская антропология Гегеля. Симферополь, 2011, 143 с.
- Чернышевский, 1947 – Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15 томах. Т. 3. Статьи и рецензии. 1853-1855. М., 1947. 884 с.
- Чернышевский, 1950 – Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. в 15 томах. Т. 7. Статьи и рецензии. 1860-1861. М., 1950. 1096 с.
- Чижевский, 2007 – Чижевский Д.И. Гегель в России. СПб., 2007. 411 с.
- Шелгунов, 1982 – Шелгунов Н.В. Первоначальные наброски // *Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников*. М., 1982. С. 176-186.
- Юдин, 2014 – Юдин А.И. П. Л. Лавров и Г. Ф. Гегель: позитивизм и абсолютизированный рационализм // *Альманах современной науки и образования*. 2014. № 5-6 (86). С. 151-155.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V. Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries // *Bylye Gody*. 2015. 38 (4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2021 – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Malyutina L.F. et al. Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy // *Bylye Gody*. 2021. 16 (2): 652-660.
- Gryaznukhin et al., 2021 – Gryaznukhin A.G., Gryaznukhina T.V., Karchaeva T.G. et al. (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms // *Bylye Gody*. 2021. 16 (3): 1299-1307.

References

- Abramov, 1974 – Abramov, A.I. (1974). N. P. Ogarev i gegelevskaya filosofiya. Gegel' i filosofiya v Rossii. 30-e gody XIX v. – 20-e gody XX v. [N. P. Ogarev and Hegelian philosophy. Hegel and Philosophy in Russia. The 30s of the XIX century. – the 20s of the XX century]. Moscow, pp. 107-122. [in Russian]
- Annenkov, 1989 – Annenkov, P.V. (1989). Literaturnye vospominaniya [Literary memoirs]. Moscow, 688 p. [in Russian]
- Belinskii, 1956a – Belinskii, V.G. (1956). Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. T. XII. Pis'ma 1841-1848 [Complete works: In 13 volumes Vol. XII. Letters from 1841-1848]. Moscow, 596 p. [in Russian]
- Belinskii, 1956b – Belinskii, V.G. (1956). Polnoe sobranie sochinenii: V 13 t. T. XIII [Complete works: In 13 volumes Vol. XIII]. Moscow, 826 p. [in Russian]
- Belov, 1982 – Belov, E.A. (1982). Vospominaniya. N. G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov [Memoirs. N. G. Chernyshevsky in the memoirs of his contemporaries]. Moscow, pp. 137-151. [in Russian]
- Berdyaev, 2008 – Berdyaev, N.A. (2008). Russkaya ideya [The Russian idea]. Saint Petersburg. 318 p. [in Russian]
- Chepurin, 2011 – Chepurin, K.V. (2011). Filosofskaya antropologiya Gegelya [Philosophical anthropology of Hegel]. Simferopol'. 143 p. [in Russian]

- Chernyshevskii, 1947** – *Chernyshevskii, N.G.* (1947). Poln. sobr. soch. v 15 tomakh. T. 3. Stat'i i retsenzii. 1853-1855 [Complete collected works in 15 volumes. Vol. 3. Articles and reviews. 1853-1855]. Moscow. 884 p. [in Russian]
- Chernyshevskii, 1950** – *Chernyshevskii, N.G.* (1950). Poln. sobr. soch. v 15 tomakh. T. 7. Stat'i i retsenzii. 1860-1861 [Complete collected works in 15 volumes. Vol. 7. Articles and reviews. 1860-1861]. Moscow. 1096 p. [in Russian]
- Chizhevskii, 2007** – *Chizhevskii, D.I.* (2007). *Gegel' v Rossii* [Hegel in Russia]. Saint Petersburg. 411 p. [in Russian]
- Evgrafov, 1974** – *Evgrafov, V.E.* (1974). *Chernyshevskii i Gegel'. Gegel' i filosofiya v Rossii. 30-e gody XIX v. – 20-e gody XX v.* [Chernyshevsky and Hegel. Hegel and Philosophy in Russia. The 30s of the XIX – the 20s of the XX centuries]. Moscow, pp. 123-163. [in Russian]
- Gegel', 1929–1959** – *Gegel' F.* (1929–1959). *Sochineniya v 14 t.* [Essays in 14 volumes]. Moscow; Leningrad. [in Russian]
- Gegel', 1935** – *Gegel', F.* (1935). *Sochineniya v 14 t. T. VIII. Filosofiya istorii* [Essays in 14 volumes Vol. VIII. Philosophy of History]. Moscow; Leningrad. 470 p. [in Russian]
- Gegel', 1937** – *Gegel', F.* (1937). *Sochineniya v 14 t. T. V* [Essays in 14 volumes Vol. V]. Moscow. 814 p. [in Russian]
- Gegel', 1971** – *Gegel', F.* (1971). *Raboty raznykh let. V dvukh tomakh. T. 2.* [Works from different years. In two volumes. Vol. 2]. Moscow, 630 p. [in Russian]
- Gertsen, 1964** – *Gertsen, A.I.* (1964). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow. 464 p. [in Russian]
- GIFVR, 1974** – *Gegel' i filosofiya v Rossii. 30-e gody XIX v. – 20-e gody XX v.* [Hegel and Philosophy in Russia. The 30s of the XIX century. – the 20s of the XX century]. Moscow, 1974. 264 p. [in Russian]
- Gryaznukhin et al., 2021** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V., Karchaeva, T.G. et al.* (2021). Conservatism as an Alternative Form of Civilizational Development of Russia after the Great Reforms. *Bylye Gody*. 16(3): 1299-1307.
- Gryaznukhin, Gryaznukhina, 2015** – *Gryaznukhin, A.G., Gryaznukhina, T.V.* (2015). Siberian Intelligentsia in Socio-Cultural Space of Russia at the Turn of XIX–XX Centuries. *Bylye Gody*. 38(4): 972-981.
- Gryaznukhina et al., 2021** – *Gryaznukhina, T.V., Gryaznukhin, A.G., Malyutina L.F. et al.* (2021). Russian Liberalism in the 19th century: an Attractive Course of Development or a Road to National Tragedy. *Bylye Gody*. 16 (2): 652-660.
- Gulyga, 1970** – *Gulyga, A.V.* (1970). *Gegel' [Hegel]*. Moscow. 272 p. [in Russian]
- Ivanov, 2015** – *Ivanov, M.Yu.* (2015). *Filosofiya russkoi istorii K. D. Kavelina i B. N. Chicherina i nasledie G. V. F. Gegelya* [The Philosophy of Russian History by K. D. Kavelin and B. N. Chicherin and the legacy of G. V. F. Hegel]. *Vestnik TvGU. Seriya «Filosofiya»*. 3: 109-114. [in Russian]
- Kissel', 1982** – *Kissel', M.A.* (1982). *Gegel' i sovremennyyi mir* [Hegel and the modern world]. Leningrad. 152 p. [in Russian]
- Kogan, 1974** – *Kogan, L.A.* (1974). *Iz predystorii gegel'yanstva v Rossii. Gegel' i filosofiya v Rossii. 30-e gody XIX v. – 20-e gody XX v.* [From the prehistory of Hegelianism in Russia. Hegel and Philosophy in Russia. The 30s of the XIX century – the 20s of the XX century]. Moscow, pp. 52-68. [in Russian]
- Kolomeitseva, 2018** – *Kolomeitseva, T.S.* (2018). Retseptsiya Gegelevskoi filosofii v Rossii v 1830-kh godakh [The reception of Hegelian Philosophy in Russia in the 1830s]. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 4(20): 60-72. [in Russian]
- Korolenko, 1982** – *Korolenko, V.G.* (1982). *Vospominaniya o Chernyshevskom. N. G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov* [Memories of Chernyshevsky. N. G. Chernyshevsky in the memoirs of his contemporaries]. Moscow, pp. 398-413. [in Russian]
- Lavrov, 1965** – *Lavrov, P.L.* (1965). *Filosofiya i sotsiologiya. Izbrannye sochineniya v dvukh tomakh. T. 1* [Philosophy and sociology. Selected works in two volumes. Vol. 1]. Moscow. 752 p. [in Russian]
- Malinin, 2014** – *Malinin, S.A.* (2014). Gegelevskoe uchenie o vzaimosvyazi absol'yutnogo i konkretnogo v interpretatsii I. A. Il'ina [The Hegelian doctrine of the relationship between the absolute and the Concrete as interpreted by I. A. Ilyin]. *Vestnik TvGU. Seriya «Filosofiya»*. 1: 193-199. [in Russian]
- Malinin, Gubman, 2021** – *Malinin, S.A., Gubman, B.L.* (2021). I. A. Il'in i G. V. F. Gegel': narodnyi dukh i ustoi gosudarstva [I. A. Ilyin and G. V. F. Hegel: the national spirit and the foundations of the State]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. 4: 107-116. [in Russian]
- Neshitov, 2014** – *Neshitov, P.Yu.* (2014). Formula russkoi filosofii: Gegel' plus Pushkin [Formula of Russian philosophy: Hegel plus Pushkin]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 15(1): 188-198. [in Russian]
- Ovsyannikov, 1971** – *Ovsyannikov, M.F.* (1971). *Gegel' [Hegel]*. Moscow. 223 p. [in Russian]
- Pustarnakov, 1974** – *Pustarnakov, V.F.* (1974). *G. V. Plekhanov i dialektika Gegelya. Gegel' i filosofiya v Rossii. 30-e gody XIX v. – 20-e gody XX v.* [G. V. Plekhanov and the dialectic of Hegel. Hegel and Philosophy in Russia. The 30s of the XIX century. – the 20s of the XX century]. Moscow, pp. 208-226. [in Russian]

R/R, 1999 – Rossiya/Russia. Vyp. 2 (10): Russkaya intelligentsiya i zapadnyi intellektualizm: istoriya i tipologiya [Russia/Russia. Is. 2 (10): Russian intelligentsia and western intellectualism: history and typology]. Moscow, 1999. 152 p. [in Russian]

Shelgunov, 1982 – Shelgunov, N.V. (1982). Pervonachal'nye nabroski. N. G. Chernyshevskii v vospominaniyakh sovremennikov [Initial sketches. N. G. Chernyshevsky in the memoirs of his contemporaries]. Moscow, pp. 176-186. [in Russian]

Sidorin, 2014 – Sidorin, V.V. (2014). V. S. Solov'ev i G. V. F. Hegel': dialekticheskie aspekty «Filosofskikh nachal tsel'nogo znaniya» [V. S. Solovyov and G. V. F. Hegel: Dialectical aspects of the "Philosophical principles of integral knowledge"]. *Solov'evskie issledovaniya*. 2(42): 67-79. [in Russian]

Stretern, 2004 – Stretern, P. (2004). Hegel' za 90 minut [Hegel in 90 minutes]. Moscow. 77 p. [in Russian]

Tkachev, 1975 – Tkachev, P.N. (1975). Sochineniya v 2 tomakh. T. 1 [Essays in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, 665 p. [in Russian]

Yudin, 2014 – Yudin, A.I. (2014). P. L. Lavrov i G. F. Hegel': pozitivizm i absolyutizirovannyi ratsionalizm [P. L. Lavrov and G. F. Hegel: Positivism and absolutized Rationalism]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*. 5-6 (86): 151-155. [in Russian]

Zen'kovskii, 2004 – Zen'kovskii, V.V. (2004). Istoriya russkoi filosofii [The history of Russian philosophy]. Rostov-na-Donu. 544 p. [in Russian]

Влияние гегельянства русской интеллигенции на развитие общественно-политической мысли России XIX в.

Татьяна Владимировна Грязнухина ^a, Александр Григорьевич Грязнухин ^{a, *}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается вопрос влияния учения Гегеля на мировоззрение русской интеллигенции, которое определило развитие общественно-политической мысли России XIX в. В качестве первоисточников использованы труды Гегеля, а также воспоминания, мемуары, письма, статьи представителей русской интеллигенции, разделявших и критиковавших идеи немецкого мыслителя. Системный подход Гегеля в анализе действительности, объяснение всех явлений общественной жизни в их взаимосвязи и развитии оценивались русской интеллигенцией как актуальные. Слепое копирование гегелевских идей не допускалось в российском интеллектуальном дискурсе, происходила сепарация элементов учения и принятие тех из них, которые отвечали устремлениям интеллигенции. Дialeктический метод не смог стать объединяющим началом для думающего российского общества. Излишняя отвлечённость учения, признаваемая как его недостаток большинством представителей интеллигенции, способствовала двусмысленности его толкований, что, в свою очередь, вносило недопонимание и разобщённость в её ряды. Славянофилы и западники, опираясь на схемы Гегеля, предлагали разные, порой взаимоисключающие варианты общественно-политического развития. Разочарование в философии в целом и в учении Гегеля в частности в 60-е годы XIX в. было обусловлено изменением общественно-политической обстановки в России. Необоснованное требование интеллигенции к носящей теоретический характер философии как к инструменту решения практических вопросов, стоящих перед страной, привело к разочарованию в философии как актуальной науки. Однако учение Гегеля не было предано забвению, русская интеллигенция обращалась к нему, спорила, сверяя с ним свои взгляды на протяжении всего XIX в.

Ключевые слова: Гегель, философия, диалектика, Россия, интеллигенция, западники, славянофилы.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tag-kras@mail.ru (Т.В. Грязнухина), agagag@mail.ru (А.Г. Грязнухин)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 824-836
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.824

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Northern Kyrgyzstan as a National Borderland of the Russian Empire in the Context of Decolonization Discourse of the late 19th – early 20th centuries

Shaiyrkul Zh. Batyrbayeva ^a, Gulnara Zh. Mukazhanova ^b, Evgeny N. Lotorev ^{c, d, *}, Natalia V. Vilskaya ^c

^a Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz Republic

^b Kyrgyz National University named after Zh. Balasagyn, Kyrgyz Republic

^c Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^d Moscow State University of Management Technologies named after K.G. Razumovsky (PKU), Moscow, Russian Federation

Abstract

The article examines the features of the development of Northern Kyrgyzstan since the end of the 19th century in the context of its integration into the Russian Empire as a national outskirts. A review of modern discourses of scientific literature concerning the history of settlement and advancement into new territories of the Russian Empire is provided, with an emphasis on the terms “colonization”, “development” and “national outskirts”. A historiographical analysis of the pre-revolutionary period of the history of Kyrgyzstan is carried out to identify the main concepts and assess the role of Northern Kyrgyzstan as part of Russia. Particular attention is paid to the stages of peasant resettlement to Semirechye, with an emphasis on the Przhevalsky and Pishpek districts, which were key to this process. The variety of methods of development of the region through changes in the settlement and ethnodemographic structure, as well as changes in agriculture and cattle breeding, and the development of industry are considered. In order to reveal the development of national outskirts by the Russian Empire, the work examines the disagreements between the Turkestan Governor-General and the Main Directorate of Land Management and Agriculture on resettlement issues. It is concluded that the analysis of the differences between the concepts of “colonization” and “colonization policy” emphasizes the importance of an accurate terminological approach for a deep understanding of historical processes. The article argues that the term “colonization policy” more accurately reflects the complexity of imperial strategies to influence the development of the region. It is concluded that the use of this term contributes to a deeper and more accurate analysis of historical processes and their impact on modern challenges and the failure of the discourse of decolonization of Kyrgyzstan.

Keywords: Northern Kyrgyzstan, Russian Empire, Semirechye Province, national periphery, colonization, development.

1. Введение

Вопросы освоения национальных окраин Российской империи остаются важными для изучения трансформации регионов в дореволюционный период. Северный Кыргызстан в этом контексте представляет собой ключевой регион, который в конце XIX – начале XX в. подвергся активному заселению в рамках аграрной политики Российской империи. Важность данного исследования обусловлена необходимостью пересмотра традиционных подходов к изучению внутренней колонизации или самоколонизации и освоения региона в условиях современного дискурса о роли государственной политики Российской империи в этих процессах. Настоящая статья посвящена анализу процесса продвижения России в Северный Кыргызстан в рамках дискурса

* Corresponding author

E-mail addresses: i@elotorev.ru (E.N. Lotorev)

освоения новых территорий, выявлению проблем местных краевых администраций, а также изучению этапов переселения крестьян в Пржевальский и Пишпекский уезды, которые составляли основную часть расселения в Семиречье. В данной статье дискурс внутренней колонизации используется как синоним освоения, а колонизационная политика рассматривается как политика освоения окраин.

2. Материалы и методы

Изучение процессов освоения Северного Кыргызстана требует обращения к широкому кругу исторических источников. Особый интерес представляют периодические издания конца XIX – начала XX в., такие как «Вопросы колонизации», «Семиреченские ведомости» и «Семиреченский обзор». Эти источники позволяют не только реконструировать исторические события, но и анализировать дискурсы власти, восприятие государственной политики освоения окраин различными группами населения и трансформации социально-экономической структуры региона.

Журнал «Вопросы колонизации» был специализированным изданием, посвящённым обсуждению вопросов переселенческой политики Российской империи. В нем публиковались статьи чиновников, ученых, представителей местной администрации и переселенцев. Издание служило своеобразной платформой для выработки решений по вопросам внутренней колонизации, а также информирования об основных аспектах имперской политики.

Газета «Семиреченские ведомости» представляла собой региональное издание, выходившее в Верном (современный Алматы) и освещавшее события в Семиречье, включая Северный Кыргызстан. Это был один из главных источников информации о жизни местного населения, администрации, экономике и общественной жизни региона.

«Семиреченский обзор» – менее известное, но значимое издание, охватывавшее вопросы экономического и культурного развития региона. В нем содержались отчёты о деятельности переселенческих управлений, обзоры сельского хозяйства, данные о распределении земель между переселенцами и коренным населением, а также этнографические наблюдения, описывающие быт кыргызов и представления о «цивилизаторской миссии» империи. В настоящем исследовании особое значение уделялось анализу архивных документов, имеющих постоянное место хранения в Центральном государственном архиве Кыргызской Республики (ЦГА КР) (Бишкек, Кыргызстан), Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) (Москва, Российская Федерация) и Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Санкт Петербург, Российская Федерация).

При работе с этими источниками применялся метод критического анализа, который позволил учитывать их особенности. Такой подход помог получить фактическую информацию и выявить реальные механизмы освоения национальных окраин. Также использовался сравнительно-исторический метод, который позволил сопоставлять события, описанные в разных изданиях, с другими историческими свидетельствами. Например, анализ статистики, опубликованной в «Вопросах колонизации», сопоставлялся с архивными документами, что помогло выявить расхождения и скрытые аспекты государственной политики. Этот метод позволил определить динамику изменений, выявить противоречия в источниках и реконструировать комплексную картину внутренней экспансии.

3. Обсуждение

На основе обзора литературы по дореволюционному Туркестану, включая Северный Кыргызстан, следует отметить, что понятия «колонизация», «колонизальная политика», «освоение» и «национальная окраина» использовались в контексте расширения территории Российской империи. В XIX в. под влиянием европейской литературы концепция колонизации стала центральной в обсуждениях заселения и интеграции восточных окраин, причём идеологические и национальные аспекты играли значительную роль в этом процессе (Масозеро, 2016: 358-359).

В советской историографии трактовка Российской империи и межнациональных отношений претерпела три значительных изменения. В ранний советский период, до середины 1930-х гг., империя представлялась как «тюрьма народов». С середины 1930-х гг. акцент сместился на добровольное присоединение народов к России как наименьшее зло. В 1950-е гг. историография сосредоточилась на исторической необходимости и прогрессивных последствиях интеграции народов, подчеркивая цивилизаторскую роль России. Оставалась приверженность марксистско-ленинской идеологии, не раскрывавшей специфику освоения новых территорий. Советская историография сместилась от негативной к позитивной интерпретации, изображая империю как силу, способствующую прогрессу народов.

После распада СССР постсоветская историография претерпела значительные изменения в изучении государственной политики Российской империи освоения национальных окраин. Современные исследования выделяют три подхода к анализу самоколонизации: критический, акцентирующий внимание на отрицательных аспектах взаимодействия переселенцев с местным населением, позитивный, подчеркивающий цивилизаторскую миссию, и сбалансированный, рассматривающий колонизацию как сложный и противоречивый процесс (Миронов, 2014: 31-171).

В кыргызстанской историографии дореволюционный период изучался через призму советских концепций, подчеркивая интеграцию окраин, включая Кыргызстан, в государственное единство Российской империи. Постсоветские исследования акцентируют внимание на политике царизма по освоению национальных окраин, рассматривая Кыргызстан как часть этого процесса в начале XX в., и анализируют ключевые темы, такие как крестьянское переселение в Семиречье в ходе столыпинских аграрных преобразований и восстание 1916 г. с его трагическими последствиями для кыргызского народа. Современные историки стремятся переосмыслить национальное самоопределение (Жакыпбеков, 2003; Кененсариев, 2012; Ташболотова, 2012; Исабаева, 2011) и национальное обычное право, существовавшее у различных народов, входивших в состав Российской империи (Plotskaya et al., 2022a; Plotskaya et al., 2023a; Plotskaya et al., 2022b; Plotskaya et al., 2023b).

Западная историография под влиянием Калифорнийской исторической школы перенесла понятие «колонизация» на Россию, ассоциируя её с западноевропейскими колониальными империями. Современные зарубежные историки подчеркивают уникальность русской колонизации, настаивая на использовании этого термина как отдельного понятия. Однако использование термина «колонизация» в российском контексте вызывает трудности из-за его негативных коннотаций, что приводит к разнообразию интерпретаций и недопониманиям при переводе на русский язык (Ибнеева, Попов, 2014: 267-276).

4. Результаты

В изучении состояния Кыргызстана в начале XX в. в составе Российской империи следует учитывать, что Северный Кыргызстан добровольно присоединился в 1863 г., и его основная часть была включена в Семиреченскую область Туркестанского генерал-губернаторства, ставшую центром для русских крестьян-переселенцев в Туркестанском крае. В 1868 г. в Пишпекском (Токмакском) уезде насчитывалось 15 крестьянских хозяйств переселенцев из внутренних губерний России, к которым в 1869 г. добавилось ещё 60 (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 9. Д. 41. Л. 11-14). Благодаря благоприятным условиям освоения новых земель этот регион был признан привлекательным, обладавший значительными площадями богарных земель: 250,000 десятин в Пржевальском уезде и 300,000 десятин в Пишпекском, что позволяло быстро подготовить участки для размещения переселенцев из внутренних губерний Европейской России. Первоначально, согласно неутверждённому проекту 1869 г. «Положение об устройстве в Семиреченской области сельских поселений» Г. А. Колпаковского, каждому мужчине выделялось 30 десятин земли, включая 15 десятин для будущего прироста населения; поселенцы на почтовых трактах получали до 15 десятин земли и освобождались от податей и повинностей на 15 лет (на пикетах – на 25 лет). Максимальная ссуда на семью составляла 100 рублей, но часто выдавалась в меньших объемах или не выдавалась вовсе (Мийманбаева и др., 2019: 775). Проект действовал вплоть до 1883 г., и в 1870-е гг. было создано 28 селений, преимущественно из выходцев из Воронежской губернии, включая 6 в Пишпекском и 6 в Пржевальском уездах.

С 1882 по 1905 г. активность русской колонизации Семиречья замедлилась, и было основано всего 8 селений: 6 в Пишпекском уезде и 2 в Пржевальском. В начале 90-х гг. в связи с голодом в России прилив переселенцев-самовольцев в область усилился. Из этих переселенцев в 1893 г. в Пишпекском уезде были образованы селения Георгиевское и Ивановское. В этот период правила переселения менялись. В 1883 г. были введены местные нормы, а в 1889 г. на исследуемый регион был распространен общий закон о переселении в Сибирь, что объясняется, главным образом, борьбой администрации с прибывшими переселенцами-самовольцами. В этом случае местная администрация руководствовалась господствующим в то время взглядом на переселение, допускавшим переселение лишь с разрешения правительства, и распоряжением МВД о прекращении переселения в степные области впредь до приискания свободных земель. В 1895 г. по вопросу о дальнейшем водворении переселенцев в Семиреченскую область в Омске была создана комиссия. Комиссия, ознакомившись с переселенческим делом, решила впредь до земельного устройства коренного населения прекратить переселение в Семиреченскую область. Министерство внутренних дел, поддержав решения комиссии, своим циркуляром от 15 июня 1896 г. за № 14 прекратило выдачу разрешений на переселение. Основной целью переселенческой политики была концентрация земель в руках крестьян для их лучшего хозяйственного использования. Однако, несмотря на все запреты, поток самовольцев не прекратился, а, наоборот, с каждым годом увеличивался. В 1902 г. самовольцев насчитывалось в области около 16 тысяч, к 1 августа 1908 г. их значилось уже свыше 30 тысяч (Эсенкулов, 2010: 162-163).

В губернаторской «Записке об устройстве Семиреченской области» 1884 г. подчеркивается, что крестьяне-переселенцы, не получая финансовой помощи от казны для переселения и обустройства, часто прибывали на новое место без средств и с минимальным количеством скота. Однако, несмотря на трудности, уже на третий-четвёртый год жизни на новом месте такие переселенцы могли обеспечить свою семью домом, а также 4-6 десятинами засеянного хлеба, 2-4 лошадьми и 3-6 головами рогатого скота. Этот факт свидетельствует о способности крестьян адаптироваться и развиваться в новых условиях, что подчеркивает их трудолюбие и настойчивость (РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 53. Л. 25).

В конце XIX в. активное освоение Семиреченской области способствовало увеличению земельных угодий и развитию сельского хозяйства, включая привлечение киргизов к аграрным проектам, таким как лесоразведение и садоводство¹. Введение положения о выдаче бесплатных саженцев из казенных питомников стимулировало создание новых садов и плодовых насаждений, что улучшало экономическое положение населения и укрепляло социальный порядок (*Семиреченские Областные Ведомости*, 2015: 309). Участие коренного населения в выставках, например, в 1-й Областной сельскохозяйственной и промышленной выставке в Верном в 1902 г., было отмечено государственными наградами за достижения в сельском хозяйстве и скотоводстве, что способствовало интеграции коренного населения в процессы развития и модернизации (*Семиреченские Областные Ведомости*, 2015: 410). Это свидетельствует о том, что в крае изначально предпринимались меры освоения и адаптации с учетом интересов местного населения, включая составление точных описаний участков для переселения, изучение и внедрение лучших систем ирригации и орошения, а также открытие сельскохозяйственных школ с образцовыми фермами для ознакомления переселенцев с местными культурами. Однако на практике указанные меры сталкивались с рядом трудностей по претворению их в жизнь (*Котюкова*, 2015: 47).

Экономическая структура киргизского общества в период с конца XIX до начала XX в. трансформировалась, что привело к перераспределению ресурсов и адаптации к новым условиям. Наблюдался значительный рост посевов зерновых культур – с 153,710 десятин в 1898 г. до 215,783 десятин в 1902 г., что составило увеличение на 40,4 % (*Таблица 1*) (*Шкапский*, 1907: 26).

Таблица 1. Размеры киргизского земледелия с 1898 по 1902 г.

Показатели	Посеяно зерновых дес.	Увеличение на %
1898 г.	153,710	
1899 г.	167,297	8,8%
1900 г.	183,866	9,9%
1901 г.	206,043	12,1%
1902 г.	215,783	5,7%

В то же время поголовье скота у кочевых киргизов сократилось во всех уездах. Например, в Пржевальском уезде количество скота на одну кибитку уменьшилось с 22,37 в конце 1870-х гг. до 16,0 в 1902 г., что составляет снижение на 28,4 %, отражая начало перехода кыргызов от кочевого скотоводства к оседлому земледелию под влиянием экономических, социальных и внешнеполитических факторов после присоединения к России (*Таблица 2*) (*Шкапский*, 1907: 27).

Таблица 2. Динамика роста скотоводства у кочевого населения

Уезды	На 1 кибитку приходится скота		% уменьшения
	Данные на конец 70-х гг. XIX в.	Данные за 1902 г.	
Верненский	13,17	7,3	80,8
Копальский	11,16	8,8	26,8
Лепсинский	7,71	6,7	14,9
Пишпекский	12,29	10,5	17,1
Пржевальский	22,37	16,0	40,0

В период с конца XIX до начала XX в. в Семиреченской области возникли значительные проблемы с землеустройством казаков, «старожильцев» крестьян и коренного населения, что замедлило процесс переселения и привело к отсрочке действия общего закона о переселении в Сибирь в 1889 г. на 2 года. В 1895 г. переселение было полностью приостановлено до урегулирования земельных вопросов среди кыргызов и казахов. В конце 1890-х гг. массовое переселение началось из-за голода в центральных регионах России, стимулируя активное освоение Семиречья. В Пишпекском уезде 25,6 % переселенцев жили на квартирах, 37,4 % имели свои усадьбы, а 21,7 % образовали поселения на арендованной у киргизов земле. В 1892 г. к западу от Беловодского возникли первые самовольные поселения, такие как Покровка и Свиняча выселка. В 1904 г. в Покровке был 151 двор, арендовавший 73,5 десятин земли, а в Свинячей выселке – 177 дворов, арендовавших 71,6 десятин (*Шкапский*, 1907: 27).

¹ Примечание: В тексте термин «киргизы» относится как к казахам, так и к кыргызам, так как в дореволюционном периоде в учетных документах они часто рассматривались вместе как «киргизы», хотя представляли два разных этноса. Термин «кыргызы» будет применяться в отношении коренных жителей Пишпекского и Пржевальского уездов.

23-24). Эти данные свидетельствуют о широком использовании арендной земли киргизов переселенцами, несмотря на действия администрации по пресечению самовольного заселения.

В конце XIX в. с усилением государственной политики Российской империи в области освоения национальных окраин возникла необходимость срочного решения проблемы переселения крестьян в Туркестан, особенно в Семиречье. Вопрос обсуждался на Государственном совете 25 ноября 1903 г. По решению Подготовительной комиссии, в 1904 г. в Генерал-губернаторской канцелярии Туркестанского генерал-губернатора была создана временная партия для подготовки планов переселения и на её деятельность было решено выделить 92020 сомов. 14 февраля 1905 г. по постановлению Государственного Совета в Семиреченской области была создана еще одна временная партия для подготовки планов переселения. Комиссия была представлена специалистами различных областей (Тлеубекова, 2021: 172–173). Партия занималась определением численности населения, сбором информации о сельском хозяйстве и оценкой «излишков» земель. В 1905 г. исследовательские работы проводились только в Аламединской и Талканской волостях Пишпекского уезда. В результате было исследовано 1700 домохозяйств в 19 административных селах Аламединской волости и 1823 домохозяйства в 7 русских селах Пишпекского уезда. Исследовательская работа указанного года не принесла результатов из-за недостатка знаний о местной ситуации и возникающих трудностей. Вопрос переселения оставался открытым, и в декабре 1905 г. генерал-губернатор Туркестана решил предоставить переселенцам временные земельные паи из земель, используемых киргизами (Эсенкулов, 2010: 31-37).

В 1905 г. Министерство земледелия и государственных имуществ было преобразовано в Главное управление землеустройства и земледелия, которое занялось Столыпинской реформой. В этом же году в Семиреченской области начались систематические землеотводные работы и подготовка переселенческих участков (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3158. Л. 5).

Семиреченская переселенческая организация (1905–1910 гг.) выделила 181 участок, включая 21 в Пишпекском, 1 в Нарынском подрайоне Пржевальского уезда и 16 в Пржевальском уезде. В первые годы размер наделов составлял 10 десятин на душу, затем он уменьшился до 6, 5 и даже 4 десятин. Из 63,824 долей было заселено 26,336, а 37,488 оставались свободными (Румянцев, 1911: 208-214). В 1907 г., с учетом 23,508 неустроенных переселенцев, планировалось выделить 36 участков общей площадью 288,990 десятин. Эти участки вызвали возражения местной администрации, что привело к конфликту между Туркестанским генерал-губернатором и Главным управлением землеустройства и земледелия. Сторонники немедленного переселения отводили переселенцам не только излишние, но иногда и орошаемые и обрабатываемые киргизами земли, что нарушало интересы местного населения. Военный губернатор Семиреченской области генерал М.Е. Ионов заявил, что нельзя осуществлять насильственный захват земель у местного населения и предложил направить средства на покупку киргизских орошенных земель. Генерал-губернатор Н.И. Гродеков и его заместитель К. А. Кондратович поддержали Ионova, предложив отводить переселенцам только подлинно излишние земли. Ионов и Гродеков, хорошо знакомые с местным образом жизни, были обеспокоены последствиями насильственного изъятия земель. Это привело к конфликту с заведующим Семиреченским переселенческим управлением С.Н. Велецким, которого Гродеков пытался отстранить от должности. В результате в 1907 г. были уволены Ионов, Гродеков, Кондратович и начальник управления земледелия и государственных имуществ В. М. Лазаревский. На их место были назначены генерал-губернатор П. И. Мищенко и новый начальник управления А.И. Пильц, которые также были отстранены за поддержку прежних позиций (Эсенкулов, 2010: 31-37).

В период с 1907 по 1909 г. правительственные органы сталкивались с значительными вызовами, подчеркивающими необходимость разработки законодательства для свободного использования и аренды казенных земель, эффективного управления государственными земельными ресурсами и адаптации форм использования земли к экономическому потенциалу и культурным особенностям различных регионов, что было критически важно для успешного освоения региона.

Таким образом, освоение Северного Кыргызстана в начале XX в. в контексте переселенческой политики Российской империи представляло собой сложный и многоаспектный процесс. И обсуждаемые различные проекты землеустройства в Семиреченской области показывали, как сложно шло освоение, главным образом, затрагивая именно эти регионы Северного Кыргызстана. Один из таких проектов, предложенный Н.С. Лыкошиным, стремился к равномерному распределению земель среди киргизов - по 15 десятин на каждую мужскую душу с акцентом на переход к оседлому образу жизни. Второй проект, предложенный графом К.К. Паленом, предлагает немедленно передать киргизам землю, которую они уже обрабатывают, а оставшуюся землю разделить на пастбищный запас и свободный государственный земельный фонд. Пастбища должны предоставляться киргизам на условиях аренды с оплатой за скот (Трегубов, 1910: 157). Культурно-экономическое развитие переселенцев, их религиозные, политические и национальные убеждения, а также трудовые навыки и привычки, играют важную роль в успешной внутренней колонизации, делая этот опыт Российского государства достаточно уникальным. Переселение в России является долговременным процессом, направленным на использование природных ресурсов и земельных запасов (Тресвятский, 1913: 60). Основные цели включали как решение аграрного вопроса, так и

укрепление геополитического контроля над окраинами империи. Различные землеустроительные проекты, разработанные для кыргызов, отражают попытки государства учесть местные условия и потребности населения. Однако социальные и административные трудности, такие как коррупция и сопротивление переходу к оседлости, создавали значительные препятствия. В Пишпекском уезде кыргызы разделяются на две группы: одна, включающая 500-700 хозяйств, стремится к оседлому образу жизни с равными правами с крестьянами, в то время как более богатая и влиятельная группа противодействует этому, используя народных судей (бииев) для поддержки богатых и подкупа волостной администрации (Трегубов, 1910: 161). Важные аспекты этого процесса обсуждались в периодическом издании «Вопросы колонизации». Анализировалась необходимость культурно-экономических мероприятий для поддержки сельскохозяйственной и промышленной жизни, создания межведомственного органа для эффективной координации заселения окраин, опираясь на международный опыт. Государственные деятели, включая представителей центральной и краевой администрации, а также депутатов IV созыва Государственной Думы, активно обсуждали вопросы развития транспортной инфраструктуры, улучшения культурной среды и необходимости нового законодательства для управления земельными ресурсами на окраинах (Гинс, 1913: 47-50; Вошинин, 1915: 6; Гинс, 1912: 47; Тресвятский, 1913: 64). Идея землеустройства для местных народов была направлена на улучшение их жизненных условий и социальной адаптации, призывая к изменению правового статуса коренных народов и разработке соответствующих законодательных инициатив (Симонов, 1914: 3, 6). Активное освоение региона считалось необходимой мерой для обеспечения национальной безопасности и укрепления границ, что требовало комплексного подхода и учета разнообразных природных условий области. Учет рекомендаций краевой администрации, в частности Н.И. Гродекова и М.Е. Ионова, а также исследований П.П. Румянцева, мог бы улучшить планирование использования ресурсов, предотвратить аграрные проблемы и катастрофические последствия восстания 1916 г.

До 1910 г. Семиреченская область была закрыта для официального переселения. В 1910 г. освоение окраин было признано срочным государственным делом, требующим улучшения инфраструктуры. Это повлекло за собой изменения в хозяйственной жизни Северного Кыргызстана, в том числе в экономическом и культурном укладе. Согласно данным, в 1911 г. площадь казенных земель у кыргызских хозяйств в Пишпекском и Пржевальском уездах составляла 152887 десятин. В 1912 г. она уменьшилась до 152192 десятин, а в 1913 г. — до 143727 десятин. На одну душу населения приходилось 0,5 десятин в Пишпекском уезде и 0,4 десятины в Пржевальском уезде в 1911 и 1912 г., увеличившись до 0,5 десятин в обоих уездах в 1913 г. (Таблица 3) (Обзор Семиреченской области, 1915: 53).

Таблица 3. Количество казенных земель у хозяйств киргизов, ведущих кочевой образ жизни, в Пржевальском и Пишпекском уездах и площадь на одну душу населения (1911–1913 гг.)

Год	Казенные запашки (дес.) Пишпекский уезд	Казенные запашки (дес.) Пржевальский уезд	Итого (дес.)	Земля на одну душу (дес.) Пишпекский уезд	Земля на одну душу (дес.) Пржевальский уезд
1911	89741	63146	152887	0,5	0,4
1912	92903	59289	152192	0,5	0,4
1913	79396	64331	143727	0,5	0,5

Это сокращение, наряду с увеличением среднего размера земельного участка на одно хозяйство, может свидетельствовать о сокращении числа кочевых хозяйств и росте числа оседлых хозяйств, что указывает на перераспределение земельных ресурсов. Приведённые данные подчёркивают значимость инфраструктурных изменений и перераспределения земель в контексте реализации государственной политики по освоению окраин Российской империи в начале XX в.

В период с 1912 по 1913 г. в Пишпекском и Пржевальском уездах Северного Кыргызстана произошли изменения в посевных площадях зерновых культур у кыргызских кочевников. В Пишпекском уезде посевы пшеницы сначала увеличились до 45,497 десятин в 1912 г., затем снизились до 38,220 десятин в 1913 г. Овес и ячмень также показали уменьшение с 28,283 до 24,327 десятин, а посевы проса сократились с 16,702 до 16,391 десятин. В Пржевальском уезде площади посева пшеницы сначала уменьшились до 26,776 десятин в 1912 г., затем увеличились до 31,438 десятин в 1913 г. Посевы овса и ячменя оставались относительно стабильными, а посевы проса увеличились с 2,256 до 2,863 десятин. Общее количество посевных площадей в обоих уездах сначала увеличилось в 1912 г., но затем сократилось к 1913 г. (Таблица 4) (Обзор Семиреченской области, 1915: 54).

Таблица 4. Посевные площади у хозяйств кыргызов, ведущих кочевой образ жизни, занятые хлебными растениями (пшеница, овес, ячмень, просо) в Пишпекском и Пржевальском уездах (1911–1913 гг.)

	1911	1912	1913
Пишпекский уезд			
Пшеница	42939	45497	38220
Овес и ячмень	26025	28283	24327
Просо	19359	16702	16391
Пржевальский уезд			
Пшеница	30463	26776	31438
Овес и ячмень	29782	29171	29565
Просо	2280	2256	2863
Итого Пишпекский и Пржевальский уезды			
Пшеница	73402	77273	69658
Овес и ячмень	55807	57454	53892
Просо	21639	18958	19254

Эти изменения могут быть связаны, с одной стороны, с хозяйственной деятельностью переселенцев-крестьян, а с другой – с начавшимся оседанием части кыргызов и переходом на оседлый образ жизни, что способствовало увеличению их сельскохозяйственной активности в начале XX в. Эти факторы оказали влияние на аграрную деятельность кыргызов, ведущих кочевой образ жизни. В обоих уездах и по области наблюдается снижение доли посевных площадей под пшеницу к 1913 г. Овес и ячмень также демонстрируют различные изменения, однако общий тренд сохраняется в пределах каждого уезда и по области. Региональные различия выражены в стабильных показателях Пишпекского уезда по сравнению с Пржевальским уездом, особенно в отношении посевов пшеницы и проса. Уменьшение площадей под пшеницу может свидетельствовать о развитии земледелия у переселенцев и появлении оседлых слоев в кыргызских хозяйствах, поскольку кыргызы, ведущие кочевой образ жизни, засеивали пшеницу, овес и ячмень в большинстве случаев для сбыта.

Анализ распределения посевных площадей под зерновые культуры в Пржевальском и Пишпекском уездах в сравнении с областными данными Семиреченской области показал, что в обоих уездах наблюдались более высокие показатели посевов пшеницы по сравнению со средними данными по области (Таблица 5) (Обзор Семиреченской области, 1915: 54).

Таблица 5. Процентное отношение площадей, занятых хлебными культурами, к общей посевной площади у кыргызов, ведущих кочевой образ жизни

Наименование уезда	1911			1912			1913		
Пишпекский	47,8	29,0	21,6	48,8	30,5	17,9	48,1	30,7	20,7
Пржевальский	48,2	43,9	3,6	45,2	49,0	9,1	48,9	45,9	4,4
По Семиречинской области	40,1	36,1	22,3	42,1	39,9	23,1	43,9	35,3	18,5

В Пржевальском и Пишпекском уездах табак выращивался как коренным населением, так и русскими переселенцами. Из него производили махорку, нюхательный табак и насвай, а также использовали для опрыскивания садов. В 1884 г. строительство табачной фабрики в Верном (Алматы) дало толчок развитию табаководства в Северной Киргизии. К 1912 г. в Семиреченской области действовало 4 табачных предприятия. Выращивались и высокосортные табаки, такие как Трапезун, Самсон и Дюбек. Семиреченский табак неоднократно получал золотые медали на российских и международных выставках в Париже, Вене, Неаполе и Барселоне (ЦГА КР. Ф. 136. Оп. 1. Д. 48. Л. 1-5), что способствовало развитию внешней торговли.

Пржевальский уезд с его высокими показателями по численности овец и коз подчёркивает сохраняющееся влияние традиционного кочевого скотоводства, несмотря на общие тенденции изменения поголовья. Высокие показатели по числу лошадей в начале периода и их снижение к 1913 г. могут отражать экономические и климатические изменения, влияющие на скотоводство. Уменьшение количества верблюдов в обоих уездах, возможно, связано с переходом к более интенсивному сельскому хозяйству и изменением методов ведения скотоводства. В Пишпекском уезде, где происходило интенсивное переселение и оседание, наблюдаются значительные изменения в структуре поголовья скота, что указывает на существенные изменения в сельском хозяйстве, вызванные присутствием переселенцев. В Пржевальском уезде, где традиционное кочевое

скотоводство продолжает играть важную роль, изменения происходят более медленно, и традиционные виды скота остаются ключевыми для местного населения.

Внутренние колонизационные процессы в Северном Кыргызстане в начале XX в. были частью переселенческой политики Российской империи, направленной на освоение новых национальных окраин. Это было ключевым элементом стратегии государства по решению аграрного вопроса и укреплению геополитического контроля. Несмотря на успешное укрепление русского влияния и частичное благополучие переселенцев, процесс требовал значительных государственных вложений.

Освоение края в первую очередь привело к коренным изменениям в административном устройстве, отражающим политические и социальные трансформации. В этот период наблюдался рост казачьих станиц, крестьянских волостей и селений, а также развитие оседлости среди коренного населения (Таблица 6) (Обзор Семиреченской области, 1915: 31-37).

Таблица 6. Административные единицы в Семиреченской области, включая Пржевальский и Пишпекский уезды (1900 и 1914 г.)

№	Название административных единиц	Административные единицы Семиреченской области		Административные единицы Северного Кыргызстана в 1914 г.		
		1900	1914	Пржевальский уезд	Пишпекский уезд	Итого
1	Города					
	Областной	1	1	-	-	-
	Уездные	5	5	1	1	2
2	Торговые местечки					
	Торговые местечки	2	1	1	0	1
	Слободки	2	2	2		2
3	Укрепления	2	2	2	0	2
4	Казачьи поселения					
	Казачьи станицы	11	18	1	1	2
	Выселки	17	16			
5	Крестьянские					
	Волости	7	64	5	17	22
	Селения	21	158	16	36	52
	Самостоятельные сельские общества	10	34	6		6
6	Киргизские оседлые					
	Волости	5	0	4	4	5
	Селения	28	0	25	25	28
7	Хутора					
	Русские		16	1	3	4
	Киргизские		4	0	4	4
8	Таранчинские					
	Волости	6	6	0	0	0
	Селения	48	48	0	0	0
9	Дунганские					
	Волости	4	4	1	1	2
	Селения	3	3	1	1	2
10	Киргизские кочевые					
	Волости	144	148	26	33	58
	Аулы	1231	1441	488	300	788
	Кибитки	156511	191573	33875	34053	67928
11	Сарт-калмыкские					
	Аулы	1	1	1		1
	Кибитки	352	472	472		472
12	Самовольные русские селения		1		1	1

Что касается промышленности рассматриваемой области, то в 1882 г. функционировало всего 16 мелких заводов с 25 рабочими, производя продукцию на сумму 7940 рублей. К 1913 г. количество

заводов увеличилось до 489, число рабочих до 681, а общий объем производства вырос до 362700 рублей. Наибольший рост наблюдался в обрабатывающей растительной продукции: количество заводов увеличилось с 9 до 440, число рабочих — с 9 до 563, а сумма производства — с 1300 до 271000 рублей. В обрабатывающей животные продукты отрасли количество заводов возросло с 7 до 44, число рабочих — с 19 до 104, а сумма производства — с 6640 до 88700 рублей (Таблица 7) (Обзор Семиреченской области..., 1884: 110; Обзор Семиреченской области..., 1900: 129; Обзор Семиреченской области..., 1907: 187; Обзор Семиреченской области..., 1915: 160-161).

Таблица 7. Промышленные заведения Пишпекского и Пржевальского уездов с 1882 по 1913 г.

Годы	Обделывающие животные продукты			Обрабатывающее растительные продукты			Обрабатывающее искомые продукты		
	Количество		Сумма производства (в рублях)	Количество		Сумма производства (в рублях)	Количество		Сумма производства (в рублях)
	завед.	рабоч.		завед.	рабоч.		завед.	рабоч.	
1882	7	19	6640	9	9	1300	0	0	0
1900	45	128	74212	217	255	16250	7	17	3600
1906	36	82	28809	421	435	116375	6	12	1650
1913	44	104	88700	440	563	271000	5	14	3000

Развитие промышленных заведений в Северном Кыргызстане за период с 1882 по 1913 г. показывает значительные изменения. В 1882 г. индекс количества заводов, рабочих и суммы производства был принят за 100 %. К 1900 г. наблюдался значительный рост: количество заводов увеличилось на 1681,4 %, количество рабочих — на 1600 %, а сумма производства — на 1184,7 %. Однако к 1906 г. темпы роста замедлились: количество заводов выросло на 172,19 % по сравнению с 1900 г., количество рабочих — на 132,3 %, а сумма производства — на 156,1 %. В 1913 г. темпы роста снова замедлились: количество заводов увеличилось на 105,7 %, количество рабочих — на 128,7 %, а сумма производства значительно выросла до 247%. Этот анализ показывает, что увеличение объема продукции не всегда было пропорционально росту количества заводов и рабочих. Наибольший рост числа заводов и рабочих наблюдался в период с 1882 по 1900 г., в то время как наибольший рост суммы производства произошел в период с 1906 по 1913 г., что указывает на повышение производительности и эффективности промышленных заведений (Таблица 8) (Обзор Семиреченской области..., 1884: 110; Обзор Семиреченской области..., 1900: 129; Обзор Семиреченской области..., 1907: 187; Обзор Семиреченской области..., 1915: 160-161).

Таблица 8. Промышленные заведения Северного Кыргызстана с 1882 по 1913 г. и их относительный прирост в %

Годы	Пржевальский и Пишпекские уезды			Прирост в % всего промышл. заведений к предыдущим периодам		
	Количество		Сумма производ. (в рублях)	Количество		Сумма производ. (в рублях)
	заведения	рабочих		заведения		
1882	16	25	7940	100	100	100
1900	269	400	94062	1681,4	1600	1184,7
1906	463	529	146834	172,19	132,3	156,1
1913	489	681	362700	105,7	128,7	247

В Пржевальской сберегательной кассе в 1903 г. было 534 книжки с вкладом 118336 руб., а в начале 1904 г. — 592 книжки на 146967 руб. В 1913 г. вклады Пишпекской кассы составили 41285 руб., а Пржевальской — 16349 руб. (ЦГА РК. Ф. 342. Оп. Д. 688. Л. 147-148, 171-172). В Киргизии также действовали государственные сберегательные и почтово-телеграфные кассы. Обороты ссудно-сберегательных касс увеличивались: к январю 1917 г. Пишпекская касса объединяла 12 касс с общим оборотом 4768703 руб. (ЦГА КР. Ф. 40. Оп. 11. Д. 1. Л. 1), Пишпекское общество взаимного кредита увеличило обороты до 1630755 руб. (ЦГА КР. Ф. 27. Оп. 1. Д. 2. Л. 3). Таким образом, наблюдается стабильный рост финансовых операций и развитие сберегательных учреждений в Киргизии в начале XX в.

5. Заключение

Переселенческая политика в Северном Кыргызстане начала XX в. оказала комплексное влияние на регион. С одной стороны, она способствовала освоению новых территорий и улучшению аграрной инфраструктуры, а также привела к строительству транспортных путей и созданию

промышленных объектов. Эти изменения способствовали интеграции региона в экономическую структуру Российской империи. С другой стороны, политика привела к новым аграрным и социальным вопросам, а также к напряженности между переселенцами и местными жителями. Этническая и социальная структура региона также претерпела изменения, что создавало дополнительные вызовы для социальной интеграции. Успех переселенческой политики зависел от учета интересов всех групп населения и решения возникающих проблем с комплексным подходом.

Исследование показало, что процессы освоения Северного Кыргызстана в начале XX в. были сложными и многогранными. Использование термина «внутренняя колонизационная политика» более точно отражает характер государственных стратегий, чем термин «колониальная зависимость». Анализ административных решений и их последствий позволяет более глубоко оценить влияние этих процессов на современную историческую память и этнополитическую ситуацию в регионе. Исторический дискурс продолжает формироваться в зависимости от современных идеологических тенденций, что требует критического подхода к понятию «колонизация» и его интерпретации в историографии Кыргызстана.

Исходя из нашего исследования, следует, что в контексте изучения истории дореволюционного Кыргызстана целесообразно рассматривать понятие «колонизации» как эквивалентное понятию «освоение». Кыргызстан следует рассматривать не как колонию, а скорее как национальную окраину, где центр и периферия играют ключевую роль в понимании политических и экономических отношений. Включение Северного Кыргызстана в состав Российской империи способствовало расширению инфраструктуры, введению административных механизмов управления, развитию сельского хозяйства и торговли. Эти процессы, несмотря на их сложность, заложили основу для последующего социально-экономического развития региона.

Заменяя термины «метрополия» и «колония» на «центр» и «периферия», мы можем более точно описать динамику внутренней колонизационной политики и национальной стратегии. Глубокий анализ различий между этими концепциями позволяет более полно оценить влияние исторических событий на местное население и формирование региональной идентичности. Преобразования, произошедшие в результате внутренней колонизационной политики, привели к модернизации хозяйственной деятельности, появлению новых форм производства и укреплению связей региона с внешними рынками. Взаимодействие с переселенцами привело к частичной оседлости местного населения, распространению новых агротехнологий и усилению товарно-денежных отношений, что в дальнейшем способствовало укреплению экономики региона.

В современном историческом контексте использование термина «колониальная политика» некорректно и может ограничивать наше понимание процессов, происходивших в дореволюционном Кыргызстане. Наше исследование показывает, что более точным и уместным является применение термина «внутренняя колонизационная политика». Этот термин отражает не только экономические и политические стратегии заселения и управления новыми территориями, но и включает аспекты социокультурного взаимодействия, аккультурации и адаптации. Вместо упрощенного, а, следовательно, ложного представления о «колониальной зависимости», понятие «внутренняя колонизационная политика» подчеркивает сложность и многоаспектность воздействия стратегий Российского государства на развитие региона и его общественную структуру.

Таким образом, использование данного термина помогает более точно и глубоко анализировать исторические процессы и их влияние на формирование современной региональной идентичности. Важно учитывать не только негативные аспекты колонизации, но и её позитивное влияние на развитие инфраструктуры, административного управления, экономического роста и модернизации хозяйственной деятельности.

Литература

Воцинин, 1915 – Воцинин В. Колонизационное дело при А. В. Кривошеине // *Вопросы колонизации* 1915. № 18. С 3-24.

Гинс, 1912 – Гинс Г. Вопросы колонизации Азиатской России и выставка по переселенческому делу // *Вопросы колонизации*. 1912. № 11. С. 1-58.

Гинс, 1913 – Гинс Г. Переселение и колонизация // *Вопросы колонизации*. 1913. № 13. С. 39-99.

Жакыпбеков, 2003 – Жакыпбеков Ж Социально-экономическое и политическое развитие Кыргызстана во второй половине XIX - начале XX веков: Историография проблемы. Бишкек: б. и., 2003. 287 с.

Ибнеева, Попов, 2014 – Ибнеева Г. В., Попов И. А. Понятие колонизация в трудах современных англо-американских исследователей истории России // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. 2014. Т. 156. № 3. С. 267-276.

Исабаева, 2011 – Исабаева Н. А. Аграрная политика Российской империи в Северном Кыргызстане во второй половине XIX – начале XX веков. Бишкек: б. и., 2011. 200 с.

Кененсариев, 2012 – Кененсариев Т. История колониальной политики русского самодержавия на окраинах. Экономическая политика России в Кыргызстане во 2-й половине XIX – нач. XX вв. LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 300 с.

- Котюкова, 2015** – Котюкова Т. В. Туркестан в дискурсе фронтирной модернизации Российской империи в конце XIX – начале XX в. // *Ислам в современном мире*. 2015. Т. 11. № 1. С. 43-54.
- Масозро, 2016** – Масозро А. Колонизация в позднеимперской России: история понятия / Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных трудов / Ред.-сост.: Н.Г. Суворова, С.А. Мулин. Омск: Полиграфический центр КАН, 2016. С. 340-365.
- Мийманбаева и др., 2019** – Мийманбаева Ф.Н., Команджаев А.Н., Команджаев Е.А. Правовые основы землевладения и землепользования переселенцев в Семиречье в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2019. № 5. С. 771-786.
- Миронов, 2014** – Миронов Б.Н. Российская империя: от традиций к модерну. Т. 1. СПб., 2014. 896 с.
- Обзор Семиреченской области..., 1884** – Обзор Семиреченской области за 1883 год. Верный: Тип. Семиреч. обл. Правления, 1884. 111 с.
- Обзор Семиреченской области..., 1900** – Обзор Семиреченской области за 1899 год. Верный: Тип. Семиреч. обл. Правления, 1900. 176 с.
- Обзор Семиреченской области..., 1907** – Обзор Семиреченской области за 1906 год. Верный: Тип. Семиреч. обл. Правления, 1907. 187 с.
- Обзор Семиреченской области..., 1915** – Обзор Семиреченской области за 1913 год. Верный: Тип. Семиреч. обл. Правления, 1915. 166 с.
- Румянцев, 1911** – Румянцев П. П. Условия колонизации Семиречья // *Вопросы колонизации*. 1911. № 9. С. 208-214.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Семиреченские Областные Ведомости, 2015** – Семиреченские Областные Ведомости (с переименованиями за разные годы) Фонд 390, описи №№ 9-с и 4-м, Крайние даты документов 1870–1917 годы / составитель О. Белоносов. Алматы, 2015.
- Симонов, 1914** – Симонов М. Очередные задачи колонизации // *Вопросы колонизации*. 1914. № 14. С. 1-17.
- Ташболотова, 2012** – Ташболотова С.Т. Переселенческая политика царизма в Туркестане во второй половине XIX – начале XX вв. (на материалах Семиреченской и Ферганской областей): дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2012. 172 с.
- Тлеубекова, 2021** – Тлеубекова Г.Б. Жетісу коньыс аудару баскармасының тарихы және өлкедегі отарлау саясатының жүзеге асырылуы // *ҚазҰУ Хабаршысы. Тарих Сериясы Тарих сериясы*. 2021. № 2. 169-184 бб. [на казахском]
- Трегубов, 1910** – Трегубов А.Л. Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях // *Вопросы колонизации*. 1910. № 6. С. 104-172.
- Тресвятский, 1913** – Тресвятский В. К теории переселений // *Вопросы колонизации*. 1913. № 12. С. 52-64.
- ЦГА КР** – Центральный государственный архив Кыргызской Республики.
- Шкапский, 1907** – Шкапский О. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // *Вопросы колонизации*. 1907. № 1. С. 19-52.
- Эсенкулов, 2010** – Эсенкулов Н. Ж. Массовые источники по истории Кыргызстана в начале XX в. Бишкек: б. и., 2010. 216 с.
- Plotskaya et al., 2022** – Plotskaya O.A., Ruchkina G.F., Alekseeva D.G., Naumkina V.V. The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(1): 49-56.
- Plotskaya et al., 2023** – Plotskaya O.A., Osmonalieva N.J., Lotorev E.N., Shiryova I.V. Usually-Legal Status of a Peasant Widow among the Zyryans and Votyaks in the XVIII–XIX centuries // *Bylye Gody*. 2023. 18(4): 1612-1620.
- Plotskaya et al., 2022** – Plotskaya O.A., Kurilyuk Y.E., Ospanova D.A. Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries // *Bylye Gody*. 2022. 17(4): 1575-1584.
- Plotskaya et al., 2023** – Plotskaya O.A., Elinsky V.I., Dzhindzholiya R.S., Fedorov R.V. The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII–XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 37-45.

References

- Esenkulov, 2010** – Esenkulov, N.Zh. (2010). Massovye istochniki po istorii Kyrgyzstana v nachale XX v. [Mass sources on the history of Kyrgyzstan in the early 20th century]. Bishkek. [in Russian]
- Gins, 1912** – Gins, G. (1912). Voprosy kolonizatsii Aziatskoi Rossii i vystavka po pereselencheskomu delu [Questions of colonization of Asian Russia and exhibition on the migration case]. *Voprosy kolonizatsii*. 1912. 11: 1-58. [in Russian]
- Gins, 1913** – Gins, G. (1913). Pereselenie i kolonizatsiya [Migration and colonization]. *Voprosy kolonizatsii*. 13: 39-99. [in Russian]

- [Ibneeva, Popov, 2014](#) – *Ibneeva, G.V., Popov, I.A.* (2014). Ponyatie kolonizatsiya v trudakh sovremennykh anglo-amerikanskikh issledovatelei istorii Rossii [The concept of colonization in the works of modern Anglo-American researchers of Russian history]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. 156(3): 267-276. [in Russian]
- [Isabaeva, 2011](#) – *Isabaeva, N.A.* (2011). Agrarnaya politika Rossiiskoi imperii v Severnom Kyrgyzstane vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [Agrarian policy of the Russian Empire in Northern Kyrgyzstan in the second half of the XIX – early XX centuries]. Bishkek. [in Russian]
- [Kenensariyev, 2012](#) – *Kenensariyev, T.* (2012). Istoriya kolonial'noi politiki russkogo samodержaviya na okrainakh. Ekonomicheskaya politika Rossii v Kyrgyzstane vo 2-i polovine XIX–nach. XX vv. [History of the colonial policy of the Russian autocracy on the outskirts. Economic policy of Russia in Kyrgyzstan in the second half of the XIX – early XX centuries]. LAP Lambert Academic Publishing. [in Russian]
- [Kotyukova, 2015](#) – *Kotyukova, T.V.* (2015). Turkestan v diskurse frontirnoi modernizatsii Rossiiskoi imperii v kontse XIX – nachale XX v. [Turkestan in the discourse of frontier modernization of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries]. *Islam v sovremennom mire*. 11(1): 43-54. [in Russian]
- [Masoero, 2016](#) – *Masoero, A.* (2016). Kolonizatsiya v pozdneimperskoi Rossii: istoriya ponyatiya [Colonization in Late Imperial Russia: History of the Concept]. Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sbornik nauchnykh trudov. Red.-sost.: N.G. Suvorova, S.A. Mulin. Omsk: Poligraficheskii tsentr KAN. Pp. 340-365. [in Russian]
- [Miimanbaeva i dr., 2019](#) – *Miimanbaeva, F.N., Komandzhaev, A.N., Komandzhaev, E.A.* (2019). Pravovye osnovy zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya pereselentsev v Semirech'e v kontse XIX – nachale XX vv. [Legal basis for land ownership and land use of settlers in Semirechye in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 5: 771-786. [in Russian]
- [Mironov, 2014](#) – *Mironov, B.N.* (2014). Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu [Russian Empire: From Tradition to Modernity]. T. 1. SPb. [in Russian]
- [Obzor Semirechenskoii oblasti..., 1884](#) – Obzor Semirechenskoii oblasti za 1883 god. [Review of the Semirechye region for 1883]. Vernyi: Tip. Semirech. obl. Pravleniya. [in Russian]
- [Obzor Semirechenskoii oblasti..., 1900](#) – Obzor Semirechenskoii oblasti za 1899 god. [Review of the Semirechye region for 1899]. Vernyi: Tip. Semirech. obl. Pravleniya. [in Russian]
- [Obzor Semirechenskoii oblasti..., 1907](#) – Obzor Semirechenskoii oblasti za 1906 god. [Review of the Semirechye region for 1906]. Vernyi: Tip. Semirech. obl. Pravleniya. [in Russian]
- [Obzor Semirechenskoii oblasti..., 1915](#) – Obzor Semirechenskoii oblasti za 1913 god. [Review of the Semirechye region for 1913]. Vernyi: Tip. Semirech. obl. Pravleniya. [in Russian]
- [Plotskaya et al., 2022](#) – *Plotskaya, O.A., Kurilyuk, Y.E., Ospanova, D.A.* (2022). Customary Legal Nature of the Institution of Marriage among the Permian Peoples in the 18th – 19th centuries. *Bylye Gody*. 17(4): 1575-1584.
- [Plotskaya et al., 2022](#) – *Plotskaya, O.A., Ruchkina, G.F., Alekseeva, D.G., Naumkina, V.V.* (2022). The Hereditary Legal Status of Women among the Permian Peoples in Customary and Positive Law in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 17(1): 49-56.
- [Plotskaya et al., 2023](#) – *Plotskaya, O.A., Elinsky, V.I., Dzhindzholiya, R.S., Fedorov, R.V.* (2023). The Legal Regime of Natural Bioresources in the XVII–XVIII Centuries in the Positive and Customary Law of the Finno-Ugric and Samoyed Peoples of the North of Russia. *Bylye Gody*. 18(1): 37-45.
- [Plotskaya et al., 2023](#) – *Plotskaya, O.A., Osmonalieva, N.J., Lotorev, E.N., Shiryova, I.V.* (2023). Usually-Legal Status of a Peasant Widow among the Zyryans and Votyaks in the XVIII–XIX centuries. *Bylye Gody*. 18(4): 1612-1620.
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- [RGVIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- [Rumyantsev, 1911](#) – *Rumyantsev, P.P.* (1911). Usloviya kolonizatsii Semirech'ya [Conditions of colonization of Semirechye]. *Voprosy kolonizatsii*. 9: 208-214. [in Russian]
- [Semirechenskie Oblastnye Vedomosti, 2015](#) – *Semirechenskie Oblastnye Vedomosti* (s pereimenovaniyami za raznye gody) [Semirechensk Regional News (with renamings over the years)] Fond 390, opisi №№ 9-s i 4-m, Krainie daty dokumentov 1870–1917 gody. Sostavitel' O. Belonosov. Almaty. 2015. [in Russian]
- [Shkapskii, 1907](#) – *Shkapskii, O.* (1907). Pereselentsy i agrarnyi vopros v Semirechenskoii oblasti [Settlers and the agrarian question in the Semirechye region]. *Voprosy kolonizatsii*. 1: 19-52. [in Russian]
- [Simonov, 1914](#) – *Simonov, M.* (1914). Ocherednye zadachi kolonizatsii [The next tasks of colonization] *Voprosy kolonizatsii*. № 14: 1-17. [in Russian]
- [Tashbolotova, 2012](#) – *Tashbolotova, S.T.* (2012). Pereselencheskaya politika tsarizma v Turkestane vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (na materialakh Semirechenskoii i Ferganskoi oblastei.) [The resettlement policy of tsarism in Turkestan in the second half of the 19th – early 20th centuries (based on materials from the Semirechye and Fergana regions)]: dis. ... kand. ist. nauk. Bishkek. [in Russian]
- [Tleubekova, 2021](#) – *Tleubekova, G.B.* (2021). Zhetisu konys audaru baskarmasynyh tarikhy zhane elkedegi otarlau syasatynyh zhzyzege asyrylyuy [The history of the Zhetysu resettlement administration and the

implementation of the colonization policy in the region]. *KazYU Khabarshysy. Tarikh Seriyasy Tarikh seriyasy*. 2: 169-184. [in Kazakh]

Tregubov, 1910 – *Tregubov, A.L.* (1910). Pereselencheskoe delo v Semipalatinskoi i Semirechenskoi oblastiakh [The resettlement case in the Semipalatinsk and Semirechensk regions]. *Voprosy kolonizatsii*. 6: 104-172. [in Russian]

Tresvyatskii, 1913 – *Tresvyatskii, V.* (1913). K teorii pereselenii [Towards the theory of migrations] *Voprosy kolonizatsii*. 12: 52-64. [in Russian]

TsGA KR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kyrgyzskoi Respubliki [The Central State Archive of the Kyrgyz Republic].

Voshchinin, 1915 – *Voshchinin, V.* (1915). Kolonizatsionnoe delo pri A. V. Krivosheine [Colonization case under A.V. Krivoshein]. *Voprosy kolonizatsii*. 18: 3-24. [in Russian]

Zhakypbekov, 2003 – *Zhakypbekov, Zh* (2003). Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie Kyrgyzstana vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov: Istoriografiya problemy [Socio-economic and political development of Kyrgyzstan in the second half of the XIX – early XX centuries: Historiography of the problem]. Bishkek. [in Russian]

Северный Кыргызстан как национальная окраина Российской империи в контексте дискурса деколонизации конца XIX – начала XX в.

Шайыркул Джолдошевна Батырбаева^a, Гульнара Жумагуловна Мукажанова^b,
Евгений Николаевич Лоторев^{c,d,*}, Наталья Викторовна Вильская^c

^a Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Кыргызская Республика

^b Кыргызский национальный университет, Институт истории и регионоведения, Бишкек, Кыргызская Республика

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ), Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуются особенности освоения Северного Кыргызстана с конца XIX в. в контексте его интеграции в Российскую империю как национальной окраины. Осуществляется обзор современных дискурсов научной литературы, касающихся истории заселения и продвижения на новые территории Российской империи, с акцентом на терминах «внутренняя колонизация», «освоение» и «национальная окраина». Проводится историографический анализ дореволюционного периода истории Кыргызстана для выявления основных концепций и оценки роли Северного Кыргызстана в составе России. Особое внимание уделено этапам переселения крестьян в Семиречье, сделан упор на Пржевальский и Пишпекский уезды, ключевые для этого процесса. Рассматривается разнообразие методов освоения региона через изменения расселенческой и этнодемографической структуры, а также изменения в земледелии и скотоводстве, и развитие промышленности. В работе для раскрытия процесса освоения национальных окраин Российской империей рассматриваются разногласия между Туркестанским генерал-губернатором и Главным управлением землеустройства и земледелия по вопросам переселения. Делается вывод, что анализ различий между понятиями «колонизация» и «колонизационная политика» подчеркивает важность точного терминологического подхода для глубокого понимания исторических процессов. В статье аргументируется, что термин «внутренняя колонизационная политика» более точно отражает сложность имперских стратегий воздействия на развитие региона.

Ключевые слова: Северный Кыргызстан, Российская империя, Семиреченская область, национальная окраина, колонизация, освоение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: i@elotorev.ru (Е.Н. Лоторев)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 837-843
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.837

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Activities of the Sochi Horticultural and Agricultural Experimental Station in the second half of the 19th century

Konstantin V. Taran ^{a, b, c, *}

^a Sochi State University, Sochi, Russian Federation

^b Sochi City Archive, Sochi, Russian Federation

^c Cherkas Global University, Washington, DC, USA

Abstract

This study examines the reasons and prerequisites, as well as the goals and objectives of the creation of a horticultural and agricultural experimental station in the second half of the 19th century.

The materials used were documents from the archive of the resort city of Sochi, newly introduced into scientific circulation, as well as sources of personal origin, articles and monographs by Russian authors.

In the course of writing a scientific work, the principles of historicism, scientific objectivity and reliability are applied. Narrative, historical-genetic, and content analysis were used as the main methods, which allowed us to examine this topic more reliably.

In conclusion, the author came to the following conclusions. Due to the difficult process of colonization of the Black Sea region, where the colonist settlers faced the unusual climatic and agrarian conditions of the mountainous area, it was necessary to create an institution capable of providing the necessary experience and knowledge to the settlers for the successful development of the coast of the Northwest Caucasus.

The arguments and justifications of the State Council on the establishment of the Sochi Experimental Station, whose activities were aimed at providing practical assistance to the colonist settlers, were favorably received by Emperor Alexander III, who approved the establishment of an agricultural experimental institution on April 12, 1894.

Keywords: Sochi horticultural and agricultural experimental station, chamberlain N.S. Abaza, Minister of agriculture and state property A.S. Ermolov, State Council, Emperor Alexander III.

1. Введение

12 апреля 1894 года была создана Сочинская опытная станция, которая в ходе своей деятельности трансформировалась в авторитетное научное учреждение – «Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук»». Крайняя необходимость в создании опытного сельскохозяйственного учреждения назрела в ходе переселенческого движения на Черноморское побережье после завершения Кавказской войны. Исходя из этого, в представленной статье видится актуальным более подробно уделить внимание причинам, целям и задачам создания опытного сельскохозяйственного учреждения. Данная работа представляет собой попытку автора более детально и комплексно рассмотреть заявленную тему.

2. Материалы и методы

В качестве основных материалов данного исследования использовались документы архива города-курорта Сочи (АГС) (Сочи, Российская Федерация). Поскольку участок под Сочинскую опытную станцию был выделен из земель Сочинского лесничества, благодаря документам фонда

* Corresponding author

E-mail addresses: taran.constantin@yandex.ru (K.V. Taran)

Сочинского лесничества известны события, предшествующие созданию опытного учреждения. Архивные материалы фонда Сочинской сельскохозяйственной опытной станции дают возможность проанализировать причины и обоснование создания опытного учреждения, а также цели и задачи, ожидаемые в ходе деятельности этого заведения.

Несмотря на то, что по заявленной теме опубликовано довольно большое количество статей и тезисов, полагаем, что эта тема до конца не исследована. Введение в научный оборот новых документов Сочинского городского архива позволяет более подробно осветить причины, цели и задачи создания Сочинской опытной станции.

Методологической базой данного исследования, проведённого на основе изучения архивных материалов, а также опубликованных ранее трудов дореволюционных, советских и российских авторов, стали принципы историзма, научной объективности и достоверности. В качестве основных методов использовались нарративный, историко-генетический и контент-анализа, которые позволили обеспечить объективное исследование.

3. Обсуждение

Историографию темы заявленного исследования следует разделить на дореволюционный, советский и постсоветский периоды.

Из дореволюционных работ необходимо выделить труд А.В. Верещагина ([Верещагин, 1885](#)), который в своём историческом обзоре даёт характеристику результатов колонизации Черноморского побережья Кавказа во второй половине XIX века. В своих воспоминаниях Н.Е. Врангель ([Врангель, 2003](#)), впервые опубликованных на русском языке в 2003 году, описывает профессиональные и личностные качества гофмейстера Н.С. Абазы и упоминает о наличии недвижимости у Абазы в Сочи. Именно Н.С. Абазы являлся одним из первых инициаторов создания Сочинской опытной станции.

В дореволюционный период, начиная с 1914 года, стал публиковаться журнал – «Труды Сочинской сельскохозяйственной и садовой опытной станции», в котором были отображены результаты исследовательской деятельности опытного учреждения. В советский период в этом журнале были опубликованы статьи, посвящённые истории и деятельности Сочинской опытной станции, директора опытного учреждения М.А. Кушныренко-Кушнырева ([Кушныренко-Кушнырев, 1926](#)), а также библиотекаря и хранителя опытной станции Б.И. Битовта ([Битовт, 1926](#)).

В докладах Сочинского отдела Географического общества СССР были опубликованы статьи И.Н. Розина ([Розин, 1971](#)) и В.В. Воронцова ([Воронцов, 1971](#)). Первый уделил внимание развитию сельского хозяйства в Сочинском округе до социалистической революции, где затрагивалась деятельность Сочинской опытной станции, а второй посвятил статью 75-летию создания опытного учреждения.

Из исследователей российского периода необходимо выделить российских исследователей И.А. Тверитинова ([Тверитинов, 2000](#)), А.А. Черкасова ([Черкасов, 2003](#)), В.В. Крылову ([Крылова, 2008](#)) и К.В. Тарана ([Таран, 2014](#)), которые в своих работах касались проблем колонизации Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа во второй половине XIX века. Созданию и деятельности Сочинской опытной станции посвящали свои труды российские исследователи В.В. Казуров ([Казуров, 2004](#)), А.П. Платонов ([Платонов, 2022](#)), а из совместных работ следует отметить статьи Н.Е. Маркеловой и А.А. Черкасова ([Маркелова, Черкасов, 2008](#)), а также В.В. Казурова и К.В. Тарана ([Казуров, Таран, 2024](#)).

В статье историка Г.И. Шумкина опубликована записка министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова, который в 1894 году посетил Черноморское побережье Кавказа ([Шумкин, 2023](#)).

4. Результаты

После завершения Кавказской войны в 1864 году и массового переселения кавказских племён в Османскую империю российское правительство начало заселять территорию Черноморья крестьянами из равнинных районов России ([Воронцов, 1971: 464](#)).

Прибывающие на Черноморье во второй половине XIX века переселенцы из западных и центральных губерний империи не могли сразу перенять основы горного земледелия. К тому же многие деревни располагались в низменных и заболоченных местах, что способствовало заболеванию малярией. Всё это приводило к разорению и болезням переселенцев, поэтому опустошались целые селения ([Казуров, 2004](#)).

В ходе колонизации Черноморья не был учтён опыт кавказских племён, которые поселялись на возвышенной местности, так как именно в низинных местах на здоровье людей пагубно влияла малярия. При этом поселенцы-колонисты, в большей степени, поселялись на равнинных участках возле моря и поймах рек ([Розин, 1971: 12](#)).

Природно-климатические и сельскохозяйственные условия Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа резко отличались от внутренних российских губерний, что негативно сказывалось на акклиматизации переселенцев славянской национальности и колонизации Черноморья в целом ([Верещагин, 1885: 8](#)).

В то же время, переселившиеся на Черноморское побережье Северо-Западного Кавказа армяне, греки и грузины гораздо быстрее адаптировались на новых землях, так как аграрные условия были им хорошо знакомы (Черкасов, 2003: 26).

Русская администрация с 1888 года стала подселять к указанным народам славянских переселенцев, полагая, что они будут наглядным образом усваивать ведение сельского хозяйства, то есть перенимать от своих соседей навыки ведения аграрного хозяйства в горных условиях. Практически сразу эксперимент не задался, так как подселяемым достались худшие для обработки участки земли, и из-за этого имели место частые инциденты, что спровоцировало межэтнические конфликты (Казуров, Таран, 2024).

В дальнейшем русские чиновники перестали подселять русских переселенцев к армянам, грекам и грузинам, но случаи межнационального противостояния продолжались, поэтому для их ликвидации царское правительство в начале XX века создало конно-полицейскую стражу, отряды которой должны были оперативно пресекать имевшие место конфликты в труднодоступной горной местности (Таран, 2014: 582-583).

Негативно на колонизацию Черноморского побережья влияло предоставление казённых земель переселенцам, которых селили в горах, где были тяжёлые условия ведения сельского хозяйства. В то же время лучшие земельные участки на побережье по инициативе гофмейстера Н.С. Абазы раздавались российской знати (Врангель, 2003: 296).

В течение 30 лет переселенцы из западных и центральных губерний не смогли в полном объёме колонизировать Черноморье, так как не имели достаточного опыта ведения аграрного сельского хозяйства и были плохо знакомы с природно-климатическими особенностями края, в котором отсутствовали дороги и была высокая смертность от малярии (Тверитинов, 2000: 16).

В 1890-х годах, по мере заселения Черноморского округа Кубанской области и ввиду слабой колонизации Черноморья, возник вопрос о создании сельскохозяйственного опытного учреждения. Своё мнение о создании опытного сельскохозяйственного учреждения на Черноморском побережье одним из первых представил в Департамент государственной экономии член Государственного совета гофмейстер Н.С. Абаза (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 111. Л. 3).

В своём обосновании об учреждении Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов обращал внимание на различные предпосылки устройства такого заведения. Причину низкого уровня наиболее выгодных по местным условиям отраслей хозяйства, по мнению Ермолова, следовало искать в отсутствии соответствующих познаний у большинства населения, пришедшего на Черноморское побережье из областей с совершенно иным хозяйственным складом (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 111. Л. 2-3).

Далее Ермолов указывал, что все попытки на Черноморском побережье положить начало распространению отраслей высшей сельскохозяйственной культуры, в отсутствие опыта, приводили к излишней затрате физических сил и денежных средств. В ходе колонизации население Черноморья осознавало необходимость перехода к иным способам ведения сельского хозяйства, более прибыльным и соответствующим природным условиям края. Ермолов настоятельно предлагал сосредоточение царским правительством в своих руках правильного и систематического производства опытных культур и таких растений, которые могли бы получить широкое распространение на Черноморском побережье (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 111. Л. 3).

Ещё до вынесения монархом своего решения о создании опытного учреждения, в октябре 1893 года управляющий государственными имуществами Кубанской области и Черноморского округа сообщал Сочинскому лесничему указание уполномоченного Министерства государственных имуществ на Кавказе следующего характера: необходимо было безотлагательно распорядиться приостановить рубку леса на участке под названием «Школьный» вблизи посада Даховского (Сочи), ввиду того, что этот отрезок земли был предназначен под сельскохозяйственное учреждение. Сочинский лесничий был обязан на указанном участке все произрастающие крупные дубовые деревья сохранить от порубок и повреждений (АГС. Ф. 10. Оп. 1. Д. 13. Л. 56-57).

Выделенный под создаваемое сельскохозяйственное учреждение участок «Школьный», размером около 160 гектаров, располагался в трёх верстах южнее посада Даховского (Сочи) (Маркелова, Черкасов, 2008: 7).

Министр государственных имуществ Ермолов в своём представлении от 14 января 1894 года обращал внимание на то, что создание Сочинской опытной станции получило одобрение Департамента государственной экономии. При этом Департамент земледелия и сельской промышленности планировал выделить для создания и содержания Сочинского опытного учреждения на текущий 1894 год особый кредит в размере 12 тыс. 600 рублей (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 111. Л. 1, 4-5, 8-9).

В Сочи на устройство опытной станции, сада, поля и питомников предлагалось выделить 7 тыс. рублей, в том числе:

1. На прокладку грунтовых дорог по участку – 250 рублей.
2. На устройство ограды вокруг плантаций – 360 рублей.
3. На очистку земли от зарослей, вырубку и корчёвку деревьев – 525 рублей.

4. На перекопку земли плантажем на 0,5 м глубины – 550 рублей.
 5. На постройку деревянного дома, состоящего из 6 комнат, стоящего на каменных столбах, с железной крышей, кухни при доме и кладовой для заведующего опытной станцией – 3 тыс. рублей.
 6. На постройку дома для садовника, состоящего из двух комнат с кухней и кладовой – 600 рублей.
 7. На постройку дома для рабочих – 800 рублей.
 8. На постройку оранжереи – 400 рублей.
 9. На постройку деревянного сарая для лошадей и навеса для утвари – 200 рублей.
 10. На покупку двух лошадей и упряжи – 235 рублей.
 11. На покупку дрог-телег, окованных железом – 80 рублей (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 111. Л. 8).
- Для содержания заведующего опытной станцией, персонала и на другие расходы планировалось выделить 5 тыс. 600 рублей, в том числе:

1. Содержание заведующего опытной станцией – 2 тыс. 500 рублей.
2. Содержание садовника – 800 рублей.
3. Содержание наёмных рабочих, конюха и сторожа – 1 тыс. 400 рублей.
4. Приобретение растений и семян – 450 рублей.
5. Покупка и ремонт сельскохозяйственных орудий и инструментов – 200 рублей.
6. Приобретение книг и канцелярских принадлежностей – 50 рублей.
7. Покупка медикаментов и оказание медицинской помощи – 100 рублей.
8. Мелкие расходы по хозяйству – 100 рублей (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 111. Л. 9).

Оказание содействия к водворению высшей сельскохозяйственной культуры на Черноморском побережье составляло потребность не только самого этого края, но и всего народного хозяйства империи, так как этим путём было положено начало получения в России многих продуктов, которые составляли предмет заграничного привоза. При таких условиях планируемые затраты сравнительно небольших денежных средств, направленных на создание опытных станций в Сочи и Сухуми, как это было признано Департаментом государственной экономии, являлись вполне оправданными (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 111. Л. 9-10).

Задачей Сочинской опытной станции являлось снабжение переселенцев растениями, прошедшими испытание на полях и в питомниках станции. Для этого следовало опытным путём отобрать семена различных сельскохозяйственных культур, среди которых определить самые устойчивые при эксплуатации и разъяснить населению целесообразность их выращивания в условиях Черноморья. Необходимо было исследовать и рекомендовать поселенцам-колонистам способы уничтожения дикорастущих растений и зарослей, которые негативно действуют на здоровье людей. Саженьцы и семена растений следовало реализовывать населению безвозмездно или по доступной и приемлемой цене (Платонов, 2022: 24).

На Государственном совете, состоявшемся 17 февраля 1894 года, было рассмотрено представление министра государственных имуществ А.С. Ермолова о создании Сочинского опытного сельскохозяйственного и садового учреждения. О необходимости создания Сочинского сельскохозяйственного учреждения были заслушаны доклады гофмейстера Абазы и тайного советника Ермолова, которые указали на полезное значение устройства Сочинской опытной станции для изучения культуры ценных растений, соответствующих местным климатическим и почвенным условиям Черноморья. Благоприятное сочетание обилия влаги с высокой средней годовой температурой и отсутствие резких колебаний на Черноморском побережье давало основания ожидать, что правильно организованные опыты не замедлят произвести положительные результаты. Новые приёмы в непродолжительном времени должны были обеспечить возможность разведения на Черноморском побережье ценных технических растений, составлявших предмет исключительно заграничного привоза. Для создания и содержания Сочинской опытной станции было решено выделить в 1894 году, как и предполагалось в представлении Ермолова, 12 тыс. 600 рублей (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 111. Л. 8-9, 11-12).

Данное решение подписали члены Государственного совета Д.М. Сольский, М.С. Каханов, И.А. Вышнеградский, Н.О. Розенбах, Н.С. Петров, М.А. Пещуров и гофмейстер Н.С. Абаза. Кроме того, свои подписи на документе поставили государственный контролёр Т.И. Филиппов, министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов и товарищ министра финансов А.П. Иващенко (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 111. Л. 13).

Через две недели, 3 марта 1894 года, лесничий Сочинского лесничества Грот, согласно телеграмме управляющего государственными имуществами Кубанской области и Черноморского округа от 26 февраля 1894 года за № 40902, передал казённый участок под названием «Школьный» Р.И. Гарбе, который являлся временно исправляющим должность заведующего садовой и сельскохозяйственной опытной станцией. Площадь «Школьного» составляла приблизительно 146 десятин (около 160 гектаров). Этот участок находился в следующих границах: с юго-востока – юрт деревни Раздольной, с северо-востока – земля посада Даховского, с севера – участок отставного капитан-лейтенанта Еремеева, с северо-запада – участок отставного поручика Абазы и с юго-запада – Чёрное море (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 110. Л. 10).

Мнение Государственного совета о создании и содержании Сочинской опытной сельскохозяйственной станции, подписанное председателем Госсовета великим князем Михаилом Николаевичем, 12 апреля 1894 года утвердил император Александр III (АГС. Ф. 16. Оп. 1. Д. 111. Л. 15).

Основными задачами деятельности опытной станции являлись «изучение культур важнейших по местным условиям растений и постепенное распространение их среди окрестного населения путём ознакомления его с техникой этих культур и путём отпуска по возможно льготным условиям тех растений и их сортов, пригодность коих для данной местности будет доказана на основании опытов и наблюдений» (Битовт, 1926: 15).

Следует отметить, что главные инициаторы создания Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции – Н.С. Абаза и А.С. Ермолов – являлись владельцами земельных участков на Черноморском побережье, поэтому были лично заинтересованы в создании опытного учреждения, деятельность которого была направлена на оказание помощи переселенцам в ведении сельского хозяйства в новых аграрных условиях. Например, вилла Абазы была расположена в двух верстах от посада Даховского (Сочи) (Врангель, 2003: 296), то есть практически в непосредственной близости, рядом с опытной станцией.

Министр земледелия и государственных имуществ Ермолов и другие государственные деятели, а также дворянская знать и именитое купечество активно приобретали земельные участки на Черноморском побережье (Крылова, 2008: 5), и все они нуждались в информации, полученной в ходе исследований создаваемой Сочинской опытной станции.

5. Заключение

Таким образом, новые аграрные условия возделывания земель на Черноморском побережье и в гористой местности Кавказа были неизвестны переселенцам, прибывшим на Черноморье с равнинных территорий Российской империи. Природно-климатические условия и заболеваемость малярией на территории Сочинского округа также отрицательно отражались на поселенцах-колонистах.

Поэтому в ходе колонизации Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа во второй половине XIX века назрела необходимость создания опытного сельскохозяйственного учреждения, располагающего самостоятельной базой и достаточным штатом работников. Создание такой станции и выделение средств на её содержание, согласно мнению Государственного совета, было утверждено императором Александром III.

Целью и задачами Сочинской сельскохозяйственной опытной станции были изучение приживаемости различных растений и культур в условиях Черноморья, разведение которых благоприятно бы сказывалось на экономическом состоянии региона в целом.

Литература

АГС – Архив города-курорта Сочи.

Битовт, 1926 – Битовт Б.И. Сочинская опытная станция. Справочно-исторический очерк // Труды Сочинской сельскохозяйственной и садовой опытной станции. Вып. VI. Сочи, 1926. С. 8-40.

Верецагин, 1885 – Верецагин А.В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и ее результат. СПб., 1885.

Воронцов, 1971 – Воронцов В.В. 75 лет на службе сельского хозяйства Черноморского побережья // Доклады Сочинского отдела Географического общества СССР. Вып. 2. Л., 1971. С. 464-477.

Врангель, 2003 – Врангель Н.Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков / Вступ. статья, коммент. и подгот. текста А. Зейде. М., 2003.

Казуров, 2004 – Казуров В.В. Медаль и блюдо за чернослив // Черноморская здравница. Сочи. 2004. 24 марта.

Казуров, Таран, 2024 – Казуров В.В., Таран К.В. Создание и деятельность Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции в конце XIX – первой половине XX веков // Платановая аллея. Сочи. № 4 (160). 2024.

Крылова, 2008 – Крылова В.В. Социокультурные характеристики становления и развития культурно-образовательного пространства Сочинского округа (1870-1917 гг.) // Былые годы. 2008. № 2 (8). С. 3-15.

Кушныренко-Кушнырев, 1926 – Кушныренко-Кушнырев М.А. 1894-1926: Сочинская опытная станция за 32 года. (Краткая справка-выборка по данным архива станции) // Труды Сочинской сельскохозяйственной и садовой опытной станции. Вып. VI. Сочи, 1926. С. 3-7.

Маркелова, Черкасов, 2008 – Маркелова Н.Е., Черкасов А.А. Деятельность Сочинской опытной станции: дореволюционный период // Былые годы. 2008. № 3 (9). С. 7-13.

Платонов, 2022 – Платонов А.П. Архивный фонда № 16 МКУ «Архив г. Сочи» как источниковая база исторического исследования становления Сочинской сельскохозяйственной и садовой опытной станции // Субтропическое и декоративное садоводство. 2022. № 80. С. 19-30.

Розин, 1971 – Розин И.Н. Сельское хозяйство Сочинского округа до Великой Октябрьской социалистической революции // Доклады Сочинского отдела Географического общества СССР. Вып. 2. Л., 1971. С. 5-32.

Тверитинов, 2000 – Тверитинов И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв. Сочи, 2000.

Черкасов, 2003 – Черкасов А.А. Крестьянское движение на Черноморье в период революции и гражданской войны. Краснодар, 2003.

Шумкин, 2023 – Шумкин Г.Н. Записка министра земледелия и государственных имуществ о поездке на Черноморское побережье Кавказа в 1894 г. // Историко-географический журнал. 2023. Т. 2. № 3. С. 110-131.

Taran, 2014 – Taran K.V. The Everyday Life of the Mounted Police Guard Force in the Territory of the Black Sea Governorate (1901–1909) // Bylye Gody. 2014. № 34 (4): 582-585.

References

AGS – Arkhiv goroda-kurorta Sochi [Archive of the resort city of Sochi].

Bitovt, 1926 – Bitovt, B.I. (1926). Sochinskaya opytnaya stantsiya. Spravochno-istoricheskii ocherk [Sochi experimental station. Reference and historical essay]. Trudy Sochinskoi sel'skokhozyaistvennoi i sadovoi opytnoi stantsii. Vypusk VI. Sochi. Pp. 8-40. [in Russian]

Cherkasov, 2003 – Cherkasov, A.A. (2003). Krest'yanskoe dvizhenie na Chernomor'e v period revolyutsii i grazhdanskoj voiny [Peasant movement in the Black Sea region during the revolution and civil war.]. Krasnodar. [in Russian]

Kazurov, 2004 – Kazurov, V.V. (2004). Medal' i blyudo za chernosliv [Medal and dish for prunes]. Chernomorskaya zdavnitsa. Sochi. 24 marta. [in Russian]

Kazurov, Taran, 2024 – Kazurov, V.V., Taran, K.V. (2024). Sozdanie i deyatel'nost' Sochinskoi sadovoi i sel'skokhozyaistvennoi opytnoi stantsii v kontse XIX – pervoi polovine KhKh vekov [Creation and activities of the Sochi garden and agricultural experimental station in the late 19th – first half of the 20th centuries]. Platanovaya alleya. Sochi. № 4 (160). 2024. [in Russian]

Krylova, 2008 – Krylova, V.V. (2008). Sotsiokul'turnye kharakteristiki stanovleniya i razvitiya kul'turno-obrazovatel'nogo prostranstva Sochinskogo okruga (1870-1917 gg.) [Sociocultural characteristics of the formation and development of the cultural and educational space of the Sochi District (1870-1917)]. Bylye gody. 2(8): 3-15. [in Russian]

Kushnyrenko-Kushnyrev, 1926 – Kushnyrenko-Kushnyrev, M.A. (1926). 1894-1926: Sochinskaya opytnaya stantsiya za 32 goda. (Kratkaya spravka-vyborka po dannym arkhiva stantsii) [1894-1926: Sochi Experimental Station for 32 Years. (Brief reference-selection based on station archive data)]. Trudy Sochinskoi sel'skokhozyaistvennoi i sadovoi opytnoi stantsii. Vyp. VI. Sochi. Pp. 3-7. [in Russian]

Markelova, Cherkasov, 2008 – Markelova, N.E., Cherkasov, A.A. (2008). Deyatel'nost' Sochinskoi opytnoi stantsii: dorevol'yutsionnyi period [Activities of the Sochi Experimental Station: pre-revolutionary period]. Bylye Gody. 3(9): 7-13. [in Russian]

Platonov, 2022 – Platonov, A.P. (2022). Arkhivnyi fonda № 16 MKU «Arkhiv g. Sochi» kak istochnikovaya baza istoricheskogo issledovaniya stanovleniya Sochinskoi sel'skokhozyaistvennoi i sadovoi opytnoi stantsii [Archival collection No. 16 of the MBU "Sochi City Archive" as a source base for historical research into the formation of the Sochi agricultural and horticultural experimental station]. Subtropicheskoe i dekorativnoe sadovodstvo. 80: 19-30. [in Russian]

Rozin, 1971 – Rozin, I.N. (1971). Sel'skoe khozyaistvo Sochinskogo okruga do Velikoi Oktyabr'skoi sotsialisticheskoi revolyutsii [Agriculture of the Sochi district before the Great October Socialist Revolution]. Doklady Sochinskogo otдела Географического обшchestva SSSR. Vyp. 2. L. Pp. 5-32. [in Russian]

Shumkin, 2023 – Shumkin, G.N. (2023). Zapiska ministra zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv o poezdke na Chernomorskoe poberezh'e Kavkaza v 1894 g. [Note of the Minister of Agriculture and State Property on a trip to the Black Sea coast of the Caucasus in 1894]. Istoriko-geograficheskii zhurnal. 2(3): 110-131. [in Russian]

Taran, 2014 – Taran, K.V. (2014). The Everyday Life of the Mounted Police Guard Force in the Territory of the Black Sea Governorate (1901–1909). Bylye Gody. 34(4): 582-585.

Tveritinov, 2000 – Tveritinov, I.A. (2000). Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Sochinskogo okruga vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. [Socio-economic development of the Sochi District in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Sochi. [in Russian]

Vereshchagin, 1885 – Vereshchagin, A.V. (1885). Istoricheskii obzor kolonizatsii Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza i ee rezul'tat [Historical review of the colonization of the Black Sea Coast of the Caucasus and its result]. SPb. [in Russian]

Vorontsov, 1971 – Vorontsov, V.V. (1971). 75 let na sluzhbe sel'skogo khozyaistva Chernomorskogo poberezh'ya [75 Years in the Service of Agriculture on the Black Sea Coast]. Doklady Sochinskogo otдела Географического обшchestva SSSR. Vyp. 2. L. Pp. 464-477. [in Russian]

Vrangel', 2003 – Vrangel', N.E. (2003). Vospominaniya: Ot krepostnogo prava do bol'shevikov [Memories: From Serfdom to the Bolsheviks]. Vstup. stat'ya, komment. i podgot. teksta A. Zeide. M. [in Russian]

К вопросу о деятельности Сочинской садовой и сельскохозяйственной опытной станции во второй половине XIX века

Константин Викторович Таран ^{a, b, c, *}

^a Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

^b Сочинский городской архив, Сочи, Российская Федерация

^c Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. В данном исследовании рассматриваются причины и предпосылки, а также цели и задачи создания садовой и сельскохозяйственной опытной станции во второй половине XIX века.

В качестве материалов были использованы документы архива города-курорта Сочи, вновь вводимые в научный оборот, а также источники личного происхождения, статьи и монографии российских авторов.

В ходе написания научного труда применены принципы историзма, научной объективности и достоверности. В качестве основных методов использовались нарративный, историко-генетический и контент-анализа, что позволило нам более достоверно рассмотреть данную тему.

В заключении автор пришёл к следующим выводам. В связи с трудным процессом колонизации Черноморья, где поселенцы-колонисты столкнулись с несвойственными им природно-климатическими и аграрными условиями гористой местности, необходимо было создать учреждение, способное дать необходимые опыт и знания поселенцам для успешного освоения побережья Северо-Западного Кавказа.

Доводы и обоснования Государственного совета об учреждении Сочинской опытной станции, деятельность которой была направлена на оказание практической помощи поселенцам-колонистам, были благосклонно восприняты императором Александром III, который и утвердил 12 апреля 1894 года создание сельскохозяйственного опытного заведения.

Ключевые слова: Сочинская садовая и сельскохозяйственная опытная станция, гофмейстер Н.С. Абаза, министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, Государственный совет, император Александр III.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: taran.constantin@yandex.ru (К.В. Таран)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 844-853
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.844

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Imperial Narrative in the Discourse of Tashkent in the second half of the XIX – early XX centuries

Sadokat M. Matkarimova ^{a, *}, Shakir K. Yusupov ^a, Yuldash K. Yuuldashev ^a, Nafosat X. Botirova ^b

^a Mamun University, Khiva, Republic of Uzbekistan

^b Urgench State University named after Abu Rayhan Beruni, Urgench, Republic of Uzbekistan

Abstract

The article, based on the materials of travel essays and memoirs of travellers to Central Asia, reveals imperial representations of the ways and variants of the development of the Turkestan region, cultural integration of the indigenous population into the Russian society in the second half of the 19th – early 20th centuries. The subject of the study is the imperial narrative of Tashkent's representations as an outpost of Russian colonisation on the eastern outskirts of the country. The choice of chronological boundaries is explained by the special interest of imperial experts in the constructed urban space of Turkestan, the process of which started with the conquest of Tashkent by the corps of General-General Tashkent. The process started with the conquest of Tashkent by Lieutenant-General M.G. Chernyaev's corps and continued in the first decade and a half of the twentieth century. The study has established the ubiquitous presence of the imperial narrative in the texts of experts, which was captured in the rhetoric of Russia's military superiority in the implementation of its civilising mission in the East and became the basis for the formation of the discourse of Tashkent as a centre of imperial dominance in the political sphere. Detailed descriptions of Tashkent in travel materials, reports, and essays also made it possible to state the importance for experts of organising economic industries in Turkestan in accordance with Russian agricultural traditions, which was accompanied by the exoticisation of the lifestyle and economic activities of the indigenous population.

The image of Tashkent created by the authors was built in accordance with the ideas of Russian intellectuals about the classical oriental model of interaction between 'civilisation' and "barbarism", communication between a 'man of power and culture' and an imperial subaltern in need of outside influence. To this end, the compilers of the materials represent in their texts two Tashkents: 'native', foreign and Russian – military, bureaucratic, bringing to the fore the imperial principle of cultural distance in the organisation and functioning of social space.

Keywords: imperial narrative, discourse, imperial experts, Tashkent, Turkestan region, Russian Empire.

1. Введение

Военное завоевание и присоединение Туркестанского края к России во второй половине XIX – начале XX в. повлекло за собой не только административное, политическое и хозяйственно-экономическое обустройство и «обживание» вновь обретенных и инкорпорируемых в имперское пространство территорий, но и ментальное освоение «собственного Востока России», которое, по утверждению В. Тольц, выражалось в наборе аргументов и нарративов для описания, объяснения и оправдания колониальной экспансии (Тольц, 2013: 51).

* Corresponding author

E-mail addresses: sadokatmatkarimova@yandex.ru (S.M. Matkarimova),
shakiryusupov75@gmail.com (Sh.K. Yusupov), yuldashevy07@gmail.com (Yu.K. Yuuldashev),
nafosatbotirova90@gmail.com (N.X. Botirova)

В исследуемый хронологический период в сообществе российских интеллектуалов – учёных-путешественников, публицистов, общественных деятелей, части имперской бюрократии – формировался дискурс русского Туркестана, заметное место в котором занимали города азиатской периферии, встраиваемые в социокультурную ткань Российской империи. Один из лидеров областничества Г.Н. Потанин, характеризуя сибирские города, определял их как «точки на общественном теле Сибири, которыми она воспринимает лучи света, идущие с Запада» (Потанин, 1908: 235). В этой формуле, как в своеобразном зеркале, отразилось понимание российским интеллектуальным сообществом, выращенным в условиях влияния просветительской идеологии, собственных восточных окраин как предмета покорения, опеки и распространения государственного влияния. Соответственно, города рецептировались как объекты имперского присутствия, реализуемого не только средствами доминирования и принуждения, но и с опорой на сообразные моменту и культурной ситуации практики управления территориями и людьми, являвшимися представителями иных этносов, вероисповедальной принадлежности, стереотипов социального поведения.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении имперского нарратива, его содержания и динамических характеристик в репрезентациях г. Ташкента российскими путешественниками, учёными, чиновниками, посетившими Туркестанский край в период 1865–1914 гг. Хронологические параметры исследования определяются нижней границей – взятием Ташкента корпусом генерал-лейтенанта М.Г. Черняева, верхним пределом – 1914 г., ознаменовавшим начало Первой мировой войны и снижение исследовательской активности центральной и региональной интеллигенции.

2. Материалы и методы

Источниковую базу статьи составили записки, очерки, воспоминания путешественников, публицистов, чиновников, в разные годы и с разными поручениями посетивших Туркестанский край в период военного завоевания, распространения российских практик административного управления и социокультурной инкорпорации региона в состав Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Достижение поставленной в работе цели и решение частных задач исследования направляло авторов к внимательному прочтению и анализу тех фрагментов текстов имперских экспертов, в которых репрезентировались непосредственно «ташкентские» сюжеты: представления о городе как форпосте российской колонизации Центральной Азии, соотношении военного и гражданского населения в Ташкенте, организации моделей политического и экономического доминирования России, этнографической карте города и выстраивании принципов организации культурной дистанции между элитами и коренными его обитателями.

В методологическом плане решение задач исследования определялось подходами новой имперской и новой культурно-интеллектуальной истории, получившими признание на рубеже XX – XXI вв. В аспекте самоопределения новой имперской истории в современной исследовательской ситуации концепт «империя» перестаёт быть просто историческим термином, характеризующим ситуацию политического господства, и приобретает статус аналитической модели, позволяющей говорить об империи как категории культуры (В поисках..., 2004: 16). В сложившейся теоретико-методологической ситуации появляются основания для смещения интереса историка, работающего с имперским материалом, от изучения событий к осмыслению состояний, и прежде всего – имперского дискурса, фиксируемого в нарративах современников формирования и эволюции имперской ситуации в условиях колониальной экспансии и практик внутренней колонизации Российской империи.

В известной степени такой поворот в исследовании империи оказался продуктивным вследствие лингвистического поворота как языковой революции в социуме и историографии, что предопределило осмысление исторической реальности в формате дискурсивных практик, смысл которых сводится к воссозданию исследователем прошлого в собственном сознании. В данной связи обращение к проблеме конструирования имперского нарратива в репрезентации объектов имперских действий России на восточных окраинах, в том числе городов Туркестанского края, имеет исследовательские перспективы и обеспечивается инструментальными возможностями метода дискурс-анализа (Филлипс, Йоргенсен, 2008; Макарова, Мишланова, 2024) и предполагает ряд процедур: выявление участников коммуникации и их идентичности (авторы текстов); установление социокультурного контекста коммуникации (внутренние и внешние условия, речевые особенности эпохи, ситуационные обстоятельства); выявление формы коммуникации: прямая, косвенная, опосредованная, неопосредованная; определение видов коммуникативной деятельности: говорение, слушание, чтение, письмо; реконструкция содержательной составляющей: тема дискурса (имперский нарратив Ташкента).

3. Обсуждение

Вопросы имперского нарратива в дискурсе российской колонизации в современной отечественной науке являются органичной частью постколониальных исследовательских штудий, в системе координат которых конструирование образа Востока в многочисленных текстах современников и участников колонизации рассматривалось как способ ментального освоения

пространства и формирования в сознании общества и власти представлений о «собственном Востоке России» (Эткинд и др., 2012; Толыц, 2013; Беккер, 2024).

В данном контексте в «оптике» исследовательского интереса учёных, чьи ориентиры располагаются в поле междисциплинарных подходов к осмыслению исторической реальности, заметное место занимают сюжеты репрезентации городов азиатской периферии, отражавших и реализовывавших на восточных окраинах имперские практики военного, политического и социокультурного доминирования (Левтеева, 1986; Суворова, Кадилов, 2015; Абашин, 2016; Козинцев, Почекаев, 2022; Чуркин, 2022; Токмурзаев, 2022).

В целом, сложившаяся историографическая традиция предоставляет учёным возможность обращения к широкому кругу текстов имперских экспертов и деконструкции имперских нарративов как важного составляющего элемента репрезентаций представлений общественных сил о перспективах продвижения России вглубь азиатских территорий, а также практик освоения колонизируемых пространств во второй половине XIX – начале XX в.

4. Результаты

В рамках исследовательского проекта «Новая имперская история», сместившего акценты от изучения структур и событий к дискурсам, культурным программам и технологиям власти, центральным сюжетом является рефлексия имперских моделей организации социального пространства, которое, будучи дискретным, сохраняет свою административно-территориальную целостность. Существующая в исследовательских подходах модернизированной империологии вариативность в вычленении признаков «империи», совершенно не исключала возможности выработки коммуникативного согласия в научном сообществе в отношении империи как ситуации политического контроля, навязанного одними политическими группами, действующему суверенитету других; экономической зависимости, а также культурной дифференциации между элитами и населением периферий империи, с одной стороны, и её центра, с другой.

Российская империя в XVIII – начале XX в., наследуя политическую традицию Московского централизованного государства, маркировала периферийные регионы в категориях вотчинного права, позиционируя приобретённые территории как «собственный Восток России», а население как новых подданных – субалтернов государства (Толыц, 2013; Эткинд, 2016). В данной системе координат российская экспансия «собственного Востока» носила ярко выраженный колониальный оттенок и демонстрировала асимметричность контактов между завоевателями, представлявшими мир знания и цивилизации, и завоёванными – мусульманами и язычниками, которые становились объектом культурной интеграции.

Репрезентация политического господства, экономической зависимости и культурной дифференциации находила предметное выражение в дискурсе русского цивилизаторства, протагонистами которого являлись имперские эксперты – публицисты, путешественники, чиновники, общественно-политические деятели, прямо или косвенно включённые в колониационное дело на восточных окраинах империи, ответственные за конструирование такого образа азиатской периферии, который соответствовал бы имперским амбициям и принципам политики населения России, реализуемой на окраинах.

В процессе экспансионистских мероприятий Российской империи в Центральной Азии во второй половине XIX в. и активной политики в отношении Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств, имевших для России важное торгово-экономическое и геополитическое значение, выдающуюся функцию форпостов русского административного присутствия и культурно-политического доминирования стали выполнять города, в частности, Ташкент. После несанкционированного центральной властью взятия Ташкента корпусом генерал-майора М.Г. Черняева в ходе российско-кокандского противостояния, размещения в городе русского военного гарнизона 17 июня 1865 г. и последующего принятия жителей в русское подданство, Ташкент становится административным и торгово-промышленным центром русских центрально-азиатских владений. В силу данного обстоятельства Ташкент во второй половине XIX в. представлял собой «площадку» разработки и реализации имперских принципов и практик управления обширным пространством Туркестанского края, а репрезентации Ташкента в дорожных травелогах путешественников, записках и отчётах чиновников воспроизводился образ города как имперской столицы Центральной Азии.

Имперский нарратив в контексте политического доминирования России в Центральной Азии в первую очередь проявлялся в риторике военного превосходства российского государства как представителя цивилизующей силы на восточной окраине. П.И. Пашино, российский учёный-востоковед, совершивший путешествие в Туркестан в 1866 г., когда воспоминания о взятии Ташкента ещё были достаточно свежими, о своём прибытии в город сообщал, что оно было встречено криками местных ребятишек: урус – хурус, что означало «русский – петух». По этому поводу путешественник высказался следующим образом: «Да, русские задали вам с 600-ми штыков такого петуха, которого вы никогда не забудете...» (Пашино, 1868: 90). Писатель Е. Марков в очерках своего путешествия по Средней Азии на рубеже XIX–XX вв., восхищаясь столичным обликом Ташкента, многочисленностью

улиц и их многолюдством, с особым чувством обратил внимание на повсеместное присутствие русских военных, до некоторой степени эстетизируя данный фактор: «Яркая белизна белых рубашек на беспрерывно снующих по улицам солдатиках и их яркие, как кровь, шаровары из козьей замши, – своеобразная особенность туркестанского войска, – еще больше веселят и молодят этот молодой, веселый народ» (Марков, 1901: 467). Панегирик российскому милитаризму в Ташкенте получает у автора дальнейшее развитие в эпитетах по поводу «ловкости и молодцеватости туркестанских солдат» и их особой значимости на далёкой окраине: «Солдат тут нужен всем и на каждом шагу. Он и защищает, он и устраивает, он и цивилизует... А что такое солдат в каком-нибудь Курске или в Шиграх? Кому и на что он нужен в обычное, мирное время?» (Марков, 1901: 467). Наблюдательный взор П.И. Пашино невольно фиксировал тотальное русское воинское присутствие на улицах Ташкента, среди которого регулярно встречались офицеры с сопровождавшими их казаками, солдаты в белых рубахах, красноватых штанах и кепи, часовые, гауптвахты и казармы (Пашино, 1868: 93). Историк и этнограф А.И. Добросмыслов, автор исторического очерка о Ташкенте периода 1865–1912 гг., в предисловии к изданию, подчеркнув значимость сохранения в памяти потомков «культуртрегеров кауфманского периода» (генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман – Авт.), особое внимание в своей работе уделил коммеморациям военного взятия Ташкента, получившим широкое распространение в 1880-х гг. В книгу автором были включены материалы о почитании памяти павших героев, которое заключалось в ежегодных публичных мероприятиях: крестный ход из военного собора с прохождением как через русскую, так и туземную части города, встречи ветеранов, панихида и пушечный салют, что должно было напомнить местным жителям, прежде всего коренному населению, об имперской мощи России в Туркестане (Добросмыслов, 1912: 58).

В имперский нарратив военного присутствия и доминирования в текстах имперских экспертов органично вплетаются репрезентации политической власти империи, олицетворением которой является Ташкент. Показательно, что в представлениях авторов описаний города образ российской власти конструировался из двух элементов – военного и штатского. При этом в текстах 1860–1890-х гг., относившихся к периоду утверждения России в Центральной Азии и административного обустройства городов, разграничение военного и гражданского отсутствует. У читателя складывается устойчивое ощущение абсолютного преобладания военной составляющей в организации политической власти в Туркестанском крае (Пашино, 1866; Маев, 1876). На рубеже XIX – XX столетий гражданский сегмент проявляется более рельефно. При этом он позиционировался как вспомогательный элемент, коннотация определяющего, военного начала. Е. Марков проницательно отмечал, что «фигура штатского в Ташкенте выделяется каким-то резким диссонансом среди сплошного моря военных форм», а людей в гражданском платье именуют вольными, поскольку «военный народ находится здесь не по собственной воле, а по приказу начальства» (Марков, 1901: 467-468). Знаковые изменения, по всей вероятности, происходят в первое пятнадцатилетие XX в., когда полное исчезновение военной угрозы, массовые переселения крестьян и развитие хлопководства существенно скорректировали облик Туркестана, а вместе с этим и административную организацию Ташкента как центра политической жизни региона. В.П. Воцинин, сравнивая в своих путевых записках «старый» и «новый» Ташкент, описывает последний в риторике будущего экономического центра Средней Азии как «город, стоящий среди обширного и плодороднейшего оазиса» (Воцинин, 1914: 10-11). Воцинин заключает, что Ташкент – город русский, с дворцом генерал-губернатора, собором, домиком Черняева, памятником Кауфману, огромными магазинами, театрами и т.д. (Воцинин, 1914: 11). В.П. Воцинин воспроизводит в своих очерках широкую панораму культурной и народнохозяйственной жизни Туркестанского края и его главных городов, смещая акценты от русского военного присутствия к гражданскому администрированию, посвятив значительную часть текста вопросам организации обустройства и водворения переселенцев. Репрезентации власти империи в гражданских тонах наиболее рельефно прослеживаются в мемуарах видного чиновника Переселенческого управления МВД А.А. Татищева, неоднократно посещавшего Ташкент по делам службы (1906–1914 гг.). В мемуарах Татищева имперский нарратив города наполняется новым содержанием, что было выражено в оценке им генерал-губернаторской власти, представители которой, в частности генерал А.В. Самсонов, «гражданскими вопросами, в отличие от многих военных, стали интересоваться не меньше, чем делами военного округа» (Татищев, 2001: 147). Своеобразный «дрейф» в реализации гражданских, а не военных функций власти А.А. Татищев выразил фразой: «Как ни странно, центром “общества” являлись в Ташкенте не семьи военных, а судейских – членов Судебной палаты» (Татищев, 2001: 160). Выполняя служебные поручения по переселенческому ведомству и проживая в Ташкенте, А.А. Татищев в воспоминаниях вывел на первый план широкий круг лиц, включённый в гражданскую деятельность, связанную с организацией землепользования в Туркестанском крае, однако не мог не обратить внимания на атмосферу Ташкента и сохранившиеся ритуалы репрезентации империи и её политического могущества. Мемуарист особо подчёркивал раздельность и замкнутость «туземного» и «русского» Ташкентов и традицию, в соответствии с которой «в царские дни, представители “туземного” города, седобородые сарты в национальных халатах, после молебна на площади перед собором изъявляли генерал-губернатору чувство верноподданнической преданности населения» (Татищев, 2001: 157).

Риторика экономического доминирования Российской империи в Центральной Азии, как часть имперского нарратива в репрезентациях Ташкента, строилась в нескольких направлениях.

Во-первых, в описаниях, относившихся к начальной стадии утверждения Российской империи в Туркестане, путешественники акцентировали внимание на экономико-этнографических аспектах деятельности инородцев, особо подчёркивая склонность сартов – коренной и довольно многочисленной этнической группы Ташкента к ведению разнообразных торговых операций, что вызывало прагматический интерес у имперских экспертов (Пашино, 1866; Маев, 1876; Хорошхин, 1876). А.И. Добросмыслов, констатируя значимость ташкентской торговли для распространения имперского влияния в Туркестане, ссылаясь на нормативно-правовое решение первых ташкентских градоначальников, предполагавшее закрытие старого городского базара и перенос всей торговли в русскую часть города (Добросмыслов, 1912: 366). Н.А. Маев осуществил детальное исследование всех 48 махалле (районов) Ташкента на предмет их хозяйственной специализации, выделив группы сапожников, литейщиков, мельников, маслобоев, ткачей, а также довольно широкий слой земледельцев, занимавшихся садоводством, огородничеством, выращиванием сельскохозяйственных культур (Маев, 1876: 262-271).

Во-вторых, российские путешественники, в разные годы наблюдая Ташкент, стремились во что бы то ни стало отыскать такие образцы хозяйственно-экономического поведения своих соотечественников, которые стали бы надёжным аргументом в деле седентаризации кочевников и пропаганде земледельческих занятий как инструмента русского культуртрегерства в среде коренного населения – сартов. А.П. Хорошхин, признававший факт распространения земледелия у сартов, недвусмысленно указывал на низкую эффективность отрасли «при вопиющем несовершенстве здешних земледельческих орудий и патентованной лени сартов, – народа с наклонностями преимущественно торговыми...» (Хорошхин, 1876: 105). Н.А. Маев на страницах своего повествования с восторгом рассказывал о посещении знакомого русского поселенца-земляка, жившего «припеваючи уютным хуторком на берегу глубокого арыка, в тенистом саду, с холмов которого открывается красивый вид на Шаз-Баш и его окрестности, а хозяйство его – полная чаша» (Маев, 1876: 404). Общим местом многих записок и мемуаров имперских путешественников-экспертов являлось обращение к сельскохозяйственным экспериментам великого князя Николая Константиновича, жившего в Ташкенте, увлекавшегося орошением Голодной степи и построившего несколько русских посёлков в пойменной части р. Сырдарьи и около линии Среднеазиатской железной дороги (Татищев, 2001: 92).

В-третьих, погружение в тексты записок, дневников, воспоминаний путешественников и чиновников позволяет проследить, как эволюционировали представления имперских экспертов о потенциальных колонизационных практиках в Туркестанском крае и организующей роли Ташкента в этих процессах. Авторы, оставившие описания города и региона, относившиеся к 1860–1870-м гг., преимущественно ограничивались характеристикой природно-климатических условий Ташкента и прилегающих территорий, а также рода занятий, включая земледелие, садоводство и огородничество среди местного населения (Пашино, 1866; Маев, 1876). Симптоматично, что сведения путешественников раннего периода русской колонизации Туркестана, особенно в части сюжетов о садоводстве, наглядно демонстрируют имперский приём экзотизации «другого». А.П. Хорошхин констатировал: «Наружного вида город Ташкент не имеет. Эта оригинальная особенность присуща всем среднеазиатским городам, потому что все они закрыты садами» (Хорошхин, 1876: 79). Стоит отметить, что авторы практически повсеместно писали о необходимости совершенствования оросительной системы как важного условия русского доминирования в крае и желания преобразовать Ташкент «из Иерусалима или другого библейского города» (Хорошхин, 1876: 81) – в русский город.

Реализация этого желания, с точки зрения имперских экспертов конца XIX – начала XX в., могла осуществиться только посредством распространения русского земледелия и активного культурного влияния переселенцев из Европейской России. В.В. Наливкин, анализируя в начале XX столетия полувековой опыт русского присутствия в Туркестане, особо отмечал, что первоначальным импульсом к развитию пашенного земледелия в регионе стали сугубо прагматичные нужды: «Появление в крае русских войск, чиновников и торговцев, ничего материально не производивших, и вместе с тем привыкших к удовлетворению... относительно широких потребностей, ...предъявлявших требования на значительные количества разного рода сельскохозяйственных продуктов..., сразу же дало сильный толчок многим отраслям туземного сельского хозяйства, лесоводства, садоводства и виноградарства» (Наливкин, 1913: 89). По убеждению Наливкина, государственные интересы в Средней Азии не могли ограничиться простым завоеванием и предполагали завоевание этнографическое, производимое путём широкой колонизации. Автор констатировал, что в начальной стадии колонизационного дела и обустройства захваченных орошаемых земель у власти не было ничего, кроме «неутомленного желания, непреклонного решения... любой ценой добиться устройства хотя бы нескольких посёлков» (Наливкин, 1913: 99-100). В.П. Вошинин, прибывший в Ташкент в 1912 г., с пиететом писал о новом русском Ташкенте, акцентируя внимание на том, что признаки культурного различия наблюдаются на туркестанских полях, где «...в прежних бесплодных степях, только теперь орошаемых, начинает селиться русский

народ, а с ним вместе... в толщу незапамятных туземных предрассудков и верований начинает проникать и культура русская. Так... растёт и крепнет Туркестан русский» (Вошнин, 1914: 12). В.П. Вошнин, отмечая продуктивность русского культуртрегерства в аграрной сфере, резюмировал: «...через год или два – прежний кочевник-киргиз засеивает уже поле пшеницей, а сарт – представитель тысячелетней первобытной туземной хлопковой культуры – вдруг приобретает машины...» (Вошнин, 1914: 79).

А.А. Татищев, назначенный в 1911 г. начальником Туркестанского управления земледелия и государственных имуществ, в мемуарах довольно часто обращал внимание, что переселенческое дело в Туркестане и организация переселенческих посёлков – имперский проект, разработанный Военным министерством, чиновники которого главной задачей видели орошение новых пространств за казённый счёт и последующим расселением на новых местах исключительно крестьянами русского происхождения (Татищев, 2001: 146). Повествуя о сложной иерархии управления переселениями и землеотводными работами в Туркестанском крае, чиновник конструировал образ Ташкента как бюрократического центра Средней Азии, выполнявшего задачи государственного строительства на востоке, классическими для империи средствами: «На мне, как начальнике Управления земледелия, лежала задача следить за тем, чтобы местные чины нашего ведомства не упускали из вида необходимость увеличения дохода казны, в то же время считались с особыми условиями жизни местного населения и не перетягивали струны обложения» (Татищев, 2001: 150). Важной составляющей имперского нарратива в воспоминаниях Татищева о его службе в Ташкенте являлось описание организации хлопкового производства, распространённого в хозяйстве сартов ещё до начала русского завоевания. Во фрагментах, посвящённых характеристике хлопкового дела и создания специальных опытных станций, отчётливо проступает риторика человека империи – носителя знания, в то время как сарты просто работали на плантациях из доли урожая, передавая семена агроному (Татищев, 2001: 150).

Имперский нарратив в репрезентациях Ташкента в экспертных текстах неизменно присутствовал в формате демонстрации культурного несходства между элитарными сообществами и основной массой коренного населения земель азиатской периферии, присоединённых Россией. Образ «другого» в записках, очерках, воспоминаниях путешественников, публицистов, чиновников воссоздаётся по цивилизаторскому канону, для которого характерно, прежде всего, линейное, без учёта этнографических различий, восприятие коренного населения как «варварского народа», генерирующего опасность для «человека власти и культуры». Е. Марков, во время поездки по сартскому Ташкенту, обратил внимание, что всё движение прибывших русских по данной части города обязательно производилось с военным сопровождением, комментируя ситуацию так: «Признаюсь, я всегда с благодарностью поминаю этот умный восточный обычай, без которого нашему брату, скромному европейскому туристу, далеко не один раз пришлось бы плохо среди этой галдящей и толкающейся азиатчины» (Марков, 1901: 515).

Имперский нарратив в дискурсе путешественников, прибывших в Ташкент, рефреном повторяется в оценке неспособности инородцев к принятию культуры модерна, что достижимо только при условии русского влияния. Степной пристав, встретившийся в дороге П.И. Пашино, в своей беглой характеристике киргизов, отмечал: «Это народ до геройства честный, самолюбивый, ребячески-наивный и забитый», добавляя при этом: «С этими джатаками ничего не поделаешь. Выстроишь им избу, дашь лошадь, корову, поле вспашешь... Казалось бы, живи – не хочу, а он, злодей, продаст тихомолком хлеб на корню и купит себе юрту» (Пашино, 1866: 4). Художник В.В. Верещагин, посетивший Туркестан в конце 1860-х гг., с негодованием писал о гигантском распространении рабовладения среди центральноазиатских народов, замечая, что только благодаря русскому завоеванию и культурному влиянию с этим злом удалось покончить (Верещагин, 1883: 6). А.П. Хорошхин, на страницах очерков о Туркестане и Ташкенте, с циничным цивилизаторским апломбом рассуждал о политической и культурной аномии среднеазиатских народов, которые «измельчали, пережили самих себя до того, что стали нуждаться в толчке извне, но постороннему влиянию не было другого пути сюда, кроме того, которым оно зашло, а именно войны. Началась эта война (1868 г.) и в ней обнаружилась духовная скудость национальностей, благодаря замкнутости и безобразным формам их государственного строя» (Хорошхин, 1876: 501).

Поддержание культурной дистанции между колонизируемыми и колонизаторами повсеместно в материалах путешественников осуществляется с опорой на приём этнографической экзотизации инородцев. В отчётах о поездках в Среднюю Азию и материалах для статистики Туркестанского края (Маев, 1876; Дудин, 2021) в «оптике» авторов часто оказываются вопросы образа жизни, хозяйственных занятий, внешнего облика, пищевых привычек инородцев, в частности коренных обитателей Ташкента – сартов. Н.А. Маев, например, в отношении данной этнографической группы несколько преувеличенный акцент сделал на аддиктивном аспекте питания сартов, детально описав использование ими широкого спектра наркотических веществ (буза, кокнар) и табачных изделий с добавлением конопляных элементов (Маев, 1876: 274-276). В.В. Верещагин детально описывал деятельность календарханов – приютов для нищих, ставших в городах Туркестана эпицентром пьянства и употребления опиума (Верещагин, 1883: 9).

Необходимо сказать, что в конце XIX – начале XX в. в связи с эскалацией переселений в Туркестан и широким развёртыванием оросительных мероприятий в интересах хлопководства мотив экзотизации коренного населения постепенно элиминировался из имперского дискурса. А.А. Татищев в воспоминаниях лаконично передал производственную атмосферу начала XX в., в которой не оставалось места для глубокой имперской рефлексии: направляясь в Голодную степь по организационным вопросам орошения, Татищев не стал заезжать в некоторые города – Хиву и Бухару, объяснив это тем, что они не представляли для него особого интереса: «Обычные туземные города с домами, окружёнными земляными стенами...» (Татищев, 2001: 91). Только в Ташкенте он решил ненадолго остановиться, но не экзотики ради, а надеясь обсудить производственные проблемы с начальником Туркестанского управления А.В. Успенским (Татищев, 2001: 91-92). А.И. Добросмыслов, составляя в 1911-1912 гг. исторический очерк Ташкента, отдав необходимую дань людям, стоявшим у истоков завоевания Туркестана, на первый план вывел широкую палитру сюжетов, связанных с организацией управления, медико-санитарной и юридической частью города, сместив имперские оценки от коренного населения к бюрократическому аппарату и эффективности его работы на окраине (Добросмыслов, 1912: 51-122). В.П. Воцинин, ограничившись краткой ссылкой на подробные описания Ташкента другими авторами, сделал общий вывод о том, что «“новый” Ташкент – это уже Европа с её культурой и внешностью» (Воцинин, 1914: 11), а имперское присутствие связывал с мерами земледельческой колонизации, рассматривая Ташкент в качестве форпоста переселенческого дела.

5. Заключение

Подведём итоги. Во второй половине XIX – начале XX в. дискурс г. Ташкента, репрезентируемый в текстах путешественников, публицистов, чиновников, общественных деятелей, ставших очевидцами и участниками завоевания и обживания Туркестанского края, основывался на имперской риторике, а имперский нарратив прямо или косвенно присутствовал в оценочных суждениях экспертов. Фактор военного захвата Ташкента и последующего политического доминирования фиксировался в повторявшихся с высокой частотой описаниях функций и роли военного гарнизона, квартировавшего в столице новоприобретённого региона, соотношения военных и штатских лиц, наличия военизированной бюрократии, решавшей через столичную резиденцию широкий круг военно-административных задач.

Имперская риторика, используемая в процессе конструирования образа Ташкента, охватывала также и сферу экономики, продвигая задачу демонстрации преимуществ хозяйственных моделей и стереотипов поведения русского народа, что стало возможным в результате военного и политического утверждения России в Туркестане и выбора Ташкента в качестве административно-политической и экономической столицы края. В представлениях имперских экспертов Ташкент, будучи городом двуликим (туземным и русским), задавал некий формат культурной дистанции, разделявшей элиту – «человека власти и культуры» и коренное население – имперских субалтернов, от которых требовалась покорность и регулярное подтверждение легитимности «белого» царя и правомочности цивилизующей миссии русского народа.

Вместе с тем, по мере распространения в крае земледельческих практик и включения Ташкента в орбиту управления аграрной колонизации, происходили изменения и в самом имперском нарративе, терявшем свою цивилизаторскую прямолинейность и милитаристскую однозначность, что свидетельствовало о готовности имперской власти проявлять пластичность в решении колонизационных задач на рубеже XIX – XX вв.

Литература

- Абашин, 2016 – Абашин С.Н. Туркестан в имперской политике России: монография в документах. М.: Кучково поле, 2016. 880 с.
- Беккер, 2024 – Беккер С. Россия в Центральной Азии (1865-1924). М.: Центрполиграф, 2024. 351 с.
- В поисках..., 2004 – В поисках новой имперской истории. Предисловие / Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семёнова. Казань: «Центр Исследования Национализма и Империи», 2004. 652 с.
- Верещагин, 1883 – Верещагин В.В. Очерки. Наброски. Воспоминания. Из путешествия по Средней Азии. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1883. 155 с.
- Воцинин, 1914 – Воцинин В.П. Очерки нового Туркестана. СПб.: Тип. т-ва «Наш век», 1914. 86 с.
- Добросмыслов, 1912 – Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк. Ташкент: Тип. О.А. Порцева. 520 с.
- Дудин, 2021 – Дудин С.М. Отчёт о поездках в Среднюю Азию в 1900-1902 гг. М.: Фонд Маржани, 2021. 559 с.
- Козинцев, Почекаев, 2022 – Козинцев М.А., Почекаев Р.Ю. «Заметки туриста» Ш.М. Ибрагимова как источник по истории и географии Туркестанского края // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19. № 2 (49). С. 86-98.

- Левтеева, 1986 – Левтеева Л.Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (историография проблемы). Ташкент: Фан, 1986. 144 с.
- Маев, 1876 – Маев Н.А. Материалы для статистики Туркестанского края. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1876. 313 с.
- Макарова, Мишланова, 2024 – Макарова Т.С., Мишланова С.Л. Критический анализ исторического дискурса. Пермь: ПГНИУ, 2024. 111 с.
- Марков, 1901 – Марков Е. Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям и Каспийскому морю и Волге. Т.1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. 541 с.
- Наливкин, 1913 – Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Электрич. типо-лит. Турк. т-ва печатного дела, 1913. 144 с.
- Пашино, 1868 – Пашино П.И. Туркестанский край в 1866 году. Путевые заметки. СПб.: Тип. Теблена, 1868. 176 с.
- Потанин, 1908 – Потанин Г.Н. Города Сибири// Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 234–259.
- Сартори, 2022 – Сартори П. Идеи о справедливости. Шариат и культурные изменения в русском Туркестане. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 480 с.
- Суворова, Кадилов, 2015 – Суворова Н.Г., Кадилов Э.Р. Колонизационные тексты имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. № 4 (8). С. 174-193.
- Татищев, 2001 – Татищев А.А. Земли и люди. В гуще переселенческого движения (1906-1921). М.: Русский путь, 2001. 376 с.
- Тольц, 2013 – Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.
- Филлипс, Йоргенсен, 2008 – Филлипс Н., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. 352 с.
- Хорошхин, 1876 – Хорошхин А.П. Сборник статей касающихся до Туркестанского края. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1876. 531 с.
- Чуркин, 2022 – Чуркин М.К. Репрезентации власти и общества Кокандского ханства в травелогах русских путешественников первой половины XIX в. / Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований: Мат-лы второй Всероссийской научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора Александра Владимировича Старцева (1956-2019). Барнаул: БЮИМВД, 2022. С. 68-73.
- Эткинд, 2016 – Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.
- Эткинд и др., 2012 – Эткинд А., Уффельман Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С.6-53.
- Tokmurzaev, 2022 – Tokmurzaev, B.S., Elshibaev, S.K., Apasheva, S.N. (2022). The Kokand Khanate as an Object of Russia's Geopolitical Interests in the Representation of Travelogues of Imperial Experts in the first half of the 19th century. *Bylye gody*. 17(2): 666-676.

References

- Abashin, 2016 – Abashin, S.N. (2016). Turkestan v imperskoj politike Rossii: monografiya v dokumentah [Turkestan in the imperial policy of Russia: a monograph in documents]. М.: Kuchkovo pole, 880 p. [in Russian]
- Bekker, 2024 – Bekker, S. (2024). Rossiya v Tsentralnoi Azii (1865-1924) [Russia in Central Asia (1865-1924)]. М.: Tsentrpoligraf, 351 p. [in Russian]
- Churkin, 2022 – Churkin, M.K. (2022). Reprezentacii vlasti i obshchestva Kokandskogo hanstva v travelogah russkikh puteshestvennikov pervoj poloviny XIX v. [Representations of power and society of the Kokand Khanate in travelogues of Russian travellers of the first half of the nineteenth century]. *Sibir' v fokuse istoricheskikh, vostokovednykh i pravovykh issledovaniy: Mat-ly vtoroj Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj pamyati doktora istoricheskikh nauk, professora Aleksandra Vladimirovicha Starceva (1956-2019)*. Barnaul: BYUIMVD, pp. 68-73. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1912 – Dobrosmyslov, A.I. (1912). Tashkent v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskij ocherk [Tashkent in the past and present. Historical sketch]. Tashkent: Tip. O.A. Porceva. 520 p. [in Russian]
- Dudin, 2021 – Dudin, S.M. (2021). Otchyot o poezdках v Srednyuyu Aziyu v 1900-1902 gg. [Report on trips to Central Asia in 1900-1902]. М.: Fond Marzhani, 559 p. [in Russian]
- Etkind, 2016 – Etkind, A. (2016). Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii [Internal colonization. Imperial experience of Russia]. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 448 p. [in Russian]
- Etkind i dr., 2012 – Etkind, A., Uffel'man, D., Kukulin, I. (2012). Vnutrennyaya kolonizatsiya Rossii: mezhdru praktikoј i voobrazheniem [Russia's internal colonization: between practice and imagination]. Там

vnutri. Praktiki vnutrennei kolonizatsii v kul'turnoi istorii Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. Pp. 6-53. [in Russian]

[Fillips, Jorgensen, 2008](#) – *Fillips, N., Jorgensen, M.* (2008). Diskurs-analiz. Teoriya i metod [Discourse analysis. Theory and method.]. Xar'kov: Izd-vo «Gumanitarnyi tsentr», 352 p. [in Russian]

[Horoshkhin, 1876](#) – *Horoshkhin, A.P.* (1876). Sbornik statej kasayushchihsya do Turkestanskogo kraja [Collection of articles concerning the Turkestan Territory]. St. Petersburg: Tip. A. Transhelya, 531 p. [in Russian]

[Kozincev, Pochekaev, 2022](#) – *Kozincev, M.A., Pochekaev, R.Yu.* (2022). «Zametki turista» Sh.M. Ibragimova kak istochnik po istorii i geografii Turkestanskogo kraja [‘Notes of a tourist’ by Sh.M. Ibragimov as a source on the history and geography of the Turkestan region]. *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*. 19. 2(49): 86-98. [in Russian]

[Levtееva, 1986](#) – *Levtееva, L.G.* (1986). Prisoedinenie Srednej Azii k Rossii v memuarnyh istochnikah (istoriografiya problemy). Tashkent: Fan, 144 p. [in Russian]

[Maev, 1876](#) – *Maev, N.A.* (1876). Materialy dlya statistiki Turkestanskogo kraja [Materials for statistics of the Turkestan region]. St. Petersburg: Tip. A. Transhelya, 313 p. [in Russian]

[Makarova, Mishlanova, 2024](#) – *Makarova, T.S., Mishlanova, S.L.* (2024). Kriticheskij analiz istoricheskogo diskursa [Critical analysis of historical discourse]. Perm': PGNIU, 111 p. [in Russian]

[Markov, 1901](#) – *Markov, E.* (1901). Ocherki puteshestviya po Zakavkaz'yu, Turkmenii, Buhare, Samarkandskoj, Tashkentskoj i Ferganskoj oblastyam i Kaspijskomu moryu i Volge [Sketches of a journey through Transcaucasia, Turkmenia, Bukhara, Samarkand, Tashkent and Fergana regions and the Caspian Sea and Volga]. T. 1. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha, 541 p. [in Russian]

[Nalivkin, 1913](#) – *Nalivkin, V.P.* (1913). Tuzemcy ranshe i teper' [The natives before and now]. Tashkent: Elektrich. tipo-lit. Turk. t-va pechatnogo dela. 144 p. [in Russian]

[Pashino, 1868](#) – *Pashino, P.I.* (1868). Turkestanskij kraj v 1866 godu. Putevye zametki [Turkestansky kraj in 1866. Travelling notes]. St. Petersburg: Tip. Teblena, 176 p. [in Russian]

[Potanin, 1908](#) – *Potanin, G.N.* (1908). Goroda Sibiri [Cities of Siberia]. Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy. St. Petersburg. Pp. 234-259. [in Russian]

[Sartori, 2022](#) – *Sartori, P.* (2022). Idei o spravedlivosti. SHariat i kul'turnye izmeneniya v russkom Turkestane [Ideas of Justice. Shariah and cultural changes in Russian Turkestan]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 480 p. [in Russian]

[Suvorova, Kadikov, 2015](#) – *Suvorova, N.G., Kadikov, E.R.* (2015). Kolonizacionnye teksty imperskih ekspertov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.). [Colonisation texts of imperial experts (second half of the XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 4(8): 174-193. [in Russian]

[Tatishchev, 2001](#) – *Tatishchev, A.A.* (2001). Zemli i lyudi. V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906-1921) [Lands and People. In the thick of the resettlement movement (1906-1921)]. M.: Russkij put', 376 p. [in Russian]

[Tokmurzaev, 2022](#) – *Tokmurzaev, B.S., Elshibaev, S.K., Apasheva, S.N.* (2022). The Kokand Khanate as an Object of Russia's Geopolitical Interests in the Representation of Travelogues of Imperial Experts in the first half of the 19th century. *Bylye gody*. 17(2): 666-676.

[Tol'ts, 2013](#) – *Tol'ts, V.* (2013). «Sobstvennyi Vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period. [“Russia's own East”: identity politics and orientalism in the late imperial period]. Moscow, 336 p. [in Russian]

[V poiskah..., 2004](#) – V poiskah novoj imperskoj istorii. Predislovie [In search of a new Imperial history]. *Novaya imperskaya istoriya postsovet'skogo prostranstva: Sb. statej*. Pod red. I.V. Gerasimova, A.P. Kaplunovskogo, M.B. Mogil'ner, A.M. Semyonova. Kazan': «Centr Issledovaniya Nacionalizma i Imperii», 2004. 652 p. [in Russian]

[Vereshchagin, 1883](#) – *Vereshchagin, V.V.* (1883). Ocherki. Nabroski. Vospominaniya. Iz puteshestviya po Srednej Azii [Sketches. Sketches. Memories. From the journey through Central Asia]. St. Petersburg: Tip. Ministerstva putej soobshcheniya, 155 p. [in Russian]

[Voshchinin, 1914](#) – *Voshchinin, V.P.* (1914). Ocherki novogo Turkestana [Sketches of New Turkestan]. St. Petersburg: Tip. t-va «Nash vek», 86 p. [in Russian]

Имперский нарратив в дискурсе г. Ташкента второй половины XIX – начала XX в.

Садокат Максудовна Маткаримова ^{a, *}, Шакир Хаитбаевич Юсупов ^a,
Юлдаш Хандурдиевич Юулдашев ^a, Нафосат Хурматбек кизи Ботирова ^b

^a Университет Мамуна, Хива, Республика Узбекистан

^b Ургенчский государственный университет им. Абу Райхана Беруни, Ургенч, Республика Узбекистан

Аннотация. В статье, на материалах путевых очерков, записок и воспоминаний путешественников в Центральную Азию, раскрываются имперские представления о путях и вариантах освоения Туркестанского края, культурной интеграции коренного населения в российский социум во второй половине XIX – начале XX в. Предметной сферой исследования является имперский нарратив репрезентаций Ташкента как форпоста российской колонизации на восточных окраинах страны. Выбор хронологических границ объясняется особым интересом имперских экспертов к конструируемому городскому пространству Туркестана, процесс которого стартовал с завоевания г. Ташкента корпусом генерал-лейтенанта М.Г. Черняева и продолжался в первые полтора десятилетия XX в. В ходе исследования установлено повсеместное присутствие имперского нарратива в текстах экспертов, что оказалось запечатлено в риторике военного превосходства России в реализации цивилизаторской миссии на Востоке и стало основанием для формирования дискурса Ташкента как центра имперского доминирования в политической сфере. Детальные описания Ташкента в материалах путешествий, отчётах и очерках позволили также констатировать значимость для экспертов организации экономических отраслей в Туркестане в соответствии с российскими земледельческими традициями, что сопровождалось экзотизацией образа жизни и хозяйственной деятельности коренного населения.

Создаваемый авторами образ Ташкента строился в соответствии с представлениями российских интеллектуалов о классической ориентальной модели взаимодействия «цивилизации» и «варварства», коммуникации «человека власти и культуры» с имперским субалтерном, нуждавшимся в стороннем влиянии. С этой целью составители материалов репрезентировали в своих текстах два Ташкента: «туземный», инородческий, и русский – военный, бюрократический, выдвигая на первый план имперский принцип культурной дистанции в организации и функционировании социального пространства.

Ключевые слова: имперский нарратив, дискурс, имперские эксперты, Ташкент, Туркестанский край, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sadokatmatkarimova@yandex.ru (С.М. Маткаримова),
shakiryusupov75@gmail.com (Ш.Х. Юсупов), yuldashevyo7@gmail.com (Ю.Х. Юулдашев),
nafosatbotirova90@gmail.com (Н.Х.к. Ботирова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 854-865
DOI: 10.13187/bg.2025.2.854

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

State and Administrative Views of the Governors of the Russian Empire on Issues of Managing the Kazakh Nomadic Population (based on materials from the Turgai Region)

Aigul Bimoldanova ^a, Ruslan Bekmagambetov ^{b, *}, Maisara Bekmagambetova ^b, Viktoriya Sherniyazova ^c

^a Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b A. Baitursynov Kostanai Regional University, Kostanai, Republic of Kazakhstan

^c M. Dulatov Kostanay Engineering and Economics University, Republic of Kazakhstan

Abstract

The Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries was a vast state in terms of territory and multinational in terms of population, which imposed certain features on the processes of administrative management. The key figures in the management system were the governors of regions and provinces, who, on the one hand, were direct representatives of the supreme power at the local level, on the other hand, they, heading the local government, took on the role of an administrator to resolve pressing issues. The article attempts to analyze the views of the regional governors of the Turgai region on the management of the Kazakh population.

The authors used documents from the archives of Russia and Kazakhstan. The materials of the governors' reports became the main historical source. The adaptive practices of local authorities of the Turgai region on the management of Kazakh nomadic volosts are studied taking into account such current methodological areas of focus as new social history, new imperial history. The authors analyzed the views and proposals of regional governors to understand the mechanisms for implementing the administrative policy of the Russian Empire in the national outskirts, in particular on the territory of the Turgai region in the second half of the 19th – early 20th centuries. The authors conclude that the Turgai regional governors were fully aware of most of the shortcomings in the management of the region associated with local characteristics, covered them in their reports and made efforts to solve these problems.

Keywords: Russian Empire, Kazakh steppe, Turgay region, regional governor, local government, second half of the 19th century – early 20th centuries.

1. Введение

Вопросы эффективной работы и совершенствования системы местного управления являются одними из актуальных вопросов современного общества и всегда находятся в поле зрения государственного стратегического планирования. В связи с чем, изучение практик государственного управления Российской империей как многонациональной страной даёт нам возможность учитывать материалы исследований при разработке и проведении реформ в современном полиэтничном и поликультурном пространстве. Институт губернаторства являлся ключевым элементом системы местного управления в Российской империи: «Без понимания особенностей его функционирования и развития не представляется возможным адекватно интерпретировать и использовать двухсотлетний опыт империи по управлению регионами» (Любичанковский, 2004). Тургайская область была образована в 1868 г. и управлялась военными губернаторами, которые до 1881 г. подчинялись

* Corresponding author

E-mail addresses: ruslan69_07@mail.ru (R. Bekmagambetov),

aigul.bimoldanova@gmail.com (A. Bimoldanova), maisara75@mail.ru (M. Bekmagambetova),

Vika1717@mail.ru (V. Sherniyazova)

оренбургскому генерал-губернатору: «§ 2. Главное управление областями Уральскою и Тургайскою принадлежит оренбургскому генерал-губернатору» ([Временное положение..., 1883](#)). В 1881 г. Оренбургское генерал-губернаторство было упразднено, и военные губернаторы Тургайской и Уральской областей стали подчиняться напрямую министру внутренних дел.

В статье предпринята попытка проанализировать взгляды и позицию областных губернаторов Тургайской области на вопросы административного управления местным казахским населением на основе материалов ежегодных всеподданнейших отчётов. Особое внимание авторов направлено также на то, какие изменения предлагались областными чиновниками по управлению краем в связи с региональными и хозяйственными особенностями области.

2. Материалы и методы

Авторы опирались на документы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан) и из фондов Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация), а также Объединённого архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация). Основными историческими источниками послужили материалы всеподданнейших отчётов Тургайских областных губернаторов. По мнению В.В. Гермизеевой: «Ежегодные губернаторские и генерал-губернаторские отчёты представляют разностороннюю информацию о состоянии губерний и областей в административном, экономическом, образовательном и других отношениях, поэтому интерес исследователей к этим документам закономерен» ([Гермизеева, 2021](#)). Исследователи при работе с Всеподданнейшими отчётами губернаторов традиционно обращались к источниковедческой значимости этих документов или к анализу социально-экономических показателей развития областей и губерний: состояния сельского хозяйства, промышленности, торговли. В данной работе через анализ содержания всеподданнейших отчётов, подготовленных под руководством губернаторов Тургайской области, рассматриваются взгляды и позиция этих чиновников на вопросы административного управления Тургайской областью как региона, который имел свои особенности. Данный вид делопроизводственной документации, содержащий сведения о действиях этих областных чиновников, позволяет нам выделить те проблемные вопросы, которые были предметом особого внимания местной администрации и отследить практики адаптации административных норм в национальных окраинах Российской империи, а конкретно в Тургайской области.

Адаптивные практики местных органов власти Тургайской области по управлению казахскими кочевыми волостями изучаются с учётом таких актуальных методологических направлений, как новая социальная история, новая имперская история. В данном случае авторы рассматривают местное управление не просто как часть более крупной административной структуры, а пытаются понять её особенности через личные взгляды конкретных людей, то есть областных губернаторов. Как утверждает Л. Репина в новой социальной истории «главные проблемы исследования состоят в определении процедур согласования между собой социальных институтов и норм, с одной стороны и действий индивидов, с другой; в идентификации процессов формирования и трансформации социальных организаций и групп; в совмещении анализа социальных институтов с анализом поведения индивидов» ([Репина, 2011: 88](#)). Соглашаемся с мнением И. Герасимова и М. Могильнера, утверждающих, что «новая имперская история – это способ описания исторической реальности принципиально гетерогенного, полиэтнического и мультикультурного общества» ([Герасимов, Могильнер, 2007](#)). Исходя из этих методологических установок, авторы осуществили анализ взглядов и предложений областных губернаторов для понимания механизмов реализации административной политики Российской империи в национальных окраинах, в частности на территории Тургайской области во второй половине XIX в.

2. Обсуждение

Тема губернаторов в Российской империи достаточно активно разрабатывается, начиная со второй половины 1990-х гг. Во-первых, исследуется сам институт губернаторства как элемент государственно-административной системы Российской империи. Можно отметить работы О.В. Моряковой ([Морякова, 1998](#)), Л.М. Лысенко ([Лысенко, 2001](#)), Н.Г. Карнишиной ([Карнишина, 2015](#)), А.В. Орлова ([Орлов, 2004](#)). Л.М. Лысенко на основе обширного круга источников провела социально-исторический анализ эволюции института губернаторства и раскрыла значение губернаторов как ключевых элементов системы административного управления в Российской империи. Н.Г. Карнишиной исследован генезис правового статуса губернаторов, их место в системе бюрократии Российской империи и составлен социальный портрет губернатора. А.В. Орлов акцентирует своё внимание на особенностях губернаторского управления как через анализ взаимодействия губернатора с центральными органами власти Российской империи, так и его отношений с местными исполнительными структурами.

Ещё одно направление данной проблематики, достаточно разработанное, – это изучение непосредственной деятельности губернаторов отдельных регионов, областей и их взаимодействие как с вышестоящими чинами, так и подвластным им населением. С.В. Любичанковский, рассматривая

деятельность губернской администрации Уральского региона, приходит к выводу, что эффективность губернаторской власти была не слишком высокой, а широта полномочий губернатора юридически была несоизмеримо выше, чем фактически (Любичанковский, 2007). А.С. Минаков анализирует вопросы формирования губернаторского корпуса, механизмы взаимодействия центральной и местной власти на материалах губерний Чернозёмного центра. Нас интересует в первую очередь внимание автора к исследованию роли губернаторского годового отчёта как механизма взаимодействия центральной и местной власти (Минаков, 2011).

Если конкретно говорить о губернаторах областей, в которых проживало в основном казахское кочевое население, то можно упомянуть работы Г.Т. Мусабалиной (Мусабалина, 2011), Ш.А. Ильясова (Ильясов, 2017) и В.В. Гермизеевой (Гермизеева, 2018). Г.Т. Мусабалина в своей работе исследует роль военных губернаторов степных областей в иерархии властных структур Российской империи во второй половине XIX в. В.В. Гермизеева, рассматривая деятельность Акмолинских областных губернаторов, отмечает, что местные власти должны были решать целый ряд специфических задач, связанных с политикой переселения, наличием большого количества инородческого населения, расширением полномочий губернаторов в связи с введением режима усиленной охраны и пр. (Гермизеева, 2018: 47).

Следующее ключевое направление при исследовании проблематики института губернаторской власти – это исследование персональной истории и социальных характеристик российских губернаторов как части административной элиты. Это работы А.Е. Андреева (Андреев, 2014), Г.В. Гарбуз (Гарбуз, 2015), И.Н. Иноземцева и О.А. Филенковой (Inozemtsev, Filenkova, 2024), Е.В. Лепешкина и А.М. Лукашевича (Лепешкин, Лукашевич, 2019), С.А. Трушкова (Трушков, 2017), В.А. Ловцова (Ловцов, 2022) и В. Мосс (Mosse, 1984). В большинстве работ социокультурные характеристики губернаторов чаще анализируются в контексте руководителей конкретных губерний и регионов, лишь В.А. Ловцов исследует социокультурные особенности губернаторов Российской империи в целом, применительно к определённому историческому периоду. Д.Н. Шилов привлекает внимание к биографическим справочникам о губернаторах Российской империи, подчёркивая их важность для исторической науки (Шилов, 2024). Упомянутые исследователи, а также многие другие, внесли значительный вклад в изучение биографий и деятельности губернаторов Российской империи. Они анализировали различные аспекты их работы, включая административные, экономические и социальные функции. Это помогло лучше понять роль губернаторов в истории России.

И последнее направление, важное для нашего исследования, – это изучение документации, вышедшей из-под пера этих чиновников и в первую очередь всеподданнейшие отчёты. Относительно нашего исследования можно выделить работы А. С. Минакова (Минаков, 2016), В.В. Гермизеевой (Гермизеева, 2021), Г.А. Ноздрина (Ноздрин, 1991), М.Н. Кротт (Крот, 2021), А.Х. Абазова (Абазов, 2021), М.Л. Дамешек, А.И. Архиповой (Дамешек, Архипова, 2021), Н.Л. Семенова (Семенова, 2021) и др.

В работе А.С. Минакова определены перспективы изучения губернаторских отчётов для разработки проблематики истории России XIX – начала XX в. По мнению автора, перспективным направлением видится дальнейшее распространение географии изучения региональных особенностей подготовки и представления отчётов губернаторов (Минаков, 2016: 5), что делает актуальным наше исследование. Как видно из историографического обзора, Казахский край недостаточно изучен в отношении деятельности областных губернаторов. В работе предпринята попытка проанализировать взгляды и позицию областных губернаторов Тургайской области на вопросы административного управления местным казахским населением на основе материалов ежегодных всеподданнейших отчётов.

4. Результаты

Регулирование деятельности губернаторов Тургайской области осуществлялось как на основе общероссийского законодательства, так и с учётом специфических правовых актов, действовавших на территории области: «Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской» от 21 октября 1868 г. (Временное положение..., 1883: 5) (далее – Положение 1868 г.); «Высочайше утвержденное 25 марта 1891 года положение об управлении областей: Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» (Материалы по истории..., 1960: 387) (далее – Положение 1891 г.). Согласно указанным Положениям, военные губернаторы определялись и увольнялись высочайшими указами, по представлению Министерства внутренних дел, основанному на предварительном сношении с генерал-губернаторами и военным министром. Немалое значение при назначении на должность придавалось послужному списку кандидата. Назначаемые областные губернаторы прежде всего были проводниками государственной политики на национальных окраинах.

Одной из главных обязанностей областных губернаторов было предоставление непосредственно Государю Императору ежегодных отчётов о состоянии дел в управляемой ими области. Г.Т. Мусабалина считает, что с одной стороны, центральные органы власти по годовым отчётам, докладным, деловым письмам и доносам осуществляли контроль над деятельностью губернаторов на местах, с другой стороны, отчёты военного губернатора являлись олицетворением

связи с царём (Мусабалина, 2011). Как представитель верховной власти губернатор получал указы и повеления только от Императорского Величества и правительствующего Сената; только им он представлял свои рапорты и донесения.

Так как утверждённой формы всеподданнейшего отчёта не было, большинство губернаторов писали его в достаточно произвольной форме. В основном отчёты содержали информацию по социально-экономическому развитию региона и те небольшие моменты, когда чиновники затрагивали вопросы административного управления казахским кочевым населением, раскрывали личное отношение конкретного губернатора к этим вопросам.

Все за весь период существования Тургайской области в Российской империи с 1868 до 1917 г. сменилось 8 областных губернаторов. Первым губернатором Тургайской области был назначен Лев Фёдорович Баллюзек, который провёл в крае двенадцать лет. В связи с тем, что именно он был первым губернатором вновь созданной области, им была осуществлена значительная работа по первоначальной административной организации области, в «Записках Оренбургского отдела ИРГО» им была опубликована работа «Новое административное деление Тургайской области, пространство её, народонаселение и населённость» (Баллюзек, 1870).

Одним из первоочередных проблемных вопросов в деле административного управления краем, которые поднимал Л. Баллюзек, был вопрос об уровне грамотности местных должностных лиц общественного управления. Как отмечает Л. Баллюзек в своём отчёте, недостаток с давнего времени образовательных средств в Казахской степи особенно вредно отозвался с предоставлением казахам общественного самоуправления. При выборах на должности волостных управителей, аульных старшин и судебных биев, общество не имеет в среде своей людей, которые кроме своих нравственных качеств и общественного положения были бы способны к исполнению поручаемых им обязанностей и по своей грамотности, умственному развитию и подготовке (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 202. Л. 8).

Ещё одна проблема, связанная с организацией административного управления Тургайской областью, с которой столкнулась местная администрация, – это нехватка грамотных письмоводителей для казахских волостных управителей. Проблема усугублялась тем, что казахские должностные лица будучи неграмотными по-русски, зачастую попадали в полную зависимость от письмоводителей. «Все эти должностные ордынцы невольно подпадают под влияние своих письмоводителей, набираемых за ничтожное вознаграждение из: татар, башкир и малограмотных казаков, и нередко остаются за трудностью приискания письмоводителя, и вовсе без средств к исполнению служебных обязанностей, требующих письмоводства» – отмечает в своём отчёте Л. Баллюзек (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 202. Л. 8).

Решение данной проблемы Лев Баллюзек видит в расширении сети образовательных учреждений в Тургайской области, но в первую очередь он предлагает открытие учительской семинарии для подготовки учителей, которые должны были выступить распространителями русской грамотности в Казахской степи. Эту инициативу Л. Баллюзек рассматривал как крайне необходимую и безотлагательную меру, которая позволила бы реализовать на практике те решения, которые предлагали центральные власти во Временном Положении 1868 г. (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 202. Л. 13-130б.). Лев Баллюзек за период своего губернаторства неоднократно поднимет вопрос о распространении русского языка в Тургайской области. Во Всеподданнейшем отчёте за 1874 г. он пишет, что дальнейшие успехи административной, судебной, торговой и промышленной деятельности в казахских степях во многом зависят от скорейшего удовлетворения одной из главнейших нужд населения, а именно в средствах к распространению и усвоению в среде инородцев русского языка и грамотности. К достижению этого могут служить волостные школы (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 217. Л. 100б.).

Значительные трудности в административном управлении, по мнению Льва Баллюзека, доставлял малочисленный состав аппарата уездных управлений. В Казахской степи для уездного начальника ближайшими и единственными органами по исполнению правительственных распоряжений и осуществлению дел, требующих вмешательства суда и администрации, были волостные управления. «Для направления действий должностных ордынцев, наблюдения за ними и руководства русская правительственная власть имеет почти исключительно одних уездных начальников, так как помощники этих властей из русских чиновников должны большую часть времени оставаться на местах для заведывания делами канцелярии Уездного управления» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 202. Л. 80б.). Именно в этом он видит причины плохой работы уездных управлений: медленность в исполнении запросов, накопление большого количества дел и бездействие местной власти.

Опираясь на свой трехлетний опыт в роли руководителя области, Л. Баллюзек считает, что само Тургайское областное правление по временному штату было недостаточно укомплектованным для того количества дел, которые были в ведении учреждения: «Правление при составлении чинов меньше чем положено для Губернских правлений соединяет в себе обязанности всех частей Губернского управления, канцелярии Губернатора и Судебных инстанций на правах Палаты Уголовного и Гражданского Суда и съезда Мировых судей, да сверх того заведующие отделами по административному и Судебному управлению Внутренней Киргизской Ордой» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 202. Л. 100б.).

Ещё одним из вопросов, который затрагивает Лев Баллюзек, был вопрос о том, что административные центры управления двумя уездами Тургайской области находились за пределами территории этих уездов, что значительно ухудшало коммуникации между казахским населением и уездной администрацией. Для удобства административного управления казахами он считал «необходимо скорейшее устройство место пребывания уездных управлений Николаевского и Илецкого в центре управляемых этими учреждениями уездов» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 17. Д. 217. Л. 120б.).

С февраля 1877 г. по сентябрь 1878 г. должность военного губернатора Тургайской области занимал Александр Константинович Гейнс, несмотря на столь короткий срок управления областью, он внёс значительный вклад в дело административного управления местным населением. До своего назначения на должность Тургайского областного губернатора А.К. Гейнс являлся председателем организационной комиссии по устройству управления г. Ташкентом, статистического комитета, начальником военно-народного управления Туркестанского края, а также провёл реформу в среднеазиатских владениях России в 1867–1868 гг. (Долгов, 1998).

Хорошо понимая специфику края и особенности хозяйственного уклада казахов, А.К. Гейнс считал важным для органов степной администрации, кроме добросовестности, знание особенностей жизни казахов: «...необходимо прежде всего с начала до конца изучить жизнь людей, судьба которых в большей или меньшей степени поручена его заботам» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 454. Л. 74).

А.К. Гейнс, также как и его предшественник, поднимает вопрос о невыгодных условиях размещения областного и уездных управлений: «Одни из этих управлений помещаются в городах, где киргизы¹ бывают только наездом; другие, как Тургайское областное управление, имеют свое местопребывание даже вне пределов подчиненных им областей» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 454. Л. 15).

Поэтому, по мнению А.К. Гейнса, постоянное отсутствие губернатора и других чиновников областного правления не даёт возможности получить узнать особенности жизни казахского населения, чтобы сформировать правильную позицию по управлению населением. «За неимением других средств, приходится, для узнания киргизов, опираться на бумажную сторону дела, на донесения, почему высшие чины областного управления могут почерпнуть необходимые им сведения только от уездной администрации» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 454. Л. 16).

Основную же проблему управления областью Гейнс видел в отсутствии «однообразного административного приема по управлению киргизами». В своей Мотивированной временной инструкции уездным начальникам от 1878 г. он пишет, что Временное положение 1868 г. предоставило российской администрации довольно широкую свободу действий, а казахам предоставило самоуправление «по всем тем сторонам их жизни, которые не имеют политического и государственного значения» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 454. Л. 7).

С этой целью под председательством А.К. Гейнса была создана особая комиссия из членов областного правления и уездных начальников Тургайской области для обсуждения вопросов административного управления казахским кочевым населением. В 1878 г. под его руководством была разработана «Временная инструкция уездным начальникам Тургайской области», в которой были более чётко прописаны должностные обязанности волостной и аульной администрации, а также регламентированы взаимоотношения между уездными начальниками и населением других областей, вкочевывающих на территорию Тургайской области в период летних кочевий, что не было отражено в Положении 1868 г. (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 454. Л. 56-74).

В 1878 г. Тургайским военным губернатором назначен был Александр Петрович Константинович. После удачной Хивинской кампании Константинович окончил Академию Генерального штаба и как перспективный старший офицер, имеющий различный опыт работы в Средней Азии и Казахском крае, был утверждён на должность военного губернатора. Как и его предшественники, А.П. Константинович особое внимание обращал на проблему нехватки квалифицированных общественных служащих в области. «Общественные должности и вообще ведение общественных дел попадает в руки личностей, не заинтересованных в правильном их направлении и потому легко способных, подчиняться посторонним побуждениям» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 335. Л. 62).

Одна из главных проблем в процессе местного управления заключалась в трудности делопроизводственной коммуникации между уездным управлением и волостными управителями. Причину губернатор А. Константинович видит в том, что это происходит «от трудности личных действий на огромных пространствах уездов с населением неоседлым, а находящимся в движении» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 335. Л. 4).

Общий недостаток деятельности уездных управлений состоял в чрезмерном несоответствии со средствами развития письменного делопроизводства. А. Константинович считал, что десятилетний период апробирования Временного Положения 1868 г. показал, что оно не в полной мере удовлетворяет потребности местного управления. Это побудило губернатора осуществить общий пересмотр его в особом комитете, составленном из лиц местного управления. Областной администрацией был составлен новый проект Положения об управлении Тургайской областью и

¹ Казахам в российской делопроизводственной документации именовали киргизами.

представлен на рассмотрение в Министерство внутренних дел. Представляя императору свои воззрения, А. Константинович писал, что рассмотрение этого проекта законодательной властью и решение поднимаемых им вопросов удовлетворит многим настоятельным нуждам и устранит препятствия к дальнейшему развитию экономического благосостояния населения (РГИА. Ф. 1284. Оп. 70. Д. 335. Л. 5).

В 1883–1888 гг. должность военного Тургайского губернатора занимал Александр Петрович Проценко. В 1867–1868 гг. для закрепления в степных пространствах Казахского края началось внедрение системы российского административного законодательства, которая уже получила апробацию в некоторых других национальных регионах империи. Перед этим была создана специальная «Степная комиссия» для изучения как экономических особенностей северных районов Казахской степи, так и обычного права у казахов и существующей у них системы управления. Если взглянуть на состав комиссии, то мы увидим, что в неё вошли будущие Тургайские губернаторы – полковник А.К. Гейнс и капитан А.П. Проценко. Кроме того, Александр Петрович Проценко до назначения на должность Тургайского военного губернатора с 1878 г. занимал должность военного губернатора и командующего войсками Семипалатинской области, то есть имел практический опыт управления областью, населённой казахским кочевым населением. Александр Петрович Проценко стал активно заниматься вопросами административно-территориального переустройства области. Со времени учреждения Тургайской области на основании Временного Положения 1868 г. управление двух уездов – Илецкого и Николаевского – помещалось в Оренбургской губернии. По мнению Проценко, такая разобщённость с населением управлений, предназначенных для непосредственных к нему отношений, сопровождалась многими затруднениями и неудобствами с 1868 г. (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 162. Л. 5).

Он воплощает в жизнь решение вопроса по передислокации управлений Илецкого и Николаевского уездов, который поднимал ещё в 1870-е гг. Лев Баллюзек. В конце 1883 г. областная администрация, убедившись, что число и состояние обывательских домов в поселении Кустанай на реке Тобол представляет возможность немедленно перевести туда из г. Троицка Оренбургской губернии Николаевское уездное управление, получив на этот перевод разрешение Министерства внутренних дел, с 10 января 1884 г. перевела Николаевское уездное управление в поселение Кустанай, в центре уезда (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 162. Л. 506.).

Генерал-майор Барабаш в течение одиннадцати лет, с 1888 по 1899 г., занимал должность военного губернатора Тургайской области и за эти годы принял немало важных решений по вопросам административного управления. Именно он активно начинает продвигать идею о необходимости знания русской грамоты казахскими должностными лицами. Яков Фёдорович Барабаш предложил давать разрешение занимать должность волостных управителей лицам, которые получили образование в русских начальных школах и училищах. Он отмечает в отчёте за 1896 г., что, «желая сделать детей своих правоспособными к занятию таковых должностей киргизы со времени распубликования означенной меры стали забрасывать администрацию просьбами об открытии среди них новых и новых русских школ» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223б. Д. 82. Л. 406.). То есть получение должностей по общественному управлению было достаточно важным для казахов, и поэтому они стремились получить требуемое образование.

Яков Фёдорович Барабаш, как его предшественники, поднимает вопрос о малочисленном составе аппарата уездных управлений. «Отсутствие достаточной законной административной власти среди уездов (весь состав уездного управления определяется: уездным начальником, его помощником и двумя письмоводителями) представляло случайности разрешения многих жизненных вопросов, служащим в степи по различным ведомствам русским приходилось иногда совершенно выходить из круга своих прямых обязанностей» (РГИА. Ф. 1405. Оп. 80. Д. 8099. Л. 60). То, что практически каждый Тургайский областной губернатор заявлял о нехватке людей в аппарате уездных управлений, свидетельствует о существовании этой проблемы в местном управлении.

С принятием Положения 1891 г. процесс внедрения общероссийских административных институтов в Казахской степи подошёл к практическому завершению и способствовал унификации системы местного управления. Но практики управления казахскими кочевыми волостями на местах требовали от областной администрации «простейшие и удобнейшие способы применения как Положения 1891 г., так и общих законов, для однообразного руководства по всей области» (Bimoldanova, 2024). В связи с этим важной инициативой Я. Ф. Барабаша было принятие в 1894 г. подробной инструкции, которая предназначалась волостным управителям, аульным старшинам, а также волостным и аульным съездам.

С 1900 по 1907 г. губернатором Тургайской области был Асинкрит Асинкритович Ломачевский, который уже имел опыт управления Томской губернией. По материалам всеподданнейших отчётов прослеживается, что Асинкрит Ломачевский придаёт большое значение уровню образованности местного населения и созданию в связи с этим школ не только на волостном, но и даже на аульном уровне. «Не уменьшая числа волостных школ с довольно высокими программами, я всеми мерами забочусь о развитии аульных школ, близко стоящих к населению, не отрывающих молодых киргизов от их семей, не заставляющих менять обычаи, а дающие знание государственной речи обучаемым,

расширяя круг их мирозерцания. При частых объездах школ я требую, чтобы киргизский ребенок знал, что после Бога, Которого я и он понимаю несколько различно, мы оба знаем русского Царя, и наши понятия тут совершенно одинаковы». Интересный момент, что он поднимает вопрос об образовании не только мальчиков, но и казахских девочек (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 56. Л. 60).

Асинкрит Ломачевский инициирует вопрос о необходимости введения в Тургайской области уездной полиции: «Отсутствие в области уездной полиции при наличии в ней (Тургайской области) более 100000 переселенцев и около 1000 административно высланных в область по общественным приговорам опороченных лиц, является далее недопустимым без ущерба для общественной безопасности» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 78. Л. 51).

В 1908–1910 гг. губернатором Тургайской области был назначен Иван Михайлович Страховский. Он проанализировал материалы Положений 1868 г. и 1891 г. и затронул вопросы административно-территориальных особенностей Тургайской области. Речь идёт о событиях, когда по Временному Положению 1868 г. в Казахской степи были созданы новые области. И.М. Страховский считал, что формальное объединение этих областей в одном документе не привело к действительному общему порядку управления в этом специфическом регионе. Акмолинская и Семипалатинская области подчинялись сначала Западно-Сибирскому, а затем Степному генерал-губернаторству. В Уральской области, в отличие от Тургайской, гражданское управление было объединено с делами местного Уральского казачьего войска.

По его мнению, даже с принятием в 1891 г. нового Степного Положения, с его общими внешними формами административного устройства, Тургайская область не была объединена более тесными связями с другими степными областями. Акмолинская, Семипалатинская области по-прежнему оставались в ведении Степного генерал-губернатора, которому не была подчинена Тургайская область. При этом такая подведомственность названных областей не только обусловила особенности их административного строя, а именно наличность в составе управления ими учреждения должности генерал-губернаторов, но и совершенно своеобразный склад управления этими областями, зависящий от действия генерал-губернаторской власти (РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1481. Л. 4).

В связи с этими заключениями И. М. Страховский считал, что Тургайская область представляется совершенно обособленной в порядке управления. В своей работе «Записки о преобразовании Тургайской области» он очень подробно останавливается на административных проблемах областного правления. По Положению 1868 г. областное правление являлось сосредоточием всего управления обществом в самом широком смысле этого слова, так как было единственным центральным административным учреждением, выполняющим множеством функций. По мнению И.М. Страховского, компетенции и обязанности Тургайского областного правления были намного шире, чем правления внутренних губерний (РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1481. Л. 6).

Медленность исполнения дел он объясняет частично как несоответствием личного состава отдельных коллегий общего присутствия с существом разрешаемых ими дел, так и совершенно недостаточным составом канцелярского отдела областного и уездного правления (РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1481. Л. 10).

Как и его предшественники, И.М. Страховский отмечает трудности в административном управлении из-за больших территориальных размеров Тургайской области. «Если же иметь в виду периодическое отсутствие начальников отделений областного правления, как в случаях командировок, требующих большой затраты времени в области, пространство коей превышает 400 тыс. квадратных верст, так и в случаях необходимых отпусков и временной вакантности должностей при служебных перемещениях, то можно считать, достоверным, что в среднем, за год, вся работа по областному правлению держится только на двух начальниках отделений» (РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1481. Л. 11).

Помимо общих административных вопросов, И.М. Страховский инициирует пересмотр Инструкции для волостных управителей и аульных старшин 1894 г., принятой при Я.Ф. Барабаш. «Признавая необходимость пересоставить утвержденную прежним Присутствием в 1894 г. Инструкцию Волостным управителям, Аульным старшинам, волостным и аульным съездам Тургайской области, предлагаю Уездному съезду согласно 485 ст. Положения Установления Крестьянского проектировать соответствующие изменения в этой инструкции и свои предложения представить Общему Присутствию Областного Правления» (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2932. Л. 1). Однако работа по принятию новой инструкции затянулась, а И.М. Страховский был переведён на должность губернатора Вятской губернии.

5. Заключение

Традиционно административная политика по отношению к определённому региону в исторических исследованиях рассматривается как часть государственной политики страны. Чаще всего, когда речь идёт об администрировании самых низовых уровней управления, она обезличена, и мы не знаем имён государственных служащих, инициировавших те или иные нововведения. В связи с этим в фокусе нашего внимания было не только решение конкретных вопросов управления казахским кочевым населением, но и то, кто из областных губернаторов предложил это решение.

Обобщая обзор взглядов губернаторов Тургайской области, мы можем выделить следующие ключевые моменты, которые они поднимали в своих Всеподданнейших отчётах. Во-первых, это трудности коммуникации с подведомственным населением: как из-за незнания русского языка казахами, так и незнания казахского языка большинством чиновников областной и уездной администрации. Решение указанной проблемы губернаторы видели в более широком внедрении русского языка через создание начальных школ для казахского населения. Эти предложения благоприятно сказались не только на улучшении взаимодействия с казахами, но и на правильности составления делопроизводственной отчётности волостного уровня. В Тургайской области уже в 1897 г. был издан циркуляр областного губернатора Я. Барабаша о необходимости знания русского языка волостными, аульными старшинами, в отличие от других степных областей – Семипалатинской и Акмолинской, где такого рода документы были приняты лишь в 1910–1911 гг.

Во-вторых, практически все областные губернаторы в своих отчётах поднимали вопросы недостаточного количественного обеспечения штата областного правления и уездных управлений Тургайской области. Большая территория Тургайской области, неразвитая инфраструктура и хозяйственный уклад жизни казахского населения, обусловленный господствующим в этом регионе кочевым скотоводством, также сильно влияли на процессы эффективного управления казахским населением. Этот вопрос так и не получил практического решения в Тургайской области, но это касалось всех областей Степного края.

В-третьих, областные губернаторы, осуществляя государственную политику на местах, отмечали, что основные нормативные документы, связанные с управлением областью, – Временное Положение 1868 г. и Положение 1891 г. – лишь в самых общих чертах регламентировали вопросы административного управления, и постоянно возникала необходимость создания дополнительных инструктивных документов для взаимодействия между уездной и волостной администрацией. В Тургайской области, в отличие от других Степных областей, были приняты такие важные документы, как Временная инструкция уездным начальникам 1878 г. и Инструкция волостным управителям, аульным старшинам, волостным и аульным съездам Тургайской области 1894 г.

Рассматривая административные процессы в Российской империи как двустороннее взаимодействие, где национальные особенности окраин страны также влияли на формирование государственно-административной политики центра, следует признать, что Тургайские областные губернаторы в полной мере осознавали большинство проблемных вопросов в управлении областью, связанных с местными особенностями, освещали их в своих отчётах и прилагали значительные усилия для решения этих проблем.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта АР19679853 «Российские имперские институты и органы местного управления на территории Тургайской области (1868–1917 гг.): адаптивные практики колониальной системы» при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Литература

[Абазов, 2021](#) – Абазов А.Х. Отчеты губернаторов Закавказского края как источники по изучению специфики регионального управления (40-е-50-е гг. XIX в.) // *Новое прошлое/The New Past*. 2021. Т.1. С. 22-32.

[Андреев, 2014](#) – Андреев А.Е. Тверские губернаторы на рубеже XIX-XX вв.: стиль работы и образ жизни // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. Т. 389. С. 123-127.

[Баллюзек, 1870](#) – Баллюзек, Л.Ф. Новое административное деление Тургайской области, пространство ее, народонаселение и населенность // *Записки Оренбургского отдела Императорского русского географического общества*. Вып. 1. Оренбург, 1870. С. 231-234.

[Временное положение..., 1883](#) – Временное положение об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской. СПб.: типография Министерства внутренних дел, 1883. 50 с.

[Гарбуз, 2015](#) – Гарбуз Г.В. Социокультурный облик высшей провинциальной бюрократии в Поволжье в начале XX в. // *Вестник Пензенского государственного университета*. 2015. Т. 2(10). С. 4-8.

[Герасимов, Могильнер, 2007](#) – Герасимов И., Могильнер М. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? // *Логос*. 2007. Т. 1(58). С. 218-238.

[Гермизеева, 2021](#) – Гермизеева В. В. Годовые отчеты генерал-губернаторов и губернаторов конца XIX – начала XX в.: еще раз к вопросу о достоверности источника // *Новое прошлое/The New Past*. 2021. Т. 1. С. 236-245.

[Гермизеева, 2018](#) – Гермизеева В.В. Гражданские губернаторы Акмолинской области: основные направления деятельности (1906–1917) // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2018. №2 (171). С. 44-48.

- Дамешек, Архипова, 2021 – Дамешек И.Л., Архипова А.И. Информационные возможности отчета губернатора: на примере Якутской области // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2021. Т. 35. С.67-70.
- Долгов, 1998 – Долгов Е.Б. Либерал во главе Казанской губернии: Александр Константинович Гейнс // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. 1998. Т. 3-4. С. 153-155.
- Ильясов, 2017 – Ильясов Ш.А. Деятельность административного аппарата в системе органов колониального управления Степного края (1891–1917 гг.) дисс. ... докт. филос. PhD: 6Do20300 – История. Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова. Караганды: 2017. 181 с.
- Карнишина, 2015 – Карнишина Н.Г. Институт губернаторства в Российской империи в 1850-1890 гг. // *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2015. Т. 2 (34). С. 12-22.
- Крот, 2021 – Крот М.Н. Губернаторские отчеты: рапорт о проделанной работе или программа развития края? // *Новое прошлое/The New Past*. 2021. Т. 1. С.246-256.
- Лепешкин, Лукашевич, 2019 – Лепешкин Е.В., Лукашевич А.М. Виленские губернаторы (1864–1911 гг.): конструирование исторических мифов и реальность // *Вопросы всеобщей истории*. 2019. Т. 22. С. 131-151.
- Ловцов, 2022 – Ловцов В.А. Социально-профессиональный облик губернаторского корпуса периода министерства П. А. Столыпина (1906-1911 гг.). Тамбов, 2022. 605 с.
- Лысенко, 2001 – Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001. 358 с.
- Любичанковский, 2007 – Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в поздней имперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг. Самара – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2007. 750 с.
- Любичанковский, 2004 – Любичанковский С.В. Развитие новых подходов к изучению института губернаторства конца XIX - начала XX в. в современной отечественной исторической науке // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2004. Т. 2. С. 30-35.
- Материалы по истории..., 1960 – Материалы по истории политического строя Казахстана / Отв. ред. С.З. Зиманов. Т. 1. Алма-Ата, 1960. 441 с.
- Минаков, 2016 – Минаков А.С. Всеподданнейшие отчеты губернаторов Российской империи: современные проблемы историографии // *Известия ВУЗов. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2016. Т. 2 (38). С. 5-24.
- Минаков, 2011 – Минаков А.С. Губернаторский корпус и центральная власть: проблема взаимоотношений по материалам губерний Черноземного центра второй половины XIX – начала XX в. Орел: изд. Дом «Орлик», изд. Александр Воробьев, 2011. 488 с.
- Морякова, 1998 – Морякова О.В. Система местного управления при Николае I. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 272 с.
- Мусабалина, 2011 – Мусабалина Г.Т. Военные губернаторы степных областей в иерархии властных структур Российской империи во второй половине 19 века. [Электронный ресурс]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/conf2011/mussabalina-gt.htm#> (дата обращения: 01.11.2024).
- Ноздрин, 1991 – Ноздрин Г.А. Отчеты губернаторов как источник по изучению колонизации Сибири во второй половине XIX в. / *Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма*. Новосибирск, 1991. С. 26-38.
- ОГАОО – Объединённый государственный архив Оренбургской области.
- Орлов, 2004 – Орлов А.В. Губернаторская власть в дореволюционной России на примере Нижегородской губернии: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 214 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив.
- Репина, 2011 – Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика [Ин-т всеобщ. истории Российской акад. наук, Центр интеллектуальной истории, Гос. акад. ун-т гуманитарных наук]. М.: Кругъ, 2011. 559 с.
- Семенова, 2021 – Семенова Н.Л. Губернаторские отчеты первой половины XIX в.: источник информации или элемент бюрократической системы? // *Новое прошлое/The New Past*. 2021. Т. 1. С. 226-235.
- Трушков, 2017 – Трушков С. А. Социокультурный облик вятских губернаторов второй половины XIX – начала XX века // *История. Историки. Источники: электронный научный журнал*. 2017. Т. 3. С. 90-97.
- ЦГА РК – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
- Шилов, 2024 – Шилов Д.Н. Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи 1802–1917: библиогр. справ.: в 3 т. СПб.: Нестор-История, 2024.
- Bimoldanova et al., 2024 – Bimoldanova A.A., Bekmagambetova M.Zh., Bekmagambetov R.K., Nauryzbaeva E.K. Practices of Adapting the Russian model of Administrative Management on the Territory of the Kazakh Steppe in the second half of the 19th century (based on materials from the Turgai Region) // *Bylye Gody*. 2024. 4(19): 1877-1887.
- Inozemtsev, Filenkova, 2024 – Inozemtsev I.N., Filenkova O.A. (2024). Sociocultural Characteristics of Penza Governors of the 19th – early 20th centuries // *Bylye Gody*. 2024. 3(19): 1095-1106.

Mosse, 1984 – Mosse W. E. Russian Provincial Governors at the end of the Nineteenth century // *The Historical journal*. 1984. Vol. 27. T. 1. P. 225-239.

References

- Abazov, 2021 – Abazov, A.Kh. (2021). Otchety gubernatorov Zakavkazskogo kraia kak istochniki po izucheniiu spetsifiki regional'nogo upravleniia (40-e-50-e gg. XIX v.). [The reports of governors of the Transcaucasian region as a source for studies of specifics of regional governance (40s – 50s of the 19 century)]. *Novoe proshloe/The New Past*. 1: 22-32. [in Russian]
- Andreev, 2014 – Andreev, A.E. (2014). Tverskie gubernatory na rubezhe XIX-XX vv.: stil' raboty i obraz zhizni [Tver governors at the turn of the 19th – 20th centuries: style of work and way of life]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 389: 123-127. [in Russian]
- Balliuzek, 1870 – Balliuzek, L.F. (1870). Novoe administrativnoe delenie Turgaiskoi oblasti, prostranstvo ee, narodonaselenie i naselennost' [New administrative division of the Turgai region, its space, population and population density]. *Zapiski Orenburgskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. Is. 1. Orenburg, pp. 231-234. [in Russian]
- Bimoldanova et al., 2024 – Bimoldanova, A.A., Bekmagambetova, M.Zh., Bekmagambetov, R.K., Nauryzbaeva, E.K. (2024). Practices of Adapting the Russian model of Administrative Management on the Territory of the Kazakh Steppe in the second half of the 19th century (based on materials from the Turgai Region). *Bylye Gody*. 4(19): 1877-1887.
- Dameshek, Arkhipova, 2021 – Dameshek, I.L., Arkhipova, A.I. (2021). Informatsionnye vozmozhnosti otcheta gubernatora: na primere Iakutskoi oblasti [Information capabilities of the Governor's report on the example of the Yakutsk region]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Istorii*. 35: 67-70. [in Russian]
- Dolgov, 1998 – Dolgov, E.B. (1998). Liberal vo glave Kazanskoi gubernii: Aleksandr Konstantinovich Geins. [Liberal at the head of the Kazan province: Alexander Konstantinovich Gaines]. *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 3-4: 153-155.
- Garbuz, 2015 – Garbuz, G.V. (2015). Sotsiokul'turnyi oblik vysshei provintsial'noi biurokratii v Povolzh'e v nachale XX v. [Sociocultural appearance of the highest provincial bureaucracy in the Volga region at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(10): 4-8. [in Russian]
- Gerasimov, Mogil'ner, 2007 – Gerasimov, I., Mogil'ner, M. (2007). Chto takoe «novaia imperskaia istoriia», otkuda ona vzialas' i k chemu ona idet? [What is the “new imperial history”, where did it come from and where is it heading?]. *Logos*. 1(58): 218-238. [in Russian]
- Germizeeva, 2018 – Germizeeva, V.V. (2018). Grazhdanskie gubernatory Akmolinskoi oblasti: osnovnye napravleniia deiatel'nosti (1906-1917) [Civilian governors of Akmola region: main activities (1906 – 1917)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(171): 44-48. [in Russian]
- Germizeeva, 2021 – Germizeeva, V.V. (2021). Godovye otchety general-gubernatorov i gubernatorov kontsa XIX-nachala XX v.: eshche raz k voprosu o dostovernosti istochnika [Annual reports of governors-general and governors of the late 19-early 20 centuries: once again to the question about reliability of the source]. *Novoe proshloe/The New Past*. 1: 236-245. [in Russian]
- Il'iasov, 2017 – Il'iasov, Sh.A. (2017) Deiatel'nost' administrativnogo apparata v sisteme organov kolonial'nogo upravleniia Stepnogo kraia (1891–1917 gg.) [Activities of the administrative apparatus in the system of colonial administration bodies of the Steppe region (1891–1917).] diss. ... dokt. filos. PhD: 6D020300 – Istorii. – Karagandinskii gosudarstvennyi universitet im. E.A. Buketova. Karagandy, 181 p. [in Russian]
- Inozemtsev, Filenkova, 2024 – Inozemtsev, I.N., Filenkova, O.A. (2024). Sociocultural Characteristics of Penza Governors of the 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 3(19): 1095-1106.
- Karnishina, 2015 – Karnishina, N.G. (2015). Institut gubernatorstva v Rossiiskoi imperii v 1850-1890 gg. [The institution of governorship in the Russian Empire in 1850-1890]. *Izvestiia VUZov. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 2(34): 12-22. [in Russian]
- Krot, 2021 – Krot, M.N. (2021). Gubernatorskie otchety: raport o prodelannoii rabote ili programma razvitiia kraia? [Governor's reports: progress report or regional development program?]. *Novoe proshloe /The New Past*. 1: 246-256. [in Russian]
- Lepeshkin, Lukashevich, 2019 – Lepeshkin, E.V., Lukashevich, A.M. (2019). Vilenskie gubernatory (1864–1911 gg.): konstruirovaniie istoricheskikh mifov i real'nost'. [Vilna governors (1864-1917): construction of historical myths and reality]. *Voprosy vseobshchei istorii*, issue 22, pp. 131-151. [In Russian]
- Liubichankovskii, 2004 – Liubichankovskii, S.V. (2004). Razvitie novykh podkhodov k izucheniiu instituta gubernatorstva kontsa XIX nachala XX v. v sovremennoi otechestvennoi istoricheskoi nauke. [Development of new approaches to the study of the institution of governorship in the late 19th and early 20th centuries in modern Russian historical science]. *Vestnik OGU*. 2: 30-35. [in Russian]
- Liubichankovskii, 2007 – Liubichankovskii, S.V. (2007). Gubernskaia administratsiia i problema krizisa vlasti v pozdneimperskoi Rossii (na materialakh Urals, 1892–1914 gg. [Provincial administration and

- the problem of the crisis of power in late imperial Russia (based on materials from the Urals, 1892–1914)]. Samara: Orenburg: OGU, 750 p. [in Russian]
- Lovtsov, 2022** – *Lovtsov, V.A.* (2022). Sotsial'no-professional'nyi oblik gubernatorskogo korpusa perioda ministerstva P. A. Stolypina (1906-1911 gg.). [Social and professional appearance of the governor's corps during the ministry of P. A. Stolypin (1906-1911)]. Tambov, 605 p. [in Russian]
- Lysenko, 2001** – *Lysenko, L.M.* (2001). Gubernatory i general-gubernatory Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka) [Governors and Governors-General of the Russian Empire (18 – early 20th centuries)]. M., 358 p. [in Russian]
- Materialy po istorii..., 1960** – *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana* [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Otv. red. S.Z. Zimanov. T. 1. Alma-Ata, 1960. 441 p. [in Russian]
- Minakov, 2011** – *Minakov, A.S.* (2011). Gubernatorskii korpus i tsentral'naia vlast': problema vzaimootnoshenii po materialam gubernii Chernozemnogo tsentra vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [The Governor's Corps and the central authority: the problem of relationships based on materials from the provinces of the Black earth center in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Orel: izd. Dom «Orlik», izd. Aleksandr Vorob'ev, 488 p. [in Russian]
- Minakov, 2016** – *Minakov, A.S.* (2016). Vseppoddanneishie otchety gubernatorov Rossiiskoi imperii: sovremennye problemy istoriografii. [The “humble reports” by governors of the Russian Empire: modern problems of historiography]. *Izvestiia VUZov. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki.* 2(38): 5-24. [in Russian]
- Moriakova, 1998** – *Moriakova, O.V.* (1998). Sistema mestnogo upravleniia pri Nikolae I [The system of local government under Nicholas I]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 272 p. [in Russian]
- Mosse, 1984** – *Mosse, W.E.* (1984). Russian Provincial Governors at the end of the Nineteenth century. *The Historical journal.* 1(27): 225-239.
- Musabalina, 2011** – *Musabalina, G.T.* (2011). Voennye gubernatory stepnykh oblastei v ierarkhii vlastnykh struktur Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine 19 veka [Military governors of the steppe regions in the hierarchy of power structures of the Russian Empire in the second half of the 19th century]. [Electronic resource]. URL: <http://sibistorik.narod.ru/project/conf2011/mussabalina-gt.htm#> (date of access: 01.13.2025). [in Russian]
- Nozdrin, 1991** – *Nozdrin, G.A.* (1991). Otchety gubernatorov kak istochnik po izucheniiu kolonizatsii Sibiri vo vtoroi polovine XIX v. Vliianie pereselenii na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Sibiri v epokhu kapitalizma. [Governors' reports as a source for studying the colonization of Siberia in the second half of the 19th century]. Novosibirsk. Pp. 26-38. [in Russian]
- OGA00** – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [United State Archives of the Orenburg Region].
- Orlov, 2004** – *Orlov, A.V.* (2004). Gubernatorskaia vlast' v dorevoliutsionnoi Rossii na primere Nizhegorodskoi gubernii: istoriko-pravovoi aspekt [Gubernatorial power in pre-revolutionary Russia on the example of Nizhny Novgorod province: historical and legal aspect]: dis. ... kand. iurid. nauk. N. Novgorod, 214 p. [in Russian]
- Repina, 2011** – *Repina, L.P.* (2011). Istoricheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. [Historical science at the turn of the XX-XXI centuries: social theories and historiographic practice]. In-t vseobshch. Istorii Rossiiskoi akad. Nauk, Tsentr intellektual'noi istorii, Gos. Akad. Un-t gumanitarnykh nauk. M.: Krug", 559 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archives].
- Semenova, 2021** – *Semenova, N.L.* (2021). Gubernatorskie otchety pervoi poloviny XIX v.: istochnik informatsii ili element biurokraticheskoi sistemy? [Governor's reports of the first half of the 19 century: source of information or element of the bureaucratic system?] *Novoe proshloe/The New Past.* 1: 226-235. [in Russian]
- Shilov, 2024** – *Shilov, D.N.* (2024). Glavy vysshikh i tsentral'nykh gosudarstvennykh uchrezhdenii Rossiiskoi imperii 1802–1917 : bibliogr. sprav.: v 3 t. [Heads of the highest and central government institutions of the Russian Empire 1802–1917: bibliographic reference: in 3 volumes]. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia. [in Russian]
- Trushkov, 2017** – *Trushkov, S.A.* (2017). Sotsiokul'turnyi oblik viatskikh gubernatorov vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka. [Sociocultural portrait of Vyatka governors of the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Istoriia. Istoriki. Istochniki: elektronnyi nauchnyi zhurnal.* 3: 90-97. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentral'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].
- Vremennoe polozhenie..., 1883** – *Vremennoe polozhenie ob upravlenii v oblastyakh Ural'skoj, Turgajskoj, Akmolinskoj i Semipalatinskoj.* [Temporary regulations on governance in the Ural, Turgai, Akmol and Semipalatinsk regions]. Sankt-Peterburg: tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 1883. 50 p. [in Russian]

Государственно-административные взгляды губернаторов Российской империи по вопросам управления казахским населением (на материалах Тургайской области)

Айгуль Бимолданова ^a, Руслан Бекмагамбетов ^{b, *}, Майсара Бекмагамбетова ^b, Виктория Шерниязова ^c

^a Казахский Национальный Педагогический Университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

^b Костанайский региональный университет им. А. Байтурсынова, Костанай, Республика Казахстан

^c Костанайский инженерно-экономический университет им. Мыржакыпа Дулатова, Костанай, Республика Казахстан

Аннотация. Российская империя во второй половине XIX - начале XX в. была обширным по территории и многонациональным по составу населения государством, что естественно накладывало определённые особенности на процессы административного управления. Ключевой фигурой этой системы управления являлись губернаторы губерний и областей, которые, с одной стороны, были прямыми представителями верховной власти на местах, но с другой стороны, возглавляя местное управление, они брали на себя роль администратора, руководителя для решения насущных вопросов. В статье предпринята попытка проанализировать взгляды и позицию областных губернаторов Тургайской области на вопросы административного управления местным казахским населением на основе материалов ежегодных всеподданнейших отчётов. Тургайская область в исследуемый период в административном отношении была достаточно обособленной от других степных областей Казахского края.

Авторами привлечены неопубликованные делопроизводственные документы из фондов Российского государственного исторического архива, Объединённого архива Оренбургской области и из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан. В качестве основного исторического источника для анализа взглядов областных губернаторов Тургайской области послужили материалы всеподданнейших отчётов. Адаптивные практики местных органов власти Тургайской области по управлению казахскими кочевыми волостями изучаются с учётом таких актуальных методологических направлений, как новая социальная история, новая имперская история. Исходя из этих методологических установок, авторы осуществили анализ взглядов и предложений областных губернаторов для понимания механизмов реализации административной политики Российской империи в национальных окраинах, в частности на территории Тургайской области во второй половине XIX – начале XX в. Авторы приходят к выводу, что Тургайские областные губернаторы в полной мере осознавали большинство недостатков в управлении областью, связанных с местными особенностями, освещали их в своих отчётах и прилагали определённые усилия для решения этих проблем.

Ключевые слова: Российская империя, Казахская степь, Тургайская область, областной губернатор, местное управление, вторая половина XIX – начало XX в.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ruslan69_07@mail.ru (Р. Бекмагамбетов),
aigul.bimoldanova@gmail.com (А. Бимолданова), maisara75@mail.ru (М. Бекмагамбетова),
Vika1717@mail.ru (В. Шерниязова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 866-879
DOI: 10.13187/bg.2025.2.866

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Socio-Cultural Aspects of the Program of the Newspaper “Terskiye Vedomosti”

Peter A. Kuzminov ^{a, b, *}, Angela A. Zhurtova ^{a, b}, Fatima B. Shakhaliyeva ^a, Lina R. Gaunova ^a

^a Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation

^b Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Abstract

In early January 1868, the first issue of the official newspaper Terskiye Vedomosti (1868–1917) was published in Vladikavkaz, the regional center of the Tersk region. In August 1867, Abaza A.G. Keshev was invited to the post of editor of the unofficial part of the Terskiye Vedomosti. There are three versions of the program, which, in our opinion, complement each other, have formed a problematic field of the newspaper's work, focusing on the socio-cultural aspects of its activities. The first version is a few lines about the structure of the issue in the editorial column, consisting of three parts, where the first one informs that the official part will publish “general government orders, orders and orders of higher and local authorities”. The second, unofficial one contains “political and administrative telegrams received directly from the Russian telegraphic agency in accordance with the terms and conditions concluded with it, internal news and correspondence from various places in the region”. In the third – “private ads”. We draw attention to the last line of the second part of the first program: the newspaper will publish “articles on geography, history, ethnography, statistics, will be an interpreter of the past and present situation of the region, its needs and requirements”. Focusing readers' attention on local historical and contemporary issues is significant. The editor assumes the responsibility to inform the population of the region about all the events of the past and present, to focus the attention of society and the authorities on the topical issues of the region.

In addition to the announced mandatory program, which is typical for all provincial gazettes of the country, there are two more publications in the first issue that researchers have not yet paid due attention to. These are “A few words about the significance of the publication of the Terskiye Vedomosti” and “The publication program of the newspaper Kavkaz and official additions to it in 1868”. We believe that it is the combination of the three variations that reflects its program, course, goals and objectives. As a comparison, we consider the program of A.P. Samoilov, adopted by the leadership of the Tersk region in 1895.

Keywords. Newspaper, Terskiye Vedomosti, editor, A.-G. Keshev, program, publication, program of A.P. Samoilov, Vladikavkaz.

1. Введение

Серьёзные перемены, происходящие в области современного исторического науковедения России и неотъемлемой её части – истории народов Северного Кавказа, дают основание назвать данный период «золотым веком» кавказоведения. Его научный и цивилизационный «фундамент» заложен в XIX – начале XX в. усилиями краеведов, учёных, военных, служащих, учителей школ и училищ, любителями истории, которые собрав материал в окружающей их действительности, опубликовали его в печатных изданиях региона. Сегодня эти заметки, очерки, статьи – ценные репрезентативные источники для кавказоведов, дающие возможность реконструировать событийный ряд давно минувших лет.

* Corresponding author

E-mail addresses: petrakis_hist@bk.ru (P.A. Kuzminov)

Одним из наиболее обстоятельных изданий была газета «Терские ведомости», первый номер которой вышел 1 января 1868 г., став памятной вехой в культурно-просветительской мысли народов Терека. Её финансирование шло по бюджету Терского казачьего войска и Министерства внутренних дел (ЦГА РСО-Алания. Ф. 13. Оп. 1. Д. 761. Л. 80б.). Позднее, когда появился «круг обязательных подписчиков» в лице государственных учреждений, войсковых и казачьих подразделений, общественных и благотворительных организаций, школ и училищ, жителей городов, посёлков, слобод, она была переведена на самоокупаемость, но финансовая помощь государства продолжалась. Вопрос о ведомственной принадлежности не случаен, поскольку только официальное издание имеет чёткие источники финансирования, а значит, «не переживает» об окупаемости газеты, борьбе за читателя, востребованности публикуемых статей.

Газета «Терские ведомости» до 1884 г. выходила один раз в неделю, потом два, потом ежедневно. 2 мая 1917 г. на волне демократизации общественно-политической жизни, связанной с революционными событиями Февраля 1917 г., она, по решению комиссара Временного правительства в Терской области подьесаула М.А. Караулова, была переименована в «Терский вестник», последний номер которого вышел 31 декабря 1917 г. 1 января 1918 г. редколлегия газеты сообщила читателям, что из-за «отсутствия бумаги» она прекратила своё существование (Таутиев, Киреев, 2015: 216). Таков печальный эпилог областного издания, 50 лет освещавшего повседневность горцев, казаков, русского населения, проживающих в бассейне р. Терек.

Газета была открыта по инициативе администрации области, которая хотела, с одной стороны, упростить процедуру оповещения всех гражданских учреждений, военных и казачьих подразделений области о принятых властями решениях, а с другой – формировать общественное мнение о всех проводимых мероприятиях начальником области М.Т. Лорис-Меликовым, в первую очередь о либеральных реформах, которые должны были сформировать новые начала общественной жизни.

Цель статьи – проанализировать программные социокультурные установки редакции «Терских ведомостей» в годы становления газеты, когда редакционную политику направлял абазинский просветитель Адиль-Гирей Кешев. Для реализации поставленной задачи привлечены опубликованные тексты программ, публикации в газете, отдельные архивные материалы. Одной из главных проблем изучения редакционной политики «Терских ведомостей», да и истории газеты в целом, является отсутствие архивного фонда этой газеты в архивохранилищах Владикавказа. Попытки выяснить судьбу этого фонда оказались неудачны.

Редакция газеты, в лице редактора неофициальной части Адиль-Гирея Кучуковича Кешева, взяла на себя ответственность собирать, анализировать и информировать население области о всех значимых событиях прошлого и настоящего, выявлять, публиковать и тем самым сохранять исторические и этнографические сведения о народах её населяющих, будировать общество и власти области, заявляя о злободневных интересах жителей.

Комплексное изучение материалов периодической печати дореволюционного времени даёт возможность восстановить многие события, не получившие отражения в иных источниках. В процессе изучения содержания опубликованных статей особую значимость для исследователей периодики имеет программа издания, то есть своеобразный комплекс идейных ценностей, отстаиваемых редактором, которые определяют качество публикаций, их место в общем объёме газеты, стратегическую линию работы редакции. Анализ программных положений позволяет определить тематическую направленность издания, его приверженность к определённому идеологическому курсу, а если статья освещает исторические проблемы, то и к определённому историографическому течению.

Считаем, работа редактора над обоснованием программы «Терских ведомостей» ещё недостаточно изучена и оценена. Значимые слова Л.Д. Дергачевой, «... периодика в состоянии рассказать сама о себе, о своих особенностях как исторического источника» (Дергачева, 2001: 94), не наполнены содержанием. Анализ программы газеты как раз и даёт возможность получить информацию о её приоритетах, читательской аудитории, возможностях влияния на общество и власти.

2. Материалы и методы

Источниковую базу данного исследования составляет комплекс материалов газеты «Терские ведомости» (Владикавказ, 1869; Несколько слов..., 1868; Программа..., 1868; и др.) и отдельные статьи газеты «Кавказ» (С...Освобождение, 1867; Укр. Нальчик и др.), ставшие основой исследования, позволившие реконструировать программу издания, дать оценку её достижениям и недостаткам в пропаганде социокультурных явлений в жизни Терской области.

Анализ разделов газеты, публикаций самого редактора, разнообразной информации об авторах, сотрудничавших с газетой, даёт возможность оценить усилия А.-Г. Кешева по созданию оригинального издания, которое должно было занять достойное место в культурной и общественно-политической жизни народов Северного Кавказа. На этом поприще он был произведён в коллежские

ассессоры¹ со старшинством (Бузарова, 2014: 26) и, как свидетельствует послужной список от 15 января 1870 г., в этом чине занимал должность младшего чиновника особых поручений при начальнике Терской области (ЦГА РСО-Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 1102. Л. 54). Вероятно, это мешало его редакторской работе, но найти документальные сведения, подтверждающие его «раздвоенность» по линии редактор – чиновник, пока не удалось.

Роль редактора особенно значима в провинциальной периодике, поскольку в небольшом губернском/областном городе «все знали всех» и любое критическое замечание в отношении конкретного жителя разбиралось всеми и даже «на самом верху». Это во многом влияло на позицию редактора при публикации материала, заострённого на личности того или иного горожанина или чиновника. Возможно, именно поэтому на роль редактора был приглашён житель г. Ставрополя А.-Г. Кешев, не «связанный» с местной публикой.

Несмотря на то, что Кешев не имел специального исторического образования, опубликованные им статьи (Освобождение крестьян..., 1868, 1869; Владикавказ, 1869 и др.) отражают высокий уровень понимания движущих сил развития общества². Талант организатора, умение наладить творческий диалог с авторами/корреспондентами газеты, скромность в отношениях с коллегами – дали позитивный результат. У газеты появились свои читатели, авторы, рубрики, наполняемые материалом из жизни населения области.

В фондах «Терское областное правление» и «Канцелярия начальника Терской области» ЦГА РСО-Алания отложились отдельные материалы о личности редактора А.-Г. Кешева, работе областной типографии, в которой публиковалась газета, перемещениях редакторов, программе А.П. Самойлова и др.

В ходе исследования мы опирались на принципы историзма, объективности, целостности, которые дали возможность открыть новые страницы в изучении материалов «Терских ведомостей». Нельзя понять редакторский замысел газеты, отдельных номеров, публикации статей без учёта конкретной общественно-политической обстановки в стране, Центральном Кавказе, г. Владикавказе и времени их озвучения. Объективность издания определялась идейными установками членов редколлегии, личными качествами автора статьи или очерка, общественным обсуждением злободневных публикаций, цензурой, которую осуществлял младший помощник начальника Терской области, законодательством, регулирующим деятельность издания, запросами читающей публики в области.

Принцип целостности или исторической универсальности предполагает анализ каждого шага в становлении и развитии газеты как системы взаимосвязанных элементов: редактор, редколлегия, обоснование программы, корреспонденты, журналисты, читающая публика, где каждый из членов цепочки детерминирует последующие изменения.

Из группы исторических методов мы отдаём приоритет историко-сравнительному, который позволил не только проанализировать программные положения редактора с целью выявления их особенностей и общих черт, но и степени заимствования из аналогичных программ других газет.

3. Обсуждение

Сложившееся негативное отношение к «буржуазно-дворянской» прессе в советской историографии, к сожалению, определило «прохладное» отношение к этому виду исторических источников. И хотя разработка этого вида документальных свидетельств о прошлом шла/идёт, системного изучения высокой значимости периодики пока не получилось. Исследователи ограничивались, как правило, негативной оценкой тех или иных изданий, не подвергая тщательному анализу работу редакторов, редакций, за исключением самых известных, корреспондентов газет и журналов, используя только опубликованные факты и сюжеты.

Ситуация стала меняться в 90-е гг. XX в., когда историки, филологи, журналисты, культурологи монографически исследовали отдельные виды печатных изданий, в том числе губернские ведомости региона. Особенно много в этом плане сделано в Ставропольском крае (Лепилкина, 2005; Клец, Лепилкина, 2008; Клец, 2009 и др.). Высокая «интенсивность событий и межнациональной коммуникации в сфере культуры, искусства, политики, экономики, – отмечают Н.Е. Никонова и Т.Р. Даниелян, – определила перемещение акцентов из центров в регионы империи, с обложек толстых журналов на страницы периодики» (Никонова, Даниелян, 2023: 234).

Между тем, открытие «Кубанских Войсковых ведомостей» в 1863 г., «Терских ведомостей» в 1868 г., продолжение работы «Ставропольских губернских ведомостей» с 1850 г., обусловило, по мнению С.А. Айларовой, содержание целой эпохи в истории Северного Кавказа, «заполненной преобразовательной деятельностью в крае российского правительства снявшей “историческое напряжение” Кавказской войны» (Айларова С.А., Бузарова, 2016: 52).

Наличие публикаций теоретико-методологического (Айларова, 2019; Блохин, 2010; Таказов, 2023; Кузьминов, Тахушева, 2016; Кузьминов, Тахушева, 2020; Тахушева, 2020 и др.) и исследовательского

¹ В соответствии с табелью о рангах (1722 г.) – это чин, на военной службе соответствующий майору. До конца XIX в. обладатели этого титула становились потомственными дворянами. К коллежским ассессорам обращались «Ваше Высокоблагородие».

² Авторство определено нами. См.: Кузьминов, 2020

характера (Киреев, 2011; Гаунова и др., 2024; Кузьминов, Журтова, 2024; Кузьминов, Журтова, 2024 и др.) по истории периодической печати не снижает значимости данной статьи.

Отдельные стороны программы А.-Г. Кешева детализируют С.А. Айларова и И.В. Бузарова, которые в объёмной статье органично связали эпоху реформ и просветительскую деятельность редактора, в том числе и на посту руководителя газеты (Айларова, Бузарова, 2016).

И.В. Бузарова представила хорошо фундированный обзор становления творчества А.-Г. Кешева, его служебную деятельность, дала краткую характеристику работам учёных, посвятивших ему свои работы, подчеркнула, что «"Терские ведомости" почти в каждом номере поднимали острые вопросы по общественной и экономической жизни горцев; газету отличала исключительно большая насыщенность этнографическим материалом» (Бузарова, 2014: 26). Исследовательница обратила внимание на новации Кешева как редактора, связанные с «печатанием материалов с примечаниями от редакции, в которых выражалась ее точка зрения к публикуемому. Другим важным рупором общественной позиции газеты служил введенный им отдел "Библиография", в котором делался обзор новинок кавказоведческой литературы» (Бузарова, 2014: 27).

К.У. Таутиев и Ф.С. Киреев осветили путь становления, развития «Терских ведомостей», который неожиданно оборвался в декабре 1918 г. Авторы указали, что в первые годы «годовая подписка на газету стоила 4 руб. 50 коп. при тираже 500 экземпляров» (Таутиев, Киреев, 2015: 259), то есть примерно 45 копеек за номер. Это была доступная цена для горожан.

4. Результаты

Преобразование военно-административных центров Кавказской линии в столичные города Дагестанской, Терской и Кубанской областей в 1860 г., создание в них Областных правлений как важнейших инструментов управления гражданской жизнью населения, открытие в них периодических изданий, призванных не только транслировать законодательство правительства России, учреждений Кавказского наместничества и местных администраций, но и отражать социальную, хозяйственную, культурную жизнь регионов, - наглядно свидетельствует о необратимых позитивных процессах во взаимоотношениях центра и северокавказской периферии. От диктата военного министерства в крае правительство постепенно переходит к диалогу с горским, русским и казачьим населением. С другой стороны, именно повременная печать даёт возможность детально изучить государственную политику в регионе, особенности массового сознания читателей реформируемого северокавказского социума, влияние на общество.

Любая программа – это заявка на курс, «договор о намерениях», а не их реализация и не факт, что она будет выполнена, но если её не заявить, то не будет и ориентиров направления, которого собирается придерживаться редакция. В первых строках официальной части газеты А.-Г. Кешев заявляет о том, что газета будет «Служить Отечеству и народу». Считаем – это было честное, открытое слово к будущему читателю повременного издания кавказской периферии.

Но, помимо озвученной обязательной программы, типичной для всех «губернских ведомостей», в первом номере «Терских ведомостей» есть ещё две публикации, на которые исследователи пока не обратили внимание. Это передовица неофициальной части: «Несколько слов о значении издания Терских ведомостей» (Несколько слов..., 1868: 3) и «Программа издания газеты "Кавказ" и казенных к ней прибавлений в 1868 г.» (Программа..., 1868: 4). Казалось бы, помещённая в разделе «Объявления» информация о подписке на газету «Кавказ» не несёт особой смысловой, тем более программной нагрузки, поскольку это просто реклама товара, в данном случае газетного, но она названа «Программа газеты» и в совокупности с тем, что это первый, а значит контрольный номер издания, в котором каждая строка детально продумана редактором, а страницей раньше размещена программа неофициальной части, то мы предполагаем, что такая подборка должна была детально раскрыть будущее содержание газеты, курс, направление новой газеты, а читатель в то же время мог сравнить программы обеих газет. Считаем, что именно три программы отражают видение редактора на цели и задачи издания газеты.

Представляется, такой редакторский приём должен был увеличить в глазах читателей информационные возможности первого официального периодического издания Терской области, повысить значимость публикаций, привлечь внимание подписчиков на вопросы перехода от «героического периода истории» области к первым шагам формирования гражданского общества. Надо полагать, что эти публикации должны были сыграть позитивную роль и в росте внимания читателей к местной истории, этнографии, статистике, культуре, осуществляя, помимо информационных, ещё и просветительские функции. Значимо и то, что на протяжении 14 лет «Терские ведомости» были фактически единственным повременным изданием в области, имеющим выход на все социальные слои населения, которое, прямо или косвенно, формировало общественное мнение в области, отношение к мероприятиям Терского областного правления. Только в 1882 г. во Владикавказе стала выходить частная газета «Терек».

Программа неофициальной части начинается с честной констатации тяжелейших кровопролитных сражений военных сил России с горцами, но это «сближение»/«притирка» народов прошла, она в прошлом. «Давно ли наша Терская область, – спрашивает автор передовицы, –

в качестве одной из военно-административных частей Кавказа, служа по преимуществу театром военных действий, напрягала все усилия свои к тому, чтобы достойным образом выполнить тяжкую, вековую свою обязанность – быть оплотом Русского государства и Русской колонизации против враждебного туземного населения Восточного Кавказа, упрямо отстаивавшего, в продолжении целого столетия, земли своих предков и свои древние права, и вольности?». И отвечает: нет, «совсем недавно здесь гремели бои и проливалась кровь населения области, в состав которого входило полувоенное, полугражданское общество людей, обреченное стоять на страже, как и при первоначальном появлении на Кавказе». Но этот военный этап уступил место периоду мирного, гражданского развития. «Пора, – считает редактор, – войти в нормальные условия жизни, принятых деятельно за улучшение нравственного и материального благосостояния, наверстать упущенное время и труд, потраченные на умиротворение края». Теперь стоит серьёзная задача распространения, «путем истинно просвещенного и человеческого управления, благотворных результатов цивилизации и культуры в среде разноплеменного населения» (*Несколько слов...*, 1868: 3). Эти положения отстаивал не только редактор, но и начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов, возможно, со слов как раз редактора, который в докладе наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу о необходимости открытия в области «Ведомостей» пишет, что «населяющие Терскую область народности, как горцы, так и казаки, имеют свои ценные интересные предания, печатание которых представляет не только местный интерес, но и послужат для будущей истории Кавказа драгоценным материалом, доступным из живых еще источников». Открываемая газета должна способствовать изучению местного населения области помещением в своих столбцах статей этнографического и филологического содержания. Причём, «для изучения области в географическом и статистическом отношении, в “Терских ведомостях” могут публиковаться не только отдельные материалы, но и отдельные монографии, до более замечательных местностей области, относящихся до торговли и промышленности» (*ЦГА РСФСР-Алания. Ф. 13. Оп. 1. Д. 761. Л. 20б., 3*).

Конечно, понятия «человечное управление» и «благотворные результаты цивилизации» слишком многогранны, чтобы понимать под ними именно то, что подразумевал автор, но значима сама постановка данного вопроса – отражение иного подхода к совместной¹ жизни народов области. Возможно, именно эти строки/идеи дали основание Ф.А. Смирнову позднее написать: «И что это была за удивительная и плодотворная эпоха! Казалось, Россия и её кавказская окраина слились в одном стремлении к прогрессу. Там царь решает дело освобождения крестьян, здесь августейший брат проводит его идеи!» (*Смирнов, 1901: 47*).

Размышляя над удивительным разнообразием народов, живущих в Терской области, каждый из которых выражает особый этногенетический тип, как в отношении нравов и обычаев, общественного быта, языка и религиозных понятий, Кешев подчёркивал, что «при этом все они проникнуты энергией и свежестью неиспорченных натур, формируя почву, способную взрастить всякое семя, брошенное в нее искусной, заботливой рукой». Эти замечательные правила общежития народов и их традиционные устои надо изучить, описать, и тем самым, сохранить для будущего. В новых гражданских условиях на сцену выступили иные задачи и «вместо исключительно военно-административных мер, вызванных особенными условиями края и положением дел, появилась возможность применения здесь начал благоустроенного, гуманного управления» (*Несколько слов...*, 1868: 3).

Понимая противоречивость данного тезиса, А.-Г. Кешев обращается к читателям и ставит вопрос о том, что «может показаться странным, что мы усматриваем залог будущего материального и нравственного преуспевания Кавказа в разнообразии и полудикой энергии его населения, т. е. в таком факте, который, по-видимому, ведет скорее к противоположному результату. Действительно, кажется совершенно невероятным, чтобы это бесчисленное множество мелких народцев, живших с незапамятных времен самобытно, защищая с оружием в руках свою независимость от посягательства более сильных соседей, питавших друг к другу непримиримую вражду, и потому не желавших в самые критические эпохи тревожной своей истории, сблизиться между собой, чтобы эти вековые соперники могли когда-нибудь слиться в один цельный народ. В подкрепление подобной невозможности, можно указать на примеры многих первобытных народов, которые, не будучи в состоянии выдержать столкновения с более развитыми расами, вымирали» (*Несколько слов...*, 1868: 3).

Констатация бесконечных междоусобных столкновений, безусловно, верна, отражая «статус-кво» в регионе на протяжении многих столетий. Но означает ли это, что они будут продолжаться вечно? В поисках ответа редактор обращается к законам биологии, по которым «породы/народы совершенствуются и крепнут вследствие смешения и, наоборот, мельчают и гибнут, если предоставить их одним собственным силам. Следовательно, в настоящем случае, вопрос состоит не в том, возможно ли прогрессивное движение в населении нашего края, а в том, каким образом обставить его, чтобы не задерживать естественного его роста» (*Несколько слов...*, 1868: 3).

¹ Данный концепт введен в научное пространство кавказоведения К.Ф. Дзамиховым. См.: Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). С. 5.

Закономерный ответ просветителя, предлагающий действовать народам, правительству, а не ждать прихода «спасителя».

Эти слова косвенно подтверждают прекрасную теоретико-методологическую подготовку А.-Г. Кешева, который в 1860–1861 гг. учился на факультете восточных языков Петербургского университета, и опирающегося в этом умозаключении на работы выдающихся российских историков Т.Н. Грановского, П.Н. Кудрявцева, М.Н. Петрова, А.Ф. Шапова и др., обосновавших особый характер «взаимоотношений естествознания и истории», значительного влияния природы на формы и содержание деятельности человека (Парфенов, 2001: 54).

В новых мирных условиях совместного общежития народов, в условиях единого административно-территориального региона «ежедневно на место какого-нибудь старого, отжившего свой век здания, закладывается новое, приспособленное к современным требованиям. Куда и на что бы вы ни взглянули, всюду заметите или начатую уже коренную реформу, или подготовку к ней. И все это совершается с такой изумительной быстротой, что те, которых ближайшим образом касается ломка, оглушенные, застигнутые врасплох, не успевают отдать себе ясного отчета в происходящем вокруг их» (Несколько слов..., 1868: 3). Трудно не согласиться с автором программы. Достаточно вспомнить канву либеральных реформ 50–70-х гг. XIX в.: изменение характера социальных отношений в ходе крестьянской реформы (1866–1869 гг.), трансформация земельных отношений (1863–1869 гг.), введение новых институтов управления и суда (1858–1871 гг.), чтобы подтвердить их многогранность, настойчивость, целеустремлённость и цивилизующий характер (Кузьминов, 2008: 193). Вспомним и негативную реакцию кабардинских князей и дворян на освобождение их унаутов в январе 1867 г., едва не приведшую к военному столкновению (Кузьминов, 2022).

Мало того, «эти мероприятия в, отличие от предыдущих, совершаются не как прежде в тиши канцелярий, тщательно оберегаемые от взоров общества покровом непроницаемой тайны и обуславливаются не требованиями минуты, а всем курсом правительства и местной администрации на преобразования. Они производятся у всех на виду, задуманы в интересах будущего и обнимают собой самые существенные стороны жизни» (Несколько слов..., 1868: 3). И это не красивая фраза о качестве работы областной администрации, а констатация фактов. Об этом свидетельствуют, например, слова начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова, который жёстко заявил кабардинским владельцам зависимых крестьян, требовавших остановить процесс освобождения, что правительство России, дав свободу миллионам крестьян в империи, не может сделать для них исключения, и что, «как р. Баксан не может обратиться в своём течении назад, в те горы, откуда стремится, так и дело освобождения крестьян, направленное властным словом русского царя, не может быть остановлено» (С... Освобождение крепостных, 1867: 154).

Об этом говорит и работа Терской сословно-поземельной комиссии, которая коллективно обсуждала все вопросы при подготовке и реализации крестьянской и земельной реформ. Так, собрав сведения по обсуждаемому вопросу, председатель комиссии Д.С. Кодзоков представлял начальнику Терской области не личное, а коллективное мнение всех членов, облекая свои предложения в форму журналов. В процессе обсуждения должны были участвовать все члены, но старшие имели право голоса по всем делам, а младшие – только по тем, которые они лично изучали. Работа комиссии строилась не только на коллегиальных началах, но и на принципах гласности, открытости, поскольку в прямую обязанность комиссии входило «сделать известным в народе, через публикации, об обязанностях и целях комиссии» (Гаибов, 1905: 15). Сбор необходимых сведений комиссия вела только от поверенных или депутатов конкретного горского общества или народа, причём депутат признавался комиссией «законным» только в том случае, если при его выборах участвовали представители всех сословий. Для ускорения работы во всех округах области были созданы специальные подкомиссии, работавшие под руководством членов комиссии, в которых принимали активное участие выборные депутаты, окружные и участковые начальники (Кузьминов, 2005: 72).

Активная, энергичная деятельность администрации, с точки зрения А.-Г. Кешева, должна быть поддержана обществом, что и станет залогом успеха. Если же оно не может или не хочет публично обсуждать мероприятия властей, то, по крайней мере, оно, «для собственных выгод, должно следовать за указаниями администрации, которая является в этом случае его руководителем, т. е. вызывает и направляет его деятельность» (Несколько слов..., 1868: 3). Можно соглашаться, можно не соглашаться с этой сентенцией, но ведущая роль государства в жизни российского общества – это реальная практика строительства нашего Отечества и известное положение многих философских теорий (Изергина, Изергина, 2021: 35); в данном случае эти слова отражают глубину научных знаний автора программы (Бузарова, 2014: 24).

Что же должно разбудить общество? Что заинтересует население более активно заниматься общественными и хозяйственными делами? – задаёт риторический вопрос редактор и отвечает: «Конечно, издание в каждой губернии и области местных правительственных органов – губернских и областных ведомостей. Но эти органы по большей части не удовлетворяли высоких запросов, ... в значительной степени от безучастного отношения к ним самих лиц и мест, руководивших их изданием» (Несколько слов..., 1868: 3). Поразительна смелость человека, выпускающего первый в жизни номер официальной областной газеты, поскольку неизвестно, как воспримут эти слова в

администрации области, в соседних периодических изданиях, читатели. Ведь сначала надо показать свои способности по изданию повременного издания, а потом, если есть конкретные факты, критиковать других.

Уверенность автора, по нашему мнению, была обусловлена обилием неизученного материала, ожидавшего пытливого наблюдателя, который найдёт в области обширное поле для научных изысканий и освещения их в газете. В условиях мирного времени, когда населению предоставлена возможность показать свою самостоятельность и самодеятельность, умение жить и работать, нужен был местный орган, который, «служа для целей администрации края, в то же время занялся бы добросовестно привидением в известность как прошлого, так и настоящего положения Терской области. Но вот по воле Его императорского высочества, Главнокомандующего Кавказской армией, население этой области имеет свою собственную газету, и ему остается только поддержать дальнейшее ее развитие своим содействием» (*Несколько слов...*, 1868: 3). И действительно, годы редакторства А.-Г. Кешева исследователи отмечают как одни из самых плодотворных в истории «Терских ведомостей», когда вокруг газеты сплотилась лучшая часть горской интеллигенции (*Айларова, 2019: 47*).

Замечательны в словах редактора жизнерадостность, уверенность в недалёком будущем, которое сблизит народы региона, позволит перенять друг у друга достижения в хозяйстве и ремесле. Его особый, возможно неоправданный, оптимизм в динамику происходящих социально-правовых перемен на Кавказе, основывался на вере в большие возможности свободного человека. И в этих новых условиях, уже в 1869 г., он пишет, что «...задача администрации в отношении населения будет заключаться главным образом в предоставлении ему возможно большей свободы действий» (*Владикавказ, 1869: 8*). Созидательная мощь свободного труда и хозяйственного творчества станут, по мнению просветителя, основой развития культуры, народного образования, науки в северокавказском обществе.

Газета «Кавказ» (1846–1917 гг.) к этому времени имела солидный 22-летний стаж выхода в свет, своего читателя, свою аудиторию не только на Кавказе, но и в России. Считаем, что при подготовке неофициальной программы «Терских ведомостей» редактор, волнен-ноленс, опирался на ряд идей, озвученных в программе газеты «Кавказ», опубликованной в первом номере «Терских ведомостей». Например, «мы употребим все старание, чтобы возвысить нравственное достоинство вверенного нам издания и сделать его достойным главной цели его существования: служить интересам отечества, проводить цивилизующие начала, способствовать изучению края во всех отношениях и ознакомлению с ним России ... пользоваться правом печатного слова мы будем честно» (*Программа...*, 1868: 4), о чем мы выше уже писали.

Значимы в этом плане и слова редактора «Кавказ» Э.А. Шварца: «Губернии и уезды здешнего края приобретают с каждым днем более и более права на внимание к процессу совершающегося в них гражданского и нравственного развития, не говоря уже о том, как их пестрые этнографические черты интересны для всех мыслящих людей. Из этого истекает прямая обязанность для местной газеты давать возможно полные сведения обо всех, достойных внимания, событиях в крае, в самых отдаленных его углах» (*Программа...*, 1868: 4). На первом месте в обеих газетах служение интересам отечества, развитие культуры, образования, изучение края и знакомство с ним России.

Хотелось бы обратить внимание ещё на один тезис, отстаиваемый редакцией газеты «Кавказ» – это борьба с фальсификациями, искажениями, преувеличениями, которые допускали некоторые периодические издания в отношении реальных или выдуманных событий в крае. «Кавказ должен защищаться “Кавказом”, – пишет редактор, – от искажений различных событий, совершающихся здесь, искажений допускаемых некоторыми авторами книг и статей, появляющихся в иностранной прессе, а иногда, к сожалению, и в России, авторами, взглянувшими мельком на край и успевшими заметить в нем только дурное. Наше двадцатилетнее знакомство с Кавказом дает нам полную возможность восстанавливать истину и быть для России, посредством своей газеты, проводниками верных известий о Кавказе, и только верных!» (*Программа...*, 1868: 4). Честная позиция не только для того, но и настоящего времени.

Таким образом, заявленная программа в трёх публикациях первого номера газеты «Терских ведомостей» даёт основание считать, что редакция газеты поставила высокие цели: служить Отечеству и народам края, просвещать читателей, всемерно способствовать развитию научных и просветительских идей, работать на благо общества.

Были ли реализованы эти высокие идеи? Однозначного ответа нет. Были лучшие и худшие редакторы, которые хорошо или плохо выполняли свою работу, свой общественный долг. Были замечательные статьи, очерки о жизни и быте народов, края, были и «пустые» номера, где пытливому читателю не на чем было остановить свой взгляд.

В частности, в редакционном лиде¹ к статье Валентины Базыровой утверждается, что к первым надо отнести А.-Г. Кешева, Н. Благовещенского, а ко вторым – Е. Максимова, П. Стефановского, А.П. Самойлова, П. Головинского, Г. Вертепова, Б.Л. Ширинкина и др. (Базырова, 2023: 4). С такими выводами о качестве редакторского корпуса мы согласиться не можем.

Показательна в этом отношении программа преподавателя русского языка и словесности Тифлисской 2-ой мужской гимназии Алексея Петровича Самойлова – «Взгляд на неофициальную часть “Терских ведомостей”», «озвученную» 21 июня 1895 г. Его докладная записка – программа – помощнику Наказного Атамана Терской области С.И. Писареву была написана по случаю появления вакантной должности редактора неофициальной части «Терских ведомостей» (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 53. Д. 95. Л. 16), которую он хотел бы занять, и занял.

Размышляя над низким авторитетом провинциальной печати в России, которая почти не пользуется авторитетом, он противопоставил положение за рубежом, где «... иная ситуация, где самый мелкий орган местной прессы читается жителями его района». Естественно, рождается вопрос: в чём причина подобной разницы?

Анализируя обстоятельства невысокой роли прессы в жизни российской периферии, он выделил общие типические черты, характерные для всей страны: «... одна из главных причин этого заключается в том, что у нас местные корреспонденты стараются высылать свои статьи в столичные газеты, хотя бы их содержание имело чисто местный интерес. Для своей же газеты они пользуются таким материалом, как эпидемии, буря, наводнение, засуха проливные дожди, небесные громы, неурожай, градобитие и пр. Между тем, о разгромах земных, застое мысли, деятельности лица, сословия, общества и т.д., корреспондент красноречиво умалчивает». «Умолчание» о животрепещущих проблемах области, освещение «пустопорожних» новостей стало фактом крайне низкого звучания голоса прессы в областях и губерниях.

В то же время, по его мнению, любая губерния, область может дать крайне интересный, занимательный, оригинальный материал для того, чтобы осмыслить положение в крае, поэтому неофициальная часть губернских ведомостей «... должна изображать местный уровень развития и образования, все то, что с человеком живет, работает, проявляется, крепнет, уменьшается, благоденствует, почему он гибнет материально и нравственно, все это должно отражаться в местном органе, как в зеркале» (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 53. Д. 95. Л. 170б.).

Продолжая идеи А.-Г.К. Кешева, с огромной любовью к истории своего Отечества, своего края, народов здесь проживающих, Самойлов пишет, что в нашем громаднейшем государстве «чуть ли не каждая пядь земли имеет свои местные интересы, стремления, особенности и даже официальные рельефности (выпуклости, которые так и просятся в печать). Каждый муравейчик русской, казацкой, горской жизни представляет так много разнообразия, черт, что только стоит взять в руки палитру, кисть и краски, и преинтересная, самобытная картина готова! Самый заурядный художник, писатель из таких ярких, чудных, живых материалов может набросать более или менее интересные эпизоды, бесцветного провинциального знания бытия. Смело можно сказать, что нет в мире иной страны, кроме России, которая представляла бы такие благоприятные условия для процветания провинциальной печати» (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 53. Д. 95. Л. 18).

Но, чтобы все изменения провинциальной жизни отражались в литературе, как в зеркале, для этого, справедливо заостряет внимание автор записки, «необходимо смотреть на местный орган печати более серьезно и стараться изображать одну действительность, со всеми изгибами и недостатками: так же как в зеркале на ряду с прекрасным может отразиться прескверная работа».

При таком направлении неофициальных «Терских ведомостей» «они сделают, утверждает претендент на должность редактора, для родного края то, что не в состоянии сделать ни какие земские, областные, войсковые и официальные отчеты; все возможные статьи, сведения и пр.; в этом роде надо пополнять громадные пробелы теперь осязательные всем и каждому».

О чем же должны писать журналисты, корреспонденты, люди, любящие свой край? Конечно, о своем крае, который они хорошо знают, «... о людях, которые в нем живут, об инородцах, которых стало так много, о распространившихся здесь учениях сектантов, суевериях, предрассудках, о зарождении и постепенном развитии мысли и деятельности общества, начиная с аулов и кончая вновь образовавшимися городами, статьи с подобным содержанием легко можно подвести под рубрику исторических, а в иных случаях этнографических сведений» (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 53. Д. 95. Л. 19).

И в заключении «наивно» предполагает, что «при таком направлении “Терских ведомостей” всякое злоупотребление, эксплуатация не умудренного просвещением простого народа, кулачное право и вообще многие темные делишки могут постепенно искореняться путем печати, и чем чаще будет сообщаться о всем местной газетой, тем скорее это исчезнет, и тем более местные сведения будут иметь интерес для читателей» (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 53. Д. 95. Л. 190б.).

¹ Лид (от англ. Lead paragraph – ведущий или главный абзац), т.е. – это аннотация, «шапка» статьи, новости или пресс-релиза. Состоит из одного первого выделенного абзаца, в котором коротко формулируется проблема, раскрывается суть заголовка. Размер лида обычно не превышает 3-5 строк.

Безусловно, печатное слово во все времена было действенно: оно вдохновляло, направляло, уничтожало человека, но для реализации этой программы нужна была иная политическая система, которая бы поощряла редакции газет на борьбу с косностью и предрассудками общества. А такой возможности в условиях жёсткой цензуры не было ни в стране, ни на Кавказе, ни в Терской области.

Таким образом, не приукрашать действительность, не замалчивать явные и скрытые недостатки, а писать о них открыто, честно, – тогда печать станет инструментом преобразования общества. Замечательные слова, программа! Но могла ли это себе позволить в то время наша провинциальная печать? Конечно, нет. И цензура стояла на страже лояльности периодики власти предержащим, карая штрафами не выполняющих её предписания (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 536. Л. 1).

Идеалистичная по содержанию программа А.П. Самойлова, во многом повторяя тезисы первого редактора газеты А.-Г. Кешева, тем не менее, была принята начальником Терской области С.В. Кахановым. Об этом свидетельствует его назначение на должность редактора неофициальной части «Терских ведомостей». Этот факт противоречит сложившемуся мнению современников о начальнике области, которого за глаза называли «Яшка Любоедов», за то, что период его управления был отмечен гонениями на национальное образование и печать (Хубулова, 2011: 71).

Но есть и другие точки зрения о качестве управления областью в то время. Е.И. Кобахидзе даёт высокую оценку его деятельности именно в этих сферах. В частности, благодаря С.В. Каханову был открыт Терский областной музей во Владикавказе (Кобахидзе, 2016: 153), сохранена женская школа, принят на должность редактора А.П. Самойлов (ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 53. Д. 95. Л. 41) и др.

5. Заключение

Таким образом, анализ «фокусной точки» работы редакции в ходе подготовки и реализации программы «Терских ведомостей» показывает, что этому аспекту отводилось серьёзное место в организационной деятельности издания. Но озвученные программы и их реализация – это различные по содержанию стороны работы редакций. Были на посту редактора продолжатели дела Кешева, были же и такие, кто игнорировал запросы общества. На это обратила внимание И.В. Бузарова, которая отметила, что «после смерти А.-Г. Кешева 12 января 1872 г., многие введенные им традиции были газетой утрачены: в ней все меньше появлялось статей на горскую тематику, острополитических и остролюбодневных материалов, упразднен библиографический отдел, прекращено печатание статей с комментариями от редактора» (Бузарова, 2014: 30), хотя редакторы «Терских ведомостей» в 70-х гг., отвечавшие за неофициальную часть газеты – А.Г. Долгиев, Ор. Монфор, В.Г. Черняев, В. Неручев – были людьми образованными и инициативными (Айларова, Бузарова, 2016: 58).

Противоречивая дихотомия была обусловлена тем, что государство своими циркулярами и инструкциями акцентировало внимание редакций периодических изданий, особенно официальных, на необходимость размещения на страницах газет правовой информации, законодательных актов, экономических статей и очерков, пропагандирующих идеи модернизации среди горского населения.

Тем не менее, в соответствии с программой «Терских ведомостей», были опубликованы сотни заметок, репортажей, редакционных или корреспондентских статей о многогранной жизни народов Терской области, пропагандирующих идеи социокультурного сближения и сохранивших для потомков ценнейшие наблюдения современников, дав возможность использовать их как полноценные исторические источники.

Сплачивая, объединяя вокруг себя формирующуюся интеллигенцию Терской области, развивая общечеловеческие ценности, прогрессивные общероссийские установки, редакция, реализуя программу А.-Г. Кешева, воплощала в жизнь диалог общества и государства, тем самым «Терские ведомости», в рамках дозволенного, выступали как институт гражданского общества.

Литература

Айларова, 2019 – Айларова С.А. Периодическая печать как элемент гражданского общества в хозяйственно-экономической сфере Северного Кавказа в 60-70-е гг. XIX в. (на примере «Терских ведомостей») // *Кавказология*. 2019. №1. С. 43-66.

Айларова, Бузарова, 2016 – Айларова С.А., Бузарова И.В. Приметы модернизации: хозяйственно-экономическое развитие Северного Кавказа по материалам неофициальной части «Терских ведомостей» (60–70-е гг. XIX в.) // *Известия СОИГСИ*. 2016. 20 (59). С. 52-69.

Блохин, 2010 – Блохин В.Ф. Становление и развитие губернской периодической печати в России (вторая треть XIX – начало XX в.). СПб., 2010: Автореф. на соиск. уч. ст. д.и.н. 34 с.

Бузарова, 2014 – Бузарова И.В. Гражданско-просветительская деятельность А.-Г. Кешева // *Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых*. 2014. № 11. С. 22-33.

Базырова, 2023 – Базырова В. Что сердце вам сказать хотело... // «Северная Осетия». 2023. 4 октября.

- Века совместной..., 2017** – Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.) / К.Ф. Дзамихов, Е. Г. Муратова, Н. В. Варивода; составление, вступительная статья Дзамихов К.Ф. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 542 с.
- Владикавказ, 1869** – Владикавказ // *Терские ведомости*. Неофициальная часть. 1869. С. 1-9.
- Гаибов, 1905** – Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племен Терской области: исторический очерк: (составлен на основании официальных документов). Тифлис: Типография Окружного Штаба Кавказского военного округа, 1905. 342 с.
- Дергачева, 2001** – Дергачева Л.Д. К вопросу об источниковедческом изучении дореволюционной журналистики России // *Государство и общество. История, экономика, политика, право. Российский научный междисциплинарный журнал*. 2001. Т. 1. С. 87–98.
- Изергина, Изергина, 2021** – Изергина Н.И., Изергина В.П. Н.Н. Алексеев о государственном строе России // *Контентус*. 2021. № 10. С. 34 – 42.
- Киреев, 2013** – Киреев Ф. Из истории «Терских ведомостей» // *Терские ведомости*. Владикавказ. 21 марта 2013.
- Клец, 2009** – Клец Ю.А. «Ставропольские губернские ведомости» (1850–1917 гг.): история издания и трансформация типологических признаков: дис. кандидат. филологических наук: 10.01.10 – Журналистика. Ставрополь, 2009. 189 с.
- Клец, Лепилкина, 2008** – Клец Ю.А., Лепилкина О.И. «Ставропольские губернские ведомости» (1850–1917 гг.) в разные периоды развития: изменения типологических характеристик // *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2008. Вып. 58(5). С. 53–60.
- Кобахидзе, 2016** – Кобахидзе Е.И. Из истории создания Терского областного музея // *Известия СОИГСИ*. 2016. Вып. 22(61). С. 149–171.
- Кузьминов, 2005** – Кузьминов П.А. Работа сословно-поземельных комиссий и комитетов в 40-х – 70-х гг. XIX века в Центральном Предкавказье // *Вестник Дагестанского научного центра*. Махачкала, 2005. № 22. С. 69–76.
- Кузьминов, 2008** – Кузьминов П.А. Дореволюционная историография крестьянской реформы на Северном Кавказе // *Кавказский сборник*. Под ред. В.В. Дегоева. М., 2008. Т. 5. С. 166–200.
- Кузьминов, 2016** – Кузьминов П.А., Тахушева И.С. Кавказ в редакционной политике журнала «Отечественные записки» (1818–1867 гг.) // *Научная мысль Кавказа*. 2016. № 4. С. 81–87. DOI: 10.18522/2072-0181-2016-88-4-81-87
- Кузьминов, 2020** – Кузьминов П.А., Тахушева И.С. Подходы к изучению материалов о Северном Кавказе в журнале «Отечественные записки»: метод Жака Кайзера // *Электронный журнал «Кавказология»*. 2020. № 1. С. 12–41.
- Кузьминов, 2020** – Кузьминов П.А. Авторизация статьи А.-Г. Кешева // *Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания advanced science: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием*. 5 ноября 2020 г. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2020. С. 39–42.
- Кузьминов, 2022** – Кузьминов П.А. М.Т. Лорис-Меликов и события на р. Шалушка в 1867 году / «А.А. Кадыров – выдающийся богослов, политик и государственный деятель». Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посвященная 71-летию со дня рождения Первого Президента Чеченской Республики, Героя России Ахмат-Хаджи Абдулхамидовича Кадырова, 22 августа 2022 г., г. Грозный: Материалы: издательство ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», 2022. DOI: 10.36684/80-1-2022-146-153. С. 146–153.
- Кузьминов, Журтова, 2024** – Кузьминов П.А., Журтова А.А. Исторические и историографические источники периодической печати изучения реформ 50–70-х гг. XIX в. у горских народов Северного Кавказа / *Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Национально-государственные образования в России: история и современность», посвященной 100-летию образования Республики Ингушетия, состоявшейся 11-13 ноября 2024 г. в г. Магасе Республики Ингушетия*. Сб. ст. в 2-х т. Ростов н/Д, 2024. Т. 1. С. 116–123.
- Кузьминов, 2024** – Кузьминов П.А. Становление культурно-просветительских организаций в Кабарде в конце XIX – начале XX вв. на страницах периодической печати Терской области / *Роль империй нового времени в истории и судьбах народов Кавказа (к 250-летию Кючук-Кайнарджийского мирного договора): материалы международной научно-практической конференции (Ставрополь, 26-27 сентября 2024 г.)*. Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф», 2024. С. 100–109.
- Лепилкина, 2005** – Лепилкина О.И. История Ставропольской журналистики: учеб. пособие и хрестоматия. Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. аграр. ун-та АГРУС, 2005. 167 с.
- Малявина, 2008** – Малявина Г.И. Становление и развитие периодической печати в Ставропольской губернии: XIX – начало XX вв.: Автореф. на соиск. уч. ст. к.и.н. Ставрополь, 2008. 26 с.
- Несколько слов..., 1868** – Несколько слов о значении издания Терских ведомостей // *Терские ведомости*. 1868. № 1. 1 января.

Никонова, Даниелян, 2023 – Никонова Н.Е., Даниелян Т.Р. Переводная художественная литература в газете «Кавказ» (1885–1918 гг.) // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2023. № 84. С. 234–249.

Освобождение крестьян..., 1868, 1869 – Освобождение крестьян в туземном населении Терской области // *Терские ведомости*. Владикавказ, 1868. 11, 25 ноября, 2, 16, 23 декабря; 1869, 8 янв., 26 февр.; Владикавказ, 1869 и др.

Парфенов, 2001 – Парфенов И.Д. Методология исторической науки: Курс лекций. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2001. 172 с.

Программа..., 1868 – Программа издания газеты «Кавказ» и казенных к ней прибавлений в 1868 г. // *Терские ведомости*. 1868. № 1. 1 января.

С... Освобождение, 1867 – С... Освобождение крепостных // *Кавказ*. №27. 2 апреля 1867 г. С. 153–154.

Смирнов, 1901 – Смирнов Ф.А. Краткая история Кавказа. СПб., 1901. 64 с.

Таказов, 2023 – Таказов В.Д. Журналистика и литературный процесс в Осетии (2-я половина XIX – начало XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов (РУДН), 2023. 315 с.

Таутиев, Киреев, 2015 – Таутиев К.У., Киреев Ф.С. «Терские ведомости»: из XIX в XXI век // *Журналистика XXI века: исторический опыт и современное развитие. Межвузовский сборник научных трудов* / Под ред. А.А. Магомедова. Владикавказ, 2015. Вып. XIII–XV. С. 259–267.

Тахушева, 2024 – Тахушева И.С. Репрезентация проблем исторического и этнокультурного развития народов Северного Кавказа в журнальной периодике России XIX в.: на примере столичных изданий «Современник» и «Отечественные записки»: Дисс. на соиск. уч. ст. кин. Майкоп, 2024. 311 с.

Тахушева, 2020 – Тахушева И.С. Российские периодические издания XIX в. в историографическом пространстве Северного Кавказа (по материалам журнала «Современника») // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 2. С. 99–106.

Хоруев, 2013 – Хоруев Ю.В. Русская и национальная печать Северного Кавказа. Владикавказ: Литера, 2013. 327 с.

Хубулова, 2011 – Хубулова С.А. Коллективный портрет начальника Терской области. Система органов управления // *Вопросы казачьей истории и культуры*. Вып. № 6. Майкоп: Изд-во АГУ, 2011. С. 67–74.

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания.

Gaunova et al., 2024 – Gaunova L.R., Azikova Yu.M., Kuzminov P.A., Soblirova Z.Kh. Reflection of the Topic of Public Education on the Pages of the Newspaper “Terskiye Vedomosti” in 1907–1912 // *Bylye Gody*. 2024. 19(4): 1910–1919.

References

Ailarova, 2019 – Ailarova, S.A. (2019). Periodicheskaya pechat' kak element grazhdanskogo obshchestva v khozyaistvenno-ekonomicheskoi sfere Severnogo Kavkaza v 60–70-e gg. XIX v. (na primere «Terskikh vedomostei») [Periodic press as an element of civil society in the economic sphere of the North Caucasus in the 1860s–1870s (based on the example of “Terskie Vedomosti”)]. *Kavkazologiya*. 1: 43–66. [in Russian]

Ailarova, Buzarova, 2016 – Ailarova, S.A., Buzarova, I.V. (2016). Primety modernizatsii: khozyaistvenno-ekonomicheskoe razvitie Severnogo Kavkaza po materialam neofitsial'noi chasti «Terskikh vedomostei» (60–70-e gg. XIX v.) [Signs of Modernization: The Economic Development of the North Caucasus According to Materials from the Non-Official Section of Terskie Vedomosti (1860s–1870s)]. *Izvestiya SOIGSI*. 20(59): 52–69. [in Russian]

Blokhin, 2010 – Blokhin, V.F. (2010). Stanovlenie i razvitie gubernskoi periodicheskoi pechati v Rossii (vtoraya tret' XIX - nachalo XX v.) [The Formation and development of provincial periodical press in Russia (second third of the 19th – early 20th centuries)]. SPb. Avtoref. na soisk. uch. st. d.i.n. 34 p. [in Russian]

Buzarova, 2014 – Buzarova, I.V. (2014). Grazhdansko-prosvetitel'skaya deyatel'nost' A.-G. Kesheva [Civil and Educational Activities of A.-G. Keshev]. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodykh uchenykh*. 11: 22–33. [in Russian]

Byazirova, 2023 – Byazirova, V. (2023). Chto serdtse vam skazat' khotelo... [What the Heart Wanted to Tell You...]. *Severnaya Osetiya*, October 4. [in Russian]

Dergacheva, 2001 – Dergacheva, L.D. (2001). K voprosu ob istochnikovedcheskom izuchenii dorevolutsionnoi zhurnalistiki Rossii [On the Source Study of Pre-Revolutionary Russian Journalism]. *Gosudarstvo i obshchestvo. Istoriya, ekonomika, politika, pravo. Rossiiskii nauchnyi mezhdistsiplinarnyi*. 1: 87–98. [in Russian]

Gaibov, 1905 – Gaibov, N.D. (1905). O pozemelnom ustroistve gorskikh plemen Terskoi oblasti: istoricheskii ocherk: (sostavlenn na osnovanii ofitsialnykh dokumentov) [On the Land System of the Mountain Tribes of the Terek Region: A Historical Sketch (Based on Official Documents)]. Tiflis: Tipografiya Okruzhnogo Shtaba Kavkazskogo voennogo okruga, 342 p. [in Russian]

- Gaunova et al., 2024 – Gaunova, L.R., Azikova, Yu.M., Kuzminov, P.A., Soblirova, Z.Kh. Reflection of the Topic of Public Education on the Pages of the Newspaper “Terskiye Vedomosti” in 1907–1912. *Bylye Gody*. 19(4): 1910-1919. [in Russian]
- Izergina, Izergina, 2021 – Izergina, N.I., Izergina, V.P. (2021). N.N. Alekseev o gosudarstvennom stroe Rossii [N.N. Alekseev on the State Structure of Russia]. *Kontentus*. 10: 34-42. [in Russian]
- Khoruev, 2013 – Khoruev, Yu.V. (2013). *Russkaya i natsionalnaya pechat Severnogo Kavkaza* [Russian and National Press of the North Caucasus]. Vladikavkaz: Literatura, 327 p. [in Russian]
- Khubulova, 2011 – Khubulova, S.A. (2011). Kollektivnyi portret nachal'nika Terskoi oblasti. Sistema organov upravleniya [A collective portrait of the head of the Terek Region. The system of governing bodies]. *Voprosy kazachei istorii i kultury*. 6: 67-74. [in Russian]
- Kireev, 2013 – Kireev, F. (2013). Iz istorii «Terskikh vedomostei» [From the History of *Terskie vedomosti*]. *Terskie vedomosti*. Vladikavkaz, March 21. [in Russian]
- Klets, 2009 – Klets, Yu.A. (2009). «Stavropolskie gubernskie vedomosti» (1850–1917 gg.): istoriya izdaniya i transformatsiya tipologicheskikh priznakov [“Stavropol Provincial Gazette” (1850–1917): publication history and typological transformation]. Dis. kandidat. filologicheskikh nauk: 10.01.10 – Zhurnalistika. Stavropol', 189 p. [in Russian]
- Klets, Lepilkina, 2008 – Klets, Yu.A., Lepilkina, O.I. (2008). «Stavropolskie gubernskie vedomosti» (1850–1917 gg.) v raznye periody razvitiya: izmeneniya tipologicheskikh kharakteristik [“Stavropol Provincial Gazette” (1850–1917) in Different Periods of Development: Changes in Typological Characteristics]. *Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta*. 58(5): 53-60. [in Russian]
- Kobakhidze, 2016 – Kobakhidze, E.I. (2016). Iz istorii sozdaniya Terskogo oblastnogo muzeya [From the History of the Terek Regional Museum]. *Izvestiya SOIGSI*. 22(61): 149-171. [in Russian]
- Kuzminov, 2005 – Kuzminov, P.A. (2005). Rabota soslovno-pozemel'nykh komissii i komitetov v 40-kh – 70-kh gg. XIX veka v Tsentral'nom Predkavkaz'e [The work of class-land commissions and Committees in the 1840s–1870s in the Central Ciscaucasia]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra*. 22: 69-76. [in Russian]
- Kuzminov, 2008 – Kuzminov, P.A. (2008). Dorevolutsionnaya istoriografiya krest'yanskoi reformy na Severnom Kavkaze [Pre-Revolutionary Historiography of the Peasant Reform in the North Caucasus]. *Kavkazskii sbornik*. Pod red. V.V. Degoeva. M. T. 5. Pp. 166-200. [in Russian]
- Kuzminov, Takhusheva, 2016 – Kuzminov, P.A., Takhusheva, I.S. Kavkaz v redaktsionnoi politike zhurnala «Otechestvennye zapiski» (1818–1867 gg.) [The Caucasus in the Editorial Policy of the Journal *Otechestvennye zapiski* (1818–1867)]. *Nauchnaya mysl Kavkaza*. 4: 81-87. DOI: 10.18522/2072-0181-2016-88-4-81-87 [in Russian]
- Kuzminov, Takhusheva, 2020 – Kuzminov, P.A., Takhusheva, I.S. Podkhody k izucheniyu materialov o Severnom Kavkaze v zhurnale «Otechestvennye zapiski»: metod Zhaka Kaizera [Approaches to the study of materials on the North Caucasus in the journal “*Otechestvennye zapiski*”: Jacques Kaiser's Method]. *Kavkazologiy*. 1: 12-41. [in Russian]
- Kuzminov, 2020 – Kuzminov, P.A. (2020). Avtorizatsiya stat'i A.-G. Kesheva [Authorship Attribution of A.-G. Keshev's Article]. *Aktualnye problemy sovremennogo sotsialno-gumanitarnogo znaniya advanced science: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Nalchik: Kab.-Balk. un-t, pp. 39-42. [in Russian]
- Kuzminov, 2022 – Kuzminov, P.A. (2022). M.T. Loris-Melikov i sobytiya na r. Shalushka v 1867 godu [M.T. Loris-Melikov and the Events at the Shalushka River in 1867]. «A.A. Kadyrov – vydayushchiysya bogoslov, politik i gosudarstvennyi deyatel'». *Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennaya 71-letiyu so dnya rozhdeniya Pervogo Prezidenta Chetchenskoi Respubliki, Geroya Rossii Akhmat-Khadzhi Abdulkhamidovicha Kadyrova, 22 avgusta 2022 g., g. Grozny: Materialy: izdatel'stvo FGBOU VO «Chechenskii gosudarstvennyi universitet im. A.A. Kadyrova»*. DOI: 10.36684/80-1-2022-146-153. Pp. 146-153. [in Russian]
- Kuzminov, Zhurtova, 2024a – Kuzminov, P.A., Zhurtova, A.A. (2024). Istoricheskie i istoriograficheskie istochniki periodicheskoi pechati izucheniya reform 50–70-kh gg. XIX v. u gorskikh narodov Severnogo Kavkaza [Historical and Historiographical Sources of Periodicals for Studying the Reforms of the 1850s–1870s Among the Mountain Peoples of the North Caucasus]. *Materialy Mezhhregionalnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Natsionalno-gosudarstvennye obrazovaniya v Rossii: istoriya i sovremennost»*. Rostov-on-Don. 1: 116-123. [in Russian]
- Kuzminov, 2024 – Kuzminov, P.A. (2024). Stanovlenie kul'turno-prosvetitel'skikh organizatsii v Kabarde v kontse XIX – nachale XX vv. na stranitsakh periodicheskoi pechati Terskoi oblasti [The formation of cultural and educational organizations in Kabarda in the late 19th – early 20th centuries in the Periodical press of the Terek Region]. *Rol imperii novogo vremeni v istorii i sudbakh narodov Kavkaza*. Stavropol: “Paragraph”, pp. 100-109. [in Russian]
- Lepilkina, 2005 – Lepilkina, O.I. (2005). *Istoriya Stavropolskoi zhurnalistiki: ucheb. posobie i khrestomatiya* [History of Stavropol journalism: textbook and reader]. Stavropol': Izd-vo Stavrop. gos. agrar. un-ta AGRUS, 167 p. [in Russian]

Malyavina, 2008 – Malyavina, G.I. (2008). *Stanovlenie i razvitie periodicheskoi pechati v Stavropolskoi gubernii: XIX – nachalo XX vv.* [The formation and development of periodical press in the Stavropol province: 19th – early 20th centuries]. Avtoref. na soisk. uch. st. k.i.n. Stavropol', 26 p. [in Russian]

Neskol'ko slov..., 1868 – Neskolko slov o znachenii izdaniya *Terskikh vedomostei* [A Few Words on the Significance of the Publication of *Terskie vedomosti*]. *Terskie vedomosti*. 1, January 1, 1868, p. 3. [in Russian]

Nikonova, Danielyan, 2023 – Nikonova, N.E., Danielyan, T.R. (2023). *Perevodnaya khudozhestvennaya literatura v gazete «Kavkaz» (1885–1918 gg.)* [Translated Fiction in the Newspaper *Kavkaz* (1885–1918)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 84: 234–249. [in Russian]

Osvobozhdenie krestyan..., 1868, 1869 – Osvobozhdenie krestyan v tuzemnom naselenii Terskoi oblasti [The Liberation of Peasants in the Indigenous Population of the Terek Region]. *Terskie vedomosti*. Vladikavkaz, 1868: November 11, 25; December 2, 16, 23; 1869: January 8, February 26. [in Russian]

Parfenov, 2001 – Parfenov, I.D. (2001). *Metodologiya istoricheskoi nauki: Kurs lektsii* [Methodology of Historical Science: A Course of Lectures]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 172 p. [in Russian]

Programma izdaniya..., 1868 – Programma izdaniya gazety *Kavkaz* i kazennykh k nei pribavlenii v 1868 g. [Publication Program of the Newspaper *Kavkaz* and Its Official Supplements in 1868]. *Terskie vedomosti*. 1, January 1, 1868, p. 4. [in Russian]

S... Osvobozhdenie, 1867 – S... Osvobozhdenie krepostnykh [The Liberation of Serfs]. *Kavkaz*. 27, April 2, 1867, pp. 153–154. [in Russian]

Smirnov, 1901 – Smirnov, F.A. (1901). *Kratkaya istoriya Kavkaza* [A Brief History of the Caucasus]. Saint Petersburg, 64 p. [in Russian]

Takazov, 2023 – Takazov, V.D. (2023). *Zhurnalistika i literaturnyi protsess v Osetii (2-ya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Journalism and the Literary Process in Ossetia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow: RUDN University, 315 p. [in Russian]

Takhusheva, 2020 – Takhusheva, I.S. (2020). *Rossiiskie periodicheskie izdaniya XIX v. v istoriograficheskom prostranstve Severnogo Kavkaza (po materialam zhurnala «Sovremennika»)* [Russian Periodicals of the 19th century in the Historiographical Space of the North Caucasus (Based on the Journal *Sovremennik*)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2: 99–106. [in Russian]

Takhusheva, 2024 – Takhusheva, I.S. (2024). *Reprezentatsiya problem istoricheskogo i etnokulturnogo razvitiya narodov Severnogo Kavkaza v zhurnalnoi periodike Rossii XIX v.: na primere stolichnykh izdaniy «Sovremennik» i «Otechestvennye zapiski»* [Representation of the Problems of Historical and Ethnocultural Development of the Peoples of the North Caucasus in Russian Journal Periodicals of the 19th century: Based on the Capital Editions «*Sovremennik*» and «*Otechestvennye zapiski*»]. PhD thesis in History. Maikop, 311 p. [in Russian]

Tautiev, Kireev, 2015 – Tautiev, K.U., Kireev, F.S. «*Terskie vedomosti*»: iz XIX v XXI vek [“Terek Gazette”: from the 19th to the 21st century]. *Zhurnalistika XXI veka: istoricheskii opyt i sovremennoe razvitie*. Vladikavkaz, pp. 259–267. [in Russian]

TsGA RSO-Alaniya – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania].

Veka sovместnoi..., 2017 – Veka sovместnoi istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossiiskom tsivilizatsionnom protsesse (1557–1917 gg.) [Centuries of Shared History: The Peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian Civilizational Process (1557–1917)]. Ed. by K.F. Dзамikhov, E.G. Muratova, N.V. Varivoda; comp., intro. Dзамikhov K.F. Nalchik: IGI KBNTs RAN, 2017. 542 p. [in Russian]

Vladikavkaz, 1869 – Vladikavkaz. *Terskie vedomosti. Neofitsialnaya chast* [Terek Gazette. Unofficial Part], 1869, pp. 1–9. [in Russian]

Социокультурные аспекты программы газеты «Терские ведомости»

Петр Абрамович Кузьминов ^{a, b, *}, Анжела Ариковна Журтова ^{a, b}, Фатима Борисовна Шахалиева ^a, Лина Ризуановна Гаунова ^a

^a Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Российская Федерация

^b Кабардино-Балкарский научный центр РАН, Нальчик, Российская Федерация

Аннотация. В начале января 1868 г. в г. Владикавказе, областном центре Терской области, вышел первый номер официальной газеты «Терские ведомости» (1868–1917 гг.). На должность редактора неофициальной части «Терских ведомостей» в августе 1867 г. был приглашён абазинец

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: petrakis_hist@bk.ru (П.А. Кузьминов)

А.-Г. Кешев, который предложил читателям не один, как это принято в периодических изданиях, а три варианта программы, которые, по нашему мнению, дополняя друг друга, сформировали проблемное поле работы газеты, фокусирующее внимание на социокультурных аспектах её деятельности. Первая версия – это несколько строк о структуре номера в редакторской колонке, состоящей из трёх частей, где в первой сообщается, что в официальной части будут публиковаться «общие правительственные распоряжения, приказы и распоряжения высшего и местного начальства». Во второй, неофициальной – «телеграммы политические и административные, получаемые непосредственно от русского телеграфного агентства согласно заключенным с ним редакцией условий, внутренние известия и корреспонденции из разных мест области». В третьей – «частные объявления». Обращаем внимание на последнюю строчку второй части программы: газета будет публиковать «статьи по географии, истории, этнографии, статистике, будет истолкователем прошлого и настоящего положения края, его нужд и потребностей». Акцентуация внимания читателей на местных исторических и современных проблемах значима. Редактор берет на себя ответственность информировать население области о всех событиях прошлого и настоящего, концентрировать внимание общества и власти на злободневных проблемах края.

Помимо озвученной обязательной программы, типичной для всех «губернских ведомостей» страны, в первом номере есть ещё две публикации, на которые исследователи пока не обратили должного внимания. Это – «Несколько слов о значении издания “Терских ведомостей”» и «Программа издания газеты “Кавказ” и казенных к ней прибавлений в 1868 г.». Считаем, что именно совокупность этих трёх вариантов отражает её программу, курс, цели и задачи, которые впоследствии дополнялись. В качестве сравнения мы рассматриваем программу А.П. Самойлова, принятую руководством Терской области в 1895 г.

Ключевые слова: газета, «Терские ведомости», редактор, А.-Г. Кешев, программа, публикация, программа А.П. Самойлова, Владикавказ.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 880-892
DOI: 10.13187/bg.2025.2.880

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“The Ili Problem” in the Context of the Turkestan Governorate-General's Policy

Sofya I. Gabrielyan ^{a,*}, Dilshodbek J. Urakov ^a, Bakhromjon B. Khaynazarov ^a, Gulzhan K. Otarbaeva ^b

^a NUUZ – National university of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan

^b SRU – South Kazakhstan University, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article is devoted to the military campaigns of the Turkestan Governorate-General in the Ili region in the early 70-80s of the 19th century, its inclusion in the governorate, as well as the clash of interests of the Russian Empire and China in this territory. Based on primary sources, the authors concluded that as a result of the arbitrary decisions of the Governor-General, the territory that previously belonged to China was temporarily included in the Russian Empire. As a result of the intensifying struggle of the Muslim population of the region against the Manchus, the situation in Ili became extremely tense. In addition, the unrest that arose in the border regions with the Russian Empire greatly worried the Turkestan authorities, and the capture of Ili became a priority task. Despite the fact that high-ranking officials demanded a cautious policy in the border zone, Governor-General K.P. von Kaufman managed to seize the region. In 1871, a new administrative region was formed within the governorate – “Gulja”, which remained part of the Russian Empire for 10 years. However, soon after, China's attempts to regain the lost lands led to serious contradictions between the two states. After the Qing Empire strengthened its position in East Turkestan, China presented Russia with an ultimatum to return the Ili region. Due to external and internal circumstances, the Russian Emperor gave permission to begin negotiations with the Chinese side. Following two years of disagreements and disputes, the Livadia Treaty was signed, according to which a small part of the Ili region was left as part of Russia, and the remaining territory was returned to China. The authors emphasize that the Turkestan Governor-General's going beyond his powers and his desire to seize new lands led to an aggravation of the geopolitical situation in the region. It is also important that the interests and wishes of local peoples were not considered in the current situation.

Keywords: Turkestan, Central Asia, Turkestan Governor-General, Russian Empire, Governor-General, Western China, “Ili problem”, von Kaufman, Semirechensk region, Kashgar.

1. Введение

Российская империя на протяжении более чем десяти лет оспаривала вопрос территориальных границ с Китаем в Центральной Азии в контексте так называемой «Илийской проблемы».

К 1870 году обострилась ситуация на границах Семиреченской области, входившей в состав Туркестанского генерал-губернаторства. На самом деле на приграничных территориях, формально принадлежавших Китайской империи, утвердилась власть уйгуров в лице так называемого султаната Таранчи, не подчинявшегося Пекину. В результате этого жители города Гульджа постоянно совершали набеги на территорию Семиречья. И данная ситуация вызывала обеспокоенность не только у администрации Туркестанского генерал-губернаторства, но и в высших кругах российской имперской власти. С другой стороны, в Кашгаре укреплялась политическая позиция Якуб-бека,

* Corresponding author

E-mail addresses: sofagabrielyan4@gmail.com (S.I. Gabrielyan),
urakov.d.nuuz@gmail.com (D.J. Urakov), beshkurgan@gmail.com (B.B. Khaynazarov),
gulzhan.otarbayeva@gmail.com (G.K. Otarbaeva)

и население Гульджи было настроено на процесс объединения с ним, что ещё больше обострило геополитическую обстановку в регионе.

Разумеется, в подобных условиях попытки администрации Туркестанского генерал-губернаторства склонить ситуацию в свою пользу в течение последующего десятилетия способствовали охлаждению отношений между двумя великими державами. Объективный анализ последствий данных событий остаётся актуальной задачей для современной историографии.

2. Материалы и методы

Основу источниковой базы данного исследования, прежде всего, составляют архивные документы, которые в настоящее время хранятся в фондах Национального архива Узбекистана (НАУз) (Ташкент, Республика Узбекистан). В частности, в фонде И-715 (материалы по истории завоевания Туркестанского региона, собранные полковником Серебренниковым в различных архивах) содержится множество сведений по данной проблеме. Среди них можно отметить рапорты и доклады военного губернатора Семиреченской области, которые дают возможность получить полное представление о событиях, происходивших на границе и в Илийском крае.

Кроме того, в фонде И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства) хранятся документы, отражающие переписку генерал-губернатора Туркестана с Центром, а также поручения от министерств, отражающие суть данных документов. Большинство этих источников до настоящего времени не было введено в научный оборот.

В освещении темы важное значение имеют и дневниковые записи военного министра Российской империи Д.А. Милютин (Милютин, 1950). Также в официальном сборнике документов, изданном в Москве, представлены материалы, касающиеся пограничных вопросов (Русско-китайские отношения, 1958).

Методологическую основу настоящей статьи составляет цивилизационный подход. При анализе поставленной проблемы использовались методы исторической науки, такие как:

Идеографический (нарративный) подход. В статье проанализирована роль генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана и военного губернатора Г.А. Колпаковского в политических процессах.

Историко-сравнительный метод. События в Илийском крае были изучены в сопоставлении и сравнении с соседними регионами. Их последствия приобретают важное значение в контексте современных политических процессов.

Метод актуализации. С помощью данного метода выявлены последствия политики губернаторства в регионе и раскрыт исторический опыт управления. Авторами также применялся ретроспективный метод. На его основе были проанализированы данные из воспоминаний и дневников участников исторических событий.

3. Обсуждение

Следует отметить, что в рамках исследования в ряде научных трудов были освещены определённые аспекты данной темы. В частности, в ряде статей Г.Л. Дмитриевым (Дмитриев, 1972) были проанализированы материалы, касающиеся переписки генерал-губернатора Туркестана К.П. фон Кауфмана с военным министром Д.А. Милутиным по вопросам сложной ситуации на границах с Илийским краем. К ним относились постоянные набеги и грабежи, убийства или похищения киргизов, принявших российское подданство, нападения на торговые суда, проходившие вдоль реки Или. В исследованиях Б.П. Гуревича (Гуревич, 1982, 1983) посредством анализа китайских источников была предпринята попытка объективной оценки по Илийскому вопросу и рассмотрено значение Илийского края в системе международных отношений в контексте российско-китайских связей.

Кроме этого, выделяется труд Д.А. Исиева (Исиев, 1981), посвящённый исследованию национально-освободительной борьбы уйгурского народа в 1864–1878 годах. На основе первоисточников рассматриваются социально-экономическое и политическое положение Восточного Туркестана накануне восстаний 1864 года, причины их возникновения, ход вооружённых выступлений, формирование независимых ханств (Куча, Хотан, Урумчи и др.) и создание на их основе государства Еттишар. Проанализированы его внутренняя и внешняя политика, а также причины его краха. В статье А.Д. Воскресенского (Воскресенский, 1995) показано значение Илийского края в системе дипломатических отношений в рамках Санкт-Петербургского договора, подписанного между Россией и Китаем в 1881 году.

Книга В.А. Моисеева (Моисеев, 2003) посвящена политике России и Китая в Центральной Азии во второй половине XIX века до 1917 года. На основе широкого спектра архивных материалов и опубликованных документов изучены основные вопросы российско-китайских отношений в центральноазиатском регионе. В частности, рассмотрены причины и начало вспыхнувших восстаний мусульман в Восточном Туркестане 1864–1871 годах и политика России в отношении этих событий; конфликты между правительством и приграничной администрацией Туркестана по вопросу присоединения города Гульджа в конце 1860-х – начале 1880-х годов; захват Илийского края российскими войсками и решение проблемы города Гульджа в российско-китайских отношениях в первой половине 1870-х годов. Торговые отношения между Россией и Китаем были освещены в работе

С.Б. Кожирова (Кожирова, 2000). На страницах его монографии всесторонне проанализированы история развития и структура торговых связей двух государств в Центральной Азии.

Кроме того, необходимо отметить ряд научных исследований, вышедших в начале XX века. Например, коллективная статья Г.О. Чаргиновой и др. (Charginova et al., 2020), опубликованная в журнале «Былые годы» за 2020 год, раскрывает влияние государства Еттишар в 1860–1870-х годах на казахов и киргизов, находившихся в российском подданстве. Большое внимание уделяется переговорам между генерал-губернатором Туркестана, представлявшим интересы Российской империи, и правителем государства Еттишар по вопросам Илийского края. В другой статье, авторы которой историки - Л.А. Бобров и А.М. Пастухов (Bobrov et al., 2021), на основе китайского источника цинского периода «Циньдин хуаньюй Сиюй тучжи» анализируется подготовка, состав и отдельные особенности экспедиции по изучению Джунгарии, а также рассматриваются аспекты, связанные с оккупацией Илийского края. Например, в статье Р.Ю. Почекаева (Почекаев, 2018), на основе различных источников и исследований, рассмотрено правовое положение Илийского края в 1750–1760-х годах. Основные проблемы, раскрываемые в статье, касаются вопросов формирования системы административного управления и местного самоуправления, правового статуса различных групп населения и иностранных граждан, регулирования торговой деятельности, а также налоговой системы. В коллективном исследовании Д.Ж. Уракова, С.И. Габриэльян и Б.Б. Хайназарова (Urakov et al., 2024) делается упор на глубокий анализ и внимательное изучение отношений администрации Туркестанского генерал-губернаторства с Восточным Туркестаном и влияние событий в Илийском крае на миграцию уйгуров в Среднюю Азию.

Особо следует отметить труды Д.Ж. Уракова (Urakov, 2020), в которых раскрываются аспекты противостояния интересов крупных империй в Центральной Азии, а также роль Илийского края в отношениях между Российской и Китайской империями. Однако главным является изучение позиции Туркестанского генерал-губернаторства в этом вопросе.

Также заслуживает внимания исследование С.И. Габриэльян (Габриэльян, 2023), в котором опосредованно рассматриваются вопросы, связанные с политикой России в Центральной Азии, Китае и на Среднем Востоке в контексте последующего англо-русского соглашения о разграничении сфер влияния в данном регионе.

Довольно интересной с точки зрения получения новых сведений является коллективная статья Ж.А. Таштанова и др. (Tashtanov et al., 2023), где проанализированы миграционные процессы, вызванные событиями в Илийском крае, повлиявшие на формирование и развитие новых городов во второй половине XIX века на территории современных Сырдарьинской и Семиреченской областей Казахстана.

Несмотря на то, что по данной теме рассмотрены определённые темы как в российской, так и в зарубежной историографии, в современных исследованиях представляется целесообразным всесторонне изучить этот вопрос.

4. Результаты

В начале 1870-х годов ситуация в Восточном Туркестане резко обострилась. Захват одним из чиновников Кокандского ханства Якуб-беком южной части перевала Музарт и города Турфан, а также поддержка, оказанная ему со стороны Англии и турецкого султана, создали реальную угрозу на границах Российской империи. В рапорте военного губернатора Семиреченской области, направленном К. П. фон Кауфману в сентябре 1870 года, сообщалось, что армия государства Еттишар насчитывает около 30 тысяч солдат, среди которых начали распространяться слухи о возможном начале войны против русских (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 44. Л. 4-6).

Следует подчеркнуть, что в 1865–1870 годах правящие круги Санкт-Петербурга неоднократно обращались к китайскому правительству с просьбой урегулировать ситуацию на границе. Однако ввиду внутренних восстаний и внешнего давления (со стороны Великобритании) Цинская империя оставила русские ноты без ответа. Основываясь на предоставленных ему полномочиях, генерал-губернатор фон Кауфман, даже без одобрения высшего начальства, начал действия, направленные на ликвидацию Таранчинского султаната и недопущение захвата города Гульджи Якуб-беком. По просьбе военного губернатора Семиречья Г.А. Колпаковского в августе 1870 года К.П. фон Кауфман направил Тяньшаньский пограничный отряд под командованием подполковника Чайковского с целью занять перевал Музарт (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 44. Л. 6). Захват этого стратегически важного перевала нарушил связи между Кашгаром и Гульджей и фактически исключил возможность объединения всего Восточного Туркестана.

Решение К.П. фон Кауфмана оказалось неожиданным для всех. С 1867 года российские военные, детально изучив каждый участок перевала, настоятельно рекомендовали присоединить его. Вместе с тем было ясно, что захват Музартского перевала мог спровоцировать геополитический кризис и привести к столкновениям с правительством Великобритании. Исходя из этой ситуации, Туркестанский генерал-губернатор, получив выгодную позицию, начал постепенно реализовывать планы по захвату Илийского края. Следует отметить, что в этом процессе Кауфмана поддерживала военная администрация Семиреченской области и соседнего генерал-губернаторства (Западная

Сибирь). Так, генерал-майор В. Полторацкий в письме, направленном в МИД России от 7 марта 1871 года, подчёркивал, что политика невмешательства, проводимая Россией в отношении Западного Китая, может привести к серьёзным ошибкам.

В этом письме он отмечал: «Во-первых, на южных границах России может возникнуть сильное мусульманское государство во главе с Якуб-беком, что может создать серьёзную угрозу. Во-вторых, это может привести к ослаблению влияния России в Азии, так как, в отличие от Европы, в Азии действует принцип силы, и политика невмешательства или уступчивости воспринимается как проявление слабости. В-третьих, это может нанести ущерб многовековой дружбе с Китаем. В этой связи Россия, если окажет военную помощь Пекинским правящим кругам, она должна продемонстрировать свою силу своевольным азиатским государствам».

Из этого можно понять, что, исходя из политических и торговых интересов России, генерал Полторацкий предлагал захватить Западный Китай. Администрация Туркестанского генерал-губернаторства, анализируя политическую ситуацию в Илийской долине, стремилась тщательно изучить местное население и его этнический состав.

Согласно данным за 1870 год, общая численность населения региона составляла более 100 тысяч человек, из которых около 66 тысяч были мусульманами (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 44. Л. 331). Российское правительство неоднократно обращалось к местным жителям, обосновывая необходимость военного вмешательства желанием якобы защитить интересы дунган от уйгуров. На самом деле численно преобладали именно уйгуры, а дунган было в семь раз меньше. Важно отметить, что между дунганами и уйгурами серьёзных противоречий не наблюдалось. Идею захвата города Гульджа под предлогом «установления мира на границе» активно поддерживали консулы России в городах Гульдже и Чугучаке – Павлинов и Вардугин. Однако одной лишь их поддержки было недостаточно. Для принятия решений и дальнейших действий требовались чёткие указания, исходящие от К.П. фон Кауфмана.

В этой сложной ситуации Кауфман проводил довольно хитрую политику. Генерал-губернатору необходимо было, с одной стороны, учитывать международную политическую обстановку и интересы правящих кругов России, а с другой – настроение подчинённых ему чиновников. Ему нужно было убедить официальные власти Санкт-Петербурга в целесообразности захвата новых территорий, одновременно строго соблюдая предписание императора о необходимости осторожной политики в отношении Центральной Азии.

Осторожность требовали и отношения с Англией, так как в этот период продолжались переговоры между двумя империями по афганскому вопросу. В этой связи фон Кауфман в письме, направленном начальнику Азиатского департамента, писал: «Естественно, с нашей стороны необходимо создать удобные коммуникации и, конечно же, собственный плацдарм в рамках интересов метрополии... Если бы мы своевременно не предупредили, англичане могли бы наладить отношения с Якуб-беком и вскоре войти в регион через Яркенд... Ключ к нашему превосходству над Англией является Кашгар, тут мы их победили без боя» (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 45. Л. 305).

Туркестанский генерал-губернатор, подчёркивая свою твёрдую позицию в отношении Кашгара, выражал приверженность активным действиям по Илийскому вопросу. В контексте этой проблемы фон Кауфман отмечал, что Илийский район должен принадлежать либо Кашгару, либо Китаю, либо России.

Султан Абил-оглы, провозгласивший себя султаном Гульджи и стремясь наладить хорошие отношения с губернаторством, несколько раз направлял туда своих послов. Однако администрация генерал-губернатора оставила их без ответа, поскольку фон Кауфман с самого начала рассматривал таранчей как опасных соседей. В то же время, по поручению фон Кауфмана, Колпаковский под предлогом торговли с местным населением отправил русское торговое судно по течению реки Или к землям, принадлежавшим султану. Однако, когда судно достигло Гульджи, оно столкнулось с яростным сопротивлением со стороны султана, который не дал разрешения на осуществление торговли (Гуревич, Ким, 1983: 95).

Это, естественно, стало для Туркестанского генерал-губернатора важным аргументом в оправдании своих последующих действий. Уверенный в своей позиции, 25 сентября 1870 года он направил письмо военному министру Д.А. Милютину, в котором выражал обеспокоенность ухудшающейся обстановкой на границах: участвовавшими набегами и грабежами, убийствами и похищениями киргизов, принявших российское подданство, а также нападениями на торговые суда, передвигающиеся по реке Или (Дмитриев, 1972: 55). Тут стоит отметить, что военный министр Д.А. Милютин, являвшийся соратником и единомышленником генерал-губернатора, поддерживал действия К.П. фон Кауфмана и представлял собой влиятельную фигуру в правящих кругах империи. После захвата Гульджи он пришёл к выводу, что, даже если территория будет возвращена Китаю, из-за слабости последнего китайское правительство не сможет долго удерживать там контроль.

Несмотря на чётко разработанный план захвата Илийского края, Кауфман осознавал, что обострения отношений с Китаем допускать нельзя. Учитывая это, 1 ноября 1870 года он направил письмо Пекинскому правительству, в котором заявил, что после того, как территория Гульджи будет занята русскими войсками, она будет возвращена Китаю после прибытия туда официального представителя китайской администрации. Кауфман стремился убедить китайскую сторону в

миролюбивом и дружественном характере действий генерал-губернаторства, используя для этих целей просьбу направить китайских чиновников или военных представителей в регион. В то же время, за оказанную военную помощь и наведение порядка среди мятежного населения Западного Китая губернатор потребовал предоставить русским право свободной торговли как в Западном Китае, так и в других провинциях страны (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 44. Л. 335-336).

Подготовка к захвату Илийской долины не заняла много времени. Несмотря на то, что русские войска на границе находились в боевой готовности, начало военной операции и её затягивание объяснялись другими причинами. Государственный канцлер Российской империи А.М. Горчаков, глава Азиатского департамента П.Н. Стremoухов и даже сам император Александр II в течение некоторого времени не поддерживали в полной мере планы фон Кауфмана. В частности, А.М. Горчаков решительно отвергал идею вторжения в Илийский край. Об этом 17 ноября 1870 года сообщил в своём письме Туркестанскому генерал-губернаторству сам П.Н. Стremoухов. Также Стremoухов отметил, что в ближайшее время начнёт работу специальная комиссия, которая должна будет изучить ситуацию и определить позицию России по политическим, торговым и иным вопросам в Азии - от Каспийского моря до Тихого океана, в том числе и в вопросе границ. Лишь после этого планировалось дать официальное заключение (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 44. Л. 401).

Разумеется, генерал-губернатор К.П. фон Кауфман не ожидал такого сопротивления своим планам. В ответ на письмо от 7 февраля 1871 года он написал, что взгляды МИДа не могут расходиться с его собственными, и необходимо выяснить, какие факторы подталкивают министерство к оппозиции (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 44. Л. 402). Это показывает, что, несмотря на несогласие высших чиновников в правительстве, Кауфман начал военные действия по захвату Гульджи самостоятельно, не дожидаясь их одобрения. В письме от 27 февраля 1871 года, направленном военному губернатору Семиречья, К.П. фон Кауфман рекомендовал в случае начала боевых действий со стороны таранчей не ограничиваться обороной, а переходить в наступление. Ответственность за усиление пограничных войск была возложена лично на Г.А. Колпаковского (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 44. Л. 230).

В дискуссиях правящих кругов по Илийскому вопросу активное участие принимал и российский посол в Пекине. В ходе переговоров с правительством династии Цин они, в конечном счете, согласились с тем, что русские войдут в долину Или (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 44. Л. 128). Единственным условием китайского правительства было ограничение количества вводимых войск, поскольку массовый ввод мог вызвать международный конфликт, чего китайские чиновники опасались особенно.

Постепенное изменение позиции российской элиты в Илийском вопросе ускорило реализацию плана Кауфмана по захвату Западного Туркестана. Несмотря на военное превосходство, русская армия плохо знала местные условия, поэтому операция должна была проводиться в два этапа: в 1871 году планировалось захватить Гульджу и Хобдо, а на следующий год – Улясутай и Урумчи.

К.П. фон Кауфман предоставил генералу Г.А. Колпаковскому неограниченные полномочия на время боевых действий. Не дожидаясь утверждения плана сверху, под предлогом пограничного инцидента с таранчами 6–7 мая 1871 года были начаты военные действия. Также Колпаковский, опасаясь возможной поддержки Якуб-бека таранчам, просил разрешения начать наступление раньше осени.

Наконец, 12 июня 1871 года военный отряд Семиречья под командованием Г.А. Колпаковского напал на территорию Гульджи. 22 июня 1871 года султан Гульджи вынужден был сдаться русским. За нанесённые убытки была взыскана контрибуция. Следует отметить, что фон Кауфман, даже не получив разрешения от Министерства финансов, взял кредит в размере 65 тысяч рублей и потратил его на военную операцию. Для покрытия и возмещения ущерба с каждой семьи и юрты был взят налог по 3 рубля.

Султан Абил-оглы был сослан в город Верный, где ему на некоторое время было назначено пенсионное содержание. Победа, достигнутая столь быстро, стала неожиданной даже для правящих кругов России. По этой причине генерал-губернатор подготовил подробный отчёт о походе. В нём он объяснял свои действия следующим образом: «Когда я окончательно потерял надежду на этого слабого и ограниченного правителя, я счёл необходимым действовать решительно на границе. Это мелкое мусульманское ханство, одержав победу над китайцами, совершенно перестало считаться с российским государством. Я твёрдо решил ликвидировать султанат таранчи в Гульдже и дал приказ о вводе войск под командованием генерала Колпаковского».

В то же время, опасаясь обвинений в агрессии, К.П. фон Кауфман заявил: «Я дал им понять, что захват территории не является главной целью правительства. Мы лишь устраняем временное управление и передаём власть местному населению, чтобы они были лояльны к русскому правительству и наладили с нами выгодные торговые отношения» (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 44. Л. 329).

В это время император Александр II находился в Варшаве, и новость о захвате Гульджи ему телеграфировал генерал-губернатор Западной Сибири А. Хрущёв. Хотя российский император с радостью воспринял успешное завершение операции, но он всё же указал на то, что это не должно стать поводом для дальнейшего проникновения России вглубь Азии (Моисеев, 2003: 126). Однако генерал-губернатор оценивал своё вторжение как правильно сделанный шаг. В отчёте императору он писал: «Одна решающая победа могла уничтожить целое ханство – или наоборот. Поэтому мои

верные действия привели к полному установлению мира в Гульдже. Даже Якуб-бек согласился с этим и разрешил вернуть русских торговцев, удерживаемых в Кашгаре. На вверенной мне территории царит полный порядок». Тем самым ещё раз сделал попытку оправдать свои действия. Прочитав этот отчёт, Александр II изменил своё первоначальное решение и снял все обвинения с Кауфмана.

Таким образом, в кратчайшие сроки обширная территория с населением более 100 тысяч человек была присоединена к Туркестанскому генерал-губернаторству. Наиболее важным вопросом после захвата оставался вопрос управления городом Гульджа: следует ли вернуть регион Китаю или временно ввести российскую администрацию? Этот вопрос решался не на высшем уровне, а на уровне местных чиновников. В письме к фон Кауфману Г.А. Колпаковский подчёркивал, что «провозглашение власти маньчжуров может вызвать новое восстание, а передача власти китайским мигрантам из Семиречья невозможна, поскольку они неспособны к управлению» (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 47. Л. 139).

11 июля 1871 года Колпаковский обратился к жителям Илийской долины, объявив, что в целях развития торговли будет разрешена свободная торговля без пошлин для всех прибывающих и покидающих регион купцов. Также был дан приказ о жёстком наказании за грабёж местных наивов (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 32. Д. 421. Л. 3).

В письме губернатора Семиреченской области генерал-лейтенанта Г.А. Колпаковского к Туркестанскому генерал-губернатору фон Кауфману было отмечено, что к концу июня военные действия в долине Или завершились, и теперь настало время сосредоточиться на вопросах, касающихся будущего региона. По словам военного губернатора, организация административного управления в Или основывалась на решении Туркестанского генерал-губернатора № 21 от 18 августа 1871 года. Управление в регионе должно было продолжать функционировать на основе ранее существовавшего режима. Управление и решение судебных вопросов поручалось местным племенным лидерам, которых население избирало самостоятельно. Со стороны российского правительства в Или было решено направить четырёх офицеров. Такое решение было принято из-за того, что долина, на основе этнографических и географических условий, была разделена на четыре зоны. В обязанности этих офицеров входило поддержание порядка на вверенных им участках, наблюдение за отношениями между различными племенами и родами региона, а также следить за настроением дружественных или враждебных отношений между ними (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 47. Л. 139).

Главная цель сохранения несложной системы управления заключалась в том, чтобы в случае возникновения напряжённой ситуации в отношениях между Российской империей и Китаем появилась хорошая возможность наладить необходимые связи.

Одной из причин сохранения в регионе управления местными властями являлось этническое разнообразие населения долины. В Гульдже, по подсчётам, на каждые сто тысяч человек приходилось: 38 тысяч таранчей, 22 тысячи кыргызов, около 5 тысяч дунган, от 5 до 7 тысяч китайцев, около 15 тысяч сибиряков и от 15 до 17 тысяч калмыков (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 47. Л. 140). И если обратить внимание на цифры, становится ясно, что численное соотношение между племенами было примерно равным, и передача власти какому-либо одному из них (в смысле господства над всей долиной) могла бы привести к возникновению опасного конфликта.

Ещё одной сложностью для властей была необходимость обеспечения религиозной справедливости между буддистами (сибиряки, китайцы, калмыки) и мусульманами (кыргызы, таранчи, дунгане).

Однако следует отметить, что именно таранчи были в наибольшей степени способны к управлению регионом. Об этом свидетельствует тот факт, что территория Или ранее управлялась четырёхлетним правителем из числа таранчи. Их влияние также усиливалось благодаря дружественным связям с правителем Кашгара Якуб-беком (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 47. Л. 141). Предложения военного губернатора выслушивались К.П. фон Кауфманом и после тщательного рассмотрения часто поддерживались им.

Кауфман неоднократно выступал против передачи региона китайским властям. В результате Или временно был присоединён к Туркестанскому генерал-губернаторству и передан в ведение Семиреченской области. В городе Верном была создана специальная канцелярия по делам Гульджи, сначала под руководством Н.А. Аристова, а затем – Н.Н. Пантусова. С административной точки зрения было организовано четыре участка, на которых работали русские офицеры: майор К. Балицкий, ясаул И. Герасимов, штабс-капитан Н. Шнейдер и подпоручик М. Ляшевский. В 1874 году был расформирован третий, а в 1876 году и четвёртый участок. Отменив все прежние налоги, с каждой семьи стал собираться единый налог в размере 3 рублей (Моисеев, 2003: 128). Эти поступления полностью покрывали все расходы временного управления района Гульджи.

Начиная с весны 1872 года между Россией и Китаем появляются разногласия. Империя Цин стала требовать возвращения принадлежащих ей территорий. В том же году Г.А. Колпаковский встретился с китайским представителем Жун Цзюанем в Чугучаке для обсуждения вопросов, связанных с Илийским краем. Основной причиной конфликта стало размещение русскими военного поста вблизи Чугучака. В письме к Туркестанскому генерал-губернатору фон Кауфману военный

губернатор Семиречья пояснял свои действия тем, что Жун, прибывший якобы для передачи Гульджи Китаю, фактически обосновался в Чугучаке и ведёт там враждебную России политику.

Г.А. Колпаковский указывал, что китайский представитель начал переманивать на свою сторону казахов, проживающих на российской границе, награждая их различными титулами, и, по его словам, пытался тайно создать «китайскую партию». Распространяя слухи о расширении китайской границы до Сергиополя, рассылая устрашающие письма мусульманам и приказы калмыкам, Жун вызывал панику среди населения Илийской области. Колпаковский, обеспокоенный этим, просит Жуна не создавать поводов для слухов и, в особенности, не формировать враждебное отношение к России. Однако, как он отмечал: «Представитель Китая продолжает свою деятельность и спор со мной, не обращая на мои предупреждения никакого внимания» (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 51. Л. 140-141).

Деятельность китайского представителя вскоре начала приносить плоды. С весны 1872 года кочевые казахские роды стали готовиться к переселению в Китай. Ранее Жун собрал их у границы и приказал им направиться в Чугучак для участия в строительстве крепости и города. С той же весны того же 1872 года начались поставки оружия и военной техники из Улясутуя в Чугучак. Всё это, как и отмечал Колпаковский, указывало на стремление Жуна создать в Чугучаке военный пункт, укрепить свои границы за счёт кочевых казахов и открыто присоединить долину Или к Китаю.

Эти обстоятельства вынудили военного губернатора Семиречья направить в Чугучак Южно-Тарбагатайский отряд. Тем самым Россия стремилась продемонстрировать свои законные права на долину Или и подтвердить факт присоединения территорий Гульджинского ханства. Важно отметить, что губернатор Семиречья действовал без получения соответствующих указаний сверху. Г. Колпаковский даже объявил Чугучак территорией под российской юрисдикцией и приказал занять город. Но вскоре в Сергиополь прибыл российский высший чиновник генерал Богуславский, который отменил этот приказ. В результате с 6 по 10 мая 1872 года русский отряд, находившийся в Чугучаке, был вынужден отступить.

Сообщивший об этих событиях фон Кауфману губернатор Семиречья, просил о переводе Жуна из Чугучака в Кобдо (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 51. Л. 144). В соответствии с договорённостью между российским и китайским правительствами, 8 мая 1872 года в Сергиополе была организована встреча. Со стороны России на неё прибыл генерал-майор Д. Богуславский, со стороны Китая – Жун Цзюань.

Российская сторона выдвинула Цинской династии следующие условия, при выполнении которых могла бы начаться передача Гульджи: 1) пересмотр границ согласно Чугучакскому договору (от Или до Чёрного Иртыша); 2) допуск российских купцов на территорию Китая (в Кобдо, Улясутуй, а также в Чугучак, Урумчи, Хами и даже до военных ворот Великой китайской стены); 3) создание официальных учреждений для русских посланников на основных торговых путях – в Джунгарии, Монголии и Кашгарии, с правом учреждать посольства в любом месте русской территории по желанию; 4) компенсация ущерба дунганам в Улясутуе и Чугучаке, прекращение грабежей со стороны солдат Цинской армии (Моисеев, 2003: 128).

Однако Император Цин отказался принять эти условия и продолжал настаивать на возвращении территории Китаю.

Чувствуя усложнение ситуации, государственный канцлер А.М. Горчаков поручил российскому послу в Пекине А.Г. Влангали заявить, что никакого соглашения с Китаем не было достигнуто, что у китайского представителя нет официальных документов, подтверждающих наличие соглашения, и что он прибыл исключительно для управления территорией Гульджи. «В таком положении, – подчёркивал А.М. Горчаков, – невозможно предпринимать какие-либо шаги по согласованию торговых отношений с Китаем» (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 53. Л. 144). Он поручил довести до китайской стороны условия, при которых соглашение считается нарушенным, а также напомнить, что восстание было подавлено в положительную сторону.

Информация о соглашении относительно переговоров по вопросу возвращения территории была передана в Пекин. Российский посол потребовал от китайского правительства прекратить действия своего представителя, убрать посты и заграждения в районе Тарбагатай и гарантировать, что Россия не будет подвергаться угрозам.

Тем временем Жун, находясь в Чугучаке, начал собирать войска для похода в Манас. Туркестанская администрация ужесточила условия для Китая. Весной 1872 года русский торговый караван был ограблен в районе Шихо: 45 человек были убиты, а имущество на сумму свыше 84 тысяч рублей похищено. Российское правительство, узнав об этом, потребовало принять строгие меры против преступников. Генерал-губернатор угрожал тем, что «если требования не будут выполнены, а разбойники не наказаны, все племена южного региона будут покорены русскими» (НАУЗ. Ф. 715. Оп. 1. Д. 53. Л. 132).

В ответ на это Жун заявил, что прибыл не для расследования, а для переговоров по вопросу Илийского края, и отклонил все требования. Получив письмо от Жуна, генерал Колпаковский немедленно отправил Кауфману сообщение о необходимости захвата территории от Сизяня до Шихо. По его мнению, это позволило бы устранить препятствия для русских торговых путей в Манас,

подчинить кочевые племена, ослабить китайское влияние на Гульджу и предотвратить возможный поход Жуна из Чугучака на Манас и Урумчи (НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 53. Л. 80).

В 1872 году отказ России вернуть Гульджу и вероятность её полного господства над Джунгарией встревожили китайские власти. Это серьёзно осложнило отношения между Россией и Китаем. Китайское правительство проигнорировало факт ограбления русского каравана в Шихо и отказалось обсуждать сухопутные торговые отношения, заявив, что подпишет соглашение только после возвращения Гульджи (Кожирова, 2000: 57).

Между тем слухи о передаче Илийского края Китаю, распространившиеся после переговоров в Сергиополе и Пекине, вызвали недовольство среди населения Гульджи. Российское правительство пыталось всеми силами восстановить порядок в регионе. Объехав весь Илийский край и пообщавшись с местным населением, генерал Богуславский в своём письме Кауфману от 21 мая 1872 года особо подчеркнул, что Гульджа не должна быть передана Китаю. По его мнению, ненависть дунган и таранчей к маньчжурам свидетельствует о невозможности китайского влияния в регионе. Возвращение этой территории Китаю приведёт к огромным потерям, и в конечном итоге Россия будет вынуждена повторно захватить Гульджу (НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 53. Л. 82).

Решение туркестанской администрации о невозврате Илийского края вызвало споры в правящих кругах Российской империи. Только военный министр Д.А. Милютин и генерал К.П. фон Кауфман твёрдо придерживались мнения, что Гульджа должна остаться за Россией.

Вопрос об Илийском крае оставался одним из самых острых для администраций Семиречья и Гульджи. В 1872 году отношения между двумя государствами в Восточном Туркестане ухудшились ещё по одной причине: дунгане объявили о своём намерении перейти под покровительство России. В частности, в рапорте военного губернатора Семиречья к Кауфману от 3 февраля 1872 года сообщалось, что группа дунган из Урумчи и Манаса хочет принять российское подданство. Однако генерал-губернатор отклонил эту просьбу, подтвердив, что указанные территории принадлежат Китаю (НАУз. Ф. 1. Оп. 34. Д. 161. Л. 82).

В том же году дунганский союз потерпел поражение от Якуб-бека. Потеряв Урумчи и Турфан, духовный лидер Довуд халифа бежал в Манас и обратился к русским за помощью (Исиев, 1981: 24). Отказ России привёл к тому, что дунгане перешли под власть Якуб-бека, а рассмотрение вопроса о Гульдже было отложено.

С 18 июля по 10 сентября 1874 года генерал-губернатор К.П. фон Кауфман посетил Семиречье и Гульджу. По результатам поездки был представлен отчет царю 29 сентября, в котором было отмечено, что население Гульджи полностью подчиняется российским властям. Также особо подчёркивалось, что маньчжуры ранее совершали опустошительные грабежи. Учитывая ситуацию, Кауфман настаивал на скорейшем принятии решения по Гульдже, так как от этого зависел характер дальнейших отношений с местным населением и Китаем. Он похвалил усилия военной администрации Семиречья, подчеркнув, что только благодаря их преданности были достигнуты эти успехи (НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 60. Л. 157).

Тем не менее, ситуация на границе оставалась сложной. Из-за отсутствия урегулированных отношений в области торговли и других сферах связи ухудшились. Особенно негативно на ситуацию повлияло то, что китайские жители регулярно совершали набеги в район Гульджи, что вызывало рост напряжённости. Обращения российских властей к Китаю оставались безрезультатными. Согласно донесению начальника третьего участка Гульджи, 24 апреля 1874 года группа налётчиков разграбила 10 аулов торгоутов. После этого генерал-губернатор приказал военному губернатору Семиречья отправить туда сотню казаков для усиления охраны (НАУз. Ф. 1. Оп. 29. Д. 121. Л. 5-10).

С середины 1870-х годов Цинская империя смогла полностью подавить внутренние восстания. Кроме того, в отношениях с Великобританией был выбран путь соглашения. Успешно справившись с длительными смутами и народными восстаниями, цинский главнокомандующий Цзо Цзунтан отправил огромное войско в Восточный Туркестан, установив ставку в Жучиване. Его стратегия заключалась в следующем: сначала захватить север, а затем - юг региона. В 1876 году его войска заняли Гучан, затем Урумчи. После этого были захвачены Манас, Сунчи, Кутуби. Армия Якуб-бека потерпела поражение на всей линии от Манаса до Урумчи. В ответ на это Якуб-бек построил оборонительные линии в Даванджине, Турфане и Карашахаре (Моисеев, 2003: 135). В 1877 году китайские войска атаковали и захватили Даванджин, а затем и Турфан. После внезапной смерти Якуб-бека 17 мая 1877 года в государстве Еттишахар началась смута.

Цинские войска продолжили наступление, и 17 декабря 1877 года Кашгар был полностью захвачен (Исиев, 1981: 47). Таким образом, можно сказать, что китайское влияние в Восточном Туркестане значительно усилилось. Теперь российские торговцы, пытавшиеся вести деятельность в Чугучаке и Кашгаре, сталкивались не только со множеством ограничений, но и с грабежами. Согласно документам Национального государственного архива, военный губернатор Семиречья (от 24 февраля 1877 года) жаловался на то, что чугучакский чиновник Хэбэй-амбан обложил русских торговцев тяжёлыми налогами (НАУз. Ф. 1. Оп. 29. Д. 226. Л. 7).

18 июля того же года дунганские отряды, пришедшие со стороны Китая, вторглись в район Гульджи, захватили у торгоутов 600 лошадей, более 1 000 овец и увели в плен несколько человек.

Общий ущерб составил 20 000 рублей. Естественно, такие события не могли спокойно пройти через Туркестанскую администрацию. С другой стороны, правящие круги Цинской империи теперь стали решительно требовать возвращения Илийского края, используя дипломатические пути, а при необходимости – другие силовые методы. Споры по поводу границ и территорий продолжались до середины 80-х годов XIX века.

Несмотря на то, что с Ираном удалось всё-таки достичь выгодного соглашения по пограничным вопросам, с Цинской империей ситуация оставалась напряжённой. Основной проблемой было отсутствие конкретного соглашения о возвращении долины Или и демаркации границ в районе Кашгара. Ликвидация государства Еттишахар Цинской империей и восстановление китайской власти в Восточном Туркестане и Северной Джунгарии привели к обострению соперничества между Россией и Китаем в Центральной Азии. Правящие круги в Пекине в 1877–1878 годах предложили российскому послу начать переговоры о возвращении Гульджи Китаю (Моисеев, 2003: 171).

Действительно, когда в 1871 году Россия временно оккупировала долину Или, она пообещала вернуть её по первому же требованию Китая. Однако туркестанские военные администраторы не желали возвращать стратегически важную территорию. Инициаторами отказа были генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, Г.А. Колпаковский и А.Н. Куропаткин. По их мнению, долина Гульджи, окружённая со всех сторон горами, с перевалами, обеспечивающими стратегически важные пути, представляла собой идеальный форпост. Богатая и плодородная верхняя часть долины Или создавала приграничную зону, которую можно было оборонять даже при наличии малочисленного гарнизона. Возвращение этой территории Китаю, по их мнению, ослабило оборону Семиречья и укрепило китайские позиции в Кашгаре.

Генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман был настолько убеждён в этом и заявил, что при необходимости они готовы начать войну с Китаем. Это говорит о том, что по «вопросу Гульджи» позиции центральной российской власти и Туркестанского генерал-губернаторства расходились. В то время как российское правительство, учитывая геополитическую ситуацию, стремилось к мирному соглашению с Китаем, Кауфман и его сторонники категорически отвергали любые уступки.

Китай, осведомлённый о внутренних спорах среди российских властей, начал провоцировать беспорядки на границе. Понимая всю серьёзность ситуации, военный министр Д.А. Милютин в письме от 10 апреля 1878 года предложил К.П. фон Кауфману в случае конфликта с Китаем сосредоточить в районе Гульджи 23 военные роты, а также выдвинуть дополнительно 15 рот из Ферганы для наступления через перевалы в Восточный Туркестан (НАУЗ. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1377. Л. 14).

В ответ Кауфман сообщил, что в настоящий момент ситуация на границах спокойная: торговые караваны, направленные в Кашгар и задержанные в Улугчате, были пропущены в Восточный Туркестан при содействии российских властей. Тем не менее он отметил, что на случай возможной войны за Гульджу уже отдал приказ о сборе 5-тысячного военного отряда и заготовке продовольствия и фуража для 2,5 тысяч лошадей (НАУЗ. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1377. Л. 15).

Во второй половине 1878 года и в начале 1879 года военный губернатор Семиречья Г.А. Колпаковский в своих рапортах на имя генерал-губернатора дал подробный анализ ситуации на границе и выразил собственную позицию. По мнению Колпаковского, включение в состав Российской империи местного кочевого населения долины Или, ранее не подчинявшегося китайской администрации, способствовало бы усилению влияния России в регионе и увеличению налоговых поступлений в казну (НАУЗ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 298. Л. 3). Эти предложения были поддержаны генерал-губернаторством и доведены до сведения военного министра Д.А. Милютина.

4 марта 1879 года в Санкт-Петербурге состоялось специальное заседание по «Гульджинской проблеме» под председательством военного министра. В ходе обсуждений большинство участников высказались за то, что обладание Гульджой и Музартским перевалом предоставляет России возможность защищать своё господство в Средней Азии от китайской угрозы сравнительно малыми силами. В связи с этим были высказаны идеи о недопущении утраты столь стратегически важной территории. По итогам обсуждений было рекомендовано продолжать мирную политику в отношении Китая, но в то же время добиваться восстановления китайского управления в долине Или лишь при соблюдении определённых условий. Следует особо отметить, что представители центральной власти – как военные, так и дипломаты – поддерживали политику уступок и компромиссов. Однако Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман упорно отстаивал свою позицию, категорически отвергал любые изменения границ и требовал взыскания с Китая контрибуции в размере до 60 млн рублей. По его предложению, эти средства должны были пойти на строительство Среднеазиатской железной дороги (Воскресенский, 1995: 111–112).

Взгляды Кауфмана в то время не нашли поддержки среди представителей центрального правительства. Так, министр финансов Грейг выступил против позиции генерал-губернатора, заявив, что Россия должна выполнить свои обязательства перед Китаем, а требование контрибуции может вызвать не только протест со стороны Пекина, но и негативную реакцию со стороны международного сообщества. Военный министр Д.А. Милютин в своих дневниках отметил, что по итогам переговоров была выдвинута альтернатива – ограничить размер контрибуции до 5 млн рублей. Кроме того, в ходе июльских переговоров при участии представителя Цинской империи были повторно рассмотрены

вопросы о том, какие части Гульджи останутся под контролем России, а какие будут возвращены Китаю. Российские военные власти заявляли, что районы, населённые дунганами, не желают возвращения под власть Китая.

Продолжительные споры между сторонами начали сказываться и на характере местного населения. Особенно усилились набеги со стороны территорий, остававшихся под контролем Китая. Только в 1878 году было зафиксировано не менее десяти подобных случаев. В частности, в период нападений дунган происходили захваты жителей Семиречья в плен. Все обращения России к китайским властям по поводу этих инцидентов оставались без ответа.

Ещё одним источником напряжённой ситуации в вопросах границ являлся Кашгар. После ликвидации государства Якуб-бека между Россией и Китаем отсутствовала чёткая демаркация границ, из-за чего обе стороны старались уклониться от ответственности за возникающие инциденты. Особенно остро стояли вопросы торговли. В 1878 году военный губернатор Семиречья Г.А. Колпаковский направил представителю Цинской империи в Кашгаре ноту с просьбой создать благоприятные условия для русских торговцев на территории Кашгара, однако этот запрос остался без ответа. Примечательно, что при правлении Якуб-бека подобных проблем в отношениях с Россией не наблюдалось. Об этом неоднократно заявляли представители туркестанской администрации.

Обострение ситуации в Кашгаре проявлялось также в появлении среди недовольного мусульманского населения новых политических сил, выражавших протест против китайской власти. Однако у этих движений не было внешней поддержки.

Опасаясь нового конфликта в Средней Азии и стремясь избежать военного столкновения, российское правительство было вынуждено добиться окончательного урегулирования отношений с Китаем. В сентябре 1879 года начался завершающий этап переговоров. Переговоры проходили в Ливадийском дворце в Крыму. Со стороны России в них принимали участие министр иностранных дел Н.К. Гирс и посол в Китае Е.К. Бюцов, с китайской стороны – представитель Цинской империи Чун Хоу. Соглашение вошло в историю как Ливадийский договор, основные положения которого были следующими: западная часть долины Или и долина Текес вместе с Музартским перевалом оставались за Россией; Китай обязывался обеспечить неприкосновенность имущества и безопасность населения, а также не препятствовать переселению жителей на российскую территорию. В китайских городах должны были открыться российские торговые представительства. Цинская империя обязана выплатить России контрибуцию в размере 5 млн рублей (Милютин, 1950: 151). Однако договор не был ратифицирован Пекином. Более того, Чун Хоу, подписавший соглашение, был обвинён в измене и казнён. Это вызвало панику среди населения Илийской долины, в результате чего началось массовое переселение жителей в сторону долины Хоргос, под защиту России.

В свою очередь, Цинская империя начала подготовку к возможной военной аннексии территории. Армия приняла боевую готовность. Несмотря на резкое обострение геополитической ситуации, было очевидно, что война не принесёт пользы ни одной из сторон. Однако Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман по-прежнему выступал против уступок Китаю и был готов к вооружённому решению вопроса. В телеграмме военному министру от августа 1880 года он даже предложил отложить поход в Ахалтекинский оазис и сосредоточиться на готовности к возможной войне с Китаем (НАУЗ. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1377. Л. 24).

Совместно с военным министром Д.А. Милутиным К.П. фон Кауфман разработал новый план: создание буферного мусульманского государства между Россией и Китаем, которое Российская империя будет поддерживать и защищать. В письме от 26 июля 1880 года Милутиным было отправлено сообщение Кауфману, согласно которому были подготовлены кандидатуры на руководящие посты: для дунганских племён – Бай-Янху, для Кашгарского региона – старший сын Якуб-бека, Беккули-бек. В декабре 1880 года Милютин направил Кауфману шифрованное письмо, в котором подчёркивал, что предложенные кандидаты должны быть готовы к участию в потенциальной войне с Китаем (Милютин, 1950: 283-285). У Кауфмана уже ранее возникали планы по созданию буферных зон с размещением в них лояльных правителей. В частности, он надеялся использовать в своих целях Абдуррахмана, которому в течение 10 лет предоставлял убежище, ожидая изменений в Афганистане. Однако Абдуррахман не пошёл по предложенному пути и не стал частью российской стратегии.

Разработка К.П. фон Кауфманом плана создания буферного мусульманского государства во многом была спровоцирована нестабильной ситуацией в Кашгаре в 1880–1881 годах. Цинская администрация так и не смогла полностью восстановить порядок в регионе. По обе стороны границы сохранялись недовольства и конфликты. В частности, 6 сентября 1880 года кашгарский чиновник Луи-амбан направил официальное письмо генерал-губернатору Туркестана, в котором сообщал, что местные кыргызские лидеры Оксусского региона – Ходжабек, Ниезбек и Алижоллобек – украл у кашгарских кыргызов 22 лошади (НАУЗ. Ф. 1. Оп. 29. Д. 511. Л. 3). Похожая позиция также наблюдалась и по отношению к купцам из Коканда, отправившимся в Восточный Туркестан. Официальные жалобы по этим вопросам оставались без ответа.

Несмотря на упорное сопротивление со стороны Туркестанского генерал-губернаторства, высшие властные круги Российской империи уже приняли окончательное решение по вопросу Или.

Согласно первоначальным договорённостям, Гульджинская область должна была быть возвращена китайской стороне как её законному владельцу.

12 февраля 1881 года была подписана новая версия Ливадийского договора, так называемый «Илийский договор», ратифицированный Богдыханом 3 мая и российским императором 7 августа того же года. Содержание документа включало следующие пункты:

1. Россия возвращает Китаю долину реки Текес и Музартский перевал, а также девять городов Илийской долины. Взамен территория вокруг озера Зайсан и Черного Иртыша остаётся за Российской империей.

2. Россия получает право открыть дипломатические миссии в Турфане, Гульдже, Чугучаке, Урге, Кашгаре и Сучжоу. Открытие представительств в ещё пяти городах, включая Комул, будет реализовано по согласованию сторон.

3. Российским купцам разрешается свободно торговать как в Восточном Туркестане, так и на маршрутах до Сучжоу и вглубь Китая.

4. На территории Восточного Туркестана российские торговцы, включая прибывших из Туркестанского генерал-губернаторства, временно освобождаются от уплаты пошлин.

5. Китайская сторона обязуется выплатить России 9 млн рублей за понесённые расходы.

6. Населению Илийского края было разрешено свободное передвижение между Китаем и Россией.

Таким образом, в 1881 году, спустя десять лет, Илийский край официально был передан Туркестанским генерал-губернаторством обратно под власть Цинской империи.

После признания договора обеими сторонами была создана специальная комиссия по передаче территории. 11 ноября 1881 года в Ташкенте генерал-губернатор Туркестана официально принял китайского представителя - полкового командира Эркубуна. На встрече был подтверждён порядок передачи Гульджи.

Согласно условиям договора, передача должна была быть завершена не позднее трёх месяцев с момента ратификации, то есть до 11 февраля 1882 года. В состав российской комиссии вошли: помощник командующего войсками Сырдарьинской области А.Я. Фриде, генерал-майор Генерального штаба Сырдарьинской области Я.П. Шишмарев и представитель Илийской администрации Н.Н. Пантусов. Со стороны Цинской империи ответственным за приём территории был назначен Шентай (Моисеев, 2003: 204). Можно сказать, что данное соглашение стало одним из серьёзных поражений российской дипломатии в Средней Азии. Уже в то время многие чиновники и военные были вынуждены признать его как неудачу с геополитической и стратегической точки зрения.

5. Заключение

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что Туркестанское генерал-губернаторство, выйдя за рамки своих полномочий, предприняло действия по присоединению земель Илийской долины и добилось её оккупации. Туркестанское управление проводило политику расширения русских границ, а в составе генерал-губернаторства был временно образован Гульджинский район. Однако управление этим регионом оказалось непростым, так как с первых же дней китайская сторона начала предпринимать шаги к его возвращению. Взаимные споры между Россией и Китаем длились более десяти лет. Обе державы вели политику исключительно в интересах своих государств, полностью игнорируя волю и желания местного населения.

Тем временем процесс возвращения Илийского края ещё больше усложнил отношения с Китаем. Внутренние противоречия в самой Российской империи между высшими правящими кругами и администрацией Туркестана серьёзно повлияли на ход переговоров с Китаем. Впоследствии под сильным давлением китайской стороны российская дипломатия была вынуждена пойти на уступки Цинской империи.

Литература

Воскресенский, 1995 – Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М.: Памятники исторической мысли, 1995. 444 с.

Габриэльян, 2023 – Габриэльян С.И. История внешнеполитического соперничества европейских государств в Иране: геоэкономические аспекты (конец XIX – начало XX в.). Ташкент: Bookmany print, 2023. 197 с.

Гуревич, 1982 – Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы / Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С.423-459

Гуревич, Ким, 1983 – Гуревич Б.П., Ким Г.Ф. Международные отношения в Центральной Азии в XVII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1983. 340 с.

Дмитриев, 1972 – Дмитриев Г.Л. Материалы некоторых фондов личного происхождения по истории Средней Азии второй половины XIX и начала XX вв. // Научные труды ТашГУ. Вып. 423. Ташкент, 1972.

Милютин, 1950 – Милютин Д.А. Дневник Д.А. Милютина. 1878-1888. Т. III. М., 1950. 323 с.

- Исиев, 1981 – Исиев Д.А. Уйгурское государство Йэтишар (1864-1877). М.: Наука, 1981. 94 с.
- Моисеев, 2003 – Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул: АзБука, 2003. 345 с.
- Кожирова, 2000 – Кожирова С.Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Астана: (б. и.) 2000. 138 с.
- НАУз – Национальный архив Узбекистана.
- Почекаев, 2018 – Почекаев Р.Ю. Особенности правового положения Илийского края в 1760–1860-е гг. // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки*. Вып. 20. 2018. № 4(181). С. 152-166,
- Русско-китайские отношения, 1958 – Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 139 с.
- Bobrov et al., 2021 – Bobrov L.A., Pastukhov A.M. “Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi” as a Source of the Information of Weapons and Military Symbols for the Population of Central Asia in the middle of the 18th century // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 506-526.
- Charginova et al., 2020 – Charginova G.O., Mahaeva A.Sh., Kubeyev R.D., Bazarbayev K.K. The Influence of Yettishar on Kazakh and Kyrgyzs of the Turkestan Governor-General of the Russian Empire // *Bylye Gody*. 2020. 55(1): 142-151.
- Urakov, 2020 – Urakov D.J. Conflict of interests of major empires in Central Asia in the middle of the XIX century // *International Journal of Scientific and Technology Research*. 2020. № 9(5). Pp. 18-22.
- Urakov et al., 2024 – Urakov D.J., Gabrielyan S.I., Khaynazarov B.B. The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 750-762.
- Tashtanov et al., 2023 – Tashtanov Z.A., Sugirbaeva G.D., Nurzhanova A.M., Sandykbaeva U.D. The Nature of the Development of the Cities of Semirechensk and Syrdarya Regions of Turkestan: Comparative Analysis (early XX century) // *Bylye Gody*. 2023. 18(1): 503-510.

References

- Bobrov et al., 2021 – Bobrov, L.A., Pastukhov, A.M. (2021). “Qinding Huangyu Xiyu Tuzhi” as a Source of the Information of Weapons and Military Symbols for the Population of Central Asia in the middle of the 18th century. *Bylye Gody*. 16(2): 506-526.
- Charginova et al., 2020 – Charginova, G.O., Mahaeva, A.Sh., Kubeyev, R.D., Bazarbayev, K.K. (2020). The Influence of Yettishar on Kazakh and Kyrgyzs of the Turkestan Governor-General of the Russian Empire. *Bylye Gody*. 55(1): 142-151.
- Dmitriyev, 1972 – Dmitriyev, G.L. (1972). Materiali nekotorykh fondov lichnogo proisхоjdeniya po istorii Sredney Azii vtoroy poloviny XIX i v nachalo XX vv. [Materials of some funds of personal origin on the history of Central Asia in the second half of the 19th and early 20th centuries]. *Nauchniye trudi TashGU*. Vip. 423. Tashkent. [in Russian]
- Gabrielyan, 2023 – Gabrielyan, S.I. (2023). Istoriya vneshnepoliticheskogo sopernichestva yevropeyskix gosudarstv v Irane: geoeconomicheskiye aspekty (konets XIX – nachalo XX v.) [History of foreign policy rivalry of European states in Iran: geo-economic aspects (late 19th – early 20th centuries)]. Tashkent: bookmany print, 197 p. [in Russian]
- Gurevich, 1982 – Gurevich, B.P. (1982). Istoriya "Iliyskogo voprosa" i yeye kitayskiye falsifikatori [The history of the “Ili question” and its Chinese falsifiers]. Dokumenty oprovergayut, protiv falsifikatsii istorii russko-kitayskix otnosheniy. Moskva: Misl. Pp. 423-459. [in Russian]
- Gurevich, Kim, 1983 – Gurevich, B.P., Kim, G.F. (1983). Mejdunarodniye otnosheniya v Sentralnoy Azii v XVII – pervoy polovine XIX v. [International relations in Central Asia in the 17th – first half of the 19th century]. Moskva: Nauka, 340 p. [in Russian]
- Isiyev, 1981 – Isiyev, D.A. (1981). Uyghurskoye gosudarstvo Yettishar (1864-1877). [Uyghur state of Yettishar (1864-1877)]. Moskva: Nauka, 94 p. [in Russian]
- Kojirova, 2000 – Kojirova, S.B. (2000). Rossiysko-kitayskaya trgovlya v Sentralnoy Azii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.). [Russian-Chinese trade in Central Asia (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Aстана: (b. i.), 138 p. [in Russian]
- Milyutin, 1950 – Milyutin, D.A. (1950). Dnevnik D.A. Milyutina. 1878-1888. [Diary of D.A. Milyutin. 1878-1888.] T. III. Moskva (b. i.). 323 p. [in Russian]
- Moiseyev, 2003 – Moiseyev, V.A. (2003). Rossiya i Kitay v Sentralnoy Azii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.). [Russia and China in Central Asia (second half of the 19th century – 1917)]. Barnaul: AzBuka, 345 p. [in Russian]
- NAUz – Natsional'nyi arkhiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].
- Pochekayev, 2018 – Pochekayev, R.Y. (2018). Osobennosti pravovogo polozeniya Iliyskogo kraya v 1760–1860-ye gg. [Peculiarities of the legal status of the Ili region in the 1760s–1860s]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta Seriya 2. Gumanitarniye nauki*. 20. 4(181): 152-166. [in Russian]

[Russko-kitayskiye otnosheniya, 1958](#) – Russko-kitayskiye otnosheniya. 1689–1916. Ofitsialniye dokumenti. [Russian-Chinese relations. 1689–1916. Official documents]. Moskva: Izd-vo vostochnoy literaturi, 139 p. [in Russian]

[Tashtanov et al., 2023](#) – *Tashtanov, Z.A., Sugirbaeva, G.D., Nurzhanova, A.M., Sandykbaeva, U.D.* (2023). The Nature of the Development of the Cities of Semirechensk and Syrdarya Regions of Turkestan: Comparative Analysis (early XX century). *Bylye Gody*. 18(1): 503-510.

[Urakov et al., 2024](#) – *Urakov, D.J., Gabrielyan, S.I., Khaynazarov, B.B.* (2024). The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2): 750-762.

[Urakov, 2020](#) – *Urakov, D.J.* (2020). Conflict of interests of major empires in Central Asia in the middle of the XIX century. *International Journal of Scientific and Technology Research*. 9(5): 18-22.

[Voskresenskiy, 1995](#) – *Voskresenskiy, A.D.* (1995). Diplomaticheskaya istoriya russko-kitayskogo Sankt-Peterburgskogo dogovora 1881 goda. [Diplomatic history of the Russian-Chinese St. Petersburg Treaty of 1881]. Moskva: Pamyatniki istoricheskoy misli, 444 p. [in Russian]

«Илийский вопрос» в контексте политики Туркестанского генерал-губернаторства

Софья Ивановна Габриэльян ^{a, *}, Дильшодбек Жамоллиддинович Ураков ^a,
Бахромжон Бахтиёрович Хайназаров ^a, Гулжан Кобеевна Отарбаева ^b

^a НУУз – Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан

^b ЮКУ – Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова, Шымкент, Республика Казахстан

Аннотация. Данная статья посвящена военным походам Туркестанского генерал-губернаторства в Илийский район в начале 70-80-х годов XIX века, вхождению его в состав губернаторства, а также столкновению интересов Российской империи и Китая на данной территории. Опираясь на первоисточники, авторы приходят к выводу, что в результате самовольных решений генерал-губернатора территория, принадлежавшая ранее Китаю, была временно включена в состав Российской империи. В результате усиливавшейся борьбы мусульманского населения региона против маньчжуров ситуация в Или становится крайне напряжённой. Кроме этого, возникшие беспорядки в пограничных районах с Российской империей сильно взволновали туркестанские власти, и захват Или стал первостепенной задачей. Несмотря на то, что высокопоставленные чиновники требовали проведения осторожной политики в приграничной зоне, генерал-губернатору К.П. фон Кауфману удалось захватить данный регион. В 1871 году в составе губернаторства был образован новый административный район – «Гульджа», который оставался в составе Российской империи на протяжении 10 лет. Однако вскоре после этого попытки Китая вернуть утраченные земли привели к серьёзным противоречиям между двумя государствами. После того, как Цинская империя укрепила свои позиции в Восточном Туркестане, Китай предъявил России ультиматум о возвращении региона Или. Ввиду внешних и внутренних обстоятельств российский император дал разрешение начать переговоры с китайской стороной. По итогам двухлетних разногласий и споров был подписан Ливадийский договор, согласно которому небольшая часть региона Или была оставлена в составе России, а оставшаяся территория была возвращена Китаю. Авторы подчёркивают, что выход Туркестанского генерал-губернатора за рамки своих полномочий и стремление к захвату новых земель привели к обострению геополитической ситуации в регионе. Немаловажным является и то, что интересы и пожелания местных народов в сложившейся ситуации не были учтены.

Ключевые слова: Туркестан, Средняя Азия, Туркестанское генерал-губернаторство, Российская империя, генерал-губернаторство, Западный Китай, «Илийская проблема», фон Кауфман, Семиреченская область, Кашгар.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sofagabrielyan4@gmail.com (С.И. Габриэльян),
urakov.d.nuuz@gmail.com (Д.Ж. Ураков), beshkurgan@gmail.com (Б.Б. Хайназаров),
gulzhan.otarbayeva@gmail.com (Г.К. Отарбаева)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 893-901
DOI: 10.13187/bg.2025.2.893

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the St. Petersburg Treaty of 1875 between Russia and Japan: on the 150th Anniversary of Its Signing

Oleg E. Chuikov^{a, *}, Mikhail G. Smirnov^b, Vera E. Batyukova^c, Kristina A. Zarubina^d

^a Kursk State Medical University, Kursk, Russian Federation

^b Gubkin Russian State University of Oil and Gas, Moscow, Russian Federation

^c Financial University under the Government of the Russian Federation

^d Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Abstract

This study is dedicated to the 150th anniversary of the signing of the St. Petersburg Treaty in 1875, which at first relatively clearly delineated the disputed territories and can generally be considered a victory for Russian diplomacy, led by A.M. Gorchakov. The material for the work was modern Russian works on this issue, and historical-systemic and historical-genetic methods, as well as the method of content analysis, were used as research methods.

Summing up, the authors note that the agreement represents a very high-quality compromise option, which was implemented by one of the most prominent Russian diplomats, Alexander Mikhailovich Gorchakov.

The negotiations were difficult, as the disputed territories – the Kuril Islands and Sakhalin Island – were historically the sphere of influence of Japan, but were actually colonized by Russia. The Treaty of Shimoda of 1855 and subsequent attempts at treaties (in particular, the “Provisional Agreement on Sakhalin Island” of 1862) did not satisfy either the Russian or Japanese sides.

The St. Petersburg Agreement concluded in 1875 declared Sakhalin the territory of the Russian Empire, and the Kuril Islands the territory of the Japanese Empire. Most pre-revolutionary, Soviet and modern historians consider the treaty beneficial for Japan and unprofitable for Russia, since in military, technical and economic terms the advantage was entirely on the side of the latter, but she made concessions. Nevertheless, Russian Foreign Minister A.M. Gorchakov built a line of negotiations based on the principle of equality, when both sides benefited from the conclusion of the agreement. Compliance with this principle made it possible to postpone the military confrontation for three decades and did not give rise to a declaration of war on Russia by Western countries, primarily Britain and France.

Keywords: the St. Petersburg Treaty of 1875, Russian-Japanese relations, diplomacy of the Russian Empire in the second half of the 19th century, A.M. Gorchakov.

1. Введение

С момента прихода Российской империи на Дальний Восток у неё начинаются достаточно напряжённые территориальные и экономические споры со Страной восходящего солнца, которые оказывались для России как позитивными (в частности, некоторые экономические договоры), так и весьма деструктивными (например, русско-японская война).

Одним из достаточно позитивных, на наш взгляд, моментов является так называемый Петербургский договор, заключённый Россией и Японией в российской столице в 1875 году, который на первых порах снимал напряжённость, возникшую между странами вследствие российской колониальной экспансии.

* Corresponding author

E-mail addresses: chuikov-ru@mail.ru (O.E. Chuikov)

Значительные фундаментальные исследования по проблеме Петербургского договора в историографии отсутствуют, поэтому представленная работа призвана обратить внимание на положения данного соглашения в истории взаимоотношений двух стран в преддверии его 150-летнего юбилея.

2. Материалы и методы

Материалом для данной рукописи послужили исследования современных российских учёных, а именно В.Н. Шкунова ([Шкунов, 2019а](#); [Шкунов, 2019b](#)). М.С. Высокова, А.А. Василевского, А.И. Костанова, М.И. Ищенко ([Высоков и др., 2008](#)), Е.А. Сысоевой ([Сысоева, 2004](#)), И.А. Анчуговой, А.Д. Никитина ([Анчугова, Никитин, 2020](#)), Р.А. Колосовой ([Колосова, 2018](#)), В.В. Кузьминкова ([Кузьминков, 2013](#)), З.Н. Надбитовой ([Надбитова, 2020](#)), А. Романовой ([Романова, 2016](#)), Е.Н. Толмачевой ([Толмачева, 2024](#)), С.О. Сопачевой, А.А. Гордиенко ([Сопачева, Гордиенко, 2020](#)) и др.

В качестве методов исследования применены контент-анализ (для исследования научной литературы, в которой анализируется русско-японский договор 1875-го года), историко-системный метод (применён для исследования истории заключения и положений договора в неотрывной связи с дипломатической, военной и экономической ситуацией взаимоотношений двух стран), генетический метод (исследующий положения договора как закономерный результат предыдущих русско-японских взаимоотношений) и проч.

3. Обсуждение

Комплекс работ по рассматриваемому нами вопросу достаточно широк и включает в себя как обзорные труды по истории дипломатии, так и весьма узконаправленные исследования по конкретной проблематике, а именно по изучению Петербургского договора в истории России; также встречаются и историографические труды. Рассмотрим вкратце некоторые из указанных исследований.

Из фундаментальных комплексных трудов, анализирующих торгово-экономические отношения на Дальнем Востоке в XIX веке в целом, прежде всего отметим монографии В.Н. Шкунова, посвящённые исследованию роли и влияния Русской православной церкви на внешнюю торговлю России в дореволюционный период ([Шкунов, 2019а](#)), а также проблемам торгово-экономических отношений Российской империи с восточными странами ([Шкунов, 2019b](#)). Комплексной фундаментальной работой, в которой достаточно глубоко анализируются территориальные проблемы с Японией, является учебное пособие М.С. Высокова, А.А. Василевского, А.И. Костанова и М.И. Ищенко об истории экономического и политического развития Сахалина и Курил ([Высоков и др., 2008](#)).

В советский период русско-японским отношениям в период с 1797 по 1875 год посвящено докторское исследование Э.Я. Файнберг, в котором, на основе изучения архивных материалов, делается и анализ Петербургского соглашения ([Файнберг, 1955](#)). Из современных трудов особо следует отметить диссертационное исследование Е.А. Сысоевой «Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855–1875 гг. (от Симодского трактата до Петербургского договора)», прямо посвященное системе торговых и территориальных договоров Российской и Японской империй в XIX веке ([Сысоева, 2004](#)), и диссертационное исследование А.В. Трехсвятского, посвященное истории Сахалина в русско-японских дипломатических отношениях в XIX веке ([Трехсвятский, 2003](#)).

Из прочих фундаментальных работ отметим также и сборник статей «История Курильского архипелага: открытие, освоение и взгляды», в котором содержатся доклады и сообщения так называемого «круглого стола» Южно-Сахалинского университета по вопросам развития Курильских островов и Сахалина ([История Курильского..., 2018](#)).

Из статей в периодических изданиях отметим работу В.Н. Елизарьева «От “Временного соглашения об острове Сахалин” (1867 г.) к Санкт-Петербургскому договору (1875 г.)», в которой на основе обширных историографических материалов и архивных документов анализируется предыстория Петербургского договора ([Елизарьев, 2007](#)). Также И.А. Анчугова и А.Д. Никитин вкратце анализируют роль Симодского и Петербургского мирных договоров во взаимоотношениях России и Японии ([Анчугова, Никитин, 2020](#)).

Р.А. Колосова исследует историю проблемы взаимоотношений между Россией и Японией в части юридического и фактического контроля над Курильскими островами, включая заключение Петербургского договора ([Колосова, 2018](#)). Весьма глубокий анализ данной проблемы содержится и в статьях В.В. Кузьминкова ([Кузьминков, 2013](#)), З.Н. Надбитовой ([Надбитова, 2020](#)), А. Романовой ([Романова, 2016](#)), Е.Н. Толмачевой ([Толмачева, 2024](#)), С.О. Сопачевой, А.А. Гордиенко ([Сопачева, Гордиенко, 2020](#)) и др.

Историю Сахалина и Курил, в том числе связанные с ними международные отношения России и Японии, исследуются в работах А.А. Сапунова ([Сапунов, 2018](#)), А. Трехсвятского ([Трехсвятский, 2002](#)), А.И. Костанова ([Костанов, 1996](#)), Н.А. Троицкой ([Троицкая, 2009](#)) и др.

Указанный перечень исследований по проблемам территориальных и экономических взаимоотношений России и Японии не является исчерпывающим, однако фундаментальные исследования по Петербургскому договору 1875 года, как было отмечено выше, отсутствуют до сих пор.

4. Результаты

Россия целенаправленно начала проникать на Дальний Восток ещё в конце XVI века, к середине XVII века достигнув Охотского моря. Первый контакт русских и японцев¹ состоялся в 1701 году на Камчатке с потерпевшим кораблекрушение японским моряком, которого даже представили царю Петру I; так в правительстве России узнали о существовании Страны восходящего солнца.

Первый же официальный контакт состоялся в 1792 году, когда в Японию после личной аудиенции у Екатерины II был доставлен капитан разбившегося купеческого корабля Д. Кодаю, несколько лет до крушения пытавшийся получить разрешение на выезд из России; снаряжённая специально для этого экспедиция А. Лаксмана и установила официальный контакт с сёгуном Токугава (по Шкунов, 2019b).

По мере продвижения России и колонизации Дальнего Востока неизбежно стали возникать и напряжённые отношения с государствами данной территории.

Закрытый политико-экономический характер Японии вскоре привёл к первой серьёзной конфронтации с Россией. Дипмиссия во главе с Н. Рязановым должна была установить дипломатические отношения, однако после долгого ожидания в таковых было отказано; Рязанов решил в свойственной ему бестактно-силовой манере заставить сёгунат навязать дипотношения, разорив некоторые японские предприятия на некоторых Курильских островах и Сахалине. Японцы закономерно ответили тем же, взяв в заложники путешественника-исследователя, вице-адмирала В. Головнина с двумя его офицерами, которых отпустили лишь после заверения российских властей о том, что Рязанов действовал самолично, и позиция руководства Российской империи никак не коррелируется с действиями несостоявшегося посла.

Изоляционизм сёгуна Токугава привёл к тому, что русско-японские дипотношения установились лишь через полвека, в 1855 году с подписанием Симодского трактата – первого официального договора между правительством Российской империи и сёгуном Эдо (Токугава). Девять его статей, по мнению современных историков (см., в частности, Высоков и др., 2008), первоначально весьма чётко определяли сферы влияния: за Россией оставались Курильские острова, которые к тому времени уже были полностью освоены русскими промышленниками, а аборигенное население айнов русифицировано в весьма высокой степени, Япония же получала острова Кунашир, Итуруп, Шикотан и субархипелаг Хабомаи; Сахалин же объявлялся совместным владением, что, собственно, и являлось главной слабостью Симодского соглашения. Причиной уступки части Курил, помимо активной колонизации, И.А. Анчугова и А.Д. Никитин указывают более сильный на Дальнем Востоке военно-морской флот России, а также «недалновидную политику (сёгуна Токугава – *Авт.*) в сфере хозяйства» (Анчугова, Никитин, 2020: 25).

С дальнейшим продвижением на Дальнем Востоке и колонизацией Россией Приамурья (присоединено в 1858 году) и Приморья (присоединено в 1860 году), недостаток Симодского трактата был исправлен в полной мере: находясь весьма близко к российскому побережью, русские колонисты активно заселяли остров и использовали его в промысловых целях, тесня при этом японских промышленников и, в то же время, формально не нарушая каких-либо договорённостей.

Более того, усиливается и российское военное присутствие.

В 1867 году генерал-губернатор Восточной Сибири М. Корсаков приказывает увеличить сахалинский контингент русских войск до 300 человек (Файнберг, 1955: 217), а в 1869 году генерал-майор Ф. Депрерадович в южной части Сахалина, в удобной бухте северной части Анивского залива, основал небольшую крепость, которая была названа в честь губернатора – Корсаковский пост (ныне г. Корсаков). Крепость находилась между двумя мысами – Крыльон (с восточной стороны) и Крузенштерна (с западной стороны), в результате чего побережье залива в хорошую погоду удовлетворительно просматривалось, что затрудняло неожиданную высадку вражеского десанта.

Нельзя не согласиться с мнением Е.В. Елизарьева о том, что «Россия чётко проводила свою твёрдую политику, направленную на присоединение Сахалина» (Елизарьев, 2007: 112). В российских внутренних документах именно это прямо и указывалось, в частности, командиру поста подпоручику В. Швану предписывалось в бухте Буссе «...держатъ роту таким образом, чтобы всегда быть готовым встретить нечаянное (неожиданное – *Авт.*) нападение со стороны японцев, считавшихся очень вероломными и способными, под видом дружбы и расположения к русским, произвести в ночное время нападение на роту» (цит. по Елизарьев, 2007: 107). Е.В. Елизарьев, ссылаясь на статью самого В.К. Швана, указывает следующее: «...Вскоре к В. Швану прибыла представительная японская

¹ Сведения о посещении Московского государства японцем-христианином ещё в царствование Бориса I Годунова в исторической науке не считаются доподлинно достоверными, поэтому в данной работе первым контактом считаем встречу членов Камчатской экспедиции В.В. Атласова с Домбэем, впоследствии поступившим на русскую службу.

делегация с протестом против захвата земли, “давно уже занятой японцами”. Шван протест отклонил и заявил, что “земля эта принадлежит, по трактату, заключённому с японцами, не одним японцам, но и русским, а так как на берегах занятой нами бухты нет ни одного японского здания, то русские вправе строиться на этих берегах и вообще пользоваться ими по своему усмотрению”» (Елизарьев, 2007: 107-108).

Шван также имел своей задачей ограничить деспотичное отношение японского правительства в отношении аборигенного населения Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов – айнов, которых японцы называли «креветочными дикарями». Вместе с тем недоверие к айнам было и с русской стороны. А.Д. Брылкин писал: «...Деспотизм господствующей нации, в какой бы форме он ни проявлялся, всегда имеет вредное влияние на нравственность покоренного племени. Обыкновенные следствия подобных отношений между двумя племенами суть: раболепие, двуличие, ложь, ябедничество, наушничество, искательства, не всегда чистые, благосклонности сильных, – все это уже привилось к южным айнам» (цит. по Елизарьев, 2007: 108).

Англичане, прибывшие в залив Анива с разведывательной миссией на шлюпе «Корморан» в 1869 году, сообщили японскому правительству о плотном заселении Сахалина русскими и его неминуемой аннексии при текущем положении дел.

Пришедший к власти в 1868 году Мейдзи¹ в свойственной ему манере решил действовать незамедлительно и решительно, понимая, что отдавать Сахалин было нельзя: для его военизированной и «реставрационной» политики это означало политический провал и возможную потерю власти. Поэтому японский император, получив в 1869 году сведения от Дж. О'Дрисколля, путешествовавшего на «Корморане», о фактической аннексии Сахалина, немедленно распорядился усилить военное присутствие, отправив на остров вооружённый отряд.

Россия, в свою очередь, стала ещё более активно заселять остров, причём не только каторжанами, но и вольнопоселенцами, которым разрешалось самим выбирать место для проживания, основывать поселения и заниматься хозяйственно-промышленным освоением территории.

Отношения постепенно накалялись. Молодой Японской империи, во главе с только что утвердившимся у власти императором Мейдзи, после недавней войны с США и надвигавшейся войной с китайскими Кореей, Манчжурией и непосредственно с Китаем, портить отношения с обладающей могущественным флотом и армией Россией было на тот момент весьма невыгодно.

Поэтому японский посол в России, прибывший в 1874 году, адмирал, виконт Э. Такэаки при заключении нового договора, который бы учитывал актуальные условия, был уполномочен отдать Сахалин: «В его (Эномото Такэаки – *Авт.*) инструкции было указано, что Япония готова отказаться от Сахалина. Япония, отстаивая факт владения практически половиной острова, потребовала передачи от России Курильских островов, Россия должна была передать ей острова севернее острова Уруп, обеспечить режим максимального благоприятствования на рыбных промыслах» (Анчугова, Никитин, 2020: 26).

В историографии сложилась противоречивая оценка влияния враждебных в тот момент Англии и Франции на внешнюю политику Японии.

Советская и, вслед за ней, современная российская историография считает, что две передовые западные державы всячески настраивали Мейдзи на то, чтобы он не уступал Сахалин (см., в частности, Файнберг, 1955; Трехсвятский, 2002; Трехсвятский, 2003); военное столкновение Российской и Японской империй было выгодно и Англии, и Франции для взаимного ослабления двух держав в борьбе за так называемый «китайский пирог» – получение привилегий, принуждение к кабальным договорам и дальнейшую колонизацию (а по факту – разграбление) ослабленного Китая эпохи императрицы Цыси.

Японская историография, в свою очередь, наоборот, указывает, что западные страны убеждали Мейдзи в обратном – отдать Сахалин в обмен на другие уступки со стороны России, так как она будет стремиться к полному овладению островом, чтобы выйти к естественным границам (см., в частности, Трехсвятский, 2003: 247; Елизарьев, 2007: 112). Поэтому принципиальным условием со стороны России для возможного нового договора, закрепляющего фактическую колонизацию Сахалина, является «установление прочного естественного рубежа, исключаящего возможность пограничных недоразумений, а таковым только и может быть Лаперузов пролив» (из донесений губернатору японской крепости Хакодате на острове Хоккайдо в 1871 году; цит. по Файнберг, 1955: 272).

В силу указанных обстоятельств переговоры были весьма сложными. Руководитель Министерства иностранных дел Российской империи А.М. Горчаков, будучи талантливым и весьма опытным дипломатом, прекрасно помнил «закрывший» на несколько десятков лет Японию для России «инцидент с Головинным», решил действовать аккуратно и методично, избегая какого-либо силового давления.

¹ В японской традиции умерших императоров принято называть посмертным именем. При жизни имя первого японского императора было Муцухито (в некоторых работах из-за особенностей произношения – Мацухито; в частности, Анчугова, Никитин, 2020); в данной работе мы следуем японской литературной и исторической традиции, поэтому именуем его Мейдзи.

В противовес своим оппонентам из окружения Александра II (равно как дипломатам и военным деятелям начала XX века при Николае II, которые де-факто начали и с треском проиграли русско-японскую войну 1904–1905 годов), он выстраивает дипломатические отношения со Страной восходящего солнца на основе принципа равноправия, даже несмотря на то, что в военном и экономическом отношении Россия значительно превосходила Японию. Были определены территории, которые русское правительство было готово отдать взамен, в силу того, что, как было указано выше, полновластное обладание Сахалином было принципиальным условием для Российской империи. Таковыми территориями стали Курильские острова, причём вся гряда вплоть до полуострова Камчатка.

Когда условия возможных уступок были определены обеими сторонами, начался непосредственно переговорный процесс, завершившийся русско-японским договором 1875 года.

Как было указано выше, в 1874 году в российскую столицу прибыл уполномоченный японский посол Э. Такэаки. Российскую сторону закономерно представлял глава МИД А. Горчаков.

Переговоры были длительными и непростыми: Такэаки не желал уступать историческую сферу влияния Японии (причём он сам был с Хоккайдо, и в период революции даже основал там республику, став первым президентом в истории Новой Азии), в то время как Горчаков не хотел отдавать территории Сахалина и больших Курильских островов, которые были освоены русскими подданными.

В итоге принципиальность русской позиции по Сахалину сыграла свою роль: Такэаки согласился отдать его лишь в обмен на признание за Японией всей Курильской гряды. После консультаций с императором и членами правительства Горчаков согласился на предложенные условия.

Также были оговорены права русских жителей на японской территории и японских подданных – на русской. Подданство айнов на вновь приобретённых японских территориях Курил теперь было только японским. Это разделило айнов: аборигены островов Уруп, Симушир в полном составе и часть (12 человек) жителей Шумшу оказались верны России и переехали на Камчатку. Оставшаяся часть айнов на Шумшу, а также жители Парамушира в полном составе выбрали японское гражданство (о чём, в итоге, пожалели, так как в 1884 году их выселили в резервацию на о. Шикотан и запретили выходить в море и заниматься традиционным промыслом).

Что касается русских и японских поселенцев соответственно на Курилах и Сахалине, то практически все они уехали на свою родину.

По итогам переговоров 25 апреля¹ 1875 года был заключён Петербургский договор, который включал следующие условия:

- Сахалин всецело объявлялся территорией Российской империи;
- Курильские острова в полном составе объявлялись территорией Японской империи;
- жители Курильских островов должны были иметь обязательное подданство Японии.

Петербургский договор во многих фундаментальных (и не только) исторических трудах по истории русско-японских отношений (Файнберг, 1955; Трехсвятский, 2002; Трехсвятский, 2003; Сысоева, 2004; Высоков и др., 2008; Троицкая, 2009; Шкунов, 2019b; Сопачева, Гордиенко, 2020 и др.) считается если не кабалным для России, то весьма невыгодным, учитывая соотношение военных сил и промышленно-экономического потенциала сторон, указывая на чрезмерное получение Японией территориальных выгод. Заключение данного договора также ставилось в упрек и Горчакову, считая его одним из немногих провалов наиболее прославленного российского дипломата.

Однако, если взглянуть глубже на историю вопроса, становится понятным, что невыгодность его для России представляется весьма спорной.

Во-первых, Сахалин обладал весьма большими залежами угля, а также запасами древесины, пушнины, воды его заливов были полны промысловой рыбы. Во-вторых, юридические границы России вплотную приблизились к Японии; с учётом быстрого развития Владивостока, находившегося юго-западнее, военные укрепления Сахалина (и, прежде всего, портовый Корсаковский пост) брали Японию «в клещи»; остров, в случае необходимости, мог стать отличным плацдармом для атаки японского Хоккайдо, а возвращение островов военным путём и вовсе не представляло никакой сложности, имея такой плацдарм (атака на которые могла осуществляться одновременно и с Камчатки). В-третьих, стратегическое значение Курил в сравнении с Сахалином (как военного плацдарма, так и с точки зрения промышленного потенциала) в то время было совершенно неравнозначным. И, в-четвёртых, Горчаков сумел если не предотвратить русско-японскую войну, то хотя бы на три десятилетия отсрочить её, дав возможность России закрепиться на Дальнем Востоке, обустроив Петропавловск, Корсаковку, Владивосток и Порт-Артур, подведя к двум последним городам железную дорогу. В случае же жёсткого «продавления» своих условий, Япония могла бы признать фактический «вассалитет» над ней западных стран, которые в то время искали повод объявить Российской империи войну из-за несоблюдения условий Парижского мира; «обиженная» «могучим агрессивным соседом» «маленькая держава» могла обратиться за «помощью» к «сильным мира сего» за «восстановлением справедливости», и повод для войны был бы найден.

¹ Здесь и далее все даты – по старому стилю.

Так или иначе, но на первых порах Петербургский договор внёс ясность в разграничение территорий, снял напряжённость и помог обеим странам серьёзно готовиться к крупной войне за корейские, маньчжурские и китайские колонии.

5. Заключение

1. Договор представляет собой весьма качественный вариант компромисса, который претворил в жизнь один из наиболее выдающихся российских дипломатов Александр Михайлович Горчаков.

2. Переговоры были сложными, так как спорные территории – острова Курильской гряды и остров Сахалин – исторически были сферой влияния Японии, однако фактически были колонизированы Россией. Симодский трактат 1855 года и последующие попытки заключения договоров (в частности, «Временное соглашение об острове Сахалин» 1862 года) не удовлетворяли ни российскую, ни японскую стороны.

3. Заключенное в 1875 году Петербургское соглашение объявляло Сахалин территорией Российской империи, а острова Курильской гряды – территорией Японской империи.

Большинством дореволюционных, советских и современных историков договор считается выгодным для Японии и невыгодным для России, так как в военно-техническом и экономическом отношении перевес был всецело на стороне последней, при том, что именно российское правительство пошло на уступки, которые могло и не делать – военное противостояние стало бы убийственным для Страны восходящего солнца. Тем не менее министр иностранных дел России А.М. Горчаков выстроил линию переговоров на основе принципа равноправия, когда обе стороны получали выгоды от заключения договора. Соблюдение такого принципа позволило на три десятилетия отсрочить военное противостояние, не дало повода объявить России войну западными странами, прежде всего Англией и Францией, а также дало возможность укрепить русские города на Дальнем Востоке.

Литература

[Анчугова, Никитин, 2020](#) – Анчугова И.А., Никитин А.Д. Международные отношения Российской империи и Японии в XIX в. Влияние Симодского и Петербургского мирных договоров на взаимоотношения между государствами / *Эволюция российского права. Материалы XVIII Заочной международной научной конференции молодых ученых и студентов*. Уральский государственный юридический университет. 2020. С. 25-26.

[Высоков и др., 2008](#) – Высоков М.С., Василевский А.А., Костанов А.И., Ищенко М.И. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия: учебное пособие для студентов высших учебных заведений региона по специальности «История». Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинское книжное издательство, 2008.

[Елизарьев, 2007](#) – Елизарьев В.Н. От «Временного соглашения об острове Сахалин» (1867 г.) к Санкт-Петербургскому договору (1875 г.) // *Россия и АТР: Гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона*. 2007. 1(55). С. 107-116.

[История Курильского..., 2018](#) – История Курильского архипелага: открытие, освоение и взгляды // *Сборник докладов и сообщений круглого стола*. Южно-Сахалинск, 2018.

[Колосова, 2018](#) – Колосова Р.А. Курильские острова как камень преткновения в построении двусторонних взаимоотношений с японскими партнерами / *Актуальные проблемы современного международного права. Материалы XV Международного конгресса*. В 3-х частях. Ответственные редакторы А.Х. Абашидзе, Н.Н. Емельянова. 2018. С. 110-115.

[Костанов, 1996](#) – Костанов А.И. Поручик А.Я. Радковский и его перепись сахалинских айнов // *Вестник Сахалинского музея*. 1996. № 1 (3). С. 213-224.

[Кузьминков, 2013](#) – Кузьминков В.В. Курилы – земля российская // *Свободная мысль*. 2013. № 4 (1640). С. 117-130.

[Надбитова, 2020](#) – Надбитова З.Н. Российско-японские отношения: история и современность / *Научные труды молодых ученых. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции*. 2020. С. 38-40.

[Романова, 2016](#) – Романова А. Российско-японские отношения: история и современность // *Молодой ученый*. 2016. № 17-1 (121). С. 112-116.

[Сапунов, 2018](#) – Сапунов А.А. Курильские острова в научных публикациях и исследованиях / *История Курильского архипелага: открытие, освоение и взгляды. Сборник докладов и сообщений круглого стола* / Сост. Н.В. Потапова. Южно-Сахалинск, 2018. С. 53-55.

[Сопачева, Гордиенко, 2020](#) – Сопачева С.О., Гордиенко А.А. Территориальное разногласие о курильских островах и острове Сахалин / *Современные проблемы правотворчества и правоприменения. Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции в рамках Байкальского студенческого юридического форума-2020* / Отв. редакторы Э.И. Девицкий, С.И. Суслова. 2020. С. 23-29.

Сысоева, 2004 – Сысоева Е.А. Сахалин и Курильские острова в русско-японских отношениях 1855-1875 гг. (от Симодского трактата до Петербургского договора). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Владимир: Владимир. гос. пед. ун-т., 2004.

Толмачева, 2024 – Толмачева Е.Н. Урегулирование территориального вопроса с Японией в целях обеспечения национальной безопасности России // *Государственное управление и развитие России: цивилизационные вызовы и национальные интересы. Сборник статей Конференц-сессии ИГСУ РАНХиГС*. Москва, 2024. С. 464-477.

Трехсвятский, 2002 – Трехсвятский А.В. Экономическое развитие южного Сахалина и японское рыболовство. 1875-1905 гг. // *Россия и АТР*. 2002. № 1 (35). С. 90-103.

Трехсвятский, 2003 – Трехсвятский А.В. Сахалин в системе русско-японских отношений в XIX столетии. Дисс. к-та. ист. наук. Владивосток, 2003.

Троицкая, 2009 – Троицкая Н.А. Новая книга по истории Сахалина и Курильских островов // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2009. № 1 (5). С. 75-76.

Файнберг, 1955 – Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения (1797-1875). Дисс. д-ра ист. наук. М., 1955.

Шкунов, 2019a – Шкунов В.Н. Русская православная церковь в системе внешней торговли России с древнейших времен до 1917 года. Саратов, 2019.

Шкунов, 2019b – Шкунов В.Н. Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Саратов, 2019.

References

Anchugova, Nikitin, 2020 – Anchugova, I.A., Nikitin, A.D. (2020). Mezhdunarodnye otnosheniya Rossiiskoi imperii i Yaponii v XIX v. Vliyaniye Simodskogo i Peterburgskogo mirnykh dogovorov na vzaimootnosheniya mezhdu gosudarstvami [International relations of the Russian Empire and Japan in the 19th century. The influence of the Shimoda and St. Petersburg peace treaties on relations between states]. *Evolutsiya rossiiskogo prava. Materialy XVIII Zaochnoi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh i studentov. Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet*. Pp. 25-26. [in Russian]

Elizar'ev, 2007 – Elizar'ev, V.N. (2007). Ot «Vremennogo soglasheniya ob ostrove Sakhalin» (1867 g.) k Sankt-Peterburgskomu dogovoru (1875 g.) [From the “Provisional agreement on Sakhalin island” (1867) to the St. Petersburg Treaty (1875)]. *Rossiya i ATR: Gumanitarnye problemy stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona*. 1(55): 107-116. [in Russian]

Fainberg, 1955 – Fainberg, E.Ya. (1955). Russko-yaponskie otnosheniya (1797-1875) [Russian-Japanese Relations (1797-1875)]. Diss. d-ra ist. nauk. M. [in Russian]

Istoriya Kuril'skogo..., 2018 – Istoriya Kuril'skogo arhipelaga: otkrytie, osvoenie i vzglyady [History of the Kuril archipelago: discovery, development and views]. *Sbornik dokladov i soobshchenii kruglogo stola*. Yuzhno-Sakhalinsk. [in Russian]

Kolosova, 2018 – Kolosova, R.A. (2018). Kuril'skie ostrova kak kamen' pretknoveniya v postroenii dvustoronnikh vzaimootnoshenii s yaponskimi partnerami [The Kuril Islands as a stumbling block in building bilateral relations with Japanese partners]. *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava. Materialy XV Mezhdunarodnogo kongressa. V 3-kh chastyakh*. Otvetstvennye redaktory A.Kh. Abashidze, N.N. Emel'yanova. Pp. 110-115. [in Russian]

Kostanov, 1996 – Kostanov, A.I. (1996). Poruchik A.Ya. Radkovskii i ego perepis' sakhalinskikh ainov [Lieutenant A.Ya. Radkovsky and his census of the Sakhalin Ainu]. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*. 1(3): 213-224. [in Russian]

Kuz'minkov, 2013 – Kuz'minkov, V.V. (2013). Kurily – zemlya rossiiskaya [The Kuril Islands are Russian land]. *Svobodnaya mysl'*. 4(1640): 117-130. [in Russian]

Nadbitova, 2020 – Nadbitova, Z.N. (2020). Rossiisko-yaponskie otnosheniya: istoriya i sovremennost' [Russian-Japanese relations: history and modernity]. *Nauchnye trudy molodykh uchenykh. Sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pp. 38-40. [in Russian]

Romanova, 2016 – Romanova, A. (2016). Rossiisko-yaponskie otnosheniya: istoriya i sovremennost' [Russian-Japanese relations: history and modernity]. *Molodoi uchenyi*. 17-1(121): 112-116. [in Russian]

Sapunov, 2018 – Sapunov, A.A. (2018). Kuril'skie ostrova v nauchnykh publikatsiyakh i issledovaniyakh [The Kuril Islands in scientific publications and research]. *Istoriya Kuril'skogo arhipelaga: otkrytie, osvoenie i vzglyady. Sbornik dokladov i soobshchenii kruglogo stola*. Sost. N.V. Potapova. Yuzhno-Sakhalinsk. Pp. 53-55. [in Russian]

Shkunov, 2019a – Shkunov, V.N. (2019). Russkaya pravoslavnaya tserkov' v sisteme vneshnei trgovli Rossii s drevneishikh времен до 1917 goda [Russian Orthodox Church in the system of foreign trade of Russia from ancient times to 1917]. Saratov. [in Russian]

Shkunov, 2019b – Shkunov, V.N. (2019). Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya Rossiiskoi imperii s sopredelnymi stranami Vostoka vo vtoroi polovine XVIII – pervoi polovine XIX veka [Trade and economic relations of the Russian Empire with neighboring countries of the East in the second half of the 18th – first half of the 19th century]. Saratov. [in Russian]

[Sopacheva, Gordienko, 2020](#) – *Sopacheva, S.O., Gordienko, A.A. (2020). Territorial'noe raznoglasie o kuril'skikh ostrovakh i ostrove Sakhalin [Territorial disagreement about the Kuril Islands and Sakhalin Island]. Sovremennye problemy pravotvorchestva i pravoprimeneniya. Materialy Vserossiiskoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh Baikal'skogo studencheskogo yuridicheskogo foruma-2020. Otv. redaktory E.I. Devitskii, S.I. Suslova. Pp. 23-29. [in Russian]*

[Sysoeva, 2004](#) – *Sysoeva, E.A. (2004). Sakhalin i Kuril'skie ostrova v russko-yaponskikh otnosheniyakh 1855-1875 gg. (ot Simodskogo traktata do Peterburgskogo dogovora) [Sakhalin and the Kuril Islands in Russian-Japanese Relations in 1855-1875 (from the Treaty of Shimoda to the Treaty of St. Petersburg)]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Vladimir: Vladimir. gos. ped. un-t. [in Russian]*

[Tolmacheva, 2024](#) – *Tolmacheva, E.N. (2024). Uregulirovanie territorial'nogo voprosa s Yaponiei v tselyakh obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossii [Settlement of the territorial issue with Japan in order to ensure Russia's national security]. Gosudarstvennoe upravlenie i razvitie Rossii: tsivilizatsionnye vyzovy i natsional'nye interesy. Sbornik statei Konferents-sessii IGSU RANKhiGS. Moskva. Pp. 464-477. [in Russian]*

[Trekhsvyatskii, 2002](#) – *Trekhsvyatskii, A.V. (2002). Ekonomicheskoe razvitie yuzhnogo Sakhalina i yaponskoe rybolovstvo. 1875-1905 gg. [Economic development of southern Sakhalin and Japanese fisheries. 1875-1905]. Rossiya i ATR. 1(35): 90-103. [in Russian]*

[Trekhsvyatskii, 2003](#) – *Trekhsvyatskii, A.V. (2003). Sakhalin v sisteme russko-yaponskikh otnoshenii v XIX stoletii [Sakhalin in the system of Russian-Japanese relations in the 19th century]. Diss. k-ta. ist. nauk. Vladivostok. [in Russian]*

[Troitskaya, 2009](#) – *Troitskaya, N.A. (2009). Novaya kniga po istorii Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov [New book on the history of Sakhalin and the Kuril islands]. Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 1(5): 75-76. [in Russian]*

[Vysokov i dr., 2008](#) – *Vysokov, M.S., Vasilevskii, A.A., Kostanov, A.I., Ishchenko, M.I. (2008). Istoriya Sakhalina i Kuril'skikh ostrovov s drevneishikh vremen do nachala XXI stoletiya: uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii regiona po spetsial'nosti «Istoriya» [History of Sakhalin and the Kuril islands from ancient times to the beginning of the 21st century: a textbook for students of higher education institutions of the region majoring in history]. Yuzhno-Sakhalinsk: Yuzhno-Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo. [in Russian]*

К вопросу о Петербургском договоре 1875 года России и Японии: к 150-летию с момента подписания

Олег Евгеньевич Чуйков ^{a, *}, Михаил Гурамович Смирнов ^b, Вера Евгеньевна Батюкова ^c,
Кристина Александровна Зарубина ^d

^a Курский государственный медицинский университет Минздрава России, Курск,
Российская Федерация

^b Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, Москва,
Российская Федерация

^c Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

^d Юго-западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

Аннотация. Данное исследование посвящено 150-летию подписания Петербургского договора в 1875 году, который на первых порах относительно чётко разграничивал спорные территории и в целом может считаться победой российской дипломатии, руководимой А.М. Горчаковым. Материалом для работы послужили современные российские труды по данной проблематике, а в качестве методов исследования применены историко-системный и историко-генетический методы, а также метод контент-анализа.

Подводя итоги, авторы отмечают, что договор представляет собой весьма качественный вариант компромисса, который претворил в жизнь один из наиболее выдающихся российских дипломатов Александр Михайлович Горчаков.

Переговоры были сложными, так как спорные территории – острова Курильской гряды и остров Сахалин – исторически были сферой влияния Японии, однако фактически были колонизированы Россией. Симодский трактат 1855 года и последующие попытки договоров (в частности, «Временное соглашение об острове Сахалин» 1862 года) не удовлетворяли ни российскую, ни японскую стороны.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: chuiikov-ru@mail.ru (О.Е. Чуйков)

Заключённое в 1875 году Петербургское соглашение объявляло Сахалин территорией Российской империи, острова Курильской гряды территорией Японской империи. Большинство дореволюционных, советских и современных историков договор считается выгодным для Японии и невыгодным для России, так как в военно-техническом и экономическом отношении перевес был всецело на стороне последней, однако она пошла на уступки. Тем не менее, министр иностранных дел России А.М. Горчаков выстроил линию переговоров на основе принципа равноправия, когда обе стороны получали выгоды от заключения договора. Соблюдение такого принципа позволило на три десятилетия отсрочить военное противостояние и не дало повода объявить войну России западными странами, прежде всего Англией и Францией.

Ключевые слова: Петербургский договор 1875 года, российско-японские отношения, дипломатия Российской империи во второй половине XIX века, А.М. Горчаков.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 902-910
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.902

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Problems of Transport Communication and Tariff Regulation in the Economic Development of Siberia in the late 19th – early 20th centuries

Evgeny A. Akhtamov ^{a, *}, Tatyana V. Izluchenko ^{a, b}, Denis N. Gergilev ^{a, b}, Ludmila V. Belgorodskaya ^a

^a Siberian Federal University, Russian Federation

^b Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Abstract

The article examines the factors that hindered the economic development of Siberia at the turn of the 19th and 20th centuries. The most obvious obstacle to the rapid economic development of Siberia in the period under review was the remoteness of the region from European Russia, as well as from the economic centers of European states. It is interesting that the completion of the Trans-Siberian Railway, which connected Siberia with European Russia, on the one hand, gave impetus to the development of the region, and on the other, according to a number of researchers of the early 20th century, did not have the full impact on the economic development of Siberia that could have been expected. According to contemporaries, the restraining factor in the economic development of Siberia was the tariff policy aimed at protecting agricultural producers in European Russia, as well as the tariff policy regarding goods imported to Siberia via the Northern Sea Route.

The authors examine the role of the Chelyabinsk tariff turning point in the development of Siberian agriculture, as well as the Perm-Kotlas railway in grain exports from Siberia. The authors note that researchers of the early 20th century attached great importance to the development of shipping along the Northern Sea Route as an alternative to the Trans-Siberian Railway. To a certain extent, such sentiments in society were due to the events of the Russo-Japanese War of 1904–1905. It was assumed that the development of water communication would relieve the Trans-Siberian Railway and minimize the costs of Siberian producers for the delivery of goods to European ports. It is worth noting that with the subsequent development of rail communication, the tariff policy was softened, which met the interests of the Siberian peasantry.

Keywords: Northern Sea Route, Trans-Siberian Railway, Siberia, tariff, economic development, trade, sales markets.

1. Введение

На рубеже XIX–XX вв. вопрос транспортного сообщения как внутри Сибири, так и с европейской частью России, оказывал решающее влияние на возможности хозяйственного развития Сибири. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали ускорило социально-экономическое развитие Сибири, способствовало появлению в регионе новых промышленных центров, в целом, сблизило Сибирь с европейской частью России. Вместе с тем в сибирском сообществе высказывались опасения, что железная дорога не сможет в полной мере удовлетворить потребности сибирских производителей, которые заключались, прежде всего, в обеспечении сбыта продуктов труда сибирского населения и обеспечения его продуктами первой необходимости, многие из которых в Сибири не производились. В качестве альтернативы железной дороге предлагалось

* Corresponding author

E-mail addresses: akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), izluchenko@mail.ru (T.V. Izluchenko), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), blv.kr@yandex.ru (L.V. Belgorodskaya)

использовать Северный морской путь, который, при должной поддержке правительства и введении беспощинной торговли, мог способствовать скорейшему экономическому развитию Сибири. В связи с этим представляют интерес обоснования исследователей начала XX в. о целесообразности использования Северного морского пути и о внутренних факторах в развитии сибирской экономики, которые не нашли достаточного освещения в исторической литературе.

2. Материалы и методы

Источниковую базу данного исследования составили работы С.В. Востротина «Наши водные пути в Сибирь» (Востротин, 1906) и «Северный морской путь и челябинский тарифный перелом» (Востротин, 1908). В данных работах рассмотрена история плаваний по Северному морскому пути, приведены статистические сведения по импортируемым и экспортируемым товарам, в целом, по стоимости перевозок. Представляют интерес сведения, приводимые С.В. Востротиним об экономическом развитии Сибири и о взаимосвязях в хозяйственном развитии региона. Разнообразные по характеру сведения о хозяйственном развитии региона отражены в издании З. Вольского «Вся Сибирь: справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири» (Вольский, 1908), а также в периодических изданиях Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог (Близняк, 1914).

В качестве методологической основы исследования был выбран системно-структурный метод, позволяющий рассматривать историческое явления во взаимосвязи его структур. Это позволило проанализировать хозяйственную жизнь Сибири с учётом широкого спектра внутренних и внешних факторов, влиявших на экономическую активность в регионе. Проблемно-хронологический метод позволил рассмотреть изучаемые явления в динамике.

3. Обсуждение

Вопросы хозяйственного развития Сибири в XIX в. и проблемы её транспортного сообщения впервые стали подниматься уже в работах современников. Крупными трудами по изучению проблем судоходства в бассейне реки Енисей, а также в арктических водах стали исследования А.М. Сибирякова. А.М. Сибиряков активно содействовал изучению региона, исследованию водных путей, результатом чего стало появление целого ряда работ (Сибиряков, 1881, 1893, 1907). Значение Транссибирской железнодорожной магистрали в социально-экономическом и культурном развитии Сибири, в укреплении восточных границ Российской империи также нашло отражение в работах дореволюционных авторов (Богданович, 1868; Красовский, 1890; Коверский, 1896).

В последующем интерес к проблеме взаимосвязи транспортного сообщения и хозяйственного развития оставался неизменно высоким. Крупными исследованиями по истории судоходного транспорта стала коллективная монография под редакцией Н.М. Чеботарева (Чеботарев, 1985), работа В.Н. Большакова (Большаков, 1991).

В коллективной работе под редакцией В.Г. Третьякова изучены социальные аспекты развития железнодорожного сообщения: организация труда и быта строителей, оказание медицинской помощи, в целом, развитие социальной инфраструктуры (Железнодорожный транспорт..., 2001). Необходимо отметить, что в последние десятилетия историография вопроса была значительно расширена благодаря появлению целого ряда обобщающих работ. Так, в работе С.А. Сафронова (Сафронов, 2006), наряду с анализом различных аспектов землеустройства в Сибири, исследованы проблемы развития железнодорожного транспорта и водного сообщения. В изысканиях А.Е. Гончарова исследованы различные аспекты плаваний по Северному морскому пути (Гончаров, 2014, 2022). Проблема тарифов за перевозки и вопросы о беспощинной торговли проанализированы в коллективной работе О.М. Долидович, В.И. Федоровой, А.С. Жулаевой (Долидович, Федорова, Жулаева, 2019). Государственная политика по хозяйственному развитию Сибири, социальные проблемы, возникавшие при строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали, проанализированы в коллективном труде С.Т. Гайдина, Г.А. Бурмакиной, Р.В. Павлюкевича, Т.Г. Шереметовой (Гайдин и др., 2020). История экспедиций по Северному морскому пути и Енисею рассмотрена в совместной работе А.П. Дворецкой, А.В. Шахматова, А.В. Суржко, Н.Р. Новосельцева (Дворецкая и др., 2024). Значимым представляется то, что проблема развития Сибири также нашла отражение в зарубежной историографии. Так, в работе Дж. М. Хартелей, наряду с вопросами социальной структуры сибирского общества, рассмотрена история строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и её роль в развитии экономики (Harteley, 2014). Достоинством исследования является то, что автором были проанализированы данные российских архивов. В работе М. Миллер, помимо вопросов индустриального развития, анализируется состояние водных путей и железных дорог (Miller, 2017).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что вопрос о взаимосвязи хозяйственного развития и доступности транспортного сообщения в Сибири неизменно привлекает внимание исследователей.

4. Результаты

Торговые отношения между северными побережьями России и Сибири по Ледовитому океану и Карскому морю существовали ещё в конце XVI – начале XVII в. Судходство по этому пути было настолько оживлённым и широко развитым, что вызвало необходимость основания города на реке Таз, несколько выше её впадения в Обскую губу. Этот город – Мангазея, был основан в 1601 г. и назван так по наименованию территории, располагавшейся между Обью и Енисеем, и составлявшей северную часть Тобольской и Енисейской губерний. В течение короткого времени Мангазея стала центром этих торговых отношений и местом притяжения промышленников и торговцев с берегов Белого моря, а также иностранцев.

Однако этот путь был вскоре закрыт по ходатайству тобольского воеводы князя Куракина. Князь Куракин был против идеи развития торговли по морскому пути. В 1616 г. князь Куракин добился запрещения пропуска иностранцев далее Архангельска. Запрет был аргументирован тем, что иностранные компании могут претендовать на богатства Сибири. Позднее запрет на использование морского пути был распространён и на соотечественников. Вследствие прекращения торговли Мангазея исчезла, а плавание по Северному морскому пути стало считаться невозможным. Только во второй половине XIX в., благодаря английским и шведским мореплавателям, на практике была вновь доказана возможность судходства по Северному морскому пути. В 1876 г. на Енисей были доставлены первые образцы товаров, присланные английскими купцами.

Ввиду сложности плавания судходство по Северному морскому пути нуждалось в помощи государства, а именно в разрешении беспошлинной торговли. Уже в 1877 г. Высочайшим постановлением беспошлинный ввоз иностранных товаров был разрешён на срок от одного года до пяти в зависимости от группы товаров. По настоянию российских производителей на ряд товаров, производившихся в России, пошлины были сохранены. В дальнейшем режим свободной торговли продлевался несколько раз, вплоть до 1898 г., с условием контроля российской стороной товаров, ввозимых в страну. Это позволяло не допустить ущерба внутренней промышленности.

Введение режима порто-франко позволило привлечь предпринимателей к использованию Северного морского пути, накопить опыт мореходства в регионе, составить более точные морские карты. О сложности плавания говорит то, что за период с 1877 по 1886 г. из 34 судов, вышедших из портов Европы в устья Оби и Енисея, 20 были вынуждены вернуться обратно. При этом, когда мореходы ближе познакомились с условиями судходства по Карскому морю, экспедиции стали успешнее: за период с 1887 по 1898 г. все 36 судов, вышедших из портов Европы, достигли цели (Востротин, 1906: 6). В 1897 г. в сибирские реки было направлено 12 судов, которые успешно достигли цели. Однако, стоит отметить, что для проведения судов по Карскому морю требовался значительный опыт. Убеждённые в беспрепятственной проходимости Карского моря, англичане отправили экспедицию в 1899 г. под руководством лица, совершенно незнакомого с условиями плавания по этому морю. Встретив льды в проливах и потеряв одно судно, экспедиция вернулась обратно, хотя многие промысловые суда в том же году свободно плавали по Карскому морю (Востротин, 1906: 6).

Сложность доставки грузов по Карскому морю заключалась не только в тяжёлых условиях судходства. Предприниматели несли большие расходы в связи с высокой стоимостью фрахта, страховых взносов, рисками, связанными с недостаточным устройством торговли в этом малодоступном направлении, и в целом большими накладными издержками в сравнении с ввозом по европейской границе. В этих условиях ведение торговли могло быть рентабельным либо при отсутствии, либо при льготных тарифных пошлинах. Однако в 1898 г. вступил в силу закон, допускавший беспошлинную торговлю только при соблюдении ряда условий. Так, оборудование можно было завозить без уплаты пошлины при предоставлении уведомления от «областного механика» (Востротин, 1908: 14) – российского должностного лица – о том, что оно предназначено для существовавших или для разрешённых к строительству предприятий. При этом лица, выписывающие машины, должны были предварительно дать областному механику подписку о том, что машины будут установлены на заводе и приведены в действие. Вследствие ужесточения правил, весь груз, отправленный в 1899 г., вернулся в Англию. Всего на Обь и Енисей было отправлено 38 тыс. пудов грузов, и сверх этого на Обь было отправлено 223,984 пуда кирпичного чая (Востротин, 1908: 15). В последующее десятилетие Северный морской путь постепенно стал предаваться забвению (Близняк, 1914: 121).

Стоит отметить существовавшее противоречие в тарифной политике и политике по хозяйственному развитию Сибири. Правительством принимались широкие меры по наибольшему переселению земледельческого населения в Сибирь, для чего выделялись огромные средства для упорядочения переселенческого движения, оказания первой помощи переселенцам, устройства их на новых местах, а также мероприятия по отводу переселенцам земель. Между тем, несмотря на оказываемую помощь переселенческому движению, правительство не решало вопрос, играющий первостепенную роль в колонизации страны, а именно – обеспечение сбыта продуктов труда этого населения и получение им продуктов первой необходимости. Сибирское население было поставлено в крайне тяжёлые условия, поскольку оно не имело вблизи ни на западе, ни на востоке от себя крупных потребительских рынков, куда оно могло бы сбывать свой хлеб. Вопрос о сбыте сельскохозяйственных

продуктов встал гораздо острее, чем он был в последней декаде XIX в. Для всей колоссальной территории Сибири, прилегающей к магистрали Сибирской дороги от Челябинска до Канска (около 2 300 вёрст), ближайшими потребительскими рынками могли служить уральский горнозаводской район, с одной стороны, и Иркутская губерния и Забайкалье – с другой. Однако эти рынки были чрезвычайно слабы и ограничены, к тому же на них в значительном объёме присутствовал хлеб местных производителей. Кроме того, там присутствовали серьёзные конкуренты как с запада, так и с востока. Поэтому для развития своего сельского хозяйства Сибирь должна была иметь выход как на внутренний рынок европейской России, так и на международный (Востротин, 1906: 28). Вместе с тем сбыт сибирского хлеба в этих направлениях испытывал серьёзные затруднения. Первым препятствием для вывоза сибирского хлеба были дальние расстояния – тарифные расходы по перевозке хлеба становились настолько значительными, что делали его сбыт затруднительным. Положение сибирского земледельческого населения в отношении сбыта сельскохозяйственных продуктов было поставлено в такие условия, в каких оно не находилось в самых отдалённых уголках Европейской России.

Из-за опасения, что дешёвый сибирский хлеб может наводнить внутренние рынки России и понизить хлебные цены, а также под давлением владельцев земель внутренних губерний, правительство установило для сибирского хлеба, идущего на запад – на внутренние и на международные рынки – «своего рода тарифную запруду в Челябинске – так называемый тарифный перелом, при котором дифференциальный тариф при дальнейшем следовании хлеба на запад, прерывается в Челябинске» (Востротин, 1908: 30). В результате плата за перевозку хлебных грузов, идущих из Сибири на запад, рассчитывалась не за сплошное расстояние от станции отправления до станции назначения, как это делается при перевозках хлеба в Европейской России.

Приводимая ниже таблица показывает провозные платы зернового хлеба от некоторых главных пунктов Сибирской железной дороги до портов, рассчитанные с переломом и без перелома тарифа в Челябинске (в копейках, без дополнительного сбора).

Таблица 1. Провозные платы зернового хлеба (Востротин, 1908: 30)

До станции	Санкт-Петербург		Ревель		Рига	
От станции	С переломом	Без перелома	С переломом	Без перелома	С переломом	Без перелома
Курган	37,33	32,73	40,53	36,45	41,80	38,11
Омск	46,34	38,16	49,54	42,76	50,81	44,43
Обь	52,79	45,49	55,98	50,09	57,25	51,75
Красноярск	58,94	54,34	62,14	58,94	63,41	60,60
Канск	60,91	57,18	64,11	61,78	65,38	63,44

Челябинский перелом, как видно из таблицы, увеличивал стоимость доставки зерна в порты из разных пунктов Сибири от 2 до 8 копеек на пуд. Даже без завышенной тарификации стоимость доставки сибирского хлеба в порты, не считая дополнительных сборов, составляла от 32 до 63 копеек за пуд. Если принять во внимание дополнительные сборы и посредническую прибыль, то стоимость доставки составляла уже от 40 до 70 копеек. При существовавшем же переломе стоимость доставки от некоторых пунктов до портов увеличивалась ещё на 8 копеек.

При средних ценах на зерно сибирский хлеб был не в состоянии выдержать таких расходов по доставке. Если же наиболее ценное сибирское зерно – пшеница – пробивалось к балтийским портам, хоть и в ограниченных объёмах, это происходило лишь в случае богатого урожая, когда зерно дёшево покупали в Сибири, а также в периоды высоких цен на зерно в Европейской России и Европе. При этом наиболее высокие шансы попасть на западные рынки были у пшеницы, выращенной относительно недалеко к востоку от Челябинска.

Для сибирского хлеба был открыт льготный провоз по Пермь-Котласской железной дороге до Архангельского порта для экспорта за границу. Для перевозки в Котлас со станций участка Челябинск-Мамлютка (450 вёрст) были установлены пониженные тарифы, причём понижение для некоторых станций доходило до 1/87 копейки с пуда и версты. От Челябинска до Котласа (за расстояние в 1509 вёрст) был установлен тариф в 17,41 копейку с пуда. При этом за почти такое же расстояние от Тюмени до Котласа был установлен общий тариф 26,73 копейки (Востротин, 1908: 31). Разница составляла почти 10 копеек в связи с тем, что в Челябинск грузы приходили по Сибирской железной дороге, а в Тюмень они прибывали по воде. Этим направлением и льготами правительство пыталось отвлечь сибирский хлеб от портов Балтийского моря, где он мог бы снизить российские

цены на хлеб. Однако эта дорога, приносящая огромные убытки казне, всё-таки не смогла привлечь к себе сибирский хлеб. Несмотря на льготы для котласского направления, сибирский хлеб даже в Архангельск нередко предпочитали отправлять кружным путём через Самару и Москву.

Связано это было с тем, что при той же дальности Архангельского порта от Сибири, перевозка здесь осуществлялась в смешанном сообщении: до Котласа по железной дороге, а от Котласа – рекой Северная Двина. При этом закупаемый осенью хлеб мог быть отправлен только в весеннюю навигацию следующего года. В результате этим сообщением могли пользоваться только крупные хлебные фирмы, способные закупать зерно большими партиями. Мелкие хлеботорговцы были не в состоянии нести дополнительные накладные расходы: задержку зерна и оплату его хранения в Котласе.

Что касается Сибирской железной дороги, то массовые хлебные грузы перевозились на сравнительно небольшие расстояния. Всего хлебных грузов было перевезено, например, в 1904 г. 24,5 млн. пудов. Из этого количества было доставлено в Челябинск с ближайших станций до Петропавловска 15 млн. пудов, из которых 5 млн. пудов передано на Самаро-Златоустовскую дорогу. Точно также из прилегающих хлебных районов в Иркутск было доставлено 5 млн. пудов хлеба. Средний пробег провозившегося по Сибирской железной дороге хлеба составлял 641 версту (Востротин, 1908: 33). Это свидетельствовало о том, что даже внутри Сибири хлеб перемещался только между смежными областями и был обречён на сбыт только в таком размере, в каком в нём нуждалось местное население соседних мест. Если же зерно перевозилось из одной местности в другую, то для этого главным образом пользовались водными путями – Енисеем, Чулымом, Томью, Обью, Иртышем, Ишимом, Тоболом и др. Сибирские крестьяне, стремясь найти способы вывоза своего хлеба, стали осваивать мукомольное производство. Однако в январе 1907 г. было произведено повышение тарифов на муку, что поставило перед производителями новую преграду.

Стоит отметить, что попытки изменить тарифную систему предпринимались регулярно. Так, в январе 1905 г., на очередном совещании по пересмотру хлебных тарифов председатель Курганского отдела Императорского Московского общества сельского хозяйства настаивал на уничтожении челябинского перелома. В 1905 г. железнодорожный тариф составлял для Кургана 50 % от цены на хлеб в портах, для станции Обь – 75 % от цены на хлеб в портах, не считая стоимости гужевого подвоза к станции. Таким образом, если принять, что стоимость пшеницы в балтийских портах составляла около 1 рубля за пуд, в Тобольской губернии стоимость пуда пшеницы не могла превышать 50 копеек, а в Томской губернии – 35-40 копеек за пуд (Востротин, 1908: 31).

Учитывая изложенное, отсутствие выхода на внешние рынки сохраняло низкие цены на хлеб в самой Сибири. В результате сельское хозяйство становилось малоприбыльным. В целом в Сибири это отрицательно отражалось на динамике развития земледелия, которую не могло в достаточной степени оживить даже переселенческое движение. По сведениям центрального статистического комитета, площади посева хлебов в уездах, даже ближайших к линии Сибирской железной дороги, далеко не увеличивались пропорционально приросту населения (Вольский, 1908: 205).

Сравнение динамики развития сельского хозяйства в Европейской России и Сибири демонстрирует угнетённое состояние сельского хозяйства в Сибири. За десятилетие, с 1895 по 1905 г., в Тобольской и Томской губерниях, куда активно направлялись переселенцы, общая площадь посевов возросла: в Тобольской губернии на 17 %, в Томской губернии – на 34 %. В Саратовской губернии, откуда крестьянское население переселялось в Сибирь, площадь посевов за этот же период выросла на 39 %, в Астраханской – на 51 %, в Области войска Донского – на 60 %, в Ставропольской губернии – на 75 %. Посевы же исключительно пшеницы в Тобольской губернии увеличились на 57 %, Томской – на 50 %, в Ставропольской – на 82 %, в Тверской – на 87 %. Главной причиной того, что на колонизируемых территориях хозяйство в своём прогрессе отставало от местностей перенаселённых, было отсутствие у переселенцев возможности сбывать производимые товары (Востротин, 1908: 35).

Таким образом, российский земледелец, соблазнённый к переселению в Сибирь всевозможными льготами и, главным образом, обилием земли, попадает в такие тяжёлые условия сбыта своих сельскохозяйственных продуктов, какие он не имел на родине. При существовании челябинского тарифного перелома переселенец не мог пользоваться общим тарифом со ставкой, применявшейся на далёких расстояниях, в 1/80 коп. с пуда и версты. Переселенец мог пользоваться общим тарифом лишь в направлении на восток, где для него не было сколько-нибудь серьёзного рынка. В направлении же возможного сбыта на запад, в Челябинске были установлены тарифы на сибирскую продукцию как для иностранного товара. В урожайные годы цена на хлеб в некоторых районах Сибири опускалась до 15 коп. за пуд. При такой стоимости хлеба земледелец даже не мог компенсировать свои затраты по уборке хлеба (Востротин, 1908: 38).

Для жителей Енисейской губернии занятие земледелием также становилось невыгодным. Поскольку для хлеба Енисейской губернии не было выхода ни на восток, ни на запад, состояние местного хлебного рынка находилось в угнетённом состоянии, что было констатировано губернским комитетом. С проведением Сибирской железной дороги все притрактовое население, занимавшееся извозом, при котором поглощалась масса сельскохозяйственных продуктов, было вынуждено заняться земледелием. А с упадком золотопромышленности в регионе значительно сократились рынки сбыта в губернии.

Основным препятствием для развития производств, которые могли бы поглощать избытки сельскохозяйственной продукции, являлось отсутствие в регионе достаточно развитых путей сообщения. Недостаточно же развитая промышленность в Сибири не могла создать необходимого количества рабочих мест для всех прибывающих в Сибирь. С.В. Востротин указывал на отсутствие рабочих мест как на фактор, препятствующий коренизации пришлого элемента. «По вычислениям, основанным на данных Министерства путей сообщения, последние три года (1905, 1906 и 1907), процент возвращающихся обратно переселенцев по самому минимальному подсчёту достигает 34 из 100 переселяющихся; лишь 66 остаются в Сибири, остальные возвращаются после безуспешным попыток надёжно устроить своё хозяйство» (Востротин, 1908: 40). Решение проблемы представлялось в принятии мер, направленных на облегчение сбыта сельскохозяйственных продуктов, для чего должны были быть открыты все доступные выходы сибирскому хлебу на внешние рынки. Одной из мер должна была стать отмена челябинского тарифного перелома и установление пониженного тарифа для перевозки хлеба из Сибири до Балтийских портов (от 1/87 до 1/100 коп. с пуда и версты). Эта мера позволила бы расширить ареал экспортируемого зерна по железной дороге вглубь страны. При этом С.В. Востротин отмечал, что ввиду ограниченной пропускной способности Сибирской железной дороги, а также железнодорожной инфраструктуры в Европейской России, для вывоза грузов из Сибири предпочтительнее пользоваться водными путями, поскольку в Сибири есть такие полноводные реки, как Обь и Енисей. Морские пароходы могли подниматься от устья вверх более чем на 2000 вёрст. При этом были и другие реки, которые делали возможным судоходство в различных регионах: Тура, Тобол, Иртыш, Ангара, Подкаменная и Нижняя Тунгуски. Эти реки прорезывали Сибирь во всех направлениях и являлись естественными, лёгкими и дешёвыми путями. Все упомянутые водные пути вели в океан, открывавший доступ за границу.

Практика торговых отношений в конце XIX – начале XX в. показала, что суда, приходившие с иностранными товарами к устьям сибирских рек Оби и Енисея, принимали в обратный путь на доставку сибирскую пшеницу и сибирское сырьё. При этом стоимость фрахта до Лондона устанавливалась в размере 16 коп. за пуд, сплав же по рекам с верховьев до перегрузочных пунктов в устьях рек обходился в 30–32 коп. за пуд. Принимая во внимание среднюю цену пшеницы на лондонском рынке в 1 руб. 10 коп. – 1 руб. 50 коп., за вычетом стоимости провоза, доход составлял 75–80 коп. на пуд. Это должно было поставить вопрос об экспорте сибирского хлеба в совершенно иное положение. Для многих купцов в водном пути по Карскому морю и Ледовитому океану виделось разрешение всех чаяний сибирского земледелия. Именно водный путь мог решить вопрос массового экспорта сибирских товаров.

Помимо сельскохозяйственных продуктов, именно по водному пути можно было бы экспортировать лес из Тобольской и Енисейской губерний. Управляющий государственным имуществом Енисейской губернии Духович оценивал минимальный объём вывозимой древесины в 14 млн. пудов в год. Если же учитывать протяжённость Енисея и всех его притоков, то объёмы древесины, доступной к вывозу, были огромны (Востротин, 1908: 43).

Использование Северного морского пути, а также снижение или отмена пошлин представлялись необходимым условием для дальнейшего развития Сибири. Вследствие отдалённости сибирских городов и деревень, высоких пошлин, стоимость товаров, производимых в Европейской России, в Сибири значительно увеличивалась. К этому стоит добавить сибирское бездорожье и неизбежный ряд комиссионеров и торговцев, через руки которых проходили эти товары. Протекционистские же пошлины на иностранные товары в Сибири поднимали цену гораздо выше, чем в Европейской России. Поскольку такое положение вещей сложилось исторически, сибирское население привыкло оплачивать высокую цену на продукты фабрично-заводской промышленности.

При этом на условиях жизни в Сибири сказывалась общая дороговизна предметов, которая поглощала заработок населения. Положение колонизатора осложнялось не только тяжёлыми условиями сбыта его сельскохозяйственных продуктов, но и тем, что он был вынужден покупать товары по ценам, существенно превышающим таковые в Европейской России. Как следствие, многие колонизаторы, не найдя в Сибири условий, необходимых земледельцу, бежали на старые места. Если же переселенец оставался, то в большинстве случаев его платёжная и покупательная способность мало чем отличалась от прежнего состояния.

Хозяйственное развитие Сибири осложнялось бездорожьем. Подвозка тяжёлых машинных частей и паровиков, вследствие отсутствия надёжных транспортных коммуникаций, обходилась дорого. В таком же положении находился вывоз тех продуктов сибирской промышленности, которые искали выход на далёкие внешние рынки. Поэтому горная и обрабатывающая промышленности Сибири к началу XX в. не получили того уровня развития, которое соответствовало бы потенциалу этих отраслей. «Всю эту тяжесть могла выдержать до сих пор только сибирская золотопромышленность, продукты которой не боятся никаких перевозок. Также на рубеже XIX–XX вв. в некоторых пунктах возникла угольная промышленность, продукцию которой можно было вывозить по железной дороге. Вся остальная фабрично-заводская промышленность Сибири исчислялась на сумму около 44 500 000 рублей, с числом рабочих около 46 000 человек. Вся же

сибирская промышленность равнялась 3-4 большим фабрикам европейской России» (Востротин, 1908: 52).

5. Заключение

Представители сибирского купечества и промышленных кругов конца XIX – начала XX в. считали, что для успешного развития в регионе добывающей промышленности, улучшения земледельческой культуры, возникновения фабричной и кустарной промышленности, необходимо установить беспошлинный ввоз тех продуктов, которые способствовали бы развитию этих отраслей. При этом Северный морской путь и беспошлинный ввоз иностранных товаров могли дать Сибири дешёвые машины, необходимые продукты и капиталы, оживить сибирское земледелие и сибирскую промышленность, которые, в свою очередь, дали бы сибирской железной дороге более ценные товары, способные выдержать высокие тарифы по железным дорогам во всех направлениях на дальние расстояния. Это создало бы необходимые условия для эффективной колонизации края, обеспечило бы быстрое развитие производительных сил Сибири. Широкое развитие добывающей и обрабатывающей промышленности в Сибири могло бы дать доходы государству в виде налогов и отчислений от эксплуатации ископаемых богатств, лесов, а также от развития торговли и повышения платёжных средств населения. Соответственно, это увеличило бы и ёмкость внутреннего сибирского рынка для местного хлеба.

Литература

- Близняк, 1914 – Близняк Е. Развитие пароходства на Енисее // *Водные пути и шоссейные дороги*. 1914. № 3. С. 118-121.
- Богданович, 1868 – Богданович Е.В. Проект Сибирско-Уральской железной дороги. СПб.: тип. Ф.С. Сущинского, 1868. 42 с.
- Большаков, 1991 – Большаков В.Н. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX в. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 215 с.
- Вольский, 1908 – Вольский З. Вся Сибирь: Справочная книга по всем отраслям культурной и торгово-промышленной жизни Сибири. СПб.: тип. Электротечания Я. Левенштейн, 1908. 582 с.
- Востротин, 1906 – Востротин С.В. Наши водные пути в Сибирь: Северный морской торговый путь. Обь-Енисейский канал и внутренний водный транзитный путь. СПб.: тип. Альтшулера, 1906. 74 с.
- Востротин, 1908 – Востротин С.В. Северный морской путь и челябинский тарифный перелом в связи с колонизацией Сибири. СПб.: тип. Я. Баянского, 1908. 79 с.
- Гончаров, 2022 – Гончаров А.Е. Адмирал С.О. Макаров и Карский морской путь: первая попытка организовать лесозэкспорт с Енисея // *Исторический курьер*. 2022. № 3 (23). С. 62-76.
- Гончаров, 2014 – Гончаров А.Е. О шведской экспедиции на Енисей в 1876 г. // *Известия Томского политехнического университета*. 2014. Т. 324. № 6. С. 74-88.
- Железнодорожный транспорт..., 2001 – Железнодорожный транспорт Восточной Сибири: из XIX в XX век. В 2 т. / Под общей ред. В.Г. Третьякова. Иркутск, 2001. Т. 1. 416 с.
- Коверский, 1896 – Коверский Э.А. О геодезических работах и сооружении Великого Сибирского пути. СПб., 1896. 107 с.
- Красовский, 1890 – Красовский А. Нужна ли Сибири железная дорога. Красноярск, 1890. 39 с.
- Сафронов, 2006 – Сафронов С.А. Столыпинская аграрная реформа и ее влияние на хозяйственное развитие Восточной Сибири в 1906-1917 гг. (на материалах Енисейской и Иркутской губерний). Красноярск: Красноярский государственный университет, 2006. 751 с.
- Сибиряков, 1881 – Сибиряков А.М. Плавание парохода "Оскар Диксон" в 1880 году к устьям Енисея. СПб.: тип. В. Безобразова и Ко, 1881. 7 с.
- Сибиряков, 1893 – Сибиряков А.М. К вопросу о внешних рынках Сибири. О малоизвестных волоках Сибири. СПб.: тип. газ. "Новости", 1893. 23 с.
- Сибиряков, 1907 – Сибиряков А.М. О путях сообщения Сибири и морских сношениях ее с другими странами. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1907. 199 с.
- Чеботарев и др., 1985 – Чеботарев М.Н. Речное судоходство в России. Чеботарев М.Н., Амусин М.Д., Богданов Б.В. М.: Транспорт, 1985. 352 с.
- Dolidovich et al., 2019 – Dolidovich O.M., Fedorova V.I., Zhulaeva A.S. Conflict of Imperial and Regional Interests on the Introduction of Duty-free Trade Regime in the Mouths of Siberian Rivers during the First World War // *Bylye Gody*. 2019. 51(1): 395-405.
- Dvoret'skaya et al., 2024 – Dvoret'skaya A.P., Shakhmatov A.V., Surzhko A.V., Novosel'tsev N.R. F. Nansen and S.V. Vostrotin as Ideologists of the Development of Arctic Transport Routes of the Yenisei Siberia. The Beginning of the 20th century // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 937-945.
- Gaidin et al., 2020 – Gaidin S.T., Burmakina G.A., Pavlyukevich R.V., Sheremetova T.G. The activities of state bodies for the development of Siberia during the period of modernization of the Russian Empire (1892-1914) // *Bylye Gody*. 2020. 58 (4): 2777-2789.
- Harteley, 2014 – Harteley J.M. Siberia. A History of the People. Yale University Press. 2014. 312 p.

Miller, 2017 – Miller M. The economic development of Russia 1905-1914. With special Reference to Trade, Industry and Finance. Taylor & Francis. 2017. 354 p.

References

- Bliznyak, 1914 – Bliznyak, E. (1914). Razvitie parokhodstva na Enisee [Development of shipping on the Yenisei]. *Vodnye puti i shosseinye dorogi*. 3: 118-121. [in Russian]
- Bogdanovich, 1868 – Bogdanovich, E.V. (1868). Proekt Sibirsko-Ural'skoi zheleznoi dorogi [Project of the Siberian-Ural Railway]. Saint-Petersburg: tip. F.S. Sushchinskogo, 42 p. [in Russian]
- Bolshakov, 1991 – Bolshakov, V.N. (1991). Ocherki istorii rechnogo transporta Sibiri XIX v. [Essays on the history of river transport in Siberia in the XIX century]. Novosibirsk: Nauka, 215 p. [in Russian]
- Chebotaev et al., 1985 – Chebotaev, M.N. Amusin, M.D., Bogdanov, B.V. (1985). Rechnoe sudokhodstvo v Rossii [River navigation in Russia]. Moskva: Transport, 352 p. [in Russian]
- Dolidovich et al., 2019 – Dolidovich, O.M., Fedorova, V.I., Zhulaeva, A.S. (2019). Conflict of Imperial and Regional Interests on the Introduction of Duty-free Trade Regime in the Mouths of Siberian Rivers during the First World War. *Bylye Gody*. 51(1): 395-405.
- Dvoretskaya et al., 2024 – Dvoretskaya, A.P., Shakhmatov, A.V., Surzhko, A.V., Novosel'tsev, N.R. (2024). F. Nansen and S.V. Vostrotin as Ideologists of the Development of Arctic Transport Routes of the Yenisei Siberia. The Beginning of the 20th century. *Bylye Gody*. 19(2): 937-945.
- Gaidin et al., 2020 – Gaidin, S.T., Burmakina, G.A., Pavlyukevich, R.V., Sheremetova, T.G. (2020). The activities of state bodies for the development of Siberia during the period of modernization of the Russian Empire (1892-1914). *Bylye Gody*. 58(4): 2777-2789.
- Goncharov, 2014 – Goncharov, A.E. (2014). O shvedskoi ekspeditsii na Enisei v 1876 g. [On the Swedish expedition to the Yenisei in 1876]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 6(324): 74-88. [in Russian]
- Goncharov, 2022 – Goncharov, A.E. (2022). Admiral S.O. Makarov i Karskii morskoi put': pervaya popytka organizovat' lesoeksport s Eniseya [Admiral S.O. Makarov and the Kara Sea Route: the first attempt to organize timber export from the Yenisei]. *Istoricheskii kur'er*. 3(23): 62-76. [in Russian]
- Harteley, 2014 – Harteley, J.M. (2014). Siberia. A History of the People. Yale University Press, 312 p.
- Koverskii, 1896 – Koverskii, E.A. (1896). O geodezicheskikh rabotakh i sooruzhenii Velikogo Sibirskogo puti [On geodetic work and the construction of the Great Siberian Route]. Saint-Petersburg, 107 p. [in Russian]
- Krasovskii, 1890 – Krasovskii, A. (1890). Nuzhna li Sibiri zheleznyaya doroga [Does Siberia need a railway]. Krasnoyarsk, 39 p. [in Russian]
- Miller, 2017 – Miller, M. (2017). The economic development of Russia 1905-1914. With special Reference to Trade, Industry and Finance. Taylor & Francis, 354 p.
- Safronov, 2006 – Safronov, S.A. (2006). Stolypinskaya agrarnaya reforma i ee vliyanie na khozyaistvennoe razvitie Vostochnoi Sibiri v 1906-1917 gg. (na materialakh Eniseiskoi i Irkutskoi gubernii). [Stolypin agrarian reform and its impact on the economic development of Eastern Siberia in 1906-1917 (based on materials from the Yenisei and Irkutsk provinces)]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi universitet, 751 p. [in Russian]
- Sibiryakov, 1881 – Sibiryakov, A.M. (1881). Plavanie parokhoda "Oskar Dikson" v 1880 godu k ust'yam Eniseya [Voyage of the steamship "Oscar Dixon" in 1880 to the mouth of the Yenisei]. Sankt-Peterburg: tip. V. Bezobrazova i Ko, 7 p. [in Russian]
- Sibiryakov, 1893 – Sibiryakov, A.M. (1893). K voprosu o vneshnikh rynkakh Sibiri. O maloizvestnykh volokakh Sibiri [On the issue of foreign markets of Siberia. About the little-known portages of Siberia]. Sankt-Peterburg: tip. gaz. "Novosti", 23 p. [in Russian]
- Sibiryakov, 1907 – Sibiryakov, A.M. (1907). O putyakh soobshcheniya Sibiri i morskikh snosheniyakh ee s drugimi stranami [About the routes of communication between Siberia and its maritime relations with other countries]. Sankt-Peterburg: tip. M.M. Stasyulevicha, 199 p. [in Russian]
- Vol'skii, 1908 – Vol'skii, Z. (1908). Vsyia Sibir': Spravochnaya kniga po vsem otraslyam kul'turnoi i torgovo-promyshlennoi zhizni Sibiri [All Siberia: A reference book on all branches of cultural and industrial life of Siberia]. Sankt-Peterburg: tip. Elektropechatnya Ya. Levenshtein, 582 p. [in Russian]
- Vostrotin, 1906 – Vostrotin, S.V. (1906). Nashi vodnye puti v Sibir': Severnyi morskoi torgovyi put'. Ob'-Eniseiskii kanal i vnutrennii vodnyi tranzitnyi put' [Our waterways to Siberia: Northern sea trade route. Ob'-Yenisei Canal and internal water transit route]. Sankt-Peterburg: tip. Altshulera, 74 p. [in Russian]
- Vostrotin, 1908 – Vostrotin, S.V. (1908). Severnyi morskoi put' i chelyabinskii tarifnyi perelom v svyazi s kolonizatsiei Sibiri [The Northern Sea Route and the Chelyabinsk tariff turning point in connection with the colonization of Siberia]. Sankt-Peterburg: tip. Ya. Balyanskogo, 79 p. [in Russian]
- Zheleznodorozhnyi transport..., 2001 – Zheleznodorozhnyi transport Vostochnoi Sibiri: iz XIX v XX vek. V 2-kh t. [Railway transport of Eastern Siberia: from the 19th to the 20th century. In 2 volumes]. Pod obshchei red. V.G. Tret'yakova. Irkutsk. Vol. 1. 416 p. [in Russian]

Проблемы транспортного сообщения и тарифного регулирования в экономическом развитии Сибири в конце XIX – начале XX в.

Евгений Александрович Ахтамов ^{a, *}, Татьяна Владимировна Излученко ^{a, b},
Денис Николаевич Гергилев ^{a, b}, Людмила Вениаминовна Белгородская ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

^b Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук,
Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены факторы, сдерживавшие хозяйственное развитие Сибири на рубеже XIX–XX вв. Наиболее очевидным препятствием для быстрого хозяйственного развития Сибири в рассматриваемый период была удалённость региона от Европейской России, а также от экономических центров европейских государств. Интерес представляет то, что завершение строительства Транссибирской железнодорожной магистрали, связавшей Сибирь с Европейской Россией, с одной стороны, дало толчок к развитию региона, а с другой, по утверждению ряда исследователей начала XX в., не оказало в полной мере того влияния на экономическое развитие Сибири, которое можно было бы ожидать. По свидетельствам современников, сдерживающим фактором хозяйственного развития Сибири стала тарифная политика, направленная на защиту сельскохозяйственных производителей Европейской России, а также тарифные меры в отношении товаров, завозимых в Сибирь Северным морским путём.

Авторы рассматривают роль челябинского тарифного перелома в развитии сельского хозяйства Сибири, а также Пермь-Котласской железной дороги в экспорте зерна из Сибири. Авторы отмечают, что исследователи начала XX в. большое значение придавали развитию судоходства по Северному морскому пути как альтернативы Транссибирской железнодорожной магистрали. В определённой степени такие настроения в обществе были обусловлены событиями Русско-японской войны 1904–1905 гг. Предполагалось, что именно развитие водного сообщения позволит разгрузить Транссибирскую железнодорожную магистраль, а также минимизирует расходы сибирских производителей на доставку грузов в европейские порты. Стоит отметить, что с последующим развитием железнодорожного сообщения тарифная политика была смягчена, что отвечало интересам сибирского крестьянства.

Ключевые слова: Северный морской путь, Транссибирская железнодорожная магистраль, Сибирь, тариф, хозяйственное развитие, торговля, рынки сбыта.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), izluchenko@mail.ru (Т.В. Излученко), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), blv.kr@yandex.ru (Л.В. Белгородская)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 911-921
DOI: 10.13187/bg.2025.2.911

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Volga-Caspian Transport Corridor in the Freight Transportation System of the Russian Empire in the second half of the 19th – at the early 20th centuries

Yuliya G. Eshchenko ^{a, *}, Sergey V. Vinogradov ^a, Nataliya I. Kulakova ^a

^a Astrakhan Tatishchev State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the system of organizing freight transportation along the Volga-Caspian transport corridor in the second half of the 19th – at the early 20th centuries using the example of the largest oil industry association of this period – the Nobel Brothers Oil Production Partnership. Based on a source materials, most of which are being introduced into scientific circulation for the first time, the authors is shown three-part structure of the Volga-Caspian transport corridor (sea transportation, roadstead transshipment, distribution of oil freight along the river system of the European part of Russia). From the position of the actor approach, the authors come to the conclusion that the development of the oil industry became one of the driving forces of modernization processes in Russia in the post-reform period. This led to the transformation of the existing transport structure (the emergence of tankers, the conversion of the steam fleet to oil fuel, the mass replacement of wooden ships with metal ones, the emergence of the first pipelines) and transport infrastructure (mass construction of warehouses and storage facilities for oil products at the piers, the complication of the port organizational and management structure, the creation of fire brigades, equipping piers with electric lighting and technical means for pumping freight).

Keywords: oil industry, Nobel Brothers Oil Production Partnership, Volga-Caspian transit route, port infrastructure, transport companies, shipping, cargo transportation, transport corridor, modernization, post-reform period.

1. Введение

Исследование исторического опыта решения логистических проблем является востребованным в период серьёзных изменений устоявшихся торговых маршрутов. Трансформация мировой экономической модели ведёт к перестройке утвердившейся и долгое время безальтернативно существовавшей глобальной системы транспортных коммуникаций, к смещению мировых центров организации, распределения и страхования логистических маршрутов и, соответственно, актуализации других, существовавших ранее, региональных транспортных коридоров. В таких условиях для экономики России одним из перспективных направлений является исторически устоявшийся международный транспортный коридор «Север-Юг», в том числе в части его Волго-Каспийского сегмента.

Активный рост торгово-экономического значения Волго-Каспийского транзитного маршрута относится ко второй половине XIX – началу XX в. Пореформенный период в Российской империи ознаменовался коренными изменениями в социально-экономической жизни страны. Создание рынка свободной рабочей силы, массовое миграционное движение крестьян из перенаселённых губерний центра страны на окраины в поисках заработка способствовали ускоренному развитию ряда отраслей промышленности, расширению грузо- и пассажирооборота, созданию условий для активизации

* Corresponding author

E-mail addresses: pushistik_yuliya@mail.ru (Y.G. Eshchenko), dissovetdm@yandex.ru (S.V. Vinogradov), vol-na1986@yandex.ru (N.I. Kulakova)

предпринимательской деятельности. Волго-Каспийский транспортный маршрут, проходивший из Каспийского моря на север по Волге, традиционно связывал европейскую часть России с Закавказьем и азиатскими странами. На основе анализа деятельности крупнейшего нефтепромышленного объединения исследуемого периода – «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель» – можно констатировать, что во второй половине XIX – начале XX в., благодаря возникновению и бурному подъёму в Прикаспийском регионе нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей отечественной промышленности, Волго-Каспийская магистраль стала основным транспортным коридором по перемещению нефти и нефтепродуктов внутри Российской империи. Благодаря этому по всему маршруту шло быстрое развитие современной портовой инфраструктуры, культивировались инновационные способы транспортировки и хранения грузов, широко привлекались частные инвестиции в организацию и совершенствование системы грузоперевозок.

2. Материалы и методы

2.1. Основным источником для написания статьи стали неопубликованные делопроизводственные материалы, хранящиеся в фонде Государственного архива Астраханской области (ГААО) (Астрахань, Российская Федерация) «Астраханская контора нефтепромышленной фирмы «Товарищество Братья Нобель»» (Ф. 35), большая часть которых впервые вводится в научный оборот. В первую очередь, это циркуляры, сообщения и инструктивные письма правления Товарищества своим транспортным конторам, управляющим складами на пристанях в волжских городах, заведующему речной перевозкой продуктов, находившемуся в конторе в г. Астрахани, главному инженеру. В них содержатся должностные обязанности служащих сотрудников Товарищества, регламенты по организации наливной перевозки по внутренним водным путям, правила осуществления погрузочных работ на пристанях, требования к судам, задействованным в перевозке продукции Товарищества, и проч. Другую группу архивных документов составляют договоры – маклерские записки и условия, – заключавшиеся правлением Товарищества и уполномоченными им лицами с промышленниками или торговыми и производственными акционерными обществами, о купле-продаже нефтепродуктов в качестве топлива, об аренде пароходов и нефтеналивных барж, о перевозке мазута, керосина и минеральных масел и т.д.

Также привлекались центральные законодательные и нормативно-правовые документы, регламентирующие работу нефтяной промышленности, деятельность нефтепромышленных обществ и пароходных компаний.

2.2. В качестве концептуальной основы исследования нами применяется акторный подход в рамках теории модернизации, детально разработанный представителями уральской исторической методологической школы (Акторы..., 2016). Первая российская индустриализация, как частный вариант модернизации, осуществлявшаяся в России во второй половине XIX – начале XX в., стала возможна при создании в стране рынка свободной рабочей силы и рынка капитала в условиях научно-технического прогресса. Движущей силой данной индустриализации, с позиций акторного подхода, могли являться как отдельные исторические лица и группы лиц, социальные страты, так и производственные структуры, промышленные предприятия, общественные организации, и даже государство (Акторы, 2016: 27). В представленном исследовании сквозь призму деятельности одного из крупнейших нефтепромышленных объединений пореформенного периода «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель» показана структура организации транспортировки нефтепродуктов по Волго-Каспийскому транзитному маршруту, взаимодействие промышленных фирм и отдельных предпринимателей, приведшее к ускорению модернизационных процессов в сфере нефтяной промышленности и транспорта и изменениям в традиционно существовавших способах перевозки грузов.

Кроме этого, применялся традиционный инструментарий исторического исследования, представленный совокупностью базовых принципов: системности, объективности и историзма. Принцип системности позволил рассмотреть научную проблему в совокупности её компонентов, таких как модернизационный процесс в России, развитие нефтяной промышленности, возникновение рынка свободной рабочей силы после Великих реформ, усиление роли частной инициативы и предпринимательства в процессе индустриализации и др. Принцип объективности дал возможность максимально взвешенно подойти к анализу источниковой базы исследования, представленной совокупностью законодательных и нормативно-правовых документов, региональными архивными материалами, статистическими сведениями. Принцип историзма помог в исторической ретроспективе оценить эффективность сложившейся организационно-экономической системы для развития транспортной инфраструктуры Волго-Каспийского региона в контексте проходившей в стране первой российской индустриализации.

3. Обсуждение

Вопросы организации транспортировки нефтегрузов по Каспийскому морю и речному пути по Волге, а также по железной дороге, рассматривал ряд современных учёных. Исследования можно условно разделить на две группы – конкретно исторические работы, посвящённые изучению транспортировки

нефтегрузов в пореформенный период, а также гуманитарные и социально-экономические исследования междисциплинарного плана отечественных и зарубежных авторов, освещающие Волго-Каспийский транспортный коридор как составляющий элемент современного транзитного маршрута «Север – Юг» и его роль для международной торговли и транспортировки энергоресурсов.

Водный транзит из нефтяных районов Прикаспия, возникновение первых специализированных нефтеналивных судов (танкеров) и их модернизация рассматривались коллективом учёных Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина (Kartskhiya et al., 2021; Kartskhiya et al., 2022). Из отечественных исследователей, занимавшихся историей организации глобального нефтяного транзита и роли в нем нефтяной промышленности Российской империи, стоит отметить учёных Уфимского государственного нефтяного технического университета – А.И. Иванова, Т.В. Дмитриеву и др., проанализировавших этапы развития мирового наливного судостроения от деревянных речных барж до межконтинентальных морских танкеров в XIX–XX вв. (Иванов и др., 2010; Иванов и др., 2011) Морские грузоперевозки в рамках реализации российско-персидских торгово-экономических отношений подробно изучены Г.Г. Корноуховой. Предметом её исследования стали вопросы формирования портовой инфраструктуры Волго-Каспийского транзитного маршрута (Корноухова, 2024), возникновения и развития транспортных компаний на данном маршруте (Корноухова, Мосейкина, 2021), а также основные направления государственной политики по стимулированию морского коммерческого судоходства по Каспийскому морю (Корноухова, 2019).

Развитие сухопутного транзита нефти представлено исследованиями по изучению организации транспортировки топлива к черноморскому побережью по Закавказской железнодорожной линии (Гусейнова, Исмаилова, 2021), анализу тарифной политики российского правительства при осуществлении доставки нефти по Закавказской и Владикавказской железнодорожным веткам, а также противоречий между интересами нефтепромышленников и руководства Общества Владикавказской железной дороги (Степанов, 2018; Степанов, 2019) и др. Транспортировка сырья из Грозненского нефтяного района в контексте строительства первой железнодорожной ветки, связавшей Грозный с крупными промышленными регионами, стала предметом исследования З.Х. Сулумова (Сулумов, 2016; Сулумов, 2018).

Ещё один аспект рассматриваемой темы, напрямую связанный с активной транспортировкой нефтепродуктов водным путём, – загрязнение Волги и Каспийского моря, богатых рыбными промысловыми ресурсами. С опорой на исторический потенциал специализированной периодики по деятельности рыбной промышленности конца XIX – начала XX в. загрязнение дельты Волги и северной части акватории Каспийского моря вследствие аварий наливных судов и утечек груза из деревянных барж рассмотрел Е.В. Новосад (Новосад, 2016). Влияние нефтяной транспортировки на экосистему Волги на протяжении от Астрахани до Нижнего Новгорода, а также деятельность в 1890-х гг. специальных комиссий по изучению состояния волжской воды, фауны и береговой растительности, раскрыто в исследованиях Е.Д. Макеевой (Макеева, 2021) и др.

Вторую группу работ составляют преимущественно зарубежные исследования Волго-Каспийского транспортного коридора, которые ориентируются на современные проблемы транспортировки энергоресурсов, акцентируя внимание на морской составляющей маршрута, имеющей международное значение. Ввиду сохраняющейся до настоящего времени ярко выраженной нефтегазовой специфики региона, учёные рассматривают транспортный маршрут через Каспий в качестве своеобразного «энергетического коридора» (Mavrikis et al., 2006; Bilgin, 2007), через который углеводороды могли бы поставляться как в Турцию, так и в страны ЕС. В рамках энергетического подхода экономисты из Азербайджана (Akbulayev, Bayramli, 2020) рассмотрели взаимосвязь между развитием морского нефтеналивного транспорта на Каспии и экономическим ростом в Прикаспийских государствах; казахстанские учёные (Guliyev, Akhrarkhodjaeva, 2009) проанализировали проблемы перевозки нефти и перспективы расширения транскаспийского транспортного коридора, а научный коллектив итальянских и казахстанских учёных (De Miglio et al., 2014) оценил возможности развития энергетических систем каспийских и центральноазиатских стран с использованием логистической инфраструктуры Каспийского бассейна.

Здесь же следует отметить значительный объём исследований по изучению как транспортного коридора «Север – Юг», так и его отдельных сегментов на современном этапе отечественными учёными. Проанализированы возможности увеличения торгового взаимодействия России со странами Закавказья, Центральной Азии и Восточной Европы (Zakharov, 2023), даны характеристики созданных морских, автомобильных и железнодорожных маршрутов в рамках действующего коридора (Belov (Yurtaev), Binish, 2021), а также оценена роль Астраханской области как ключевого звена международного транспортного коридора «Север-Юг» (Вольнский, 2019; Маркелов, 2022).

Таким образом, следует констатировать, что проблема организации нефтеперевозок в Волго-Каспийском регионе является достаточно актуальной темой, к которой многократно обращались современные отечественные и зарубежные историки, экономисты и политологи. Тем не менее, анализ системы организации транспортировки нефти по Волго-Каспийскому маршруту в её трёхчастной структуре (морские перевозки, рейдовая перегрузка, распределение нефтегрузов по речной системе

европейской части России) с опорой на новый источниковый материал о деятельности крупнейшего нефтепромышленного объединения пореформенного периода – «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель» – ещё не стал предметом отдельного научного исследования.

4. Результаты

В мае 1879 г. было создано «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» (далее – Товарищество), которое представляло собой концентрацию капиталов и имущества (нефтепромыслов, буровых скважин, нефтеперегонных заводов, нефтепровода, нефтехранилищ и др.) его учредителей и стало крупнейшим нефтепромышленным объединением в России пореформенного периода. Основной капитал Товарищества составлял 2 млн руб. Учреждённое Товарищество, помимо непосредственной нефтедобычи и нефтепереработки, осуществляло и транспортировку нефтегрузов, для чего «могло иметь собственные пароходы, парусные суда, баржи и другие перевозные средства, а также железнодорожные вагоны» (ПСЗРИ. Собр. 2. № 59648). Расширение производства фирмы потребовало увеличения оборотных сумм, для чего в 1886 г. было принято решение осуществить дополнительный выпуск облигаций на сумму 2,5 млн руб. (ПСЗРИ. Собр. 3. № 3841).

Транспортный маршрут нефтепродуктов из Бакинского нефтяного района водным путём можно условно разделить на несколько этапов. Первый из них – морская транспортировка нефти по Каспию крупнотоннажными паровыми шхунами, второй – рейдовая перегрузка нефтепродуктов из морских судов в баржи, которая осуществлялась на т.н. 12-ти футовом рейде Астрахани, и следующий этап – речная транспортировка барж буксирными пароходами по Волге и Каме к пристаням.

Следует отметить, что водная транспортировка нефтепродуктов оставалась приоритетной в рассматриваемый период второй половины XIX – начала XX в. Несмотря на развитие других видов транспортных коммуникаций, строительство веток Закавказской и Владикавказской железных дорог, а также прокладку магистрального керосинопровода Баку – Батуми, значительные объёмы нефтепродуктов все равно транспортировались по морю. Так, добыча нефти в России за первое полугодие 1913 г. составила 283,4 млн пудов (в Бакинском районе – 242,2 млн пудов; в Грозном – 36 млн пудов; в Майкопе – 2,6 млн пудов; в Фергане – 0,4 млн пудов; на Урале – 2,2 млн пудов). Общий объём вывоза нефтяных продуктов водным путём из Баку за тот же период составил 155,7 млн пудов, причём морским путём на Астрахань из них было вывезено 143,5 млн пудов, по керосинопроводу Баку – Батуми было перекачано 11,8 млн пудов (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 411. Л. 1-2).

Осуществление указанных перевозок Товариществом производилось как транспортом, находившимся в его собственности, так и арендованными судами и баржами.

В сведениях транспортного отдела астраханской конторы Товарищества за 1900 г. о судах, имевшихся в собственности правления, согласно удостоверениям на паровые и непаровые суда, ходившие по внутренним водным путям, значились два парохода («Вогул» 1897 г. постройки и «Финн», построенный в 1899 г. в Швеции), 37 деревянных барж, с датами постройки с конца 1880-х – 1890-х гг., строившихся преимущественно в Нижегородской, а также в Пермской губерниях и в Астрахани, и две железные баржи, построенные в Царицыне на верфи Товарищества в 1887 и 1900 гг. (подсчит. по: ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 658. Л. 1-45). Перечень судов не являлся фиксированным и постоянно пополнялся, причём не только за счёт возводившихся по заказу судов, но и за счёт покупки транспортных средств у купцов или других акционерных обществ и фирм. Так, в 1902 г. Товариществом было приобретено две железные баржи, построенные на верфях в Саратове, принадлежавших «Строительной конторе инженера А. В. Бари», а в 1903 г. была построена ещё одна железная баржа на верфи Товарищества в Царицыне (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 658. Л. 47-49).

По состоянию на 1907 г. в собственности Товарищества значилось уже 25 собственных пароходов, построенных на судостроительных предприятиях Швеции и России (в Рыбинске, Перми, Санкт-Петербурге, Царицыне и др.) в 1890-х – начале 1900-х гг., а также 21 железная и 115 деревянных барж (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 320. Л. 1-19; Д. 657. Л. 1-12).

Следует отметить стремление правления к внедрению инноваций и максимальному использованию самых передовых достижений научно-технического прогресса того времени. Так, в 1908 г. на Коломенском машиностроительном заводе в Московской губернии был заказан буксирный теплоход «Киргиз», ходивший на дизельном двигателе внутреннего сгорания (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 658. Л. 51-52), а в 1914 г. в Швеции на заводе, принадлежавшем компании братьев Болиндер, был построен теплоход «Цыган», ходивший на двухвинтовом реверсивном двигателе внутреннего сгорания для сырой нефти (Bolinder) (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 658. Л. 67).

Однако даже такого обширного транспортного списка не хватало для осуществления всех видов нефтеперевозок. Поэтому на регулярной основе Товарищество прибегало к услугам перевозчиков – как отдельных предпринимателей, так и крупных пароходств.

Морская перевозка нефтепродуктов осуществлялась как собственными наливными судами, так и арендованным транспортом. Так, в период навигаций 1894-1896 гг. транспортировка из Баку по Каспийскому морю осуществлялась по договорам с пароходным обществом «Восточное общество», Армянским пароходным товариществом, бакинскими купцами Анифой Усейновым, Азимой Искендеровым, Мустафой Расуловым, Алжи Ага Дадашевым, купцами Солиным, Масловым,

Буниятовыми и др. (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 82. Л. 53, 53об., 54). Перевозчиками предоставлялись паровые наливные шхуны для перевозки наливом нефтяных остатков из Баку до 12-ти футового рейда астраханского взморья. Фрахт за перевозку нефтепродуктов из Баку до рейда Астрахани в указанный период варьировался от 2,5 до 3 коп. за каждый пуд мазута. Объём груза заливался в Баку по мерникам и проверялся на астраханском рейде (за время в пути допускалась утечка груза в размере не более 0,5 % от объёма, залитого в точке отправления судна). На обратном пути из Астрахани до Баку арендованные суда должны были следовать пустыми и не имели права брать какой-либо груз. В случае следования судов с грузом их владельцы выплачивали Товариществу неустойку в размере 1500 руб. Топливо для шхун покупалось за счёт Товарищества. Согласно положениям маклерских записок, шхуны не должны были сдаваться в аренду никому другому на оговоренный период навигации. В случае же желания владельцев сдать судно другим арендаторам или в случае отказа перевозить грузы Товарищества, владельцы платили значительную неустойку – 15 000 руб. (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 82. Л. 1-10б.). В 1901 г. транспортировка по Каспийскому морю осуществлялась 12 шхунами Товарищества: «Зороастр» (первый, построенный в Швеции, железный танкер Товарищества), «Коран», «Спиноза», «Талмуд», «Сократ», «Дарвин», «Роберт Нобель», «Линне», «Магомет», «Брахма», «Будда», «Пирогов», а также арендованными пароходами, численность которых в разные месяцы навигации варьировалась от 20 до 28 (подсчит. по: ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 202. Л. 1-32). Значительную часть грузооборота составлял мазут, на втором месте по объёмам был керосин. Также из Баку на Астрахань шли различные смеси нефтепродуктов, лёгкий и тяжёлый бензин, лёгкое и тяжёлое солярное масло, веретённое масло, машинное масло, цилиндрическое масло, вискозин и нефть (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 202. Л. 100б., 11).

Следующим этапом транспортировки являлась перекачка нефтяных продуктов в баржи. Этот процесс был чётко регламентирован. Морские суда под разгрузку поступали в строго определённом порядке, в зависимости от времени их прихода на рейд для каждого судна определялись баржи, на которые происходила выкачка нефтепродуктов. Вне зависимости от того, в собственную или арендованную баржу происходила разгрузка, перекачка осуществлялась техникой и рабочими Товарищества. Во время перекачки проходила проверка объёма прибывшего груза специальными мерниками. Перевозку нефтепродуктов от рейда в Астрахань в большинстве своём осуществляли астраханские купцы и судовладельцы. Так, только на навигацию 1894 г. Товариществом были заключены договоры на перевозку от мест стоянки каравана судов Товарищества на 12-ти футовом астраханском рейде до Астрахани с оплатой фрахта с каждого доставленного пуда по 1 коп. с астраханским купцом 1-ой гильдии Алексеем Михайловичем Солиным (на 4 млн пудов мазута), с петровской купчихой Екатериной Ивановной Лбовой (на 2 млн пудов мазута), с астраханскими купцами 2-ой гильдии Семеном Ивановичем Захаровым и Иваном Федоровичем Скрепинским (на 2,5 млн пудов мазута) (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 18 об., 23-23об., 25).

Распределением нефтепродуктов по пристаням Волги и Камы согласно заключённым договорам (условиям) с покупателями, а также снабжением топливом собственного и арендованного водного транспорта руководил заведующий речной перевозкой, контора которого располагалась в Астрахани. Перечень полномочий и прав заведующего речной перевозкой был достаточно обширен. Он осуществлял управление всей речной перевозкой – пароходами, баржами и судами, как принадлежавшими Товариществу, так и взятыми в аренду, со всем их имуществом и такелажем; имел право вносить от имени Товарищества разнообразные установленные законом пошлины и сборы и получать за них свидетельства и квитанции; по своему усмотрению определять на все пароходы и суда и увольнять с должности капитанов, штурманов, матросов, машинистов и любых других служащих, заключать с ними контракты, производить оплату жалованья, для чего требовать от правления Товарищества нужные денежные средства, вносить их на текущий счёт в кредитные учреждения, как государственные, так и частные; принимать к доставке по реке Волге и её притокам всякого рода грузы и товары, причём выдавать от имени Товарищества квитанции и заключать контракты и договоры с правом определения неустойки за просрочку. За доставку грузов, а также по всем делам, имевшим отношение к поручаемой к управлению части, Товарищество предоставляло заведующему речной перевозкой право производить любые расчёты с казной или частными обществами и лицами и получать или платить деньги со счёта Товарищества; покупать для пароходов и судов топливо и все другие припасы и материалы; арендовать и покупать участки земель. В случае возникновения с кем-либо споров или нарушения прав и интересов Товарищества заведующему речной перевозкой предоставлялось право от имени правления направлять прошения во все присутственные места и судебные учреждения, добиваясь всеми возможными законными способами их полного удовлетворения; являться в суды в качестве истца или ответчика, заслушивать решения и озвучивать на них своё согласие или несогласие, перенаправлять дела в апелляционном или кассационном порядке на рассмотрение высших судебных инстанций и проч. (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 7, 70б.). Таким образом, заведующий речной перевозкой был полноценным представителем правления нефтепромышленного общества и обладал практически неограниченными полномочиями по вверенному ему функционалу. На протяжении ряда лет, с 1880-х до 1900-х гг., должность заведующего речной перевозкой занимал Александр Иванович Алферов. Транзит нефтепродуктов по

речной системе являлся важнейшим компонентом предпринимательской деятельности Товарищества, так как именно в европейской части России находились основные потребители нефтепродуктов. Активное судоходство по Волге и её притокам, создание крупных пароходных обществ требовало огромных объёмов топлива, которые после прибытия в Астрахань распределялись по многочисленным складам, нефтехранилищам, а также стоечным баржам на волжских пристанях.

В соответствии с Положением о заведовании делами «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель» на Волге, система управления речной транспортировкой нефтепродуктов также включала в себя управляющих складами и пристанями в Астрахани, Царицыне, Саратове, Самаре, Батраках (в настоящее время г. Октябрьск Самарской области), Нижнем Новгороде (Костромская и Казанская пристани находились под руководством управляющего Нижегородским складом) и главного инженера по ремонту речного флота и техническим устройствам на волжских пристанях (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 4).

Управляющие складами назначались и увольнялись со службы непосредственно правлением Товарищества, несли перед ним полную ответственность за сохранность вверенного имущества. Отдельно оговаривалось управление астраханской пристанью: в её отношении действовала особая инструкция, и она находилась в ведении заведующего речными перевозками (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 40б.). Все управляющие складами обязывались исполнять служебные требования заведующего речными перевозками и находились в его непосредственном подчинении. Управляющие складами руководили не только служащими, задействованными непосредственно в обеспечении пристаней, но и служащими на железной дороге, в случае наличия железнодорожных станций, через которые осуществлялась отправка нефтегрузов. Никакие расходы на приобретение товаров или строительно-ремонтные работы и т.п. не могли производиться управляющими складами без получения на эти расходы разрешения правления Товарищества вместе с утверждённой сметой. Денежные суммы, отпускаемые складам, хранились в местных отделениях Государственного банка, а там, где таких отделений не было, в местных отделениях частных банков (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 4-5). Управляющие складами имели право самостоятельного поиска покупателей и продажи нефтепродуктов Товарищества (через имевшиеся при складах торговые конторы, где заключались договоры) по установленным ценам, которые ежегодно сообщало правление в соответствующих циркулярных распоряжениях. Например, согласно циркуляру правления от 20 февраля 1890 г. № 75 на период навигации 1890 г. назначались следующие цены на продажу мазута (нефтяных остатков): в Астрахани – 11 коп. за пуд, во Владимирове – 13 коп., в Царицыне – 14 коп., в Камышине – 14,5 коп., в Саратове – 15 коп., в Самаре – 16,5 коп., в Казани – 17,5 коп., в Нижнем Новгороде – 18 ½ коп., в Костроме – 22 коп. (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 28-30). Как видно из представленной статистики, в стоимость пуда мазута были заложены не только расходы фирмы на фрахт мазута по Каспийскому морю и перекачку на рейде, но и на транспортировку нефтепродуктов по Волге. Чем дальше пристань располагалась от первого пункта маршрута – Астрахани, тем дороже стоил мазут.

Разрешая управляющим складами продажу мазута по договорам с частными предпринимателями, владельцами судов и другими промышленниками, правление ограничивало сделки рядом условий. Заключение договоров допускалось исключительно с теми лицами, которые уже сотрудничали с Товариществом ранее и зарекомендовали себя благонадёжными плательщиками. Имея примеры негативного опыта коммерческого взаимодействия с предпринимателями, правление Товарищества предпочитало с мелкими судовладельцами, малоизвестными и не надёжными, в коммерческие отношения не вступать. В случае возникновения сомнений относительно платёжеспособности договаривавшегося лица, управляющие складами имели право требовать от таких лиц наличия поручителей, что подтверждалось особой подпиской за них со стороны известных Товариществу и платёжеспособных коммерсантов (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 28об.).

Несмотря на чётко прописанный механизм взаимодействия транспортных компаний и нефтяных обществ, следует отметить, что аренда судов несла с собой ряд сложностей и коммерческих рисков для нефтепромышленников, в связи с чем рассмотренные выше пункты маклерских записок о неустойках являлись необходимым условием соглашений с перевозчиками. Так, например, согласно циркуляру правления Товарищества от 30 марта 1889 г. № 314, при аренде заведующим речными перевозками А.И. Алферовым барж, пароходов и других судов для транспортировки нефтепродуктов имелись случаи, когда заключавшие договоры предприниматели являлись номинальными владельцами судов, так как сами были связаны обязательствами с третьими лицами. В связи с этим было принято решение перед подписанием договоров требовать от владельцев пароходов предоставления правоустанавливающих документов, подтверждавших право собственности и свободного распоряжения отдававшимися в аренду судами, а номера этих судовых свидетельств заносить в договор аренды (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 23).

Порядок расчётов за топливо был следующий. В момент заключения договора управляющие складами получали задаток наличными деньгами или векселями за отпускаящийся мазут. За топливо, поставлявшееся покупателям в период с начала навигации по 1 августа, расчёт производился не позднее середины сентября; за топливо, опускавшееся с 1 августа до конца навигационного периода, расчёт осуществлялся не позднее середины декабря. В случае

необходимости предоставления покупателю отсрочки по платежу взимались проценты из расчёта 8 % годовых. Также в момент заключения договора с владельцем судов оговаривался приблизительный объем требовавшегося на навигацию топлива, причём минимальное и максимальное количество запрашиваемого топлива не могло отличаться более чем на 20 % (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 29). Интересно, что согласно рекомендациям правления «в условиях (в договорах – прим. авт.) предоставляется Вашему (то есть управляющим складами – прим. авт.) усмотрению предусматривать случаи покупки топлива от других лиц при временном понижении цен на рынке, оговаривая за то неустойки» (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 30). То есть в случае колебания цен на мазут на российском рынке и их падения ниже, чем было установлено правлением на период навигации, покупателю предлагалось приобретать топливо у других поставщиков по более низким ценам, а управляющим складами – придерживать и не продавать мазут по цене ниже намеченной.

Копии всех договоров с судовладельцами направлялись в правление Товарищества. Указанные выше условия относились только к продаже мазута для пароходов, во всех остальных случаях заключение торговых договоров должно было предварительно согласовываться с заведующим речной перевозкой и с правлением Товарищества. За привлечение покупателей и организацию сбыта продукции правлением назначалось вознаграждение сотруднику в размере 1/12 коп. за каждый пуд мазута, отпущенный и оплаченный покупателями по заключённым договорам (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 28).

С крупными фирмами и предпринимателями правление Товарищества самостоятельно заключало договоры на поставки топлива, устанавливая цены в зависимости от объёмов закупуемых нефтяных продуктов. В таких случаях правление лишь уведомляло заведующего речной перевозкой о том, кому и по каким ценам должен был поставляться мазут. Так, в циркуляре Правления от 20 февраля 1890 г. № 75 сообщалось, что Товариществом был продан мазут на навигацию 1890 г. акционерному обществу «Самолет», пароходному обществу «По Волге» и «Пароходству А.А. Зевеке». Цены были установлены следующие. Общества «Самолет» и «Пароходства А.А. Зевеке» получали топливо в Астрахани по 10 коп. за пуд, во Владимирове – 12 коп., в Царицыне – 12,5 коп., в Камышине – 13,5 коп., в Саратове – 14 коп., в Самаре – 15 коп., в Казани – 16 коп., в Нижнем Новгороде – 17 коп., в Костроме – 20 коп. Для общества «По Волге» цены по всем пристаням устанавливались на 1/2 коп. выше (ГААО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 2. Л. 29, 290б.). Если сравнить данные цены, с ценами, установленными для заключения договоров управляющим складами, то видно, что крупные фирмы, благодаря большим объемам, могли получать топливо по более выгодным ценам и выигрывать в конкурентной борьбе за осуществление грузо- и пассажироперевозок. Это привело к тому, что к началу XX в. в рамках Волго-Каспийского транспортного коридора самым активным образом шел процесс слияния пароходных компаний в крупные транспортно-логистические объединения, такие как «Кавказ и Меркурий» и «Самолет». Небольшие пароходства не выдерживали конкуренции и разорялись, и особенно ярко эти процессы проявлялись в транзите нефти и нефтепродуктов.

5. Заключение

Увеличению морского грузооборота и развитию речного судоходства в рамках Волго-Каспийского транзитного маршрута способствовало появление на Волге нефти и нефтепродуктов в качестве товаров. Первоначально перевозился большей частью керосин, но объёмы его были невелики, так как невелики были объёмы нефтедобычи. Отмена откупной системы в нефтяной промышленности, внедрение достижений научно-технического прогресса в систему перевозки нефти в сочетании с инновационными решениями для транзита нефтепродуктов способствовали существенному снижению стоимости нефтяных продуктов на российском рынке, их широкому распространению (в том числе в качестве горючего для паровых судов, массово переводившихся с дровяного на более экономичное нефтяное топливо) и, соответственно, увеличению в 1880-х гг. грузопотока на Волге и её притоках.

Всё это привело к изменению существовавшей видовой структуры транспорта: появился новый тип судов для перевозки нефти наливом, а не в бочках – железные танкеры; модернизировался морской и речной флот за счёт перехода на нефтяное топливо и внедрения двигателей внутреннего сгорания; железные баржи, как более надёжные, вытеснили деревянные; появились первые трубопроводы, доставлявшие нефть с промыслов к перерабатывающим предприятиям и от предприятий к пристаням. Также изменения коснулись и инфраструктуры Волго-Каспийского пути: на всех крупных пристанях сооружались склады и хранилища для нефтепродуктов; усложнилась портовая структура, произошло создание пожарных бригад, внедрение системы измерения объёма наливных грузов, оснащение пристаней электрическим освещением и техническими средствами для перекачки грузов и др.

Развитие нефтяной промышленности являлось важным двигателем модернизационных процессов в России периода первой российской индустриализации конца XIX – начала XX в. Помимо указанных изменений в транспортной инфраструктуре, появление нефти и нефтепродуктов (как груза и как топлива) способствовало активизации экономической среды, бурному росту

предпринимательства, притоку в регион частного капитала, созданию и развитию промышленных фирм, специализировавшихся на нефтеперевозках, и сопутствующих производств, расширению сети государственных и частных кредитно-финансовых учреждений, задействованных в переводе средств между нефте- и судопромышленниками согласно заключавшимся договорам, уменьшению сроков транспортировки грузов и ускорению торгово-экономических процессов. Экономический рост и возможности для заработка и реализации коммерческой инициативы привлекали в Волго-Каспийский район, в рамках возникшего в пореформенный период переселенческого движения, широкий поток мигрантов из различных социальных слоёв, трудоустраивавшихся как в качестве низкоквалифицированных рабочих на обслуживание портовой инфраструктуры и в ремонтных мастерских, так и в качестве служащих в торговых конторах и в составе экипажей пароходов, инженеров и специалистов по строительству и техническому обслуживанию судов и проч.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-00920 «Организационно-экономический механизм трансформации Волго-Каспийского транзитного маршрута в период первой российской индустриализации (середина XIX – начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/25-28-00920/>.

Литература

- Акторы..., 2016** – Акторы российской имперской модернизации: региональное измерение / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, О.Н. Богатырева [и др.]; Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 316 с.
- Вольнский, 2019** – Вольнский И.А. Роль Астраханской области как ключевого транспортно-логистического узла в международном транспортном коридоре «Север – Юг» // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2019. № 3(60). С. 207-212.
- ГААО** – Государственный архив Астраханской области.
- Гусейнова, Исмаилова, 2021** – Гусейнова А.А., Исмаилова А.М. Транспортная система Апшеронского нефтепромышленного района в условиях социально-экономической трансформации Закавказского края в последней четверти XIX – начале XX вв. // *Современная научная мысль*. 2021. № 4. С. 39-44. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-4-39-44
- Иванов и др., 2011** – Иванов А.И., Дмитриева Т.В., Асланова Р.Н. Мировой опыт эксплуатации барж для транспортировки нефти и нефтегрузов на рубеже XIX–XX вв. // *Транспорт и хранение нефтепродуктов и углеводородного сырья*. 2011. № 3. С. 33-39.
- Иванов и др., 2010** – Иванов А.И., Дмитриева Т.В., Мастобаев Б.Н. Развитие межконтинентальных морских перевозок нефти и нефтепродуктов в XIX в. // *Транспорт и хранение нефтепродуктов и углеводородного сырья*. 2010. № 4. С. 32-37.
- Корноухова, 2019** – Корноухова Г.Г. Роль российского правительства в развитии каспийской морской торговли с Персией во второй половине XIX – начале XX в. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2019. Т. 18, № 3. С. 661-682. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-3-661-682
- Корноухова, 2024** – Корноухова Г.Г. Обсуждение проекта строительства Энзелийского порта в Персии в государственных ведомствах Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2024. № 4(81). С. 75-85. DOI: 10.54398/1818-510X.2024.81.4.007
- Корноухова, Мосейкина, 2021** – Корноухова Г.Г., Мосейкина М.Н. Коммерческая деятельность российского пароходного общества «Кавказ и Меркурий» в Персии в условиях осуществления частно-государственного партнерства во второй половине XIX – начале XX в. // *Вопросы истории*. 2021. № 4-1. С. 94-108. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202104Statyio7
- Макеева, 2021** – Макеева Е.Д. Деятельность человека как причина ухудшения экологического состояния реки Волги в конце XIX – начале XXI вв. (исторический аспект) // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2021. № 6(75). С. 58-69. DOI: 10.26105/SSPU.2021.75.6.005
- Маркелов, 2022** – Маркелов К.А. История и современность в развитии международно-транспортного коридора «Север – Юг» // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2022. № 1 (70). С. 98-109. DOI: 10.54398/1818-510X_2022_1_98
- Новосад, 2006** – Новосад Е.В. Загрязнение Волги в период становления нефтяной промышленности в России (по материалам «Вестника рыбопромышленности») // *Вопросы истории естествознания и техники*. 2006. Т. 27, № 1. С. 61-72.
- ПСЗРИ** – Полное собрание законов Российской империи.
- Степанов, 2018** – Степанов В.Л. Нефтяная политика С.Ю. Витте в Закавказье (1892-1903 гг.) // *Вопросы теоретической экономики*. 2018. № 2(3). С. 136-145. DOI: 10.24411/2587-7666-2018-00021

- Степанов, 2019 – Степанов В.Л. Нефтяная промышленность Северного Кавказа в правительственной политике конца XIX – начала XX в. // *Российская история*. 2019. № 6. С. 127-147. DOI: 10.31857/So86956870007440-5
- Сулумов, 2016 – Сулумов З.Х. Начало становления Грозненской нефтяной промышленности в конце XIX в. // *Современная научная мысль*. 2016. № 6. С. 39-43.
- Сулумов, 2018 – Сулумов З.Х. Нефть города Грозного: страницы истории // *Современная научная мысль*. 2018. № 2. С. 74-80.
- Akbulaev, Bayramli, 2020 – Akbulaev N., Bayramli G. Maritime transport and economic growth: Interconnection and influence (an example of the countries in the Caspian sea coast; Russia, Azerbaijan, Turkmenistan, Kazakhstan and Iran) // *Marine Policy*. 2020. 118: no. art. 104005. DOI: 10.1016/j.marpol.2020.104005
- Belov (Yurtaev), Binish, 2021 – Belov (Yurtaev) V.I., Binish. India, Russia and Iran: a New Study on “North – South” International Transport Corridor // *Informaciâ i innovacii*. 2021. 16(4): 18-25. DOI: 10.31432/1994-2443-2021-16-4-18-25
- Bilgin, 2007 – Bilgin M. New prospects in the political economy of inner-Caspian hydrocarbons and western energy corridor through Turkey // *Energy Policy*. 2007. 35(12): 6383-6394. DOI: 10.1016/j.enpol.2007.06.011
- De Miglio et al., 2014 – De Miglio R., Akhmetbekov Y., Baigarin K., Bakdolotov A., Tosato G. Cooperation benefits of Caspian countries in their energy sector development // *Energy Strategy Reviews*. 2014. 4: 52-60. DOI: 10.1016/j.esr.2014.09.002
- Guliyev, Akhrarkhodjaeva, 2009 – Guliyev F., Akhrarkhodjaeva N. The Trans-Caspian energy route: Cronyism, competition and cooperation in Kazakh oil export // *Energy Policy*. 2009. 37(8): 3171-3182. DOI: 10.1016/j.enpol.2009.04.009
- Kartskhiya et al., 2022 – Kartskhiya A.A., Tyrtynnyy S.A., Smirnov M.G., Dolgikh M.G. Pipeline Oil Supplies in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries: Historical Retrospective and Modern Assessments // *Bylye Gody*. 2022. 17(2): 812-823 DOI: 10.13187/bg.2022.2.812
- Kartskhiya et al., 2021 – Kartskhiya A.A., Tyrtynnyy S.A., Smirnov M.G., Zhulidova M.D. Oil Tanker Transportation and Entrepreneurial Competition in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries: Historical Retrospective and Modern Assessments // *Bylye Gody*. 2021. 16(3): 1381-1398. DOI: 10.13187/bg.2021.3.1381
- Mavrakis et al., 2006 – Mavrakis D., Thomaidis F., Ntroukas I. An assessment of the natural gas supply potential of the south energy corridor from the Caspian Region to the EU // *Energy Policy*. 2006. 34(13): 1671-1680. DOI: 10.1016/j.enpol.2004.12.015
- Zakharov, 2023 – Zakharov A. The International North-South Transport Corridor: The Prospects and Challenges for Connectivity between Russia and India // *MGIMO Review of International Relations*. 2023. 16(2): 216-234. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234

References

- Akbulaev, Bayramli, 2020 – Akbulaev, N., Bayramli, G. (2020). Maritime transport and economic growth: Interconnection and influence (an example of the countries in the Caspian sea coast; Russia, Azerbaijan, Turkmenistan, Kazakhstan and Iran). *Marine Policy*. 118: no. art. 104005. DOI: 10.1016/j.marpol.2020.104005
- Aktory..., 2016 – Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii: regional'noe izmerenie [Actors of Russian Imperial Modernization: Regional Dimension]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 316 p. [in Russian]
- Belov (Yurtaev), Binish, 2021 – Belov (Yurtaev), V.I., Binish. (2021). India, Russia and Iran: a New Study on “North – South” International Transport Corridor. *Informaciâ i innovacii*. 16(4): 18-25. DOI: 10.31432/1994-2443-2021-16-4-18-25
- Bilgin, 2007 – Bilgin, M. (2007). New prospects in the political economy of inner-Caspian hydrocarbons and western energy corridor through Turkey. *Energy Policy*. 35(12): 6383-6394. DOI: 10.1016/j.enpol.2007.06.011
- De Miglio et al., 2014 – De Miglio, R., Akhmetbekov, Y., Baigarin, K., Bakdolotov, A., Tosato, G. (2014). Cooperation benefits of Caspian countries in their energy sector development. *Energy Strategy Reviews*. 4: 52-60. DOI: 10.1016/j.esr.2014.09.002
- GAO – Gosudarstvennyi arkhiv Astrakhanskoi oblasti [State Archive of the Astrakhan Region].
- Guliyev, Akhrarkhodjaeva, 2009 – Guliyev, F., Akhrarkhodjaeva, N. (2009). The Trans-Caspian energy route: Cronyism, competition and cooperation in Kazakh oil export. *Energy Policy*. 37(8): 3171-3182. DOI: 10.1016/j.enpol.2009.04.009
- Guseinova, Ismailova, 2021 – Guseinova, A.A., Ismailova, A.M. (2021). Transportnaya sistema Apsheronского neftepromyshlennogo raiona v usloviyakh sotsial'no-ekonomicheskoi transformatsii Zakavkazskogo kraia v poslednei chetverti XIX – nachale XX vv. [Transport system of the Apsheron oil industrial region in the context of socio-economic transformation of the Transcaucasian region in the last quarter of the 19th – early 20th centuries]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 4: 39-44. DOI: 10.24412/2308-264X-2021-4-39-44 [in Russian]

- Ivanov i dr., 2010 – Ivanov, A.I., Dmitrieva, T.V., Mastobaev, B.N. (2010). Razvitie mezhkontinental'nykh morskikh perevozok nefti i nefteproduktov v XIX v. [Development of intercontinental sea transportation of oil and oil products in the 19th century]. *Transport i khranenie nefteproduktov i uglevodorodnogo syr'ya*. 4: 32-37. [in Russian]
- Ivanov i dr., 2011 – Ivanov, A.I., Dmitrieva, T.V., Aslanova, R.N. (2011). Mirovoi opyt ekspluatatsii barzh dlya transportirovki nefti i neftegruzov na rubezhe XIX–XX vv. [World experience in operating barges for transporting oil and oil cargo at the turn of the XIX–XX centuries]. *Transport i khranenie nefteproduktov i uglevodorodnogo syr'ya*. 3: 33-39. [in Russian]
- Kartskhiya et al., 2021 – Kartskhiya, A.A., Tyrtychnyy, S.A., Smirnov, M.G., Zhulidova, M.D. (2021). Oil Tanker Transportation and Entrepreneurial Competition in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries: Historical Retrospective and Modern Assessments. *Bylye Gody*. 16(3): 1381-1398. DOI: 10.13187/bg.2021.3.1381
- Kartskhiya et al., 2022 – Kartskhiya, A.A., Tyrtychnyy, S.A., Smirnov, M.G., Dolgikh, M.G. (2022). Pipeline Oil Supplies in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries: Historical Retrospective and Modern Assessments. *Bylye Gody*. 17(2): 812-823 DOI: 10.13187/bg.2022.2.812
- Kornoukhova, 2019 – Kornoukhova, G.G. (2019). Rol' rossiiskogo pravitel'stva v razvitii kaspiiskoi morskoi trgovli s Persiei vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The role of the Russian government in the development of Caspian maritime trade with Persia in the second half of the XIX – early XX centuries]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 18(3): 661-682. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-3-661-682 [in Russian]
- Kornoukhova, 2024 – Kornoukhova, G.G. (2024). Obsuzhdenie proekta stroitel'stva Enzeliiskogo porta v Persii v gosudarstvennykh vedomstvakh Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv. [Discussion of the project for the construction of the Anzali port in Persia in the government departments of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 4(81): 75-85. DOI: 10.54398/1818-510X.2024.81.4.007 [in Russian]
- Kornoukhova, Moseikina, 2021 – Kornoukhova, G.G., Moseikina, M.N. (2021). Kommercheskaya deyatel'nost' rossiiskogo parokhodnogo obshchestva «Kavkaz i Merkurii» v Persii v usloviyakh osushchestvleniya chastno-gosudarstvennogo partnerstva vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Commercial activities of the Russian shipping company "Caucasus and Mercury" in Persia in the context of public-private partnership in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Voprosy istorii*. 4-1: 94-108. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202104Statyio7 [in Russian]
- Makeeva, 2021 – Makeeva, E.D. (2021). Deyatel'nost' cheloveka kak prichina ukhudsheniya ekologicheskogo sostoyaniya reki Volgi v kontse XIX – nachale XXI vv. (istoricheskii aspekt) [Human activity as a cause of deterioration of the ecological state of the Volga River in the late 19th – early 21st centuries (historical aspect)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6(75): 58-69. DOI: 10.26105/SSPU.2021.75.6.005 [in Russian]
- Markelov, 2022 – Markelov, K.A. (2022). Istoriya i sovremennost' v razvitii mezhdunarodno-transportnogo koridora «Sever – Yug» [History and modernity in the development of the international transport corridor "North – South"]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 1(70): 98-109. DOI: 10.54398/1818-510Kh_2022_1_98 [in Russian]
- Mavrakis et al., 2006 – Mavrakis, D., Thomaidis, F., Ntroukas, I. (2006). An assessment of the natural gas supply potential of the south energy corridor from the Caspian Region to the EU. *Energy Policy*. 34(13): 1671-1680. DOI: 10.1016/j.enpol.2004.12.015
- Novosad, 2006 – Novosad, E.V. (2006). Zagryaznenie Volgi v period stanovleniya neftyanoi promyshlennosti v Rossii (po materialam «Vestnika rybopromyshlennosti») [Pollution of the Volga during the formation of the oil industry in Russia (based on the materials of the "Vestnik rybopromyshlennosti")]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 27(1): 61-72. [in Russian]
- PSZRI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- Stepanov, 2018 – Stepanov, V.L. (2018). Neftyanaya politika S.Yu. Vitte v Zakavkaz'e (1892-1903 gg.) [Oil policy of S.Yu. Vitte in Transcaucasia (1892-1903)]. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*. 2(3): 136-145. DOI: 10.24411/2587-7666-2018-00021 [in Russian]
- Stepanov, 2019 – Stepanov, V.L. (2019). Neftyanaya promyshlennost' Severnogo Kavkaza v pravitel'svennoi politike kontsa XIX – nachala XX v. [Oil industry of the North Caucasus in government policy of the late 19th – early 20th centuries]. *Rossiiskaya istoriya*. 6: 127-147. DOI: 10.31857/So86956870007440-5 [in Russian]
- Sulumov, 2016 – Sulumov, Z.Kh. (2016). Nachalo stanovleniya Groznenskoi neftyanoi promyshlennosti v kontse XX v. [The beginning of the formation of the Grozny oil industry at the end of the 19th century]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 6: 39-43. [in Russian]
- Sulumov, 2018 – Sulumov, Z.Kh. (2018). Neft' goroda Groznogo: stranitsy istorii [Oil of the city of Grozny: pages of history]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 2: 74-80. [in Russian]
- Volynskii, 2019 – Volynskii, I.A. (2019). Rol' Astrakhanskoi oblasti kak klyuchevogo transportno-logisticheskogo uzla v mezhdunarodnom transportnom koridore «Sever – Yug» [The Role of the Astrakhan

Region as a Key Transport and Logistics Hub in the International North-South Transport Corridor]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*. 3(60): 207-212. [in Russian]

Zakharov, 2023 – Zakharov, A. (2023). The International North-South Transport Corridor: The Prospects and Challenges for Connectivity between Russia and India. *MGIMO Review of International Relations*. 16(2): 216-234. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234

Волго-Каспийский транспортный коридор в системе грузоперевозок Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Юлия Геннадьевна Ещенко ^{a, *}, Сергей Вадимович Виноградов ^a, Наталия Игоревна Кулакова ^a

^a Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется система организации транспортировки грузов по Волго-Каспийскому транспортному коридору во второй половине XIX – начале XX в. на примере деятельности крупнейшего нефтепромышленного объединения исследуемого периода – «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель». С опорой на широкий источниковый материал, большая часть которого впервые вводится в научный оборот, показана организация водных грузоперевозок по Волго-Каспийскому маршруту в её трехчастной структуре (морские перевозки, рейдовая перегрузка, распределение нефтегрузов по речной системе европейской части России). Показано, что благодаря возникновению и бурному подъёму в Прикаспийском регионе нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей отечественной промышленности, Волго-Каспийская магистраль стала основным транспортным коридором для перемещения нефти и нефтепродуктов внутри Российской империи. С позиции акторного подхода авторы приходят к выводу, что развитие нефтяной промышленности стало одной из движущих сил модернизационных процессов в России пореформенного периода. Это привело к трансформации существовавшей видовой структуры транспорта (появление танкеров, перевод парового флота на нефтяное топливо, массовая замена деревянных судов металлическими, появление первых трубопроводов) и транспортной инфраструктуры (массовое сооружение на пристанях складов и хранилищ для нефтепродуктов, усложнение портовой организационно-управленческой структуры, создание пожарных бригад, внедрение системы измерения объёма наливных грузов, оснащение пристаней электрическим освещением и техническими средствами для перекачки грузов). Помимо указанных изменений использование нефти и нефтепродуктов способствовало активизации экономической среды, росту предпринимательства, притоку в регион частного капитала, созданию и развитию промышленных фирм, специализировавшихся на нефтеперевозках, расширению сети государственных и частных кредитно-финансовых учреждений, уменьшению сроков транспортировки грузов и ускорению торгово-экономических процессов.

Ключевые слова: нефтяная промышленность, Товарищество нефтяного производства братьев Нобель, Волго-Каспийский транзитный маршрут, портовая инфраструктура, транспортные компании, пароходство, грузоперевозки, транспортный коридор, модернизация, пореформенный период.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: pushistik_yuliya@mail.ru (Ю.Г. Ещенко), dissovetdm@yandex.ru (С.В. Виноградов), vol-na1986@yandex.ru (Н.И. Кулакова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 922-930
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.922

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“An Exercise in Articulating Public Opinion”: the Image and Activities of the State Duma of Russia at the beginning of the XXth century in the Assessment of Foreign Historical Literature and Its Authors

Denis V. Shchukin ^{a, *}, Olga G. Nekrylova ^a

^a Bunin Yelets State University, Russian Federation

Abstract

The authors of the article focus on the image and activities of the State Duma of Russia in the early twentieth century in the assessment of foreign historical literature and its authors. The article analyzes the works of scientists from Great Britain, the USA, and Israel who consider the events of the political history of Russia in the early XXth century in the light of the relationship between society and power. Their significant part was the history of Russian parliamentarism at the initial stage of its formation and development. The authors examine the view of foreign authors on it, conducting a structural and historiographic analysis of their works. It has been established that in the issue of studying the history of political parties of Russia represented in the State Duma of Tsarist Russia, foreign authors more often turn to the analysis of their program positions. At the same time, interest in their direct activities in the Duma is also highlighted. Most of the authors note that it was the Duma of the third convocation that became a factor in evolutionary and moderate progress in the development of constitutional ideas in Russia at that time. The significance of the study is enhanced by the small degree of scientific work on the topic raised from the standpoint of historical practices. The novelty of the study is reflected in the factorial nature of the substantive analysis of the figure of the State Duma of the period under study in the assessment of foreign historical literature. The article draws conclusions about the substantive side of the practices of analyzing foreign historiography on this issue.

Keywords: history, Russian Empire, State Duma, political events, first Russian revolution 1905–1907, foreign historiography, parliament.

1. Введение

Пространство отечественной истории начала XX в. – это период предметных трансформаций, время перемен, смены парадигм и векторальных направлений, что напрямую находило своё отражение в системе политических институтов и практик. Новые исторические реалии развития политических событий в России начала XX в. и сформированные ими задачи потребовали акцентного внимания на развитие новых политических инструментов, институтов. Государственная Дума стала одним из них. Выступив своеобразной альтернативой, попыткой разрешения накопившихся противоречий в среде политических взаимоотношений власти и общества, она не только способствовала развитию политических практик, но и создала возможность для конструктивной трансформации политического строя в стране. Однако по ряду известных причин данная возможность не была использована и не реализовалась на практике. Таким образом, можно смело утверждать, что история становления российского парламента в начале XX в. в России тесно переплетена с общей политической канвой того времени. Это не просто связь, а глубокая, укоренившаяся взаимозависимость, чьи проявления можно увидеть в самых разных сферах политической реальности рассматриваемой эпохи.

* Corresponding author

E-mail addresses: dionysios@yandex.ru (D.V. Shchukin), nekrylova_80@mail.ru (O.G. Nekrylova)

Всё это привлекает как отечественное, так и зарубежное научное сообщество к изучению такого яркого явления на политическом олимпе России начала XX в. Вместе с тем взгляд и оценка этого явления со стороны зарубежной исторической литературы и её авторов имеют высокую степень интереса для отечественной исторической науки и её авторов. Добавим, что расширение «оптики» и спектра научно-исследовательских полей в отношении политического пространства России начала XX в. сформировало в настоящее время и пространство систематизации изучения истории российского парламентаризма данного периода с учётом достаточно высокого уровня разнообразия различных аспектов и ключевых тем её эволюции.

Исходя из выше обозначенного, изучение и взгляд на Государственную Думу России в оценке зарубежной исторической литературы и её авторов, представляется не только полезным, но и необходимой частью общей системы научных исследований её внутренних и внешних содержательных процессов и нахождения точек соприкосновения в системе координат её роли и места в истории России и мира начала XX в.

2. Материалы и методы

Источниковая база работы представлена различными историческими и архивными документами рассматриваемого периода. Отметим, что данное исследование не ставит перед собою задачу максимально тщательного анализа источникового пространства истории российского парламентаризма. Вместе с тем укажем, что определяющим по своему характеру корпусом источников в этом аспекте, конечно, выступают архивные материалы о работе самой Думы, содержащиеся в фондовых хранилищах Российского государственного исторического архива ([Щукин, 2019; 2023](#)). Большой пласт материалов, затрагивающих различные стороны работы российского парламента начала XX в. и представленных в нём политических партий, имеется и в других архивах России.

Особое место занимают материалы по выборам в Государственную Думу начала XX в. и источники личностного происхождения – депутатов и современников, участвовавших или связанных с деятельностью российского парламента анализируемого периода ([Глинка, 2001; Милуков, 1908](#)).

Методологическая база исследования носит комплексный научный характер. Аналитические методы применялись при анализе исторических источников и исторической литературы. В работе использованы методы, структурно-функционального и сравнительного анализа, эмпирического и теоретического обобщения полученной информации. Применялись различные виды теоретического анализа: сравнительно-сопоставительный, системно-структурный, факторный, функциональный. Рассмотреть явления в их совокупности помог историко-системный метод, особенно при анализе условий формирования Государственной Думы исследуемого периода.

Метод актуализации позволяет использовать полученные знания, результаты и выводы исследования для последующей научной деятельности. Что касается выводов исследования, то они основаны на общенаучных методах анализа и синтеза, дедукции и индукции.

3. Обсуждение

Интерес как отечественных, так и зарубежных исследователей к разным аспектам пространства истории российского парламентаризма начала XX в. сегодня вполне устойчив и набирает всё большую популярность в научной среде. При этом, ввиду главной цели данного исследования, нас в первую очередь интересует историографический компонент зарубежной практики в исследуемом вопросе. Укажем, что внимание зарубежных авторов здесь в основном сосредоточенно на изучении взаимоотношений власти и оппозиции в России начала XX в. В вопросе изучения истории политических партий, представленных в российском парламенте начала XX в., зарубежные авторы больше обращаются к анализу их программных позиций, доктрин, тактических линий поведения в условиях быстроменяющихся исторических реалий России этого времени. Вместе с тем положение и статус самой Государственной Думы царской России также исследуется в работах российских авторов. Отметим труды Д.А. Андреева ([Андреев, 1995](#)), О.В. Большаковой ([Большакова, 2008](#)), Ф.А. Селезнёва ([Селезнёв, 2004](#)), В.М. Шевырина ([Шевырин, 1988](#)).

Необходимо выделить целый корпус работ Н.В. Макарова, посвящённых обзору истории русского либерализма начала XX в. и политических партий данной идеологии, широко представленных в Государственной Думе начала XX в. в трудах англо-американских исследователей. Особую ценность представляет, вышедшая в 2015 г. в России, монография данного автора, которая системно аккумулирует и обобщает полноту накопленного до настоящего времени опыта изучения истории русского либерализма конца XIX – начала XX вв. англо-американскими исследователями ([Макаров, 2015](#)).

С учётом поднятой темы выделим работы зарубежных авторов. Это труды британской исследовательницы Л. Эдмондсон ([Edmondson, 1989](#)), американских авторов У.Г. Розенберга ([Rosenberg, 1974](#)), Р. Уильямса ([Уильямс, 2009](#)), Дж. Хоскинга ([Hosking, 1973](#)), М. Стокдэйла ([Stockdale, 1999](#)), монографию швейцарского исследователя Д. Вартенвейлера ([Wartenweiler, 1999](#)). Отдельное место в рамках данного исследования заняли работы М. Вебера ([Weber, 1971](#)), британского

профессора Я. Тэтчера (Thatcher, 2011), Т. Шанина (Shanin, 1997), Й. Френкеля (Frankel, 2007), Р.П. Бартлетта (Bartlett, 2011). При этом сегодня ещё пока сохраняется недостаточность работ, посвящённых заявленной теме данного исследования, что определяет необходимость восполнить данный пробел.

4. Результаты

Первая русская революция 1905–1907 гг. оказала значительное влияние на политическую ситуацию в России, что выразилось в публикации Манифеста от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Содержание данного документа декларировало обещание со стороны власти о реализации принципов гражданских свобод, включая реальную защиту личности, свободу вероисповедания, выражения мнений, проведения собраний и объединений. Важным аспектом стало расширение электоральных возможностей населения и предоставление новому органу народного представительства, а именно Государственной Думе, законодательных полномочий.

Этот исторический процесс трансформации политического пространства России вызвал бурный интерес со стороны зарубежных учёных, одним из ярких представителей которых был Максимилиан Карл Эмиль Вебер (M. Weber). Являясь достаточно знаковой фигурой в области социологии, он не смог не проявить интерес к российскому государству и тем грандиозным событиям, которые происходили в нём. В 1906 г. Вебер издаёт две крупные работы «К положению буржуазной демократии в России» и «Переход России к псевдоконституционализму», к которой мы и обратимся. Исходя из названия книги, яркой фразы самого Макса Вебера о «призрачности парламента» в России (Weber, 1988: 80) и являясь при этом поклонником английской конституционной системы, автор воспринимает сложившуюся ситуацию в России через понятие «мнимого конституционализма». В отношении самой Думы М. Вебер пишет следующее: «Настал день открытия Думы. В праздничной атмосфере, после роскошной церемонии Царь на глазах у всего народа “неверными шагами” (выражение газет) поднялся на трон и зачитал совершенно бессодержательное “приветствие”. Тронная речь, которой все ожидали, фактически не состоялась» (Вебер, 2007: 93). Примечательна и его оценка работы нижней палаты российского парламента данного созыва. Так, если в начале по его мнению она была «сведена к нулю», то в дальнейшем «она продемонстрировала редкую энергию, неизвестную в других парламентах мира» (Вебер, 2007: 95).

Для М. Вебера лучшим устройством политической власти был пример – Германской империи, его родины, где формой правления являлась дуалистическая монархия. Именно эту систему он хотел увидеть в России в скором будущем, где Государственная Дума и Государственный совет должны были стать не только ограничивающими власть царя органами, но и его помощниками «делая власть императора сбалансированной, не позволяя ему наращивать свои личные амбиции и тщеславие, из-за которых может пострадать государство» (Вебер, 2007: 80). Вместо этого, по его мнению, в итоге был создан орган, который рано или поздно будет либо расформирован, либо будет полностью подконтролен правительству.

Из зарубежных историков, описавших образ Государственной Думы и имеющих отличную от точки зрения М. Вебера позицию, можно выделить британского профессора Яна Тэтчера (Thatcher Ian) и его работу «Первая Государственная Дума, 1906 год: взгляд из современной литературы памфлетов и монографий» (Thatcher, 2011). В своей работе он исследовал воспоминания современников того периода, ярких исторических деятелей, таких как С.Е. Крыжановский, В.Л. Герье, В.Д. Набоков, А.А. Муханов, М.М. Винавер, С.И. Бондарев и Т.В. Локоть. Ян Тэтчер указывает, что они признавали свою близость к событиям и ангажированности, поэтому имеют определённый взгляд на события, которые могут отличаться от фактической реальности.

Образ и деятельность Государственной Думы России начала XX в. Ян Тэтчер оценивает следующим образом: «Кадеты, симпатизирующие “правому делу”, имели ярких представителей. Это было эффективно в создании атмосферы исторической симпатии к первой Думе». При этом Думе удалось «сформировать российскую политическую науку в зачаточном состоянии» (Thatcher, 2011: 560).

По мнению Я. Тэтчера, Государственная Дума дала не только толчок в развитии политической жизни государства, но и в культурной сфере. Введение выборного органа с правом для всего населения попробовать изменить политическую ситуацию в стране, привело к изменению в мышлении граждан, появилось представление своего голоса в государстве. Именно этот момент является важным в развитии политической составляющей страны и зерном для её дальнейшего преобразования в демократическое государство, которое проследил Ян Тэтчер в своей работе.

Помимо иллюстрации образа Государственной Думы в литературе, в этой же работе Ян Тэтчер затронул вопрос о неопределённости самого образа Думы, а именно её значимости не только в России, но и за рубежом: «Если для одного историка первая Дума не была подлинным испытанием российского конституционализма, то писатели того времени воспринимали это иначе. Именно за эти 72 дня была раскрыта реальность конституционного строя, начиная с характера электората и заканчивая статусом и авторитетом парламента и его депутатов. Приказ о роспуске был воспринят как государственный переворот, в ходе которого царизм продемонстрировал свою решимость

противостоять демократизации» (Thatcher, 2011: 560).

Таким образом, анализируя данные работы можно с уверенностью сказать, что в глазах зарубежной историографии на ранних этапах I Государственная Дума России начала XX в. должна была стать важной составляющей политической власти и переходным этапом в формировании в России идеи становления верховенства политического права граждан. Однако данный процесс не был реализован, так как власть в лице императора Николая II видела в этом ущемление своей абсолютной «Божественной власти», на которое М. Вебер указывает в своих работах. В работах же более современных зарубежных авторов выделяются положительные стороны деятельности Думы, которая смогла дать альтернативу царской власти для граждан.

В рамках данного исследования нами был проведён анализ образа и деятельности Государственной Думы Российской империи в работе ещё одного иностранного автора Теодора Шанина (Shanin Teodor.) Его работа «Революция как момент истины» выступает интересным исследованием со стороны зарубежной историографии в отношении истории русского либерализма, социального и политического устройства российского государства начала XX в. (Шанин, 1997).

Проведя аналитический обзор развития исторических событий и процессов, приведших к появлению и созданию в России в начале XX в. Государственной Думы, Т. Шанин так описывает характер деятельности её первого созыва. «Заседания Думы превратились в бесконечные конфронтации между депутатами и министрами, к которым можно добавить растущее противостояние фракций» (Шанин, 1997: 102). Затрагивая образ и деятельность II Государственной Думы Российской империи, Т. Шанин заостряет внимание не на её основной деятельности в виде законотворческих процессов, а на том, как правительство в лице Николая II и П.А. Столыпина пытается взять над ней контроль, используя при этом тему крестьянского вопроса в условиях реализации пресловутой аграрной реформы этого времени.

В своей работе Т. Шанин указывает, что эти реформы были ничем иным, кроме как попыткой смягчить революционность населения среди его большинства – крестьянства, тем самым ослабив оппозиционность Думы. Так же он отмечает, что государство не чуралось использовать насильственные методы для усмирения политических волнений, что вылилось в ослабление открытых действий партий левого толка. Помимо прочего, он указывает и на то, что «губернаторы до выборов получали распоряжения свыше, что они проявили гораздо большую активность в выдвижении надежных, а точнее прогосударственно настроенных депутатов в следующую Думу. Церковный Синод указал священникам, особенно сельским, на необходимость более активного противодействия радикальной и либеральной пропаганде» (Шанин, 1997: 107).

Шанин в своем исследовании акцентирует внимание на усилиях П.А. Столыпина по формированию лояльной правительству коалиции. Несмотря на неудачу этой инициативы, партия «Союз 17 октября», представлявшая правое направление либерального движения и возглавляемая А.И. Гучковым, заняла политическую линию, во многом созвучную со взглядами П.А. Столыпина. Отметим, что данную неудачу анализируемый автор во многом связывает с тем, что в данное время значительную часть российских избирателей просто заставили замолчать в рамках политических баталий в отношении необходимой конфигурации Думы. Вместе с тем он укажет, что «их стремление противостоять правительству оставалось твердым, несмотря на репрессии, монархистскую пропаганду, политические манипуляции и реформы» (Шанин, 1997: 107).

Анализ работы Т. Шанина позволяет прийти к следующему выводу. По мнению автора, II Государственная Дума России начала XX в. смогла сохранить в себе элементы революционности I Думы. За счёт отмены бойкота левыми партиями, а также дальнейшее наращивание их политической мощи уже в самой Думе стало создавать для правительства опасную ситуацию и оно пошло на крайние меры. Т. Шанин прямо указывает на это: «Неизбежное произошло даже скорее, чем в случае I Думы. После нескольких стычек и большой дозы примечательной риторики, 3 июня 1907 года II Дума была распущена» (Шанин, 1997: 108).

По мнению Т. Шанина, «третьеиюньский переворот» раскрыл всю несостоятельность внутриполитической системы России. «Реформы рассматривались в главном лишь как средство умиротворения, а когда это было удобно, о них часто забывали» (Шанин, 1997: 321). В продолжение развития своей мысли он укажет на осознание лидерами России в системе стабилизации государства необходимости структурных кардинальных преобразований, инициированных именно сверху, а не снизу. Завершая оценку деятельности II Государственной Думы царской России, Т. Шанин заключает, что правительству удалось её ослабить путём продолжения проведения репрессий, а также расширением своей законодательной базы путём издания указов, которые были направлены на избавление от оппозиционности в будущих Думах.

Рассмотрение заявленной в названии данного исследования темы было бы не полным без проведения анализа образа и деятельности III и IV Государственных Дум Российской империи в оценке зарубежной историографии и её авторов. Иностранные исследователи, анализируя период российской истории с 1907 г. и опираясь на свидетельства современников, зачастую указывают на то, что именно III Государственная Дума сыграла роль фактора постепенного и сдержанного развития конституционализма в России в начале XX в.

Одной из самых предметных работ, в которой предоставлен образ всех Государственных Дум царской России и их значения в истории российского государства, выступает труд Роджера Бартлетта «История России» (Bartlett, 2005). В работе автор указывает, что первые Думы были: «Как упражнение в артикуляции общественного мнения, первая Дума 1906 года представляла собой продолжение революции в парламентской форме». По мнению автора, «первые две Думы противостояли правительству в состязательной манере, пока Столыпин, поддерживаемый царем, не изменил незаконно избирательное право в июне 1907 года» (Bartlett, 2005: 186).

Дальнейшую логическую связь, которую Р. Бартлетт проводит к следующим двум Думам, он описывает так: «В результате Третья и Четвертая Думы были достаточно консервативны, чтобы правительство могло с ними работать, но имели свою собственную программу, так что Столыпину все же пришлось использовать чрезвычайные процедуры, чтобы провести желаемое законодательство». В отношении данного он напишет, что думский период продемонстрировал возобновление политического доминирования правительства и его сторонников, а также фрагментацию и растущую поляризацию политических взглядов в обществе. При этом сама Дума становилась все более оторванной от основной социальной динамики российского общества по мере того, как напряженность вновь нарастала по направлению к 1914 г. Однако, когда в 1917 г. самодержавие рухнуло, оно осталось единственной легитимной политической властью в империи (Bartlett, 2005: 186).

Анализируя данный текст, можно сформулировать следующий вывод, к которому приходит автор. Введение во внутреннеполитическое устройство России Государственной Думы как органа государственной власти стало переломным событием в её истории, так как во многом она показала возможность альтернативной борьбы словом и законом, а не насильственными действиями, направленными на изменение внутривластной ситуации в стране. Однако данное было возможно только в том случае, если государство для сохранения легитимной власти пошло бы на компромисс в реорганизации её политического устройства и не пыталось бы сделать из Думы полностью подконтрольный ей орган.

Не малое внимание зарубежные историки в своих исследованиях уделяют закономерному росту влияния и активности русской либеральной буржуазии, а именно партии прогрессистов и их деятельности в Государственной Думе.

Ричард Пайпс в своей работе «Русская революция» отмечает, что с 1908 по 1909 г. либеральная буржуазия, почувствовав стабильность после закрытия II Государственной Думы и изменения избирательного права, получила возможность попытаться кардинально поменять ситуацию в политическом пространстве России, а именно внедрить описываемую М. Вебером систему дуалистической монархии на подобии Германской империи. Выгода в возможности получения ещё больших рычагов влияния на политическую власть в государстве стала для буржуазии главной причиной в этом деле. Буржуазия, по мнению Р. Пайпса, явно хотела: «...сочетать свойственное консерваторам уважение к законности и порядку с либеральными взглядами по экономическим и социальным вопросам» (Pipes, 1980: 228-232).

С аналогичной позицией выступает и другой американский исследователь Джеймс Л. Вест. В своей работе «Буржуазия и общественность в предреволюционной России» он продолжает мысли Р. Пайпса и пишет о зарождении «экономических бесед», где впервые была проявлена лучшая сторона развития либеральной идеи, а именно: «тесное сотрудничество между предпринимателями и интеллектуалами» (Вест, 1992: 194). Также Дж. Л. Вест указывает на предметную структуризацию становления «прогрессистов»: «К 1912 году они уже чувствовали себя настолько уверенно, что вышли из-под опеки профессоров и создали свою собственную “национально-либеральную” организацию – фракцию прогрессистов» (Вест, 1992: 194).

Анализируя данные работы, можно прийти к следующему выводу. Если сама Дума на тот период претерпевала предметные системные изменения и обладала слабой реальной властью в стране, то русское сообщество в лице либеральных партий и их представителей становилось более радикальным в своих взглядах. Данная логичность найдёт своё подтверждение после открытия IV Государственной Думы России начала XX в. Оппозиционные настроения либеральных сообществ в своих политических выступлениях станут более открытыми. Американский историк Леопольд Хеймсон в своей работе «Об истоках революции» прямо укажет на это (Хеймсон, 1993). В ней он пишет следующее: «...осенью 1912 года фракция “прогрессистов” также перешла на сторону “декларативной оппозиции” для осуществления собственной версии политических реформ» (Хеймсон, 1993: 10). Примечательным выступает позиция этого автора в отношении переговорного вопроса о создании коалиции с крайне левыми данной политической силы. Так, по его мнению, её лидеры в отличие от кадетов имели такую готовность.

Данную мысль Леопольда Хеймсона продолжает и раскрывает более узко работа Мелиссы Стокдэйл «Павел Милуков и поиски либеральной России, 1880–1918» (Stockdale, 1996). В ней автор указывает, что «в начале 1913 года он говорил на заседаниях центрального комитета о почти безнадежной ситуации в Думе и рекомендовал отказаться от тактики сдержанности, которую он отстаивал в течение последних пяти лет. ... Милуков охарактеризовал Думу как находящуюся в тупике, неспособную ничего добиться, что объясняется отсутствием устойчивого большинства,

отсутствием у правительства какого-либо четко определенного курса и, прежде всего, общим убеждением, что любые положительные меры, которые будут приняты, будут просто подавлены Государственным советом» (Stockdale, 1996: 200).

Дальнейшие события, связанные с образом и деятельностью IV Государственной Думы в оценке зарубежной историографии будут посвящены больше Первой мировой войне и Февральской революции 1917 г., нежели чем Думе и её деятельности.

Таким образом, анализ мнений авторов зарубежной историографии в отношении заявленной темы исследования позволил выстроить следующую структурную картину, имеющую в некоторых местах отличную от российской историографии позицию по данной тематике (Таблица 1).

Таблица 1. Структурная характеристика отражения позиций, мнений зарубежных авторов в отношении деятельности Государственной Думы России начала XX в.

Автор	Страна проживания при написании работы	Основная мысль
Carl Emil Weber Maximilian	Германия	Царское правительство дало указ о формировании Думы лишь для собственной выгоды и успокоения народа.
Ian Thatcher	Великобритания	Государственная Дума начала XX в. имела важное значение в формировании политического сознания российского народа.
Teodor Shanin	США	II Государственная Дума начала XX в. являлась наиболее революционной из всех прочих и показала мировому сообществу отношение царского режима к демократическим переменам.
Frankel Jonathan	Израиль	Структурность и характер событий 3 июня 1907 г. вывели движение России на путь дуалистической монархии в формате Германской империи.
Roger Bartlett	Великобритания	III и IV Государственные Думы России начала XX в. были консервативны и не имели того градуса революционности, как предыдущие первые два созыва.
Pipes Richard	США	Автор анализирует развитие либерализма в буржуазии и их активность в пространстве политическом.
James West	США	Акцентирует развитие либеральной буржуазии в практике формирования ею своих целей в Думе.
Leopold Henri Haimson	США	Исследуя, анализирует деятельность партии прогрессистов и их идею «декларативной оппозиции», доказывая зрелость российской буржуазии к переменам.

5. Заключение

Проведённый анализ различных работ зарубежных авторов в отношении поднятой в данном исследовании темы, позволяет прийти к следующим выводам.

1. Анализ представленных в данном исследовании работ зарубежных авторов явно показывает их разные акценты и позиции в отношении образа, места и роли Государственной Думы России начала XX в. в общих политических процессах и событиях того времени.

2. Центром внимания зарубежных авторов в контексте политической истории России заявленного периода и деятельности I–IV Государственных Дум выступает пространство взаимоотношений власти и оппозиции в разрезе общих социальных явлений этого времени. В этом плане интересно мнение Леопольда Хеймсона о наличии в рассматриваемый период остро полярных противоречий между властью (верхами) и электоральной частью русского общества (низами). Наличие данного стало, по его мнению, одной из главных причин неизбежности новой революции в России. Ввиду прошедших в 1917 г. в России Февральской и Октябрьской революций, не можем не согласиться с данным мнением.

3. Специфика истории и деятельности на протяжении пяти лет III Государственной Думы России начала XX в. позволила зарубежным авторам через анализ воспоминаний видных её представителей и современников тех лет продемонстрировать пространство развития парламентаризма в России. Они отмечают, что в период работы III Государственной Думы

происходили шаги к объединению элиты и интеллектуалов, а также к внедрению более осознанных идей в рамках построения совместной деятельности разных ветвей власти в данный период.

В конечном итоге, проведённое нами исследование показало, что иностранными авторами была проделана большая работа по изучению Государственной Думы России начала XX в., её образа, места и роли влияния на внутриполитическую составляющую развития истории российского государства в указанный период времени. Нет сомнений в том, что работы разных авторов имеют и разнообразный характер оценок Государственной Думы Российской империи. Однако как показало исследование, несмотря на разноплановость взглядов, большинство зарубежных авторов сходится в следующем мнении. Государственная Дума России начала XX в. стала важным этапом, вехой в её общей истории, внося свой уникальный и неповторимый вклад в общее пространство ярких красок исторических событий развития российской государственности заявленного периода.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке руководства ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Литература

- Андреев, 1995 – Андреев Д.А. Российский либерализм и Государственная Дума (обзор англо-американской историографии) // *Вестник МГУ. Серия 8. История*. 1995. № 2. С. 16-23.
- Большакова, 2008 – Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография. М.: Наука, 2008. 248 с.
- Вест, 1993 – Вест Дж. Л. Буржуазия и общественность в предреволюционной России // *История СССР*. 1992. № 1. С. 192-201.
- Вебер, 2007 – Вебер М. О России: Избранное / Перевод А. Кустарев. М.: РОССПЭН, 2007. 159 с.
- Глинка, 2001 – Глинка Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906-1917: Дневники и воспоминания / Вступ. ст., подг. текста, коммент. Б.М. Виттенберга. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 391 с.
- Макаров, 2012 – Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX – начала XX вв. в освещении англо-американской историографии последних лет // *Гуманитарные научные исследования*. 2012. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2012/06/1368> (дата обращения: 16.02.2025).
- Макаров, 2015 – Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М.: Памятники исторической мысли, 2015. 392 с.
- Миллюков, 1908 – Миллюков П.Н. Вторая Дума: Публицистическая хроника. СПб.: тип. т-ва "Обществ. польза", 1908. 302 с.
- Миллюков, 2015 – Миллюков П.Н. Из тайников моей памяти. М.: ЭКСМО, 2015. 957 с.
- Пайпс, 1994 – Пайпс Р. Русская революция. М.: РОССПЭН, 1994. 399 с.
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- Селезнёв, 2004 – Селезнёв Ф.А. Взаимоотношения партии кадетов и буржуазии в освещении зарубежной историографии / *Век XX: историография, источниковедение, региональная история России: Сборник трудов*. Нижний Новгород, 2004. С. 118-126.
- Уильямс, 2009 – Уильямс С. Либеральные реформы при нелиберальном режиме: Создание частной собственности в России в 1906-1915 гг. М.: ИРИСЭН. 2009. 332 с.
- Хеймсон, 1993 – Хеймсон Л. Об истоках революции // *Отечественная история*. 1993. № 6. С. 3-15.
- Шанин, 1997 – Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. – 1917–1922 гг. М.: Весь мир, 1997. 544 с.
- Шевырин, 1988 – Шевырин В.М. Российский либерализм (конец XIX в. – 1917 г.) в англо-американской историографии: Науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН, 1988. 51 с.
- Bartlett, 2005 – Bartlett R.P. A history of Russia. New York: Palgrave Macmillan, 2005. 321 p.
- Edmondson, 1989 – Edmondson L. Was there a movement for political rights in Russia in 1905? // Crisp O., Edmondson L., eds. *Civil rights in Imperial Russia*. Oxford, 1989. Pp. 276-278.
- Emmous, 1983 – Emmous T. The formation of political parties and the first national elections in Russia. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press, 1983. 529 p.
- Hosking, 1973 – Hosking G.A. The Russian Constitutional experiment. Government and Duma, 1907–1914. New York and London: Cambridge University Press, 1973. Pp. 38-41.
- Pipes, 1980 – Pipes R. Struve: Lit. on the right, 1905-1944. London : Harvard univ. press : portr., 1980. 526 p.
- Riha, 1960 – Riha T. Miliukov and the Progressive Bloc in 1915: A Study in Last-Chance Politics // *The Journal of Modern History*. 1960. Vol. 32. № 1. Pp. 16-24.
- Rosenberg, 1974 – Rosenberg W.G. Liberals in the Russian revolution: The Constitutional Democratic party, 1917-1921. Princeton: Princeton University Press, 1974. 534 p.
- Stockdale, 1996 – Stockdale M.K Paul Miliukov and the quest for a liberal Russia 1880–1918. London :

Cornell univ. press, 1996. 379 p.

Thatcher, 2011 – *Thatcher I.* The First State Duma, 1906: The view from the contemporary pamphlet and monograph literature // *Canadian Journal of History*. 2011. Pp. 531-561.

Walsh, 1950 – *Walsh W.B.* Political Parties in the Russian Dumas // *The Journal of Modern History*. 1950. Vol. 22. № 2. Pp. 144-150.

Wartenweiler, 1999 – *Wartenweiler D.* Civil society and academic debate in Russia, 1905-1914. Oxford: Clarendon press, 1999. 252 p.

Weber, 1988 – *Weber M.* Gesammelte politische Schriften: Russlands Ubergang zum Scheinkonstitutionalismus // *Tübingen*. 1988. Pp. 69-111.

Shchukin, Nekrylova, 2023 – *Shchukin D.V., Nekrylova O.G.* From "Tsarist" to "Soviet": Russia of the post-revolutionary turning point of 1917 through the Space of Cuisine and Gastronomy // *Bylye Gody*. 2023. 18(3). Pp. 1539-1549.

Shchukin, 2019 – *Shchukin, D.V.* (2019). Russian liberal movement of the early 20th century in historical research. *Amazonia Investiga*. 8(18): 203-209.

References

Andreev, 1995 – *Andreev, D.A.* (1995). Rossiiskii liberalizm i Gosudarstvennaya Duma (obzor anglo-amerikanskoi istoriografii) [Russian liberalism and state thought (review of Anglo-American historiography)]. *Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya*. 2: 16-23. [in Russian]

Bartlett, 2005 – *Bartlett* (2005). A history of Russia. New York: Palgrave Macmillan, 321 p.

Bolshakova, 2008 – *Bol'shakova, O.V.* (2008). Vlast' i politika v Rossii XIX – nachala XX veka: amerikanskaya istoriografiya [Power and politics in Russia of the XIX – early XX centuries: American historiography]. M.: Nauka, 248 p. [in Russian]

Edmondson, 1989 – *Edmondson, L.* (1989). Was there a movement for political rights in Russia in 1905? / Crisp O., Edmondson L., eds. Civil rights in Imperial Russia. Oxford. Pp. 276-278.

Emmous, 1983 – *Emmous T.* (1983). The formation of political parties and the first national elections in Russia. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press, 529 p.

Glinka, 2001 – *Glinka, Ya.V.* (2001). Odinnadtsat' let v Gosudarstvennoi Dume. 1906–1917: Dnevnik i vospominaniya [Eleven years in the State Duma. 1906–1917: diaries and memories]. Vstup. st., podg. teksta, komment. B.M. Vittenberga. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 391 p. [in Russian]

Hosking, 1973 – *Hosking, G.A.* (1973). The Russian Constitutional experiment. Government and Duma, 1907–1914. New York and London: Cambridge University Press. Pp. 38-41.

Kheimson, 1993 – *Kheimson, L.* (1993). Ob istokakh revolyutsii [About the origins of the revolution]. *Otechestvennaya istoriya*. 6: 3-15. [in Russian]

Makarov, 2012 – *Makarov, N.V.* (2012). Russkii liberalizm kontsa XIX – nachala XX vv. v osveshchenii anglo-amerikanskoi istoriografii poslednikh let [Russian liberalism of the late XIX – early XX centuries in the coverage of Anglo-American historiography of recent years]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. 6. [Electronic resource]. URL: <https://human.snauka.ru/2012/06/1368> (date of access: 16.02.2025). [in Russian]

Makarov, 2015 – *Makarov, N.V.* (2015). Russkii liberalizm kontsa XIX – nachala XX veka v zerkale anglo-amerikanskoi istoriografii [Russian liberalism of the late XIX-early XX centuries in the mirror of Anglo-American historiography]. *Otv. red. V.V. Shelokhaev*. M.: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 392 p. [in Russian]

Milyukov, 1908 – *Milyukov, P.N.* (1908). Vtoraya Duma: Publitsisticheskaya khronika [Second Duma: journalistic chronicle]. SPb.: tip. t-va "Obshchestv. pol'za", 302 p. [in Russian]

Milyukov, 2015 – *Milyukov, P.N.* (2015). Iz tainikov moei pamyati [From the recesses of my memory]. Moscow: EKSMO, 957 p. [in Russian]

Pipes, 1980 – *Pipes, R.* (1980). Struve: Lit. on the right, 1905-1944. London: Harvard univ. press, 526 p.

Pipes, 1994 – *Pipes, R.* (1994). Russkaya revolyutsiya. [Russian revolution]. M., ROSSPEN, 399 p.

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Riha, 1960 – *Riha, T.* (1960). Miliukov and the Progressive Bloc in 1915: A Study in Last-Chance Politics. *The Journal of Modern History*. 32(1): 16-24.

Rosenberg, 1974 – *Rosenberg, W.G.* (1974). Liberals in the Russian revolution: The Constitutional Democratic party, 1917-1921. Princeton: Princeton University Press, 534 p.

Seleznev, 2004 – *Seleznev, F.A.* (2004). Vzaimootnosheniya partii kadetov i burzhuzazii v osveshchenii zarubezhnoi istoriografii [Relations of the Cadet and Bourgeoisie party in the coverage of foreign historiography]. *Vek XX: istoriografiya, istochnikovedenie, regional'naya istoriya Rossii*. Nizhny Novgorod, pp. 118-126. [in Russian]

Shanin, 1997 – *Shanin, T.* (1997). Revolyutsiya kak moment istiny. Rossiya 1905–1907 gg. – 1917–1922 goda [Revolution as a moment of truth. Russia 1905–1907 – 1917–1922]. M.: Ves' mir, 544 p. [in Russian]

Shchukin, 2019 – *Shchukin, D.V.* (2019). Russian liberal movement of the early 20th century in historical research. *Amazonia Investiga*. 8(18): 203-209.

[Shchukin, Nekrylova, 2023](#) – *Shchukin, D.V., Nekrylova, O.G.* (2023). From “Tsarist” to “Soviet”: Russia of the post-revolutionary turning point of 1917 through the Space of Cuisine and Gastronomy. *Bylye Gody*. 18(3): 1539-1549.

[Shevyrin, 1988](#) – *Shevyrin, V.M.* (1988). Rossiiskii liberalizm (konets XIX v. – 1917 g.) v anglo-amerikanskoi istoriografii: nauchno-analiticheskii obzor. [Russian liberalism (end of the XIX century – 1917) in Anglo-American historiography: scientific and analytical review]. M.: INION, 1988. 51 p. [in Russian]

[Stockdale, 1996](#) – *Stockdale, M.K.* (1996). Paul Miliukov and the quest for a liberal Russia 1880–1918. London: Cornell univ. press, 379 p.

[Thatcher, 2011](#) – *Thatcher, I.* (2011). The First State Duma, 1906: The view from the contemporary pamphlet and monograph literature // *Canadian Journal of History*. Pp. 531-561.

[Walsh, 1950](#) – *Walsh, W.B.* (1950). Political Parties in the Russian Dumas. *The Journal of Modern History*. Vol. 22. № 2. Pp. 144-150.

[Wartenweiler, 1999](#) – *Wartenweiler, D.* (1999). Civil society and academic debate in Russia, 1905-1914. Oxford : Clarendon press, 252 p.

[Weber, 1988](#) – *Weber, M.* (1988). Gesammelte politische Schriften: Russlands Ubergang zum Scheinkonstitutionalismus. Tübingen. Pp. 69-111.

[Weber, 2007](#) – *Weber, M.* (2007). O Rossii: Izbrannoe. [About Russia: Favorites]. Moscow: ROSSPEN, 159 p. [in Russian]

[West, 1993](#) – *West, Dzh.L.* (1993). Burzhuaziya i obshchestvennost' v predrevolyutsionnoi Rossii . [Bourgeoisie and the public in pre-revolutionary Russia]. *Istoriya SSSR*. 1: 192-201. [in Russian]

[Williams, 2009](#) – *Williams, S.* (2009). Liberal'nye reformy pri neliberal'nom rezhime: Sozdanie chastnoi sobstvennosti v Rossii v 1906–1915 gg. [Liberal reforms in a non-liberal regime: creating private property in Russia in 1906–1915]. M.: IRISEN, 332 p. [in Russian]

«Упражнение в артикуляции общественного мнения»: образ и деятельность Государственной Думы России начала XX в. в оценке зарубежной исторической литературы и её авторов

Денис Васильевич Щукин ^{a, *}, Ольга Геннадьевна Некрылова ^a

^a Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина, Российская Федерация

Аннотация. В центре внимания авторов статьи – образ и деятельность Государственной Думы России начала XX в. в оценке зарубежной исторической литературы и её авторов. В статье анализируются работы учёных из Великобритании, США, Израиля, которые рассматривают события политической истории России в начале двадцатого столетия в свете взаимоотношений общества и власти. Их значительной частью стала история российского парламентаризма в начальный этап своего становления и развития. Авторы исследуют взгляд зарубежных авторов на неё, проводя структурно-историографический анализ их работ. Установлено, что в вопросе изучения истории политических партий России, представленных в Государственной Думе царской России, зарубежные авторы больше обращаются к анализу их программных позиций. При этом выделяется интерес и к их непосредственной деятельности в Думе. Большинство авторов отмечают, что именно Дума III-го созыва стала фактором эволюционного и умеренного прогресса в вопросе развития идей конституционного характера в России дореволюционного времени. Значимость исследования усиливает малая степень научных работ в отношении поднятой темы с позиции исторических практик. Новизна исследования нашла отражение в факторности содержательного анализа фигуры Государственной Думы исследуемого периода в оценке зарубежной исторической литературы. В статье сделаны выводы о содержательной стороне практик анализа зарубежной историографии по данному вопросу.

Ключевые слова: история, Российская империя, Государственная Дума, политика, русская революция 1905–1907 гг., зарубежная историография, парламент.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dionysios@yandex.ru (Д.В. Щукин), nekrylova_80@mail.ru (О.Г. Некрылов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 931-940
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.931

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Askhabad School of Horticulture, Horticulture and Sericulture in the context of the Educational Policy of the Russian Empire

Ilya I. Aminov ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

The period from the end of the 19th to the beginning of the 20th centuries, which became an important milestone in the establishment of Russian statehood in the Transcaspian region, is considered. Among the most progressive trends of this period, the desire of the regional administration for the latest achievements in the field of agricultural activities, the introduction of effective methods of personal farming, the dissemination of agricultural knowledge and skills through the opening of the Ashgabat School of Horticulture, horticulture and sericulture was revealed. Among the methodological techniques and methods of teaching at school, in order to develop independence, initiative and responsibility, each pupil was assigned a separate plot of land where, in their free time, they could cultivate a garden, vegetable garden or flower garden. During the spring and autumn periods, undergraduates were released to work in private gardens and vegetable gardens, where they were given the opportunity to work for moderate remuneration and at the same time test the strength of their knowledge acquired at school. The study showed that the gradual gaining of sympathy and trust by the school from the local and foreign population of the region was due not only to the free or preferential release of seeds and other planting materials, as well as the gradual growth of authority and faith in the usefulness of agricultural knowledge, but also the competence of the teaching staff, interested in the results of their teaching activities, high reputation and professionalism graduates of the school who worked effectively in the agricultural field, applied the best methods of cultivating fields, laying gardens, laying out vegetable gardens and caring for them. The author concludes that the school has become the most important tool for agronomic assistance to the population, the subject of knowledge transfer on the rational use of natural resources, a more efficient organization of the work of dayhanstov, and profit from agricultural activities. As a result of the creative support of the socio-economic and educational policy of Russia from Lieutenant General A.N. Kuropatkin and other heads of the Merv, Tejen, and Askhabad counties. The city of Ashgabat, the center of the Transcaspian region, has transformed from an uncomfortable village devoid of trees into a green and shady city on the edge of the Karakum desert, thanks to the improvement of gardens and parks.

Keywords: Russian Empire, Transcaspian region, regional administration, economic cooperation, local population, agricultural education, agricultural knowledge, economic assistance.

1. Введение

После окончания завоевательных походов русской армии на землях туркмен и образования 6 (18) мая 1881 г. Закаспийской области, началось мирное приобщение этого народа к особенностям российской государственности. Данный процесс способствовал распаду царившего здесь натурального хозяйства, строительству промышленных объектов, развитию товарно-денежных отношений. В области значительными темпами росло количество хлопкоочистительных,

* Corresponding author

E-mail addresses: aminovii@mail.ru (I.I. Aminov)

маслобойный, мыловаренных, кожевенных заводов, создавались предприятия строительной промышленности, возводились гидротехнические сооружения и т.д. Эти преобразования вели к необходимости рационализации всего аграрно-промышленного сектора, обновления патриархального кочевого и полукочевого закаспийского общества, вступившего в новые, прогрессивные формы социально-экономических отношений.

Несмотря на то, что эти и другие преобразования отвечали, прежде всего, военно-политическим и экономическим интересам Российской империи и опирались на механизмы репрессивного аппарата, новые условия привели к реформации системы образования, необходимости подготовки квалифицированных специалистов для сельского хозяйства и промышленности.

Образовательная реформа повлекла за собой появление первых светских, в том числе специальных учебных заведений, одной из которых стала Асхабадская школа садоводства, огородничества и шелководства, внёсшая ощутимый вклад в повышение культуры землеустройства и землепользования в крае, формирование национального кадрового потенциала, улучшение многих сторон жизнедеятельности сельского и городского населения, превращение индивидуального и коллективного труда в один из источников народного благосостояния.

2. Материалы и методы

Необходимая информация для темы исследования была получена благодаря анализу материалов из ЦГАТ – Центрального государственного архива Туркменистана (фонд 1 – «Канцелярия начальника Закаспийской области») (Ашхабад, Туркменистан); РГВИА – Российского государственного военно-исторического архива (фонд 400 – «О Куропаткинской школе садоводства в Асхабаде») (Москва, Российская Федерация). В этих фондах изучению были подвергнуты отчёты, приказы закаспийской администрации, военных и гражданских чиновников относительно быта и предпочтений туркменского народа, специфики мусульманских, светских, специальных учебных заведений области.

Для рассмотрения истории народного просвещения и обучения в Асхабадской школе садоводства, огородничества и шелководства большое значение имело изучение «Обзоров Закаспийской области», охвативших период с 1882 по 1914 г., их уникальных, но порой и противоречивых материалов, содержащихся в отчётах, касавшихся разных социально-экономических сфер, статистических данных, включая и «школьное дело» (раздел «Народное образование»).

Значительный фактический материал нами был почерпнут из сборника архивных документов, посвящённого вхождению Туркмении в состав России ([Россия и Туркмения в XIX веке, 1946](#)).

Основываясь на междисциплинарном и цивилизационном подходах, предполагающих следование принципам объективности, историзма и целостности, автором применялись следующие методы познания, продиктованные природой и характером изучаемых объектов: нарративный (при описании и обобщении данных о становлении и развитии образовательной системы в Закаспийской области на рубеже XIX – начала XX вв.); сравнительно-исторический (при сопоставлении особенностей учебно-воспитательного процесса в мусульманских и светских школах края); структурный (при анализе регионального и центрального контроля за деятельностью и финансированием некоторых светских образовательных учреждений области); этнопсихологический (при изучении менталитета туркменского народа, его отдельных личностей – выпускников школы, многие из которых стали представителями национальной элиты). Все эти методы позволили автору проанализировать ценный фактический материал, актуальный для восполнения пробелов по истории Асхабадской школы садоводства, огородничества и шелководства и её роли в подготовке квалифицированных кадров для становления и развития сельскохозяйственной отрасли в Закаспии.

3. Обсуждение

Прежде чем приступить к обсуждению вопроса о становлении и развитии Асхабадской школы садоводства, огородничества и шелководства в контексте образовательной роли Российской империи, отметим, что система первых специальных и средних учебных заведений в Закаспийской области была предметом исследования как дореволюционных, советских, так и современных учёных-историков. При этом уникальность и ценность исследований этих авторов заключается в том, что ими в исторической ретроспективе были затронуты такие малоизученные вопросы, как:

- Изучение особенностей культурной жизни Туркестана с древнейшей эпохи до Октябрьской революции, включая сведения о мусульманском образовании народов Средней Азии ([Остроумов, 1906](#); [Бартольд, 1927](#)), в том числе Закаспийской области ([Беляев, 1916](#); [Ходжакулиева, 2017](#); [Рыгалова, 2022](#));

- Констатация отличительных особенностей духовного и светского образования в Туркменистане, проблемы формирования национальной туркменской интеллигенции в имперский период ([Бердыев, 1960](#); [Дурдыев, 1968](#), [Ходжакулиева, 2017](#));

- Выявление данных об этническом составе обучаемых, их количестве, особенностях успеваемости, основных проблемах унификации при организации и управлении образовательной

системой, с учётом того, что Закаспий в разные времена входил как в состав Кавказского края, так и Туркестанского генерал-губернаторства (Беляев, 1916; Бешеров, 2023);

- Оценка отношения к русскоязычным школам местных жителей края, их возможности и готовности обучать своих детей в зависимости от отдалённости местоположения, платёжеспособности, плотности охвата школьной сетью, типа учебного заведения (Ходжакулиева, 2017);

- Изучение тщательности и обстоятельности выстраивания системы образования для представителей коренного населения с ориентацией на изменения традиционного общества в исторически короткий (1881–1917 гг.) срок (Рыгалова, 2022);

- Анализ ускорения процесса социокультурного сближения коренного и пришлого населения благодаря совместному обучению детей местной и европейских национальностей, усвоению русского и туркменского языков (Миронов, 2017; Ходжакулиева, 2017).

Результаты, полученные в ходе обсуждения, дают основание утверждать, что без создания в Закаспийской области системы светских учебных заведений и формирования на их основе квалифицированного кадрового потенциала было бы невозможно цивилизационно преобразить этот край. Одним из важнейших направлений культурно-хозяйственного взаимодействия Закаспия и России, в частности, её образовательной политики, стало распространение профессиональных знаний среди коренного населения посредством развития системы специальных, в том числе сельскохозяйственных учебных заведений. Эта политика повлияла на социокультурную трансформацию в традиционном туркменском обществе, превратив земледелие в один из источников роста народного благополучия, повышения трудовой активности населения.

4. Результаты

После завоевания Российской империей в последней четверти XIX в. большей части территории современного Туркменистана и основания Закаспийской области русская администрация столкнулась с местной, духовно-конфессиональной системой народного образования. Эта система – единственная до прихода русских войск и представленная двумя типами школ: начальной школой грамотности (мектебе), а также средним и высшим духовным училищем (медресе), – находилась под управлением мусульманского духовенства и существовала, главным образом, на средства местных жителей и частной благотворительности (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 10168. Л. 32).

Мектебы и медресе играли определённую роль в образовании и воспитании туркменской молодёжи, прививали с детства традиционные духовно-нравственные ценности и нормы поведения. Однако положение с грамотностью населения оставалось тяжёлым, а система обучения – несвободной от недостатков. В мектебах до бесконечности зубрили непонятные суры Корана. Окончившие такую школу воспитанники в лучшем случае могли написать поздравительное письмо (салам хаты). Методика преподавания, учебные программы, сложившиеся ещё в Средние века, нуждались в изменениях и дополнениях. Система наказаний, практиковавшаяся в мектебах, держалась на палочной дисциплине, бесконечном подслушивании, подсматривании со стороны неисчислимых «шпионов», в связи с чем также нуждалась в модернизации. Было немало случаев, когда жестокие «воспитательные» удары мулл оставляли детей на всю жизнь калеками. Наиболее сообразительные ученики до появления в школе обматывали под рубахой свои плечи и спину кусками старой кошмы, чтобы «святые» розги меньше касались их тела (Ахундов, Овезбердыев, 2023: 62). Мулла в таких школах, как говорили в народе, был и Царь, и Бог. При этом специальных профессиональных школ в Закаспийском крае до прихода русских не было.

В 1910 г. в Закаспийской области насчитывалось 557 мектебов, в которых обучалось 9560 человек, в том числе 900 девочек; в 56 медресе обучалось 911 учеников-шакирдов (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2788. Л. 47–48).

Во второй половине 1890-х гг. администрация Закаспия, наряду с решением экономических вопросов, стала предпринимать меры по внедрению в крае светского образования. Именно от открытия светских школ руководство края ожидало «перерождения грядущих поколений туркмен» (РГВИА. Ф. 400. Д. 254. 1990. Л. 49).

Включившись в переписку с министрами просвещения и финансов, поддерживая потребности местного и переселенческого населения, руководство области стало инициировать строительство средних, специальных, русско-туземных школ, а также музеев, библиотек, приглашать в эти заведения для работы нужных специалистов. Несмотря на то, что русская администрация, действуя крайне осмотрительно, оставила без изменения сеть прежних учебных учреждений (мектебы и медресе), число светских школ в 1915 г. достигло 60, среди них русско-туземных школ, где обучались дети туркменской и других национальностей, было 20 (Бердыев, 1960: 45).

Многие выпускники светских учебных заведений, овладевшие как русской, так и туркменской грамотой, становились опорой в управлении новыми землями Империи в качестве чинов средней и низшей местной администрации, а введение новой образовательной системы – способствовало ускорению социокультурного сближения коренного и переселенческого населения (Бешеров, 2023: 207).

На первых порах отношение местных жителей к русско-туземным школам было настороженное, так как быт и обстановка в них напоминали европейские учебные заведения, что

вызывало особое недоверие у представителей мусульманского духовенства. Негативному отношению к русско-туземным школам способствовало и то, что из-за недостатка в учителях туркменской грамоты и мусульманского вероучения обучение во многих из них велось на русском языке. Однако постепенно отношение к этим школам менялось в лучшую сторону. Коренное население, понимая преимущества светского образования и русской грамоты, с большим желанием отдавало детей на обучение в русско-туземные школы. Эта перемена привела к тому, что число желающих в них учиться стало превышать установленные нормы. Именно эти школы сыграли прогрессивную роль в просвещении туркменского народа, став первоначальной ступенью на пути формирования туркменской национальной интеллигенции.

В рассматриваемый период система народного просвещения Туркменистана вобрала в себя также специальные и средние учебные заведения, где обучались представители разных народностей, в том числе и коренной национальности. Первыми подобными учебными заведениями были: Асхабадская школа садоводства, огородничества и шелководства, сеть Асхабадских технических железнодорожных училищ, Мервское реальное училище. Эти учебные заведения функционировали более стабильно, поскольку, в отличие от русско-туземных школ, существовавших на средства местных общин, получали устойчивое финансирование преимущественно из государственной казны (Бешеров, 2023: 224).

Асхабадская школа садоводства, огородничества и шелководства была открыта в феврале 1892 г. в ауле Кеши под Асхабадом на базе лесопитомника по инициативе начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина¹, впоследствии военного министра Российской империи. Целью открытия этого многонационального, светского учебного заведения было всестороннее развитие земледелия в Закаспии посредством подготовки специалистов-агров на базе опытных хозяйств, ознакомление коренного и пришлого населения с современными приёмами и методами разных отраслей земледелия в резко континентальных, засушливых условиях края².

Новое учебное заведение размещалось в специально выстроенном для него здании (см. Рисунок 1), имело 17 десятин земли, содержалось на суммы для общественных надобностей. К зданию школы примыкал парк с обустроенной аллеей и водоёмом, плодовый сад и огород, цветник, виноградник, шелковая плантация, питомник древесных и фруктовых растений. При школе имелись также опытно-учебные участки для разведения хлопка, табака, лекарственных и других культур (Хроника истории Ашхабада..., 1981: 17-18).

Рис 1. Учащиеся и здание Асхабадской школы садоводства, огородничества и шелководства (1893–1895 гг., пос. Кеши). Ученики-туркмены – в белой и чёрных папахах

Полный учебный курс школы равнялся 5 годам (из них 2 года – подготовительный, 3 года – специальный) (Обзор Закаспийской области, 1902: 270).

Благодаря постоянному вниманию, заботе начальника области А.Н. Куропаткина и всей администрации края, школа быстро развивалась, укрепляя свой авторитет. А поскольку её открытие отвечало насущным потребностям области, то в 1896 г. её ввели в общую сеть специальных сельскохозяйственных учебных заведений Империи.

¹ За годы управления областью А.Н. Куропаткиным (1890–1897 гг.) число училищ почти утроилось.

² Подобно Асхабадской, в 1907 г. А.Н. Куропаткиным будет открыта сельскохозяйственная школа в Псковской губернии. Для этого им было выделено 27 десятин собственной земли.

В 1897 г. Министерством земледелия и государственных имуществ был утвержден устав и штат школы. В этом же году распоряжением министра земледелия и государственных имуществ, с согласия военного министра, школа была переименована в Куропаткинскую школу садоводства, огородничества и шелководства 1-го разряда.

Первым попечителем школы стал заведующий лесной частью области, учёный-лесовод 1-го разряда Д.А. Морозов, который первым делом привлёк к педагогической деятельности лиц с соответствующей профессиональной подготовкой. Второй задачей, поставленной попечителем школы, стало благоустройство и расширение помещений, улучшение условий жизни педагогического персонала, служащих и учащихся школы. Третья задача коснулась правильной организации учебного процесса и школьного хозяйства в соответствии с целями и назначением школы.

Административный и педагогический состав школы к 1-му января 1898 года был полностью укомплектован и выглядел следующим образом:

1. Попечитель – Дмитрий Александрович Морозов. Титулярный советник корпуса лесничих. Окончил курс Санкт-Петербургского лесного института с золотой медалью, со степенью учёного-лесовода 1-го разряда.

2. Управляющий – Дмитрий Петрович Шалабанов. Окончил курс Горецкого земледельческого училища с аттестатом 1-го разряда.

3. Преподаватель специальных дисциплин – Викентий Викентьевич Посонский. Окончил курс Уманского училища садоводства с аттестатом 1-го разряда.

4. Преподаватель общеобразовательных дисциплин – Антип Афанасьевич Бабила. Он же учитель церковного пения. Окончил курс Батумского городского училища с правами на звание учителя городского приходского начального училища.

5. Преподаватель Закона Божьего – О. Успенский. Окончил курс Тверской семинарии.

6. Врач для санитарно-медицинского надзора за школой, коллежский советник С. Поцапай.

Кроме того, при школе состояли: преподаватель столярного дела, садовник, повар, сторож, прачка, 4 постоянных разнорабочих (*Отчет по Асхабадской школе..., 1899: 3-5*).

В школу принимали мальчиков в возрасте от 13 до 15 лет. Численность учащихся школы из года в год росла. В год открытия (1892 г.) в школу поступило 4 туркмена и 4 русских. В 1893 г. число воспитанников составило 12 человек (4 туркмена и 8 русских) (*Обзор Закаспийской области, 1895: 120-122*). В 1894 г. в школе обучалось 20 человек: из них 15 – 4 туркменских и 11 русских учащихся. Через два года число воспитанников увеличилось до 23 человек. В 1898 г. в школе обучалось 26 человек, из которых по этнической принадлежности было десять туркмен, четыре грузина, остальные – русские (*Отчет по Асхабадской школе..., 1899: 4*).

Несмотря на то что между учениками в их материальном обеспечении и воспитании не делалось каких-либо различий, тем не менее, за учащимися-туркменами были закреплены некоторые преимущества, связанные с религиозными и национальными обычаями. Так, например, ученикам-туркменам разрешалось вместо форменных фуражек носить меховые шапки (папахы) и тюбетейки. При этом их приучали, как и других воспитанников, в классе или за столом сидеть без головных уборов. Что же касается других личных вещей, то на каждого ученика выдавались: шинель, пара башмаков, пара сапог, пара платков, 4 пары портянок и полный комплект постельных принадлежностей.

Питание учеников осуществлялось по нормам для нижних чинов в воинских подразделениях области, но с большей порцией сахара (до 3,2 кг на ученика в год). Разрешалось употреблять без ограничения чай в связи с постоянно испытываемой жаждой от жары и запретом потребления сырой воды из-за эпидемиологической опасности.

С разрешения попечителя, кроме положенного по уставу школы каникулярного времени, ученики-туркмены во время мусульманских праздников (Новруз байрамы, Ораза байрамы, Курбан байрам) отпускались домой, для чего им бесплатно выдавались билеты на проезд по Закаспийской железной дороге.

Стремясь привлечь к учёбе представителей коренного населения, администрация области и руководство школы поощряли правила, запреты, предостережения традиционного туркменского общества, демонстрируя их воспитательную ценность для подрастающего поколения. Среди таких исконных туркменских ценностей – бережное отношение к земле, как к матери, родоначальнице всего живого, воде – главному достоянию и богатству всего рода (племени). Кроме того, знойный климат Закаспия, породивший главную и вечную проблему – нехватку воды, для получения которой затрачивались грандиозные усилия, – способствовал не только совершенствованию способов полива, применению специальных поливных каналов, но и формированию в туркменском обществе особой экологической этики: беречь воду и землю с самого детства.

Для улучшения быта учеников и их развития прилагались усилия по упорядочению и распределению занятий, рациональному выполнению хозяйственных работ не зависимо от национальности, успехов в учёбе или практической деятельности.

Живя в интернате под постоянным надзором педагогического коллектива, а также старших воспитанников, учащиеся, как правило, не нарушали дисциплину. Среди незначительных проступков

наиболее часто встречались личные оскорбления, ссоры, самовольные отлучки в Асхабад, несвоевременное возвращение из отпуска. В качестве наказания таким ученикам объявлялся выговор. В случае повторных проступков такой учащийся мог быть помещён в карцер или лишиться увольнительной в выходные дни ([Отчет по Асхабадской школе..., 1899: 8-9](#)).

Что же касается индивидуальных особенностей учеников-туркмен, то в их поведении преподаватели отмечали такие качества, как правдивость, граничащую с прямолинейностью, упрямство, самолюбие, обидчивость, но без примеси злопамятства и мстительности, некоторую склонность к праздности. В отношении способностей туркмен наблюдалась заинтересованность в усвоении, прежде всего, практических предметов. Именно к ним они проявляли большую любознательность и усердие.

Учёт этих особенностей привёл к тому, что руководство школы в общении с учениками-туркменами в своём стремлении воздействовать на них сочетало как гибкость, так и строгость. При этом все важнейшие вопросы, связанные с обучением и воспитанием, разбирались на педагогических советах под председательством попечителя. Среди важных вопросов повестки советов было укрепление среди туркмен правильного отношения к образованию и труду, поскольку, по оценке начальника области генерал-лейтенанта А.А. Боголюбова (1898–1901 гг.), у туркмен имелась склонность признавать, что образованный человек – есть только начальствующий, приказывающий, а не работающий человек ([РГВИА. Ф. 400. Д. 254, 1900. Л. 34-49](#)).

Среди дисциплин, преподаваемых шесть дней в неделю в летний и зимний периоды, имелись небольшие отличия. В течение летних занятий изучались – ботаника, общие предметы, пение, Закон Божий¹, практическое лесоводство, огородничество и садоводство, виноградарство, шелководство, хлопководство, землемерие; в течение зимних занятий – русский язык, история, география, арифметика, Закон Божий, чистописание, ботаника, землемерие.

Занятия в школе, как классные, так и практические, проводились строго по расписанию. Поскольку в школе наряду с туркменами учились грузины, армяне и другие представители пришлого населения, значительное время отводилось изучению русского языка как государственного ([ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7769. Л. 207](#)). На занятиях по русскому языку обучающимся стремились прививать литературное произношение, поскольку ученикам из некоренного населения было свойственно употребление в речи диалектизмов. Параллельно с устной и письменной русской речью изучался и туркменский язык. Обучение этим дисциплинам и математике соответствовало программам начальных училищ ([Отчет по Асхабадской школе..., 1899: 4-6](#)).

Среди учебных пособий для изучения ботаники (естествоведения) рекомендовались издания Герда, Бородина, Кирхнера, Рудзкого и Малинина; по специальным предметам: Шредера, Раевского, Клаусена, Вейнферга, Бома, Шаврава, Иванова и Жемудзиновича и других. Несмотря на столь солидное библиотечное обеспечение, изучение дисциплин не носило только книжного характера. Учащиеся непосредственно наблюдали те явления, которые подлежали изучению, а точнее – приучались овладевать приёмами рационального хозяйствования по живым образцам на школьных полях. Вместе с тем ощущался определённый дефицит в препаратах, приборах и инструментах, а также наглядных пособиях (плакатах, таблицах, коллекциях).

Для развития самостоятельности и инициативы за каждым обучающимся закреплялся участок земли, где он в свободное от занятий время мог обрабатывать огород или цветник. С той же целью ученики старших классов отпускались во время весенней и осенней страды на работы в частные сады и огороды. Но им, в отличие от учащихся младших классов, предоставлялась возможность трудиться за умеренное вознаграждение. Однако такая «привилегия» сопровождалась надзором со стороны садовника школы или другого специалиста. При этом ответственность за качество работы ложилась на самих учеников ([Отчет по Асхабадской школе, 1899: 14-15](#)).

Поскольку перед школой еще при самом ее основании была поставлена задача содействовать разведению в области древесной растительности, она первой открыла бесплатный отпуск населению посадочного материала², способствуя тем самым массовому лесоразведению. Развитие этого дела с каждым годом увеличивало своё значение – в помощь школе пришли другие питомники, а также открытие весной 1893 г. в городском саду Асхабада акклиматизационной станции, адаптирующей нужные области привозные растения: деревья, кустарники, хлопок, горчицу, табак, сахарную свеклу, подсолнечник и т.д. ([Хроника истории Ашхабада, 1981: 19](#)).

Для усиления весенних работ по садоводству и лесоводству, в целях рационализации сил учащихся, в школу, начиная с 1897 г., командировался лесной кондуктор. Под его руководством производились посевы и посадки в лесном питомнике, осуществлялся отпуск посадочного материала в более широких масштабах. Однако школа не прекращала проводить и собственные эксперименты.

¹ Обучение Закону Божьему учеников-туркмен велось местными муллами, православных учеников – местными священниками.

² По данным 1897 года, бесплатный отпуск посадочного материала в 8,8-мь раз превысил платный отпуск (68,05 руб. против 7,769 руб.) ([Отчет по Асхабадской школе..., 1899: 25](#)).

Ещё с 1894 г. на её участках производились первые опыты по выращиванию американских сортов хлопка, благодаря которым Россия стала увереннее двигаться к хлопковой независимости¹.

Огромной заслугой школы стало привлечение к себе доверия и симпатии местного населения. В первое время существования школы туркмены проявляли к ней подозрение, считая, что она отрицательно скажется на нравственном состоянии детей. Однако успехи окончивших школьный курс молодых туркмен, их успешная деятельность как специалистов в области сельского хозяйства, среди которых наиболее известными садоводами в Фарабе, Репетеке и Мерве стали К. Геранов, К. Нурсахатов, А. Атияязов, победили это недоверие. Школу прославили и будущие государственные деятели Туркменистана, также её выпускники – А. Ильбаев, Д. Мамедов, Х. Сахатмурадов и другие (Дурдыев, 1968: 24).

Вместе с обретением доверия и симпатии местных жителей росло и число обращений с просьбами об обучении детей (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 7137. Л. 1), а также за аграрными советами, семенами, за целлюлярной греней и т.д. Эти обращения вели к повышению культурного уровня туркменского дейханства, уменьшению рутинного характера земледелия, популяризации и росту авторитета сельскохозяйственных знаний. Школа способствовала изменению самого облика Закаспия, и не только его ландшафта, но и психологии самих жителей. С этой целью, к примеру, задачи деятельности шелководческой станции в интересах населения включали: 1) демонстрацию всего цикла работы, начиная с вывода шелковичного червя и размотки шелка, до выработки целлюлярной грены; 2) отпуск населению (бесплатно или по заниженной цене) целлюлярной грены; 3) сбор сведений о шелководстве в области, помощь населению в сбыте шелка и т.д.

Другим примером такой деятельности может служить раздача населению посадочного материала для лесной части области уездными управлениями на местах. Успехи и польза такой раздачи для увеличения древесной растительности и развития садоводства в крае получили положительный отклик во многих отчётах уездных начальников.

Продукция, выращенная школой, в 1896, 1900, 1909 г. представлялась на сельскохозяйственных выставках в Нижнем Новгороде, Париже, Ташкенте. Премии и награды, полученные на этих выставках, свидетельствуют, что школа была одним из лучших специальных учебных заведений в Средней Азии (ЦГАТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1781. Л. 39-43). Вместе с ростом авторитета школы росли и средства, выделяемые на её содержание. Если в преддверии открытия в 1891 г. на её содержание было отпущено 2,5 тыс. руб., то в последующие годы – 8 тыс. руб. (1894), 10,688 руб. (1896), 10,611 руб. (1897) (Отчет по Асхабадской школе..., 1899: 15)².

В результате взвешенной кадровой политики, проводимой А.Н. Куропаткиным и другими начальниками Закаспийской области, к концу XIX в. земледелие стало ведущей отраслью в таких уездах, как Асхабадский (60,3 %), Тедженский (63,6 %), Мервский (73,6 %). Земледелие начинало заметно преобладать в Кара-Калинском приставстве Красноводского уезда. Благодаря ботаническим садам и паркам столица области – Асхабад стал городом, утопающим в тенистой прохладе и зелени. Господство же скотоводства на остальных территориях края было вызвано непригодностью почв для земледелия из-за отсутствия водных источников и минимального количества осадков (История Туркменской ССР..., 1957: 149).

Во времена СССР на территории школы и питомника были открыты Сельскохозяйственное училище, Туркменский сельскохозяйственный институт (ныне университет), создан Ботанический сад Академии наук Туркменской ССР, ставший для обучающихся не только природной лабораторией для проверки агротехнических знаний на практике, но и одним из символов национальной идентичности.

5. Заключение

Становление и развитие народного образования в Закаспийской области стало одним из направлений российской окраинной политики по включению территорий расселения туркмен в орбиту российской социально-экономической жизни. Эта политика коснулась и профессионального сельскохозяйственного образования, что было особенно актуальным для выходцев из коренного населения, формирования и развития среди них нового слоя просвещённых элит. При этом областная администрация, как и центральное правительство Российской империи, действовала крайне осмотрительно: не стремилась уничтожить традиции и устои коренного населения, терпимо относилась к национальным обычаям, оставляя неизменным конфессиональное образование, основанное на Исламе.

Вместе с тем сельскохозяйственное образование и просвещение, благодаря открытию Асхабадской школы садоводства, огородничества и шелководства, стало отправной точкой в экономических успехах края, оказало благоприятное влияние на благоустройство городов и хозяйственное развитие сельской местности. Школа ускорила вовлечение населения в более

¹ Ранее Россия хлопок закупала за валюту в Америке, Индии, Египте и Бразилии.

² Суммарно по сметам: Департамента земледелия (3500 руб.); земской смете Закаспийской области (4441 руб.); из сумм, вырученных за аренду земли (400 руб.); из доходов школы (1270 руб.).

рациональное аграрное хозяйство, способствовала пересмотру взглядов на содержание и способы сельскохозяйственной деятельности, формированию новых культурно-хозяйственных ценностей, вовлечению в хозяйственно-производственные и товарно-денежные отношения.

Литература

- [Ахундов, Овезбердыев, 2023](#) – Ахундов А.М., Овезбердыев Ч.О. Так было (Очерки из прошлого Ашхабада) / Предисл. и комм. Р.Г. Мурадова. М.: Старый Сад, 2023. 122 с.
- [Бартольд, 1927](#) – Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л.: Изд.-во АН СССР, 1927. 256 с.
- [Беляев, 1916](#) – Беляев И.А. Мектебы Закаспийской Области // *Обзор Закаспийской Области за 1912-1913-1914 гг.* Ашхабад, 1916.
- [Бердыев, 1960](#) – Бердыев Т.Б. Очерки по истории школы Туркменской ССР. Ашхабад: Издательство АН Туркменской ССР, 1960.
- [Бешеров, 2023](#) – Бешеров П. Школьная система Закаспийской области 1890-х-1910-х гг. как отражение политики имперской унификации / П. Бешеров, Т.Н. Жуковская // *Журнал фронтирных исследований*. 2023. Т. 8. № 4(32). С. 203-229.
- [Дурдыев, 1968](#) – Дурдыев Т. Из предыстории туркменской национальной интеллигенции // *Известия АН ТССР. Серия общественных наук*. 1968. № 2. С. 24-32.
- [История Туркменской ССР, 1957](#) – История Туркменской ССР. Т. 1. Кн. 2. С начала XIX века до Великой октябрьской социалистической революции. Ашхабад: Изд-во Академии наук Туркменской ССР, 1957. 532 с.
- [Миронов, 2017](#) – Миронов Б.Н. Управление этническим многообразием Российской империи [для детей старше 16 лет] / Б. Н. Миронов. СПб.: Дмитрий Булавин, 2017. 638 с.
- [Обзор Закаспийской области..., 1895](#) – Обзор Закаспийской области за 1893 г. Ашхабад: «Русская типография» К.М. Федорова, 1895. С. 120-121.
- [Обзор Закаспийской области..., 1897](#) – Обзор Закаспийской области за 1890–1896 гг. Ашхабад: «Русская типография» К. М. Федорова, 1897.
- [Обзор Закаспийской области..., 1902](#) – Обзор Закаспийской области за 1900 год. Ашхабад: Закасп. обл. стат. ком., 1902.
- [Овезова, 1985](#) – Овезова Л.П. Из истории создания Ашхабадской школы садоводства (1890-1897) // *ИАН ТССР*. Сон. № 6, 1985. С. 29-35.
- [Остроумов, 1906](#) – Остроумов Н.П. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // *Журнал Министерства народного просвещения*. Новая серия. Ч. I. Февраль 1906. СПб, 1906.
- [Отчет по Ашхабадской школе..., 1899](#) – Отчет по Ашхабадской школе садоводства, огородничества и шелководства 1-го разряда за 1897 год. Отчет по Лесной части Закаспийской области за 1897 г. Ашхабад: тип. Штаба Закасп. обл., 1899. 89 с.
- [РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.
- [Россия и Туркмения в XIX веке, 1946](#) – Россия и Туркмения в XIX веке. К вхождению Туркмении в состав России. *Сборник документов*. Ашхабад: Изд.-во АН ТССР, 1946.
- [Рыгалова, 2022](#) – Рыгалова М.В. Влияние модернизационных преобразований на развитие системы образования Степного края и Туркестана в 1880 – 1910-е гг. // *Журнал фронтирных исследований*. 2022. 7(1). С. 230-246.
- [Ходжакулиева, 2017](#) – Ходжакулиева Б.А. К вопросу изучения туркмено-российских отношений: первые специальные и средние учебные заведения Закаспийской области // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2017. Т. 6. № 7. С. 68-72.
- [Хроника истории Ашхабада, 1981](#) – Хроника истории Ашхабада (1881-1975 гг.). Ашхабад, 1981. С. 17-18.
- [ЦГАТ](#) – Центральный государственный архив Туркменистана.

References

- [Ahundov, Ovezberdyev, 2023](#) – Ahundov, A.M., Ovezberdyev, Ch.O. (2023). Tak bylo (Ocherki iz proshlogo Ashkhabada) [That's how it was (Essays from Ashgabat's past)]. Predisl. i komm. R.G. Muradova. M.: Staryj Sad. 122 p. [in Russian]
- [Bartol'd, 1927](#) – Bartol'd, V.V. (1927). Istoriya kul'turnoj zhizni Turkestana [The history of the cultural life of Turkestan]. Leningrad. Izd.-vo AN SSSR. 256 p. [in Russian]
- [Belyaev, 1916](#) – Belyaev, I.A. (1916). Mekteby Zakaspijskoj Oblasti [The Mektebs Of The Transcaspian Region]. Obzor Zakaspijskoj Oblasti za 1912-1913-1914 gg. Ashkhabad. [in Russian]
- [Berdyev, 1960](#) – Berdyev, T.B. (1960). Ocherki po istorii shkoly Turkmenskoj SSR [Essays on the history of the school of the Turkmen SSR]. Izdatel'stvo AN Turkmenskoj SSR. [in Russian]
- [Beshеров, 2023](#) – Beshеров, P. (2023). Shkol'naya sistema Zakaspijskoj oblasti 1890-h-1910-h gg. kak otrazhenie politiki imperskoj unifikacii [The school system of the Transcaspian region in the 1890s-1910s as

a reflection of the policy of imperial unification]. *Zhurnal frontirnyh issledovanij*. T. 8. 4(32): 203-229. [in Russian]

[Durdyev, 1968](#) – *Durdyev, T.* (1968). Iz predystorii turkmenskoj nacional'noj intelligencii [From the prehistory of the Turkmen national intelligentsia]. *Izvestiya AN TSSR. Seriya obshchestvennyh nauk*. 2: 24-32. [in Russian]

[Hodzhakulieva, 2017](#) – *Hodzhakulieva, B.A.* (2017). K voprosu izucheniya turkmeno-rossijskih otnoshenij: pervye special'nye i srednie uchebnye zavedeniya zakaspijskoj oblasti [On the issue of studying Turkmen-Russian relations: the first special and secondary educational institutions of the Transcaspian region]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 6(7): 68-72. [in Russian]

[Hronika istorii Ashkhabada..., 1981](#) – Hronika istorii Ashkhabada (1881-1975 gg.) [Chronicle of the history of Ashgabat (1881-1975)]. Ashkhabad, 1981. Pp. 17-18. [in Russian]

[Istoriya Turkmenskoj SSR, 1957](#) – Istoriya Turkmenskoj SSR [History of the Turkmen SSR]. T. 1. Kn. 2. S nachala XIX veka do Velikoj oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii. Ashkhabad: Izd-vo Akademii nauk Turkmenskoj SSR, 1957. 532 p. [in Russian]

[Mironov, 2017](#) – *Mironov, B.N.* (2017). Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossijskoj imperii [Management of the ethnic diversity of the Russian Empire]. [dlya detej starshe 16 let]. Sankt-Peterburg: Dmitrij Bulavin. 638 p. [in Russian]

[Obzor Zakaspijskoj oblasti..., 1895](#) – Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1893 g. [Overview of the Transcaspian region in 1893]. Ashkhabad: «Russkaya tipografiya» K.M. Fedorova, 1895. Pp. 120-121. [in Russian]

[Obzor Zakaspijskoj oblasti..., 1897](#) – Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1890–1896 gg. [Overview of the Transcaspian region in 1890-1896]. Ashkhabad: «Russkaya tipografiya» K. M. Fedorova, 1897. [in Russian]

[Obzor Zakaspijskoj oblasti..., 1902](#) – Obzor Zakaspijskoj oblasti za 1900 g. [Overview of the Transcaspian region in 1900]. Ashkhabad: Zakasp. obl. stat. kom., 1902. [in Russian]

[Ostroumov, 1906](#) – *Ostroumov, N.P.* (1906). Musul'manskije maktaby i russko-tuzemnye shkoly v Turkestanskom krae [Muslim maktabas and Russian-native schools in the Turkestan region]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya*. Ch. I. Fevral'. SPb. [in Russian]

[Otchet po Askhabadskoj shkole..., 1899](#) – Otchet po Askhabadskoj shkole sadovodstva, ogorodnichestva i shelkovodstva 1-go razryada za 1897 god [Report on the Askhabad School of Horticulture, horticulture and sericulture of the 1st class for 1897]. Otchet po Lesnoj chasti Zakaspijskoj oblasti za 1897 g. Ashkhabad: tip. Shtaba Zakasp. obl., 1899. 89 s. [in Russian]

[Ovezova, 1985](#) – *Ovezova, L.P.* (1985). Iz istorii sozdaniya Askhabadskoj shkoly sadovodstva (1890-1897) [From the history of the establishment of the Ashgabat School of Horticulture (1890-1897)]. *IAN TSSR. Son*. 6: 29-35. [in Russian]

[RGVIA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].

[Rossiya i Turkmeniya v XIX veke..., 1946](#) – Rossiya i Turkmeniya v XIX veke. K vhozhdeniyu Turkmenii v sostav Rossii. Sbornik dokumentov [Russia and Turkmenistan in the XIXth century. Towards the entry of Turkmenistan into Russia]. Ashkhabad: Izd.-vo AN TSSR, 1946. [in Russian]

[Rygalova, 2022](#) – *Rygalova, M.V.* (2022). Vliyanie modernizacionnyh preobrazovanij na razvitie sistemy obrazovaniya Stepnogo kraya i Turkestana v 1880 – 1910-e gg. [The impact of modernization transformations on the development of the education system of the Steppe region and Turkestan in the 1880s – 1910s]. *Zhurnal frontirnyh issledovanij*. 7(1): 230-246. [in Russian]

[TsGAT](#) – Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Turkmenistana [Central State Archive of Turkmenistan].

Асхабадская школа садоводства, огородничества и шелководства в контексте образовательной политики Российской империи

Илья Исакович Аминов ^{a, *}

^a Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается период с конца XIX по начало XX в., ставший важной вехой в утверждении российской государственности в Закаспийской области. Среди наиболее прогрессивных направлений данного периода выявлено стремление администрации края к новейшим достижениям в области сельскохозяйственной деятельности, приобщению населения к эффективным способам ведения личного хозяйства, распространению сельскохозяйственных знаний, умений и навыков посредством открытия Асхабадской школы садоводства, огородничества и шелководства. Среди методических приёмов и способов обучения в школе в целях развития самостоятельности,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aminovii@mail.ru (И.И. Аминов)

инициативы и ответственности за каждым воспитанником закреплялся отдельный участок земли, где в свободное от занятий время он мог обрабатывать сад, огород или цветник. Старшекурсники в весенний и осенний периоды отпускались на работы в частные сады и огороды, где им предоставлялась возможность трудиться за умеренное вознаграждение и одновременно испытать прочность полученных в школе знаний. Исследование показало, что постепенное завоевание школой симпатии и доверия со стороны местного населения области было обусловлено не только бесплатным или льготным отпуском семян и другого посадочного материала. Динамичный рост авторитета школы, укрепление веры местного населения в полезность сельскохозяйственных знаний были тесно связаны с компетентностью преподавательского состава, заинтересованного в результатах своей педагогической деятельности, а также с высокой репутацией и профессионализмом выпускников школы, эффективно работавших на сельскохозяйственном поприще, применявших лучшие методы обработки полей, закладывания садов, разбивки огородов и ухода за ними. Автором делается вывод, что школа стала важнейшим инструментом агрономической помощи населению, субъектом передачи знаний по рациональному использованию природных ресурсов, более эффективной организации труда дейханства, получения прибыли от сельскохозяйственной деятельности. В результате творческой поддержки социально-экономической и образовательной политики России со стороны генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина и других начальников Закаспийской области, к концу XIX в. земледелие стало ведущей отраслью в Мервском, Тедженском, Асхабадском уездах. Город Асхабад – центр Закаспийской области, благодаря благоустройству садов и парков, из неуютного, лишённого деревьев посёлка, превратился в зелёный и тенистый город на краю Каракумской пустыни.

Ключевые слова: Российская империя, Закаспийская область, администрация области, хозяйственное взаимодействие, местное население, сельскохозяйственное образование, сельскохозяйственные знания, хозяйственная помощь.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 941-951
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.941

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Accounting Documentation for the Reconstruction of Information on Ship Construction Using the Example of the Votkinsk Plant on 1881–1890

Nicholas W. Mitiukov ^{a,*}, Yury L. Kim ^b, Irina Yu. Cherkasova ^{c,d}

^a Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation

^b Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

^c Cherkas Global University, Washington, DC, USA

^d Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

Accounting documentation occupies a prominent place in the archival funds of organizations. In the work, based on the accounting documentation of the Votkinsk Plant for the decade 1881–1890, the prospects of monthly information on the production of work are shown, especially in the absence of special files on the construction of individual shipbuilding facilities of this period in the funds. It is shown that they can become a valuable source, so far underestimated by historians. It is shown that monthly information (accurate to the month) allows us to reconstruct construction dates for the ships under construction. As a result, it is possible to reconstruct the sequence of execution of issued orders with sufficient accuracy and thereby restore their numbers. A significant limitation of the proposed approach is that it is suitable only for third-party orders, and, on the other hand, it is very sensitive to existing gaps in the archival documentation.

Keywords: accounting documentation, monthly information, work performed, shipbuilding, Votkinsk Plant.

1. Введение

Бухгалтерская документация занимает видное место в архивных фондах организаций. А нередко фонды могут состоять только из нее. Поскольку состав бухгалтерской документации определяется существующей нормативно-правой базой, в разные периоды существования организации ее состав может претерпевать довольно существенные изменения. В связи с этим выявление наиболее перспективных и информативных источников в разные периоды является необходимой частью исторического исследования. В данной работе на основе бухгалтерской документации Воткинского завода за десятилетие 1881–1890 гг. показывается перспективность месячных сведений о производстве работ, особенно при отсутствии в фондах специальных дел о постройке отдельных объектов судостроения этого периода.

2. Материалы и методы

Основными материалами работы послужила делопроизводственная документация Воткинского завода из фондов Центрального государственного архива Удмуртской Республики (Ижевск, Российская Федерация). Как показал анализ хранящихся дел, за каждый год имеется до двух-трех десятков единиц хранения. Непосредственно с бухгалтерией завода связаны по пять-десять дел за каждый год. Кроме общих отчетных документов, типа статистических отчетов, в фондах также присутствуют месячные отчеты. За десятилетие с 1881 по 1890 гг., как правило, они включают в себя

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

три вида документов. Во-первых, месячные цеховые отчеты по выполненным нарядам, с указанием номера наряда и его наименования. Во-вторых, это месячные отчеты в денежном выражении. В большинстве случаев они включают в себя калькуляцию по отдельным цехам завода с указанием общей суммы, потраченной на исполнение какого-то определенного заказа. В некоторых делах имеется разбивка стоимости по выданным нарядам, в других даются лишь интегральные суммы по цехам. Наконец, третий вид – это месячные отчеты в натуральном выражении. В них калькуляция ведется по общему весовому объему (в пудах и фунтах) выполненных работ. Обычно это итоговые суммы по заводу без разбивки по нарядам и цехам. Именно месячные сведения и стали источниковой базой исследования.

Месячные сведения о произведенных на Воткинском заводе работах имеются в ЦГА УР за период с 1860-х гг. по 1890 г. Более поздние документы дают информацию лишь в денежном выражении. В указанных хронологических рамках месячные сведения также неоднородны. Имеются существенные лакуны, иногда по несколько лет. Наиболее заполнен период с 1870-х гг. по 1890 г. Но в 1870-х гг. завод судостроительные заказы исполнял в весьма ограниченном объеме. Поэтому хронологические рамки исследования ограничились десятилетием с 1881 по 1890 г. Но даже в этот временной отрезок отсутствуют сведения за 1886 г. Известно, что в этот год для общества «Лебедь» были построены три самоходных судна.

Основная гипотеза нашего исследования заключается в том, что на основании месячных отчетов можно реконструировать даты производства ключевых работ на заводе по судостроительным заказам. В связи с этим полезными оказались специфические методы, применяемые в бухгалтерском деле: оценка, счет и т.д. Востребованными явились также методы, традиционно применяемые в системном анализе: формализация, декомпозиция и др. Из методов исторических исследований целесообразным в первую очередь стал ретроспективный метод.

3. Обсуждение

Методам анализа бухгалтерской документации посвящено достаточное большое количество работ: от небольших статей до учебников и объемных монографий. Однако в основном они рассматривают бухгалтерский анализ в связи с текущим моментом. Так, в работе И.Е. Стрыгиной указывается на ценность неформатной бухгалтерской документации (документы неофициального учета, акты ревизий, проверок и т. п.). Автор подчеркивает, что она дает очень ценный контекст для понимания основной учетной документации, а, кроме того, ее намного сложнее подделать или фальсифицировать (Стрыгина, 2019). Этот принцип сохраняет актуальность и для исторических исследований. Но применительно к историческому материалу стоит отметить, что неформатная бухгалтерская документация либо не сохранилась, либо сохраняется достаточно эклектично, что исключает создание целостной картины работы предприятия. В работе М.Ф. Сафоновой с соавторами справедливо указывается, что бухгалтерская документация эффективно используется для выявления правонарушений (Сафонова и др., 2014). Данный аспект не теряет актуальности и для исторических исследований, но обычно такие задачи не стоят.

Исторические исследования бухгалтерской документации также не отличаются большим разнообразием. В основном это или история развития самого бухгалтерского учета (Ишмакова, 2023), либо каких-то его элементов, например, двойной бухгалтерии (Верига, Юрченко, 2015).

Между тем бухгалтерские документы иногда используются в качестве источниковой базы, где они обычно несут вспомогательный характер. Это характерно, например, для монографий по отдельным кораблям, затрагивающим период их постройки. В этом отношении стоимость и скорость работ становятся своеобразным индикатором уровня развития промышленности. Так, в работе Р.М. Мельникова приводится диаграмма роста корпуса крейсера «Варяг» на стапеле (Мельников, 1983: 55). Причем в тексте автор говорит о трудностях постройки из-за стачек и забастовочного движения в США, но при этом какая-нибудь связь с приведенной диаграммой отсутствует. Из этого можно сделать вывод, что Р.М. Мельников привел диаграмму исключительно для справки.

Ранее один из авторов пытался восстановить информацию о постройке парохода «Геок-Тепе» на основе бухгалтерской документации (Митюков, 2024), и основные даты в принципе совпали с датами, полученными из делопроизводственной документации (Котрунцев, 2024), что доказывает работоспособность высказанной гипотезы. В этом случае диаграмма выполненных работ послужила подтверждением вычисленных дат и сроков.

Анализ бухгалтерской документации за период типа десятилетия, по-видимому, производится впервое.

4. Результаты

Бухгалтерский отчет за 1880 г. не упоминает никаких объектов, которые можно связать с судостроением (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9186), как и отчет 1881 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9241). Тем не менее, переписка Кораблестроительного отделения Морского министерства, проанализированная А.В. Котрунцовым, говорит, что запрос о постройке парохода для Каспийского моря в 1000 лошадиных сил (будущий «Геок-Тепе») в Горный департамент последовал 27 октября 1880 г.,

мало того, этот же автор утверждает, что пароход на Воткинском заводе заложили в декабре 1881 г. (Котрунцев, 2024: 9). Поскольку в фондах Воткинского завода дела о постройке парохода не сохранилось, бухгалтерская документация становится единственным источником, позволяющим подтвердить или опровергнуть эти предположения.

Хотя месячные сведения о производстве работ за 1881 г. не дают информации об объектах судостроения, и в описании выполненных нарядов за этот год отсутствуют сведения как по пароходу для Каспийского моря, так и по баржам для собственных нужд, на 1 января 1882 г. среди «начатых, но не оконченных работ» по Кузнечному цеху имеются наряды № 407 «На постройку парохода для Каспийского моря» и № 112 «На постройку 4-х железных барж для сплава паровозов по р.р. Вотке, Сиве, Каме и Волге» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9241. Л. 270 об.). По Столярному цеху также имеются неоконченные наряды «На постройку парохода для Каспийского моря» и «На постройку 4-х железных барж» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9241. Л. 271). Кроме того, наряд «На постройку 4-х железных барж» имеется и по Механическому цеху (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9241. Л. 272). Все это можно интерпретировать, что в декабре 1881 г. постройка всех пяти судов началась, но к концу года она находилась лишь в самой начальной стадии, так что ни цеха, ни завод отчитаться о готовности хотя бы одного выданного наряда не могли. Поэтому, скорее всего, в декабре закладки как таковой еще не произвели, просто отдельные цеха получили наряды на будущие объекты судостроения и приступили к их выполнению.

В 1882 г. началась активная постройка парохода, это доказывают месячные сведения о производстве работ за 1882 г., где дается информация о постройке «Для Каспийского моря железный корпус колесного парохода с принадлежностями» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9326). Объемы работ в пудах по месяцам были следующими.

Январь: 500 п. (Л. 5).

Февраль: 500 п. + 200 п. = 700 п. (Л. 13).

Март: 700 п. + 250 п. = 950 п. (Л. 21).

Апрель: 950 п. + 1312 п. = 2262 п. (Л. 29).

Май: 2262 п. + 1210 п. = 3472 п. (Л. 37).

Июнь: 3472 п. + 1200 п. = 4672 п. (Л. 49).

Июль: 4672 п. + 1200 п. = 5872 п. (Л. 58).

Август: 5872 п. + 2223 п. 35 ф. = 8095 п. 35 ф. (Л. 69).

Сентябрь: 8095 п. 35 ф. + 1600 п. = 9695 п. 35 ф. (Л. 80).

Октябрь: 9695 п. 35 ф. + 1643 п. 35 ф. = 11339 п. 30 ф. (Л. 87).

Ноябрь: 11339 п. 30 ф. + 854 п. 27 ф. = 12194 п. 17 ф. (Л. 98).

Декабрь: 12194 п. 17 ф. + 3473 п. 18 ф. = 15677 п. 35 ф. (Л. 104).

Кроме парохода для Каспийского моря завод в 1882 г. осуществлял постройку четырех барж для сплава паровозов, информация о которых в месячных сведениях отсутствует. Однако в денежных отчетах в период с января по декабрь 1882 г. цеха завода отчитывались по потраченным на постройку средствам по всем пяти судам (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9320, 9321).

25 января 1882 г. приказом по Морскому ведомству № 12 император повелел наименовать пароход, строящийся на Воткинском заводе, как «Геок-Тепе» (Котрунцев, 2024: 10). Хотя в некоторых заводских документах 1882 г. происходит упоминание парохода по имени, месячные сведения этого не делают. Так что очевидно они сохраняют наименование документа, на основании которого завод начал строительство. Это подтверждается месячными сведениями 1883 г., которые дают информацию по заказу «Для Каспийского моря железный корпус колесного парохода с принадлежностями и двумя паровыми лебедками и котлом» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9402). Как видно, несмотря на отсутствие наименования, произошла коррекция первоначального заказа в сторону увеличения, дополнительно заказаны котел и лебедки, что и отразилось в наименовании строящегося объекта. Пересмотр условий постройки подтверждается также строкой об оставшихся работах. Если в 1882 г. произведенные и оставшиеся работы в сумме дают цифру 21500 пудов (352,17 т.), то в 1883 г. эта цифра составляла 22000 пудов (360,36 т.). В итоге же завод произвел работы на 26875 пудов 39 фунтов (440,23 т.), что говорит о строительной перегрузке примерно на 80 т. (4876 пудов 1 фунт). Месячные темпы работ были следующие.

Январь: 15667 п. 35 ф. + 850 п. = 16517 п. 35 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9402. Л. 6).

Февраль: 16517 п. 35 ф. + 809 п. 28 ф. = 17327 п. 23 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9402. Л. 12).

Март: 17327 п. 23 ф. + 2310 п. = 19637 п. 23 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9402. Л. 21).

Апрель: 19637 п. 23 ф. + 1679 п. 14 ф. = 21916 п. 37 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9402. Л. 33).

Май: 21916 п. 37 ф. + 295 п. 31 ф. = 21612 п. 28 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9402. Л. 42).

Июнь: 21612 п. 28 ф. + 530 п. = 22142 п. 28 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9402. Л. 48).

Июль: 22142 п. 28 ф. + 4507 п. 19 ф. = 26650 п. 7 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9402. Л. 53).

Август: 26650 п. 7 ф. + 225 п. 32 ф. = 26875 п. 39 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9402. Л. 63).

Сентябрь: 26875 п. 39 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9402. Л. 71).

Октябрь: 26875 п. 39 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9402. Л. 78).

Ноябрь: 26875 п. 39 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9402. Л. 84).

Декабрь: 26875 п. 39 ф. (зачеркнуто) (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9402. Л. 93).

В течение всех месяцев 1883 г. цеха завода снова отчитывались о потраченных суммах на постройку парохода для Каспийского моря и четырех барж для сплава паровозов (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9398; ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9399). Кроме того, среди *«Списка счетов, оконченных работ по возведению разных устройств за 1883 год»* имеется наряд по Столярному цеху № 87 *«На приготовление стапелей, платформ для вычерчивания шпангоутов и проч[его] и производство всех работ по постройке 4-х железных барж для сплава паровозов»*, по Кузнечному цеху № 97 *«На производство работ по постройке 4-х железных барж для сплава паровозов»*, по Механическому цеху № 172 *«На производство слесарных работ по постройке тех же барж»* (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9400. Л. 16).

В 1886 г., в связи с юбилеем завода, были подготовлены статистические сведения по последнему десятилетию его работы. В частности, относительно постройки «Геок-Тепе» указывалось, что производительность завода за 1881 г. по нему выразилась в 1520 пудах (24,90 т.) конструкций на сумму 9132 руб. 88 ³/₄ коп. В 1882 г. – 14000 пудов (229,32 т.) и 111755 руб. 24 ¹/₄ коп. соответственно, а в 1883 г. – 11355 пуд. 39 ¹/₄ фунта (186,01 т.) и 88041 руб. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9614. Л. 140б.-15). Как видно, в сумме масса конструкций составила те же 440,23 т., что и упоминались ранее, но стоимость их производства указывает, что в 1881 г. работы все-таки велись. Отсутствие соответствующих цифр в месячных сведениях может указывать на то, что в этот период велись заготовительные процессы, соответственно сами месячные сведения явно указывают на конструкции, выставленные на стапеле. Таким образом, по дате начала и окончания работ в месячных сведениях можно судить о периоде стапельных работ. В то время как месячные отчеты по деньгам и нарядам отражают общие работы завода.

А поскольку в 1884 г. отсутствуют сведения по постройке каких-либо судов, можно сделать вывод, что к концу 1883 г. все пять объектов сдали. Как видно, в декабре в месячных сведениях давалась информация о постройке парохода, но ее вычеркнули, из чего можно сделать вывод, что именно в конце ноября объект передали заказчику. Аналогично с четырьмя баржами. Однако в связи с закрытием навигации осенью 1883 г., можно предположить, что к этому времени все пять объектов уже находились на плаву. Пароход, скорее всего, уже в Астрахани, а баржи в Галево. Что интересно, первый наряд по четырем баржам был выдан 13 мая 1880 г. (№ 87), а закрытие счета на производство работ, ввиду окончания этих работ, состоялось 29 июня 1883 г. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9400. Л. 80). Таким образом, завод начал работы по баржам раньше парохода, и, по всей вероятности, работы включали в себя также перестройку стапеля, поэтому они и затянулись. Сумма работ по баржам по смете составила 57436 руб. 88 коп., было ассигновано 57507 руб., по факту израсходовано 56991 руб. 89 ¹/₂ коп., в результате завод сэкономил 515 руб. 10 ¹/₂ коп. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9614. Л. 85).

В документах с месячными сведениями по проведенным в 1885 г. работам отсутствуют данные о судостроении, но в этом году завод отчитался о начале постройки двух барж и шаланды для пароходного общества «Лебедь» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9469. Л. 520б.). Из переписки завода от 5 сентября 1885 г. следует, что *«Из переписки, производившейся в Главной Конторе Камско-Воткинских заводов видно, что заказ на приготовление Воткинским заводом четырех барж для общества “Лебедь” уже выдан и к подготовительным работам по этому заказу необходимо ныне же приступить...»* (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9544. Л. 148).

В соответствии с этим заказом в июле 1885 г. началось выполнение наряда № 380 *«Исправление фундамента для постройки 4-х железных барж»* (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9547. Л. 169). Исполнение этого наряда шло до конца года. В ноябре к нему добавились наряды № 446 и 472 *«Постройка двух железных керосиновых барж»* и № 473 *«Приготовление шаланды»* (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9547. Л. 545). Эти же наряды фигурировали в декабре (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9547. Л. 680).

На 1 января 1886 г. среди неоконченных нарядов значились по Кузнечному цеху: наряд № 446 *«На постройку двух железных барж для пароходного общества “Лебедь”»*, № 472 *«На производство вспомогательных работ по постройке двух железных барж, заказанных обществом “Лебедь”»*, № 380 *«На исправление фундамента для постройки четырех железных барж»*, № 494 *«На производство вспомогательных работ по постройке шаланды для общества “Лебедь”»*, № 493 *«На постройку шаланды, заказанной Администрацией товарищества “Лебедь”»* (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9548. Л. 2670б.). Всего за 1886 г. завод произвел работ по постройке двух барж и одной шаланды для общества «Лебедь» на сумму 23116 руб. 32 ¹/₄ коп., но при этом вес выставленных конструкций отсутствовал (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9549. Л. 22). Указанный парадокс можно интерпретировать следующим образом: до конца года проводились работы в цехах без выставленных элементов на корпусе (аналогично приведенным выше по пароходу «Геок-Тепе»). Всего же стоимость постройки составила 83000 руб. за две баржи и 28500 руб. за шаланду (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9552. Л. 410б.). Обозначенная информация показывает принципиальную возможность того, что в ноябре-декабре производилась только заготовка материалов.

Месячные сведения за 1886 г. отсутствуют, но по его итогу при постройке двух барж завод выложил 17554 пуда 33 фунта (287,5 т.) материалов при цеховой стоимости 46673 руб. 87 ³/₄ коп., а за

шаланду – 5483 пуда 20 фунтов (89,8 т.) на 26839 руб. 66 коп. Общая стоимость произведенных работ составила соответственно 59883 руб. 67 ³/₄ коп. и 28500 руб. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9617. Л. 490б.-50). Как видно, за баржи завод получил довольно существенную прибыль, в то время как шаланда получилась на грани рентабельности.

Месячные сведения 1887 г. сообщают о двух заказах на три судна (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9645).

«По заказу Ярославского 1-й гильдии купца и пароходовладельца Михаила Матвеевича Кашина. Согласно договора, заключенного доверенным комиссионером казенных горных заводов с г. Кашиным 2 апреля 1887 г. Пассажирско-буксирный пароход с машиной – 1»

Май: 911 п. 16 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9645. Л. 46).

Июнь: 911 п. 16 ф. + 2534 п. 13 ф. = 3445 п. 29 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9645. Л. 59).

Июль: 3445 п. 29 ф. + 1882 п. 39 ф. = 5328 п. 28 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9645. Л. 73).

Август: 5328 п. 28 ф. + 2317 п. 2 ф. = 7645 п. 30 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9645. Л. 82).

Сентябрь: 7645 п. 30 ф. + 756 п. 30 ф. = 8402 п. 20 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9645. Л. 94).

Октябрь: 8402 п. 20 ф. + 1278 п. 34 ф. = 9681 п. 14 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9645. Л. 105).

Ноябрь: 9681 п. 14 ф. + 10352 п. 8 ф. = 20033 п. 22 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9645. Л. 113).

Декабрь: 20033 п. 22 ф. + 406 п. = 20439 п. 22 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9645. Л. 121).

«Согласно предписания Главной Конторы от 24 августа 1887 г. за № 9915. По заказу комиссионера казенных горных заводов Износкова для г. Рихтера железных барж – 2»

Октябрь: 1717 п. 11 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9645. Л. 109).

Ноябрь: 1717 п. 11 ф. + 1049 п. = 2766 п. 11 ф.

Декабрь: 2766 п. 11 ф. + 4651 п. 28 ф. = 7417 п. 39 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9645. Л. 123).

Исходя из приведенных данных, получается, что договор на постройку парохода Кашина был заключен 2 апреля 1887 г., стапельные работы начались в мае и продолжились до конца года. Договор на постройку двух барж для Рихтера заключили 24 августа 1887 г., а заложили их – в октябре 1887 г.

Месячные сведения 1888 г. указывают на строительство семи судов (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666).

«Согласно предписания Главной Конторы от 24 августа 1887 г. за № 9915. По заказу Комиссионера казенных горных заводов Износкова для г. Рихтера железных барж – 2»

Январь: 7417 п. 39 ф. + 3055 п. 33 ф. = 10473 п. 32 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 7).

Февраль: 10473 п. 32 ф. + 1700 п. = 12173 п. 32 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 14).

Март: 12173 п. 32 ф. + 2210 п. = 14383 п. 32 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 23).

Апрель: 14383 п. 32 ф. + 2428 п. 18 ф. = 16812 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 34).

Май: 16812 п. + 50 п. = 16862 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 44).

Июнь: 16862 п. + 314 п. = 17176 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 54).

Июль: 17176 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 70).

Август: 17176 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 84).

Сентябрь: 17176 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 100).

Октябрь: 17176 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 122).

Ноябрь: 17176 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 145).

Декабрь: 17176 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 168).

«По заказу г. Грубишич. Шхуна – 1»

Январь: 595 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 7).

Февраль: 595 п. + 2305 п. = 2900 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 14).

Март: 2900 п. + 3421 п. 18 ф. = 6321 п. 18 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 23).

Апрель: 6321 п. 18 ф. + 3336 п. 22 ф. = 9658 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 34).

Май: 9658 п. + 3389 п. 14 ф. = 13047 п. 14 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 44).

Июнь: 13047 п. 14 ф. + 5547 п. 26 ф. = 18595 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 54).

Июль: 18595 п. + 940 п. = 19535 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 70).

Август: 19535 п. + 5987 п. 23 ф. = 25522 п. 23 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 84).

Сентябрь: *«Согласно условия, заключенного комиссионерами казенных горных заводов Износковым и Зуккау 26 ноября 1887 года присланного в руководство при предписании Главной Конторы от 17 марта 1888 г. за № 3641. Шхуна для г. Грубишич – 1»* 25522 п. 23 ф. + 2123 п. = 27645 п. 23 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 101).

Октябрь: 27645 п. 23 ф. + 1649 п. 32 ф. = 29295 п. 15 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 123).

Ноябрь: 29295 п. 15 ф. + 2100 п. = 31395 п. 15 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 145).

Декабрь: 31395 п. 15 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 168).

«По заказу Ярославского 1-й гильдии купца и пароходовладельца Михаила Матвеевича Кашина Пассажиро-буксирный пароход с машиной – 1»

Январь: 20439 п. 22 ф. + 127 п. = 20566 п. 22 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 7).

Февраль: 20566 п. 22 ф. + 30 п. = 20596 п. 22 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 14).

Март: 20596 п. 22 ф. + 115 п. 10 ф. = 20711 п. 32 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 22).

Апрель: 20711 п. 32 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 34).

Май: 20711 п. 32 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 44).

Июнь: 20711 п. 32 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 54).

Июль: 20711 п. 32 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 70).

Август: 20711 п. 32 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 84).

Сентябрь: «Согласно условия, заключен[ного] представителем комиссионеров казенных горных заводов Балакиревым с Ярославским 1-й гильдии купцом и пароходовладельцем Михаилом Матвеевичем Кашиным присланного в руководство при предписании Главной Конторы от 22 апреля 1887 года за № 4237» 20711 п. 32 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 100).

Октябрь: «Согласно условия, заключенного 2 апреля 1887 г. представителем...» 20711 п. 32 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 122).

Ноябрь: 20711 п. 32 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 144).

Декабрь: 20711 п. 32 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 168).

«Барж железных – 2»

Октябрь: 1094 п.

Ноябрь: 1094 п. + 4526 п. 14 ф. = 5620 п. 14 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 160).

Декабрь: 5620 п. 14 ф. + 2061 п. = 7681 п. 14 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9666. Л. 184).

Данные месячных сведений можно интерпретировать следующим образом. Пароход Кашина, заложенный в 1887 г., строился до июня 1888 г. Вероятно, в апреле – мае 1887 г. его спустили в Каму. С июля по декабрь 1888 г. завод сдает построенный объект, скорее всего, устраняя выявленные заказчиком недостатки. Видно, что масса корпуса при этом не растет. Примерно тоже самое можно сказать и относительно двух барж для Рихтера. Их тоже спустили в Каму в апреле-мае 1888 г. и до июня достраивали на плаву. После этого до конца года устраняли недостатки, выявленные заказчиком. В обоих случаях, надо полагать, устранение осуществлялось не в Галево, а в месте базирования заказчика.

Что касается шхуны Грубишича, то в сентябре наблюдается изменение формулировки заказа в месячных сведениях. Эту странность можно интерпретировать следующим образом. Ассигнование средств и начало строительства зафиксировано в январе 1888 г. на основании договора, заключенного 26 ноября 1887 г. комиссионерами. Далее, 17 марта 1888 г. был заключен уже «нормальный» договор. Причины спешки крылись в возможности спуска судна в Каму только в апреле-мае. Если бы этого не случилось, для спуска пришлось бы ждать следующего года. Как следствие, в мае уже началась достройка на плаву. Возможно, в сентябре состоялся сплав судна в Астрахань, где оно и достраивалось до декабря.

Имеются и некоторые странности с постройкой второй пары барж для Рихтера. В формулировке месячных сведений за октябрь, когда начались стапельные работы, значит, что они строятся по договору от 2 апреля 1887 г., между тем как первая пара строилась согласно предписанию от 24 августа 1887 г. Можно предположить, что первая дата – это дата заключения договора комиссионерами на все четыре судна, вторая – конкретное предписание на постройку первой пары. И действительно, месячные сведения за следующий год подтверждают это предположение – предписание последовало 4 октября 1888 г. А далее суда строятся до конца года.

Сведения о построенных судах, составленные 25 октября 1888 г. говорят о постройке следующих объектов:

Барж железных для перевозки керосина длиной 240' (73,2 м), шириной 32'6" (9,91 м), высотой 11'3" (3,43 м) для товарищества Шибаева – 2, стоимость без отделки 84000 руб.

Товаро-пассажирский железный пароход в 120 сил длиной 231' (70,46 м), шириной 25' (7,62 м), высотой 9'6" (2,90 м) для купца Кашина, стоимость без отделки 85620 руб.

Буксирный пароход «Шаркан» для заводской надобности в 12 сил длиной 43' (13,11 м), шириной 8'11" (2,72 м), высотой 3'9" (1,14 м) – без указания стоимости.

Корпус железный морской шхуны длиной 254' (77,47 м), шириной 34' (10,37 м), высотой 15'3" (4,65 м) с деревянной отделкой без машины для купца Грубишича, стоимость с отделкой 186000 руб. «Судно это не окончено и сплавлено в г. Астрахань, где будет окончено в начале 1889 г.» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9644. Л. 29).

Как видно, снова фигурирует объект для собственных заводских нужд – пароход «Шаркан», который не отразился в месячных сведениях. Баржи для Шибаева – это первые две баржи для Рихтера, заказанные комиссионерами. В данном случае Рихтер выступал доверенным лицом компании Нобеля. Вопрос о том, почему они ушли Шибаеву – требует отдельного исследования.

Месячные сведения 1889 г. указывают на три объекта судостроения (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696).

«Для Рихтера. Согласно предписания г-на Горного Начальника Камсковоткинского завода от 4 октября 1888 года за № 14439. Барж железных – 2».

Январь: 7681 п. 14 ф. + 5125 п. 14 ф. = 12806 п. 28 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 12).

Февраль: 12806 п. 28 ф. + 2814 п. = 15620 п. 28 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 17).

Март: 15620 п. 28 ф. + 1669 п. = 17289 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 29) – так в документе, фактически, чтобы сошлась сумма должно быть произведено 1668 п. 12 ф.

Апрель: 17289 п. + 471 = 17760 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 31).

Май: 17760 п. + 1429 п. 20 ф. = 19189 п. 20 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 42).

Июнь: 19189 п. 20 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 65).

Июль: «Для Товарищества Шибаева. Предписание г. Горн. Начальника Камсковоткинского завода от 4 октября 1888 г. за № 14439. Барж железных – 2» 19189 п. 20 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 94).

Август: 19189 п. 20 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 125).

Сентябрь: 19189 п. 20 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 164).

Октябрь: 19189 п. 20 ф. + 1196 п. 37 ф. = 20386 п. 17 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 197).

Ноябрь: 20386 п. 17 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 230).

Декабрь: 20386 п. 17 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 257).

«По заказу г-на Гириш. Согласно предписания Горного Начальника от 24 февраля 1889 г. за № 11 – 1».

Апрель: 1363 п. 17 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 32).

Май: «Согласно предписания Горного Департамента от 20 декабря 1888 года за № 2946» 1363 п. 17 ф. + 4000 п. = 5363 п. 17 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 44).

Июнь: 5363 п. 17 ф. + 10850 п. 32 ф. = 16214 п. 9 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 68).

Июль: 16214 п. 9 ф. + 584 п. 20 ф. = 16798 п. 29 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 94).

Август: 16798 п. 29 ф. + 4259 п. = 21057 п. 29 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 125).

Сентябрь: 21057 п. 29 ф. + 2410 п. = 23467 п. 29 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 165).

Октябрь: 23467 п. 29 ф. + 4424 п. 19 ф. = 27892 п. 8 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 197).

Ноябрь: 27892 п. 8 ф. + 1065 п. 30 ф. = 28957 п. 38 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 230).

Декабрь: 28957 п. 38 ф. + 887 п. 35 ф. = 29845 п. 33 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9696. Л. 257).

Сведения за 1889 г. дают информацию об окончании постройки еще двух барж. Как видно, их спускали на Каму практически в готовом виде – постройка прекратилась уже мае. Скорее всего, летом суда ушли заказчику и до конца года завод устранял выявленные недостатки. Кроме того, 24 февраля 1889 г. был заключен договор на постройку второй шхуны. По всей вероятности, это было продолжение заказа Грубишичу. По крайней мере в ряде документов она упомянута как вторая шхуна Грубишичу. Но на момент выхода предписания она строится уже для Гириша. Это несоответствие уходит с майской записи, в которой прямо говорится о более раннем предписании от 20 декабря 1888 г. На момент наиболее удобного времени для спуска в Каму (апрель-май) судно находилось лишь в самой начальной стадии постройки. У него явно даже не был сформирован корпус. Поэтому его должны были спустить на будущий год.

Месячные сведения за 1890 г. сообщают о четырех объектах судостроения (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718).

«Для г. Гириша. Согласно предписания Горного департамента от 20 декабря 1888 года за № 2946. Шхуна с машиной и котлами – 1».

Январь: 29845 п. 33 ф. + 270 п. = 30115 п. 33 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 4).

Февраль: 30115 п. 33 ф. + 2437 п. 34 ф. = 32553 п. 27 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 23).

Март: 32553 п. 27 ф. + 1333 п. = 33886 п. 27 ф. Примечание: по судовому корпусу 853 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 43).

Апрель: 33886 п. 27 ф. + 162 п. 18 ф. = 34049 п. 5 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 62).

Май: 34049 п. 5 ф. + 1975 п. 28 ф. = 36024 п. 33 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 91).

Июнь: 36024 п. 33 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 124).

Июль: 36024 п. 33 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 162).

Август: 36024 п. 33 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 202).

Сентябрь: 36024 п. 33 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 245).

Октябрь: 36024 п. 33 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 365).

Ноябрь: 36024 п. 33 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 289).

Декабрь: 36024 п. 33 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 374).

«[Шхуна с машиной и котлами] № 2» 1 шт.

Июнь: 0 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 124).

Июль «С[оправкой] г. Гор[ного] Нач[альника] от 24 мар[та] 1889 [г.] за № 5018» «Шхуна с машиной и котлами № 2 г. Марко» 2536 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 162).

Август: «Для г. Марко. Согласно предписания г. Горного Начальника от 24 марта 1889 г. за № 5018» 2536 п. + 5365 п. = 7901 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 202).

Сентябрь: Заказчик вместо «Марко» стал фигурировать как «Марк» 7901 п. + 7923 п. = 15824 п. Примечание: «Суд[остроительный цех] 7043 Куз[нечный цех] 830 Мех[анический цех 50]» (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 245).

Октябрь: «Для г. Марк. Согласно предписания Горного Начальника Камсковоткинского завода от 24 марта 1889 г. за № 5018. Шхуна с машиной и котлами» 15824 п. + 3954 п. = 19778 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 331).

Ноябрь: «Для г. Марк. Согласно предписания Горного Начальника от 24 марта 1889 г. за № 5018 и телеграммы г. Директора Горного Д[епартамен]та от 23 марта. Шхуна с машиной и котлами» 19778 п. + 6792 п. = 26570 п. Примечание: корпус 25217 п., котлы и машины 1353 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 290).

Декабрь: 26570 п. + 1721 п. = 28291 п. Примечание: корпус 1300 п., котлы и машины 421 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 378).

«Для правления общества пароходства и торговли Кавказ и Меркурий. По представлению Главной Конторы от 25 января 1889 г. за № 1222. Корпус парохода» 1 шт. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718).

Январь: 989 п. 38 ф. + 1760 п. = 2749 п. 38 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 10).

Февраль: 2749 п. 38 ф. + 2889 п. 36 ф. = 5639 п. 34 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 27).

Март: 5639 п. 34 ф. + 3795 п. = 10434 п. 34 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 47).

Апрель: 10434 п. 34 ф. + 1155 п. 17 ф. = 11590 п. 11 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 67).

Май: 11590 п. 11 ф. + 4553 п. 29 ф. = 16144 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 98).

Июнь: 16144 п. + 1528 п. = 17672 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 132).

Июль: 17672 п. + 2211 п. 4 ф. = 19883 п. 4 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 171).

Август: 19883 п. 4 ф. + 151 п. 13 ф. = 20034 п. 17 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 215).

Сентябрь: «Корпус парохода с фундаментами под машину и другими приспособлениями по особому счету» 20034 п. 17 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 254).

Октябрь: «По предписанию г. Горного Начальника от 6 сентября 1889 г. за № 14227, основанному на контракте <неразборчиво> и Правления общ[ества] К. и Меркурий. Корпус парохода с фундаментом под машину и другими креплениями по особому счету» 20034 п. 17 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 341).

Ноябрь: фраза «По представлению Главной Конторы от 25 января 1889 г. за № 1222» зачеркнута, вместо нее: «По предписанию г. Горного Начальника от 6 сентября 1889 г. за № 14227. Корпус парохода с фундаментом под машину и другими креплениями по особому счету по предписанию г. Горного Начальника от 7 апреля 1890 г. за № 5501» 20034 п. 17 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 299).

Декабрь: «По предписанию г. Горного Начальника КВЗ от 6 сентября 1889 г. за № 14227, основанному на контракте, заключенному 27 июня комиссионерами казенных горных заводов Изнотковым и Зухроу с правлением общества «Кавказ и Меркурий». Корпус парохода с фундаментом под машину и другими креплениями по особому счету» 20034 п. 17 ф. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 385).

«По заказу Инженера Омутнинского завода Пастухова – г. Левитского. По предписанию Главной Конторы от 3 октября 1890 г. за № 16758 и отношению Управляющего Омутнинского завода от 27 сентября 1890 г. за № 1201. Пароход с принадлежностями»

Октябрь: 0 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 354).

Ноябрь: 0 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 305).

Декабрь: 27 п. (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9718. Л. 398).

Информация из месячных сведений подтверждает достройку шхуны Гирша, которую в апреле-мае спустили в Каму и практически сразу же увели заказчику. Видно, что ее сдают и дорабатывают до конца года.

В июне началась постройка второй шхуны для Гирша. Но уже в июле имеется запись, что она строится по предписанию от 24 марта 1889 г. В июле же следует дополнение, что судно строится для Марка. Как видно, повторяется история с предыдущей шхуной, заказанная для одного заказчика, ее достраивают для другого. Указание, что в июне выставлено ноль пудов конструкций может означать, что в этом месяце состоялась официальная (формальная) закладка судна. Это практиковалось, например, при посещении каких-то важных гостей. Но может быть и более прозаическое объяснение: закладка произошла в последние дни месяца. Судно строится до конца года.

В декабре 1889 г. произошла закладка парохода для общества «Кавказ и Меркурий». Но предписание вышло лишь 25 января 1889 г. Договор также заключили через комиссионеров (27 июня 1889 г.), поэтому официальные решения запаздывали. Судно явно спустили в Каму в апреле-мае 1890 г. и далее оно достраивается на плаву. Поскольку завод строил лишь корпус без отделки, скорее всего, в августе этого года его доставили в Астрахань, где он сдавался до конца года.

Еще одно судно, начатое постройкой в 1890 г. – пароход для Омутнинского завода. Предписание конторы на его постройку вышло 3 октября 1890 г., но по факту стапельные работы начались лишь в декабре. Несоответствие можно объяснить посещением завода г. Левитским (заключившему договор), в присутствии которого, вероятно, и состоялась закладка (формальная) за два месяца до начала фактических работ на стапеле.

В сведениях о числе и стоимости судов, построенных в Воткинском заводе в зиму 1889 и 1890 г. даются:

№ 99 «Морская наливная шхуна на Каспийское море «Виктор Гириш» 294 тыс. руб. с оснасткой и 284 тыс. руб. без оснастки.

№ 100 «Корпус морского пассажирского парохода на Каспийское море по заказу о-ва «Кавказ и Меркурий» назв. «Великий Князь Алексей» 108 тыс. руб. без оснастки (ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 9694. Л. 28).

Ранее нами были идентифицированы заказы, построенные в этот период (Mitiukov, 2021).

Для Каспийского моря железный корпус колесного парохода – «Геок-Тепе».

Четыре плашкоута для сплава паровозов – «Север», «Юг», «Запад» и «Восток».

Буксирно-пассажирский пароход с машиной для купца Кашина – «Матвей».

Баржи и шаланда для общества «Лебедь» – «Раиса», «Волга» и «Счастливая».

Две баржи для Рихтера, заказанные 24.08.1887 г. – «Толя» и «Леда».

Шхуна для Грубишича – «Воткинский завод».

Две баржи для Рихтера, заказанные 4.10.1888 г. – «Зинаида», «Лариса».

Шхуна для Гирша – «Виктор Гирш».

Шхуна для Марка – «Кондрат Бонза».

Пароход для общества «Кавказ и Меркурий» – «Великий князь Алексей».

Пароход для Омутнинского завода – «Первенец».

Таблица 1. Ключевые даты в постройке судов

Объект	Заказан	Заложен	Окончен	Сдан	Примечание
4 плашкоута	05.1880	1882	?	06.1883	Для своих нужд
«Геок-Тепе»	12.1881	01.1882	09.1883	11.1883	–
Заказ «Лебедь»	1885	1885	1885	1885	Заказан комиссионерами
«Матвей»	04.1887	05.1887	04.1888	12.1888	Заказан комиссионерами
Две баржи	08.1887	10.1887	07.1888	12.1888	Заказан комиссионерами (1)
«Вотк. завод»	11.1887	01.1888	12.1888	12.1888	Заказан комиссионерами
«Шаркан»	?	1888	1888	1888	Для своих нужд
Две баржи	10.1888	10.1888	06.1889	11.1889	Заказан комиссионерами (2)
«Виктор Гирш»	12.1888	04.1889	06.1890	12.1890	(3)
«В. Кн. Алексей»	01.1889	12.1889	09.1890	12.1890	(5)
«Кондрат Бонза»	03.1889	06.1890	?	?	(4)
«Первенец»	09.1890	12.1890	?	?	–

Примечания: (1) заказан для Рихтера согласно предписания Главной конторы от 24.08.1887 г., к октябрю 1888 г. у Шибаева. (2) заказан для Рихтера согласно предписания Горного начальника от 4.10.1888 г., с июля 1889 г. у Шибаева. (3) заказан для Гирша согласно предписания горного начальника от 24.02.1889 г. и предписания Горного департамента от 20.12.1888 г. (4) заказан для Гирша согласно предписания Горного начальника от 24.03.1889 г., с июля 1890 г. у Марка. (5) заказан для общества «Кавказ и Меркурий» по представлению Главной конторы от 25.01.1889 г.

Таблица 2. Реконструированные номера судостроительных заказов 1881–1890 гг.

Номер заказа	Судно	Собственник	Заказан
87 (?)	«Север», «Юг», «Запад», «Восток»	Воткинский завод	05.1880
88 (?)	«Геок-Тепе»	Морское ведомство	1881
89, 90, 91 (?)	«Раиса», «Волга», «Счастливая»	«Лебедь»	1885
92 (?)	«Матвей»	Кашин	04.1887
93, 94 (?)	«Толя», «Леда»	Шибаев	08.1887
95 (?)	«Воткинский завод»	Грубишич	11.1887
96 (?)	«Шаркан»	Воткинский завод	1888
97, 98 (?)	«Зинаида», «Лариса»	Шибаев	10.1888
99	«Виктор Гирш»	Гирш	12.1888
100	«Великий князь Алексей»	«Кавказ и Меркурий»	01.1889
101	«Кондрат Бонза»	Марк	03.1889
102 (?)	«Первенец»	Омутнинский завод	09.1890

В литературе по Воткинскому заводу советского периода обычно критиковались заводские комиссионеры. Они представлялись «дармоедами», получавшими от завода приличные суммы. Как видно из Таблицы 1, комиссионеры действительно способствовали оживлению производства. В период с 1881 по 1888 гг. завод строит объекты судостроения либо для собственных нужд, либо выполняет заказы, полученные через комиссионеров. И лишь когда производство оживилось, с 1889 г. он получает заказы другими путями.

Как видно из [Таблицы 1](#), выполненные заказы складываются в достаточно четкую хронологическую цепочку, что дает возможность реконструировать номера выданных заказов. Ранее этот вопрос нами поднимался в работе, посвященной идентификации закладных молоточков ([Mitiukov, 2024](#)).

Данные [Таблицы 2](#) неплохо коррелируются с информацией, что наряд по баржам для сплава паровозов имеет № 87. Ранее нами было обнаружено, что судостроительные заказы Воткинского завода с № 80 (плавающий маяк Астрабадского залива) по № 109 (наливная шхуна «Вера») чрезмерно насыщены объектами судостроения: построенных судов почти на десяток больше, чем свободных номеров ([Mitiukov et al., 2020](#)). В фондах ЦГА УР имеется строительный формуляр на постройку баржи для Санкт-Петербургского порта, имеющий на обложке № 87. Скорее всего, этот номер не является номером заказа. А вот для барж для сплава паровозов № 87 как раз довольно точно подходит. Можно высказать предположение, что если в названии наряда № 87 упоминается также подготовка ступеней, это цифра – для всего заказа на все четыре плашкоута. В этом случае частично устраняется несоответствие между отсутствием «свободных» номеров заказов и количеством этих заказов.

5. Заключение

Бухгалтерская документация является ценным источником, к сожалению, пока недооцененным историками. Наибольшее значение она приобретает, когда источниковая база ограничена. На примере бухгалтерской документации Воткинского завода за 1881–1890 гг. видно, что она довольно точно (с точностью до месяца) позволяет реконструировать построечные даты по строившимся судам. Как следствие – достаточно точно реконструировать последовательность в выполнении выданных заказов и тем самым восстановить их номера. Существенным ограничением предлагаемого подхода является то, что он подходит лишь для сторонних заказов, и, с другой стороны, очень чувствителен к имеющимся лакунам в архивной документации.

Литература

- [Верига, Юрченко, 2015](#) – Верига А.В., Юрченко М.А. Двойная бухгалтерия: история и современность // *Международный бухгалтерский учет*. 2015. № 46 (388). С. 51-64.
- [Ишмакова, 2023](#) – Ишмакова К.В. История развития бухгалтерского учета // *Научный аспект*. 2023. Т. 4. № 5. С. 440-444.
- [Котрунцев, 2024](#) – Котрунцев А.В. Военный пароход «Геок-Тепе» // *Гангут*. 2024. № 132. С. 3-36.
- [Мельников, 1983](#) – Мельников Р.М. Крейсер «Варяг». Л.: Судостроение, 1983. 288 с.
- [Митюков, 2024](#) – Митюков Н.В. Постройка парохода "Геок-Тепе" на Воткинском заводе: анализ бухгалтерской документации // *Восточно-Европейский научный вестник*. 2024. Т. 20. № 1. С. 40-43.
- [Сафонова и др., 2014](#) – Сафонова М.Ф., Кузин Т.А., Добровольский А.Г. Бухгалтерская документация в практике выявления правонарушений // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2014. № 104. С. 1239-1257.
- [Стрыгина, 2019](#) – Стрыгина И.Е. Неформатная бухгалтерская документация и ее экспертиза // *Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. 2019. № 5-2. С. 72-75.
- [ЦГА УР](#) – Центральный государственный архив Удмуртской Республики.
- [Mitiukov, 2021](#) – Mitiukov N.W. Identification of Votkinsk-Built Tank Barges (1883–1917) // *Bylye Gody*. 2021. 16(2): 881-888. DOI: 10.13187/bg.2021.2.881
- [Mitiukov, 2024](#) – Mitiukov N.W. Decorative Hammers from the Funds of the Votkinsk Plant Museum as a Source of Information about Votkinsk Shipbuilding // *History and Historians in the Context of the Time*. 2024. 33(1): 10-16. DOI: 10.13187/hhct.2024.1.10
- [Mitiukov et al., 2020](#) – Mitiukov N.W., Loshkarev A.N., Makarov Yu.N. Reconstruction of the Volume of Shipbuilding Production in Votkinsk // *Bylye Gody*. 2020. 58 (4): 2531-2545. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2531

References

- [Ishmakova, 2023](#) – Ishmakova K.V. (2023). Istoriya razvitiya bukhgalterskogo ucheta [History of accounting development]. *Nauchnyi aspekt*. 4(5): 440-444. [in Russian]
- [Kotruntsev, 2024](#) – Kotruntsev, A.V. (2024). Voennyi parokhod «Geok-Tepe» [Military steamship "Geoq-Tepe"]. *Gangut*. 132: 3-36. [in Russian]
- [Mel'nikov, 1983](#) – Mel'nikov, R.M. (1983). Kreiser «Varyag» [Cruiser "Varyag"]. Leningrad: Sudostroenie, 288 p. [in Russian]
- [Mitiukov, 2021](#) – Mitiukov, N.W. (2021). Identification of Votkinsk-Built Tank Barges (1883–1917). *Bylye Gody*. 16(2): 881-888. DOI: 10.13187/bg.2021.2.881 [in Russian]
- [Mitiukov, 2024](#) – Mitiukov, N.V. (2024). Postroika parokhoda "Geok-Tepe" na Votkinskom zavode: analiz bukhgalterskoi dokumentatsii [Construction of the Geok-Tepe steamship at the Votkinsk plant: analysis of accounting documentation]. *Vostochno-Evropeiskii nauchnyi vestnik*. 20 (1): 40-43. [in Russian]

Mitiukov, 2024 – Mitiukov, N.W. (2024). Decorative Hammers from the Funds of the Votkinsk Plant Museum as a Source of Information about Votkinsk Shipbuilding. *History and Historians in the Context of the Time*. 33(1): 10-16. DOI: 10.13187/hhct.2024.1.10 [in Russian]

Mitiukov et al., 2020 – Mitiukov, N.W., Loshkarev, A.N., Makarov, Yu.N. (2020). Reconstruction of the Volume of Shipbuilding Production in Votkinsk. *Bylye Gody*. 58(4): 2531-2545. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2531 [in Russian]

Safonova et al., 2014 – Safonova, M.F., Kuzin, T.A., Dobrovol'skii, A.G. (2014). Bukhgalterskaya dokumentatsiya v praktike vyavleniya pravonarushenii [Accounting documentation in the practice of identifying offenses]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 104: 1239-1257. [in Russian]

Strygina, 2019 – Strygina, I.E. (2019). Neformatnaya bukhgalterskaya dokumentatsiya i ee ekspertiza [Informal accounting documentation and its examination]. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii*. 5-2: 72-75. [in Russian]

TsGA UR – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic].

Veriga, Yurchenko, 2015 – Veriga, A.V., Yurchenko, M.A. (2015). Dvoynaya bukhgalteriya: istoriya i sovremennost' [Double-entry bookkeeping: history and modernity]. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchët*. 46(388): 51-64. [in Russian]

Бухгалтерская документация для реконструкции информации по строительству судов на примере Воткинского завода в 1881–1890 гг.

Николай Витальевич Митюков ^{a, *}, Юрий Леонидович Ким ^b, Ирина Юрьевна Черкасова ^{c, d}

^a Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Российская Федерация

^b Удмуртский государственный университет, Ижевск, Российская Федерация

^c Черкас глобальный университет, Вашингтон, США

^d Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Бухгалтерская документация занимает видное место в архивных фондах организаций. В работе на основе бухгалтерской документации Воткинского завода за десятилетие 1881-1890 гг. показывается перспективность месячных сведений о производстве работ, особенно при отсутствии в фондах специальных дел о постройке отдельных объектов судостроения этого периода. Показано, что они могут стать ценным источником, пока недооцененным историками. Месячные сведения (с точностью до месяца) позволяют реконструировать построечные даты по строившимся судам. Как следствие – достаточно точно реконструировать последовательность в выполнении выданных заказов и тем самым восстановить их номера. Существенным ограничением предлагаемого подхода является то, что он подходит лишь для сторонних заказов, и, с другой стороны, очень чувствителен к имеющимся лакунам в архивной документации.

Ключевые слова: бухгалтерская документация, месячные сведения, произведенные работы, судостроение, Воткинский завод.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 952-959
DOI: 10.13187/bg.2025.2.952

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Penza Kiselevskaya Poorhouse: History and Social Significance (the second half of the 19th – early 20th centuries)

Olga V. Kolpakova ^{a, *}, Natalia A. Koblova ^a

^a Penza State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the history and social role of the Penza Kiselyov poorhouse in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. The organizational aspects of the almshouse's operation are considered: structure, staff, sources of financing. Special attention is paid to the organization of assistance and daily practices of those who have found shelter in the poorhouse.

Penza Kiselevskaya poorhouse was founded in the middle of the nineteenth century and it was an important element of the social support system in the Russian province. Being an example of spiritual and moral service to people, Maria Mikhailovna tried to help more people in need, expanding the possibilities of the poorhouse. Initially, according to the Regulations, it could contain 70 people, after the opening of the second branch of the poorhouse – 140. But the number of people receiving assistance went beyond these figures. Hundreds of people in need have received help in the poorhouse branches created by Kiselyova during their existence.

Keywords: Penza Kiselevskaya poorhouse, M.M. Kiseleva, the second half of the XIX – early XX centuries, social assistance and charity.

1. Введение

С именем известной пензенской благотворительницы XIX в., Марии Михайловны Киселевой, связано множество инициатив в сфере духовного подвижничества и социального служения в России и за её пределами: сооружение храмов и монастырей, оказание помощи нуждающимся, попечение о развитии образования. Являясь действительным членом Императорского Православного Палестинского Общества, благотворительница оказывала содействие в реализации основных задач общества, связанных с сохранением Православных Святынь. Значительными являлись пожертвования в Общество на Русскую Духовную миссию в Иерусалиме, удовлетворение нужд прибывавших туда русских богомольцев. Кроме того, Мария Михайловна являлась членом Пензенского местного управления и Керенского комитета Российского Общества Красного Креста, внося пожертвования на осуществление деятельности Общества (*Отчет...*, 1883: 3).

Одним из значимых социальных проектов известной пензенской благотворительницы стало открытие богадельни в г. Пензе с целью поддержки «обоюго пола немощных людей всякого сословия, по старости или болезни не могущих добывать себе дневное пропитание» (*Слово...*, 1887).

2. Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили материалы Российского государственного исторического архива (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), выявленные в фондах: Собственная е.и.в. канцелярия по учреждениям Императрицы Марии (Ф. 759), Хозяйственный департамент МВД (Ф. 1287). Деятельность благотворительного учреждения представлена

* Corresponding author

E-mail addresses: al.olga3443@yandex.ru (O.V. Kolpakova), nata_koblova@mail.ru (N.A. Koblova)

делопроизводственной документацией учредительного и отчетного характера: Положение о Пензенской киселевской богадельне, ведомости о средствах содержания благотворительного учреждения, отчеты за 1885 г., 1896 г., 1897 г.

Материалы Государственного архива Пензенской области (ГАПО) (Пенза, Российская Федерация), содержащиеся в фонде «Канцелярия Пензенского губернатора (1801–1917)» (Ф. 5), раскрывают систему управления Пензенской Киселевской богадельней.

Подвижническую деятельность четы Киселевых и функционирование Пензенской Киселевской богадельни отражают статьи и заметки из местных и центральных периодических изданий. Так, в «Пензенских губернских ведомостях» публиковались сведения об открытии богадельни, пожертвованиях М.М. Киселевой. В «Сельском вестнике» перечислялись крупные пожертвования, указанные в духовном завещании Марии Михайловны (*Сельский вестник*, 1888).

Ежегодные обзоры Пензенской губернии позволяют проанализировать численность призреваемых Пензенской Киселевской богадельни во второй половине XIX – начале XX в.

Основу методологического инструментария составили методы исторического исследования. Использование проблемно-хронологического метода обеспечило возможность рассмотреть изменения в функционировании Пензенской Киселевской богадельни с момента открытия в 1859 г. и до ликвидации в 1918 г.

Статистический метод позволил проанализировать численность призреваемых Пензенской Киселевской богадельни в начале XX в., доходы и расходы благотворительного учреждения. Анализ архивных документов дал возможность реконструировать повседневные практики пребывания в богадельне.

3. Обсуждение

Итогом многолетней работы А.Ф. Головиной стало издание в 2003 г. монографии, посвящённой жизненному пути и подвижнической деятельности М.М. Киселевой (*Головина, 2003*). Издание было дополнено архивными материалами и вышло в обновлённой редакции в 2014 г. (*Головина, 2014*). Пензенский краевед уделяет внимание становлению благотворительной деятельности четы Киселевых. Воспитание Марии Михайловны происходило в «глубоко благочестивой обстановке», благотворительница уже в юные годы оказывала помощь нуждающимся (*Головина, 2003*). С самого детства воспитанная в православии, она сохранила «спасительную веру» до конца своей жизни. Значительную часть средств М.М. Киселева выделяла на возведение храмов и их украшение. Были построены Троицкий храм в Пензенском Спасо-Преображенском мужском монастыре, восстановлена Воскресенская церковь в Черкасской слободе г. Пензы и др. (*Головина, 2003: 26, 33*). Мария Михайловна основала Пайгармский Параскево-Вознесенский монастырь, пожертвовав для реализации этой цели 245 десятин земли (*Дорофеева, 2022:91*). Значительная помощь оказывалась некоторым монастырям на протяжении всей жизни благотворительницы. В научном труде уделяется внимание и вопросу попечения о духовном образовании.

Поле исследовательских интересов изучения практик духовно-нравственного служения расширяется. В 2023 г. в г. Пензе состоялась межрегиональная научно-практическая конференция, посвящённая вопросам благотворительности и социальной защиты в XIX – начале XX в. на примере российской провинции, где отдельный блок посвящался благотворительнице пензенской земли. Опубликованные в сборнике материалов статьи касаются вопросов формирования традиции православного подвижничества на примере М.М. Киселевой (*Сухова, 2023*), повседневной жизни и быта призреваемых Киселевской богадельни (*Коблова, 2023*).

4. Результаты

Согласно завещанию мужа Марии Михайловны, статского советника А.Г. Киселева, в г. Пензе планировалось устроить богадельню «для людей всякого звания», но преимущественно – для воинских чинов. Приступая к выполнению завещания, его супруга отмечала необходимость первоначально открыть заведение на 70 кроватей в каменном 3-х этажном доме с флигелями и службами, пожертвованном благотворительницей для организации богадельни.

Примерные расчёты на ежегодное содержание заведения составили 3696 руб. Компенсация затрат предполагалась за счёт недвижимых имений (согласно завещанию, по 3 руб. сер. с души, 3924 руб. ежегодно) и процентов с составленного для заведения капитала в 78 руб. (по 4 %, 3120 руб. в год). В дальнейшем предполагалось, что на содержание богадельни будет оставаться сумма в 3348 руб. на непредвиденные расходы (*РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 3-4*).

В общем виде данные о предполагаемых доходах и расходах представлены в *Таблице 1*.

Кроме того, согласно Положению, «для усиления средств» к содержанию богадельни принимались пожертвования вещами и деньгами (*РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 90б.*). К 1885 г. средства заведения состояли из капитала, заключающегося в процентных билетах на сумму 534 012 руб. 85 коп. (доходность составляла 26243 руб. 35 коп. в год) и прибыль с 54 душ крестьян, не вышедших на выкуп и обязанных платить оброк по 162 руб. в год. Всего доход Киселевской богадельни в 1885 г. составил 26405 руб. 35 коп. (*РГИА. Ф. 759. Оп. 42. Д. 951. Л. 2*).

Таблица 1. Примерное исчисление доходов и расходов Пензенской Киселевской богадельни (РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 260б.)

Доходы	
Сбор с крестьян, полагая по 3 руб. с ревизской души, а со всех 1308 душ.	3924 руб. сер.
Процентов с денежного капитала в 78 тыс. руб. сер. (считая по 4%)	3120 руб. сер.
Расходы	
На содержание правления, по штату	1001
На пищу призываемых, полагая по 12 руб. сер. На каждого, а на всех 70 чел.	840
На одежду, белье и обувь им полагая по 10 р. на чел., а на всех 70 человек.	700
На разные хоз. вещи	50
На медикаменты	115
На погребение умерших	30
На принадлежности для богослужения и церкви	130
На отопление	360
На освещение	70
На ремонт дома	100
На страхование дома	200
Не непредвиденные мелочные расходы	100
	3696 р. Остаток: 3348 р.

Согласно положению о богадельне, утверждённому 29 мая 1856 г., попечительницей и начальницей являлась сама М.М. Киселева, после её смерти права и обязанности переходили к Пензенскому губернскому предводителю дворянства (ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3298. Л. 13-140б.). Под руководством попечительницы и с её поддержкой был создан совет, состоявший из четырёх человек: двух представителей дворянства и двух – купеческого сословия. Собрания Совета по вопросам функционирования богадельни созывались раз в месяц или чаще, по приглашению председательницы; решения принимались простым большинством голосов (РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 80б.-120б.). С 1876 г. Пензенским губернским предводителем дворянства и почётным членом Совета Пензенской Киселевской богадельни, с перерывом из-за участия в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг., являлся коллежский регистратор Охотников (РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 3908. Л. 1-20б.).

Штат богадельни был утверждён в составе 15 чел., на содержание которых отводилось 1001 руб. Все сотрудники, кроме врача, обеспечивались квартирами непосредственно в богадельне.

Таблица 2. Примерный штат Пензенской Киселевской богадельни (РГИА. Ф. 759. Оп. 21. Д. 1716. Л. 37)

	Число лиц	Содержание в год
Смотритель, он же эконо	1	230 руб. сер.
Ему же на канцелярские расходы		25
Надзирательница	1	72
Врач	1	115
Священник	1	110
Причетник	1	70
Писец	1	60
Швейцар	1	44
Истопник	1	44
Дворник	1	44
Сиделка	1	25
Кухарок	3 по 34 р.	102
Прачек	2 по 30 р.	60

Трехэтажное здание богадельни находилось на ул. Верхней Пешей губернского центра. Официальное открытие Пензенской Киселевской богадельни состоялось в 1859 г. Социальная

значимость и востребованность подобного учреждения в Пензенской губернии не вызывали сомнений. В местной периодической печати сообщалось: «Для доставления страждущих и неимущих вполне душевного спокойствия, ничего не может быть лучше, как особо устраиваемые на этот предмет заведения – богадельни, в которые без различия состояний стекаясь нуждающиеся в приют, вполне могут сказать, что с этого времени не встретят они более нужды и ропота со стороны ближних. Такое благотворительное заведение у нас в Пензе в недавнем времени основано и 13 сентября, по совершении Преосвященнейшим Варлаамом епископом Пензенским и Саранским в церкви самой богадельни божественной литургии, торжественно открыли в присутствии Его Превосходительства Г. Исправляющего должность начальника губернии, Действительного статского советника Александра Алексеевича Борзенко, попечительницы и непосредственной начальницы богадельни Марьи Михайловны Киселевой и избранных ею в члены этого заведения Н.И. Чарыкова, П.С. Ларионова, купцов: Андреева и Финогеева...» (*Об открытии...*, 1859: 152-153).

Помощь, оказываемая богадельней, заключалась в непосредственном предоставлении крова, питания и одежды. Имущество, содержавшихся в богадельне, состояло из: холстовой простыни, двух наволочек на подушки, одеял на летнее и зимнее время, носового платка и полотенца.

Мужчины и женщины обеспечивались одеждой. Призреваемым, которые выполняли «наружные и внутренние службы по богадельне предоставлялось общее на каждого: фартук – “холстовый или из колена” и на время зимы для мужчин: куртка – овчинная, валянные сапоги и кожаные рукавицы с шерстяными варежками и для женщин овчинная кофта, валяные калоши и шерстяные варежки. Призреваемым из лиц женского пола дворянского сословия предметы и вещи, следующие к покою и белью, и одежда и обувь предоставлялись в том же виде комплекта, что и для мощных призреваемых, но лучшего достоинства. Но больных же и увечных призреваемых, необходимые для их жизни в богадельне вещи, белье, одежда и обувь предоставлялись, согласно надобностям» (РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 15).

В 1876 г. в богадельне было учтено 99 человек призреваемых (34 мужчины и 65 женщин), «кроме того, имели в богадельне продовольствие и помещение временно приходящие на богомолье 150 человек (115 мужчин и 35 женщин)» (*Обзор*, 1877: 83). Отсутствие помещений в богадельне не позволяло оказывать помощь всем желающим, поэтому существовала и другая мера поддержки в виде денег или продуктов пищевого довольствия (РГИА. Ф. 759. Оп. 35. Д. 42. Л. 3-3 об.). Лица, содержавшиеся вне богадельни и не имевшие семьи, получали по 6 руб. в месяц каждый. Сумма выплаты семейным равнялась 10 руб. (Коблова, 2023: 73). Более тысячи человек получили приют и помощь за время существования благотворительного учреждения (*Пензенские губернские ведомости*, 1910: 3).

Приём на призрение в богадельню производился на вакансии после выбывших или умерших призреваемых. К категориям лиц, принимавшимся на свободные вакансии, согласно отчётной документации богадельни за 1897 г., относились: бессемейные, состоявшие на призрении вне богадельни, и лица из числа кандидатов на призрение. В данном году, согласно списку нуждающихся в призрении, таких насчитывалось 13 мужчин и 6 женщин, из них принято 4 мужчины и 2 женщины (РГИА. Ф. 759. Оп. 35. Д. 42. Л. 3об.).

Призреваемые, нуждающиеся в специальном уходе, размещались в зависимости от пола в отдельных палатах, организованных при каждом отделении богадельни (в палате не более 8 человек). Большинство неимущих, занимавших отдельные палаты, находились в возрасте от 80 до 100 лет. Уход за тяжелобольными призреваемыми осуществляла нанятая прислуга, которая, наряду со служащими, пользовалась бесплатными услугами врача, состоявшего на службе в богадельне. Тяжелобольные своевременно включались в больничное заведение местного Губернского земства. Помощь врачу оказывал фельдшер, ежедневно наблюдавший за состоянием всех нуждавшихся во врачебной помощи. По указанию врача или лично готовил лекарства в домашней аптеке богадельни. В летнее время большая часть больных переселялась в специальные бараки (РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 16). Прислуга, нуждающиеся и прибывающие богомольцы также получали питание, рацион которого не отличался от того, что предоставлялся призреваемым богадельни (Коблова, 2023: 73).

Стремление оказывать помощь большему числу нуждающихся привело к ходатайству Марии Михайловны императору об увеличении числа призреваемых богадельни ещё на 70 кроватей (Головина, 2003: 20). С этой целью в 1876 г. началось строительство нового корпуса. Второе отделение Киселевской богадельни было учреждено 15 октября 1881 г. и расположилось в усадьбе на ул. Дворянской (РГИА. Ф. 759. Оп. 1. Д. 23. Л. 17).

Благотворительная деятельность богадельни расширялась в последующие годы. Штатное количество призреваемых, таким образом, равнялось 140 чел., 40 из которых – мужчины и 100 – женщины. Но число находящихся на попечении выходило за рамки обозначенной цифры. В Киселевской богадельне в 1883 г. призревалось 187 чел. (59 мужчин и 128 женщин). Кроме данных лиц, продовольствие и помещение получали «временно приходящие на богомолье» - 72 чел. (*Обзор...*, 1884: 80). В 1885 г. помощь оказывалась 53 мужчинам и 123 женщинам (РГИА. Ф. 759. Оп. 42. Д. 951. Л. 3). Ещё 67 нуждающимся в данном году оказывалось содействие (*Обзор...*, 1886: 76).

Таблица 3. Численность призреваемых Пензенской Киселевской богадельни в начале XX в. (Обзор..., 1902: 53; Обзор..., 1903: 61; Обзор..., 1904: 58; Обзор..., 1905: 52; Обзор..., 1906: 43; Обзор..., 1907: 45; Обзор..., 1908: 41; Обзор..., 1909: 40; Обзор..., 1910: 42; Обзор..., 1911: 47)

Год	Количество призреваемых		Количество получавших помощь деньгами и продовольствием
	Мужчин	Женщин	
1901	61	129	51
1902	53	115	94
1903	50	117	161
1904	51	117	102
1905	52	115	88
1906	57	118	39
1907	57	118	81
1908	50	100	87
1909	60	92	-
1910	54	119	-

После кончины благотворительницы в 1887 г. функционирование богадельни и оказание помощи нуждающимся продолжалось. Согласно духовному завещанию Марии Михайловны, были назначены крупные пожертвования (*Вестник*, 1888: 320). В качестве преемницы незадолго до своей кончины М.М. Киселева назвала А.С. Радищеву, обратившись с соответствующим прошением к императрице Марии Федоровне. Воля благотворительницы была исполнена: с декабря 1887 г. обязанности управления богадельней на себя приняла Александра Степановна (*Головина*, 2003: 59-60). В 1891 г., «в ознаменование 25-летия бракосочетания Имп. Величеств совет богадельни с целью увековечить данное событие, учредил 4 вакансии для бедных и немощных лиц дворянского сословия женского пола, с отнесением расходов на избытки от доходов богадельни» (*РГИА. Ф. 759. Оп. 34. Д. 160. Л. 5-6*).

Большая часть призреваемых по данным на 1897 г. являлась крестьянами, что составляло 47,5 %; 20 % – мещане; 19 % – воинские; остальные относились к гражданскому или духовному званию; 2,5 % составляли дворяне (*Коблова, Сухова, Колпакова*, 2023: 1812). В частности, 4 чел. дворянского сословия, 13 чел. гражданских званий, 5 духовных, 31 чел. – воинских, 34 чел. мещан, 73 крестьянина (*РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 26*).

Определённая часть призреваемых проявляла желание выполнять при богадельне трудовые обязанности, участвуя в оказании помощи прислуге или принимая на себя обязанности церковниц, услуживающих в церквях при отправлении богослужения. Некоторые содержали в надлежащем порядке двор и сад богадельни, помогали в топке бани, содержании в исправном виде прачечной, а также принимали на себя уход за коровами. Призреваемые, отправлявшие перечисленные обязанности, за «добровольно понесенные на пользу богадельни посильные труды» поощрялись выдачей денежных наград (*РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 16*).

В годы Первой мировой войны при богадельне функционировал лазарет для раненых и больных воинов. В сентябре 1914 г. попечительница А.Н. Радищева сообщала в Собственную Его Императорского Величества канцелярию по учреждениям императрицы Марии: «17-го сего сентября мною при вверенной мне богадельне открыт лазарет для раненых и больных воинов на 10 человек. Лазарет этот №7 находится в ведении Всероссийского земского союза и содержится на средства богадельни. Пред открытием лазарета отслужен в присутствии г.г. Членов Совета богадельни торжественный молебен с провозглашением многолетия Его Императорского Величества и всему Царствующему Дому. Всей хозяйственной частью лазарета заведует по моему поручению Смотритель богадельни А.Ф. Грязнов, а медицинскую помощь больным и раненым оказывают врач Н.А. Щепетильников и фельдшер Н.А. Орлов» (*РГИА. Ф. 759. Оп. 90. Д. 23. Л. 48*). Лазарет № 7 был закрыт, а вместо него в здании богадельни находился лазарет № 15 (*Головина*, 2014: 53).

Значительное внимание уделялось духовному развитию призреваемых; в имеющихся при каждом из отделений богадельни церквях богослужение совершалось поочередно не менее четырех раз в неделю, в посты – ежедневно. Причт богадельни включал священника и дьякона, в богослужениях участвовал и наёмный псаломщик. Служба в будние дни сопровождалась пением хора певчих, состоящих из числа призреваемых богадельни. Для торжественных богослужений (воскресные, табельные и высокоторжественные дни, отправления заупокойных служб по учредителю и основательнице богадельни, а также в дни престольных праздников церквей богадельни и в дни праздников Рождества Христова и Св. Пасхи) нанимался частный хор певчих.

Во время Страстной недели и первых трёх недель праздника Св. Пасхи в усиление штата священнослужителей церквей богадельни приглашался особый священник. Ежегодной практикой

являлось совершение литургии, панихиды, молебна с водоосвящением в определённые дни, к которым относились: дни рождения, именин и смерти учредителя и основательницы богадельни, смерти императора Александра III, в дни открытия отделений и первого заседания Совета богадельни. Так, в 1896 г. совершались при всём составе служащих, призреваемых и прислуги в первом случае в одном из храмов богадельни – заупокойная литургия и после панихида, и в последних случаях, в главных зданиях богадельни и палате заседаний Совета богадельни, – благодарственный Господу Богу молебен с водоосвящением (РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 1552. Л. 160б.-17).

5. Заключение

Открытие Пензенской Киселевской богадельни являлось востребованным социальным проектом в Пензенской губернии. За всё время существования в этом учреждении получили приют и призрение 568 мужчин и 759 женщин – всего 1327 человек. Помимо этого, 264 лица получали денежные пособия, 601 человек – питание из средств богадельни, останавливались при богадельне 3 367 богомольцев.

Благотворительное учреждение просуществовало до 1918 г., в феврале попечительство было ликвидировано. В дальнейшем в зданиях богадельни продолжали проживать те, кто когда-то получил приют, позже там разместился инвалидный дом №1. Подвижническая деятельность М.М. Киселевой выступала эталоном социального служения, обеспечивая укрепление православной идентичности.

6. Благодарности

Исследование выполнено в соответствии с госзаданием ФГБОУ ВО ПГУ: «Практики духовно нравственного служения в российской истории второй половины XIX – начала XXI вв.: на примере деятельности М.М. Киселевой и Пензенского отделения Императорского Православного Палестинского Общества» в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2025 г.

Литература

- Пензенские губернские ведомости, 1910 – *Пензенские губернские ведомости*. 1910. № 74.
 Сельский вестник, 1888 – *Сельский вестник*. 1888. №28.
 ГАПО – Государственный архив Пензенской области.
 Головина, 2003 – Головина А.Ф. Великая благотворительница. Пенза, 2003. 120 с.
 Головина, 2014 – Головина А.Ф. Великая благотворительница. М.: ООО «Издательство ПЕНАТЫ», 2014. 256 с.
 Дорофеева, 2022 – Дорофеева Т.Г. Мария Михайловна Киселева. Подвиг беззаветного служения // *Annalid'Italia*. 2022. №31. С. 90-92.
 Коблова, 2023 – Коблова Н.А. Пензенская Киселевская богадельня: организация быта призреваемых / *Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции «История благотворительности и социальной защиты в Российской провинции XIX – начала XX века. К 225-летию со дня рождения Киселевой М.М.»*. Пенза, 2023. С. 68-74.
 Об открытии..., 1859 – Об открытии Киселевской богадельни в Пензе // *Пензенские губернские ведомости*. 1859. С. 152-153.
 Обзор..., 1877 – Обзор Пензенской губернии за 1876 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза: Губернская типография, 1877. 91 с.
 Обзор..., 1884 – Обзор Пензенской губернии за 1883 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза: Губернская типография, 1884. 107 с.
 Обзор..., 1886 – Обзор Пензенской губернии за 1885 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза: Типография Губернского правления, 1886. 82 с.
 Обзор..., 1902 – Обзор Пензенской губернии за 1901 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза: Типография Губернского правления, 1902. 70 с.
 Обзор..., 1903 – Обзор Пензенской губернии за 1902 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза: Типография Губернского правления, 1903. 79 с.
 Обзор..., 1904 – Обзор Пензенской губернии за 1903 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза: Типография Губернского правления, 1904. 79 с.
 Обзор..., 1905 – Обзор Пензенской губернии за 1904 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза: Типография Губернского правления, 1905. 72 с.
 Обзор..., 1906 – Обзор Пензенской губернии за 1905 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза: Типография Губернского правления, 1906. 74 с.
 Обзор..., 1907 – Обзор Пензенской губернии за 1906 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза: Типография Губернского правления, 1907. 61 с.
 Обзор..., 1908 – Обзор Пензенской губернии за 1907 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза: Типография Губернского правления, 1908. 78 с.

- Обзор..., 1909** – Обзор Пензенской губернии за 1908 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза: Типография Губернского правления, 1909. 59 с.
- Обзор..., 1910** – Обзор Пензенской губернии за 1909 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза: Типография Губернского правления, 1910. 61 с.
- Обзор..., 1911** – Обзор Пензенской губернии за 1910 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету пензенского губернатора. Пенза: Типография Губернского правления, 1911. 61 с.
- Отчет..., 1882** – Отчет Пензенского местного управления и Керенского комитета Российского Общества Красного Креста за 1882 год. Пенза: Губернская типография, 1883. 35 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Слово..., 1887** – Слово при гробе кавалерственной дамы Марии Михайловны Киселевой, сказанное 9 декабря в Пензенском Кафедр. Соборе // *Пензенские губернские ведомости*. 1887. №267.
- Сухова, 2023** – Сухова О.А. М.М. Киселева и формирование традиции православного подвижничества в истории Пензенского края / *Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции «История благотворительности и социальной защиты в Российской провинции XIX – начала XX века. К 225-летию со дня рождения Киселевой М.М.»*. Пенза, 2023. С. 62-67.
- Koblova et al., 2023** – Koblova N.A., Kolpakova O.V., Sukhova O.A. Practices of Spiritual and Moral Asceticism in the Russian Province in the second half of the 19th – early 20th centuries: Using the Example of the Activities of M.M. Kiseleva // *Bylye gody*. 2023. 18(4): 1809-1817.

References

- Dorofeeva, 2022** – Dorofeeva, T.G. (2022). Mariya Mikhailovna Kiseleva. Podvig bezzavetnogo sluzheniya [Maria Mikhailovna Kiselyova. A feat of selfless service]. *Annali d'Italia*. 31: 90-92. [in Russian]
- GAPO** – gosudarstvennyi arkhiv Penzenskoi oblasti [The State Archive of the Penza region].
- Golovina, 2003** – Golovina, A.F. (2003). Velikaya blagotvoritel'nitsa [A great philanthropist]. Penza, 120 p. [in Russian]
- Golovina, 2014** – Golovina, A.F. (2014). Velikaya blagotvoritel'nitsa [A great philanthropist]. M., 256 p. [in Russian]
- Koblova, 2023** – Koblova, N.A. (2023). Penzenskaya Kiselevskaya bogadel'nya: organizatsiya byta prizrevaemykh [Penza Kiselevskaya almshouse: organization of the life of the poor]. *Sbornik materialov mezhtse regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Istoriya blagotvoritel'nosti i sotsial'noi zashchity v Rossiiskoi provintsii XIX – nachala XX veka. K 225-letiyu so dnya rozhdeniya Kiselevoi M.M.»*. Penza. Pp. 68-74. [in Russian]
- Koblova et al., 2023** – Koblova, N.A., Kolpakova, O.V., Sukhova, O.A. (2023). Practices of Spiritual and Moral Asceticism in the Russian Province in the second half of the 19th – early 20th centuries: Using the Example of the Activities of M.M. Kiseleva. *Bylye gody*. 18(4): 1809-1817.
- Ob otkrytii..., 1859** – Ob otkrytii Kiselevskoi bogadel'ni v Penze [About the opening of the Kiselyov almshouse in Penza]. *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1859. Pp. 152-153. [in Russian]
- Обзор..., 1877** – Обзор Пензенской губернии за 1876 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора [An overview of the Penza province in 1876. Appendix to the comprehensive report of the Penza Governor]. Penza: Gubernskaya tipografiya, 1877. 91 p. [in Russian]
- Обзор..., 1884** – Обзор Пензенской губернии за 1883 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора [An overview of the Penza province in 1883. Appendix to the comprehensive report of the Penza Governor]. Penza: Gubernskaya tipografiya, 1884. 107 p. [in Russian]
- Обзор..., 1886** – Обзор Пензенской губернии за 1885 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора [An overview of the Penza province in 1885. Appendix to the comprehensive report of the Penza Governor]. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1886. 82 p. [in Russian]
- Обзор..., 1902** – Обзор Пензенской губернии за 1901 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора [An overview of the Penza province in 1901. Appendix to the comprehensive report of the Penza Governor]. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1902. 70 p. [in Russian]
- Обзор..., 1903** – Обзор Пензенской губернии за 1902 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора [An overview of Penza province in 1902. Appendix to the comprehensive report of the Penza Governor]. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1903. 79 p. [in Russian]
- Обзор..., 1904** – Обзор Пензенской губернии за 1903 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора [An overview of Penza province in 1903. Appendix to the comprehensive report of the Penza Governor]. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1904. 79 p. [in Russian]
- Обзор..., 1905** – Обзор Пензенской губернии за 1904 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора [Review of Penza province in 1904. Appendix to the comprehensive report of the Penza Governor]. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1905. 72 p. [in Russian]
- Обзор..., 1906** – Обзор Пензенской губернии за 1905 год. Приложение к всеподданнейшему отчету пензенского губернатора [Review of Penza province in 1905. Appendix to the comprehensive report of the Penza Governor]. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1906. 74 p. [in Russian]

Obzor..., 1907 – Obzor Penzenskoi gubernii za 1906 god. Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu penzenskogo gubernatora [An overview of Penza province in 1906. Appendix to the comprehensive report of the Penza Governor]. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1907. 61 p. [in Russian]

Obzor..., 1908 – Obzor Penzenskoi gubernii za 1907 god. Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu penzenskogo gubernatora [An overview of Penza province in 1907. Appendix to the comprehensive report of the Penza Governor]. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1908. 78 p. [in Russian]

Obzor..., 1909 – Obzor Penzenskoi gubernii za 1908 god. Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu penzenskogo gubernatora [An overview of Penza province in 1908. Appendix to the comprehensive report of the Penza Governor]. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1909. 59 p. [in Russian]

Obzor..., 1910 – Obzor Penzenskoi gubernii za 1909 god. Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu penzenskogo gubernatora [An overview of Penza province in 1909. Appendix to the comprehensive report of the Penza Governor]. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1910. 61 p. [in Russian]

Obzor..., 1911 – Obzor Penzenskoi gubernii za 1910 god. Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu penzenskogo gubernatora [An overview of Penza province in 1910. Appendix to the comprehensive report of the Penza Governor]. Penza: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1911. 61 p. [in Russian]

Otchet..., 1882 – Otchet Penzenskogo mestnogo upravleniya i Kerenskogo komiteta Rossiiskogo Obshchestva Krasnogo Kresta za 1882 god [Report of the Penza Local Government and the Kerensky Committee of the Russian Red Cross Society for 1882]. Penza: Gubernskaya tipografiya, 1883. 35 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Slovo..., 1887 – Slovo pri grobe kavalerstvennoi damy Marii Mikhailovny Kiselevoi, skazannoe 9 dekabrya v Penzenskom Kafedr. Sobore [A word at the coffin of the cavalier lady Maria Mikhailovna Kiselyova, said on December 9 at the Penza Department. The Cathedral]. *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1887. 267. [in Russian]

Sukhova, 2023 – Sukhova, O.A. (2023). M.M. Kiseleva i formirovanie traditsii pravoslavnogo podvizhnichestva v istorii Penzenskogo kraia [M.M. Kiseleva and the formation of the tradition of Orthodox asceticism in the history of the Penza Region]. *Sbornik materialov mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Istoriya blagotvoritel'nosti i sotsial'noi zashchity v Rossiiskoi provintsii XIX – nachala XX veka. K 225-letiyu so dnya rozhdeniya Kiselevoi M.M.»*. Penza, 2023. Pp. 62-67. [in Russian]

Penzenskie gubernskie vedomosti, 1910 – *Penzenskie gubernskie vedomosti*. 1910. 74. [in Russian]

Sel'skii vestnik, 1888 – *Sel'skii vestnik*. 1888. 28. [in Russian]

Пензенская Киселевская богадельня: история и социальное значение (вторая половина XIX – начало XX в.)

Ольга Васильевна Колпакова ^{a, *}, Наталия Андреевна Коблова ^a

^a Пензенский государственный университет, Пенза, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется история и социальная роль Пензенской Киселевской богадельни во второй половине XIX – начале XX в. Рассмотрены организационные аспекты функционирования богадельни: структура, штат сотрудников, источники финансирования. Отдельное внимание уделяется организации помощи и повседневным практикам нашедших приют в богадельне.

Пензенская Киселевская богадельня была основана в середине XIX в. и являлась важным элементом системы социальной поддержки в российской провинции. Являясь образцом духовно-нравственного служения людям, Мария Михайловна старалась оказывать помощь большему числу нуждающихся, расширяя возможности богадельни. Первоначально, согласно Положению, в ней могло содержаться 70 чел., а после открытия второго отделения богадельни – 140. Но число получающих помощь выходило за рамки данных цифр. В созданных Киселевой отделениях богадельни за время их существования получили помощь сотни нуждающихся.

Ключевые слова: Пензенская Киселевская богадельня, М.М. Киселева, вторая половина XIX – начало XX в., социальная помощь и призрение, благотворительность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: al.olga3443@yandex.ru (О.В. Колпакова),
nata_koblova@mail.ru (Н.А. Коблова)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 960-967
DOI: 10.13187/bg.2025.2.960

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Alikhan Bukeikhan's Activities in the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society

Makhabbat M. Kozybayeva ^{a, *}, Sultan Khan A. Zhussip ^a, Khalil B. Maslov ^a, Ilkhomjon M. Saidov ^b

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Sh. Rashidov Samarkand City University, Samarkand, Republic of Uzbekistan

Abstract

The article is devoted to a comprehensive study of the scientific activities of Alikhan Bukeikhan as a member of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society. The article examines the contribution of Alikhan Bukeikhan to the collection and systematization of data on the Kazakh people, which formed the theoretical basis for fundamental studies of the Kazakh cultural and social identity, identified during participation in scientific expeditions aimed at studying Kazakhstan, its economy, ethnography and geography. The article examines the scientific approach of Alikhan Bukeikhan to issues of territorial distribution, agriculture and ethnography of the Kazakh people, shows a fundamental position on the issue of preventing uncontrolled colonization of the Steppe region through the construction of railways. The authors note that as part of his activities in the geographical society, Alikhan Bukeikhan left a rich scientific heritage, which was represented by many scientific articles, points and notes on the history, ethnography, agriculture, animal husbandry of Kazakhstan and other branches of knowledge. Bukeikhan not only actively participated in expeditions, but also contributed to the integration of the Kazakh people into the scientific community, drawing attention to issues of their social and economic status. Despite the difficult political conditions of that time, Alikhan Bukeikhan continued to fight for the rights of his people, using scientific methods to substantiate his position. As a result, the authors come to the conclusion that with his scientific research, Alikhan Bukeikhan made an important contribution to understanding the specifics of the Kazakh people's economy, the historical, cultural and geographical study of the Kazakh steppe.

Keywords: Alikhan Bukeikhan, geographical society, Western Siberia, Steppe region, colonization, scientific expeditions, statistical surveys, Kazakh society, nomadic economy, cattle breeding.

1. Introduction

Today, a comprehensive study of the scientific research heritage of the leader of the national movement Alash Alikhan Bukeikhan is of great relevance. In turn, one of the brightest and most important pages in the life and work of A. Bukeikhan is his scientific activity as a member of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society (hereinafter referred to as WSO IRGS). In his activities, Alikhan Bukeikhan not only actively studied the natural and socio-economic aspects of the Kazakh steppe, but also directly participated in the formation of a scientific approach to the development of Kazakhstan in the context of the Russian Empire.

A study of the activities of Alikhan Bukeikhan in the ranks of the geographical society allows us to reveal his role as a scientist and public figure who, despite the difficult socio-political situation of that time, sought to improve the situation of the Kazakh people and ensure them a worthy place in the Russian colonial system. In the context of modern challenges, such as the preservation of cultural and historical heritage,

* Corresponding author

E-mail addresses: koz.mahabbat_85@mail.ru (M.M. Kozybayeva), prahacz2002@gmail.com (S.A. Zhussip), khalil.maslov@mail.ru (Kh.B. Maslov), saiodovilhomjon@samdu.uz (I.M. Saidov)

as well as the search for sustainable development, the study of this research issue helps not only to better understand the past, but also to identify modern trends in the development of science in Kazakhstan to solve modern problems in the field of environmental and economic development of the country.

2. Materials and methods

A wide range of materials and methods was used in preparing the article. In particular, materials from the collections of the Russian State Archive of Literature and Art, the Russian State Historical Archive (Saint-Petersburg, Russian Federation), the Central State Historical Archive of St. Petersburg (Saint-Petersburg, Russian Federation), the Historical Archive of Omsk Oblast (Omsk, Russian Federation), etc. were used as historical sources. Valuable sources on the topic of the research are also materials from regional periodicals, such newspapers as "Sibirsky Vestnik" (Siberian Herald) (Tomsk, 1885–1906), "Stepnoi Krai" (Steppe Region) (Omsk, 1893–1905), "Nasha Zhizn'" (Our Life) (Saint Petersburg, 1904–1906), "Turkestanskije Vedomosti" (Turkestan Vedomosti) (Tashkent, 1870–1917), materials from the WSO IRGS, as well as memoirs of contemporaries. In the context of studying the scientific activity of A. Bukeikhan, his scientific works on geography, ethnography and culture of the Kazakh people, published in scientific journals and reports of the Geographical Society, are of great interest.

During the study, methods of documentary analysis and interpretation of sources, content analysis, as well as special historical methods were used. These materials and methods helped to fully explore the contribution of Alikhan Bukeikhan to the development of geographical science, his scientific achievements and contribution to the study of Kazakhstan in the ranks of the WSO IRGS.

3. Discussion

The scientific activity of A.N. Bukeikhan was not the subject of a separate study, but was studied in the works of a number of Kazakh and foreign researchers in the context of studying the Alash national movement. In this regard, the works of Kazakh authors K. Nurpeisov ([Nurpeisov, 1995](#)), D. Kamzabekuly ([Kamzabekuly, 2002](#)), M. Asylbekov and E. Seitov ([Asylbekov, Seitov, 2003](#)), M. Koygeldiev ([Koygeldiev, 2008](#)), T. Zhurtbay ([Zhurtbay, 2008](#)), S. Akkuly ([Akkuly, 2017](#)) and others should be especially highlighted. The contribution of Alikhan Bukeikhanov to the scientific study of Kazakhstan was investigated by S.D. Shaimukhanova, Zh.S. Erdenbekova, B. Muratbekkyzy ([Shaimukhanova et al., 2016](#)). The scientific activities of A.N. Bukeikhan were not ignored by researchers from near and far abroad, such as D. Amanzholova ([Amanzholova, 2009](#)), V. Shishkin ([Shishkin, 2009](#)), M. Shilovskii ([Shilovskii, 2017](#)), V. Kozodoy ([Kozodoy, 2021](#)), S.R. Sarmanova ([Sarmanova et al., 2022](#)), M.B. Olcott ([Olcott, 1987](#)), A. Bennigsen ([Bennigsen, 1986](#)), scholars of the Central Asian Studies Society of Oxford University ([Kazakhs..., 1985](#)) and others.

The activities of the WSO IRGS in the context of its contribution to the scientific study of the Steppe Region and Kazakhstan as a whole in the late 19th – early 20th centuries were studied by such authors as A.E. Plotnikov ([Plotnikov, 1994](#)), Yu.R. Gorelova ([Gorelova, 2003](#)), A.P. Tolochko ([Tolochko, 2003](#)), R.S. Buktugutova ([Buktugutova, 2007](#)), V.A. Skopa ([Skopa, 2015](#)), S.A. Abselemov ([Abselemov, 2018](#)) and others. These works reveal various aspects of the participation of representatives of the Kazakh intelligentsia in the ranks of the geographical society, and assess their scientific contribution to the study of the Kazakh steppe.

Of great importance in the study of the scientific heritage of Alikhan Bukeikhan are the published collections of archival documents and materials. In this context, of great interest is the documentary collection of works by Alikhan Bukeikhan in 15 volumes, which includes archival documents, his articles, scientific research, materials of expeditions, letters, which is the first most complete collection of works of the Kazakh national leader ([Bukeikhan, 2016](#)).

4. Results

One of the little-studied pages in the biography of the leader of the Kazakh national liberation movement, Alikhan Nurmukhameduly Bukeikhan (1866–1937), is his research activities in the ranks of the WSO IRGS, which falls on the Omsk period of his life from 1895 to 1908.

A.N. Bukeikhan's interest in the scientific study of the Kazakh steppe manifested itself during his studies at the Omsk Technical School in 1886–1890, which resulted in his scientific article "On agriculture in the Tokraun, Kotan-Bulak and West-Balkhash volosts of the Karkaraly district", published in 1889 ([A.N., 1889](#)). This scientific work served as the basis for A.N. Bukeikhan's referral in 1890 to continue his studies at the St. Petersburg Imperial Forestry Institute. In connection with this, the director of the school N.E. Dobrokhotoy addressed a petition to the Karkaraly district chief, where he asked to continue issuing a stipend of 200 rubles from Kazakh societies to the student Nurmukhamedov and petitioned for his admission to a higher educational institution ([IAOO. F. 43. Op. 1. D. 942. L. 15](#)).

During his studies in Omsk and St. Petersburg, Alikhan Bukeikhan established contacts with such outstanding Russian scholars as G. Potanin, S. Shvetsov, V. Bartold and V. Radlov. In addition to excellent knowledge of the main subjects, he also studied Western philosophy, Russian classics and jurisprudence. Bukeikhan translated into Kazakh the philosophical reflections of L. Tolstoy, whom he called "the last

prophet", and corresponded with the writer V. Korolenko. In 1894, he successfully passed the exams and received a diploma, according to which he was "awarded the title of a second-class scientist forester with all the rights and benefits of actual students of Russian universities" (TsGIA SPb. F. 994. Op. 4. D. 910. L. 33).

After graduating from the Forestry Institute (St. Petersburg), from September 1894 to February 1895 he worked as part of the so-called "Tobolsk Expedition," which investigated the situation of settlers in the Yalutarsky District of the Tobolsk Governorate (Novyy entsiklopedicheskiy slovar', 1912: 452; Kazakhs, 1985: 15; Shvetsov, 1930: 110). Then, in September 1895, A.N. Bukeikhan went to Omsk. Bukeikhan was brought by another expedition, equipped to study the situation of settlers in the steppe regions by order of the owner of the Kyshtym factories in the Urals, a certain Polovtsev (Shvetsov, 1930: 110). However, after an unsuccessful attempt to get a job in one of the settler parties in the Steppe Region, he submitted a petition to the director of the Forestry Department of the Ministry of Agriculture and State Property, in which he expressed a desire to join the forestry department. Thus began his career in Omsk with the position of assistant forester of the Omsk forestry department of the Akmola region – teacher of the forestry school (RGIA. F. 387. Op. 24. D. 1307. L. 51).

From this time onwards, his activities in the WSD IRGS began. From that time on, his activities in began. As is known, this department was formed on June 30 (July 12), 1877, on the initiative of the Governor-General of Western Siberia N.G. Kaznakov, based on the Society for the Study of the Siberian Region. The department's tasks included a comprehensive historical and geographical study of Western Siberia and the adjacent regions of the Steppe Region (Buktugutova, 2007: 84-88). Over the years, such outstanding researchers of Siberia and the Kazakh Steppe Region as K.A. Verner, K.P. Gorshenin, P.L. Dravert, G.N. Potanin, T.I. Sedelnikov, M.A. Usov, I.N. Shukhov, N.M. Yadrintsev and others.

Alikhan Bukeikhan actively participated in the activities of the department, including at meetings of the general meeting of members, where issues of construction of the Omsk-Tashkent railway were considered for the purpose of further colonization of the Steppe region. Today, it is little known that the construction of the once famous Turkestan-Siberian Railway (Turksib), built in 1926–1931 to connect Central Asia with Siberia, was planned back in the mid-1890s under Tsarist Russia. It is important to emphasize that such an idea arose in connection with the adoption of temporary regulations on governance in the Semirechye and Syr Darya regions (1867) and in the steppe regions of the Orenburg and West Siberian Governorate General (1868), according to which all originally Kazakh territories were recognized as "the property of the Russian treasury."

Thus, one of the Omsk-Tashkent projects, as the most convenient and therefore the most probable, arose immediately after the commissioning of the Kurgan-Omsk section of the West Siberian Railway in 1894. On the initiative of Prince Nikolai Ignatiev, president of the Society for the Promotion of Russian Industry and Trade, the idea of building a highway was first discussed in St. Petersburg in December 1895, where, according to its author K.N. Mikhailov, it found general approval. Then, at the personal request of the chairman of the West Siberian Railway General G. Katanaev, on January 30, 1896, the same K.N. Mikhailov made a report "on connecting Omsk with Tashkent by rail, in the direction of the Kuucheku (Kushoky) coal deposits, from there along the Karkaralinsky district to the western shore of Lake Balkhash and further across the river. Chu and Tashkent already at the meeting of the members of the WSD IRGS in Omsk (Bukeikhan, 2016: 107).

Judging by the publication of the minutes of this meeting of the WSD IRGS in the periodical press, the construction of the Omsk-Tashkent highway was given strategic importance. We emphasize that the publication of the minutes of the meetings of the WSD IRGS in the press had never been practiced before this case. Reports on the activities of the department were regularly published in Izvestia and Zapiski of the WSD IRGS, occasionally - as a separate brochure. But this time the tradition was broken – the report of the meeting of January 30, 1896 was published in three February issues of the newspaper "Stepnoi Krai" under the title "Meeting of the members of the West Siberian Department of the Geographical Society" (No. 10, 12, 14), as well as in the April issues of the newspaper "Sibirsky Vestnik" (No. 88, 89).

In his report, K.N. Mikhailov reported that the issue of building a railway to Turkestan had been raised more than once. A total of three similar projects had been proposed. The first project proposed extending the main line from Chelyabinsk through the Turgai region, a distance of 1,720 versts; the second route – from Petropavlovsk to Kokchetav, Atbasar, through the Golodnaya Steppe, to Chimkent and Tashkent, a distance of 1,475 versts; and the third – "from Omsk straight to the south, through the Kuu-cheku (Kushoky – Auth.) tract in the Karkaraly district (Semipalatinsk region), along the western side of Lake Balkhash and further to Tashkent" (Stepnoi krai, 1896: 3-4). In his report, K.N. Mikhailov also outlined the main strategic goal of the construction of the Omsk-Tashkent highway: "With the construction of a railway here, not only would mining develop rapidly, but the colonization of the region would also quickly move forward" (Stepnoi krai, 1896a: 3-4).

K.N. Mikhailov's report was accompanied by lengthy debates, in which the active members of the WSD IRGS participated, including scientists Schmidt, Morozov, Korolev and others (Stepnoi krai, 1896b: 1-2). A. Bukeikhan also spoke in the debates on the report "with his authoritative reports and information about the nature of the Karkaraly district, due to which the railway for the population of the Kazakh steppe could be a destroyer of the people's well-being..." (Korrespondentsiya..., 1896: 3). He argued that the railway, while

raising local industry, could simultaneously ruin the population. At the same time, foreseeing the negative consequences of a new wave of colonization after the construction of the railway, he tried in every way to reduce the attractiveness of the region, noting that "on the western shore of Lake Balkhash known to him there is no life, where in the summer only lizards and other reptiles raise columns of dust in search of water" (*Korrespondentsiya...*, 1896a: 3). Under pressure from opponents, the author of the project was forced to agree with many arguments, in connection with which A. Bukeikhan noted: "We have just heard from the speaker a thorough criticism of the routes: Chelyabinsk – Tashkent and Petropavlovsk – Tashkent. Now from the debate it became clear that the Omsk – Tashkent route, as the speaker himself repeatedly agreed with his opponents, is just as useless!" (*Bukeikhan*, 2016: 117-118).

Thus, the closure of the Omsk-Tashkent project, with the active assistance of Alikhan Bukeikhan, stopped the wave of resettlement colonization and settlement of the land of Kazakhstan by landless peasants from the internal provinces of Russia, resumed after the October Revolution. It is important to emphasize that later, when defining the borders of Kazakhstan and the RSFSR, the leaders of the Soviet government put at the forefront not the belonging of certain territories to the Kazakh people from a historical point of view, but the ratio of the ethnic composition of the population at that time, that is, they took advantage of the "fruits" of that very resettlement colonization of the tsarist regime. What dividends the Siberian Railway alone brought to colonial Russia are evidenced by two historical facts. One of them concerns the history of the settlement of the Omsk district of the Akmola region, now the Omsk region of the Russian Federation, by settlers, the second - the Kustanai and Aktobe districts of the Turgai region, or the Kustanai and Aktobe regions of independent Kazakhstan.

In September 1896, Alikhan Bukeikhan was elected as a full member of the WSD IRGS in Omsk, and already in the following year, 1897, he was invited to work on an expedition led by F.A. Shcherbina, organized by the Ministry of Agriculture and State Property (hereinafter referred to as MASP) (*Nasha zhizn'*, 1906: 3). According to the letter of the manager of the MASP office dated May 30, 1897, A. Bukeikhan was "assigned to the Ministry on May 29, remaining in the forestry corps and assigned to the head of the expedition for natural history and economic statistics research of the steppe regions" (*RGIA. F. 387. Op. 24. D. 1307. L. 36-36ob.*). According to the testimony of statistician Lev Karlovich Chermak, another member of Shcherbina's expedition, "when the expedition for the study of the Steppe regions was organized, he took an active part in its work and, having received leave, went to research in the steppe, and then left the service in the Forestry Department and devoted himself entirely to the work of collecting materials on the Kyrgyz economy, and then to their processing" (*RGALI. F. 1337. Op. 2. D. 67. L. 83-85*).

For his work as part of the Shcherbina expedition in 1897-1901, Alikhan Bukeikhan received high praise from the famous Russian scientist S.P. Shvetsov. He noted the high quality of the work produced by A. Bukeikhan in the expedition, which demonstrated deep knowledge and understanding of the Kazakh economy, objectivity and the ability to critically evaluate complex phenomena of the Kazakh economy (*Shvetsov*, 1930). In addition to surveying the Kazakh economy, he took part in the analysis and development of the collected statistical material. The Shcherbina expedition laid the first foundations for a systematic study of the nature of Kazakhstan from the point of view of the national economy, and in this regard, A.N. Bukeikhan occupies one of the honorable places. In addition, A.N. Bukeikhan was the first to develop materials on the history of the land community, which was first systematically studied by the Shcherbina expedition.

After Shcherbina's expedition, in 1902-1903 A. Bukeikhan took part in a statistical and economic study of Kazakh livestock farming in the area of the western section of the Siberian Railway from Chelyabinsk to Tomsk under the leadership of S.P. Shvetsov. Based on the results of the research, he published fundamental scientific articles on the specifics of Kazakh sheep and cattle breeding using cattle in the northern part of Kazakhstan as an example in two issues of a collection of materials on the economic survey of the areas of the Siberian Railway (*Bukeikhanov*, 1904, 1905).

The activities of A.N. Bukeikhan in the West Siberian Branch of the IRGO during the Omsk period of his life can be called multifaceted and very fruitful. He actively participated in department meetings, gave reports, participated in debates on reports of other researchers, compiled explanatory notes, and published in periodicals on issues, especially concerning the history, culture, and traditions of the Kazakh people, their national economy, nature, and climate of the Steppe region (*IAOO. F. 86. Op. 1. D. 77. L. 8, 85-86ob.*). He often published in periodicals with critical analyses of reports by various researchers of the Kazakh region (*Bukeikhanov*, 1896: 2; *V Zapadno-Sibirskom Otdel...*, 1897: 2-3).

From the works of A.N. In Bukeikhan's works on the history of the Kazakh people and their national statehood, it is worth noting the essay "Istoricheskiye sud'by Kirgizskago kraya i kul'turnyya yego uspekhi" (Historical destinies of the Kirghiz region and its cultural successes) (*Bukeikhanov et al.*, 1903: 156-175), the articles "Iz perepiski khana Sredney Kirgizskoy ordy Bukeya i yego potomkov" (From the correspondence of the Khan of the Middle Kirghiz Horde Bukey and his descendants) (*Bukeikhanov*, 1901a: 1-18), "Iz perepiski Kirgizskikh khanov, sultanov i pr. pr." (From the correspondence of Kyrgyz khans, sultans, etc.) (*Bukeikhanov*, 1901: 55-79), works on Kazakh folklore – "Zhenshchina po kirgizskoi byline "Koblandy" (A woman based on the Kyrgyz epic «Koblandy») (*Tuzemets*, 1899: 2-3), ethnography "O kirgizskikh pominkakh" (About the Kirghiz funeral feast) (*Bukeikhanov*, 1900, No. 7-8), economy "Svedeniya o kirgizskom khozyaystve Stepnogo kraya ot 15 yanvarya 1902 g." (Information on the Kirghiz economy of the

Steppe region from January 15, 1902) (Bukeikhanov, 1902), “Ob arychnom zemledelii u kirgiz Karkaralinskogo uyezda” (On irrigation ditch agriculture among the Kirghiz of the Karkaralinsky district) (Bukeikhanov, Chermak, 1903: 2), and many others. etc.

His election in 1901 as a member of the Administrative Committee of the WSD IRGS was an unconditional recognition of his multifaceted scientific activity in the study of history, economics, ethnography, folklore of the Kazakh people, the land, flora and fauna of Kazakhstan, another high assessment of his work as part of the Shcherbina expedition. He took part in the ceremonial meeting of the WSD IRGS on October 25, 1902 on the occasion of its 25th anniversary in the museum building in Omsk.

Since 1900, A.N. Bukeikhan combined his activities in the WSD IRGS with work in the Omsk department of the Imperial Moscow Society of Agriculture (hereinafter referred to as OD IMSA, or the Omsk department. – Auth.), acting as one of its founders and leaders. OD IMSA was established in November 1899 in Omsk on the initiative of a group of political exiles with K.A. Werner, headed by the local liberal intelligentsia, in the vanguard of which was Alikhan Bukeikhan. OD IMSA began its practical activities on November 24, 1900. The goal of the Omsk department was to promote the development of agriculture on cultural principles in Western Siberia and the Steppe region. In 1903, A.N. Bukeikhan published an obituary article in the report of the WSD IRGS for 1902 on the occasion of the untimely death of professor, one of the founders and head of the Omsk department of the IMSA K.A. Werner (Bukeikhanov, 1903: 36-39).

In 1902, A.N. Bukeikhan, being a member of the Administrative Committee of the Legislative Assembly of the IRGO, organized a congress of dairy farms and dairy industry figures, an exhibition of dairy products and dairy farming accessories at the Omsk Department of the IMSA (IAOO. F. 119. Op. 1. D. 9. L. 19-190b.). In 1904, Alikhan, as one of the leaders of the Omsk department, participated in the work of the Congress of Dairy and Livestock Farming Figures in Omsk. At the congress, he was elected to the presidium and delivered a detailed report on the problems of developing butter-making cooperatives among Kazakh cattle breeders and improving the breeds of Kazakh sheep, horses and cows. In addition, A.N. Bukeikhan contributed to the spread of dairy and butter production among the Kazakhs of the Akmola and Semipalatinsk regions, calling on them to unite into artels and cooperatives against unscrupulous entrepreneurs from among the rich Kazakh cattle breeders (Syn stepei, 1900: 4; Syn stepei, 1900a: 3). Materials on the activities of the Omsk department of the IMSA for 1905-1906 have not survived at all, having probably been destroyed during the reign of the reactionary government of P.A. Stolypin.

The revolutionary wave of 1905-1907 did not bypass the WSD IRGS and IMSA: they were included in the number of seditious organizations, some of their members were later expelled from the Steppe region. For example, Alikhan Bukeikhan was sentenced by the court of special presence of the St. Petersburg judicial chamber on charges of signing and distributing the Vyborg appeal in protest of the violent dissolution of the First State Duma in 1906 to 3 months in prison, but by order of the Steppe Governor-General I. Nadarov, he actually spent 8 months in the Semipalatinsk prison. After his release from prison, in order to avoid political exile, he was forced to leave his native Steppe region for St. Petersburg, and then for Samara. Thus ended his 13-year activity in the ranks of the WSD IRGS in Omsk. His last scientific works as a full member of the WSD IRGS were “Abay (Ibragim) Kunanbayev. Nekrolog” (Abay (Ibrahim) Kunanbayev. Obituary) (Bukeikhanov, 1907: 1-8), “Spisok obam na reke Slety v Korzhunkul'skoy volosti Akmolinskogo uyezda” (List of obams on the Sletya River in the Korzhunkulskaya volost of the Akmola district) (Bukeikhanov, 1907a: 9-10) and others (Bukeikhanov, 1908: 46).

In general, Alikhan Bukeikhan's participation in the work of the West Siberian Department of the Geographic Society laid the foundations for his socio-political and scientific activities. During the turning points of the First World War and the Revolution, he, along with active political activity, continued to engage in research work on a systematic basis, devoting his works to the history, ethnography and literature of the Kazakh people (Kozybayeva et al., 2024: 1968).

5. Conclusion

Alikhan Bukeikhan's activities in the WSD IRGS played an important role in the study of Kazakhstan and its features, including ethnography, economy and natural resources. Bukeikhan not only actively participated in expeditions, but also contributed to the integration of the Kazakh people into the scientific community, drawing attention to issues of their social and economic situation. His works, including maps and reports, became the basis for further research and analysis. Despite the difficult political conditions of that time, Bukeikhan continued to fight for the rights of his people, using scientific methods to substantiate his position. Thus, his activities as part of the Geographical Society had a significant impact on the development of geographical and ethnographic science in Russia and Kazakhstan, as well as on public consciousness regarding nomadic peoples and their fate in the context of imperial policy.

6. Acknowledgments

This scientific article was prepared with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (program No. BR24993173).

References

- A.N., 1889** – A.N. O zemledelii v Tokraunskoy, Kotan-Bulakskoy i Zapadno-Balkhashskoy volostyakh Karkaralinskogo uyezda. [On agriculture in the Tokraun, Kotan-Bulak and West Balkhash volosts of the Karkaralinsk district]. *Osoboye «pribavleniye» k «Akmolinskim oblastnym vedomostyam»*. 1889. № 41, 13 oktyabrya. Pp. 4-6 (nachalo); № 42, 20 oktyabrya. Pp. 3-4 (okonchaniye). [in Russian]
- Abselemov, 2018** – Abselemov, S.A. (2018). Rol' Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva v stanovlenii rossiyskoy istoriografii kolonizatsii Stepnogo kraya vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [The role of the West Siberian Department of the Imperial Russian geographical society in the formation of Russian historiography of the colonization of the steppe region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskiye nauki»*. 4(20): 100-106. [in Russian]
- Akkuly, 2017** – Akkuly, S. (2017). Alikhan Bokeykhan. Kazakh Zherin Zhokshysy. [Alikhan Bokeykhan. The poor man of the Kazakh land]. In 2 volumes. Astana: "Alashorda", 2017. T. 1. 802 p. [in Kazakh]
- Amanzholova, 2009** – Amanzholova, D. (2009). Na izlome. Alash v etnopoliticheskoy istorii Kazakhstana [At the break. Alash in the ethno-political history of Kazakhstan]. Almaty: Izdatel'skiy dom «Taymas», 412 p. [in Russian]
- Asylbekov, Seitov, 2003** – Asylbekov, M.K., Seitov, E.T. (2003). Alikhan Bukeykhan – obshchestvenno-politicheskiy deyatel' i uchenyy [Alikhan Bukeykhan is a social and political figure and scientist]. Almaty, 148 p. [in Russian]
- Bennigsen, 1986** – Bennigsen, A. (1986). Soviet Minority Nationalism in Historical Perspectives. In: *The Last Empire: Nationality and the Soviet Future*, edited by Robert Conquest. Stanford: Hoover Institution Press. Pp. 131-150.
- Bokeykhan, 2016** – Bokeykhan, A. (2016). Shygarmalary – Sochineniya [Works]. In 15 volumes. Astana: "Saryarka" baspasy. T. 1. 608 p. [in Kazakh, Russian]
- Bukeikhanov et al., 1903** – Bukeikhanov, A.N. et al. (1903). Istoricheskiye sud'by Kirgizskago kraya i kul'turnyya yego uspekhi [Historical destinies of the Kirghiz region and its cultural successes]. Rossiya. Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechestva. SPb. T. XVIII. Pp. 156-175. [in Russian]
- Bukeikhanov, 1896** – Bukeikhanov, A. (1896). Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor]. *Stepnoi krai*. Omsk. № 39. 23 maya. P. 2. [in Russian]
- Bukeikhanov, 1900** – Bukeikhanov, A. (1900). O kirgizskikh" pominkakh. [About the Kirghiz funeral feast]. *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. Omsk. № 7, 20 fevralya, №8, 27 fevralya. [in Russian]
- Bukeikhanov, 1901** – Bukeikhanov, A. (1901). Iz perepiski Kirgizskikh khanov, sultanov i pr. pr. [From the correspondence of Kyrgyz khans, sultans, etc.]. *Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoy oblasti na 1902 god*. Vyp. № 6. Semipalatinsk. Pp. 55-79. [in Russian]
- Bukeikhanov, 1901a** – Bukeikhanov, A. (1901). Iz perepiski khana Sredney Kirgizskoy ordy Bukeya i yego potomkov. [From the correspondence of the Khan of the Middle Kirghiz Horde Bukey and his descendants]. *Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoy oblasti na 1901 god*. Vyp. № 5. Semipalatinsk. Pp. 1-18. [in Russian]
- Bukeikhanov, 1902** – Bukeikhanov, A. (1902). Svedeniya o kirgizskom khozyaystve Stepnogo kraya ot 15 yanvarya 1902 g. [Information on the Kirghiz economy of the Steppe region from January 15, 1902]. *Otpechatano po postanovleniyu Omskogo otdela Imperatorskogo moskovskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva*. Omsk: Tipografiya Shtaba Sibirskogo voyennogo okruga. 52 p. [in Russian]
- Bukeikhanov, 1903** – Bukeikhanov, A. (1903). Konstantin Antonovich Verner (Nekrolog) [Konstantin Antonovich Verner (Obituary)]. *Otchet Zapadno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva za 1902 god*. Omsk, 1903. Pp. 36-39. [in Russian]
- Bukeikhanov, 1907** – Bukeikhanov, A. (1907). Abay (Ibragim) Kunanbayev. Nekrolog. [Abay (Ibrahim) Kunanbayev. Obituary]. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vyp. № 3. Semipalatinsk. Pp. 1-8. [in Russian]
- Bukeikhanov, 1907a** – Bukeikhanov, A. (1907). Spisok obam na reke Slety v Korzhunkul'skoy volosti Akmolinskogo uyezda [List of obams on the Slety River in the Korzhunkulskaya volost of the Akmola district]. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Vyp. № 3. Semipalatinsk. Pp. 9-10. [in Russian]
- Bukeikhanov, 1908** – Bukeikhanov, A. (1908). Bibliografiya. XXXIII kn. «Zapiski Zapadno-Sibirskogo Otdela I.R.G.O.» g. Omsk, 1907 g. [Bibliography. Book XXXIII of "Notes of the West Siberian Department of the I.R.G.O." Omsk, 1907]. *Sibirskiy voprosy*. SPb. № 10. P. 46. [in Russian]
- Bukeikhanov, Chermak, 1903** – Bukeikhanov, A., Chermak, L. (1903). Ob arychnom zemledelii u kirgiz Karkaralinskogo uyezda. [On irrigation ditch agriculture among the Kirghiz of the Karkaralinsk district]. *Vostochnoye obozreniye*. Irkutsk. № 76, 1 aprelya. P. 2. [in Russian]
- Bukeykhanov, 1904** – Bukeykhanov, A.N. (1904). Ovtsevodstvo v Stepnom kraye [Sheep breeding in the Steppe region]. *Materialy po ekonomicheskoyu obsledovaniyu rayonov Sibirskoy zheleznoy dorogi. Zhivotnovodstvo*. Vyp. № 1. Ovtsevodstvo v rayone Zapadnogo uchastka Sibirskoy zheleznoy dorogi. Tomsk. Pp. 17-102. [in Russian]
- Bukeykhanov, 1905** – Bukeykhanov, A.N. (1905). Skotovodstvo (krupnyy rogayyy skot) [Cattle breeding (cattle)]. *Materialy po ekonomicheskoyu obsledovaniyu rayonov Sibirskoy zheleznoy dorogi*.

Zhivotnovodstvo. Vyp. ÍÍ. Skotovodstvo v rayone Zapadnogo uchastka Sibirskoy zheleznoy dorogi. Tomsk. Pp. 1-32. [in Russian]

[Buktugutova, 2007](#) – *Buktugutova, R.S.* (2007). Rol' Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva v razvitii kul'turnykh svyazey russkogo i kazakhskogo narodov (konets XIX – nachalo XX v.) [The role of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society in the development of cultural ties between the Russian and Kazakh peoples (late 19th – early 20th centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 296: 84-88. [in Russian]

[Gorelova, 2003](#) – *Gorelova, Yu.R.* (2003). Deyatel'nost' Zapadno-Sibirskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva v kanun 25-letnego yubileya v otsenkakh sovremennikov [Activities of the West Siberian department of the Imperial Russian geographical society on the eve of the 25th anniversary in the assessments of contemporaries]. *Katanayevskiye chteniya: sb. nauch. tr., posvyashch. voyen. administratoru i uchenomu general-leytenantu G. Ye. Katanayevu (1848–1921)*. Omsk: OmGPU. Pp. 176-181. [in Russian]

[IAOO](#) – Istoricheskiy arkhiv Omskoy oblasti [Historical archive of Omsk region].

[Kamzabekuly, 2002](#) – *Kamzabekuly, D.* (2002). Alash zhane adebiyet [Alash and literature]. Astana: «Foliant», 474 p. [in Kazakh]

[Kazakhs..., 1985](#) – *Kazakhs on Russians Before 1917*. A. Bukeykhanov, M. Dulatov, A. Baytursyn, T. Ryskulov. Oxford: The Society for Central Asian Studies. 1985. 96 p.

[Korrespondentsiya..., 1896](#) – *Korrespondentsiya «Sibirskogo vestnika»* [Correspondence of the Siberian Herald]. *Sibirskiy vestnik*. Tomsk, 1896, № 88, 20 aprelya. P. 3. [in Russian]

[Korrespondentsiya..., 1896a](#) – *Korrespondentsiya «Sibirskogo vestnika»* [Correspondence of the Siberian Herald]. *Sibirskiy vestnik*. Tomsk, 1896, № 89, 21 aprelya. P. 3. [in Russian]

[Koygeldiyev, 2008](#) – *Koygeldiyev, M.* (2008). Alash kozgalysy. [Alash movement]. Birinshi tom. Öñdelip, tolyk tyrylgan yekinishi basylymy. Almaty: Mektep, 480 p. [in Kazakh]

[Kozodoy, 2021](#) – *Kozodoy, V.I.* (2021). Alikhan Bukeikhanov: chelovek-epokha [Alikhan Bukeikhanov: man-era]. Novosibirsk, 312 p. [in Russian]

[Kozybayeva et al., 2024](#) – *Kozybayeva, M.M., Sarmanova, S.R., Maslov, Kh.B., Zhuniskhanov, A.S.* (2024). Charity Activities of the Kazakh Population during the First World War. *Bylye Gody*. 19(4): 1967-1974. DOI: 10.13187/bg.2024.4.1967

[Nasha zhizn', 1906](#) – *Nasha zhizn'*. SPb, 1906, № 477, 21 iyunya. P. 3. [in Russian]

[Novyy entsiklopedicheskiy slovar', 1912](#) – *Novyy entsiklopedicheskiy slovar'* [New Encyclopedic Dictionary]. Pod obshch. red. akad. K. K. Arsen'yeva. SPb.: Izd-vo F. A. Brokgauz i I. A. Yefron, 1912. T. 8. P. 452. [in Russian]

[Nurpeisov, 1995](#) – *Nurpeisov, K.* (1995). Alash ham Alashorda [Alash and Alashorda]. Almaty: «Atatek», 256 p. [in Kazakh]

[Olcott, 1987](#) – *Olcott, M.B.* (1987). The Kazakhs. Stanford, Calif.: Hoover Institution, 341 p.

[Plotnikov, 1994](#) – *Plotnikov, A.E.* (1994). Iz istorii sozdaniya i deyatelnosti v Omske Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva (1877–1917 gg.) [From the history of the creation and activity of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society in Omsk (1877-1917)]. *Stranitsy istoricheskogo proshlogo Omska (XIX – nachalo XX vv.): kraeved. sb.* Omsk: [b. i.]. Pp. 52-63. [in Russian]

[RGALI](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva [The Russian State Archive of Literature and Art].

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

[Sarmanova et al., 2022](#) – *Sarmanova, S.R., Kozybayeva, M.M., Maslov, K.B.* (2022). Alikhan Bukeikhan and the development of the ethnic identity of the Kazakhs. *Electronic scientific journal "edu.e-history.kz"*. 3(31): 249-256.

[Shaimukhanova i dr., 2016](#) – *Shaimukhanova, S.D., Erdenbekova, Zh.S., Muratbekkyzy, B.* (2016). Vklad Alikhana Bukeikhanova v politicheskuyu i nauchno-issledovatel'skuyu deyatelnost' Kazakhstana [Alikhan Bukeikhanov's contribution to political and scientific research activities in Kazakhstan]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 5–2: 330-333. [in Russian]

[Shilovskii, 2017](#) – *Shilovskii, M.V.* (2017). A.N. Bukeikhanov ob osnovnykh tendentsiyakh politicheskogo i sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya kazakhskogo obshchestva v kontse XIX – nachale XX vv. [A.N. Bukeikhanov on the main trends in the political and socio-economic development of Kazakh society in the late nineteenth and early twentieth centuries]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Irkutsk. T. 19. Pp. 58-70. [in Russian]

[Shishkin, 2009](#) – *Shishkin, V.I.* (2009). Bukeikhanov A.N. [Bukeikhanov A.N.]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri*. A–I. Novosibirsk. P. 258. [in Russian]

[Shvetsov, 1930](#) – *Shvetsov, S.P.* (1930). Omskaya gazeta «Stepnoi krai» i politicheskaya ssylka. K istorii sibirskoi pechati. [Omsk newspaper "Steppe Region" and political exile. Towards the history of the Siberian press]. *Severnaya Aziya, Moskva*. 1: 100-118. [in Russian]

[Skopa, 2015](#) – *Skopa, V.A.* (2015). Sotsiokul'turnye issledovaniya i statisticheskie raboty Altaiskogo i Semipalatinskogo podotdelov Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo

obshchestva v kontse XIX – nachale XX v. [Socio-cultural research and statistical work of the Altai and Semipalatinsk sub-departments of the West Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in the late 19th – early 20th centuries]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2–2. [in Russian]

[Stepnoi krai, 1896](#) – Stepnoi krai [Steppe region]. Omsk, 1896. № 10, 8 fevralya. Pp. 3-4. [in Russian]

[Stepnoi krai, 1896a](#) – Stepnoi krai [Steppe region]. Omsk, 1896. № 12, 11 fevralya. Pp. 3-4. [in Russian]

[Stepnoi krai, 1896b](#) – Stepnoi krai [Steppe region]. Omsk, 1896. № 14, 18 fevralya. Pp. 1-2. [in Russian]

[Syn stepei, 1900](#) – Syn stepei. Korrespondentsiya iz Petropavlovsk [Correspondence from Petropavlovsk]. *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. Omsk, 1900. № 9. 12 marta. P. 4. [in Russian]

[Syn stepei, 1900a](#) – Syn stepei. Snyatoe moloko kak sredstvo protiv vymiraniya Kirgiz [Skimmed milk as a remedy against the extinction of Kyrgyz]. *Kirgizskaya stepnaya gazeta*. Omsk, 1900. № 14. 30 aprelya. P. 3. [in Russian]

[Tolochko, 2003](#) – Tolochko, A.P. (2003). Rol' Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva v issledovanii Stepnogo kraya (konets XIX – nachalo XX v.) [The role of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society in the study of the Steppe Region (late – early twentieth century)]. *Stepnoi krai Evrazii: istoriko-kul'turnye vzaimodeistviya i sovremennost': Tezisy dokladov i soobshchenii III nauchnoi konferentsii*. Astana; Omsk; Tomsk. P. 98. [in Russian]

[TsGIA SPb](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of Saint Petersburg].

[Tuzemets, 1899](#) – Tuzemets. Zhenshchina po kirgizskoi byline «Koblandy». [A woman based on the Kyrgyz epic «Koblandy»] – *Turkestanskije vedomosti*. Tashkent, 1899. 09. 20.05 – 03.06. Pp. 2-3. [in Russian]

[V Zapadno-Sibirskom Otdele..., 1897](#) – V Zapadno-Sibirskom Otdele Geograficheskogo obshchestva. [In the West Siberian Department of the Geographical Society]. Stepnoi krai. Omsk, 1897. № 29, 21 marta. Pp. 2-3. [in Russian]

[Zhurtbay, 2008](#) – Zhurtbay, T. (2008). Uranym Alash [My motto is Alash]. Almaty: “Elshezhire”, 472 p. [in Kazakh]

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 968-979
DOI: 10.13187/bg.2025.2.968

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Professional and Social Activities of Kazakh Employees of the Orenburg Region in the second half of the XIX – early XX centuries

Aidar Aitmukhambetov^a, Serikzhan Ismailov^{a, *}, Tobol Zhandauletov^a, Sergey Simonov^b

^a Kostanai Regional University named after Akhmet Bayursynuly, Kostanai, Republic of Kazakhstan

^b Kostanai Academy of the Ministry of Internal Affairs named after Sh. Kabyibaev, Kostanai, Republic of Kazakhstan

Abstract

The crossroads period of XIX – early XX centuries became one of the turning points in the history of the Kazakh people, when a whole pleiad of intellectuals, who devoted their activities to the development of their own people, were nominated from their environment. A category of Kazakh employees was formed, who occupying certain positions in the system of administration, showed themselves as conscientious workers, which is reflected in their characteristics. Being on administrative work, these employees start realization of their own projects on development of education, economy and in other social spheres. This initiative was included in the orbit of their public activities, which required certain intellectual, financial, organizational and other expenses. For example, the famous educator I. Altynsarin devoted himself to the organization of the education system for the Kazakh population, receiving support from various social strata of society. Such ascetic activity was based on the realization of the evolutionary path of development, with the main financial resources coming from the patronage initiative of the local population, which actively participated in such actions.

Subsequently, many graduates of the schools organized by Altynsarin established themselves in the pedagogical field, becoming well-known in the professional and public spheres. Some of his students become a number of patrons of the arts, supporting or creating social projects on a permanent basis.

One of the interesting personalities of the period under study was M. Karabayev, a professional doctor who volunteered to go to Yakutia to fight an epidemic, for which he received public recognition among the local population. Thus, Kazakh employees were an example not only in professional, but also in social activities.

Keywords: employees, professional activity, patrons of the arts, Orenburg, Turgai, teacher, charity, public activity, doctor, lawyer.

1. Введение

Оренбургский регион играет значительную роль во взаимосвязях между Россией и Казахстаном на протяжении длительного времени. Во второй половине XIX в., являясь местом управления Казахской степью, Оренбург выполнял функции административного, торгового, культурного и образовательного центра. Казахские служащие, которые получили образование в различных учебных заведениях Российской империи, включались в состав административного или военного корпуса, выполняя разнообразные поручения в соответствии со своим управленческим статусом.

Большинство казахских управленцев, помимо профессиональной деятельности, занимались общественной, что положительно сказывалось на их личном авторитете среди населения. Подвижность административных служащих концентрировалось в оказании помощи талантливым

* Corresponding author

E-mail addresses: aidar_abaiv4@mail.ru (A. Aitmukhambetov), ismailov_7777@mail.ru (S. Ismailov), tobol_804@mail.ru (T. Zhandauletov), simonovsw@mail.ru (S. Simonov)

юношам при поступлении в учебные заведения или при определении места работы при существовавшей в исследуемый период распределительной системе. Также они выполняли роль мировых судей, меценатов и принимали активное участие в социальных проектах в области образования, сельского хозяйства, строительства различных социально значимых объектов.

Известно, что казахский просветитель И. Алтынсарин после получения образования работал письмоводителем, позже состоял на службе в областном управлении и, по истечении определённого времени, посвятил себя учительской стезе. В конце XIX – начале XX в. многие из числа казахских специалистов совмещали профессиональную деятельность и служение народу, пытаясь внедрить передовые практики в жизнь своих земляков.

Таким образом, административные служащие собственным примером старались показать, что образованная персоналия способна принести своему народу огромную пользу, используя личный положительный опыт. Такие специалисты реализовывали себя на различном поприще, часто не соответствовавшем их основной специальности.

2. Материалы и методы

В ходе нашего исследования было выявлено определённое количество документов в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Республика Казахстан), Российском государственном историческом архиве (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Национальном архиве Республики Татарстан (НА РТ) (Казань, Российская Федерация). Вышеупомянутые архивы в собственных фондах содержат большой объём информации, которая позволяет нам собрать интересную мозаику документов, раскрывающих профессиональную и общественную деятельность казахских служащих. Наиболее многочисленный комплекс документации хранится в ЦГА РК, где сосредоточены различные документы, позволяющие нам судить о служебных и карьерных движениях. Подобные дела достаточно чётко характеризуют службу казахских специалистов, так как в них фиксировались все их передвижения в качестве административных чиновников на территории Оренбургского региона. Необходимо отметить, что «Послужные списки», «Личные дела» персоналий дают достаточно интересную информацию, позволяющую исследователям проследить служебную карьеру казахских служащих. Одним из значимых источников являются «Адрес-календари» и «Справочные книжки». Данные исторические материалы служат отличным ориентиром по Тургайской области и в целом по Оренбургской губернии. Они содержат в себе актуализированную информацию, которая служит информативной базой для определения места проживания человека, его профессиональной деятельности и др.

В данной статье мы использовали принцип исторического анализа. Это позволяет провести глубокое исследование различных документов, что необходимо для тщательного научного изучения материала. Системный подход оказал большую помощь при определении места жительства казахских специалистов, их количественных и качественных характеристик, структурного состава, численных и профессиональных показателей исследуемых персоналий. В ходе проведения данного исследования авторы прибегли к методу сравнительного анализа. Это позволило группе исследователей более глубоко провести изучение общественной и профессиональной деятельности казахских служащих для измерения служебных характеристик. Методы измерения и описания позволяют авторскому коллективу сформировать более точное представление о некоторых аспектах общественной жизни казахских служащих. Это также способствовало более детальному рассмотрению их занятости вне профессиональной сферы, так как их относительно небольшое количество накладывало на них дополнительные обязательства по просветительской, благотворительной и иной деятельности. Поисковый метод позволил авторской группе обнаружить материалы в архивных учреждениях Казахстана и Российской Федерации, которые раскрывают нам интересные подробности из жизни казахских специалистов. Следует отметить, что личные дела, справочные книжки представляют большой интерес для исследователей изучаемого периода.

Таким образом, использованные нами методы и подходы позволили более детально рассмотреть профессиональную и общественную деятельность казахских служащих, актуализировав ряд достаточно интересных страниц из истории отдельных персоналий, действовавших на рубеже XIX – XX вв.

3. Обсуждение

Указанная проблематика рассматривалась некоторыми казахстанскими учёными, которые в разное время обращались к данному вопросу. Одним из первых, кто исследовал данное явление, был крупный казахский исследователь С. Зиманов. Его научный труд «Россия и Букеевское ханство» был посвящён истории Внутренней Орды, как её именовали в некоторых источниках. В данной работе при рассмотрении деятельности её правителя, хана Жангира, было выявлено, что при его непосредственном участии несколько казахских юношей получили достойное образование в российских образовательных учреждениях (Зиманов, 1982). Исследование С. Зиманова было издано в 1982 г.; при этом необходимо отметить, что автор показал правителя Букеевского ханства как явного прогрессиста.

Одним из учёных, рассматривавших данный вопрос, является Г. Султангалиева. Она в ходе работы с архивными материалами выявила более двух десятков казахских служащих, которые были выходцами из Оренбургской области (Султангалиева, 2002). Среди данного ряда уроженцев были выпускники Казанского, Санкт-Петербургского и других университетов.

Учёным, занимавшимся указанным вопросом, является Абжанов Х.М., который в своих работах осветил данную проблему. На основе архивных материалов он указал на определённые взаимосвязи при формировании и эволюции категории казахских интеллектуалов. В одной из своих работ (Абжанов, 2005) он акцентировал внимание на таких казахских деятелях, как Х. Досмухамедов, А. Букейханов и др. Упомянутые представители интеллигенции свою профессиональную и общественную деятельность посвятили защите интересов своего народа, внося вклад во многие сферы жизнедеятельности казахского общества.

Обучение казахской молодёжи в высших учебных заведениях в XIX – начале XX в. рассматривалось в статьях современных исследователей, таких как Айтмухамбетов А.А., Нурушева Г.К., Исмаилов С.С. и др. (Nurusheva et al., 2023, Aitmukhambetov et al., 2024). Данные авторы на основе изучения архивных материалов выявили несколько десятков казахских молодых людей, которые обучались в ведущих российских вузах, а позже проявили себя как высококвалифицированные специалисты в профессиональной и общественной сферах.

Одним из авторов, посвятивших значительный труд данной тематике, является О. Озганбай. Его работа «Государственная Дума России и Казахстан (1905 – 1917 гг.)» посвящена деятельности казахских депутатов в ходе работы законодательного органа Российской империи. Исследователем был дан подробный анализ работы политических деятелей из числа казахского населения, которые пытались отстоять интересы народа в Государственной Думе (Озганбай, 2000). Автор апеллировал к достаточно массивному архивному материалу, а также к творческому наследию казахских депутатов.

Следует отметить, что данная проблематика до сих пор является актуальной в исторической науке и нуждается в дальнейшем изучении.

4. Результаты

Во второй половине XIX – начале XX в. в Оренбургском регионе функционировали казахские служащие, которые были представлены профессиональными группами медиков, учителей, юристов, чиновников. Соответствующие специалисты являлись выпускниками семинарий, гимназий и университетов. Значительной известностью обладали врачи, которые имели статус дипломированных специалистов университетов. В частности, большой популярностью обладали М. Карабаев и А. Алдияров. Они являлись уроженцами Тургайской области. Характеризовались разным социальным происхождением. Карабаев вырос в обычной семье. В обществе сохранялись традиции меценатства. Известные казахские деятели инициировали мероприятия по сбору средств для оказания помощи подающим надежды юношам. Педагог Алтынсарин, который обладал непререкаемым авторитетом в регионе, неоднократно патронировал талантливую молодёжь. Именно он способствовал поступлению Карабаева в пансионат при гимназии в городе Троицке. По завершении гимназического курса Карабаев имел право поступления в вуз. В дальнейшем, по прошествии многих лет, врач Карабаев лечил своего учителя и наставника Алтынсарина. Алдияров относился к категории султанов. В исследуемый период султанство продолжало сохранять престижное значение в казахском обществе. Но в султанских семьях доминировало осознание необходимости адаптации к меняющейся действительности методом включения в функционировавшие административно-управленческие структуры. Одним из реальных факторов осуществления данной программы стал длительный процесс обучения с целью получения университетских знаний. Анализ численного соотношения казахских юношей, которые обучались в высших учебных заведениях в данное время, демонстрирует их высокий удельный вес на юридических факультетах в сравнении с другими специальностями. Выходцы из султанской среды в подавляющем большинстве выбирали юридические специальности. Алдияров и Карабаев академический курс обучения прошли на медицинском факультете Казанского университета. По завершении университета молодые специалисты вернулись в Тургайскую область, в которой на протяжении нескольких десятков лет работали в качестве врачей. Султан Алдияров, подобно своему коллеге Карабаеву, начал медицинскую практику с должности рядового врача.

Один из современников так описал уровень материального обеспечения и социального положения его отца, волостного правителя Алдиярова: «Таким образом, в лице Алдиярова ярко выразилось характеризующий настоящий строй киргизской (казахской) жизни соединение в одном классе политической власти и экономической силы, при чем последняя основывается сразу на крупном землевладении и на широком экстенсивно ведущем скотоводстве и на орудовании промышленным с прилагаемым к земледелию и торговым капиталом (характерная подробность, что всяких податей и повинностей Алдияров платил, по общественной раскладке на 1900 год, 26 р. 22 к)» (Отчёт ревизора..., 1901: 256).

С учётом хронической нехватки медицинских специалистов, казахским врачам предстояло перенести много трудностей в регионе, который характеризовался значительной протяжённостью,

неравномерным расселением населения, неразвитостью транспортной сети, суровостью климата, несовершенством медицинской инфраструктуры, периодическими вспышками инфекций. Молодые люди, с юношеских лет ставшие свидетелями профессиональной деятельности врачей, осознанно выбирали медицинское направление. Таким образом, они являлись показательным примером для последующих поколений казахской молодёжи, которые впоследствии посвятили свою жизнь медицине.

Алдияров Абубакир длительный период работал в Троицком уезде (Адрес-календарь, 1915). Карьера Мухамеджана Карабаева также началась в Тургайской области. В течение длительного времени он выполнял профессиональные обязанности в качестве врача I-го участка Иргизского уезда. Один из современников охарактеризовал Карабаева следующим образом: «... единственному на уезд врачу приходилось выезжать на погашение очагов острозаразных эпидемий, производить срочные хирургические операции, принимать тяжелые роды» (Познанский, Калашников, 1983: 117).

Медицинский штат сотрудников региона имел ограниченное количество. Медики продолжали функционировать при весьма скромном финансировании. По роду своей службы врачи участвовали в ликвидации социальных бедствий. Например, Карабаеву поручалось осуществлять медицинский анализ состояния населения многих населенных пунктов Кустанайского уезда, которые подверглись голоду (Медицина, 1907). Общий стаж работы Карабаева на медицинском поприще, с 1888 по 1927 г., составил около 40 лет. В период с 1911 по 1916 г. он проработал в Сибири. В это время в Якутии началась эпидемия инфекционных заболеваний. Преданный медицинскому долгу, казахский врач добровольно отправился в Якутию на долгие 5 лет. В Якутии Карабаев последовательно работал участковым врачом Верхоянского, а впоследствии Колымского уездов. В новом регионе он заслужил признательность местного якутского населения, которое характеризовалось лингвистическим и духовным родством с казахским. Биографический анализ казахских врачей резюмирует вывод об их командировках на территории Оренбургского региона и смежных областей. Вероятно, Карабаев являлся одним из немногих медиков, который длительный период действовал вне Тургайской области. По окончании сибирской эпопеи он вернулся в Оренбург. В этом городе компактно проживали многие казахские общественные деятели и служащие, которые руководствовались идеей эволюции общества. В 1916 г. он командирован в Петроград в качестве медицинского специалиста. Очевидно, в разгар Первой мировой войны актуализировалась задача привлечения врачей для работы в военных госпиталях и больницах.

С целью подготовки чиновничьих кадров в регионе осуществлялась программа внедрения новой системы образования. Постепенно формируется категория казахских педагогов, которые имели право работать учителями в школах, функционирование которых разрешалось официальным руководством. По причине нехватки квалифицированных сотрудников в аппарате административных учреждений частой являлась практика привлечения казахских учителей для выполнения делопроизводственных функций. Например, в 1863 г. учитель Оренбургской школы Мумин Байдусов был зачислен в штат переводчиков при местном правлении. Ранее эти функции выполнял служащий Алтынсарин.

Большую популярность в регионе приобрёл Ибрай Алтынсарин. Мировоззрение Алтынсарина формировалось под влиянием его могущественного деда, который в местной иерархии управления занимал достойные позиции. Алтынсарин, по окончании школы-интерната при Оренбургской пограничной комиссии, имел все основания заняться административной деятельностью. Его путь в управленческом корпусе начался в Тургайском уездном управлении. Молодой чиновник в звании хорунжего работал в качестве письмоводителя (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 35. Л. 97). Представители родовитых семей, как правило, начинали свою карьеру с низовых позиций. Но Алтынсарин не пожелал работать в административном секторе. Он уволился из управления и ушёл в педагогическую сферу. Очевидно, перевод Алтынсарина в образовательную систему следует рассматривать как показатель его личностных умонстроений, желания реализоваться в педагогическом секторе. Во имя высокой, благородной цели развития просвещения он отказался от рутинного чиновничьего труда. Работа в административном учреждении с соответствующим уровнем дисциплины и иерархической этики ограничивала амбиции творческих людей. Алтынсарин, равно как и ряд других образованных граждан, осознанно ощущал своё предназначение в педагогическом направлении, в котором ярко гармонизировали инициативные устремления и творчество.

С целью осуществления своих проектов, Алтынсарин перевёлся на учительскую должность в Тургайскую школу (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 35. Л. 6). Тургай, как уездный центр, представлял небольшой город. В перспективе Алтынсарину и его единомышленникам предстояло осуществить грандиозные мероприятия во благо общества. С середины 60-х гг. XIX в. Алтынсарин получил назначение на должность заведующего Тургайским русско-казахским училищем. Впоследствии он практиковал процедуры длительных по срокам и территориальности перемещений внутри области с целью практического общения молодых педагогов аульных школ и поиска талантливых учеников. Под влиянием Алтынсарина формируется группа прогрессивно настроенных учителей, которые, по примеру своего наставника, разрабатывали новые методики, образовывали учеников, направляли их в городские школы. Алтынсарин лично патронировал успешных учеников, способствовал их обучению в передовых училищах. Племянник Алтынсарина Ахмедбек Оспанович Балгожин под влиянием своего родственника после окончания гимназии продолжил обучение в Казанском

университете по юридической специальности. Поручителями Балгожина являлись несколько известных земляков: «Мы нижеподписавшиеся киргизы Кустанайского уезда Тургайской области, Аракарагайского волости аула № 2 Махамбет Акмалаев, Игизбай Кунаев, Аят Акмалаев, Утеген Жумагулов, Бекбусын Медетов сим удостоверяем, что одноаулец наш Ахмедбек Оспанович Балгужин сын киргиза Кустанайского уезда Тургайской области Аракарагайской волости аула № 2 Оспана Алтынсарина родился в 1877 году. ... Старшина № 2 аула Тыебаев» ([НА РТ. Ф. 977. Оп. л/д. Д. 32966. Л. 15](#)).

Таким образом, используя передовой опыт современников и на основе собственных разработок, Алтынсарин способствовал превращению местной уездной школы в одно из прогрессивных училищ областного масштаба. В условиях небольших аульных школ, которые локально функционировали на удалении от густонаселённых центров при недостаточно развитой образовательной инфраструктуре, осуществить подобные преобразовательные планы представлялось сложным. Период работы в городской школе стал одним из важных в педагогической деятельности Алтынсарина. Он инициировал открытие школ и принципы их работы на основе созданных им ранее передовых учебных заведений. Вот как описывает данный процесс один из исследователей региона, А.И. Добросмыслов: «По мысли Алтынсарина было признано необходимым устроить сначала центральные школы в уездных городах по типу сельских двухклассных училищ и возбуждено ходатайство об учреждении особой киргизской учительской школы» ([Известия Оренбургского отдела, 1902: 479](#)). Он восстановил традиции писательской деятельности, которая была присуща его современникам: Ч.Ч. Валиханову, А. Кунанбаеву и др. В частности, из-под его пера вышли научные работы: «Казахская хрестоматия» (1879 г.), «Начальное руководство к обучению казахов русскому языку» (1879 г.) и казахский алфавит, которые оказались востребованными в организации учебного процесса в школах. Ученики Алтынсарина использовали наработанный им опыт в интересах развития общества.

В начале XX в. значительной популярностью в регионе обладал педагог Балгимбаев Габдугалий. Большую роль в личностном формировании Балгимбаева выполняли его учитель Алтынсарин и педагог Васильев А.В., который работал инспектором народных училищ Тургайского уезда. Балгимбаев являлся выпускником Оренбургской учительской школы, которая была создана И. Алтынсариним в городе Орске, а позже переведена в Оренбург. Учительская стезя молодого специалиста началась с работы в волостной школе. Он проделал длительный путь от заведующего школы до инспектора народных училищ Тургайского уезда ([Справочная книжка..., 1915: 68](#)).

Во второй половине XIX в. продолжается процесс формирования категорий казахских юристов, которые являлись дипломированными выпускниками университетов. В казахском обществе при доминанте традиционного судебного права – адата – действовало влияние местных судей. Они обладали непререкаемым авторитетом. Казахские юристы-служащие по степени подготовки, сфере деятельности, ментальности, модели поведения, иерархии представительства отличались от народных судей. Юристы являлись представителями разных социальных групп. Их стартовые материальные ресурсы в начале длительного ученического пути, от волостной или уездной школы до завершения университетского курса, существенно различались. Выходцы из категории аристократии и разночинцев получали одинаковую образовательную базу, менялись в условиях проживания среди иноэтнического окружения городов административного значения. Они постепенно усваивали традиции и стиль повседневного делового общения, что было важным фактором с целью адаптации к новым реалиям и включения в сферу отношений. Подавляющее большинство казахских юристов имело образовательный уровень гимназий. В гимназиях складывались основы их личной дружбы. Анализ их гимназических аттестатов демонстрирует высокую степень прилежания и дисциплины – критериев, которые характеризовали целевые установки юношей на дальнейшее обучение в университетах с целью включения в административно-управленческие, социальные сферы деятельности в регионах проживания. Сравнительный анализ психологии поведения казахских студентов резюмирует вывод наличия у них тождественных качеств. Многие из них испытывали финансовые затруднения, страдали сложными заболеваниями. Именно данные обстоятельства оставались причинами их вынужденных отчислений и длительных сроков обучения. В довузовский период обучения казахские ученики концентрировались в пансионатах. В это время складывались их общие интересы и приоритеты на перспективу. В студенческую пору повзрослевшие молодые люди на основе гимназического опыта составляли немногочисленную корпорацию, представители которой выделялись устоявшимися жизненными принципами, конкретными представлениями и чётким видением грядущего будущего. Из всего количества казахских студентов представители юридических факультетов составляли численное большинство. По окончании университетов дипломированные специалисты стремились функционировать по месту исходного проживания, по специальности. Основным сектором притяжения начинающих специалистов в Оренбургском регионе неизменно оставался Оренбург, который являлся городом административного значения. В сознании местного казахского населения Оренбург воспринимался в качестве важного делового, торгового, образовательного центра. В Оренбурге начинал карьеру ряд известных казахских деятелей. Состоявшиеся казахские интеллигенты и служащие проживали в городе и ассоциировались своими родственниками, многими близкими, в качестве семейных авторитетов, советы и благословения

которых имели значение. Подобные формы сотрудничества демонстрировали казахские служащие, которые состоялись в крупных административных городах. Например, в Петербурге проживал генерал Чингисхан. Чингисхан являлся уроженцем Акмолинской области, был выходцем из аристократической султанской семьи. По окончании военного учебного заведения служил в действующей армии. В Петербурге контактировал с представителями российской общественности, поддерживал казахских студентов. В конце XIX в. генерал Чингисхан обращался с просьбой к директору медицинского департамента относительно выпускника медицинского факультета Казанского университета Карабаева о возможности его трудоустройства в пределах Тургайской области. Чингисхан и Карабаев принадлежали к разным социальным слоям, представляли разные области, отличались степенью материальной обеспеченности и общественного влияния. Молодому и малоизвестному Карабаеву только предстояло начинать свою биографию, в отличие от хорошо известного в аристократических и деловых кругах высокопоставленного генерала Чингисхана. Чингисхан, как и впоследствии получивший популярность Карабаев, сохранили приверженность корпоративным традициям национальной поддержки и патронирования юных талантливых земляков.

В сфере влияния Оренбурга находились областные и уездные центры, представленные городами, расположенными на значительном удалении. Характерно отметить эпизоды длительного проживания многих казахских специалистов в таких городах во времена их обучения в местных гимназиях, учительских семинариях, медицинских школах, реальных училищах. Несомненно, в сознании служащих всех уровней работа в административных населенных пунктах ассоциировалась ими как фактор их востребованности по причине специализированной подготовки и возможности карьерного успеха.

В данном ракурсе проявлялись определённые закономерности. В частности, выпускники различных школ претендовали на чиновничьи должности и фиксировались в качестве писарей, переводчиков, канцеляристов. Обладатели университетских дипломов имели больший диапазон служебной сферы. Подобно своим ровесникам и товарищам-канцеляристам, они начинали карьеру с низовых позиций. Например, Алдияров Нурмухамед Кауменович в 1900 г. начинал юридическую службу в Троицком суде в чине губернского секретаря. Он состоял в штате на младшей судебной должности ([Адрес-календарь..., 1900: 92](#)). В должности судебного следователя Троицкого окружного суда числился коллежский секретарь Балгожин Ахметбек Османович ([Адрес-календарь..., 1906: 54](#)). В Троицке и его окрестностях сохранялась высокая концентрация казахского и татарского населения. Очевидно, актуализировались потребности наличия судебных работников, которые хорошо знали менталитет и культуру местных народов. На юридическом поприще Балгожин начинал с чина младшего кандидата на судебную должность. Он работал судебным следователем в посёлке. Один из выпускников Казанского университета, Кучуков Юсуп Хасанович, состоял судебным следователем на территории Челябинского уезда ([Справочная книжка..., 1868: 64](#)).

Представитель Оренбургского края, Беремжанов Ахмет Коргамбекович, в начале XX в. действовал в Оренбургском окружном суде кандидатом на судебную должность в чине старшего коллежского секретаря ([Адрес-календарь..., 1905: 92](#)). Он являлся выходцем из родовитой семьи, которая сохраняла авторитетное влияние в Тургайской области. Предки Беремжанова заслужили славу воинов, полководцев, родоначальников в прежние времена. Представители этой династии по причине своей статусности, знаний юридических сводов традиционно участвовали в разрешении крупных споров по приглашению сторон. В источниках неоднократно отмечаются различные формы поощрения отца Беремжанова, который стремился урегулировать кризисные явления апелляцией к праву. Зачастую руководители рекомендовали своим подчинённым консультироваться с влиятельными представителями казахской общественности с целью аналитики и прогнозирования сложившихся процессов в регионе. «Потому мы сочли бесполезным ознакомить жителей с собранным нами расспросным путем и приверженцами через таких знатоков киргизской генеалогии как султан Сейдалин 2-ой, Дербисали Беркимбаев, К. Беремжанов и др. нижеприведенные сведения о киргизских родах и подразделениях по волости сообразно месту прописки» ([ЦГА РК. Ф.25. Оп. 1. Д. 2498. Л. 23-23об.](#)).

С детских лет Беремжанов, по образцу старших родственников, ориентировался на восприятие современной системы юриспруденции. В отличие от своих предшественников, ему предстояло пройти обучение по новой образовательной модели. Накануне университетского периода он представлял тип современного молодого человека, который обладал опытом оперирования казахской судебной системой. В дальнейшем, на основе симбиоза знаний казахского традиционного права и доминировавшей системы судопроизводства, он сформировался в специалиста, востребованного для жизнедеятельности в приграничной сфере взаимодействия нескольких культур. А. Беремжанов отлично продемонстрировал деловые качества образованного юриста. В начале XX в. его местом работы являлся Оренбургский окружной суд, а позже Беремжанов переводится в качестве мирового судьи в город Актобинск. Накануне революционных событий 1917 г. он числился в составе Самарского суда на 2-ом участке Бузулукского уезда. В штате Оренбургского окружного суда зафиксирован Мухамед-Дияров Ахметгирей Асфендиярович. Службу на юридическом поприще он начинал в звании коллежского асессора в Орском уезде. В дальнейшем, в чине надворного советника, он переводится в

окружной суд ([Адрес-календарь..., 1901: 58](#)). Затем, по факту результативной работы, он был повышен в звании до статского советника.

Внимательное изучение деятельности окружных судей и следователей характеризует их хроническую загруженность, с учётом перемещений на большие расстояния при наличии неоднородного населения. В условиях традиционной нехватки квалифицированных юристов с университетской подготовкой, данные служащие выполняли большие объёмы работы.

В середине 60-х гг. XIX в. вводится новая судебная реформа в Степных областях, согласно которой фиксировались права, обязанности и условия назначения судей. Соответственно, выпускники определённых учебных заведений, которые имели практический опыт в судопроизводстве, обладали возможностями зачисления на должность судей.

В Оренбургском крае значительной популярностью обладал клан Сейдалиных. Сейдалины являлись потомственными аристократами. Представители этой семьи на протяжении нескольких поколений сохраняли влияние в регионе, функционировали в административной сфере. Альмухамед и Тлеумухамед Сейдалины, известные в официальной канцелярской документации как Сейдалин 1-ый и Сейдалин 2-ой, в первой половине XIX в. получили военное образование, имели офицерские звания, проходили военную службу, по окончании которой работали гражданскими служащими в уездных управлениях. А. Сейдалин не имел специализированной юридической подготовки. По объективным реалиям недостаточности правоведов по новым стандартам уездные и областные власти поручили ему исполнять обязанности уездного судьи. Это был не единичный случай делегирования вышестоящими структурами судебных полномочий казахским служащим. В условиях минимального количества подготовленных правоведов по новым стандартам областные власти практиковали способ включения в юридические структуры успешных служащих из других сфер. Например, известному на тот момент учителю Алтынсарину, который окончил Оренбургскую учительскую школу, поручалось выполнять функции уездного судьи. Подобное решение руководства обуславливалось насущной задачей формирования штатов служащих юридического направления в рубежный период 60-70-х гг. XIX в., введения административных изменений в регионе. И. Алтынсарин, А. Сейдалин и ряд других казахских служащих по образовательной подготовке, специализированной сфере деятельности соответствовали востребованным запросам для деятельности в судебных учреждениях в сложившейся ситуации незнания российскими служащими ментальности, языка и традиционного права местного населения. Алтынсарин в это время работал старшим помощником начальника Тургайского уезда. В результате деятельности таких специалистов экспертам предстояло провести полный анализ степени восприимчивости местного населения к различному рода новациям и тенденциям в правовом поле, административном управлении.

В процессе изменения судебной системы сохранялась процедура задействования казахских служащих в функционировании областных правовых институтов. В частности, по приказу Тургайского областного руководства на упомянутого выше медика Карабаева возлагались обязанности почётного мирового судьи ([Тургайские областные ведомости, 1903](#)). На протяжении нескольких лет, с 1902 г., он работал в данном качестве. Итак, сфера служебных полномочий Карабаева оказалась разнообразной. Карабаев не имел юридической подготовки. В источниках нет информации относительно его обучения в учебных заведениях в области правовых наук. В исследуемый период сфера деятельности почётных мировых судей охватывала широкий спектр анализа, выяснения хозяйственных споров, бесконечных жалоб и претензий. Безусловно, Карабаев обладал непререкаемым авторитетом. В сознании казахских общинников и местной знати он воспринимался в качестве успешного специалиста и прогрессивно мыслящего общественного лидера, который в ходе бурных прений и выяснения обстоятельств обращался к историческому анализу, традициям коллективного взаимодействия и праву совести. Представители официальных органов, в лице чиновников, концентрированно действовали в уездных и волостных центрах, что существенно затрудняло их попытки установить постоянную систему влияния в отдалённых населённых пунктах от их постоянной сферы влияния.

Таким образом, значительный функционал выполняли казахские служащие, многие из которых обладали собственным видением эволюции казахского народа в сложных обстоятельствах данного времени. В ходе публичных встреч оценивался общий уровень подготовленности, эрудиции казахских общественных деятелей. Архивные материалы демонстрируют стремление таковых лидеров к дальнейшему совершенству методом взаимодействия с представителями интеллигенции, учёными, педагогами и студенчеством местных научных кружков и обществ, организации регулярных библиотечных вечеров, поездок в крупные города на деловые и дружеские встречи интеллектуалов, издания просветительской литературы и выпуском периодики с целью просвещения населения. Медик Алдияров относился к категории состоятельных персон, обладал статусом почётного дворянина. Он считал своей обязанностью участвовать в социальных мероприятиях. В частности, входил в состав мусульманского благотворительного общества – организации, которая объединяла усилия местных прогрессивно мыслящих интеллигентов, чиновников, купцов, религиозных деятелей с целью осуществления общественно значимых проектов, как-то: оказание

помощи бедствующему населению, строительство социальных объектов, сбор финансовых средств, просвещение молодёжи, лечение нуждающихся и т. д. ([Адрес-календарь..., 1915: 118](#)).

Один из представителей семьи Сейдалиных, Джансултан Кувакович, в период с 1901 по 1905 г. трудился в Троицком окружном суде. На старте своего пути он зафиксирован в чине коллежского советника. Звания статского советника он удостоился в 1901 г. ([Адрес-календарь..., 1901](#)). Таким образом, в течение 5 лет он успешно реализовал свой потенциал в юридическом секторе. Казахские служащие во всех сферах гражданской службы фиксировались в единичных количествах и составляли меньшинство. Их деятельность являлась объектом пристального внимания и критического анализа представителей местной общественности и вышестоящего начальства. По факту тотального контроля в условиях небольших уездных городов, казахские служащие весьма щепетильно оберегали собственный статус, демонстрируя высокие деловые качества, моральные принципы, социальную активность. Другой выходец из фамилии Сейдалиных, Мухаммед-Гирей Чувакович, в звании губернского секретаря работал в составе Троицкого окружного суда ([Адрес-календарь..., 1915: 109](#)).

Потомственные аристократы стремились к сохранению доминирующего общественного влияния. Представители казахского султанства исследуемого периода существенно отличались от своих старших родственников по многим параметрам. В ситуации усиления новой системы отношений, характеризовавшейся иной моделью административно-территориального управления, судопроизводства, иерархии власти, султаны обязывались апеллировать к силе личностного положения, которое определялось наличием специальных характеристик их в качестве профессионалов-руководителей, управленцев, многофункциональных служащих. Обязательным фактором подобного состояния являлось их постоянное совершенствование, прежде всего в образовательной сфере, впоследствии - по служебной линии тех секторальных направлений, которые они выбирали. Аналогичный алгоритм действий практиковали выходцы из других социальных групп, которые, в большинстве своём, фактически были первыми представителями своих семей на ранее неизведанном долгом пути. Пионеры из этих семей осознанно, реально оценивали собственные перспективы, поэтому рационально, рачительно, взвешенно реализовывали стратегию дальнейшего совершенства с учётом весьма скромных ресурсов. Существенным достоинством, которым отличались многие казахи, являлись прилежание, терпение, дисциплинированность. Многие наблюдатели повседневной жизни казахов фиксировали прежде всего подобные качества казахов, характер и мировоззрение которых выковывались многовековым укладом в жёстких климатических, хозяйственных, бытовых условиях. Выходцы из неаристократических групп, при всей своей юношеской амбициозности, здраво оценивали собственное будущее. Они осознавали реальную возможность включения в иные социальные и профессиональные сферы с дальнейшей переменой жительства и проживания в отдалённых районах при некомфортных обстоятельствах, как это обычно происходило с начинающими служащими. Дипломированные выпускники семинарий и университетов, вне зависимости от социального происхождения, принимали подобные правила с целью осуществления планов постепенного, неуклонного продвижения в профессиональной сфере. Выходцы из разночинной среды в первом поколении становились основателями педагогических, медицинских, чиновничьих династий. Подобно упомянутым выше коллегам, в частности Карабаеву, Алдиярову и другим, они начинали свой путь вдали от Оренбурга, практикуя процедуру творческого развития методом высокой работоспособности, бесконечных командировок по обширному региону. Такие качества способствовали повышению общественного авторитета казахских служащих, многие из которых на старте карьеры имели скромные должности сельских учителей, врачей, писарей, переводчиков. Официальная легитимизация их специализации способствовала существенному росту их собственного мировоззрения. Это определяло во многом независимость позиции служащих всех уровней в системе противоборства и конкуренции с представителями традиционно преваляровавших групп и официальным руководством. Например, по итогам выборов в I Государственную Думу представитель казахского общества на областном съезде выборщиков в Актюбинске подавляющим большинством выбрали Ахмета Коргамбековича Беремжанова, которого журналист охарактеризовал следующим образом: «Мировой судья 2 участка ... киргиз Тусунской волости ..., окончивший Казанский университет по юридическому факультету, беспартийный прогрессист» ([Корреспонденция, 1906](#)). Подобная ситуация сложилась и в других регионах, когда на выборах в Государственную Думу побеждали казахские интеллигенты. Таким образом, лидеры казахской интеллигенции, по факту общественной деятельности, сохраняли известность.

Уроженец Тургайской области, Темиров Абдулла Темирович, успешно состоялся в юриспруденции. Он родился в султанской семье в середине 60-х гг. XIX в. на территории Кустанайского уезда. По завершении университета получил назначение в Уфимскую палату уголовного и гражданского суда. На старте карьеры, в 1891 г., ему исполнилось 26 лет. Официально он обладал статусом кандидата на должность судебного следователя. Итак, служебная деятельность Темирова началась за пределами территории его проживания. Характерно отметить факт компактного проживания в данном регионе представителей башкирского и татарского населения, которые религиозно, духовно и лингвистически были близки к казахам. Очевидно, Темиров весьма быстро адаптировался к местным особенностям. Спустя некоторое время он, согласно приказу,

назначается на должность помощника судебного следователя одного из участков Белебинского уезда. Зимой того же года Темиров получил назначение помощника судебного следователя Уфимского уезда. Впоследствии он получил право заведовать временным участком; синхронно на молодого специалиста возлагались обязанности судебного следователя. Уже летом 1892 г. Темирову было поручено возглавить 2-ой временный участок Бирского уезда. Таким образом, динамика командировок Темирова в течение двух лет в пределах нескольких административных образований характеризует уровень его профессиональной подготовки, работоспособности, грамотности. В дальнейшем он получил перевод в уголовное Отделение Палаты. Весной 1893 г. Темирову предстояло реализовать себя в должности секретаря уголовного Отделения Палаты. По факту служебных обязательств он был причислен к министерству юстиции (РГИА. Ф. 14. Оп. 3. Д. 68344. Л. 2). Темиров в юридической сфере проявил себя в качестве успешного работника. Впоследствии получил назначение на должность помощника мирового судьи в округе Сыр-Дарьинского областного суда. Его карьера продолжилась на территории Чимкентского уезда. Он состоял в качестве помощника судьи. В ситуации нехватки подготовленных по новым стандартам служащих-юристов, осуществлялась процедура делегирования состоявшихся специалистов на отдалённые территории. По истечении длительного времени Темиров вновь получил служебный перевод. Отныне он работал в Сибири – в отдалённой территориально, протяжённой и малозаселённой Тобольской губернии, – в штате местного окружного суда. Итак, в течение более 40 лет юридической службы он проработал в нескольких областях, которые характеризовались кардинальной разницей по климатическим факторам, социальной структуре и национальному составу населения, экономическим показателям, укладу и культуре местных народов. В Сибири он взаимодействовал с представителями татарского, казахского, русского и сибирских народов. Сын Темирова учился на юридическом факультете университета. Тем самым, на примере Темировых ярко отразилась тенденция продолжения формирования профессиональных династий в казахском обществе. Получение системного, непрерывного образования в таковых семьях воспринималось в качестве обязательного фактора сохранения социального уровня и дальнейшей адаптации к меняющимся реалиям.

Профессиональные категории врачей, учителей, юристов, чиновников состояли из представителей разных социальных слоёв. Казахские служащие-разночинцы представляли конкуренцию ведущим аристократическим династиям. Степень влияния каждого служащего определялась высокими деловыми качествами, степенью научной подготовленности, личной энергетикой. Большинство из них характеризовались незначительностью материальных средств, но обладали высоким образовательным уровнем. Именно эти качества предопределили их популярность в процессе осуществления идеи развития казахского общества. Обогащённые опытом личного совершенства, служащие определяли и направляли ресурсные возможности местных коллективов. Например, чиновник одного из уездных управлений, Каралдин, самостоятельно изучил основы инженерного искусства и мелиорации. В результате агитационной кампании он сумел убедить местных общинников в необходимости строительства плотины с соответствующими мелиоративными сооружениями. По итогам реализации предложенного им проекта жители аулов повысили продуктивность своих хозяйств. Служащие участвовали в общественных мероприятиях. Так, служащие И.М. Курбангулов, Г.Б. Балгимбаев в качестве членов-учредителей входили в Тургайское сельскохозяйственное общество (*Собрание членов-учредителей...*, 1902). Прогрессисты сохраняли заинтересованность адаптации казахского населения к меняющимся социально-экономическим обстоятельствам. Они продолжали изучать опыт различных видов эффективного ведения хозяйств в экстремальных условиях. В ходе сотрудничества с членами научных и сельскохозяйственных обществ они использовали востребованную информацию и методики с целью их распространения среди казахского населения. Служащие в работе благотворительных общественных организаций усваивали опыт функционирования местного самоуправления. Они охотно участвовали в массовых акциях распространения новых видов хозяйствования в уездах. По воспоминаниям современников, работники различных учреждений: Сейдалин, Карпыков, Арынгазыев, Беркимбаев – командировались в уезды. На массовых встречах они знакомили население с новациями в аграрном секторе (*Разные известия*, 1893).

В процессе усиления социально-экономического кризиса обозначилась тенденция разорения значительной массы населения. Представители общественности актуализировали проблему оказания помощи лицам, которые пребывали в местах заключения по разным обстоятельствам. Казахские служащие взаимодействовали с общественными и государственными структурами пенитенциарной системы. В частности, служащие Мурзагул Койдаров, Пангирей Нурмухамедов являлись членами Тургайского областного тюремного комитета (*Справочная книжка*, 1915: 45). Медики А. Алдияров, А. Наритаев, М. Карабаев состояли в штате Кустанайского уездного тюремного отделения. Определённое время Карабаев функционировал в звании директора Тургайского попечительства о тюрьмах комитета (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 2. Д. 374. Л. 3). Немногочисленные врачи по роду службы, профессионального отношения к делу обладали общественным признанием и доверием со стороны населения. Присутствие врачей в подобных организациях было востребовано необходимостью оказания помощи заключённым.

Казахские интеллигенты и общественные лидеры кооперировались с целью осуществления социальных мероприятий. Они сохраняли и поддерживали институты подвижничества различными

способами предоставления помощи землякам, организации общин в ликвидации крупных бедствий. По инициативе служащих реализовывались программы строительства новых школ. Из народной среды выделяется категория представителей, которые выполняли обязанности почётных благодетелей аульных школ. Почётные представители обязывались оказывать помощь учителям, финансировать хозяйственные нужды школ, способствовать пополнению библиотечного фонда и т. д. Состоявшие служащие добровольно возлагали на себя подобные обязательства. Принципы личной дружбы очень часто становились основой меценатства. Например, подающий надежды выходец из могущественного рода, Беремжанов Кургамбек, проходил обучение в школе Алтынсарина. Его сын, Ахмед Кургамбекович Беремжанов, по зову сердца и в знак семейной комплементарности патронировал школу учителя своего отца. Он был постоянным блюстителем школ области. Известные в регионе Беремжанов, служащие Беркимбаев, Кулумбеков, Карпыков профинансировали на несколько сотен рублей обеспечение школ Тургайской области востребованной литературой. В начале XX в. в Кустанае открывается реальное училище. Казахский служащий Балгимбаев профинансировал 19 рублей на нужды Кустанайского реального училища (*Тургайская газета*, 1910).

В XIX–XX вв. статусность и степень влияния известных казахских деятелей во многом определялись реальным участием в подвижнической миссии. Меценаты аккумулировали финансы на возведение необходимых объектов. Во второй половине XIX в. назрела потребность в строительстве в Оренбурге гимназии. Значительная часть населения края имела недостаточные представления о сути подобного учебного заведения. В результате агитационной кампании широкие народные массы получили информацию относительно значения гимназии для подготовки востребованных специалистов. В базовой документации, применительно к функционированию гимназии, фиксировались пункты о предоставлении вакантных мест, предназначенных для казахских юношей. Важную роль в сборе финансовых средств выполняли казахские общественные лидеры. Например, родоправитель Дауренбек Беремжанов лично выделил на строительство гимназии большую сумму денег серебром. Казахское население принимало участие в сборе финансов на развитие образования (*ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4082. Л. 81*). В дальнейшем казахское население систематически финансировало социальные объекты в регионе.

5. Заключение

Во второй половине XIX – начале XX в. прошедшие обучение в ведущих вузах страны казахские юноши приступают к профессиональной деятельности. Большинство из них попыталось вернуться к месту постоянного проживания. Данное решение могло исходить из желания начать свой трудовой путь в родной среде, а также быть полезным своему народу. Большинство казахских служащих работали по специальности в соответствии с полученным образованием. В профессиональной сфере многие из них добились высоких результатов, что отражало их стремление состояться в выбранном направлении, а также указывало на их дисциплинированность, трудолюбие и иные деловые качества. В ходе своей профессиональной деятельности казахские специалисты активно сотрудничали с различными общественными организациями, а иногда выступали их основными учредителями или становились главными в распространении идей просвещения среди местного населения. Их общественная деятельность способствовала дальнейшему развитию таких направлений в казахском обществе, как благотворительность, патронирование талантливой молодёжи, продвижение новых социально-экономических проектов, способствующих внедрению передового опыта в хозяйственную деятельность населения.

Таким образом, в исследуемый период на территории Оренбургского региона функционировали казахские служащие, которые, вне зависимости от регионального происхождения, социального статуса, сферы деятельности, занимаемой должности, выполняли профессиональные обязанности и занимались общественной работой.

Литература

- Абжанов, 2005* – Абжанов Х.М. Отечеству преданно служить // *Казахстанская правда*. 2005. 24 июня. №4.
- Адрес-календарь, 1900* – Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1899. Оренбург, 1900.
- Адрес-календарь, 1901* – Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1901. Оренбург, 1901.
- Адрес-календарь, 1905* – Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1905. Оренбург, 1905.
- Адрес-календарь, 1906* – Адрес-календарь Оренбургской губернии на 1906. Оренбург, 1906.
- Адрес-календарь, 1915* – Адрес-календарь и Справочная книжка Оренбургской губернии на 1915 год. Оренбург 1915. С. 118
- Зиманов, 1982* – Зиманов С.З. Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. 171 с.
- Известия Оренбургского отдела, 1902* – *Известия Оренбургского отдела Императорского русского географического общества*. Вып. №17. Тверь: Типо-Литография Н.М. Родионова, 1902. 524 с.
- Корреспонденция, 1906* – Корреспонденция. г. Кустанай Тургайской области // *Время*. СПб., 1906. №106.
- Медицина, 1907* // *Сибирская мысль*. Томск, 1907. 3 апреля. 129 с.

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан.

Озганбай, 2000 – Озганбай О. Государственная Дума России и Казахстан. 1905-1917 гг. Алматы: «Арыс», 2000. 218 с.

Отчёт ревизора..., 1901 – Отчёт ревизора землеустройства Смирнова в командировку летом 1901 года в Тургайскую область. СПб., 1901. С. 256.

Познанский, Калашников, 1983 – Познанский В.С., Калашников А.А. Первый казахский врач в Якутии // Известия сибирского отделения Академии Наук СССР. Новосибирск, 1983. С. 117.

Разные известия, 1893 – Разные известия // Особое «Прибавление» Акмолинским областным ведомостям. 1893 г. № 12. 19 марта.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Собрание членов-учредителей..., 1902 – Собрание членов-учредителей Тургайского сельскохозяйственного общества // Тургайская газета. 1902. № 22. 25 мая.

Справочная книжка..., 1868 – Справочная книжка Оренбургской губернии на 1868 год. С. 64.

Справочная книжка..., 1915 – Справочная книжка и Адрес-календарь Тургайской области на 1915 год. Оренбург, 1915. С. 68.

Султангалиева, 2002 – Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. С. 120.

Тургайская газета, 1910 – Тургайская газета. 1910. № 47. 21 ноября.

Тургайские областные ведомости, 1903 – Тургайские областные ведомости. 1903 г. №18. 28 апреля.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

Aitmukhambetov et al., 2024 – Aitmukhambetov A. A., Ismailov S.S., Tabuldenov A.A., Simonov S.V. St. Petersburg University in the History of Training Kazakh Specialists in the second half of XIX – early XX centuries // Bylye Gody. 2024. 19(1): 249-257.

Nurusheva et al., 2023 – Nurusheva G.K., Aitmukhambetov A.A., Simonov S.V. Education of Kazakh Students at Kazan University in the late 19th – early 20th centuries // Bylye Gody. 2023. 18(1): 239-250.

References

Abzhanov, 2005 – Abzhanov, Kh.M. (2005). Otechestvu predanno sluzhit' [To serve the Fatherland faithfully]. *Kazakhstanskaya pravda*. 2005. 24 iyunya. №4. [in Russian]

Adres-kalendar'..., 1900 – Adres-kalendar' Orenburgskoi gubernii na 1899 [Address calendar of the Orenburg province for 1899]. Orenburg, 1900. [in Russian]

Adres-kalendar'..., 1901 – Adres-kalendar' Orenburgskoi gubernii na 1901 [Address calendar of the Orenburg province for 1901]. Orenburg, 1901. [in Russian]

Adres-kalendar'..., 1905 – Adres-kalendar' Orenburgskoi gubernii na 1905 [Address calendar of the Orenburg province for 1905]. Orenburg, 1905. [in Russian]

Adres-kalendar'..., 1906 – Adres-kalendar' Orenburgskoi gubernii na 1906 [Address calendar of the Orenburg province for 1906]. Orenburg, 1906. [in Russian]

Adres-kalendar'..., 1915 – Adres-kalendar' i Spravochnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1915 god [The address is a calendar and a reference book of the Orenburg province for 1915]. Orenburg, 1915. P. 118. [in Russian]

Aitmukhambetov et al., 2024 – Aitmukhambetov, A.A., Ismailov, S.S., Tabuldenov, A.A., Simonov, S.V. (2024). St. Petersburg University in the History of Training Kazakh Specialists in the second half of XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*. 19(1): 249-257.

Izvestiya Orenburgskogo..., 1902 – Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Vyp. №17. Tver'. Tipo-Litografiya. N.M. Rodionova, 1902 g. 524 p. [in Russian]

Korrespondentsiya, 1906 – Korrespondentsiya [Correspondence]. g. Kustanai Turgaiskoi oblasti. «Vremya». SPb., 1906. № 106. [in Russian]

Meditsina, 1907 – Meditsina [Medicine]. *Sibirskaya mysl'* 129. Tomsk, 1907. 3 aprelya. 129 p. [in Russian]

НА РТ – Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan [National Archive of the Republic of Tatarstan].

Nurusheva et al., 2023 – Nurusheva, G.K., Aitmukhambetov, A.A., Simonov, S.V. (2023). Education of Kazakh Students at Kazan University in the late 19th – early 20th centuries. *Bylye Gody*. 18(1): 239-250.

Otchet revizora..., 1901 – Otchet revizora zemleustroistva Smirnova v komandirovku letom 1901 goda v Turgaiskuyu oblast' [Report of the land management auditor Smirnov on a business trip in the summer of 1901 to the Turgai region.]. Sankt-Peterburg, 1901. P. 256. [in Russian]

Ozganbai, 2000 – Ozganbai, O. (2000). Gosudarstvennaya Duma Rossii i Kazakhstan. 1905-1917 gg. [State Duma of Russia and Kazakhstan. 1905-1917]. Алматы: «Арыс», 218 p. [in Russian]

Poznanskii, Kalashnikov, 1983 – Poznanskii, V.S., Kalashnikov, A.A. (1983). Pervyi kazakhskii vrach v Yakutii [The first Kazakh doctor in Yakutia]. *Izvestiya sibirskogo otdeleniya Akademii Nauk SSSR*. Novosibirsk. P. 117. [in Russian]

Raznye izvestiya, 1893 – Raznye izvestiya. Osoboe «Pribavlenie» Akmolinskim oblastnym vedomostyam. 1893 g., № 12, 19 marta. [in Russian]

- RGIA SPb – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- Sobranie chlenov-uchreditelei..., 1902 – Sobranie chlenov-uchreditelei Turgaiskogo sel'skokhozyaistvennogo obshchestva [Meeting of the founding members of the Turgai Agricultural Society]. *Turgaiskaya gazeta*. 25 maya 1902 g. №22. [in Russian]
- Spravochnaya knizhka..., 1868 – Spravochnaya knizhka Orenburgskoi gubernii na 1868 god [Reference book of the Orenburg province for 1868]. P. 64. [in Russian]
- Spravochnaya knizhka..., 1915 – Spravochnaya knizhka i Adres-kalendar' Turgaiskoi oblasti na 1915 god [Reference book and Address-calendar of the Turgai region for 1915]. Orenburg, 1915 g. str. 68. [in Russian]
- Sultangalieva, 2002 – Sultangalieva, G.S. (2002). Zapadnyi Kazakhstan v sisteme etnokul'turnykh kontaktov (XVIII – nachalo XX vv.) [Western Kazakhstan in the system of ethnocultural contacts (XVIII – early XX centuries)]. Ufa: RIO RUNMTs Goskomnauki RB. P. 120. [in Russian]
- TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Turgaiskaya gazeta, 1910 – *Turgaiskaya gazeta*. № 47. 21 noyabrya, 1910 g. [in Russian]
- Turgaiskie oblastnye vedomosti, 1903 – *Turgaiskie oblastnye vedomosti*. 1903 g., №18. 28 aprelya. [in Russian]
- Zimanov, 1982 – Zimanov, S.Z. (1982). Rossiya i Bukeyevskoe khanstvo [Russia and the Bukeyev Khanate]. Alma-Ata: Nauka, 171 p. [in Russian]

Профессиональная и общественная деятельность казахских служащих Оренбургского региона во второй половине XIX – начале XX в.

Айдар Абаевич Айтмухамбетов ^a, Серикжан Сагиндыкович Исмаилов ^{a, *},
Тобол Тилигенович Жандаулетов ^a, Сергей Васильевич Симонов ^b

^a Костанайский региональный университет имени А. Байтурсынова, Костанай, Республика Казахстан

^b Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, Костанай, Республика Казахстан

Аннотация. Рубежный период XIX – начала XX в. стал одним из переломных в истории казахского народа, когда из его среды выдвигается целая плеяда интеллектуалов, посвятивших свою деятельность развитию собственного народа. Формируется категория казахских служащих, которые занимая определённые должности в системе управления, показали себя добросовестными работниками, что отражается в их характеристиках. Находясь на административной работе, данные служащие приступают к осуществлению собственных проектов по развитию просвещения, экономики и в иных социальных сферах. Данная инициатива входила в орбиту их общественной деятельности, которая требовала определённых интеллектуальных, финансовых, организационных и других затрат. Например, известный просветитель И. Алтынсарин посвятил себя организации системы образования для казахского населения, получая поддержку от различных социальных слоёв общества. Подобная подвижническая деятельность исходила из осознания эволюционного пути развития, при этом основные финансовые средства поступали за счёт меценатской инициативы местного населения, которое активно принимало участие в подобных акциях.

Впоследствии многие выпускники школ, организованных Алтынсариним, состоялись на педагогическом поприще, став известными в профессиональной и общественной сферах. Некоторые из его учеников входят в ряд меценатов, поддерживая или создавая социальные проекты на постоянной основе.

Одной из интересных персоналий исследуемого периода являлся М. Карабаев – профессиональный врач, который добровольцем отправился в Якутию для борьбы с эпидемией, за что получил общественное признание среди местного населения. Таким образом, казахские служащие являлись примером не только в профессиональной, но и в общественной деятельности.

Ключевые слова: служащие, профессиональная деятельность, меценаты, Оренбург, Тургай, педагог, благотворительность, общественная деятельность, врач, юрист.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aidar_abaivi4@mail.ru (А.А. Айтмухамбетов),
ismailov_7777@mail.ru (С.С. Исмаилов), tobol_804@mail.ru (Т.Т. Жандаулетов),
simonovsw@mail.ru (С.В. Симонов)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 980-990
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.980

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Modernization Projects of the Russian Empire on the Roof of the World (late 19th – early 20th centuries)

Azizbek G. Kholliyev ^a, Oybek A. Makhmudov ^b, Sofya I. Gabrielyan ^{a, *}, Salimaxon N. Madyarova ^a

^a National university of Uzbekistan, Republic of Uzbekistan

^b Chirchik State Pedagogical University, Republic of Uzbekistan

Abstract

This article explores the process of modernization and acculturation in the Pamir region during the late Russian Empire, focusing on key aspects of socio-economic development, including governance, transport infrastructure, education, and healthcare. It traces the continuity of political decisions and practices established during the imperial period and their transformation under the new socio-economic conditions of Soviet rule.

The Russian Empire began developing the Pamir territories following the “Pamir campaigns” of 1891–1894, driven by rivalry with the British Empire.

One of the key areas of modernization was the development of transport infrastructure. Between 1893 and 1917, Russian authorities built roads connecting the Pamirs with Turkestan, most notably the Alay Road (constructed in 1893) and the Pamir Highway (built between 1897 and 1899). These roads provided access to external markets, promoted economic integration, and facilitated trade. Road construction continued into the Soviet period, culminating in the completion of the Great Pamir Tract in 1940, which fully connected the region to the Soviet Union.

In addition to transportation infrastructure, Russian authorities prioritized the development of education. In 1909, the first Russian-native school was established at the Khorog outpost. Graduates of this school, some of whom later became key figures in Soviet governance in the Pamirs, played a significant role in strengthening Soviet influence and expanding access to education in the region.

Modernization also extended to the healthcare sector. Russian military doctors provided medical assistance to the local population, fought epidemics, and introduced sanitary measures. However, limited resources and personnel hindered the full development of healthcare infrastructure. During the Soviet period, medical services became more structured, with the establishment of hospitals, clinics, and vaccination programs.

The authors of this article rely on archival materials from the National Archive of the Republic of Uzbekistan and the Russian State Military History Archive. Using comparative-historical, diachronic, systematic, and content analysis methods, they identify the main patterns of modernization and assess their impact on the socio-economic development of the Pamirs.

Keywords: Pamir, Russian Empire, Turkestan, Pamir detachment, modernization, roads, education, medicine, management system.

1. Введение

В результате Памирских походов 1891–1894 гг. Российская империя включила в сферу своего влияния, а позже и непосредственно в свой состав, территорию Памира и Припамирья (Тареев, 1902;

* Corresponding author

E-mail addresses: azizbekholliyev@gmail.com (A.G. Holliyev), oybek81@yandex.ru (O.A. Makhmudov), madyarova-75@mail.ru (S.N. Madyarova)

Татеев, 1896; Искандаров, 1962: 279-309; Постников, 2001: 225-286; Захарчев, 2014: 15-77). Это было вызвано опасностью утверждения Англией своей власти в регионе, что допустить было совершенно невозможно. В качестве своего рода акта перестраховки в 1895 г. между Англией и Россией был заключен договор о границе между российскими и афганскими владениями, вошедшим в анналы дипломатической истории под названием «Памирское разграничение» (Искандаров, 1962: 309-335; Постников, 2001: 296-329; НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 4546. Л. 44-440б.).

26 июля 1896 г. ряд территорий Западного Памира – «ханства» Шугнан, Рушан, Вахан и другие официально были переданы Бухарскому эмирату в качестве компенсации за потерю Запаянджского (Южного) Дарваза, отошедшего по договору с Англией к Афганистану (НАУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 108, 117). Общий надзор и контроль над данной территорией был поручен начальнику объединенного Памирского отряда. Все это вызвало большие осложнения и трения между местным памирским исмаилитским населением и отстаивающими их интересы чиновниками российского Памирского отряда, с одной стороны, и бухарскими чиновниками – с другой. Это продолжалось довольно длительное время и только в 1905 г., после долголетних попыток разрешить эту проблему, было принято решение о фактическом установлении в западнопамирских владениях прямого русского управления при сохранении «державных прав эмира» на эту территорию. Таким образом, можно было констатировать, что де-факто Западный Памир находился под управлением Российской империи, однако, де-юре оставался частью Бухарского эмирата. Такое двойственное положение сохранялось здесь вплоть до 1917 г. (Искандаров, 1963: 143-180; Халфин, 1975; НАУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 93-163; НАУз. Ф. И-1. О. 31. Д. 292; НАУз. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1; НАУз. Ф. И-2. Оп. 2. Д. 169; НАУз. И -3. Оп. 2. Д. 61; РГВИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 1526 и др.).

В период управления Памирским регионом основным генератором модернизации выступала именно Российская империя. В такой политике можно отметить как положительные, так и отрицательные стороны. Даже Россия не ставила перед собой напрямую такие задачи, но вмешательство в повседневную, культурную и экономическую жизнь местного населения осуществлялось довольно часто. Это, несомненно, являлось побочным фактором пребывания и жизнедеятельности Памирского отряда, который и выступал главным источником модернизации. Со стороны многих начальников и офицеров отряда существовало и целенаправленное стремление к улучшению жизни, быта и уровня культуры местного населения. Это делалось из практических соображений укрепления власти Российской империи в регионе. Однако существовали и иные причины этому, например, симпатия к местному населению Памира и представление о некоем мистическом родстве русских и местного населения Западного Памира, как «арийцев». Основания для такой гипотезы были вызваны тем, что в тот период «арийская теория» происхождения славянства была весьма популярна в российских кругах философствующей интеллигенции.

2. Материалы и методы

Источниковой базой данной статьи являются материалы Национального архива Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан) и Российского государственного военно-исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Материалы, использованные в настоящем исследовании содержатся в таких фондах Национального архива Узбекистана, как И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора), И-2 (Дипломатический чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе), И-3 (Российское Императорское Политическое агентство в Бухаре), И-19 (Ферганское областное правление), И-23 (Управление начальника Маргеланского уезда), И-47 (Управление учебных заведений в Туркестанском крае), И-276 (Канцелярия Военного губернатора Ферганской области). Среди документов, хранившихся в РГВИА, прежде всего, стоит отметить фонд 1396 (Штаб Туркестанского военного округа).

В основу методико-теоретического подхода настоящего исследования положена концепция аккультурации на основании применения теории «longue durée» Ф. Броделя. Происходившая трансформация и модернизация в Центральной Азии после установления здесь господства Российской империи продолжалась довольно долгий период. Осуществлявшаяся здесь модернизация местного хозяйства и экономики являлась частью процесса аккультурации, который охватывал все стороны жизни Туркестанского края.

Для того, чтобы четче и нагляднее проследить процессы культурной ассимиляции, данная проблема будет рассмотрена на примере Памира в период последних десятилетий существования Российской империи. Модернизационные процессы на Памире происходили начиная с момента утверждения здесь власти и влияния Российской империи и активно продолжались после установления в регионе власти Советов. Не углубляясь в суть теории аккультурации, лишь отметим, что памирский фронт является ярким примером, на котором можно проследить, как аккультурация воплощалась в жизнь.

Методологическую основу настоящего исследования составляет цивилизационный подход, при котором исторические процессы освещаются в органичной взаимосвязи. Кроме того, при анализе поставленной проблемы было использовано несколько исторических методов, которые позволяют глубже проникнуть в изучаемую проблему, сделав обоснованные и достоверные выводы.

Так, например, диахронический метод использовался при изучении различных изменений и событий в определенном регионе и проведении точной периодизации. При помощи этого метода раскрывалась роль российских чиновников и их взглядов в исторических процессах, происходивших на Памире в конце XIX в.

Посредством идеографического (нарративного) метода с критической точки зрения нами была сделана попытка раскрыть деятельность начальников Памирского отряда, влияние их личных взглядов и предпочтений на политику в этом регионе, понимание нужд и потребностей местного населения, однако, не в ущерб интересам Российского имперского государства. Подробно было рассмотрено как проводилась политика российских властей на Памире в контексте общей государственной политической линии.

Применение метода актуализации позволило определить последствия деятельности российских имперских властей на положение и модернизационный процесс, происходившие на Памире в широком временном отрезке.

С помощью типологического метода нами был проведен анализ подходов, используемых для решения проблем местного населения Памира и управления регионом в позднеимперский периоды российского государства.

Используя метод контент-анализа было проведено сопоставление официальных документов о деятельности военных и гражданских властей Российской империи на Памире с имеющимися источниками и материалами периодической печати, а также была осуществлена попытка определить уровень их достоверности.

3. Обсуждение

Геополитическое значение Памира и его военное освоение были предметом исследований многих авторов. Большинство из них подчеркивают стратегическую важность региона в контексте соперничества между Россией и Британией, известного как «Большая игра».

Анализируя многочисленные исследования по истории установления колониальной власти и модернизационных усилий Российской империи на Памире необходимо отметить то, что эти вопросы были предметом многочисленных исследований. Данные труды охватывают широкий спектр тем – от политических и военных до экономических, социальных и культурных аспектов влияния Российской империи в регионе. В данном обзоре мы попытаемся представить наиболее значимые работы.

Среди ключевых работ можно выделить исследование А.В. Постникова ([Постников, 2001](#)), основанное главным образом на английских источниках, которое прекрасно демонстрирует зарождение так называемого «памирского вопроса». В представленном труде Постников подробно освещает начало изучения региона британскими и российскими путешественниками и исследователями. Автор раскрывает основные перипетии англо-русского соперничества в этом регионе.

Среди англоязычных авторов стоит отметить работу Питера Хопкирка ([Hopkirk, 1990](#)), которая, хотя и носит скорее научно-популярный характер, основана на серьезных научных исследованиях и источниках. В ней освещены события, связанные с англо-русской борьбой в регионе.

Военные аспекты российского продвижения на Памир раскрыты в трудах Н.А. Халфина ([Халфин, 1965: 371-405](#); [Халфин, 1975](#)) и Александра Моррисона, в которых специальные главы посвящены этапам установления русской власти в регионе ([Morrison, 2020: 476-530](#)). Значительный вклад в изучение истории Памира в период англо-русского соперничества и преобразований, осуществленных российскими властями в регионе внес Б.И. Искандаров, опубликовавший несколько работ на эту тему ([Искандаров, 1958](#); [Искандаров, 1960](#); [Искандаров, 1962](#); [Искандаров, 1963](#) и др.). Это, в первую очередь, двухтомный труд «Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.» и др.

Помимо работ Б.И. Искандарова, изучению административных и социально-экономических преобразований, проводимых российскими властями на Памире, посвящены исследования многих других авторов. В работе Н.А. Захарчева ([Захарчев, 2014](#)) рассматриваются судьбы и деятельность начальников Памирского отряда, а также проводившиеся ими преобразования в этом регионе. О.В. Некрасов в своей монографии «Русские пограничники на “Крыше Мира”» подробно описал деятельность Памирского отряда ([Некрасов, 2017](#)).

Важную роль в модернизации региона сыграло строительство дорог и развитие транспортной инфраструктуры. Однако к изучению этой проблемы внимание историков было обращено мало. За исключением статьи О.А. Махмудова ([Makhmudov, 2022](#)) и еще нескольких небольших журнальных статей других авторов, специально посвященных этой проблеме, фундаментальных глубоких научных исследований фактически не существует.

Вопросы распространения российского образования на Памире раскрываются в трудах Б.И. Искандарова и Ш. Юсупова ([Искандаров, Юсупов, 1976](#)), а также О.А. Махмудова ([Махмудов, 2017](#)).

Перед российскими властями на Памире стоял важный вопрос о предоставлении медицинской помощи местному населению. Хотя в архивных хранилищах имеется значительное количество материалов по этой теме, существует только две специальные работы, посвященные этой проблеме ([Искандаров, Юсупов, 1976](#); [Амонбеков, 2021](#)).

Историография проблемы модернизации Памира в период Российской империи охватывает широкий спектр тем и подходов. К сожалению, историками незаслуженно забыты столь важные страницы истории российского влияния на Памире в конце XIX в.

4. Результаты

Власти Российской империи уделялось значительное внимание улучшению условий жизни местного населения Памира. И одной из таких проблем, требующей пристального внимания, была проблема развития начального образования для местного населения. Начальники российского Памирского отряда видели в повышении уровня грамотности памирцев одно из главнейших условий для интеллектуального развития местного населения. Это позволило бы привлечь их симпатии к российской власти и тем самым создать костяк из местных кадров, хорошо владеющих русским языком. А это представлялось важным для «выполнения... полезных для государства задач» (НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 35088. Л. 20б.).

Именно поэтому, помимо хорошего отношения к жителям Памира со стороны чиновников Памирского отряда, усилиями и ходатайствами двух начальников отряда – подполковника К-Э.К. Кивекэса и подполковника А.В. Муханова, в 1909 г. на Хорогском посту была открыта первая русская школа (Махмудов, 2017: 208-215) для местных жителей. На первых порах она носила неофициальный характер и почти всё ее обеспечение лежало только на Памирском отряде, что не позволяло ей функционировать полноценно.

В первый год после открытия школы, в ее стенах обучалось лишь 8 учеников, причем все они были приходящими. Но уже после истечения первого учебного года, как отмечал начальник Памирского отряда, школа настолько привлекла симпатии местных жителей, что это позволило учредить при школе специальный круглосуточный интернат (РГВИА. Ф. 1396. Оп. 3. Д. 518. Л. 53). По мнению Туркестанского генерал-губернатора А.В. Самсонова, одобдившего идею и обещавшего свою помощь, эта школа «является одной из насущных потребностей населения и русского дела на Памирах» (НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 35024. Л. 2).

Из рапорта начальника Памирского отряда, подполковника А.В. Муханова военному губернатору Ферганской области А.И. Гиппиусу от 10 февраля 1912 г. нам становится известно, что школа на тот момент помещалась в принадлежащей и оплачиваемой Отрядом постройке караван-сарая, находившемся на Хорогском базаре. Помещение школы представляло из себя «обыкновенную крытую чайхану лишь несколько приспособленную для школы. В ней была поставлена печь на железных коробах, пробито 2 окна в стене, поставлены парты, изготовленные попечением отряда и классная доска. В этой же хане дети учатся, здесь же и спят и едят» (НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 35024. Л. 10). Однако подполковник Муханов понимал всю непригодность этого помещения для нужд школы и интерната. Именно поэтому, как он и указывал в своих рапортах, требовалась постройка нового помещения для школы. Причем отряд был готов взять на себя и само строительство нового здания, и организовать оснащение оборудованием школы как своими силами, так и силами местных жителей (НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 35024. Л. 10-11).

Благодаря усилиям Г.А. Шпилюко освещение школы предполагалось производить посредством действовавшей с 1 июля 1914 г. электростанции (Захарчев, 2014: 147), что Памирский отряд также был готов взять на себя (НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 35024. Л. 100б.). Помимо этого, паек для учеников школы был весьма большим, по представлениям местных жителей, которым часто с трудом удавалось прокормить себя и свои семьи.

Говоря о программе обучения, то в нее были включены такие предметы, как русский язык (чтение и письмо), персидский язык (чтение и письмо), география (сведения из географии России), история (краткие сведения из истории России), гигиена (краткие сведения из анатомии человека, сохранение собственного здоровья, помощь при несчастных случаях). Преподаванием, под «личным наблюдением» начальника отряда Муханова, первоначально занимался врач отряда Хмелевский, «отлично владевший персидским языком и местным шугнанским наречием» (РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1845. Л. 1).

Как красноречиво отмечал спустя несколько лет начальник Памирского отряда И.Д. Ягелло: «Сначала в школу надо было загонять принудительными мерами, потом... число желающих стало значительно превышать комплект учеников» (НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 9979. Л. 830б.). В результате в 1910-1911 гг. число учащихся увеличилось до 18 человек. Далее он пишет, что «положительные результаты второго учебного года настолько упрочили доверие местного населения к русской школе, что полагаю бы своевременным возбудить вопрос об учреждении правительственной школы в Хороге» (НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 35024. Л. 2-20б.).

Ферганский военный губернатор А.И. Гиппиус (НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 35024. Л. 9-90б., 15-150б.) и генерал-губернатор А.В. Самсонов также поддержали эту инициативу и в 1912 г. для преподавания в хорогской школе был направлен учитель Аполлон Радугин, окончивший Туркестанскую учительскую семинарию (НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 35024. Л. 2).

Таким образом, благодаря благожелательному отношению к данному начинанию со стороны высших российских властей Туркестана, понимавших всю ее важность, русско-туземная школа в

Хороге не только продолжила свое существование, но и смогла расширить количество учащихся и обзавестись интернатом для 20 учеников.

После получения соответствующего финансирования были разработаны план и смета здания и представлены на утверждение Министерства народного просвещения.

В 1916 г. здание школы было построено силами Памирского отряда, с помощью русских и местных мастеров. Ответственным за строительство был заведующий хозяйством Отряда капитан Юнг (НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 9979. Л. 830б.). В том же году школа переехала в новое здание (НАУз. И-1. Оп. 6. Д. 519. Л. 241), которая функционировала вплоть до Февральской революции 1917 г. Последним учителем хорогской русско-туземной школы являлся Хорев. Среди первых выпускников хорогской школы были такие политические деятели, как Азизбек Наврузбеков, Шириншо Шотемур, Карамхудо Эличибек и другие (НАУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1147. Л. 35, 36).

Ещё одним важным аспектом деятельности Памирского отряда являлась проблема здравоохранения на Памире. После того как на Памире начал свою деятельность Памирский отряд, русские врачи, помимо своих прямых обязанностей по обслуживанию сотрудников отряда, также осуществляли лечение и местного населения. Но в связи с тем, что отрядные врачи были ограничены в своих материальных и лекарственных средствах, оказание врачебной помощи местному населению часто было проблематичным. Ввиду этого как сами врачи, так и начальники Памирского отряда неоднократно обращались к начальству с просьбами об увеличении специального финансирования, а также открытия специального приемного покоя для обслуживания населения и увеличения штата медицинского персонала отряда.

Однако долгое время этот вопрос не мог быть разрешен, и только со временем, с привлечением средств со стороны правительства Бухарского эмирата, подданными которого юридически считались жители западнопамирских владений, проблема постепенно стала решаться. Благодаря усилиям русских врачей и военных удалось начать оказывать более полноценную и регулярную медицинскую помощь памирцам и предотвращать различные эпидемии опасных болезней.

Ещё одним проектом, которому русские власти уделяли значительное внимание, являлось дорожное строительство в регионе, которое началось в первой половине 90-х гг. XIX в. (Urakov et al., 2024: 750-762).

Российские власти в Туркестане уделяли большое внимание развитию транспортных путей, особенно в таких труднодоступных областях, как Памир (Makhmudov, 2022: 244-259; Mostowlansky, 2017: 19-35). Дороги, построенные русскими на Памире, предоставили памирцам возможность более легкого доступа в другие районы Туркестана, ранее малодоступные. Усилились экономические и культурные связи между этими регионами. Увеличилось количество памирцев, отправлявшихся на работу или учебу в города Туркестанского края (особенно в Фергану и Ташкент) (Губаева, 1991: 61-63). У побывавших в долинных частях Туркестана памирцев, увидевших совсем другие условия жизни, менялись взгляды, расширялся кругозор, то есть они активно включались в процесс аккультурации. Вернувшись домой, они приносили с собой новые идеи и технические достижения, доселе здесь неизвестные и недоступные.

Таким образом, Российская империя целенаправленно строила дороги на Памире, связывая его с остальной частью Русского Туркестана, так как дорожная инфраструктура в регионе была слабо развита. Что подтверждают и строки из одной разведывательной сводки еще в 1888 г.: «Пути сообщения в Шугане суть только горные вьючные или пешеходные дороги; колесных путей никаких нет» (НАУз. Ф. Р-2464. Оп. 1. Д. 3. Л. 30). Поэтому строительство дорог являлось одной из первоочередных задач для укрепления Российской имперской власти в регионе.

В период с апреля по июль 1893 г. осуществлялось строительство Алайской дороги от г. Ош через перевал Талдык до долины Алая (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1680. Л. 1-63). Общая протяженность разрабатываемого участка составляла 176 верст. Возглавлял это строительство подполковник Б.Л. Громбчевский, занимавший в то время должность «Заведующего памирским населением» на правах уездного начальника (НАУз. Ф. И-23. Оп. 1. Д. 581. Л. 1-10б.), то есть главы гражданской администрации восточного Памира. В августе генерал-губернатор А.Б. Вревский лично осмотрел итоги работ и «нашел этот путь прекрасным во всех отношениях и пригодным для проезда всякого рода экипажей» (Басханов, 2015: 47).

В 1894 г. предполагалось продолжить строительство дороги далее на Памир. Существовало два проекта дороги от перевала Талдык. Одна ветка пойдет по направлению к Иркештаму, а другая к Кизыл-арту и Ак-байталу. Но военный министр П.С. Ванновский считал «предпочтительным отдать преимущество продолжения дороги на юг к Каракулю, так как устройство более удовлетворительного сообщения с Шаджаном (в урочище Шаджан с сентября 1892 г. располагался русский Шаджанский, а затем Сменный Памирский отряды) является для нас в настоящее время особенно желательным». Но выбор этого пути определялся не только военно-стратегическими соображениями, но и тем, что строительство пути к Иркештаму не могло себя оправдать экономически (НАУз. Ф. И-1. Оп. 5. Д. 578. Л. 18-189). Русские власти понимали, что помимо чисто военных нужд, эта дорога важна и в торговом отношении (НАУз. Ф. И-1. Оп. 5. Д. 578. Л. 1710б.).

Технический проект «разработки» дороги до Памирского поста был сделан военным инженером, капитаном А.Г. Серебренниковым (НАУз. Ф. И-1. Оп. 5. Д. 578. Л. 261). Ферганский военный губернатор А.Н. Повало-Швейковский считал, что «дорога, долженствующая соединить Фергану с Памирами... имеет государственное значение» (НАУз. Ф. И-1. Оп. 5. Д. 578. Л. 262).

Организатором работ было предложено назначить капитана А.Г. Серебренникова, вместо подполковника Б.Л. Громбчевского. Дорогу предполагалось разрабатывать с привлечением как наемных рабочих из местного населения, так и силами самих сменных Памирских отрядов, для чего предполагалось командировать 6 саперов при одном офицере (НАУз. Ф. И-1. Оп. 5. Д. 578. Лл. 261-262, 334-334об.). Они были необходимы для проведения взрывных мероприятий.

Но, к сожалению, работы по строительству дороги так и не были начаты. Лишь после подписания «памирского разграничения» 1895 г. и передачи западнопамирских владений Бухарскому эмирату, то есть окончательного определения статуса Памира, российские власти активизировали разработку и осуществление планов дорожного строительства для соединения вновь обретенной «окраины» империи с остальным Туркестаном. Это было не только актом чисто утилитарным, требующимся для снабжения находящихся здесь войск, но и имело глубокий символический смысл, как знак, прежде всего для Англии, окончательного утверждения Российской империи в этом геостратегически важном регионе, почти на границе Британской Индии (Габриэльян, 2023).

Из-за целого ряда различных сложностей строительство дороги под руководством капитана А.Г. Серебренникова было начато только в 1897 г. (НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 491б. Л. 60б., 8). В период с 1897 по 1899 г. дорога от Оша до Памирского поста была наконец достроена, несмотря на возникавшие различные трудности и препятствия (НАУз. Ф. И-276. Оп. 1. Д. 948. Л. 25-250б.; 82-820б.; Ф. И-276. Оп. 1. Д. 953. Л. 4).

В 1897 г. было принято решение о переносе штаб-квартиры Памирского отряда с Памирского поста в Хорог, на территорию Шугнана (РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 199. Л. 24, 25, 27-28, 41-42). Это стало важным толчком для активизации строительства дорог на землях западнопамирских владений, принадлежавших Бухарскому эмирату. В середине 1897 г. на поручика К.Э. Кивекэса, возглавлявшего один из постов Памирского отряда и назначенного начальником Отряда, было возложено «составление соображений о разработке дороги в Хорог и немедленного производства неотложных работ» и в чье ведение была передана «разрабатываемая Памирская дорога» (НАУз. И-19. Оп. 1. Д. 3129б. Л. 42).

В результате начатого строительства в период 1897–1899 гг. были проложены основные транспортные пути на западном Памире, ведущие от Хорога по рекам Гунту и Пянджу, а также в Вахане, Шугнана и Ишкашима (РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1455. Л. 8-80б.; Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1538. Л. 3; НАУз. И-276. Оп. 1. Д. 953. Л. 67-68, 74). К 1900 г. работы по строительству основных дорожных магистралей из Оша в восточный Памир и к западнопамирским владениям были в целом завершены.

Кроме прежнего направления производились разведка и строительство путей сообщения, связывающие не только с Ферганой, но и с бухарскими владениями, через Дарваз и Каратегин (РГВИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 199. Л. 44-45). Кроме того, русские власти постоянно настаивали, чтобы и бухарцы со своей стороны также начали строить дороги на Памир. Хотя последние, понимая, что эти транспортные пути нужны больше русским, чем им, не особо торопились осуществлять данное строительство. Но, в конце концов, под давлением русских властей вынуждены были производить такие работы, хотя и не особо рьяно и быстро (НАУз. И-1. Оп. 32. Д. 411. Л. 1).

В последние годы существования Российской империи возник новый проект дороги, которая должна была соединить Фергану с Памиром, а через него с Бухарой. В отличие от предыдущих, эта инициатива была сугубо коммерческая, исходящая от российских торгово-промышленных кругов и преследовала она цели развития торговли Русского Туркестана с соседними странами и добычи в памирских горах полезных ископаемых.

Первоначально проект этот был выдвинут в 1914 г. ее автором – техником путей сообщения В.А. Морозовым, а затем лоббировался директором-распорядителем Памирского золотопромышленного товарищества Поклевским-Козеллом. Он предполагал строительство «колесно-вьючного пути Скобелев – Дараут-Курган, протяженностью в 130 верст». Подчеркивалось, что этот проект «не исчерпывается только надобностей края. Если провести сплошной колесный путь до Алайской долины, то он заменит успешно, ныне существующие пути на Андижан – Ош – Гульчу, связующие с центрами Ферганы Памирский отряд и Кашгар и закрывающийся для конного движения ныне на 4-5 месяцев в году, работая круглый год (открытые перевалы) усилит товарообмен Бухары и Афганистана с Ферганой (ныне движение ок[оло] 200 челов[ек] и 5 лошадей в день) и даст сильный толчок горной промышленности в хребтах Алайском, Заалайском и на Памирах, где ныне сделаны очень серьезные открытия благородных металлов и полезных ископаемых» (НАУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 557. Л. 1; НАУз. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 9979. Л. 810б.).

Строительство этой дороги предполагалось производить трудом военнопленных (германских и австро-венгерских). При этом подчеркивалось, что «опасаться дороговизны принудительного труда пленных не следует, в виду абсолютного характера работ, при котором самая малоудовлетворительная работа пленного при цене его дня 60-80 коп. все-таки даст

предпринимателю (земству) прибыли до 1 руб. на человека в день» (НАУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 557. Л. 106.). Горячим сторонником этого проекта был и военный губернатор Ферганской области, генерала-лейтенант А.И. Гиппиус, о чем в 1915 г. писал в своей записке «Значение дороги от г. Скобелева через перевал Тенгиз-бай в Алайскую долину у Дараут-курмана» (НАУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 557. Л. 11-19).

Этот проект встретил поддержку со стороны как высших колониальных, так и имперских чиновников. Были выделены значительные средства как из земских сумм, так и из государственной казны. В 1915 г. началось производство работ по разработке дороги, которые были продолжены и в 1916 г. (НАУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 557. Л. 66-77об.). Но после прибытия в край нового генерал-губернатора А.Н. Куропаткина резко поменялось отношение к строительству. В связи с тем, что «проектируемая дорога через Алайский хребет, являясь главным образом стратегической, имеет весьма малое местное значение» и целым рядом других соображений было отказано «в отпуске кредитов из земских сумм коренных областей Туркестанского края» на строительство вышеуказанной дороги (НАУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 557. Л. 99-99об.). В дальнейшем работы хоть и продолжались, но очень медленно и из-за большой дороговизны строительных материалов и недостаточности средств так и не были завершены к середине 1917 г.

К этому времени уже строящаяся дорога получила полуофициальное название «Великого Памирского пути». Это название, скорее всего, является отсылкой к будто бы существовавшей в средние века большой торговой дороге (великий путь) через Памир, «соединявшей не только бассейны Аму-Дарьи и Тарима, но и Запад с Востоком вообще» (Снесарев, 1902).

Предполагалось, что «Великий Памирский путь» должен будет соединить Фергану с Памирским районом и горной Бухарой. Русские власти Туркестана, несмотря на трудности военного и революционного времени, продолжали обсуждать проект строительства дороги на Памир и далее в Бухару. И.И. Зарубин, временно исполняющий обязанности Комиссара Временного Правительства в Памирском районе (Махмудов, 2020: 452-462), в своих отчетах от 2 и 7 июля 1917 г. на этот проект подчеркивал важность ее строительства (НАУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 557. Л. 143-144, 147-148). То же самое подтвердил и начальник Памирского отряда, подполковник В.В. Фенин в своем рапорте в Туркестанский комитет Временного правительства от 7 июля 1917 г. (НАУз. Ф. И-1. Оп. 6. Д. 557. Л. 149-150об.). Но вопрос этот так и не был разрешен. В связи с октябрьским переворотом 1917 г. надобность этого дорожного пути отпала.

5. Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что в процессе утверждения власти Российской империи на Памире и установления новой системы управления регионом происходили значительные изменения всех сторон жизни местного населения. Несомненно, не всегда эти модернизационные процессы происходили целенаправленно. Часто они были скорее следствием мер по укреплению власти Российской империи в регионе. Но при этом следует отметить и мероприятия, инициатива которых часто шла от российских чиновников с мест. Именно управляющие Памиром начальники Памирского отряда часто инициировали различные модернизационные и аккультурационные мероприятия, способствующие, по их мнению, укреплению власти империи в регионе.

Проекты модернизации, инициированные Российской империей на Памире в конце XIX – начале XX в., стали важнейшим фактором в развитии этого региона. Они оказали значительное влияние на культурную, экономическую и социальную жизнь местного населения. Хотя главной целью политики Российской империи на Памире было обеспечение стратегических интересов и противодействие экспансии Британской империи, многие мероприятия способствовали улучшению качества жизни памирцев.

Одним из ключевых направлений модернизации стало образование. В 1909 г. в Хороге была открыта русско-туземная школа, ставшая важным шагом к распространению грамотности среди местного населения. Хотя поначалу школа работала с ограниченными ресурсами и обучала небольшое количество учеников, со временем она получила поддержку от российских властей и значительно расширила свою деятельность.

Образовательная политика Российской империи способствовала формированию первой группы местных специалистов, которые впоследствии стали ключевыми фигурами в общественной и политической жизни региона, особенно в период установления советской власти.

Особое внимание уделялось медицинскому обслуживанию. Врачи Памирского отряда, несмотря на нехватку лекарств и ограниченные ресурсы, оказывали помощь местному населению, что способствовало снижению заболеваемости и улучшению санитарных условий в регионе. Российские власти осознавали необходимость увеличения финансирования здравоохранения, но реализация крупных медицинских проектов была затруднена из-за сложных условий и нехватки средств.

Российские власти придавали большое значение развитию транспортной инфраструктуры, понимая её стратегическую и экономическую значимость. Создание дорожных маршрутов, связывающих Фергану с Памиром, а также строительство путей внутри региона способствовало укреплению контроля над территорией, активизации торговли и вовлечению местного населения в

экономическую жизнь империи. Эти дороги не только облегчали передвижение российских военных и чиновников, но и способствовали культурному обмену, позволяя памирцам знакомиться с жизнью в других частях Туркестана.

Таким образом, модернизационные проекты, реализованные Российской империей на Памире, были направлены не только на укрепление военного и административного контроля, но и способствовали улучшению условий жизни местного населения. Внедрение системы образования, развитие медицины и транспортной инфраструктуры заложили основу для дальнейших преобразований в регионе. Несмотря на ряд трудностей и ограниченные ресурсы, эти инициативы оказали долговременное влияние на социально-экономическое развитие Памира, что прослеживается вплоть до современности. Российское присутствие на Памире стало фактором, способствующим интеграции региона в более широкие политические и экономические структуры, что, как предполагалось, должно было как бы приблизить эту изолированную и далекую окраину империи к остальному Туркестану, благодаря чему местное население, как представлялось российским чиновникам, приобщалось бы к благам цивилизации.

Литература

- [Амонбеков, 2021](#) – Амонбеков Н. К истории организации медицинской помощи населению Памира с 1895–197 гг. Инфекции прошлого века // *Научные доклады Университета Центральной Азии*. 2021. № 14. С. 1-27.
- [Басханов, 2015](#) – Басханов М.К. К последнему перевалу: жизнь и странствия Бронислава Громбчевского / Дервиш Гиндукуша: Путевые дневники центральноазиатских экспедиций генерала Б.Л. Громбчевского. СПб., 2015. С. 7-76.
- [Губаева, 1991](#) – Губаева С.С. Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX в. Ташкент, 1991. 127 с.
- [Габриэльян, 2023](#) – Габриэльян С.И. История внешнеполитического соперничества европейских государств в Иране: геоэкономические аспекты (конец XIX – начало XX в.). Ташкент, 2023. 197 с.
- [Захарчев, 2014](#) – Захарчев Н.А. Тайны Памирского поста. Ульяновск, 2014. 177 с.
- [Искандаров, 1958](#) – Искандаров Б.И. Из истории Бухарского эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века). М., 1958. 131 с.
- [Искандаров, 1960](#) – Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения к России. Сталинабад, 1960. 215 с.
- [Искандаров, 1962](#) – Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. В 2-х ч. Душанбе, 1962. Ч. I. 356 с.
- [Искандаров, 1963](#) – Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. В 2-х ч. Душанбе, 1963. Ч. II. 352 с.
- [Искандаров, Юсупов, 1976](#) – Искандаров Б.И., Юсупов Ш. Русская школа на Памире // *Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук*. 1976. № 2. С. 14-20.
- [Искандаров, Юсупов, 1976](#) – Искандаров Б.И., Юсупов Ш. Русские врачи на Памире // *Известия Академии наук Таджикской ССР. Отделение общественных наук*. 1976. № 3. С. 34-40.
- [Махмудов, 2017](#) – Махмудов О.А. «Сначала в школу надо было загонять принудительными мерами, потом, однако, число желающих стало значительно превышать комплект учеников»: вклад российского Памирского отряда в развитие образования на Памире в 1909–1917 гг. (по архивным материалам) / *Личность и время*. Николай Остроумов: востоковед, просветитель, летописец эпохи. Ташкент, 2017. С. 208-215.
- [Махмудов, 2020](#) – Махмудов О.А. На «окраине» бывшей империи: революционные события, формирование и эволюция органов власти и Гражданская война на Памире (по архивным материалам) / *Гражданская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917-1922*. СПб., 2020. С. 451-464.
- [НАУз](#) – Национальный архив Узбекистана.
- [Некрасов, 2017](#) – Некрасов О.В. Русские пограничники на “Крыше Мира” (по архивным, правовым и иным материалам). М., 2017. 248 с.
- [Постников, 2001](#) – Постников А.В. Схватка на “Крыше Мира”: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке. М., 2001. 416 с.
- [РГВИА](#) – Российский государственный военно-исторический архив.
- [Снесарев, 1902](#) – Снесарев А.Е. Великий памирский путь в средние века // *Туркестанские ведомости*. 1902. № 18.
- [Тегеев, 1896](#) – Тегеев Б.Л. Памирский поход. (Воспоминание очевидца) // *Исторический Вестник*. 1896. Т. XXIII. Вып. 48. С. 111-163.
- [Тегеев, 1902](#) – Тегеев Б.Л. Памирские походы. 1892-1895. Десятилетие присоединения Памира к России. Варшава, 1902. 151 с.
- [Халфин, 1965](#) – Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60-90-е годы XIX в.). М., 1965. 468 с.

- [Халфин, 1975](#) – *Халфин Н.А.* Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XX в.). М., 1975. 128 с.
- [Hopkirk, 1990](#) – *Hopkirk P.* The Great Game. On Secret Service in High Asia. London, 1990. 562 p.
- [Makhmudov, 2022](#) – *Makhmudov O.* “To firmly establish our border at the foot of The Hindu Kush”: road construction as a means of legitimizing the rule of the Russian // *Central Asian Survey*. 2022. Vol. 41. Is. 2: Technology, Temporality and the Study of Central Asia Empire in the Pamir. Pp. 244-259.
- [Morrison, 2020](#) – *Morrison A.* The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 2020. 614 p.
- [Mostowlansky, 2017](#) – *Mostowlansky T.* Azan on the Moon: Entangling Modernity along Tajikistan’s Pamir Highway. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2017. 216 p.
- [Urakov et al., 2024](#) – *Urakov D.J., Gabrielyan S.I., Khaynazarov B.B.* The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century // *Bylye Gody*. 2024. 19(2): 750-762.

References

- [Amonbekov, 2021](#) – *Amonbekov, N.* (2021). K istorii organizatsii meditsinskoj pomoshchi naseleniyu Pamirap s 1895–197 gg. Infektsii proshlogo veka [On the history of the organization of medical care to the population of Pamirap from 1895–197. Infections of the last century]. *Nauchnyye doklady Universiteta Tsentral'noy Azii*. 14: 1-27. [in Russian]
- [Baskhanov, 2015](#) – *Baskhanov, M.K.* (2015). K poslednemu perevalu: jizn i stranstviya Bronislava Grombchevskogo [To the last pass: the life and wanderings of Bronislaw Grombcewski]. Dervish Gindukusha: Puteviye dnevniki sentralnoaziatskix ekspeditsiy generala B.L. Grombchevskogo. Saint Petersburg. Pp. 7-76. [in Russian]
- [Gabrielyan, 2023](#) – *Gabrielyan, S.I.* (2023). Istoriya vneshnepoliticheskogo sopernichestva yevropeyskix gosudarstv v Irane: geoekonomicheskiye aspekti (konets XIX – nachalo XX v.) [History of foreign policy rivalry between European states in Iran: geo-economic aspects (late 19th – early 20th centuries)]. Tashkent, 197 p. [in Russian]
- [Gubayeva, 1991](#) – *Gubayeva, S.S.* (1991). Naseleniye Ferganskoy dolini v konse XIX – nachale XX v. [Population of the Fergana Valley at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. Tashkent, 127 p. [in Russian]
- [Hopkirk, 1990](#) – *Hopkirk, P.* (1990). The Great Game. On Secret Service in High Asia. London, 562 p. [in Russian]
- [Iskandarov, 1958](#) – *Iskandarov, B.I.* (1958). Iz istorii Bukharskogo emirata (Vostochnaya Bukhara i Zapadnyy Pamir v kontse XIX veka) [From the history of the Bukhara Emirate (Eastern Bukhara and Western Pamir at the end of the 19th century)]. Moscow, 131 p. [in Russian]
- [Iskandarov, 1962](#) – *Iskandarov, B.I.* (1962). Vostochnaya Bukhara i Pamir v period prisoyedineniya k Rossii [Eastern Bukhara and Pamir during the period of annexation to Russia]. Stalinabad, 1960. 215 p. [in Russian]
- [Iskandarov, 1962](#) – *Iskandarov, B.I.* (1962). Vostochnaya Buxara i Pamir vo vtoroy polovine XIX v. V 2-kh ch. [Eastern Bukhara and Pamir in the second half of the 19th century. In 2 parts]. Dushanbe. Vol. I. 356 p. [in Russian]
- [Iskandarov, 1963](#) – *Iskandarov, B.I.* (1963). Vostochnaya Buxara i Pamir vo vtoroy polovine XIX v. V 2-kh ch. [Eastern Bukhara and Pamir in the second half of the 19th century. In 2 parts]. Dushanbe. Vol. II. 352 p. [in Russian]
- [Iskandarov, Yusupov, 1976](#) – *Iskandarov, B.I., Yusupov, Sh.* (1976). Russkaya shkola na Pamire [Russian school in the Pamirs]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoy SSR. Otdeleniye obshchestvennykh nauk*. 2: 14-20. [in Russian]
- [Iskandarov, Yusupov, 1976a](#) – *Iskandarov, B.I., Yusupov, Sh.* (1976). Russkiye vrachi na Pamire [Russian doctors in Pamir]. *Izvestiya Akademii nauk Tadzhikskoy SSR. Otdeleniye obshchestvennykh nauk*. 3: 34-40. [in Russian]
- [Makhmudov, 2017](#) – *Makhmudov, O.A.* (2017). «Snachala v shkolu nado bilo zagonyat prinuditelnimi merami, potom, odnako, chislo jelayushix stalo znachitelno previshat komplekt uchenikov»: vklad rossiyskogo Pamirskogo otryada v razvitiye obrazovaniya na Pamire v 1909-1917 gg. (po arkhivnim materialam). Lichnost i vremya. Nikolay Ostroumov: vostokoved, prosvetitel, letopisets epoxi. [“At first it was necessary to force people into the school through coercive measures, but then, however, the number of applicants began to significantly exceed the number of students”: the contribution of the Russian Pamir detachment to the development of education in the Pamirs in 1909-1917 (based on archival materials). Personality and time. Nikolai Ostroumov: orientalist, educator, chronicler of the era]. Tashkent. Pp. 208-215. [in Russian]
- [Makhmudov, 2020](#) – *Makhmudov O.A.* Na «okraine» bivshey imperii: revolyutsionniye sobitiya, formirovaniye i evolyutsiya organov vlasti i Grajdanskaya voyna na Pamire (po arxivnim materialam). Grajdanskaya voyna v Rossii: Jizn v epoxu sotsialnix eksperimentov i voyennix ispitaniy, 1917–1922. [On the “outskirts” of the former empire: revolutionary events, the formation and evolution of authorities and the

- Civil War in the Pamirs (based on archival materials). Civil War in Russia: Life in the era of social experiments and military trials, 1917–1922]. Saint Petersburg, 2020. P. 451–464. [in Russian]
- [Makhmudov, 2022](#) – *Makhmudov, O.* (2022). “To firmly establish our border at the foot of The Hindu Kush”: road construction as a means of legitimizing the rule of the Russian. *Central Asian Survey*. Vol. 41. Is. 2: Technology, Temporality and the Study of Central Asia Empire in the Pamir. Pp. 244–259.
- [Morrison, 2020](#) – *Morrison, A.* (2020). The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge, 614 p.
- [Mostowlansky, 2017](#) – *Mostowlansky, T.* (2017). Azan on the Moon: Entangling Modernity along Tajikistan’s Pamir Highway. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 216 p.
- [NAUz](#) – Natsionalniy arkhiv Uzbekistana [National Archives of Uzbekistan].
- [Nekrasov, 2017](#) – *Nekrasov, O.V.* (2017). Russkiye pogranichniki na “Kryshe Mira” (po arkhivnym, pravovym i inym materialam) [Russian border guards on the “Roof of the World” (based on archival, legal and other materials)]. Moscow, 248 p. [in Russian]
- [Postnikov, 2001](#) – *Postnikov, A.V.* (2001). Skhvatka na “Krishe Mira”: Politiki, razvedchiki, geografi v borbe za Pamir v XIX veke [Fight on the “Roof of the World”: Politicians, intelligence officers, geographers in the struggle for the Pamirs in the 19th century]. Moscow, 416 p. [in Russian]
- [RGVIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvenniy voyenno-istoricheskiy arxiv [Russian State Military Historical Archive].
- [Snesarev, 1902](#) – *Snesarev, A.Ye.* (1902). Velikiy pamirskiy put v sredniye veka [The Great Pamir road in the Middle Ages]. *Turkestanskiye vedomosti*. № 18. [in Russian]
- [Tageyev, 1896](#) – *Tageyev, B.L.* (1896). Pamirskiy poход. (Vospominaniye ochevidsa) [Pamir trek. (Memoir of an eyewitness)]. *Istoricheskiy Vestnik*. Vol. XXIII. Is. 48. Pp. 111–163. [in Russian]
- [Tageyev, 1902](#) – *Tageyev, B.L.* (1902). Pamirskiy poход. 1892–1895. Desyatiletie prisoyedineniye Pamira k Rossii [Pamir hikes. 1892–1895. Tenth anniversary of the annexation of the Pamirs to Russia]. Varshava. 151 p. [in Russian]
- [Khalfin, 1965](#) – *Khalfin, N.A.* (1965). Prisoyedineniye Sredney Azii k Rossii (60–90-ye gody XIX v.) [Annexation of Central Asia to Russia (1860–1890s)]. Moscow, 468 p. [in Russian]
- [Khalfin, 1975](#) – *Khalfin, N.A.* (1975). Rossiya i Buxarskiy emirat na Zapadnom Pamire (konets XIX – nachalo XX v.) [Russia and the Bukhara Emirate in the Western Pamirs (late 19th – early 20th centuries)]. Moscow, 128 p. [in Russian]
- [Zaxarchev, 2014](#) – *Zaxarchev, N.A.* (2014). Tayni Pamirskogo posta. [Secrets of the Pamir fast]. Ulyanovsk, 177 p. [in Russian]
- [Urakov et al., 2024](#) – *Urakov, D.J., Gabrielyan, S.I., Khaynazarov, B.B.* (2024). The Role of the Turkestan Governor-General in the Foreign Policy of the Russian Empire in the second half of the 60s of the XIX century. *Bylye Gody*. 19(2): 750–762.

Модернизационные проекты Российской империи на «Крыше Мира» (конец XIX – начало XX в.)

Азизбек Гузалович Холлиев ^a, Ойбек Анварович Махмудов ^b, Софья Ивановна Габриэльян ^{a,*},
Салимахон Нуманджановна Мадярова ^a

^a Национальный университет Узбекистана, Ташкент, Республика Узбекистан

^b Чирчикский государственный педагогический университет, Чирчик, Республика Узбекистан

Аннотация. В настоящей статье исследуется процесс модернизации и аккультурации в Памирском регионе периода поздней Российской империи. В центре внимания исследования находятся ключевые аспекты социально-экономического развития региона, включая систему управления, строительство транспортной инфраструктуры, развитие образования и здравоохранения. Прослеживается преемственность политических решений и практик, заложенных в имперский период, и их трансформация в новых социально-экономических условиях при советской власти.

Российская империя начала активно осваивать территорию Памира и Припамирья после так называемых «Памирских походов» 1891–1894 гг., вызванных соперничеством с Британской империей за влияние в регионе.

Одним из ключевых направлений модернизации стало развитие транспортной инфраструктуры. В период с 1893 по 1917 г. российские власти активно строили дороги, соединяющие Памир с Туркестаном. Особенно значимыми проектами стали Алайская дорога (построенная в 1893 г.) и Памирский тракт, строительство которого велось с 1897 по 1899 г. Эти транспортные

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sofagabrielan4@gmail.com (С.И. Габриэльян), azizbekholliiev@gmail.com (А.Г. Холлиев), oybek81@yandex.ru (О.А. Махмудов), madyarova-75@mail.ru (С.Н. Мадярова)

артерии обеспечили региону доступ к внешним рынкам, способствовали экономической интеграции и расширению торговли. Дорожное строительство продолжилось и в советский период, что позволило в 1940 г. завершить строительство Большого Памирского тракта, окончательно связавшего регион с основной частью Советского Союза.

Помимо транспортной инфраструктуры, российские власти уделяли значительное внимание развитию системы образования. В 1909 г. на Хорогском посту была открыта первая русско-туземная школа, основателями которой выступили начальники Памирского отряда. Выпускники этой школы, среди которых были будущие лидеры советской власти на Памире, сыграли важную роль в установлении власти Советов и дальнейшем распространении образования в регионе.

Модернизация затронула и сферу здравоохранения. Несмотря на ограниченные ресурсы, российские военные врачи оказывали медицинскую помощь местному населению, боролись с эпидемиями и развивали санитарные меры.

Авторы статьи опираются на богатую источниковую базу, в том числе на документы Национального архива Республики Узбекистан и Российского государственного военно-исторического архива. Применение сравнительно-исторического, диахронического, системного и контент-анализа позволило авторам выявить основные закономерности процессов модернизации и определить их влияние на социально-экономическое развитие Памира.

Ключевые слова: Памир, Российская империя, Туркестан, Памирский отряд, модернизация, дороги, образование, медицина, система управления.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 991-1000
DOI: 10.13187/bg.2025.2.991

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

A. Baitursynov Educational Activities in Aul Schools of Kustanay District in Turgay Region

Almasbek Absadyk ^a, Otegen Issenov ^{a, *}, Zhangeldy Shaukenov ^a, Bijomart Kapalbek ^b

^a Kostanay Regional University named after Akhmet Baitursynuly, Kostanay, Republic of Kazakhstan

^b Institute of state language development, Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

Akhmet Baitursynov is an outstanding representative of the Kazakh intellectual of the early 20th century, an educator, a philologist, and a prominent public and a statesman. Baitursynov's teaching career began as an ordinary teacher in a village school in 1895. For 14 years, from 1895 to 1909, he worked in the pedagogical field in the education system of the Turgay regions. In 1897–1898, Baitursynov taught at the Auliekol volost school of the Amankaragay volost of the Turgay district. Two years later, in 1900, he was assigned the functions of a teacher at the Urunbaev school. A. Baitursynov taught the Kazakh language at this educational institution. During the entire period of his teaching activity, he was engaged in self-education and literary creativity. In Kustanay Baitursynov had public recognition and actively interacted with A. Alektorov, who was an inspector of public schools in the Turgai region.

A. Baitursynov's teaching activities in various educational institutions contributed to his personal development and growth as an innovative teacher, a public leader and a progressive person. This period should rightfully be assessed as an important page in the biography of one of the brightest representatives of the Kazakh public of the study period.

Keywords: Kustanay, Baitursynov, village schools, folklore, literature, teacher, clerk, ethnography, literary translation.

1. Введение

Педагогическая деятельность Ахмета Байтурсынова в уездном центре Тургайской области Кустанае, равно как и в аульных школах Кустанайского уезда, представляет малоисследованный период его жизнедеятельности. Представители научного сообщества и социума до настоящего времени не обладали сведениями относительно хронологических сроков пребывания просветителя в регионе и его последующего переезда в Омск.

Современники и последователи Байтурсынова в лице его учеников в 20-е годы ушедшего века оставили воспоминания о нем, в которых содержатся ценные материалы. Согласно представленной ими информации, в частности, в статье М. Ауэзова «Полувековой юбилей Ахмета Байтурсынова», опубликованной в газете «Акжол» в 1923 г. в Ташкенте, Байтурсынов некоторое время работал в аульной школе Аулиекольской волости Кустанайского уезда. Впоследствии он перевелся на должность учителя в русско-казахскую школу в городе Кустанае. Через несколько лет, в 1896 г., просветитель отправился в Омск, «связавшись с Алекторовым, курирующим Акмолинские и Семипалатинские школы» (Газета «Акжол», 2020: 21).

Характерно отметить, что научное сообщество актуализировало ряд вопросов, которые нуждались в детальной разработке. Так, по нашему мнению, отсутствовал доскональный всесторонний анализ деятельности Байтурсынова в аульных школах Кустанайского уезда в ракурсе

* Corresponding author

E-mail addresses: almas9172447@gmail.com (A.A. Absadyk), utegen59@mail.ru (O.I. Issenov), shaukenov-zhange@mail.ru (Zh.A. Shaukenov), zhomart_til@mail.ru (K.S. Bijomart)

его взаимосотрудничества с представителями педагогической общественности. Исследователи по причине отсутствия источников не владели сведениями относительно работы Байтурсынова в Урунбаевской аульной школе Мендыгаринской волости и педагогическом классе в городе Кустанае после завершения Аулиекольского учительского периода. В процессе изучения биографического сюжета переезда Байтурсынова из Кустаная в Омск ряд ученых высказывали предположение о его персональном переезде к Алекторову с целью изучения системы образования.

Научное изучение педагогической деятельности А. Байтурсынова в школах Кустанайского уезда получило динамическое развитие после обретения Казахстаном независимости в 1991 г. Исследователи получили возможность использовать архивные материалы, в которых содержится информативная база о периоде его пребывания в Кустанае. Казахские ученые в ходе проведенной работы представили логические умозаключения и выводы относительно педагогической деятельности А. Алекторова (Сулейменов, 1997: 47-100) и жизнедеятельности соратника Байтурсынова М. Дулатова (Галиев, 2011: 31-52).

Накануне празднования 150-летнего юбилея в 2022 г. по линии ЮНЕСКО и в последующие годы ученые акцентировали внимание на поисковую и аналитическую работу с историческими документами в отечественных и зарубежных архивах. По итогам реализованных мероприятий предпринимались попытки конкретизации хронологических рамок учительской деятельности А. Байтурсынова в аульных школах Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областей в период с 1895 по 1909 г., уточнения географического расположения школ, в которых он работал, установления имен и фамилий его контактного окружения (Absadyk et al., 2022: 890-901).

Современные ученые рассмотрели проблемы работы Байтурсынова в литературно-публицистической сфере, проанализировали степень его успешности в педагогическом секторе, комплексно изучили малоизвестную тему его личностного участия в организации оппозиционного движения в городе Каракаралинске в период Первой русской революции (Absadyk et al., 2023: 1455-1465).

Следует отметить актуальность вопроса относительно просветительской деятельности А. Байтурсынова в аульных школах Кустанайского уезда. Основные мотивы исследования данного исторического момента заключаются в следующем: во-первых, процесс формирования и развития аульных школ в Кустанайском уезде являлся важным фактором состояния народного образования Тургайской области при непосредственном участии представителей местной общественности, например, учителей; во-вторых, кустанайский период длительностью около 5 лет в судьбе Байтурсынова характеризуется его личностным прогрессом в качестве учителя, литератора и общественного лидера; в-третьих, на фоне профессиональной и социальной деятельности Байтурсынова сформировалась группа его товарищей и единомышленников, которые стремились к социально-экономическим и политическим преобразованиям.

2. Материалы и методы

В советской историографии биография Байтурсынова освещалась фрагментарно по причине политической конъюнктуры его неприятия. Тема «Кустанайского периода» по объективным обстоятельствам долгое время не исследовалась. Следует отметить проблему недостаточности архивных и исторических материалов по изучаемому вопросу. С целью комплексного освещения обозначенной проблемы авторы исследования использовали сведения из Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), архива Казахского национального педагогического университета им. Абая (Республика Казахстан), Государственного архива Томской области (Томск, Российская Федерация), Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация), а также справочные материалы Оренбургского областного статистического комитета и памятные книжки Западно-Сибирского учебного округа за 1889–1902 гг., «Памятные книжки Тургайской области» (ПКТО), «Адрес-календарь Тургайской области» (АКТО), «Справочная книжка и Адрес-календарь Тургайской области» (СК и АКТО), «Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа» (ПК ЗСУО).

В фондах Центрального государственного архива Республики Казахстан и Казахского национального педагогического университета им. Абая авторы обнаружили документы, которые были составлены собственноручно Байтурсыновым в период его оформления на службу в советские государственные структуры. Анализ выявленных материалов с документами других источников резюмирует выводы применительно к малоисследованным страницам биографии Байтурсынова, в частности, определение хронологии и перечня объектов, в которых он работал. Изучение большого количества источниковых данных Государственного архива Томской области (ГАТО), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), статистических и справочных отчетов Оренбургского областного статистического комитета и Западно-Сибирского учебного округа способствовало точному определению временных рубежей его просветительской деятельности, установлению месторасположения и наименования школ, в которых он учительствовал, и определению перечня занимаемых им должностей.

В ракурсе полного освещения выделенной темы использованы авторские статьи М. Дулатова, С. Сейфуллина, Е. Омарова, М. Ауэзова, которые были подготовлены накануне 50-летнего юбилея

просветителя (1922) в 1922–1923 гг. Значительные сведения авторами получены в работах Р. Нургали, Р. Сыздыковой, У. Абдиманова, В. Галиева, Д. Сулейменова, Р. Имахамбетова, которые вышли после реабилитации А. Байтурсынова в 1988 г.

Методологические основы представленного исследования составили принципы диалектики. В процессе применения междисциплинарного подхода авторами комплексно освещены роль и влияние педагога А. Байтурсынова в истории формирования и эволюции модели аульных школ Кустанайского уезда Тургайской области. Члены авторского коллектива в результате системной аналитики выявленных ими неизвестных широкому кругу общественности свидетельств современников и документов детально раскрыли период просветительской работы ученого и его личного участия в развитии регионального социального сектора.

На основе сопоставительного анализа фактологических данных большого количества источников и историографии определены ранее неизвестные моменты биографии Байтурсынова. В ходе активного использования поискового метода по теме исследования авторы задействовали значительный объем архивных фондов и периодически относительно выделенных в статье хронологического периода и территории. С целью комплексного освещения представленной темы члены авторского коллектива приняли участие в ряде научных поисковых экспедиций: «По следам А. Байтурсынова: Оренбургский период – 2019», «Путь учителя: Урунбаевская школа, Кустанайский педагогический класс – 2022». По результатам работы экспедиций авторы выявили и обработали материалы, которые представляют научную ценность, в частности, статьи и газетные публикации под авторством А. Байтурсынова, малоизученные биографические сведения относительно Байтурсынова и его современников педагогов-просветителей Васильева, Алекторова и Чутаева.

Таким образом, авторы обнаружили солидный массив фактов и обстоятельств, описание которых во многом характеризует качество профессиональной подготовки и неизвестные страницы жизни Байтурсынова.

3. Обсуждение

Отсутствие фактологических сведений о педагогической деятельности А. Байтурсынова в аульных школах Кустанайского уезда Тургайской области определялось по объективным причинам. Очевидно, Байтурсынов не вел каких-либо дневниковых записей, поэтому основной объем информативных данных нашел свое отражение в официальной документации. Сведения применительно к своим биографии и творчеству он излагал в сухой канцелярской стилистике ответов на анкетные бланки, которые являлись востребованными при оформлении документов на работу в государственные структуры советского периода. По нашему мнению, Байтурсынов, как и некоторые его сподвижники по общественно-политической работе в оппозиционной советскому режиму партии Алаш (1917–1920 гг.) и правительстве Алаш-Орда (1917–1919 гг.) явственно ощущали недоверие Советской власти и сознательно ограничивали различные формы записок и переписок эпистолярного жанра. В ряде заполненных Байтурсыновым анкет 1920-х гг., он предоставил весьма ограниченные сведения в лаконичной форме. В частности, Байтурсынов изложил минимальный объем информации относительно своей деятельности в анкетных документах периода его участия в советских органах: вступление в партию РКП(б), административно-управленческая работа, деятельность в Наркомпросе КССР (ЦГА РК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1652. Л. 6, 9–10, 11–12, 47–48), включение в качестве ответственного представителя в группу помощи голодающим республики (Помгол) при содействии Президиума Центрального Комитета Киргизской ССР (Казахской). В автобиографии, которую он заполнил в 1929 г. в период зачисления на должность профессора кафедры казахского языка Казахского педагогического института, содержится краткое упоминание о его работе в аульных школах: «Начиная с 1 июня 1895 г. служил учителем в разных местах Казахстана, в разных школах, – сперва в аульных, потом в волостных и, наконец, в двухклассных» (Архив КазНПУ. Оп.1. Связка №6 «Б». Д. 209. Л. 1).

Байтурсынов не упоминает о своей деятельности в городах Кустанае и Омске. Мы полагаем, что он с учетом сложившейся политической ситуации зафиксировал фактические, известные официальным органам сведения относительно себя. Представленные документы имеют большую научную значимость, но их содержательная часть недостаточна для осуществления развернутого исследования. Таким образом, анализ историографии по теме работы резюмирует выводы об отсутствии публикаций относительно педагогической деятельности Байтурсынова в Тургайской области по ряду фундаментальных обстоятельств:

1. В исследованиях М. Дулатова, М. Ауэзова, С. Сейфуллина, Е. Омарова периода 1922–1923 гг. о педагогической, научной и общественной работе А. Байтурсынова отсутствуют материалы о его пребывании в Кустанайском уезде. Соответствующие авторы не отразили в своих произведениях этот важный эпизод жизнедеятельности просветителя по определенным причинам – недостаточности знаний его биографии или сознательно с учетом политической обстановки пристального внимания Советской власти к бывшим деятелям Алашского движения.

2. Байтурсынов с конца 20-х и до конца 30-х гг. XX в. неоднократно подвергался преследованиям. В 1937 г. он, по формулировке «враг народа», был расстрелян. На многие

десятилетия изучение его деятельности оказалось под запретом, что значительно осложнило исследования ученых.

3. После реабилитации имени Байтурсынова в 1988 г. ученые возобновили научные работы по изучению его многогранной деятельности. В современных гуманитарных науках осуществляются фундаментальные работы познания его публицистическо-литературного и филологического наследия, освещения общественно-политической деятельности. На наш взгляд, следует расширить спектр специализированных разработок и сфокусировать усилия ученых на исследовании малоизученных страниц его биографии на основе выявленных новых архивных источников и исторических материалов.

Изучение исторического опыта становления и функционирования аульных школ в Кустанайском уезде является весьма важным фактором формирования представлений о ролевой значимости А. Байтурсынова в организации системы просвещения выделенного хронологического периода.

4. Результаты

Экс-инспектор А. Васильев в своей работе по проблемам формирования и распространения государственного образования в Тургайской области выделил период 1892–1896 гг. в качестве начального этапа создания аульных школ в регионе. В его интерпретации данное время охарактеризовано в качестве «третьего этапа» развития государственной образовательной модели в области, интенсификация которой произошла под влиянием «Положения об управлении Степными областями Российской империи» от 25 марта 1891 г. (Васильев, 1896: 151–152). Характерно отметить пункт нового «Положения...», согласно которому расходы в социальном секторе, в том числе и образовании, финансировались за счет местного бюджета. В соответствующих обстоятельствах областная администрация приступила к реализации социальных проектов при минимализации финансовых затрат. По итогам осуществленных мероприятий стала функционировать система передвижных аульных школ, которая по своей организации, методам обучения во многом соответствовала кочевому образу жизни казахов. Раннее функционировавшие школы возникли впоследствии административных реформ 1822–1824 гг. и в значительной мере находились под влиянием татарских учителей, многие из которых критически воспринимали официальные власти.

А. Васильев охарактеризовал аульные школы 1890-х гг. следующим образом: «Передвижные школы нового типа названы аульными школами. Стоимость ежегодного содержания каждой такой школы исчислена в 324 р. В том числе: учителю – 180 р., на плату за помещение (зимою – землянка, летом – кибитка) – 60 р., на учебные книги – 20 р., на передвижные школы – 40 р., и на найм прислуги – 24 р.» (Васильев, 1896: 153).

Русские школы в сельской местности подразделялись на учебные учреждения начального уровня, волостные одноклассные школы со сроком обучения 4 года, уездные двухклассные школы с 6-тью годами обучения. Соблюдалась иерархия школьного обучения в административном и учебно-методическом значении. На низовом уровне действовали начальные школы, далее по вертикали сохранялось влияние волостных школ, а главенствовали уездные школы.

Открытие первой передвижной аульной школы состоялось 15 июня 1892 г. в ауле Карагайлы (по административному делению исследуемого времени аул №4) Кустанайского уезда Тургайской области (ТОВ, 1892: № 31). Созданные с учетом кочевого образа жизни казахов передвижные школы вызвали значительный интерес у аульных старшин, которые подали 48 заявок на их открытие (Васильев, 1896: 163). По статистическим сведениям А. Васильева на период 1 января 1896 г. в Тургайской области насчитывалось 30 аульных школ, из которых половина, в количестве 16 единиц, находилась на территории Кустанайского уезда (Васильев, 1896: 159–161).

В связи с массовым открытием аульных школ в области актуализировалась потребность наличия квалифицированных педагогов. В 1894 г. руководители образовательных структур предложили областным властям открыть педагогический класс для подготовки учителей аульных школ в Кустанае (Васильев, 1896: 157–158). В 1897 г. в Кустанае начал работать педагогический класс, который являлся первым учебным заведением в Степных областях по обучению специалистов для преподавания в сельских школах.

Педагогическое творчество А. Байтурсынова (Рисунок 1) проходило в Кустанайском уезде во времена активного внедрения аульных школ.

Молодой учитель в 1895–1896 гг. преподавал в аульной школе Бестамакской волости. Ориентировочно в 1897–1898 гг. А. Байтурсынов переводится в передвижную школу аула №2 Аулиеколя (Святое озеро) Аманкарагайской волости. Недалеко от аула открылось поселение переселенцев «Семиозерное», которое в 1895 г. было официально узаконено областным руководством. Поселение располагалось на южной стороне Аманкарагайского леса на берегах реки Ащыбой, которая впадала в озеро Кушмурун. Областные власти выделили земли в пользу поселения в объеме 18140 десятин (ГАОО. Ф.12. Оп.1. Д. 84. Л. 49–54).

Рис. 1. Ахмет Байтурсынов

В 1894–1895 гг. к аулиекольской школе были прикреплены четыре сельские школы близлежащих аулов Атакан, Коктал, Ханымжол, Байтума. Местное население критически воспринимало открытие русских школ по причинам опасения последующей христианизации детей и их призыва в армию. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан авторами обнаружены отчеты инспектора народных училищ Тургайской области А. Алекторова. Согласно содержанию данных документов, Алекторов персонально принимал участие в агитационной кампании, в процессе которой убеждал состоятельных и авторитетных жителей способствовать открытию школ ([ЦГА РК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 45–48. Л. 130–131](#)).

С учетом наличия объективных сложностей открытия аульных школ представители администрации сохраняли заинтересованность назначения на должность учителя волостной Аулиекольской школы опытного специалиста, которому предстояло провести системную последовательную работу административного и учебно-методического характера. Таким образом, Байтурсынов получил утверждение на эту должность по ряду веских причин. Ранее он учительствовал в Арынгазыевской аульной школе Бестамакской волости. Байтурсынов за время работы в этой местности приобрел ценный опыт взаимодействия с населением близлежащих населенных пунктов и получил общественное признание как специалист.

Характерно отметить важный фактор близости Аулиекольской и Наурзумской волостей, жители которых поддерживали родственные и дружеские контакты. Байтурсынов являлся представителем Умбетеевого рода, летние кочевья которого располагались в Наурзумской волости. Мать учителя, Кунше, была родом из этого региона ([Имаханбет, 2010: 26](#)). Поэтому Байтурсынов по совокупности профессиональных и семейных обстоятельств нес ответственность за качество своего труда перед семьей, коллегами и населением.

Ориентировочные сроки его перевода в Аулиеколь возможно датировать периодом в формулировке «примерно 1897–1898 гг.». Подобный вывод основан на исторических фактах, которые содержатся в справочнике «Памятная книжка Тургайской области» за 1899 г. – ежегодно публикуемом статистическим комитетом Тургайской области официальном издании. Как правило, справочники формировались на основе статистических материалов предыдущего года. Поэтому логически предположить о наличии в этом документе сведений за 1898 г. В указанном номере справочной книжки задокументирован эпизод пребывания Байтурсынова в качестве учителя волостной школы ([ПКТО, 1899: 52](#)). Непосредственным руководителем Байтурсынова в Аулиекольской волостной школе являлся выпускник Казанской семинарии Г. Лапшин. Лапшин начал учительствовать в казахской степи со времени деятельности первого инспектора народных училищ Тургайской области И. Алтынсарина.

На Байтурсынова возлагалась большая ответственность кураторства учебно-методического сектора закрепленных за Аулиекольской волостной школой аульных школ. В соответствующих сельских школах работали несколько учителей: Атаканскую школу обслуживал Т. Бородухин, Т. Кенжешалов преподавал в Кокталской, С. Сафонов учительствовал в Ханымжольской. Рабочий график учителей аульных школ адаптировался к хозяйственно-кочевому образу жизни казахского населения. Интенсивный сезон кочевания казахских аулов проходил летом. Педагогам предстояло выполнять свои обязанности в таких условиях. Чуткий и внимательный педагог А. Байтурсынов

помогал своим коллегам контактировать с местным населением, оказывал им методическую помощь и рекомендации в усовершенствовании учебного процесса.

По завершению педагогического творчества в Аулиекольской волостной школе, по мнению исследователей, Байтурсинов продолжил карьеру учителя в русско-казахских школах города Кустаная. Автором этого утверждения является казахский ученый-писатель М. Ауэзов, который в своей работе 1923 г. упоминает о пребывании Байтурсинова в Кустанайской уездной русско-казахской школе ([Газета «Акжол», 2020: 21](#)).

В обнаруженных нами источниках говорится о его работе в звании учителя в школе Урунбаева Мендыгаринской волости, в которую он непосредственно переехал по окончании аулиекольского периода. Подобная информация имеется в «Адрес-календаре Тургайской области» за 1901 г. Согласно сведениям «Адреса...», можно узнать о работе Байтурсинова учителем в Урунбаевской школе Мендыгаринского волости и в Кустанайском педагогическом классе ([АКТО, 1902: 76, 80](#)).

Кустанайский педагогический класс открылся в 1897 г. Сведений о сроках запуска «Урунбаевской школы» в Мендыгаринской волости и истории ее названия практически нет. Она не зафиксирована в списке аульных школ и на карте исторического очерка Васильева 1896 г. издания. Следовательно, возможно предположение об открытии этой школы после 1 января 1896 г.

Первые упоминания о вышеуказанной школе в справочно-статистических сводках Тургайского региона начинают появляться с 1898 г. В это время учителем Урунбаевской школы являлся один из первых выпускников Орской учительской школы ([Васильев, 1896: 123](#)) Казыкеры Чутаев ([ПКТО, 1899: 40](#)).

Территориально школа находилась в школе №4 аула Мендыгаринской волости Кустанайского уезда ([ПКТО, 1899: 55](#)). В статистической книжке 1910 г., в которой обозначены названия и адреса населенных пунктов Тургайской области, географическое положение исследуемого аула указано на побережье реки Тобол. Расстояние до уездного города составляло 150 верст ([Списки..., 1910: 137](#)).

На основе сопоставления представленных материалов уместен вопрос «Как Байтурсинов совмещал одновременно две должности в разных школах?». Указанные учебные заведения располагались в отдаленных друг от друга населенных пунктах, в частности, ауле и уездном центре, расстояние между которыми составляло 150 верст.

Объяснение сложившейся ситуации выглядит следующим образом: по причине отсутствия в Мендыгаринской волости отлаженной волостной административной модели русско-казахских школ Урунбаевская аульная школа находилась в непосредственном подчинении функционировавшему в уездном центре Кустанайскому педагогическому классу. Соответствующий класс и двухклассное русско-казахское уездное училище находились в одном здании. Русско-казахское уездное училище под руководством инспектора И. Алтынсарина в 1884 г. было переведено из Троицка в уездный город Кустанай. Поэтому сообщение М. Ауэзова о работе Байтурсинова в «Кустанайской уездной русско-казахской школе» не соответствует действительности. Это первое.

Во-вторых, аульные школы по объективным обстоятельствам в основном функционировали в летний период, когда казахские аулы на долгое время оставались на летних стоянках – джайлау. Исторически территория Кустанайского уезда являлась джайлау для кочевых казахских аулов, в зимний период они располагались в южных регионах с более мягким климатом на стоянках – кыстау.

По инициативе Министерства внутренних дел в 1897 г. была создана экспедиция под руководством Ф. Щербины для всестороннего исследования Кустанайского уезда. В отчетных материалах экспедиции задокументированы аулы, население которых сезонно перекочевывало между Кустанайским уездом и Перовским уездом Сырдарьинской области ([Материалы..., 1903: 164-189](#)). Итак, объективно предположение о наличии сезонного графика работы А. Байтурсинова. В летнее время он преподавал в Урунбаевской аульной школе, зимой он учительствовал в педагогическом уездном классе в Кустанае.

Урунбаевская аульная школа Мендыгаринской волости находилась в подчинении от Кустанайского педагогического класса, соответственно А. Байтурсинов параллельно преподавал в двух учебных учреждениях. Кустанайский педагогический класс специализировался на обучении выпускников двухклассных училищ по ускоренной программе для работы в аульных школах. Цель и функциональные особенности областного педагогического класса нашли свое отражение в «Положении о классе»: «Педагогический класс открывается с целью подготовки учителей аульных школ Тургайской области и предназначен для тех из окончивших курс двухклассных училищ области учеников, которые, несмотря на отличные свои способности и поведение, по каким-либо причинам не могут продолжать своего образования в Оренбургской киргизской учительской школе или Красноуфимской сельскохозяйственной» ([Алекторов, 1900: 223](#)).

По окончании обучения в этом классе выпускники обязывались в течение двух лет работать в сельских школах области. Зарплата преподавателей в этом классе приравнивалась к зарплате учителей двухклассного русско-казахского училища Кустаная ([Алекторов, 1900: 223-224](#)). В классе (курсе) наряду с предметами по русской истории, географии, педагогике, методике обучения русскому языку и чистописанию, методике обучения арифметике, преподавался казахский язык ([Сулейменов, 1997: 17](#)). А. Байтурсинов преподавал казахский язык.

В исследуемый период педагогическим классом руководил современник А. Байтурсынова М.Н. Греховодов, который в 1895 г. окончил Оренбургское учительское училище (ПК ЗСУО, 1909: 334). В классе предмет по христианской религии вел протоиерей П. В. Подбельский и ряд дисциплин преподавал В.И. Гурылев (АКТО, 1902: 76). Алекторов, выполняя обязанности директора народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей, пригласил в Омск на постоянную работу М. Греховодова и А. Байтурсынова. М. Греховодов стал инспектором народных училищ Петропавловского уезда Акмолинской области (ПК ЗСУО, 1909: 334). А. Байтурсынову предложена должность делопроизводителя директора.

В архивных фондах обнаружено письмо учителя Урунбаевской школы при Кустанайском педагогическом классе А. Байтурсынова о ходатайстве его кандидатуры перед Попечителем Западно-Сибирского учебного округа на должность делопроизводителя при Директоре народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей от 1 апреля 1902 г., которое он адресовал инспектору А. Алекторову (ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 385. Л. 1).

Творческая деятельность А. Байтурсынова на учительском поприще в Кустанайском педагогическом классе предопределила его карьерные перспективы: он обладал потенциалом для расширения собственного образования и улучшения профессиональных качеств в литературно-публицистической сфере. Байтурсынов так охарактеризовал кустанайский период: «С 1901 года свободные от учительских занятий часы, стал употреблять на свое самообразование и литературную работу» (Архив Каз НПУ. Оп. 1. Связка №6 «Б». Д. 209. Л. 1).

В начале XX в. в Кустанае усилиями местной интеллигенции формируются благоприятные условия для развития просвещения. 6 апреля 1902 г. открылась народная (общественная) читальня, которая бесплатно обслуживала читателей. Интеллигенты и служащие осуществляли активную работу по созданию книжного фонда и оформлению подписки на известные и востребованные периодические издания, которые выпускались в центральной части России (Алекторов, 1900: 154).

Значительное внимание А. Байтурсынов уделял изучению литературного мастерства И. Крылова. В частности, он в Кустанае начал работу по переводу произведений Крылова «Сорок басен», которая в оригинальной версии молодого учителя звучала под названием «Кырык мысал». Этот сборник переводов был подготовлен к печати в 1903 г. в Омске. В мае 1904 г. близкий друг начинающего поэта-переводчика Алихан Букейхан обратился с письмом к Н.Г. Потанину, в содержании которого просил последнего поспособствовать с изданием книги. Потанин был известен представителям казахской общественности как близкий товарищ Ч. Валиханова, симпатизирующий казахским прогрессивно настроенным деятелям. По утверждению Букейханова, А. Алекторов обещал напечатать переведенные Байтурсыновым басни Крылова при помощи Степного генерал-губернатора Сухотина, но по причине полугодовой задержки публикация рукописи не состоялась (ККМ. Ф. 7928. Оп. 116. Д. 1315. Л. 116).

Очевидно: литературный перевод басен требовал невероятных усилий и много времени. Приведенная Байтурсыновым в автобиографии о времяпрепровождении фраза – «стал употреблять на свое самообразование и литературную работу», относилась к кустанайскому периоду. Поэтому логично умозаключение о том, что переводом произведения Крылова он начал заниматься в 1901–1902 гг. в Кустанае, в 1903 г. сборник был готов к печати в Омске, однако только в 1909 г. книга Байтурсынова «Сорок басен» вышла в издательстве Петербурга, пройдя длинный тернистый путь.

Байтурсынов в Кустанае установил контакты с представителями местной казахской общественности в лице интеллигенции, служащих и аульных старшин. В период его работы в педагогическом классе с 1901 по 1902 гг. занятия посещали и окончили одногодичный курс С. Кубеев и М. Дулатов, которые впоследствии получили известность как поэты-просветители.

Байтурсынов имел большую популярность в обществе. Одной из ярких персон из его круга общения был Минайдар Кылышбаев (Клычбаев), который в конце XIX – начале XX в. возглавлял Аракарагайскую волость. Он являлся родственником инспектора И. Алтынсарина. Кылышбаев открыл в своём ауле школу, которая называлась «Школа Клычбаева». Школа работала в начале XX в. примерно в те же сроки, что и Урунбаевская школа (ПКТО, 1899: 59; АКТО, 1902: 103). В 1913 г. М. Кылышбаев скончался. Коллектив газеты «Казах», обязанности редактора которой выполнял А. Байтурсынов, разместил некролог в память об умершем. Отмечая благородные качества Кылышбаева, современники характеризовали его как «...человека, посвятившего свою жизнь образованию и делу просвещения, добившегося многих высот в карьере, человека высокой чести» (Газета «Казах», 1913: 395).

Байтурсынов выступал в роли учителя, советника, наставника. По примеру старших товарищей он поддерживал своих молодых коллег и учеников. Учитель Байтурсынов патронировал Назипу Кульжанову – одну из первых женщин-казашек, которые выбрали учительскую профессию. Н. Кульжанова являлась выпускницей Кустанайской женской гимназии. Она и её муж, Нургали Кульжанов, были дипломированными педагогами. А. Байтурсынов оказал помощь семейной учительской паре в переезде в Семипалатинск и в поиске работы. Н. Кульжанова и её супруг работали в образовательной сфере Семипалатинска, а затем Оренбурга.

В последующие годы педагогический класс, в котором работал Байтурсынов, претерпел изменения. В статистическом справочнике Тургайской области от 1915 г. педагогический класс именовался 2-годичным «Кустанайским педагогическим курсом». Штатная численность учителей курса увеличилась до 10 человек. Коллега А. Байтурсынова В. Гурылев продолжал работать. В учебный процесс добавились новые предметы, например, по физгигиене, рисованию, пению ([СП и АКТО, 1915: 58](#)).

5. Заключение

А. Байтурсынов проработал в аульных школах Кустанайского уезда около 5 лет. Выпускник Оренбургской учительской школы, помимо учительской деятельности в аульной школе Бестамаской волости Актюбинского уезда, занимался изучением фольклора и этнографии казахского народа. В этот период начинается его сотрудничество с периодическими изданиями. На страницах периодики он актуализировал исследования по фольклору и этнографии казахов, поднимал вопросы социально-экономические развития казахского общества. Областная система образования нуждалась в квалифицированных национальных кадрах. Чиновники сохраняли заинтересованность в привлечении молодого талантливого учителя для развития аульных школ. За длительный период работы в учебных учреждениях Кустаная и Кустанайского уезда он приобрёл значительный опыт административной и социальной работы. В этот период А. Байтурсынов активно занялся самообразованием, погрузился в литературное творчество и публицистику. Он продолжал последовательно изучать духовную культуру и историю казахского народа. Материалы Байтурсынова оказались востребованными в качестве научной информации в учебниках и хрестоматиях, которые были подготовлены в последующие годы.

Итак, кустанайский период стал важным фактом в жизнедеятельности А. Байтурсынова, которому впоследствии предстояло трудиться в качестве служащего системы образования Акмолинской и Семипалатинской областей. А. Байтурсынов в сотрудничестве со своим коллегой и другом-тамыром А. Алекторовым приложил много усилий, настойчивости в открытии и эволюции аульных школ на территории названных областей.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках научного проекта Комитета науки МНВО РК АР 19676971 «Принципы Ахмета Байтурсынова в отношении начальной школы являются научно-методической и лингвистической основой национального алфавита и алфавита, пригодного для использования сегодня».

Литература

- [Алекторов, 1900](#) – Алекторов А. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1900.
- [АКТО, 1902](#) – Адрес-календарь Тургайской области на 1902 год. Издание Тургайского областного статистического комитета. Оренбург: Тургайская областная типо-литография, 1902.
- [Архив КазНПУ](#) – Архив Казахского национального педагогического университета имени Абая.
- [Васильев, 1896](#) – Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Издание Тургайского областного статистического комитета. Оренбург: Типо-литография Н.Н. Жаринова, 1896.
- [Галиев, 2011](#) – Галиев В.З. Книга разбудившая народ (Разыскания о Мыржакыпе Дулатове и его сборнике «Проснись, казах!»). Алматы: Мектеп, 2011. 528 с.
- [Газета «Акжол», 2020](#) – Акжол (газета). Многотомный. 10 том. / Сост. Х. Есенкаракызы. Нурсултан, Общественный фонд «Алашорда», 2020. 315 с. [на каз. языке].
- [Газета «Казах», 1913](#) – Газета «Казах». 1913 год. 2-издание / Сост. С. Смагулова, Г. Анес, Т. Замзаева. Алматы: Издательство «Арыс», 2018. 480 с. [на каз. языке].
- [ГАОО](#) – Государственный архив Оренбургской области.
- [ГАТО](#) – Государственный архив Томской области.
- [Ильминский, 1892](#) – Ильминский Н.Н. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань: Типо-Литография В.М. Ключникова, 1891 г.
- [Имаханбет, 2010](#) – Имаханбет Р. Человек века: творческая биография Ахмета Байтурсынова (по архивным данным). Монография. Астана: «Педагогика-ПРЕСС», 2010. 304 с. [на каз. языке].
- [ККМ](#) – Красноярский краеведческий музей.
- [Материалы..., 1903](#) – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область. 5. Кустанайский уезд. Воронеж: Типо-литография В.И. Исаева, Большая Дворянская ул., д. Д-ра Столл, 1903. Т. V.
- [ПКТО, 1889](#) – Памятная книжка Тургайской области. 1899 год. Оренбург: Типо-литография Н.П. Жаринова, 1899.
- [ПК ЗСУО, 1909](#) – Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников

содержания, размеры платы за ученье, числа учащихся и личного состава служащих. Издание 7-е канцелярии попечителя. Томск: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1909.

[Сулейменов, 1997](#) – *Сулейменов Д.* Научно-педагогическая деятельность А.Е. Алекторова в Казахстане. Семипалатинск, 1997.

[Списки..., 1910](#) – Списки населенных мест Тургайской области. Издание Тургайского областного статического комитета. Оренбург: Тургайская областная типография, 1910.

[СК и АКТО, 1915](#) – Справочная книжка и Адрес-календарь Тургайской области. Издание Тургайского областного статического комитета. Оренбург: Электро-тип. Тург.област. правления, 1915.

[ТОВ, 1892](#) – Тургайские областные ведомости. 1892. №31.

[ЦГА РК](#) – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

[Absadyk et al., 2022](#) – *Absadyk A., Isenov O., Mukhitov K., Boranbaeva B.* The Path of the Teacher A. Baitursynov: from Bestamak to Karkaralinsk (1895–1910) // *Bylye Gody.* 17(2): 890-901. DOI: 10.13187/bg.2022.2.890

[Absadyk et al., 2023](#) – *Absadyk A., Isenov O., Boranbaeva B., Mukhitov K.* Omsk-Karkaraly Period: the Origins of A. Baitursynov's Educational and Political Activities // *Bylye Gody.* 18(3): 455-1466. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1455

References

[Absadyk et al., 2022](#) – *Absadyk, A., Isenov, O., Mukhitov K., Boranbaeva, B.* (2022). The Path of the Teacher A. Baitursynov: from Bestamak to Karkaralinsk (1895–1910). *Bylye Gody.* 17(2): 890-901. DOI: 10.13187/bg.2022.2.890

[Absadyk et al., 2023](#) – *Absadyk, A., Isenov, O., Boranbaeva, B., Mukhitov, K.* (2023). Omsk-Karkaraly Period: the Origins of A. Baitursynov's Educational and Political Activities. *Bylye Gody.* 18(3): 455-1466. DOI: 10.13187/bg.2023.3.1455

[АКТО, 1902](#) – Адрес-календар' Тургайской области на 1902 год. Издание Тургайского областного статического комитета [Address Calendar of the Turgay region for the 1902 year]. Издание Тургайского областного статического комитета. Оренбург: Тургайская областная типо-литография, 1902. [in Russian]

[Алекторов, 1900](#) – *Алекторов, А.* (1900). Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах [Index of Books, journal and newspaper articles and notes about the Kirghiz]. Kazan: Типо-литография Императорского университета. [in Russian]

[Архив KazNPU](#) – Архив Казахского национального педагогического университета имени Абая [Archive of Abai Kazakh National Pedagogical University].

[Галиев, 2011](#) – *Галиев, В.З.* (2011). Книга разбудившая народ (Разыскания о Мырзахып Дулатове и его сборнике «Пробудись, казах!») [The Book that awakened the nation (research on Myrzhakyp Dulatov and his collection “Wake Up, Kazakh!”)]. Almaty: Mektep. 528 p. [in Russian]

[ГАОО](#) – Государственный архив Оренбургской области [State archive of the Orenburg region].

[ГАТО](#) – Государственный архив Томской области [State Archive of the Tomsk Region].

[Газета «Акзhol», 2020](#) – *Газета «Акзhol».* Akzhol (gazeta). Mnogotomnyy. 10 tom [Akzhol Newspaper. Multivolume. Volume 10]. Compiled by Kh. Esenqarakysy. Nur-Sultan: Obshchestvennyy fond "Alashorda". 2020. 315 p. [in Kazakh]

[Газета «Kazakh», 1913](#) – *Газета «Kazakh».* (1913). Газета "Kazakh". 1913 god. 2-izdanie [Kazakh Newspaper. Year 1913. 2nd Edition]. Compiled by S. Smagulova, G. Anes, T. Zamzaeva. Almaty: Izdatel'stvo "Arys". 480 p. [in Kazakh]

[Ил'минский, 1891](#) – *Ил'минский, N.N.* (1891). Vospominaniya ob I.A.Altynsarine [Memoirs about I.A.Altynsarin]. Kazan', Tipo-Litografiya V.M. Klyuchnikova. [in Russian]

[Imahanbet, 2010](#) – *Imahanbet, R.* (2010). Chelovek veka: tvorcheskaya biografiya Ahmeta Bajtursynova (po arhivnym dannym) [Man of the century: Akhmet Baitursynov's creative biography (according to archival data)]. Monografiya. Astana: «Pedagogika-PRESS», 304 p. [in Kazakh]

[KKM](#) – Krasnoyarsk kraevyeheskij muzej [Krasnoyarsk Regional Museum]. [in Russian]

[Materialy..., 1903](#) – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные экспедицией по исследованию степных областей. Тургайская область [Materials on Kirghiz land use, collected and processed by the expedition for the study of the steppe regions. Turgay region]. 5. Kustanaiskii uезд. Voronezh: Tipo-litografiya V.I. Isaeva, Bol'shaya Dvoryanskaya ul., d. D-ra Stoll, 1903. T. V. [in Russian]

[PK ZSUO, 1909](#) – Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 год, заключающая в себе список учебных заведений с указанием времени открытия, источников содержания, размеров платы за учение, числа учащихся и личного состава служащих [Memorial Book of the West Siberian Educational District for the Year 1909, Containing a List of Educational Institutions with Indications of Their Opening Dates, Sources of Funding, Tuition Fees, Number of Students, and Staff Members]. Издание 7-е канцелярии попечителя. Томск: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1909. [in Russian]

[PKTO, 1889](#) – Памятная книжка Тургайской области. 1899 год [Memorial Book of the Turgay Region. Year 1899]. Оренбург: Типо-литография N.P. Zharinova, 1899. [in Russian]

SK i AKTO, 1915 – Spravochnaya knizhka i Adres-kalendar' Turgayskoy oblasti [Reference Book and Address Calendar of the Turgay Region]. Izdanie Turgaiskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. Orenburg: Elektro-tip. Turg.oblast. pravleniya, 1915. [in Russian]

Spiski..., 1910 – Spiski naselennykh mest Turgayskoy oblasti [Lists of Settlements in the Turgay Region]. Izdanie Turgaiskogo oblastnogo staticheskogo komiteta. Orenburg: Turgaiskaya oblastnaya tipografiya. [in Russian]

Suleimenov, 1997 – *Suleimenov, D.* (1997). Nauchno-pedagogicheskaya deyatel'nost' A.E. Alektorova v Kazakhstane [Scientific and Pedagogical Activities of A.E. Alektorov in Kazakhstan]. Semipalatinsk. [in Russian]

TOV, 1892 – *Turgayskie oblastnye vedomosti* [Turgay Regional Gazette]. 1892. No. 31. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Vasil'ev, 1896 – *Vasil'ev, A.V.* (1896). Istoricheskiy ocherk russkogo obrazovaniya v Turgayskoy oblasti i sovremennoe ego sostoyanie [A historical essay on Russian Education in the Turgay region and its current state]. Izdanie Turgaiskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta. Orenburg: Tipo-litografiya N.N. Zharinova. [in Russian]

Просветительская деятельность А. Байтурсынова в аульных школах Кустанайского уезда Тургайской области

Алмасбек Ахметулы Абсадык ^a, Отеген Ихсанович Исенов ^{a, *}, Жангельды Арсенович Шаукенов ^a, Капалбек Сейсенбекулы Бижомарт ^b

^a Костанайский региональный университет им. Ахмета Байтурсынулы, Костанай, Республика Казахстан

^b Институт развития государственного языка, Казахстан, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Ахмет Байтурсынов – выдающийся представитель казахской интеллигенции начала XX в., просветитель, видный общественный и государственный деятель. Учительская стезя Байтурсынова началась с должности рядового учителя аульной школы в 1895 г. На протяжении 14 лет, с 1895 по 1909 г., он работал на педагогическом поприще в системе образования Тургайской и Семипалатинской областей. В 1897–1898 гг. Байтурсынов учительствовал в Аулиекольской волостной школе Аманкарагайской волости Тургайского уезда. Через 2 года на него возлагаются функции учителя Урунбаевской школы. Согласно сложившейся модели административного управления, по которой школа Урунбаева находилась в подчинении Кустанайского педагогического класса, в 1900–1902 гг. А. Байтурсынов проживал в городе Кустанае и преподавал казахский язык в данном учебном учреждении. Весь период учительской деятельности он занимался самообразованием и литературным творчеством. В Кустанае, который имел статус уездного центра, Байтурсынов обладал общественным признанием и активно взаимодействовал с представителями интеллигенции, служащими-прогрессистами, учителями аульных школ. У него сложились тёплые дружеские отношения с А. Алекторовым, который являлся инспектором народных школ Тургайской области. Преподавательская деятельность А. Байтурсынова в различных учебных заведениях Кустанайского уезда способствовала его личностному становлению и росту в качестве педагога-новатора, творческого организатора, общественного лидера и прогрессиста. Кустанайский период по праву следует оценивать как важную страницу в биографии одного из ярких представителей казахской общности исследуемого периода.

Ключевые слова: Кустанай, А. Байтурсынов, аульные школы, фольклор, литература, учитель, делопроизводитель, этнография, художественный перевод.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: almas9172447@gmail.com (А.А. Абсадык), utegen59@mail.ru (О.И. Исенов), shaukenov-zhange@mail.ru (Ж.А. Шаукенов), zhomart_til@mail.ru (К.С. Бижомарт)

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 1001-1014
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.1001

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

To the Issue of the Causes of Russia's Defeat in the Russian-Japanese War and the Search for Those Responsible

Andrey A. Androsov ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

The article reveals the reasons for Russia's defeat in the Russo-Japanese war, the circumstances of the surrender of the fortress of Port Arthur and the degree of guilt of the commander of Port Arthur, General A.M. Stessel; analyzes the features of the strategy of the Commander-in-Chief in Manchuria, Adjutant General A.N. Kurapatkin; highlights the capabilities of the Russian Fleet, realized and unrealized plans of the command and Admiralty; some novelties in the armament of the Japanese army, which came as a surprise to Russian military commanders; real and far-fetched shortcomings in the training of Russian soldiers and sailors. The paper provides statistical data, compares the actions of enemy artillery, and reveals the attitude of Japanese and Russian societies towards the war. Much attention is paid to discussions around hitherto unclear topics, as well as accidental coincidences that influenced the course of the discussions. The assumptions and hypotheses explaining the failures of the Russian armies and navy and the fighting spirit of the conflicting parties are analyzed; numerous documents, testimonies and newspaper materials are presented, on the basis of which a vision of the tragic events that took place 120 years ago is presented. Based on them, conclusions are drawn about the degree of guilt of the commanders of the Port Arthur fortress, the possibility of continuing the defense, and the positions of the Russian fleet, which lost the strategic initiative to the Japanese at the beginning of the war. In general, the war with Japan demonstrated the danger of arrogance and a sense of superiority inspired by the previous victories of the Russian Empire, and the search for individual culprits or accidental circumstances that led to defeat revealed the unproductiveness and harmfulness of the consequences, due to the removal of responsibility from the entire military-bureaucratic system. The causes and consequences of such devastating defeats should also be clear to modern strategists. Their incorrect interpretation can lead the public into confusion, arouse unwillingness to continue military actions, and give rise to a demand for immediate peace.

Keywords: Russian-Japanese war, naval blockade, public opinion, “breakthrough” of the fleet, shimosha, sinking of ships, captivity.

Посвящается полковнику С.А. Рашевскому, погибшему при обороне крепости Порт-Артур 15.12.1904, родственнику автора статьи А.А. Андросова.

1. Введение

Поражение России в Русско-японской войне стало прологом будущих более масштабных военных поражений Российской империи (в дальнейшем – Российской республики) в ходе Первой мировой войны, а также оборонительного периода Великой Отечественной войны (в эпоху СССР). Эти поражения влияли на настроения в обществе, порождали различные его реакции: от волнений и революций до сплочения фронта и тыла в едином стремлении к победе. По российской традиции мы

* Corresponding author

E-mail addresses: iekis@mail.ru (A.A. Androsov)

с особой благодарностью вспоминаем павших соотечественников в юбилейные даты. 5 сентября 2025 г. будет отмечаться 120-летие окончания Русско-японской войны, которую можно отнести к самой значительной военной катастрофе в российской истории в период от Парижского мира до начала Первой мировой войны.

Выясняя причины разгрома флота, осады и сдачи морской крепости Порт-Артура с кораблями эскадры, определяя вероятных виновных в поражении флота, мы стремились акцентировать внимание читателя на том, что выбранная тема всегда была дискуссионной, вызывала ожесточённые споры в литературе и, одновременно, выступала залогом активного обмена мнениями, *цель* которых, как в прошлом, так и сегодня, – восстановление исторической справедливости, снятие клейм и ярлыков с героев Порт-Артура и Цусимы.

Поставив перед собой *задачи* – выяснение обстоятельств сдачи крепости, причин неподготовленности армии и флота к ведению войны с противником, степени неосведомлённости военных о сильных и слабых его сторонах, – исследование сосредоточилось на спорных эпизодах войны: измене коменданта Порт-Артура А.М. Стесселя, стратегии главнокомандующего вооружёнными силами в Маньчжурии А.Н. Куропаткина, невозможности противостоять японским снарядам, начинённым шимозой, потенциале русского и японского флотов, отряда контр-адмирала А.А. Вирениуса и военных кораблей, используемых не по назначению, целесообразности похода 2-ой Тихоокеанской эскадры, оценке итогов войны общественными деятелями и дипломатами России и зарубежных стран.

Сосредоточившись на анализе отчётов командиров и флотоводцев, дискуссиях и представлениях общественности начала XX в. о войне, автор изучил стратегии командования, мнение участников и очевидцев сражений, командующих эскадрами и армиями, их приказы и решения, показатели потерь. Были учтены оценки причин поражения, данные как военными и общественными деятелями, участниками военных действий сразу после их окончания, так и историками по прошествии некоторого времени, в советский и постсоветский периоды.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составили:

1) Опубликованные сборники архивных документов ([Русско-японская война..., 1906–1907; Дело о сдаче Порт-Артура, 1908; Русско-японская война, 1911; Отчет о деятельности..., 1911; Порт-Артур и Дальний..., 2018; Русско-японская война..., 1941; Русско-японская война..., 2006; Вахтенный журнал..., 2011](#));

2) Материалы личного характера: деловая переписка, воспоминания и мемуары участников сражений, очевидцев, отчёты государственных служащих, военных, дипломатов ([Абалек-Лазарев, 1912–1913; Апушкин, 1905; Грулев, 1905; Теплов, 1905; Куропаткин, 1909; Ниппон-Кай, 1911](#)).

3) Материалы дореволюционной («Пролетарий», 1905; «Сельский вестник», 1906, «Дальний Восток», 1908) периодической печати, содержащиеся в них политические карты, статистические сведения о сражениях в годы Русско-японской войны, что также позволило восполнить определённые пробелы о причинах поражения России.

Автор при сопоставлении численной и качественной характеристик российских и японских кораблей, орудий, количества и степени подготовки сухопутных сил руководствовался принципами историзма и объективности. Были систематизированы некоторые данные, полученные на основе сравнительно-исторического метода. При характеристике отдельных личностей использовался нарративный метод; при анализе свидетельств очевидцев и участников сражений, воссоздании «картин» боёв, морских сражений, обороны крепости – ретроспективный метод.

3. Обсуждение

Историографию причин произошедшей трагедии в Русско-японской войне можно поделить на 3 этапа: досоветский, советский и постсоветский. Досоветский период начался с обсуждения причин поражения ещё до окончания военных действий. «Маленькая победоносная война», на которую рассчитывало правительство и автор этой фразы – действительный тайный советник В.К. Плеве, – превратилась в военную катастрофу. Общество не понимало и негодовало: как огромная непобедимая Империя могла проиграть полуфеодальному островному азиатскому государству?! Поражение получило широкий общественный резонанс и способствовало формированию в стране революционной ситуации.

Многие участники, современники событий, среди причин поражения называли некультурность, безграмотность русских солдат и офицеров ([Грулев, 1905](#)). В самом деле, на каждую 1000 новобранцев приходилось более половины (521) неграмотных крестьян. В тоже время в Англии эта цифра составляла 10, во Франции 40 человек ([Хвостова, 2013: 24](#)). Но ожесточённые рукопашные бои, оставляющие груды тел, засвидетельствованные многими очевидцами, заставляют усомниться в этом утверждении. Сплочённость русских солдат из крестьян, основанная на традиционных в деревне массовых драках молодёжи («стенка на стенку»), уверенное разграничение на своих и чужих,

общинный коллективизм и патриархальный оптимизм – «где наша не пропадала» – делали их достойными противниками в бою с неуступчивыми врагами.

Дореволюционный и советский историк В.А. Апушкин противопоставлял безалаберности русского солдата педантичность, исполнительность и организованность японцев, упрекал русских солдат в болтливости и неумении хранить военную тайну. Армия японцев целенаправленно готовилась к началу военных действий. Российские командиры уделяли недостаточно внимания подготовке своих солдат, не допускали возможности войны с Японией. Несмотря на то что отдельные полки и корабли были достойными примерами для подражания, однако недокомплект хорошо подготовленных солдат и командиров ощущался очень остро (Апушкин, 1905).

Несмотря на то что во многих учебных пособиях Главнокомандующий русской армией в Маньчжурии, генерал-адъютант А.Н. Куропаткин, представлен как малодушный военачальник, неспособный на решительные действия, кажется странным, почему он выступал за продолжение войны (Куропаткин, 1909). Среди причин, приведших к поражению, генерал называл недостаточную роль флота России, его распылённость в войне с морской страной и, что удивительно, недостаточное упорство в боях за поставленные цели. Ведь критики именно А.Н. Куропаткину ставили в вину недостаток упорства и мужества в проведённых им сражениях. Преимущество в военных силах и флоте над Японией генерал определял как незначительное. Последнее замечание полководца особенно интересно, так как не соответствовало устоявшемуся мнению российской общественности, императора и генералитета о подавляющем военном превосходстве Российской империи над противником. А.Н. Куропаткину вторит полковник Генерального штаба Л.А. Багаевский, называя в числе причин поражения отдаленность театра военных действий, материальную неготовность и... малое знакомство с противником! Сказать «малое знакомство» с противником, а это его «военно-промышленный комплекс», темпы промышленного роста, система комплектования и обучения армии и флота и т.д., – значит не сказать ничего. Отсюда и непонимание российским обществом истинных причин произошедшей трагедии.

О непонимании российским обществом истинных причин произошедшей трагедии свидетельствует акцентировка внимания на второстепенных причинах поражения как главных. Например, газета «Сельский вестник» называла главной причиной гибели 2-ой Тихоокеанской эскадры перегруженность кораблей углем (Русско-японская война, 1906: 15). Известный владивостокский журналист и общественный деятель В. Панов причислял проникновение России в Маньчжурию и строительство Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) к непоправимым ошибкам (Панов, 1908: 9). По его мнению, вторгаться в незнакомую среду и драться там с непонятным противником означало «лезть в воду, не зная броду». Участник войны, капитан 2-го ранга Е. Одинцов, также указывал на незнание противника и неудачный выбор места базирования Тихоокеанского флота (Одинцов, 1908). Почти все авторы сходятся в том, что отдалённость военных действий от промышленного центра России и трудности снабжения способствовали неминуемому поражению армии.

Обращает на себя внимание также и то, что многие, начиная с А.Н. Куропаткина, путали причину и следствие, говоря о нестабильности и беспорядках в России как причине поражения в войне, а не наоборот – что поражение явилось причиной беспорядков. Почти все авторы указывают на пассивное неприятие войны в русской армии, равнодушие к происходящим сражениям, ставят в вину офицерам отсутствие какой-либо пропагандистской и патриотической работы среди солдат. Среди прочего называют непонимание солдатами целей войны. Интересно, с позиций настоящего времени, получить ответ на вопрос, как должны были офицеры объяснить цели России в войне? Рассказать о колониальных амбициях двух империй в Маньчжурии и Корее и нежелании России уступить Японии? Слабая мотивировка для солдат, готовящихся отдать жизнь за царя и отечество.

Среди многоголосных мнений о поражении в войне нельзя не упомянуть о вожжах революционных движений, виновниках беспорядков, которые, по мнению военных, разлагали армию на фронте. Сдачу Порт-Артура В.И. Ленин оценивал как «пролог капитуляции царизма», а продолжение войны как «приближающую войну пролетариата за свободу». В своей статье «Сдача Порт-Артура» В.И. Ленин встаёт на позицию Японии, которая взяла своё, то есть вернула Порт-Артур, отобранный у неё Великими державами после подписания Симоно-Секского договора в результате «тройственной интервенции» Англии, Франции и России 25 апреля 1895 г. Причиной поражения В.И. Ленин называет политическую систему самодержавия, которая рухнула как «гроб повапленный» (Ленин, 1967: 151-159). В военно-тактическом направлении он не видит смысла посылать на смерть 2-ую Тихоокеанскую эскадру, кроме того, чтобы повернуть её назад после известия о падении Порт-Артура, он предполагает политический смысл действий правительства: мы ещё повоюем и потреплем японцев на море! Докажем, что есть ещё морская Россия! На самом деле, как пишут современники сражения у о. Цусимы, идя туда, адмирал Рожественский мог надеяться только на Бога. Неслучайно лидер большевиков сравнивает 2-ю эскадру с испанской Великой Армадой, помпезно снаряжённой и отправленной в поход на Англию для позорного конца в 1588 г. Называя разгром флота у о. Цусимы «полным военным крахом самодержавия», В.И. Ленин подчёркивал не отдельные недостатки

российской армии, а весь устаревший политический режим с его непомерно раздутой бюрократией, коррупцией и неадаптивностью к новым вызовам современности (Ленин, 1905).

Наиболее грамотный анализ неподготовленности России накануне войны, подтверждённый в дальнейшем научными изысканиями, дают сообщения Николаевской Академии Генерального штаба. Например, в них говорится об экономической подготовленности Японии, наличии у неё 4 морских депо и частных доков для ремонта судов, прекрасной сети железных дорог, грамотного и целеустремлённого населения, готового на любые жертвы ради победы, кодекса бусидо (самурая) и т.д. По донесениям «вырисовывается» картина развитой культурной страны, во многом опережающей европейские государства. К сожалению, эти выводы были сделаны не до, а после окончания войны (Русско-японская война..., 1906–1907: 5, 9, 10, 11).

В первой половине советского этапа главную тональность по тематике исследования задавал М.Н. Покровский. Он основывался на архиве С.Ю. Витте и винил в поражении русской армии Николая II, статс-секретаря А.М. Безобразова и контр-адмирала А.М. Абазу, считал войну закономерным продолжением колониальной политики, подобной присоединению Средней Азии (Покровский, 1923).

Занимавшийся в этот период изучением причин поражения России, Б.А. Романов пришёл к совсем другим выводам. Он доказал, что основным виновником в развязывании войны являлся министр финансов С.Ю. Витте, который затем всю вину свалил на А.М. Безобразова, выставив себя «голубем мира». Б.А. Романов также считал, что колониальная политика в Китае имела позитивные последствия (Романов, 1947).

После войны 1941–1945 гг., в связи с новым военным столкновением русских и японцев в ходе разгрома РККА милитаристской Японии в 1945 г., историческая концепция Русско-японской войны вновь изменилась. Герои и антигерои Русско-японской войны окончательно определились. Из молодой туземной нации, воюющей за своё «место под солнцем», японцы превратились в коварных и жестоких завоевателей, давних врагов России, гротескно показанных в советских фильмах «На границе» (1938 г.) и «Варяг» (1946 г.). Вся страна пела популярные песни про «Три танкиста, три весёлых друга...», которые храбро дрались с японскими самураями, решившими «ночью перейти границу у реки», и «Врагу не сдаётся наш гордый Варяг». Капитан корабля В.Ф. Руднев, командующий обороной Порт-Артура Р.И. Кондратенко, адмирал Порт-Артурской эскадры адмирал С.О. Макаров стали национальными героями, а комендант крепости генерал А.М. Стессель, сдавший её противнику, и контр-адмирал Н.И. Небогатов, сдавшийся в плен с отрядом броненосцев «Император Николай I», «Орел», «Генерал-адмирал Апраксин», «Адмирал Синявин» японцам, – национальными предателями. Эти имена вошли во все школьные учебники, характеристики которых были дополнены историко-документальными романами А.Н. Степанова «Порт-Артур» и А.С. Новикова-Прибоя «Цусима».

С 1938 по 1945 г. Япония 3 раза столкнулась с СССР в вооружённых противостояниях (озеро Хасан, Халхин-Гол, война СССР против милитаристской Японии), а с 1937 г. Советы тайно помогали гоминьдановскому Китаю оружием и военными специалистами бороться с японской агрессией в Маньчжурии. Восприятие Японии как врага усиливалось участием её в интервенции в период гражданской войны, неподписанием ею мирного договора с СССР из-за территориальных претензий на Курильские острова. В послевоенный период пика сталинизма и начала холодной войны советская историография прямо отражала интересы политики, выполняя её заказ. Такими являются публикации по внешней политике сталинской эпохи, хрущёвской оттепели. Однако назвать их полностью научными сложно.

Работы некоторых историков сталинской эпохи переполнены идеологическими клише и площадной бранью в адрес оппонентов и тех, кого они относили к «врагам отечества». Например, А.И. Сорокин бездоказательно называет Стесселя и Фока предателями и ничтожествами, а других генералов – сатрапами, волками и проходимцами. Главного соперника Стесселя в Порт-Артуре, генерала Смирнова, историк считал таким же предателем, как и Стесселя. Досталось от Сорокина и коллегам по перу, дореволюционным историкам, вина которых была в том, что они «не доросли до марксистско-ленинской трактовки поражения России в империалистической войне». Очевидно, А.И. Сорокин считал навешивание ярлыков на военных и исследователей сутью исторического исследования (Сорокин, 1940). Только материалы внутриполитических событий прошлого могли претендовать в Оттепель на некоторую либерализацию исторических исследований. Историки периода Перестройки имели возможность более свободно и объективно публиковать свои работы при обязательном следовании советским догмам.

В постсоветское время, в связи с открывшимися для исследователей документами, а также расширяющимися отношениями с Китайской Народной Республикой, вновь возник интерес к Русско-японской войне, виновникам трагедии поражения России. Всплески интереса происходят в юбилейные даты: 100-, 110-, 120-летия окончания этой войны. Исследования отличаются большей глубиной, учитываются детали, незамеченные прежней историографией. На наш взгляд, современный период исследований напоминает дореволюционный.

Исследователи 90-х гг. вновь пытались разобраться в причинах поражения в войне. Из их школ вышли наиболее известные историки Русско-японской войны. Прекратились общие обвинения военно-феодалного империализма России и её прогнившей бюрократической системы. Поиск причин поражения вновь переместился в область конкретных людей и событий. Впрочем, с Николая II и его министров по-прежнему не снималась вина за поражение. Из известных современных авторов нужно назвать В.А. Золоторева, Ю.Ф. Соколова, В. Шацилло, Л. Шацилло, А.Б. Широкограда, В.Я. Крестьянинова и других. В приложениях их монографий нередко выкладываются документы, которыми могут воспользоваться и другие исследователи.

4. Результаты

Анализ современной интерпретации причин поражения России в войне с Японией. Исторический конфликт между военным журналистом Н.Е. Ножиным и А.М. Стесселем в ходе обороны Порт-Артура получил новую жизнь. Историки и исторические общества вновь обращаются к полемике этих людей, которые обвиняли друг друга в военном предательстве и шпионской деятельности. И та, и другая стороны имеют своих сторонников, и эта полемика до сих пор не прекращена. Сторонники Н.Е. Ножина указывают на то, что крепость с оставшимся в декабре 25-ти тысячным гарнизоном боеспособных солдат и офицеров и полуторамесячным провиантом могла обороняться ещё какое-то время (Куропаткин, 2015: 106). Стессель единолично принял решение о её сдаче сразу после смерти настаивавшего на дальнейшей обороне крепости Кондратенко. И это несмотря на мнение военного совета, большинство которого высказалось за продолжение обороны. Перед Порт-Артуром Стессель сдал без боя порт Дальний. После войны суд вынес обвинительное заключение. Генерал был приговорён к расстрелу, затем помилован за заслуги перед отечеством в других войнах. Дискуссию вызывает вопрос: надо ли было удерживать обречённую крепость до гибели её последнего защитника или сохранить жизни людей, которые и так сделали невозможное для обороны Порт-Артура? В Японии русские военнопленные содержались в хороших условиях, получали медицинскую помощь, никто не погиб. Эскадра Рождественского пришла только в мае 1905 г., и крепость не продержалась бы ещё 4 месяца. Армия Н.А. Куропаткина не могла пробиться к Порт-Артуру. Зачем же желать гибели всех защитников крепости? Очевидно, суд над Стесселем и Небогатовым, командующим 3-ей эскадрой, был политически мотивирован. Заинтересованные в наказании офицеров «власть предержащие» не хотели искать более глубоких причин поражения России в войне. Современный историк О.Р. Айрапетов так описывает положение в городе накануне сдачи: из первоначально 50 000-го гарнизона в крепости находилось 20 тыс. человек, из которых 14 000 лежало ранеными, которые быстро умирали, так как болели цингой (Айрапетов, 2014). Военный инженер М.И. Лиле в дневнике также упоминает главную причину смерти солдат крепости – цинга, из-за которой у раненых раскрывались старые раны. За одну ночь, – пишет Лиле, – от цинги умерло 275 человек. У врачей опускались руки при виде своего бессилия (Черенко, 2006: 443). Месяц до сдачи крепости продолжались бои за ключевую высоту Порт-Артура – гору Высокая, пока все её защитники не были перебиты японской артиллерией и завалены обломками. Никакие крепостные укрепления не смогли выдержать удары 11 дюймовых снарядов, которые и при попадании в корабли «прошивали» несколько палуб. С горы открывался вид на город, его улицы и строения. Построив наблюдательный пункт на горе, японцы вели беспрестанный и безответный обстрел русских позиций тяжёлой артиллерией. Крепость не могла вести полноценный контрбатарейный огонь, так как заканчивались крупнокалиберные снаряды, а преодолеть расстояние в 9 км снарядами орудий среднего калибра было невозможно. Именно 11 дюймовые снаряды сыграли решающую роль в сдаче Порт-Артура.

22 декабря Стессель последний раз телеграммой попросил Куропаткина оказать помощь крепости, но и на этот раз ответа не получил. Ещё два события вынесли «приговор» крепости: от попадания 11 дюймового снаряда в блиндаж, где проходило совещание 15 декабря погибли Р.И. Кондратенко, С.А. Рашевский и другие его участники. 1 января 1905 г. (по новому стилю) была взята ещё одна высота вблизи города – Большое Орлиное Гнездо, в результате чего японцы начали фланговый обстрел 2-ой линии оборонительных позиций. Защитники отступили на 3-ю неподготовленную линию обороны, состоящую из городской ограды. Тогда Стессель объявил о сдаче крепости, предоставив возможность подготовить к взрыву оставшиеся мастерские, сухой док и корабли флота. Команда остающегося на плаву последнего броненосца «Севастополь» также приняла решение о подрыве крейсера после оккупации города (Айрапетов, 2014). Вместе с ним были затоплены и другие немногочисленные суда.

Неиспользованные возможности флота. Современный исследователь А.Б. Широкоград говорит о потенциале Черноморского флота, не принимавшего участия в боях на Дальнем Востоке. Ещё в мае 1904 г. адмирал Рождественский потребовал черноморские броненосцы «Потёмкин» и «Три Святителя», минный заградитель «Дунай» и несколько миноносцев для усиления своей эскадры. Вначале предлагалось заменить достраивающийся «Потёмкин» крейсером новейшей постройки «Ростислав», но потом министр иностранных дел В.Н. Ламсдорф выступил против посылки кораблей под предлогом столкновения с английским флотом в Средиземном море. Англия

занимала тогда антироссийскую, прояпонскую позицию. Как пишет А.Б. Широкоград, при всех антироссийских поступках Англия никогда не стала бы воевать с Россией в союзе с Японией (Широкоград, 2003: 451-461). В результате эскадра Рождественского из 17 крупных кораблей и 9 миноносцев встретила японскую эскадру из 36 кораблей и 65 миноносцев, не считая 4 канонерские лодки. Возникает дискуссионный вопрос о результатах противостояния японскому флоту, будь у России больше кораблей. При количественном превосходстве военных кораблей всех классов командование Тихоокеанского флота, безусловно, чувствовало бы себя увереннее, но обеспечило бы это победу?

Все морские сражения Русско-японской войны заканчивались либо гибелью русских кораблей, либо «в ничью» (09.02.1904 и 10.08.1904 г.). Количество крупных русских кораблей не было существенно меньшим, но общее количество кораблей противника, достигавшееся за счёт большого количества эсминцев и миноносцев, превращало японский флот в армаду. В Цусимском сражении русские миноносцы как боевые единицы были бесполезны и, главным образом, спасали людей с тонущих броненосцев (Широкоград, 2003: 456-461). Сказать то же самое про японский миноносный флот невозможно. Он был организован в отряды, которые буквально охотились за русскими кораблями. Они потопили броненосцы «Суворов», «Наварин», торпедировали другие корабли. По мнению польского историка Ю.В. Дисканта, один вид многочисленного противника поверг в ужас командующего Порт-Артурской эскадрой адмирала В.К. Витгефта, который на средней скорости прорывался во Владивосток, а когда возникла опасность вступить в бой, на полных парах приказал возвращаться в Порт-Артур (Дискант, 2002).

Во всех морских сражениях количественное превосходство броненосцев и крупных кораблей оказывается одним из определяющих факторов победы. А.Б. Широкоград прав, когда говорит о малой, недостаточной концентрации русских кораблей на Тихоокеанском театре военных действий. Всего того, что сумели добыть на Балтике, было также недостаточно для продолжения войны на море. Имея до 300 военных судов на всех морях, Россия не смогла обеспечить их перевес на Тихом океане, не справилась с поставленной задачей при подготовке к войне. Это и показал Цусимский бой. Накануне войны японский флот насчитывал до 120 военных кораблей. Корабли стояли открыто в гаванях, и посчитать их количество не составляло труда. Но командование российского флота считало качество своих кораблей намного лучшим, боевой дух выше, а военно-морские силы противника априори хуже во всех отношениях. Сколько бы ни было у него кораблей, не имело значения.

Весьма отдалённые представления Адмиралтейства о японских военно-морских силах и способности флота России им противостоять выразились в телеграмме ведомства Рождественскому. В ней говорилось о продолжении похода к Жёлтому морю ввиду необходимости восстановить равновесие на Тихом океане после затопления Порт-Артурской эскадры (Оскотский, 2003: 194). По мнению Адмиралтейства, до падения морской крепости такое равновесие было. Эскадра Рождественского чудесным образом преобразилась в главную ударную силу флота, способную изменить ход войны! Невежеством или глупостью объяснялся приказ Адмиралтейства, представить трудно, но искать истоки поражения нужно здесь. Тем более непонятно, почему не последовало обсуждения после ответного предложения Рождественского идти на соединение с Владивостокской эскадрой для совместных действий. Неужели ведомству было всё равно, куда пойдёт эскадра и что с ней будет? Бессмысленно обвинять адмирала в неграмотных приказах в ходе предстоящего боя, медлительности старых кораблей и т.д., как это делали многие советские историки, «назначая» Рождественского «козлом отпущения» (Золоторев, Соколов, 2015: 217-222). Историк А.И. Сорокин, кроме прочих упреков адмиралу, обвиняет его в том, что он был горячим сторонником решения послать 2-ую эскадру в Порт-Артур (Сорокин, 1940). Но Рождественский настаивал на усилении 1-ой эскадры Тихоокеанского флота, никак не предполагая её замену на свою, более слабую, эклектично составленную 2-ую эскадру. Поверхностному взгляду русских чиновников от Адмиралтейства японцы противопоставили трезвый расчёт, до мелочей предусмотрев сильные и слабые стороны свои и противника.

Частные дискуссии. Имеющая место в литературе частная дискуссия об отряде А.А. Вирениуса в составе 1-го броненосца, 2-х бронированных и 3-х небронированных крейсеров при 11 миноносцах, посланных в 1904 г. сначала на усиление Владивостокской эскадры, а затем отозванных на Балтику для текущего ремонта броненосца «Ослябя», на наш взгляд, бессмысленна. Называющие отряд «последним козырем» русского флота не учитывают подавляющего качественного и количественного превосходства японцев на море. Возможно, потери противника возросли бы при усилении Владивостокской эскадры, но, маловероятно, чтобы она смогла прорвать блокаду Порт-Артура японской эскадрой адмирала Того.

Другая частная дискуссия о потерях японского флота порождена советской историографией и была призвана смягчить впечатление от полного разгрома 2-х русских эскадр Тихоокеанского флота. Она продолжается до сих пор. Не имея возможности отрицать потопление русских кораблей, авторы пытаются «увеличить» тоннаж и количество потопленных японских кораблей. Советские историки плохо представляли героизм русских моряков без большого количества уничтоженного противника. Пропаганда СССР долго эксплуатировала миф боя у Чемульпо, в котором «Варяг» потопил 2 миноносца и крейсер, – на самом деле ни одного корабля. Наоборот, российский крейсер в начале

боя получил попадания, несовместимые с его жизнеобеспечением. Всего за время войны в открытом бою было потоплено 4 японских миноносца – самых мелких однопалубных корабля с экипажем в 30-40 человек. За этот же период аналогично было потоплено 23 русских корабля, включая все броненосцы с экипажами до 800-900 человек. Никакая причина поражения не могла оправдать военной катастрофы и незащитности морского побережья страны, если бы она продолжила войну. Разговоры о возможной победе на суше носили и в настоящее время носят скорее утешительный и софистический характер.

Повторились последствия поражения в Крымской войне, когда за благо сочли продать Аляску американцам, так как не было флота, способного защитить заморскую территорию России. Некоторая часть историков (особенно в советское время) пыталась смягчить поражение русской армии с оставлением позиций и крупных городов либо нецелесообразностью их обороны (порт Дальний), либо, давая оценку, – «закончилось с неопределённым результатом» Мукденскому сражению. Примечательны и другие распространённые формулировки, нивелирующие поражения России. Например, «корабли отогнали артиллерийским огнём атаку японских миноносцев» – надо понимать как победу, а «в бою с японцами потеряли миноносец» как поражение. Получается, поражения японцев не равны поражению русских, если они не теряли своих кораблей.

Ура-патриотам нужно хоть что-то выдать за победу в войне, «сохранить лицо при плохой игре». Поэтому роль боевых потерь играют корабли японцев, затонувшие от столкновения с минами и друг с другом, прочно севшие на мель, используемые в качестве брандеров и т.д. Они преподносятся как частичная победа России в проигранной войне. Это 2 броненосца, 1 крейсер, 5 канонерских лодок, 8 миноносцев и 2 авизо (иногда выдаваемые за лёгкие крейсера).

Действие шимозы. Неприятным сюрпризом для русской армии и флота оказалась «начинка» снарядов японской артиллерии. Это был тринитрофенол, смешанный с алюминиевой пудрой и упакованный в шёлк, – изобретение японского инженера Мисотике Симосэ (русское название – «шимоза»). Японский снаряд не пробивал броневой пояс и палубу броненосца, но высокая температура вспышки приводила к таким сильным пожарам, что, по свидетельству участника Цусимского сражения капитана 1-го ранга В.И. Семенова, стальные поручни, балки и другое покрытие верхней палубы отрывались от корабля и сметали матросов, калеча и разрывая их тела на части (Семенов, 1912). В Цусимском сражении командующий японской эскадрой адмирал Того навязал Рождественскому дистанцию в 40 кабельтовых – 7,5 км, на которой противник безнаказанно расстреливал русские корабли, вызывая на них чудовищные пожары. В то же время российские снаряды не пробивали на таком расстоянии броню противника, так как их взрыватели детонировали только после того, как снаряд при попадании ввинчивался в броню корабля. Эскадра Рождественского не могла подойти ближе или уклониться от боя ввиду более современных и быстроходных вражеских кораблей, постоянно удерживающих русскую эскадру на одном расстоянии. Вкупе с 280 мм снарядами полевых осадных батарей японцев, которые обстреливали Порт-Артур, артиллерия Японии представляла собой грозную силу, о появлении которой не догадывалось российское командование. О «шимозе», дающей определённое превосходство японцам в качестве вооружения, встречается не так много литературы. Из российской публики представление о шимозе имели те, кто читал роман В. Пикуля «Три возраста Окини-Сан». Большинство исследователей не связывало поражение флота с этим «секретом» японцев. И в настоящее время некоторые исследователи считают действия взрывчатого вещества преувеличенным, называют его «страшилкой» и «фантазией» тех, кто пытается оправдать поражение русской армии. Они напоминают, что фугасный заряд «шимозы» лишь на 14 % превосходил российский по массе (что тоже немало) и забывают о выгорании верхних палуб кораблей выше броневых поясов. Это было возможно при скорости выбрасывания взрывчатого вещества снарядов в 15 раз быстрее российских (Золоторев, Соколов, 2015). По свидетельству очевидцев, японцы сжигали русские корабли, а выделяемый угарный газ превращался в отравляющее вещество. «Все корабли были объаты „дьявольским огнём“, не оставлявшим шансов экипажам», – пишут свидетели Цусимского боя, называя его истреблением, деморализующим командиров и команды кораблей (Оскотский, 2003: 194). Губительное действие японского оружия в Цусимском бою подтверждают и современные исследования. В частности, военный исследователь С.И. Титушкин говорит о слабых японских бронебойных снарядах без бронебойных наконечников... То есть ни один тип снарядов не пробивал российской корабельной брони, но мог поджечь её за счёт бризантности снаряда с содержащимся в нём мелинитом Шимосе! (Титушкин, 1994). Кроме Цусимы, японцы использовали своё «супероружие» и в других сражениях. Например, капитан «Варяга» В.Ф. Руднев в рапорте управляющему морским министерством о бое крейсера с японской эскадрой писал о действии снарядов с лиддитом (другое название мелинита), посредством которого личный состав корабля нёс большие потери из-за мелких осколков, которые с трудом извлекались из «ужасных кровоточащих ран» (Русско-японская война..., 1911: 132-165). Пытаясь уменьшить впечатление о страшном оружии японцев, скептики ссылаются на «прекрасные» пробоины, оставленные русскими снарядами в японских судах, но пробоин этих было крайне мало из-за неточной, кучной стрельбы русских канониров вследствие их худшей подготовки. В то же время

японцы стреляли меньше, но почти всегда попадали в русские корабли, посылая их, объятых пламенем, ко дну ([Ниппон-Кай, 1911: 9-12](#)).

Корректировать артиллерию японцев помогали аэростаты системы Парсефаля, которые тоже были военной новинкой противника. При обороне Порт-Артура в российской армии предполагались 2 наблюдательных воздушных шара, построенных механиком Лавровым, и даже воздушные змеи с пилотом Бергом. Для этого специально из Санкт-Петербурга они приехали в Порт-Артур, но всё осталось на уровне испытаний и экспериментов, а инженеров убили в одной из атак на крепость. Для передачи разведанных использовали голубиную почту, но распространение она не получила. Японцы применяли не только аэростаты, но и двухмоторный дирижабль изобретателя Исебурпо Ямадо ([Вахтенный журнал..., 2011: 55, 83-91](#)).

Стратегия Н.А. Куропаткина. Складывается впечатление, что военная разведка и генеральный штаб не особенно интересовались возможностями противоположной стороны, устойчиво представляя противника как туземную, отсталую нацию, по уровню военных технологий превосходившую разве что Китай. Отчасти это отношение подтверждается мнением военного министра, члена Государственного совета, генерал-адъютанта Н.А. Куропаткина о слабой подготовке японских солдат, потому что японские школы не приучали к религиозной вере. При школах нет храмов, а офицеры не молятся ни в горе, ни в радости. Генерал считал японскую армию слабой духом, не способной к терпению и мужеству, подобно русским солдатам ([Ниппон-Кай, 1911](#)).

За полгода до начала войны Н.А. Куропаткин пишет в Санкт-Петербург императору всеподданнейшую записку, в которой уведомляет Николая II о вариантах действий японской армии и даёт им свои комментарии: 1) Япония ограничится оккупацией Кореи; 2) занимает Корею и развёртывает против нас наступление в Маньчжурии, на Порт-Артур и в Уссурийском крае на Владивосток.

В первом случае не нужно начинать войну с Японией, а лишь ограничиться подвозом провианта и боеприпасов к корейским границам. Во втором, Россия должна вступить в борьбу и закончить её тогда, когда противник будет повержен. Пока японцы многочисленнее наших сил, первый период войны должен быть оборонительным. Задачи флота Н.А. Куропаткин определил так: ввиду численного превосходства японского флота нашим кораблям предписывалось только замедлить высадку войск в Корею и на Квантуне (в дальнейшем эта задача не была выполнена) и этим ограничиться. Н.А. Куропаткин пишет о том, что за 2 года была проделана большая работа по строительству укреплений и углублению бассейна в Порт-Артуре, но этих мер будет недостаточно, чтобы не дать противнику окружить крепость и взять её в плотную осаду. Эта осада будет продолжаться до тех пор, пока не удастся накопить сил у Харбина, чтобы затем перейти в наступление и разгромить противника ([Порт-Артур и Дальний..., 2018: 492](#)). Таким образом, Н.А. Куропаткин предвидел и планировал осаду и возможную сдачу Порт-Артура ещё в августе 1903 г., считая её «частным поражением», если не удастся собрать достаточных сил на Севере. И, если российская общественность расценивала потерю Порт-Артура как национальную катастрофу, после которой продолжение войны становилось бессмысленным, то автор «всеподданнейшей записки» считал такой вариант развития военных действий вполне допустимым – потеря юга русской колонии не означала проигрыша в войне. Правда, потери эскадры с её мощью – шестью броненосцами с 305 мм орудиями – генерал не предвидел. Её предвидели и желали японцы с самого начала военных действий, пытаясь заблокировать выход кораблей из бухты Порт-Артура. Вообще, главнокомандующий не придавал большого значения флоту, так как был уверен в армии с её неиссякаемыми мобилизационными возможностями и искренне недоумевал, зачем надо было заключать Портсмутский мирный договор и признавать поражение. Следуя за логикой Куропаткина, в отсутствие крупных сражений после Мукденской битвы тоже не было ничего страшного и не свидетельствовало о слабости Империи. Напротив, у японцев были истощены резервы, а Россия, отступив, лишь накапливала силы для будущего разгромного удара.

Общественность сетовала на отсутствие в армии Суворовых и Кутузовых, но забывала о римском полководце Квинте Фабии, который медленно, но настойчиво ослаблял противника и добился победы во Второй Пунической войне. Не беспорядки оказали влияние на самодержавие, решившееся на преждевременный мир, а общественность, городские обыватели, не понимающие военной стратегии. Удивительным является то, что самодержавие не только тогда, когда ради КВЖД приняло решение не уступать Японии, спровоцировав её на военные действия, но и после, не достигнув победы, не выслушало мнение военных специалистов и поспешило заключить мир с противником, надеясь избежать критики общественности и идя у неё на поводу.

Дискуссия о причинах сдачи крепости А.М. Стесселем. В период войны общественное мнение и оценки событий на фронте часто не совпадали с мнением и оценками верховного командования. Так, например, современники писали, что явка Стесселя на суд сопровождалась бурными овациями, «лобызаниями» женщин и чествованием казаками, а сам Стессель не вполне понимал, что его будут судить за измену ([Дело о сдаче..., 1908: 2](#)). Тем больший общественный резонанс вызвал приговор суда – расстрел, заменённый на 10 лет тюремного заключения и помилование после года, проведённого в заключении. Странное наказание за измену, повлёкшую

потерю важнейшей геополитической точки и 1-ой Тихоокеанской эскадры. Возможно, сами судьи и император понимали, что абсурдно наказывать одного человека за проигранную войну.

В ходе изучения дела об измене Следственная по Высочайшему повелению комиссия о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам исследовала телеграмму от 16.12.1904 г. Куропаткину, в которой Стессель сообщал, что форт № 3 взорван японцами, снарядов почти нет, а крепость продержится ещё несколько дней. Под ружьём не более 11 тысяч человек и все они больны цингой. Уверенный в неизбежности сдачи крепости, Стессель объясняет своё решение прекратить сопротивление нежеланием резни последних защитников японцами, когда те ворвутся в город. Первый раз о резне защитников крепости, если те сдадут город, предупреждал генерал Р.И. Кондратенко 08.11.1904 г. По его мнению, японцы, не имея привычки сдаваться в плен, не уважают права пленных и вырежут всех русских, как они это сделали с китайцами в крепости Порт-Артур в 1895 г. Мнение командующего о намерении противника устроить резню русских пленных японцы подтвердили, когда 22 сентября убили всех раненных при временном овладении штурмом Сигнальной горы вблизи города ([Русско-японская война..., 1941: 320](#)). Проявления крайней жестокости и даже дикости не один раз имели место в пылу боя. Например, участник Цусимского сражения, американский журналист Кристофер Мартин видел, как японские корабли не пускали русские миноносцы для спасения тонущих моряков с броненосцев «Бородино» и «Наварин». Спаслось только 4 человека с двух броненосцев ([Кристофер, 2003: 196, 198](#)). Наибольшего ожесточения достигли бои за гору Высокая. По рассказу генерал-майора М.И. Костенко, не было такого сильного озлобления, как при атаке на эту высоту 14.11.1904 г. Русские и японцы рубили, кололи, рвали зубами друг друга. Пытавшихся сдаться в плен японцев и русских не щадили. Японские военные были жестоки и по отношению к самим себе. Офицеры не щадили своих раненых солдат, приказывая в наступлении засыпать их телами русские траншеи, чтобы остальные могли пройти по ним как по мосту. Однако были и благородные поступки противника. Так адмирал Уриу приказал спасти большую часть команды потопленного японцами крейсера «Рюрик» в бою 14.07.1904 ([Русско-японская война, 2004: 155](#)). Сдавшийся гарнизон Порт-Артура после подписанного акта о капитуляции чувствовал себя прекрасно. В Японии пленных хорошо кормили, выполняли их многочисленные пожелания, знакомили с элементами восточноазиатской культуры, делая пребывание в плену русских солдат отдыхом. Почему же японцы вели себя так благородно? Среди главных причин – две:

1) Пребывание русских в плену щедро оплачивалось бюджетом России и благотворительными организациями по договору с японцами.

2) Японцы не жалели средств для создания у европейцев имиджа благородной, цивилизованной нации с ценностями, мало чем отличающимися от европейских, и это им удалось.

В периоды оккупации Китая японские офицеры прививали китайцам мысль о своей исключительности, превосходстве над другими азиатскими народами ([Русско-японская война..., 2006: 391](#)). Никакого рыцарского отношения к китайцам японские солдаты не проявляли, будь то пленные или гражданские, попавшие под руку с саблей. Срабатывал исторический японский национализм, исключавший китайцев как полноценный народ. Если противник – военнопленный, он не заслуживает снисхождения. И уж конечно, кормить пленных китайцев за свой счёт японцы не собирались.

Кем же являлся А.М. Стессель – предателем, как утверждал Ножин? Комиссия сослалась на протокол военного совета 16.12.1904 г. и выступление генерала от артиллерии В.Ф. Белого с докладом о количестве снарядов, которых, по уверению генерала, хватало ещё на 2 штурма. Затем Комиссия показала подлинник текста телеграммы, на котором синим карандашом была исправлена дата: вместо 15.12.1904 г. (со словами «сегодня») стало 16.12.1904 г. (со словами «вчера»). Следственная комиссия сделала вывод о прямом подлоге данных генералом о возможности Порт-Артура к дальнейшему сопротивлению и преднамеренном сокрытии от Главнокомандующего доклада В.Ф. Белого о количестве боеприпасов в арсенале с целью ввести в заблуждение А.Н. Куропаткина и оправдать сдачу крепости ([Дело о сдаче..., 1908: 32](#)).

Всё же о смелом и уважаемом всеми командующем гарнизоном Порт-Артура не складывается впечатление как о предателе. У этого человека были серьёзные основания для принятия тяжёлого решения в условиях ответственности за 20 тысячами раненых, больных и измождённых людей.

Такой сценарий событий Главнокомандующий предвидел ещё в 1903 г. Естественно, разрешить сдать крепость японцам Н.А. Куропаткин тоже не мог. Этого не было в Воинском уставе, предполагавшем удержание крепостей до исчерпания всех ресурсов. Но, как пишет один из авторов, как определить это исчерпание? ([Музафаров, 2013: 208](#)). Можно ли вообще его определить, не находясь в крепости? У историков не встречаются объяснения молчания Главнокомандующего в ответ на отчаянные телеграммы Стесселя. Можем предположить 3 причины его нежелания дать ответ:

1) дожидался, когда пожертвованная им крепость падёт, исчерпав все возможности обороны до последнего человека;

2) не знал истинного положения вещей, а полагаться только на донесения командующего Квантунского укрепрайона не хотел;

3) предоставил возможность принять окончательное решение Стесселю, который обладал самой полной информацией о положении дел в крепости.

Крепость оттягивала на себя Квантунскую армию японцев, не давала ей соединиться с Мукденской группой войск и подготовить плацдарм для наступления на Север. В любом случае время работало на максимальную концентрацию основной армии и достижение численного перевеса в людях и артиллерии. По сути, вина Стесселя и Фока была в том, что они взяли на себя ответственность за сдачу крепости. Связи Стесселя с японской разведкой Следственная комиссия не обнаружила. Не доказала эта комиссия и причастность к взрыву Стесселя и Фока форта №2. Он был взорван японцами методом «горна» – подкопа ([Дело о сдаче..., 1908: 31](#)). Версия советского писателя А. Степанова о том, что кто-то из окружения Стесселя (или он сам) дал координаты блиндажа, в котором проходило совещание Р.И. Кондратенко и сторонников продолжения защиты крепости, не получила подтверждения. Тем более несерьёзным выглядит необоснованное предположение писателя о получении генералом взятки от японцев в размере 5 млн. долларов ([Музафаров, 2013: 208](#)). Биография Стесселя и его семьи хорошо известна. Гипотетически полученные деньги никак себя ни обнаружили.

«Назначая» А.М. Стесселя предателем, советские историки ставят ему в вину попытки объединить командование флотом и крепостью в одних руках, что, по их мнению, ускорило бы её падение. Современные историки считают эти действия А.М. Стесселя не только не вредными, а наоборот, правильными, поддержанными адмиралом С.О. Макаровым. Ошибочными считает известный советский историк сталинской эпохи А.Л. Сидоров решение перенести в крепость снятые с кораблей орудия. Он пишет, что военные не понимали значения флота для вооружённых сил России ([Дневник полковника..., 1954: 5](#)). Не только А.М. Стессель, но и генералы Р.И. Кондратенко, В.Ф. Белый, полковники инженерных войск М.И. Лиле и С.А. Рашевский считали это необходимым. Где крепость могла ещё взять резервные пушки, противостоящие японской артиллерии? Большая часть флота была подорвана на минах или потоплена в боях с японцами, унеся на дно бесценные орудия.

Кроме подложной телеграммы, обвинение строилось на докладе генерала В.Ф. Белого о количестве снарядов на 2 штурма японцев. Как затем обнаружили японцы после сдачи крепости, снарядов среднего калибра было много, но не к русским, а небольшому количеству китайских пушек, оставшимся с 1895 г. К русским орудиям эти снаряды не подходили. Снарядов крупного калибра хватало на 10 выстрелов к каждому орудью. Это делало попытки обороны безрассудными. Зарядов хватало бы на половину штурма, а вторая половина заключалась бы в уличных боях и резне оставшихся защитников и раненых, как и предполагали А.М. Стессель и Р.И. Кондратенко. Генерал от артиллерии В.Ф. Белый вряд ли мог не знать о несоответствии снарядов пушкам, когда готовил доклад о состоянии боезапаса крепости. В соответствии с кодексом дворянской и офицерской чести члены совета веряли свою судьбу их командиру, как бы говоря: снарядов хватает, винтовок хватает, и мы все готовы идти в последний бой, если того требуют приказ и присяга. Никакой другой ответ не был в традиции русской армии. А.М. Стессель ждал такого ответа, поэтому и взял всю ответственность за подчинённых на себя, тем самым оградив их от любых обвинений в дальнейшем. Впрочем, какие на самом деле мотивы влияли на принятие ответственного решения, независимо от объяснений самого генерала, мы никогда не узнаем, что и создало почву для многочисленных домыслов как врагов генерала, так и друзей.

Ещё одно предположение современных историков – защитников А.М. Стесселя нельзя не упомянуть: сенсационные материалы о предательстве А.М. Стесселя подкинули Н.Е. Ножину большевики, зная о ссоре Н.Е. Ножина с генералом и желании журналиста отомстить человеку, приговорившего его к расстрелу и заставившего бежать из Порт-Артура ([Музафаров, 2013: 208](#)). Большевики хотели оживить общественное мнение на спаде революционного движения. Имея некоторые сведения и документы, они подтасовали их в нужном ключе, чтобы привлечь внимание к предательству генералов и скомпрометировать русскую армию – опору самодержавия. К слову, гибель всех защитников осаждённых крепостей до последнего человека долго пропагандировалась большевиками как обязательное поведение советских людей (Брестская крепость, Оборона Севастополя, Аджимушкайские каменоломни, Ханко). Добровольная сдача в плен окружённых, безоружных, больных и раненных солдат трактовалась как предательство.

5. Заключение

Военно-морская крепость Порт-Артур исчерпала все свои людские и материальные возможности противостоять противнику; неоднократные попытки прорвать блокаду броненосцами Тихоокеанской эскадры были безнадежны, а лучшее применение её артиллерии оказалось на берегу. Н.Е. Ножин, чья книга «Правда о Порт-Артуре» послужила поводом для судебного преследования защитников крепости, не присутствовал в крепости во время её сдачи, собранные им документы тенденциозны. Обвинения в измене не получили подтверждения в суде и не подтвердились дальнейшими исследованиями историков.

Собранные документы и свидетельства очевидцев оправдывают действия генерала Стесселя по подготовке крепости к сдаче, а оставшиеся корабли эскадры к затоплению.

Командующий всеми вооружёнными силами на Дальнем Востоке генерал А.Н. Куропаткин не отвечал на телеграммы Стесселя, не обещал никакой помощи Порт-Артуру и не отдавал приказа держаться до последнего солдата. Мотивы молчания генерала до сих пор неизвестны. О стратегии и плане войны Куропаткина можно судить лишь на основании его довоенных представлений.

Какими бы ни были неиспользованные возможности флота, противник оказался сильнее, быстрее и подготовленнее. Вопрос был не в том, как надо было сражаться эскадре адмирала Рожественского, а в том, как избежать сражения и прорваться во Владивосток с наименьшими для себя потерями. К сожалению, этого сделать не удалось. Первенство неприятеля было во всём: в меткости стрельбы канониров, рациональном распределении сил, значительно большем количестве миноносцев и лучшем использовании их в торпедных атаках, качестве взрывчатого вещества снарядов, наличии сухих ремонтных депо в бухтах Японских островов, общем численном превосходстве военных кораблей Тихого океана.

Небольшая Владивостокская эскадра, не имевшая броненосцев, не могла защитить длинное морское побережье Дальнего Востока, в любом месте которого противник беспрепятственно мог высадить десант. Необходимость заключения мира была очевидна.

Нельзя не заметить одну странную закономерность в сражениях флота: никто из адмиралов не ставил целью разгром флота противника. Два раза 1-я Тихоокеанская эскадра пыталась прорваться во Владивосток – 23.06.1904 и 10.08.1904 г., 2-я Тихоокеанская эскадра также своей задачей видела прорыв во Владивосток через Цусимский пролив. Разве планировать победу над противником и прорываться через его позиции – одно и то же? Вспоминаются слова советского полководца М.В. Фрунзе о «стороне» (в сражении), которая, если не наступает, обречена на поражение. Создаётся впечатление обречённости и неверия в возможность победы у российских флотоводцев и полевых командиров. Любые их просьбы и требования хотя бы частичных реформ наталкивались на консервативное неприятие Адмиралтейства и Главнокомандующего, молчание с их стороны. Не в этом ли главная причина поражения России в войне?

В заключение назовём невоенную причину поражения: самодержавие постоянно путало внешнеполитические задачи с проблемами внутри страны. В конфликте с Японией не было необходимости, но Россия развязала войну с ней, пытаясь отвлечь общество от последствий экономического кризиса, а когда победить не получилось, вышла из войны, чтобы решать внутренние проблемы. Таким образом, война не была самоцелью общей политики самодержавия, и поэтому к ней никто серьёзно не готовился.

Литература

- [Абалек-Лазарев, 1912–1913](#) – *Абалек-Лазарев В.А.* Боевая работа русской армии в войну 1904–1905 гг. СПб., 1912–1913.
- [Айрапетов, 2014](#) – *Айрапетов О.Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014.
- [Апушкин, 1905](#) – *Апушкин В.А.* Летопись войны с Японией. СПб., 1905.
- [Вахтенный журнал..., 2011](#) – Вахтенный журнал воздушного плавания. СПб., 2011.
- [Грулев, 1905](#) – *Грулев М.В.* В штабах и на полях Дальнего Востока. Воспоминания офицера Генерального штаба и командира полка. СПб., 1905.
- [Дело о сдаче..., 1908](#) – Дело о сдаче Порт-Артура японским войскам в 1904 г. Сборник документов. Под ред. В.А. Апушкина. СПб., 1908.
- [Дискант, 2002](#) – *Дискант Ю.В.* Порт-Артур. 1904. М., 2002.
- [Дневник полковника..., 1954](#) – Дневник полковника С.А. Рашевского. Предисловие А.Л. Сидорова. М., 1954.
- [Золоторев, Соколов, 2015](#) – *Золоторев В.А., Соколов Ю.Ф.* Войны с Японией: от поражения к победе. М., 2015.
- [Кристофер, 2003](#) – *Кристофер М.* Русско-японская война 1904–1905. М., 2003.
- [Куропаткин, 1909](#) – *Куропаткин А.Н.* Записки генерала А.Н. Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909.
- [Куропаткин, 2015](#) – *Куропаткин А.Н.* Русско-японская война. Итоги войны. СПб., 2015.
- [Ленин, 1905](#) – *Ленин В.И.* Разгром // *Пролетарий*. № 3. 27.05.1905.
- [Ленин, 1967](#) – *Ленин В.И.* Падение Порт-Артура. ПСС. Т 9. М., 1967.
- [Музафаров, 2013](#) – *Музафаров А.А.* Забытые битвы империи. М., 2013.
- [Ниппон-Кай, 1911](#) – *Ниппон-Кай Тай-кай-сен.* Великое сражение Японского моря. СПб., 1911.
- [Одинцов, 1908](#) – *Одинцов Е.* Разбор со стратегической точки зрения роли русской эскадры в Порт-Артуре во время минувшей войны и выходов эскадры в море. «Не подлежит оглашению». СПб., 1908.
- [Оскотский, 2024](#) – *Оскотский З.Б.* Шимоза. Страшная расплата Русской армии. СПб., 2024.
- [Отчет о деятельности..., 1911](#) – Отчет о деятельности Российского общества Красного Креста во время русско-японской войны. Т.1. СПб., 1911.
- [Панов, 1908](#) – *Панов В.А.* Историческая ошибка // *Дальний Восток*. 1908.

- Покровский, 1923 – Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1923. Ч. 3.
- Порт-Артур и Дальний..., 2018 – Порт-Артур и Дальний: последний колониальный проект Российской империи. Сборник документов. М.-СПб., 2018.
- Романов, 1947 – Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.-Л., 1947.
- Русско-японская война, 1906 – Русско-японская война. Причины, ход и ее последствия // Сельский вестник. СПб., 1906.
- Русско-японская война, 1911 – Русско-японская война. 1904-1905. Действия флота. Документы. СПб., 1911.
- Русско-японская война..., 1941 – Русско-японская война 1904-1905 гг. Сборник документов. М., 1941.
- Русско-японская война, 2004 – Русско-японская война. Осада и падение Порт-Артура. М., 2004.
- Русско-японская война..., 2006 – Русско-японская война 1904-1905 гг. в документах внешнеполитического ведомства России. Факты и комментарии. М., 2006.
- Русско-японская война..., 1906–1907 – Русско-японская война в сообщениях Николаевской академии Генерального штаба. Ч. 1. СПб., 1906–1907.
- Семенов, 1912 – Семенов С.Р. Бой при Цусиме. СПб., 1912.
- Сорокин, 1940 – Сорокин А.И. Оборона и падение Порт-Артура. М., 1940.
- Теплов, 1905 – Теплов В.А. Горе побежденным!: О русско-японской войне. СПб., 1905.
- Титушкин, 1994 – Титушкин С.И. Корабельная артиллерия в русско-японской войне / Сб. статей. Гангут. 1994. Вып.7.
- Хвостова, 2005 – Хвостова И.А. Причины поражения в войне с Японией 1904-1905 гг. // Достижения вузовской науки. Н. Новгород, 2005.
- Хвостова, 2013 – Хвостова И.А. Состояние вооруженных сил России и Японии накануне войны 1904-1905 гг. // Новый взгляд. Международный научный вестник. Сб. научных трудов. Новосибирск, 2013. Вып. 1.
- Черенко, 2006 – Черенко К.Е. Русско-японская война в документах внешнеполитического ведомства России. Протоколы Портсмутской мирной конференции. М., 2006.
- Широкопад, 2003 – Широкопад А.Б. Россия – Англия: неизвестная война 1857-1907. М., 2003.

References

- Abalek-Lazarev, 1912–1913 – Abalek-Lazarev, V.A. (1912-1913). Boevaya rabota russkoj armii v vojnu 1904-1905 gg. [The combat work of the Russian army in the war of 1904-1905]. SPb. [in Russian]
- Ajrapetov, 2014 – Ajrapetov, O.R. (2014). Na puti k krahu. Russko-yaponskaya vojna 1904-1905 gg. Voenno-politicheskaya istoriya [On the way to collapse. The Russian-Japanese War of 1904-1905. Military and political history]. M. [in Russian]
- Apushkin, 1905 – Apushkin, V.A. (1905). Letopis' vojny s Yaponiej [Chronicle of the War with Japan]. SPb. [in Russian]
- Cherenko, 2006 – Cherenko, K.E. (2006). Russko-yaponskaya vojna v dokumentah vneshnepoliticheskogo vedomstva Rossii. [The Russo-Japanese war in the documents of the Russian Foreign Ministry]. Protokoly Portsmutskoj miroj konferentsii. M. [in Russian]
- Delo o sdache Port-Artura..., 1908 – Delo o sdache Port-Artura yaponskim vojskam v 1904 g. Sbornik dokumentov [The case of the surrender of Port Arthur to Japanese troops in 1904]. Pod red. V.A. Apushkina. SPb., 1908. [in Russian]
- Diskant, 2002 – Diskant, Yu.V. (1904). Port-Artur.1904 [Port Arthur.1904]. M. [in Russian]
- Dnevnik polkovnika..., 1954 – Dnevnik polkovnika S.A. Rashevskogo [Diary of Colonel S.A. Rashevsky]. Predislovie A.L. Sidorova. M., 1954. [in Russian]
- Grulev, 1905 – Grulev, M.V. (1905). V shtabah i na polyah Dal'nego Vostoka. Vospominaniya oficera General'nogo shtaba i komandira polka [In the headquarters and fields of the Far East. Memoirs of an officer of the General Staff and a regimental commander]. SPb. [in Russian]
- Hvostova, 2005 – Hvostova, I.A. (2005). Prichiny porazheniya v vojne s Yaponiej 1904-1905gg. [Reasons for the defeat in the war with Japan of 1904-1905]. Dostizheniya vuzovskij nauki. Nizhnij Novgorod. [in Russian]
- Hvostova, 2013 – Hvostova, I.A. (2013). Sostoyanie vooruzhennykh sil Rossii Yaponii nakanune vojny 1904-1905gg. [The state of the Russian armed forces of Japan on the eve of the war of 1904-1905]. Novyy vzglyad. Mezhdunarodnyj nauchnyj vestnik. Sb. nauchnykh trudov. Novosibirsk. Vyp. 1. [in Russian]
- Kristofer, 2003 – Kristofer, M. (2003). Russko-yaponskaya vojna 1904-1905 [Russian-Japanese War of 1904-1905]. M. [in Russian]
- Kuropatkin, 1909 – Kuropatkin, A.N. (1909). Zapiski generala A.N. Kuropatkina o russko-yaponskoj vojne. Itogi vojny [Notes by General A.N. Kuropatkin on the Russian-Japanese War. The results of the war]. Berlin. [in Russian]
- Kuropatkin, 2015 – Kuropatkin, A.N. (2015). Russko-yaponskaya vojna. Itogi vojny [Russian-Japanese War. The results of the war]. SPb. [in Russian]

- [Lenin, 1905](#) – *Lenin, V.I.* (1905). Razgrom [The debacle]. *Proletarij*. 3. 27.05. [in Russian]
- [Lenin, 1967](#) – *Lenin, V.I.* (1967). Padenie Port-Artura [The Fall of Port Arthur]. PSS. M. T. 9. [in Russian]
- [Muzafarov, 2013](#) – *Muzafarov, A.A.* (2013). Zabytye bitvy imperii [The Forgotten Battles of the Empire]. M. [in Russian]
- [Nippon-Kaj Taj-kaj-sen, 1911](#) – *Nippon-Kaj Taj-kaj-sen* (1911). Velikoe srazhenie Yaponskogo moriya [The Great Battle of the Sea of Japan]. SPb. [in Russian]
- [Odintsov, 1908](#) – *Odintsov, E.* (1908). Razbor so strategicheskoy tochki zreniya roli russkoj eskadry v Port-Arture vo vremya minuvshej vojny i vyhodov eskadry v more [Analysis from a strategic point of view of the role of the Russian squadron in Port Arthur during the last war and the squadron's exits to sea]. «Ne podlezhit oglasheniyu». SPb. [in Russian]
- [Oskotskij, 2024](#) – *Oskotskij, Z.B.* (2024). Shimoza. Strashnaya rasplata Russkoj armii [Shimosa. The terrible reckoning of the Russian army]. SPb. [in Russian]
- [Otchet o deyatel'nosti..., 1911](#) – Otchet o deyatel'nosti Rossijskogo obshchestva Krasnogo Kresta vo vremya russko-yaponskoj vojny [Report on the activities of the Russian Red Cross Society during the Russo-Japanese War]. T.1., SPb., 1911. [in Russian]
- [Panov, 1908](#) – *Panov, V.A.* (1908). Istoricheskaya oshibka [Historical error]. *Dal'nij Vostok*. [in Russian]
- [Pokrovskij, 1923](#) – *Pokrovskij, M.N.* (1923). Russkaya istoriya v samom szhatom ocherke [Russian history in the most concise essay]. M. Ch. 3. [in Russian]
- [Port-Artur i Dal'nij..., 2018](#) – Port-Artur i Dal'nij: poslednij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii. Sbornik dokumentov [Port Arthur and Dalny: the last colonial project of the Russian Empire]. M.-SPb., 2018. [in Russian]
- [Romanov, 1947](#) – *Romanov, B.A.* (1947). Oчерки diplomaticheskoj istorii russko-yaponskoj vojny [Essays on the diplomatic history of the Russian-Japanese War]. M.-L. [in Russian]
- [Russko-yaponskaya vojna..., 1911](#) – Russko-yaponskaya vojna. 1904-1905. Dejstviya flota [Russian-Japanese War. 1904-1905. Fleet actions]. Dokumenty. SPb., 1911. [in Russian]
- [Russko-yaponskaya vojna..., 2006](#) – Russko-yaponskaya vojna v 1904-1905 gg. v dokumentah vneshnepoliticheskogo vedomstva Rossii [The Russian-Japanese War in 1904-1905 in the documents of the Russian Foreign Ministry]. Fakty i kommentarii. M., 2006. [in Russian]
- [Russko-yaponskaya vojna..., 1906](#) – Russko-yaponskaya vojna. Prichiny, hod i ee posledstviya [Russian-Japanese War. Causes, course, and consequences]. *Sel'skij vestnik*. SPb., 1906. [in Russian]
- [Russko-yaponskaya vojna..., 1906–1907](#) – Russko-yaponskaya vojna v soobshcheniyah Nikolaevskoj akademii General'nogo shtaba [The Russian-Japanese war in the reports of the Nikolaev Academy of the General Staff]. SPb., 1906-1907. Ch.1. [in Russian]
- [Russko-yaponskaya vojna..., 2004](#) – Russko-yaponskaya vojna. Osada i padenie Port-Artura [Russian-Japanese War. The Siege and Fall of Port Arthur]. M., 2004. [in Russian]
- [Russko-yaponskaya vojna..., 1941](#) – Russko-yaponskaya vojna 1904-1905 gg. [Russian Russian-Japanese War of 1904-1905]. Sbornik dokumentov. M., 1941. [in Russian]
- [Semenov, 1912](#) – *Semenov, S.R.* (1912). Boj pri Cusime [The Battle of Tsushima]. SPb. [in Russian]
- [Shirokorad, 2003](#) – *Shirokorad, A.B.* (2003). Rossiya – Angliya: neizvestnaya vojna 1857-1907 [Russia – England: the Unknown War of 1857-1907]. M. [in Russian]
- [Sorokin, 1940](#) – *Sorokin, A.I.* (1940). Oborona i padenie Port-Artura [The Defense and Fall of Port Arthur]. M. [in Russian]
- [Teplov, 1905](#) – *Teplov, V.A.* (1905). Gore pobezhdennym! [Woe to the vanquished!]: [O russko-yaponskoj vojne]. SPb. [in Russian]
- [Titushkin, 1994](#) – *Titushkin, S.I.* (1994). Korabel'naya artilleriya v russko-yaponskoj vojne [Naval artillery in the Russian-Japanese War]. *Sb. statej*. Gangut. Vyp.7. [in Russian]
- [Vahtennyj zhurnal..., 2011](#) – Vahtennyj zhurnal vozdušnogo plavaniya [Air navigation logbook]. SPb., 2011. [in Russian]
- [Zolotarev, Sokolov, 2015](#) – *Zolotarev, V.A., Sokolov, Yu.F.* (2015). Vojny s Yaponiej: ot porazheniya k pobede [The Wars with Japan: from defeat to Victory]. M. [in Russian]

К вопросу о причинах поражения России в Русско-японской войне и поиске виновных

Андрей Анатольевич Андросов ^{a,*}

^a Московский политехнический университет, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iekis@mail.ru (А.А. Андросов)

Аннотация. В статье раскрываются причины поражения России в Русско-японской войне, обстоятельства сдачи крепости Порт-Артур и степень виновности в этом коменданта Порт-Артура генерала А.М. Стесселя; анализируются особенности стратегии Главнокомандующего в Маньчжурии генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина; освещаются возможности Российского флота, реализованные и нереализованные планы командования и Адмиралтейства; некоторые новинки вооружения японской армии, ставшие неожиданностью для русских боевых командиров; действительные и надуманные недостатки подготовки русских солдат и моряков. В работе приводятся статистические данные, сопоставляются действия артиллерии противников, раскрывается отношение к войне японского и русского обществ. Большое внимание уделяется дискуссиям вокруг неясных до сих пор тем, а также случайным стечениям обстоятельств, повлиявшим на ход сражений. Анализируются предположения и гипотезы, объясняющие неудачи русских армий и флота, боевого настроения конфликтующих сторон; приводятся многочисленные документы, свидетельства и материалы газет, на основе которых излагается видение произошедших 120 лет назад трагических событий. На их основе делаются выводы о степени вины командиров крепости Порт-Артур, возможности продолжения обороны, позициях русского флота, уступившего стратегическую инициативу японцам в начале войны. В целом, война с Японией продемонстрировала опасность самонадеянности и чувства превосходства, навеянных прежними победами Российской империи, а поиск отдельных виновных или случайных стечений обстоятельств, приведших к поражению, выявил непродуктивность и вредность последствий в связи со снятием ответственности со всей военно-бюрократической системы. Причины и следствия таких разгромных поражений должны быть понятны и современным стратегам. Их неправильная трактовка может ввести общественность в замешательство, возбудить нежелание продолжать военные действия, породить требование немедленного заключения мира.

Ключевые слова: Русско-японская война, морская блокада, мнение общественности, «прорыв» флота, шимоза, затопление кораблей, плен.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 1015-1026
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.1015

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Central Newspapers of the Russian Empire as Heralds of Public Opinion on the German-English Relations in 1912

Stanislav N. Sinegubov ^{a, *}, Sergei P. Shilov ^a

^a Tyumen State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the publications of the central Russian newspapers in 1912 on the German-English naval relations which was a controversial area for both sides. For the official office in St. Petersburg it was very important to know the public mood expressed by the main newspapers of the most diverse political orientation (from liberal ones to conservative ones) in order to take balanced foreign policy decisions. In addition, by “leaking” the necessary materials to these media, it was possible to influence the feelings and thoughts of a large number of people not only in large cities of Russia, but also, significantly, in the provinces. And the latter prevailed in the list of “centers of civilization” of the Russian state at that period. It is also obvious that local publishers often reprinted articles from well-known newspapers since everything that was written in the central media was treated with piety and great attention. Such newspapers as *Novoye Vremya*, *Russkoye Slovo*, *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, *Moskovskie Vedomosti* and *Petersburgskaya Gazeta* were rightfully considered to be the central ones. They closely followed all the actions of the German and British authorities on the issue of naval rivalry between them. After all, it was one of the most acute issues in 1912 not only between Berlin and London, but also in international relations in general. Moreover, the path that the world would take in the future depended on its decision. The “first rate” newspapers gave their well-founded forecast of these prospects based on a thorough analysis.

Keywords: central newspapers, Russian Empire, Anglo-British relations, naval contradictions in 1912.

1. Введение

1912 г. стал своеобразным рубежом в истории международных отношений. События предшествовавшего 1911 г. явно свидетельствовали, что Европа, а, соответственно, и весь остальной мир, дрейфует в сторону серьезных военных потрясений. Достаточно напомнить, что 24 февраля (по новому стилю) 1911 г. в Германии был принят новый закон об армии, усиливавший ее мощь. Против кого она должна была использоваться у современников не было сомнений. В мае немецкие власти предоставили бывшим французским территориям, Эльзасу и Лотарингии, дополнительные права самоуправления. Это вызвало сопутствующее раздражение в Париже и стало еще одной каплей масла в огонь германо-французских противоречий. 1 июля так называемый прыжок «Пантеры» спровоцировал Второй Марокканский (Агадирский) кризис, грозивший вылиться в полномасштабную войну между ведущими европейскими державами. В августе было подписано Потсдамское соглашение между Германией и Россией относительно разграничения интересов в Персии. Однако одна из главных целей Берлина в этих переговорах – оттянуть Петербург от британо-французского союза – не была достигнута, а потому напряженность в «концерте» мировых государств сохранялась.

Речь кайзера Вильгельма II в Гамбурге в конце августа и прозвучавшие в ней слова о требовании для Германии «особого места под солнцем» были восприняты очень нервно в столицах

* Corresponding author

E-mail addresses: globus_75@inbox.ru (S.N. Sinegubov), sshilov@mail.ru (S.P. Shilov)

европейского континента и особенно в Лондоне. Подобные месседжи, выражаясь современным языком, удостоверяли о намерении немцев продолжать политику активного военного усиления и на суше, и на море. Последнее для англичан было как «железом по стеклу», поскольку угрожало их многовековому мировому морскому господству. Флотские проекты немцев и все предшествующие неудачные попытки в 1908–1911 гг. достичь компромиссного соглашения между двумя сторонами по «маринистской проблеме» говорили, что начавшееся с 1906 г. открытое германо-британское соперничество военно-морских флотов выходило на новый уровень. Его окончательный вектор развития должен был определиться в наступающем 1912 г.

Противостояние двух мировых держав – Великобритании и кайзеровской Германии, проявившееся с конца XIX в., в первом десятилетии последующего двадцатого столетия прошло ряд критически реперных точек, повлиявших на систему координат взаимоотношений не только между этими государствами, но и странами в мире целом (Гостенков, 2008: 143-163; Дербичская, 2012: 79-92). Вопрос возможно скорой войны будоражил по понятным причинам прежде всего европейскую общественность (Синегубов, 2009: 202-210). В России, конечно, также самым пристальным образом следили за развитием военно-политической германо-британской «интриги». Ведь официальный Петербург был одним из акторов мировой политики и ему было важно понимать направление дальнейшего хода событий, чтобы воздействовать на общественное мнение для обоснования принятия «правильных решений». В свою очередь, общественное мнение, представляющее совокупность суждений и оценок и отражающее позицию определенных слоев народа по тем или иным животрепещущим внутренним и внешним проблемам, влияло на власть (Давыдова, 2015: 70-74; Иванов, 1993: 35-44). Оно давало политикам сигналы о своих запросах и выражало свое понимание происходящего.

В этой связи представляется актуальным вопрос, насколько объективными и полными являлись характеристики германо-британских отношений, выдаваемые ведущими газетами Российской империи, особенно первой половины 1912 г. Этот временной период, можно сказать, был своеобразным «моментом истины», когда окончательно решался вопрос, быть или не быть договору о флоте между Великобританией и Германией. Несомненно, что «центровые» газеты являлись главными проводниками, формирующими рационально-эмоциональные настроения в образованной части российского общества. И с этими суждениями правительство не могло не считаться (Таирова, 2015: 189-190). Показательным, например, является факт, что императору Николаю II, естественно, по его требованию, в обязательном порядке для ознакомления предоставляли «Новое время» и «Санкт-Петербургские ведомости», а из остальных газет делали, как бы сейчас сказали, дайджест (Махонина, 2024).

Интерес к газетам определяется тем, что они, в отличие от «тонких», а уж тем более «толстых журналов», очень оперативно и даже, может быть, импульсивно реагировали на все события, не имея достаточного времени для серьезного и глубокого анализа. В этом заключался их минус и одновременно это же являлось и плюсом, так как показывало самое первое и свежее впечатление оцениваемого факта, инициировало к его последующему осмыслению, интерпретации и, если было необходимо, актуализации. Целью работы является анализ оценок ведущими российскими газетами германо-британских отношений в 1912 г. и характеристика их объективности, полноты, взвешенности.

2. Материалы и методы

При написании работы в качестве основного источника использовались ведущие газеты, которые печатались в столицах Российской империи. Материалы брались из Газетного фонда РНБ (Российской национальной библиотеки) в г. Санкт-Петербург. В нем представлена широкая и богатая палитра всего того, что выходило в свет, начиная с 30-х гг. XVIII в. Как известно, к началу второго десятилетия XX в. в России публиковалось более десяти тысяч периодических изданий (Русская периодическая..., 1957: 2). Большую часть из них составляли газеты, а треть их редакций располагалась в Санкт-Петербурге и Москве. Среди «престольных» изданий имелись свои «лидеры» и «аутсайдеры». Они отличались качеством подаваемого материала, читательской аудиторией, тиражностью. К первым можно отнести «Новое время», «Русское слово», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Петербургскую газету». Именно они в первую очередь влияли на умонастроения не только столиц, но и провинции российского государства. Отбор указанных изданий осуществлялся также с учетом их политической направленности, чтобы максимально полно представить спектр «консервативных» и «либеральных» суждений о германо-британских отношениях 1912 г.

Кроме того, при написании статьи в качестве источников привлекались опубликованные отечественные и зарубежные документы. К ним относятся, например, такие, как «Закон о численности германской армии 1911 г.», «Die Große Politik», «Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten», «Quellen zur deutschen Außenpolitik im Zeitalter des Imperialismus», «Politische Dokumente» А.Тирпица. Их материалы использовались для оценки объективности и взвешенности характеристик российскими газетами всех zigzagов борения Германии и Великобритании в 1912 г. С этой же целью широко применялись и сведения из трудов российских и немецких ученых.

Для достижения поставленной в статье цели использовались самые различные методы научного исследования. В первую очередь речь идет о историко-типологическом, позволившем произвести отбор самых значимых, на взгляд авторов, газет, которые в наибольшей степени отражали российское общественное мнение относительно текущего состояния и перспектив развития германо-британских отношений. Сравнительно-исторический метод дал возможность произвести сопоставление исследуемых суждений авторов публикаций и оценить глубину их аналитики. Для характеристики газет и их статей по теме частично привлекался матричный метод.

3. Обсуждение

Отечественная историография, связанная с германской темой в отражении российской прессы в предвоенные и в годы Первой мировой войны, является достаточно насыщенной. Можно указать лишь на сочинения некоторых авторов: Оболенская С.В. (Оболенская, 2001), Брыков Д.С. (Брыков, 2006), Савинова Н.В. (Савинова, 2007), Журбина Н.Е. (Журбина, 2008), Фишер Л.А. (Фишер, 2009), Кострикова Е.Г. (Кострикова, 2011), Котов Б.С. (Котов, 2012) и др. В поле зрения ученых попали значимые аспекты внешней политики германского рейха в отражении периодики Российской империи. Среди них, например, немецкая военная миссия Отто Лимана фон Сандерса в Османскую империю летом 1913 г., формирование образа государства Вильгельма II через газетные публикации в сознании российского обывателя в конце XIX – начале XX в. и особенно в преддверии Первой мировой войны, роль прессы в изменении общественных настроений в Германии, в том числе и под влиянием российской печати, политика Берлина в отношении присоединенных в ходе франко-прусской войны 1870-1871 гг. Эльзаса и Лотарингии и внесение дополнительной напряженности между немецким и поддерживаемой Великобританией французским государствами, характеристика отдельными российскими изданиями «германской политики» Франции в преддверии 28 июля 1914 г. Среди иностранных историков вопросы внешней политики в «русской печати» поднимали И. Фляйшхауэр (Fleischhauer, 1983), Е. Лор (Lohr, 2003), косвенно В. Гутше (Gutsche, 1988), М. Эпкенханс (Epkenhans, 1991) и ряд других историков. Однако, как показывает даже беглый обзор историографии, специально германо-британские отношения в 1912 г. в свете ведущих российских газет в литературе не рассматривались. Представляется возможным и необходимым восполнить этот пробел.

4. Результаты

Одной из обсуждаемых тем в начале наступившего 1912 г. в российской печати был Агадирский кризис. Он разразился в июне-октябре 1911 г. и резко обострил международную обстановку чуть ли не до начала европейской войны (Gutsche, 1988: 2-42; Oncken, 1981). Все, как известно, закончилось примирением двух основных участников конфликта – Германии и Франции. Они подписали 4 ноября 1911 г. соглашение о Марокко (Deutsch-französisches..., 1934: 465-467). Тем не менее, эхо событий продолжало будоражить общественное мнение, что не могло не отразиться на содержании газетных статей.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению публикаций на тему Второго Марокканского кризиса, необходимо заметить, что мотивы «сверхактивности» германской внешней политики и британской болезненной реакции на нее ведущим российским изданиям были понятны. «Московские ведомости» 11 февраля 1912 г. в артикуле «Английские гости» прямо подчеркивали, что Германия с 1870 г. увеличила население с 40 млн. человек до 65 млн. к началу второго десятилетия XX столетия. Этот избыток народных сил с бурно развивающейся промышленностью и торговлей требовалось куда-то перенаправлять. И власти их канализировали преимущественно на Запад, за океан. Даже немецкие социал-демократы, по словам газеты, всегда порицавшие колониальную политику, стали считать ее необходимой. Следствием всех этих процессов явилось развитие немецкого торгового и военного флотов. Англия, по вполне понятным причинам, увидела в этом экзистенциальную для себя угрозу. И вообще, замечало далее издание, обе страны принадлежат к «числу наиболее напряженно развивающихся мировых наций, которые не имеют никаких пределов для расширения своих территорий и интересов» (Московские ведомости. 1912. 29 января (11 февраля) №24). Таким образом, редакция газеты считала, что конфликты между ними – дело неизбежное.

Возвращаясь к теме «Агадира», «Санкт-Петербургские ведомости» в январе 1912 г. обратились к анализу выступления немецкого посла в Вашингтоне графа И.Х. Бернсторфа, перепечатав его речь из журнала «Outlook». Газета обращала внимание своих читателей на то, что, несмотря на заверения последнего в отсутствии намерений оккупировать какую-либо часть северо-западной африканской страны, Германия сумела через подписанное соглашение о Марокко добиться защиты интересов немецких промышленников и фермеров. Более того, «Санкт-Петербургские ведомости» особо указывали, что посол считал правильным «прыжок “Пантеры”», поскольку переговоры шли под ее моральным давлением и дали хорошие результаты. «Она (Германия – С.С., С.Ш.) не гналась за призраками, а стремилась к той именно цели, какой могла достигнуть» (Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 11(24) января. №8).

Продолжая «марокканскую тему» и разбирая причины не состоявшегося военного конфликта между Германией и Великобританией, 19 января (1 февраля) 1912 г. газета писала, что конгресс труда

(лейбористская партия – С.С., С.Ш.) и его лидер Кэйр Гарди на съезде в Бирмингеме приняли резолюцию, «в очень резких выражениях протестующую против внешней политики английского правительства, которое едва не вызвало войну с Германией из-за Марокко, что было бы выгодно только французским финансистам» ([Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 19 января \(1 февраля\). №15](#)). Таким образом, издание подчеркивало роль усилившегося во второй половине 1911 – начале 1912 г. английского рабочего движения в предотвращении войны. Понятно, что находившиеся у власти либералы не решились на военную авантюру, имея у себя в тылу такое «беспокойное хозяйство» ([Рабочее движение..., 2024](#)).

По сообщениям корреспондента «Русского слова» из Берлина в начале января 1912 г., в столице II-го рейха с чувством глубокого удовлетворения восприняли недовольство части британской прессы антигерманской политикой министра иностранных дел Э. Грея, проявившееся в Агадирском кризисе. Вывод, который из этого делался, заключался в появлении надежды на возможность улучшения англо-германских отношений ([Русское слово. 1912. 8\(21\) января](#)).

«Московские ведомости» также не обошли в 1912 г. вниманием марокканские события прошедшего года. В контексте анализа причин, по которым Германия и Великобритания не могут найти консенсус по флотской проблеме, 8(21) марта газета писала, что Англия надеялась столкнуть из-за Агадира между собой континентальные державы, и прежде всего Германию и Францию, и тем самым ослабить их положение, оставаясь при этом в стороне. Однако французы отказались разыгрывать «роль Донкихота» и потребовали от британцев принять непосредственное участие в борьбе путем отправки экспедиционного корпуса численностью в 160 тыс. человек, высадив его с нарушением нейтралитета Бельгии в Антверпене или Роттердаме. Однако операция по переброске войск не состоялась по причине того, что «английское Адмиралтейство потеряло из виду германскую торпедную дивизию, и командующий адмирал сэр Артур Вильсон заявил, что пока германский флот не разбит, он не берет на себя гарантию за безопасность транспорта экспедиционного корпуса» ([Московские ведомости. 1912. 8\(21\) марта №56](#)).

Данный отрывок свидетельствовал, что «Московские ведомости» указывали на недостаточную подготовленность британского флота, являвшегося первым в мире по своей силе. Это неизбежно, заключала далее газета, должно будет привести в последующем к его дальнейшему укреплению. А с учетом готовившегося в это время очередного дополнения германского Флотского закона 1900 г., грозило вылиться в обострение отношений между двумя государствами.

Уроки из событий июня-ноября 1911 г. вокруг Марокко извлекали не только англичане, но и немцы. В мае 1912 г. «Петербургская газета» подмечала, что «император Вильгельм II не забыл летней истории с Агадиром, что, когда из-за вмешательства Берлина в марокканские дела, Англия и Франция заговорили о войне с немцами, Германия оказалась недостаточно сильной на суше и особенно на море для того, чтобы “приказать” Лондону и Парижу “молчать и повиноваться” велениям германской дипломатии. Англия отдает справедливость энергии императора Вильгельма II и ловкости его канцлера, сумевших использовать летнюю агадирскую обидную для Германии историю для того, чтобы заставить рейхстаг ассигновать лишних 200 миллионов рублей на армию и флот» ([Петербургская газета. 1912. 05 мая. №0122](#)). Одним словом, издание подчеркивало прямую связь между Марокканским кризисом 1911 г. и последовавшими затем через некоторое время новыми законами, которые усиливали вооруженные силы Германской империи, явно подготавливая их к «Большой войне» ([Quellen zur..., 1977: 508, 513](#)).

Все предшествующие этапы онтогенеза противостояния Берлина и Лондона, и в первую очередь по острейшему флотскому вопросу, указанные издания оценивали достаточно объективно. В них отмечалось, что в течение 1908–1911 г. Берлин и Лондон делали попытки, но так и не смогли достичь договоренности по одному из самых острых вопросов в двухсторонних отношениях – флотскому. Причина, по мнению авторов газетных статей, заключалась в неуступчивости, нежелании сторон идти на приемлемый компромисс. Вместе с тем, выражалась и определенная надежда на то, что в 1912 г. они все-таки смогут найти приемлемое решение имеющихся проблем и прежде всего «морской».

Однако при этом же констатировалось, что добиться подобного будет явно непросто в силу многих обстоятельств. И одно из них заключалось в демонстративном усилении германской армии в соответствии с «Законом о численности германской армии мирного времени», принятого 27 марта 1911 г. и дополненного уже в 1912 г. ([Закон о численности..., 1911, 2024](#)). «Московские ведомости» отмечали в начале мая 1912 г., что сухопутная армия Германской империи будет увеличена с 625000 до 662000 человек, давая при этом детализацию усиления конкретных видов военных подразделений. В заключении краткого анализа приведенных данных газета писала: «Обращает на себя внимание спешность проведения этой реформы: она почти полностью будет завершена к 1 октября текущего года» ([Московские ведомости. 1912. 2 мая. №1012](#)).

6 мая 1912 г. издание привело выдержки из французских «Journal», «Echo de Paris» и «Figaro». В них фиксировалось, что действия немецких властей, направленные на военное усиление, напоминают то, что было в 1870 г. и что один из новых создаваемых германских корпусов напрямую угрожает восточной границе Франции ([Московские ведомости. 1912. 6 мая. №104](#)). Вывод о подготовке Германии к войне против Франции напрашивался сам собой. Учитывая же отношения

последней с Великобританией, становилось ясно, что боевые действия развернутся не только на суше, но и на море. Следовательно, это влияло на перспективы решения германо-английской флотской проблемы.

Российские издания также очень оперативно отреагировали на создание в Германии в январе 1912 г. новой структуры под названием «Военный союз» и подметили ее роль в нагнетании милитаристской истерии в немецком обществе. 31 января (13 февраля) 1912 г. «Санкт-Петербургские ведомости» поместили статью под названием «Средства обороны Германии». В ней наглядно показывалось, как средства массовой информации в лице популярной проправительственной «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» доходчиво объясняли обывателю необходимость дополнительных расходов на армию, представляя это как рутинное и неизбежное дело (Чернецкая, 2016:110-119). По словам представителей Военного союза, переданные немецкой газетой, «...Франция с населением на двадцать шесть милл. менее населения Германии, все же обладает большим количеством солдат, нежели Германия. У Франции и России в мирное время на 700,000 человек больше войска, нежели у Германии и Австро-Венгрии; а во время войны у франко-русского союза будет на два миллиона солдат больше, чем у Германии и ее союзницы Австро-Венгрии» (Санкт-Петербургские ведомости. 31 января (13 февраля) 1912. № 25).

То, что немцам придется воевать с французами, в России сомнений не было. Подтверждением тому служили сообщения, представленные в ряде газет. В одном из февральских номеров «Петербургской газеты» появилась прелюбопытная статья. В ней шла речь о тайных переговорах между кайзером Вильгельмом II и бельгийским королем Леопольдом II относительно обмена территориями между двумя государствами. Германия обещала поначалу передать Бельгии три французские провинции - Фландрию, Пикардию и Бургундию за бельгийское Конго, а потом, поняв, что Франция просто так не отдаст свои земли, решила ограничиться миниатюрным герцогством Люксембургским. Как отмечалось далее, «очевидно, Германия уже перестала считать победу над Францией легкой и осуществимой, раз теперь Берлин предлагает Бельгии в обмен на Конго только крошечный Люксембург, на которое не претендует Франция, и уже ни слова не говорит о “компенсациях” для Бельгии, в виде “некогда обещанных” трех французских провинций» (Петербургская газета. 1912. 20 февраля. № 49).

Впрочем, для пангерманцев, выступавших, как известно, за объединение всех немцев, где бы они не жили в странах Европы, все эти «размены» считались ерундой. Они продвигали в жизнь более серьезные проекты. Их пропаганда, а уж тем более подготовка к реализации, без всякого преувеличения вызывали тревогу не только у французов, но и у других народов европейского континента. По сведениям корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей», швейцарский журнал «Journal de Geneve» опубликовал очень интересную статью. В ней речь шла о брошюре популярного в пангерманских кругах публициста К. фон Стронца. В его работе говорилось о «священной войне», которая должна будет гарантировать Германии преобладание в Западной Европе. В частности, Франция будет ослаблена «ампутацией» семи департаментов, «Швейцария станет тем, чем она, по мнению пангерманистов, должна быть: членом большого германского тела». И вообще, например, Женева – это, по сути, немецкий город. Большая часть его населения – это либо сами переселенцы из Германии, или их уже потомки, носящие немецкие имена. Вид «французкости» городу придает его высший слой, который, если разобраться, является не чем иным, как офранцузенными немцами (Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 7(20 апреля). № 76).

Российская газета разделяла крайнюю озабоченность «Journal de Geneve». Она считала, что подобным публичным заявлениям необходимо противодействовать, поскольку пангерманцы имеют немалое влияние на общественное мнение Германии. А оно, в свою очередь, может оказывать воздействие на официальную политику государства, а там, как говорится, совсем недалеко и до большой беды.

Приведенные отрывки показывают, что русские издания считали, что для руководства рейха, разделявшего в большей своей части взгляды пангерманцев, война с Францией являлась не просто неизбежным, а желательным вариантом. А как могла на подобное отреагировать монархическая Великобритания, по существу союзница «La République Française»? Способна ли она была оказать ей действительную помощь в случае «la prima guerra di troia» (наступления времени войны)?

По сведениям, которые имелись в распоряжении русских репортеров, такой потенциал у британцев имелся. Еще в первой половине февраля 1912 г., когда в обеих столицах – Лондоне и Берлине – жили определенной надеждой на улучшение двухсторонних отношений после визита военного министра Великобритании Р. Холдена в Германию, последний, выступая в нижней палате парламента при обсуждении военного бюджета, сделал очень симптоматическое заявление. Как писала «Петербургская газета»: «Военный министр категорически заявил: “По мнению компетентных лиц, в общем, британская армия столь же хорошо снабжена, как и всякая другая армия в мире. Английские полевые орудия превосходят германские...”» (Петербургская газета. 1912. 14 февраля. №43).

Продолжая цитировать это издание, нельзя не привести выдержку из другого абзаца анализируемой статьи. «До сих пор общее мнение английского народа было таково, что главною

защитою островов Соединенного Королевства от вражеского, немецкого в особенности, нашествия является британский военный флот: что первая и главная задача государственной обороны – это не допускать неприятеля высадиться на берега Англии. Ныне лорд Холден намекает, что и в сухопутной войне английская армия с своею превосходною артиллерию способна успешно отражать неприятеля...» ([Петербургская газета. 1912. 14 февраля. №43](#)).

Мимо зоркого ока российских хроникеров не прошел случай, произошедший в палате общин 1(14) марта 1912 г. Депутат от оппозиции Американо резко раскритиковал военное ведомство, выставив в качестве упрека утверждение, что в случае войны Англия к ней готова также плохо, как и к южноафриканской, принесшей серьезные не только людские, финансово-экономические, но и репутационные потери ([Заболотный, 2011:63-73](#)). На такое заявление товарищ военного министра (*заместитель министра – С.С., С.Ш.*) Холдена Сили ответил вполне убедительно и авторитетно. Согласно утверждениям «Санкт-петербургских ведомостей», было публично объявлено, что в случае приказа о мобилизации, буквально в течение нескольких дней, Британия готова выставить «...150,000 человек хорошо вооруженных и экипированных, снабженных провиантом на три месяца» ([Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 7\(20\) марта. №54](#)).

Справедливости ради следует, конечно же, отметить, что такая готовность касалась защиты колониальных интересов Великобритании. Однако известно, что во время флотской паники 1909 г. и Второго Марокканского кризиса 1911 г. англичане рассматривали войну с Германией вполне вероятной, поэтому указанные в речи заместителя военного министра силы могли быть брошены и на европейский театр боевых действий, хотя бы потому что в Европе решалась будущая судьба мировой державы – Великобритании ([Виноградов, 1970](#)).

Чуть больше чем через неделю, «Санкт-Петербургские ведомости» уже прямо писали об угрозе британским интересам на европейском континенте в случае нападения немцев на французов. Газета отмечала, что «... военное поражение Франции поставило бы нас (*англичан – С.С., С.Ш.*) лицом к лицу с новой континентальной системой, в которой германская империя заняла бы место империи Наполеона. Наши интересы, также, как и дружеские отношения, требуют, чтобы мы имели возможность оказать Франции нужную помощь, если настанет час испытания, или еще лучше, – сделать так, чтобы час этот не настал. Но для этого необходимо, чтобы мы были в состоянии оказать Франции поддержку такой армией, которая по своей силе равнялась проектированному теперь увеличению сухопутных германских сил.

Очевидно, Германия желает сначала напасть на Францию для того, чтобы затем иметь свободные руки и действовать против нас. Наш ответ на новый военный проект Германии должен состоять в постройке двух броненосцев против одного германского и в организации сильной армии для помощи французской армии» ([Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 15\(28\) марта. №61](#)).

О намерении Лондона отстаивать доминирующие позиции в Европе говорило и «Русское слово». 2(15) июня 1912 г. газета опубликовала выдержку из выступления отставного адмирала Э. Сеймура, орденоносца ряда высоких английских и германских наград, занимавшего в недавнем прошлом пост первого и главного военно-морского адъютанта короля Эдуарда VII, на банкете конгресса торговых палат Британской империи ([Seymour, 1911](#)). Как писало издание, он сказал следующее: «Британскую армию нужно увеличить вдвое, и чтобы этого достичь, необходимо ввести обязательную воинскую повинность». Далее «Русское слово» продолжало: «К такому же заключению приходят и военные обозреватели некоторых органов печати, находящие, что Британия, слагая на Францию защиту Средиземного моря, должна помогать ей на суше, так как следствием итало-турецкой войны явится соперничество в морских вооружениях в Средиземном море, и это принудит Францию уменьшить бюджет армии» ([Русское слово. 1912. 2\(15\) июня. №126](#)).

Из приведенного отрывка видно, что российские центральные издания видели и подчеркивали взаимосвязь возможных в ближайшее время военных событий на суше и на море. Поэтому одному из главных источников напряженности на европейском континенте и основной угрозе нарушения его мирного состояния – германо-английскому морскому соперничеству – центральные издания Российской империи уделяли в 1912 г. самое пристальное и неослабевающее внимание.

Краткую характеристику оценок этой проблеме следует, конечно же, начать с визита британского военного министра Р. Холдена в Берлин в начале февраля 1912 г. Одна из его целей заключалась в том, чтобы отговорить немецкую сторону от принятия очередной, уже третьей по счету, флотской новеллы. Реализация этого намерения, несомненно, привела бы к еще большему усилению германского военно-морского флота в Северном море ([Epkenhans, 1991: 202](#)). А это рассматривалось англичанами, без всяких оговорок, как угроза их государственной безопасности. И они стремились подобное не допустить.

В свою очередь, в Берлине рассчитывали, что визит важного британского лица позволит разрядить сильно напряженные двусторонние отношения в военно-морской сфере, в том числе и через заключение флотского и даже, может быть, политического договоров ([Tirpitz, 1924: 282; Die Große..., 1926: 103-104](#)). Подготовка к соглашениям, судя по заявлениям российской прессы, была очень основательной. Это говорило о значимости вояжа британского военного министра. «Новое время» в выпуске от 2(15) февраля 1912 г. писало, что накануне отъезда Р. Холдена состоялось четыре

заседания высокопоставленных чинов разных ведомств с участием короля Георга V, премьер-министра Г. Асквита и самого «виновника торжества». Одно из них, по замечанию неназванного «Новым временем», но авторитетного, по уверению редакции, английского издания, продолжалось «рекордных» четыре часа ([Новое время. 1912. 2\(15\) февраля № 12893](#)).

Среди побудительных мотивов, заставлявших английскую сторону искать компромисса с немцами, наряду с внешними военно-политическими факторами, немалую роль играли и внутренние социально-экономические. В качестве примера можно привести информацию, представленную «Санкт-Петербургскими ведомостями» в начале 1912 г. об обращении влиятельной в стране Национально-либеральной федерации к правительству с призывом договориться с Германией по флотскому вопросу. «В виду все возрастающей тяжести расходов на морские вооружения, которые в последние три года достигли беспрецедентных размеров, исполнительный комитет “National Liberal Federation” настойчиво рекомендует правительству, как средство осуществить очень серьезную экономию, – сделать усилия для того, чтобы достигнуть дружеского соглашения с Германией, нацией, вести споры с которой у нас нет, в сущности, никаких причин, и с которой, наоборот, у нас имеются очень большие связи, являющиеся результатом общности и рас, и торговых интересов, и исторических воспоминаний» ([Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 13\(26\) января. №10](#)).

Несомненно, что проблемы внутреннего характера толкали официальный Лондон на переговорный процесс, но все-таки большим побудительным мотивом являлся внешний военно-политический фактор – нейтрализация германской «флотской угрозы», о чем со ссылкой на высказывания некоторых британских изданий писали «Московские ведомости» в начале марта 1912 г. ([Московские ведомости. 1912. 8\(21\) марта. №56](#)). Поскольку никаких гарантий успеха вояжа Р. Холдена не имелось, то британский кабинет министров принял решение придать ему частный, т.е. ни к чему не обязывающий характер. О приватности поездки английского военного министра сообщали «Санкт-Петербургские ведомости». Тем не менее издание полагало, что это не повлияет на ее политическую значимость, ссылаясь на позицию австрийских, немецких и ряда ведущих британских газет либерального толка ([Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 31 января \(13 февраля\). №25](#)).

Однако вдумчивый читатель не мог игнорировать фактор «неофициальности» и это его наталкивало на мысль, что скорее всего очередная попытка достигнуть договоренности между двумя сторонами окончится неудачей. Хотя начало переговоров было вполне обнадеживающим. «Санкт-Петербургские ведомости» даже перепечатали статью из британской «Daily Telegraph», в которой говорилось, что поездка Р. Холдена в Берлин и его переговоры показывают, что отношения между странами улучшились как никогда ранее ([Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 9 \(22\) февраля. №34](#)). Да и после возвращения британского военного министра в Лондон российские газеты, например, то же «Новое время», охотно публиковали отзывы немецких и английских газет, в которых говорилось о позитивных последствиях вояжа ([Новое время. 1912. 1 \(14\) февраля. № 12892 – 2 \(15\) февраля. №12893](#)).

Информация о содержании самих переговоров носила неполный характер, что вполне объяснимо, но самую их суть российские газеты уловили точно. В апрельском выпуске от 26-го числа 1912 г. «Санкт-Петербургские ведомости» писали, что германская сторона на переговорах предложила в качестве предмета обсуждения отказ от создания третьей эскадры линейных кораблей, оставив без изменения положения Второго флотского закона 1900 г. с его дополнениями 1906 и 1908 гг., что Берлин потребовал взамен, издание не знало ([Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 13\(26\) апреля. №83](#)). Однако, как показали последующие публикации документов, немцы хотели в качестве ответа получить от англичан договор о политическом нейтралитете в случае войны в Европе. Речь шла главным образом о столкновении Германии и Франции ([Die Große..., 1926: 103-104, 116-117](#)).

На подобный размен британская сторона не готова была пойти, поэтому исход переговоров стал очевидным. 14 февраля 1912 г. «Петербургская газета» поместила карикатуру на тему германо-британских переговоров – изображались два берега Ла-Манша, от которых навстречу друг другу пытались плыть на лодках немец и англичанин. Однако у них ничего не получалось, поскольку их посудины были крепко-накрепко прикованы цепями к береговым столбам, увенчанным макетами дредноутов ([Петербургская газета. 1912. 14 февраля. №43](#)). «Новое время» 17 февраля 1912 г. без всяких обиняков представило корреспонденции с понятными даже неискушенному в политике читателю заявлениями – «берлинское рандеву» носило исключительно частный характер и не может влиять на политику британского кабинета министров ([Новое время. 1912. 4\(17\) февраля. № 12895](#)). А через два дня в подтверждение данных слов это же издание привело выдержку из манчестерской речи главы британского иностранного ведомства Э. Грея. В ней прямо утверждалось о необходимости сохранения превосходства английского флота над флотом сильнейшей державы ([Новое время. 1912. 6\(19\) февраля №12896](#)). Чьи военно-морские силы под этим подразумевались читательской аудитории объяснять не нужно было.

Отраженные на страницах центральных российских газет в марте - июле 1912 г. дебаты в английском парламенте относительно размеров военно-морского бюджета, недвусмысленные антигерманские заявления Первого морского лорда Адмиралтейства У. Черчилля, его неоднократные требования дополнительного финансирования «Royal Navy», рисовали читателям вполне ясную

картину: англичане считали немцев главными врагами на море, против них необходимо направлять все имеющиеся ресурсы. В противном случае будет создана реальная угроза их благополучию, существованию как самого сильного народа в мире ([Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 15\(28\) марта. № 61](#); [Новое время. 1912. 3\(16\) мая. №12981](#); [4 мая \(17 мая\) №12982](#); [Петербургская газета. 1912. 19 июля. №196](#)). Конечно, Берлин давал повод для болезненной реакции Лондона. Особенно после того, как в мае 1912 г. германский рейхстаг утвердил очередную поправку к Флотскому закону 1900 г. Российские газеты в подробностях описывали процесс принятия нормативно-правового акта, его содержание и отзывы на него из европейских столиц, особенно «Туманного Альбиона» ([Московские ведомости. 1912. 1\(14\) мая. №100](#)).

Но не только непримиримость военно-морских противоречий обусловила невозможность германо-британской договоренности по флоту. Как следует из одного из апрельских выпусков «Санкт-Петербургских ведомостей», французы были явно обеспокоены возможностью такого соглашения, поскольку тогда немцы могли бы перенаправить часть финансовых средств на еще большее укрепление сухопутной армии, т.е. против их вооруженных сил. Поэтому Париж прилагал усилия по недопущению «морского компромисса» между Лондоном и Берлином ([Санкт-Петербургские ведомости. 1912 15\(28\) апреля. №83](#)).

После принятия германской новеллы в мае 1912 г. обе стороны формально заявляли о приверженности к достижению договоренности. Фактически же каждая из них продолжала идти своим путем, который делал конфликт просто неизбежным. О чем и говорили российские издания. Они, в отличие от немецких и английских газет, весьма скептически оценивали перспективу улучшения германо-английских отношений в мае 1912 г., когда произошла смена посла в Лондоне графа В. Меттерниха на А.М. фон Биберштейна, «великана Золотого Рога», как его называли за глаза. Якобы на него возлагалась миссия «умиротворения». Во всяком случае, так это преподносилось общественности рядом германских и британских периодических изданий. Воздавая должное высокому дипломатическому профессионализму А. М. фон Биберштейна, российские центральные газеты считали, что он не смог бы принципиально изменить атмосферу напряженности между Берлином и Лондоном, не случись его внезапной смерти в сентябре 1912 г. Объяснение давалось простое и ясное: и немцы, и англичане не собирались сворачивать свои военно-морские программы. А именно это и являлось главным источником германо-британского острого противоречия, грозившегося вылиться в открытое военное столкновение ([Петербургская газета. 1912. 26 апреля. № 113](#); [Московские ведомости. 1912. 8\(21\) мая. №106](#); [8\(21 июня\) №132](#)).

5. Заключение

Таким образом, подводя итог рассмотрению оценок центральными газетами Российской империи германо-английских отношений 1912 г., можно сделать некоторые выводы. Повышенное внимание к ним со стороны отечественной прессы было вполне обосновано, поскольку их развитие существенным образом влияло на состояние климата международных отношений в целом и напрямую затрагивало интересы России как одного из главных участников мировой политики. Несмотря на разную политическую направленность, от либерального «Нового времени» до правых «Московских ведомостей», центральные газеты по свежим следам происходивших событий давали им взвешенную, рационально продуманную и трезвую характеристику. Все заявленные для изучения издания выделили несколько аспектов развития германо-британских отношений в 1912 г. Первый из них касался немецкого усиления сухопутной армии, воинственных планов Берлина в отношении не только Франции, но и других стран Европы. С учетом военно-политических отношений Франции с Великобританией и Россией это явно грозило серьезной европейской войной как на суше, так и море. Последнее еще более обострял вопрос военно-морских вооружений в германо-британских отношениях. Об этом и говорили российские газеты.

В качестве одного из предвестников войны на континенте Санкт-Петербургские и московские издания рассматривали разразившейся летом 1911 г. Агадирский кризис. Он, по их мнению, продемонстрировал глубокую конфликтность Германии и к Франции и поддержавшей ее Великобритании.

Второй важнейший аспект генезиса германо-британских противоречий в 1912 г., связанный с предыдущим, российские издания справедливо связывали с «флотской проблемой», ставшей таковой с 1906 г. Именно тогда началась открытая дредноутная гонка морских вооружений. Возобновившийся в феврале 1912 г. переговорный процесс между двумя сторонами изначально оценивался российскими газетами как мало перспективный. Хотя поначалу в публикациях звучали робкие нотки надежды на ослабление «берлино-лондонской» напряженности. Однако очень скоро стало понятно, что шансов принципиально изменить характер отношений между двумя странами по морскому вопросу практически нет. Подтверждением тому служат статьи, аналитические материалы, вышедшие в марте-июле 1912 г. Как итог – прогноз российских изданий относительно дальнейшего развития отношений был неутешительным: война неизбежна. Оставалось только выяснить, когда и в каких масштабах. Поэтому в целом можно констатировать, что ведущие центральные газеты

Российской империи, отражая общественное мнение, вполне адекватно и объективно оценивали ход и перспективы развития германо-британских отношений 1912 г.

Литература

- Брыков, 2006** – Брыков Д.С. Военно-политическая ситуация во Франции в корреспонденциях газеты «Русские ведомости» накануне Первой мировой войны // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2006. №32 (70). С. 92-97.
- Виноградов, 1970** – Виноградов К.Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. 412 с.
- Давыдова, 2015** – Давыдова Р.А. Общественное мнение как политический ресурс современной власти в России // *Грамота. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2015. №4 (54): в 2-х ч. Ч. II. С. 70-74.
- Дербицкая, 2012** – Дербицкая К.Ю. Борьба европейских держав за Марокко в ходе Первого марокканского кризиса 1905 г. // *Вестник РУДН. Сер. Международные отношения*. 2012. №3. С. 79-92.
- Гостенков, 2008** – Гостенков А.В. Дипломатия кайзеровской Германии и первый марокканский кризис // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2008. №2. С. 143-163.
- Журбина, 2008** – Журбина Н.Е. Роль прессы в изменении общественно-политического климата в Германии накануне Первой мировой войны // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2008. С. 68-72.
- Заболотный, 2011** – Заболотный В.М. Англо-бурская война 1899-1902 гг.: начало упадка Британской империи // *Вестник РУДН. Всеобщая история*. 2011. №3. С. 63-73.
- Закон о численности..., 1911, 2024** – Закон о численности германской армии мирного времени, 1911. [Электронный ресурс]. URL: <https://historylaw.ru/?p=4122> (дата обращения 02.03.2024).
- Иванов, 1993** – Иванов О.И. Общественное мнение и власть // *Социально-политический журнал*. 1993. № 7. С. 35-44.
- Кострикова, 2011** – Кострикова Е.Г. Русско-германская «газетная война» начала 1914 года // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2011. № 63. С. 45-47.
- Котов, 2012** – Котов Б.С. «Германский босфор»: миссия Лимана фон Сандерса в откликах русской прессы // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2012. Т. 14. №3. С. 127-133.
- Махонина, 2024** – Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века [Электронный ресурс]. URL: <https://evartist.narod.ru/text1/91.htm> (дата обращения 03.01. 2024).
- Московские ведомости, 1912** – *Московские ведомости*. 1912.
- Новое время, 1912** – *Новое время*. 1912.
- Оболенская, 2001** – Оболенская С.В. «Немецкий вопрос» и представления в России о немцах в годы Первой мировой войны // *Россия и Германия*. 2001. Вып. 2. С. 175-197.
- Петербургская газета, 1912** – *Петербургская газета*. 1912.
- Рабочее движение..., 2024** – Рабочее движение и политика английской буржуазии в 1906-1914 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://portalus.ru/modules/politics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1456935746&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения 04.01.2024).
- Русская периодическая..., 1957** – Русская периодическая печать 1895-октябрь 1917: справочник. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. 351 с.
- Русское слово, 1912** – *Русское слово*. 1912.
- Савинова, 2007** – Савинова Н.В. Антинемецкие настроения населения Российской империи в 1914-1917 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского Университета. История*. 2007. Сер. 2. Вып. 2. С. 179-185.
- Санкт-Петербургские ведомости, 1912** – *Санкт-Петербургские ведомости*. 1912.
- Синегубов, 2009** – Синегубов С.Н. Синдром «военной угрозы» как постоянный фактор германо-английских отношений 1904–1911 гг. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2009. № 4/1 (64/1). С. 202-210.
- Таирова, 2015** – Таирова М.Н. Общественное мнение начала XX в. и падение авторитета царского режима в России // *Управленческое консультирование*. 2015. №5. С. 189-190 (187-196).
- Фишер, 2009** – Фишер Л.А. Образ Германии в русской прессе 1905-1914 гг. // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2009. С. 80-84.
- Чернецкая, 2016** – Чернецкая Е.К. Практика чтения ежедневной прессы в вильгельмовской Германии: на примере анализа содержания газеты «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. Востоковедение*. 2016. № 11(20). С. 110-119.
- Epkenhans, 1991** – Epkenhans M. Die wilhelminische Flottenrüstung. 1908–1914. Weltmachtstreben, industrieller Fortschritt, soziale Integration. München: R Oldenbourg Verl., 1991. 488 p.
- Die Große..., 1926** – *Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871-1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes* / hrsg. von J. Lepsius u. a. Berlin, 1922-1927. Bd. 31: Das Scheitern der Haldane-Mission und ihre Rückwirkung auf die Tripelentente 1911-1912. Berlin, 1926. 572 p.

- Gutsche, 1988** – Gutsche W. «Panthersprung» nach Agadir 1911 // *Illustrierte Historische Hefte*. 1988. № 48. Pp. 2-42.
- Deutsch-französisches..., 1934** – Deutsch-französisches Abkommen betr. Marokko, vom 4. November 1911 // *Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten*. Bd. 1. / hrsg. von J. Hohlfeld. – Berlin: Vertrieb Arntlicher Veroffertlichengen, 1934. 892 p.
- Fleischhauer, 1983** – *Fleischhauer I.* Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutschrussische Kulturgemeinschaft / I. Fleischhauer. Stuttgart: Dt. Verlags-Anstalt, 1983. 670 p.
- Oncken, 1981** – *Oncken E.* Panthersprung nach Agadir: Die deutsche Politik während der Zweite Marokkokrisen 1911. Düsseldorf: Droste Verl., 1981. 477 p.
- Quellen zur..., 1977** – Quellen zur deutschen Außenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: 1890–1911 / hrsg. von M. Bohnen. Darmstadt: Deutscher Verl., 1977. 443 p.
- Lohr, 2003** – *Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against enemy aliens during world war I / by E. Lohr. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. 237 p.
- Seymour, 1911** – *Seymour E.H.* My naval career and travels. New York: E.P. Dutton. 1911. 474 p.
- Tirpitz, 1924** – *Tirpitz A.* Politische Dokumente. Bd. 1: Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Stuttgart: Cotta, 1924. 460 p.

References

- Brykov, 2006** – *Brykov, D.S.* (2006). Voenno-politicheskaya situatsiya vo Frantsii v korrespondentsiyakh gazety «Russkie vedomosti» nakanune Pervoi mirovoi voiny [Military-political situation in France in the correspondence of the newspaper “Russkiye Vedomosti” on the eve of the First World War]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 32(70): 92-97. [in Russian]
- Cherneckaya, 2016** – *Cherneckaya, E.K.* (2016). Praktika chteniya ezhdnevnoj pressy v vil'gel'movskoy Germanii: na primere analiza sodержaniya gazety «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» [Reading practices of the daily press in Wilhelm's Germany: the example of content analysis of the Norddeutsche Allgemeine Zeitung newspaper]. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 11(20): 110-119. [in Russian]
- Davydova, 2015** – *Davydova, R.A.* (2015). Obshchestvennoe mnenie kak politicheskij resurs sovremennoj vlasti v Rossii [Public Opinion as a Political Resource of Modern Power in Russia]. *Gramota. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 4(54): v 2-h ch. Ch. II: 70-74. [in Russian]
- Derbitskaya, 2012** – *Derbitskaya, K.Yu.* (2012). Bor'ba evropeiskikh derzhav za Marokko v khode Pervogo marokkanskogo krizisa 1905 g. [European powers' struggle for Morocco during the First Moroccan Crisis of 1905]. *Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 3: 79-92. [in Russian]
- Deutsch-französisches..., 1934** – Deutsch-französisches Abkommen betr. Marokko, vom 4. November 1911. *Deutsche Reichsgeschichte in Dokumenten*. Bd. 1. hrsg. von J. Hohlfeld. Berlin: Vertrieb Arntlicher Veroffertlichengen. 892 p. [in Deutsch]
- Die Große..., 1926** – *Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871-1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes* / hrsg. von J. Lepsius u. a. Berlin, 1922-1927. Bd. 31: Das Scheitern der Haldane-Mission und ihre Rückwirkung auf die Tripelentente 1911-1912. Berlin. 572 p. [in Deutsch]
- Epkenhans, 1991** – *Epkenhans, M.* (1991). Die wilhelminische Flottenrüstung. 1908–1914. Weltmachtstreben, industrieller Fortschritt, soziale Integration. München: R Oldenbourg Verl. 488 p. [in Deutsch]
- Fisher, 2009** – *Fisher, L.A.* (2009). Obraz Germanii v russkoj presse 1905–1914 gg. [The image of Germany in the Russian press of 1905–1914]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*: 80-84. [in Russian]
- Fleischhauer, 1983** – *Fleischhauer, I.* (1983). Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutschrussische Kulturgemeinschaft. Stuttgart: Dt. Verlags-Anstalt, 1983. 670 p. [in Deutsch]
- Gostenkov, 2008** – *Gostenkov, A.V.* (2008). Diplomatiya kajzerovskoj Germanii i pervyj marokkanskij krizis [Kaiser Germany's Diplomacy and the First Moroccan Crisis]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2: 143-163. [in Russian]
- Gutsche, 1988** – *Gutsche, W.* (1988). «Panthersprung» nach Agadir 1911. *Illustrierte Historische Hefte*. 48: 2-42. [in Deutsch]
- Ivanov, 1993** – *Ivanov, O.I.* (1993). Obshchestvennoe mnenie i vlast' [Public opinion and power]. *Social'no-politicheskij zhurnal*. 7: 35-44. [in Russian]
- Kostrikova, 2011** – *Kostrikova, E.G.* (2011). Russko-germanskaya «gazetnaya vojna» nachala 1914 goda [The Russo-German “newspaper war” of early 1914]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 63: 45-47. [in Russian]
- Kotov, 2012** – *Kotov, B.S.* (2012). «Germanskii bosfor»: missiya Limana fon Sandersa v otklikakh russkoi pressy [“The German Bosphorus”: the mission of Limann von Sanders in the responses of the

- Russian press]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 14(3): 127-133. [in Russian]
- [Lohr, 2003](#) – *Lohr, E.* (2003). Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against enemy aliens during world war I. By E. Lohr. Cambridge, MA: Harvard University Press, 237 p.
- [Mahonina, 2024](#) – *Mahonina, S.Ya.* (2024). Istoriya russkoj zhurnalistiki nachala XX veka [History of Russian journalism of the early XXth century]. [Electronic resource]. URL.: <https://evartist.narod.ru/text1/91.htm> (date of access: 03.01. 2024).
- [Moskovskie vedomosti](#) – *Moskovskie vedomosti*. 1912. [in Russian]
- [Novoe vremya](#) – *Novoe vremya*. 1912. [in Russian]
- [Obolenskaya, 2001](#) – *Obolenskaya, S.V.* (2001). «Nemetskii vopros» i predstavleniya v Rossii o nemtsakh v gody Pervoi mirovoi voiny [The “German Question” and perceptions of Germans in Russia during World War I]. *Rossiya i Germaniya*. 2: 175-197. [in Russian]
- [Oncken, 1981](#) – *Oncken, E.* (1981). Panthersprung nach Agadir: Die deutsche Politik während der Zweite Marokkokrisen 1911. Düsseldorf: Droste Verl. 477 p. [in Deutsch]
- [Peterburgskaya gazeta](#) – *Peterburgskaya gazeta*. 1912. [in Russian]
- [Quellen zur...](#), 1977 – *Quellen zur deutschen Außenpolitik im Zeitalter des Imperialismus: 1890–1911.* hrsg. von M. Bohnen. Darmstadt: Deutscher Verl. 443 p. [in Deutsch]
- [Rabochee dvizhenie...](#), 2024 – *Rabochee dvizhenie i politika anglijskoj burzhuazii v 1906-1914 gg.* [The labor movement and the politics of the English bourgeoisie in 1906-1914.]. [Electronic resource]. URL: https://portalus.ru/modules/politics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1456935746&archive=&start_from=&ucat=& (date of access: 04.01.2024). [in Russian]
- [Russkaya periodicheskaya...](#), 1957 – *Russkaya periodicheskaya pechat' 1895-oktyabr' 1917: spravochnik* [Russian periodicals 1895-October 1917]. Moskva: Gos. izd-vo polit. lit-ry. 351 p. [in Russian]
- [Russkoe slovo](#) – *Russkoe slovo*. 1912. [in Russian]
- [Sankt-Peterburgskie vedomosti](#) – *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 1912. [in Russian]
- [Savinova, 2007](#) – *Savinova, N.V.* (2007). Antinemeczkie nastroyeniya naseleniya Rossijskoj imperii v 1914–1917 gg. [German sentiments of the population of the Russian Empire in 1914–1917]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Istoriya. Ser.2*. 2: 179-185. [in Russian]
- [Seymour, 1911](#) – *Seymour, E.H.* (1911). My naval career and travels. New York: E.P. Dutton. 474 p.
- [Sinegubov, 2009](#) – *Sinegubov, S.N.* (2009). Sindrom «voennoj ugrozy» kak postoyannyj faktor germano-anglijskih otnoshenij 1904–1911 gg. [The “military threat” syndrome as a constant factor in German-English relations 1904–1911]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4/1 (64/1): 202-210. [in Russian]
- [Tairova, 2015](#) – *Tairova, M.N.* (2015). Obshchestvennoe mnenie nachala XX v. i padenie avtoriteta carskogo rezhima v Rossii [Public opinion in the early twentieth century and the decline of the authority of the tsarist regime in Russia]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 5: 187-196. [in Russian]
- [Tirpitz, 1924](#) – *Tirpitz, A.* (1924). Politische Dokumente. Bd. 1: Der Aufbau der deutschen Weltmacht. Stuttgart: Cotta. 460 p. [in Deutsch]
- [Vinogradov, 1970](#) – *Vinogradov, K.B.* (1970). David Lloid Dzhordzh [David Lloyd George]. Moskva: Mysl'. 412 p. [in Russian]
- [Zabolotnyj, 2011](#) – *Zabolotnyj, V.M.* (2011). Anglo-burskaya vojna 1899-1902 gg.: nachalo upadka Britanskoj imperii [Anglo-Boer War 1899-1902: the beginning of the decline of the British Empire]. *Vestnik RUDN. Vseobshchaya istoriya*. 3: 63-73. [in Russian]
- [Zakon o chislennosti...](#), 2024 – *Zakon o chislennosti germanskoj armii mirnogo vremeni, 1911* [Law on the peacetime strength of the German Army, 1911]. [Electronic resource]. URL: <https://historylaw.ru/?p=4122> (date of the access: 02.03.2024). [in Russian]
- [Zhurbina, 2008](#) – *Zhurbina, N.E.* Rol' pressy v izmenenii obshchestvenno-politicheskogo klimata v Germanii nakanune Pervoi mirovoi voiny [The role of the press in changing the socio-political climate in Germany on the eve of the First World War]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. Pp. 68-72. [in Russian]

Центральные газеты Российской империи как выразители общественного мнения о германо-английских отношениях в 1912 г.

Станислав Николаевич Синегубов ^{a,*}, Сергей Павлович Шилов ^a

^a Тюменский государственный университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: globus_75@inbox.ru (С.Н. Синегубов), sshilov@mail.ru (С.П. Шилов)

Аннотация. В статье анализируются публикации ведущих центральных газет Российской империи 1912 г., посвященные германо-английским отношениям в такой болезненной для обеих сторон сфере как военно-морской. Официальному Петербургу очень важно было знать настроение общественности, выразителем которых являлись главные газеты самой разной политической направленности (от либеральных до консервативных) для принятия взвешенных внешнеполитических решений. Кроме того, через эти средства массовой информации путем «слива» нужных материалов можно было воздействовать на чувства и мысли большого числа людей не только крупных городов России, но и, что значимо, провинциальных. А последние преобладали в перечне «очагов цивилизации» тогдашнего российского государства. Понятно также и то, что в них местные издатели с пиететом и большим вниманием относились ко всему тому, что писалось в столицах, а потому нередко перепечатывали статьи именитых газет. Центральными изданиями по праву считались «Новое время», «Русское слово», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Петербургская газета». Они пристально следили за всеми ходами германских и британских властей по проблеме военно-морского соперничества между ними. Ведь она была одной из самых острых в 1912 г. не только между Берлином и Лондоном, но и в международных отношениях в целом. От ее решения зависело, каким путем пойдет в последующем мир. «Первопрестольные» газеты на основе тщательного анализа давали свой оправданный прогноз этим перспективам.

Ключевые слова: Центральные газеты, Российская империя, германо-британские отношения, морские противоречия в 1912 г.

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 1027-1036
DOI: 10.13187/bg.2025.2.1027

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Defense of the Osovets Fortress (1914–1915) in Modern Historiography: A Historical Sketch

Andrey A. Baibarin ^{a, *}, Sergei B. Zinkovskii ^b, Evgeny G. Khrushchev ^c, Veronika Y. Malakhova ^d

^a Moscow University “Synergy”, Moscow, Russian Federation

^b Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

^c Southwest State University, Kursk, Russian Federation

^d Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract

This historiographical study is devoted to the analysis of historical research on the defense of the Osovets fortress during the First World War, and is dedicated to the 110th anniversary of this event. Scientific research on this topic served as the material, and the historiographical method, the classification method, and the synthesis method were used as methods.

Due to the limited scope of this work, the authors analyzed only the works of Soviet and modern Russian historiography, since the study of foreign scientific literature on the defense of Osovets requires a separate study.

It seems advisable to divide historiography by period (Soviet and modern), as well as by subject of research: research analyzing the defense of the fortress as a whole; works on individual pages of defense, in particular, “attack of the dead” as its most famous and famous event; and interdisciplinary research at the junction of military, military-historical, medical and cultural scientific disciplines.

Most of the work consists of works analyzing the defense as a whole: the chronology of events, the features of the fortification, command, personnel, etc. are described in detail. The second category, namely, “attack of the dead”, has also been studied in great detail: the authors establish the events preceding this heroic counterattack, the personalities of its participants, the chronology of the event, etc. Finally, interdisciplinary research analyzes the psychological state of troops and their support in unpredictable situations, the features of fortifications that made it possible to effectively repel attacks, the work of chemists and the military chemical industry during the First World War, etc.

Keywords: World War I, Osovets, 1914–1915, defense of Osovets fortress, historiography of Osovets fortress defense, “attack of the dead”.

1. Введение

Представленное историографическое исследование посвящено анализу исторических изысканий, посвящённых героической обороне крепости Осовец в годы Первой мировой войны, и приурочено к 110-летию юбилею этого события. Ввиду ограниченного объёма данной работы, мы анализировали лишь труды советской и современной российской историографии, поскольку изучение зарубежной научной литературы по вопросам обороны Осовца требует отдельного исследования.

2. Материалы и методы

Материалом нашего исследования послужили некоторые советские и современные российские труды, касающиеся обороны крепости Осовец в период Первой мировой войны.

* Corresponding author

E-mail addresses: andrewbaybarin@gmail.com (A.A. Baibarin)

Комплекс методов исследования представленной статьи составили:

- Историографический метод: применялся для контент-анализа исторических исследований по проблемам обороны крепости Осовец;
- Метод классификации: использовался для распределения по группам проанализированной историографии, а именно по хронологическому критерию, по критерию научной дисциплины, а также по сфере исторической проблематики, которой посвящены определённые работы.
- Метод синтеза: применялся для представления результатов и выводов данного исследования в сжатом и лаконичном виде.

3. Обсуждение

Работ по изучению сражения за крепость Осовец достаточно много. Представляется удобным условное их разделение на четыре группы:

1. Работы, посвящённые обороне самой крепости в 1914–1915 гг. в общих чертах; таковых работ больше, чем работ других категорий. В частности, это исследования таких авторов, как Н.В. Анискович (Анискович, 2024), Р.О. Анищенко, И.В. Коваленко, А.С. Никульников (Анищенко и др., 2016), В.В. Бахтин (Бахтин, 2016), Ю.В. Гусаров (Гусаров, 2012), А.М. Ипатов (Ипатов, 2024), Г.Н. Мокшин (Мокшин, 2018), И.В. Обьедков (Обьедков, 2016), К. Пахалюк (Пахалюк, 2016), Е.А. Шендриков, А.А. Небольсин (Шендриков, Небольсин, 2014; Шендриков, Небольсин, 2016), И.В. Чесноков (Чесноков, 2017) и др.

2. Труды, посвящённые героической контратаке русских войск, получившей в немецкой армии, а впоследствии и в историографии, название «атака живых мертвецов». К таким работам отнесём работы таких историков, как В. Воронов (Воронов, 2009), О.А. Космодемьянская (Космодемьянская, 2024), В.Ю. Литвинова, Д.О. Шевченко, В.В. Калбасин (Литвинова и др., 2024), Д.А. Костин (Костин, 2023), Д.Н. Молев (Молев, 2021), В.И. Соколов, Д.И. Хвесюк (Соколов, Хвесюк, 2022), А.А. Черкасов, А.А. Рябцев, В.И. Меньковский (Черкасов и др., 2011), Н.М. Шевцова, А.А. Курлин (Шевцова, Курлин, 2018), А. Денисов (Денисов, 2011) и др.

3. Исследования по другим отраслям наук или сферам исторической науки, в частности по следующим направлениям: по военной науке (военной инженерии (см., например, Инженерные войска, 2025)), военной истории (например, Чепель, Замятина, 2024; Клевцов, 2023 и др.), военной психологии (например, Скосарев и др., 2021), радиационной, химической и биологической защите (например, Супотницкий и др., 2017), культурологии (например, Винник и др., 2022; Мартынова, 2023) и пр., в которых оборона Осовца рассматривается в контексте иной научной проблематики.

4. Комплексные исторические исследования (как правило, фундаментальные), в которых лишь кратко упоминается сражение за Осовец. Как правило, это учебные пособия, исследования по истории Первой мировой войны и т. п. Поскольку такие исследования достаточно многочисленны и не представляют ценности для глубокого изучения осовецкого сражения, в нашей работе мы их рассматривать не будем.

Также не рассматривается в представленной работе и зарубежная историография, по причине ограниченного объёма данной статьи и необходимости отдельного исследования, посвящённого анализу таковой.

4. Результаты

1. Что касается первой категории работ, то, прежде всего, следует отметить два фундаментальных труда, выполненных ещё в первой половине XX в.

Первый труд принадлежит генерал-майору российских императорских войск Всеволоду Викторовичу Буяновскому и полковнику Русской императорской (а впоследствии, и советской) армии Михаилу Степановичу Свечникову, монография которых «Оборона крепости Осовец во время второй 6½-месячной осады ее», переизданная в 1995 г., в которой проводится глубокий анализ 2-го, заключительного этапа обороны, контратак (в том числе и так называемой «атаки мертвецов» 226-го Землянского полка), а также процесса сдачи крепости Осовец (Свечников, Буяновский, 1995).

Другим фундаментальным классическим трудом по обороне Осовца является 100-страничная работа русского и советского военного инженера Сергея Александровича Хмелькова «Борьба за Осовец», изданная в 1939 г., в которой даётся полный анализ обороны крепости с опорой на военно-инженерную специфику (Хмельков, 1939).

Из современных работ (XXI в.) отметим несколько десятков исследований, в порядке убывания их объёма и глубины.

В.В. Бахтин в своей статье исследует роль 226 пехотного Землянского полка в обороне крепости Осовец: в работе анализируется командный состав, морально-боевой дух на протяжении обороны и, разумеется, известная контратака 6 августа 1915 г. (Бахтин, 2016).

И.В. Обьедков в исследовании «Пресс-конференции в генеральном штабе об обороне русских крепостей в 1914–1915 гг.» с упором на архивные источники делает краткий обзор обороны русских крепостей в период Первой мировой войны, в том числе и Осовца (Обьедков, 2016).

Е.А. Шендриков и А.А. Небольсин в своих статьях ([Шендриков, Небольсин, 2016](#); [Шендриков, Небольсин, 2014](#)), на основе литературы и архивных материалов, исследуют хронологию обороны Осовца, командный состав, личный состав 226-го Землянского полка, особенности фортификации и основные сражения. Отметим, что работы весьма похожи по содержанию, поэтому анализ каждой из них представляется нецелесообразным.

Статья Р.О. Анищенко, И.В. Коваленко и А.С. Никульникова посвящена процессу осады крепости Осовец и является кратким описанием всех событий этого сражения в период с начала сентября 1914 г. и до дня капитуляции крепости – 22 августа 1915 г. ([Анищенко и др., 2016](#)). Похожей по архитектонике и содержанию является и 10-страничная статья И.В. Чеснокова ([Чесноков, 2017](#)). Также общий, но более глубокий анализ обороны, с широким использованием архивных материалов в работе, сделал К. Пахалюк ([Пахалюк, 2016](#)). В похожей работе Ю.В. Гусаров приводит хронику обороны ([Гусаров, 2012](#)). Г.Н. Мокшин исследует историю героического 226-го пехотного Землянского полка ([Мокшин, 2018](#)).

Что касается историографических исследований, то историографический труд, вкратце анализирующий труды по обороне Осовца, выполнен А.М. Ипатовым ([Ипатов, 2024](#)). Отметим, что историографических работ по данной битве весьма немного, что также послужило причиной нашего исследования.

Статьи и тезисы докладов конференций по проблеме обороны крепости, включая вопросы патриотизма и негибкости русских войск, историографии сражения за Осовец и сохранения памяти об обороне, опубликованы такими авторами, как Н.В. Анискович ([Анискович, 2024](#)), С.М. Белозерцев и В.Д. Крюк ([Белозерцев, Крюк, 2021](#)), О.В. Копылова ([Копылова, 2023](#)), Н.Е. Мухина, М.М. Георгиевский ([Мухина, Георгиевский, 2015](#)), В.О. Неверов ([Неверов, 2015](#)), В.А. Некрасов, А.Н. Рухлин, И.А. Чуканов ([Некрасов и др., 2021](#)), С.А. Пивоварчик, В.В. Калюта ([Пивоварчик, Калюта, 2015](#)), А.Н. Походня ([Походня, 2016](#)), И.О. Таратин, А.О. Печников ([Таратин, Печников, 2017](#)), А.А. Щекочихин, В.А. Корнаухов ([Щекочихин, Корнаухов, 2016](#)) и др.

2. Работы, посвящённые героизму солдат и офицеров 226-го Землянского пехотного полка во время атаки 6 августа 1915 г., получившей в немецких военных хрониках того времени название «атака мертвецов» (как её называли немецкие военнослужащие, отражавшие эту атаку), целесообразно разделить на две части, как и предыдущую категорию работ: статьи и короткие сообщения и/или тезисы докладов конференций.

Также осветим вкратце, что именно имеется в виду под «атакой мертвецов» в историографии. Такое название дали ей немецкие солдаты ландвера в своих дневниковых записях. Позже это название стойко закрепилось и в историографии – как отечественной, так и зарубежной. 6 августа на позиции русских войск был выпущен ядовитый хлоро-бромистый газ, который разлился на ширину в 8 км и глубину до 20 км, полностью охватив передовые позиции обороны крепости. Всё живое умирало в зоне поражения, включая даже растительность; противогазы того времени были большой редкостью и малоэффективны. По мере рассеивания газа в атаку пошли 14 немецких батальонов, однако из облаков ещё нерассеявшегося тёмно-зелёного газа на атакующих вышли уцелевшие шесть десятков российских бойцов 13-й роты 226-го пехотного Землянского полка – сильно кашляя и имея из-за отравления весьма устрашающий вид, обмотанные окровавленными повязками, закрывающими рот и нос, они неожиданно ринулись на наступающих и смогли обратить в бегство 18-й ландверный полк, численностью в несколько сотен человек, хотя несколькими минутами позднее все русские бойцы этой атаки погибли от отравления. Контратака вскоре стала легендарной, и широкую известность она получила благодаря европейским журналистам.

Из работ, посвящённых «атаке мертвецов», прежде всего, отметим статью А.А. Черкасова, А.А. Рябцева и В.И. Меньковского ([Черкасов и др., 2011](#)), которая стала одной из первых в современной историографии, предложившей детальный и глубокий анализ мифических и реальных событий этой атаки. Статья основана на материалах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), также в ней использованы материалы исследования А. Денисова ([Денисов, 2011](#)).

О.А. Космодемьянская в своей статье на основе архивных материалов пытается определить ранее неизвестные личности участников «атаки мертвецов» ([Космодемьянская, 2024](#)).

Небольшие по объёму исследования охватывают не только непосредственно «атаку мертвецов» (см., например, [Чавриков, Щербинкин, 2019](#); [Писаренко, Ушакова, 2024](#); [Чайка, Лаврентьева, 2023](#); [Литвинова и др., 2024](#); [Молев, 2021](#); [Шевцова, Курлин, 2018](#) и др.), но и вопросы героизма российских солдат при обороне Осовца (в частности, [Воронов, 2009](#); [Костин, 2023](#); [Любавин, Кирсанов, 2023](#); [Мирсалимов, Чуринов, 2022](#) и др.), историографический обзор данной контратаки (например, [Соколов, Хвесюк, 2022](#)) и пр.

3. Третья категория работ посвящена междисциплинарным исследованиям, в которых, так или иначе, фигурирует оборона крепости Осовец.

Среди таковых отметим работы таких авторов, как А.А. Винник, Ю.А. Воронцов, М.А. Субботин, Н.А. Субботина по культурологии (посвящена анализу музыкальных композиций в мировой музыке на тему «атаки мертвецов») ([Винник и др., 2022](#)), а также работу Р.В. Кочкарова (проведён анализ

защитников подвига в русской культуре) (Кочкаров, 2023), по педагогике (а именно – по проблеме воспитания патриотизма на исторических примерах, см., в частности, Каменев, 2024; Мартынова, 2023; Шеин, 2021 и др.)

4. Комплексные исторические исследования, в которых имеются упоминания и обороны Осовца.

Такие упоминания есть: в военно-исторической литературе (в частности, работа А.В. Клевцова, анализирующая эффективность химического оружия в Первой мировой войне (Клевцов, 2023)); статья об учёте советскими военачальниками боевых возможностей польской фортификации, в частности, крепости Осовец, в Польском походе Красной армии 1939 г. и вплоть до начала Великой Отечественной войны (Пивоварчик, 2022); работа М.В. Супотницкого, С.В. Петрова и В.А. Ковтуна о влиянии химического оружия на тактику и оперативное искусство Первой мировой войны (Супотницкий и др., 2017); статья А.И. Чепеля и Н.А. Замятиной о состязании химиков в этой войне (Чепель, Замятина, 2024) и др., военной науке (в частности, статья А.В. Скосарева, Н.П. Матвиной и В.А. Исайчева о морально-психологическом обеспечении войск в условиях неопределённости (Скосарев и др., 2021) и др.), а также в статье «Инженерные войска: формирование современных принципов решения боевых задач», в которой упоминаются инженерные элементы обороны крепости с точки зрения военной эффективности (Инженерные войска..., 2025).

5. Заключение

Из-за ограниченного объёма данной работы мы анализировали лишь работы советской и современной российской историографии, так как изучение зарубежной научной литературы по вопросам обороны Осовца требует отдельного исследования.

Представляется целесообразным разделить историографию по периодам (на советскую и современную), а также по предмету исследования на:

- Труды, анализирующие оборону крепости в целом;
- Работы, касающиеся отдельных страниц обороны, в частности, «атаки мертвецов» как наиболее прославленного и широко известного её события, и
- Междисциплинарные исследования, лежащие на стыке военных, военно-исторических, медицинских и культурологических научных дисциплин.

Большую часть составляют работы, анализирующие оборону в целом; детально описана хронология событий, особенности фортификации, командования, личного состава и пр.

Также весьма детально исследована и вторая категория, а именно – «атака мертвецов»; авторы устанавливают события, предшествовавшие данной героической контратаке, личности её участников, хронологию события и пр.

И, наконец, междисциплинарные исследования анализируют психологическое состояние войск и поддержание боевого духа в непредсказуемых ситуациях, особенности фортификации, позволившие эффективно отражать нападение, работу химиков и военно-химической промышленности в годы Первой мировой войны и т.д.

Литература

Анискович, 2024 – Анискович Н.В. Значение обороны крепости Осовец в военную кампанию 1915 г. / Ключевские чтения – 2024. Освоение российского пространства и борьба за единство страны. Материалы Международной научной конференции молодых ученых. М., 2024. С. 231-233.

Анищенко и др., 2016 – Анищенко Р.О., Коваленко И.В., Никульников А.С. Осада крепости Осовец / Молодежная политика – пути к реализации через толерантность, здоровый образ жизни, безопасность и традиционные институты общества. Военная история: вчера, сегодня, завтра. Материалы конференций СПб ГБУ ДМ «ФОРПОСТ». 2016. С. 107-114.

Бахтин, 2016 – Бахтин В.В. Роль 226 пехотного Землянского полка в обороне крепости Осовец / Первая мировая война: взгляд спустя столетие. 1915 год. Материалы V Международной научно-практической конференции (26-28 ноября 2015 года, г. Москва). Международный независимый эколого-политологический университет (Академия МНЭПУ). 2016. С. 47-62.

Белозерцев, Крюк, 2021 – Белозерцев С.М., Крюк В.Д. Оборона крепости Осовец во время первой мировой войны // Криминологический журнал. 2021. № 1. С. 9-12.

Винник и др., 2022 – Винник А.А., Воронцов Ю.А., Субботин М.А., Субботина Н.А. «Атака мертвецов» в музыкальных композициях: анализ популярных музыкальных произведений второго десятилетия XXI века / Апрельские тезисы. Социогуманитарные проблемы прошлого и настоящего. Материалы всероссийской научной конференции. Пермь, 2022. С. 288-297.

Воронов, 2009 – Воронов В. Русские не сдаются // Совершенно секретно. 2009. № 8.

Гусаров, 2012 – Гусаров Ю.В. Русские хроники: оборона крепости Осовец в Первую мировую войну // Экономические стратегии. 2012. Т. 14. № 3 (101). С. 52-61.

Денисов, 2011 – Денисов А. Осовец. Атака мертвецов // Братишка. 2011. № 1.

Инженерные войска..., 2025 – Инженерные войска: формирование современных принципов решения боевых задач // Вестник государственной экспертизы. 2025. № 1 (34). С. 106-110.

Ипатов, 2024 – Ипатов А.М. Оборона крепости Осовец в современных отечественных научных исследованиях и в исторической памяти / *Первая мировая война в исторической памяти и актуальном дискурсе ученых. Сборник научных статей*. Калининград, 2024. С. 57-67.

Каменев, 2024 – Каменев К.С. Размышление о героических событиях в военной истории и отношении к ним общества (на примере обороны крепости Осовец) / *Инновационные научные исследования в современном мире. Сборник трудов по материалам XVII Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ*. Уфа, 2024. С. 14-25.

Клевцов, 2023 – Клевцов А.В. Химическое оружие на полях сражений Первой мировой войны / *Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: к 280-летию со дня рождения российской просветительницы княгини Е. Р. Дашковой. Материалы VI международной научной конференции: в 3 т. СПб., 2023. С. 884-888.*

Копылова, 2023 – Копылова О.В. Сохранение памяти об обороне крепости Осовец в годы первой мировой войны / *Наука в современных реалиях: теория, практика, инновации. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, 31 марта 2023 г., г. Архангельск. 2023. С. 207-210.*

Космодемьянская, 2024 – Космодемьянская О.А. Неизвестные участники «атаки мертвецов» в ходе обороны крепости Осовец 24 июля (6 августа) 1915 года // *Проблемы социальных и гуманитарных наук*. 2024. № 1 (38). С. 51-61.

Костин, 2023 – Костин Д.А. Героизм русских солдат при обороне крепости Осовец / *Героизм как историко-культурный феномен российской цивилизации. Сборник трудов Межвузовской студенческой конференции, посвященной 410-летию легендарного подвига Ивана Сусанина и 80-летию Победы в Сталинградской битве* / Под общ. ред. Л.В. Блонского, А.И. Ветеркова. М., 2023. С. 118-121.

Кочкаров, 2023 – Кочкаров Р.В. Освещение подвига защитников крепости Осовец в русской культуре // *Вестник научных конференций*. 2023. № 12-4 (100). С. 50-52.

Литвинова и др., 2024 – Литвинова В.Ю., Шевченко Д.О., Калбасин В.В. Героическая оборона крепости «Осовец». Атака мертвецов / *Трансформация современного общества. Проблемы и возможности. Материалы студенческой интерактивной научно-практической конференции*. Таганрог, 2024. С. 19-22.

Любавин, Кирсанов, 2023 – Любавин И.В., Кирсанов Р.С. «Русские не сдаются»: оборона Осовца / *Актуальные проблемы науки. Сборник статей по материалам XIX Международной научно-практической конференции*. Кузнецкий институт информационных и управленческих технологий (филиал ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»). Пенза, 2023. С. 76-78.

Мартынова, 2023 – Мартынова А.Д. Современное прочтение патриотизма: сущность и проблемы / *Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции*. М., 2023. С. 49-61.

Мирсалимов, Чурин, 2022 – Мирсалимов Т.Б., Чурин Г.Ю. Оборона крепости Осовец: героизм и преданность отечеству в подвиге русского воинства // *Юридическая наука: история и современность*. 2022. № 11. С. 41-45.

Мокшин, 2018 – Мокшин Г.Н. 226-й пехотный Землянский полк: история и современность // *История: факты и символы*. 2018. № 1 (14). С. 69-75.

Молев, 2021 – Молев Д.Н. Битва при Осовце 24 июля (6 августа) 1915 года: героическая страница первой мировой / *Исторический путь России: из прошлого в будущее. Материалы международной научной конференции, посвященной 800-летию со дня рождения Великого князя Александра Невского*. В 3-х томах / Под ред. С.И. Бугашева, А.С. Минина. СПб., 2021. С. 141-145.

Мукина, Георгиевский, 2015 – Мукина Н.Е., Георгиевский М.М. Забытые страницы Первой мировой войны: оборона крепости Осовец / *Россия в зеркале военной истории. Материалы II Международной научно-практической конференции к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.* Центр нравственного и патриотического воспитания «НАСЛЕДИЕ». 2015. С. 176-178.

Неверов, 2015 – Неверов В.О. Оборона крепости Осовец // *Война, народ, победа в исторической и культурной памяти*. Ставрополь, 2015. С. 103-106.

Некрасов и др., 2021 – Некрасов В.А., Рухлин А.Н., Чуканов И.А. «За веру, царя и отечество»: героическая оборона крепости Осовец в 1915 г. (из писем генерал-лейтенанта Н.А. Бржозовского и губернской прессы) // *Центр и периферия*. 2021. № 2. С. 36-41.

Объедков, 2016 – Объедков И.В. Пресс-конференции в генеральном штабе об обороне русских крепостей в 1914-1915 гг. // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2016. № 1. С. 75-98.

Пахалюк, 2016 – Пахалюк К. Оборона крепости Осовец // *Свободная мысль*. 2016. № 2 (1656). С. 43-58.

Пивоварчик, 2022 – Пивоварчик С.А. Польская фортификация в планах военно-инженерной подготовки приграничной территории БССР (1939-1941 гг.) // *Вестник Гродненского*

государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2022. Т. 14. № 3. С. 6-12.

Пивоварчик, Калюта, 2015 – Пивоварчик С.А., Калюта В.В. «Русский Верден»: Осовецкая крепость в годы первой мировой войны // *Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология.* 2015. № 3 (203). С. 53-59.

Писаренко, Ушакова, 2024 – Писаренко Т.Ю., Ушакова М.А. Атака мертвецов / *Молодежь и наука: шаг к успеху. Сборник научных статей 7-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых.* Курск, 2024. С. 346-347.

Походня, 2016 – Походня А.Н. Оборона крепости Осовец как пример героизма русского солдата в период Первой мировой войны // *История и обществознание.* 2016. № XIII. С. 47-50.

Русские не сдаются..., 2016 – Русские не сдаются: забытые страницы истории первой мировой войны. Сборник научных трудов. Воронеж, 2016.

Свечников, Буяновский, 1995 – Свечников М.С., Буяновский В.В. Оборона крепости Осовец во время второй 6½-месячной осады ее. Переизд. М., 1995.

Скосарев и др., 2021 – Скосарев А.В., Матыцина Н.П., Исайчев В.А. Морально-психологическое обеспечение войск в условиях неопределенности // *Символ науки: международный научный журнал.* 2021. № 6. С. 174-176.

Соколов, Хвесюк, 2022 – Соколов В.И., Хвесюк Д.И. Крепость Осовец. Атака мертвецов: историография событий // *Проблемы межрегиональных связей.* 2022. № 19. С. 12-17.

Супотницкий и др., 2017 – Супотницкий М.В., Петров С.В., Ковтун В.А. Влияние химического оружия на тактику и оперативное искусство Первой мировой войны (исторический очерк). Часть 1 // *Вестник войск РХБ защиты.* 2017. Т. 1. № 1. С. 53-68.

Таратин, Печников, 2017 – Таратин И.О., Печников А.О. Оборона крепости «Осовец» / *Россия в многовекторном мире: национальная безопасность, вызовы и ответы. Материалы международной междисциплинарной научной конференции.* 2017. С. 35-36.

Хмельков, 1939 – Хмельков С. А. Борьба за Осовец. М.: Воениздат, 1939.

Чавриков, Щербинкин, 2019 – Чавриков И.Е., Щербинкин А.В. Атака мертвецов: крепость Осовец // *100 лет с окончания Первой мировой войны. Материалы межвузовской научно-практической конференции /* Под общ. ред. К.В. Костина. 2019. С. 104-108.

Чайка, Лаврентьева, 2023 – Чайка М.И., Лаврентьева М.А. Атака мертвецов. Оборона крепости Осовец во время первой мировой войны // *Тенденции развития науки и образования.* 2023. № 103-5. С. 177-180.

Чепель, Замятина, 2024 – Чепель А.И., Замятина Н.А. Война химиков: химическое оружие и средства защиты в годы Первой мировой войны // *Современная научная мысль.* 2024. № 5. С. 76-84.

Черкасов и др., 2011 – Черкасов А.А., Рябцев А.А., Меньковский В.И. «Атака мертвецов» (Осовец, 1915 г.): миф или реальность // *Былые годы.* 2011. № 4 (22). С. 5-11.

Чесноков, 2017 – Чесноков И.В. Оборона крепости Осовец в 1915 году // *Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика.* 2017. № 1 (32). С. 92-101.

Шевцова, Курлин, 2018 – Шевцова Н.М., Курлин А.А. «Атака мертвецов»: легенды и память Первой мировой войны / *100-летие Великой русской революции. Сборник материалов всероссийских научно-практических конференций.* 2018. С. 160-162.

Шеин, 2021 – Шеин И.А. О патриотизме русской армии в войнах начала XX в. // *Военный академический журнал.* 2021. № 1 (29). С. 33-43.

Шендриков, Небольсин, 2014 – Шендриков Е.А., Небольсин А.А. Героическая оборона русскими войсками крепости Осовец в 1914-1915 гг. / *Гром побед и горечь поражений: к 100-летию Первой Мировой войны. Материалы международной заочной научной конференции.* Воронежский государственный аграрный университет; редколлегия: Т.Н. Данькова (ответственный редактор), Ю.Д. Ченцов, Е.А. Шендриков. 2014. С. 75-108.

Шендриков, Небольсин, 2016 – Шендриков Е.А., Небольсин А.А. «Русские не сдаются»: о героической обороне крепости Осовец русской армией в 1914-1915 гг. // *Русские не сдаются: забытые страницы истории Первой мировой войны. Сборник научных трудов.* Воронеж, 2016. С. 76-109.

Щекоцихин, Корнаухов, 2016 – Щекоцихин А.А., Корнаухов В.А. Осовец – «брестская крепость» первой мировой войны // *Памяти протопресвитера Александра Желобовского. Научно-краеведческий сборник.* Череповец, 2016. С. 58-60.

References

Anishchenko i dr., 2016 – Anishchenko, R.O., Kovalenko, I.V., Nikul'nikov, A.S. (2016). Osada kreposti Osovets [The siege of the Osowiec fortress]. *Molodezhnaya politika – puti k realizatsii cherez tolerantnost', zdorovyi obraz zhizni, bezopasnost' i traditsionnye instituty obshchestva. Voennaya istoriya: uchera, segodnya, zavtra. Materialy konferentsii SPb GBU DM «FORPOST».* Pp. 107-114. [in Russian]

- Aniskovich, 2024** – Aniskovich, N.V. (2024). Znachenie oborony kreposti Osovets v voennuyu kampaniyu 1915 g. [The Importance of the defense of the Osowiec fortress in the Military Campaign of 1915]. *Klyuchevskie chteniya – 2024. Osvoenie rossiiskogo prostranstva i bor'ba za edinstvo strany. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh*. M. Pp. 231-233. [in Russian]
- Bakhtin, 2016** – Bakhtin, V.V. (2016). Rol' 226 pekhotnogo Zemlyanskogo polka v oborone kreposti Osovets [The role of the 226th zemlyansky Infantry regiment in the defense of the Osowiec fortress]. *Pervaya mirovaya voyna: vzglyad spustya stoletie. 1915 god. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (26-28 noyabrya 2015 goda, g. Moskva). Mezhdunarodnyi nezavisimyi ekologo-politologicheskii universitet (Akademiya MNEPU)*. Pp. 47-62. [in Russian]
- Belozertsev, Kryuk, 2021** – Belozertsev, S.M., Kryuk, V.D. (2021). Oborona kreposti Osovets vo vremya pervoi mirovoi voyny [Defense of the Osowiec fortress during the First World War]. *Kriminologicheskii zhurnal*. 1: 9-12. [in Russian]
- Chaika, Lavrent'eva, 2023** – Chaika, M.I., Lavrent'eva, M.A. (2023). Ataka mertvetsov. Oborona kreposti Osovets vo vremya pervoi mirovoi voyny [Attack of the Dead. Defense of the Osowiec fortress during World War I]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 103-5: 177-180. [in Russian]
- Chavrikov, Shcherbinkin, 2019** – Chavrikov, I.E., Shcherbinkin, A.V. (2019). Ataka mertvetsov: krepost' Osovets [Attack of the dead: Osowiec fortress]. *100 let s okonchaniya Pervoi mirovoi voyny. Materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pod obshch. red. K.V. Kostina. Pp. 104-108. [in Russian]
- Chepel', Zamyatina, 2024** – Chepel', A.I., Zamyatina, N.A. (2024). Voina khimikov: khimicheskoe oruzhie i sredstva zashchity v gody Pervoi mirovoi voyny [War of the Chemists: chemical weapons and means of defense during the First World War]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. 5: 76-84. [in Russian]
- Cherkasov i dr., 2011** – Cherkasov, A.A., Ryabtsev, A.A., Men'kovskii, V.I. (2011). «Ataka mertvetsov» (Osovets, 1915 g.): mif ili real'nost' ["Attack of the Dead" (Osowiec, 1915): Myth or Reality]. *Bylye gody*. 4(22): 5-11. [in Russian]
- Chesnokov, 2017** – Chesnokov, I.V. (2017). Oborona kreposti Osovets v 1915 godu [Defense of the Osowiec Fortress in 1915]. *Bereginya*. 777. Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika. 1(32): 92-101. [in Russian]
- Denisov, 2011** – Denisov, A. (2011). Osovets. Ataka mertvetsov [Osowiec. Attack of the dead]. *Bratishka*. 1. [in Russian]
- Gusarov, 2012** – Gusarov, Yu.V. (2012). Russkie khroniki: oborona kreposti Osovets v Pervuyu mirovuyu voynu [Russian chronicles: defense of the Osowiec fortress in World War I]. *Ekonomicheskie strategii*. T. 14. 3(101): 52-61. [in Russian]
- Inzhenernye voiska..., 2025** – Inzhenernye voiska: formirovanie sovremennykh printsipov resheniya boevykh zadach [Engineering troops: formation of modern principles for solving combat missions]. *Vestnik gosudarstvennoi ekspertizy*. 1(34): 106-110. [in Russian]
- Ipatov, 2024** – Ipatov, A.M. (2024). Oborona kreposti Osovets v sovremennykh otechestvennykh nauchnykh issledovaniyakh i v istoricheskoi pamyati [Defense of the Osowiec fortress in modern domestic scientific research and in historical memory]. *Pervaya mirovaya voyna v istoricheskoi pamyati i aktual'nom diskurse uchenykh. Sbornik nauchnykh statei*. Kaliningrad. Pp. 57-67. [in Russian]
- Kamenev, 2024** – Kamenev, K.S. (2024). Razmyshlenie o geroicheskikh sobytiyakh v voennoi istorii i otnoshenii k nim obshchestva (na primere oborony kreposti Osovets) [Reflections on heroic events in military history and society's attitude towards them (on the example of the defense of the Osowiec fortress)]. *Innovatsionnye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire. Sbornik trudov po materialam XVII Vserossiiskogo konkursa nauchno-issledovatel'skikh rabot*. Ufa. Pp. 14-25. [in Russian]
- Khmel'kov, 1939** – Khmel'kov, S.A. (1939). Bor'ba za Osovets [The fight for Osowiec]. M.: Voenizdat. [in Russian]
- Klevtsov, 2023** – Klevtsov, A.V. (2023). Khimicheskoe oruzhie na polyakh srazhenii Pervoi mirovoi voyny [Chemical weapons on the battlefields of World War I]. *Gumanitarnye nauki v sovremennom vuze: uchera, segodnya, zavtra: k 280-letiyu so dnya rozhdeniya rossiiskoi prosvetitel'nitsy knyagini E. R. Dashkovoi*. Materialy VI mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 3 t. SPb. Pp. 884-888. [in Russian]
- Kochkarov, 2023** – Kochkarov, R.V. (2023). Osveshchenie podviga zashchitnikov kreposti Osovets v russkoi kul'ture [Coverage of the feat of the defenders of the Osowiec fortress in Russian culture]. *Vestnik nauchnykh konferentsii*. 12-4 (100): 50-52. [in Russian]
- Kopylova, 2023** – Kopylova, O.V. (2023). Sokhranenie pamyati ob oborone kreposti Osovets v gody pervoi mirovoi voyny [Preserving the memory of the defense of the Osowiec fortress during the First World War]. *Nauka v sovremennykh realiyakh: teoriya, praktika, innovatsii. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 31 marta 2023 g., g. Arkhangel'sk*. Pp. 207-210. [in Russian]
- Kosmodem'yanskaya, 2024** – Kosmodem'yanskaya, O.A. (2024). Neizvestnye uchastniki «ataki mertvetsov» v khode oborony kreposti Osovets 24 iyulya (6 avgusta) 1915 goda [Unknown participants in the "attack of the dead" during the defense of the Osowiec fortress on July 24 (August 6), 1915]. *Problemy sotsial'nykh i humanitarnykh nauk*. 1(38): 51-61. [in Russian]

- Kostin, 2023** – Kostin, D.A. (2023). Geroizm russkikh soldat pri oborone kreposti Osovets [Heroism of Russian soldiers in the defense of the Osowiec fortress]. *Geroizm kak istoriko-kul'turnyi fenomen rossiiskoi tsivilizatsii. Sbornik trudov Mezhvuzovskoi studencheskoi konferentsii, posvyashchennoi 410-letiyu legendarnogo podviga Ivana Susanina i 80-letiyu Pobedy v Stalingradskoi bitve*. Pod obshch. red. L.V. Blonskogo, A.I. Veterkova. M. Pp. 118-121. [in Russian]
- Litvinova i dr., 2024** – Litvinova, V.Yu., Shevchenko, D.O., Kalbasin, V.V. (2024). Geroicheskaya oborona kreposti «Osovets». Ataka mertvetsov [Heroic defense of the Osovets fortress. Attack of the dead]. *Transformatsiya sovremennogo obshchestva. Problemy i vozmozhnosti. Materialy studencheskoi interaktivnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Taganrog. Pp. 19-22. [in Russian]
- Lyubavin, Kirsanov, 2023** – Lyubavin, I.V., Kirsanov, R.S. (2023). «Russkie ne sdayutsya»: oborona Osovtsa [Russians Do Not Surrender: Forgotten Pages of the History of the First World War]. *Aktual'nye problemy nauki. Sbornik statei po materialam XIX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Kuznetskii institut informatsionnykh i upravlencheskikh tekhnologii (filial FGBOU VO «Penzenskii gosudarstvennyi universitet»)*. Penza. Pp. 76-78. [in Russian]
- Martynova, 2023** – Martynova, A.D. (2023). Sovremennoe prochtenie patriotizma: sushchnost' i problemy [Modern reading of patriotism: essence and problems]. *Aktual'nye problemy razvitiya ekonomiki i upravleniya v sovremennykh usloviyakh. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. M. Pp. 49-61. [in Russian]
- Mirsalimov, Churin, 2022** – Mirsalimov, T.B., Churin, G.Yu. (2022). Oborona kreposti Osovets: geroizm i predannost' otechestvu v podvige russkogo voinstva [Defense of the Osovets fortress: heroism and devotion to the fatherland in the feat of the Russian army]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 11: 41-45. [in Russian]
- Mokshin, 2018** – Mokshin, G.N. (2018). 226-i pekhotnyi Zemlyanskii polk: istoriya i sovremennost' [226th Zemlyansky Infantry Regiment: history and modernity]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 1(14): 69-75. [in Russian]
- Molev, 2021** – Molev, D.N. (2021). Bitva pri Osovtsse 24 iyulya (6 avgusta) 1915 goda: geroicheskaya stranitsa pervoi mirovoi [Battle of Osowiec on July 24 (August 6), 1915: a heroic page of the First World War]. *Istoricheskii put' Rossii: iz proshlogo v budushchee. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 800-letiyu so dnya rozhdeniya Velikogo knyazya Aleksandra Nevskogo. V 3-kh tomakh*. Pod red. S.I. Bugasheva, A.S. Minina. SPb. Pp. 141-145. [in Russian]
- Mukhina, Georgievskii, 2015** – Mukhina, N.E., Georgievskii, M.M. (2015). Zabytye stranitsy Pervoi mirovoi voyny: oborona kreposti Osovets [Forgotten pages of the First World War: the defense of the Osowiec fortress]. *Rossiya v zerkale voennoi istorii. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k 70-letiyu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine 1941-1945 gg. Tsentr npravstvennogo i patrioticheskogo vospitaniya «NASLEDIE»*. Pp. 176-178. [in Russian]
- Nekrasov i dr., 2021** – Nekrasov, V.A., Rukhlin, A.N., Chukanov, I.A. (2021). «Za veru, tsarya i otechestvo»: geroicheskaya oborona kreposti Osovets v 1915 g. (iz pisem general-leitenanta N.A. Brzhozovskogo i gubernskoi pressy) [“For Faith, Tsar and Fatherland”: the heroic defense of the Osovets fortress in 1915 (from letters of Lieutenant General N.A. Brzhozovsky and the provincial press)]. *Tsentr i periferiya*. 2: 36-41. [in Russian]
- Neverov, 2015** – Neverov V.O. (2015). Oborona kreposti Osovets [Defense of the Osovets fortress]. *Voyna, narod, pobeda v istoricheskoi i kul'turnoi pamyati. Stavropol'*. Pp. 103-106. [in Russian]
- Ob"edkov, 2016** – Ob"edkov, I.V. (2016). Press-konferentsii v general'nom shtabe ob oborone russkikh krepostei v 1914-1915 gg. [Press conferences at the General Staff on the defense of Russian fortresses in 1914-1915]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistska*. 1: 75-98. [in Russian]
- Pakhalyuk, 2016** – Pakhalyuk, K. (2016). Oborona kreposti Osovets [Defense of the Osowiec fortress]. *Svobodnaya mysl'*. 2(1656): 43-58. [in Russian]
- Pisarenko, Ushakova, 2024** – Pisarenko, T.Yu., Ushakova, M.A. (2024). Ataka mertvetsov [Attack of the Dead]. *Molodezh' i nauka: shag k uspekhu. Sbornik nauchnykh statei 7-i Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii perspektivnykh razrabotok molodykh uchenykh*. Kursk. Pp. 346-347. [in Russian]
- Pivovarchik, 2022** – Pivovarchik, S.A. (2022). Pol'skaya fortifikatsiya v planakh voenno-inzhenernoi podgotovki prigranichnoi territorii BSSR (1939-1941 gg.) [Polish fortification in the plans for military engineering preparation of the border territory of the BSSR (1939-1941)]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 1. Istoriya i arkheologiya. Filosofiya. Politologiya*. 14(3): 6-12. [in Russian]
- Pivovarchik, Kalyuta, 2015** – Pivovarchik, S.A., Kalyuta, V.V. (2015). «Russkii Verden»: Osovetskaya krepost' v gody pervoi mirovoi voyny [“Russian Verdun”: Osovets Fortress during the First World War]. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 1. Istoriya i arkheologiya. Filosofiya. Politologiya*. 3(203): 53-59. [in Russian]
- Pokhodnya, 2016** – Pokhodnya, A.N. (2016). Oborona kreposti Osovets kak primer geroizma russkogo soldata v period Pervoi mirovoi voyny [Defense of the Osowiec fortress as an example of the heroism of a Russian soldier during the First World War]. *Istoriya i obshchestvoznanie*. XIII: 47-50. [in Russian]

[Russkie ne sdayutsya..., 2016](#) – Russkie ne sdayutsya: zabytye stranitsy istorii pervoi mirovoi voyny [Russians Do Not Surrender: Forgotten Pages of the History of the First World War.]. *Sbornik nauchnykh trudov*. Voronezh. [in Russian]

[Shchekochikhin, Kornaukhov, 2016](#) – *Shchekochikhin, A.A., Kornaukhov, V.A.* (2016). Osovets – «brestskaya krepost'» pervoi mirovoi voyny [Osovets – “Brest Fortress” of the First World War]. *Pamyati protopresvitera Aleksandra Zhelobovskogo. Nauchno-kraevedcheskii sbornik. Cherepovets*. Pp. 58-60. [in Russian]

[Shein, 2021](#) – *Shein, I.A.* (2021). O patriotizme russkoi armii v voynakh nachala XX v. [On the patriotism of the Russian army in the wars of the early twentieth century]. *Voennyi akademicheskii zhurnal*. 1(29): 33-43. [in Russian]

[Shendrikov, Nebol'sin, 2014](#) – *Shendrikov, E.A., Nebol'sin, A.A.* (2014). Geroicheskaya oborona russkimi voiskami kreposti Osovets v 1914-1915 gg. [Heroic defense of the Osovets fortress by Russian troops in 1914-1915]. *Grom pobed i gorech' porazhenii: k 100-letiyu Pervoi Mirovoi voyny. Materialy mezhdunarodnoi zaachnoi nauchnoi konferentsii. Voronezhskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet; redkollegiya: T.N. Dan'kova (otvetstvennyi redaktor), Yu.D. Chentsov, E.A. Shendrikov*. Pp. 75-108. [in Russian]

[Shendrikov, Nebol'sin, 2016](#) – *Shendrikov E.A., Nebol'sin A.A.* (2016). «Russkie ne sdayutsya»: o geroicheskoi oborone kreposti Osovets russkoi armiei v 1914-1915 gg. [“The Russians do not give up”: about the heroic defense of the Osovets fortress by the Russian army in 1914-1915]. *Russkie ne sdayutsya: zabytye stranitsy istorii Pervoi mirovoi voyny. Sbornik nauchnykh trudov*. Voronezh. Pp. 76-109. [in Russian]

[Shevtsova, Kurlin, 2018](#) – *Shevtsova, N.M., Kurlin, A.A.* (2018). «Ataka mertvetsov»: legendy i pamyat' Pervoi mirovoi voyny [“Attack of the dead”: legends and memory of the First World War]. *100-letie Velikoi russkoi revolyutsii. Sbornik materialov userossiiskikh nauchno-prakticheskikh konferentsii*. Pp. 160-162. [in Russian]

[Skosarev i dr., 2021](#) – *Skosarev, A.V., Matytsina, N.P., Isaichev, V.A.* (2021). Moral'no-psikhologicheskoe obespechenie voisk v usloviyakh neopredelennosti [Moral and psychological support of troops in conditions of uncertainty]. *Simvol nauki: mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal*. 6: 174-176. [in Russian]

[Sokolov, Khvesyuk, 2022](#) – *Sokolov, V.I., Khvesyuk, D.I.* (2022). Krepost' Osovets. Ataka mertvetsov: istoriografiya sobytii [Osovets Fortress. Attack of the Dead: Historiography of Events]. *Problemy mezhdunarodnykh svyazei*. 19: 12-17. [in Russian]

[Supotnitskii i dr., 2017](#) – *Supotnitskii, M.V., Petrov, S.V., Kovtun, V.A.* (2017). Vliyanie khimicheskogo oruzhiya na taktiku i operativnoe iskusstvo Pervoi mirovoi voyny (istoricheskii ocherk). Chast' 1 [The influence of chemical weapons on the tactics and operational art of the First World War (historical essay). Part 1]. *Vestnik voisk RKkH zashchity*. 1(1): 53-68. [in Russian]

[Svechnikov, Buyanovskii, 1995](#) – *Svechnikov, M.S., Buyanovskii, V.V.* (1995). Oborona kreposti Osovets vo vremya vtoroi 6½-mesyachnoi osady ee [Defense of the Osovets Fortress during its Second 6½-Month Siege]. *Pereizd. M.* [in Russian]

[Taratin, Pechnikov, 2017](#) – *Taratin, I.O., Pechnikov, A.O.* (2017). Oborona kreposti «Osovets» [Defense of the Osovets Fortress]. *Rossiya v mnogovektornom mire: natsional'naya bezopasnost', vyzovy i otvety. Materialy mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi nauchnoi konferentsii*. Pp. 35-36. [in Russian]

[Vinnik i dr., 2022](#) – *Vinnik, A.A., Vorontsov, Yu.A., Subbotin, M.A., Subbotina, N.A.* (2022). «Ataka mertvetsov» v muzykal'nykh kompozitsiyakh: analiz populyarnykh muzykal'nykh proizvedenii vtorogo desyatiletia XXI veka [“Attack of the dead” in musical compositions: analysis of popular musical works of the second decade of the 21st century]. *April'skie tezisy. Sotsiogumanitarnye problemy proshlogo i nastoyashchego. Materialy userossiiskoi nauchnoi konferentsii. Perm'*. Pp. 288-297. [in Russian]

[Voronov, 2009](#) – *Voronov, V.* (2009). Russkie ne sdayutsya [The Russians don't surrender]. *Sovershenno sekretno*. 8. [in Russian]

Оборона крепости Осовец (1914–1915 гг.) в современной историографии: исторический очерк

Андрей Андреевич Байбарин ^{a, *}, Сергей Борисович Зинковский ^b, Евгений Геннадьевич Хрущев ^c, Вероника Юрьевна Малахова ^d

^a Московский университет «Синергия», Москва, Российская Федерация

^b Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^c Юго-западный государственный университет, Курск, Российская Федерация

^d Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: andrewbaybarin@gmail.com (А.А. Байбарин)

Аннотация. Данное историографическое исследование посвящено анализу исторических изысканий, посвящённых обороне крепости Осовец в годы Первой мировой войны, и приурочено к 110-летию юбилею этого события. Материалом послужили научные исследования по указанной тематике, а в качестве методов применены историографический метод, метод классификации и метод синтеза.

Ввиду ограниченного объёма данной работы авторы анализировали лишь труды советской и современной российской историографии, поскольку изучение зарубежной научной литературы по вопросам обороны Осовца требует отдельного исследования.

Представляется целесообразным разделить историографию по периодам (на советскую и современную), а также по предмету исследования: на изыскания, анализирующие оборону крепости в целом; работы, касающиеся отдельных страниц обороны, в частности «атаки мертвецов» как наиболее известного и прославленного её события; и междисциплинарные исследования, находящиеся на стыке военных, военно-исторических, медицинских и культурологических научных дисциплин.

Большую часть составляют работы, анализирующие оборону в целом: детально описана хронология событий, особенности фортификации, командования, личного состава и пр. Также весьма детально исследована и вторая категория, а именно – «атака мертвецов»: авторы устанавливают события, предшествовавшие этой героической контратаке, личности её участников, хронологию события и т. п. И наконец, междисциплинарные исследования анализируют психологическое состояние войск и его поддержку в непредсказуемых ситуациях, особенности фортификации, позволившие эффективно отражать нападение, работу химиков и военно-химической промышленности в годы Первой мировой войны и т. д.

Ключевые слова: Первая мировая война, Осовец, 1914–1915 гг., оборона крепости Осовец, историография обороны крепости Осовец, «атака мертвецов».

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(2): 1037-1046
 DOI: 10.13187/bg.2025.2.1037

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Activities of the Imperial Moscow Archaeological Society for the Protection of Monuments during the First World War (Based on Archival Materials)

Yulia G. Kokorina ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

This paper examines the specifics of the work of the Imperial Moscow Archaeological Society during the First World War in one aspect, which was the protection of ancient monuments. Monuments of ancient eras perish during military conflicts throughout the twentieth century, so the problem of their preservation seems urgent. This problem is considered in the article on the basis of archival materials that are being introduced into scientific circulation for the first time, which is seen as the novelty of this work. The analysis of historiography shows the political orientation of the works of Soviet historians, who believed that in the Russian Empire archeology was beyond the attention of the state and archaeologists themselves were a small closed caste of scientists. The research conducted in this article allows us to shake this conclusion. Russian archaeologists actively empathized with the Allies who were attacked by Germany. The words of their appeals to heads of state and colleagues from scientific societies sound like sincere pain. Active preparations were made for the Sixteenth Archaeological Congress, which was canceled due to the beginning of mobilization. The Moscow Archaeological Society has launched an active effort to ensure the preservation of Russian cultural monuments in provinces that were under threat of occupation. Despite the war years, it conducted archaeological excavations and exploration, often at its own expense. Count F.A. Uvarov addressed the State Council with a proposal to legislate the protection of antiquities in Russia. The experience of interaction between the state and the public on the preservation of archaeological monuments during the years of military conflicts may be in demand today.

Keywords: history of Russia, World War I, history of archeology, Moscow Archaeological Society, monument protection, Countess P.S. Uvarova.

1. Введение

Археология и война – эти понятия кажутся несовместимыми. Казалось бы, как могут помочь воюющей Родине археологи с их заботой о древностях? И до древностей ли государству во время военного конфликта? Но история войн XX в. показывает, что отношение к памятникам материальной культуры далеких эпох выявляет настоящее лицо государства и его народа.

Опыт взаимодействия общественных организаций, одной из которых было Императорское Московское Археологическое Общество, с государством в области охраны и спасения памятников материальной культуры может оказаться полезным и в наши дни. Поэтому изучение этого опыта, а также примеров внимательного отношения в годы военного конфликта к памятникам археологии представляется актуальным.

Изучается он, прежде всего, на материалах архива Императорского Московского Археологического общества, хранящихся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. Во вводе в научный оборот нового исторического источника видится новизна данной работы. Подробно эти материалы будут охарактеризованы далее.

* Corresponding author

E-mail addresses: kokorina@inbox.ru (Yu.G. Kokorina)

Кроме того, в советской историографии долгое время утверждалась концепция о безразличном отношении царского правительства к нуждам археологов, и, с другой стороны, об оторванности российской археологии от жизни тогдашней России. Под сомнение эта концепция была поставлена относительно недавно ([Формозов, 2006: 26](#)). Наша статья имеет целью внести определенную ясность в намечающийся разноток мнений.

2. Материалы и методы

Материалами для данной работы послужили Протоколы Императорского Московского Археологического Общества и его ежегодные Отчеты за 1914–1916 гг., хранящиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (Москва, Российская Федерация) ([ОПИ ГИМ. Ф. 104. Д. 1, 2](#)), который расположен в Москве, столице Российской Федерации. Они представляют собой в большинстве случаев рукописные документы, составленные секретарями заседаний Общества, часто с приложениями текстов выступлений, в частности, автографы Председателя Московского Археологического Общества (МАО) графини П.С. Уваровой (1840–1924 гг.). Несколько протоколов напечатано на пишущей машинке.

Кроме того, нами использованы подготовительные материалы 16-го Археологического Съезда, хранящиеся в архиве семьи Уваровых ([ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 640](#)). Они представляют собой как официальные документы, напечатанные на пишущей машинке или изданные типографским способом, так и рукописные материалы с пометками красным карандашом. Письма на имя графини П.С. Уваровой со всех концов России от ученых-археологов, предлагавших свои материалы для выступлений на 16-м Археологическом Съезде демонстрируют активную деятельность МАО как по подготовке Археологического Съезда, так и передают горечь по поводу его отмены.

В ОПИ ГИМ хранится биография одного из незаслуженно, на наш взгляд, забытого российского археолога К.Н. Любарского (1886–1920 гг.), основанная на его письмах и воспоминаниях. В ней содержатся воспоминания исследователя о поездке в Псков на Съезд, о задержании его там полицией по подозрению в шпионаже и о трудностях возвращения в Москву ([ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1](#)).

Материалами для исследования послужили также опубликованные подготовительные документы Московского Археологического Общества к 16-му Археологическому Съезду в Пскове, отмененному из-за начала Первой мировой войны.

Нами использованы такие методы исторического исследования, как дескриптивный, позволяющий описать меры, предпринимаемые Московским Археологическим Обществом для охраны российских древностей в годы Первой мировой войны. Кроме того, применен сравнительно-исторический метод для сравнения оценки деятельности дореволюционных российских археологов в историографии; использован также принцип объективности, который является ключевым в данном исследовании как в любой работе по истории науки ([Формозов, 1984: 65](#)).

Поскольку нами вводится в научный оборот новый исторический источник, мы хотели бы, чтобы читатель сквозь официальные строки документов увидел и почувствовал переживания российских археологов по поводу постигшей страну беды, напряжение их усилий, направленных на сохранение в годы войны памятников древности, горечь по поводу их гибели или вывоза за рубеж. Поэтому в нашей статье много цитат из архивных документов и литературы.

3. Обсуждение

Проблемами политики Российского государства по охране памятников занимались отечественные историки с рубежа XX в. Московское Археологическое Общество выпустило в 1911 г. труд, освещающий политику государства по охране памятников, начиная с глубокой древности до времени издания сборника ([Материалы..., 1911](#)). Однако, поскольку названное издание вышло до начала Первой мировой войны, изучаемый нами период деятельности МАО в нем не затрагивается. Не затрагивается эта проблема и в юбилейных трудах Общества, в частности, в издании, увидевшем свет в 1915 г. и посвященном 50-летию МАО ([Императорское Московское..., 1915](#)).

Специально проблемой охраны памятников в России занимался историк археологии А.А. Формозов ([Формозов, 1990](#)). Однако им использованы опубликованные материалы, тогда как нами вводятся в научный оборот архивные документы.

Об отношении власти к археологии и общие сведения по истории Московского Археологического Общества содержатся в других книгах А.А. Формозова ([Формозов, 1961; Формозов, 1986; Формозов, 2004; Формозов, 2007; Формозов, 2011](#)), в частности, им высказано мнение о внимании Российского государства к нуждам археологов до 1917 г. ([Формозов, 2006: 24](#)). Специальную работу А.А. Формозов посвятил деятельности создателя МАО графа А.С. Уварова, в которой упоминается об активной работе Московского Археологического Общества по охране памятников ([Формозов, 1994](#)). Характеристику советской историографии археологии содержат работы Л.С. Клейна, в которых указывается на зачастую имеющую место политическую ангажированность историографов ([Клейн, 2011; Клейн, 2014](#)). Однако по истории Московского Археологического общества в них содержатся самые общие сведения. Государственной политике по отношению к археологии посвящена монография А.С. Смирнова, между тем в ней рассматривается в

основном деятельность правительственных учреждений, тогда как МАО было общественной организацией (Смирнов, 2011). Таким образом, несмотря на наличие значительного числа работ по истории археологии в России, в которых характеризуется Московское Археологическое Общество, подробно его деятельность в военное время на основе архивных материалов не рассматривается.

4. Результаты

4.1. Императорское Московское Археологическое Общество (МАО). Историческая справка

Инициатором создания Московского Археологического общества был один из ведущих российских археологов того времени, граф Алексей Сергеевич Уваров (1824–1884 гг.). Выпускник историко-филологического отделения Санкт-Петербургского университета, слушавший лекции в Берлинском и Гейдельбергском университетах, один из основателей Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества, А.С. Уваров понимал необходимость изучения не только античных памятников Юга России, но и археологического наследия многих народов, населявших Российскую империю. Выйдя в отставку и поселившись в Москве, он выступил с инициативой создания центра археологических исследований, независимого от Санкт-Петербурга – Московского Археологического Общества. «Официально общество открылось 4 октября 1864 г. Вскоре в его состав вошел цвет московской профессуры: Ф.И. Буслаев, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, А.А. Котляревский, А.Н. Афанасьев, И.Е. Забелин, О.М. Бодянский, а от царя были получены разрешение на деятельность общества и денежная субсидия в 3000 р. (позднее 5000 р.) в год» (Формозов, 1994). Эпоха создания МАО сказалась на его демократическом духе – собрания были открытыми, читались публичные лекции, с 1865 г. выходило нерегулярное периодическое издание Общества «Древности. Труды МАО». Последний номер издания вышел в 1916 г. При жизни графа А.С. Уварова в каждом номере «Древностей» публиковались подготавливаемые членами Общества «Материалы к словарию российских древностей».

В 1864 г. (Устав..., 1864) и в 1877 г. специальным изданием был опубликован Устав Императорского Московского Археологического Общества, в котором указывалось, что Общество «имеет целью исследование как археологии вообще, так преимущественно русской, и распространение в России археологических знаний» (Устав..., 1877: 3). МАО ставило своей задачей сохранение российских древностей: «Общество снаряжает ученые экспедиции для исследования местностей, а также для обозрения и описания собраний древностей, библиотек и памятников, производит археологические исследования и раскопки и предлагает задачи, и за разрешение их назначает премии и медали. Сверх того, Общество обязано заботиться об устройстве и успешном развитии русских археологических съездов» (Устав..., 1977: 4).

Одним из важнейших достижений Общества в развитии археологии был созыв Археологических Съездов. При подготовке к съездам разрабатывался специальный вопросник, ответы на который должны были содержаться в докладах. Благодаря этому заседания шли не стихийно, а по заранее намеченной программе. Подготовительные комитеты к съездам проводили раскопки близ тех городов, где намечались съезды, и участники их выезжали в поле, доследовали памятники и обменивались мнениями (Формозов, 1994). Всего было проведено 15 археологических съездов, шестнадцатый съезд планировался в Пскове в 1914 г., но был отменен из-за начавшейся Первой мировой войны.

В 1890 г. была напечатана историческая записка о деятельности общества за первые 25 лет, в которой приводились наименования сделанных членами общества докладов по разным направлениям его деятельности (Историческая записка..., 1890). МАО включало в себя несколько специальных комиссий и отделений, занимавшихся изучением славянских древностей, памятников Старой Москвы, Кавказа. В 1914 г. вышел аналогичный труд к 50-летию Общества (Императорское Московское..., 1915).

«Важными были начинания МАО в области охраны памятников культуры. В Петербурге над этим тогда еще не задумывались. В МАО же с 1870 г. начала действовать специальная комиссия по этому вопросу. Общество предотвратило разрушение зданий в Боголюбове, палат дьяка Аверкия Кириллова в Москве и других ценных объектов. Дом Аверкия Кириллова был передан Александром II МАО, и оно собиралось здесь на протяжении полувека» (Формозов, 1994). Несмотря на необходимость отменить 16-й Археологический Съезд, Московское Археологическое Общество развернуло активную деятельность по сохранению памятников археологии России. После смерти графа А.С. Уварова бессменным председателем Общества стала его супруга Прасковья Сергеевна Уварова (1840–1924 гг.). В 1923 г. Общество было расформировано.

4.2. Подготовка 16-го Археологического Съезда в Пскове и его отмена

16-й Археологический Съезд должен был состояться в Пскове летом 1914 г. Российские археологи активно к нему готовились. Был создан в 1912 г. Предварительный комитет, который утвердил вопросы, предлагаемые для обсуждения на Съезде. Намечалось обсуждение широкой как теоретической, так и эмпирической проблематики: начиная от основных принципов науки и создания кафедр археологии до исследования новгородских монет, исследования надгробных плит

Псково-Печерского монастыря и письменных памятников Пскова XVII в. и целый ряд других тем, включавших тогдашнее понимание археологии как науки о быте наших предков ([Правила..., 1912: 26-28](#)). К Съезду была подготовлена выставка предметов древности, собранных с монастырей и церковью Псковской земли, а также составленной из коллекций, предоставленных членами Московского Археологического Общества. Кроме археологических находок от каменного века до Средневековья на выставке были представлены и старопечатная книга, и рукописные документы, а также древние иконы ([Каталог..., 1915](#)).

Архив семьи Уваровых содержит обширную переписку Председателя Московского Археологического Общества П.С. Уваровой с археологами всей России. Предпринимались и практические действия. В частности, в Торопец Псковской губернии был командирован действительный член Общества Н.Н. Соболев, который подготовил доклад о памятниках старины города и окрестностей. Так, он приводит описания и обмеры трех городищ в районе Торопца и сообщает, что «вниз по течению р. Западной Двины, начиная от погоста Дубно, встречаются целые десятки курганов. К северо-востоку от города, по направлению к погосту Грядцы, в глухом лесу на 12-16 верстах от города, подходят к большой дороге целыми рядами курганы, поросшие толстыми деревьями» ([ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 640. Л. 6](#)). Всего Н.Н. Соболевым было выполнено 202 фотографии и 11 планов древних памятников, преимущественно церковей ([ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 640. Л. 15](#)).

Российские археологи использовали передовые научные методы. Н.Н. Клименко предложил доклад, содержащий исследование путем статистического расчета причин появления трещин и иных деформаций в древнем здании Рождественской церкви (XVI в.) в погосте «Старая Уситва» Псковской губернии Островского уезда ([ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 640. Л. 76](#)). К массовому применению статистических методов археологи придут только в конце XX в. ([Федоров-Давыдов, 1987](#)).

В своем письме на имя графини П.С. Уваровой археолог И.Я. Стрелецкий сообщал, что «по возвращении из командировки, при дальнейшем изучении архивных материалов в вышеуказанных рамках, мне удалось зафиксировать тридцать точных указаний “слухов” или подземных тоннелей вокруг Псковской окольной стены. Это дает право сделать вывод, что Псков едва ли не единственный в России город по богатству памятников этого рода» ([ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 640. Л. 108](#)). Исследователь предлагал «устроить небывалую в летописях Археологических Съездов экскурсию в подземный город с надлежащими объяснениями» ([ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 640. Л. 108](#)).

В результате отмены Археологического Съезда всем приглашенным были разосланы следующие письма на бланке МАО: «Императорское Московское Археологическое Общество имеет честь сообщить, что, ввиду мобилизации и необходимости занять все учебные заведения Пскова новоприбывшими войсками и запасными, Общество должно было, совместно с местными властями, принять решение отложить 16 Всероссийский Археологический Съезд, назначенный с 22 июля по 6 августа текущего года, до более благоприятного времени» ([ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 640. Л. 117](#)).

Война вторглась в жизнь и работу археологов. Вот как вспоминал о своей поездке на 16-й Археологический Съезд московский археолог К.Н. Любарский: «Осенью я отправился во Псков на археологический съезд. Вот тут и начинается кошмар. События путаются, принимают нелепую окраску, реальность явно смешивается с фантазией: то мне рисуется город, погруженный во мрак, и я с двумя знакомыми археологами едущий из гостиницы в гостиницу. Нас нигде не пускают. То вспоминаются какие-то невероятные трагикомические приключения в пути – бегущая впотьмах толпа, плачущие женщины, едущие на стуле через вокзальный зал озлобленные пассажиры, боящиеся потерять дорого доставшееся им седалище, и многое другое. Вспоминается мучительная невозможность сообщения с родными, находившимися в то время на Кавказе – словом, всякие совершенно невозможные в действительности комбинации» ([ОПИ ГИМ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 1. Л. 15](#)). Съезд был отменен. Война диктовала свои правила. Российские археологи не оставались в стороне от общей беды.

4.3. Работа Московского Археологического Общества по охране памятников в 1914–1916 гг.

После переноса 16-го Археологического Съезда в Пскове члены Московского Археологического Общества не могли остаться в стороне от постигшей страну беды. Они живо реагировали на все происходящие события. Как свидетельствует протокол заседания Общества от 19 сентября 1914 г., «Открывая первое заседание Императорского Московского Археологического Общества в то время, когда вся Русь, как один человек, послушный ко призыву Державного Государя Русского народа на защиту славянства, попираемого и уничтожаемого тевтонами, мы не можем не повергнуть к стопам Его Императорского Величества Государя Императора те чувства преданности, которыми, вероятно, наполнены сердца всех нас, готовых поучаствовать собой и своим имуществом на защиту Царя и Отечества. На этом основании предлагаем Обществу послать Его Величеству телеграмму следующего содержания: Императорское Московское Археологическое Общество в первом заседании после начала объявленной нам войны, в сознании величия совершающихся событий и тех обязанностей, которые они возлагают на всех подданных Вашего Императорского Величества, повергнуть к стопам Вашим, Великий Государь, выражения верноподданнейших чувств преклонения перед доблестно

сражающимися по заветам старины нашими чудо-богатырями и надежды Общества свободного использования для отечественной науки драгоценных памятников, раскинутых по всей бывшей подъяремной Руси.

Чтение этой телеграммы вызвало буйные рукоплескания и затем все присутствовавшие на заседании встали и три раза пропели национальный гимн» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 20). Кроме того, МАО отправило телеграммы со словами поддержки и сочувствия научным обществам Франции, Англии, Бельгии, а также сербскому наследному королевичу Александру и королю черногорскому Николаю (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 21). Таким образом, российские археологи поддержали как коллег-союзников, так и правителей братских славянских государств.

В ответных телеграммах Николай II передавал «благодарность за выраженные в телеграмме воодушевляющие Общество чувства и надежды», а сербский королевич Александр благодарил за братское приветствие ему и его народу. Общество Антиквариев Франции сообщало о разрушении Реймского Собора (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 22).

В протокол этого заседания вложен рукописный текст выступления графини П.С. Уваровой – автограф ее выступления перед собравшимися, повторенный в тексте протокола. Автограф написан с минимумом исправлений и является отражением искренней боли, которая переполняла сердца российских археологов, понимавших угрозу памятникам культуры, которую несла война.

«Нынешнее заседание совершенно особого характера: мы собрались, чтобы воскресить в нашем воображении облик тех художественных памятников, которыми гордится не только Франция и Бельгия, которые имели счастье считать их своим достоянием, но все человечество, которое дорожило и годилось ими как произведениями человеческого ума и воображения.

Веками воздвигались эти памятники, многие поколения художников и строителей задумывались над их планами, их архитектурными и художественными задачами, и вот... настал 20 век, прославляемый его якобы развитие. Гуманизм и в особенности либерализм и... полчища варваров, перед деяниями которых бледнеют даже жестокости гуннов и татар, уничтожают огнем и мечом то великое, прекрасное, которым восхищались их предки, о чем они читали ученые труды, на чем учились, чем любовались многие столетия.

Все эти памятники искусства, все эти уничтоженные города с их музеями и библиотеками, вероятно, претили варварам, напоминая им о величии Творца Вселенной, которым вдохновлялись художники, которому посвящались эти памятники. Напоминали они им также и о величии народов, которые возводили и которым принадлежали уничтожаемые сокровища.

Бог судья этим варварам, имя которых навсегда заклеимлено историей. На нас на всех лежит священная обязанность поддержать союзников в их потерях прямою надеждою и верою, что правда наконец должна восторжествовать. В докладах, принятых сегодня к чтению, примут участие барон де Бай, избежавший сам немецкого разгрома, и Ст. Вяч. Ногановский, который ознакомит нас с древностями Кракова» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 23). Барон Ж. де Бай выступил с докладом на французском языке под заглавием «Реймс и другие памятники, пострадавшие от нашествия германцев», а Н.Б. Банников сделал сообщение «Памятники зодчества Бельгии и Франции в районе военных действий» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 24).

Пока война была далека от российских границ. Но, когда угроза нависла над памятниками России, Общество развернуло еще более энергичную деятельность. На заседании МАО 29 сентября 1915 г. «Председатель графиня П.С. Уварова доложила, что ввиду того, что, при натиске врагов и от бомбардировки и от расхищения могли пострадать архивы и древнехранилища, она, по ходатайству А. Шахматова, сочла своею обязанностью обратиться к Министру Внутренних Дел, как равно и к губернаторам угрожаемых войной губерний (Холмскому, Люблинскому, Варшавскому, Городнецкому, Ковенскому, Рижскому, Курляндскому) с просьбою принять меры к немедленному вывозу из городов и губерний, по возможности, всех архивов и древнехранилищ» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 51).

Реакция на обращение графини П.С. Уваровой была неоднозначной. Пакет, адресованный на имя Холмского генерал-губернатора, вернулся нераспечатанным. Получен был ответ от Виленского губернатора, сообщающего, что меры были приняты заблаговременно: наиболее ценная часть была направлена в Москву для хранения в Румянцевском Музее; приняты меры к ограждению от хищения и порчи остального имущества, которое, по своей громоздкости, в данный момент не могло быть эвакуировано.

Ревельский Городской Архив, сообщая о том, что Ревельская Городская управа решила отправить в Москву материалы городского архива и драгоценности города Ревеля, упакованные в 87 ящиков, просил Общество указать помещение, которое могло бы принять вывезенное имущество.

Императорский Российский Исторический Музей телеграфировал о согласии принять.

Московским Археологическим Обществом был получен ответ Управляющего делами Министерства Иностранных Дел о том, что охрана памятников старины в угрожаемых неприятелем районах являлась особой заботой правительства с самого начала военных действий.

Обществом было доложено письмо графини П.С. Уваровой Министру Внутренних Дел, в котором уже не просто пожелания, а требование активных действий со стороны властей. Из-за того,

что Варшавский Университет не вывез библиотеку, а Ново-Александровский Сельско-хозяйственный институт – библиотеку и драгоценные коллекции, «графиня высказала пожелание, чтобы Министерство сделало, кому следует, строгое порицание; чтобы собраны были точные сведения о погибших архивах и коллекциях и строжайше подтверждено губернаторам и другим правящим лицам о необходимости своевременно принимать меры к спасению научного и исторического достояния Руси» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 52).

Общество получило сведения, что Шведский архив из Риги перевезен в Рязань; коллекции Рижского историко-художественного общества, Городского Ревельского архива и Псковского музея принимаются Историческим музеем (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 52).

Российская археологическая общественность была встревожена тем, что иностранцы в условиях вызванной войной неразберихи за бесценок скупают памятники старины и вывозят их за границу. Графиня П.С. Уварова от имени Московского Археологического Общества обратилась в Министерство внутренних дел с ходатайством о принятии мер к недопущению скупки иностранными подданными, высланными из пограничных и центральных областей, предметов древности в Вятской, Пермской, Уфимской и других губерниях и вывоза за границу, и об издании закона, запрещающего вывоз древностей из России за рубеж (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 104). При этом члены Московского Археологического Общества не удовлетворились формальным ответом Министерства о том, что «в настоящее время, когда границы Империи для подданных воюющих с нами держав закрыты, опасение это не имеет за собою основания, а потому не требует принятия каких-либо мер к воспрепятствованию вывоза предметов древности за границу» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 104) и о том, что «о сообщенных Вами Министерству Внутренних Дел сведениях поставлены в известность надлежащие губернаторы» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 105). Его члены неоднократно обращаются в Министерство внутренних дел, указывая, что вывоз древностей уже начался через Архангельск и Финляндскую границу, а также через Галицию. Иностранцы – подданные воюющих с Россией государств, высланные из столиц в Вятскую, Пермскую, Уфимскую губернии, пользовались с разрешения губернаторов правом свободного передвижения по всей Российской империи и потому могли свободно вывозить древности. Графиня П.С. Уварова напоминала чиновникам, что «Общество с 1886 года поднимало вопрос о необходимости окончательного запрета вывоза русских древностей за границу, и, не видя в правительстве сознания проведения этой меры, не может удовлетвориться и ныне обещанием Министерства (*Внутренних Дел* – Ю.К.) заняться проведением этой меры после окончания военных действий и на этом основании еще раз повторяет свое ходатайство принять ныне же, до введения закона, строгие меры по задержанию в России предметов древности закупленных в огромном количестве подданными воюющих с нами держав» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 106). О том, что Московское Археологическое Общество развернуло энергичную деятельность по предотвращению вывоза памятников археологии за рубеж, говорит письмо к графине П.С. Уваровой директора Императорского Московского и Румянцевского музея с приложением к нему рапорта хранителя Отделения рукописей Георгиевского, который был командирован музеем в Вятку для ознакомления с имеющимися там предметами старины и древними рукописями, с просьбой «принять самые строгие меры для прекращения скупки иностранцами, из военнообязанных, предметов нашей археологии и вывоза их за границу» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 111). В рапорте хранитель музея Георгиевский указывал, что «почти общим занятием немцев на новых местах стала усиленная покупка памятников нашей родной старины, даже рукописей богослужебных. Особенным вниманием немцев пользуются предметы русской утвари из ценных металлов и памятники художественной старины. <...> Золото, серебро, украшения, меха, художественные рукописи – все в короткий срок ушло в немецкие руки. Распродажа старины приняла столь грозные размеры, что при мне по Вятке расклеивали объявления губернатора, запрещающие торговлю предметами старины. После этого торговля стала скрытной, и, конечно, поэтому еще более вредной» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 113).

В результате граф Ф.А. Уваров 2 апреля 1916 г. выступил с докладом перед Государственным Советом, поставив вопрос о законодательной охране памятников старины. В России не было специального закона, подробно регулирующего этот важный вопрос, тогда как почти во всех государствах подобные законы существовали, не только в Европе, но и в Азии, в частности, в Турции (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 118). Особенно больно ударило отсутствие подобного закона по губерниям, которым угрожал враг. Несмотря на неоднократные ходатайства разных ученых обществ в принятии должных мер к своевременному вывозу из угрожаемых неприятелем местностей памятников старины и в полученных ответах на это ходатайство заверениях как от Центрального управления, так и от местных властей в том, что все меры к своевременному вывозу памятников старины будут приняты, многие ценные памятники русской старины не были вывезены из Виленской, Гродненской, Ковенской, Люблинской, Холмской и Минской губерний, и частью погибли, частью достались неприятелю и были отправлены за границу. Граф Ф.А. Уваров приводил в своем выступлении перед Государственным Советом конкретные факты: «Остались не вывезенными многие ценности Виленской Публичной Библиотеки и актовые книги Виленского центрального архива. Не вывезены Гродненские архивы, архивы Борисоглебского монастыря, все архивы

католических монастырей и костелов и значительная часть архива Гродненского губернского правления» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 121). Приводя почти полностью строки о разграблении российских древностей из рапорта дирекции Румянцевского музея, Ф.А. Уваров от лица Московского Археологического Общества предлагал «Государственному Совету обратиться к Министерству Внутренних Дел за разъяснением, какие меры министр предполагает предпринять в возможно скором времени для немедленного устранения дальнейшего расхищения, вывоза и уничтожения памятников старины и искусства России?» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 122). Далее рукопись выступления содержит приписку: «На него тут же, по уполномочению Министерства Внутренних Дел, отвечал Товарищ (заместитель, по современной терминологии – Ю.К.) министра граф Бобринский, открыто заявивший, что правительство идет нам на встречу, все высказанные пожелания разделяются и меры приняты» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 2. Л. 122).

Российские археологи не могли оставаться в стороне от происходивших в стране событий. Сквозь официальные строки Отчета о Деятельности Императорского Московского Археологического Общества за время с 17 февраля 1915 г. по 17 февраля 1916 г. слышится их призыв к стойкости и активной работе в условиях военного времени. «Наоборот, эта война и послужила одной из тех главных причин этой энергичной деятельности, с одной стороны возбудить много серьезных вопросов, близко соприкасающихся с научной деятельностью, а с другой являясь призывом к сохранению и укреплению духа в тылу, к подавлению в себе преступного малодушия, а во многих случаях быть может и к уничтожению искусственного или слабодушного, но во всяком случае злостного, отчаяния, ничего, кроме зла, не могущего принести и без того подверженной жестоким ударам Родине» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1. Л. 44).

В Отчете говорится с болью о том, что Председателю Общества графине П.С. Уваровой в течение года пришлось лично вступать в длительную переписку с Киевской Духовной Академией по вопросу о беспричинном ее бегстве в Казань, бросив свои музеи, библиотеки и собрание портретов; с главнокомандующим южным фронтом генерал-андешевым Ивановым по поводу проекта Киевского коменданта генерала Медера и некоего господина Эртеля нивелировать участок земли, где открыты и очищены известные Зверинецкие пещеры с фресками и записями XII в., для устройства тут временных казарм, и т.д. Действия, предпринятые графиней П.С. Уваровой, как отмечается в Отчете, «велись нашим глубокоуважаемым председателем неустанно все лето, осень и зиму 1915 г., без посредников и дали весьма значительные благоприятные результаты» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1. Л. 46).

Война наложила отпечаток на полевую работу Общества. Командировки членов Общества на археологические исследования были ограничены и носили случайный характер. Так, в Псковской губернии работал только И.С. Рыков – в Островском уезде и М.Э. Воронец – в Холмском уезде; профессор В.А. Гордлевский был командирован в пограничные с Турцией области, но открывшиеся военные действия не дали ему возможности исполнить эту командировку; член-корреспондент В.В. Гольмстен производил на средства графини П.С. Уваровой исследования на Урале, «давшие весьма интересные результаты» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1. Л. 55).

Война лишила Общество увеличения с 1915 г. его субсидии с 5000 руб. на 10000 руб. ежегодно, «решенного и отсроченного из-за военных действий до 1916 г., если это позволят обстоятельства» (ОПИ ГИМ. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1. Л. 17).

5. Заключение

Таким образом, российские археологи не оставались в стороне от постигших страну событий. Они тщательно готовили 16-й Археологический Съезд, который им самим же пришлось отменить, несмотря на гигантские усилия и средства, потраченные на подготовку. Учитывая особенности тогдашнего государственного устройства России и стран-союзниц, они обращались со словами сочувствия к руководству как своей страны, так и других стран. Члены Московского Археологического Общества с болью и возмущением восприняли известия о гибели памятников культуры в Европе, резко осуждали германскую армию, сравнивая ее солдат с варварами.

Когда война подошла к границам России, они сделали все возможное, чтобы предотвратить разграбление и гибель памятников археологии и культуры. Члены МАО и лично его председатель, графиня П.С. Уварова, вступали в контакты с организациями и учреждениями Российской империи, способствуя эвакуации в глубь России культурных ценностей. Они ставили вопрос перед российскими чиновниками о принятии мер по спасению культурного вообще и археологического – в частности, наследия. Граф Ф.А. Уваров выступил перед Государственным Советом с предложением законодательного оформления усилий государства и общества по сохранению памятников культуры. Государство со вниманием относилось к инициативам МАО, но сделано было далеко не все возможное.

Российские ученые даже в военное время проводили археологические раскопки и разведки, часто на собственные средства. Они с пониманием относились к урезанию государственного финансирования деятельности Московского Археологического общества. Многие, как упоминавшийся К.Н. Любарский, были призваны в действующую армию. Взаимопонимание и сотрудничество государства и общественных организаций, в том числе и научных, в военное время

способно обеспечить сохранность отечественных древностей от разграбления и уничтожения. Российское археологическое научное сообщество ни в прошлом, ни в наши дни не оставалось в стороне от потрясающих страну событий. Опыт сохранения памятников археологии в военное время может оказаться полезным нашим современникам.

Литература

Императорское Московское..., 1915 – Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.) / под редакцией графини П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. М., 1915. Т. 2: Биографический словарь членов общества. Список трудов членов общества, помещенных в изданиях общества. 256 с.

Историческая записка..., 1890 – Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования. М.: Синодальная типография, 1890. 305 с.

Каталог..., 1915 – Каталог Выставки XVI Всероссийского Археологического съезда 1914 года в Пскове, отмененного по случаю войны. Псков: Типография «Псковская жизнь», 1915. 88 с.

Клейн, 2011 – Клейн Л.С. История археологической мысли. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2011–2014. В 2-х тт.

Клейн, 2014 – Клейн Л.С. История Российской археологии: учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. 704 с.

Материалы..., 1911 – Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Императорским Московским археологическим обществом. М.: Типография Общества распространения полезных книг, 1911. 60 с.

Правила..., 1912 – Правила Шестнадцатого Археологического съезда в Пскове в 1914 г. и протоколы заседаний Предварительного комитета 2-6 января 1912 г. М.: Типография В.И. Воронова, Моховая против Манежа, дом кн. Гагарина, 1912. 32 с.

Смирнов, 2011 – Смирнов А. С. Власть и организация археологической науки в Российской империи. М.: Институт Археологии РАН, 2011. 588 с.

Устав..., 1864 – Устав Московского Археологического Общества: утвержден 19 сентября 1864 г. М.: Тип. Грачева и Ко, 1864. 11 с.

Устав..., 1877 – Устав Московского Археологического Общества: утвержден 19 февраля 1877 года. М.: Синодальная Типография, 1877. 23 с.

Федоров-Давыдов, 1987 – Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа, 1987. 215 с.

Формозов, 1961 – Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961. 128 с.

Формозов, 1984 – Формозов А.А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М.: Московский рабочий, 1984. 239 с.

Формозов, 1986 – Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М.: Наука, 1986. 240 с.

Формозов, 1990 – Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. М.: Советская Россия, 1990. 108 с.

Формозов, 1994 – Формозов А.А. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // Уваровские чтения - II. Муром, 21-23 апреля 1993 г. М.: ИВФ Антал, 1994.

Формозов, 2004 – Формозов А.А. Историография русской археологии на рубеже XX-XXI веков: (обзор книг, вышедших в 1997-2003 гг.). Курск: Издательство КГУ, 2004. 67 с.

Формозов, 2006 – Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: историографический очерк. М.: Знак, 2006. 341 с.

Формозов, 2007 – Формозов А.А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М.: Рукописные памятники Древней Руси: Изд. А. Кошелев, 2007. 183 с.

Формозов, 2011 – Формозов А.А. Рассказы об учёных. М.: Флинта, 2011. 122 с.

References

Fedorov-Davydov, 1987 – Fedorov-Davydov, G.A. (1987). Statisticheskie metody v arkheologii [Statistical methods in archeology.]. М.: Vysshaya shkola, 215 p. [in Russian]

Formozov, 1961 – Formozov, A.A. (1961). Ocherki po istorii russkoi arkheologii [Essays on the history of Russian archeology]. М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 128 p. [in Russian]

Formozov, 1984 – Formozov, A.A. (1984). Istorik Moskvyy I.E. Zabelin [The historian of Moscow I.E. Zabelin]. М.: Moskovskii rabochii, 239 p. [In Russian]

Formozov, 1986 – Formozov, A.A. (1986). Stranitsy istorii russkoi arkheologii [Pages of the History of Russian Archeology]. М.: Nauka, 240 p. [in Russian]

Formozov, 1990 – Formozov, A.A. (1990). Russkoe obshchestvo i okhrana pamyatnikov kulturey [Russian society and protection of cultural monuments]. М.: Sovetskaya Rossiya, 108 p. [in Russian]

- [Formozov, 1994](#) – *Formozov, A.A.* (1993). A.S. Uvarov i ego mesto v istorii russkoi arkheologii [A.S. Uvarov and his place in the history of Russian archeology]. *Uvarovskie chteniya - II*. Murom, 21-23 aprelya 1993 g. M.: IVF Antal. [in Russian]
- [Formozov, 2004](#) – *Formozov, A.A.* (2004). Istoriografiya russkoi arkheologii na rubezhe XX-XXI vekov: (obzor knig, vyshedshikh v 1997-2003 gg.) [Historiography of Russian archeology at the turn of the XX-XXI centuries: (review of books published in 1997-2003).]. Kursk: Izdatel'stvo KGU, 67 p. [in Russian]
- [Formozov, 2006](#) – *Formozov, A.A.* (2006). Russkie arkheologi v period totalitarizma: istoriograficheskii ocherk [Russian archaeologists in the period of totalitarianism: a historiographical essay]. M.: Znack, 341 p. [in Russian]
- [Formozov, 2007](#) – *Formozov, A.A.* (2007). Issledovateli drevnostei Moskvy i Podmoskov'ya [Researchers of antiquities of Moscow and the Moscow region.]. M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi: Izd. A. Koshelev, 183 p. [in Russian]
- [Formozov, 2011](#) – *Formozov, A.A.* (2011). Rasskazy ob uchenykh [Stories about scientists]. M.: Flinta, 122 p. [in Russian]
- [Imperatorskoe Moskovskoe..., 1915](#) – Imperatorskoe Moskovskoe arkheologicheskoe obshchestvo v pervoe pyatidesyatiletie ego sushchestvovaniya (1864–1914 gg.) [The Imperial Moscow Archaeological Society in the first fifty years of its existence (1864–1914)]. M., 1915. T. 2: Biograficheskii slovar' chlenov obshchestva. Spisok trudov chlenov obshchestva, pomeshchennykh v izdaniyakh obshchestva [Vol. 2: Biographical Dictionary of members of the society. A list of the works of the society's members published in the society's publications]. 1915. 256 p. [in Russian]
- [Istoricheskaya zapiska..., 1890](#) – Istoricheskaya zapiska o deyatel'nosti Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva za pervye 25 let sushchestvovaniya [Historical note on the activities of the Imperial Moscow Archaeological Society for the first 25 years of its existence]. M.: Sinodal'naya tipografiya, 1890. 305 p. [in Russian]
- [Katalog..., 1915](#) – Katalog Vystavki XVI Vserossiiskogo Arkheologicheskogo s'ezda 1914 goda v Pskove, otmenennogo po sluchayu voyny [Catalog of the Exhibition of the XVI All-Russian Archaeological Congress in 1914 in Pskov, cancelled on the occasion of the war]. Pskov: Tipografiya "Pskovskaya zhizn", 1915. 88 p. [in Russian]
- [Klein, 2011](#) – *Klein, L.S.* (2011). Istoriya arkheologicheskoi mysli [The History of archaeological thought]. SPb.: Izdatel'skii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011–2014. In 2 t. [in Russian]
- [Klein, 2014](#) – *Klein, L.S.* (2014). Istoriya Rossiiskoi arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti. T.1. Obshchii obzor i dorevolutsionnoe Vremya [The History of Russian Archeology: Teachings, Schools and personalities. Vol. 1. General overview and pre-revolutionary time]. SPb.: EVRAZIYa, 704 p. [in Russian]
- [Materialy..., 1911](#) – Materialy po voprosu o sokhranении drevnikh pamyatnikov, sobrannye Imperatorskim Moskovskim arkheologicheskim obshchestvom [Materials on the preservation of ancient monuments collected by the Imperial Moscow Archaeological Society]. M.: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, 1911. 60 p. [in Russian]
- [Pravila..., 1912](#) – Pravila Shestnadtsatogo Arkheologicheskogo s'ezda v Pskove v 1914 g. i protokoly zasedanii Predvaritel'nogo komiteta 2-6 yanvarya 1912 g. [Rules of the Sixteenth Archaeological Congress in Pskov in 1914 and minutes of the meetings of the Preliminary Committee on January 2-6, 1912]. M.: Tipografiya V.I. Voronova, Mokhovaya protiv Manezha, dom kn. Gagarina, 1912. 32 p. [in Russian]
- [Smirnov, 2011](#) – *Smirnov, A. S.* (2011). Vlast' i organizatsiya arkheologicheskoi nauki v Rossiiskoi imperii [The power and organization of archaeological science in the Russian Empire.]. M.: Institut Arkheologii RAN, 588 p. [in Russian]
- [Ustav..., 1864](#) – Ustav Moskovskogo Arkheologicheskogo Obshchestva: utverzhden 19 sentyabrya 1864 g. [Charter of the Moscow Archaeological Society: approved on September 19, 1864]. M.: Tip. Gracheva i Ko, 1864. 11 p. [in Russian]
- [Ustav..., 1877](#) – Ustav Moskovskogo Arkheologicheskogo Obshchestva: utverzhden 19 fevralya 1877 goda [Charter of the Moscow Archaeological Society: approved on February 19, 1877]. M.: Sinodal'naya Tipografiya, 1877. 23 p. [in Russian]

Деятельность Императорского Московского Археологического Общества по охране памятников в годы Первой мировой войны (по архивным материалам)

Юлия Георгиевна Кокорина ^{а, *}

^а Московский политехнический университет, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kokorina@inbox.ru (Ю.Г. Кокорина)

Аннотация. В данной работе рассматриваются особенности деятельности Императорского Московского Археологического общества в годы Первой мировой войны в одном аспекте, каким была охрана памятников древности. Памятники древних эпох гибнут во время военных конфликтов на протяжении всего XX в., поэтому проблема их сохранения представляется актуальной. Данная проблема в статье рассматривается на основе архивных материалов, которые впервые вводятся в научный оборот, в чем видится новизна данной работы. Анализ историографии показывает политическую направленность трудов советских историков, которые считали, что в Российской империи археология находилась вне внимания государства и сами археологи были немногочисленной замкнутой кастой ученых. Проведенное в данной статье исследование позволяет поколебать этот вывод. Российские археологи активно сопереживали союзникам, подвергшимся нападению Германии. Искренней болью звучат слова их обращений к руководителям государств и коллегам из ученых обществ. Была проведена активная подготовка к 16-му Археологическому Съезду, который был отменен из-за начала мобилизации. Московское Археологическое Общество развернуло активную деятельность по обеспечению сохранения памятников культуры России в губерниях, которые находились под угрозой оккупации. Несмотря на военные годы, оно проводило археологические раскопки и разведки, часто на свои средства. Граф Ф.А. Уваров выступил перед Государственным Советом с предложением законодательного оформления охраны древностей в России. Опыт взаимодействия государства и общественности по сохранению памятников археологии в годы военных конфликтов может оказаться востребованным в наши дни.

Ключевые слова: история России, Первая мировая война, история археологии, Московское Археологическое Общество, охрана памятников, графиня П.С. Уварова.